

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

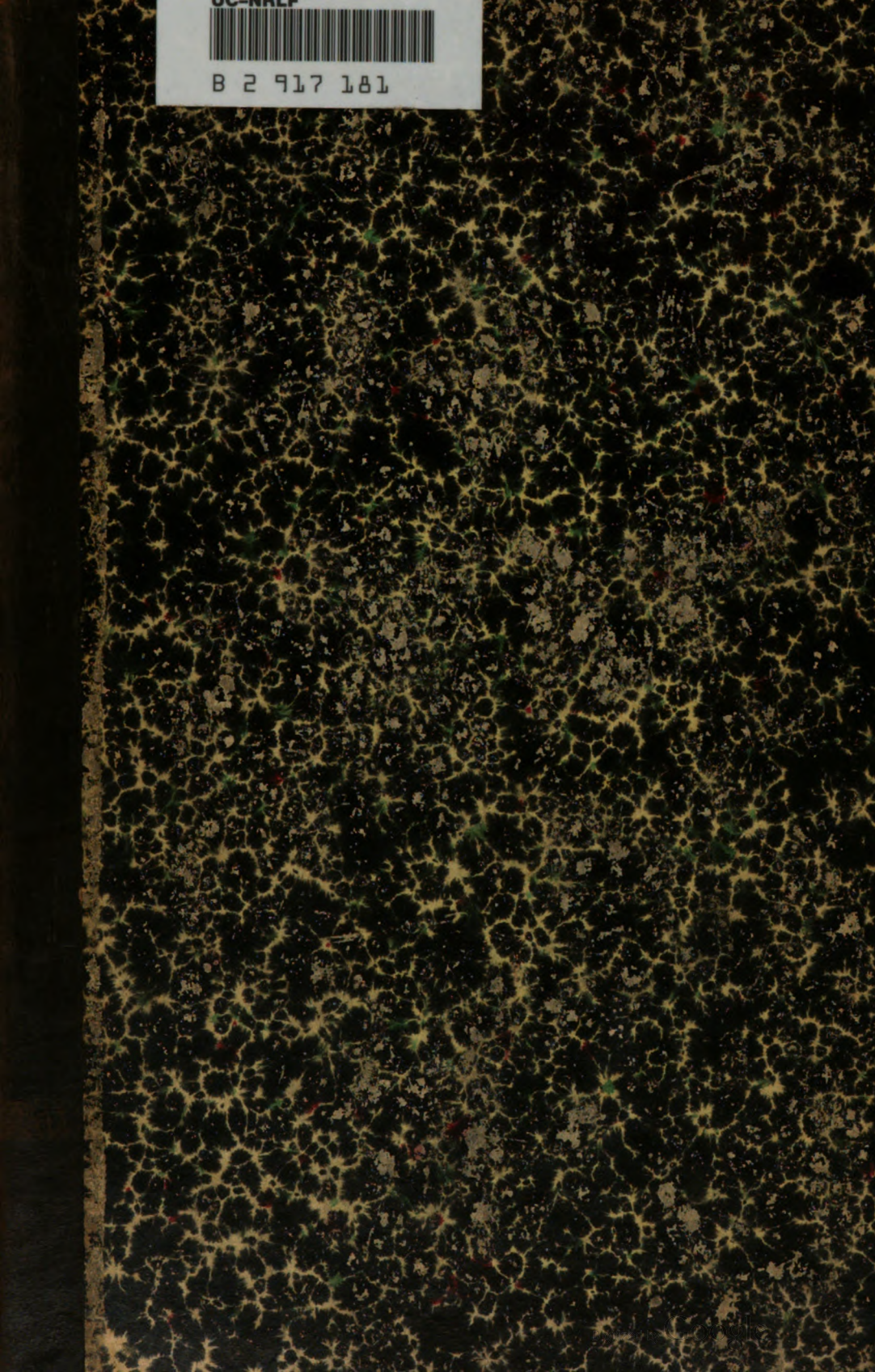
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

U-NAEP

B 2 917 181

21 ма.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАЙ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СЛХХІІІ.

5-6

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. БАЛАШЕВА, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Судьба астрономіи въ Китаѣ К. СКАЧКОВА.

Базанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи . . . А. И. АРТЕМЬЕВА.

Древне-русскія отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. III. (Окончаніе) Э. КЕРЕНСКАГО.

Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ М. Ф. ВЛАДИМИРСКАГО
Буданова.

Политическое устройство Германской имперіи. (Продолженіе). А. Д. ГРАДОВСКАГО.

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. (Окончаніе) А. М. ГЕЗЕНА.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1873 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: низшія училища.

Письмо изъ Парижа Л. Л — РА.

Отдѣлъ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1874.

L451
A4
v.173

TO VIND
ABSOLUTE

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (11-го февраля 1874 года). *О порядкѣ расходованія остаточныхъ суммъ въ начальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа.*

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о порядкѣ расходованія остаточныхъ суммъ въ начальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа, положилъ, въ измѣненіе и дополненіе статей 27-й и 28-й Высочайшаго указа 30-го августа (11-го сентября) 1864 года о начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ, постановить:

1) Приговоры сельскихъ и гминныхъ обществъ по предмету употребленія остатковъ отъ суммъ, принадлежащихъ имъ, начальныхъ училищъ, постановленные согласно ст. 18-й и 106-й указа 19-го февраля 1864 года объ устройствѣ сельскихъ гминъ, представляются на утвержденіе мѣстнаго начальника учебной дирекціи, при чемъ отзывъ о согласіи или несогласіи его на приговоръ долженъ быть сообщенъ обществу въ теченіи 30 дней со времени

полученія приговора. Если отзыва въ этотъ срокъ не послѣдовало, то приговоръ считается утвержденнымъ. На отказъ въ утвержденіи приговора общество можетъ, на общемъ основаніи, принести жалобу поочередно учебнаго округа.

2) Начальнику учебной дирекціи предоставляется, въ случаѣ необходимости, предлагать гминнымъ и сельскимъ обществамъ употребить остаточныя суммы ихъ начальныхъ училищъ на тѣ или другія оныхъ потребности. По полученіи такого предложенія, общество обязано составить по содержанию онаго приговоръ и если встрѣтитъ препятствіе къ исполненію предложенія, то представляетъ свой о томъ приговоръ начальнику учебной дирекціи, отъ котораго зависитъ, или согласиться съ онымъ, или, увѣдомивъ общество въ теченіе 30-ти дневнаго срока о своемъ несогласіи, представить дѣло на окончательное разрѣшеніе попечителя учебнаго округа.

3) Объ употребленіи остаточныхъ суммъ городскихъ начальныхъ училищъ на потребности этихъ училищъ, признаваемыя имъ настоятельными, начальникъ учебной дирекціи обращается къ мѣстному губернскому правленію.

Государь Императоръ на журналѣ комитета соизволяетъ написать собственноручно: «исполнить».

2. (11-го февраля 1874 года). *О примѣненіи къ реальнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа устава и штатовъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.*

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, рассмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о примѣненіи къ реальнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа устава и штатовъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, *полагалъ:*

I. Дѣйствіе Высочайше утвержденного 15-го мая 1872 г. устава реальныхъ училищъ вѣдомства министер-

ства народнаго просвѣщенія распространить, съ начала 18^{74/75} учебнаго года, на существующія нынѣ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ реальныя гимназіи въ Варшавѣ и Влоцлавскѣ и прогимназію въ Ловичѣ, съ слѣдующими въ означенномъ уставѣ измѣненіями:

1) Въ статьяхъ 5, 6, 10 и примѣчаніи къ ст. 35-й слова «земство» и «сословія» исключить.

2) Въ статьѣ 8-й исключить слова: «особый инспекторъ полагается вообще лишь въ тѣхъ реальныхъ училищахъ, при коихъ состоятъ пансіоны». Сообразно сему въ статьѣ 32-й слово «инспекторъ» замѣнить словами: «преподаватель, исправляющій должность инспектора», что относится и къ статьямъ 35, 36, 42, 43, 54, 56, 65, 68 и 72 съ 2-мъ примѣчаніемъ.

3) Исключить статьи: 10, 11, 66, 73—78 включительно о почетныхъ попечителяхъ, 79—84 включительно о попечительствѣ и пансіонерахъ при реальныхъ гимназіяхъ.

4) Примѣчанія 1 и 2 къ ст. 18 изложить такъ:

Примѣчаніе 1-е. Параллельныя отдѣленія учреждаются тамъ, гдѣ представится къ тому необходимость, на средства государственнаго казначейства.

Примѣчаніе 2-е. Преподаваніе въ параллельныхъ классахъ поручается или учителямъ основныхъ классовъ, или особо опредѣленнымъ для сего преподавателямъ; тѣмъ и другимъ назначается одинаковое вознагражденіе за ихъ уроки.

5) Примѣчаніе къ статьѣ 27-й измѣнить такъ: «Размѣръ платы за ученіе опредѣляется мѣстными педагогическими совѣтами, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія; таковая плата вносится полностью въ мѣстное казначейство въ установленные сроки».

Соотвѣтственно сему исключить ст. 29 и измѣнить статьи 39, 70 и 71, а также примѣчаніе къ ст. 81, упоминаемый въ коемъ

расходъ на экскурсіи и посѣщеніе учениками фабрикъ и фермъ относится на остатки штатныхъ суммъ.

6) Въ статьѣ 28 слова «пансіонеры училища» исключить.

7) Статью 45 изложить такъ: «Законоучители реальныхъ училищъ утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа: законоучитель православнаго исповѣданія—по предварительномъ одобреніи избираемаго лица мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, а законоучитель римско-католическаго исповѣданія—по такомъ же соглашеніи съ мѣстнымъ губернаторомъ и подлежащимъ епархіальнымъ начальствомъ».

8) Въ дополненіе къ статьѣ 52 постановить: «Преподавателямъ русскаго языка, какъ не входящимъ въ установленные этою статьею разряды, предоставляется званіе заслуженнаго, по выслугѣ ими съ усердіемъ и пользою пятнадцати лѣтъ въ учительскомъ званіи».

9) Къ статьѣ 60 добавить: «Врачъ реального училища есть вмѣстѣ и врачъ женской гимназіи и прогимназіи, находящихся въ томъ же городѣ, но получаетъ жалованье только по должности врача реального училища. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ, сверхъ реальныхъ училищъ, имѣются мужскія гимназіи и прогимназіи, обязанности по женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ распределяются между врачами мужскихъ такихъ же заведеній и врачами реальныхъ училищъ, по усмотрѣнію попечителя учебнаго округа.

10) Статью 88 измѣнить такъ: «Зданія учебнаго вѣдомства и городскія, занимаемыя реальными училищами, въ отношеніи квартирной повинности, какъ денежной, такъ и натуральной, а равно и другихъ податей, подчиняются существующимъ по сему предмету въ губерніяхъ Царства Польскаго постановленіямъ относительно всѣхъ вообще казенныхъ зданій».

11) Въ измѣненіе статьи 89 постановить: «Служація въ реальныхъ училищахъ лица, доколѣ состоятъ въ своихъ должно-

стяхъ въ присвоенныхъ имъ по штатамъ классахъ,—лица русскаго происхожденія, сверхъ преимуществъ, означенныхъ въ сводѣ зак. (изд. 1857 г.) т. III уст. о служб. по опред. отъ правит., пользуются правами предоставленными имъ Высочайше утвержденными въ 30-й день іюля 1867 г. правилами о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго; лица же не русскаго происхожденія пользуются правами, предоставленными уставомъ о службѣ гражданской въ Царствѣ Польскомъ».

12) Въ измѣненіе статьи 90 постановить: «Директоры реальныхъ училищъ, доколѣ занимаютъ сіи должности и если не имѣютъ чина выше, считаются въ V классѣ. Чиновники русскаго происхожденія, на основаніи ст. 3 и примѣчанія къ ней Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1867 г. правилъ о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, производятся въ чины за выслугу по сокращенному сроку, то-есть, однимъ годомъ ранѣе общаго 3-хъ и 4-хъ лѣтняго срока. При назначеніи ихъ на должности, чины, на основаніи тѣхъ же правилъ, въ соображеніе не принимаются».

13) Въ измѣненіе статьи 92 постановить: «Служащіе при реальныхъ училищахъ по учебной и воспитательной части, равно и семейства ихъ, пользуются относительно пенсій и единовременныхъ пособій: лица русскаго происхожденія—правами, изложенными въ Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1867 г. правилахъ о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго по учебной части; лица же не русскаго происхожденія—правами, предоставленными служащимъ по учебной части дѣйствующими въ губерніяхъ Царства Польскаго эмеритальными постановленіями».

Примѣчаніе къ статьѣ 92 исключить.

14) Въ измѣненіе статьи 93 постановить: «Лица, состоящіа на службѣ при реальныхъ училищахъ не по учебной или воспи-

тательной части, равно семейства ихъ, пользуются относительно пенсій и единовременныхъ пособій: лица русскаго происхожденія—правами, присвоенными русскимъ чиновникамъ Высочайше утвержденными 30-го іюля 1867 г. правилами, а лица не русскаго происхожденія—правами, предоставленными служащимъ по гражданской части, дѣйствующими въ губерніяхъ Царства Польскаго постановленіями».

15) Статью 94 дополнить такъ: «Къ лицамъ русскаго происхожденія, какъ вновь поступающимъ, такъ и переходящимъ изъ Имперіи на службу въ Царство Польское, вмѣсто предоставленнаго этою статьею права на полученіе третнаго не въ зачетъ жалованья, примѣняется ст. 1-я со 2-мъ къ оной примѣчаніемъ Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1867 г. правилъ о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, служащихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго».

16) Статью 96 измѣнить такъ: «Ученики, получившіе одобрительный аттестатъ объ окончаніи курса реального училища, при поступленіи на службу въ Имперіи, пользуются правами, присвоенными таковымъ ученикамъ по уставамъ о службѣ гражданской, дѣйствующимъ въ Имперіи, а поступающіе на службу въ Царство Польское—правами, опредѣленными уставомъ, дѣйствующимъ въ Царствѣ».

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія на будущее время, при открытіи въ Варшавскомъ учебномъ округѣ новыхъ реальныхъ училищъ, руководствоваться уставомъ 15-го мая 1872 года съ вышеизложенными измѣненіями.

III. Предоставить министру народнаго просвѣщенія составленную для реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа таблицу числа недѣльныхъ уроковъ ввести въ дѣйствіе.

IV. На покрытіе издержекъ, требующихся на преобразование въ реальные училища двухъ реальныхъ гимназій въ

Варшавѣ и Влоцлавскѣ и одной прогимназіи въ Ловичѣ, составляющихъ 62.184 руб. 48 коп., употребить *сорокъ семь тысячъ девятьсотъ сорокъ девять рублей сорокъ восемь копѣекъ*, отпускаемые на содержаніе нынѣшнихъ реальныхъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа; недостающіе же *четыренадцатъ тысячъ двести тридцать пять рублей* вносить съ начала 1875 г. въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а потребную въ 1874 г., по разчету времени, добавочную сумму, отпустить дополнительнымъ кредитомъ, съ отнесеніемъ оной на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

V. Штатъ реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа поднести на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

Государь Императоръ, на журналѣ комитета, 11-го февраля 1874 года, соизволилъ написать собственноручно: «*Исполнить*», представленный же при этомъ журналѣ проектъ штата реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа удостоенъ въ тотъ же день Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Въ С.-Петербургѣ, 11-го севраля 1874 г.

„Быть по сему“.

Ш Т А Т Ъ

реальныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа.

1) Штатъ шестиклассныхъ реальныхъ училищъ съ отдѣленіями основнымъ и коммерческимъ.

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе.		Классъ должности.	Разряды	
			Рубли.			Муштра.	Пенсія.
Директору (при казенной квартирѣ)	1	—	2.000		V	V	
Преподавателю, исправляющему должность инспектора (при казенной квартирѣ)	1	—	400		VI	VI	} По учебн. службѣ.
Законоучителю	1	10	700				
Учителямъ:							
Русскаго языка и словесности, логики, географіи и исторіи	2	40	3.400	}	VIII	VIII	} По учебной службѣ.
Новыхъ иностранныхъ языковъ	4	64					
Математики, механики и черченія	3	50					
Естественной исторіи, физики и химіи	1	20	9.990	}	VIII	VIII	
Рисованія	1	16					
Числописанія, книговодства и письмоводства	1	16					
Польскаго языка	1	10	500				
Класснымъ наставникамъ	6	—	960				
Ихъ помощникамъ (при казенной квартирѣ)	2	—	600		X	X	
Врачу	1	—	300		VIII	VIII	
На плату учителямъ пѣнія и гимнастики	—	—	500		—	—	
Письмоводителю или бухгалтеру	1	—	400		X	X	VIII
На канцелярскіе расходы	—	—	100		—	—	
На учебныя пособія	—	—	1.000				
Добавочное жалованье секретарю совѣта и бібліотекарю	—	—	240				
Итого	—	—	21,090				

Примѣчаніе 1-е. Въ реальныхъ училищахъ, высшіе классы коихъ состоятъ изъ одного лишь отдѣленія, исчисленный въ штатѣ расходъ уменьшается на 2.740 руб., при чемъ на учебныя пособія полагается 800 руб., директору 1.800 рублей; классныхъ же наставниковъ полагается 4.

Примѣчаніе 2-е. Съ упраздненіемъ, на основаніи ст. 2-й Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, двухъ низшихъ классовъ (I и II), расходъ уменьшится на 1.470 руб. по каждому классу, а съ упраздненіемъ и двухъ слѣдующихъ затѣмъ классовъ на 1.670 руб. по каждому изъ сихъ классовъ, соотвѣтственно уменьшенію въ такихъ училищахъ числа уроковъ и классныхъ наставниковъ и пониженію жалованья директора—на 150 руб., съ упраздненіемъ каждаго изъ сихъ классовъ, а также и уменьшенію суммы на учебныя пособія каждый разъ на 40 руб.

2) Штатъ дополнительнаго высшаго класса съ тремя отдѣленіями при ономъ.

	Число лицъ.	Число уроковъ.	Годовое содержаніе.
Добавочное содержаніе директору	—	—	200
Добавочное содержаніе исправляющему должность инспектора	—	—	200
Добавочное содержаніе законоучителю	—	2	140
Двумъ штатнымъ учителямъ	2	30	1,800
За 35 дополнительныхъ уроковъ	—	35	1,400
Класснымъ наставникамъ	2	—	320
Лаборанту	—	—	300
На учебныя пособія	—	—	350
Итого	—	—	4,710

Примѣчаніе 1-е. Съ упраздненіемъ, согласно ст. 4-й вышеупомянутаго устава, общаго отдѣленія дополнительнаго класса, необходимая на сей классъ штатная сумма уменьшается на 800 руб. (за 20 дополнительныхъ уроковъ); съ упраздненіемъ же механико-техническаго отдѣленія она уменьшается на 1.475 руб., а химико-техническаго—на 1.615 руб., при чемъ въ обоихъ случаяхъ однимъ учителемъ и однимъ класснымъ наставникомъ полагается менѣе, и на учебныя пособия назначается только 175 руб., а въ послѣднемъ случаѣ не полагается и особаго лаборанта; съ упраздненіемъ же обоихъ техническихъ отдѣленій штатная сумма уменьшается на 3.490 руб. и назначается лишь 1.220 руб. (1.080 руб. за 27 дополнительныхъ уроковъ общаго отдѣленія дополнительнаго класса, а также 140 руб. за 2 урока закона Божія).

Примѣчаніе 2-е. Лаборантъ состоитъ въ X классѣ по должности и по мундиру и по учебной службѣ.

Общая примѣчанія къ штатамъ: 1-е. Преподаватели раздѣляются по окладамъ получаемаго ими содержанія (ст. 52 того же устава) на 4 разряда (750, 900, 1.250 и 1.500 руб. за 15 уроковъ), съ вычетомъ, за каждый изъ недостающихъ до 15 уроковъ, въ соразмѣрности съ получаемымъ окладомъ. Правило это не распространяется на законоучителей, коимъ въ сихъ штатахъ положено особое опредѣленное жалованье, соразмѣрно съ числомъ ихъ уроковъ.

2-е. За каждый изъ дополнительныхъ (свыше 15) уроковъ полагается по 40 руб. въ годъ.

3-е. За каждый урокъ по чистописанію полагается по 40 руб. въ годъ.

4-е. Въ трехъ классныхъ и двухклассныхъ реальныхъ училищахъ, при коихъ не состоитъ коммерческихъ отдѣленій, преподается одинъ новый иностранный языкъ, и назначаемая на ихъ содержаніе сумма уменьшается въ трехклассныхъ училищахъ на 720 руб., а въ двухклассныхъ на 360 руб.

5-е. Въ случаѣ необходимости повышенія учителей, пользующихся наименьшимъ окладомъ, по выслугѣ ими пятилѣтія на ближайшій высшій окладъ и при недостаточности штатной суммы на покрытие сего расхода, недостающая сумма вносится въ смѣту расходовъ министерства народнаго просвѣщенія для отпуска изъ государственнаго казначейства.

6-е. Въ училищахъ, въ коихъ, согласно ст. 58-й вышеозначеннаго устава, будутъ назначены надзиратели (по два при семи, шести и пяти классахъ въ училищѣ и по одному при четырехъ классахъ), между ними распредѣляется положенная въ штатахъ сумма на вознагражденіе классныхъ наставниковъ и на жалованье ихъ помощникамъ. Должность сихъ надзирателей, равно какъ и воспитателей пансіоновъ, относится къ VIII классу, и имъ присвоиваются права и преимущества, указанныя въ статьяхъ 92 и 94 устава.

7-е. На содержаніе дома, по 1.340 руб. на каждое реальное училище о семи и шести классахъ и по 900 руб. на каждое училище о меньшемъ числѣ классовъ, назначается въ смѣтахъ общая сумма, распредѣленіе которой между отдѣльными училищами того и другаго рода предоставляется усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

Подписаль: предсѣдательствующій въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, генераль-адъютантъ *Милютинъ*.

На подлинномъ написано: „Настоящая таблица исправлена на основа тета но дѣламъ Царства Польскаго“.

Подписаль: За управляющаго дѣлами комитета, помощникъ ста

Т А Б
ЧИСЛА НЕДЕЛЬНЫХЪ УРОКОВЪ ВЪ РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ
СЪ ДОПОЛНИТЕЛЬ

ПРЕДМЕТЫ.	К Л А С С Ы.			
	I	II	III	IV
Законъ Божій	2	2	2	2
Русскій языкъ	6	4	4	4
Новый иностранный языкъ	—	6	5	5
Другой новый языкъ	—	—	6	6
Географія	2	2	2	2
Исторія	—	—	2	2
Числописаніе	4	2	—	—
Рисованіе и черченіе	6	4	4*)	4*)
Математика	4	4	4	4
Естественная исторія	—	—	—	—
Физика	—	—	—	—
Химія	—	—	—	—
Механика	—	—	—	—
Письмоводство и книговодство	—	—	—	—
Составленіе исполнительныхъ чертежей машинъ	—	—	—	—
Моделированіе	—	—	—	—
Землемѣріе и нивелировка	—	—	—	—
Общее строительное искусство	—	—	—	—
Счетоводство	—	—	—	—
Химическая технологія	—	—	—	—
Работы въ лабораторіи	—	—	—	—
Итого	24	24	29	29
Польскій языкъ для желающихъ	2	2	2	2
Всего	26	26	31	31

*) См. примѣчаніе 1-е къ сей таблицѣ.

и Высочайше утвержденного 11-го февраля 1874 года положенія комитета секретаря *М. Гурловъ*.

Л И Ц А

Варшавскаго учебнаго округа, съ двумя отдѣленіями и бытъмъ классомъ.

Отдѣленіе основное.			Классъ дополнительнаго отдѣленія.			Отдѣленіе коммерческое.		
V	VI	Всего въ VI классахъ.	Общее.	Механико-техническ.	Химико-техническ.	V	VI	Всего въ VI классахъ.
1	1	10	2	2	2	1	1	10
2	2	22	4	—	—	2	2	22
3	3	22	5	—	—	6	6	28
3	3	18	—	—	—	6	6	24
—	—	8	2	—	—	—	2	10
2	2	8	4	—	—	2	2	8
—	—	6	—	—	—	—	—	6
6*)	6*)	30	5	—	—	2	—	20
8	4	28	3	3	3	2	2	20
4	2	6	2	2	2	4	—	4
4	2	6	2	2	2	—	4	4
—	4	4		—	3	—	—	—
—	4	4	—	—	—	5	5	10
—	—	—	—	8	—	—	—	—
—	—	—	—	2	—	—	—	—
—	—	—	—	2	—	—	—	—
—	—	—	—	2	2	—	—	—
—	—	—	—	2	2	—	—	—
—	—	—	—	2	5	—	—	—
—	—	—	—	—	12	—	—	—
33	33	172	29	30	30	30	30	166
1	1	10	—	—	—	1	1	10
34	34	182	29	30	30	31	31	178

Примѣчаніе 1-е. Для желающихъ продолжать ученіе въ коммерческомъ отдѣленіи, равно какъ и для учениковъ онаго, обязательно изученіе двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ; всѣ же другіе ученики могутъ быть увольняемы отъ изученія другаго новаго языка и взамѣнъ того должны усиленно обучаться черченію и рисованію. Продолжающіе изученіе другаго новаго языка въ V и VI классахъ основнаго отдѣленія обучаются черченію и рисованію по 3 урока въ недѣлю и имѣютъ по 30 уроковъ въ недѣлю какъ и обучающіеся одному новому иностранному языку.

Примѣчаніе 2-е. Въ реальныхъ училищахъ могутъ быть преподаваемы языки французскій, нѣмецкій и англійскій.

Примѣчаніе 3-е. Къ числу учебныхъ предметовъ принадлежатъ пѣніе и гимнастика.

Примѣчаніе 4-е. Танцованію и музыкѣ обучаются желающіе за особую плату.

3. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи училища въ г. Балаганскѣ, Иркутской губерніи.*

Бывшій генераль-губернаторъ Восточной Сибири сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Балаганскій 1-й гильдіи купецъ Лейбовичъ, жертвуя деревянный домъ для мужскаго, съ женскимъ отдѣленіемъ, училища въ г. Балаганскѣ, Иркутской губерніи, и принимая на свои средства содержаніе этого училища въ теченіи трехъ лѣтъ, для чего имъ внесено 3.000 руб., ходатайствуетъ о наименованіи сказаннаго училища Именемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича, въ память проѣзда Его Высочества черезъ Сибирь, и что содержаніе означеннаго училища на дальнѣйшее время Балаганское городское общество принимаетъ на свой счетъ, съ отпускомъ на оное ежегодно также по 1.000 руб.

Генераль-адъютантъ Посыеть, съ которымъ было сдѣлано сношеніе по этому предмету, увѣдомилъ, что Его Императорское Высочество, всегда сочувствуя распространенію образо-

ванія, съ особымъ удовольствіемъ изъявляетъ съ своей стороны согласіе на наименованіе упомянутого училища Именемъ Его Высочества, если на это будетъ испрошено Высочайшее разрѣшеніе.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить купца Лейбовича.

4. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Новгородскихъ мужской и женской гимназіяхъ.*

Граждане г. Новгорода, желая выразить Новгородскому городскому головѣ, почетному гражданину Якову Ивановичу Журавлеву, признательность за его благоразумныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ городского управленія и полезную дѣятельность въ дѣлѣ народнаго образованія, собрали между собою по добровольной подпискѣ и внесли въ городской общественный банкъ на вѣчное время изъ 6¹/₂% капиталъ въ 750 руб. для учрежденія изъ процентовъ съ одной части этого капитала, составляющей триста пятьдесятъ руб., стипендіи имени Журавлева при Новгородской мужской гимназіи, а изъ процентовъ съ другой части, составляющей четыреста руб., стипендіи его же имени при Новгородской женской гимназіи, съ предоставленіемъ выбора стипендіатовъ и стипендіатовъ пожизненно Журавлеву, а послѣ него — городской думѣ.

На учрежденіе означенныхъ стипендій, по представленію объ этомъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, основанному на ходатайствѣ Новгородскаго губернатора и въ виду немѣннѣя препятствій со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастье всеподданнѣйше испрашивать Высочайшее Государя Императора соизволеніе. Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ жертвователей благодарить.

5. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи начальнаго народнаго училища въ с. Павшинѣ, Московскаго уѣзда.*

Московское уѣздное земское собраніе вошло съ ходатайствомъ объ учрежденіи на его счетъ въ селѣ Павшинѣ начальнаго народнаго училища, съ присвоеніемъ этому училищу Имени Государыни Великой Княгини Маріи Александровны, въ ознаменованіе радостнаго событія помолвки Ея Императорскаго Высочества съ герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ, съ дозволеніемъ при этомъ имѣть въ означенномъ училищѣ портретъ Ея Высочества.

На устройство и содержаніе въ 1874 г. помянутаго училища назначено земскимъ собраніемъ 3.000 руб., а въ случаѣ недостаточности этой суммы, Московская земская управа уполномочена израсходовать на этотъ предметъ еще до 400 руб. изъ суммъ земства; на содержаніе же училища въ послѣдующіе годы будетъ назначаться земствомъ до 800 руб. ежегодно.

О такомъ ходатайствѣ, сообщенномъ министру народнаго просвѣщенія министромъ внутреннихъ дѣлъ, было доведено министромъ народнаго просвѣщенія до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, и Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить Московское уѣздное земство отъ Имени Его Величества:

6. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи и ежегодныхъ пособій въ Московскомъ университетѣ.*

Одинъ благотворитель, желающій остаться неизвѣстнымъ, вошелъ въ совѣтъ Московскаго университета съ прошеніемъ, при которомъ представилъ въ 5% бумагахъ капиталъ въ 3.000 руб. и особо въ такихъ же бумагахъ — въ 1.500 руб., а всего четыре тысячи пятьсотъ руб., прося объ учрежденіи при упомянутомъ университетѣ, на первый капиталъ въ 3.000 руб. одной стипендіи на медицинскомъ факультетѣ, подъ названіемъ: «Констан-

тино-Варваринской», а на второй капиталъ въ 1.500 руб. учредить единовременныя пособія для окончившихъ курсъ трехъ студентовъ медицинскаго факультета.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго пожертвованія, такъ и на учрежденіе изъ процентовъ онаго одной стипендіи и единовременныхъ ежегодныхъ пособій, съ наименованіемъ оныхъ «Константино-Варваринскими».

7. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендій при училищѣ Евангелическо-Лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербурѣ.*

Умершій въ 1870 году губернской секретарь Фридрихъ Гартохъ по духовному завѣщанію, составленному 1-го августа 1853 года и засвидѣтельствованному въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ 30-го іюля 1871 года, назначилъ, между прочимъ, 3% всего своего состоянія, для учрежденія стипендій въ пользу неимущихъ, но подающихъ надежды воспитанниковъ училища при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербурѣ, которыхъ число, выборъ и сумма вспомошествованія вполнѣ должны быть предоставлены усмотрѣнію совѣта Евангелическо-Лютеранской церкви св. Анны, съ тѣмъ, чтобъ этимъ стипендіямъ было присвоено наименованіе стипендій Фридриха Гартоха. Капиталь, поступившій по настоящее время изъ имущества завѣщателя на этотъ предметъ въ распоряженіе церковнаго совѣта, какъ душеприкащика по означенному завѣщанію, заключается въ 6% бн-летахъ непрерывнаго дохода, составляющихъ всего, по номинальной цѣнѣ, 7.500 руб.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день февраля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при училищѣ Евангелическо-Лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербурѣ, на условіяхъ, изложенныхъ въ духовномъ завѣщаніи Гартоха, стипендій,

на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго капитала въ 7.500 руб., съ присвоеніемъ симъ стипендіямъ наименованія стипендій отставнаго губернскаго секретаря Фридриха Гартоха.

8. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи штабсъ-капитана Баранцева.*

Вдова штабсъ-капитана Баранцева Елисавета Николаевна и сестра его Глафира Ивановна Кирсанова пожертвовали въ распоряженіе Щигровскаго земства капиталъ въ *три тысячи руб.*, для учрежденія изъ процентовъ съ онаго одной стипендіи покойнаго Николая Ивановича Баранцева, бывшаго председателемъ съѣзда мировыхъ судей Щигровскаго округа, съ тѣмъ, чтобы стипендіатъ этотъ, избираемый Щигровскою земскою управой, обучался послѣдовательно: сначала въ одномъ изъ сельскихъ училищъ Щигровскаго уѣзда, затѣмъ въ одномъ изъ низшихъ учебныхъ заведеній, а послѣ того въ гимназіи или равномъ оной учебномъ заведеніи, и наконецъ, въ университетѣ.

По порученію Щигровскаго земскаго собранія, уѣздная земская управа вошла по этому предмету съ ходатайствомъ къ Курскому губернатору, представленіе котораго объ этомъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ передано на усмотрѣніе и распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія.

По всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу объ учрежденіи означенной стипендіи, Государю Императору, въ 25-й день февраля сего года, благоугодно было Высочайше на сіе соизволить и повелѣть жертвовательницъ благодарить.

9. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Николаевскомъ реальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день февраля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго отставнымъ полковникомъ Евдокимо-

вымъ капитала въ 1.500 руб., одной стипендіи при Николаевскомъ реальномъ училищѣ съ присвоеніемъ оной наименованія: «стипендія отставного полковника Федора Михайловича Евдокимова».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить полковника Евдокимова.

10. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Ливенскомъ реальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день февраля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Ливенскомъ реальномъ училищѣ, согласно ходатайству Ливенскаго уѣзднаго земскаго собранія, на счетъ мѣстнаго земства, двухъ стипендій, по 200 руб. каждая, съ присвоеніемъ онымъ наименованій одной «стипендія Ливенскаго земства», а другой—«стипендія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сергѣя Сергѣевича Иванова».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить Ливенское уѣздное земское собраніе.

11. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Сызранскомъ реальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день февраля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Сызранскомъ реальномъ училищѣ, на счетъ городскихъ средствъ, десяти стипендій, въ 200 руб. каждая, съ наименованіемъ пяти изъ нихъ «стипендіями министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго», трехъ «стипендіями бывшаго товарища министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Давыдовича Делянова» и двухъ «стипендіями попечителя Казанскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Петра Дмитриевича Шестакова».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить Сызранскую городскую думу.

12. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Елатомской прогимназіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день февраля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Елатомской прогимназіи, на счетъ процентовъ съ капитала въ 2.000 руб., изъ коихъ 1.300 руб. собраны Елатомскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, а 700 руб. пожертвованы предсѣдателемъ земскаго собранія М. В. Неклюдовымъ, одной стипендіи, съ присвоеніемъ оной наименованія «стипендія камергера двора Его Императорскаго Величества Аполлона Ивановича Граве».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть: благодарить Елатомское уѣздное земское собраніе и предсѣдателя онаго.

13. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Николаевской Маріинской женской гимназіи.*

Отставной полковникъ Федоръ Евдокимовъ, пожертвовавъ Николаевской Маріинской женской гимназіи 1.750 руб., ходатайствовалъ, чтобъ изъ причитающихся на эту сумму процентовъ была учреждена при гимназіи стипендія имени Авилины Алексѣевны Евдокимовой, для взноса платы за ученіе одной, отличающейся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, бѣдной дѣвицы, православнаго исповѣданія, русскаго происхожденія, и для приобрѣтенія для нея учебныхъ пособій.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25 й день февраля сего года, Высочайше соизволивъ на приведеніе означеннаго ходатайства въ исполненіе, Всемилостивѣйше повелѣлъ благодарить жертвователя.

14. (25-го февраля 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Кременчугскомъ реальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день февраля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Кременчугскомъ реальномъ училищѣ, на счетъ Кременчугской городской думы, одной стипендіи, въ 250 руб., для воспитанія одного мѣльчика изъ бѣдныхъ мѣщанъ г. Кременчуга, съ присвоеніемъ оной наименованія «стипендія Платона Александровича Антоновича».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоудно было повелѣть благодарить Кременчугскую городскую думу.

15. (25-го февраля 1874 года). *По вопросу о преимуществѣхъ по службѣ преподавателей и преподавательницъ приготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій отъ министерства народнаго просвѣщенія.*

Въ § 31-мъ нынѣ дѣйствующаго положенія 24-го мая 1870 года о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія изъяснено, что для обученія русской грамотѣ при каждомъ изъ названныхъ учебныхъ заведеній можетъ быть учреждаемъ приготовительный классъ тамъ, гдѣ окажется въ томъ необходимость.

Затѣмъ въ положеніи не имѣется указаній: могутъ ли лица, имѣющія право преподавать въ нормальныхъ классахъ женскихъ гимназій и прогимназій, пользоваться правами службы по чиновному производству и на пенсію, предоставляемыми имъ § 42 означеннаго положенія, въ томъ случаѣ, если они будутъ преподавать только въ приготовительныхъ при нихъ классахъ; равнымъ образомъ — могутъ ли въ этихъ классахъ преподавать приходскіе учителя, съ предоставленіемъ имъ тѣхъ же служебныхъ правъ, при условіи установленнаго вычета изъ ихъ жалованья въ пенсионный для приходскихъ учителей капиталъ. Вслѣдствіе возникшихъ

отъ неразъясненія сихъ вопросовъ въ положеніи на практикѣ затрудненій, министерствомъ народнаго просвѣщенія были затребованы предварительно отзывы отъ всѣхъ попечителей учебныхъ округовъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на означенныхъ отзывахъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Предоставить преподавателямъ и преподавательницамъ приготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій въ домства министерства народнаго просвѣщенія, если они по образованію своему подходятъ подъ условія, изложенныя въ § 42 положенія о сихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 24-го мая 1870 года, тѣ же права по службѣ и на пенсію, которыя дарованы симъ параграфомъ преподавателямъ и преподавательницамъ нормальныхъ классовъ означенныхъ учебныхъ заведеній.

2) Допускать къ преподаванію въ приготовительныхъ классахъ женскихъ гимназій и прогимназій, въ случаѣ надобности, и лицъ, имѣющихъ только званіе приходскаго городскаго учителя, съ предоставленіемъ симъ лицамъ правъ по службѣ и на пенсію наравнѣ съ приходскими учителями.

и 3) Пенсіи поименованнымъ въ п. 2-мъ лицамъ назначать изъ находящагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія пенсіоннаго для приходскихъ учителей капитала.

16. (18-го марта 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ.*

Начальство Московскаго учебнаго округа донесло министру народнаго просвѣщенія, что директоръ Ярославскаго общественаго банка, Ярославскій 1-й гильдіи купецъ А. А. Топлениновъ, возымѣлъ мысль учредить при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ стипендію въ память сохраненія Божиимъ Промисломъ жизни Его Императорскаго Величества Государя Императора 25-го мая 1867 года въ Парижѣ, на проценты съ ка-

птала въ 2:000 руб., образовавшагося изъ отчисленій известной части прибыли упомянутаго банка на капиталъ жертвователя.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ какъ на принятіе пожертвованнаго Топленниковымъ капитала въ 2.000 руб., такъ равно и на учрежденіе при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ стипендіи, съ наименованіемъ оной: «стипендію въ память сохраненія Божіимъ Промысломъ жизни Государя Императора 25-го мая 1867 года въ Парижѣ», при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

17. (18-го марта 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Сызранскомъ реальномъ училищѣ.*

Сызранская городская дума, въ засѣданіи отъ 9-го марта 1873 года, постановила ходатайствовать, въ память заботъ и попеченій о потребностяхъ города покойнаго Сызранскаго городского головы Леднева, объ учрежденіи при Сызранскомъ реальномъ училищѣ, на счетъ городскихъ средствъ, стипендіи въ 200 руб. въ годъ, для обученія одного изъ бѣдныхъ учениковъ этого училища, съ присвоеніемъ наименованія: «стипендія Алексѣя Ивановича Леднева».

Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить Сызранскую городскую думу.

18. (18-го марта 1874 года). *О наименованіи открытаго въ г. Вольскъ втораго мужскаго приходскаго училища «Александровскимъ».*

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Вольская, Саратовской губерніи, городская дума, опредѣливъ, въ ознаменованіе дня введенія Высочайше утвержденнаго 16-го іюня 1870 г. городского положенія, открыть въ

г. Вольскѣ второе мужское приходское училище, обратилась съ ходатайствомъ о разрѣшеніи наименовать сіе училище «Александровскимъ» въ честь Высочайшаго Имени.

Помянутое училище открыто 6-го декабря 1873 г.; на содержаніе его отпускается Вольскою городскою думою 861 руб. 75 к. въ годъ; учебно-воспитательная и матеріальная часть училища находится въ удовлетворительномъ состояніи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше на сіе соизволилъ и Всемилостивѣйше повелѣлъ благодарить Вольскую городскую думу.

19. (18-го марта 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Херсонской учительской семинаріи.*

Попечитель Одесскаго учебнаго округа сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что землевладѣлецъ Херсонской губерніи и уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Михайлъ Агарковъ, пожертвовалъ Херсонскому уѣздному земству 400 десятинъ земли, съ тѣмъ, чтобы на счетъ доходовъ съ этого имущества учреждены были при Херсонской учительской семинаріи министерства народнаго просвѣщенія, на все время ея существованія, двѣ стипендіи имени жертвователя, для обученія и содержанія въ семинаріи двухъ воспитанниковъ изъ крестьянскаго сословія, и чтобы, въ случаѣ упраздненія названной семинаріи, доходы съ земли обращались на приготовленіе учителей для народныхъ училищъ въ другихъ соответствующихъ заведеніяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, Высочайше на сіе соизволилъ и Всемилостивѣйше повелѣлъ благодарить жертвователя.

20. (18-го марта 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университетѣ.*

Петербургское собраніе сельскихъ хозяевъ, котораго главная задача содѣйствовать успѣхамъ сельскаго хозяйства въ Россіи, по

случаю исполнившагося въ минувшемъ году десятилѣтіи со времени его открытія, желая принять свое посильное участіе въ дѣлѣ агрономическаго образованія, постановило ходатайствовать объ учрежденіи при физико-математическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, на счетъ ежегодныхъ доходовъ собранія, двѣ стипендіи, одну въ 300 руб., а другую въ 500 руб., съ тѣмъ, чтобы первую стипендію выдавать тому изъ студентовъ означеннаго факультета, который, кромѣ естественныхъ наукъ, избереть своею спеціальностью и агрономію, а вторую въ 500 р. тому изъ кандидатовъ того же факультета, который, по окончаніи курса, заявитъ университету о своемъ желаніи готовиться къ экзамену на степень магистра агрономіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія о семъ докладу, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургскомъ университетѣ, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, двухъ стипендій С.-Петербургскаго собранія сельскихъ хозяевъ, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

21. (18-го марта 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Оренбургской мужской гражданской гимназій.*

Оренбургская городская дума, по случаю столѣтняго юбилея со дня кончины бывшаго начальника Оренбургскаго края И. И. Неплюева, учредившаго въ Оренбургѣ Неплюевскую военную гимназію, постановила ходатайствовать объ учрежденіи при Оренбургской мужской гражданской гимназій, на городскія средства, стипендіи для дѣтей города Оренбурга, для чего и вносить ежегодно причитающуюся сумму въ роспись городскихъ расходовъ.

Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ и повелѣлъ благодарить Оренбургскую городскую думу.

22. (19-го марта 1874 года). *Объ учрежденіи учительской семинаріи въ г. Несвижѣ, Минской губерніи, Слуцкаго уѣзда.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ учрежденіи учительской семинаріи въ г. Несвижѣ, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Предсѣдатель государственнаго совѣта

КОНСТАНТИНЪ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи учительской семинаріи въ г. Несвижѣ, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, *мнѣніемъ положила:*

1. Открыть, съ начала 1874/75 учебнаго года, въ г. Несвижѣ (Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи) учительскую семинарію, предоставивъ министерству народнаго просвѣщенія примѣнить къ сему учебному заведенію Высочайше утвержденные 17-го марта 1870 г. положеніе и штатъ Молодечнянской учительской семинаріи, съ возвышеніемъ лишь размѣра стипендій казеннокоштнымъ воспитанникамъ до 95 руб. на каждаго стипендіата.

2. Потребный на содержаніе Несвижской учительской семинаріи расходъ, въ количествѣ *пятнадцати тысячъ семисотъ десяти руб.*, вносить, начиная съ 1875 г., въ подлежащее подраздѣленіе расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, съ присоединеніемъ къ суммамъ, ассигнуемымъ на содержаніе учительскихъ семинарій.

3. Несвижское приходское училище обратить въ начальное при открываемой семинаріи училище.

4. Изъ открываемыхъ по смѣтамъ министерства народнаго просвѣщенія кредитовъ исключить ассигнуемые на содержаніе

Несвижскаго приходскаго училища 197 руб., обративъ оныя въ пополненіе 15.710 руб., требующихся на содержаніе Несвижской учительской семинаріи, при чемъ остальные 15.513 руб. принять новымъ расходомъ на счетъ государственнаго казначейства;

и 5. Для покрытія, въ текущемъ году, потребныхъ на содержаніе Несвижской учительской семинаріи расходовъ, по разчету съ 1-го іюля сего года, употребить *девяносто восемь руб. пятьдесятъ коп.* изъ ст. 1 § 10 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1874 годъ, а остальную сумму, въ половинномъ размѣрѣ, именно *семь тысячъ семьсотъ пятьдесятъ шесть руб. пятьдесятъ коп.*, ассигновать въ отпуску изъ государственнаго казначейства, дополнительнымъ кредитомъ, на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (16-го февраля 1874 года). *Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Мозьрской прогимназій.*

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Ссудо-сберегательная касса учреждается съ цѣлію доставить возможность добровольнымъ ея участникамъ: 1) помѣщать въ ней на сбереженіе извѣстную долю изъ своего содержанія и 2) дѣлать въ ней займы при временной надобности въ деньгахъ.

§ 2. Участниками кассы могутъ быть всѣ лица, служація по министерству народнаго просвѣщенія въ г. Мозьрѣ.

§ 3. Вступленіе въ члены кассы и оставленіе ея не ограничивается никакими сроками и вполне предоставляется на волю каждаго.

§ 4. Каждый участникъ кассы обязанъ внести первоначально не менѣе 10% своего мѣсячнаго жалованья и затѣмъ ежемѣсячно вносить по 3% со всего получаемаго имъ содержанія.

§ 5. Всякій членъ имѣеть право дѣлать заемъ въ кассѣ срокомъ не болѣе, какъ на полгода, уплачивая за это 1% въ мѣсяцъ съ занятой суммы.

§ 6. Возвратъ занятой суммы на полгода производится ежемѣсячно по $\frac{1}{6}$ части занимаемой суммы, и новый заемъ не иначе можетъ быть сдѣланъ, какъ по прошествіи 3-хъ мѣсяцевъ послѣ перваго займа. Если заемъ дѣлается на мѣсяцъ, то и выплачивается по истеченіи мѣсяца.

§ 7. Заемъ не долженъ превышать суммы, составившейся изъ взносовъ занимающаго и его полумѣсячнаго жалованья.

§ 8. Желаящіе сдѣлать заемъ заявляютъ о томъ кассиру, по возможности до 20-го числа каждаго мѣсяца, и если поступившія требованія превышаютъ наличную сумму кассы, то заемщики удовлетворяются пропорціонально заявленной суммѣ.

§ 9. Для облегченія расчетовъ заемъ дѣлается цѣлыми рублями; проценты на сумму менѣ рубля не считаются.

§ 10. Въ маѣ мѣсяцѣ всѣ накопившіеся проценты раздѣляются между членами кассы пропорціонально ихъ вкладамъ, при чемъ отчисляется $\frac{1}{10}$ процентныхъ денегъ въ запасную сумму.

§ 11. При накопленіи суммъ въ кассѣ, на деньги, въ которыхъ не предвидится надобности для выдачи ссудъ, приобрѣтаются процентныя бумаги.

§ 12. Всѣ суммы кассы и процентныя бумаги передаются въ кредитныя учрежденія; часть наличныхъ денегъ, по усмотрѣнію членовъ кассы, на непредвидимые случаи, хранится на рукахъ кассира.

§ 13. Могущіе часть выигрыши на принадлежащіе кассѣ билеты внутреннихъ займовъ или другіе подобнаго рода, если они не превысятъ за одинъ разъ 1.000 рублей, дѣлятся на общемъ основаніи между членами кассы въ опредѣленное для этого время, если же сумма выигрыша за одинъ разъ превышаетъ 1.000 руб., то она раздѣляется тотчасъ по полученіи между участвующими въ составленіи кассы не менѣе года, пропорціонально всей суммѣ

ихъ вкладовъ по 1-е число того мѣсяца, въ которомъ происходитъ тиражъ.

§ 14. Выбывшій изъ числа членовъ кассы получаетъ всѣ свои вклады вмѣстѣ съ процентами, которые причитаются на его долю.

§ 15. Для завѣдыванія кассой и счетоводствомъ ежегодно избираются большинствомъ голосовъ изъ числа членовъ кассирь и одинъ кандидатъ къ нему.

§ 16. Никто изъ членовъ кассы не имѣетъ права отказываться отъ избранія для завѣдыванія кассой, исключая инспектора и тѣхъ, которые уже разъ занимали эти должности, или по особу уважительнымъ причинамъ.

§ 17. Ежемѣсячно, предъ выдачею жалованья, кассирь составляетъ вѣдомость о томъ, сколько слѣдуетъ удержать изъ жалованья каждаго члена въ кассу, и передаетъ ее кому слѣдуетъ для исполненія. Въ то же время составляется вѣдомость вкладовъ и займовъ, которая, равно какъ и касса, повѣряется членами. Въ общемъ собраніи членовъ кассы, созываемомъ въ каждую треть, опредѣляется большинствомъ голосовъ, по указанію опыта, способъ храненія наличныхъ суммъ и процентныхъ бумагъ, сроки повѣрки счетовъ и наличности кассы и время представленія отчетности.

§ 18. Расходы по кассѣ покрываются изъ запаснаго капитала.

§ 19. Въ случаѣ смерти члена, всѣ числящіеся на немъ вклады передаются наслѣдникамъ его, а если наслѣдниковъ нѣтъ, то они обращаются въ запасной капиталъ кассы.

§ 20. Въ случаѣ смерти вкладчика, имѣющаго въ кассѣ долгъ, который не можетъ быть покрытъ изъ причитающагося ему жалованья, долгъ этотъ покрывается изъ запаснаго капитала и изъ процентовъ, слѣдуемыхъ членамъ кассы.

§ 21. Капиталь, образовавшійся изъ необязательныхъ вкладовъ, если потребуется вкладчикомъ раньше кассоваго года, выдается ему тотъ же часъ безъ процентовъ; по истеченіи же кассоваго года, на него выдаются и проценты, если онъ былъ въ оборотѣ.

§ 22. Въ случаѣ растраты суммъ, принадлежащихъ кассѣ, виновные подвергаются отвѣтственности на основаніи общихъ законовъ.

§ 23. Въ случаѣ прекращенія существованія кассы, всѣ суммы ея съ процентами и съ запаснымъ капиталомъ раздѣляются между членами соразмѣрно ихъ вкладамъ.

§ 24. Наблюденіе за правильнымъ и точнымъ исполненіемъ статей настоящаго устава возлагается на членовъ кассы, какъ полныхъ хозяевъ личной своей собственности.

2. (23-го февраля 1874 года). *Циркулярное предложеніе начальства учебныхъ округовъ въ разъясненіе § 25 устава реальныхъ училищъ* ¹⁾.

По § 25 устава реальныхъ училищъ воспитанники гимназій и прогимназій принимаются въ соответствующіе классы реальныхъ училищъ безъ экзамена. Между тѣмъ, такіе ученики могутъ не обучаться въ гимназій и прогимназій тому новому языку, который въ реальномъ училищѣ, куда они переходятъ, считается обязательнымъ.

Въ виду сего и вслѣдствіе возбужденнаго начальствомъ одного учебнаго округа вопроса по сему предмету, считаю нужнымъ сообщить для надлежащаго исполненія, что ученики гимназій и прогимназій, поступающіе въ реальные училища съ знаніемъ необходимаго въ томъ училищѣ новаго языка, могутъ продолжать заниматься этимъ языкомъ въ училищѣ, который для нихъ долженъ быть обязательенъ; знаніе же обоихъ новыхъ языковъ слѣдуетъ требовать лишь отъ тѣхъ учениковъ, которые желаютъ поступить въ коммерческое отдѣленіе.

¹⁾ Подлежитъ исполненію на основаніи циркулярнаго предложенія отъ 6-го сентября 1866 года, напечатаннаго въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за сентябрь мѣсяцъ того года.

3. (2-го марта 1874 г.). *Положеніе о стипендіи и единовременныхъ пособіяхъ подъ названіемъ: «Константино-Варваринскихъ».*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

На пожертвованный Императорскому Московскому университету капиталъ въ 5% бумагахъ въ *четыре тысячи пятьсотъ* рублей, благотворителемъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, учреждаются при семъ университетѣ: одна стипендія и единовременныя пособія на слѣдующихъ условіяхъ:

I. Стипендія.

1) На проценты съ капитала въ 3.000 руб. учреждается одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го февраля 1874 года, именуется: «Константино-Варваринскою».

2) Стипендія выдается, начиная со втораго курса, одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ медицинскаго факультета, кореннаго русскаго происхожденія и преимущественно изъ купческаго или мѣщанскаго сословія Московской губерніи.

3) На 2-мъ и 3-мъ курсахъ стипендіатъ получаетъ изъ % съ капитала стипендію въ размѣрѣ 120 руб. въ годъ, а на 4-мъ и 5-мъ курсахъ по 180 руб. въ годъ.

4) Стипендіатъ, не перешедшій на слѣдующій курсъ по болѣзни или иной уважительной причинѣ, не лишается стипендіи.

5) Назначеніемъ стипендіи завѣдуетъ медицинскій факультетъ.

II. Единовременныя пособія.

1) Проценты съ капитала въ 1.500 руб., именующагося на основаніи того же Высочайшаго повелѣнія «Константино-Варваринскимъ», ежегодно выдаются тремъ оканчивающимъ курсъ медикамъ (по 25 руб. каждому), на первоначальное обзаведеніе.

2) Выдачи эти назначаются по жребію тремъ бѣднѣйшимъ студентамъ, окончившимъ съ успѣхомъ полный курсъ медицины и притомъ лицамъ кореннаго русскаго происхожденія.

3) Къ вынудію жребія на эти пособія не допускаются лица, получавшія въ университетѣ казенную стипендію.

4) Назначеніемъ, по жребію, этихъ пособій завѣдуетъ также медицинскій факультетъ.

4. (16-го марта 1874 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ.*

Для ознакомленія учителей начальныхъ народныхъ училищъ съ лучшими способами обученія, для обновленія и пополненія свѣдѣній сихъ учителей въ преподаваемыхъ ими предметахъ и вообще для усовершенствованія ихъ въ дѣлѣ веденія начального образованія, въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи, въ томъ числѣ и въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, устраиваются ежегодно, съ моего разрѣшенія, учительскіе съѣзды или, что тоже, краткосрочные педагогическіе курсы, отрываемые обыкновенно по ходатайствамъ земства, городскихъ думъ и управъ или училищныхъ совѣтовъ.

Разсматривая отчеты объ этихъ съѣздахъ, поступающіе въ министерство народнаго просвѣщенія, я не могъ не обратить вниманія на слѣдующія стороны въ устройствѣ названныхъ курсовъ: 1) на нихъ почти всегда бываетъ только по одному руководителю или преподавателю, 2) срокъ курсовъ рѣдко продолжается болѣе двухъ недѣль, и 3) курсы происходятъ, или при такихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ задачу которыхъ не входитъ приготовленіе учителей для народныхъ училищъ, или же въ всякаго отношенія къ какому бы то ни было учебному заведенію; при заведеніяхъ же, имѣющихъ спеціальною своею задачею приготовленіе учителей, то-есть, при учительскихъ семинаріяхъ, педагогическіе съѣзды почти никогда не бывають.

Нельзя отрицать, что педагогическіе съѣзды, устраиваемые и при указанныхъ обстоятельствахъ, могутъ приносить извѣстную долю пользы тѣмъ учителямъ, которые посѣщаютъ таковыя съѣзды; но я убѣжденъ, что съѣзды эти сопровождались бы болѣе благотворными послѣдствіями для ихъ слушателей, если бы названные

сѣзды учреждались при учительскихъ семинаріяхъ, которыя по самой задачѣ и устройству своему представляли бы для нихъ гораздо болѣе благопріятныя условія въ педагогическомъ отношеніи, чѣмъ другія какія-либо учебныя заведенія. Въ случаѣ осуществленія этой мѣры, труды преподаванія и руководство на сѣздахъ были бы раздѣляемы между нѣсколькими педагогами, что несомнѣнно усугубило бы пользу, приносимую сѣздами, въ особенности, если бы при этомъ и самый срокъ занятій въ курсахъ былъ назначаемъ болѣе продолжительный, приблизительно отъ 4 до 6 недѣль. Такое убѣжденіе вполне подтверждается опытомъ, сдѣланнымъ, по моему распоряженію, въ Варшавскомъ учебномъ округѣ, гдѣ учительскіе сѣзды устраиваются именно на выраженныхъ мною основаніяхъ. Кромѣ того, устройство учительскихъ сѣздовъ при семинаріяхъ можетъ установить между сими заведеніями и учителями начальныхъ училищъ, посѣщающими сѣзды, живую связь, которая послужитъ къ несомнѣнной пользѣ для той и другой сторонѣ.

Посему я желалъ бы, чтобъ и во ввѣренномъ вашему превосходительству учебномъ округѣ названные учительскіе сѣзды были, по мѣрѣ возможности, устраиваемы какъ при мѣстныхъ учительскихъ семинаріяхъ правительственныхъ, такъ и при тѣхъ изъ земскихъ, въ коихъ вы это изволите признать удобнымъ, съ тѣмъ, чтобы на таковыхъ сѣздахъ руководителями или преподавателями были наставники семинарій и учителя начальныхъ при нихъ училищъ при участіи директоровъ оныхъ, чтобы программы и распределеніе занятій на сѣздахъ были составляемы педагогическими совѣтами семинарій, и чтобы деньги, назначаемыя обыкновенно учредителями сѣздовъ на вознагражденіе руководителей оныхъ, по соглашенію съ учредителями, были распределяемы между должностными лицами семинарій, которыя будутъ заниматься на сѣздахъ.

Сообщая о вышеизложенномъ вашему превосходительству, для руководства, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, поставить о семъ въ извѣстность какъ инспекторовъ народныхъ

училищъ подвѣдомаго вамъ округа, дабы они, въ случаѣ ходатайствъ, объ открытіи педагогическихъ сѣздовъ, предлагали учредителямъ оныхъ — не признаютъ ли они возможнымъ устроить сѣзды на указанныхъ основаніяхъ при мѣстныхъ учительскихъ семинаріяхъ, такъ и начальства сихъ заведеній, дабы они съ своей стороны оказывали содѣйствіе къ возможно лучшей постановкѣ педагогическихъ сѣздовъ.

При этомъ считаю не излишнимъ присовокупить, что настоящимъ предложеніемъ нисколько не измѣняется существующій порядокъ разрѣшенія учительскихъ сѣздовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что наблюденіе за сѣздами, открываемыми при правительственныхъ учительскихъ семинаріяхъ, и представленіе отчетовъ о результатахъ сихъ сѣздовъ, должно быть возлагаемо на директоровъ упомянутыхъ семинарій, вмѣсто инспекторовъ народныхъ училищъ.

Б. (23-го марта 1874 года). *Циркулярное предложеніе попочетителямъ учебныхъ округовъ.*

Изъ поступающихъ въ министерство народнаго просвѣщенія представленій начальствъ учебныхъ округовъ и прилагаемыхъ къ нимъ приговоровъ сельскихъ обществъ, а также постановленій земскихъ учрежденій объ открытіи двухклассныхъ и одноклассныхъ начальныхъ народныхъ училищъ министерства съ пособіемъ отъ казны, видно, что сельскія общества и земскія учрежденія, заявляющія желаніе имѣть означенныя училища, почти всегда ограничиваютъ свое участіе въ устройствѣ и содержаніи таковыхъ училищъ только уступкою земли подъ училище, принятіемъ на свой счетъ расходовъ по ремонту училищныхъ зданій, отопленію, освѣщенію и застрахованію ихъ, а также по найму прислуги; средства же на остальныя издержки по содержанію училищъ, какъ-то: на жалованье преподавателямъ, на приобрѣтеніе учебныхъ пособій, на обученіе ремесламъ и проч., составляющія болѣе значительную часть расходовъ по содержанію училищъ, равно какъ на постройку домовъ для помѣщенія училищъ,

испрашиваются названными обществами и учреждениями и начальствами округовъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе чего окружныя начальства входятъ постоянно съ представленіями о назначеніи симъ училищамъ ежегодныхъ пособій изъ суммъ министерства въ размѣрѣ 1.000 руб. для двухклассныхъ и по 226 руб. для одноклассныхъ училищъ. Обстоятельство это даетъ поводъ предполагать, что сельскія общества, земскія учрежденія и мѣстныя училищныя начальства считаютъ вышеозначенныя цифры узаконенною нормою назначенія пособій изъ суммъ казны на содержаніе двухъ и одноклассныхъ училищъ и притомъ полагаютъ, что постройка училищныхъ помѣщеній должна производиться преимущественно на средства министерства.

Находя такой взглядъ на дѣло не согласнымъ съ точнымъ смысломъ дѣйствующихъ узаконеній о двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, и принимая во вниманіе, что, при ограниченности ассигнуемаго въ распоряженіе министерства кредита на предметы по народному образованію, расходованіе сего кредита на пособия по устройству училищъ должно быть строго соображаемо съ дѣйствительными нуждами и матеріальными средствами населенія Имперіи, я поворнѣйше прошу ваше превосходительство разъяснить директорамъ или инспекторамъ училищъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа: 1) что оклады 1.000 руб. и 226 руб. составляютъ лишь *высшіе* размѣры пособій, какіе могутъ быть назначаемы министерствомъ въ добавокъ къ суммамъ, ассигнуемымъ мѣстными обществами и земствами на содержаніе двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ, но не должны считаться за постоянную норму для таковыхъ пособій; 2) что пособия въ означенныхъ высшихъ размѣрахъ могутъ быть испрашиваемы только съ случаѣ особенной, по какимъ-либо причинамъ, важности избраннаго пункта при крайней бѣдности сельскаго общества и при положительной невозможности открыть одноклассное училище безъ пособія именно въ этомъ, а не меньшемъ размѣрѣ; 3) что

поэтому сельскія общества и земскія учрежденія, ходатайствующія объ устройствѣ названныхъ училищъ съ пособіемъ отъ казны, должны быть приглашаемы къ участию въ расходахъ какъ по хозяйственной части училищъ, такъ и по вознагражденію преподавателей и другимъ издержкамъ по учебной части, а равно въ постройкѣ училищныхъ помѣщеній, и 4) что вообще, чѣмъ значительнѣе будетъ участіе сказанныхъ обществъ и учреждений въ устройствѣ и содержаніи училищъ, тѣмъ они вѣрнѣе могутъ разчитывать на успѣхъ ихъ ходатайства.

6. (2-го апрѣля 1874 года). *Копія съ циркулярнаго предложенія г. министра народнаго просвѣщенія и попечителямъ учебныхъ округовъ.*

По поводу производства испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ въ истекшемъ 1873 году, частію въ отчетахъ о сихъ испытаніяхъ, частію въ отдѣльныхъ представленіяхъ, были возбуждены въ различныхъ учебныхъ округахъ различные вопросы и высказаны различныя предположенія относительно примѣненія въ будущемъ утвержденныхъ мною 8-го декабря 1872 года правилъ объ испытаніяхъ. Въ виду приближающагося времени испытаній зрѣлости въ настоящемъ учебномъ году и въ устраненіе всякаго рода недоразумѣній, могущихъ возникнуть по этому предмету, имѣю честь предложить вашему превосходительству нижеслѣдующія указанія.

1. По § 52-му правилъ объ испытаніяхъ.

1) Сôхраняя въ силѣ всѣ предписанія этой статьи, я прошу васъ, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій министерства, назначать однѣ и тѣ же задачи и темы для всѣхъ гимназій вѣреннаго вамъ округа, строжайше соблюдая изложенное въ той статьѣ правило, чтобы для письменнаго исполненія этихъ задачъ и темъ экзаменующимся были одни и тѣ же дни по каждому предмету во всѣхъ гимназіяхъ округа. Назначеніе однихъ и тѣхъ же темъ

и задачъ для всѣхъ гимназій округа я признаю необходимымъ до времени, когда новыя правила объ испытаніяхъ зрѣлости возьмѣютъ полную силу въ сознаніи всѣхъ членовъ педагогическихъ совѣтовъ нашихъ гимназій.

2) Въ случаѣ, если бы въ какой-либо гимназій, по какимъ либо совершенно особымъ обстоятельствамъ (какъ на примѣръ, по причинѣ необходимости приступить сколь можно скорѣе къ перестройкѣ и исправленіямъ занимаемаго ею здапія) было невозможно произвести письменное испытаніе по какому-либо предмету въ одинъ и тотъ же день съ прочими гимназіями округа, то для такой гимназій должны быть предложены особыя темы или задачи, и объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ такую мѣру, должно быть сообщено въ отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости.

3) Назначеніе запасныхъ темъ и задачъ указано въ п. и § 55 правилъ, изъ коего явствуетъ, что эти запасныя темы и задачи могутъ быть предлагаемы, въ теченіе назначеннаго для испытанія зрѣлости времени, лишь тѣмъ изъ экзаменующихся, которые заболѣли бы въ продолженіе своей письменной работы, если испытательная комиссія не предпочтетъ вовсе отложить имъ испытаніе до слѣдующаго года, и потому отнюдь не слѣдуетъ допускать употребленія запасныхъ темъ и задачъ ни въ какихъ другихъ случаяхъ.

4) Предлагая одни и тѣ же задачи и темы для всѣхъ гимназій округа, необходимо, при выборѣ этихъ темъ и задачъ, въ точности слѣдовать указаніямъ §§ 51 и 52, относительно темы для русскаго сочиненія и отрывковъ для перевода на латинскій и греческій языки, и п. д § 67, относительно задачъ по математикѣ. При назначеніи этихъ темъ и задачъ, необходимо имѣть въ виду не отличнѣйшихъ учениковъ лучшихъ въ округѣ гимназій, а обращаться лишь съ среднимъ уровнемъ, достигаемымъ по каждому предмету всѣми вообще гимназіями округа.

II. По § 53-му правилъ.

б) Предписаніе этой статьи должно быть сохранено во всей своей силѣ, и одна и та же общая для всѣхъ экзаменующихся тема или задача должна быть предлагаема всѣмъ экзаменующимся одновременно. Допущеніе троякаго рода темъ и задачъ (для полученія 5, 4 и 3-хъ балловъ) было бы, во первыхъ, излишне, ибо лучшіе ученики и на общедоступной темѣ или задачѣ несомнѣнно покажутъ всѣ пріобрѣтенныя ими преимущества, а вовторыхъ, и чрезвычайно неудобно, ибо диктовка этихъ темъ, задачъ или отрывковъ для переводовъ напрасно отнимала бы время у учениковъ, выборъ между ними для многихъ учениковъ былъ бы затруднителенъ и сопровождался бы напрасными колебаніями, нерѣдко неудачными попытками рѣшенія болѣе трудныхъ задачъ, потерю времени, каковыя обстоятельства могли бы повлечь за собою совершенно неудачный исходъ испытанія даже и для хорошихъ учениковъ, и наконецъ, разсмотрѣніе и правильная оцѣнка работъ были бы въ значительной степени и безъ всякой надобности затруднены для испытательныхъ комиссій и для попечительскихъ совѣтовъ.

III. По § 54-му правилъ.

б) Въ отчетахъ по тремъ учебнымъ округамъ и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ представленіяхъ отъ учебныхъ начальствъ тѣхъ же округовъ заявлено желаніе, чтобы на письменное испытаніе было назначено большее число часовъ въ каждый день, особенно же на письменное испытаніе по математикѣ. По тщательномъ разсмотрѣніи сихъ отчетовъ, я пришелъ къ убѣжденію, что заявленія эти вызваны или тѣмъ, что письменное испытаніе по всѣмъ четыремъ отдѣламъ математики было сосредоточено въ одинъ день, тогда какъ § 54 допускаетъ и раздѣленіе этого испытанія на два дня, съ назначеніемъ въ каждый день до трехъ часовъ на это испытаніе, или же и еще болѣе тѣмъ, что задачи и темы не были достаточно соображены съ временемъ, назначеннымъ для ихъ вы-

полненія, и, напримѣръ, двѣ задачи изъ четырехъ по математикѣ требовали сложныхъ вычисленій съ большими числами. Съ своей стороны я признаю неудобнымъ назначеніе большого числа часовъ на производство письменнаго испытанія по какому-либо предмету, ибо это клонилось бы только къ напрасному обремененію для учениковъ: назначенныхъ въ § 54 пяти часовъ на русское сочиненіе, трехъ часовъ на латинскій и трехъ же на греческій языки, трехъ часовъ на ариметику и геометрію и трехъ же на алгебру и тригонометрію совершенно достаточно для обнаруженія учениками тѣхъ познаній и той степени умственной зрѣлости, какія требуются § 67 правилъ по упомянутымъ предметамъ, если только начальство учебнаго округа строго сообразить назначаемыя имъ темы съ силами учениковъ, согласно вышеизложенному указанію подъ цифрою 4, и съ временемъ, назначеннымъ для исполненія этихъ темъ и задачъ. Такъ, напримѣръ, очевидно, что нѣтъ никакой надобности въ двухъ математическихъ задачахъ, требующихъ сложныхъ вычисленій съ большими числами, и совершенно было бы достаточно одной такой задачи для того, чтобы, согласно съ п. д § 67, удостовѣриться въ навыкѣ и надлежащей внимательности учениковъ въ производствѣ вычисленій.

IV. По § 55 правилъ.

7) Самое точное и строгое соблюденіе всѣхъ предписаній статьи я прошу васъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность директорамъ и всѣмъ членамъ испытательныхъ комиссій гимназій вѣреннаго вамъ округа. Предписанія эти, — какъ совершенно основательно было замѣчено въ попечительскомъ совѣтѣ Московскаго учебнаго округа, — не суть педантическія или канцелярскія формальности, отъ неисполненія которыхъ не можетъ пострадать сущность дѣла; напротивъ, они всѣ имѣютъ существенное для дѣла значеніе, и потому необходимо, чтобы все педагогическое сословіе гимназій прониклось сознаніемъ какъ важности письменнаго испытанія, такъ и необходимости самаго точнаго исполненія

правиль, для этого испытанія предписанныхъ. Въ сущности всѣ эти предписанія совершенно ясны и опредѣлительны. Тѣмъ не менѣе считаю не излишнимъ дополнить лишь нижеслѣдующіе пункты § 55.

П. в. Бумага со штемпелемъ гимназiи и за подписью директора должна быть выдаваема ученикамъ какъ для черновой работы, такъ и для переписки ея набѣло.

П. г. Въ случаѣ выхода кого-либо изъ учениковъ изъ экзаменационной залы, наблюдатель отмѣчаетъ подъ послѣднею написанною строкой поданной ему работы, когда ученикъ вышелъ и когда онъ снова возвратился, такъ чтобы члены испытательной комиссіи могли судить, какъ была продолжаема начатая имъ работа.

Пп. д, ж и з. Лица, наблюдающія за письменнымъ испытаніемъ (по одному на 10 экзаменующихся), обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы каждая отдѣльная работа была сначала вся окончена въ-чернѣ, а затѣмъ переписана и немедленно подана, при чемъ въ точности отмѣчаютъ время подачи оной, и чтобы на испытаніи изъ математики, гдѣ по меньшей мѣрѣ дѣлаются двѣ работы въ одинъ день, каждый ученикъ по представленіи одной работы принимался за другую, и затѣмъ по окончаніи всѣхъ работъ этого дня, немедленно удалялся изъ залы.

П. и. Ученикамъ, заболѣвшимъ передъ экзаменомъ или во время экзамена, буде не могутъ подвергнуться испытанію въ теченіе назначеннаго для испытанія зрѣлости времени, испытаніе откладывается на годъ. Но въ самыхъ рѣдкихъ и наиболѣе уважительныхъ случаяхъ педагогическимъ совѣтамъ предоставляется ходатайствовать передъ министерствомъ черезъ посредство ваше о назначеніи дополнительнаго экзамена послѣ лѣтней вакаціи. Въ истекшемъ году былъ лишь одинъ подобный случай; число же всѣхъ лицъ, коимъ по болѣзни было отсрочено испытаніе было: 3 гимназиста, 5 постороннихъ и 1 въ частной гимназiи.

V. По § 56 правилъ.

8) Порядокъ разсмотрѣнія письменныхъ работъ экзаменуемыхъ въ точности опредѣленъ въ означенной статьѣ, и надлежитъ требовать непремѣннаго соблюденія онаго какъ отъ преподавателя предмета въ VII классѣ, такъ и отъ всѣхъ прочихъ членовъ испытательной комиссіи. Преподаватель, первый подавая голосъ о письменной работѣ и тѣмъ оказывая несомнѣнное вліяніе на дальнѣйшую ея критику, обязанъ не только указать ошибки, но и самъ исправить ихъ на поляхъ, и затѣмъ обстоятельно изложить, въ какой мѣрѣ работа соотвѣтствуетъ требованіямъ, указаннымъ въ § 67 правилъ, и въ какомъ отношеніи она находится къ прежнимъ работамъ ученика и вообще къ успѣхамъ его въ предметѣ. Само собою разумѣется, что исправленіямъ подлежатъ отдѣльные слова и обороты, а также и вычисления, но что въ русскихъ сочиненіяхъ нельзя требовать исправленія цѣлыхъ, болѣе или менѣе обширныхъ мѣстъ, и достаточно подчеркнуть ихъ и на поляхъ пояснить, въ чемъ заключается погрѣшность. Что же касается до прочихъ членовъ испытательной комиссіи, то каждый изъ нихъ обязанъ, разсмотрѣвъ письменную работу ученика, отмѣтить на ней, съ какими изъ мнѣній и указаній преподавателя онъ не согласенъ (буде окажутся таковыя мнѣнія и указанія), и дополнить эти мнѣнія и указанія своими (буде имѣеть сдѣлать какія-либо дальнѣйшія замѣчанія).

9) Для правильности сужденій какъ депутата отъ учебнаго начальства, такъ и впослѣдствіи попечительскаго совѣта, каждому экзаменуемому должно быть вмѣнено въ обязанность на каждой изъ представляемыхъ имъ работъ помѣчать вслѣдъ за подписью своей фамиліи, состоитъ ли онъ ученикомъ старшаго или младшаго отдѣленія VII класса, или же принадлежитъ къ числу постороннихъ лицъ.

VI. По § 66 правилъ.

10) Въ одномъ изъ попечительскихъ совѣтовъ былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли для оцѣнки познаній ученика по

математикѣ, на основаніи письменныхъ его работъ, выводить средній выводъ изъ четырехъ отмѣтокъ за каждую изъ четырехъ отдѣльныхъ письменныхъ работъ, считая при этомъ среднюю отмѣтку въ 3 за удовлетворительную, но съ тѣмъ, чтобы баллъ 1 не былъ допускаемъ ни въ одномъ изъ 4-хъ отдѣловъ математики. Одобривъ вполне это предположеніе и предлагая выраженное въ немъ правило къ руководству по всѣмъ учебнымъ округамъ, я считаю не излишнимъ дополнить его предложеніемъ, чтобы при устномъ испытаніи ученика, имѣющаго не совсѣмъ удовлетворительную отмѣтку (2) въ какомъ либо изъ отдѣловъ математики за письменную свою работу, было обращено особенное вниманіе на познанія его въ этомъ именно отдѣлѣ, и что только при вполне удовлетворительныхъ отвѣтахъ его изъ этого отдѣла такого ученика испытательная комиссія можетъ признать удовлетворившимъ требованіямъ п. д § 67, при чемъ протоколъ объ устномъ испытаніи такого ученика долженъ быть веденъ съ особенною обстоятельностью.

11) Въ устраненіе недоразумѣнія, высказаннаго въ отчетѣ по другому учебному округу, считаю нужнымъ обратить особенное вниманіе на то, что въ § 66 правилъ совершенно выяснено, что достоинству письменныхъ работъ должно быть придаваемо наибольшее значеніе, а затѣмъ достоинству устныхъ отвѣтовъ, и наконецъ, уже заявленіямъ преподавателей о степени умственнаго развитія и успѣховъ экзаменовавшагося по предметамъ каждаго изъ нихъ, — заявленіямъ, подтвержденнымъ, конечно, указаніями на годовыя отмѣтки ученика и на прежнія его письменныя работы, которыя при семъ и должны быть представлены испытательной комиссіи, — и только на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ выставляется одна общая отмѣтка по каждому предмету, при чемъ особенно принимается во вниманіе, можно ли экзаменовавшагося, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, и слѣдовательно, преимущественно на основаніи письменныхъ его работъ на испытаніи, признать зрѣлымъ, то-есть, удовлетворившимъ требованіямъ § 67 правилъ. При этомъ само собою разумѣется, что оцѣнка

письменныхъ работъ, а равно и устныхъ отвѣтовъ, должна быть производима на основаніи только этихъ письменныхъ работъ или устныхъ отвѣтовъ по принадлежности; видоизмѣненіе же этой оцѣнки на основаніи прежнихъ успѣховъ ученика должно быть прямо оговорено въ окончательномъ рѣшеніи, принятомъ относительно того ученика, и случаи подобнаго рода должны быть сообщаемы въ отчетахъ вашихъ объ испытаніяхъ зрѣлости. Премущественное значеніе письменнаго испытанія достаточно указывается и § 59 правилъ, въ силу котораго экзаменующійся не допускается къ устному испытанію для полученія аттестата или свидѣтельства зрѣлости, если какая либо изъ письменныхъ его работъ не удовлетворитъ требованіямъ § 67.

12) Могущія возникнуть разногласія при оцѣнкѣ устныхъ отвѣтовъ достаточно разрѣшаются на основаніи прежде всего письменныхъ работъ ученика и затѣмъ показаній о немъ преподавателей; по тѣмъ же предметамъ, по коимъ производится только устное испытаніе, разногласія должны быть разрѣшаемы въ пользу экзаменующагося, если письменныя его работы несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что онъ достигъ достаточной степени умственной зрѣлости.

VII. По § 71.

13) Хотя въ § 77 и не упомянуто прямо, что при письменныхъ работахъ учениковъ должны быть прилагаемы и черновыя ихъ бумаги при представленіи оныхъ въ управленіе учебнаго округа, но это явствуетъ какъ изъ предписанія § 55, п. д, такъ и изъ существа самаго дѣла, такъ какъ справки съ черновыми бумагами весьма часто бываютъ необходимы для рѣшенія весьма важныхъ вопросовъ при оцѣнкѣ письменныхъ работъ какъ о самомъ ихъ производствѣ, такъ и о томъ, слѣдуетъ ли считать встрѣчаемыя въ нихъ ошибки за описки, или же за погрѣшности, происшедшія отъ дѣйствительнаго незнанія. А потому письменныя работы всѣхъ экзаменовавшихся должны быть препровождаемы въ управленіе округа съ непремѣннымъ приложеніемъ къ каждой изъ нихъ и черновыхъ бумагъ.

14) Въ § 71 точно также упомянуто о разсмотрѣніи письменныхъ работъ лицъ, признанныхъ зрѣлыми, окружнымъ управленіемъ, безъ дальнѣйшаго упоминанія о попечительскомъ совѣтѣ въ цѣломъ его составѣ, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ подало поводъ къ предположенію, будто бы къ разсмотрѣнію этому должны быть привлекаемы только окружные инспекторы. Предположеніе это не имѣетъ достаточнаго основанія, какъ это видно изъ того: 1) что къ окружному управленію принадлежать и попечительскіе совѣты, и изъ того 2) что п. 7-мъ приложенія къ § 71 прямо говорится, что въ отчетахъ попечителей учебныхъ округовъ объ испытаніяхъ зрѣлости сообщаются въ министерство, между прочимъ, и заключенія попечительскихъ совѣтовъ о письменныхъ работахъ лицъ, признанныхъ зрѣлыми. Разсмотрѣніе письменныхъ работъ этихъ лицъ или участіе въ этомъ разсмотрѣніи членовъ попечительскихъ совѣтовъ какъ отъ мѣстнаго университета, такъ и другихъ директоровъ гимназій, я нахожу во всѣхъ отношеніяхъ необходимымъ тѣмъ болѣе, что нынѣ, съ отмѣною повѣрочныхъ испытаній въ самомъ университетѣ для лицъ, имѣющихъ свидѣтельство или аттестатъ зрѣлости отъ гимназій, письменныя работы этихъ лицъ представляются единственнымъ средствомъ для предварительнаго ознакомленія университета съ тѣми результатами, коихъ достигаютъ гимназіи, и съ тѣми слушателями, коихъ онѣ доставляютъ университету. Имѣю честь просить васъ обратить особенное вниманіе на важность этого дѣла какъ университетскихъ совѣтовъ, такъ и самыхъ членовъ попечительскихъ совѣтовъ отъ университета, отъ коего, по § 2 Высочайше утвержденнаго 20-го марта 1860 года положенія о совѣтахъ при попечителяхъ учебныхъ округовъ, въ составъ сихъ совѣтовъ, кромѣ ректора и двухъ декановъ, должно быть непременно шесть профессоровъ, въ томъ числѣ по древнимъ языкамъ, по русскому языку и словесности, и по математикѣ.

Относительно же времени представленія въ министерство заключеній попечительскихъ совѣтовъ о письменныхъ работахъ

лицъ, признанныхъ зрѣлыми, я разрѣшаю отсрочивать оноѳ въ случаѣ надобности до возобновленія учебнаго года въ университетахъ и въ такомъ случаѣ самый отчетъ можетъ быть представляемъ въ два раза, а именно прежде всего свѣдѣнія, выражаемыя въ числовыхъ данныхъ въ формѣ таблицъ, а за тѣмъ и всѣ остальные, какъ только состоятся заключенія попечительскаго совѣта о письменныхъ работахъ лицъ, признанныхъ зрѣлыми.

VIII. По § 24 правилъ.

Что же касается до испытаній переводныхъ въ нынѣшнемъ году, то я считаю не излишнимъ пояснить, что испытанія эти при переводѣ изъ IV-го въ V-й и изъ VI-го въ VII-й классъ должны быть произведены примѣнительно къ тѣмъ программамъ и учебнымъ планамъ, коимъ слѣдовали каждая прогимназія и каждая гимназія въ истекшее четырехлѣтіе или шестилѣтіе, и при томъ изъ пройденнаго въ предшествовавшихъ классахъ надлежитъ требовать отъ учениковъ только знаніе существенно-важнаго по каждому предмету.

СУДЬБА АСТРОНОМІИ ВЪ КИТАѢ.

I.

Съ первой половины настоящаго столѣтія въ школьныхъ учебникахъ, по которымъ многіе изъ насъ учились, твердили намъ, что для изученія китайскаго языка недостаточно жизни человѣческой, что въ Китаѣ правленіе деспотическое, что Китайцы знаменитые астрономы. На сколько справедливы первыя два мнѣнія, мы, быть можетъ, будемъ имѣть досугъ поговорить впоследствии, а на сей разъ скажемъ только, что жизнь человѣческая по сію пору не сокращалась на срокъ 20 — 25 лѣтъ, въ который можно успѣть сдѣлаться синологомъ, только бы было на то достаточно терпѣнія и способности; что Китайцы, живя въ своихъ стѣнахъ, въ совершенномъ застоѣ, не знаютъ, и никогда прежде не испытывали, зауряднаго деспотизма, о чемъ намъ свидѣтельствуетъ ихъ длинная исторія. Чтожь касается до мнѣнія о знаменитости китайскихъ астрономовъ, то мы займемся теперь же подробнымъ отвѣтомъ на него.

Странное дѣло! Уже пошло второе десятилѣтіе, какъ, благодаря пушкамъ и дипломатіи, Китай сталъ вполне открытъ для любознательныхъ ученыхъ и неученыхъ; почти всѣми отраслями его промышленности овладѣли торговцы; почти всѣ отрасли его наукъ открыли свои окна для синологовъ: только до его астрономіи никто не хочетъ прикоснуться.

На вопросъ, когда и кто убѣдилъ Европу въ знаменитости китайскихъ астрономовъ, мы можемъ дать удовлетворительный отвѣтъ. Европу убѣдили въ томъ не сами Китайцы, а европейскіе писатели. Извѣстно, что въ прошломъ столѣтіи, болѣе чѣмъ въ нынѣшнемъ писали о Китаѣ и о Китайцахъ, и писателями этими были по преимуществу

іезуиты, жившіе тогда въ Китаѣ. Они-то успѣли возбудить ученый интересъ и къ китайской астрономіи.

Не должно забывать, что въ прошедшемъ столѣтіи въ Китаѣ происходила дѣятельная пропаганда католицизма. Французское правительство, будучи правою рукою папы, посылало туда свои лучшія умственные силы. Къ проповѣдникамъ Евангелія оно присоединяло и ученыхъ іезуитовъ, полагая, что они, просвѣтивъ Китайцевъ и изучивъ Китай, тѣсно свяжутъ эту имперію съ Франціей. Между такими пионерами-просвѣтителями въ теченіе прошлаго столѣтія было тридцать шесть болѣе или менѣе извѣстныхъ астрономовъ, почти все Французы. Но оказалось, что расчеты французскаго правительства, руководимаго знаменитымъ Кольберомъ, не оправдались.

Обойдемъ молчаніемъ тѣ фиктивные успѣхи, которыми въ то время ознаменовалась евангельская дѣятельность католическихъ миссіонеровъ. Достаточно сказать, что они проповѣдывали слово Божіе всуе. И дѣйствительно, легкое ли дѣло людямъ, едва знающимъ Китайцевъ и ихъ языкъ, передѣлать ихъ натуру, сотворить изъ Китайца новаго человѣка, внушить ему евангельскія истины, когда онъ на своемъ родномъ языкѣ не имѣетъ ни слова, ни понятія о Богѣ, когда его матеріализмъ превышаетъ всѣхъ нашихъ школъ матеріалистовъ. На столько же были напрасны усилія іезуитовъ и поучать Китайцевъ. Объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ французская литература прошлаго столѣтія, наполненная свѣдѣніями о Китаѣ.

Кто знакомъ съ нею коротко, тотъ вѣроятно согласится съ нами, что почти все написанное іезуитами о Китаѣ было очень велерѣчиво, но почти во всемъ написанномъ было мало такого, что могло бы охарактеризовать Китайцевъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ дѣйствительности, не въ нарядныхъ своихъ халатахъ. Оттого мы и по сію пору знаемъ ихъ болѣе или менѣе разряженными. Точно то же должно сказать и о всемъ написанномъ іезуитами о китайской астрономіи.

А между тѣмъ силы и средства іезуитовъ для изученія китайской астрономіи были огромны. Вспомнимъ, что въ прошломъ столѣтіи, благодаря свойственной только имъ ловкости, іезуиты сумѣли проникнуть въ Китай и заинтересовать собой его правительство, отчужденность и подозрительность котораго извѣстны всему свѣту. Утвердивъ въ нѣсколькихъ городахъ и въ Пекинѣ свои пристанища, они особенно прочно укрѣпились тѣмъ обстоятельствомъ, что предложили правительству свои услуги въ занятіяхъ астрономіей. Начальники

мисси́н Адамъ Шаль и Верби́стъ сумѣли присоеди́ниться къ составу членовъ Пекинскаго астрономическаго трибунала, этого правительственнаго свѣтилища Китайцевъ. Впрочемъ, должно сказать, что ни тотъ, ни другой иезуитъ не предсѣдательствовали въ трибуналѣ, хотя объ этомъ и возвѣщали современныя имъ парижскія газеты. Многіе иезуиты, и во главѣ ихъ Кирхеръ и Гоболь, трудились надъ устройствомъ обсерваторіи въ Пекинѣ, обставивъ ее лучшими инструментами того времени, благодаря щедротамъ французскаго правительства. Они же, съ товарищами своими, много писали въ Парижѣ о китайской астрономіи, а Китайцевъ наградили многими переводами астрономическихъ, математическихъ и другихъ учебниковъ, руководствъ и трактатовъ. Тоже не мало иезуитовъ состояло при придворныхъ мастерскихъ, особенно для издѣлія часовъ. Впрочемъ, ради пріюта въ Китаѣ, они не брезгали поучать Китайцевъ даже такимъ искусствамъ, какъ булочному, винодѣлію, табачному (нюхательнаго табака) и проч. При такихъ удобствахъ, казалось бы невѣроятнымъ, чтобъ иезуиты, эти всесвѣтные учителя того времени, упустили возможность основательно ознакомить Европу съ китайскою астрономіею, въ которой они столь много вращались. А между тѣмъ случилось такъ. Таеъ случилось оттого, что при разнообразіи въ ученыхъ и неученыхъ занятіяхъ, вся дѣятельность иезуитовъ была направлена главнымъ образомъ къ тому, что предписывалось имъ изъ Рима, ради чего они были готовы грѣшнить предъ тѣми надеждами, ожиданіями, которыя къ нимъ возслалась изъ ученыхъ кабинетовъ Парижа. Слушая приказы своего генерала, пользуясь всѣми находящимися у нихъ средствами, чтобъ окрестить наибольшую массу Китайцевъ, иезуиты волей неволей морочили Китайцевъ, морочили Европейцевъ, морочили и себя самихъ, оставаясь правыми предъ Римомъ.

И дѣйствительно, не морочили ли они Китайцевъ, соглашаясь съ ними, что христіанская церковь чтитъ Конфуція за святого, что Спаситель носилъ китайскіе сапоги, а у Богородицы были миниатюрныя китайскія ножки, или увѣряя Китайцевъ, что только евангельская проповѣдь отъ нихъ, иезуитовъ, введетъ въ рай, тогда какъ проповѣди доминиканцевъ и другихъ монаховъ ввергнутъ ихъ въ геенну огненную? Не морочили ли они Китайцевъ, проповѣдуя имъ слово Божіе по священнымъ книгамъ, ими же переведеннымъ на китайскій языкъ, и притомъ, переведеннымъ не только безграмотно, но даже неблагоучиво? А между тѣмъ иезуиты очень успѣвали привлекать въ свое лоно Китайцевъ. Длинные списки неофитовъ доставлялись ими въ

римскую канцелярію, гдѣ видѣлось количество новообращенныхъ, безъ отвѣта о томъ, какого они качества.

Не морочили ли іезуиты самихъ себя, когда, ради предписанныхъ имъ цѣлей, они заживались въ Китаѣ до глубокой старости, по большей части до смерти, забывая все, что нѣкогда видѣли въ Европѣ, и вполне привязываясь ко второму отечеству, пріютившему ихъ? Увлекаясь и свыкаясь съ китайскими порядками, они подчинялись китайскому чиновначалію, заискивая себѣ чины и почести, чѣмъ ставили себя въ жалкое подчиненіе предъ мѣстными властями и педантами. Сдѣлавшись почти Китайцами, они, ради тщеславія, ради возвеличенія Китайцевъ, очень щедро наводняли французскую печать похвалами всего китайскаго, скрывая, маскируя все дурное. Вотъ благодаря этимъ ново-Китайцамъ, въ Европѣ пошли толки о необыкновенномъ величій Поднебесной имперіи; Китай сталъ казаться Европейцамъ чѣмъ-то чудеснымъ. Этимъ же самымъ путемъ европейскіе ученые узнали и объ астрономіи Китайцевъ, о которой много писалъ іезуитъ Гоболь. Будучи дѣйствительно достойнѣйшимъ труженикомъ въ наукѣ, онъ однакоже былъ вынужденъ, по порученію своего принципала, іезуита Аміота, исковеркать свои труды, написавъ „похвальное слово“ китайскимъ астрономамъ.

Не мороченіе ли это и предъ Европой? Но, кромѣ того, что благодаря окитаившимся іезуитамъ, въ Европѣ вѣровали въ высокую нравственность Китайцевъ и въ процвѣтаніе у нихъ наукъ, европейскіе ученые были введены ими и въ другое, еще болѣе серьезное заблужденіе.

Не правда ли,—спрашиваемъ мы cadaго, кто болѣе или менѣе интересовался нашею ученою литературой о Китаѣ,—не правда ли, что при взглядѣ на наши изданія географическихъ картъ этой имперіи, обыкновенно и невольно вырывается чувство признательности къ іезуитамъ? Въ Европѣ привыкли говорить: іезуиты составили съѣтъ изъ своихъ астрономическихъ наблюденій въ очень многихъ пунктахъ въ Китайской имперіи; о такихъ заслугахъ іезуитовъ много и часто было писано. Но разберемъ однакоже, на сколько въ этихъ словахъ справедливости, и на сколько такія заслуги іезуитовъ широки.

Никто не станетъ оспаривать факта, что іезуиты того времени очень не скупились присылать въ Европу, собственно въ Парижъ, астрономическія опредѣленія пунктовъ на всемъ пространствѣ Китайской имперіи. Вспомнимъ, перенесемся въ тѣ, еще столь недавно

прошедшія времена. Дадимъ себѣ отчетъ, много ли мы знали о географіи Китайской имперіи до дней прихода туда іезуитовъ? Дѣйствительно, до тѣхъ поръ мы знали о ней только по нѣсколькимъ краткимъ, поверхностнымъ и часто сомнительнымъ описаніямъ Арабовъ, по такимъ же описаніямъ пилигримовъ Веніамина Тудельскаго, Платона Карпини и Асцелина, да еще по извѣстнымъ разказамъ многогорѣчиваго и часто неудобопонятнаго Венеціанца Марко Поло. О многихъ китайскихъ мѣстностяхъ въ глубинѣ средней Азіи мы довольствовались описаніями Помпонія, Птоломея и Плинія, взятыми изъ преданій о походѣ Александра Македонскаго и о римскомъ посольствѣ въ Китай. Столь скудныя и большею частію противорѣчивыя свѣдѣнія о странѣ, своею грамадностію превосходившей тогда всѣ остальные государства въ свѣтѣ, конечно, чувствительно кололи самолюбіе нашихъ ученыхъ. Оттого естественно, что съ каждою цифрою широты и долготы гдѣ бы то ни было въ предѣлахъ Китайской имперіи пріобрѣталась, такъ-сказать, золотая строка для нашихъ географовъ. Такіе драгоценныя подарки для науки не могли не приниматься въ Европѣ съ самою глубокою признательностію. Они были равносильны съ новымъ открытіемъ Китая и его внѣшнихъ владѣній занимавшихъ большую часть пространства Средней Азіи. Іезуиты стали въ глазахъ Европы дѣйствительно Колумбами Китайской имперіи.

Благодаря столь цѣннымъ матеріаламъ, въ Парижѣ была составлена карта Китайской имперіи извѣстнымъ географомъ Анвиллемъ, а потомъ она была дополнена ориенталистомъ Клапротомъ. Но почти вслѣдъ за такимъ высокимъ вниманіемъ къ заслугамъ въ Китаѣ астрономовъ-іезуитовъ, и въ особенности со второй четверти текущаго столѣтія, когда Китай стали чаще посѣщать Европейцы, оказалось, что составленныя въ Европѣ карты этой имперіи не столь цѣнны, какъ прежде всѣ были убѣждены. Сперва европейскіе и американскіе моряки указали на значительныя неправильности въ очертаніяхъ на картѣ береговъ Китая, потомъ астрономы-путешественники стали указывать и на ошибки въ сдѣланныхъ іезуитами опредѣленіяхъ пунктовъ внутри страны. Такія указанія на неточности повторяются чаще и чаще въ послѣднія два десятилѣтія, когда путешественники стали свободнѣе объѣзжать Китайскую имперію. Припомнимъ громкій протестъ со стороны братьевъ Шлагинтвейтовъ, увидѣвшихъ въ своихъ астрономическихъ опредѣленіяхъ пунктовъ въ южной части Китайскаго Туркестана почти на одинъ градусъ разницы съ таковыми

же опредѣленіями іезуитовъ. Мыслимы ли подобныя ошибки со стороны даже такого наблюдателя, который взялся за астрономическій инструментъ въ первый разъ?

Насъ, быть можетъ, осудятъ, назовутъ неблагодарными за такую излишнюю строгость въ оцѣнкѣ географическихъ трудовъ іезуитовъ въ столь пространной имперіи, какъ Китайская, гдѣ сѣтъ даже въ четыреста, въ пятьсотъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ будетъ далеко недостаточна для того, чтобы по ней можно было составить точную во всѣхъ частяхъ страны карту. Намъ, быть можетъ, скажутъ, что было бы напрасно осуждать іезуитовъ за указанные новѣйшими путешественниками неправильности ихъ астрономическихъ опредѣленій пунктовъ, если обратить вниманіе, что многіе изъ наблюдателей-іезуитовъ могли быть снабжены дурными астрономическими инструментами. Наконецъ, намъ могутъ возразить, что въ подобныхъ осужденіяхъ должно быть осторожнымъ, такъ какъ и астрономическія наблюденія, напримѣръ, братьевъ Шлагинтвейтовъ, многими признаются тоже за неточныя. Мы согласились бы съ такими справедливыми замѣчаніями; но есть еще другое обстоятельство, которое нѣкоторымъ образомъ оправдываетъ не только наше осужденіе, пожалуй, и неблагодарность, а даже болѣе, наше невѣріе, чтобы іезуиты дѣйствительно трудились надъ составленіемъ большей сѣти астрономическихъ опредѣленій пунктовъ въ Китайской имперіи. Мы хотимъ сказать о пробѣлѣ въ трудахъ іезуитовъ, слишкомъ явно долженствующемъ бросаться въ глаза каждому изучающему Китай. Пробѣлъ этотъ состоитъ въ томъ, что они не оставили дневниковъ своихъ астрономическихъ экспедицій. Еслибъ іезуиты дѣйствительно объѣздили всю Китайскую имперію, отъ предѣловъ Джунгаріи до береговъ Манчуріи, отъ сѣверной Монголіи до Кохинхины, отъ Кашгара черезъ Тибетъ до Кантона и Нанкина и проч., то, при столь широкихъ экскурсіяхъ, посылая въ Европу результаты своихъ астрономическихъ опредѣленій, вѣроятно ли, чтобы тѣ же самые іезуиты, все личности очень недюжинныя, стали предъ Европой молчать и почти ничего не сказали бы о пройденныхъ ими пространствахъ, о видѣнныхъ ими областяхъ, народахъ, и т. п. При замѣчательной тароватости въ письмахъ и въ сочиненіяхъ іезуитовъ о Китаѣ и о Китайцахъ, разсѣянныхъ во французской печати прошлаго столѣтія, гдѣ не забыты подмѣченныя ими въ Пекинѣ даже такія мелочи, которыя въ глазахъ ученыхъ не имѣютъ ровно никакого значенія, казалось бы, было всего естественно издать ихъ дневники, географическія, естественно-историческія, этно-

графическія записки, списанныя съ натуры, день за днемъ, въ интереснѣхъ и неминуемо долгихъ ихъ путешествіяхъ, гдѣ съ каждымъ шагомъ ихъ оставался первый слѣдъ Европейца въ странѣ, дотошъ для Европы невѣдомой. Если намъ и напомнить о нѣсколькихъ краткихъ дневникахъ іезуитовъ, то они, мы знаемъ, принадлежать преимущественно къ тракту изъ Макао чрезъ Кантонъ въ Пекинъ, къ тракту въ важную часть Манчжуріи, да въ городъ Чэнь-дуфу въ Сычуаньской губерніи. Должно также замѣтить, что и эти дневники написаны, такъ сказать, сквозь чужіе очки, по небрежности ли самихъ іезуитовъ, или вѣроятнѣе, вслѣдствіе дѣятельныхъ усилій китайскихъ аргусовъ, опускавшихъ предъ западными варварами завѣсъ на все дѣйствительное въ Китаѣ. Все же остальное, не многое, въ описаніяхъ мѣстностей Китайской имперіи іезуитами, принадлежитъ къ разряду переводовъ изъ китайскихъ книгъ, безъ необходимыхъ изслѣдованій и добавленій, хотя это послѣднее легко было бы исполнить при богатствѣ въ Китаѣ географической литературы. А между тѣмъ, еслибъ ученые іезуиты были въ состояніи сказать намъ даже не болѣе, какъ только о пройденныхъ ими въ Китайской имперіи маршрутахъ, вмѣсто переведенныхъ ими маршрутовъ изъ китайскихъ путеводителей; еслибъ они, хотя бы только въ общихъ чертахъ, повѣдали Европѣ объ отличительномъ характерѣ мѣстностей въ имперіи; еслибъ они откровенно сказали о томъ, гдѣ они были и что видѣли въ такихъ-то мѣстностяхъ; если бы сказали, что о другихъ мѣстностяхъ знаютъ только по книгамъ, а объ остальныхъ ничего не знаютъ, — то они выиграли бы предъ Европой тѣмъ, что, не вводя ее въ заблужденіе, сами, кромѣ признательности, не навлекли бы себѣ упрековъ отъ потомства въ томъ, что они своею географическою сѣтью тяжело оморочили нашихъ ученыхъ, доведя ихъ до ошибокъ. Тогда мы не встрѣтили бы многихъ пропусковъ и несообразностей въ трудахъ знаменитаго Риттера, не встрѣтили бы столько неопредѣленнаго и неточнаго у великаго Гумбольдта, въ его сочиненіи о центральной Азій. Тогда мы не нуждались бы столь горячо въ неутомимыхъ Пржевальскихъ и Рихтхофенахъ, въ неблагодарныхъ путешествіяхъ по средней Азій и внутри Китая, гдѣ многія области и по сію пору остаются для нашихъ ученыхъ столь же невѣдомыми какъ какая-нибудь внутренняя Африка.

Да, иныя побужденія, иныя цѣли пропаганды заставили іезуитовъ серьезно оморочить науку въ Европѣ. Карта Анвилля останется краснорѣчивымъ тому свидѣтелемъ. При сравненіи ея съ картами

китайскихъ изданій, оказывается до очевидности, что первая есть снимокъ съ послѣднихъ. Китайцы весьма богаты собственною картографіей. Уже въ XIV столѣтіи ихъ карты получили нѣкоторую точность, благодаря снаряженной правительствомъ особой экспедиціи изъ 14 астрономовъ-наблюдателей, которые, подъ руководствомъ знаменитаго въ то время астронома Гомоуцзина, опредѣлили географическія положенія очень многихъ главныхъ пунктовъ во всей имперіи. У Китайцевъ, кромѣ общихъ для всей имперіи картъ, есть много картъ специальныхъ, даже для cadaго уѣзда, для системъ горъ, рѣкъ и т. п. Имѣя эти карты передъ глазами и зная довольно коротко о прошлой дѣятельности іезуитовъ въ Китаѣ, мы можемъ сказать, что напрасно Европа слишкомъ безотчетно повѣрила іезуитамъ въ исполненіи ими столь гигантскихъ работъ, какъ астрономическія опредѣленія широтъ и долготъ хотя бы только въ главныхъ мѣстностяхъ Китайской имперіи; и болѣе или менѣе приблизительно можемъ сказать о томъ, что дѣйствительно іезуиты сдѣлали для карты Анвилья. Они доставили въ Парижъ свои собственныя астрономическія наблюденія, исполненныя ими въ Пекинѣ, въ нѣсколькихъ кумирняхъ въ Чжолійской (Пекинской) губерніи, также наблюденія въ Манчжуріи, да еще въ Макао, а всѣ остальные цифры широтъ и долготъ, доставленныя ими въ Парижъ, они приобрѣли циркулемъ по приблизительному масштабу съ китайскихъ картъ. Такіе труды далеко отодвигаютъ ихъ назадъ отъ славы Колумба.

Впрочемъ, перестанемъ тревожить память труженниковъ-іезуитовъ въ Китаѣ. За свои ошибки они получили горькое возмездіе тамъ же. Они были изгнаны, а надъ трудами ихъ осталась одна жесткая насмѣшка. Послѣ преодоленія невообразимыхъ затрудненій, чтобы укрѣпить свое мѣстопробываніе въ Китаѣ, они наконецъ, съ воцареніемъ просвѣщеннаго богдыхана Каньси, съ 1662 года, стали нѣсколько твердою ногою въ Пекинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ имперіи, благодаря въ особенности своимъ занятіямъ въ астрономическомъ трибуналѣ. Но съ 1723 года, съ воцареніемъ богдыхана Юнь-чжэна, ихъ положеніе стало очень шатко. Будучи еще великимъ княземъ, Юнь-чжэнь зналъ объ интригахъ іезуитовъ для упроченія на престолѣ его брата. За это, однимъ почеркомъ своей кисти, онъ приказалъ изгнать іезуитовъ изъ всей имперіи, строго преслѣдуя въ то же время и Китайцевъ-католиковъ. Но очень дорожа астрономическими трудами іезуитовъ, онъ позволилъ, подъ строгимъ надзоромъ, остаться нѣсколькимъ въ Пекинѣ. Наконецъ, при богдыханѣ Цянъ-луяѣ, въ концѣ прошлаго сто-

гѣтѣ, іезуиты окончательно были изгнаны изъ Китая. Поощренъ былъ только старецъ Пій, просившій у правительства милости оставить свои кости во второмъ его отечествѣ. Осиротѣлый, онъ умеръ въ глубокой старости и былъ похороненъ заботами нашей православной миссіи.

Было бы некстати теперь говорить о тѣхъ безуспѣшныхъ попыткахъ, которыя были сдѣланы іезуитами въ дѣлѣ образованія Китайцевъ на европейскій ладъ. Но скажемъ только объ астрономіи. Іезуиты нисколько не выучили Китайцевъ нашей наукѣ о небѣ. Построенная іезуитами обсерваторія и по сію пору стоитъ уединенно на одной изъ площадокъ Пекинской городской стѣны, съ застарѣлыми инструментами, употребленіе которыхъ неизвѣстно членамъ астрономическаго трибунала. Ихъ многотомные переводы руководства математики и астрономіи, таблицъ логарифмовъ и проч. на китайскій языкъ лежатъ балластомъ въ книжныхъ лавкахъ; они предлагаются за безцѣновъ, но между Китайцами покупателей на нихъ нѣтъ.

Но не всѣ ученые труды іезуитовъ-астрономовъ были столь безжалостно брошены. Нѣтъ, Китайцы воспользовались ими, но лишь съ практической ихъ стороны, и то не болѣе, какъ только въ приѣмахъ механическихъ. Они воспользовались выманенными у іезуитовъ таблицами солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и таблицами лунныхъ годовъ. Іезуиты вычислили ихъ на срокъ почти двухъ столѣтій. По этимъ таблицамъ въ Пекинскомъ астрономическомъ трибуналѣ по сію пору ежегодно составляютъ календари. Для Китайцевъ эти таблицы были величайшею услугою. Не оставъ имъ іезуиты такой драгоценности, китайское правительство не разсталось бы съ ними столь легко. Оттого эта услуга была зломъ для услужливыхъ, на сей разъ неловкихъ, іезуитовъ. Замѣчательно, что они ни разу не догадались, что китайское правительство за то собственно и ласкало ихъ, чтобъ они, своими астрономическими наблюденіями, выручали астрономическій трибуналъ въ изданіяхъ безошибочнаго календаря, тѣмъ страдали, какъ мы увидимъ ниже, всѣ тысячелѣтія, дотолѣ прожитыя Китайцами. Отдавая свои таблицы, іезуиты столько же недогадливо не замѣтили висѣвшей надъ ними опасности, скоро и разразившейся, когда китайское правительство рѣшилось навсегда освободиться ужъ отъ бесполезныхъ для нихъ наставниковъ. Такая насмѣшка наглѣ всякаго другаго навазанія, злѣе казни.

Такимъ образомъ, благодаря заботамъ іезуитовъ, Китайцы остались не безъ выигрыша. Къ этому было бы можно присоединить ихъ

выигрышъ еще и въ другомъ отношеніи, именно, въ приобрѣтеніи ими репутаціи знаменитыхъ астрономовъ, о чемъ столь настойчиво іезуиты твердили въ своихъ посланіяхъ въ Парижъ. Но объ этомъ выигрышѣ Китайцы ничего не знаютъ. При ихъ апатіи ко всему тому, что пишется, говорится и дѣлается внѣ Китая, они не знали и по сію пору не знаютъ о такой къ нимъ почести у западныхъ варваровъ, какъ величаютъ они насъ и понинѣ. Между тѣмъ въ эту почесть, въ эту иллюзію крѣпко ввѣрились въ Европѣ. Замѣчательные представители нашей науки — Лапласъ и Эйлеръ, Фрере и Кассини, жадно читали іезуитскіе разказы о славныхъ китайскихъ астрономахъ. Даже въ текущемъ столѣтіи эти иллюзіи нисколько не были поколеблены. Такъ, въ средѣ многихъ ученыхъ, очень извѣстный французскій академикъ Біо, въ продолженіе долгой своей жизни, весьма настоятельно писалъ и утверждалъ о преимуществахъ китайской астрономіи предъ арабскою.

Назвавъ такіа почести китайскимъ астрономамъ иллюзіями, естественно, я долженъ дать тому удовлетворительное объясненіе; то-есть, долженъ высказаться противъ мнѣній, раздѣляемыхъ въ Европѣ многими учеными. Одинъ въ полѣ не воинъ, говоритъ пословица. Оттого можно опасаться, что меня примутъ за непрошеннаго воина; но я буду говорить, не видя надобности бороться съ донкихотовскими мельницами. Впрочемъ, чтобы поставить отвѣтъ на нѣсколько твердой почвѣ, сперва полезно сказать, хотя бы очень коротко, о тѣхъ средствахъ, которыя привели меня къ знакомству съ астрономіей Китайцевъ.

Благодаря счастью, я былъ ученикомъ знаменитаго астронома Струве, его достойнаго помощника г. Делена и извѣстнаго профессора и академика А. Н. Савича. Потомъ случай привелъ меня жить въ Китаѣ около четверти столѣтія. Будучи знакомъ съ астрономіей, будучи въ Пекинѣ директоромъ нашей обсерваторіи и наслушавшись по учебникамъ о знаменитости китайскихъ астрономовъ, естественно, пожелалъ я вникнуть въ ихъ науку. Но въ Пекинѣ я встрѣтилъ для этого намѣренія главное препятствіе въ томъ, что не зналъ китайскаго языка. Пришлось учиться этому языку. Между тѣмъ мое нетерпѣніе мало-по-малу нѣсколько удовлетворялось по крайней мѣрѣ тѣмъ, что, найдя въ принадлежавшей прежде іезуитамъ бібліотекѣ богатый складъ ихъ сочиненій, я успѣлъ прочитать все то, что они писали объ астрономіи. Потомъ, слегка выучившись по китайски, я взялся въ первый разъ за серьезное чтеніе китайской книги, приманившей меня своимъ

отчетливо исполненнымъ чертежемъ небснаго глобуса. При помощи ученаго Китайца разобрать ея первую страницу, я увидѣлъ вполне свѣтлый взглядъ автора на систему Коперника. Но съ той же самой страницы я бросилъ книгу, когда изъ ея витиеватаго предисловія удостовѣрился, что она написана хотя и Китайцемъ, но подъ диктовку іезуита Вербиста. Тогда я сталъ въискательнѣе, сталъ искать и читать астрономическія книги, написанныя Китайцами до періода дѣятельности въ Китаѣ іезуитовъ. Между тѣмъ время бѣжало. Чтò жь оказывалось изъ моихъ занятій? Оказывалось, что чѣмъ болѣе я читалъ, чѣмъ болѣе вдавался въ глубину китайскаго языка, въ изслѣдованія китайской астрономіи, тѣмъ болѣе и болѣе укрѣплялся въ убѣжденіи, что у Китайцевъ нельзя найдти ничего поучительнаго и новаго въ области извѣстнаго намъ въ астрономіи, какъ наукѣ, и также убѣждался, что, не смотря на рекламы іезуитовъ, весь путь, пройденный въ Китаѣ астрономіей съ ея древнѣйшихъ временъ, нисколько не подтверждаетъ репутаціи китайскихъ астрономовъ, а напротивъ, скорѣе свидѣтельствуетъ о бездарности ихъ; но съ другой стороны, этотъ же обзоръ китайской астрономіи, съ ея древнѣйшихъ временъ, представляетъ интересный вкладъ въ исторію науки.'

Но при такихъ складывавшихся во мнѣ убѣжденіяхъ, опиравшихся на то, чтò я читалъ въ китайскихъ книгахъ, я продолжительно искалъ совѣтника, критика, который могъ бы указать мнѣ на мои, быть можетъ, излишнія увлеченія, излишніе упреки китайскимъ астрономамъ. Поиски мои были напрасны, такъ какъ, въ продолженіе всего текущаго столѣтія не было между синологами ни одного серьезнаго голоса въ литературѣ о китайской астрономіи. Столь замѣчательные синологи, какъ Іакинфъ Вичуринъ, Аввакумъ Чесновъ, Палладій Кафаровъ, гг. Васильевъ и Захаровъ, Абель Ремюза, Клапротъ и Ст Жюльенъ, Мориссонъ и Веддъ, Эдвинсъ и Вильямсъ, не написали о китайской астрономіи ни слова. Только одинъ изъ этой почтенной среды, Леджъ, недавно помѣстилъ, въ своемъ предисловіи къ классической книгѣ китайской исторіи, нѣсколько страницъ объ астрономіи Китайцевъ, но не въ похвалу имъ. Между второстепенными синологами, Эдуардъ Біо хотя писалъ о китайской астрономіи, но ограничился только переводами списковъ изъ лѣтописей о замѣченныхъ въ Китаѣ затмѣніяхъ, падающихъ звѣздахъ и т. п., не сказавъ ничего о самой сущности науки. Его труды, по справедливости заслужившіе вниманіе, между прочимъ еще болѣе убѣдили нѣкоторыхъ ученыхъ, и особенно его отца, въ знаменитости китайскихъ астрономовъ. Наконецъ, сюда

можно присоединить еще нѣсколько краткихъ переводныхъ записокъ о китайской астрономіи, написанныхъ то посредственными синологами, то даже едва знакомыми съ китайскимъ языкомъ, — записокъ, свидѣтельствующихъ о глубокихъ познаніяхъ Китайцевъ въ астрономіи и математикѣ. Но должно сказать, что все безъ исключенія, что изъ этого балласта попадалось мнѣ въ руки, принадлежало къ переводамъ не съ книгъ, написанныхъ самими Китайцами, а съ книгъ, написанныхъ ими подъ диктовку іезуитовъ. Выше я уже говорилъ, какъ въ началѣ своихъ занятій и я попался въ такую же заманчивую ловушку.

Причина, отчего знатоки китайскаго языка не брались за изученіе китайской астрономіи, объясняется просто. Китайскія книги объ астрономіи, равно какъ и о математикѣ, пишутся спеціальнымъ для нихъ слогомъ, обильно наполняются техническими терминами и еще болѣе преисполнены многими теоріями и доказательствами, часто лишенными всякаго смысла, и противорѣчіями, ни къ чему не приводящими, что представляетъ иногда едва преодолимая затрудненія для пониманія не только основательно знающимъ языкъ иностранцамъ, но даже и самымъ ученымъ Китайцамъ. Должно еще замѣтить, что языкъ и слогъ этого отдѣла литературы слабо обработанъ китайскими писателями, и что отдѣлъ этотъ лишенъ у Китайцевъ такихъ необходимыхъ пособій, какъ техническіе словари, вспомогательныя и пояснительныя руководства, которыми бѣольшая часть остальныхъ отдѣловъ литературы надѣлена довольно щедро. Такая доля выпала на астрономію оттого собственно, что эта наука всегда считалась и понынѣ считается Китайцами знаніемъ слишкомъ офиціальнымъ, казеннымъ по своему содержанію, чуждымъ для большинства писателей — профановъ въ столь мудрой наукѣ. Потому-то, при огромномъ выборѣ лучшаго въ китайской литературѣ, могли ли почтенные синологи увлечься столь непривлекательнымъ отдѣломъ знаній, и въ особенности еще, когда они не были специалистами по предмету астрономіи? Синологъ Жюльенъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, сознавался мнѣ, что онъ съ большею охотой переведетъ десятокъ страницъ изъ китайскихъ классиковъ, чѣмъ нѣсколько строкъ объ ихъ астрономіи.

И на это — то неблагодарное занятіе случай навелъ меня въ Китаѣ. Впрочемъ, въ первые же года по пріѣздѣ въ Пекинъ, я встрѣтилъ помощь въ окружавшихъ меня Китайцахъ. Между ними нашлись два состоящіе при астрономическомъ трибуналѣ; ихъ привлекала наша обсерваторія. Не наукой нашею они увлекались, а иц-

тересовалъ ихъ телескопъ, какъ забава. Между тѣмъ, благодаря имъ, я нашелъ возможность возстановить значеніе большей части техническихъ терминовъ китайской астрономіи. Потомъ случай свелъ меня съ дядею тогда царствовавшего богдыхана. Бывши прежде предсѣдателемъ астрономическаго трибунала, онъ сперва съ видомъ знатока обозрѣвалъ нашу обсерваторію, а впослѣдствіи пустился до того, что высказалъ желаніе поучиться у меня астрономіи. Зала обсерваторіи стала нашею аудиторіей. Но послѣ второго урока, я убѣдился, что мой знатный ученикъ не знаетъ даже ариметики, чѣмъ мы и занялись довольно успѣшно. Черезъ него я приобрѣлъ нѣсколько очень рѣдкихъ и цѣнныхъ сочиненій о китайской астрономіи. Къ моему уже значительному собранію китайскихъ астрономическихъ книгъ присоединилась такая же коллекція, подаренная мнѣ моимъ руководителемъ въ изученіи Китая и другомъ Палладіемъ Кафаровымъ. При такихъ средствахъ и въ двадцатипятилѣтіе можно было достаточно освоиться съ китайскою астрономіей и прослѣдить всѣ ея успѣхи и невзгоды со временъ древнѣйшихъ по настоящую пору. А въ связи съ исторіей этой науки, явилась возможность выкинуть и въ своеобразность китайской хронологіи, играющей важную роль въ вопросахъ политической исторіи Китая.

Здѣсь не мѣсто входить во всѣ подробности о китайской астрономіи. Для рѣшенія вопроса объ астрономическихъ познаніяхъ Китайцевъ будетъ вполне достаточно изобразить только общій, бѣглый очеркъ ея.

II.

Конечно, никто не станетъ оспаривать мнѣнія, что Китайцы суть старѣйшіе члены изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ и учащихъ націй на земномъ шарѣ. Этою честью, по справедливости, они могутъ гордиться. Но они съ справедливою гордостію указываютъ другимъ народамъ, уже давно сошедшимъ съ политической сцены, еще и на свою другую заслугу предъ человѣчествомъ, и именно въ томъ, что только они одни, изъ всего ряда древнихъ просвѣтителей, сумѣли сохранить памятники своей древности. Лучшимъ для сего представителемъ мы видимъ ихъ литературу.

Благодаря ихъ литературѣ, въ которой болѣе или менѣе сохранились древнѣйшія преданія этого народа, есть нѣкоторая возможность сказать о первыхъ шагахъ, сдѣланныхъ астрономіей на почвѣ Китая. Такъ, одно изъ старѣйшихъ ихъ преданій, по глубокой древ-

ности своей, не находящей мѣста въ китайской хронологіи, говоритъ, что Фу-си, владыка Китая, давшій людямъ имена, установившій брачный союзъ и изобрѣвшій музыкальный инструментъ, изобрѣлъ также и восемь линій (па-гуа). Внутренній смыслъ каждой пары и взаимныхъ сочетаній этихъ восьми линій вполнѣ вошелъ въ основаніе всѣхъ теорій наукъ у Китайцевъ, чего они упорно держатся и по сію пору. Этотъ же Фу-си указалъ Китайцамъ на небесное хожденіе луны около земли. Вслѣдъ за Фу-си, китайскія преданія очень чтятъ ихъ владыку Шэнъ-нуна, какъ народнаго учителя, показавшаго людямъ употребленіе огня, научившаго ихъ обрабатывать землю и пользоваться цѣлебными травами. Преданіе говоритъ, что во времена этихъ владыкъ люди жили на деревьяхъ; только Шэнъ-нунъ низпустился на землю и указалъ на сучья, для складыванія изъ нихъ шатровъ. Въ китайскихъ книгахъ Фу-си и Шэнъ-нунъ изображаются съ звѣриною головой и покрытыми шерстью. Вслѣдъ за этими мифами, китайскія преданія говорятъ уже съ нѣкоторыми подробностями и о другихъ владыкахъ ихъ, положившихъ нѣсколько прочное основаніе астрономіи. Тутъ на первомъ планѣ стоитъ владыка Хуанъ-ди, существованіе котораго китайская хронологія относитъ къ столѣтію отъ 2500 до 2400 г. до Р. Хр. Преданіе говоритъ, что Хуанъ-ди ввелъ шестидесятидневный циклъ для счета времени, и что при немъ находились учителя-астрономы. Учитель Данао поучалъ о свойствахъ пяти стихій, то-есть, земли, огня и воды, дерева и металла, и первый указалъ на астрологическое значеніе въ небесныхъ указаніяхъ хвоста созвѣздія Большой Медвѣдицы. Другой учитель, Лишоу, показалъ употребленіе знаковъ для уразумѣнія времени по теченію солнца опредѣлялъ гармоническое соотношеніе звуковъ, происходящихъ отъ колебанія травы и деревьевъ, отъ воя вѣтра и отъ гула грома, и на основаніяхъ такого соотношенія составилъ календарь. Впрочемъ, не смотря на столь громкое слово „календарь“, тѣ же преданія повторяютъ, что указанія Лишоу были очень темны. Не удовлетворяясь ими, послали отыскивать знатоковъ небесной науки. Такіе знатоки были найдены, и благодаря имъ, у Китайцевъ былъ введенъ календарь по системѣ музыки сферъ. Въ подражаніе звукамъ, слышимымъ въ природѣ, сперва были введены колокола, а потомъ ихъ замѣнили бамбуковыми дудками. Смотря по большей или меньшей длинѣ дудокъ, издаваемые ими звуки опредѣляли характеръ четырехъ временъ года; а переумноженіемъ взаимныхъ отношеній въ длинѣ этихъ дудокъ опредѣлялись величины, выраженные въ единицахъ дня, для періодовъ мѣсячнаго движенія

луны, года и проч. Далѣе, мы находимъ уже въ китайской лѣтописи, въ первой классической книгѣ исторіи (Шуцзинь), въ ея главѣ Яодянь (уставъ владыки Яо), нижеслѣдующія слова, относимыя ко времени между 2109 и 2068 годами до Р. Х.: владыка Яо приказываетъ своимъ астрономамъ Си и Хэ поѣхать на окраины востока и юга, запада и сѣвера, для опредѣленія по звѣздному небу четырехъ временъ года, а именно весенняго и осенняго равноденствій и зимняго и лѣтняго солнцестояній; для таковыхъ опредѣленій въ этомъ приказѣ указывается сдѣлать наблюденія четырехъ звѣздъ: няо, сю, хо и мао, которыя по китайскимъ небеснымъ картамъ соотвѣтствуютъ звѣздамъ α Гидры, ε Водолея, π Скорпіона и η Плевядъ; и наконецъ Яо, указавъ, что въ году 366 дней, поручаетъ тѣмъ же астрономамъ, для правильности календаря, пользоваться методомъ вставочной тринадцатой луны и даже говорить объ отличительныхъ характерахъ каждаго изъ четырехъ временъ года, выражающихся въ заботахъ земледѣльцевъ и въ ливаніи и въ обростаніи перьями и шерстью птицъ и звѣрей.

Остановимся пока на сказанномъ.

При столь поверхностномъ познаніи неба, было бы неточно тогдашнихъ учителей китайскихъ назвать астрономами. Но и не называя ихъ столь славнымъ въ наукѣ именемъ, каждый, вникнувшій въ преданія о нихъ, спросить, откуда же явились у Китайцевъ такіе учителя и даже астрономы-наблюдатели? Если объ этихъ вопросахъ справиться у Китайцевъ, то мы увидимъ, что ихъ литература преисполнена самыми горячими и смѣлыми отвѣтами. Въ ней мы находимъ не одну сотню комментаріевъ на вышеприведенныя преданія, и въ особенности на ихъ твореніе Шуцзинь, эту первую изъ первыхъ ихъ классическихъ книгъ, святыню завѣта ихъ древностей. Ихъ комментаріи, высказанные учеными классиками, философами, астрономами и филологами, такое же множество болѣе или менѣе удачныхъ, а часто и не имѣющихъ никакого научнаго смысла гипотезъ, догадокъ, наведеній и способовъ изчисленій, и наконецъ, столь же обильная примѣсь къ нимъ сказаній свойства чудеснаго и суевѣрнаго,— все это вмѣстѣ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ соткало канву, на которой построилась китайская ученая критика. Всѣ ихъ отвѣты сводятся къ тому, что въ глубокой древности въ Китаѣ царствовали люди, олицетворенные идеалами добродѣтели и мудрости, каковыми они признаютъ Фу-си и Шэнъ-вуна, Хуанъ-ди, Яо и Шуня, вмѣстѣ съ позднѣйшимъ народнымъ учителемъ, Конфуціемъ. Эти люди, будучи нѣчто

невезное, пользуясь внушеніями, отероженіемъ свыше, по вдохновенію и внезапно сами создавали познанія, и все, что ими связано, всегда для пользы и нужды человѣка, столь же непреложно и вѣчно, какъ вѣченъ міръ. Они непогрѣшны. Такія убѣжденія принимаются въ Китаѣ не одною какою-либо философскою школою, но съ незапамятныхъ временъ вошли въ плоть и въ кровь каждого Китайца. Оттого-то все то, что Китайцы услышать несогласнаго со словами ихъ древнихъ учителей, или говоря точнѣе, несогласнаго со словами Конфуція и съ ихъ классическими твореніями, въ которыхъ сосредоточена вся ихъ древняя мудрость, всё ихъ вѣрованія,—то будетъ для Китайца несомнѣнною ложью и то каждымъ Китайцемъ осмѣивается, презирается. Вслѣдствіе такой коренной черты Китайцевъ, каждый иностранецъ, не проглотившій мудрости Китайцевъ, въ ихъ глазахъ всегда смѣшонъ, жалокъ, варваръ. Впрочемъ, боясь отвлекаться отъ избраннаго мною предмета для настоящей бесѣды, я ограничусь только взглядомъ Китайцевъ на происхожденіе ихъ астрономіи.

Китайцы утверждаютъ, что ихъ астрономія создана и обработана на ихъ собственной почвѣ, ими самими, и ни отъ кого не заимствовано для нея ничего. О созданіи ея мы уже привели ихъ древнѣйшія преданія. А со временъ владыки Яо и преемника его Шуна, Китайцы уже смотрятъ на свою астрономію, какъ на науку. Изъ лѣтописей того вѣка, за 2000 лѣтъ до Р. Х., видно, что Китайцы уже знали, что годъ состоитъ изъ $365\frac{1}{4}$ дней и что синодическій мѣсяцъ состоитъ изъ $27\frac{1}{2}$ дней. Китайцами былъ изучаеми небо-склонъ. Въ 2005 году, или нѣсколькими годами прежде, — это пока вопросъ спорный, — Китайцами было записано первое солнечное затмѣніе въ созвѣздіи фанъ, соответствующемъ нашему созвѣздію Скорпіона. Около того же времени былъ составленъ новый календарь, при чемъ въ основаніе было взято измѣняющееся сообразно четыремъ временамъ года указаніе по странамъ свѣта конечной звѣзды хвоста созвѣздія Большой Медвѣдицы. Съ XVIII столѣтія до Р. Х., китайскія лѣтописи часто и очень жалобно упоминаютъ о небрежностяхъ астрономовъ, забывавшихъ наблюдать затмѣнія и не слѣдившихъ за правильнымъ составленіемъ календаря. Вслѣдствіе того, замѣчаютъ лѣтописи, небо было поставлено во враждебное настроеніе къ землѣ, небо не стало покровительствовать людямъ, дѣятельность людей пошла въ разладъ съ требованіями четырехъ временъ года. За то сколько великихъ почестей воздается въ китайскихъ лѣтописяхъ брату владыки У-вана, Чжоу-гуну, составившему новую слав-

ную эпоху для ихъ астрономіи. Онъ жилъ около 1100 года до Р. Х. Лѣтописи говорятъ, что благодаря своему сотруднику Шань-гао, и при помощи гномона, Чжоу-гунъ наблюдалъ и опредѣлялъ время лѣтнаго солнцестоянія. Онъ зналъ свойства прямоугольнаго треугольника и написалъ о немъ трактатъ въ разрѣшеніе задачи равенства квадрата гипотенузы суммѣ квадратовъ катетовъ; составилъ карту небесныхъ звѣздъ; показалъ, что земля кругла, подобно опрокинутой тарелкѣ, а всѣ окружающія ее свѣтила имѣютъ свои собственныя сферы; изобрѣлъ компасъ, опредѣлялъ длину меридіана и длину экватора земли. Онъ же первый, при содѣйствіи того же Шань-гао, далъ объясненіе мірозданія. Потомъ, по словамъ тѣхъ же лѣтописей, астрономы продолжали обогащать свою науку открытіями и наблюденіями; очень обогащалась ими и литература до той несчастной поры, когда для всей учености Китайцевъ настала самая тяжкій, пагубный кризисъ, вслѣдствіе варварской руки Цинь-ши.

Цинь-ши, подчинивъ своей неограниченной власти всѣ удѣльныя княжества тогдашняго Китая, съ 221 года до Р. Х. сталъ единовластнымъ и полновластнымъ богдыханомъ. Но противъ него, противъ его деспотизма, были всего болѣе вооружены всѣ философы, всѣ ученые, составлявшіе своимъ вліяніемъ,—подобно тому какъ это мы видимъ и понинѣ въ Китаѣ, — главнѣйшую интеллигенцію, самый сильный рычагъ общественнаго мнѣнія. Своимъ острымъ оружіемъ въ рѣчахъ и пасквиляхъ они сильно возбуждали народъ къ неповиновенію власти. Желѣзная воля Цинь-ши, пугаясь столь опасныхъ учителей, рѣшилась навсегда освободить Китай отъ такой, по мнѣнію его, язвы. Для сего онъ приказалъ, и приказаніе его было исполняемо, истреблять ученыхъ, ссылать ихъ и ихъ послѣдователей и сжигать все то, что было написано въ Китаѣ во вредъ, будто бы, спокойствію народа. Тогда трудами огромной массы ссыльныхъ было положено начало постройки великой китайской стѣны,—этого древняго памятника бесполезно потраченныхъ усилій. Прежде всего обречены были на сожженіе всѣ классическія произведенія и труды Конфуція, какъ самыя опасныя орудія въ устахъ ученыхъ; пощажены были только творенія о земледѣліи, о медицинѣ и нѣкоторыя другія. Тогда, за незнаніемъ бумаги и печати, вся литература заключалась въ іероглифахъ, изображенныхъ на бамбуковыхъ доскахъ; такіе грузные склады писаній было трудно скрывать отъ истребителей. Оттого, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, безумство Цинь-ши едва не привело его просвѣщенное государство ко мраку варварства временъ

часть СЛХХІІІ, отд. 2.

незапамятныхъ. Но, воспеваютъ тѣ же лѣтописи, слова нашихъ мудрецовъ вѣчны, какъ вѣченъ міръ; оттого всѣ существенныя ихъ сокровища были спасены, между тѣмъ какъ самого Цинъ-ши, за столь дерзкое поруганіе китайской святости, небо наказало высокимъ презрѣніемъ: его династія погибла вмѣстѣ съ его сыномъ, въ 208 году до Р. Х. Съ воцареніемъ въ томъ же году на китайскомъ престолѣ династіи Хань, наука вновь и гордо завоевала въ народѣ всѣ права свои. Однакоже, при восстановленіи произведеній ученой литературы, частію заученныхъ на память, а частію, благодаря отысканію исписанныхъ досокъ въ замуравленныхъ стѣнахъ зданій, въ закрытыхъ кладахъ и могилахъ, ученые увидѣли себя лишенными множества трактатовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, и въ томъ числѣ, по астрономіи. Для этой науки стали особенно цѣнны восстановленныя классическія творенія исторіи (Шу-цзинъ), пѣсней (Ши-цзинъ), въ которыхъ упоминаются многія созвѣздія и затмѣнія, лѣтопись „весна и осень“ Конфуція и коментаріи на нее, написанныя Цзо-чжуанемъ, трактатъ церемоній и обрядовъ и еще нѣсколько отрывочныхъ, разрозненныхъ сочиненій. Съ такимъ запасомъ ученые ханьской династіи стали съ необыкновеннымъ усиліемъ разрабатывать астрономію. Знаменитый ученый Сы-ма-цянъ, этотъ Несторъ Китая, написалъ лѣтопись, изъ которой мы знаемъ теорію музыки сферъ и астрономическіе методы, бывшіе въ употребленіи у Китайцевъ до ханьской династіи. Явились вновь астрономы-наблюдатели, и потребовались новыя исправленія календаря. Такъ, съ 101 года до Р. Х. былъ предложенъ богдыхану новый календарь Тай-чули, который, послѣ многихъ прибавленій и измѣненій, былъ введенъ во всеобщее въ народѣ пользованіе въ 15 году по Р. Х. Съ этой же поры Китайцы съ особымъ одушевленіемъ стали писать о космографіи и впервые стали утверждать, по вычисленію періодовъ въ нѣсколько тысячъ лѣтъ, о моментѣ начала міра, — о томъ моментѣ, когда солнце, луна и пять планетъ были видимы находившимися на небѣ вмѣстѣ, одно рядомъ съ другими, въ созвѣздіи Ню (Козерога), подобно нанизанному драгоцѣнному ожерелью. Впрочемъ, календарь Тай-чули уважался недолго. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., славный въ лѣтописяхъ ученый Ло-ся-хунъ, своими астрономическими трактатами составившій въ Китаѣ новую эпоху для этой науки, издалъ новый календарь по способу такъ-называемыхъ „четырехъ частей“ (си-фэнъ-фи).

Объясненіе этого способа, связаннаго съ воззрѣніями древнихъ

на связь небесныхъ свѣтилъ съ земными дѣяніями, вовлекло бы меня во многія подробности, что было-бы утомительно и сбивчиво для настоящаго бѣлаго очерка. То же самое я долженъ сказать и о всей послѣдующей дѣятельности китайскихъ астрономовъ до настоящаго времени. Говорить о ней послѣдовательно и болѣе или менѣе подробно я оставляю для предполагаемаго къ изданію моего обширнаго труда. Теперь же считаю достаточнымъ ограничиться замѣчаніемъ, что благодаря указаніямъ, найденнымъ мною въ китайскихъ гѣтописяхъ и специальныхъ сочиненіяхъ, можно съ желаемою подробностію видѣть, какъ у Китайцевъ разрабатывалась наука о небѣ. Изъ этихъ извѣстій можно усмотрѣть, что въ теченіе всего длиннаго ряда вѣковъ и по сію пору эта дѣятельность обыкновенно возбуждалась не столько высокою цѣлью познать тайны и законы недосягаемаго для насъ міра свѣтилъ, сколько настоятельною нуждой въ правильномъ опредѣленіи періодовъ четырехъ временъ года, въ правильныхъ указаніяхъ предстоящихъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и въ изученіи неба для надобностей астрологій. Однимъ словомъ, нужда, столь тѣсно связанная съ обыденнымъ бытомъ народа и съ религіозными его обрядами, дѣлала то, что дѣятельность астрономовъ въ Китаѣ, главнѣйшимъ образомъ, была направляема къ поправкамъ, къ требуемымъ совершенствамъ календарей. А для этого Китайцы обращались къ астрономическимъ наблюденіямъ, вводили новые методы солнечныхъ и лунныхъ періодовъ и соотвѣтствующихъ имъ вычисленій. Говоря о календарѣ, необходимо сказать, что значеніе его всегда играло и играетъ очень важную роль въ кредитѣ Китайцевъ къ своему правительству. И понинѣ затмѣнія солнца и луны и явленія кометъ массою народа относятся къ неблаговоленіямъ неба правленію, мудрости и правосудію богдыхана; всякая несообразность въ опредѣленіяхъ начала четырехъ временъ года и вставочнаго 13-го мѣсяца въ году, дней новолунія и полнолунія, ошибочность вычисленій о предстоящихъ затмѣніяхъ и т. п. возбуждаютъ въ народѣ ропотъ, неуваженіе къ личности самого богдыхана. Оттого-то изданіе календаря за два, за три мѣсяца до наступленія новаго года всегда считалось и считается одною изъ главныхъ нуждъ китайскаго правительства; оттого и каждое исправленіе въ календарѣ принималось народомъ какъ-бы за особое счастливое предзнаменованіе для правленія богдыхана. Этими же причинами объясняются частые случаи, что съ перваго года своего царствованія богдыханы приказывали издавать календари подъ новы-

ми наименованіями, съ тѣми или другими измѣненіями, въ сущности не имѣвшими ровно никакого значенія. Вслѣдствіе всего связаннаго, мы встрѣчаемъ замѣчательное въ лѣтописяхъ Китая явленіе, что въ періодъ 1568 лѣтъ, то есть, съ 85 по 1053 годъ по Р. Х., когда въ Китаѣ окончательно воцарилась манчжурская династія, въ этомъ государствѣ было измѣнено шестьдесятъ девять календарей, то-есть, среднимъ числомъ, по одному въ каждыя двадцать три года.

Столь частыя перемѣны календарей, конечно, приводятъ къ заключенію, что въ Китаѣ было не мало и дѣятелей для такихъ переделокъ. И дѣйствительно, китайскіе біографическіе сборники свидѣтельствуютъ, что въ продолженіе того же періода 1568 лѣтъ между Китайцами было 220 астрономовъ (они же были и астрологами), то-есть, среднимъ числомъ, по одному на каждыя семь лѣтъ. Должно еще обратить вниманіе на то, что въ этотъ счетъ вошли только тѣ ученые, которые остались памятными въ лѣтописяхъ по оставленнымъ ими сочиненіямъ и по наблюденіямъ небеснымъ. Между ними, кромѣ прежде упомянутаго астронома Ло-ся-хуна, должно поставить впереди всѣхъ буддайскаго монаха И-Хана, жившаго въ VIII столѣтіи, и знаменитаго Гошоуцзина, жившаго въ XIV столѣтіи. Они оба, подобно Ло-ся-хуну, по справедливости могутъ быть названы основателями новыхъ эпохъ въ китайской астрономіи.

При почтенномъ числѣ извѣстныхъ астрономовъ въ Китаѣ, оставившихъ писанные труды, нельзя не заключить, что китайская литература должна быть не бѣдна астрономическими и астрологическими сочиненіями. Дѣйствительно, изъ китайскихъ біографическихъ сборниковъ видно, что сочиненій, спеціально посвященныхъ наукѣ о небѣ, написано въ Китаѣ до девятисотъ. Наибольшая часть ихъ названій сохранилась и по сію пору; что же касается до текстовъ ихъ, то частію они сохранились вполнѣ, а болѣе въ отрывкахъ и въ выпискахъ въ многочисленныхъ сборникахъ и въ лѣтописи, иныя же сочиненія совсѣмъ затеряны. Въ каталогѣ книгъ бібліотеки богдыханскаго дворца, которая, какъ извѣстно, богата только сочиненіями по предметамъ китайскаго классицизма, всего показано 74 сочиненія о небѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по математикѣ. Въ собраніи китайскихъ книгъ, принадлежащихъ Московской публичной бібліотекѣ и Румянцевскому музею, по тѣмъ же предметамъ уже находится 76 сочиненій и еще ожидаются 11 сочиненій. Это, какъ мнѣ точно извѣстно, самое полное въ Европѣ собраніе для изученія китайской астрономіи. Но несомнѣнно, что это собраніе составляетъ не болѣе какъ одну четвертую часть то-

го, что въ Китаѣ по сію пору сохранилось о нашемъ предметѣ. Я имѣлъ случай убѣдиться, что по части книгъ нѣтъ въ Китаѣ ничего труднѣе, какъ найдти рѣдкія сочиненія объ астрономіи; и это потому, что у Китайцевъ наименьшій спросъ на книги именно по астрономіи: для большинства Китайцевъ эта наука почитается недоступною.

Такимъ образомъ мы видѣли усилія Китайцевъ, въ массѣ ихъ ученыхъ и въ массѣ ихъ сочиненій, къ тому, чтобы достигнуть совершенства въ календарныхъ данныхъ. Въ теченіе всѣхъ минувшихъ вѣковъ, эти усилія привели ихъ къ тому посредственному результату, который выразился въ болѣе или менѣе точныхъ опредѣленій годового движенія солнца и луны и ея аномалій, а изъ числа планетъ въ опредѣленіи движеній Юпитера и Сатурна, въ опредѣленіи угла наклоненія эклиптики, въ опредѣленіи періодовъ возвращенія затмѣній, въ наблюденіяхъ и въ опредѣленіи предваренія весенняго равноденствія, и т. п. А астрологическія требованія, издревле получившія почетное мѣсто въ ихъ календаряхъ, привели Китайцевъ къ изученію звѣзднаго неба, съ опредѣленіями положенія звѣздъ; это же привело къ географическому опредѣленію широты и долготы многихъ пунктовъ въ Китаѣ.

III.

По мѣрѣ того, какъ я сталъ знакомиться съ астрономіею Китайцевъ по ихъ книгамъ, во мнѣ все болѣе и болѣе возрасталъ интересъ къ нимъ и должно сказать, чтеніе ихъ часто понуждало меня возобновлять въ своей памяти прочитанное когда-то прежде не у Китайцевъ. Потому, ужъ освоившись съ приемами Китайцевъ въ ихъ литературномъ языкѣ, съ ихъ способами приводить въ систему и излагать вопросы науки и встрѣтивъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ авторы обличаютъ другъ друга въ ошибкахъ, въ невѣдѣніи нѣкоторыхъ основаній астрономіи, -- я пришелъ къ возможности отдѣлять въ прочитываемомъ факты отъ вымысловъ вполне постороннихъ. А таковыми посторонними вымыслами астрономическія сочиненія Китайцевъ наполняются очень часто, такъ какъ, при преобладаніи въ Китаѣ писателей-классиковъ предъ всѣми остальными, въ китайскую астрономическую литературу вмѣшиваются теоретики-философы, которые, безъ всякаго предварительнаго знанія даже первыхъ основаній науки о небѣ, и только опираясь на темныя строки изъ древнихъ

мудрецовъ, благодаря подобраннымъ софизмамъ, предписываютъ законы небесному движенію и явленіямъ, сбивая тѣмъ съ толку дѣйствительныхъ изслѣдователей. Я заботился путемъ изученія мало по малу достигнуть существенныхъ фактовъ въ китайской астрономіи.

А эти факты, въ ихъ совокупности, въ теченіе слишкомъ сорока вѣковъ обнаружили мнѣ, что не напрасно я вспоминалъ о прежде прочитанномъ мною не у Китайцевъ. Я увидѣлъ, что самыя древнія ихъ сказанія о небѣ сходны со сказаніями о томъ же другихъ древнихъ народовъ, хотя, конечно, часто изображены въ особой болѣе или менѣе иносказательной формѣ. Точно также и многія ихъ преданія изъ болѣе близкихъ вѣковъ до Р. Х. сходствуютъ съ преданіями другихъ древнихъ народовъ. Они суть, нѣкоторымъ образомъ, повторенія того же, что мы отчасти знаемъ отъ Грековъ, изъ памятниковъ знаменитой Александрійской школы.

Нельзя не сознаться, что изобиліе у Китайцевъ (какъ и у Грековъ) преданій баснословныхъ, часто доходящихъ до чудеснаго, не можетъ не возбуждать сомнѣній; не видя въ нихъ желаемой доли истины, легко прійти къ заключенію, что они вымышлены празднымъ воображеніемъ, сфабрикованы во времена позднѣйшія. Такъ заключалъ и я, пока наконецъ не измѣнилъ своихъ первоначальныхъ сомнѣній въ древнемъ происхожденіи Китайцевъ. А пересталъ я сомнѣваться въ томъ съ той поры, какъ съ достаточнымъ вниманіемъ изслѣдовалъ древнюю астрономію въ Китаѣ, и какъ съ болѣе или менѣе баснословныхъ преданій о ней снялъ нарощія пѣпки чудеснаго, темнаго, обнаживъ болѣе или менѣе близкую истину. Вымышлять, фабриковать преданія столь послѣдовательно, какъ мы видимъ это въ китайскихъ лѣтописяхъ, носящихъ въ себѣ несомнѣнные признаки древняго происхожденія, не легко, и не только не вѣроятно, но даже, по мнѣнію моему, рѣшительно невозможно. И дѣйствительно, вникнувъ въ нихъ съ должною основательностію, можно помириться съ мыслию, что какіе-нибудь 3000 лѣтъ до Р. Х. еще не столь отдалены отъ насъ, чтобы съ рѣшительностію отвергать свидѣтельства о тогдашней разумной дѣятельности чловѣка, а для подтвержденія этой мысли достаточно опереться на преданія Ветхаго завѣта, и въ частности, въ области астрономіи, на тотъ извѣстный важный фактъ, что спутникъ въ походѣ Александра Македонскаго Калисфенъ прислалъ Аристотелю рядъ астрономическихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Вавилонѣ за 1900 лѣтъ до того времени. Оттого почему бы кажется не помириться, не согласиться съ

преданіями Китайцевъ, сохранившимися въ ихъ литературѣ и свидѣтельствующими, что ихъ предки слишкомъ за 2500 лѣтъ до Р. Х. уже трактовали о небѣ? Несомнѣнно, что отъ воли каждаго зависитъ исключить изъ преданій болѣе или менѣе баснословныя разказы, сказки; но не будетъ ли опрометчиво и недостойно науки отвергать такіе факты, о которыхъ преданія съ упорствомъ повторяютъ не разъ, не вѣрять фактамъ, правдоподобность и точность которыхъ подтверждается какъ свидѣтельствами другихъ древнихъ народовъ, такъ и позднѣйшими наблюденіями и изслѣдованіями. Такъ, напри- мѣръ, знакомясь съ преданіями Китайцевъ о видѣ свода неба, относимыми слишкомъ за двадцать вѣковъ до Р. Х., нельзя не вспомнить подобнаго же сказанія халдейскаго ученаго Бероза. О принимаемомъ Китаичами 19-лѣтнемъ лунномъ періодѣ высказывается и законъ Хаддея Сароса. Въ ихъ зодіакѣ — зодіакъ Вавилонянъ же. Объ измѣреніяхъ длины экватора и меридіана, приписываемыхъ нѣкоторыми преданіями владыкѣ Китайцевъ Хуань-ди, то-есть, относимыхъ къ XXIII вѣку до Р. Х., было извѣстно Грекамъ по вычисленіямъ, сдѣланнымъ за 2000 лѣтъ до Р. Х. Разсужденія о со звѣздіяхъ, о музыкѣ сферъ, о задачѣ равенства квадрата гипотенузы суммѣ квадратовъ катетовъ, и фантазіи о системѣ міра мы встрѣчаемъ въ VI вѣкѣ до Р. Х. у Пифагора, который, какъ свидѣтельствуемъ исторія, учился у восточныхъ народовъ; а ранѣе его съ X вѣка до Р. Х. то же самое читаемъ въ произведеніяхъ Китайцевъ. Преданія IX вѣка до Р. Х. о сдѣланномъ Чжоу-гуномъ съ помощію гномона наблюденіи лѣтняго солнцестоянія мы встрѣчаемъ у Грековъ въ наблюденіяхъ Эвтемона, въ IV вѣкѣ до Р. Х. Ученіе Китайцевъ объ отдѣльныхъ сферахъ для каждаго свѣтила повторяется Евдокіемъ въ III вѣкѣ до Р. Х. О счетѣ неподвижныхъ звѣздъ, хотя и несогласно съ Гиппархомъ, было говорено Китаичами ранѣе его. А около начала нашей эры Китаичи стали писать о тысячнодневныхъ періодахъ, послѣ которыхъ снова повторяются всѣ прежнія неправильности луны, о чемъ и Гиппархъ упоминалъ въ I вѣкѣ до Р. Х.

Остановливаясь на подобныхъ показаніяхъ, сближеніяхъ и сравненіяхъ, тѣмъ болѣе для науки цѣнныхъ, чѣмъ древнѣе самыя факты, нельзя не сказать съ чувствомъ сожалѣнія, что еще очень многому, что мы знаемъ изъ преданій объ астрономіи у Китайцевъ, не находимъ мы соответствующаго у другихъ древнихъ народовъ. Мы бѣдны извѣстіями, а Китаичи богаты ими. Для исторіи нашей науки, мы, Европейцы, пользуемся оставшимися клочками, отрывочными стро-

ками преданій о Халдеяхъ, Индійцахъ и Египтянахъ, не зная ровно ничего, что было сдѣлано ранѣе этой почтенной древности; а Китайцы съ похвальнымъ усердіемъ сохраняютъ свои родныя преданія. А между тѣмъ какъ много содѣйствовали бы подобныя сравненія преданій къ разсвѣнію мрака древней исторіи.

Воспользовавшись въ китайской литературѣ преданіями для изслѣдованія древней астрономіи этого народа, намъ будетъ уже несравненно легче, въ полномъ просторѣ, ознакомиться съ ея дальнѣйшими успѣхами, благодаря сохранившимся о нихъ свѣдѣніямъ въ китайскихъ лѣтописяхъ, въ которыхъ отведено очень почетное мѣсто астрономіи. Эти лѣтописи, веденныя съ педантствомъ, достойнымъ похвалы, въ непрерывномъ рядѣ со II столѣтія до Р. Х. по сію пору, такъ-сказать, изъ года въ годъ, повѣствуютъ о продолжительной астрономической дѣятельности въ Китаѣ. Онѣ говорятъ, иногда даже и подробно, о тѣхъ заботахъ, которыя обнаруживали правительство и ученые труженики для того, чтобы улучшать календарныя данныя, при чемъ не забываютъ пояснять о тѣхъ способахъ, наблюденіяхъ и открытіяхъ въ наукѣ о небѣ, которые содѣйствовали къ таковымъ улучшеніямъ, а ссылками своими на современныя имъ сочиненія часто указываютъ изслѣдователю путь, гдѣ надобно искать матеріалъ для его изслѣдованій. Хронологическія записи въ лѣтописяхъ о бывшихъ затмѣніяхъ, о замѣченныхъ падающихъ звѣздахъ, о замѣченныхъ измѣненіяхъ въ цвѣтѣ звѣздъ и планетъ, о вновь появившихся и о пропавшихъ неподвижныхъ звѣздахъ и о разныхъ бывшихъ необыкновенныхъ метеорологическихкихъ явленіяхъ, составляютъ весьма драгоцѣнный вкладъ въ науку. Впрочемъ, эти лѣтописи, равно какъ и спеціальныя сочиненія Китайцевъ объ астрономіи, страдаютъ общимъ въ китайской литературѣ недостаткомъ, состоящимъ въ своеобразномъ взглядѣ на науку, въ ихъ системахъ, нисколько не соответствующихъ нашимъ системамъ, и еще тѣмъ, что въ нихъ безпрестанно вставлены возгласы и цѣлыя строки, часто затемняющія самый предметъ и написанныя ради краснаго слова, ради возвеличенія своей учености и начитанности. Безъ этихъ недостатковъ онѣ представляли бы собою готовый матеріалъ для оцѣнки китайской астрономіи. Собравъ существенныя факты за этотъ длинный, со II вѣка до Р. Х., періодъ китайской астрономіи и сгруппировавъ ихъ въ одну послѣдовательную систему, можно видѣть, во-первыхъ, то, чего нельзя услѣдить въ запутанныхъ преданіяхъ о древней ихъ астрономіи, именно, что успѣхи, ростъ китайской астрономіи былъ не быстрый и не бодрый, что успѣхи эти шли не всегда шагъ за

шагомъ впередъ, но часто даже отступательно, по нѣскольку шаговъ назадъ; а при такомъ ея ходѣ, иногда съ какою-то внезапностію, появлялись такія новыя открытія и системы, которыя, видимо, нисколько не были подготовляемы предшествующими трудами. Вотторыхъ, можно видѣть, что китайская астрономія со II вѣка до Р. Х. и послѣдующая за ней напоминаеть собою греческую астрономію; а потомъ съ IX—XVII столѣтія китайская астрономія сходна, и иногда даже тождественна съ астрономіей Индійцевъ и Арабовъ. Что же касается до двухъ послѣднихъ вѣковъ, то какъ я сказалъ выше, для практическихъ цѣлей въ составленіи календаря китайское правительство воспользовалось астрономическими данными Европейцевъ. Что же касается до астрономическихъ теорій Европейцевъ, то онѣ оказались неувлекательными и непонятными для Китайцевъ, вслѣдствіе чего они продолжаютъ вѣрно держаться за свое старое знаніе.

IV.

Какой же можно сдѣлать выводъ изъ всего сказаннаго нами? Если астрономія Китайцевъ родственна съ астрономіей другихъ народовъ, то кто же — Китайцы ли были учителями другихъ народовъ, или жь они сами учились этой наукѣ у другихъ?

Если слушать Китайцевъ и вѣрить имъ, то честь быть общими учителями астрономіи принадлежитъ имъ вполне, всецѣло, нераздѣльно. Но въ силу доводовъ здравой критики, можно утверждать, что такой чести Китайцы нисколько недостойны. Выше я уже представилъ нѣсколько запальчивыхъ доводовъ со стороны Китайцевъ-классиковъ въ защиту происхожденія науки о небѣ изъ устъ ихъ древнѣйшихъ мудрецовъ. Завести споръ съ Китайцемъ, тѣмъ паче съ Китайцемъ очень ученымъ, отрицая китайское происхожденіе астрономіи или только выражая въ томъ сомнѣніе, будетъ вполне потеряннымъ временемъ. Для Китайца Конфуцій, съ другими древнѣйшими мудрецами этой плеяды учителей всего міра, суть существа превыше всего на землѣ; ихъ классическія творенія заключаютъ въ себѣ сущность мудрости этихъ учителей. Оттого, если въ ихъ классической литературѣ есть хотя бы только одна строка объ астрономіи, а такихъ строкъ въ нихъ очень много, — то по мнѣнію всякаго Китайца, это уже подтверждаетъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что астрономія получила свое начало отъ ихъ мудрецовъ. Такова ихъ логика. При этомъ не должно забывать, что въ отношеніи привязанности къ своимъ народнымъ учителямъ Китайцы стоятъ несравненно вѣрнѣе, чѣмъ то было съ Греками и съ Европейцами

въ средніе вѣка въ отношеніи привязанности къ ученію Аристотеля и Птолемея; Китайцы не лгутъ, нисколько не маскируются, и вѣрятъ вполне чистосердечно, что чужое, иноземное не могло быть предметомъ ученія ихъ мудрецовъ. Они глубоко убѣждены, что ихъ мудрецы были вдохновляемы свыше, самимъ небомъ, для нуждъ своего народа. А если, говорятъ ученые Китайцы, многое изъ астрономическихъ знаній не сохранилось въ ихъ классическихъ твореніяхъ, то это еще не значить, что ихъ никогда не бывало въ тѣхъ твореніяхъ, такъ какъ извѣстно, что эти книги страшно пострадали, и нѣкоторая часть ихъ затеряна, при сожженіи богдыханомъ Цинъ-ши всего написаннаго. На представляемыя возраженія, что истребленіе книгъ не могло быть столь разрушительнымъ для китайской учености, такъ какъ чрезъ какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ, съ паденіемъ династіи Цинъ-ши, воцарилось въ Китаѣ сильнѣйшее покровительство литературѣ, при чемъ можно было возстановить на память все написанное, спорящіе Китайцы отвѣтятъ ничѣмъ другимъ, какъ только глубокими вздохами.

Однако подобныя споры съ учеными Китадцами, въ которыхъ мнѣ случалось практиковаться, полезны по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что выводятъ наружу такіе факты, которые намъ, не Китадцамъ, не предубѣжденнымъ въ ихъ мудрости, служатъ въ пользу, подтверждаютъ наше убѣжденіе, что астрономія, какъ наука, не есть собственное произведеніе Китадцевъ, хотя бы даже и мудрецовъ ихъ, а произведеніе, занесенное въ Китаѣ и даже къ услугамъ ихъ мудрецовъ.

Не привождя здѣсь всѣхъ собранныхъ мною фактовъ, на сей разъ ограничусь не многими:

1) Во всѣхъ, безъ исключенія, древнѣйшихъ преданіяхъ Китадцевъ, гдѣ говорится объ открытіяхъ, наблюденіяхъ и о наставленіяхъ, сдѣланныхъ ихъ мудрецами въ области астрономіи и отчасти въ области астрологіи, непременно упоминаются одинъ или нѣсколько неизвѣстныхъ старцевъ, знатоконъ, а иногда и явныхъ учителей. Мудрецы обыкновенно и говорятъ-то съ ихъ словъ. Только владыка Яо самъ даетъ приказанія своимъ астрономамъ Си и Хэ; но эти приказанія сами собою свидѣтельствуютъ, что Яо могъ быть нисколько незнакомъ съ астрономіей, а только поручалъ это дѣло людямъ, вполне съ нею знакомымъ.

2) Почти всѣ свѣдѣнія объ астрономіи и отчасти объ астрологіи, разсѣяныя въ китайскихъ летописяхъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ со временъ Ханьской до Мавчжурской династіи, то-есть, съ 207 года

до Р. Х. по 1652 годъ по Р. Х., представляютъ собою ту замѣчательную черту, что они являлись на почвѣ науки внезапно, неожиданно, безъ какихъ-либо предварительныхъ приготовленій, изученій, наблюдений. Знанія являлись готовыми. Изъ китайскихъ лѣтописей видно, что приходитъ въ столицу, неизвѣстно откуда, ученый астрономъ; онъ иногда пустынный, какъ Ло-ся-хунъ, иногда принадлежитъ къ сектѣ даоши или къ сектѣ буддистовъ, какъ И-Ханъ и проч. Обыкновенно въ докладѣ къ богдыхану отъ себя лично, или чаще, отъ лица предсѣдателя и членовъ астрономическаго трибунала, этотъ астрономъ бойко отвергаетъ, даже осмѣиваетъ тѣ или другія основанія, принятія въ китайской астрономіи, указываетъ на происшедшія оттого ошибки въ существующемъ календарѣ и въ заключеніе предлагаетъ принять только ему извѣстныя астрономическія истины. Затѣмъ появляется богдыханскій указъ, разрѣшающій ввести календарь на предложенныхъ новыхъ началахъ.

Наконецъ, 3) всѣ, безъ исключенія, внесенныя такимъ внезапнымъ путемъ знанія воспринимались послѣдующими Китаичами-астрономами робко, такъ-сказать, ощупью, на вѣру, по видимому, безъ яснаго пониманія оныхъ. Потому-то, вмѣсто того, чтобы вновь внесенныя знанія болѣе и болѣе разъяснялись, мы видимъ изъ лѣтописей весьма частые случаи, что въ промежуткахъ 10—30 лѣтъ они или забывались вовсе, или же запутывались въ ложныхъ теоріяхъ. Это въ особенности должно сказать о законѣ учрежденія весенняго равноденствія, о которомъ Китаичи писали и спорили въ продолженіе почти десяти вѣковъ, сбиваясь противорѣчіями заносимыхъ къ нимъ указаній, пока наконецъ ихъ астрономъ Гошоуцзинъ, извѣстный ученикъ Арабовъ, не высказался о немъ точно.

Эти несложные факты не даютъ ли намъ повода сказать, что съ глубокой древности являлись въ Китай извнѣ наставники-астрономы, благодаря которымъ владыки учили народъ свой; что эти наставники, являясь не часто, своимъ пришествіемъ ознаменовывали эпохи успѣха астрономіи въ Китаѣ; что и въ послѣдующія времена, около начала нашей эры до послѣднихъ вѣковъ, Китаичи точно также нуждались въ иноземныхъ учителяхъ для успѣховъ своей астрономіи и воспринимали ихъ знанія, безъ предварительныхъ къ нимъ приготовленій.

А изъ всего этого мы приходимъ къ положительному заключенію, что наибольшая часть тѣхъ знаній, если только не всѣ, которыя со-

ставляютъ собою науку астрономіи у Китайцевъ, принадлежитъ къ открытіямъ не самихъ Китайцевъ, а принесены къ нимъ извнѣ.

Но прійдя къ такому заключенію, исторія будетъ нуждаться въ разрѣшеніи вопросовъ: кто были первыми наставниками Китайцевъ въ астрономіи? гдѣ находился тотъ обѣтованный край, откуда впервые лучи науки просвѣтили Китай? Было ли это въ Вавилонѣ, или, можетъ статья, еще ранѣе, въ иномъ мѣстѣ, у учителей самихъ Халдеевъ? Эти вопросы мы оставляемъ въ сторонѣ, не умѣя дать на нихъ отвѣты и не находя такихъ отвѣтовъ ни въ одномъ ученомъ трактатѣ. Но не отвѣчая на вышеприведенные вопросы, мы можемъ, пользуясь источниками изъ китайской литературы, представить нѣсколько фактовъ, правда—болѣе или менѣе сомнительныхъ и спорныхъ, но, быть можетъ, способныхъ освѣтить широкое поле догадокъ для будущихъ болѣе счастливыхъ изслѣдователей древняго просвѣщенія Китайцевъ. Такъ, напримѣръ, я пришелъ къ заключенію, что первые владыки Китая, Фу-си, Шэнь-пунъ, Хуанъ-ди и даже Яо, были родоначальниками колоній въ Китаѣ, что они были пришельцами въ Китаѣ, а съ ними пришли и учителя-просвѣтители. Второй фактъ: въ китайской лѣтописи упоминается, что въ X вѣкѣ до Р. Х. богдыханъ Муванъ находился въ политическихъ сношеніяхъ съ великою владѣтельницей западныхъ странъ; лѣтописи называютъ ее Си-ванъ-му, то-есть, мать-владѣтельница запада. Я имѣю основанія заключать, что тутъ идетъ рѣчь о Семирамидѣ, содѣйствовавшей, такимъ образомъ, къ просвѣщенію Китайцевъ. Наконецъ, если искать посредниковъ между Китайцами и другими древними народами, просвѣщавшими ихъ, то по моему мнѣнію, всего прежде можно указать на тѣхъ сектаторовъ, которые задолго до Р. Х. стали въ Китаѣ извѣстны подъ именемъ „учителей закона“ (даоши). Я пришелъ къ заключенію, что даоши, будучи всемірными скитальцами, хранили въ себѣ всю глубину ученія о законѣ разума, въ его обширнѣйшемъ смыслѣ. Это были волхвы и маги, алхимики и колдуны, вносившіе въ Китай основанія наукъ, и особенно, астрологию и астрономію. Такъ, изъ китайскихъ лѣтописей, между прочимъ, видно, что эти учителя закона обязывали богдыхановъ изучать астрологию и астрономію, связывая эти два знанія съ ихъ царственнымъ безсмертіемъ, къ чему въ тѣ времена люди были столь горячо пристрастны. Извѣстно, что эти жь учителя закона, ради своего вліянія, для людей сильныхъ властью измышляли разныя зелья, напитки безсмертія и т. п. Въ китайской литературѣ по сію пору сохранилось нѣсколько трактатовъ, написанныхъ даошами до Р. Х.; но Китайцы-классики, бу-

дучи вѣрными послѣдователями ученія Конфуція, называютъ большую часть этихъ трактатовъ продуктами ложнаго ученія, то-есть, ученія, не испедашаго изъ устъ ихъ мудрецовъ; однакожъ, не смотря на то, астрономическія сочиненія Китайцевъ всегда пользовались и пользуются по сію пору указаніями упомянутыхъ трактатовъ.

Легче сказать, кто были наставниками Китайцевъ въ астрономіи съ послѣднихъ вѣковъ предъ началомъ нашей эры. Если мы не находимъ на этотъ вопросъ открытыхъ отвѣтовъ у самихъ Китайцевъ, за то видимъ, въ болѣе или менѣе ясной формѣ, ихъ учителей въ самыхъ памятникахъ китайской литературы за весь этотъ періодъ времени. И дѣйствительно, при строгомъ критическомъ разборѣ этихъ памятниковъ, намъ весьма легко признать, что съ того времени астрономическія знанія были вносимы въ Китай сперва Греками и Индійцами и также, вѣроятно, христіанами-несторіанами. Индійскій элементъ знаній былъ внесенъ по большей части пилигримами-буддистами. Потомъ, позднѣе, явились въ Китаѣ астрономы Арабы. При этомъ нельзя не замѣтить очень вѣское показаніе, что Арабы стали просвѣщать Китайцевъ въ астрономіи не только со временъ блестящаго вѣка халифовъ багдадскихъ, въ X столѣтіи, но значительно ранѣе, уже съ IV столѣтія до Р. Х., когда, по словамъ, на сей разъ откровенной, китайской лѣтописи, астрономъ Махама (Мохамедъ) изъ Мекки, припесъ Китайцамъ первыя свѣдѣнія объ опредѣленіи весенняго равноденствія. Съ XIII столѣтія, то-есть, со временъ Монгольской династіи, арабская астрономія вполне утвердилась въ Китаѣ; а съ воцареніемъ настоящей Манчжурской династіи, въ китайской правительственной сферѣ были приняты элементарныя начала европейской астрономіи, съ практическою цѣлію правильнаго составленія календаря. Въ массу же народа, въ лицѣ его ученыхъ, наша наука и по сію пору не проникла; Китайцы ее не знаютъ, по прежнему питаютъ благоговѣніе къ своимъ классикамъ и къ астрономіи вѣковъ давно минувшихъ, смотря на все новое съ недобѣріемъ.

Благодаря столь могучимъ двигателямъ науки, каковы Коперникъ и Кеплеръ, Галилей и Ньютонъ, мы отказались отъ вѣры въ старое ученіе Птолемея и Аристотеля. Благодаря другимъ позднѣйшимъ дѣятелямъ, каковы Голлей и Брайлей, Эйри и Лаверье, Гершель и Струве, мы теперь столь далеко ушли въ изученіи неба и столько освоились съ его законами, что недавнее прошлое кажется намъ уже лепетомъ младенцевъ. Не то скажетъ каждый о сы-

нахъ востока. Тамъ въ настоящее время астрономія, какъ наука, осталась къ большому почету только у Китайцевъ. Но много ли она выиграла отъ такого почета? Не смотря на бывшихъ многочисленныхъ иноземныхъ учителей, и Китайцы остаются въ этой наукѣ отсталыми недорослями, слегка взрослыми дѣтьми въ сравненіи съ тѣми младенцами науки, какими, по сохранившимся памятникамъ, представляются намъ древніе Египтяне, Индійцы и Греки. Они, по прежнему, для всѣхъ приобретаемыхъ ими знаній въ области астрономіи ищутъ точку опоры въ своихъ классическихъ трактатахъ, развѣдывая въ своихъ фолиантахъ, словно у нянекъ, когда и гдѣ ихъ мудрецы поучали ихъ о томъ же. И по сію пору они смотрятъ на звѣздное небо, какъ на очаги ихъ боговъ и мудрецовъ; читаютъ по свѣтиламъ неба, будто по словарю, всю судьбу свою; считаютъ землю символомъ покоя, а небо—символомъ движенія, приравнивая первый символъ къ бездѣйствію народа, обязаннаго вѣчно пребывать въ покоѣ, въ застоѣ, а второй — къ дѣйствію богдыхана, этого сына неба, долженствующаго быть въ безостановочной заботѣ, въ постоянной опекѣ надъ народомъ. При такихъ началахъ знаній, проповѣдуемыхъ учеными по классическимъ ихъ твореніямъ, Китайцы не въ силахъ понять и повѣрить наши знанія о вселенной. Владѣя вмѣсто цифръ сложными знаками іероглифовъ, не зная математики дальше задачъ треугольника и круга, не зная ни телескопа, ни всѣхъ другихъ нашихъ усовершенствованныхъ астрономическихъ инструментовъ, они не въ состояніи повѣрить ни наблюденій, ни результатовъ нашихъ вычисленій. Они если и не отрицаютъ свѣдѣній, доставленныхъ имъ европейскими астрономами, — не отрицаютъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что увидѣли отъ нихъ практическую пользу для своего календаря, — зато, благодаря своимъ классическимъ нянькамъ, все таки торжествуютъ и поднимаютъ голоса самодовольствія въ своихъ сочиненіяхъ, завѣряя своихъ соотечественниковъ, что Европейцы нахально возносятся своими, будто бы, открытіями въ области неба, когда эти открытія съ давней древности извѣстны въ Китаѣ и похищены Европейцами у нихъ же Китайцевъ. На такія дѣтскія завѣренія, всегда охотно воспринимаемыя въ народѣ, ихъ ученые не скупятся представлять и доказательства въ видѣ выписки нѣсколькихъ фразъ изъ текста своихъ классическихъ книгъ, болѣе или менѣе встати подходящихъ къ доказываемому предмету. А сдѣлать подобный подборъ цитатъ обыкновенно не трудно для требованій малознающей толпы,

такъ какъ общія основанія астрономіи, высказываемыя древними Китайцами, часто тождественны съ нашими. „Шахматный игрокъ, поддавшись, проигралъ партію, а его противникъ уже возмечталъ, что онъ игрокъ лучшей“: такими неблагодарными, нахальными насмѣшками китайскіе писатели нынѣ вспоминаютъ тружениковъ-іезуитовъ, бесполезно усиливавшихся научить Китайцевъ нашей астрономіи и оставившихъ имъ для вѣковаго руководства точныя календарныя таблицы.

Этимъ я закончу настоящій краткій обзоръ астрономіи у Китайцевъ, надѣясь въ другихъ, болѣе пространныхъ трудахъ подробно подтвердить сказанное. Въ нихъ я надѣюсь доказать нижеслѣдующія положенія, на которыя здѣсь намекнулъ только вкратцѣ:

1) Китайцы не сами создали свою астрономію, а заимствовали ее у иноземцевъ,

2) Въ дальнѣйшей обработкѣ своей астрономіи Китайцы пользовались руководствами Грековъ, Индійцевъ, Арабовъ и Европейцевъ.

3) По настоящее время знанія Китайцевъ въ астрономіи стоятъ ниже, чѣмъ онѣ стояли въ Европѣ до временъ Тиходебраге.

4) При слѣпой, младенческой привязанности Китайцевъ къ своимъ классическимъ твореніямъ, тормозящей въ нихъ всякій шагъ къ прогрессу, при замѣчательномъ равнодушіи ихъ ко всему, что дѣлается внѣ ихъ стѣны, и при неспособности ихъ къ изученію высшей математики, они весьма не скоро выйдутъ въ наши астрономическія знанія.

И наконецъ 5) изученіе въ изобиліи сохранившихся въ китайской литературѣ, со временъ глубокой древности, памятниковъ астрономической литературы можетъ представить весьма солидный вкладъ въ науку. Оно несомнѣнно доставитъ много драгоценныхъ страницъ для исторіи астрономіи; оно щедро доводнитъ и подтвердитъ то, что мы знаемъ изъ отрывочныхъ извѣстій Египтянъ, Грековъ, Индійцевъ и Арабовъ; для многихъ не затронутыхъ въ исторіи вопросовъ оно откроетъ новыя факты, въ которыхъ мы нуждаемся для полной, по сію пору столь мало обработанной, исторіи нашей науки.

К. Скачковъ.

КАЗАНСКІЯ ГИМНАЗИИ ВЪ ХІІІ СТОЛѢТІИ.

Назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ, служа при библіотекѣ Императорскаго Казанскаго университета и занимаясь собираніемъ свѣдѣній объ ея исторіи и описаніемъ ея рукописей ¹⁾, я рѣшился разсмотрѣть старинный архивъ Казанскихъ гимназій, помѣщавшійся тогда вмѣстѣ съ архивомъ совѣта и правленія университета. Толстые фоліанты (столбы), лежавшіе, быть можетъ, въ теченіе 40 или 50 лѣтъ нетронутыми, покрытые корою пыли, я потревожилъ въ забытыхъ углахъ къ удивленію добрака-архиваріуса, оказавшаго, однако радушное мнѣ содѣйствіе.

Пересматривая эти десятки тысячъ листовъ, собственно съ цѣлію разяснить точнѣе переходъ книгъ изъ библіотекъ Полянскаго и князя Потемкина-Таврическаго въ Казанскую гимназію, а потомъ въ университетъ, я почти ничего не нашелъ для себя удовлетворительнаго; за то съ возрастающимъ любопытствомъ зачитывался въ высшей степени интересными дѣлами прошедшаго столѣтія, въ которыхъ обрисовывались судьбы гимназій—первенца въ восточной Россіи...

Невольно, для памяти, для чего-то, я дѣлалъ краткія извлеченія изъ дѣлъ о всемъ, что поражаало меня своею особенностію: отчетъ о состояніи учениковъ, жалобы ссорившихся учителей, мнѣніе о способахъ преподаванія, извѣстіе о цѣнахъ на припасы, о почтовыхъ прогонахъ и проч., и проч. Я тогда же предположилъ со временемъ заняться подробнѣе и систематичнѣе изученіемъ этого архива. Обстоятельства измѣнились и я, переѣхавъ вскорѣ послѣ того въ С.-Петербургъ, остался только съ тѣми краткими замѣтками, какія успѣлъ сдѣлать во время перечитыванья фоліантовъ.

¹⁾ См. *Журн. Мин. Народн. Просв.*, 1851 г. іюнь и ноябрь; 1852 г. сентябрь; 1854 г. іюль и августъ; 1856 г. май и іюнь; 1857 г. апрѣль.

Обработывать свои выписки въ стройную и связную статью я не осмѣливался, предполагая, что, по случаю приближавшагося столѣтія Казанской первой гимназій, кто-нибудь изъ Казанцевъ непременно перечитаетъ всѣ тѣ дѣла, которыми нѣкогда пользовался я, и составить полное обзорѣніе основанія и существованія гимназій въ минувшемъ столѣтіи. Дѣйствительно, во времени столѣтняго юбилея въ Казани напечатана составленная г. Владиміровымъ книга, подъ заглавіемъ: „Историческая записка о 1-й Казанской гимназій. XVIII столѣтіе.“ (Казань, 1867, in 8°, ч. 1-я, стр. 1—162).

Книга г. Владимірова привела меня къ заключенію, что и съ появленіемъ ея въ свѣтъ нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ мною выписокъ не совсѣмъ лишены интереса и отчасти могутъ пополнить или исправить приводимыя имъ извлеченія.

Въ такомъ убѣжденіи, я рѣшился наконецъ изъ моихъ отрывочныхъ выписокъ составить нѣчто связанное, дополнивъ ихъ равными замѣчаніями, почерпнутыми изъ нѣкоторыхъ печатныхъ сочиненій, касающихся того же предмета, или по крайней мѣрѣ той же эпохи.

Придавая своей статьѣ значеніе матеріала для исторіи просвѣщенія въ Россіи, я желалъ бы достигнуть одного, а именно, чтобы она побудила другихъ къ болѣе тщательнымъ изысканіямъ, нежели какія могъ сдѣлать я.

I.

Отправляя въ Казань въ 1555 году архіепископа Гурія, Іоаннъ Грозный вмѣнялъ ему въ обязанность—приводить невѣрныхъ въ крещеніе, „кротостію съ ними говорити и приводити ихъ къ крестьянскому закону, и разговаривая съ ними тихо со умиленіемъ, а жестостію съ ними не говорити... и всѣми обычай, какъ возможно, людей къ себѣ приучати“...¹⁾

И еще позднѣе писалъ онъ въ отвѣтъ на просьбу святителя Гурія о дачѣ монастырю Зилантовскому угодій: „блага есть сія рѣчь ваша, еже старцамъ дѣти обучати и поганыи въ вѣру обращати,—то есть долгъ всѣхъ васъ... Учити же младенцы не только читати и писати, но читаемое право разумѣвати, и да могутъ и иные научити“²⁾.

¹⁾ Акты Археогр. Эксп. I, № 241.

²⁾ Продолж. Древн. Русск. Визліюенки V, стр. 241. Сравни: *Труды Общ. Ист. и Древн. Росс.* III, 29. *Карамзина*, *Ист. Гос. Рос.* IX, прим. 815.

Исполняя волю царя, св. Гурій въ 1557 году учредилъ при основанныхъ имъ монастыряхъ въ Казани (Зилантовско-Успенскомъ и Спасопреображенскомъ) и въ Свіязскѣ (Богородицкомъ) училища, въ которыхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми христіанъ, наставляемы были дѣти магометанъ и язычниковъ. Первый жизнеописатель св. Гурія, митрополитъ (впослѣдствіи патріархъ) Гермогенъ, сообщаетъ, что Гурій, еще будучи въ свѣтскомъ званіи, „писа книжицы малыя, яже въ наученіе бывають малымъ дѣтищемъ“¹⁾. Еще въ 1833 году въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ Казани хранилась подобная азбука, писанная рукою Гурія²⁾; въ настоящее время, сколько извѣстно, въ Казани ея не находится.

Таково было начало просвѣщенія въ новозавоеванномъ Казанскомъ царствѣ, откуда оно должно было, естественно, распространиться по всему восточному краю.

Намъ ничего неизвѣстно, какое вліяніе имѣли эти училища на водвореніе христіанства и грамотности; но нельзя сомнѣваться, что вліяніе оказывалось. Впрочемъ, въ настоящей статьѣ и не предполагается входить въ подробности относительно этихъ училищъ; но упомянуть о нихъ и о другихъ, предшествовавшихъ учрежденію гимназіи, не излишне для общей связи съ вопросомъ о водвореніи просвѣщенія въ Казанскомъ краѣ.

Заботы о просвѣщеніи христіанствомъ инородцевъ продолжались и въ послѣдующее время, хотя, къ сожалѣнію, до царствованія Петра Великаго положительныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется³⁾. Недостатокъ въ образованныхъ священнослужителяхъ, препятствовавшій казанскимъ архіереямъ привести въ надлежащее устройство духовную часть въ епархіи, также вызывалъ потребность въ учрежденіи училищъ. Къ этому, наконецъ, обязывалъ и самый законъ (Духовный Регламентъ, указъ 14-го февраля 1721 года).

Поэтому, въ періодъ управленія Казанскою епархіею митрополита Тихона (1699—1724), дѣти новокрещеновъ изъ магометанъ и язычниковъ, „для произведенія во священныи чинъ, постоянно были обу-

¹⁾ *Гр. Елисеѣвъ*, Жизнеописанія святителей Гурія, Варсоноія и Германа, стр. 60, прим. 3.

²⁾ *Рыбушкинъ*, Краткая исторія города Казани, I, стр. 64.

³⁾ *Филарета*, архіепископа Черниговскаго, Исторія Русской Церкви, IV, 59, 60; V, 14—18 (по изд. 4-му). О новокрещенскихъ школахъ въ XVIII столѣтіи есть особое изслѣдованіе *свящ. Е. Малова* въ *Православномъ Обзорніи* 1868 года.

чаемы при его архіерейскомъ домѣ“; но состояніе этой школы было очень незавидно: „новокрещенныя дѣти, будучи въ Казани: безъ отцовъ и матерей своихъ, зачали помирать, а другія заболѣли“, и казанскій губернаторъ П. М. Апраксинъ въ 1709 году распорядился распустить учениковъ по домамъ ¹⁾. Въ 1718 году открыта была въ Казани, на основаніи указа 28-го февраля 1714 года, „цифирная школа“, въ которой учили „наукамъ потребнымъ и церкви и гражданству“, а потому и принимали въ нее „дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подьячихъ дѣтей“; преимущественно же обученіе здѣсь направляемо было „въ надежду священства“ и вслѣдствіе того помѣщали также и дѣтей новокрещенныхъ ²⁾.

Преемникъ митрополита Тихона, митрополитъ Сильвестръ, хотя и продолжалъ поддерживать школы, однако болѣе занятъ былъ борьбою съ тогдашнимъ казанскимъ губернаторомъ, извѣстнымъ А. П. Волинскимъ, который, между прочимъ, и учителей архіерейской школы „билъ батошьемъ смертно“ ³⁾; сенатъ, видя что лица, стоящія въ губерніи во главѣ духовнаго и гражданскаго управленія, находятся между собою въ борьбѣ, рѣшилъ развести ихъ.

Въ 1732 году назначенъ былъ архіепископомъ казанскимъ Иларіонъ Рогалевскій, родомъ изъ Малороссіи, бывшій прежде іеромонахомъ въ арміи фельдмаршала Шереметева, потомъ сопровождавшій Волинскаго въ Персію, затѣмъ занимавшій званіе оберъ-іеромонаха во флотѣ, и наконецъ, въ санѣ архимандрита, управлявшій Московскимъ Донскимъ монастыремъ. Немедленно по прибытіи въ Казань, Иларіонъ основалъ при Зилантовомъ монастырѣ семинарію или школу Славяно-латинскую, въ которой первыми наставниками были воспитанники Кіевской академіи Стефанъ Гловацкій и Василій Пудецъ-Григоровичъ, впослѣдствіи и самъ сдѣлавшійся архіепископомъ, и наконецъ, митрополитомъ казанскимъ. При этой семинаріи существовала инородческая школа, которую посѣтили академики Гмелинъ и

¹⁾ Описаніе документовъ и дѣлъ св. прав. синода, т. I, 364—368; прилож. XVII, XVIII, XIX. *Кн. М. М. Щербатовъ* въ своемъ сочиненіи «Статистика въ разсужденіи Россіи» (*Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1859 г., кн. 3-я) говоритъ, что «большая часть учениковъ съ голоду умирали», стр. 64.

²⁾ *Можаровскій*, Казанская семинарія, въ *Правосл. Обзорнѣ*, 1868 г., декабрь, 343—374.

³⁾ *Чтенія Моск. Общ. Ист.*, 1862 г., IV, смѣсь, 109—112. Ср. *Шушкина*, А. П. Волинскій, въ *Отеч. Зап.* 1860 года, т. СХХVIII, Отд. I, стр. 505.

Миллеръ, ѣхавшіе въ 1733 году въ сибирскую экспедицію ¹⁾. Иларионъ хлопоталъ устроить такія же школы въ Цивильскѣ, Царевкокошайскѣ и Елабугѣ; но, въ 1735 году переимѣненный въ Черниговъ, не успѣлъ привести къ надлежащему окончанію свои предпріятія и постройку особаго для семинаріи дома близъ церкви Петропавловской, сооруженной казанскимъ купцомъ Михляевымъ въ память посѣщенія Казани Петромъ Великимъ.

Преемникъ Иларіона, архіепископъ Гавріилъ (1735—1738 г.), подозрительно относившійся ко всѣмъ нововведеніямъ и преобразованіямъ, начавшимся въ Россіи со времени Петра I, не только не заботился о семинаріи и школахъ, но почти старался уничтожить ихъ ²⁾.

Дѣло, однако, не погибло вовсе. За продолженіе его горячо взялся архіепископъ Лука Конашевичъ (1738—1755). По словамъ біографа казанскихъ архіереевъ, архимандрита Платона Любарскаго ³⁾, архи-

¹⁾ *F. G. Gmelin's Reise*, I, 43—49.

²⁾ *Правосл. Обзорніе* 1868 г., декабрь, 350.

³⁾ Петръ Ивановичъ (въ монастырѣ Платонъ) Любарскій родился въ 1738 году въ городѣ Менѣ (нынѣ мѣстечко въ Сосницкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Первоначально обучался онъ въ семинаріи при Ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ, настоятелемъ котораго былъ близкій его родственникъ, архимандритъ Варсоломей Любарскій. Послѣ того продолжалъ ученіе въ Черниговской коллегіи и окончательное образованіе получилъ въ Кіевской академіи. Между тѣмъ, въ теченіе этого времени, его родственникъ и благодѣтель Варсоломей Любарскій сдѣлался епископомъ въ Вяткѣ и вызвалъ туда въ 1762 году Петра Любарскаго, назначивъ сначала учителемъ, а потомъ префектомъ семинаріи. Надобно отдать справедливость, молодой префектъ усердно занимался семинаріею и привелъ ее въ весьма удовлетворительное положеніе, чему, конечно, болѣе всего помогало его родство съ архіереемъ. Съ вѣтъхъ же поръ онъ сталъ заниматься собираніемъ различныхъ матеріаловъ по исторіи русской іерархіи, и впоследствии, служа въ различныхъ епархіяхъ, вездѣ оставилъ послѣ себя любопытные сборники. Въ 1770 году онъ принялъ постриженіе подъ именемъ Платона и скорѣе назначенъ игуменомъ Крестовоздвиженскаго Верхочепецкаго монастыря (близъ г. Слободскаго въ Вятской губерніи); а отсюда переимѣненъ въ 1772 г. въ Казань настоятелемъ Спасопреображенскаго монастыря съ саномъ архимандрита. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ разгрома Казани пугачевцами и освобожденія ея Михельсономъ, о чемъ и составилъ «Краткое извѣстіе», изложенное въ формѣ письма 24-го августа 1774 г., къ извѣстному Н. Н. Бятышъ-Каменскому, съ которымъ Любарскій, по всей вѣроятности, сблизился еще въ Кіевской академіи. Письмо это, какъ видно, скоро распространилось въ спискахъ; «между неизчетными онаго читателями» былъ и Михельсонъ: искреннія похвалы, возданныя Любарскимъ этому «неутрудимому герою и избавителю Казани» вызвали и съ его стороны благодарственное письмо къ архимандриту. Письмо Лю-

епископъ Лука привелъ семинарію въ такое устройство, что она могла соперничать съ академіями Московскою и Кіевскою. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ такого отзыва можетъ служить то, что изъ Казанской семинаріи въ 1750 г. вышелъ Гедеонъ Криновскій, за свое краснорѣчіе возведенный императрицею Елизаветою въ званіе придворнаго проповѣдника. Академикъ Де-Лиль, посѣтившій Казань въ 1740 г., въ проѣздъ свой въ Березовъ и обратно, также отзывается выгодно о состояніи семинаріи и о заботливости архіепископа Луки о процвѣтаніи ея ¹⁾.

Архіепископъ Лука былъ человекъ усердный, только доводилъ свое усердіе до крайности ²⁾. Въ апостольской ревности къ распространенію христіанства между инородцами, Лука въ 1740 г. возстановилъ „новокрещенскую школу“ и устроилъ нѣсколько отдѣленій ея, какъ въ самой Казани, такъ и въ городахъ Свіяжскѣ, Царевкокшайскѣ и Елабугѣ. Одно изъ такихъ отдѣленій учреждено было имъ при церкви св. Захаріи и Елизаветы, построенной имъ въ срединѣ татарскихъ Казанскихъ слободъ. Это очень не нравилось Татарамъ, тѣмъ болѣе, что архіепископъ, по словамъ Любарскаго, „убѣждалъ ихъ нѣкоторыми притѣсненіями, совидая насильно въ срединѣ

барскаго въ первый разъ было напечатано Пушкинымъ въ приложеніяхъ къ его «Исторіи Пугачевскаго бунта»; но еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія оно съ небольшими перемѣнами издано было отдѣльною брошюрою, подъ названіемъ: «Михайловъ въ бывшее въ Казани возмущеніе» (издалъ Дмитрій Зинovieвъ, Москва, 1807; in 8°). Платонъ Любарскій въ 1785 г. былъ переведенъ въ архимандриты первокласснаго Свіяжскаго Богородицкаго монастыря; отсюда въ 1788 году перемѣщенъ въ ставропигіальный Воскресенскій (Новый Іерусалимъ), а въ 1792 г. въ Донской монастырь въ Москвѣ. Въ 1794 г. Платонъ хиротонисавъ въ епископи въ Тамбовѣ, но черезъ мѣсяць, съ саномъ архіепископа, переведенъ въ Астрахань. Здѣсь онъ оставался до 1805 г., когда былъ перемѣщенъ въ Екатеринбургскую епархію, гдѣ и умеръ въ концѣ 1811 г. Изъ трудовъ его, кромѣ упомянутаго описанія разоренія Казани, напечатаны: «Извѣстія о Вятской и Астраханской епархіи» (*Чтенія Моск. Общ. Исторія*, 1847 г., № 7) и «Увѣщаніе къ Казанской паствѣ», отъ лица архіепископа Веніамина, въ 1773 г. (тамъ же 1860, кн. 2-я). Но «Сборникъ Древностей Казанской епархіи и присноподатныхъ обстоятельствъ» — остается въ рукописи (См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1854, № 8, отд. III, 40—44); впрочемъ, многія изъ вошедшихъ въ него статей также были изданы въ разное время. Ср. *Филарета*, Обзоръ рос. духовн. литературы, кн. 2-я, стр. 172, 173.

¹⁾ П. *Пекарскаго*, Путешествіе Делля въ Березовъ, стр. 57.

²⁾ Полная біографія Луки Конацевича въ *Правосл. Обзор.* 1858 г., августъ, октябрь, декабрь.

селеній ихъ церкви и часовни, *набирая противъ воли ихъ дѣтей въ заведенія ихъ новокрещенскія училища*, учреждая мимо домовъ ихъ крестныя хожденія и другія причиняя имъ *противности*, чрезъ что они нерѣдко отъ нестерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія¹⁾. Всѣ эти обстоятельства привели къ тому, что императрица Елизавета, не смотря на все свое усердіе къ утверженію православія между казанскими инородцами²⁾, вынуждена была уступить и, въ отвращеніе дурныхъ послѣдствій, повелѣла перемѣстить архіепископа Луку въ епархію Бѣлгородскую. Школа новокрещенская при Захарьевской церкви осталась и существовала до 1800 года.

Кромѣ этихъ училищъ, по свидѣтельству историка Казани, г. Рыбушина³⁾, около того же (?) времени учреждена въ Казани „школа баталіонная“, въ которой обучалось до 350 солдатскихъ дѣтей.

Но всѣ эти училища имѣли назначеніе особенное, преслѣдовали спеціальныя цѣли: школы новокрещенскія и семинарія стремились образовать надежныхъ миссіонеровъ и достойныхъ пастырей церкви; школа баталіонная долженствовала готовить грамотныхъ солдатъ.

А между тѣмъ, такъ или иначе, глубокое значеніе древней пословицы „ученье — свѣтъ, неученье — тьма“, стало проникать во всеобщее сознаніе. Пробуждалось и утверждалось, хотя между немногими, полное убѣжденіе въ пользѣ и необходимости образованія общаго, простирающагося на большую массу народа и не въ предѣлахъ одного пониманія священнаго писанія. Не отрицаемъ, что въ этомъ стремленіи была значительная доля подражательности, желаніе имѣть въ Россіи учебныя заведенія по образцу западныхъ государствъ, желаніе прослыть меценатами, насадителями наукъ и художествъ; но, конечно, въ такомъ возрѣннн нельзя заподозрить Ломоносова, страстію къ наукѣ выведеннаго на видную дорогу. Не безсознательно говорилъ онъ:

Науки юношей питають,
Отраду старцамъ подаютъ.

Стоить просмотрѣть оставшіяся отъ Ломоносова бумаги, чтобы убѣдиться, что онъ весь провинуть былъ этою мыслью, что вся жизнь его предана была изысканію средствъ къ водворенію и распростране-

¹⁾ См. Рукопись бібліотеки Каз. универс. подъ № 8419, стр. 57 и сл.

²⁾ Указомъ 19-го ноября 1742 г. (Полн. Собр. Зак., т. XI, № 8664) запрещено было строеніе мечетей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ христіане и проч.

³⁾ Исторія г. Казани, I, стр. 110.

нію просвѣщенія въ Россіи. Не тщеславіе и обезьянство руководили имъ, когда онъ писалъ проектъ учрежденія университета.

И въ счастливую минуту удалось Ломоносову и Шувалову явиться съ этимъ проектомъ¹⁾. Императрица Елизавета, „сія умудренная Юдифь“, по выраженію современныхъ проповѣдниковъ, хотя и по прежнему соблюдала посты, однако, не съ прежнимъ увлеченіемъ вникала фанатической проповѣди; да и съ самой церковной каяедры уже не провозносилась анаема на иноземцевъ и на все свѣтское, какъ было въ первый годъ ея царствованія, когда нецеремонно ругали Остермана и Миниха, какъ враговъ православія. Не вопіялъ уже придворный проповѣдникъ Савицкій: ²⁾ „многіе ли хотъ копѣйку потратили на обученіе православію? Весьма не многіе. А многія тысячи брошены на обученіе отъ пеленъ танцамъ, верховой ѣздѣ, играмъ, разнымъ языкамъ, да на странствія по чуждымъ землямъ. А чтобы научиться Бога знать, о томъ не подумали, въ томъ у нихъ нѣтъ манеры“.

Тринадцать лѣтъ правленія ослабили эту нетерпимость. 12-го января 1755 года государыня утвердила представленный Шуваловымъ проектъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета и двухъ гимназій; а 24-го числа было объявлено о томъ во всеобщее свѣдѣніе сенатскимъ указомъ³⁾. Въ этомъ указѣ прямо высказано, что „изобрѣтеніе того полезнаго дѣла“ принято въ тѣхъ убѣжденіяхъ, что „наука вездѣ нужна и полезна и способомъ той просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми“; что Петръ Великій „черезъ науки исполнилъ разумъ превосходящія дѣла, а именно: въ толь краткое время переимѣну нравовъ и обы-

¹⁾ Въ чемъ состояло и до какой степени простиралось содѣйствіе Ломоносова въ проектъ объ учрежденіи университета Московскаго, см. *II. Пекарскаю*, Исторія Академіи Наукъ, II, 565 — 568.

²⁾ Слово, говоренное 4-го іюля 1742 года. По словамъ *Лубяновскаго* (Воспоминанія; *Русскій Архивъ*, 1872 г., стр. 457), знаменитый митрополитъ Платонъ такъ отзывался о проповѣдникахъ временъ Елизаветы: «Надобно было тому щелчка дать, другаго съ рукъ сбить — къ проповѣднику! Тотъ съ каяедры отправлялъ прямо въ геенну такого царя, въ которомъ милость не соглашалась съ правосудіемъ и оттого не скоро карала злодѣевъ. Иной приговоръ до проповѣди не одинъ годъ лежалъ на столѣ; послѣ проповѣди съ приложеніемъ руки сходилъ со стола». О придворныхъ проповѣдяхъ въ царствованіе Елизаветы *Н. А. Поповъ* помѣстилъ особую статью въ изданіи *Тихонравова: Литовиски русской литературы и древности*, 1859 г. кн. III.

³⁾ Полн. собр. Законовъ, XIV, № 10346.

чаевъ и невѣжествъ, долгимъ временемъ утвержденныхъ, строеніе городовъ и крѣпостей, учрежденіе арміи, заведеніе флота, исправленіе необитаемыхъ земель, установленіе водяныхъ путей, все къ пользѣ общаго житія человѣческаго, и наконецъ все блаженство жизни человѣческой, въ которой безчисленные плоды всякаго добра всесчасно чувствамъ представляются"; что „всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется, и слѣдовательно нужна необходимо о томъ стараться, чтобъ способомъ прстойныхъ наукъ возрастало въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе“.

Причины, по которымъ университетъ назначался въ Москвѣ, высказаны въ указѣ слѣдующія: что за дальностію дворяне и разночинцы къ пріѣзду въ С.-Петербургъ многія имѣютъ препятствія, а въ Москвѣ живущихъ дворянъ и разночинцевъ великое число; къ тому же она находится среди Русскаго государства, куда изъ окрѣпленныхъ мѣстъ способно пріѣхать можно; содержаніе въ Москвѣ не стоить многого иждивенія, такъ какъ почти всякій у себя имѣетъ родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ себя квартирою и пищею содержать можетъ. Главнѣйшимъ же обстоятельствомъ признавалось то, что „великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ большая часть не токмо учить науки не могутъ, но и сами къ тому никакова начала не имѣютъ и только чрезъ то младыя лѣта учениковъ и лутчее время къ ученію пропадаетъ, а за ученіе онымъ бесполезно великая плата дается; всѣ жъ почти помѣщики имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія, и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу, а иные, не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости не сыскавъ лутчихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою провождали“.

Домашніе учителя находились не у однихъ московскихъ помѣщиковъ, но и въ другихъ мѣстахъ, и вездѣ, за недостаткомъ людей знающихъ, большинство ихъ состояло изъ Цыфиркиныхъ и Вральмановъ, особенно изъ послѣднихъ, такъ какъ они были иностранцы и слѣдовательно могли обучать „иностраннымъ діалектамъ“. Вотъ что сообщаетъ въ своихъ запискахъ Державинъ: „... въ Оренбургѣ, при вступленіи въ отроческія лѣта, то есть, по седьмому году (слѣдов. въ 1750 г.), явленъ былъ на первый смотръ губернатору И. И. Не-

плечеву и отданъ для наученія нѣмецкаго языка, за немѣніемъ тамъ другихъ учителей, *сосланному за какую-то вину въ каторжную работу* нѣкоторому Іосифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей, въ Оренбургѣ при должностяхъ находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставникъ, кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ рассказывать здѣсь было бы отвратительно; былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей тверженіемъ вокаболъ и разговоровъ, и списываніемъ оныхъ, его Розы рукою прекрасно однако писанныхъ...¹⁾

Понятно, почему таковы были въ большинствѣ учителя-иностранцы въ Россіи. Какъ всегда, въ страну новую, но жаждущую чего-либо, стекаются искатели счастья, люди готовые, или по крайней мѣрѣ, согласные на все, — такъ и въ Россію, съ той поры, какъ она только задумала прорубить окно въ Европу, устремились толпы авантюристовъ. Между ними являлись личности способныя и достойныя высокой карьеры, какой онѣ и достигали впоследствии; большинство же, само собою разумѣется, состояло изъ всякаго сброда людей, имѣвшихъ одно призваніе — удить въ мутной водѣ. Вотъ что говоритъ де-ла-Мессельеръ, секретарь французскаго посольства, прибывшаго въ Россію въ іюлѣ 1757 года: „Мы были осаждены тучею Французовъ всякаго сорта, изъ которыхъ бѣольшая часть, послѣ разныхъ столкновеній съ Парижскою полиціею, отправились промышлять въ страны сѣверныя. Мы изумились и огорчились, встрѣтивъ, въ домахъ многихъ вельможъ, дезертёровъ, банкротовъ, развратниковъ и множество женщинъ того же рода, которые, лишь потому что были Французы, занимались воспитаніемъ дѣтей въ самыхъ знатныхъ семействахъ. Эта накипь нашего отечества, говорятъ, распространилась

¹⁾ *Державина* Записки, стр. 7. (*Русская Бесѣда*, 1859 г.). Учителя въ казенныхъ заведеніяхъ также были хороши. Въ 1737 г. въ Артиллерійской школѣ въ Москвѣ учитель Прохоръ Алабушевъ «былъ челоѡкъ пьяный и вздорный, по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу: вотъ каковъ характеръ штыкъ-юнкера Алабушева, а потому можно знать сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи». См. Записки артиллеріи майора Мих. Вас. *Данилова*, написанныя имъ въ 1771 году. Издавъ Пав. Строевъ. Москва. 1842, стр. 53; сравни 38—43, 45. Припомнимъ также что говорилъ еонъ-Визинъ объ университетскихъ преподавателяхъ своего времени.

до предѣловъ Китая: я встрѣчалъ ихъ вездѣ. Г. посланникъ призналъ приличнымъ предложить русскому правительству произвести розыски о поведеніи этихъ лицъ и наиболѣе вредныхъ изъ нихъ выслать за границу“¹⁾.

Мы уже видѣли, что правительство наше еще гораздо прежде обратило особенное вниманіе на учителей-иностранцевъ; а указомъ 5-го мая 1757 года²⁾ (слѣдовательно за два мѣсяца до прибытія упомянутаго французскаго посольства) повелѣно было университету, а равно и академіи наукъ, немедленно подвергнуть испытанію всѣхъ иностранцевъ, занимавшихся обученіемъ дѣтей и содержавшихъ пансіоны, и поступать впредь такимъ же образомъ со всѣми прибывающими въ Россію для педагогическихъ цѣлей. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣленъ штрафъ въ 100 рублей съ тѣхъ лицъ, которыя стали бы принимать къ себѣ или держать учителей неаттестованныхъ.

Въ какой степени достигалась желаемая цѣль этою мѣрою, — говорить много нечего. Кому неизвѣстно, что и спустя много лѣтъ по изданіи такого указа, парикмахеры, лакеи, кондитеры, модистки и tutti quanti являлись въ разныхъ концахъ Россіи, и даже въ столицахъ, въ званіи учителей и учительницъ. Обвинять, не принимая никакихъ извиняющихъ обстоятельствъ, не будемъ за такую неудачу. По крайней мѣрѣ отдадимъ полную справедливость отеческимъ заботамъ правительства объ огражденіи легковѣрныхъ родителей отъ наплыва такихъ учителей.

Учреждая университетъ, правительство именно надѣялось, что „такіе въ ученіяхъ недостатки реченнымъ установленіемъ исправлены будутъ и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, паче-жъ когда довольно будетъ національныхъ достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная имперія къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и по исполненію начатыхъ предпріятіевъ, а къ учрежденію впредь по знатнымъ Россійскимъ городамъ російскими профессорами училищъ, отъ которыхъ и въ отдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся“. Такія благодѣянія ожидались отъ „реченнаго установленія“.

¹⁾ Voyage à Petersbourg ou Nouveaux Mémoires sur la Russie, par M. de la Messière. Paris. An. XI. 1803, стр. 124. Ср. *Шевыревъ*, Ист. Моск. Унив., стр. 38.

²⁾ Полн. Собр. Зак. т. XIV, № 10724.

Поэтому на университетъ возлагалась обязанность насаждать и распространять просвѣщеніе и вмѣстѣ наблюдать за правильностью преподаванія. Исполняя это, университетъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что двухъ открытыхъ при немъ гимназій было недостаточно для государства столь обширнаго, въ которомъ уже, какъ сказано, пробудилось стремленіе къ просвѣщенію. Жители провинцій отдаленныхъ отъ Москвы не могли отправлять своихъ дѣтей въ эти гимназій и по прежнему вынуждались довольствоваться учителями, какіе попадались подъ руку. Черезъ годъ по открытіи своемъ, университетъ доносилъ сенату, что „для размноженія наукъ въ имперіи, необходимо надобно учредить, кромѣ Москвы и Петербурга, гимназій, въ которыхъ бы молодые люди, оказующіе успѣхи своего понятія и ученія, могли выходить въ Московскій университетъ и Петербургскую академію для обученія наукъ, получивъ въ томъ мѣстѣ первыя основанія; если правительствующій сенатъ заблагоразсудитъ изволить, чтобы изъ Московскаго университета приказать, отобравъ нѣсколько учителей, послать въ Казань и тамъ учредить гимназію, то испрашивается, чтобы повелѣно было тамъ изготовить пристойный къ тому домъ и дозволить дворянамъ и разночинцамъ учиться съ такими же выгодами, какъ и въ Московскомъ университетѣ, и чтобы той учрежденной гимназій отъ тамошняго губернатора должное вспоможеніе по обстоятельствамъ дѣлано было“¹⁾.

Кажется, главнымъ виновникомъ этого проекта должно считать Ивана Ивановича Мелиссино, бывшаго тогда директоромъ университета и съ необыкновенною заботливостью вникавшаго во всѣ его потребности и нужды. Шуваловъ, постоянно находившійся въ Петербургѣ, какъ кураторъ университета, былъ вѣрнымъ представителемъ за каждое желаніе университета. Такимъ образомъ и проектъ о Казанскихъ гимназіяхъ, внесенный въ правительствующій сенатъ, не встрѣтилъ никакого препятствія къ осуществленію.

Сенатъ вполнѣ утвердилъ представленіе университета и указомъ 21-го іюля 1758 года²⁾ возвѣстилъ: „Для размноженія наукъ, о учрежденіи въ Казани гимназій къ обученію дворянъ и разночинцевъ, съ такими-жъ выгодами, какъ и въ Московскомъ университетѣ, и объ отправленіи туда изъ онаго университета учителей и о бытіи имъ на суммѣ университетской, быть по тому Московскаго университета

¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. XV, № 10860.

²⁾ Полн. Собр. Зак., т. XV, № 10860.

представленію; и для того Казанской губернаторской канцеляріи велѣть, для показанной гимназій, пріискать немедленно каменный, а буде нѣтъ, то деревянный домъ, въ которомъ бы не меньше десяти покоевъ было, а буде такого не сыщется, то хоть бы оное число покоевъ въ двухъ, а по крайней уже необходимости въ трехъ домахъ было, и ежели казенныхъ не отыщется, то изъ партикулярныхъ, на первый случай за наёмъ, и какую цѣну просить будутъ, о томъ неугодно въ правительствующій сенатъ рапортовать; и что принадлежать будетъ до учрежденія означенной гимназій, въ томъ, по требованіямъ реченнаго университета, чинить должное вспоможеніе, по обстоятельствамъ, безъ опущенія времени“.

Во исполненіе этого указа Московскій университетъ приступилъ къ открытію гимназій и прежде всего избралъ начальствующихъ лицъ.¹⁾ Директоромъ назначенъ былъ Верекинъ, состоявшій при университетскомъ правленіи ассесоромъ и специально завѣдывавшій университетскою пожарною командою, а инспекторомъ — магистръ Отгенталь, преподававшій въ университетѣ исторію и географію.

II.

Лица, на которыхъ возлагается осуществленіе какой-либо важной мѣры, всегда заслуживаютъ особеннаго вниманія современниковъ и потомства. Поэтому, кажется, не будетъ лишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько біографическихъ подробностей о первомъ директорѣ Казанской гимназій¹⁾.

Родъ Верекиныхъ довольно древній въ Россіи, но какъ и большая часть дворянскихъ родовъ ведетъ начало отъ Татаръ. По преданію, сохраняющемуся между членами этой фамиліи, ихъ родоначальникъ, ордынскій выходецъ, получилъ отъ великаго князя Іоанна Васильевича прозвище „Вереки“ потому, что когда онъ представлялъ князю выведенную съ собою дружину, то вытянулъ ее вдругъ

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о Верекинѣ, какъ и о большей части нашихъ дѣятелей, довольно отрывочны. О немъ говоритъ мѣтр. *Евскій*, въ «Словарѣ Рус. пис. свѣтскаго чина» т. I, стр. 74; *Вантшиль-Каменискій*, въ «Словарѣ достопамят. людей» I, 267; *Д. И. Языковъ*, въ «Энци. Лекс.» IX, 454; въ *Каз. губ. свѣд.* 1844, №№ 48 и 49; въ *Москвитиницѣ*, 1842, VI, 398—402; въ *Русской Бесѣдѣ*, 1860, т. I, особое приложеніе. Въ *Русской Старинѣ* 1872 г. замечено было, что *М. Н. Ломоносовъ*, занимающійся собраніемъ біо-бібліографическихъ свѣдѣній о писателяхъ прошедшаго столѣтія, собралъ таковыя данныя и о Верекинѣ; но въ печати онъ еще не появлялся.

въ линію, какъ по веревкѣ. Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, первый командиръ казанскихъ гимназій, родился въ 1732 году, въ селѣ Покровскомъ, Клинскаго уѣзда Московской губерніи ¹⁾; онъ былъ старшій изъ пятерыхъ дѣтей Ивана Ивановича Веревкина, служившаго первоначально деньщикомъ у Петра Великаго, а потомъ капитаномъ въ Семеновскомъ полку. Оставшись сиротою семи лѣтъ, Михаилъ Веревкинъ былъ записанъ кадетомъ въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, куда и поступилъ въ 1742 году. Въ слѣдующемъ году онъ былъ записанъ во флотъ гардемаринномъ, а въ 1748 году выпущенъ мичманомъ; въ 1751 г. произведенъ въ унтеръ-лейтенанты, въ 1753 г. получилъ званіе корабельнаго секретаря. Служба его по морскому вѣдомству была непродолжительна: въ маѣ мѣсяцѣ 1756 года, по протекціи И. И. Шувалова, Веревкинъ „взятъ въ открывшійся тогда Московскій университетъ ассесоромъ“ ²⁾. Это положеніе было уже довольно видное, хотя Веревкинъ имѣлъ не болѣе 24 лѣтъ отъ роду. Обязанности ассесорскія, впрочемъ, не были съ точностью опредѣлены въ общемъ строѣ университетской администраціи и это послужило поводомъ къ распрѣ, возникшей между Веревкинымъ и ректоромъ университета Шаденомъ: тогда, по особой инструкціи куратора Шувалова, на обязанность Веревкина возложено было охраненіе университета отъ пожаровъ ³⁾. Ко времени ассесорства Веревкина въ университетѣ относится слѣдующій, характеризующій его, анекдотъ. Одинъ изъ дворянъ-учениковъ подставилъ учителю ногу; учитель замѣтилъ его продѣлку и далъ ему пощечину. Ученикъ принесъ жалобу канцеляріи. Наряженъ особый судъ изъ ассесора Хераскова, ректора Шадена и профессоровъ Дильтея и Фроманна. Учителю сдѣлали выговоръ и сказали, что онъ могъ бы искать удовлетворенія другимъ путемъ, но теперь лишился этого права, потому что пощечины давать запрещено. Приговорили: учителю и ученику просить другъ у друга прощенія. Но ученикъ остался недоволенъ такимъ приговоромъ и обратился съ новою жалобою къ ассесору Веревкину, когда наступила его очередь заниматься дѣлами (ассесоры, еженедѣльно, доносили куратору о всемъ, что происходило въ университетѣ). Веревкинъ обѣщалъ жалобщику удовлетвореніе полное: онъ велѣлъ солдатамъ арестовать учителя; солдаты не застали учителя

¹⁾ Списокъ населенія иветъ Моск. губ., № 3686.

²⁾ *Москвитинъ*, 1842 г., ч. VI, стр. 398—400.

³⁾ *Шевырева*, Исторія Моск. Универс., стр. 26, 46.

дома, пришли на другой день рано утромъ и прямо съ постели отвели его подъ карауль... Веревкинъ не имѣлъ никакого права перевершать дѣло, рѣшенное особымъ судомъ; да кромѣ того, онъ сдѣлалъ новый промахъ: перемѣнивъ имена, велѣлъ арестовать вовсе не того учителя, на котораго жаловались ¹⁾. Дѣло это, однако, не имѣло особенныхъ послѣдствій для Веревкина. При открытіи гимназій въ Казани, Веревкинъ былъ назначенъ туда директоромъ, или какъ тогда называлось „командиромъ“. Административно-педагогическую дѣятельность его на этомъ поприщѣ мы изложимъ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь постараемся отчасти объяснить причины, по которымъ Веревкинъ, человѣкъ еще молодой и принадлежавшій хотя къ старинному дворянскому роду, однако не игравшему важной роли въ государствѣ, получилъ такой довольно значительный постъ. Нѣтъ сомнѣнія, что карьерою своею онъ былъ много обязанъ покровительству сильнаго Шувалова; но, конечно, и покровительство Шувалова вызвано было какими-либо достоинствами Веревкина. Князь П. А. Вяземскій, которому такъ много извѣстно подробностей по исторіи нашей литературы (что доказалъ онъ своею книгою о фонъ-Визинѣ), сообщаетъ, что Веревкинъ выдвинулся впередъ отличнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ и сдѣлался извѣстенъ императрицѣ Елизаветѣ. По словамъ князя Вяземскаго, однажды императрица передъ обѣдомъ, прочитавъ какую-то нѣмецкую молитву, которая ей очень понравилась, изъявила желаніе, чтобы перевели ее на русскій языкъ. „Есть у меня человѣкъ на примѣтѣ“—сказалъ П. И. Шуваловъ,— „который изготovitъ вамъ переводъ до конца обѣда“, и тутъ же послалъ молитву къ Веревкину. Такъ и сдѣлалось, какъ обѣщаль Шуваловъ: еще обѣдъ не кончился, какъ принесли переводъ. Онъ такъ понравился императрицѣ, что она тотчасъ же, или вскорѣ затѣмъ, наградила переводчика 20.000 рублей. Князь Вяземскій сообщаетъ также и другіе анекдоты о ловкости Веревкина и его умѣнїи обратить на себя вниманіе. Такъ, напримѣръ, онъ мастерски гадалъ на картахъ: кто-то разказалъ объ этомъ его искусствѣ императору Петру III и тотъ приказалъ позвать Веревкина во дворецъ. Веревкинъ явился, взялъ въ руки колоду картъ и въ ту же минуту ловко выбросилъ на полъ четырехъ королей. „Что это значитъ?“ спросилъ Петръ. „Такъ фальшивые короли падаютъ предъ царемъ истиннымъ“,—отвѣчалъ Веревкинъ. Эта штука чрезвычайно понрави-

¹⁾ Шевыревъ, Ист. Моск. Унив., 62, 79.

лась государю, а для Веревкина увѣнчалась успѣхомъ вдвое болѣшимъ, чѣмъ переводъ нѣмецкой молитвы: ему прощенъ былъ казенный долгъ въ 40.000 рублей. Этого мало, Петръ III пожелалъ, чтобъ Веревкинъ показалъ свое искусство императрицѣ. Веревкинъ явился съ колодою картъ къ государынѣ и началъ свои прорицанія. Когда онъ кончилъ, то императрица сказала ему: „Я слышала, что вы человѣкъ умный, и потому удивляюсь, что вы вѣрите въ подобныя нелѣпости“. — Нисколько не вѣрю, — отвѣчалъ Веревкинъ. — „Я очень рада этому“, прибавила императрица, „а то вы мнѣ наговорили столько чудеснаго, что было бы жаль, если все это неправда....“ Эти анекдоты обрисовываютъ намъ Веревкина человѣкомъ весьма ловкимъ, умѣющимъ примѣняться къ обстоятельствамъ и лицамъ. Присовокупимъ къ этому, что въ обществѣ онъ являлся такимъ пріятнымъ собесѣдникомъ, такимъ артистическимъ разказчикомъ, что своимъ разговоромъ, по своему произволу или по заказу другихъ, заставлялъ слушателей или плакать, или смѣяться. По увольненіи отъ должности директора гимназій, Веревкинъ большею частію жилъ въ деревнѣ; но когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, то съ ранняго утра передняя его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣды или на вечера: хозяева сзывали гостей „на Веревкина“, какъ въ Парижѣ сзывали слушать знаменитыхъ говоруновъ Шанфора и Рюльера, которые импровизировали разговоры на заданныя темы. И Веревкинъ, отправляясь на вечеръ или на обѣдъ, спрашивалъ у своихъ товарищей: „Какъ прикажете, заставить ли мнѣ сегодня гостей плакать или смѣяться?“ — и потомъ, по общему назначенію, то приводилъ всѣхъ въ слезы, то морилъ со смѣха ¹⁾.

Таковъ былъ Веревкинъ въ общественной свѣтской жизни. Оче-

¹⁾ *Московский Телеграфъ*, 1827 г., ч. XIV, отд. 2, стр. 90, 91. — Николай Себастьянъ Рошъ Шанфоръ (1741 — 1794 гг.), авторъ нѣсколькихъ неудачныхъ драматическихъ пьесъ, обладалъ необыкновеннымъ талантомъ граціозной болтовни и мѣткой сатиры, что и приблизило его ко двору Маріи-Антуанетты и вообще ввело въ высшее общество, а также оставило кресло въ Академіи. Истративъ свой умъ на мелочи, Шанфоръ присталъ къ революціи и получилъ мѣсто бібліотекаря при національной бібліотекѣ; но за свои сарказмы противъ главныхъ дѣятелей той эпохи былъ дважды арестованъ и, боясь гильотины, кончилъ жизнь бритвою и выстрѣломъ. — Клодъ Шарлеманъ Рюльеръ (1735 — 1791 гг.) былъ адъютантъ маршала Ришелье, а потомъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, состоялъ при французскомъ посольствѣ въ Россіи; извѣстенъ своими сочиненіями о Россіи и Польшѣ той эпохи.

видно, что ему, при такихъ способностяхъ, не трудно было находить вездѣ поддержку и протекцію: если при какомъ-либо промахѣ общественное его положеніе и колебалось и онъ даже падалъ,—падалъ больно,—то вставалъ здорово, по выраженію Грибоѣдова объ искательныхъ людяхъ той эпохи. Но при всемъ томъ никакъ нельзя отказать Веревкину въ значительномъ по тогдашнему времени образованіи, литературномъ талантѣ и трудолюбіи.

Передаваемые княземъ Вяземскимъ разказы, по всей вѣроятности, относятся къ тому времени, когда Веревкинъ, въ концѣ 1761 года, уволенъ былъ отъ должности командира гимназій и губернаторскаго товарища въ Казани и, какъ увидимъ ниже, при обстоятельствахъ очень для него неблагоприятныхъ. Въ эту пору, конечно, ему необходимо было всевозможными средствами поднять свой кредитъ и найдти какъ можно болѣе „милостивцевъ“. Дѣла свои онъ устроилъ очень хорошо: молитвы и карты очистили его отъ разныхъ нареканій и долговъ, а въ 1763 году, по именному высочайшему указу Веревкинъ былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники, „съ вѣчною отъ всѣхъ дѣлъ отставкою“, но съ тѣмъ вмѣстѣ ему „велѣно быть при кабинетѣ у перевода съ иностранныхъ на русскій языкъ книгъ“. Такимъ образомъ, отличное знаніе иностранныхъ языковъ все-таки осталось на первомъ планѣ и давало Веревкину значеніе привилегированнаго переводчика. Дѣйствительно, въ этотъ періодъ своей жизни Веревкинъ преимущественно занялся переводами, хотя и прежде онъ удѣлялъ время для литературныхъ трудовъ. Онъ пыталъ свои силы и въ стиходѣйствіяхъ: нѣкоторыя изъ нихъ помѣщались въ издававшемся въ 1761 году журналѣ „Полезное Увеселеніе“¹⁾; но еще бѣльшая часть ихъ осталась не напечатанными, потому что Веревкинъ, угождая вкусамъ вѣка, или точнѣе, подражая тогдашней французской литературѣ, въ одно и то же время писалъ и посланіе къ знаменитому Платону (впослѣдствіи митрополиту), подъ названіемъ „Христіанинъ“—и находящуюся въ рукописи кошунскую „эпистолу“ маститому волу, рожденному въ Черкасахъ и проч.²⁾ Удалив-

¹⁾ Журналъ этотъ издавался въ 1760, 1761 и 1762 годахъ извѣстнымъ Херасковымъ, бывшимъ тогда директоромъ университета. Въ 1762 году издано только 6 книжекъ. Изданіе это очень рѣдко.

²⁾ Въ числѣ рукописей бібліотеки Казанскаго университета, подъ № 19953 значитса книга въ 4-ю долю листа, переплетенная въ кожу и носящая заглавіе «Разныя Стиходѣйствія». Это одна изъ интереснѣйшихъ рукописей бібліотеки, не смотря на то, что преисполнена грубыми описками и ошибками противъ

пись въ родовое свое имѣніе и построивъ близъ села Покровскаго сельцо Михайлово или Михалево ¹⁾, Веревкинъ занимался переводомъ разныхъ книгъ историческаго содержанія, по назначенію самой императрицы, которыя въ послѣдствіи печатались въ его пользу, на счетъ кабинета государыни. Должно сказать, что Екатерина II не могла избрать лучшаго исполнителя для высокой своей цѣли — знакомить русскихъ людей съ замѣчательнѣйшими иностранными произведеніями. Переводческая дѣятельность Веревкина продолжалась въ теченіе 30-ти лѣтъ, не смотря на то, что обстоятельства на нѣкоторое время не разъ отвлекали его отъ этихъ трудовъ. Всѣ изданные имъ въ теченіе этого времени переводы составляютъ до 75-ти большихъ томовъ. Въ хронологическомъ порядкѣ они слѣдовали такъ: 1) Записки герцога Сюдлія, перваго министра Генриха IV, короля французскаго, Москва, 1770—1776; 10 ч., in 8; 2) Всеобщее повѣствованіе о путешествіяхъ, или новое собраніе всѣхъ извѣстій о странствіяхъ водныхъ и матерой земли, и проч., соч. аббата Прево, Москва, 1777—1781; 4 ч., in 4; 3) Исторія о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга, соч. г. Прево, сокращенная г. Ла-Гарпомъ, содержащая

ореографію, версепежачіи и проч. Стихотворенія, заключающіяся въ этомъ сборникѣ (числомъ 141), весьма любопытны въ томъ отношеніи, что представляютъ преимущественно стихотворную полемику писателей и авторовъ періода 1750—1780 годовъ. Перебранка въ иныхъ случаяхъ доходитъ до «крѣпкихъ словецъ»; выраженія: скотъ преузорочный, осель, болобанъ, елелей и т. п. встречаются въ этихъ «стихотворствѣхъ» безпрестанно. На рукопись эту указывалъ Н. Н. Буличъ въ своемъ изслѣдованіи: «Сумароковъ и современныя ему критики» (Спб. 1854); но болѣе подробныя свѣдѣнія о ней сообщены были А. Н. Аванасевымъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 г. №№ 15 и 17, при чемъ перепечатано было нѣсколько стихотвореній, между прочимъ, Ломоносовскій «Гимнъ борода» и всѣ вызванныя имъ сатиры, эпиграммы, письма, пародія. — Въ этомъ же сборникѣ, на стр. 86 — 88, подъ № 54, помѣщена упомянутая «Эпистола» Веревкина. Мы имѣли намѣреніе привести здѣсь эту эпистола, но отказались отъ него, какъ по причинѣ искаженности нѣкоторыхъ стиховъ, доходящей до совершенной утраты смысла, такъ и по легкомысленному кощунству ея содержанія, не отличающагося къ тому же особеннымъ остроуміемъ. Эпистола замѣчательна только по желанію автора поддѣлаться подъ складъ мужицкой рѣчи. Содержаніе ея — жалобы на дороговизну водки и въ концѣ сказано: «писано во второй годъ послѣ плачевнаго разлученія съ виною дешевиной, мѣсяца евраля 31 дня». Кажется, эту эпистола самъ Веревкинъ, въ перечисленіи своихъ сочиненій и переводовъ, именуетъ «Памятникомъ».

¹⁾ Списокъ населенныхъ мѣстъ Моск. губ., № 3687.

въ себѣ достойнѣйшее примѣчаніа, самое полезнѣйшее и наилучшимъ доказанное образомъ, въ странахъ свѣта, до коихъ достигали Европейцы, и проч., Москва, 1782 — 1787, 22 ч., in 8¹); 4) Сказаніе о мореплаваніи, какъ оно началось и возрастало, какія время отъ времени произошли пользы, какъ находимы были помощію онаго неизвѣстныя до того мѣста и земли,—съ присоединеніемъ составленнаго Вережиннымъ краткаго описанія жизни адмирала Алексѣя Ивановича Нагаева; Москва, 1782, 2 ч., in 8²); 5) Записки, надлежащія до исторіи, наукъ, художествъ, нравовъ, обычаевъ и проч. Китайцевъ, сочиненныя проповѣдниками христіанской вѣры въ Пекинѣ, съ приложеніемъ многихъ фигуръ; Москва, 1786—1788, 6 ч., in 4; 6) Начальныя основанія Англинской исторіи, со временъ завоеванія Римлянь до царствованія Георга II, соч. аббатомъ Милотомъ; Спб., 1786, 3 ч., in 8; 7) Начальныя основанія французской исторіи, отъ Кловиса I до Лудовика XIV, соч. аббатомъ Милотомъ; Спб., 1788, 3 ч., in 8; 8) Наставникъ, или всеобщая система воспитанія, преподающая первыя основанія учености, содержащая въ себѣ: о правоученіи, рѣчахъ и разговорахъ предъ собраніями, о слогѣ писемъ, математикѣ, и проч.; соч. англійское, съ нѣмецкаго. Спб., 1789, 12 ч., in 8; 9) Исторія турецкая, начиная временами, какъ она составилась, до замиренія между султаномъ Магометомъ V и римскимъ императоромъ Карломъ VI въ 1740 году; соч. аббата Миньота, Спб., 1789, 4 ч., in 8; 10) Алкоранъ аравитянина Магомета, Спб., 1790, in 4; 11) Житіе Кунг-тзева или Конфуціуса, какъ называютъ его Европейцы, славнѣйшаго китайскаго возстановителя древнія учености,—съ его портретомъ; Спб., 1790, in 4; 12) Словарь географическій или описаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта, соч. г. Вожьена. Спб., 1789 — 1791; 5 ч., in 8; 13) Полная картина Оттоманскія имперіи, заключающая въ себѣ законоположеніе магометанства, ученіе Магомета о сотворе-

¹) Это изданіе предпринято было въ замѣнъ «Всеобщаго повѣствованія о путешествіяхъ» (*Histoire générale des voyages, par l'abbé Prevost*), оставленнаго по причинѣ чрезвычайной обширности. Впрочемъ, и Лагарпово «Сокращеніе» переведено не вполне: французскій оригиналъ состоитъ изъ 32-хъ частей.

²) Адмиралъ А. И. Нагаевъ (род. 1704, ум. 1780) извѣстенъ описаніемъ Каспійскаго моря и Финскаго залива, а также составленіемъ картъ Камчатка, Американскаго берега, Балтійскаго моря, Ладожскаго озера и проч. Его карта устья Амура весьма долго была единственною и лучшею. Вережинъ началъ свою службу подъ его командою. Биографія Нагаева издана была еще въ 1831 году, «Жизнеописаніе адмирала А. И. Нагаева», Спб.

ніи міра и онаго бытіи, ихъ времячисленіе и проч., соч. г. д'Оссона, ч. I-я, Спб., 1795, in 4 ¹⁾). Другіе переводы Веревкина оставшіеся неизданными, съ *французскаю*: а) Форватеры, мели, надводные и подводные камни, буруны, якорныя мѣста, приливы и отливы морскіе, на всей поверхности земной; б) Тимонь-нелюдимъ, комедія ²⁾; в) Законы французской полиціи, дѣйствовавшіе до нынѣшняго сумасброднаго въ сей землѣ времени, 3 ч.; г) Изъ энциклопедіи надлежащее до мореплаванія; д) Искусство повѣрять лѣтосчисленіе, ч. I; е) Флеріевой церковной исторіи т. I, — и съ *нѣмецкаю*: Универсальная исторія.

Но кромѣ переводовъ, Веревкинъ издалъ и нѣсколько оригинальныхъ произведеній. Особенно заслуживаютъ вниманія его драматическія произведенія, хотя не отличающіяся правильнымъ и выдержаннымъ во всѣхъ подробностяхъ ходомъ дѣйствія, тѣмъ не менѣе замѣчательныя по бойкости и живости языка, доказывающаго особую наблюдательность въ авторѣ. Можно предполагать, что и на попріще драматическаго писателя Веревкинъ выступилъ, если не по вызову императрицы, то изъ угожденія и подражанія ей. Мы знаемъ, что Екатерина II сама писала комедіи, оперы и историческія представленія „въ подражаніе Шекспиру“ (хотя Шекспировскаго въ нихъ не много), находила подобныя труды усладительными, и даже, въ этомъ убѣжденіи, уговорила княгиню Дашкову, въ видѣ развлеченія отъ огорченій, написать комедію, которая и явилась на сценѣ Эрмитажнаго театра подъ названіемъ „То-и-словавъ или человекъ безхарактерный“. Другіе царедворцы также упражнялись въ драматургіи. Первая изъ комедій Веревкина, подъ названіемъ „Такъ и должно“, явилась въ печати въ 1773 году и была многократно играна на театрахъ; въ 1774 году напечатана была другая его комедія „Имяниники“; затѣмъ въ 1776 году написаны были имъ піесы: „Астрей“ и „На нашей улицѣ праздникъ“, — изъ которыхъ первая была разыграна при открытіи Новгородскаго намѣстничества, а вторая — при открытіи Тверскаго намѣстничества; затѣмъ, въ 1785 году напечатана его комедія „Точь въ точь“, въ которой, по сохранившимся свѣдѣ-

¹⁾ Оригиналъ этого сочиненія состоитъ изъ двухъ частей. Надобно полагать, что переводъ остался недоконченнымъ, за смертью Веревкина.

²⁾ У *Соникова*, Опытъ Росс. бібліографіи, т. III, № 5647, показано: «Тимонь-нелюдимъ, въ 3-хъ дѣйств., г. Аленвала, съ франц., Спб. 1773, въ 8°». Не это ли переводъ Веревкина?

ніямъ, были осмѣяны нѣкоторые изъ тогдашнихъ извѣстныхъ особъ: не смотря на то, эта пѣса была играна нѣсколько разъ на Эрмитажномъ театрѣ, и даже въ присутствіи тѣхъ, на кого она была написана. Почти всѣ его драматическія произведенія вошли въ „Россійскій театръ“, изданіе, заключающее въ себѣ пѣсы, дававшіяся на эрмитажномъ театрѣ ¹⁾. Изъ другихъ оригинальныхъ произведеній Веревкина извѣстно „Описаніе Екатерининскихъ водъ въ Астраханской губерніи, между города Царицына и селенія евангелическаго братства Сарепты, собранное на мѣстѣ“ (Москва, 1780, in 8). Сверхъ того, много мелкихъ статей помѣщено было имъ въ разныхъ періодическихъ (гебдомадерныхъ) изданіяхъ. Извѣстно также, что онъ сообщилъ Голикову разные анекдоты о Петрѣ Великомъ.

Полное собраніе всѣхъ оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ Веревкина составитъ около 150 томовъ ²⁾.—Это лучше всего свидѣ-

¹⁾ Россійскій театръ, т. XIX, XXI, XXVII, XXXIII. *Ян. Вяземскаго*, Фонъ-Виванъ, стр. 194—200. *Моск. Телегр.* 1827, XIV, отд. 2, стр. 90.

²⁾ *Москвитянинъ* 1842, VI, 400—402. Въ бумагахъ Веревкина найдена была слѣдующая записка о литературныхъ его трудахъ.

Имена книгъ, переведенныхъ мною:

Переводы до 1763 года.

1. Форватеры, мели, надводные и подводные камни, буруны, якорныя мѣста, приливы и отливы морскіе на всей поверхности земной, съ дедикаціею Адмиралтейской коллегіи, съ французскаго, въ двухъ экземплярахъ.
2. Универсальная исторія, съ нѣмецкаго: рукопись въ библіотекѣ покойнаго адмирала Нагаева, въ 6.
3. Комедія: Тимонъ-Нелюдишь, съ французскаго.
4. Сказаніе о мореплаваніи, съ французскаго, въ 2-хъ.
5. Жизнь Алексѣя Ивановича Нагаева.
6. Множество мелкихъ сочиненій разныхъ родовъ, въ стихахъ и прозѣ, 17.

Переводы съ 1763-го до 1792-го.

7. Законы французской полиціи, дѣйствовавшіе до нынѣшняго сумасброднаго въ сей землѣ времени; съ французскаго въ 3-хъ томахъ; приписаны бывшему генералъ-полицеймейстеру Николаю Ивановичу Чичерину.

Сочиненія:

8. Комедія: Такъ и должно.
9. „ „ Именинники.
10. „ „ Точь въ точь.
11. „ „ На нашей улицѣ праздникъ, — пословица, представленная въ Твери, при открытіи Тверскаго намѣстничества.

тельствуетъ о необыкновенномъ трудолюбіи Веревкина и легкости, съ какою переводилъ онъ книги. Это дало ему особую литературную извѣстность и онъ, въ 1782 году, былъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи наукъ, а въ 1785 возведенъ въ званіе дѣйствительнаго члена. Конечно, литературныя занятія въ нѣко-

12. *Астрей*, комедія, представленная въ Новѣ Городѣ при открытіи намѣстничества Новгородскаго.

Переводы:

13. Сюллевы записки, съ французскаго, въ 10 т.
14. Китайскія записки, съ французскаго, въ 6.
15. Исторія о странствіяхъ, съ французскаго, въ 22.
16. Исторія Англинская, съ французскаго, въ 3.
17. Исторія Турецкая, съ французскаго, въ 4.
18. Изъ Энциклопедіи надлежащее до мореплаванія

Сочиненія:

19. Жизнь Михаила Васильевича Ломоносова, предъ новѣйшимъ изданіемъ его сочиненій, напечатанныхъ въ типографіи С.-Петербургской Академіи Наукъ *).
20. Описаніе Екатеринбургскихъ водъ близъ Сарепты.

Сочиненія въ стихахъ:

21. Эпистола къ преосвященному Платону, что нынѣ митрополитъ въ Москвѣ, подъ названіемъ *Христіаннъ*, въ стихахъ.
22. Помянникъ въ стихахъ.

Переводы:

23. Жизнь Кунѣуцѣва, съ французскаго.
24. Словарь географической, въ 5.
25. Наставникъ, съ нѣмецкаго, въ 12.
26. Искусство повѣрять лѣтосчисленія, первый томъ съ французскаго.
27. Флеріевой церковной исторіи первый томъ, съ французскаго.
28. Въ разныхъ гектоадерныхъ сочиненіяхъ, особенныхъ переводами и сочиненіями 37.
29. Нынѣ печатается въ академической типографіи первый томъ полныя картины Оттоманской имперіи.

И того всего тридцать одно сочиненіе; частями же или особыми экземплярами считая 143 книги.

Изъ же переведены: Начальныя основанія французской исторіи отъ Кловиса до Людовика четвертагонадесятъ, сочиненныя аббатомъ Милотомъ, членомъ фран-

*) Эта біографія, если не ошибаюсь, была первымъ калбогѣ подробнѣе жизнеописаніемъ знаменитаго ученаго; но, сколько извѣстно, не есть оригинальное произведеніе Веревкина, а переведена съ нѣмецкаго языка, на которомъ написана академикомъ Штелинымъ, по порученію княгини Дашковой. „Новѣйшее“ изданіе сочиненій Ломоносова, при которомъ напечатана эта біографія, вышло подъ редакцію О. П. Козодавлева въ 1784—87. *Пискаревскаго*, Исторія Академіи Наукъ, т. I, 560 и сл.; II, 238 и сл.

торомъ смыслѣ были для Веревкина занятіями служебными, такъ какъ онъ и состоялъ при кабинетѣ собственно для перевода книгъ съ иностранныхъ на російскій языкъ, и по собственному его выраженію, самое „состояніе его большею частію почилло на сей опорѣ“; тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что Веревкинъ занимался своимъ дѣломъ усердно и съ любовію. Труды его, однако, кажется, не всегда вполне вознаграждались: по крайней мѣрѣ сохранились извѣстія о разныхъ запутанныхъ счетахъ по распродажѣ изданныхъ имъ книгъ, при чемъ дѣло, какъ видно, восходило на разсмотрѣніе самой императрицы ¹⁾.

Въ концѣ 1782 г. Веревкинъ передалъ одному купеческому прикащику, ѣхавшему въ Кяхту, три короба книгъ, на 701 руб., для доставленія въ Tobольскъ, гдѣ обѣщали ихъ распродать или вымѣнять на сибирскіе товары. Не получая никакого извѣстія въ теченіе четырехъ лѣтъ, Веревкинъ просилъ московскаго главнокомандующаго П. Д. Еропкина узнать официальнымъ порядкомъ, гдѣ находятся посланныя книги. Tobольское намѣстническое правленіе увѣдомило, что книги въ свое время были доставлены Tobольскому намѣстнику генераль-маіору Осипову, который послѣ переведенъ въ Тверь. Еропкинъ отнесся тогда къ Осипову и не получивъ отъ него отвѣта, обратился съ запросомъ къ генераль-губернатору Новгородскому и Тверскому Н. П. Архарову, который отвѣчалъ, что Осиповъ отозвался, будто онъ писалъ

цузской академіи, изданіе четвертое, напечатано въ С.-Пб. въ 3 частяхъ въ 8, 1788 года, съ перевода учиненнаго въ 1787 году; въ I ч. 480; во II—532, а въ III—548 страницъ.

Довольно странно, что въ этой запискѣ Веревкинъ не именуется перевода «Алкорана» напечатаннаго въ 1790 году. Извѣстна также въ рукописи его рѣчь на всерадостный день тезоименитства Ея Императорскаго Величества всепресвѣтѣйшія, державнѣйшія, Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійскія, говоренная при публичномъ собраніи въ Московскомъ императорскомъ университетѣ того университета ассесоромъ Михаиломъ Веревкинымъ сентября 6-го дня 1756 года». У Шевырева въ его исторіи Московскаго университета (стр. 577) эта рѣчь, а также рѣчь директора Аргамакова и еще чья-то ода отнесены къ 1755 г., но ошибочно: во первыхъ положительно извѣстно, что Веревкинъ назначенъ ассесоромъ лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1756 г., а во вторыхъ у самого Шевырева нигдѣ не говорится, что въ 1755 г. праздновалось 5-е сентября, тогда какъ о праздникѣ 1756 года упоминается (ср. стр. 20 и 25). Прибавимъ еще: кажется, подъ именемъ «Помянина въ стихахъ» должно разумѣть «Эпистогу», о которой было говорено выше.

¹⁾ Русскій Архивъ 1864 г., стр. 901—903.

Еропкину объ этихъ книгахъ, тогда какъ Еропкинъ никакого письма не получалъ.—Тогда Веревкинъ подалъ просьбу на высочайшее имя. Императрица, 5-го іюня 1788 г., поручила Архарову потребовать отъ Осипова объясненія „и буде прошеніе Веревкина справедливо, возвратить ему требуемое скорѣе“. Осиповъ донесъ Архарову, что книги находятся въ Твери, и при этомъ говорилъ, что Веревкинъ, проѣзжая неодноратно черезъ Тверь, никогда не обращался къ нему лично за разъясненіемъ этого дѣла, потому что „г. Веревкинъ, яко человекъ, обременившій себя долгами, подъ предлогомъ будто бы не можетъ домогаться ему принадлежащаго, ищетъ повода отдалать платежи денегъ и дерзновеннаго предлога обременять Ея Императорскаго Величества особу въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ удовольствоваться зависить отъ собственной его воли“.

Веревкинъ, живя въ деревнѣ, наблюдать за изданіями лично не могъ. По старымъ своимъ отношеніямъ къ Московскому университету, къ Хераскову и Мелиссино, онъ печаталъ прежде свои книги въ Москвѣ; въ послѣднее же время книги его издавались уже въ С.-Петербургѣ. Приведемъ здѣсь одно письмо Веревкина, касающееся изданія „Всеобщаго повѣствованія о путешествіяхъ“. Оно писано 22-го іюня 1777 года изъ Новгорода, гдѣ въ ту пору Веревкинъ служилъ совѣтникомъ намѣстническаго правленія, и адресовано къ извѣстному автору „Елисея“ и другихъ поэмъ, В. И. Майкову, который, какъ видно, состоялъ въ короткихъ связяхъ съ Веревкинымъ и, живя въ Москвѣ принималъ на себя обязанность наблюдать за изданіемъ „Всеобщаго повѣствованія“. Веревкинъ пишетъ:

„Милостивый Государь мой Василей Ивановичъ.

„Извѣстился я, что вы въ деревню отѣхать изволили, то не знаю, не остановились ли, по милости вашей, подъедемше труды къ вѣчному меня обязанію, а состояніе мое большею частью почіетъ на сей опорѣ. И такъ усердно васъ милостивца и благодѣтеля моего прошу, снестися хотя письменно съ давнимъ моимъ благотворителемъ Ивановъ Ивановичемъ Мелиссиноу, объ установленіи мѣръ къ непрерывному печатанію моихъ переводовъ. Начавъ меня должить, прострайтесь во оноу, и вѣрьте, что я не умру не доказавъ вамъ самое жаркое чувствіе моей благодарности, и остаюсь на всѣ мои дни

Милостивой Государь мой

усерднѣйшимъ вашимъ слугою

Михаилъ Веревкинъ.

Р. С. Сотруднику вашему въ подвигахъ Парнасса усердно кланяюсь, и несказанно благодарю его за неоставленіе меня и прямую дружбу Николая Андреевича Римскаго-Корсакова, роднаго его дяди, съ которымъ я живу здѣсь душа въ душу“.

Упоминаемый въ этомъ post-scriptum Н. А. Римскій-Корсаковъ съ своей стороны приписалъ собственноручно:

„Приемля участіе въ одолженіи вашемъ, милостивый государь Василій Ивановичъ, племянника моего,—изображаю чрезъ сіе чувствительную благодарность. А васъ, любезный другъ Егоръ Богдановичъ, усердно прошу продолжать корректуру къ напечатанію переводовъ Михаила Ивановича; сіе послужитъ къ собственному, вашему и прямо любящаго васъ удовольствію Николая Р. Корсака ¹⁾).

Присоединимъ теперь свѣдѣнія о служебной дѣятельности Веревкина, извлекая ихъ изъ всеподданнѣйшаго доклада правительствующаго сената о награжденіи Веревкина чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника ²⁾. Во время возмущенія Пугачевского Веревкинъ, какъ сказано въ этомъ докладѣ „самопроизвольно по усердію къ службѣ былъ при генералѣ Бибииковѣ и при графѣ Панинѣ: при послѣднемъ употребленъ въ директоры походной канцеляріи, гдѣ не только должность исправлялъ великимъ трудомъ, вѣрностію и искусствомъ, но и употреблялся въ опасныя провады, о чемъ онъ графъ Панинъ засвидѣтельствовалъ, просилъ о воздаяніи за оное“. Какія

¹⁾ Письмо это обязательно сообщено намъ Д. Н. Майковымъ, правнукомъ В. И. Майкова. Считаю не лишнимъ присоединить здѣсь нѣсколько свѣдѣній о Николаѣ Андреевичѣ и Егорѣ Богдановичѣ, упоминаемыхъ въ этомъ письмѣ. Н. А. Римскій-Корсаковъ въ 1777 году служилъ также въ Новгородѣ. Онъ былъ родной дядя Римскаго-Корсакова (род. 1753, ум. 1840), известнаго генерала, командовавшаго отдѣльнымъ корпусомъ на Рейнѣ въ Итальянскую войну 1798—1799 гг. Что касается Егора Богдановича, то это тотъ «маіоръ Юрій Богдановичъ Бибииковъ», которому В. И. Майковъ писалъ стихи:

Тобою, Бибииковъ, намъ вѣсть привезена,
Что сила Агарянъ Россійской поправа, и проч.

(Трутенъ, 1769 г. сентября 22; по изданію 1865 г. стр. 134) и который позднѣе, въ чинѣ полковника, въ 1774 г. отличался разбитіемъ пугачевщины около Мензелинска. Римскому-Корсакову приходился онъ племянникомъ, потому что мать его была родная сестра Николая Андреевича. Веревкинъ называетъ Бибиикова «сотрудникомъ въ подвигахъ Парнасса», но имя его неизвѣстно въ литературѣ и, вѣроятно, все его литературное сотрудничество ограничивалось держаніемъ корректуры.

²⁾ *Москвитянинъ* 1842, VI, 398—400.

послѣдствіа имѣло это представленіе Панина, изъ доклада не видно. Замѣчательно также и то, что ни въ дошедшихъ до насъ запискахъ о жизни А. И. Бибикова, ни въ запискахъ Г. Р. Державина, также состоявшаго при Бибиковѣ и Панинѣ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о Веревкинѣ, хотя Державинъ и зналъ его. Вообще изъ доселѣ обнаруженныхъ документовъ о Пугачевщинѣ весьма мало видно, въ чемъ состояла дѣятельность Веревкина въ эту замѣчательную эпоху, куда и для чего „употреблялся онъ въ опасныя проѣзды“. Изъ одного письма П. И. Рычкова къ Миллеру видно, что Веревкинъ, по призыванію Панина, „составлялъ генеральное обо всемъ бунтѣ (Пугачевскомъ) описаніе“ и пользовался матеріалами Рычкова ¹⁾. Можно также предполагать, что именно въ эту пору Веревкинъ посѣтилъ Сарепту и тамъ „собралъ на мѣстѣ“ свѣдѣнія о минеральныхъ Екатерининскихъ водахъ. Что Веревкинъ видѣлъ близко вліяніе Пугачевщины, внимательно всмотрѣлся въ настроеніе умовъ того времени,—это выразилось въ одной изъ его комедій („Имянинники“), въ которой главною пружиною введенъ ужасъ, охватившій всѣ классы общества, вслѣдствіе появленія самозванца.—Въ упомянутомъ сенатскомъ докладѣ сказано также, что Веревкинъ „находился при комиссіи усмиренія бывшаго возмущенія“; а въ краткой біографіи Веревкина, написанной Д. И. Языковымъ, говорится, что „Панинъ поручилъ ему деньги, которыя правительство назначило для раздачи пострадавшимъ отъ бунта“ ²⁾. Еще мы знаемъ, что Веревкинъ же производилъ слѣдствіе о малодушныхъ дѣйствіяхъ Нижнеомовскаго воеводы и его товарища противъ самозванца ³⁾.

Въ концѣ 1775 года, по именному указу, Веревкинъ вновь определенъ въ дѣламъ и съ января 1776 г. былъ назначенъ „въ учрежденный при Новгородской губернской канцеляріи для рѣшенія старшихъ дѣлъ департаментъ членомъ; въ октябрѣ того же года переведенъ въ Тверское намѣстническое правленіе совѣтникомъ, а въ январѣ 1777 г. на такую же должность перемѣщенъ въ Новгородъ; затѣмъ въ слѣдующемъ году опять переведенъ въ Тверь уже предсѣдателемъ палаты гражданскаго суда; въ этомъ званіи онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, а 2-го мая 1781 г. отъ должности уволенъ за болѣзнію, впредь до выздоровленія. Спустя четыре года Ве-

¹⁾ П. П. Пекарскій, Жизнь и переписка П. И. Рычкова, стр. 148.

²⁾ Энцикл. Лекс. IX, 455.

³⁾ Русск. Архивъ 1865, стр. 920.

ревкинъ обратился въ сенатъ съ просьбою о совершенной отставкѣ, такъ какъ „четырехъ-лѣтнее леченіе и спокойная сельская жизнь не могли возстановить силы его“.—Правительствующій сенатъ, снисходя на таковую просьбу, въ награжденіе Веревкина „за долговременную, безпорочную и усердную службу“ исходатайствовалъ о производствѣ его въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, тѣмъ болѣе, что онъ „пропитаніемъ съ семействомъ его изъ милосердія Ея Императорскаго Величества избыточно призрѣнъ всемилостивѣйше пожалованнымъ пенсіономъ“.

По увольненіи въ отставку, Веревкинъ жилъ преимущественно въ своемъ любимомъ Михалевѣ, именемъ котораго отмѣчены многіе изъ его переводовъ. Здѣсь онъ и умеръ 19-го марта 1795 года.

III.

Возвратимся назадъ, въ тому времени, когда отрывались въ Казани гимназіи.

Для предварительныхъ распоряженій, а особенно для присканія приличнаго подъ гимназію помѣщенія отправленъ былъ туда Московскимъ университетомъ капитанъ фонъ-Траубенталь, бывший учителемъ при университетской гимназіи ¹⁾. О личности его мы знаемъ только то, что онъ, „гордясь своимъ военнымъ рангомъ“, никакъ не хотѣлъ подчиняться ректору гимназіи Шадену, который, впрочемъ, и самъ пылкимъ своимъ характеромъ раздражалъ самолюбіе многихъ своихъ подчиненныхъ. Директоръ университета, миролюбивый Меллисино, какъ ни старался уладить эти распри, сдѣлать ничего не могъ и вынужденъ былъ донести о томъ Шувалову. На рапортъ его Шуваловъ отвѣчалъ: „Учители Михельсонъ, Траубенталь, Чернавскій, также Менвильеръ и Буле, не хотятъ быть въ вѣдѣніи ректорскомъ, первые, сказывая за резонъ, что офицеры; но когда они пошли на такую должность, которая имъ должна быть извѣстна, то имъ надобно было то предусмотрѣть и осторожность принять въ своихъ обязательствахъ, а шли просто въ учителя,—такъ ихъ и вести было должно: намъ надобна способность для ученія, а не ранги. Менвильеръ и Буле еще того менѣе имѣютъ причины; но чтобы не сдѣлать неспокойства, отдаю сіе на волю вашу: только жаль, что впредь другимъ

¹⁾ Инструкція, данная фонъ-Траубенталю, при отправленіи въ Казань, напечатана вполне въ «Историч. Запискѣ о 1-й Казанской гимназіи» г. *Владими́рова*, I, 20.

примѣръ быть можетъ" ¹⁾). Незвѣстно, какъ Мелиссино уладилъ это дѣло; однако надобно полагать, что онъ воспользовался первымъ благовиднымъ случаемъ къ удаленію такого самолюбиваго и строптиваго подчиненнаго, какъ Траубенталь.

Казенныхъ домовъ, удобныхъ для помѣщенія гимназій, въ Казани не нашлось; Траубенталь осмотрѣлъ всѣ частныя, отдававшіеся въ наемъ; губернская канцелярія въ особенноти рекомендовала дома дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кудрявцева и генераль-маіора Кольцова; но въ выборѣ ихъ онъ, однако, не рѣшилъ ничего.—Кромѣ того, какъ видно, Траубенталь принималъ или зачислилъ въ ученики дворянскихъ дѣтей: маіора Тютчева (2), заводчика Глазова, подполковника Сумарокова, ассесора Левашова, вахтмистра Дурнева, маіора Бутлерова, капитана Аристовъ, подпоручика Елагина, подпоручика Могутова, капрала Глазова, подполковника Державина (2), капитана Рѣльева,—всего 14 человекъ.

Между тѣмъ 18-го января 1759 года, прибылъ въ Казань самъ Веревкинъ и въ тотъ же день „принялъ надъ гимназіями команду“, хотя на самомъ дѣлѣ гимназіи существовали почти *in spe*. Немедленно осмотрѣлъ онъ, показавшице ему отъ Казанской губернской канцелярія дома и способнѣйшимъ предъ прочими призналъ домъ Кольцова, который 19-го числа и нанялъ, по заключенному въ присутствіи канцелярія договору, на каждый мѣсяць по 15 рублей. Домъ этотъ былъ каменный двухъ-этажный, но почти совершенно заброшенный домохозяевами и продавался за 800 рублей. Въ верхнемъ этажѣ находилось шесть комнатъ и два чулана, которые, безъ большихъ хлопотъ, было возможно обратить въ приличныя комнаты; то же можно было сдѣлать и съ нижнимъ этажемъ, хотя онъ оказывался еще въ большей запущенности. Вообще на поправки и передѣлки требовалось не менѣе 200 рублей,—по тогдашнему времени сумма довольно значительная.

Января 20-го Веревкинъ сдѣлалъ „распоряженіе классовъ и раздѣленіе ихъ между учителями“. Въ чемъ состояло это раздѣленіе,—незвѣстно; но изъ другихъ бумагъ, относящихся къ самымъ первымъ днямъ открытія гимназіи, усматривается, что каждый учитель долженъ былъ заниматься ежедневно не менѣе четырехъ часовъ. Такъ знакомый намъ капитанъ фонъ-Траубенталь преподавалъ исторію и географію — по понедѣльникамъ и средамъ отъ 1 до 5-ти ча-

¹⁾ Шенкель, Ист. Моск. унив., 45.

совѣ по полудни, а по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ отъ 7 до 11-ти по полудни; поручикъ Морозовъ преподавалъ геометрію и фортификацію — по понедѣльникамъ и средамъ отъ 7 до 11-ти по полудни, по вторникамъ же, четвергамъ и пятницамъ отъ 1 до 5-ти часовъ по полудни; въ тѣ же часы и дни преподаваніемъ ариметики занимался учитель-студентъ Любинскій; французъ де-Форжъ, „свидѣтельствованный въ званіи своемъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ“ (Léon de Forges, natif de Paris, arrivé depuis 3 mois, a reçu un attestat pour enseigner la langue française et allemande)— занимался ежедневно, кромѣ субботы, отъ 7 до 11-ти часовъ по полудни; учитель-студентъ Моревъ—въ субботу училъ „правописанію и первымъ приступамъ и штилю латинскаго языка“, а въ остальные дни недѣли преподавалъ въ часы, незанятые другими учителями.

Вообще „учрежденіе классовъ и методы ученія“ университетъ „оставлялъ на разсужденіе“ самого Веревкина, рекомендуя ему „учреждать то по совѣту съ нѣкоторыми лучшими учителями, а больше по своему знанію и совѣсти“, а учителямъ объявлялось, что „когда оное такимъ образомъ утверждено будетъ, то они не должны о томъ болѣе разсуждать, а должны повиноваться приказаніямъ командира“ (ордеры университета 26-го мая и 6-го октября 1759 года).

Должно замѣтить, что изъ всѣхъ рапортовъ Веревкина не видно, кто и когда занимался преподаваніемъ правилъ русскаго языка, хотя еще при отправленіи фонъ-Траубенталя поручалось ему „отъ Казанской губернской канцеляріи смекать способнаго къ тому званію учителя“. Преподаваніе закона Божія началось не ранѣе половины февраля. По крайней мѣрѣ, въ рапортѣ отъ 17-го числа того мѣсяца, Веревкинъ писалъ: „Преосвященный епископъ Гавріилъ Казанскій и Свіяжскій, благодѣтельствуя гимназіямъ, опредѣлилъ, по требованію оныхъ, наречно для того произведеннаго семинариста въ священники (Григорія Котельницкаго), которому повелѣно безъ всякаго жалованья и отъ однихъ христіанскихъ потребъ по вся воскресенья и праздники, передъ обѣдней за два часа, учить гимназистовъ знанію православнаго христіанскаго закона, а со временемъ и церковной исторіи“¹⁾.

Января 21-го совершилось открытіе гимназій, не сопровождавшееся однако какими-либо чрезвычайными особенностями, на что такъ склонны

¹⁾ Русская Бесѣда, 1860, № 1, особое приложеніе. — Эта статья наиболѣе послужила намъ для дополненія сдѣланныхъ нами извлеченій изъ дѣлъ.

были въ прошедшемъ столѣтїи. Въ этотъ день, въ 7 часовъ утра, собрались въ домѣ Кольцова какъ „всѣ чины Казанскихъ гимназій“, такъ и всѣ дотолѣ принятые ученики (въ томъ числѣ и Гавріиль Романовъ Державинъ, сынъ подполковника). Отслужили „молебень благодарный о вседражайшемъ ея императорскаго величества здравїи“, за тѣмъ каждому учителю вручена была копія съ „гимназическаго регламента“, а ученикамъ были прочтены извлечения изъ этого регламента, заключающія въ себѣ „наставленія о должности учащихся“.

Послѣ этого ученики распущены были на три дня.

Ученіе началось съ 25-го января, по выраженію Веревкина въ рапортѣ университету, „въ разсужденїи безполезно получаемаго учителями жалованья и праздности записанныхъ уже учениковъ“. Учениковъ было только 30 человѣкъ, но число ихъ постоянно увеличивалось, такъ что въ половинѣ марта считалось 52, въ концѣ апрѣля 63, а въ первыхъ числахъ мая дошло до 95 человѣкъ. Веревкинъ былъ увѣренъ, что „съ началомъ лѣтнаго пути число гимназистовъ знатно умножится“; онъ разчитывалъ на 200 или 300 человѣкъ и предупреждалъ, что „въ учителяхъ будетъ недостатокъ“. Самые первые ученики исключительно были „дѣти благородныхъ родителей“; но послѣ стали являться дѣти разночинцевъ и съ 10-го мая открыта „разночинская гимназія“, въ которой записанъ былъ 31 ученикъ.

Сословное раздѣленіе учащихся признавалось тогда необходимымъ условїемъ, хотя видимо на первомъ планѣ выставлялось возможное распространеніе просвѣщенія. Казанскія гимназіи являлись первымъ опытомъ исполненія очень обширнаго и довольно сложнаго плана, по которому предполагалось во всѣхъ знатныхъ городахъ учредить гимназіи, гдѣ бы обучались нужнымъ европейскимъ языкамъ и первымъ основаніямъ наукъ; а по городамъ малымъ открыть школы для обученія русской грамотѣ, ариметикѣ и первымъ основаніямъ другихъ наукъ. Обучавшіеся въ этихъ первоначальныхъ школахъ, для дальнѣйшаго образованія, могли переходить въ гимназіи, а изъ гимназій въ кадетскіе корпуса, университетъ, академію,—и уже по выходѣ изъ этихъ послѣднихъ заведеній получали право поступать въ дѣйствительную службу. Дѣти дворянъ, не обучавшіеся въ корпусѣ, въ академіи, или въ университетѣ, обязаны были, предъ поступленіемъ въ службу, подвергаться испытаніямъ въ этихъ заведеніяхъ. Этому плану суждено было осуществиться во всей полнотѣ лишь по истеченіи полустолѣтїа, когда, по проекту Сперанскаго, даже состоявшіе

уже на службѣ чиновники должны были держать университетскій экзамень.

Съ увеличеніемъ числа учениковъ въ гимназіяхъ, представлялась необходимость увеличенія и числа учителей и опутительнѣе чувствовался недостатокъ въ учебникъ книгахъ и другихъ пособіяхъ. Должно отдать полную справедливость Веревкину, что онъ чрезвычайно заботливо, можно сказать, настойчиво, старался удовлетворить всѣ нужды ввѣреннаго ему заведенія. Его рапорты и представленія университету исключительно посвящены такимъ предметамъ и во многихъ случаяхъ могутъ послужить матеріаломъ для изображенія экономическаго и нравственнаго состоянія не только гимназій, но и самой Казани, отчасти и всего тамошняго края.

Особенно затруднительно было приобрести хорошихъ преподавателей и удержатъ ихъ при гимназіи на продолжительное время. Оклады жалованья были ничтожны, а между тѣмъ въ ту пору въ Казани „не можно было житьъ ниже пансіонеровъ, ни другихъ какихъ-либо акциденцій“; да въ добавокъ къ этому, и самый университетъ слишкомъ экономно ассигновывалъ на содержаніе казанскихъ гимназій суммы, или просто замедлялъ въ высылкѣ денегъ. Такъ изъ одного рапорта (10-го октября 1759 г.) видно, что на жалованье лишь учителямъ и другимъ чинамъ, кромѣ командира, требовалось въ треть по 476 руб. 32 коп., а университетъ высылалъ по 250 рублей. Такими суммами, конечно, невозможно было удовлетворять вполнѣ и учителей, а между тѣмъ требовались „непресѣкаемо текущіе расходы“ по содержанію самихъ зданій и проч. „Жалованные гимназическіе чины“, писалъ Веревкинъ, „всѣ будучи бѣдные, имѣя почти всѣ самое малое жалованіе, нищенствовать принуждены, а нищета и всегдашній въ необходимыхъ къ сохраненію жизни своей вещахъ недостатокъ не иначе, какъ неспособнымъ дѣлають челоувѣка къ его должности“.

Разсужденія Веревкина вполнѣ справедливы. При такихъ порядкахъ, только нужда заставляла нѣкоторыхъ учителей искать мѣста при гимназіяхъ; на оборотъ, и командиръ гимназій, только по крайней необходимости, принималъ или держалъ учителя не всегда способнаго. Первоначально, напримѣръ, былъ одинъ учитель для французскаго и нѣмецкаго языковъ; но черезъ два мѣсяца по открытіи гимназій, желающихъ учиться этимъ языкамъ явилось столько, что „одного учителя не доставало роздать и прослушать уроки“. Поэтому собственно для преподаванія нѣмецкаго языка принять былъ от-

ставной поручикъ голштинской службы Тихъ, съ платою по 60 руб. въ годъ. Вскорѣ затѣмъ и такое раздѣленіе преподаванія оказалось неудовлетворительнымъ: чувствовалась надобность имѣть по два учителя для каждаго языка. Для нѣмецкаго выискался кандидатъ въ самой Казани, унтеръ-офицеръ датской службы голштинецъ Менсонъ, „находившійся при архіерейскомъ домѣ въ нѣкоторой должности“; онъ согласился быть преподавателемъ за 12 рублей въ годъ, лишь бы оставили его „по прежнему продолжать положенное на него въ домѣ архіерейскомъ дѣло“; онъ даже согласился и на то, чтобы за первые три мѣсяца получить жалованье только послѣ одобрительной аттестаціи. Относительно втораго учителя (французскаго языка) Вережкинъ просилъ, чтобы его назначили „изъ университетскихъ студентовъ“; это ходатайство, однако, кажется, осталось неудовлетвореннымъ и уже долго спустя Вережкинъ пріискалъ „свидѣтельствовааннаго въ университетѣ“ Француза Ружа, который, „для крайней его бѣдности“, рѣшался быть учителемъ за 45 р. въ годъ, а между тѣмъ „онъ былъ въ состояніи переводить съ французскаго и нѣмецкаго на русскій, а съ русскаго на оныя языки“. Французы, впрочемъ, вообще шли въ большей цѣнѣ, нежели другіе учителя: де-Форжъ, ноступившій при самомъ открытіи гимназій, получалъ сначала 100 р. въ годъ, а потомъ ему назначено 150 рублей; Ла-Касанъ опредѣленъ былъ въ 1760гг. съ производствомъ 120 руб. въ годъ, а прежде того Денвилль находилъ для себя недостаточнымъ и 200 рублей. Что касается учителей языка латинскаго, то они были не дороги: семинаристъ Яковъ Славянскій договорился учить „въ разночинскомъ классѣ“ за 24 рубля въ годъ, при чемъ, подобно голштинцу Менсону, обязался за первые три мѣсяца получить вознагражденіе, „если способнымъ явится“. Однако, онъ не выдержалъ и двухъ мѣсяцевъ; вмѣсто его явились университетскій студентъ Буколь Ѳедотовъ и семинаристъ Петръ Тихомировъ, также согласившіяся получать по 2 рубля въ мѣсяцъ.

Затрудненія, происходившія отъ недостатка въ учебныхъ пособияхъ, были еще значительнѣе. При самомъ открытіи гимназій (въ рапортѣ 28-го января 1759 г.) Вережкинъ доносилъ университету, что предвидится крайняя нужда „въ нѣмецкихъ азбукахъ, въ грамматикахъ трехъ преподаваемыхъ въ гимназіи языковъ, въ лексиконахъ, въ глобусахъ, атласѣ, въ александрійской и полуалександрійской бумагѣ, въ математическихъ инструментахъ“. Черезъ три мѣсяца послѣ того (14-го мая) онъ объяснялъ, что „по шести экземп-

лярамъ нѣмецкой азбуки принуждены учиться больше тридцати человѣкъ; грамматикъ же ни на какомъ надобномъ языкѣ не сыскалось, а изъ сего явствуетъ, какую нестерпимую ямбютъ въ томъ нужду гимназій“. Къ сожалѣнію, университетъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ высылкѣ денегъ, выказывалъ скудость или скорѣе дѣйствительно не имѣлъ возможности удовлетворять требованія директора ¹⁾. Только въ концѣ іюля выслалъ онъ 25 экземпляровъ французской грамматикѣ, а руководство по языкамъ нѣмецкому и латинскому такъ и не явилось въ 1759 году, не смотря на безпрестанныя просьбы. Соображая все это, нельзя не удивляться, какъ гимназій, съ такими скудными пособиями къ образованію, могли достигать хоть сколько-нибудь положительныхъ успѣховъ въ знаніи языковъ. А между тѣмъ эти успѣхи дѣйствительно были: въ началѣ слѣдующаго учебнаго года (т. е., черезъ 7 мѣсяцевъ по открытіи гимназій) ученики уже занимались переводами пресловутыхъ „Странствованій Телемаха“, чуть не на цѣлое столѣтіе сдѣлавшихся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ единственною книгою для упражненій въ переводахъ съ французскаго языка. Въ заботахъ о расширеніи преподаванія въ гимназіяхъ, Веревкинъ (18-го сентября 1759 г.) представлялъ университету слѣдующее: „Разсуждая, что здѣшній городъ есть главной цѣлаго царства, имѣвшаго національный діалектъ, не повелѣно ли будетъ завести при гимназій классъ татарскаго языка? Со временемъ могутъ на ономъ отыскиваемы быть многіе манускрипты; правдѣ подобно, что оныя подадутъ нѣкоторый, можетъ быть и не малый, свѣтъ въ русской исторіи“. Мысль эта въ ту пору не встрѣтила сочувствія; однако, она не погибла вовсе: впоследствии предположеніе Веревкина осуществилось и Казанская гимназія постепенно сдѣлалась почти цѣлымъ институтомъ восточныхъ языковъ, потому что въ ней, кромѣ татарскаго, преподавались языки: монгольскій, калмыцкій, турецкій, арабскій, персидскій, армянскій, китайскій, не говоря о двухъ древнихъ и трехъ европейскіхъ новыхъ.

Нельзя отрицать, что во всѣхъ хлопотахъ Веревкина значительную роль играло его личное самолюбіе, его желаніе „выказать свое

¹⁾ Университетъ и самъ не очень обезпеченъ былъ въ средствахъ. Жалованіе профессорамъ платилось очень не аккуратно; домъ, гдѣ помѣщенъ былъ университетъ, едва не развалился: однажды стѣна въ латинскомъ классѣ учителя Фрязина чувствительно треснула, а какъ начали чинить, то ускорилъ ея разрушеніе. *Шевыделетъ*, Исторія Моск. ун-ва., стр. 46, 62, 63, 126.

усердіе"; но винить его безусловно въ такомъ направленіи едва ли должно. Многое тогда (да и послѣ) дѣлалось на показъ, самое ученіе облакалось тогда въ какой-то вычурный нарядъ, обставлялось особою парадностію, аллегорическими празднествами и проч.; такія приемы отчасти были необходимы, потому что при посредствѣ ихъ масса народа знакоилась хоть съ внѣшностію образованія и мало по малу усвоивала расположеніе къ нему. Далѣе мы расскажемъ, какъ и Верекинъ прибѣгалъ къ подобнымъ средствамъ; здѣсь же замѣтимъ, что онъ, хоть и не прочь былъ, какъ говорится, блеснуть, пустить пыль въ глаза, тѣмъ не менѣе внимательно слѣдилъ и за дѣйствительными нуждами гимназій. Такъ, замѣтивъ, что „поручикъ Морозовъ, за недовольнымъ знаніемъ русскаго штиля, весьма темно или совсѣмъ не вразумительно задаетъ свои письменные уроки, а на самой практикѣ, безъ дальнихъ изъясненій, всякую проблему назвустъ училъ“,—Верекинъ предложилъ преподаваніе геометріи учителю студенту Любинскому, а Морозову оставилъ преподаваніе фортификаціи и рисованья. Еще болѣе доказывается пониманіе Верекинскимъ педагогическаго дѣла тѣмъ, что онъ установилъ еженедѣльно по субботамъ „конвенты“ или педагогическія собранія, гдѣ всѣ преподаватели должны были высказывать свои мнѣнія „о добромъ правленіи гимназій“: о каждомъ засѣданіи конвента составлялся протоколъ, копія съ котораго препровождалась въ университетъ. Эти конвенты, однако, по ордеру университета отъ 6-го октября 1759 года, были отмѣнены. „Чтобы учителя гимназій—говорилось въ ордерѣ—о случающихся своихъ нуждахъ и о томъ, что они по своей совѣсти къ пользѣ сего учрежденія за благо усмотрятъ, вашему высокоблагородію (т. е., Верекину), представляли,—то само въ себѣ изрядно и нужно; но чтобъ то „конвентомъ“ или, какъ г. капитанъ Траубенталь именуеть „конференціею“ было отправляемо, то должно отъ высшаго мѣста подтверждено быть; и такъ, если потребно будетъ, чтобъ таковой конвентъ или конференція въ Казани учреждена была, то казанская гимназія должна о томъ надлежащимъ образомъ представить и на то ожидать апробаціи отъ его высокопревосходительства г. куратора“.

Обращая вниманіе университета на жалкое состояніе учителей, Верекинъ вмѣстѣ съ этимъ старался улучшить положеніе учениковъ разночинской гимназій, изъ которыхъ весьма многіе находились въ крайней бѣдности. „Записавшіяся въ гимназію солдатскія дѣти (представлялъ онъ въ рапортѣ 7-го мая 1759 г.), за крайнею бѣд-
часть СLXXIII, отд. 2.

ностью, въ рубищахъ въ классы свои приходятъ, а по выходѣ изъ оныхъ многія милостиною питаются, и въ избѣжаніе того не благоволятъ ли Императорскій Московскій университетъ представить къ его высокопревосходительству куратору, о дачѣ имъ изъ единого милосердія провіанта, квартиръ и одежды, что все не больше учинить шести рублей въ годъ на каждого“. Ходатайство его было уважено и университетъ разрѣшилъ „производить жалованье по 6 рублей“ двадцати ученикамъ. Но Вережкинъ, однако, и послѣ этого домогался, чтобы вспоможеніе отъ казны распространено было на всѣхъ учениковъ-разночинцевъ: въ этихъ видахъ онъ даже просилъ разрѣшенія выдавать каждому изъ нихъ только по три рубля въ годъ, а тѣмъ, которые отличать себя прилежностью и успѣхами, умножать эту сумму до повелѣнныхъ шести рублей¹⁾.

Всѣ эти предположенія и ходатайства Вережкина убѣдительно доказываютъ, что онъ, если и „не забывалъ себя“, если и имѣлъ, при этомъ, какіе-либо личные интересы, какъ въ послѣдствіи старался доказать доносчики, то все-таки въ сущности его стремленій лежало желаніе принести дѣйствительную пользу заведенію, которое вѣрено было его управленію, и обществу, въ которое поставленъ былъ онъ такими обстоятельствами. Мы вовсе не беремъ на себя роли адвоката Вережкина, а стараемся, по возможности, изъ отрывочныхъ свѣдѣній, заключающихся въ официальной его перепискѣ, обрисовать его личность и его въ высшей степени интересную дѣятельность. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что Вережкинъ въ своемъ званіи командира гимназій видѣлъ болѣе обширное назначеніе, призваніе быть не только „питателемъ науками“ дѣтей, но и водворителемъ и распространителемъ цивилизаціи и здравыхъ понятій между отцами. Въ такомъ смыслѣ мы принимаемъ представленіе Вережкина о высылкѣ въ гимназію 20 экземпляровъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и нѣсколькихъ экземпляровъ иностранныхъ вѣдомостей, мотивированное тѣмъ соображеніемъ, что въ обществѣ необходимо распространить болѣе правильныя политическія и литературныя свѣдѣнія: „охотниковъ бы, конечно, было покупать“—говорилъ онъ. Ожиданія

¹⁾ Чтобы судить о томъ, какое значеніе экономическое могли имѣть расходы учителей и стипендіи ученикамъ, приводимъ существовавшія тогда въ Казани цѣны: хлѣба четверть продавалась по 60 коп., сажень дровъ 35 — 45 коп., плоть березовыхъ дровъ 2 руб. 15 коп., сотни ирричей съ доставкой на мѣсто 25 коп., лошадь рабочая 7 руб. 50 коп., кулъ овса 35 коп. и пр. Рыбушкина Ист. краткая города Казани, I, 113.

эти не сбылись: университетъ выслалъ только 10 экземпляровъ „Московскихъ Вѣдомостей“, однако и изъ этого количества разошлись только три (одинъ былъ взятъ самую гимназію, другой казанскимъ архіереемъ и третій бригадиромъ Моткинымъ), остальные семь „остались безъ дѣйствія“; впрочемъ, мѣсяца черезъ три, Вережкинъ успѣлъ еще сбыть два экземпляра. Такое же значеніе придаемъ мы и предположенію Вережкина, что „не безъ большой пользы и то будетъ, когда если танцъ- и фейхтъ-мейстеры пришлются“ (5-го августа 1759 г.). Очевидно, онъ хотѣлъ всѣми возможными средствами водворить въ край „политичное обращеніе“.

Нужно ко всему этому присоединить, что Вережкину приходилось на первыхъ порахъ бороться и съ препятствіями, поставившимися на основаніи буквы закона. Въ сенатскомъ указѣ объ учрежденіи гимназій въ Казани предписывалось губернской канцеляріи: „и что принадлежать будетъ до учрежденія означенной гимназій, въ томъ, по требованіямъ реченнаго университета, чинить должное вспоможеніе, по обстоятельствамъ, безъ упущенія времени“. Основываясь на этомъ, губернская канцелярія первоначально оказала всякое содѣйствіе капитану Траубенталю и ассесору Вережкину, и даже, безъ всякаго требованія съ ихъ стороны, отвела имъ и учителямъ казенныя квартиры, а для охраны гимназій назначила казенный караулъ изъ 6-ти рядовыхъ при одномъ капралѣ. Черезъ нѣсколько времени государственная военная коллегія нашла такія распоряженія неправильными и излишними. Вслѣдствіе сего тогдашній казанскій вице-губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Василій Борисовичъ Тенишевъ чрезъ полиціймейстера потребовалъ, чтобъ командиръ и прочіе чины гимназій очистили казенныя квартиры и отмѣнилъ назначеніе караула въ гимназію. Вережкина сильно смутило такое неожиданное и непріятное обстоятельство: онъ поспѣшилъ нанять 6 человекъ сторожей, съ платою каждому по 8 рублей въ годъ, гимназическимъ же чинамъ предписалъ „остаться на квартирахъ по прежнему, развѣ насиліе какое-либо съ ними отъ полиціймейстера употреблено будетъ, въ такомъ случаѣ имѣютъ они безъ сопротивленія выйтись и скитаться безъ пристанища“. Донося объ этомъ случаѣ и о своихъ распоряженіяхъ 4-го іюня 1759 года, Вережкинъ, можно сказать, умолялъ университетъ оказать гимназій возможную защиту и покровительство: „если Императорскій Московскій университетъ не защититъ новонасажденную свою отрасль, то въ какое чрезъ то она придетъ презрѣніе въ самомъ своемъ началѣ; приняв-

шіе должности учащихся почти при вступленіи своемъ какихъ выгодъ впредь ожидать имѣютъ; чрезъ то и довольно уже собравшееся здѣсь юношество не инако, какъ препятствій въ ученіи своемъ найти можетъ". Дѣло это, надобно полагать, произвело впечатлѣніе на университетъ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ еще не задолго до того жаловался куратору на неопредѣленность своихъ отношеній къ разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и правительственнымъ учрежденіямъ, отъ чего приводилось терпѣть „презрѣніе и великую въ дѣлахъ остановку“¹⁾. Впрочемъ, вся эта исторія кончилась къ удовольствію Веревкина и, какъ объяснилось впоследствии, произошла она болѣе по недоумѣнію, или по излишней ревности казанскихъ властей. Военная коллегія нашла неправильнымъ только назначеніе особыхъ карауловъ въ гимназіи, а о квартирахъ не было и рѣчи. Князь Тенишевъ, вслѣдствіе письма къ нему отъ куратора университета, обѣщаль оставить квартиры за учителями „и ассесора (то-есть, Веревкина) изъ данной ему отъ казанской губернской канцеляріи не выгонять больше“; мало того, онъ даже вновь сталъ присылать въ гимназію и караулъ, „только изъ отставныхъ солдатъ и безъ оружія“.

Въ такихъ обстоятельствахъ находилась Казанская гимназія, когда истекло первое полугодіе ея существованія. Въ 20-хъ числахъ іюня произведены были экзамены, а 28-го числа совершился публичный актъ, послѣ котораго ученики распущены были на лѣтнюю вакацію по 1-е августа.

Актъ, какъ водится, происходилъ съ обыкновенною торжественностію. По собраніи всѣхъ гимназическихъ чиновъ въ гимназіи, прибылъ преосвященный епископъ съ знатными духовными, вице-губернаторъ и всѣ находившіеся въ Казани разныхъ командъ офицеры и дворянство. Учитель геометріи, студентъ Любинскій, открылъ актъ латинскою рѣчью „о пользѣ наукъ вообще“. За тѣмъ восемь особливую прилежность оказавшихъ учениковъ краткими же рѣчами на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ, по двое, говорили „о нуждѣ, чтобы знать учимое ими“. Послѣ того учитель латинскаго языка, студентъ Моревъ, произнесъ на русскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь собранію. Въ заключеніе всего гимназическій священникъ въ приходской церкви отпѣлъ молебень о вседражайшемъ здравіи прещедрой матери отечества Россійскаго всемилостивѣйшей государыни императрицы и напутствовалъ гимнази-

¹⁾ Шегуревъ, Ист. Моск. Унив.ерс., 39—41.

стовъ краткимъ увѣщаніемъ, въ какихъ упражненіяхъ должны они препроводить вакацію.

„Не можно того не донести Императорскому Московскому университету“, писалъ послѣ этого Веревкинъ, „какимъ виднымъ удовольствіемъ наслаждались бывшіе въ семь собраніи не только родители и свойственники говорившихъ учениковъ, но посторонніе радостно проливали слезы“. Болѣе всѣхъ выразилъ свое сочувствіе къ гимназіи тогдашній казанскій архіерей Гавриилъ Кременецкій (впослѣдствіи бывший митрополитомъ кievскимъ): на другой день послѣ акта онъ прислалъ ученикамъ, говорившимъ рѣчи, по книжкѣ, а въ гимназію доставилъ Библию и латинскій Гофмановъ лексиконъ съ своеручными на нихъ надписями. За такое его „очевидное усердіе къ гимназіямъ“ Веревкинъ просилъ, чтобы ему изъявлено было „благодареніе отъ его высокопревосходительства куратора“. Надобно при- совокупить здѣсь, что епископъ еще болѣе выказалъ участія къ гимназіямъ: вскорѣ послѣ этого онъ предложилъ взять принадлежавшее архіерейскому дому мѣсто, лежавшее на самомъ выѣздѣ изъ Казани. Пожертвованіе это, однако, было отклонено, такъ какъ ни директоръ гимназій, ни университетъ не придумали, какое сдѣлать употребленіе изъ этого мѣста ¹⁾).

Съ 1-го августа опять началось ученіе, и открытіе классовъ также сопровождалось молебномъ и рѣчами. Ученики, успѣвшіе въ каникулярное время „много впередъ въ наукахъ“, представлены были Веревкинымъ къ особой наградѣ. Вслѣдствіе чего, по приказанію куратора, напечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1759 г. 10 августа, № 64) отчетъ о состояніи гимназій и происходившихъ въ ней экзаменахъ, при чемъ заявлено: „наиприлежнѣйшими себя оказали и отиѣнную похвалу заслужили: гвардіи капралъ Николай Левашовъ, гвардіи-жъ солдатъ Сергѣй Полянский и ученикъ Петръ Лазаревъ. Равнымъ образомъ, и нижеписанные еще за свою прилежность, успѣхи и доброе поведеніе, похвалы достойными нашлись, а именно: Василей и Дмитрей Родіоновы, Петръ Нарманской, Гаврила Державинъ, Алексѣй и Петръ Норовы“ ²⁾). Число всѣхъ учениковъ въ это время простиралось до 120-ти человѣкъ.

¹⁾ Мѣсто это, съ сосѣднею дачею, въ 1840 году приобрѣтено было для постройки Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ.

²⁾ *Шевыревъ*, Исторія Моск. Универс., 58, 78. Не лишнимъ считаемъ прибавить здѣсь замѣтку объ ученикѣ Нарманскомъ или Нармацкомъ. Отецъ этого

Здѣсь не лишне будетъ привести отзывъ одного изъ аттестованныхъ учениковъ о томъ, какъ шло тогда ученіе въ Казанской гимназіи. Державинъ съ братомъ своимъ, какъ замѣчено было выше, поступилъ въ гимназію въ числѣ первыхъ 14-ти учениковъ, и пробылъ въ ней все то время, когда директорствовалъ Веревиный, — слѣдовательно, отзывъ его въ особенности важенъ при разсмотрѣніи этого періода.

„Поелику же въ 1758 году открылась въ Казанѣ гимназія, состоящая подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго университета“, говоритъ Державинъ въ своихъ Запискахъ, „то и записаны дѣти (то есть, онъ съ братомъ) въ сіе училище, въ которомъ преподавалось ученіе языкамъ латинскому, французскому, нѣмецкому, ариметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію, подъ дирекцію бывшаго тогда ассесоромъ Михайла Ивановича Верекина; однако же, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими прави-

ученика, капитанъ Андрей Нарманскій, богатый владѣлецъ села Шурана, на Камѣ, въ Лашшевскомъ уездѣ Казанской губерніи (№ 854 Списка населен. мѣстъ Каз. губ.), и другихъ деревень, лежащихъ по рѣчкѣ Мешѣ, былъ одинъ изъ числа представителей дикаго своеволия богачей-крѣпостниковъ «добраго стараго времени». Принадлежавшее ему село Шуранъ и романическія преданія о подвигахъ его владѣльца послужили для Марлинскаго основой его повѣсти «Латники». Намъ самимъ, еще въ 1840 годахъ, привелось слышать въ Шуранѣ народныя преданія о Нарманскомъ, какъ онъ облагалъ пошлиною суда, проходившія по Камѣ мимо его дома. Иногда это взиманіе пошлины обращалось въ простой грабегъ судовщиковъ. Въ царствованіе императрицы Екатерины II, Нарманскій, по доносу своихъ дворовыхъ людей, былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь, не смотря на всѣ хлопоты и интриги своего пріятеля императрицына камердинера Сахарова, который былъ къ тому же сосѣдъ Нарманскаго по ивѣнью: Сахарову принадлежало село Алексѣевское, въ 22-хъ верстахъ отъ Шурана, въ Лашшевскомъ уездѣ (№ 855 Списка населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи). Подробности дѣла, по которому былъ осужденъ Нарманскій, не извѣстны. Нѣсколько упоминаній о немъ встрѣчается въ письмахъ императрицы Екатерины къ московскому главнокомандующему кн. М. Н. Волконскому (Осынадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 78, 84, 93). Нармонскіе, Нармонтскіе и Нармацкіе выводятъ свой родъ отъ нѣкоего Шельба, вышедшаго изъ Италіи къ Александру Невскому; отъ него же пошли Еремѣвы и Маврины (*Временникъ Моск. Общ. Исторіи*, 1854, XX, сѣтъ, 25). Одинъ изъ Нармонтскихъ, Федоръ Кирилловичъ, въ послѣдней четверти XVII столѣтія составилъ лѣтописецъ (напечатанъ во *Временникѣ* 1850, кн. V), преимущественно съ цѣлю мѣстическихъ счетовъ, но не лишенный нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностей о событіяхъ въ сѣверо-восточной Россіи, Казани и пр.

лами какъ и прежде ¹⁾). Болѣе-жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить, сколько-нибудь, по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каедряхъ сочиненныя учителямъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ по случаю экзаменовъ, что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило людскость и нѣкоторую розвязъ въ обращеніи ²⁾).

Вѣрность этой картины подтверждается и тѣми свѣдѣніями, какія въ настоящей статьѣ извлечены изъ официальныхъ документовъ; справедливость сужденія о результатахъ подобнаго преподаванія вполне оправдывается примѣромъ самого Державина: если онъ и вышелъ изъ гимназій въ наукахъ неискусенъ, то все-таки приобрѣлъ людскость и нѣкоторую „розвязъ“ въ обращеніи. Этому доказательства найдутся въ тѣхъ же запискахъ пѣвца Бога и Фелицы. Мы высказали мнѣніе, что Веревкинъ, быть можетъ, и не добивался большого отъ своихъ гимназистовъ; но при всемъ томъ едвали кто-нибудь будетъ спорить, что и это, въ сущности весьма поверхностное, образованіе поселяло въ сердцахъ и умахъ питомцевъ убѣжденіе какъ въ пользѣ, такъ и въ необходимости образованія. Тѣмъ-то и была хороша эта система, что она знакомила съ чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь (то-есть, какъ позволяли средства), приучала *естя* къ приобрѣтенію знаній и возбуждала хотъ нѣкоторыхъ къ приобрѣтенію знаній обширныхъ и основательныхъ.

Съ открытіемъ классовъ въ новомъ полугодіи начались вновь хлопоты Веревкина объ устройствѣ гимназій, о пріисканіи учителей, о доставкѣ учебныхъ пособій и проч. Между прочимъ, Веревкинъ просилъ снабдить гимназію „ствѣнными боевыми часами“, такъ какъ

¹⁾ Фраза эта относится къ преподаванію тѣхъ учителей, у которыхъ Державинъ учился до поступленія въ гимназію. Выше были приведены слова Державина о каторжникѣ Розе, обучавшемъ его съ братомъ нѣмецкому языку. Послѣ того мать отдала ихъ въ наученіе, за немнѣніемъ лучшихъ учителей ариметики и геометріи, сперва гарнизонному школьнику Лебедеву, а потомъ артиллеріи штыкъ-юнкеру Полетаеву; но какъ они и сами въ сихъ наукахъ были мало свѣдуши, ибо какъ Роза нѣмецкому языку училъ безъ грамматки, такъ и они ариметикѣ и геометріи безъ доказательствъ и правилъ, то и довольствовались въ ариметикѣ одними первыми пятью частями, а въ геометріи черченію огуръ, не имѣя понятія, что и для чего надлежитъ.

²⁾ Записки Державина, стр. 11 (Русская Бесѣда 1859 года).

„въ Казани нѣтъ башенныхъ боевыхъ часовъ, отчего въ начатіи классовъ и въ окончаніи ихъ происходитъ безпорядокъ“. На эту послѣднюю просьбу отвѣтъ университета послѣдовалъ только въ 1761 году, когда уже и Веревкинъ былъ уволенъ, да и отвѣтъ заключалъ въ себѣ лишь обѣщаніе: „часы для порядочнаго прихода и выхода изъ гимназій учителей и учениковъ куплены и присланы будутъ ¹⁾“. Живость характера, опора на протекцію Шувалова, и безъ сомнѣнія прямое желаніе добра ввѣренному заведенію,—вынуждали Веревкина быть особенно настойчивымъ въ своихъ представленіяхъ. Мы знаемъ, что въ періодъ своей службы при университетѣ, Веревкинъ не всегда ладилъ съ другими членами университетской конференціи, — поэтому неудивительно, что нѣкоторыя изъ его ходатайствъ не достигали желаемой цѣли, а иногда просто оставались безъ всякаго отвѣта. Это еще болѣе подстрекало ревниваго къ своей чести директора и онъ началъ проситься въ отпускъ въ Москву, конечно, надѣясь личными объясненіями достигнуть болѣе положительныхъ результатовъ.

Наконецъ, этотъ отпускъ былъ разрѣшенъ съ наступленіемъ зимней вакаціи и Веревкинъ пробылъ въ Москвѣ и Петербургѣ до начала марта 1760 года. Отправляясь въ эту поѣздку, Веревкинъ, такъ сказать, запасся осязательными доказательствами успѣховъ подчиненныхъ ему гимназій. Между прочимъ, приказалъ отличившимся ученикамъ начертить геометрію и скопировать карты Казанской губерніи, украсивъ оныя разными фигурами и ландшафтами, по выраженію Державина, дабы тѣмъ дать блескъ своему старанію о наученіи ввѣреннаго ему благороднаго юношества. Упрекать его за это нельзя; все это обычный порядокъ, искони существовавшій, и, конечно, имѣющій существовать до скончанія вѣка сего: въ человѣкѣ такъ естественно желаніе выказать себя съ лучшей стороны или, по русской поговоркѣ, продать лицомъ свой товаръ! Точно такъ и директоръ университета, отправляясь въ Петербургъ „для исправленія нѣкоторыхъ само-

¹⁾ Ходатайство Веревкина о высылкѣ «ствѣнныхъ боевыхъ часовъ» служить доказательствомъ, что «боевые часы» на Спасской башнѣ Казанскаго кремля и на нѣкоторыхъ церковныхъ колокольняхъ были устроены въ Казани позже 1759 г. Въ «Краткомъ описаніи царства Казанскаго», составленномъ въ 1739 г. геодезистомъ *Пестриковымъ* (стр. 42, —оттиски изъ оставшагося неизданнымъ 2-го тома «Симбирскаго Сборника»), говорится, что при церкви св. апостоловъ Петра и Павла на воротахъ была церковь св. Козьмы и Демьяна, освященная въ 1708 году, а при ней колокольня «съ боевыми часами». То же самое повторяетъ и *Рычковъ* (Опытъ Казанской исторіи, стр. 180), пользовавшійся *Пестриковымъ*.

нужнѣйшихъ университетскихъ дѣлъ“, взялъ съ собою для представленія куратору лучшихъ студентовъ университета и учениковъ дворянской гимназіи, которые потомъ, „для лучшаго ободренія и поощренія учащагося юношества въ наукахъ“, были допущены на куртажъ, удостоились представленія государынѣ и пожалованы чинами и другими наградами ¹⁾. Верекинъ, конечно, не имѣлъ возможности везти съ собою нѣсколькихъ учениковъ и ограничился представленіемъ разныхъ ихъ работъ. Личныя объясненія его съ высшимъ начальствомъ, какъ видно, имѣли результатъ вполне удовлетворительный. Различныя представленія Верекина, большею частью, удостоились утвержденія: между прочимъ, тогда же разрѣшено увеличить жалованье преподавателямъ, прилежныя и благоправныя изъ учениковъ приняты на казенное содержаніе (въ томъ числѣ и сынъ Верекина, Михайлъ, „для небогатства его, опредѣленъ на жалованье“), другимъ—объщано сдѣлать на казенный счетъ мундиры; ученики, трудившіеся надъ геометрическими чертежами и картами, записаны въ службу въ полки лейбъ-гвардіи солдатами (Державинъ въ инженерный корпусъ кондукторомъ),—вслѣдствіе чего и надѣли всѣ принадлежавшіе званью каждаго мундиры ²⁾. Тогда же и самъ Верекинъ получилъ новое преимущество: въ видахъ лучшаго управленія дѣлами гимназіи, ему повелѣно быть товарищемъ Казанскаго губернатора, съ сохраненіемъ должности директора.

Всѣ эти награды объявлены были Верекинымъ на другой день по возвращеніи его въ Казань „и наполнили гимназію радостію и удовольствіемъ: подъ покровомъ добродѣтели и знатности не иначе, какъ всему успѣвать съ невѣроятною скоростію должно“—выражаетъ онъ въ своемъ рапортѣ 11-го марта 1760 года.

Черезъ недѣлю послѣ этого, гимназіи были перемѣщены въ губернаторскій домъ, а потомъ и вовсе распущены на цѣлый мѣсяць. Поводомъ къ тому были хлопоты директора о постройкѣ особеннаго дома для гимназіи, а еще болѣе приготовленія къ празднеству, котормъ, по распоряженію куратора, предположено было торжествовать

¹⁾ *Шевыревъ*, Ист. Москов. унив., 48 и 49.

²⁾ *И. И. Дмитриевъ* въ своихъ запискахъ («Взглядъ на мою жизнь», стр. 63) сообщаетъ, что Державинъ, по собственнымъ его словамъ, обратилъ на себя вниманіе Верекина успѣхами въ рисованіи и черченіи плановъ, особенно же портретомъ императрицы Елизаветы, снятымъ простымъ перомъ съ гравированнаго эстампа». Сравни. «Записки Державина», стр. 12.

26-е апрѣля, день открытія Московскаго университета. Объ этомъ празднествѣ дошло до насъ слѣдующее подробное донесеніе Веревкина (29-го апрѣля 1760 года):

„Милосердый государь! По приказу вашему, можно сказать, весь городъ Казань обильно трактовалъ. Здѣшней архіепископъ, умножая отъ часу благоволеніе свое къ гимназіямъ, самъ съ великолѣбною ассистенціею началъ торжество служеніемъ молебна за безцѣнное здоровье Всероссийской чадолюбивой и прещедрой матери, въ приходской гимназической церкви. При восклицаніи многолѣтія производилась стрѣльба изъ пушекъ. По молебнѣ, духовные и свѣтскіе чиновные люди, приобщая къ тому магистратскаго президента съ богатѣйшими кучками, вошли въ аудиторію. Рѣчи были латинскія, французскія, нѣмецкія и русскія. Истинно, милосердый государь, слезы отъ удовольствія многіе проливали. Послѣ рѣчей, всѣ слушатели, безъ извѣтія, обѣдали: числомъ ихъ было 117 человекъ. Три длинныя линіи изъ столовъ касались между собою одними концами, составляя ими три тупые угла. На отдаленныхъ концахъ поставлены были изображенія частей свѣта, по которымъ распространяются области всемиловѣйшей нашей самодержицы, Европы, Азіи и Африки (?!), украшенные террасами и деревьями вокругъ, а въ срединѣ или въ стеченіи столовъ сдѣлана была крутая каменистая и ущелистая гора, съ преузкими и претрудными тропинками къ вершинѣ; сто фигуръ человѣческихъ, имѣя въ рукахъ книги и разные инструменты, по нимъ идутъ; многіе, какъ напрымѣръ, искатели философскаго камня и сочинители гороскоповъ, почти при самомъ началѣ пути своего падаютъ, другіе съ четверти и съ половины горы свергаются, премалый счетъ карабкающихся достигаютъ до вершины, которая имѣетъ форму долины, обросшей пальмовымъ лѣсомъ. Аполлонъ, девять сестеръ Парнасскихъ, господъ Ломоносовъ и Сумароковъ, повинуются повелѣнію Юпитеру, присланному къ нимъ чрезъ Меркурія, въ одной рукѣ имѣющаго вензелевое имя ея императорскаго величества, а въ другой свою кадусею, которою даетъ знакъ Парнасскимъ жителямъ, указывая на имя государское, чтобъ, оставя всѣ древніе и новыя объекты, достойнѣйшей предъ всѣми превозносили вѣчными похвалами. Меркурій летящимъ внизъ такъ искусно былъ на тонкомъ волосѣ прилѣпленъ, что я самъ то зная, не могъ волоса видѣть. Послѣ обѣда почти смеркаться стало и для того я гостей моихъ, немного удержавъ, повелѣ въ комедію. Представлена была Мольерова пьеса: „Школа мужей“. Вотъ, милосердый государь, и въ Тартаріи Мольеръ уже извѣстенъ. Театръ, ей-

Богу, такой, что желать лучше не можно: партеръ, обитый красною каразею, въ 12 лавкахъ состоявшей, помѣстилъ въ себѣ 400 чело-вѣкъ; въ парадизѣ такая была тѣснота, что зрители картиною казались. Актерамъ надавали денегъ столько, что я ихъ теперь въ непостыдное платье одѣть могу. Послѣ комедіи былъ ужинъ, балъ, игра и разговоры о наукахъ. Изъ обѣдавшихъ одинъ преосвященный, за слабостію своею, не ужиналъ“.

„Вотъ, милосердный отецъ, первый день. Теперь опишу послѣдую-щій, — нельзя мнѣ было всего вмѣстить въ одинъ день.

„26-го былъ праздникъ въ гимназіяхъ, а 27-е чрезъ карточки ¹⁾ просилъ я 270 чело-вѣкъ знатнѣйшихъ людей духовенства и свѣт-скихъ къ вашему высокопревосходительству на загородный губерна-торскій дворъ, что на Арскомъ полѣ, далъ имъ холодный ужинъ и фейерверкъ. Прости мнѣ, милосердный государь, что все тебѣ подробно описываю. Я отъ роду столько счастливъ, доволенъ и утѣшенъ не былъ. Могу при смерти сказать, что имѣлъ райскія минуты въ моей жизни. Подумайте—близко 17.000 было тутъ гостей: нѣсколько бы-ковъ, барановъ и живности жареной, съ самыми простыми напитками, которое все въ шестьдесятъ рублей не стало,—довольно было ихъ привести въ такой радостный восторгъ, что кучами по мѣстамъ кри-чали: „Матушка! Мы у тебя въ гостяхъ! Порадуй тебя самъ Богъ, какъ ты насъ порадовала. То-то, братцы, потѣха! кто бы думалъ, что это можно сдѣлать!“ Въ фейерверкѣ, особливо, какъ неосторожно зажглись въ кучѣ лежавшія 180 ракетъ, не повѣрите, милосердный государь, какое произошло въ зрителяхъ смятеніе ²⁾.

„Еще днемъ разметалъ я въ два раза двадцать рублей размѣ-ненныхъ полушками. Послѣ фейерверка былъ балъ; домъ и садъ были иллюминированы; все сіе стало мнѣ, не считая мой судейскій припасъ, въ 630 рублей. Ежели я васъ тѣмъ прогнѣвалъ, что много издер-жалъ, то прикажите мнѣ не давать жалованья пока выслужу. До-вольно, батюшка, что вроткой государинѣй воздана хотя слабая, но всеусердная почестъ. Ты прославленъ и цѣлмыи многолюдный го-

¹⁾ Нельзя не помянуть, что не сохранилось извѣстія, каковы были эти «карточки». Нѣтъ сомнѣнія, что эти пригласительные билеты сочинялись по образу размыслившихся университетомъ, которые тогда очень разнообразились по формѣ и изложенію. *Шевыревъ*, Ист. Моск. Ун., 67.

²⁾ Записки *Державина*, стр. 12: «Державинъ, при бывшихъ торжествахъ въ гимназіи, отправлялъ должность артиллериста, бывъ при артиллеріи и при пред-ставленіи фейерверка».

родъ погруженъ былъ мною въ никогда небывалое здѣсь веселіе. Въ деньгахъ у меня крайній недостатокъ; прикажите ихъ поскорѣе переслать изъ положенной на содержаніе гимназій суммы 1.000 рублей. Рѣчи, планы столовъ и фейерверка пришло на другой почтѣ. Прилежнымъ незаписаннымъ (то-есть, на службу) ученикамъ, полагаясь на милостивое обладеживаніе ваше, я велѣлъ надѣть мундиры. Тронулись бы, всеконечно, видя родителей ихъ. Они плакали, молились Богу за государыню, и вамъ, по справедливости, давали имя отца-благодѣтеля и достойнѣйшаго сына отечества. Челобитныя ихъ всѣ, при отъѣздѣ моемъ, въ комнатѣ вашей остались. Призрите милостивымъ попеченіемъ вашимъ, чтобъ безъ продолженія по командамъ объ запискѣ ихъ въ службы знать дано было. Примите милостиво всѣ посыльные труды мои и не лишите меня покровительства вашего. Оно одно у меня въ свѣтѣ семъ приобрѣтенное, безцѣнное и ни на что не мѣняемое сокровище!“¹⁾

Это донесеніе весьма интересно во многихъ отношеніяхъ. Оно отчетливо изображаетъ, какими способами пытались тогда провести въ сознаніе общества важность и пользу образованія: аллегоріи, эмблемы, мифологическія божества считались необходимыми въ такихъ случаяхъ. А между тѣмъ эти Аполлонъ съ девятью Парнасскими сестрами, летящей Меркурій, искатели философскаго камня и сочинители гороскоповъ, карабкающіеся по преузкимъ и утесистымъ стезямъ, и прочее тому подобное было понятно развѣ какому либо десятку человѣкъ изъ числа трапезовавшихъ за столомъ, остальные едва ли знали, кто такое были „господа Ломоносовъ и Сумароковъ“. Безспорно, что представленіе „Мольеровской комедіи въ Тартаріи“ было событіе достойное удивленія, отчасти странное не менѣе явленіе Аполлона съ музами и Меркуріемъ; но мы думаемъ, что „Школа мужей“, на многочисленныхъ „смотрителей“ произвела впечатлѣніе болѣе сильное и положительное, потому что поселяла въ нихъ „людскость“, аллегорическое же изображеніе того, какъ и кто достигаетъ вершины Парнаса, лишь убѣждало, что

Парнасъ — гора высокая
И дорога къ ней негладкая,

¹⁾ Это донесеніе было помѣщено въ издававшемся въ Казани журналѣ *За-волжскій Муравей*, 1833 г., и потомъ у *Рыбушкина*, въ его «Краткой исторіи города Казани», ч. I. стр. 114—116; но въ обоихъ случаяхъ въ сокращеніи и измененіи въ слогъ. Въ первый разъ вполнѣ оно явилось въ статьѣ *М. Петровскаго*: «М. И. Веревкинъ» въ *Русской Бесѣдѣ* 1860, № 1.

—пожалуй, даже могло вселить особый страхъ и желаніе уклониться отъ попытокъ пойдти по этимъ „преузыкимъ и претруднымъ тропинкамъ“.

Съ другой стороны, это празднество, а еще болѣе самое донесеніе о немъ, обрисовываетъ личность Веревкина и его манеру относитя къ начальству. Сынъ своего вѣва, членъ среды, ознакомившейся съ западною „розвязью обращенія“—онъ является предъ нами очень смѣлымъ и рѣшительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покорно-льстивымъ, настойчиво-просительнымъ и откровенно самохвальнымъ. Его увѣренія, наприимѣръ, что „Мерзурій, летящій внизъ, такъ искусно на тонкомъ волосѣ былъ пригвѣленъ, что я самъ, то зная, не могъ волоса видѣть“ и т. п., конечно, могутъ вызвать улыбку у насъ, людей столь положительно-серьезныхъ, занимающихся только „матерьями важными“; но они побѣждаютъ искренностью чувства удовольствія художника, хорошо выполнившаго свое дѣло. Оглядываясь на весь его ходъ, онъ не безъ смущенія замѣчаетъ, что затѣя стояла не дешево, болѣе 630 рублей,—суммы и по нынѣшнимъ цѣнамъ не мало-важной, а по тогдашнему весьма значительной, и тѣмъ болѣе серьезной, что, какъ мы знаемъ, гимназія нуждалась въ существенно необходимыхъ предметахъ. Но онъ тотчасъ оправляется отъ этого смущенія, сначала предлагаетъ произвести вычетъ изъ его собственнаго жалованья, потомъ опирается на то, что все это было сдѣлано для возданія кроткой государынѣ всеусердной почести и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, прославленъ былъ самъ кураторъ,—и наконецъ, какъ бы совершенно убѣжденный въ своей правотѣ, уже очень спокойно и положительно говорить: „въ деньгахъ у меня крайній недостатокъ ¹⁾: приважите ихъ поскорѣ переслать“. Но дабы такой оборотъ не слишкомъ бросился въ глаза,—Верекинъ, въ заключеніе своего рапорта, проситъ куратора не лишить его своего покровительства, которое у него „одно только и есть въ семъ свѣтѣ приобрѣтенное, безцѣнное и ни на что немѣняемое совровище“.

Мы не можемъ совершенно утверждать, что всѣ эти ходатайства Веревкина достигли своей цѣли; но, кажется, не встрѣтили они и особенныхъ препятствій. Изъ послѣдующихъ затѣмъ разныхъ бумагъ усматривается, что Верекинъ съ обычною своею хлопотливостію продолжаетъ заниматься приведеніемъ гимназіи въ надлежащее устрой-

¹⁾ Оставалось всего 17 рублей, какъ видно изъ этого же самого рапорта, хотя въ бѣловой экземпляръ это показаніе и не вошло.

ство и огражденіемъ ея отъ различныхъ притязаній другихъ вѣдомствъ. Тогда существовала въ Казани артиллерійская и фортификаціонная школа, командиръ которой сталъ записывать гимназистовъ къ себѣ на томъ основаніи, что многіе изъ нихъ, числясь въ военномъ вѣдомствѣ, отъ военного начальства не имѣли „паспортовъ на поступленіе въ гимназіи“. Верекинъ, донося объ этомъ (2-го и 9-го октября 1760 года) просилъ университетъ „оборонить гимназіи отъ артиллерійской команды, запретивъ ей ловить учениковъ гимназій“. Чѣмъ разрѣшилось это ходатайство—не знаемъ.

Одною изъ главнѣйшихъ заботъ его въ этотъ періодъ было пріобрѣтеніе собственнаго дома для гимназіи или постройка новаго. Званіе губернаторскаго товарища въ этомъ случаѣ дѣйствительно облегчало ему достиженіе такого намѣренія. Наконецъ, въ мартѣ 1761-г., былъ купленъ у помѣщика Шахова довольно обширный деревянный домъ за 350 рублей ¹⁾. Впослѣдствіи прикуплены были еще два созднія пустопорожнія мѣста и въ домѣ сдѣланы разныя поправки и пристройки. Домъ этотъ существовалъ до разгрома Казани Пугачевымъ.

Во внутреннемъ положеніи гимназіи Верекинъ въ это время также сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія. Курсы обѣихъ отдѣленій гимназіи, дворянскаго и разночинскаго, раздѣлены были тогда на 13 классовъ (то-есть, уроковъ). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, въ чемъ собственно состояло это распредѣленіе. Но чрезвычайно любопытно одно обстоятельство, касающееся учениковъ разночинскаго отдѣленія. Изъ сохранившихся изъ списковъ того времени видно, что тогда, по мѣру духовно-учебныхъ заведеній, принято было обычай давать ученикамъ искусственныя прозванія, сочиненныя или по именамъ греческихъ и римскихъ писателей, или по разнымъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ ученика, большею частью переведеннымъ полатыни. Такимъ образомъ въ числѣ Казанскихъ гимназистовъ встрѣчаются: Аристотелевъ, Сократовъ, Аристипповъ, Діогеновъ, Овидіевъ, Цицероновъ, Гонестовъ, Урбановъ, Прудентовъ, Робустовъ и т. п. ²⁾ Конечно, трудно предположить, чтобы такія фамиліи были родовыя. Кажется однако, что большая часть такихъ прозваній, если не всѣ, сохранялись за учениками лишь во время ихъ пребыванія въ гимназіи. По крайней мѣрѣ намъ никогда не случилось встрѣчать про-

¹⁾ Рыбушкинъ, Ист. Казани, I, 115, 116.

²⁾ Рыбушкинъ, Ист. Казани, I, 116, 117.

званій Демосеенова, Овидіева, Цицеронова даже между лицами духовнаго происхожденія, хотя списокъ искусственныхъ прозвищъ составленъ нами довольно обширный. Относительно духовно-учебныхъ заведеній замѣтимъ здѣсь, что, по нашему заключенію, въ нихъ не допускались прозванія по именамъ знаменитѣйшихъ классическихъ ораторовъ Демосеена и Цицерона; прозвание Платонова если встрѣчается и часто, то оно производится не отъ „божественнаго“ философа Элады, а отъ великаго іерарха русскаго.

Въ это же время произошла немаловажная перемѣна въ личномъ составѣ гимназическихъ чиновъ: инспекторъ магистръ Оттенталь оставилъ службу, а вмѣсто его инспекторомъ былъ назначенъ капитанъ Траубенталь, который, какъ мы знаемъ, явился въ Казань еще до пріѣзда туда Веревкина; Траубенталью при этомъ увеличено было содержаніе сотнею рублей. Впрочемъ, Траубенталь инспектировалъ недолго и самовольно уѣхалъ въ Москву; мѣсто его занялъ опять Оттенталь и также тайкомъ отправился въ Москву съ жалобами и доносами на Веревкина. Кромѣ того, тогда же въ гимназію опредѣленъ прапорщикъ Ярославцевъ „для надзиранія надъ классами и карауломъ“, а впоследствии прибавленъ еще такой же смотритель за поведеніемъ учениковъ, при чемъ дана отъ университета и подробная инструкція ¹⁾.

Записки Державина сообщаютъ намъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до гимназіи за послѣднее время управленія Веревкина. Въ 1760 г., по указу сената, требовался отъ казанскаго губернатора планъ города Чебоксарь. Исполненіе этого дѣла возложено было на Веревкина, по званію его члена губернской канцеляріи, а онъ, какъ директоръ гимназіи, надѣялся это исполнить при помощи своихъ подчиненныхъ. Въ гимназіи, однако, преподавателя геометріи не было (потому что капитанъ Морозовъ умеръ), а потому Веревкинъ и взялъ Державина вмѣсто инженера, подчинивъ ему нѣсколько изъ учениковъ для помощи. „Поелику же они всѣ учились геометріи безъ правилъ и доказательствъ и при томъ на практикѣ не бывали, то, пріѣхавъ въ городъ, когда должно было снимать оный на планъ, и стали въ пень, тѣмъ паче, что съ ними и астролябіи не было. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ требовали наставленія отъ главнаго командира; но какъ и онъ не весьма далеко былъ въ математическихъ наукахъ, то и далъ наставленіе, весьма странное, или паче

¹⁾ Инструкція помѣщена у *Владимірова*: Историч. Записка, I, 103.

весьма смѣшное, приказавъ сдѣлать рамы шириною въ восемь сажень (что была мѣра по сенатскому указу ширины улицы), а длиною въ шестнадцать, и оковавъ оныя связями желѣзными и цѣпами, носить множествомъ народа вдоль улицы, и когда съвозъ которую улицу рама, не проходя, задѣвае за какой-либо домъ, изъ коихъ нѣкоторые были каменные, то записывать въ журналъ, который домъ сколько не въ мѣру построенъ противъ сенатскаго положенія; а на воротахъ мѣломъ надписывать: *ломать*“.

Нельзя не согласиться съ Державиннымъ, что этотъ способъ быть „весьма страненъ или паче весьма смѣшенъ“. Такую изобрѣтательность Веревкина, къ сожалѣнію, Державинъ объясняетъ иными побужденіями. „Сіе“, говоритъ онъ, „не по неискусству его, но изъ хитрости приказано было для того, чтобъ народу и хозяевамъ болѣе сдѣлать тревоги: ибо, когда съ идущихъ мимо города по Волгѣ судовъ станываемы были бурлаки для ношенія помянутыхъ рамъ, то суда останавливались, а знатные граждане утрашены надписью, что ихъ дома ломать будутъ, то и уважали болѣе давшаго такое странное повелѣніе. Слѣдовательно и искали чрезъ всякія средства у него милости граждане, чтобъ не ломали ихъ домовъ, а судовые хозяева, чтобъ не воспрещали далѣе ихъ плаванія“. Это объясненіе, обрисовывающее Веревкина со стороны весьма невыгодной, подтверждается далѣе приводимыми Державиннымъ другими распоряженіями „господина Веревкина“, особенно о кожевенныхъ заводахъ въ Чебоксарахъ. Въ этомъ отношеніи, если не въ оправданіе Веревкина, то въ извиненіе его поступковъ, можно сказать только одно то, что подобныя притязательные способы дѣйствій были очень употребительны между администраторами старыхъ годовъ.... Конечная цѣль такихъ дѣйствій известна; достигнувъ ее и Веревкинъ: „воевода и бургомистръ должны были прибѣгнуть къ снисхожденію г. ассесора (то-есть, Веревкина), котораго какъ-то умилостивили, а тѣмъ и кончилась сначала столь страшная коммисія“.—Что же касается снятія плана, то Державину приказано было этотъ планъ, нарочно огромной величины сдѣланный (который ни въ какой обыкновенной комнатѣ умѣщаться не могъ, а черченъ на подолокѣ однихъ купеческихъ палатъ), не докончивъ, свернувъ и уклавъ его подъ гнетомъ на телѣгу, отвезти въ Казань, что имъ и исполнено.

Въ слѣдующемъ, 1761 году, Веревкинъ получилъ отъ главнаго куратора Шувалова предложеніе описать развалины столицы Болгар-

скаго царства ¹⁾ и собрать тамъ, какія можно, древности. Веревкинъ опять избралъ для этого Державина съ нѣсколькими другими учениками. Самъ онъ оставался въ Болгарахъ не долго, но Державинъ съ товарищами провелъ тамъ все лѣто до глубокой осени, составилъ планъ бывшаго города, снялъ виды замѣчательнѣйшихъ развалинъ, надписи съ надгробныхъ камней и собралъ коллекцію древнихъ монетъ и разныхъ другихъ вещицъ, находимыхъ на этомъ знаменитомъ городищѣ ²⁾. Неизвѣстно, какая участь постигла всѣ эти работы. Веревкинъ предполагалъ отвезти ихъ въ Петербургъ, куда собирался въ концѣ года ѣхать для оцѣнки отчетовъ главному куратору объ успѣхахъ въ наукахъ въ гимназін; но былъ уволенъ самъ отъ должности директора.

Главнымъ поводомъ къ увольненію Веревкина послужилъ доносъ бывшаго инспектора Оттенталя и учителя Дювилляра, обвинявшихъ директора въ растратѣ казенныхъ денегъ. Подробности этого дѣла остаются доселѣ необнародованными, хотя и извѣстно, что свѣдѣнія о нихъ находятся въ письмѣ Московскаго профессора Роста къ академику Миллеру ³⁾. Въ ордерѣ, которымъ поручалось преемнику Веревкина „принять дирекцію надъ гимназіями“, сказано, что ассесоръ Веревкинъ отъ должности „отрѣшенъ за непорядочные поступки и что отъ худаго смотрѣнія его всѣ обстоятельства гимназій находятся въ великомъ безпорядкѣ“ ⁴⁾. Можно предполагать, что если и была значительная доля правды въ извѣстахъ доносчиковъ, то все-таки они руководились видами своекорыстными, личнымъ мщеніемъ. Оттенталь, но всей вѣроятности, былъ озлобленъ за смѣщеніе его съ должности инспектора, а Дювилляръ досадовалъ за предпочтеніе, оказанное Лаксану и де-Форжу, которымъ Веревкинъ назначилъ прибавку жалованья. Знаемъ также, что Веревкину поставлялось въ вину и то, что онъ, не находя средствъ къ содержанию воспитанниковъ, склонилъ ихъ родителей и родственниковъ присылать въ гимназію припасы натурою ⁵⁾. Особенныхъ растратъ казенныхъ денегъ и не могло быть, потому что, какъ мы видѣли, весь бюджетъ гимназін былъ незначи-

¹⁾ Нынѣ село Болгары или Успенское, въ Спасскомъ уѣздѣ, въ 22-хъ верстахъ отъ города, на почтовомъ тракѣ въ гор. Тетюши. См. списокъ селеній Казан. губ., № 1648.

²⁾ Записки Державина, стр. 12—15.

³⁾ Шевыревъ, Ист. Моск. Ун., 87.

⁴⁾ Владиміровъ, Историч. Записка, I, 28.

⁵⁾ Энци. Лексик., IX, 454.

телемъ, а ассигнованныя суммы не вполнѣ и не всегда въ сроки высылались изъ университета. Въ самомъ университетѣ жаловались также на неправильное расходованіе суммъ, а между тѣмъ, въ сущности, и тамъ все зависѣло отъ недостатка и несвоевременнаго поступленія ихъ.—При такихъ обстоятельствахъ, не говоря уже о покровительствѣ „милостивцевъ“, Вережину возможно было вполнѣ оправдаться отъ взведенныхъ на него обвиненій. Какъ бы то ни было, Вережина все-таки 20-го октября 1761 года уволили отъ должности директора гимназій; но оставили членомъ Казанской губернской канцеляріи, или товарищемъ губернатора.

Изобразивъ Вережина и Казанскія гимназій, на основаніи свѣдѣній, оставленныхъ имъ самимъ и частію лицами, состоявшими въ служебныхъ съ нимъ отношеніяхъ,—мы считаемъ весьма необходимымъ, въ заключеніе всего, привести отзывъ современнаго иностранца.

Этотъ иностранецъ—аббатъ и астрономъ Шаппъ д'Отрошъ (l'abbé Charpe d'Auteroche), ѣздившій, по порученію Парижской академіи наукъ, въ 1761 году въ Тобольскъ, для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ солнце. Съ поѣздкою Шаппа связываются въ исторіи нашей Академіи Наукъ такія событія. Когда въ 1759 г. Парижская академія рѣшилась отправить астронома Жантилья въ восточную Индію для наблюденія прохожденія Венеры, то Миллеръ, конференцъ-секретарь (?) нашей академіи, представилъ президенту ея графу Разумовскому о необходимости такого же наблюденія въ Сибири, и Разумовскій отвѣчалъ, что всего приличнѣе поручить это академику Гришау (болѣе извѣстному подъ обрусѣвшимъ прозваніемъ Гришова). Но этотъ, почти постоянно жившій въ своемъ имѣніи на о. Эзелѣ, отказался по болѣзни и совѣтовалъ пригласить астронома изъ Парижа. Миллеръ сообщил объ этомъ въ Парижъ, но формальнаго предложенія, какъ слѣдовало, чрезъ посредство посольства, сдѣлано не было. Не смотря на то ѣхать въ Сибирь вынужденъ былъ аббатъ Шаппъ, и немедленно снаряженъ былъ въ путь. Графъ Разумовскій находилъ, что такое предпріятіе Французской академіи весьма предосудительно для С.-Петербургской академіи и что честь ея требуетъ заняться дѣломъ безъ помощи Французовъ, и назначилъ двѣ экспедиціи въ Иркутскъ и Якутскъ подъ начальствомъ Попова и Румовскаго, которыхъ и послѣшили отправить прежде прибытія Шаппа въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣ русское правительство отнеслось къ Шаппу чрезвычайно благосклонно, и кромѣ прогоновъ и провожатаго назначило ему „въ по-

дарокъ 1:000 рублей¹⁾. Обласканный нами Французскій, встрѣчавшій вездѣ полную предупредительность, напечаталъ въ 1768 г. обширное описаніе своего путешествія (*Voyage en Sibirie, fait par ordre du Roi en 1761, — etc. Paris, 1768. 2 vol. in folio*), наполненное крайне пристрастными и злобными отзывами о Россіи и Русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отзывы Шаппа, главнымъ образомъ, слѣдуетъ приписать свойственному Французамъ легкомыслію, дающему имъ увѣренность, что они не только могутъ, но должны на все смотрѣть свысока и презрительно, — тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что книга его, великолѣпно изданная на счетъ французскаго правительства, имѣла цѣлью возбудить общественное мнѣніе Европы противъ Россіи, съ славою выдвигавшейся тогда на политическомъ горизонтѣ. Это обстоятельство было причиною, что императрица Екатерина II признала необходимымъ издать на книгу Шаппа довольно обстоятельное опроверженіе, въ сочиненіи котораго принимала она лично дѣятельное участіе, при содѣйствіи княгини Е. Р. Дашковой и графа А. П. Шувалова. Книга эта издана въ 1770 г., безъ означенія мѣста печати, подъ заглавіемъ: *Antidote ou examen du mauvais livre superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sibirie, fait par ordre du Roi en 1761, etc* ²⁾).

Аббатъ Шаппъ, щедро расточившій въ своей книгѣ всякія порицанія противъ Россіи и Русскихъ, въ отношеніи къ Веревкину и гимназіямъ и вообще къ Казани не только снисходителенъ, но даже особенно щедръ въ похвалы. Эти хвалебные отзывы, по нашему мнѣнію, съ одной стороны, убѣждаютъ, что астрономъ-аббатъ былъ вообще склоненъ къ увлеченіямъ, а съ другой, они служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что Веревкинъ дѣйствительно обладалъ необыкновеннымъ талантомъ понравиться каждому, съ кѣмъ входилъ въ сближеніе. По этимъ причинамъ считаемъ не лишнимъ привести вполнѣ слова Шаппа. Замѣтимъ предварительно, что аббатъ познакомился съ Веревкинымъ еще въ Петербургѣ и что, ѣхавши въ То-

¹⁾ *П. Пекарскій*, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. 696—698.

²⁾ *С.-Петербург. Вѣдом.* 1853, № 32. *Русскій Архивъ* 1863 г. стр. 483; 1864 г. стр. 41.—Не къ книгѣ ли Шаппа относится одно выраженіе въ письмѣ Екатерины II къ графу Н. И. Панину, писанномъ въ половинѣ 1767 г. «хлѣбъ лучше... в, en dépit du misérable abbé Giot, нигдѣ (отъ Алатаыра до Арзамаса) голоду нѣтъ». *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1863, ч. II, отд. II, 31. Русскій переводъ «Антидота» напечатанъ въ историческомъ сборникѣ П. И. Бартенева, «Осьмнадцатый Вѣкъ» кн. IV, стр. 225—463.

больскъ, онъ не былъ въ Казани, потому что, для ускоренія времени проѣхалъ прямою, нынѣ оставленною, дорогою изъ Козмодемьянска на г. Царевосанчурскъ и Вятку¹⁾. — Возвращаясь изъ Сибири, онъ ѣхалъ уже на Казань.

„Я прибылъ въ Казань 1-го октября,—говоритъ Шашъ. Татарскій князь²⁾, бывшій здѣсь губернаторомъ, оказалъ мнѣ самый радужный пріемъ: онъ приказалъ приготовить для меня квартиру, на г. Веревкинъ, Русскій, котораго я видѣлъ въ Петербургѣ, былъ такъ добръ, что принялъ меня къ себѣ и былъ здѣсь моимъ руководителемъ.

„Я видѣлся съ губернаторомъ на слѣдующій день. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій, которыхъ я не понималъ, насъ усадили вокругъ стола, накрытаго прекраснымъ ковромъ: на немъ лежали четыре большія трубы и стояла фарфоровая чашка съ китайскимъ табакомъ; я покурить нѣсколько минутъ. Тотчасъ за тѣмъ началось угощеніе туземными напитками, сладями, плодами и арбузомъ: этотъ послѣдній такъ вкусенъ и пріятенъ, что я только его и ѣлъ. Арбузы въ Казани вездѣ; ихъ можно ѣсть много безъ всякаго вреда. Находя этотъ плодъ превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ въ этомъ родѣ, я добылъ его сѣмянъ, однако онѣ не хорошо росли во Франціи.

„Его преосвященство архіепископъ пригласилъ меня посѣтить его дачу, расположенную въ окрестностяхъ города: онъ любезно прислалъ нѣсколько экипажей для меня и моихъ спутниковъ. Архіерей этотъ очень свѣдуецъ въ наукахъ, въ исторіи и въ литературѣ, и пользуется большимъ уваженіемъ въ цѣлой Россіи: онъ одинъ изъ всѣхъ духовныхъ, видѣнныхъ мною въ этомъ громадномъ государствѣ, не удивлялся тому, что можно ѣхать изъ Парижа въ Тобольскъ для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ солнце³⁾.

¹⁾ Списокъ селеній Казанской губ., стр. XIX, №№ 589—600.

²⁾ Князь Василій Борисовичъ Тенишевъ. Родъ Тенишевыхъ дѣйствительно ведетъ начало отъ Темниковскаго мурзы Еникая Тенишева (см. Долгорукова, Россійская родосл. книга, III, 55); но потомки этого мурзы еще въ XVII столѣтіи приняли христіанство.

³⁾ Архіепископомъ въ Казани былъ тогда Гавріилъ. Первоначально, съ 1736 года, онъ, еще подъ святскимъ именемъ Григорія Феодоровича Кременецкаго, былъ учителемъ въ Александро-Невской семинаріи. Съ 1742 года уже въ санѣ іеромонаха, подъ именемъ Гавріила, сдѣланъ ректоромъ этой семинаріи и своими попеченіями поставилъ ее въ весьма хорошее положеніе. Въ 1748 г. Гавріилъ посвященъ въ архимандрита Новоспасскаго монастыря; а въ 1749 году

„Я пробылъ въ Казани довольно долго и произвелъ нѣсколько астрономическихъ наблюдений, которыя послужили мнѣ къ точному опредѣленію положенія этого города ¹⁾. Казань сохраняетъ еще остатокъ своего древняго благосостоянія, хотя торговля здѣсь почти слабая. Дома по большей части деревянные, однако хорошо выстроенные. Дворянъ здѣсь довольно и они составляютъ общество. Предметы жизненныхъ потребностей находятся въ полномъ достаткѣ, а равно дичь, рыба и плоды. Здѣсь можно найти и бѣлый хлѣбъ, въ Сибири извѣстный также мало какъ и ананасы. Одно вино составляетъ рѣдкость въ Казани, но и то жители чрезвычайно искусно дѣлаютъ его изъ различныхъ фруктовъ: по вкусу и цвѣту оно мало разнится отъ натурального, но весьма небезопасно для здоровья, потому что главною основою ему служить водка.

„Здѣшніе обычаи, какъ и климатъ, также не похожи на Сибирскіе. Женщины здѣсь присутствуютъ на пирахъ и составляютъ ихъ украшеніе; онѣ являются здѣсь необходимою частью общества, какъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.

„Татары составляютъ значительную часть населенія Казани: они не только не преслѣдуются, но пользуются вниманіемъ, и потому очень преданы своимъ повелителямъ. Они сохранили простоту своихъ нравовъ, честность, прямодушіе и почти всѣ пользуются порядочнымъ состояніемъ. Ихъ одѣяніе гораздо богаче одѣянія тѣхъ Татаръ, о

хиротонисанъ епископомъ въ Коломну, а отсюда перемѣщенъ въ 1755 году въ Казань. При вступленіи на здѣшнюю кафедру, онъ составилъ «посланіе къ жителямъ Казани» остающееся въ рукописи (*Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.* 1854, № 8, отд. III, 43). Въ 1762 году получилъ онъ санъ архіепископа и переведенъ въ С.-Петербургъ, а въ 1770 году назначенъ митрополитомъ въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ 1783 году. — Епархія, гдѣ Гавринъ проходилъ свое пастырское поприще, хранятъ добрую память о немъ. Краткія упоминанія, встрѣчающіяся о немъ въ настоящей нашей статьѣ, доказываютъ, что онъ истинно достоинъ былъ своего призванія. — Дача архіерейская, о которой говорятъ Шаппъ, находится въ 5-ти верстахъ отъ Казани по Оренбургскому тракту на живописномъ крутомъ берегу озера Средній Кабанъ. Она извѣстна подъ названіемъ «Новаго Иерусалима». Мужескій монастырь основанъ былъ здѣсь въ исходѣ XVII вѣка. Замѣчательно, что у воротъ въ этотъ монастырь находится древній татарскій надгробный камень, особенно чтимый мусульманами.

¹⁾ По опредѣленію Шаппа (*Voyage I*, 365—367) долгота Казани 66° 48' 15", широта 55° 47' 22" (по де-л'Илю: долгота 66° 28', широта 55° 47'). Нынѣ считается широта Казани 55° 46', а долгота 66° 47'.

которыхъ я говорилъ прежде ¹⁾); одежда женщинъ даже отличается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, наиболѣе же по головному убору; я не видалъ здѣсь никогда такихъ сахарныхъ головъ. Здѣшніе головные уборы имѣютъ большое сходство съ уборами русскими, кромѣ того, что Татарки вплетаютъ въ волосы драгоцѣнные камни и жемчугъ. Онѣ также дѣлаютъ украшенія на рукавахъ платьевъ; у другихъ украшенія бываютъ вокругъ шеи и висятъ на груди.

„Казань очень обширна и довольно многолюдна. Г. Шуваловъ, одинъ изъ важныхъ покровителей просвѣщенія въ Россіи, склонилъ императрицу Елизавету учредить здѣсь гимназію или коллегію для обученія юношества. Г. Веревкинъ, Русскій, былъ директоромъ этого заведенія: подъ его начальствомъ состояло восемь профессоровъ — два для языка французскаго, два для нѣмецкаго; одинъ для латинскаго, одинъ для русскаго и одинъ для фехтованья, учившій также и танцованью. Содержаніе этихъ профессоровъ обходится въ полтора ста рублей, что составитъ на французскія деньги до 750 ливровъ. Не смотря на такое ограниченное содержаніе, заботливостію и усердіемъ Веревкина, преподаваніе по всѣмъ частямъ идетъ съ большими успѣхами. Веревкинъ былъ человѣкъ очень образованный и къ тому же обладалъ большимъ искусствомъ управлять подчиненными своими и учениками, — человѣкъ рѣдкій и вполне достойный даннаго ему назначенія. При всемъ томъ, къ несчастію этой только-что рождающейся школы, Веревкинъ не долго удержался на своемъ мѣстѣ. Его отличныя заслуги создали ему враговъ во всѣхъ тѣхъ, кто самъ добивался его карьеры. Зависть и ревность преслѣдовали его всюду, не переставали терзать его, хотя онъ находился за 400 льѣ отъ столицы: удары, наносимые ему, были столь вѣрны, что, живя въ Казани ради пользы отечества, онъ не зналъ откуда они идутъ и не могъ отражать ихъ. Въ странахъ болѣе просвѣщенныхъ, зависть и ревность являются тяжкими бичами для людей ученыхъ, но онѣ все-таки не столь опасны какъ между народами невѣжественными. Въ обществѣ образованномъ ядовитые удары зависти и ревности со временемъ обращаются на самихъ завистниковъ, и человѣкъ возвышенный всегда выходитъ побѣдителемъ; но въ странѣ невѣжественной люди просвѣщенные болѣе всего имѣютъ выгоды въ погубленіи человѣка превосходнаго и, будучи вліятельны на невѣжественную націю, склоняютъ ее къ утвержденію ихъ собственнаго неправосудія. Г. Шуваловъ, покро-

¹⁾ Шапизъ описывалъ Татаръ сибирскихъ.

витель г. Веревкина и любимецъ императрицы Елизаветы, служилъ ему всегда щитомъ. Со смертію этой государыни, значеніе его упало, и зависть немедленно погубила г. Веревкина: онъ былъ счастливъ и тѣмъ, что, потерявъ мѣсто, не увеличилъ собою числа ссыльныхъ въ Сибирь¹⁾.

IV.

При первыхъ слухахъ объ увольненіи Веревкина, на его мѣсто командиромъ гимназій хлопоталъ понасть извѣстный П. И. Рычковъ. Онъ писалъ къ академику Миллеру: „Сіе мѣсто по моимъ лѣтамъ и по моимъ склонностямъ, кажется, для меня не несходно... Что-жъ до гимназій принадлежить, то ласваюсь надеждою предъ нынѣшнимъ ея состояніемъ въ лучшее привести. А между тѣмъ и для вашихъ академическихъ дѣлъ, а особливо въ разсужденіи сея обширныя и многонародныя губерніи, былъ бы я тутъ не безпотребенъ: по меньшей мѣрѣ не меньшее и не худшее описаніе учинилъ ей, какъ и Оренбургское...“²⁾ Миллеръ, однако, увѣдомилъ Рычкова, что на мѣсто Веревкина уже назначенъ преемникъ.

Этимъ преемникомъ былъ магистръ Даниилъ Васильевичъ Савичъ, которому „для большей важности“ дано было отъ университета званіе экстраординарнаго профессора. Новый директоръ, по отзыву его товарища по университету, профессора Роста, „былъ человекъ трудолюбивый и дѣльный, неспособный быть пятымъ колесомъ въ каретѣ или служить только для парада“³⁾.

Правдивость такого отзыва заподозрить мы не имѣемъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ человекомъ нѣмецкимъ въ письмѣ къ Нѣмцу (академику Миллеру) о человекѣ славянскомъ и

¹⁾ *Chapre d'Auteroche*, Voyage I, 343—346.—Послѣднія строки о Верекинѣ совершенно ложны. Другія извѣстія Шаппа, относящіяся до Казанской губерніи, а именно путь отъ Козмодемьянска (c'est un assez gros village qu'on appelle ville en Russie) до Царево-Кожшайска, — помѣщены въ его сочиненіи, I, 37—44.

²⁾ П. Пекарскій, Жизнь и переписка П. И. Рычкова, стр. 49 и 50. Свое обѣщаніе описать Казанскую губернію П. И. Рычковъ отчасти выполнилъ, издавъ въ 1767 г. (кажется, по случаю путешествія Екатерины II по Волгѣ; сравн. *Пекарская*, стр. 55) «Опытъ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ».

³⁾ *Шевьеретъ*, Истор. Моск. Унив., 87, 98. До назначенія директоромъ, Савичъ въ университетѣ былъ субъ-библіотекаремъ и завѣдывалъ минералогическимъ кабинетомъ, читалъ также географію и физику. Тамъ же, 36, 51. Біограф. Словарь Московскаго университета, II, 387. Первоначальное образованіе Савичъ получилъ въ Кіевской духовной академіи, а съ 1750 по 1754 годъ былъ за границею.

въ такую пору, когда существовала открытая и задорная вражда между находившимися въ Россіи учеными нѣмецкаго и русскаго происхожденія. При всемъ томъ въ дѣлахъ гимназій, относящихся ко времени „командирства“ Савича, мы не нашли особенно важныхъ распоряженій и предположеній по управленію гимназіями. Конечно, самое отсутствіе такихъ фактовъ можно принять за доказательство его солидной дѣятельности, его умѣнья „служить не для парада“, — тогда какъ предшественникъ Савича наиболѣе отличался затѣйливостію своихъ предпріятій, суетливостію въ ихъ исполненіи, именно способностью „служить для парада“. Съ другой стороны, быть можетъ, неполнота любопытныхъ свѣдѣній о времени управленія Савича произошла и отъ нашего собственнаго неумѣнья выбрать наиболѣе характеристическія черты, или просто отъ неудачи: кто знакомъ съ процедурою извлеченія желаемыхъ свѣдѣній изъ старинныхъ архивныхъ официальныхъ бумагъ и такъ называемыхъ „дѣлъ“, тотъ знаетъ, что довольно нерѣдко случается встрѣчать указаніе на какое-либо обстоятельство, предположеніе, мѣру, найти же самый актъ объ этомъ совершенно въ иномъ мѣстѣ, въ дѣлахъ гораздо позднѣйшихъ годовъ. Наконецъ надобно сказать, что и самая краткость времени директорствованія Савича (онъ пробылъ въ Казани менѣе двухъ лѣтъ) не позволила ему выказать вполне свои административно-педагогическія способности.

Впрочемъ, о состояніи гимназій во время директорства Савича мы имѣемъ свидѣтельство П. И. Рычкова. Въ концѣ 1763 года (20-го октября и 20-го декабря) онъ писалъ къ академику Миллеру: „О Казанской гимназій слышу, что она нынѣ въ худшемъ состояніи противъ прежняго, ибо профессоръ (то-есть, Савичъ), бывший тутъ, человекъ хотя и ученый, но смиренный и безгласный. А нынѣ и о томъ сказывали мнѣ, якобы, пріѣхавъ изъ Москвы, недавно умеръ. Я бы радъ былъ, ежели-бъ предпріято было изъ сего училища сдѣлать что-нибудь познатнѣе и дать ему иную форму; но мнѣ не разсуждается самому на то напрашиваться. Развѣ не буду-ль я нынѣшнею зимою самъ въ Москвѣ, тогда переговорю съ Василиемъ Евдокимовичемъ (то-есть, Адауровымъ — кураторомъ университета). Сказываютъ и то, что учителя уже болѣе полугода жалованья своего не получали и насовалось тутъ людей незнающихъ много“¹⁾. П. И. Рыч-

¹⁾ *Пекарскій*, Жизнь и переписка П. И. Рычкова, стр. 51. *Владиміровъ*, Историч. записка, I, 95 и 96.

ковъ былъ человекъ очень почтенный и сообщать свѣдѣнія вѣрныя, тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, кажется, набрасывалъ краски очень густыя, потому что и въ эту пору хлопотать попасть въ директоры гимназій. Онъ даже намекалъ Миллеру, что въ Оренбургѣ и Симбирскѣ за точное увѣряють, будто его, Рычкова, уже назначили директоромъ.

Гимназіи, съ назначеніемъ Савича директоромъ, собственно шли не лучше прежняго. Пожалуй, можно согласиться съ Рычковымъ, что онъ явился даже „въ худшемъ состояніи противъ прежняго“, потому что многіе изъ учениковъ просили объ увольненіи ихъ изъ гимназій ¹⁾, такъ что университетъ (ордеръ 14-го ноября 1761 г.) поручалъ Савичу внушать ученикамъ, что, окончивъ полный курсъ наукъ, они получаютъ возможность „быть достойными къ службѣ ея императорскаго величества“ и что, оставаясь въ гимназіяхъ, ничего не потеряютъ въ отношеніи правъ по службѣ. Но въ этомъ уменьшеніи числа учениковъ былъ виноватъ не Савичъ, а необезпеченное положеніе гимназій вообще. Суммы, ассигнованныя на жалованье учителямъ и на содержаніе учениковъ, постоянно высылались неаккуратно, съ чрезвычайными задержками; нерѣдко казеннокопитные ученики доходили до крайности нищенства. Вслѣдствіе этого многіе родители и считали за лучшее пристраивать своихъ дѣтей куда-либо въ другое мѣсто и чаще всего переводили ихъ въ военную школу, гдѣ обученіе ограничивалось только чтеніемъ и письмомъ, за то ученики вполнѣ обезпечены были въ помѣщеніи, одеждѣ и пищѣ ²⁾.

Одною изъ заботъ Савича, какъ видно, было устройство помѣщенія самой гимназій, для которой Веревкинымъ приобрѣтенъ былъ домъ близъ церкви Грузинской Божіей Матери. Переписка объ этомъ во время Савича и послѣ того, открываетъ слѣдующія, нелишенные интереса, подробности. Домъ купленъ былъ у помѣщика Шахова за 350 руб., при чемъ заплачено казенныхъ крѣпостныхъ пошлинъ 35 рублей; затѣмъ прикуплены были еще два пустопорожня мѣста за 15 руб., а пошлинъ внесено 15 коп. На покупку лѣса и другихъ

¹⁾ Къ этому времени относится и выходъ Державина изъ гимназій. Просьба его объ увольненіи была помѣщена въ *Библиогр. Записки* 1859 г., № 16, стр. 510, 511. Сравни. *Державина*, Записки, стр. 14.

²⁾ *Владиміровъ*, Историч. записка, I, 99. Впрочемъ, и содержаніе студентовъ университета, а также студентовъ академіи наукъ и учениковъ академической гимназій въ эту самую пору было не лучше, чѣмъ въ Казани. См. *Леккарскую*, Исторія Академіи Наукъ, II, стр. 739—741.

строительныхъ матеріаловъ, а также на уплату рабочимъ, израсходовано 488 руб., 90^{1/2} коп. Такимъ образомъ, все это обошлось въ 889 руб. 5^{1/2} коп. Изъ составленной преемникомъ Савича описи гимназическихъ зданій мы узнаемъ, что въ составъ ихъ входили: 1) стоявшія посреди двора двухъ-этажныя „хоромы“: въ нижнемъ ярусѣ помѣщалась гимназическая канцелярія, „гдѣ письменныя дѣла отправляются“, и кладовая для храненія разныхъ казенныхъ вещей; а въ верхнемъ находилась квартира командира гимназій, состоящая изъ четырехъ комнатъ; двѣ же комнаты занимались библиотекою и другими принадлежностями; 2) при въездѣ на дворъ, на лѣво отъ воротъ, „хоромы новыя“, въ которыхъ три комнаты назначены для классовъ, а четвертая для квартиры инспектора; 3) такія же „новыя хоромы“ съ правой стороны отъ воротъ, состоящія изъ четырехъ комнатъ, занимавшихся классами; 4) „людская“—гдѣ помѣщались нижніе служители гимназій, была ветхая; 5) баня; 6) двѣ конюшни съ сѣноваломъ и сушильною, и 7) „варетникъ“ или сарай для помѣщенія экипажей. Всѣ зданія деревянныя, покрыты дранью; дворъ „съ лица“, то-есть по улицѣ, былъ огороженъ „балисами“.

Относительно внутренняго устройства гимназій, изъ orders куратора университета генераль-майора Ѳедора Павловича Веселовскаго ¹⁾, отъ 17-го января 1862 г. № 36, узнаемъ, что при гимназій

¹⁾ Ѳедоръ Павловичъ Веселовскій и его старшіе братья Абрамъ и Исаакъ получили образованіе въ Московской школѣ Паузе, основанной въ 1703 г. известнымъ пасторомъ Глюкомъ (*П. Пекарскаго*, Истор. Акад. Наукъ, I, стр. XVIII—XX). Всѣ они, а особенно Абрамъ и Ѳедоръ, еще при Петрѣ I приобрѣли извѣстность на дипломатическомъ поприщѣ. Абрамъ былъ резидентомъ въ Вѣнѣ, а Ѳедоръ—въ Лондонѣ и дѣйствовали весьма успѣшно, особенно первый, во время розысковъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Спустя года полтора послѣ этого, Абрамъ, по неизвѣстной причинѣ, оставилъ тайно свой постъ и скрылся. Это, конечно, повлекло за собою розыски и навело подозрѣніе на Ѳедора, котораго царь немедленно потребовалъ въ Россію. Опасаясь за свою участь, Ѳедоръ Веселовскій отказался вѣсть къ царю и также скрылся... Неизвѣстно, гдѣ и долго ли онъ укрывался; но въ 1744 г. онъ является опять въ Россію и уже въ военномъ чинѣ секундъ-майора отправленъ былъ въ Ангальтъ-Цербстъ для переговоровъ о бракѣ принцессы Софіи-Августы-Фридерики (Екатерины II) съ наследникомъ русскаго престола. Позднѣе онъ былъ церемоніймейстеромъ, а въ августѣ 1760 г. назначенъ кураторомъ Московскаго университета и оставался въ этомъ званіи до октября 1762 г. По отзыву И. И. Дмитріева (*Русскій Архивъ* 1868, стр. 643, 644) «сочиненіями не занимался, а памятью университету только тѣмъ, что былъ кротокъ въ занятіяхъ, въ дѣлахъ коневрендіи».

иылся особый лекарь. Этимъ ордеромъ предписывалось лекаря от-
ставить, такъ какъ онъ пользоваться учениковъ и гимназическихъ чи-
новъ не можетъ, за неимѣніемъ въ Казани аптеки, а свидѣтельствуеетъ
только оныхъ болѣзни. вмѣстѣ съ этимъ „позволялось и апробова-
лось“ учредить при гимназіяхъ книжную лавку, „въ разсужденіи мно-
гихъ охотниковъ покупать русскія книги“. Оба эти свѣдѣнія весьма
любопытны по отношенію къ исторіи благоустройства самаго города
Казани. Къ сожалѣнію, мы не встрѣтили дальнѣйшихъ указаній, какъ
устроилась книжная лавка и какъ шла въ ней торговля. Во всякомъ
случаѣ довольно замѣчательно уже и то, что если за три года до
этого не нашлось въ Казани и трехъ подписчиковъ на „Московскія
Вѣдомости“, то теперь уже являлось много охотниковъ покупать
русскія книги“. Какъ ни слабо было преподаваніе въ учрежденныхъ
гимназіяхъ, а всё-таки, кажется, надобно ихъ вліянію приписать та-
кой оборотъ дѣла.

Наступала замѣчательная эпоха въ развитіи всего строя жизни
Россіи. Царствованіе императрицы Екатерины II, прославленное бли-
стательными подвигами на поприщахъ внѣшней и внутренней поли-
тики, ознаменовалось весьма важными предпріятіями и по отношенію
къ устройству учебной части въ государствѣ и вообще распростра-
ненію просвѣщенія. Государыня, учредившая впоследствии особую
„комиссію объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ“¹⁾,
а позднѣе намѣревавшаяся основать университеты въ Екатеринославѣ,
Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ и открыть гимназіи во всѣхъ тогдаш-
нихъ губернскихъ городахъ²⁾,—почти съ первыхъ дней своего цар-
ствованія, самыми обстоятельствами, поставлена была въ положеніе
обратить особенное вниманіе на Московскій университетъ и подчи-
ненныя ему учебныя заведенія.

„Дѣйствительный“ кураторъ университета Веселовскій, въ двух-
лѣтнее свое управленіе, выказалъ много здраваго сужденія въ во-
просѣ о воспитаніи, но съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружилъ недостатокъ
силъ, чтобы привести все задуманное въ исполненіе. Вскорѣ по

При увольненіи отъ кураторства, Екатерина назначила ему 1.000 руб. пенсіи.
См. *Бантыша-Каменскаго*, Словарь, I, 274—285. *Шевырева*, Истор. Московск.
универ., стр. 81—100. *Устрялова*, Ист. Петра Великаго, VI, стр. 60—63; 233—
235. Бумаги императрицы Екатерины II, ч. I, стр. 119, 174. Энциклопед. Лек-
сиконъ, IX, стр. 538—540.

¹⁾ Указъ 7-го сентября 1782 г. Полн. Собр. Закон., т. XXI, № 16.507.

²⁾ Указъ 16-го октября 1786 г. Полн. Собр. Зак., т. XXII, №

вступленіи Екаторины II на престолъ, онъ, по прелонности своихъ лѣтъ, просилъ объ увольненіи. Въ концѣ октября 1762 года назначенъ на его мѣсто президентъ мануфактуръ-коллегіи Ададуровъ съ оставленіемъ и въ прежней должности. Состоя въ этомъ званіи до конца своей жизни (1778 г.), послѣднія восемь лѣтъ Ададуровъ жилъ преимущественно въ Петербургѣ и, такимъ образомъ, былъ кураторомъ номинальнымъ; но первую половину службы онъ провелъ въ Москвѣ и, должно сказать, неутомимо-ревностно занимался устройствомъ университета и гимназій¹⁾.

Казанскія гимназіи также скоро обратили на себя особое вниманіе правительства. Императрица, замѣчая чувствительный недостатокъ образованныхъ людей между чиновниками разныхъ присутственныхъ мѣстъ, указомъ 15-го декабря 1763 года повелѣла, чтобы при Казанской гимназій, сверхъ имѣвшихся уже казенныхъ учени-

¹⁾ Василій Евдокимовичъ Ададуровъ былъ воспитанникомъ академической гимназіи въ С.-Петербургѣ и впоследствии нѣсколько времени состоялъ адъюнктомъ въ самой академіи. Въ 1740 г. онъ былъ привлеченъ къ допросу по дѣлу Волинскаго. Въ 1744 г., когда прибыла въ Россію ангальтъ-цербертская принцесса Софія-Августа-Фридерика, какъ невеста великаго князя Петра Федоровича, Ададуровъ, при содѣйствіи графа А. К. Разумовскаго, получилъ высокочестное назначеніе быть наставникомъ принцессы въ русскомъ языкѣ. Надобно полагать, что Ададуровъ, умѣлъ заинтересовать свою августѣйшую ученицу, когда она, по собственному ея заявленію, пламенно жала скорѣе выучиться русскому языку, вставала по ночамъ, чтобы заучивать уроки и разъ простудилась до такой степени, что въ продолженіе четырехъ недѣль жизнь ея была въ величайшей опасности (*Вейдемейеръ*, Дворъ и замѣчател. лица, I, 43). Въ эту пору Ададуровъ сумѣлъ приобрести довѣріе Екатерины, и впоследствии принялъ дѣятельное участіе въ извѣстномъ политическомъ предпріятіи канцлера гр. Бестужева-Рюмина и былъ посредникомъ въ тайныхъ его сношеніяхъ съ Екатериною. Когда Бестужевъ былъ арестованъ, то арестовали и Ададурова; но онъ какъ-то оправдался и только былъ удаленъ изъ столицы съ назначеніемъ губернаторскимъ товарищемъ въ Оренбургъ. Привязанный къ занятіямъ ученымъ, онъ и отсюда велъ постоянныя и дѣятельныя сношенія съ Академіею Наукъ, доставляя туда восточныя рукописи и разные естественно-историческіе предметы. Екатерина помнила преданность Ададурова и немедленно по вступленіи на престолъ наградила его деньгами, а 1-го августа 1762 г. перемѣстила въ Москву на должность президента мануфактуръ-коллегіи, была восприимщицею его дѣтей и вскорѣ послѣ коронаціи назначила «кураторомъ университеты Московской» съ сохраненіемъ и званія президента.—Наиболѣе полная свѣдѣнія объ Ададуровѣ у П. П. Пекарскаго, Ист. Акад. Наукъ, ч. I, стр. 506—516. См. также *Шевырева*, Ист. Москов. универсиг., стр. 123—171. *Русск. Архивъ* 1863 г. (изд. 2-е), стр. 410, 470. *Бумаги императрицы Екатерины II*, т. I, стр. 116, 185, 299, 307.

ковъ, воспитывались на казенномъ содержаніи еще 60 дѣтей разночинцевъ, для приготовленія ихъ въ привязанное званіе, обучая ихъ не только правописанью и хорошему слогу, но также ариметикѣ, геометріи, географіи, а наиболѣе всего положенію Россійскаго государства. Къ сожалѣнію, мѣра эта не была вполнѣ осуществлена „за неопредѣленіемъ для содержанія оныхъ учениковъ суммы“.

Что касается вообще числа обучавшихся въ то время въ гимназій, то изъ донесенія куратору Ададурову видно, что въ началу 1764 года считалось ихъ 88 человекъ, изъ которыхъ 24 были казенные воспитанники, а остальные 64 своекоштные. Содержаніе или, какъ тогда называлось „жалованье“, казеннымъ ученикамъ полагалось по 6 и по 9 руб. въ годъ; но въ это время прилежнѣйшимъ изъ нихъ увеличено оно отъ 12 до 15 руб. ¹⁾.

Между тѣмъ въ управленіи Казанскими гимназіями опять произошла перемена: директоръ Савичъ умеръ и 19-го декабря 1763 г. на его мѣсто назначенъ надворный совѣтникъ Алексѣй Никитичъ Кожина, до того состоявшій въ званіи помощника инспектора при ученикахъ Московской университетской гимназій ²⁾.—Высѣтъ съ этимъ ему вѣрно быть и губернаторскимъ товарищемъ, такъ какъ тогда Веревкинъ совсѣмъ былъ уволенъ отъ службы въ Казани и причисленъ къ кабинету ея величества „для перевода съ иностранныхъ на Россійскій языкъ книгъ“.

Управленіе гимназіями Кожина было еще кратковременнѣе управленія Савича: дѣйствительное заведываніе гимназіями продолжалось около года, но официально считался онъ въ должности директора лишь пять мѣсяцевъ, потому что еще 22-го мая 1764 года назначенъ былъ прокуроромъ государственной камеръ-коллегіи и оставленъ въ Казани впредь, „пока найдется будетъ на его мѣсто способный чиновникъ“ ³⁾.

¹⁾ Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику 1828, г. № 44. Рыбушкина, Ист. Казани, ч. I, стр. 116.

²⁾ По всей вѣроятности, этотъ же Кожина упоминается въ числѣ преподавателей въ гимназій при Академіи Наукъ. П. Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, т. II, стр. 948.

³⁾ О позднѣйшей дѣятельности Кожина известно, что въ 1788 году онъ просилъ государыню о сложении съ него откушной недоимки; а въ 1799 году онъ былъ президентомъ камеръ-коллегіи и сдѣлалъ доносъ на своего предѣстника, известнаго В. С. Попова, который вслѣдствіе того былъ исключенъ изъ службы. Русскій Архивъ 1864, стр. 405; 1865, стр. 220—224.

Кратковременный періодъ директорствованія Кожина не ознаменовался какими-либо важными событиями для гимназій; да и самъ директоръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ получилъ званіе „коллежскаго прокурора“, по видимому, занятъ былъ болѣе разными пререканіями съ губернскими властями.

Замѣчательными случаями этого періода были слѣдующіе:

Вскорѣ по прибытіи въ Казань, Кожинъ, въ исполненіе особаго требованія университета, составилъ подробную опись гимназическихъ зданій и отчетъ въ расходахъ по приобрѣтенію и передѣлкѣ ихъ. Сущность его рапорта приведена нами выше ¹⁾.

Въ личномъ составѣ преподавателей (информаторовъ) въ этотъ промежутокъ произошла такая перемѣна, что учитель арифметическаго класса Лебедевъ выбылъ, а учитель латинскаго класса Моревъ умеръ; вмѣсто ихъ назначены были студентъ университета Илья Грачевскій, которому за преподаваніе обоихъ предметовъ положено жалованья 100 руб.; съ учителемъ танцованья и фехтованья, датчаниномъ Іоганномъ Верцелиусомъ, заключено новое условіе, по которому онъ выговорилъ себѣ прибавочныя 50 руб. въ годъ.

Въ теченіе 1764 года вышло изъ гимназій, для поступленія въ военную службу, 30 учениковъ; а вновь принято 21, изъ которыхъ двое, какъ дѣти приказнослужителей, зачислены на казенное содержаніе, на основаніи указа 15-го декабря 1763 года. Между учениками дворянской и разночинской гимназій въ это время, въ силу апробованнаго отъ него высокопревосходительства главногo куратора И. И. Шувалова штата, положено, для отличности благородныхъ учениковъ отъ разночинцевъ, имѣть у первыхъ столы въ классахъ покрытые сукномъ (красною каразеею). Что касается учениковъ разночинскаго отдѣленія, то видно, что большая часть ихъ состояла изъ бѣдняковъ, снискивавшихъ пропитаніе милостынею. Поэтому начальство гимназій употребляло такую мѣру: „дабы они въ праздности не были, а находились въ ученіи, а какъ въ ученіи будутъ находиться, то-бъ по міру не ходили и не скитались, и въ томъ ихъ обязать подписками“ (28-го іюля 1764 года). Хотя положительныхъ указаній и нѣтъ о результатахъ подобной мѣры, однако, по равнымъ послѣдующимъ заявленіямъ, видно, что она не достигала вполне своей

¹⁾ Приведемъ для любопытства замѣченныя нами цѣны того времени: работа печи съ кирпичемъ обошлась 2 руб. 90 коп., сажень дровъ стоила 50-коп., возъ сѣна 24 коп.

цѣли; да и дѣйствительно, такіе способы не ведутъ къ уничтоженію бѣдности.

Зачисленіе дворянскихъ дѣтей въ гимназію, какъ кажется, было тогда обязательнымъ. По крайней мѣрѣ на такую мысль наводитъ насъ встрѣченный въ дѣлахъ паспортъ, выданный изъ губернской канцеляріи одному ученику. Паспортъ этотъ писанъ на гербовомъ двухъ-копѣчномъ листѣ; строки его не поперегъ страницы, какъ принято, а вдоль. Приводимъ этотъ документъ вполнѣ.

„По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, и впрочая, и прочая, и прочая.

„Объявитель сего недоросль изъ дворянъ Николай, Гавриловъ сынъ, Даниловъ, который въ Казанскую губернскую канцелярію представленъ на смотръ при доношеніи отъ матери ево Ирины, Васильевой дочери, Даниловой, а въ томъ доношеніи объявлено, что ему отъ роду семь лѣтъ, россійской грамотѣ читать и писать не обученъ, и просила о дачѣ ему для обученія указанныхъ наукъ въ домѣ ево пашпорта; того ради, по указу Ея Императорскаго Величества и по резолюціи Казанской губернской канцеляріи велѣно означенному недорослю для обученія указанныхъ наукъ изъ Казанской губернской канцеляріи дать пашпортъ, чего ради сей и данъ. Юля 12 дня 1764 года. Князь Петръ Вадбольскій.

У сего пашпорта Ея Императорскаго Величества Казанской губерніи печать (М. П.) Въ Казанской губерніи коллегіи секретарь Андрей Мазалевскій. Канцеляристъ Алексѣй Филиповъ“.

Не лишены интереса отношенія мѣстныхъ властей и судебныхъ мѣстъ къ гимназіямъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1764 года учитель танцованія и фехтованія датчанинъ Верцелиусъ за неплатежъ денегъ по векселю симбирскому купцу Пустынникову ¹⁾, былъ взятъ казанскимъ

¹⁾ Пустынниковъ, иначе Мясниковъ, — былъ финансовая сила своего времени. Онъ былъ зять знаменитыхъ въ прошедшемъ столѣтіи заводчиковъ Твердышевыхъ. Фамилія Твердышевыхъ коренная симбирская: она известна тамъ почти съ самаго построенія Симбирска. По крайней мѣрѣ въ концѣ XVII вѣка въ Симбирскѣ Твердышевы считались первыми торговцами. Существуетъ преданіе, что во время похода Петра Великаго на Кавказъ въ 1723 году, при отплытіи его изъ Симбирска, гребцами на его лодкѣ были Иванъ и Яковъ Борисовичи Твердышевы и женатый на ихъ сестрѣ Татьянѣ Иванъ Семеновичъ Пустынниковъ. Петръ, замѣтивъ ихъ бойкость и смѣтливость, посоветовалъ имъ, по примѣру Демидова, заняться горнымъ дѣломъ и на разживу далъ 500 рублей, обѣщая помогать и впоследствии, если они отыщутъ руду. Въ царствованіе Елизаветы Твердышевы и Пустынниковъ уже имѣли 8 мѣдныхъ и

словеснымъ судьей Шапошниковымъ подъ арестъ. Конечно, Верцеліусъ обратился къ командиру гимназій съ просьбою о защитѣ: Кожинъ съ своей стороны официально просилъ губернатора, князя Тенишева, приказать магистрату освободить Верцеліуса изъ подъ ареста, такъ какъ, въ силу данныхъ университету и подвѣдомымъ ему учебнымъ заведеніямъ привиллегій, учителя судятся своимъ судомъ. Губернаторъ, однако, не уважилъ этого ходатайства и отвергнулъ представленные доводы. Тогда Кожинъ прибѣгъ подъ защиту университета и просилъ куратора Ададунова вступить въ это дѣло. Наконецъ, при посредствѣ университета, Верцеліусъ былъ выпущенъ изъ подъ ареста; однако, на него наведенъ былъ такой страхъ, что онъ безвыходно сидѣлъ дома, боясь, что его вновь арестуютъ. Чтобы разсѣять этотъ страхъ въ несостоятельномъ должникѣ, по указу университетской канцеляріи, велѣно дать Верцеліусу солдата, который провожалъ бы его, когда онъ будетъ выходить изъ дома. Не будемъ разказывать весь ходъ этого дѣла, тѣмъ болѣе, что мы и не могли прослѣдить его до конца; но замѣтимъ, что переписка Кожина съ

железнымъ заводомъ въ нынѣшнихъ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ; въ 1760 году всѣ они трое возведены были въ дворянское званіе. Замѣчательно, что какъ Твердышевъ, такъ и Мясниковъ-Пустынниковъ, не имѣли дѣтей мужскаго пола, а только однихъ дочерей. Екатерина II въ 1767 году останавливалась въ Симбирскѣ въ домѣ Твердышевыхъ, жившихъ вѣсть съ Пустынниковымъ и, какъ разказываютъ, трѣхъ его дочерямъ сама назначила жениховъ, въ число которыхъ былъ и извѣстный Г. В. Козицкій, состоявшій тогда въ свитѣ императрицы. Громадна имѣнія Твердышевыхъ и Пустынникова, простиравшіяся до 76.000 крестьянъ, кромѣ заводовъ, по женской линіи раздѣлились между дворянскими семействами Бекетовыхъ, Бибиковыхъ, Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, Дурасовыхъ, Кушниковыхъ, Лавалъ, Мельгуновыхъ, Пашковыхъ и др. Изъ принадлежавшихъ Твердышевымъ домовъ въ Симбирскѣ, одинъ (въ которомъ останавливалась Екатерина) принадлежитъ нынѣ почтовому вѣдомству, а другой — губернской гимназій. Оба они послѣ пожара 1864 года совершенно измѣнили свой видъ и расположеніе. О первомъ изъ нихъ ходитъ въ народѣ молва, будто изъ него существовалъ подаемный ходъ на Волгу. Нѣкоторые подробности о Твердышевыхъ сообщены въ *Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* разныхъ годовъ и въ «Сборникѣ историч. и статистич. матеріаловъ о Симбирской губерніи» 1868 года, стр. 186—192; о заводахъ Твердышевскихъ можно найти у *И. И. Рычкова* въ его «Оренбургской топографіи», ч. II, стр. 223 — 238; о роскошной жизни Н. А. Дурасова, одного изъ наследниковъ Мясникова-Пустынникова, см. въ письмахъ миссъ *Вальмотъ*, жившей у княгини Е. Р. Дашковой (*Русскій Архивъ* 1873, стр. 1890) и въ «Семейной хроникѣ» *С. Т. Аксакова*, стр. 406—414 (по издацію 1858 года). О раздѣлѣ имѣній Твердышевыхъ и Мясникова см. *Русскій Архивъ* 1872, стр. 235.

губернаторомъ по этому обстоятельству, въ связи съ другими, подѣ конецъ приняла особенный характеръ. Такъ, напримѣръ, губернаторъ обратился къ Кожину не „отношеніемъ“, а „указомъ“. Кожинъ „указа“ не принималъ, считая для себя унижительнымъ такую форму официальной переписки. Не смотря на то, губернская канцелярія вторично прислала ему „указъ“. Видя въ этомъ почти оскорбленіе, Кожинъ просилъ Московскій университетъ разъяснить, слѣдуетъ ли ему, директору гимназій, ни мало не подчиненныхъ губернатору, принимать отъ него „указы“?

Нельзя оставить безъ замѣчанія, что если во всемъ этомъ со стороны Кожина и выказывалась крайняя преданность формальности, отчасти, быть можетъ, и его личное неумѣнье обращаться съ людьми,— тѣмъ не менѣе, со стороны губернскихъ властей проявлялось намѣренное покушеніе унижить гимназію, показать ей, что она ничто предъ мѣстной администраціею, хотя и ограждена особыми правами и преимуществами. Еще въ 1756 году, особымъ сенатскимъ указомъ 5-го марта, опубликовано было, что Московскій университетъ не подчиненъ никакому иному правительственному учрежденію кромѣ сената, что съ равными мѣстами и административными органами онъ сносится „промеморіями“, а въ низшія посылаетъ „указы“. Не смотря на то, многія присутственныя мѣста не уразумѣли, или не хотѣли уразумѣть, своихъ отношеній къ университету, точно также не признавали дарованныхъ ему правъ, не исполняли его требованій, относились къ нему съ-высока, арестовывали преподавателей и т. п. Университетъ даже вынужденъ былъ на все это жаловаться сенату и его жалобы вызвали, 22-го декабря 1757 года, новый указъ, повелѣвавшій: „всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ впредь онаго университета учителей, безъ сношенія съ тѣмъ университетомъ, отнюдь собою по дѣламъ касающимся до нихъ не брать, подѣ опасеніемъ взыскація за то по указамъ“¹⁾. Теперь слѣдуетъ припомнить, что Казанская гимназія, какъ значилось въ указѣ 21-го іюля 1758 года, учреждалась „съ такими же выгодами, какъ и въ Московскомъ университетѣ“. На этихъ основаніяхъ претензіи Кожина были весьма справедливы²⁾. Впрочемъ, лѣтъ за 35 до описываемаго времени, въ Казани

¹⁾ Полн. Собр. Закон. т. XIV, № 10781.

²⁾ Не лишнее, однако, замѣтить, что Кожинъ въ иныхъ случаяхъ безпрекословно исполнялъ желанія Тенишева. Такъ, по его «требованію», онъ немедленно сбавилъ «изъясненіе, какимъ образомъ день всевысочайшаго тезоиме-

губернаторы относились къ учителямъ еще грубѣе: знаменитый Артемій Волинскій, въ своемъ загородномъ дворѣ, одного учителя духовной школы билъ батошьемъ передъ собою смертно, а оная школа, говоритъ митрополитъ Сильвестръ въ своемъ доношеніи синоду, строена и жалованье получаетъ изъ дому архіерейскаго, а не отъ губерніи ¹⁾. Но о Волинскомъ и говорить нечего: онъ въ три или четыре пріема бывалъ немилостиво по обѣимъ щекамъ и не учителей семинарской школы...

нитства ея императорскаго величества въ городѣ Казани празднованъ, и отправилъ его въ канцелярію университета для припечатанія въ вѣдомостяхъ.

¹⁾ Матеріалы о Волинскомъ, стр. 111. *Чтенія Моск. Общества Исторіи* 1862, ч. IV.

А. Артемьевъ.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ОТРЕЧЕННЫЯ ВѢРОВАНІЯ И КАЛЕНДАРЬ БРЮСА ¹⁾.

IV.

Обращаясь къ отреченнымъ вѣрованіямъ нашихъ предковъ касательно различія во времени, необходимо прежде всего различать въ нихъ вѣрованія древнѣйшія отъ новыхъ, тѣсно связанныхъ съ ученіемъ календарнымъ. Индексы книгъ ложныхъ различаютъ эти вѣрованія, хотя не уясняютъ вполне причинъ различія. Къ болѣе поздней порѣ народной жизни относится вѣра въ дни и часы, „въ нихъ же безуміе людіе волхвуютъ, ищуще дней рожденій своихъ, сановъ полученія, бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей, вазней въ службахъ и ремяслахъ“ ²⁾). Исканіе дней и часовъ съ указанными цѣлями сложилось потомъ въ стройную систему календарныхъ ученій, которыя развились подъ вліяніемъ астрологіи. Поэтому многія изъ вѣрованій поздняго времени представляются смѣлыми догадками астрологовъ, которые уходили отъ прежнихъ народныхъ вѣрованій въ область фантазіи. Но еще задолго до астрологическихъ ученій пытливость челоѣка удовлетворялась практическими примѣтами. Эти примѣты были тѣмъ сильнѣе и живучѣе, чѣмъ крупнѣе и извѣстнѣе были факты, имѣвшіе вліяніе на жизнь челоѣка и цѣлаго народа. Факты для наблюденія давала жизнь семейная, также дѣятельность по земледѣлію, мореплаванію, промысламъ и особенно народныя войны. Съ другой стороны, вліяніе на счастливый или несчастный исходъ ихъ предполагалось зависящимъ отъ боговъ, управлявшихъ природой и челоѣкомъ. „Убѣгайте“, говоритъ Гезіодъ, „мѣсяца Линеоса; убѣгайте злыхъ дней, которые проникаютъ кожу

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Народ. Просв.* мартъ и апрѣль 1874 года.

²⁾ Памятники отреченной литературы, I, IX.

воловъ; убѣгайте сего мѣсяца, убѣгайте и льдовъ. Сіи льды, когда Борей дышетъ на землю, бывають гибельны“ ¹⁾). Указавъ на значеніе дней, въ которые сильно дѣйствуетъ Борей, Гезіодъ даетъ практическіе совѣты, выполнять которые заставляютъ каждого сама явленія природы. „Въ сіе время“, говоритъ онъ, „тѣло свое защищай одеждой, облекайся мягкою одеждой... Мѣсяць, въ который дышетъ Борей, тягостенъ овцамъ и людямъ; въ продолженіе его нужно давать воламъ половинную часть корма, а люди должны употреблять пищи болѣе обыкновеннаго“ ²⁾). Чтобы точнѣе опредѣлить ходъ и характеръ ~~человѣческой дѣятельности~~ дѣятельности; греческій богословъ указываетъ на другія божества, которыя имѣли то или другое отношеніе къ явленіямъ природы: „Когда же солнце обратится шестьдесятъ разъ, и Зевесъ совершитъ зимніе дни: звѣзда Арктуръ, оставивъ священные потоки океана... восходитъ въ вечернее время. Какъ скоро настанетъ весна, послѣ Арктура рано вылетаетъ сѣтующая Пандіона — ласточка и возвѣщаетъ о свѣтѣ. Предваря ласточку, очищай виноградныя вѣтви: это будетъ полезно для тебя“ ³⁾). Всѣ перемѣны въ царствѣ растительномъ и въ организмѣ челоуѣка греческій мудрецъ связываетъ съ существами миѣическими — Солнцемъ, Зевсомъ и др. Эти перемѣны будутъ объясняться астрологіей, какъ результатъ вліянія на землю планетъ. Гезіодъ приводитъ всѣ подробности въ перемѣнахъ природы, рекомендуя челоуѣку правила дѣятельскія и гигиеническія, но съ постояннымъ объясненіемъ, что виновники всѣхъ перемѣнъ — боги. Нѣкоторые изъ нихъ олицетворяють небесныя свѣтила.

Подъ вліяніемъ древнихъ миѣическихъ вѣрованій явилось понятіе о тѣхъ добрыхъ и злыхъ дняхъ и часахъ, которые строго соблюдались всѣми Греками и Римлянами. Въ тѣ дни ни у Грековъ, ни у Римлянъ не женились, не начинали никакого предпріятія, не созывали сходокъ, не творили суда. Вѣра въ дни и часы усилилась, наконецъ, до того, что Аѣинянинъ не начиналъ фразы, не воззвавъ предварительно къ доброму часу. Воззваніе свое онъ ставилъ предъ всѣми декретами. Даже въ эпоху имперіи вѣрованія Римлянъ держались больше на основаніяхъ религіозныхъ, чѣмъ астрологическихъ. Въ соблюденіи ихъ видѣли нравственный долгъ, религіозную

¹⁾ Ἔργα καὶ ἡμέρα, 540, 555.

²⁾ Тамъ же, 564.

³⁾ Тамъ же, 580.

обязанность. Известно, что самъ Октавій Августъ, при религіозномъ настроеніи, соблюдалъ нѣкоторые дни. На другой день нуидинъ онъ нигуда не отправлялся, въ кони не начиналъ ничего серьезнаго; онъ ничего не боялся при этомъ, кромѣ *доофрѣиан* ¹⁾. Вѣроятно, эти религіозно-нравственныя воззрѣнія Римлянъ на міръ и его явленія, на дни добрые и злые были причиной известной неприязни Римлянъ къ Халдеямъ, которые разсѣивали въ народѣ анти-религіозныя взгляды на планеты и на теченіе времени, взгляды, близкіе къ ученію позднѣйшихъ астрологовъ. Такъ, Корнелій Гиспаль, во время преторства своего, издалъ декретъ, по которому всѣ Халдеи въ 10 дней должны были выбраться изъ Рима и изъ Италіи ²⁾.

Безъ халдейскихъ толковъ тверда была въ народѣ римскомъ вѣра въ добрые и злые дни. Дни эти тѣмъ строже были хранимы, чѣмъ больше выпадало на нихъ замѣчательныхъ случаевъ, памятныхъ народу. Остерегайтесь, говорить римскій историкъ, дня, одного изъ тѣхъ несчастныхъ (*тѳѳ апофрѣдов*), которые зовутся черными (*μελαίνας*). ибо въ этотъ день погибло войско съ княземъ Цепіономъ (649 г. послѣ основанія Рима), сражавшееся съ Кимбрами; днемъ этимъ былъ первый день октябрьскихъ нонъ ³⁾. Первый римскій календарь, обнародованный въ 303 г. Кайемъ Флавіемъ, былъ вполнѣ національнымъ календаремъ. Его распространяли потомъ Энній, Пизонъ, Овидій и др., снабжая различными примѣтами изъ народной жизни. Что дѣйствительно первоначальныя основанія для соблюденія дней и часовъ были религіознаго характера, это видно изъ того, что несчастными днями древнихъ римскихъ календарей были дни четные. Четное же число, по вѣрованіямъ Римлянъ, считалось несчастнымъ, а потому всѣ римскіе мѣсяцы состояли изъ нечетнаго числа дней, изъ 29 или 31. Одинъ февраль имѣлъ 28, какъ мѣсяцъ плачевный, назначенный для покаянія и поминовенія усопшихъ. Известны у Римлянъ *dies nefasti* были днями, въ которые первоначально запрещено было производить судъ, и съ которыми потомъ соединялось дурное значеніе.

Религіозныя вѣрованія нашихъ предковъ съ древнихъ поръ легли въ основаніе для дѣленія ими дней и часовъ на добрые и злые. Каждому изъ такихъ дней и часовъ соприсутствовало божество, ко-

¹⁾ Caji Sretoni, cap. 89. (Augustus).

²⁾ Römische Zeitafeln (1841 г.), p. 134.

³⁾ Römische Zeitafeln, p. 161.

торое покровительствовало или вредило человѣческой жизни и дѣятельности. Первоначально человѣкъ связалъ съ богами крупныя періоды времени—четыре времени года, недѣли, потому перенесъ свои вѣрованія на нѣкоторые дни и часы. Вотъ какъ говорить объ этомъ г. Буслаевъ: „Какъ времена года были освящены миѳическою ихъ связью съ божествомъ, такъ и малые періоды времени, составляющіе недѣлю ¹⁾. Чередою смѣняющіеся дни и ночи, какъ выраженіе сверхъестественныхъ силъ божествъ свѣта и тьмы, не могли миновать того же строго замкнутаго миѳическаго круга, въ которомъ была скована творческая фантазія эпическаго періода“. Въ сохранившихся литературныхъ памятникахъ нашей старины мало указаній на то, какія вѣрованія соединялись съ каждымъ днемъ — счастливымъ или несчастнымъ; но во всякомъ случаѣ, эти вѣрованія были и долго жили въ народной жизни. „Хотя уже въ эпоху до-историческую между Славянами были распространены новыя названія недѣльныхъ дней, составленныя подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ понятій, однако, и доселѣ въ народныхъ преданіяхъ сохраняется память о связи дней недѣльныхъ съ существами миѳическими. Такъ, на Руси доселѣ кое-гдѣ вѣрятъ, что въ ночь на пятницу ходитъ по избамъ какое-то сверхъестественное существо въ видѣ жены прекрасной, и если гдѣ найдеть подъ своими стопами соръ, то наказываетъ хозяевъ. Потому передъ ея ночнымъ шествіемъ съ вечера выметають изъ избы всякій соръ“ ²⁾. Это миѳическое существо не забыто народомъ, а переименовано въ Параскеву-пятницу. Въ приведенной г. Буслаевымъ валашской сказкѣ о Вилишѣ-визязѣ указаны также сверхъестественныя существа, которыми олицетворяются недѣльные дни: св. мать Среда, св. мать Пятница и св. мать Недѣля. Ясно, что въ этихъ названіяхъ дней слились христіанскія понятія съ вѣрованіями языческими. Въ древне-русской письменности много указаній на то, какъ въ христіанскую эпоху добрыя и злыя дни, посвященные миѳическимъ существамъ, приурочивались къ христіанскимъ праздникамъ или къ днямъ святыхъ. Послѣдніе берутъ подъ свой патронатъ извѣстныя въ году или въ недѣлѣ дни. Во дни эти до сихъ поръ соблюдаются суевѣрные обычаи старины. Такъ, между прочимъ, въ лѣчебникахъ постоянно различаются добрыя дни отъ злыхъ, при собираніи въ нихъ травъ или при приѣмѣ лѣкарственныхъ зелій. Траву „дет-

¹⁾ Очерки, I, 323.

²⁾ Тамъ же.

левицу“ надобно рвать между Купальницею и Петровымъ днемъ, сказано въ лѣчебникѣ ¹⁾. Особенною важностію пользуется въ этомъ случаѣ день Ивана Купалы, мѣстическое значеніе коего до сихъ поръ не утратилось въ народной жизни. Объ этомъ днѣ говорится слѣдующее: въ травахъ царь есть Силтаримъ трава, о шести листахъ...., а братъ вечеромъ на Ивановъ день.... Есть орелъ птица. Возьми орла на Ивановъ день о вечернѣ.... ²⁾. Къ суевѣрнымъ днямъ приурочены были занятія по сельскому и домашнему хозяйству. Ждали большаго успѣха и большей прибыли отъ занятій, если они шли въ извѣстные добрые дни. „Огородъ начинай пахать марта мѣсяца въ 5-й день, на св. Конона, хотя бы еще и зима была, и ты только почни въ тотъ день: непременно огородъ будетъ добръ и овощу много“ ³⁾. Нѣкоторые изъ господскихъ праздниковъ также приурочены были ко днямъ особаго рода: въ эти дни грозила неудача дѣлу. Такой взглядъ на нѣкоторые праздники не означаетъ христіанскаго запрещенія не дѣлать ничего мірскаго въ тѣ дни, — ибо въ такомъ случаѣ слѣдовало бы причислить всѣ праздники къ злымъ днямъ. Но изъ христіанскихъ праздниковъ только нѣкоторые указаны, какъ несчастливые. „На Срѣтеньевъ день Господа нашего Іисуса Христа на дорогу никуда не выходить, ни дому, никакихъ хоромовъ не ставить“ ⁴⁾.

Дѣленіе дней и часовъ на добрые и злые было и у народовъ западной Европы. Исходя изъ тѣхъ же мѣстическихъ вѣрованій, народы эти, въ христіанствѣ, приурочили извѣстные дни ко днямъ святыхъ западной церкви. Такое повѣрье было осуждаемо западными проповѣдниками и постановленіями помѣстныхъ соборовъ. Не слѣдуетъ, говорить папа Мартинъ, дѣлать незаконныхъ календарныхъ наблюденій и избѣгать въ извѣстные дни занятій, не слѣдуетъ въ тѣ дни украшать домовъ своихъ лавромъ или зеленью другихъ деревьевъ: ибо всякое подобное наблюденіе есть дѣло поганыхъ. Западно-европейскіе народы постились въ нѣкоторые знаменательные дни. За это виновные были преданы анаемѣ на IV-мъ Толедскомъ соборѣ. Съ этимъ обычаемъ, нельзя не замѣтить, имѣеть много общаго обычай русскихъ благочестивцевъ понедѣльничать. Есть повѣрье, что понедѣльникъ — день тяжелый. Съ религіозной точки зрѣнія это объясняютъ тѣмъ,

¹⁾ Очерки, II, 37 стр.

²⁾ Очерки, 38.

³⁾ Очерки, II, 45.

⁴⁾ Очерки, I, 43.

что въ понедѣльникъ, когда церковная служба поется въ честь ангеловъ добрыхъ, хранителей человѣка, ангелы злые ожесточенно усердствуютъ дѣлать человѣку всякіе соблазны и козни. Какъ-бы въ отпоръ ихъ злобѣ необходимо, думаютъ, усиливать подвиги благочестія, необходимо поститься и избѣгать всякихъ серьезныхъ начинаній. На западѣ, какъ и у насъ, былъ, по свидѣтельству Маіолы, обычай только во дни извѣстныхъ святыхъ собирать травы и рубить лѣсъ для постройки домовъ или кораблей ¹⁾. Изъ такихъ дней извѣстны дни св. Павла, Викентія, Урбана и др. Шель ли въ тѣ дни дождь, или небо было чисто — всему давали толкованіе: однимъ это обѣщало веселость, плодородіе, изобиліе или недостатокъ вина. Ясно опредѣляются подобныя вѣрованія слѣдующими словами: ясный день Павла предуказывалъ счастливое время года; если же въ тотъ день облачно, то будутъ умирать извѣстныя животныя; если вѣтры — нужно ждать войны; если снѣгъ и дождь — наступитъ пріятное время. Собиратели травъ въ день св. Іоанна вѣрили, что травы тѣ имѣли особенную цѣлительную силу. Эти люди утверждали, что садить деревья необходимо въ день Благовѣщенія Дѣвы Маріи, а въ праздникъ св. Стефана полезно пускать кровь конямъ. Многіе наблюдали дни и часы при отправленіи въ путь или при началѣ важнаго дѣла. Въ ряду другихъ дней знаменательнымъ считался день св. Магдалины ²⁾.

Въ письменныхъ памятникахъ западной Европы, какіе имѣлись у насъ подъ руками, и въ древне-русскихъ отреченныхъ тетрадахъ, нѣтъ все-таки точнаго перечня дней и часовъ добрыхъ и злыхъ. Дней же, приуроченныхъ ко днямъ христіанскихъ святыхъ или праздниковъ, немного. Гораздо больше ихъ въ тѣхъ указателяхъ, которые сложились въ болѣе позднюю пору, подъ вліяніемъ вѣрованій астрологическихъ. Дѣленіе дней на добрые и злые по различному состоянію небесныхъ свѣтилъ относится ко времени гораздо позднѣйшему, чѣмъ дѣленіе ихъ по мѣсячнымъ или древне-христіанскимъ возрѣвіямъ. Эти астрологическіе перечни дней вошли потомъ въ календари. Имъ посвящена особая глава въ календарѣ Брюса. Въ послѣднемъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, какіе дни счастливые и какіе несчастные. Но эта разница сама собою видна изъ тѣхъ указаній, по которымъ извѣстное дѣло могло быть только въ извѣстныя

¹⁾ *Majoli*, *Dies caniculares*, p. 572 и слѣд.

²⁾ *Dies caniculares*, 572.

дни; въ противномъ случаѣ слѣдовала полнѣйшая неудача. Въ календарѣ дни подведены подъ зодіи. По этимъ зодіямъ указано предназначеніе дѣйствъ на каждый день: „Близнецы“—отроки въ училище отдавати, „Телець“ — мыслити начати и на паству пушати, „Овенъ“ — кровь пушати и древо посѣцати, „Дѣва“ — бракъ имѣти или въ жену пояти, „Водолей“ — дома созидати, „Ракъ“ — баталію творити, „Стрѣлецъ“ — малевати и браду брити, „Скорпіѣ“ — звѣрей и рыбу ловить, „Вѣсы“ — власы стричь и лѣкарство принимать, „Рыбы“—мытися въ банѣ и платье кроити, „Рыбы“ — пруды запружати и шествовати въ море, „Козерогъ“—просити господь и молоть ¹⁾. Эти общія примѣты для дней дробятся потомъ на частныя замѣчанія относительно каждаго дня извѣстнаго зодія: Этихъ замѣчаній много, и мы укажемъ только на нѣкоторыя: кровь и жильную руду пушати въ одни дни (слѣдуютъ цифры дней по зодіямъ)—добро, въ другіе — посредственно, въ третьи — зло,—чины и достоинства воспринимати (указаны цифры дней), лѣкарство внутрь и снаружи, — паритися въ банѣ, дабы немощь не постигла, — содружіе дѣяти, чтобы оно постоянно было, — власы съ главы стричи, чтобы мозгъ укрѣплялся,—хлѣбъ ссыпати, чтобы долго лежалъ, и т. д. Въ нѣкоторыхъ спискахъ календаря, извѣстнаго подъ именемъ Брюса, имѣются даже рисунки, уясняющіе смыслъ текста. Рисунки эти, кажется, позднѣйшая прибавка. Въ календарѣ, описанномъ г. Пекарскимъ, о нихъ не упоминается. Несомнѣнно, что все это дѣленіе дней на добрыя и злыя извѣстно было въ большей или меньшей степени нашимъ предкамъ задолго до календаря Брюсова. „Смотри“, говоритъ древнее наставленіе, „съ испитаніемъ исчисляе и познавай повьсегда, въ коемъ зодіи есть луна, и смотри, аще добро есть зодіи или зло, или посредне; да еще добро будетъ зодіи оно, въ еже сдѣваемо, въ таковій день есть добро. Аще ли зло будетъ зодіе оно, въ той день ничтоже подобаеъ творити“ и т. д. ²⁾. Общія замѣчанія древней письменности о добрыхъ и злыхъ дняхъ дробились часто на замѣчанія частныя. Въ одной рукописи, писанной полууставомъ XV вѣка, читаемъ наставленіе о днехъ, въ нихъ же достоинъ отъ всего хранитися: ни врачевать чловѣкъ, ни скоть, кровь пушати, ни браковъ творить, ни дѣтей учить и облюстися ихъ всегда — мѣсяца генварія 1 до 15, февраля 9 до 22 и

¹⁾ Тетрадь, подъ названіемъ Брюсова календаря, которою пользовались мы при составленіи этой статьи.

²⁾ Пам. отреч. литературы, изд. *Тихомирова*, II, 386—387.

т. д. ¹⁾). Больше всего предки наши обращали вниманіе на слѣдующіе вопросы, которые, впрочемъ, не вездѣ отвѣчали условіямъ ихъ жизни,— на вопросы о насажденіи винограда или масличника, или о древесехъ плодовыхъ, отъ коегождо рода садящихся и обрѣзывающихся, аще ли же и о купли и о путешествіи, или отъ недуга изцѣленіе или отъ кровоупущеній, или о свершеніи брака и т. д. Дни, которые не благоприятствовали указанной дѣятельности, слѣдующіе: мѣсяца сентября—3, 8, 24, мѣсяца октября—3, 8, 21, мѣсяца ноября—5, 8, 12 и др. ²⁾). Эти же дни указаны и въ календарѣ Брюса, только здѣсь они подведены подъ точныя разчисленія въ особой таблицѣ, съ указаніемъ правилъ, какъ важныя потребности творити. Предъ таблицей сдѣлано замѣчаніе: понеже луна и намъ близкае есть, того ради натурою сильнѣйши суть; обаче Богъ идѣже хочетъ, побѣждается естества чинъ ³⁾). Сличая замѣчанія Брюсова календаря съ перечнемъ дней добрыхъ и злыхъ въ книгахъ древне-русской отреченной литературы, мы видимъ прежде всего, что календарная замѣтка короче замѣтокъ древнихъ книжниковъ; у послѣднихъ дѣленіе дней подробнѣе. Во всякомъ мѣсяцѣ, говоритъ древнее списаніе о мѣсяцахъ, есть по два дни злыхъ, — ни крови пущати, ни сѣяти, ни садити, ни портищъ кроити, ни свадьбы играти, ни купли дѣяти, ни дому строити, ни въ займъ давати, ни иного чего дѣяти. Дни злые: мѣсяца генваря въ 8, 26, февраля въ 2, 24 и т. д. Аще въ тые дни, продолжаетъ авторъ списанія, начнетъ человекъ болѣти, не востать ему, аще и востанетъ—нездравіе творить; не обрадуется, иже родится, не живу ему быти; аще не умретъ, не избыти ему горькія части; аще ли домъ строишь, не будетъ добра; или портище кроишь, не сносятъ ему; купецъ въ ходъ пойдетъ, не прибудетъ ему, или смерть будетъ и т. д. ⁴⁾). Замѣтокъ о часѣхъ добрыхъ и злыхъ въ календарѣ совсѣмъ нѣтъ; въ древней же отреченной письменности говорится, яко во всякомъ мѣсяцѣ есть день добръ, а въ немъ часъ золь. Дни добрые, часы злые: мѣсяца генваря въ 25—1, февраля въ 22—9 и т. д. ⁵⁾). Статья „О часахъ добрыхъ и злыхъ“, по списку, изданному г. Тихонововымъ, указываетъ даже на каждый часъ сутокъ—добръ ли

¹⁾ *Лекарскій*, Наука и литература при Петрѣ I, стр. 278.

²⁾ Пам. отреч. лит., II, 386.

³⁾ Кал. Брюса, листъ 25.

⁴⁾ *Пыпинъ*, Для исторіи ложныхъ книгъ. Дни добрые и злые, стр. 7.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 8.

онъ, или золь, или средній: въ недѣлю часть 1-й добръ, часть 3-й золь, часть 4-й средній и т. д. ¹⁾). Замѣтное сближеніе календаря Брюса съ древнею русскою отреченною письменностью вызываетъ вопросъ: заимствовали ли составители календаря свои указанія изъ древне-русскихъ тетрадей, или брали ихъ изъ календарей чужеземныхъ. Календари эти, безъ сомнѣнія, были въ рукахъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи календаря русскаго. По крайней мѣрѣ, въ библиотекѣ самого Брюса было много книгъ астрологическихъ и астрономическихъ, на языкахъ латинскомъ, нѣмецкомъ и англискомъ; былъ даже у него календаріумъ перпетуумъ универсале чрезъ Станислава Акстальмеэръ на нѣмецкомъ языкѣ, былъ Маринерсъ календарь на англискомъ языкѣ и др. ²⁾). Трудно предположить, чтобы составителямъ календаря, особенно Кипріянову, были не извѣстны указанная книга нѣмецкаго ученаго, „подъ надзрѣніемъ“ котораго былъ составленъ календарь. На это заимствование изъ нѣмецкихъ календарей въ календарь Брюса ясно указываетъ замѣтка подъ статьею календаря: „предзнаменованіе дѣйствъ на каждый день по теченію луны въ зодіа“ . Въ замѣткѣ этой говорится: таблица или правило сіе изыскано чрезъ Мартина Альберта Теофратическаго, медика и рудоискателя отъ Хемницъ, яже преведенная съ цесарскаго діалекта изъ книгъ астрологіи или планетныя Вольфганга Гильдебранда... ³⁾). О другой статьѣ сказано, что она переведена съ латинскаго діалекта изъ книги Іоанна Заганъ ⁴⁾). Календарь Брюса подвелъ краткій итогъ всѣмъ народнымъ и книжнымъ вѣрованіямъ касательно времени. Въ итогъ этотъ вошли и вѣрованія русской старины, вполнѣ народныя, и вѣрованія, сдѣлавшіяся достояніемъ книги, русской и чужеземной; въ него, стало быть, вошла часть ученій, извѣстныхъ въ области астрологіи. Календарь объединилъ и примирилъ то и другое.

Входя въ область календарныхъ астрологическихъ вѣрованій, мы видимъ, что предки наши, подобно другимъ народамъ, пылливо смотрѣли на внѣшній міръ, на его небесныя и земныя явленія, стараясь опредѣлить ими степень и качество своей дѣятельности. Они издавна наблюдали по-своему за небесными свѣтилами, угадывая въ нихъ заветную тайну, которая всѣми мутно сознавалась, но никѣмъ не разъ-

¹⁾ Памяти. отр. лит., II, 383.

²⁾ *Лѣтописи Русск. Лит.* т. I. Библиотека и кабинетъ Брюса.

³⁾ Календарь, листъ 22.

⁴⁾ Тамъ же.

яснялась. Разгадѣ этой тайны послужила потомъ, какъ могла, вся неутомимая дѣятельность астрологовъ. Начинатели ихъ дѣла уходять въ самую отдаленную пору исторіи востока. Наши предки долго не знали астрологія, и между тѣмъ, издавна вѣрили въ различіе между днями и часами. На эти вѣрованія наводила ихъ сначала мифологія, потомъ обыденная практика жизни, всѣ удачи и неудачи, причину которыхъ они часто видѣли въ природѣ, во вліяніи небесныхъ планетъ, особенно солнца и луны. Этимъ же путемъ слагались вѣрованія другихъ народовъ древняго и новаго міра, и сказать, что именно одинъ народъ заимствовалъ у другаго — дѣло невозможное. Не возможно поэтому и въ русской письменности отдѣлить вѣрованія чисто-русскія отъ занесенныхъ изчужа. Невозможность эта во всей силѣ простирается и на Брюсовъ календарь. Все это говоритъ лишь о томъ, что въ духовной жизни народа Русскаго и другихъ народовъ одного съ нимъ племени была полная солидарность, а существовавшая между ними рознь была дѣломъ различныхъ историческихъ условій.

Вѣрованія во вліяніе небесныхъ тѣлъ на судьбу человѣка у всѣхъ народовъ обставлены легендарными сказаніями. Сказанія эти манятъ къ себѣ тою глубокою таинственностію, которая окружаетъ самыя силы природы, невѣдомыя первобытному человѣку. Изъ сказаній объ астрологіи видно, какъ слагались потомъ тѣ народныя замѣтки, изъ которыхъ образовался календарь. Укажемъ на одно изъ такихъ сказаній. Несомнѣнно, говоритъ легенда, что нашъ праотецъ Адамъ отлично зналъ весь распорядокъ (*disciplinam*) небесныхъ тѣлъ. Чтобы не изгладилось изъ памяти его то, что узналъ онъ черезъ долгое наблюденіе и стараніе, праотецъ позаботился изобразить это на двухъ столбахъ. Потомки Сифа (*Seth*) нашли потомъ дорогое ученіе о движеніи неба, и такъ какъ они слышали отъ дѣдушки Адама, что міръ погибнетъ сперва отъ воды, потомъ отъ огня, то изготовили (*fabricasse*) двѣ каменные дощечки — одну изъ живаго камня, другую — изъ обожженнаго. На этихъ дощечкахъ постарались начертать астрологическія наблюденія, чтобы такимъ образомъ это превосходнѣйшее искусство (астрологія) спасено было отъ силы огня и отъ воды, и чтобы передано было потомству ¹⁾. Кромѣ этой легенды, освѣщающей авторитетъ календарныхъ вѣрованій, вся древность указывала на свидѣ-

¹⁾ Легенда эта записана Юсиеомъ въ 4-й главѣ 1-й книги Іудейскихъ Древностей (*Majoli*, p. 675).

тельство Бероза. Онъ говорить, что въ первобытное время всѣ святыя мужи соблюдали и любили звѣздную премудрость, получивъ ее отъ Бога. Даже послѣ потопа Ной, Авраамъ, Іаковъ, Іосифъ, пророки и патриархи точно слѣдили за теченіемъ звѣздъ. Этому Берозу Аѳинскіе граждане оказали величайшую честь за знаніе астрологіи: поставили ему въ гимназіи статую съ золотою надписью; ибо все, что онъ предсказывалъ, съ точностію сбывалось ¹⁾). Библийскіе писатели, какъ, напримѣръ, пророкъ Давидъ, въ поэтическихъ образахъ описываютъ звѣздное небо, какъ выраженіе величія и премудрости Творца. Человѣку оставалось всматриваться и понимать эту премудрость и извлекать изъ нея уроки для своей дѣятельности. И поэты-классики часто упоминаютъ объ извѣстныхъ звѣздахъ, какъ и когда онѣ должны быть наблюдаемы земледѣльцами или мореплавателями. Извѣстны стихи Гомера, Гезіода, Вергилія, Овидія и др. о Плейядахъ, Орионѣ, Арктурѣ. Они говорятъ, что еслибы звѣзды эти не были наблюдаемы, то никогда нельзя было бы установить ни счастливой жатвы, ни благополучнаго мореплаванія. Мнѣнія поэтовъ не были, разумѣется, плодомъ астрологическихъ ученій; они выражали наблюденія всего народа; наблюденія эти укрѣплялись потомъ практикой. Въ отдаленную эпоху народныхъ и поэтическихъ воззрѣній на звѣздное небо еще не было календаря, какъ искусственно составленнаго указателя атмосферныхъ явленій. Но еще въ ту отдаленную пору различаемы были дни, въ которые слѣдовало или не слѣдовало предпринимать то или другое хозяйственное дѣло. „Осьмой и девятый дни“, говоритъ Гезіодъ, „въ которые луна замѣтно возрастаетъ, благопріятны для человѣческихъ дѣлъ. Въ одиннадцатый день полезно стричь овецъ, въ двѣнадцатый—жать на поляхъ спѣлые колосья. Но двѣнадцатый день благопріятнѣе одиннадцатаго. Въ тринадцатый день наставшаго мѣсяца не бросай въ землю хлѣбныхъ сѣмянъ ²⁾). Между другими вопросами жизни всегда и вездѣ былъ важенъ вопросъ о женитьбѣ. Для нея назначались только нѣкоторые дни, какъ наиболѣе счастливые. Въ четвертый день мѣсяца, говоритъ поэтъ, вводи супругу въ домъ твой... Избѣгай дней пятыхъ—они трудны и тяжелы. Въ седьмой день средней трети мѣсяца слѣдуетъ старательно очищать на гумнѣ священныя дары Цереры. Дровосѣкъ долженъ тогда рубить деревья, годныя для постройки домовъ и кораблей. Девятый день

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ἐργα καὶ ἡμέρα, v. 770 и слѣд.

первой трети мѣсяца... благоприятствуетъ садкѣ деревь и рожденію дѣтей обоого пола“ ¹⁾). Весь трактатъ свой о дняхъ добрыхъ и злыхъ, въ связи ихъ съ человѣческими трудами, Гезіодъ заключаетъ слѣдующими замѣчательными словами: „Указанные дни приносятъ жителямъ земнаго шара великую пользу. Другіе, напротивъ, несчастливы... Немногимъ сіе извѣстно: одинъ день бываетъ мачихой, другой — родною матерью“ ²⁾). Произведенія римскихъ поэтовъ богаты указаниями на то, какъ глубоко проникли въ духъ Римскаго народа вѣрованія въ зависимость человѣческой дѣятельности отъ времени счастливаго или несчастливаго. По неопредѣленному состоянію неба, говоритъ Вергилій, слѣдуетъ предугадывать бури и то, когда нужно пускаться въ бѣгнущее море и когда спускать въ него вооруженные корабли ³⁾). Что касается до тѣхъ вещей, которыя сѣются, садятся, прививаются, то-есть, когда садовники стараются врѣзать или приростить сѣмя другого дерева къ влажной корѣ, то все это дѣлается благовременно при возрастаніи луны ⁴⁾). Стало быть, благоприятными днями для расадки и прививки деревь считались дни молодаго мѣсяца. Свою жизнь человѣкъ также связывалъ съ небесными свѣтилами съ тѣхъ поръ, какъ ослабла въ немъ вѣра во вліяніе боговъ на эту жизнь. По различію звѣздъ различались дни и часы, которые каждый долженъ былъ замѣчать въ жизни своей. Сатирикъ римскій Персій былъ связанъ неразрывною дружбою съ философомъ Корнуптомъ; между ними было большое сочувствіе. Это обстоятельство поэтъ объясняетъ вліяніемъ звѣздъ. „Не сомнѣвайся“, говоритъ онъ другу, „въ томъ, что день рожденія насъ обоихъ совпалъ какъ-бы по предварительному точному договору и ведетъ начало отъ одной звѣзды. Одно изъ двухъ: или Парка, неизмѣнная въ истинѣ, взвѣсила нашу жизнь на равныхъ вѣсахъ, или же одинаковые жеребьи, брошенные судьбою въ счастливые дни, она раздѣлила на насъ двоихъ. И тяжелую звѣзду Сатурна мы переносимъ вмѣстѣ, благодаря покровительствующему намъ Юпитеру (звѣздѣ). Не знаю навѣрно, какая звѣзда соединяетъ меня съ тобою“... ⁵⁾). Всѣ подобія вѣрованія были сильны въ практической жизни народовъ Европы; ихъ держались

¹⁾ Тамъ же, 800 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, 820 и слѣд.

³⁾ Vergil. Georgic., I.

⁴⁾ Тамъ же, II.

⁵⁾ Pers. Satira V.

задолго до той поры, когда сформировалось ученіе астрологовъ. Эти послѣднія были доступны грамотному меньшинству; большинство же жило тѣми вѣрованіями, которыя переходили изъ рода въ родъ по преданію и этимъ путемъ дошли до новѣйшихъ временъ. Извѣстно, какъ сильно обличали эти вѣрованія многіе изъ учителей христіанской церкви, видѣвшіе повсемѣстное распространеніе ихъ. „Соблюдаютъ дни“, говоритъ св. Амвросій Медиоланскій, „которыя говорятъ: завтра не слѣдуетъ никуда отправляться, послѣ завтра не нужно ничего начинать, и т. д. Наблюдаютъ и мѣсяцы тѣ изъ васъ, которые говорятъ: не уѣзжай, потому что день теперь счастливый, ибо луна течетъ такъ..., или уѣзжай, потому что проходитъ счастливый день, потому что такое и такое положеніе звѣздъ... Не буду въ этомъ мѣсяцѣ торговать, потому что такая-то звѣзда указываетъ для меня мѣсяцъ, не буду садить виноградника потому-то...“ Въ другомъ мѣстѣ этотъ учитель говоритъ: „Также поступаютъ тѣ, которые въ извѣстные дни или мѣсяцы желаютъ или не желаютъ что-либо дѣлать; по такимъ фальшивымъ людскимъ толкамъ признается многими время счастливое или несчастливое“. Изъ повѣрій новаго времени епископъ Маіола указываетъ на слѣдующія: Въ извѣстные дни многіе касаются огородныхъ растений голікомъ, чтобы не вредили этимъ растеніямъ различныя насѣкомыя. Одни не хотятъ обрѣзывать ногтей въ день Венеры (die Veneris) или мыться въ банѣ въ субботу; другіе цѣлый годъ берегутъ яйца, которыя снесутъ куры въ день Параскевы (die Parascevis), ибо вѣрятъ, что яйца тѣ обладаютъ силою тушить пожары, если будутъ брошены въ огонь ¹⁾.

Слѣдя за вѣрованіями русскими, нельзя не замѣтить въ нихъ стремленія нашихъ предковъ подвести извѣстные дни, часы и мѣсяцы подъ теченіе небесныхъ планетъ, особенно подъ разные фазы луны, имѣвшей, по общему мнѣнію, вліяніе не только на жизнь и здоровье человѣка, но и на всѣ занятія его. Всѣ эти вѣрованія темны, глухи, неопредѣленны; и новыя календари, особенно Брюсовъ, дали имъ болѣе ясную и точную форму. Исторія этихъ народныхъ русскихъ вѣрованій длинна; невозможно указать начала ея. Русскій проповѣдникъ XIII вѣка говоритъ о народныхъ календарныхъ примѣтахъ, какъ о дѣлѣ общераспространенномъ и обыкновенномъ. „Егда кая на насъ казнь отъ Бога прійдетъ, то болѣе прогнѣваемъ, извѣсти владуче, того ради ведро, сего дѣля дождь, того дѣля жито

¹⁾ Dies Caniculares, стр. 572—573.

не родить, и бываете строители небесней твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите“ ¹⁾). Кромѣ наблюденій, близкихъ къ земледѣльческому хозяйству, издавна слагались у нашихъ предковъ наблюденія за временемъ для лѣченія болѣзней. Многія зелья могли цѣлить человѣческіе недуги лишь тогда, когда въ извѣстный день были собираемы, приготовляемы и въ извѣстный день принимаемы больнымъ. Въ одномъ древнемъ сборникѣ говорится: „Прахъ отъ раковъ спаленныхъ, когда солнце есть въ знаменіи льва и луна ветхая въ день осьминадцатый, угрызение отъ пса бѣшенанаго врачуетъ“. Въ одномъ зелейникѣ Соловецкой бібліотеки имѣется слѣдующая замѣтка: „Аще который человекъ чахнетъ хода, ни оживеть, ни умретъ, — мая мѣсяца въ 5-й день зарѣзати корову въ брюхо—минетъ его“ ²⁾....

Дѣленіе дней на счастливые и несчастливые у народовъ Славянскихъ и въ частности у Русскихъ основывалось сначала на простыхъ, случайныхъ замѣткахъ. Во многихъ изъ подобныхъ замѣтокъ едва-ли можно видѣть какія-либо разумныя основанія; они возникали какъ-бы на-угадъ, безъ всякихъ соображеній, какими руководились книжники-звѣздоznатцы. Таковы, напримѣръ, замѣтки о дняхъ въ Святославовомъ сборникѣ: Марта 31: сладко яждь и пій; апрѣля 30: рѣпы не ѣжь; мая 31: поросяте не яждь; іюня 30: въ часъ второй пій воды мало; октября 30: не мыйся часто, и т. д. ³⁾. Такого же характера сказаніе о дняхъ, въ нихъ же достоинъ отъ всего хранитися: не врачевати человекъ, ни скоть, ни кровь пушати, ни браковъ творити, ни дѣтей учити, — но блюстися ихъ всегда. Слѣдуетъ перечень самыхъ дней ⁴⁾. Но есть въ древне-русской письменности и такія замѣтки о дняхъ, изъ которыхъ ясно видна зависимость дней отъ свѣтилъ небесныхъ. Степеню вліянія этихъ свѣтилъ опредѣляется степень успѣшности или пригодности хозяйственныхъ предпріятій и лѣварственныхъ операцій: Наставшаго мѣсяца небеснаго—въ 1-й день до 9-го часа сѣяти и садить добро, и волосы урѣзати, тонцы и гладци бывають. А 2-й день сухъ, а не червень; лѣсъ сѣчи и отрасли урѣзати.... Или 13, 14 и 15-й день не червень; лѣсъ сѣчи добро, донелѣ аще солнце застанеть, луну не зашешу.... добро тогда скоть теребить, тучень бываеть, кони лѣниви.... Въ па-

¹⁾ Слово препод. Серапіона, еп. Владимірскаго.

²⁾ Сборникъ Солов. библ. № 889, стр. 152.

³⁾ Ложныя и отреч. книги, собр. *Пылинымъ*, стр. 159.

⁴⁾ Тамъ же.

тѣмъ же день мѣсяца пиво варить ¹⁾). Древніе грамотники писали „о еже кровь пушати, когда подобаетъ, и когда не пушати. Въ 1-й день мѣсяца, когда звѣзда полезна будетъ и день — утрѣ пушай, 2-й полудни—пушай“ ²⁾). Дни для кровопусканія были важными днями въ жизни древняго человѣка. Не слѣдовало поэтому ошибаться во дняхъ, которые благоприятствовали этой важной операціи нашихъ древнихъ хирурговъ, иначе цѣль кровопусканія не будетъ достигнута. Съ точностію велся счетъ этимъ счастливымъ для кровопусканія днямъ, и ради важности самого дѣла давалась иногда важная обстановка ему. „Юля въ 10-й день 1664 года великій государь Алексѣй Михайловичъ легчился въ комнатѣ: билъ жилу Соколь, и на государѣ была алая ферязь, атласъ бѣлъ, исподъ пупки соболы. Рука была связана тафтою бѣлою“.... Далѣе подробно описанъ весь ходъ дѣла ³⁾). Указывая дни злые, древніе грамотники пророчили о неудачахъ и бѣдахъ, которыя сбывались въ тѣ злополучные дни: въ мѣсяцехъ по два дни злыхъ, въ тѣ дни никакого дѣла не зачинай: сентября 27, октября 28 и проч. ⁴⁾). Не увѣренные сначала во вліяніи небесныхъ тѣлъ на ходъ самаго времени, на различіе добрыхъ и злыхъ дней, грамотники дѣлали оговорку, при своихъ толкахъ о злыхъ дняхъ: понеже дніе сіи отъ Бога учинени суть ⁵⁾). Когда же сильнѣе овладѣла грамотниками мысль о вліяніи звѣздъ на человѣческую жизнь, они начали заговаривать о той великой премудрости, благодаря которой человѣкъ можетъ наблюдать за звѣздами: „Сіе есть великая премудрость, аще кто добре гораздъ и разумѣть мѣсячному народенію той, и кій кругъ водить сія звѣзда чигирь“ ⁶⁾). По положенію этой звѣзды совѣтуется каждому рѣшиться на ту или другую дѣятельность: Аще кому ѣхати или ити куда или селитися, смотри, на которую страну та звѣзда стоитъ: аще она станетъ противу, и ты противу ея не ѣзди никауда и проч. Подробнѣе о родѣ занятій, какимъ не благоприятствуетъ та звѣзда въ извѣстные дни, говорится: 1-й, 11-й и 21-й — въ тѣ дни стоитъ на востоцѣ, храмины не ставь, главы не голи; 2-й, 12-й, 22-й — въ тѣ дни стоитъ межъ востокомъ и

¹⁾ Тамъ же, 160.

²⁾ Тамъ же 160.

³⁾ *Москвитянинъ* 1844, № 1, стр. 265.

⁴⁾ Замятки *Лыпина*: „Дни добрые и злые“.

⁵⁾ *Тихомировъ*, Памятники, II, 386.

⁶⁾ *Востоковъ*, Опис. Рум. муз., стр. 15.

полудни. Съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курча и безплодны; 3-й, 13-й, 23-й—въ тѣ дни стоитъ на подднѣ: не купаться, не въ лазню не ходи, лихо не добро некогда переполохъ будетъ ¹⁾...

Ученіе о связи дней добрыхъ и злыхъ съ хожденіемъ и стояніемъ звѣзды чигиря не было достояніемъ массы. Только записные грамотники могли понимать это ученіе. Тѣмъ не менѣе, оно нравилось всѣмъ, близко подходя подъ складъ народныхъ воззрѣній, выработанныхъ путемъ вѣковыхъ практическихъ наблюдений. Наблюденія эти имѣли самую тѣсную связь съ хозяйственнымъ бытомъ челоуѣка. И зори смотрять—небо дряклетъ, ведро будетъ; замѣчаетъ индексъ народныхъ вѣрованій ²⁾. При сильномъ желаніи проникнуть въ тайны міра, сильно было у предковъ нашихъ увлеченіе запретными тетрадами, въ коихъ трактовалось о вліяніи небесныхъ свѣтилъ на судьбу челоуѣка и на всю его дѣятельность. Составители и знатоки этихъ тетрадей обращали на себя вниманіе простой, безграмотной среды, какъ на вѣщихъ прорипателей, недалекихъ, пожалуй, и отъ силы нечистаго. Брюсовъ календарь тѣмъ и привлекъ къ себѣ общее вниманіе, что въ немъ на ряду съ ученіемъ астрологовъ указаны были вѣрованія стародавнія, которыя проникали въ практическую жизнь каждаго. Календарь искусно формулировалъ то, что не представляло цѣльности и ясности, а понималось каждымъ по-своему. Астрологическое ученіе вошло въ календарь Брюса изъ источниковъ письменныхъ, но у послѣднихъ было много общаго съ вѣрованіями Русскаго народа. Календарь объединилъ и то, и другое и прикрылъ все однимъ именемъ лица, относительно котораго были также въ ходу чудесныя сказанія. Съ этой стороны календарь Брюса представляется любопытнѣйшимъ памятникомъ нашей письменности, въ которомъ указаны русскому обществу, въ возможной полнотѣ и ясности, астрологическіе толки, извѣстные другимъ народамъ древняго и новаго міра. Въ эпоху реформы, сближавшей Русь съ Западомъ, когда реформаторъ хотѣлъ ознакомить своихъ подданныхъ съ міросозерцаніемъ западныхъ сосѣдей, когда онъ настойчиво и торопливо передавалъ имъ произведенія западной науки, Брюсовъ календарь представляется одною изъ тѣхъ нитей, какими связывались самобытно-русскія вѣрованія съ ученіями Запада. Оказалось, что и въ этой области было много общаго и родственнаго у нашихъ предковъ съ

¹⁾ *Востоковъ*, *Опис. Рум. муз.* 15.

²⁾ *Опис. Рум. муз.*, 551.

народами западной Европы. Календарныя положенія не были неслыханною новостію для Русскихъ; напротивъ, они потому и обратили на себя общее вниманіе и возбудили удивленіе, что слишкомъ близко подошли къ заманчивымъ, да къ тому же и запретнымъ, вѣрованіямъ русской старины. Какъ ни строго осуждалась эта старина христіанскимъ ученіемъ, какъ ни грѣховна была она предъ судомъ христіанскаго благонравія, она все-таки крѣпко держалась въ русской жизни, и книжныя произведенія отреченнаго характера, преслѣдуемыя властями духовными и мірскими, еще сильнѣе поддерживали ее съ своей стороны. Отреченныя астрологическія тетради были любимымъ чтеніемъ большинства нашихъ грамотниковъ. Брюсовъ календарь далъ этимъ тетрадямъ право безопаснаго существованія въ преобразованной Россіи. Русскій ученый, составлявшій его, и хитрый Нѣмецъ, надзиравшій за составленіемъ, закрѣпили за русскими понятіями то, что издавна входило въ кругъ ихъ и что, съ другой стороны, тѣсно связано съ жизнію образованнаго Запада. Съ этой стороны книга Брюса заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія. Мы не будемъ подробно излагать астрологическихъ и календарныхъ ученій, а уважемъ только на тѣ изъ нихъ, которыя вошли въ календарь.

Записывать и сохранять всѣ явленія, которыя составляютъ содержаніе календарей, было общею потребностію каждаго народа, съ самой ранней поры его жизни. Къ этому побуждала каждаго человѣка самая внѣшняя природа. „Великолѣпное зрѣлище неба“, говоритъ ученый естествоиспытатель, не можетъ не привлекать къ себѣ вниманія даже дикари, который, какъ человѣкъ, не лишенъ способности чувствовать красоты природы; смотря на небо, нельзя не замѣтить явленій, происходящихъ въ опредѣленномъ порядкѣ и заключенныхъ въ опредѣленныхъ періодахъ. Съ распространеніемъ образованности, началось почти общее желаніе имѣть предварительныя свѣдѣнія о всѣхъ годичныхъ небесныхъ явленіяхъ“ ¹⁾. Плодомъ такого желанія были всѣ календарныя замѣтки. Но этого мало. „Состояніе нашего тѣла, его здоровье и болѣзни много зависятъ отъ перемѣнъ атмосферныхъ, особенно отъ перемѣнъ крутыхъ, неожиданныхъ возмущающихъ астрономическій порядокъ времени года, эти перемѣны дѣйствуютъ на животныхъ и растенія. Итакъ, онѣ прямо и косвенно или возвышаютъ, или уменьшаютъ наше благосостояніе матеріальное.

¹⁾ См. статью *Перевощикова* въ *Магазинъ Землевод. и путеш.*, изд. *Фролова*, т. III. стр. 510.

Систематическое обзорѣніе метеорологическихъ явленій каждаго прошедшаго года съ точными указаніями состоянія здоровья, урожаевъ хлѣба, травъ и плодовъ, не можетъ не принести пользы и городскимъ и сельскимъ жителямъ¹⁾). Это новое содержаніе календаря и новое доказательство его полезности, даже необходимости для народа. Съ развитіемъ политической жизни народа, интересуютъ его и долго помнятся тѣ событія, которыя послужили и впредь могутъ служить къ славѣ или безславію, силѣ или ослабленію народа. Эти событія записывались и приурочивались въ извѣстному опредѣленному времени или къ героямъ, которые ознаменовали себя знаменитыми подвигами въ то, а не въ другое время. Самымъ высшимъ почетомъ для этихъ героевъ у Римлянъ было обыкновеніе давать имена ихъ извѣстнымъ мѣсяцамъ. Такъ, для увѣковѣченія памяти Цезаря нашли необходимымъ назвать его именемъ пятый мѣсяць римскаго календаря. Въ память многочисленныхъ услугъ имперіи, оказанныхъ Августомъ въ теченіе шестого мѣсяца, этотъ мѣсяць былъ названъ его именемъ. Такая честь была рѣдкою. Отсюда тѣ попытки, которыя дѣлали Тиберій, Клавдій, Неронъ, Домиціанъ, чтобы вписать свои имена въ календарь. Такимъ образомъ, въ римскій календарь внесенъ былъ личный интересъ сильныхъ людей, желавшихъ увѣковѣчить память о себѣ въ лѣтосчисленіи. Это лѣтосчисленіе, отъ котораго ждалъ Римлянинъ себѣ счастья или несчастья, сдѣлалось потомъ орудіемъ нравственной порчи и обмана. По свидѣтельству Цицерона, жрецы употребляли во зло данное имъ полномасіе и произвольно сокращали продолжительность магистратуры своихъ враговъ и продолжали ее для друзей; ускоряли и продолжали срокъ уплаты долговъ; помогали откупщикамъ дѣлать барыши, или усугубляли ихъ убытки.

Календарь христіанскихъ народовъ не игралъ такой роли, какъ римскій. Главный интересъ его держался на церковномъ времѣсчисленіи; впрочемъ, издавна рядомъ съ пасхальными таблицами шли замѣтки чисто мірскаго характера. Долго такимъ образомъ держалось двоевѣріе и въ календарѣ. Оно вошло и въ календарь Брюса. Въ немъ вмѣстѣ съ пасхальными выкладками для распредѣленія христіанскихъ праздниковъ, вмѣстѣ съ молитвами къ дивному Богу, во святыхъ своихъ, Богу Израилеву и Господу Иисусу, идутъ главы, содержаніе которыхъ взято изъ ученій еллинскихъ и еретическихъ. Еще раньше проповѣдникъ жаловался, что неистовыя челоуѣды за-

¹⁾ Тамъ же.

бываютъ Бога, спасающаго насъ, и оставляютъ Творца своего помощь и послѣдуютъ прежнему еллинскому и еретическому злонравному обычаю, понеже нынѣ, въ настоящемъ времени, мнози неразумніи челоѣвѣцы оплазивымъ своимъ разумомъ вѣрують въ небесное движеніе, рекше во звѣзды и мѣсяць, и расчитываютъ гадианіемъ, потребныхъ ради и миролюбивыхъ дѣлъ, роженіе мѣсяцу, рекше, молоду; иніи жъ усматриваютъ полнога мѣсяца и въ то время необходимая своя сотворяютъ; иніи жъ изжидаютъ ветхаго мѣсяца, иніи жъ ущерба, сирѣчь перекроя... Они двори строятъ въ нароженіе мѣсяца иніи жъ въ ти времена женитвы и посланія учреждаютъ... Итакъ неразумніи челоѣвѣцы несвершеннымъ своимъ разумомъ увѣряють себе въ переходныя звѣзды, рекше въ зодейныя... и семь звѣздъ большихъ планидъ, понеже ищутъ дней роженій своихъ и сановъ полученіе, въ нихъ же ищутъ рока житію и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и возней въ службахъ и куплехъ, и въ ремеслехъ и въ иныхъ строеніихъ... еретицы отъ бѣсовъ такій плевель всѣща невѣгласомъ и неразумнымъ и буймъ душамъ на пагубу ¹⁾. Такія улыби и жалобы слышались въ ту пору, когда проповѣдники и учителя считали календарныя изчисленія дѣломъ окаяннымъ и богомерзкимъ, возможнымъ для невѣгласовъ и неразумныхъ буйхъ душъ. Между ними и ученіемъ отъ божественнаго не было и не могло быть ничего общаго. Календарь Брюса ставитъ всѣ запретныя вѣрованія рядомъ съ ученіемъ христіанскимъ. Въ этомъ сказалось новое время, новыя взгляды людей реформы на ученіе челоѣвѣческой мудрости, прежде гонимой и осуждаемой. Черезъ календарь Брюса ученіе астрологовъ нашло себѣ безбоязненный кредитъ въ русскихъ людяхъ, по крайней мѣрѣ, въ передовыхъ дѣятеляхъ того времени. Самъ императоръ стоялъ во главѣ ихъ. Извѣстна его любовь къ астрономіи, его личныя наблюденія надъ звѣзднымъ небомъ, его заботливость о распространеніи въ Россіи книгъ астрологическаго содержанія. Такимъ стремленіемъ государя больше другихъ содѣйствовалъ Брюсъ, мужъ, по выраженію Татищева, высокаго ума, остраго разсужденія и острой памяти ²⁾. Брюсъ снабжалъ Петра астрологическими сочиненіями; изъ нихъ многое вошло въ календарь.

Календарныя ученія основывались на толкахъ древнихъ и новыхъ

¹⁾ *Лѣтописи*, изд. Тихонравова, т. V, стр. 99.

²⁾ *Пекарскаю Наука* и лѣт. при Петрѣ, стр. 303.

астрологовъ о вліяніи планетъ небесныхъ на атмосферу, на многія явленія природы и на самого человѣка:

Седмь бо планетъ дѣйство намъ показываютъ,
 Всякаго лѣта качество сказуютъ,
 Разныхъ убо вещей измѣненія,
 Въ четырехъ временахъ премѣненія:
 Яко же бо въ веснѣ, тако и въ лѣтѣ,
 Еще же въ осени и въ самой зимѣ
 Напослѣдъ убо скорби объявляютъ,
 Еже бо человѣкомъ ся сключаютъ ¹⁾.

На основаніи такихъ взглядовъ вся древность вѣрила, что и въ рожденіи человѣка самую важную роль играютъ солнце и луна. Нужно было поэтому изчислить часы и дни, опредѣлить степень вліянія на рожденіе или зачатіе человѣка небесныхъ тѣлъ, и послѣ того, вывести смѣлое заключеніе о природныхъ свойствахъ человѣка, объ его счастья или несчастья, удачахъ въ однихъ дѣлахъ и неудачахъ въ другихъ. Основаніемъ такого ученія служило мнѣніе, приписанное Аристотелю. Человѣка рождаетъ человѣкъ и солнце. Ибо все, какъ поясняетъ эту мысль астрологъ Левинъ, что только существуетъ, благодаря влагѣ и теплотѣ, и что отъ нихъ должно получать свою законченность, все находится въ зависимости отъ движеній солнца и луны. Земледѣльцы, наблюдая это, рубятъ дрова въ то время, когда луна скрылась; это для того, чтобъ они менѣе подвергались порчѣ отъ гнилости и червей, такъ какъ въ это время въ деревѣ бываетъ менѣе влаги ²⁾. Степѣнью вліянія на рожденіе человѣка свѣтилъ и влаги опредѣлялось значеніе того фатальнаго часа (*hora fatalis*), который въ свою очередь обусловливалъ весь ходъ человѣческой жизни.

Несостоятельность этого ученія доказывали очень немногіе скептики XV вѣка; но и эти немногіе не вполне отрѣшились отъ вѣковыхъ убѣжденій. Астрологъ, говоритъ знаменитый Пика Мирандола, не всегда можетъ знать опредѣленный часъ рожденія, не можетъ объяснить его чрезъ вѣрное средство, не въ состояніи узнать того момента, въ который кто-либо рождается. Развѣ не можетъ онъ, вооружившись (*accinctus*) астрологіей, измѣрить небесныя свѣтила въ ту пору, когда младенецъ появляется на свѣтъ? Но и это можно сдѣлать

¹⁾ Тамъ-же, 306.

²⁾ *Levini Lemnii de Astrologia, lib. (p) 12.* Сборникъ XVI вѣка латинскихъ и нѣмецкихъ статей.

весьма рѣдко. Ибо не всегда рожденіе бываетъ по волѣ нашей, какъ на примѣръ, бываетъ оно ночью, при облачномъ небѣ... Самъ Мирандола приводитъ въ подкрѣпленіе своихъ соображеній слѣдующія слова Авенродана: „Нѣтъ, и можетъ быть, никогда не было вѣрнаго инструмента, который своимъ наблюденіемъ надъ моментомъ рожденія могъ бы показать что-нибудь ясное. Значеніе гороскопа было всегда шатко“ ¹⁾). Не смотря на это, древніе астрологи, слѣдили за фазами луны, чтобы видѣть отношеніе этого свѣтила къ явленіямъ природы. Особенно важно было для нихъ рожденіе человѣка. Прежде всего вліяніемъ свѣтила объясняли зачатіе младенца въ мужскомъ или женскомъ полѣ. Полнолуніе, на примѣръ, считали временемъ, которое благоприятствовало больше рожденію самцовъ или дѣтей мужскаго пола, чѣмъ самокъ и дѣвочекъ. Въ полнолуніе, говоритъ Пика Мирандола, истекаютъ болѣе влажные соки, отъ чего и родится больше мужскихъ плодовъ, чѣмъ женскихъ, больше мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ ²⁾). Изслѣдуя вопросъ о вліяніи на рождающагося человѣка небесныхъ свѣтилъ, астрологи находили, что люди, рождающіеся въ разное время года, подъ разными планетами, бываютъ разныхъ темпераментовъ. Вотъ какъ толковали объ этомъ средневѣковые ученые: По времени рожденія дитяти заключай, отъ чего происходитъ то, что нѣкоторые изъ дѣтей бываютъ живы, добры, стройны, способны къ жестикуляціямъ и съ характеромъ совершенно комическимъ; а по внѣшнимъ примѣтамъ эти дѣти сочны, имѣютъ яркій цвѣтъ лица, выраженіе глазъ ласковое, лицо благообразное и миловидное,—далѣе: отверстіе рта у нихъ имѣетъ красивое устройство, лицо не искривленное, лобъ не суровъ и не нахмуренъ, губы не выдаются безобразно впередъ и не вздуты, зубы не высунулись. А что касается до глазъ, чертъ лица и до вида всего тѣла,—они вполне любезны и граціозны ³⁾). Галенъ людямъ этого сложенія приписываетъ ровный и соразмѣрный темпераментъ, потому что, благодаря этому темпераменту, сохраняются цѣлыми и неповрежденными всѣ способности какъ тѣлесныя, такъ и душевныя. Другія же дѣти совсѣмъ непохожи на первыхъ: они молчаливы, задумчивы, унылы и смиренны не по лѣтамъ. Наконецъ, цвѣтъ лица у нихъ блѣдный и хуже блѣдно-желтаго, взглядъ суровый, лобъ

¹⁾ Pici Mirandulae Opera. Edit. 1504 г. Liber IX, cap. II.

²⁾ Ibid.

³⁾ Liber III, fol. CXXXVIII, cap. XIV.

⁴⁾ De Astrologia Levin. Lemnii, lib. 10.

сморщенъ ¹⁾). Они, по выраженію Персія, наклона голову внизъ и потупивъ глаза въ землю, ворчатъ про себя и остаются въ неистовомъ молчаніи и вѣшаютъ свои слова на отвислой губѣ ²⁾). Всю эту разницу въ свойствахъ человѣка ученые объясняли различнымъ состояніемъ планетъ, имѣвшихъ вліяніе на зачатіе и рожденіе человѣка. Отсюда, по словамъ астрологовъ, многіе родители поставили себѣ за правило избѣгать другъ друга въ нѣкоторые несчастные дни и въ знаменія ³⁾). Вредными считались въ дѣлѣ рожденія и личныя неблагоприятныя состоянія родителей, когда умъ ихъ помрачался гнѣвомъ, печалью или другою какою-либо страстію. Этимъ объясняли наслѣдственность характеровъ. Въ доказательство истинности такого объясненія ученый Левинъ Лемній приводитъ мѣсто, между прочимъ, Діогена. Онъ, увидѣвъ однажды развратнаго юношу, будто бы сказалъ: тебѣ отецъ зачалъ въ пьяномъ видѣ (ebrius) ⁴⁾). Изъ небесныхъ созвѣздій каждому приписывалась особая сила, которою созвѣздіе это вліяло на человѣка благоприятно или неблагоприятно. Такъ, Марсъ дѣлаетъ людей желчными, раздражительными, вспыльчивыми и производитъ своего рода болѣзни... Сатурнъ будто бы производитъ людей меланхолическаго темперамента, угрюмыхъ, тяжелаго характера, любящихъ язвить другихъ словами и склонныхъ къ лихорадкѣ, возобновляющейся въ четвертый день ⁵⁾). Различное вліяніе небесныхъ знаковъ перенесли потомъ на времена года и находили въ каждомъ изъ нихъ свои особныя черты, отражавшіяся и на человѣкѣ. Черты эти обязывали каждого располагать жизнь свою сообразно съ характеромъ времени. Въ одномъ нѣмецкомъ сборникѣ XV вѣка читаемъ характеристическія черты каждаго времени года примѣнительно къ человѣческой жизни. Лѣто, говорится тамъ, есть второе время года, ясное и жаркое; во время его развивается холерика. Холерики должны беречься мыться, пускать кровь и принимать всякія лѣкарства, должны лучше ѣсть и пить. Или: Осень, третья часть года, холодна и суха. Въ это время усиливается меланхолія; слѣдуетъ употреблять хорошее вино, горячую пищу, принимать лѣкарства и пускать кровь, хорошо употреблять кислое, если кто желаетъ быть здоровымъ ⁶⁾). Въ силу этихъ взглядовъ вѣрившіе

¹⁾ Ibid.

²⁾ Persii Satir. III.

³⁾ Levin. Lemn., lib. II.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Gemeine Practica der weisen von jar zu jar... MDXXX. (Сборникъ XVI вѣка).

въ астрологию обращали вниманіе на то, въ какую часть года родился человѣкъ: по характеру времени объясняли характеръ физическихъ и моральныхъ свойствъ человѣка и образъ его жизни, какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ состояніи. Такія же наблюденія дѣлались потомъ относительно мѣсяцевъ. Всякій изъ нихъ отмѣченъ былъ своими особыми чертами, опредѣлявшими образъ человѣческой жизни. Въ мѣсяцъ январь, учили книжки, хорошо выпивать вина на-тощагъ, нужно употреблять на-тощагъ теплые плоды или коренья... кровь пускать изъ лѣвой руки не хорошо... Или: въ мартѣ каждый долженъ часто мыться и купаться, употреблять сладкую пищу и сладко пить, напимѣръ медъ... хорошо кровь пускать изъ большого пальца ¹⁾. Далѣе, западные книжники ставили подъ вліяніе планетъ каждый день недѣли и даже каждый часъ дня, подводя подъ нихъ извѣстные роды человѣческой дѣятельности. Замѣтъ, учить Альбертъ Великій, что каждое дѣйствіе твое должно быть подъ своею планетой. Гораздо лучше, если оно будетъ выполнено въ извѣстный день или часъ, во время извѣстной планеты. При знакѣ Сатурна—дорога, стройка, ученье и пр.; при Юпитерѣ—почесть, богатства, одежда и пр.; при Марсѣ—война, тюрьма (carcer), супружество, врагъ; при Меркуріи—болѣзнь, потеря, долгъ, страхъ, и т. д. ²⁾.

Подобные взгляды на различіе времени и человѣческой дѣятельности по различію планетъ извѣстны были и нашимъ предкамъ задолго до Брюсова календаря. Только свѣдѣнія эти были мало распространены по малочисленности грамотниковъ и потому, что письменность этого рода была преслѣдуема. Но не смотря на запрещеніе такихъ книгъ, онѣ сильно интересовали вкусившихъ книжной сладости. Въ Луцидаріусѣ довольно вопросовъ касательно разсматриваемаго нами предмета. „Ученикъ рече: коего естества суть звѣзды? Учитель рече: сіе вѣдомо отъ писанія, еже душа приходитъ отъ Бога преже человѣка вольна бываетъ, сиче есть Богъ надъ всѣми звѣздами, и яко убо душу блюдетъ подъ твердію, и кая убо планита ближайши есть ей, отъ тое убо приѣмлетъ человѣкъ свое роженіе. Ученикъ: откуда тако сіе? Учитель рече: нѣкія планиты и звѣзды суть студены естествомъ, нѣкія волглы, нѣкія сухи; тѣ самыя естества приѣмлетъ человѣкъ отъ звѣздъ. Который человѣкъ студенаго

¹⁾ Gemeine Practica (страницы не указываются, потому что онѣ не указаны въ книгѣ).

²⁾ Liber III Alberti Magni (страницы не указаны въ Сборникѣ).

естества и сухаго, той молчаливъ и невѣренъ, а который студенаго и волглаго естества, той глаголивъ и вся борзо выскажетъ, а который сухаго и горячаго естества, той есть дерзъ и храбръ и имать любовь на всякія жены и непостояненъ въ любви. И того ради пишутъ, яко планита Марса горячаго и сухаго естества, та дѣйствуетъ брани и нестроения и истязуетъ паче всѣхъ нечистоту“¹⁾). Авторъ Луцидаріуса захватываетъ вопросъ глубже обыкновенныхъ взглядовъ астрологовъ. Онъ объясняетъ будущую міровую катастрофу связью міра съ планетами. Небесное естество, говоритъ онъ, толь крѣпко, еже земляному одолѣваетъ и луна пріемлетъ мощь отъ солнца, и не дивися еже міръ судится по лунѣ, отъ четырехъ бо составъ сотворена.... Луна есть меньшая планета и течетъ всѣхъ низайши къ земли. Того ради судится весь міръ по ней. Подробности о планетахъ и переменнахъ времени сообразно съ ними разсыпаны по отреченнымъ тетрадамъ нашихъ древнихъ сборниковъ. Такъ, въ статьѣ „О лѣтномъ обхожденіи и воздушныхъ премѣненіихъ“ подробно указаны теченія планетъ и особенно луны, при чемъ человѣку указаны извѣстный образъ дѣятельности. Укажемъ на два мѣсяца: май: 13-го мая всходитъ луна на столпъ Близнецу, еже есть животно третіе, 12 тихъ планитъ, есть же тепло и студено, посреди воздухъ и вара растительно крови и чермныя желчи; должны есми ясти млеко прѣсно и масло скотіе и ясти былія очистительная, и студены воды пити и врачеватися.... Іюня: отъ 22-го іюнія всходитъ на столпъ Раку и вѣждъ—се понеже луна возносится выше и бываетъ лѣтно знаменіе, занеже снити на Раку еже есть вѣрно животно и сухо; должны убо есми удалятися мокротныхъ снѣдей, ясти елика оцта кисла и не коснѣти въ бани; умывати же и нозѣ студеною водою...²⁾). Въ другой статьѣ „Стихія дванадесятою мѣсяцомъ“ каждый мѣсяцъ отъ своего лица заявляетъ о той дѣятельности, которая прилична ему. Іюнь: Азъ траву серпомъ пожинаю и земледѣлателей предуготовою на жатву и повелѣваю человѣкомъ вкушати воду на всяко утро, за еже тогда умножается чермная желчь, и пользуетъ зѣло пити воду на гладно сердце. Августъ: Азъ повелѣваю ясти овице, и вси страждущи отъ трясавица насыщайтеса пици; удалѣти же подобаетъ всякому отъ лежанія и покоя“³⁾). Въ старинныхъ рукописяхъ указана была вся

¹⁾ *Лѣтописи Русск. Литерат.* т. I. Луцидаріусъ, стр. 56.

²⁾ Памятники Отреч. Русск. Лит. II, 399.

³⁾ Пам. Отреч. Лит. II, 403.

„Мудрость знаменію небесному, почему разсудити планеты небесныя, что на кой годъ будетъ; избрана многими сія премудрость“. „Лѣто 6-е“, напримѣръ, „дѣва, августъ. Благо и дешево будутъ всякіе товары, а будетъ зима тепла, а лѣто дождливо. Аще увидиши 3 звѣзды быстры и красны, полнымъ свѣтомъ, будетъ людемъ добро: аще не полнымъ свѣтомъ, то людемъ всякимъ зло и тяжело будетъ отъ востока, а овоща и меду много будетъ. А кто родится въ ту звѣзду, будетъ силенъ, и живъ, и развратенъ“¹⁾. Подъ каждымъ лѣтомъ и зодіемъ указаны здѣсь черты характера человѣка, родившагося въ ту пору, и пророческія указанія на его жизнь и смерть, въ родѣ слѣдующаго: аще кто родится въ ту звѣзду (Стрѣлецъ), будетъ младенецъ немощенъ, а выростетъ, будетъ предъ царемъ въ чести великой, а кровопроливецъ людемъ; или: аще кто родится тоя звѣзды (Рыбы), будетъ хитръ на всякое дѣло, смерть ему отъ чрева. Родившемуся въ январѣ (Водолей) общается, что будетъ богомолецъ и милостивъ, а смерть ему будетъ отъ желѣза напрасная, и т. д. Въ статьѣ о дняхъ лунныхъ, по изданію г. Тихонравова, прежде всего всякому дню предпосылается какой-нибудь фактъ изъ библейской исторіи Ветхаго Завѣта, и потомъ опредѣляется значеніе того дня относительно рожденія человѣка и житейскихъ его занятій. „Въ первый день луны Адамъ сотворенъ бысть. Той день на все строенъ, купити и продати, и по водѣ плавати, сѣяти и садити и власы урѣзати, тонци и гладци бываютъ.... свадьбы творити, порты вroitи.... Аще родится мужескъ полъ, веселье будетъ и разуменъ во всемъ, мудръ книжникъ будетъ, а долго жити... Тако и женски полъ родится честна и вѣрна своему мужу, а злы невѣстенъ сонъ сбудется. Больному страхъ смерти до трехъ днѣй, аще минетъ ѿвздѣляетъ“. Или: „Въ 3-й день Каинъ родися. Той день золь и лють велими; осуженнаго ради Каина всего блюстися: ни купити, ни продати, ни сѣяти, ни садити; аще свадьба сотворить, скоро разлучится.... Аще родится, образно будетъ, тажебникъ и ротникъ, и клятвенникъ, и гнѣвливъ, мудръ и хитръ всѣмъ злымъ дѣломъ, и скупъ будетъ, и аще старости дойдетъ—добрѣ умереть. Тако женски полъ родится—дерзка многимъ мужемъ будетъ, не будетъ измѣняюща ей....“²⁾.

Сближеніе дней съ историческими событіями извѣстно было древнимъ Египтянамъ, Грекамъ и Римлянамъ, а также и новымъ христіан-

¹⁾ Пам. Отреч. Лит. II, 423.

²⁾ Пам. Отреч. Лит. II, 388.

скимъ народамъ западной Европы. Думаютъ, что у Египтянъ и нѣкоторыхъ народовъ христіанскихъ злополучными днями считались тѣ, въ которые Египтяне были поражаемы Моисеевыми казнями, особенно же тотъ день, въ который Фараонъ погибъ въ морѣ со всѣмъ воинствомъ своимъ ¹⁾. У Грековъ и Римлянъ черными днями считались дни неудачныхъ битвъ. Они помнились и хранились и въ эпоху христіанскую. Какъ бы то ни было, въ древнѣйшихъ христіанскихъ календаряхъ указывались дни, неблагополучные для жизни человѣка, особенно если въ тѣ дни онъ родился. По списку Петра Бреславскаго (Petrus Breslayus) указаны слѣдующіе дни: мѣсяца января 1 и 25, февраля 4 и 26, марта 1 и 28, апрѣля 10 и 20, мая 3 и послѣдній (ultimus), іюня 10 и 17, іюля 13 и 27, августа 1 и 24, сентября 3 и 21, октября 3 и 22, ноября 5 и 28, декабря 7 и 22 ²⁾. Числа нашихъ индексовъ съ указанными въ приведенныхъ цифрахъ не сходятся.

Всѣ указанная нами розысканія ученыхъ астрологовъ и догадки нашихъ грамотниковъ нашли мѣсто въ календарѣ Брюса. Между прочимъ, въ немъ подробно изложено „Предзнаменованіе времени на всякій годъ по планетамъ“. Составители календаря прикрылись въ этомъ случаѣ книгой астролога Іоганна Загана. По планетамъ можно было узнать „не точію знаменованіе времени, но и многихъ расположенныхъ избранныхъ вещей, которыя дѣются отъ каждой сильнѣйшія и господствующія планеты, чрезъ каждый годъ во вся четыре времени всего лѣта“. Въ тетради нашего календаря каждая планета изображена въ человѣческомъ образѣ. Подъ рисункомъ — имя планеты и всѣ примѣты относительно состоянія атмосферы во всѣ четыре времени года, изобилія или скудости хлѣбовъ, скотовъ, птицъ и гадовъ, и наконецъ, относительно здоровья человѣка. Укажемъ на примѣты подъ планетою „Луна“, какъ приведены онѣ въ календарѣ. О погодѣ говорится: „Рѣдкія непогоды, ниже вредныя, обаче необыкновенныя; изліаніе водъ, вѣтры хищящія и зѣло великіе а особливо зимою“. О хлѣбородіи говорится: „Сѣяніе дабы было не послѣпное — овесь, горохъ, больше сочевица, пшено сорочинское помѣрно; гусеницы вредятъ всѣмъ и всякія огородныя овощи, ленъ и конопли не самоуродятся, сѣна обиліе, обаче не въ горахъ; въ лѣто теплѣйшее ячменя множество. Соломы множество, но яроваго и пшеницы не

¹⁾ Majoli—Dies caniculares, p. 573.

²⁾ Dies canicul., p. 573.

столь много; сѣянiе раннее имать быти...“ Относительно того, какой вредъ можетъ быть хлѣбамъ, сказано: „Всякихъ гадовъ множество многое—гусеницы, мышей лѣтомъ множество, черви изъѣдаютъ посѣянный хлѣбъ“¹⁾. Нельзя не видѣть, что вся разбираемая статья календаря составлена въ интересахъ земледѣльческаго класса. О болѣзняхъ въ ней замѣчено: скорби жестокиа, валиціа, а особливо во осени — паралищъ, пухлина на селезенкѣ, болѣзни рожи, недугъ бокоболіе. Овцы и пчелы зимою скоро помирають.

Что касается до участія небесныхъ знаковъ въ рожденіи чело-вѣка и вліянiя ихъ на всю его жизнь — то объ этомъ предметѣ въ календарѣ Брюса сообщены довольно обстоятельныя подробности. Календарь въ этомъ отношеніи подвелъ итогъ всему, что было выработано досужими астрологами, о чемъ трактовали наши отреченныя тетради, и что, кромѣ того, издавна держалось въ практической жизни народа. Въ календарѣ имѣется особая статья „Описание двюнадесяти небесныхъ знаковъ дѣйствъ въ рожденіи чело-вѣческомъ“. Проводимъ описаніе дѣйствъ подъ знакомъ Овна: „Отроча рождшееся между 12 днемъ Марта и 12 днемъ Априліа есть наклоненiя знакъ Овна, отъ естества Марса... мужесваго изряднаго тѣла долговатаго лица и шеи, мало крови имѣеть—круглый образъ, великіа очи, жилы на лбу, кудрявъ и многоволосенъ и любезно глаголив... скорога ума и смысла, скоро гнѣвливъ, нечистъ, не цѣломудренъ, скоролюбивъ къ женамъ и скоро покидаеть; естество его требуетъ трехъ честныхъ женъ: первую младую дѣвицу, вторую вдову или инако не дѣву... чести любитель, славы ищеть.. Болѣзнь или недугъ тѣла бываетъ часто въ ногахъ, въ главѣ или слухъ въ лѣвой сторонѣ.. смерть случится за мужество... Когда солнце въ „Дѣвахъ“, да брежется злыхъ напитковъ и пиць и да не начинается много, — въ „Вѣсахъ“ имѣеть счастье, женится въ „Скорпиі“ и проч. Дѣва рождшаяся въ указанное время... пригожа взоромъ... смѣющающаяся является устами, веселія очи, пригожіа власы на главѣ... болѣзни ея суть болѣзни матерніа чрева и внутренняго... несчастье ея въ рожденіи дѣтей, крѣпко любить мужа своего... случаи болѣзней и смерти содержатся въ земляхъ...“ и пр.²⁾. Такія подробности не могли не интересоватъ читателей Брюсова календаря. Своимъ многостороннимъ содержаніемъ онъ обнималъ всѣ стороны чело-вѣческой жизни; онъ

¹⁾ Календарь, листъ 26.

²⁾ Календарь, листъ 3-й.

сводилъ въ одно цѣлое всѣ разрозненныя и смутныя гаданія отдаленной старины. Эти гаданія, осуждаемыя прежде, какъ ересь и чернокнижіе, въ календарѣ высказаны безбоязно и приписаны одному лицу, какъ величайшему знахарю и чудодѣю. Книга этого знахаря манила къ себѣ любопытныхъ, они беззапретно читали ее, въ сытость удовлетворяя своему любопытству. Безвозвратно прошло то время, когда такое любопытство называли безуміемъ: „Безумніи людие вѣрующе въ 12 звѣздъ волхвуютъ, ищуще дней роженій своихъ, савонъ полученія“ и т. д. Брюсовъ календарь, такимъ образомъ, представляетъ одно изъ тѣхъ многихъ явленій реформаціонной Петровской эпохи, когда многое, непонятное и отвергнутое прежде, усвоилось русскимъ человѣкомъ охотно и небезуспѣшно, когда новая жизнь больше и больше осиливала несостоятельную старину.

Присматриваясь къ содержанію Брюсова календаря, нельзя не замѣтить въ немъ одной важной особенности. Съ одной стороны, замѣчанія его отличаются подробностями и уходятъ въ глубину древне-русскихъ отреченныхъ вѣрованій, обобщая ихъ съ вѣрованіями другихъ народовъ, а съ другой — календарь мало^о касается нѣкоторыхъ изъ древне-народныхъ вѣрованій. Къ числу послѣднихъ относятся вѣрованія народа во влияніе планетъ на политическія событія. На этомъ пунктѣ календарь Брюса разошелся съ прежними календарями, завезенными къ намъ съ Запада. Русскій народъ въ XVIII вѣкѣ такъ же вѣрилъ въ вѣщее значеніе небесныхъ явленій кометъ, разныхъ сіяній, огненныхъ столбовъ, какъ вѣрилъ имъ въ предшествовавшую пору. Составители Брюсова календаря не привели гаданій народныхъ о политическихъ изворотахъ, считая эти гаданія не своевременными для той поры, когда лучшіе люди Русской земли начинали знакомиться съ новыми, трезвыми взглядами на политическія событія, когда самъ императоръ, вѣровавшій въ гороскопъ, мало вѣрилъ въ политическія указанія Фохтова календаря. Онъ, знакомый съ европейскою политикою на дѣлѣ, не могъ интересоваться астрологическими и суевѣрно-народными бреднями о ней. Онъ не стѣснялся пополнять и толковать въ календарѣ Фохта намеки на политику европейскихъ народовъ, поправляя темныя и невѣрныя указанія своими замѣтками. На нѣкоторыя изъ календарныхъ предсказаній царь смотритъ съ ироніей, какъ на свободную игру фантазіи. Такимъ образомъ, календарь Брюса, стоя на грани между реформой и стариною, не отрѣшаясь во многомъ отъ этой старины, дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ впередъ, не останавливаясь много на суевѣрныхъ

толкахъ о политическихъ событіяхъ. Но чтобы видѣть, какъ много было общаго между вѣрованіями Русскаго народа и западными толками о политическихъ комбинаціяхъ, по вліянію планетъ,—укажемъ на нѣсколько западно-календарныхъ ученій объ этомъ предметѣ. Вѣрованія нашихъ предковъ хорошо извѣстны по многочисленнымъ запискамъ Гёттишецевъ, по народнымъ разказамъ, по многимъ отреченнымъ тетрадамъ и по обличительнымъ статьямъ этихъ вѣрованій Максима Грека и другихъ древне-русскихъ писателей.

Во всѣхъ иностранныхъ календаряхъ политическія соображенія занимали самое видное мѣсто. Имъ вѣрила масса, отъ нихъ не могли отрѣшиться и знаменитые ученые Запада. На теченіе звѣздъ они смотрѣли, какъ на причину, правившую всею вселенною и судьбою народовъ. Необыкновенныя явленія на небѣ, особенно явленія длиннохвостыхъ кометъ, считали они знаками грядущихъ несчастій и гнѣва Божія на всю страну. Такія даже личности, какъ Кеплеръ, не отрицали зависимости политическихъ явленій отъ вліянія кометъ. Кеплеръ хотя говоритъ, что астрология *habet multum vanitatis et majore ex parte indigna est*, однако, самъ въ четвертой книгѣ своей „Гармоніи міра“ указываетъ на связь общественно-политическихъ событій съ теченіемъ созвѣздій ¹⁾. Укажемъ только на тѣ изъ подобныхъ ученій, которыя вошли въ западные календари и близки къ вѣрованіямъ древне-русскимъ. Пользуемся предсказаніями на 1587—1589 годы, по статьѣ латинскаго сборника XVI вѣка. По поводу затмѣнія въ 1587 году авторъ прогностика говоритъ слѣдующее: „Дѣйствія этого затмѣнія будутъ велики и ужасны, начнутся въ 1587 году, въ 15-й день мая, и продолжатся чрезъ весь 1588 годъ до апрѣля 1589 года; этимъ затмѣніемъ знаменуется смерть какого-нибудь могущественнѣйшаго царя или правителя и многія несчастія сильныхъ владѣтелей,—знаменуются преслѣдованія въ церкви, возмущенія и ужасы войны.... погибель ученыхъ мужей, развратъ дѣвицъ.... Всѣ эти бѣдствія окажутся въ слѣдующіе три года и какъ бы роємъ устремятся всюду на друзей и на враговъ. Это затмѣніе предвѣщаетъ также многія кораблекрушенія“ ²⁾. Авторъ грозной іереміады такъ искренно и глубоко пораженъ близкими несчастіями, что по поводу ихъ высказываетъ слѣдующія жалобы: „Я удивляюсь и опять удивляюсь, что затмѣніе

¹⁾ *Astrologie (Johann Lanuel Traugott Lehler's Phisikalischer Wörterbuch).*

²⁾ *Judicium astrologicum de futuris eventibus anni 1587, 1588 и 1589. David Herlitz, MDLXXXVI (1586) (страницы не указаны).*

это не было замѣчено въ дневникахъ... Мы спимъ среди бѣдствій и безопасно покоимся на оба уха.... О Боже, избави насъ отъ лукаваго! О Германія, Германія! Сколь много ты увидишь чудеснаго. Хотя я не желалъ бы долѣе жить въ этомъ развращеннѣйшемъ мѣрѣ и въ эти бурныя времена, однако, сильно желалъ бы знать исходъ событій 1587—1589 годовъ, Впрочемъ, да будетъ воля Божія, и да погибнетъ мѣръ со всѣми діаволами. Возстаньте же вы, дѣти земли, не спите болѣе такъ безопасно!...“¹⁾ Авторъ прогностика прямѣе потому указываетъ на политическія явленія и династическія перемѣны, какъ предвѣщали ихъ затмѣніе и извѣстный ходъ планетъ. Онъ говоритъ: „Соединеніе Сатурна и солнца 17-го апрѣля 1587 года и прямой Марсъ 18-го апрѣля принесутъ смертнымъ страшныя извѣстія, и едва ли въ тому времени не предпримутъ что-нибудь относительно Польши, или Турокъ, или Московить.... Тогда же великіе цари подвергнутся тяжкимъ болѣзнямъ и будутъ бороться съ ними съ большою для себя опасностію“. По поводу другихъ сочетаній между планетами, календарь говоритъ о бѣдствіяхъ нѣсколькихъ странъ; „Марсъ возвышается надъ Сатурномъ близъ сѣверной чашечки (prope lancem borealem); это сочетаніе грозитъ Даніи, Швеціи и Польшѣ погибелю великихъ мужей отъ войны и язвы. Особенно же большая печаль будетъ въ Саксоніи.... Соединеніе Венеры и Меркурія въ Скорпіонѣ возвѣститъ не доброе благовѣстіе, но многія бѣдствія, особенно изъ странъ восточныхъ и южныхъ, гдѣ будетъ большой плачь; печаль распространится въ Саксоніи, которая лежитъ гораздо выше...“²⁾ Видно, что грозныя вѣсти прогностика наводили страхъ на довѣрчивыхъ читателей, и авторъ счелъ нужнымъ успокоить робкихъ и отчаянныхъ. Онъ замѣчаетъ слѣдующее: „Я говорилъ такъ, совсѣмъ не желая приводить тебя, читатель, въ отчаяніе. Ибо я не такой, чтобы желалъ изъ души твоей исторгнуть всякую надежду на лучшее, и чтобы казаться, что предписываю Богу то, что Онъ будетъ дѣлать. Это написано для мудрыхъ, то-есть, для тѣхъ, которые хорошо разсуждаютъ. Сужденія прочихъ мы считаемъ за ничто...“³⁾ Но всѣ общественныя и политическія волненія и потрясенія не такъ казались страшны, какъ перемѣны въ церкви, о которыхъ вѣщали небесныя явленія. Съ этой стороны западные календари представляютъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ De futuris eventibus 1588 an.

³⁾ Ibid.

не бѣдный матеріалъ для историка церкви. Въ нихъ онъ услѣдитъ черты церковныхъ раздоровъ, которые возникли вмѣстѣ съ протестантскою реформой. Календари наши, начиная съ Брюсова, не имѣли ничего подобнаго. Особенно не могли они заносить на страницы свои рѣзкихъ выходовъ противъ церковныхъ новизнъ, какъ дѣлали это календари на Западѣ. Сказавъ о различныхъ настроеніяхъ въ церковно-религіозной жизни, авторъ указаннаго календаря восклицаетъ: „И ты думаешь, что Христось нашель бы какую вѣру, еслибы послѣшилъ прійдти? Ахъ! прійди, благій Христось! Ибо пришелъ вечеръ міра, пришелъ уже вечеръ. Ахъ, прійди благій Христось!“ Этотъ вечеръ означалъ скорую кончину міра, которую пророчили календари. Однимъ изъ сильнѣйшихъ признаковъ ея считались безпорядки въ церкви. Церковь сравнивается съ богатою матроной, а нечестивый міръ — съ богатымъ и безчестнымъ купцомъ. Обращая вниманіе читателей на необыкновенное сочетаніе планетъ въ 1585 году, авторъ календаря говоритъ: „Если бы мы не были безчувственны, какъ камни и деревья, то все это должно было бы по истинѣ воспламенить насъ и подвинуть къ исправленію жизни и произнесенію горячихъ обѣтовъ Богу, которому мы вскорѣ отдадимъ отчетъ въ прошедшей жизни. Еслибъ учитель (Doctor Para) внимательнѣе взглянулъ на это, то онъ сталъ бы думать не объ измѣненіи календаря, а объ исправленіи своихъ смердящихъ монаховъ, также объ измѣненіи канонѣвъ и исправленіи нечестій, въ которыхъ подвизается этотъ вѣроломный врагъ Бога и сынъ діавола.“¹⁾ Указанныя особенности западныхъ календарей характеризуютъ то взволнованное настроеніе умовъ, какимъ отличался реформаціонный XVI вѣкъ, когда и астрологія обратила свое вниманіе на религіозные вопросы жизни. Здѣсь, въ церкви и въ народной нравственности, она находила обильную пищу для своихъ предсказаній. Ничего подобнаго, ни со стороны политической, ни со стороны церковной, не было въ календарѣ Брюса. Въ понятіяхъ составителей его политика и особенно церковь стояли слишкомъ высоко надъ уровнемъ общественной жизни, и не было въ этой области мѣста никакимъ догадкамъ астрологовъ, не шли туда и древне-народныя воззрѣнія. Настала, стало быть, другая цора жизни: ни царь, ни лучшіе изъ его дѣятелей, люди книжныя не на старый лады, не боятся явившейся звѣзды, какъ было прежде, не видятъ въ ней кары Божіей или вѣстника страшныхъ переворотовъ въ цар-

¹⁾ De futuris eventibus 1589 an.

ствахъ земныхъ, не запрашиваютъ заѣзжихъ знахарей о томъ, не предвѣщаетъ ли комета опаснаго мороваго повѣтрія или другой бѣды ¹⁾.

Что касается до вопросовъ изъ частной жизни человѣка, то здѣсь календарь Брюса ничѣмъ не разнится отъ вѣрованій нашей старины и отъ ученія западныхъ астрологовъ. Укажемъ для примѣра на вопросъ о лѣченіяхъ разныхъ недуговъ и особенно о кровопусканіи. Желая проникнуть въ состояніе организма человѣческаго—здороваго и больнаго, въ причины болѣзней и въ средства, излѣчивать ихъ, астрологи слѣдили за фазами луны. Они говорили, что въ первую четверть молодого мѣсяца, при возрастаніи луны, въ тѣлахъ увеличивается влажность, и наоборотъ, при уменьшеніи луннаго диска слѣдуетъ уменьшеніе животной влаги. Эти перемѣны были наблюдаемы медиками. Такъ говоритъ Пика Мирандола ²⁾. Медики совѣтовали больнымъ, прибавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, остерегаться нѣкоторыхъ дней. Сами они молодую луну считали временемъ благоприятнымъ для пусканія крови (*venam incidere*). Астрологъ и медикъ Левинъ говоритъ, что многія болѣзни возвращаются въ извѣстныя и опредѣленныя времена и снова усиливаются вслѣдствіе влаги, движимой (въ организмѣ) вліяніемъ звѣздъ; такъ, подверженные ударамъ и эпилепсіи большею частію страдаютъ этими недугами тогда, когда луна или начинается, или является полною, когда при этомъ небо бываетъ облачно, и дуютъ южныя вѣтры, и самое свѣтило бываетъ обращено на тѣ части тѣла, въ которой скрывается влага, составляющая причину и источникъ этихъ страданій ³⁾. Относительно кровопусканія астрологъ говоритъ: врачъ долженъ внимательно наблюдать состояніе звѣздъ при изслѣдованіи и лѣченіи болѣзней, при даваніи пилюль, вскрытіи жилъ, возбужденіи мѣсячныхъ, остановившихся вслѣдствіе болѣзни. Такъ, для того, чтобы помогало знаніе природы, я, говоритъ Левинъ, предписываю, чтобы у юношей и дѣвицъ, которые имѣютъ нужду въ этомъ средствѣ для предотвращенія болѣзней, вена была вскрываема около молоточковъ (*malleolos*) во время новолунія или полнолунія, или же у нихъ должно производить разрѣзъ въ бедрахъ посредствомъ наложенія банокъ ⁴⁾.

¹⁾ *Риктора, Исторія медицины въ Россіи, т. II, 217—218.*

²⁾ *Pici Mir., liber, III, fol. CXXXVIII, cap. XIV.*

³⁾ *Levini Lemni de Astrologia.*

⁴⁾ *Ibid.*

Въ нѣмецкихъ народныхъ календаряхъ помѣщались отдѣльныя статьи о кровопусканіи, при чемъ обращалось вниманіе и на состояніе луны. Такъ указывалось, какъ и изъ какихъ членовъ тѣла пускать кровь въ новую луну или въ полнолуніе: можно было пускать тогда кровь изъ головы и другихъ частей; замѣчалось, что на шеѣ, или подбородкѣ, обѣихъ рукахъ, колѣняхъ и ногахъ должно пускать кровь предъ обѣдомъ, а на рукахъ—послѣ обѣда или ѣды; не слѣдовало пускать кровь изъ члена, на который простиралась луна ¹⁾. Наша древняя письменность не бѣдна также указаніями на то, какъ, судя по времени, слѣдуетъ относиться къ больному и къ болѣзни его. „О разболѣвшемся человѣкѣ зри внимательнѣ“, учить древній грамотникъ; „смотри болящаго и сочти въ который день—назнаменай его недугъ, и обрящещи день паденія его; тогда разсмотри, въ коемъ зодіи есть баше луна, егда падеся въ недугъ, и аще обрящещи—блуди и разсмотри, добро ли есть зодіе оно или зло, или среднее“... Изъ этого выводили, много ли больной поболитъ, умереть или изцѣлится ²⁾. Считаая мѣтаніе крови-руды наилучшимъ лѣкарственнымъ средствомъ, книжники записывали относительно этой операціи всѣ подробности. Ими наполнялись потомъ древніе лѣчебники. Главное вниманіе они обращали на дни, въ которые пуцать и не пуцать руду. Въ Румянцевскомъ Музеѣ указано „снисканіе искусныхъ врачевское время кровь пускати“. Въ немъ указано: Мѣсяца марта отъ 25-го числа мая по 13-е число кровь пуцать, а мая отъ 13-го числа сентября до 20-го числа не пуцать и т. д. А въ тѣхъ указныхъ временахъ небеснаго мѣсяца, сирѣчь луны въ 1-й съ утра пуцай, во 2-й день и въ 3-й день въ полудни пуцай и т. д. ³⁾. Въ другихъ древнихъ памятникахъ статьи о кровопусканіи отличаются такою подробностію, что самыя дни подраздѣляются на части, въ которыя можно было или нельзя пускать кровь. Такъ статья о кровопуценіи, изъ астрологіи нашей старины, говоритъ: наставша луна 1 день рано пуцай, 2 день пополудни пуцай, 3 день пополудни пуцай, 6-й весь не пуцай, 7-й весь пуцай... 16-й утрѣ пуцай... 25-й вечеръ пуцай и т. д. ⁴⁾. Календарь Брюса не позабылъ разсматриваемаго вопроса о кровопусканіи. Въ немъ указано на время, въ какое „кровь пуцать“ или „кровь и жилъ-

¹⁾ Gemeine Practica.

²⁾ Пам. Отр. Литер., II, 414.

³⁾ Описаніе Рум. Муз., стр. 365.

⁴⁾ Пам. Отр. Литер., II, 410.

ную руду пуцать“¹⁾). Календарь указывает также на другія діетическія и гигиеническія правила, сообразно со временемъ дня и ночи. Эти указанія не отличаются подробностію, и древнія отреченныя тетради были въ этомъ отношеніи полнѣе. Въ статѣ стариннаго лѣчебника „Моисеева заповѣданія естественная смотраема на кійждо мѣсяцъ“ говорится: мѣсяца генваря на еще сердце три похищенія вина испивай, февраля свеклы не яжь, марта сладко яжь и пій, іюля съ женою не совокупятися... ноября не мойся.. декабря капуста не яжь...“ Но все-таки нельзя не замѣтить, что календарь Брюса во многомъ отождествлялся съ вѣрованіями старины касательно образа жизни человѣка. Эта сторона его больше другихъ привлекала къ себѣ читателей. Они слышали о Брюсѣ, какъ о великомъ знахарѣ-чудодѣѣ и вѣрили, что знахарь этотъ не могъ дать плохихъ совѣтовъ относительно того, какъ лѣчить болѣзни, какъ бить жильную кровь и проч.

Громъ и молнія вездѣ и всегда сильно поражали человѣка, не понимавшаго естественныхъ причинъ этого явленія. У всѣхъ народовъ, въ раннюю пору жизни ихъ, громъ и молнія были принимаемы какъ чудесныя знаменія, вліявшія на политическій и общественно-экономическій строй жизни. Не говоря уже о народахъ классической древности, и народы западной Европы соединали съ громомъ и молніей тѣ же самыя вѣрованія, которыя составляютъ содержаніе нашихъ молніянниковъ и громниковъ и указаны потомъ въ календарѣ Брюса. Рано въ нашей древней письменности появились разсужденія о громѣ, молніи и ихъ вѣщемъ значеніи; рано потомъ послышался и обличительный голосъ проповѣди противъ этого суевѣрія. Какъ видно, громомъ и молніей пользовались у насъ для излѣченія болѣзней: „Стрѣлки и топорки громныя нечестивая и богомерская вещь, аще недуги и подсыванія и огненныя болѣсти лѣчить“²⁾). Индексъ суевѣрій XVII вѣка замѣчаетъ, что нѣкоторые громъ слыша валяютъ. Въ другомъ мѣстѣ того же индекса замѣчено, что громъ, въ ряду другихъ примѣтъ, предвѣщаетъ морь и войну. „И громъ громить и буря вѣть.. морь будетъ и война востанеть“..³⁾). Въ этихъ примѣтахъ видно стремленіе нашихъ предковъ объяснить громомъ и молніей явленія въ

¹⁾ Пекарскаю, Наука при Петрѣ I, стр. 307.

²⁾ Лѣтописи Русск. Литер., т. I, 150.

³⁾ Опис. Рум. Музея, стр. 283.

⁴⁾ Тамъ же, 551.

области общественно-политической и хозяйственной. У древнихъ Грековъ и Римлянъ, смотрѣли на громъ и молнію, именно какъ на предвѣстія переменъ политическихъ. Апокрифическія сказанія народовъ христіанскихъ видѣли въ громѣ и молніи борьбу свѣтлыхъ силъ съ темными. Въ апокрифической бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азмитомъ о молніи говорится слѣдующее: девять ангеловъ собравшись на небеси, радуются о славѣ божественной и трепещутъ своими крыльями, и отъ ударенія облака идутъ по аеру, гремать и дождятъ, а отъ силы ангельской исходитъ огонь и молнія, съ великимъ громомъ на проклятаго змія ¹⁾). Подобное объясненіе читаемъ въ Луцидариусѣ: „Ученикъ рече: откуда бываетъ громъ и молнія? Учитель рече: сіе бываетъ отъ сраженія облаковъ: егда 4 вѣтры отъ моря придутъ и сразятся на аерь, и смѣсится огонь вкупѣ, и бываетъ буря сильна, еже и воздухъ растерзати, и бываетъ стукъ великъ, его же мы слышимъ громъ,—бываетъ же въ то время молнія, и исходятъ на землю падающе стрѣлки громныя и топорки сероведны, и сіе бываетъ на устрашеніе демоновъ, зане бо демони наблюдаютъ тогда, на кую страну Богъ казнь напуститъ“ ²⁾). Съ теченіемъ времени, когда болѣе и болѣе осложнялись земледѣльческія отношенія челоуѣка къ природѣ, когда притомъ больше и больше сталъ онъ подмѣчать вліяніи этой природы на свой организмъ, — расширялся и взглядъ на значеніе грома и молніи. Въ громники и молніяники входятъ подробности — какъ, въ какое время года, мѣсяца, дня и ночи громъ и молнія предвѣщаютъ извѣстныя переменъ въ воздухѣ, на землѣ, въ здоровьи людей, и пр.

„Сказаніе о громѣ луннемъ“ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „мѣсяца сентября—аще гремити растущей лунѣ, то всѣмъ обиліе и здравіе, а царю погибель и болѣзнь; пшеницы и сочива много, а соли оскудно; аще ли сходящей лунѣ гремитъ, то ранъ снѣгъ и зима“.... Или: „мѣсяца маія—аще гремитъ растущей лунѣ, то цареву двору радость велія, и мужемъ смерть и скотомъ. Аще ли сходящей лунѣ гремитъ, то ези будутъ“... ³⁾). Съ развитіемъ астрологии, въ западные громники, а изъ нихъ и въ наши, вносились сказанія о громѣ и молніи, подъ кабымъ зодіемъ былъ громъ ⁴⁾) Древніе молніяники давали мол-

¹⁾ Очерки Буслаева, II, 501.

²⁾ *Лѣтопись рус. литер.* I, 57.

³⁾ Памят. Отреч. Лѣт. II, 366.

⁴⁾ См. Памятн. р. отр. лѣт., II, 360 и слѣд.

ніи различное значеніе по различію дней, въ которые бывала она: Мѣсяца мая—еще ударить молнія въ 10-й день, то гладь приноситъ; мѣсяца іюня въ 20-й день еще ударить молнія—мужемъ скоро пагуба, мѣсяца іюля день 15-й, 22-й, еще ударить молнія—царь измѣнится, и т. д. ¹⁾). Почти всѣ древніе громовники и молніянники, извѣстные въ древне-русской письменности, переведены или переписаны съ рукописей южно-славянскихъ, безъ всякой перемѣны. Въ нихъ указаны подъ рядъ всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ, въ которые прогремить громъ или ударить молнія, при чемъ не исключены и такіе, въ теченіе которыхъ въ Россіи не можетъ быть ни грома, ни молніи. Въ этомъ случаѣ наши грамотники предлагали любопытству читателей сказанія о громѣ и молніи безъ всякаго разбора и указанія особенностей климатическихъ. Но и безъ этого условія древніе громовники и молніянники, касаясь интереснѣйшаго явленія природы, интересовали русскихъ читателей. Составители Брюсова календаря поступили въ этомъ случаѣ иначе. Они указали на громъ и молнію только въ лѣтніе мѣсяцы, связавъ эти явленія съ другими перемѣнами въ атмосферѣ. Подъ зодіями, при которыхъ бываетъ громъ и молнія, указаны примѣты, тѣсно связанные съ этими явленіями. Въ тетради нашего календаря помѣщена особая статья „Предзнаменованіе времени“. Въ ней указаны примѣты въ родѣ слѣдующихъ: громъ и молніи—грады, отпущеніе теплоты, сухи вѣтры, теплота преизлишняя; или: громы—дожди, вѣтры мокрые или дожди, перемѣненіе воздуха и пр. Изъ этого видно, что календарь Брюса и здѣсь не держался слѣпо книжныхъ ученій о громѣ и молніи, а указалъ на эти явленія въ связи съ тѣми перемѣнами и примѣтами, которыя держались въ жизни русскаго человѣка, или по крайней мѣрѣ, которыя были ближе къ климатическимъ условіямъ Русской земли.

Въ заключеніе сказаннаго остается прибавить, что хотя календарь Брюса, по содержанию своему, стоитъ ближе къ древне-русской письменности, чѣмъ къ практической жизни народа, тѣмъ не менѣе онъ не чуждъ и этой жизни на столько, на сколько сама она близка къ отреченной письменности. Вслѣдствіе сближенія или объединенія двухъ указанныхъ элементовъ, календарь долго не могъ утратить своего значенія въ большинствѣ Русскаго народа, хотя многіе изъ этого большинства знали о немъ по наслышкѣ. Календарь Брюса далъ по-

¹⁾ Пам. Отреч. Лѣт. II, 375.

томъ содержаніе послѣдующимъ русскимъ календарямъ, которые только измѣняли по-своему это содержаніе, сокращали или дополняли его.

Народныя вѣрованія, которыхъ касается Брюсовъ календарь, живучи въ извѣстной степени и до сихъ поръ. Раскрывая міровоззрѣніе древне-русскаго человѣка, календарь вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ насъ и съ міровоззрѣніемъ другихъ народовъ, родственныхъ народу русскому.

Послѣ этого сама собою очевидна неосновательность мнѣнія, будто русскія отреченныя вѣрованія обязаны происхожденіемъ своимъ византійско-христіанской ложной письменности, будто вѣрованія этихъ было бы въ древней Руси меньше; еслибъ она стала подъ вліяніе христіанскаго запада, а не востока. Почти всѣ указанныя нами древне-русскія отреченныя вѣрованія извѣстны были не только средневѣковой Европѣ, но и классической древности. Вездѣ образованное и поучающее меньшинство осуждало эти вѣрованія, и вездѣ онѣ упорно держались въ народѣ. И наши древніе христолюбцы сильно вооружались противъ поганскихъ обычаевъ въ русской жизни; но жизнь крѣпко стояла за наслѣдіе старины. Отреченныя вѣрованія, окутавъ древне-русскаго человѣка со многихъ сторонъ, долго не выпускали его изъ своего чарующаго круга. Не у многихъ избранниковъ доставало силъ сбросить съ себя всѣ фогомерзкія коби и начать жить по ученію новой религіи. „Мы же зли“, говоритъ Максимъ Грекъ, „и благодарни къ Тебѣ, челоуѣколюбивому Богу и Владыцѣ, и отъ безсовѣтія безчисленными злыми себе облагаемъ, яко же убо благому, тако и злomu себѣ виновни бываеми.... Далече отъ насъ буди такое безуміе“¹⁾.

Федоръ Керенскій.

¹⁾ *Православный Собесѣдникъ* 1860 г., февраль, стр. 374.

ГОСУДАРСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ РОССИИ СЪ XVII ВѢКА ДО УЧРЕЖДЕНІЯ МИНИСТЕРСТВЪ ¹⁾.

VI.

Отношеніе правительства къ народному образованію въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка; начало высшаго образованія.

Происхожденіе братствъ и успѣхи ихъ школъ въ западной Руси не могутъ и не должны быть изъясняемы положительнымъ вліяніемъ политическихъ учрежденій Литовско-Русскаго и Польскаго государствъ. И то, и другое можетъ (хотя далеко не вполнѣ) быть признано, какъ отрицательный результатъ сословнаго государственнаго устройства этихъ странъ, какъ протестъ противъ него.

Этой отрицательной причины для образованія корпорацій не существовало въ государствѣ Московскомъ, и въ немъ открывался широкій просторъ для дѣйствія частныхъ обществъ; но *такихъ* причинъ, какъ въ западной Руси, не было. Этимъ объясняется то обстоятельство, что корпоративная дѣятельность въ сферѣ полиціи благосостоянія вообще, и въ сферѣ народнаго образованія въ частности, проявляется гораздо слабѣе въ Московскомъ государствѣ. Но проявляется она именно въ тѣхъ самыхъ формахъ, какія мы уже наблюдали выше. Въ 1649 году возникло въ Москвѣ Андреевское братство; Ѳ. М. Ртищевъ учредилъ его въ Андреевскомъ монастырѣ (который имъ же былъ основанъ именно для этой цѣли), а также училище для обученія Русскихъ свободнымъ наукамъ, для чего вызвалъ учителей изъ Кіева ²⁾. „Призва отъ Кіева... иноковъ изящныхъ въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи—хотящимъ тому ученію внимати“ ³⁾. Между этими

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Народ. Просв.* апрѣль 1874 года.

²⁾ *Смирновъ*, ср. Др. Росс. В., ч. VI, стр. 404.

³⁾ *Древн. Рос. Вив.*, ч. XVIII, стр. 401.

вызванными были: Епифаній Славеницкій, Арсеній Сатановскій и Дам. Птицкій. Когда Никонъ возвратилъ изъ Соловецкаго монастыря Арсенія Грека, то и этотъ послѣдній присоединился къ братству. Никонъ перевелъ Славеницкаго, Птицкаго и Арсенія Грека въ Чудовъ монастырь и „сдѣлалъ Славеницкаго ректоромъ Чудовскаго училища“. Это была патриаршая школа и вмѣстѣ типографія и учрежденіе для исправленія богослужебныхъ книгъ ¹⁾. Она въ 1674 году переведена въ Крутицкій монастырь подъ надзоръ Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго. Сатановскій былъ перемѣщенъ въ Богоявленскій монастырь (не извѣстно — школьнымъ учителемъ или просто въ братство). Въ 1666 году прихожане церкви Іоанна Богослова подали царю челобитную о *дозволеніи* устроить въ ихъ приходѣ училище. Съ согласія царя патриархи восточные и Московскій Іосафъ дали имъ грамоту на заведеніе училища славяно-греко-латинскаго ²⁾ — какъ повѣствуетъ историкъ Московской академіи; историкъ же Россійской іерархіи сообщаетъ объ этомъ нѣсколько иначе: патриархи „дали за подписаніемъ своимъ грамоту, чтобы у нихъ священнику быть ученому, могущему учить народъ и при церкви сей быти школѣ греческія и славенскія грамматики“ ³⁾.

Изъ этихъ фактовъ видно, что 1) и въ Москвѣ корпораціи, заботившіяся о дальнѣйшемъ движеніи образованія, выходятъ первоначально изъ приходскихъ общинъ (прихожане Іоанно-Богословской церкви); 2) корпораціи эти и здѣсь стремятся примкнуть къ прежнимъ церковнымъ учрежденіямъ, чтобы подъ этою знакомою, привычною имъ формою пользоваться гражданскими правами юридическаго лица (Андреевскій монастырь); 3) цѣль, для которой учреждаются эти корпораціи, есть не элементарное, а среднее, именно филологическое образованіе („ученіе грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи“... .. „быть школѣ греческія и славенскія грамматики“). Исключеніе латинскаго языка, которое многіе приписываютъ политикѣ іерарховъ восточной церкви (боявшихся римской пропаганды), какъ видно, здѣсь не имѣло мѣста; 4) образованіе, сообщаемое въ Московскихъ школахъ не имѣло принудительнаго характера („хотящимъ тому ученію внимати“); 5) оно было предназначено

¹⁾ *Смирновъ*, 5—6.

²⁾ *Ист. Моск. Акад. Смирнова*, стр. 7.

³⁾ *Ист. Росс. іер.* I, 420, со ссылкой на «подлинную о семь грамоту, сохраняющуюся въ Московской патриаршей библиотекѣ подъ № 9».

для всѣхъ сословій и было лишено профессиональнаго характера (въ частности—училища эти не были духовными, то-есть, не имѣли единственною своею цѣлію приготовленіе кандидатовъ на церковныя должности): „Создася отъ окольничего Ѡ. М. Ртищева... ради во ономъ (Андреевскомъ) монастырѣ *Россійскаго рода* во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія“¹⁾.

Но сходство не идетъ дальше; корпораціи и починъ частныхъ лицъ въ Москвѣ не встрѣтили такого нехладнокровно-враждебнаго отношенія къ нимъ, какое обнаружилось къ корпораціямъ въ государствѣ Польскомъ; а поэтому и дѣйствія Московскихъ братствъ не были ни столь продолжительны, ни столь обширны. Правительство (церковное и государственное) поспѣшило имъ на встрѣчу и тотчасъ же само овладѣло ихъ задачами.

Мы видѣли судьбу братства Андреевскаго; вскорѣ послѣ его основанія (во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ чрезъ 15 лѣтъ), вожно-русскихъ ученыхъ, положившихъ начало братству, поставилъ въ зависимость отъ себя патріархъ Никонъ и основалъ въ Чудовѣ свое правительственное (административное, учебное и ученое) учрежденіе.

Андреевскій монастырь уцѣлѣлъ (можетъ-быть, съ остатками какой-либо школы) не на долго: царь, по проекту грамоты 1682 года Московской духовной академіи, говоритъ: „Придаемъ (къ ней) и монастырь Андреевскій близъ нашего царственнаго града на р. Москвѣ стоящій, — того ради, яко той монастырь, по благоволенію отца нашего... создася отъ нашего ближняго человека, чинномъ окольничаго, Ѡ. М. Ртищева, мужа весьма всякаго блага рачительнаго, ради во ономъ монастырѣ *россійскаго рода* во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія,—дабы и оное—отца нашего блаженной памяти—благое и памяти достойное о свободныхъ мудростей ученіи тщаніе и *вѣрнаго нашего раба* *благопослушное, прилежное* о ономъ дѣлѣ *радне, при нашемъ царскомъ усердномъ о устроении свободныхъ мудростей ученія благоволеніи и дѣйствомъ произведеніи вѣчно пребывало*“²⁾, то-есть, учрежденіе, созданное волею частныхъ лицъ, обращается въ

¹⁾ Слова грамоты царя Феодора Алексѣевича Московской Академіи. См. Ист. Росс. іерарх. I, 523.

²⁾ Тамъ же, стр. 522 — 523. Нужно помнить, что грамота 1682 года есть проектъ, не во всѣхъ частяхъ выполненный; но судьба Андреевскаго монастыря едва-ли не была рѣшена въ указанномъ здѣсь смыслѣ.

правительственное, ради упроченія его существованія съ тѣми же кѣлями.

Безъ сомнѣнія, и Иоанно-Богословское училище не долго просуществовало въ качествѣ средней школы, принадлежащей частной корпорации, потому что тотъ же проектъ (§ 6) говоритъ: „Указъ нашъ царскій непорочно полагаемъ, еже бы ни единому кому здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и въ прочихъ нашей царскія державъ градѣхъ, развѣ сего отъ насъ великаго государя учиненнаго училища, въ своихъ домѣхъ греческому, польскому и латинскому и прочимъ страннымъ (иностраннымъ) языкамъ... домовыхъ учителей не держати и дѣтей своихъ не учити, точию въ семъ единомъ училищѣ да учатся“... ¹⁾ Хотя здѣсь воспрещаются лишь частныя школы, основанныя безъ разрѣшенія учебнаго начальства, но такъ какъ начальство это относилось ревниво ко всякой конкуренціи, то нужно думать, что мысль грамоты вѣрнѣе выражается въ послѣдней приведенной фразѣ: „точию въ семъ единомъ общемъ училищѣ да учатся“.

Итакъ, въ Московскомъ государствѣ правительство овладѣваетъ задачами, которыя были созданы и осуществлены въ западной Руси корпорациями. Подъ именемъ правительства мы разумѣемъ здѣсь какъ высшую государственную власть, такъ и высшее церковное управленіе. Мы видѣли уже, что при особенныхъ отношеніяхъ церкви и свѣтской власти въ Московскомъ государствѣ, въ приходской общинѣ сливаются и государственный, и церковный элементы въ одно нераздѣльное цѣлое; видѣли далѣе, что корпорации—братства, называясь церковными, даже въ Польшѣ приобрѣли и удержали за собою вполне государственный характеръ. Такое же тѣсное сліяніе обнаруживается и въ высшихъ сферахъ Московскаго государственнаго устройства и управленія. „Мы, великій государь, по совѣту и благословенію благожелательнаго во св. Дусѣ отца нашего и богомольца, святѣйшаго киръ-Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россія... благоволимъ въ... градѣ Москвѣ... на взысканіе юныхъ свободныхъ учений мудрости... храмы чиномъ академіи устроить“ ²⁾. Уставъ предполагаемой академіи долженствовалъ быть составленъ по царскому разсмотрѣнію и по сужденію патріарха: „Чинъ академическій... напишется и нашимъ царскимъ разсмотрѣніемъ, по совѣту со отцомъ нашимъ и богомоль-

¹⁾ Ист. Росс. іер., стр. 519—520.

²⁾ Тамъ же, стр. 519—520.

цемъ св. патріархомъ, усудится“ ¹⁾). Училище Законоспасское есть государственное высшее учебное заведеніе, и въ то же время оно есть училище церковное.

Церковное и свѣтское правительство пришло въ XVII вѣкѣ къ довольно ясному сознанію, что на немъ лежитъ неотложная обязанность пропаганды средняго и высшаго образованія; границы полицейской дѣятельности государства въ это время вообще расширились; цѣлое направленіе законодательства во вторую половину XVII вѣка (послѣ Уложенія) характеризуется полицейскимъ направленіемъ его: полиція безопасности, полиція экономическаго благоустройства расширяютъ сферу законодательства, которое прежде вовсе не касалось вопросовъ полицейскаго права, ограничиваясь карательными мѣрами вмѣсто мѣръ предупредительныхъ.

Ясное сознаніе лежащихъ на государствѣ задачъ относительно народнаго образованія выразилось въ проектѣ академической привилегіи слѣдующимъ образомъ: „Мы, великій государь,... тѣхачомся врученное намъ отъ всѣми царствующаго царя Россійское царствіе право правити и должности царскія совершати, отъ нихъ же есть первая и величайшая должность охраненіе восточныя православныя вѣры и тоя о расширеніи промышленности; та же той подобная о благочинномъ государствѣ управленіи и о защищеніи имѣть тѣхачіе“. Зная, говорится далѣе, что источникъ этого благосостоянія есть образованіе (мудрость), „ни о чесомъ же тако тѣхачіе сотворяемъ, якоже о избрѣтеніи премудрости, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ дарствуется“, то-есть, образованіе признается важнѣйшею задачею государства, какъ исходный пунктъ и причина успѣшнаго дѣйствія прочихъ частей государственнаго управленія.

Правительство XVII вѣка поставлено было въ *необходимость* признать народное образованіе одною изъ задачъ своей дѣятельности. Государство Московское уже перестало жить изолированную жизнью. Напоръ европейской образованности и съ запада, и съ юга сдѣлался не отразимымъ; вопросъ этотъ грозилъ породить международныя затрудненія, а самое русское образованіе готовилось перейти въ руки сосѣднихъ иностранныхъ правительствъ. „Сигизмундъ III, чрезъ посла своего Льва Сапѣгу, просилъ царя Бориса позволить ему завести въ большихъ городахъ Россіи—въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ для Поляковъ костелы, а при нихъ училища и для Русскихъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 321.

которымъ, сверхъ того, позволялось обучаться въ училищахъ Литовско-Русскаго княжества“¹⁾. По словамъ Н. Берга (въ предисловіи къ его „Разсужденію о состояніи церкви о религіи Московской“²⁾ „Карлъ XI, Шведскій король, на лифляндскихъ границахъ заводилъ русскія школы для обращенія Русскихъ въ лютеранскую вѣру“³⁾.

Такимъ образомъ, западная образованность стояла въ полномъ вооруженіи на границахъ государства, готовая вторгнуться въ него силою. Цѣлю такого вторженія были далеко не мирныя побѣды разума: посредствомъ его, съ одной стороны, іезуиты хотѣли ввести католичество, а съ другой, фанатически-протестантское шведское правительство — протестантизмъ. Но и это не было конечною цѣлю пропаганды. Какъ извѣстно, оба сосѣднія государства, Польша и Швеція, именно въ XVII вѣкѣ, хотѣли порѣшить съ Москвою старинный споръ о западныхъ и южныхъ пограничныхъ пунктахъ—Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ. Еслибы населеніе этихъ мѣстностей было духовно отторгнуто отъ Московскаго государства, то и отторженіе ихъ политическое сдѣлалось бы несомнѣннымъ. Извѣстно, что онѣ дѣйствительно, хотя и на короткое время, отпали къ Польшѣ и Швеціи въ томъ же XVII вѣкѣ; извѣстно далѣе, что замыслы іезуитской и протестантской пропаганды не ограничивались лишь упомянутыми мѣстностями: Сигизмундъ III (то-есть, скрывавшіеся за нимъ іезуиты) думалъ просвѣщать русское юношество въ самой Москвѣ. Тамъ же открыто велась пропаганда лютеранства, которая несомнѣнно дала направленіе и крѣпкое содержаніе самымъ непримиримымъ фракціямъ русскаго раскола. Такимъ образомъ, наплывъ западнаго образованія грозилъ тревогами и опасностями одинаково политической цѣлости и внутреннему устройству страны. Образование стало интересовать правительство уже не какъ одна изъ задачъ администраціи, но какъ вопросъ о существованіи и цѣлости государства. Правительству предстояла неотложная необходимость парализовать враждебную пропаганду заботами о самобытномъ распространеніи образованія и открыть двери западной наукѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить пагубныя планы, для которыхъ она служила лишь орудіемъ.

¹⁾ *Лебедевъ*: О степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи. Спб. 1848 г.; стр. 55—56. См. Сборн. кн. Оболенскаго, изд. 1838, № 7.

²⁾ *Nicol. Bergii de statu Ecclesiae et religionis Moscoviticæ*. Edit. Lub. 1709.

³⁾ *Ист. Росс. іер.*, т. I, стр. 418 — 419.

Съ другой стороны, восточные іерархи, представители той страны, которая стремилась водворить на Руси образованіе безъ всякихъ заднихъ политическихъ и религіозныхъ соображеній, съ неменьшею настойчивостію убѣждали Московское государство спѣшить этимъ дѣломъ. Пропаганда католическая и протестантская принесла свои плоды; послѣ политическихъ смуть наступило умственное броженіе; возникли почти безвыходныя разномыслія и сомнѣнія. Правительство обратилось тогда къ источнику нашего христіанскаго просвѣщенія, къ Греціи, и оттуда стали непрерывно появляться іерархи. Одинъ изъ нихъ, Паксій Лигаридъ, посѣтившій Москву въ 1660 году, указалъ на отсутствіе училищъ и библіотекъ, какъ на главнѣйшую причину ересей. „Еслибъ у меня спросили“, писалъ онъ, „какіе столпы церкви и государства, я отвѣчалъ бы: вопервыхъ — училища, во-вторыхъ — училища и втретьихъ — училища“¹⁾. Пріѣздъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, приглашенныхъ въ 1666 году на соборъ для умиротворенія смуть церковныхъ и государственныхъ, имѣлъ, относительно вопроса о просвѣщеніи, рѣшительное вліяніе на правительство. По словамъ проекта привилегіи Московской академіи, патріархи „благословили разными діалекты: греческимъ, славянскимъ и латинскимъ ученію здѣ во Россіи быти, а противящихся клятвѣ предали и писаніемъ и своихъ рукъ приписаніемъ утвердили“²⁾. „Въ проповѣди на день Рождества Христова они убѣждали царя завести греческія и славянскія училища.... внушали пастырямъ церкви содѣйствовать благому дѣлу ученія доходами съ церковныхъ имѣній, ссылались на совѣтъ патріарховъ, утвердившихъ патріаршество въ Россіи, сотворить въ Москвѣ соборъ училищный и обѣщали значительныя выгоды отъ училищъ церкви и государству“³⁾. Хотя правительство признало народное образованіе своею задачей и не могло не признать его; но оно не могло бы взяться за исполненіе ея, если бы путь ему не былъ проложенъ дѣятельностію корпорацій. Этою дѣятельностію были приготовлены средства, безъ которыхъ попытки

¹⁾ *Смирновъ*: «Ист. Моск. Сл. Гр. Лат. Академіи», стр. 7.

²⁾ *Ист. Росс. іер.* I, стр. 519. На основаніи приведеннаго мѣста грамоты, Амвросій пишетъ: «патріархи открытою грамотою дозволили въ Россіи обучаться наукамъ на греческомъ, латинскомъ и славянскомъ языкахъ, а противящихся тому клятвѣ предали». П., стр. 419.

³⁾ *Смирновъ*: «Ист. Моск. Сл. Гр. Лат. Акад.», стр. 7. См. также Вечерю Духовную Симеона Полоцкаго. М. 1683 г.

правительства остались бы на степени желаній, какъ это и случилось при Борисѣ Годуновѣ.

Если правительство XVII вѣка и поставило народное образованіе одною изъ задачъ своей дѣятельности, то спрашивается, что же понимало оно подъ этою задачей? Отъ различныхъ взглядовъ на это дѣло измѣняется и его сущность; образованіе можетъ быть разсматриваемо какъ цѣль государственнаго управленія и какъ средство для достиженія другихъ государственныхъ цѣлей. Для XVII вѣка этотъ вопросъ ужъ отчасти рѣшается приведенными выше фактами и соображеніями. Предметъ, на который обращаются правительственныя заботы по народному образованію, есть *мудрость*.

Нынѣшній терминъ „образованность“ замѣнялся тогда словомъ: „мудрость“; этимъ обозначалось раскрытіе духовныхъ силъ человѣка, которое имѣетъ неизбѣжнымъ своимъ послѣдствіемъ сдѣлать изъ него хорошаго гражданина и хорошаго сына церкви. Обстоятельства времени требовали именно развитія въ народѣ этой мудрости, потому что опасности, грозившія государству, заключались не въ ослабленіи вѣнчанныхъ его силъ, а въ умственной шаткости, одинаково вредной и для церкви, и для государства. Поэтому мудрость заключаетъ въ себѣ всесторонность знаній, такъ-называемое высшее общее образованіе.

Такая задача и съ такимъ пониманіемъ ея важности указываетъ правительству ученою литературою XVII вѣка. Юрій Крыжаничъ, въ своей Политикѣ, посвящаетъ особый (3-й) отдѣлъ — „мудрости“, то есть, образованію. Сказавъ, что въ исторіи образованности народы чередуются, онъ убѣжденъ, что въ его время (при царѣ Алексѣѣ) настала и для Славянъ пора войти во всемірный кругъ, чтобы „постараться стереть плесень древней дикости“, установить строй общества болѣе похвальный и достигнуть большаго благосостоянія. Тѣхъ, которые считали высшее образованіе — богословское, философское и филологическое — ересью, онъ самъ обвиняетъ въ ереси, которую называетъ „мудроборскою“, и доказываетъ мѣстами изъ Священнаго писанія, что попеченіе объ образованіи есть обязанность государей: „Цари, если вы любите троны и скипетры, то любите образованность; чрезъ это вы долго будете царствовать. Любите свѣтъ мудрости всѣ, кто держитъ власть въ народахъ“. Подъ образованіемъ, какъ одною изъ правительственныхъ задачъ, Крыжаничъ понимаетъ образованіе философское, которое заключается въ способности здраваго сужденія,

но непосредственно не сообщаетъ реальныхъ знаній: „*filosofia*“¹⁾ non est ars, neque scientia aliqua, sed est potius diligens et meditata prudentia, sive peritia judicandi de rebus omnibus... *Filosofus et nihil scit et omnia scit*“²⁾. Вслѣдствіе того, образованіе имѣетъ у него характеръ „мудрости“, болѣе или менѣе доступной каждому и требуемой отъ cadaго; у него спеціальныя знанія являются лишь результатомъ „мудрости“ и состоятъ изъ математики, естествовѣдѣнія, медицины, филологіи, наукъ политическихъ и юриспруденціи. Изъ всѣхъ разрядовъ этихъ факультетскихъ знаній, по мнѣнію Крыжанича, послѣдній есть самый важный для государства. Онъ убѣжденъ, что разрядъ наукъ, имѣющій высшее значеніе съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, это—науки политическія, которыя, по его схемѣ, представляютъ вѣнецъ философскаго образованія. Изъ мірскихъ наукъ благороднѣе и выше всѣхъ — политика или государственная „мудрость“; она наиболѣе прилична царямъ и ихъ совѣтникамъ. Содержаніе политическихъ наукъ состоятъ изъ знаній, существенно необходимыхъ для государственнаго человѣка и администратора, а именно: изъ знанія экономическихъ силъ государства (экономической статистики), изъ знанія духовныхъ и вѣшнихъ особенностей своего народа, изъ повнанія „блага“ (какъ предмета политической экономіи), государственнаго устройства своего народа, какъ современнаго, такъ и прежняго (то-есть, изученія дѣйствующаго права и исторіи русскаго права), наконецъ—изъ подитки въ собственномъ смыслѣ и того, что мы теперь называемъ международнымъ правомъ.

Тѣ народы, говоритъ Крыжаничъ, которые не изучаютъ государственныхъ и философскихъ наукъ и высшихъ техническихъ знаній, называются варварами. Къ такимъ причисляются, между прочимъ, и Славяне; если они не знаютъ, какія изъ своихъ учреждений слѣдуетъ имъ удержать и какія измѣнить, то причиной этого ихъ невѣжество. Такимъ образомъ, отсутствіе извѣстныхъ знаній въ народѣ можетъ сдѣлаться непосредственною причиною бѣдствій для государства. Зна-

¹⁾ Таково правописаніе Крыжанича.

²⁾ «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка», изд. *Безсонова*, М. 1859 г., ч. I. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «*философствовать или мудрствовать значить ничто иное, какъ разсуждать о причинахъ вещей: отъ чего, для чего, какимъ образомъ и къ чему бываетъ то или это. Поэтому, всякій разумный человѣкъ есть философъ*» (стр. 115).

нія эти хотя и имѣютъ профессиональный характеръ, но составляютъ не болѣе, какъ прикладную часть философскаго образованія ¹⁾).

Отъ указанной цѣли не отступаетъ и другой проектъ XVII вѣка, хотя и посвященный собственно реальному образованію, а именно проектъ 1682 года объ учрежденіи въ Россіи мѣстъ призрѣнія, рабочихъ домовъ, ремесленныхъ училищъ и профессиональныхъ школъ. Начальство каждаго города, говоритъ составитель проекта, преимущественно должно заботиться о томъ, чтобы возрастающіе граждане преуспѣвали въ благихъ нравахъ, наукахъ и знаніи ремеслъ. Этимъ обеспечиваются тишина, миръ и „благословенство“ каждаго города. Какъ дикія деревья не могутъ приносить хорошихъ плодовъ, если

¹⁾ Схема Крыжанича весьма замѣчательна; мы приведемъ ее здѣсь съ цѣлью уяснить, чего хотѣли достигнуть (если не достигли), предполагая въ Московской академіи учить наукамъ «гражданскимъ и духовнымъ», кончая «философіею разумительною, естественною и нравною». Все знаніе (scientia), по Крыжаничу, раздѣляется на *знаніе духовное* и *знаніе мірское*:

I. Знаніе духовное состоитъ изъ а) богословія спекулятивнаго (speculativa— «размысленнаго» богословія), б) ученія о Священномъ Писаніи («богословія письменнаго») (Theologia scripturalis) и в) нравственнаго богословія («нравное»). Вотъ и весь порядокъ богословскихъ знаній.

II. Область знанія мірскаго состоитъ изъ механики, подъ которою разумѣются прикладныя знанія («руководіе и промыселъ»), математики и философіи. Первая заключаетъ въ себя: а) знаніе ремеслъ; б) сельскаго хозяйства и в) науку о торговлѣ. Вторая, то-есть, математика, состоитъ изъ а) ариметики, б) музыки, в) геометріи и г) астрономіи. Наконецъ третья, то-есть, философія, состоитъ изъ а) логики, б) физики, в) этики. А. Логика («бесѣдное ученіе» по переводу Крыжанича) это то, что проектъ привилегіи академіи называлъ «философіей разумительною»; она заключаетъ въ себя: а) грамматику, б) риторику и шестку и γ) диалектику, то-есть, всю эмпирическую часть человѣческаго вѣдѣнія. Б. Физика («природное ученіе») это то, что проектъ привилегіи называлъ «философіею естественною»; она заключаетъ въ себя всю область естествовѣдѣнія, какъ чистаго, такъ и прикладнаго, а именно: а) Notitiam simplicium — «познаніе простыхъ тѣлесныхъ вещей» (органическихъ и неорганическихъ) и б) медицину. Наконецъ, В. этика заключаетъ въ себя ученіе объ обществѣ (соціальныя науки въ обширномъ смыслѣ); сюда принадлежатъ: а) Sdyocetika («осебуйное правоученіе»), то-есть, ученіе о личной нравственности («како всякій человекъ самъ у себя имаетъ благонаравно жить»); б) экономію и γ) политику, которую Крыжаничъ называетъ «царскою мудростію», наконецъ δ) юриспруденцію, которая, судя потому, что стоитъ у него въ таблицѣ, а въ текстѣ не упоминается, должна считаться лишь одною изъ частей политики. Русск. госуд. I, стр. 120 — 123. Читатель замѣтитъ, конечно, что эта схема существенно разнится отъ господствовавшихъ въ средніе вѣка искаженной схемы Аристотелевой.

не отрѣзать ихъ грубыхъ вѣтвей и не привить къ нимъ отпрыскъ хорошаго дерева..., такъ точно и человѣкъ, по природѣ склонный болѣе къ злу, чѣмъ къ добру, не выступить на истинный путь по внушенію лишь своей природы, если въ молодости не будетъ искоренена наукою прирожденная ему грубость. „И человѣкъ, *кромя* (безъ) *ученія*, *человѣкомъ именоватися не можетъ*, для того, что не *бѣсть какъ* (почему) *отъ* *человѣкъ*. И во вся дни живота своего (аще и зѣло почтенъ, еже образъ Бога невидимаго носити ему) пребываетъ аще и живъ, но мертвъ, и видя, но слѣпъ“¹⁾.

Приведенные нами отрывки изъ Крыжанича легко уясняютъ смыслъ, который придавали въ XVII вѣкѣ слову „мудрость“. То же самое встрѣчаемъ мы и въ проектѣ привиллегіи академіи: „Благоволимъ храмы чинамъ академіи устроить и въ оныхъ хоцемъ сѣмена *мудрости*, то-есть, науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики и философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословія, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія, постановити, притомъ и ученію правосудія духовнаго и мірскаго и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлостъ академіи, сирѣчь училищъ составляется, быти“. Цѣль этого образованія есть достиженіе такого состоянія, при которомъ человѣкъ дѣлается одинаково полезнымъ „и церкви Божіей, и намъ великому государю, и всему нашему царствію“; но важнѣе всего — совершенствованіе индивидуальное — „душамъ вѣрныхъ спасенное дѣло мудрость сама себѣ цѣль, а прочее все приложится къ ней; за „мудростію“ (умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ) слѣдуютъ какъ необходимыя результаты: преуспѣяніе общественныхъ учрежденій, охраненіе внутренней и внѣшней цѣлости церкви и распространенія границъ ея, а въ государствѣ — хорошая администрація („благочинное расположеніе“), правосудіе въ отправленіихъ юстиціи („правосудства управленіе“), защита и даже распространеніе государственныхъ предѣловъ²⁾.

¹⁾ Стога: «О началѣ устроенія и распространенія въ Россіи общественнаго призрѣнія» (мнимый указъ царя Феодора Алексѣевича).

²⁾ Подробно излагается этотъ взглядъ на образованіе, какъ на одну изъ задачъ государственной дѣятельности, въ предисловіи къ проекту академической привиллегіи: «знающе... царскихъ должностей родительницу и содержательницу быти мудрость; ибо оною паче иныхъ всѣхъ образовъ слава Божія умножается православная наша восточная вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ цѣлости сохраняется и расширяется, варварскіе народы богопознаніемъ про-

Общее образованіе съ его спеціальными результатами казалось тогда единственно пригоднымъ средствомъ для предотвращенія тѣхъ золъ, какія грозили государству отъ наплыва иностраннаго образованія и отъ многовѣковой замкнутости въ безвыходномъ кругу низкаго элементарнаго обученія. По духу того времени (времени всеобщей релігіозной пропаганды) и по характеру утвердившихся золъ это общее образованіе не чуждо церковнаго характера; но признать его исключительно церковнымъ было бы крайне ошибочно.

Общее образованіе есть общее достояніе всѣхъ классовъ: „Сему нашему отъ насъ, великаго государя, устроенному училищу быти общему и всякаго чина, сана и возраста людямъ, точію православныя христіанскія восточныя вѣры, приходящимъ ради наученія, безъ всякаго зазора свободному, въ немъ всякія отъ церкви благословенныя, благочестивыя науки да будутъ“¹⁾. И дѣйствительно, даже долго спустя по основаніи, при господствѣ уже новой системы народнаго образованія, Московская академія сохраняла характеръ всесословнаго заведенія.

Изученіе свободныхъ наукъ (*artes liberales*), а равно и приобрѣтеніе образованности (мудрости), составляющей ихъ цѣль и внутренній духъ, не могутъ быть достигаемы путемъ административнаго принужденія. Правительство того времени признавало возможнымъ лишь „подобающее учрежденіе сотворити, заповѣдающе всѣмъ, иже *требуютъ ума*, да приидутъ тамо и ядятъ хлѣбъ слова Божія и пють вино разсужденія, безъ всякаго сребродаянія туне“²⁾. Впрочемъ старыя историкъ Московской академіи, Поликарповъ и Амвросій, сообщаютъ, „что патриархъ... *собравъ* отъ всякаго званія малыхъ дѣтей числомъ до 30, повелѣлъ іеромонаху Тимошею имѣть надъ ними надзираніе“³⁾; это о первоначальномъ заведеніи греческой типографской школы; а новый историкъ Московской академіи пишетъ, что при открытіи ея, въ новое ея помѣщеніе, то-есть, въ Спасскій мо-

святятся.... правозѣрные же очищенія совѣсти хранити научаются (то-есть, развивається нравственное чувство); тою же вся царскія благочинное расположеніе и правосудное управленіе и великое распространеніе приобрѣтають. Сокращеніе же речемъ: мудростію во вещьхъ гражданскихъ и духовныхъ познаваемъ злое и доброе: злое—да отъ него уклонимся, доброе — да ему посавдствуемъ». Ист. Росс. іер. I, 517.

¹⁾ Пуньтъ 5 акад. привилл.

²⁾ Ист. Росс. іерар. I, 521.

³⁾ Древн. Росс. Вивл. ч. VI, стр. 297 (изд. 2-е).

настѣрь „переведены всѣ ученики изъ типографской школы; къ нимъ, по указу царей, вскорѣ присоединены до 40 боярскихъ дѣтей и значительное число разночинцевъ“¹⁾). Фактъ этотъ, случившійся въ 1686 году при царяхъ Иоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, служилъ бы доказательствомъ, что правительство уже тогда начало прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ для распространенія просвѣщенія, еслибъ о немъ не было упомянуто такъ глухо. Таково же извѣстіе, сообщенное Невилемъ (въ Извѣстіяхъ о Московіи 1689 года) и приводимое г. Смирновымъ „Онъ (Голицынъ) построилъ огромное зданіе для коллегіума, гдѣ опредѣлили содержать 20 греческихъ ученыхъ людей, со множествомъ книгъ, приказавъ дворянамъ отдавать дѣтей своихъ учиться въ сіе заведеніе“. По проекту академической привилегіи (§ 10) тогдашнее правительство считало возможнымъ прибѣгать лишь къ средствамъ поощренія: ученики, успѣшно изучившіе курсъ свободныхъ наукъ, особенно же языковъ славянскаго, еллино-греческаго, польскаго и латинскаго и получившіе въ томъ свидѣтельство отъ академіи, „могутъ быть милостиво пожалованы въ приличныя чины ихъ разуму“. А людей, не учившихся свободнымъ наукамъ, велѣно было не допускать къ государственнымъ чинамъ: стольниковъ, стражчихъ и прочихъ, развѣ они окажутъ особенныя подвиги на войнѣ или на другихъ поприщахъ государственной службы.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какими вообще мѣрами тогдашнее правительство намѣревалось распространить въ народѣ общее всесословное и свободное образованіе. Ему предлежалъ путь почти обратный тому, котораго держались въ этомъ отношеніи правительства западной Европы. Эти послѣднія, найдя у себя уже готовныя и сильныя образовательныя учрежденія, созданныя сословіями, сначала регулировали ихъ посредствомъ законодательства потомъ — подчиняли ихъ своему надзору, включали ихъ въ систему общаго управленія, и наконецъ, сами начинали устраивать учебныя заведенія, чтобы новою системою сломить старыя начала сословнаго образованія. Подобнаго рода дѣятельность правительствъ западныхъ возникла именно въ то время, какъ и наше правительство принимаетъ на себя заботы о народномъ образованіи. Но оно застало готовыми лишь элементарныя школы; не богатныя сословія, а бѣдныя общины завѣдывали ими. Не было надобности вооружиться противъ него законодательными мѣрами, не возможно было брать подъ общій

¹⁾ Ист. Моск. Ак. стр. 25.

контроль центральной администраціи разбросанную сеть приходскихъ школъ. Нашему правительству приходилось начать съ того, чѣмъ повчили правительства западной Европы, а именно—съ *учрежденія школъ*. Оно такъ и поступило:

Какъ скоро стали развиваться новый взглядъ на полицейскія обязанности государства, то тотчасъ же возникаютъ и правительственныя школы. Татищевъ сообщаетъ, что одновременно съ основаніемъ братскихъ училищъ въ западной Россіи, именно въ самомъ концѣ XVI вѣка, Борисъ Годуновъ открылъ въ Московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ училище „для всенароднаго обученія разнымъ языкамъ“ но что невѣжество впоследствии не пощадило его; изученіе иностранныхъ языковъ признано было дѣломъ еретическимъ ¹⁾. Хотя это извѣстіе не противорѣчитъ вообще мѣропріятіямъ Бориса, но мы не знаемъ, на чемъ оно основано, и по краткости своей оно не допускаетъ никакихъ выводовъ для нашей дѣли. Гораздо важнѣе извѣстіе, сообщенное Олеаріемъ, что онъ самъ видѣлъ въ Москвѣ, близъ патриаршаго дворца, въ 1633 году училище, основанное съ *соласія* патриарха Филарета Никитича, что преподавателемъ въ немъ былъ Грекъ Арсеній, и что царь и патриархъ хотѣли завести въ разныхъ мѣстахъ своего государства такія же школы. Амвросій называетъ такое училище греко-славянскимъ ²⁾; это первое *правительственное учебное заведеніе* въ Москвѣ, несомнѣнно существовавшее Чудовское училище. Имъ и начинается непрерывная традиція общественнаго средняго образованія въ Московскомъ государствѣ. Училище это, поглотивъ впоследствии Андреевское братство, а можетъ быть, Иоанно-Богословскую школу, послужило разсадникомъ для дѣлага ряда школъ; оно доставило учениковъ, и отчасти, учителей славяно-греко-латинской Академіи. Свѣдѣнія о немъ весьма скудны: знаемъ только, что Арсеній былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, возвращенъ оттуда Никономъ и вновь изъ Андреевскаго братства перешелъ въ то же Чудовское училище. Вѣроятно, во время его ссылки школа была временно закрыта.

Извѣстіе, сообщенное Татищевымъ о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ возобновилъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ училище, осно-

¹⁾ Ист. Росс. I, 575.

²⁾ Ист. Росс. іер. I, 418, а С. М. Соловьевъ—греко-латинскимъ училищемъ (Ист. Рос. ст. IX, стр. 457. О предшествующей судьбѣ Арсенія Грека или Глухова см. Ист. Росс. IX, стр. 432—442).

ванное Борисомъ Годуновымъ, опять принадлежитъ къ числу совершенно голословныхъ, которыми трудно пользоваться для нашей цѣли.

Наконецъ, въ исходѣ XVII вѣка возникаетъ, по образцу братскихъ школъ западной Руси, училище, съ основанія коего и начинаютъ обыкновенно исторію средняго и высшаго образованія въ Московскомъ государствѣ, а именно славяно-греко-латинская школа. Заведеніе это было совершенно правительственное: „Государь, движимъ ревностію по благочестію, вознамѣрился упадающее на востокѣ просвѣщеніе возстановить въ Россіи и для сего завести въ Москвѣ греческую школу.... Сіе намѣреніе онъ открылъ патриарху Іоакиму, который назначилъ быть училищу сперва въ типографскихъ верхнихъ палатахъ и собралъ онъ всякаго званія малыхъ дѣтей.... Сколь великое имѣли попеченіе о семъ училищѣ царь и патриархъ, видно изъ того, что они почти каждую недѣлю посѣщали оное и награждали учащихся и учащихъ“¹⁾.

Но гдѣ же тѣ духовныя силы, съ помощью коихъ могло бы Московское правительство „возстановить въ Россіи упадающее на востокѣ (и именно въ Греціи) просвѣщеніе“? Имѣя въ виду духовное (geistliche) образованіе народа, оно не рѣшалось, конечно, безъ разбора призывать къ преподаванію всякаго специалиста, всякаго „мастера своего дѣла“. Только южно-русскія братскія школы могли доставить довольно значительный контингентъ учителей. Правда, въ южной Руси успѣхи католичества и уніи были уже столь значительны, и направленіе, господствовавшее въ школахъ, столь разнообразно, что Московскимъ дѣятелямъ трудно было отличать зерно отъ плевель. Факты дѣйствительно указываютъ, что опасность была не малая. „Когда за предѣлами Московскаго государства разнеслась вѣсть, что въ Москвѣ предполагаютъ учредить академію, ученые изъ сосѣднихъ намъ западныхъ странъ разныхъ вѣроисповѣданій слѣшили предложить свои услуги и одинъ за другимъ являлись въ Москву.... Стремясь къ одной и той же цѣли завладѣть правомъ обученія какъ монополіей, каждый изъ нихъ думалъ выиграть и угодить правительству обличеніемъ своего совмѣстника въ нечистотѣ исповѣданія христіанской вѣры. Такъ, Янъ Бѣлободскій на судѣ патриарха былъ обличенъ въ различныхъ заблужденіяхъ вслѣдствіе доноса на него, сдѣланнаго Павломъ Негребецкимъ отъ 19-го мая 1681 года. Между тѣмъ неоднократно предложенія и самого Негребецкаго пригласить

¹⁾ Ист. Росс. іер., I, 514.

ученныхъ изъ юго-западныхъ русскихъ областей не были уважены, не смотря на то, что онъ увѣрялъ въ отличныхъ достоинствахъ рекомендованныхъ имъ людей и особенно хвалилъ въ нихъ ревность и усердіе къ православію. По той же причинѣ и Симеонъ Петровскій Ситіановичъ Полоцкій, въ продолженіе служенія своего при дворѣ (1664—1680 гг.) царя, не пользовался довѣріемъ Московскаго духовенства¹⁾. Однако, факты указываютъ, что началомъ высшаго и средняго общаго образованія сѣверно-русскій народъ обязанъ главнымъ образомъ братскимъ училищамъ.

Правительство могло только внѣшними средствами различать направленіе этой массы ученыхъ авантюристовъ: „Въ училищѣ же нашемъ (говоритъ проектъ академической привилегіи въ § 3) быти устанавливаемъ блюстителю и учителемъ благочестивымъ (то-есть, православнымъ) и отъ благочестивыхъ родителей рожденнымъ и воспитаннымъ въ православной христіанской вѣрѣ“. Новообращенные изъ римской, лютеранской или кальвинской вѣры не имѣютъ правъ на занятіе учительскихъ должностей, „ибо они привыкли тайно злохитростнымъ образомъ вкоренять мало по малу свои ереси въ ученикахъ“. Изъ нѣкоторыхъ странъ являлись люди невѣдомые, утверждавшіе, однако, съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что они рождены и воспитаны въ православіи, а именно изъ литовской Руси и изъ Греціи; но голословнымъ утвержденіемъ ихъ не вѣрили: Греки должны были представлять свидѣтельства отъ православныхъ патріарховъ, а Малороссы и „литовскіе люди“—отъ „достоувѣрныхъ благочестивыхъ людей“, ибо случалось, что такіе „являются яко бы совершенно благочестивые“, а когда довѣріе къ нимъ утвердится, „тогда по малу развратная словеса вѣрѣ нашей всѣвати и онныя непорочную цѣлость терзати начинаютъ“. Принятые въ учителя долженствовали приносить особую, на этотъ случай установленную, присягу въ точномъ храненіи вѣры (§ 4).

Фактически Московское правительство принуждено было обратиться въ Грецію за учителями, не смотря на упадокъ тамъ просвѣщенія; и дѣйствительно, присланные оттуда Іоанникій и Софроній Лихуды воспитывались въ западныхъ университетахъ, пользовались латинскимъ языкомъ для преподаванія, и потому не избѣгли

¹⁾ «О степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи», *Лебедева*, Сиб. 1848, стр. 62.

временной ссылки, по обвиненіямъ и настоянію Константинопольскаго патріарха ¹⁾, можетъ быть, совершенно невинно ²⁾.

Не менѣе опасности представляли и поѣздки Русскихъ за границу съ цѣлію пріобрѣсти тамъ образованіе, и по возвращеніи, занять учительскія должности; они измѣняли родной вѣрѣ для католичества (какъ они увѣрили, по необходимости, то-есть, для того, чтобы быть допущенными въ высшему образованію въ католическихъ школахъ; но также точно они могли увѣрить въ Римѣ, что держатся въ Москвѣ православія лишь наружно) ³⁾.

¹⁾ *Смирновъ*, Ист. Моск. Ак., стр. 33 и слѣд.

²⁾ Однако, надъ ними тяготѣть не выясненное обвиненіе въ томъ, что они сообщали политическія извѣстія въ Константинополь во время войны Русскихъ съ Турками. Тамъ же стр. 71.

³⁾ «Послѣ монаха Іова, одного изъ продолжателей ученыхъ занятій въ Московской академіи послѣ братьевъ Лихудовъ, заправителемъ и главнымъ наставникомъ въ ней сдѣлался іеромонахъ *Палладій Роговскій*. Роговскій, или просто Роговъ,—пока не побывалъ за границей и не наслушался польскихъ фамилій, — былъ чистый великороссъ Тверской губерніи Кашинскаго уѣзда, изъ вотчинъ Калязинскаго Макарьева монастыря. Постригшись въ монахи въ Савво-Вишерскомъ монастырѣ (въ нынѣшней Новгородской губ.), онъ скоро прибылъ отсюда для образованія своего въ Москву и учился здѣсь у братьевъ Лихудовъ полтора года, когда они занимались еще въ Богоявленской школѣ. Не удовлетворенный Московскими учеными, Роговскій отправился за границу; годъ слушалъ Виленскихъ іезуитовъ, былъ потомъ въ Силезіи и Моравіи—въ Ниссѣ и Ольмюцѣ и учился здѣсь политикѣ и риторикѣ; здѣсь же исповѣдалъ и римское католичество, «желая достигнути высшихъ наукъ, присягнувъ и тако отступничествомъ отъ благочестивыя вѣры учинилъ»... Наконецъ, онъ прибылъ въ Римъ и 7 лѣтъ занимался здѣсь (въ извѣстномъ училищѣ, открытомъ еще папою Григоріемъ XIII въ 1581 году, для всѣхъ выходцевъ съ православнаго востока) высшими философскими и богословскими науками, пока не добился «перстня на руку и вѣнца на главу» съ прибавочными къ нимъ бумагамъ, то-есть, пока не получилъ званія доктора (это былъ первый докторъ богословія на Руси). Съ такимъ званіемъ Роговскій возвратился въ Москву, представился патріарху Адріану, исповѣданіемъ православной вѣры и особымъ, нарочно составленнымъ, опроверженіемъ всѣхъ латинскихъ заблужденій доказавъ, что онъ православный и если принималъ римское католичество, то «не сердцемъ, но едиными усты... наукъ ради». Но долгое пребываніе Роговскаго за границей не обошлось ему безъ всякихъ послѣдствій: бывший ученикъ Лихудовъ забылъ греческій языкъ и могъ хорошо владѣть только языкомъ латинскимъ. Поэтому, выпросивъ себѣ, при содѣйствіи князя П. А. Голицына, должность главнаго наставника въ Московской школѣ, онъ сталъ преподавать науки только на языкѣ латинскомъ. У Роговскаго было до 200 учениковъ, и онъ усердно занимался съ ними, но царь Петръ не удовлетворился состояніемъ образованія въ Московской академіи». (Кіевскіе ученые въ Великороссіи, *И. Образцова* стр. 36).

Наибольше надежною мѣрою считалось назначеніе учителями русскихъ воспитанниковъ училища: по отстраненіи Лихудовъ, поручено было обученіе въ школахъ двумъ старшимъ ученикамъ: Николаю Семенову и Федору Поликарпову. Эта мѣра казалась тѣмъ болѣе разумною, что навсегда предотвращала возможность остаться училищу безъ учителей, ибо вызовъ изъ-за границы былъ сопряженъ съ различными случайностями.

Однако, при крайней нуждѣ въ свѣдущихъ людяхъ во всѣхъ остальныхъ сферахъ государственной жизни, учителя могли измѣнить своему призванію для другихъ, болѣе выгодныхъ. Проектъ академической привилегіи предвидѣлъ эту опасность и старался (въ п. 3) предупредить ее слѣдующимъ образомъ: „Которые сего нашего училища учителя чина мірска, не восхотѣвше въ наученіи юныхъ тружиться, имуть намъ, великому государю, бити челомъ, изъ учителей въ нашу государскую каковую-нибудь службу, и намъ, великому государю, ихъ безъ вѣдомости блюстителя и учителей и его (блюстителя) руки приписанія ни въ какія службы не допускати и нашего государскаго жалованія таковымъ не давати“. Но въ послѣдствіи это правило не удержалось: „Въ 1700 году учителя (Семеновъ и Поликарповъ), по прошенію типографіи, опредѣлены отъ патріарха Адриана справщиками типографскими“.

Всѣ изложенныя причины тормозили успѣхи образованія и ставили его въ зависимость отъ случайныхъ пріѣздовъ иностранцевъ; училище, къ концу вѣка, оставалось почти безъ преподавателей¹⁾.

Петръ, указомъ 7-го іюля 1701 года, приказавъ преподавать въ училищѣ латинскій языкъ, и Стефанъ Яворскій, назначенный завѣдывать школою, выписавъ учителей изъ Кіева, отбросивъ въ сторону прежнюю осторожность. Съ тѣхъ поръ Законоспасское училище, равно какъ и всѣ ему подобныя, возникшія около того времени, входятъ, какъ составныя части, въ новую — сословно-профессиональную систему образованія.

Если (какъ мы видѣли) корпораціи и незначительными внѣшними

¹⁾ Смирновъ, «Ист. Сл.-Гр.-Лат. Ак.», стр. 79: «Послѣдній патріархъ Московскій, стоявшій за идеи царя Феодора и до самой смерти заботившійся о вызовѣ новыхъ ученыхъ изъ Грековъ, въ октябрѣ 1700 года скончался, оставивъ академію въ опасности совершеннаго упадка. Дѣйствительно, непрестанная смѣна наставниковъ въ академіи послѣ Лихудовъ, дошедшая наконецъ до того, что некому было учить, сокращеніе предметовъ ученія, открытое гоненіе на языкъ греческій не могли обѣщать академіи прочнаго существованія».

средствами достигали обильныхъ результатовъ, то о правительственныхъ школахъ нужно сказать совершенно противное: правительство для той же самой цѣли нуждалось въ большихъ *экономическихъ средствахъ*. И никакъ нельзя упрекнуть его въ недостаткѣ щедрости. По проекту академической привиллегіи, Московскому училищу положено было отдать 7 монастырей и одну пустынь „со всѣми крестьянскими и бобыльскими дворами и со всѣми угодьями“. Подобно южно-русскимъ братскимъ школамъ, училище это обезпечивалось земельными имуществами независимо отъ приписныхъ монастырей: ему отдана была цѣлая волость дворцовая (Вышегородская въ Верейскомъ уѣздѣ), 8 пустошей (въ Боровскомъ уѣздѣ, въ Лавышевскомъ стану), „да въ Чугуевѣ на Опаковѣ колодези наше пасечное пустое мѣсто со всѣми угодьями и землею“. Не извѣстно, дѣйствительно ли все это перешло въ Спасскому училищу, но уже одна мысль обезпечить его недвижимою собственностью достойна вниманія. Свѣтскихъ наставниковъ, для которыхъ проектъ хотѣлъ создать безвыходное положеніе, слѣдовало привлечь какими-либо особенными выгодами; и дѣйствительно, проектъ, воспретивъ имъ занятіе другихъ должностей, спѣшитъ прибавить, что тѣ изъ нихъ, которые „время довольно въ томъ потруждаются, тѣ за оный ихъ подъятый трудъ, ради ихъ старости успокоенія, пожалованы будутъ, за свидѣтельствомъ блюстителя и учителей... нашимъ особымъ достойнымъ трудамъ ихъ жалованьемъ“ (§ 9). Впослѣдствіи на службѣ, кромѣ полнаго содержанія, Лихуды получали сперва по двѣ гривны въ день, потомъ по 15-ти алтынъ, „большое по тому времени жалованье“ ¹⁾. Большая библиотека, „огромное зданіе“ (по свидѣтельству Невиля), была дана училищу при самомъ основаніи его.

Спасское училище не было просто учебнымъ заведеніемъ. Еще на типографскую школу, то-есть, на ея коллегію ученыхъ, возлагалась администрація просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а также цензура книгъ какъ отечественныхъ, такъ и привозимыхъ изъ за границы. Въ подобныхъ учрежденіяхъ нельзя не видѣть нѣкоторыхъ зачатковъ административныхъ учреждений по вѣдомству просвѣщенія, но зачатковъ весьма несовершенныхъ; а именно, центральная власть по заведыванію просвѣщеніемъ вручается здѣсь школь—форма, повторявшаяся не разъ и въ послѣдующія времена.

Тотъ же самый характеръ административныхъ учреждений отра-

¹⁾ Смирновъ, «Ист. Моск. Ак.», стр. 41.

зился и въ привилегіи Московской академіи. Управление просвѣщеніемъ и духовными дѣлами возлагается на коллегію, состоящую изъ блюстителя и учителей. Вѣдомству ея принадлежить: 1) разрѣшать частныя школы и допускать желающихъ къ домашнему учительству; 2) свидѣтельствовать о религіозномъ направленіи иностранныхъ ученыхъ, пріѣзжающихъ въ Московское государство „ради какихъ-нибудь винъ“ (надо предполагать, пріѣзжающихъ именно съ цѣлью учительства и пропаганды; ибо странно думать, чтобы такому религіозному испытанію рѣшились подвергнуть всѣхъ торговцевъ, военныхъ и ремесленниковъ, которые во множествѣ допускались и вызываемы были въ XVII вѣкѣ); оказавшіеся на испытаніи негодными немедленно были удаляемы изъ предѣловъ государства; 3) судить и карать за перемѣну вѣры: тѣмъ изъ пріѣзжихъ иностранцевъ, которые исповѣдывали православіе и уже въ Россіи переходили въ католичество или лютеранство, грозило сожженіе, а тѣмъ, которые изъ католиковъ дѣлались лютеранами, — ссылка; 4) наблюдать за религіознымъ направленіемъ умовъ внутри страны, а именно: а) если лжеученіе вторгается въ общественную жизнь, причиняя распри и раздоры, академія доноситъ государю, а государь караетъ виновныхъ безъ дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла; православная вѣра, какъ понимала ея догматы академія, не подлежитъ сомнѣнію, а потому правительство не назначаетъ состязаній между членами академіи и лжеучителями, ибо въ противномъ случаѣ оно показало бы, что желаетъ сдѣлать выборъ между ученіемъ академіи и ученіями раскольниковъ; б) если кто переходитъ въ православіе изъ какой-либо ереси или раскола, то его религіозная совѣсть поручается надзору той же коллегіи; в) академіи подлежитъ цензура книгъ, обращающихся въ народѣ: книги чародѣйныя, волшебныя и гадательныя запрещаются безусловно; книги же, содержащія изложеніе не православныхъ ученій, именно—католическаго, на польскомъ и латинскомъ языкахъ, и лютеранскаго и кальвинскаго на нѣмецкомъ, могутъ находиться только въ рукахъ учившихся свободнымъ наукамъ.

Таковы крайне несовершенные зародыши центральной администраціи народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, врученной высшему училищу.

Мы достигли крайняго пункта на томъ пути, по которому развивалось народное образованіе изъ элементарнаго приходскаго по старой системѣ. Разорванныя отдѣльныя звенья этой системы вошли

потомъ въ новую, привились къ ней и стали жить ея жизнью; но самая система погибла, будучи замѣнена профессиональною.

Тогдашнему правительству была знакома и эта послѣдняя система, впрочемъ, какъ добавочная, въ видѣ особой формы призрѣнія. Она была изложена въ извѣстномъ проектѣ 1882 года, который, по необъяснимой ошибкѣ, со времени Стога и до сихъ поръ продолжаютъ называть указомъ царя Θεодора Алексѣевича ¹⁾.

Означенный проектъ, упоминая о необходимости устроить мѣста призрѣнія по западно-европейскому образцу, указываетъ, что наравнѣ съ истребленіемъ нищенства этою мѣрою можетъ быть достигнуто и развитіе техническихъ знаній. Въ иноземныхъ государствахъ существуютъ дворы, въ которыхъ учатъ призрѣваемыхъ грамотѣ, а также и ремесламъ, къ какому кто окажется склонности, или отдають мальчиковъ мастерамъ, а дѣвочекъ въ монастыри. Здѣсь рекомендуется именно то, что впоследствии выполнялъ Петръ, учредивъ гошпитали и сиротскіе дома. Слѣдствіемъ того являются два полезные результата: „И отъ такихъ людей (призрѣваемыхъ малолѣтнихъ) и впредь ужь во градѣхъ прибыль, а воровства отъ такихъ уже опасаться нечево, потому что ему уже способъ, чѣмъ сыту быть, данъ. И такимъ бы способомъ многія науки и ремесла, которыхъ нѣтъ изъ иныхъ чужихъ государствъ всегда здѣсь требуютъ и дорогою цѣною купятъ, или такихъ людей на тяжкихъ и великихъ кормѣхъ призываютъ, на Москвѣ завелись“.

Авторъ проекта связываетъ съ призрѣніемъ не одни ремесла, но и всѣ техническія знанія, цѣлую систему реальныхъ училищъ, по его мнѣнію, совершенно необходимыхъ для экономической дѣятельности, для потребностей полицейскаго и военнаго управленія. Но эта система совершенно выдѣлена у него изъ системы общаго образованія, которая преслѣдуетъ далеко не тѣ же цѣли; мы уже привели выше отрывокъ изъ проекта, гдѣ говорится, для чего нужно человеку общее образованіе.

Что касается до проектированной имъ профессиональной системы,

¹⁾ См. повтореніе ошибки Стога въ ст.: «Историч. Обзорніе мѣръ правительства по устройству общаго призрѣнія въ Россіи» (*Правит. Вѣст.* 1874 г., № 13). Въ упомянутомъ указѣ не разъ повторяется: «надобно великаго государя указъ учинить» и слѣдующія условныя формы: «и такимъ бы образомъ, многая великаго государя казна.... сохранена была бы», и т. п. Можно полагать, что проектъ исходилъ отъ какого-либо начальственнаго лица и былъ представленъ на разсмотрѣніе правительства.

то она слѣгается изъ ремесль и наукъ. Изъ ремесль особенно необходимыми считаются слѣдующія: „1) изготовленіе шелковыхъ тканей, 2) суконное дѣло, 3) золотое и серебрянное дѣло, 4) часовое дѣло, токарное, костяное, кузнечное всякихъ субтильныхъ орудей и инструментовъ; 5) оружейное дѣло, также печатать мѣдными досками и инныя многія рукодѣлья“... Система профессиональныхъ наукъ такова: 1) „наука цыфирная“, которая хотя нужна и всѣмъ вообще, но преимущественно купеческому классу; безъ нея торговые люди, отъ незнанія счѣту и выкладокъ, дѣлаются нищими; 2) если цыфирная наука нужна для торговаго класса, то „фортификація или инженерская наука“ совершенно необходима генералу, полковнику и всякому начальнику (военному); безъ нея военный классъ не можетъ исполнять своихъ обязанностей, а потому у многихъ великихъ государей повелось съ трудомъ принимать на службу такого полковника, который не обученъ тѣмъ наукамъ, потому что онъ не въ состояніи ни наступать, ни обороняться, сообразно съ воинскими правилами. Сюда же относится 3) „артиллерія, которая учитъ по размѣру прямому какъ пушки лить, и въ какую мѣру стрѣлять, порохъ дѣлать“ и пр. Необходимымъ пособіемъ къ военнымъ наукамъ служитъ 4) геометрія, которая „и къ строенію вѣжностей городовыхъ вѣло нужна, и фортификація, или инженерское дѣло безъ сей не состоитъ“. Для цѣлей полицейскаго управленія необходима 5) архитектура, и наконецъ, 6) „знаменитъ или живописная наука“.

Всѣмъ этимъ наукамъ проектъ предполагаетъ обучать преимущественно „гуляковъ“, хотя очевидно, что всѣ высшія гражданскія и военныя должности не могутъ быть замѣняемы „гуляками“. Изъ этого видно, что составитель проекта отнюдь не считалъ профессиональныя знанія необходимыми вообще для всего народа. Цѣлью подобнаго образованія была внѣшняя государственная польза: „Нынѣ сказываютъ у Турокъ, у которыхъ тѣ науки прежде всего не были, нынѣ же всѣ учатся, а наипаче же тѣмъ, которыя къ воинскому дѣлу принадлежатъ“.

М. Владиміръскій-Будановъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ¹⁾.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

МИНИСТЕРСТВО Г. БИСМАРКА.

I.

Отношеніе г. Бисмарка къ парламентскому столкновенію. — Мнѣніе г. Гиллебранда. — Его характеристика нѣмецкаго общества и прусской палаты. — Отношенія г. Бисмарка къ консерваторамъ. — Критика ихъ программы. — Что значитъ «плыть по вѣтру?» — Г. Бисмаркъ и либеральная оппозиція. — Планы г. Бисмарка по отношенію ихъ къ идеямъ національно-либеральной партіи. — Отвѣтъ г. Бисмарка депутату Шульце. — Рѣчь 29-го сентября 1862 года. — Blut und Eisenpolitik. — Взглядъ на значеніе печати и народнаго представительства. — Заключение.

Приступая къ изложенію борьбы г. Бисмарка съ народнымъ представительствомъ и держась преимущественно фактической стороны дѣла, мы не намѣрены брать на себя роль судьи между министромъ-президентомъ и палатой депутатовъ. Но для объясненія самихъ фактовъ, необходимо остановиться на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, рисующихъ взаимное положеніе двухъ сторонъ.

Какъ относился г. Бисмаркъ къ возникшему столкновенію правительства съ палатою? Во имя чего рѣшился онъ на образъ дѣйствій, подрывавшихъ—въ этомъ нельзя не сознаться—основы конституціоннаго устройства? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, конечно, предстоитъ будущему, когда и количество матеріаловъ увеличится, и явится возможность болѣе безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. Попытка оправданія гр. Бисмарка обнаружилась еще въ 1867 году во французской литературѣ. Мы говоримъ объ извѣстной книгѣ г. Гиллебранда, „La Prusse contemporaine“. Считаемо не лишнимъ привести нѣсколько

¹⁾ Продолженіе. См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* январь, февраль и мартъ 1874 года.

выдержекъ изъ этого произведенія, написаннаго, во всякомъ случаѣ, остроумнымъ перомъ наблюдательнаго человѣка, и если выдержки выйдутъ нѣсколько длинны, то причиною этого—значительный интересъ упомянутой брошюры. Авторъ проводитъ параллель между Кавуромъ, умершимъ со словомъ „свобода“ на устахъ, и гр. Бисмаркомъ, безцеремонно обращающимся съ палатами. Параллель клонится къ явной выгодѣ итальянскаго государственнаго человѣка. Но затѣмъ г. Гиллебрандъ продолжаетъ: „Конечно, не стану отрицать, что задача была гораздо труднѣе для гр. Бисмарка, нежели для Кавура и если бы преимущества людей измѣрялись количествомъ побѣжденныхъ препятствій, то прусскій государственный человѣкъ былъ бы, можетъ быть, выше основателя Итальянскаго королевства. Гр. Бисмаркъ, дѣйствительно, не имѣлъ для своей поддержки, ни короля Виктора-Эммануила, ни итальянскаго народа. Итальянскій народъ обладаетъ высокими политическими инстинктами: онъ не разсуждаетъ до безконечности о каждомъ вопросѣ; не старается установить критическаго приговора о каждомъ лицѣ; умѣетъ подчинить себя общему интересу; чувствуетъ цѣль, къ которой его ведутъ; налету схватываетъ „подразумеваемое“, котораго ему не нужно подчеркивать. Съ меньшимъ количествомъ основныхъ добродѣтелей, Итальянецъ имѣетъ гораздо больше общественныхъ качествъ, чѣмъ Нѣмецъ. Послѣдній—резонёръ и спорщикъ; ему нужно время, чтобы составить себѣ мнѣнiе о каждой вещи; притомъ, у каждого Нѣмца свое мнѣнiе, отъ котораго онъ не откажется за цѣлое царство: индивидуализмъ сдѣлался у него болѣзнию, болѣе опасною чѣмъ болѣзнь противоположная, часто дѣлающая изъ французскаго народа то послушное стадо, то слѣпую и буйную массу. Нѣмецъ, говоря словами гр. Бисмарка, можетъ быть дисциплинированъ только въ военномъ мундирѣ. Прибавьте къ этому недобѣрчивое любопытство, непрерывно мучающее его, упрямство, принимаемое имъ за силу характера, вслѣдствiе чего онъ не охотно уступаетъ послѣднее слово другимъ,—и для васъ уяснятся безконечныя пренiя, выводившiя изъ терпѣнiя гр. Бисмарка и заставлявшiя его дѣлать ошибки въ парламентскомъ обращенiи“.

Затѣмъ авторъ указываетъ на то важное обстоятельство, подтверждаемое и другими писателями, что прусское общество встрѣтило гр. Бисмарка съ недобѣрiемъ и враждою, легко объясняемыми его политическимъ прошлымъ, когда онъ былъ горячимъ защитникомъ идей реакціоннаго министерства Мантейфеля. Нѣмецкое общественное мнѣнiе не легко отказывается отъ разъ составленнаго сужденiя.

Гр. Бисмаркъ до самаго 1866 года не могъ побѣдить этого непримиримаго недоувѣрія къ себѣ. Всѣ его планы, сходные часто съ планами національно-демократической партіи, встрѣчались классическимъ timeo Danaos. Для примѣра уважемъ на возбужденный имъ вопросъ о національномъ представительствѣ, основанномъ на прямой и всеобщей подачѣ голосовъ.

„Я далекъ“, продолжаетъ авторъ, „извинять надменное обращеніе съ палатой, которое часто позволялъ себѣ гр. Бисмаркъ; но въ этомъ напрасно усматривали силъ „козчика“¹⁾ предъ собраніемъ „деревенщины“, ибо тутъ обнаруживалось только нетерпѣніе прагматическаго и скептическаго государственнаго человѣка относительно честныхъ идеологовъ и непреклонныхъ служителей принципа. Не извиняя этого пренебрежительнаго раздраженія, мы однако отчасти понимаемъ его, видя какъ самыя прозрачныя намеки проходили непонятыми; мы понимаемъ что онъ долженъ былъ испытывать, выслушивая длинныя доклады о преобразованіи войска, учено выработанные знаменитымъ историкомъ трихинозиса²⁾, — конечно первокласснымъ ораторомъ и однимъ изъ величайшихъ умовъ нашего поколѣнія, но котораго непогрѣшимую компетентность въ военныхъ вопросахъ можно отрицать съ полнымъ основаніемъ... Впрочемъ, выходы оппозиціи, иногда слишкомъ сильныя, проходили бы незамѣченными, если бы гр. Бисмаркъ, подобно Кабуру, былъ воспитанъ въ англійской школѣ“. Авторъ не одобряетъ также придирчиваго и часто мелочнаго преслѣдованія оппозиціонныхъ депутатовъ (какъ, на примѣръ, процессъ Твестена, о которомъ будетъ сказано ниже). „Во всякомъ случаѣ легко объяснить себѣ, до известной степени, досаду государственнаго человѣка въ борьбѣ съ окружавшими его затрудненіями, усиленными еще тремя дѣйствіями нѣмецкой политической жизни: юриспруденціею, философіею и сантиментальностію, которыя самовольно выказывались въ прусскомъ парламентѣ и сбивали съ толку всѣ умы до такой степени, что дѣлали ихъ неспособными къ разумѣнію самыхъ простыхъ понятій реальной политики. Для однихъ политическій вопросъ былъ дѣломъ чувства; для другихъ — безчисленныхъ юристовъ, долго стоявшихъ во главѣ судебъ Германіи, онъ былъ —

¹⁾ Ноберау; такъ называли во Франціи мелкопомѣстныхъ дворянъ.

²⁾ Намекъ на знаменитаго патолога *Рудольфа Вирхова* (Virchow), (род. въ 1821 г.), основателя новѣйшей целлюлярной патологіи. Гиллебрандъ подразумеваетъ известное его сочиненіе «Die Lehre von der Trichinen». Вирховъ сдѣлался членомъ палаты депутатовъ въ 1861 году.

какъ это показали Шлезвигъ-Гольштейнскія дѣла и парламентское столкновение, — чѣмъ-то въ родѣ юридической дедукціи изъ начала гражданскаго права: никто не подозрѣвалъ, повидимому, что политика есть преимущественно искусство хорошо видѣть послѣдствія известнаго положенія вещей, сообразовать съ ними свой образъ дѣйствій и хотѣть только возможнаго“.

Къ этому, по указанію автора, присоединялось еще и то, что г. Бисмарку предстояло побѣдить много предубѣжденій въ высшихъ сферахъ, прежде чѣмъ корона рѣшилась дать свое согласіе на ту болѣе чѣмъ рѣшительную политику, какою наполнена исторія послѣднихъ лѣтъ ¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ сущность приведенныхъ нами сужденій автора, мы замѣтимъ только, что по поводу ихъ возникаютъ вопросы, которые необходимо здѣсь если не разрѣшить, то нѣсколько опредѣлить.

Вопервыхъ, дѣйствительно ли гр. Бисмаркъ, вступая въ новую должность, выработалъ уже тѣ громадныя планы, какіе осуществились впоследствии? Сдѣлался ли онъ министромъ *только* для того, чтобы побороть оппозицію, оградить корону, или парламентскій конфликтъ служилъ для него эпизодомъ, по разрѣшеніи коего должна была начаться политика другого рода?

Въ вторыхъ, если планы г. Бисмарка уже созрѣли въ 1862 году, то совпадали ли они съ тѣмъ стремленіемъ къ единству „общаго отечества“, какое давно одушевляло Германію? Сказать, что гр. Бисмаркъ востоянно стремился къ этому единству — мало; къ нему стремились и многіе другіе. Если бы планы его совпадали съ таковыми же огромнаго большинства прусскаго общества, Nationalverein'a или „партіи прогресса“, то чѣмъ объяснить упорство оппозиціи? Развѣ „партія прогресса“ не настаивала на необходимости энергическаго почина прусскаго правительства въ дѣлѣ союзной реформы? Развѣ пререканіе по реорганизаціи войска не находилось въ зависимости отъ уклончиваго отношенія кабинета Гогенцоллернъ-Ауэрсвальда къ этому существенному вопросу? Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ рѣчь шла о другихъ планахъ или, по крайней мѣрѣ, о другихъ *способахъ* ихъ осуществленія.

¹⁾ La Prusse contemporaine, стр. 31—42.

То обстоятельство, что у гр. Бисмарка созрѣлъ планъ полнаго преобразованія союза еще со времяъ его посланничества во Франкфуртъ, врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію послѣ обнародованія извѣстнаго намъ письма его къ Шлейницу¹⁾. Затѣмъ, несомнѣнно также, что гр. Бисмаркъ принялъ мѣсто перваго министра вовсе не въ качествѣ представителя ультра-консервативной партіи, собирающагося подавить либеральную оппозицію, то-есть, въ качествѣ человѣка извѣстнаго принципа, вступившаго въ борьбу съ принципомъ противоположнымъ.

Будущій историкъ нашего времени вѣроятно замѣтитъ, что г. Бисмаркъ менѣе всего можетъ быть названъ человѣкомъ отвѣченныхъ принциповъ. Онъ преслѣдовалъ и преслѣдуетъ извѣстныя цѣли, выведенныя имъ изъ соображенія данныхъ условій того государства, во главѣ котораго поставила его судьба. „Единство Германіи“ не было для него выводомъ изъ философскаго принципа народности, ни требованіемъ, вытекавшимъ изъ совокупности нравственныхъ стремленій германскаго общества, ни средствомъ пересоздать Германскій союзъ согласно принципамъ политической философіи. Въ соединеніи германскихъ государствъ онъ видѣлъ средство лучше организовать отношенія Пруссіи къ ея сочленамъ по союзу, уврачевать „недугъ“, зависѣвшій отъ ея ненормальнаго положенія въ Германіи. Затѣмъ, осуществляя эту цѣль, онъ не думалъ связывать себя какимъ бы то ни было принципомъ. Это доказываютъ всѣ письма, рѣчи и дѣйствія знаменитаго государственнаго человѣка.

Въ 1861 году прусская консервативная партія издала извѣстный намъ манифестъ, направленный противъ программы „партіи прогресса“. Чѣмъ же отгѣтилъ на него членъ феодальной партіи, гр. Бисмаркъ? 18-го сентября 1861 года онъ адресовалъ къ одному изъ своихъ друзей (раздѣлявшихъ его воззрѣніе) письмо, въ которомъ говорилъ, между прочимъ:

„Относительно консервативной программы я вполнѣ присоединяюсь къ вашимъ замѣчаніямъ. Исключительно *отрицательнаго* пониманія выставленныхъ положеній должно было бы избѣгать съ самаго начала. Простой, вялой обороной (Defensive) политическая партія не можетъ держаться, тѣмъ менѣе завоевывать почву и приверженцевъ... Между нашими лучшими друзьями есть множество *доктринеровъ*, тре-

¹⁾ См. гл. VI, I.

бующихъ отъ Пруссіи такой же охраны (Rechtsschutz) относительно чужихъ государей и земель, какъ и относительно собственныхъ подданныхъ. Эта система солидарности консервативныхъ интересовъ есть страсть есть опаснѣйшая фикція, пока не установится полная и честная взаимность между всѣми землями и ихъ правителями. Будучи преслѣдуема одною Пруссіею, она превращается въ донкихотство, только ослабляющее правительство въ исполненіи собственной задачи, возложенной на прусскую корону Богомъ—защитать Пруссію отъ неправды внѣшней и внутренней. Мы приходимъ къ тому, что готовы признать любимымъ чадомъ прусской консервативной партіи совершенно неисторическое, безбожное и неправое стремленіе къ суверенитету (Souveränitätsschwindel) нѣмецкихъ государей, пользующихся нашими союзнными отношеніями, какъ пьедесталомъ, съ котораго они разыгрываютъ роль европейскихъ монарховъ. Наше правительство безъ того уже слишкомъ держится принципа законности; мы защищаемъ прерогативы чужихъ королей съ большою твердостью, какъ собственныя; мы воспламеняемся за созданныя Наполеономъ (I) и освященныя Меттернихомъ суверенитеты мелкихъ государствъ до ослѣпленія предъ всѣми опасностями, грозящими Пруссіи и независимости Германіи, пока существуетъ безсмыслие *теперешняго* союзнаго устройства, которое есть ничто иное, какъ теплица и музей опасныхъ и революціонныхъ партикулярннстическихъ стремленій. Я желаю бы, чтобы въ программѣ, вмѣсто неопредѣленныхъ выходовъ противъ „нѣмецкой республики“, было открыто выставлено, что именно мы желаемъ видѣть въ Германіи измѣненнымъ или возстановленнымъ... На насъ лежитъ двойная задача засвидѣтельствовать, что существующее устройство союза не есть нашъ идеалъ, что мы открыто стремимся къ необходимому его измѣненію путемъ законнымъ, и не хотимъ переступать за границу необходимаго для безопасности и пользы. Мы нуждаемся въ болѣе твердой консолидаціи нѣмецкой военной силы, какъ въ насущномъ хлѣбѣ; нуждаемся въ новыхъ и удобныхъ правилахъ въ области таможеннаго управленія, и въ совокупности общихъ учреждений для огражденія матеріальныхъ интересовъ отъ невыгодъ, возникающихъ изъ неестественнаго очертанія нѣмецкихъ внутреннихъ границъ... Затѣмъ я не вижу, почему мы такъ жеманно чурася (zurückschrecken) идеи народнаго представительства, въ союзѣ ли, или въ таможенномъ парламентѣ? Съ учрежденіемъ, имѣющимъ законное значеніе въ каждомъ нѣмецкомъ государствѣ, безъ котораго мы, консерваторы, не можемъ обойтись даже

въ Пруссіи, нельзя вести борьбу, какъ съ учрежденіемъ „революціоннымъ!“¹⁾

Въ этомъ письмѣ заключалось уже обѣщаніе, что планы переустройства Германіи будутъ осуществляться независимо отъ принциповъ, заимствованныхъ изъ консервативнаго, реакціоннаго, либеральнаго или демократическаго кодекса. Политика гр. Бисмарка была послѣдовательна въ смыслѣ неуклоннаго стремленія къ развѣ установленной цѣли; но она была непослѣдовательна, если подѣ послѣдовательностію разумѣть строгое соотвѣтствіе съ принципами той или другой теоріи, съ извѣстными, предвзятыми убѣжденіями. Гр. Бисмаркъ не понималъ возможности такой „послѣдовательности“. Это видно изъ отвѣта его Вирхову, упрекавшему министерство въ измѣнчивомъ образѣ дѣйствій. „На замѣчаніе о неустойчивости нашего образа дѣйствій“, сказалъ онъ, „я возражу фразой, которую употребилъ нашъ противникъ. Онъ порицалъ насъ за то, что когда вѣтеръ перемѣнился, то и мы повернули руль. Что же, однако, нужно дѣлать, когда плывешь на кораблѣ, какъ не ставить руль по вѣтру?“

Эта постановка руля „по вѣтру“ развязывала руни гр. Бисмарку: онъ готовъ былъ утилизировать каждый изъ принциповъ, если только онъ оказывался болѣе удобнымъ для его цѣли. Онъ не отступалъ съ ужасомъ и предѣ демократическими идеями, приводившими въ трепетъ феодальный лагерь; онъ смѣло заявлялъ о необходимости общегерманскаго народнаго представительства, основаннаго на всеобщей подачѣ голосовъ, въ то время, какъ дворы вѣнскій, дрезденскій и мюнхенскій видѣли въ этомъ послѣднее слово революціи.

Для полной характеристики гр. Бисмарка съ этой стороны слѣдуетъ оригинальное столкновеніе его съ членами либеральной оппозиціи по слѣдующему поводу. Ткачи, работавшіе на фабрикѣ богатаго промышленника и либеральнаго депутата Рейхенгейма, отпраслали къ королю депутацію съ жалобами на ихъ горькое положеніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ отказался представить депутацію королю. Гр. Бисмаркъ, выслушавъ ее, нашелъ, что жалобы ея „большою частью“ неосновательны, по скольку онѣ касаются именно фабричной администраціи, а не *общаго* положенія рабочаго класса; но, въ виду затруднительнаго положенія названныхъ ткачей и нѣкоторыхъ справедливыхъ ихъ заявленій, представилъ уполномоченныхъ отъ нихъ королю. Король пожаловалъ имъ нѣсколько денегъ изъ собственныхъ

¹⁾ *Neue Zeit*, назв. соч., 138—139.

средствъ для основанія ассоціаціи. Рейхенгеймъ поднялъ въ палатѣ цѣлую бурю, назвалъ заявленіе ткачей наглою ложью, а въ поведеніи гр. Бисмарка видѣлъ политическую продѣлку, упрекалъ его въ томъ, что онъ злоупотребилъ довѣріемъ короля ¹⁾. Все это было высказано въ отсутствіе гр. Бисмарка. Въ слѣдующемъ засѣданіи онъ съчелъ нужнымъ возражать. Разобравъ по пунктамъ просьбу ткачей и опровергнувъ всѣ доводы Рейхенгейма, онъ сказалъ, въ заключеніе:

„Я не хочу прикрываться тѣмъ правиломъ, что показаніе и двухъ свидѣтелей считается достовѣрнымъ,—петиція же и полномочіе подписаны 200 рабочими. Охотно готовъ я согласиться, что бѣдность склонна къ преувеличеніямъ: это вижу я ясно изъ многихъ, ежедневно поступающихъ ко мнѣ прошеній. Каждый, ищущій помощи, склоненъ описывать свое положеніе въ возможно черномъ свѣтѣ, свои нужды по возможности рѣзко; но когда г. депутатъ Рейхенгеймъ клеймилъ съ этой трибуны воцѣль бѣдности эпитетомъ „ложь“, то подобное выраженіе кажется мнѣ слишкомъ жесткимъ. Рабочіе заблуждаются относительно источника своихъ бѣдствій; они ищутъ его въ специальномъ устройствѣ фабрики, кругозоръ ихъ можетъ быть недостаточно обширенъ, чтобъ могли они понять, что ихъ бѣдствія суть скорѣе результатъ общественнаго положенія, въ которомъ находится вообще рабочій классъ,—и я охотно повторяю, что было уже мною высказано и затѣмъ повторено г. Рейхенгеймомъ, что рабочіе его содержатся не хуже, чѣмъ у большинства его собратьевъ по ремеслу. Но, спрашиваю, по какому праву преградилъ бы я этимъ людямъ доступъ къ трону? Изъ рѣчи г. депутата можно заключить, что корона какъ будто нуждается въ оправданіи, когда преклоняетъ ухо къ голосу бѣдныхъ. Прусскіе короли никогда не были исключительно королями богатыхъ; уже Фридрихъ Великій, будучи кронпринцемъ, сказалъ: „Quand je serai roi, je serai un vrai roi de gueux“ ²⁾. Онъ взялъ на себя защиту бѣдности. Это начало осуществлялось нашими монархами и въ послѣдующее время. У нѣкъ трона всегда находило прибѣжище страданіе, вызываемое такими условіями, когда писанный законъ становится въ противорѣчіе съ естественнымъ правомъ чело-вѣка. Наши государи отрицали крѣпостное право и создали цвѣту-

¹⁾ Рейхенгеймъ утверждаетъ, между прочимъ, что король пожаловалъ ткачамъ значительную сумму 12.000 талер.

²⁾ Когда я сдѣлаюсь королемъ, то буду истиннымъ королемъ бѣдняковъ.

щее сословіе крестьянъ. Быть можетъ, имъ удастся — попытки этого уже налицо — улучшить нѣсколько и положеніе рабочихъ. Преграждать доступъ къ трону жалобамъ рабочихъ, по моему мнѣнію, несправедливо и я не имѣю къ тому призванія¹⁾.

Легко понять, что либеральная партія, по крайней мѣрѣ тотъ отдѣлъ ея, гдѣ засѣдалъ г. Рейхенгеймъ, неспособна была брать такія „ноты“, совершенно же приноровленные къ ея голосу. Не слышалась ли, однако, въ этой рѣчи и фальшивая струна? Не польстился ли г. Бисмаркъ демократическимъ инстинктамъ только для пораженія буржуазно-либеральной оппозиціи? Трудно сказать, что руководило ораторомъ въ данномъ случаѣ; но безпристрастный историкъ отмѣтитъ въ г. Бисмаркѣ черту, свойственную всѣмъ великимъ государственнымъ людямъ, именно — умѣнье отдѣлать *реальный, а потому законный интересъ*, лежащій въ основаніи каждаго направленія, отъ тѣхъ отвлеченныхъ принциповъ и формулъ, въ которыхъ выражается это направленіе и которыя пугаютъ близорукыхъ политиковъ, обсуждающихъ каждое явленіе съ точки зрѣнія отвлеченныхъ принциповъ. Государственный человѣкъ, обладающій этимъ умѣньемъ, смѣло пойдетъ на встрѣчу каждому явленію, какъ бы оно грозно ни казалось по своимъ „формуламъ и принципамъ“, не ограничиваясь безплоднымъ и вреднымъ отрицаніемъ всего, что не подходитъ подъ „принципы“ господствующаго направленія. Хорошимъ комментариемъ къ сказанному можетъ быть депеша г. Бисмарка отъ 27-го мая 1866 года о проектѣ союзной реформы, предложенной Пруссією. „Если бы мы“, говорилось въ депешѣ, „пришли къ великому кризису нынѣшняго союзнаго устройства, то полное революціонное потрясеніе въ Германіи было бы вѣроятнѣйшимъ послѣдствіемъ несостоятельности теперешняго положенія дѣлъ. Такую катастрофу можно предотвратить только своевременною реформою сверху. *Не совокупность несостоятельныхъ требованій даетъ силу революціоннымъ движеніямъ, но обыкновенно ограниченная часть справедливыхъ требованій даетъ предлогъ къ революціи и сообщаетъ движенію устойчивую и опасную силу*“.

Такимъ образомъ въ широтѣ готовыхъ, если не плановъ, то цѣлей гр. Бисмарка нельзя сомнѣваться въ виду неопровержимыхъ фактовъ. Но въ какой степени они совпадали съ планами различныхъ партій, особенно той, которая требовала отъ правительства энергической инициативы въ дѣлѣ преобразованія союза?

¹⁾ Reden, I, 124—125.

Изъ предыдущаго очерка историческаго развитія идеи германскаго единства достаточно ясно, что національное движеніе было связано съ либеральными стремленіями, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Неудовлетворенные политическими учрежденіями отдѣльныхъ государствъ, нѣмецкіе патриоты переносили всѣ свои надежды на будущую союзную конституцію. Въ ней должны были осуществиться ихъ идеалы, и не только въ ней, но чрезъ нее и въ отдѣльныхъ государствахъ. Союзная конституція должна была обезпечить основныя гражданскія и политическія права всей германской націи. Если германскіе патриоты звали въ первенствѣ Пруссію, то вовсе не ради увеличенія ея собственнаго могущества, а потому, что держава эта, по своей компактности и хорошей организаціи, могла быть наилучшимъ ослотокомъ Германіи и, по своему чисто нѣмецкому характеру, могла отождествить себя съ „общимъ отечествомъ“. Но для этого, по ихъ мнѣнію, нужно было, чтобы Пруссія дѣйствительно стала во главѣ Германіи во всѣхъ отношеніяхъ. Ея прогрессивная экономическая политика дала уже ей возможность организовать таможенный союзъ. Либеральныя политическія учрежденія сдѣлали бы ее центромъ Германіи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. При этихъ условіяхъ она могла бы создать могущественную и свободную Германію, о каковой мечтали Ариды, В. Гумбольдты, Штейны, Гагерны.

Г. Бисмаркъ стоялъ на другой почвѣ. Въ „общемъ отечествѣ“, какимъ оно представлялось въ 1862 году, онъ не видѣлъ никакой твердой точки опоры; онъ видѣлъ предъ собою извѣстныя реальныя и разнородныя силы, между которыми нужно было сдѣлать выборъ. Спасеніе Германіи онъ полагалъ въ увеличеніи могущества Пруссіи и въ установленіи ея постояннаго преобладанія. Увеличивать силу Пруссіи значило, въ его глазахъ, служить дѣлу германскаго единства наиболѣе практическимъ образомъ. Отвѣчая, во время Шлезвигъ-Гольштейнскаго столкновенія, депутату Шульце-Деличу, онъ сказалъ, между прочимъ:

„Ораторъ упрекнулъ насъ въ томъ, что мы не хотимъ ничего знать о Германіи. Должно быть, въ этомъ словѣ заключается особенное очарованіе. Мы видимъ, что каждый хочетъ усвоить его себѣ и каждый называетъ „нѣмецкимъ“ то, что ему полезно, что выгодно съ точки зрѣнія его партіи и измѣняется съ нею, смотря по необходимости. Такъ случается, что въ инныя времена называютъ „нѣмецкимъ“ сопротивление союзу, въ другія считается „нѣмецкою“ поддержка союза,

сдѣлавшагося прогрессивнымъ ¹⁾. Быть можетъ, насъ упрекнуть и въ томъ, что мы ничего не хотимъ знать о Германіи изъ-за частныхъ интересовъ. Но я могу съ полнымъ правомъ возвратить этотъ упрекъ монимъ противникамъ: *вы не хотите ничего знать о Пруссіи*, потому что это не соотвѣтствуетъ интересу и точкѣ зрѣнія вашей партіи, потому что вамъ удобнѣе или вовсе игнорировать Пруссію или отставлять ея существованіе лишь въ качествѣ домена „народнаго союза“ ²⁾.

Г. Бисмаркъ постоянно ратовалъ противъ теоріи, бывшей въ ходу въ 1848 г., что „Пруссія должна войти въ Германію“. Онъ склонялся къ противоположной теоріи ³⁾. Но для этого Пруссія нуждалась, по его мнѣнію, прежде всего въ матеріальныхъ силахъ. Она должна была занять въ Германіи положеніе, подобающее ей по праву, не дожидаясь того момента, когда въ силу ея „нравственныхъ“ завоеваній, германскіе народы свободно признаютъ ея главенство. Военная реформа для нея нужнѣ либеральныхъ измѣненій въ конституціи, приличныхъ меньшимъ государствамъ, которыми больше нечего дѣлать. Таково содержаніе его знаменитой рѣчи 29-го сентября 1862 г. „Германія смотритъ не на либерализмъ, но на мощьство Пруссіи“, говорилъ онъ. „Пусть Баварія, Вюртембергъ и Баденъ потворствуютъ либерализму; изъ-за этого никто не придастъ имъ роли Пруссіи. Пруссія должна беречь свою силу для благоприятной минуты, которая уже нѣсколько разъ приходила; границы Пруссіи невыгодны для здороваго государственнаго организма. Великіе вопросы нашего времени разрѣшаются не рѣчами и постановленіями большинства—въ этомъ состояла ошибка 1848 и 1849 годовъ, — но желѣзомъ и кровью“.

По глубокому убѣжденію гр. Бисмарка интересы Пруссіи были тождественны съ интересами *всей* Германіи, а интересы отдѣльныхъ

¹⁾ Рѣчь была сказана въ 1864 г., когда большинство на германскомъ сеймѣ открыто стало на сторону кандидатуры принца Августенбургскаго въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, следовательно подчинилось требованіямъ либеральной партіи.

²⁾ Reden, I, стр. 101.

³⁾ Reden, I, стр. 106—107. Рѣчь сказана въ опроверженіе графа Шверина. Предыдущій ораторъ, гонористъ г. Бисмаркъ, выставлялъ разные тезисы, которыхъ я не оспаривалъ, и оспаривалъ другіе, которыхъ я не выставлялъ.... Къ послѣднимъ принадлежитъ утвержденіе, что Пруссія должна быть отдѣлена отъ Германіи. Это даже географически невозможно, въ этомъ убѣждаетъ взглядъ на карту. Спрашивается только въ Германіи—кто долженъ вести?—или какъ выразился предыдущій ораторъ, кто долженъ войти въ другаго? (wer soll im Anderen aufgehen) и т. д.

государствъ, противорѣчившіи интересамъ Пруссіи, тѣмъ самымъ противорѣчили и пользамъ общаго отечества. Г. Бисмаркъ осудилъ партикуляризмъ строже, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Полная независимость отдѣльныхъ государствъ была, въ его глазахъ, какъ бы постояннымъ оскорбленіемъ единственной представительницѣ германской идеи — Пруссіи; она прикрывала лишь ихъ эгоистическія цѣли. Не его, убѣжденію, Германія способна была только *принять* отъ Пруссіи благодѣянія единства, но не способна даже содѣйствовать ей въ исполненіи этой задачи. Когда въ 1865 году правительство требовало чрезвычайнаго кредита для организаціи прусскаго флота на Балтійскомъ морѣ, палата депутатовъ воспротивилась этому требованію, подъ тѣмъ, между прочимъ, предлогомъ, что организація флота есть дѣло общегерманское, а потому должно быть осуществлено совокупными силами всѣхъ правительствъ. „Этому противорѣчить“, сказалъ гр. Бисмаркъ въ своей отвѣтной рѣчи, „то, что вообще въ Германіи частные интереси сильнѣе, чѣмъ сознаніе общности. Этому противорѣчить также и то, что вообще образъ жизни Феакійцевъ повоицѣ жизни Спартанской ¹⁾. *Всѣ охотно позволяютъ себя защищать, но неохотно платятъ и менѣе всего жертвуютъ малѣйшимъ правомъ своей державности на общую пользу.*

Отъ Германіи, „страны Феакійцевъ“, требовалось не содѣйствіе, но послушаніе, и то же самое требовалось отъ всѣхъ общественныхъ силъ. Гр. Бисмаркъ понималъ значеніе устного и печатнаго слова, собраній, ассоціацій, всего того, въ чемъ выражается жизнь общественная; но онъ видѣлъ въ нихъ добавочное средство къ правительственной политикѣ, — средство полезное лишь тогда, когда оно согласно съ этою политикою. Онъ относился къ „словамъ и рѣчамъ“ съ чувствомъ худо-скрываемаго презрѣнія, хотя иногда признавалъ ихъ пользу. Въ 1864 году, при открытіи лондонской конференціи по датскому вопросу, онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей: „настоящее положеніе таково, что мнѣ кажется цѣлесообразнымъ выпустить противъ

¹⁾ *Феакійцы*, жители острова, описываемаго Гомеромъ въ Одиссеѣ. Для характеристики ихъ приводимъ слѣдующее мѣсто:

«Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отлачны;
Быстры ногами за то неслезанно и первые въ морѣ;
Любимъ обѣды роскошныя, пѣніе, музыку, пляску,
Свѣжестъ одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе».

Ср. Одиссея, VIII, 246—249.

датчанства (Dänenthum) на конференціи *встать собаку, желающимъ мять* (простите мнѣ это охотничье сравненіе); совѣшпный лай ставъ подѣйствуетъ на то, что подчиненіе герцогствъ Датскому королевству покажется иностранцамъ невозможнымъ¹⁾.

Но гогось печати, способный оглушить Европу, производилъ на него мало впечатлѣнія. Всѣ его рѣчи, относящіяся къ времени кон- фликта, пронитаны убѣжденіемъ, что палаты не имѣютъ осно- вательныхъ свѣдѣній въ области практической политики, а потому не могутъ руководить дѣйствіями правительства, даже сознательно контролировать ихъ²⁾. На запросы онъ смотрѣлъ или какъ на людей празднаго любопытства³⁾ или какъ на желаніе личнаго ему противо- дѣйствія⁴⁾. И онъ не скрывалъ этихъ возрѣній, въ самый разгаръ парламентской борьбы, предъ расцущеніемъ палаты. 7-го октября 1862 года онъ писалъ своей супругѣ: „За министерскимъ столомъ, предъ ораторомъ на трибунѣ, говорящимъ мнѣ *муности* (der mir Sottisen sagt), между высказаннымъ и еще имѣющимъ послѣдовать объясненіемъ, извѣщаю тебя о своемъ житьѣ-бытьѣ“⁵⁾.

Гр. Висмаркъ выказалъ *безсиліе* прусскихъ палатъ, ихъ ничтоже- ство предъ мощью королевской прерогативы, освященной вѣрами и своею непреклонною волею. Онъ скоро понялъ, что палата депута- товъ, пытавшаяся разыграть роль долгаго парламента, въ сущности не большая политическая величина. Въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ. Вотъ почему его борьба съ палатой и не имѣла того траги- ческаго характера, какъ напримѣръ, борьба Карла I или Іакова II съ ихъ парламентами, и только недалъновидные люди могли предре- кать ему роль Страффорда. Въ 1863 году, при обсужденіи палатой депутатовъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, гр. Висмаркъ энер- гически возражалъ противъ намековъ о томъ, будто бы правительство, съ цѣлью отвлечь вниманіе страны отъ внутреннихъ вопросовъ, на- мѣрено прибѣгнуть къ виѣшнимъ предпріятіямъ.

„Мы думаемъ“, говорилъ онъ, „разрѣшить внутренній вопросъ съ вами или вашими преемниками, безъ всякаго ущерба для виѣшнаго

¹⁾ *Hesekiel*, 140.

²⁾ См. *Reden*, I, 86 и слѣд. 91 и мног. друг.

³⁾ *Reden*, I, 139 и друг.

⁴⁾ Тамъ-же, 102 и мн. друг.

⁵⁾ *Hesekiel*, 201. Это происходило въ томъ засѣданіи, въ которомъ палата отвергла все предложенія министерства.

значенія Пруссіи. Если однако явится необходимость оградить честь и независимость страны, пока еще мы имѣемъ удовольствіе имѣть противъ себя васъ, а не вашихъ преемниковъ, то даже вы сами, господа, не въ состояніи будете отказывать намъ въ тѣхъ средствахъ вышней обороны, въ недостаткѣ которыхъ вы хотите видѣть ослабленіе вышней политики правительства*.

Весь смыслъ этой и другихъ подобныхъ рѣчей сводится къ тому, что, во первыхъ, палата слишкомъ полагается на свое значеніе въ странѣ, гдѣ такъ крѣпки монархическія преданія и велики правительственные средства; что раздоръ съ такою палатою не представляеть существенной важности и не воспрепятствуетъ правительству идти своею дорогою, когда послѣднее будетъ защищать реально интересы государства.

II.

Пререканіе въ полномъ разгарѣ.—Первыя дѣйствія гр. Бисмарка. — Разладъ между нижнею и верхнею палатами.—Голосованіе 7-го октября и декларація 12-го октября.—Отсрочка засѣданій ландтага.—Заявленіе министерства.—Сесія 1863 г.—Конституціонная теорія гр. Бисмарка; рѣчь 27-го января 1863 г.—Положеніе оппозиціи.—Рѣчь Ласеала.—Мнѣніе гр. Бисмарка.—Национальное движеніе въ Германіи.—«Новый духъ» въ Австріи.—Министерство Шмерлинга.—Отношеніе его къ Пруссіи.—Проектъ союзной реформы.—Неудачное свиданіе въ Голштейнѣ.—Франкфуртскій съездъ.—Содержаніе и смыслъ проекта.—Онъ производитъ невыгодное впечатлѣніе.—Отвѣтъ прусскаго правительства.

Г. Бисмаркъ не создалъ, а наслѣдовалъ пререканія съ палатою отъ прежняго министерства. Благоразуміе требовало поэтому изыскать предварительно всѣ средства къ примиренію, —попытки такого рода были сдѣланы, но безъ успѣха, ибо въ основѣ столкновенія лежалъ вовсе не частный вопросъ; оно исходило изъ несогласія относительно самыхъ принциповъ конституціоннаго устройства.

Уже чрезъ пять дней послѣ своего вступленія въ министерство гр. Бисмаркъ счелъ нужнымъ взять назадъ предложенный правительствомъ проектъ государственной росписи, не упомянувъ, однако, о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ кабинета (29-го сентября). Палата депутатовъ объявила, что правительство не можетъ производить какіе бы то ни было расходы безъ утвержденной росписи (7-го октября); но палата господъ, въ противность 62-й ст. конституціи, отвергла измѣленія, сдѣланныя нижнею палатою въ проектѣ росписи, и приняла правительственный проектъ въ цѣломъ его составѣ. Этотъ образъ дѣйствій оскорбилъ палату депутатовъ; въ частномъ собраніи 12-го

октября, подъ предсѣдательствомъ графа Шверина, она объявила постановленіе палаты господъ противоконституціоннымъ, а потому не дѣйствительнымъ, и такимъ, которое не можетъ служить опорой для правительства. На другой день сессія была закрыта, причѣмъ г. Бисмаркъ официально заявилъ слѣдующее:

„Правительство вполне сознаетъ отвѣтственность, возникающую для него изъ настоящаго печальнаго положенія; но оно также сознаетъ обязанности, лежація на немъ по отношенію въ странѣ, и находитъ въ нихъ полномочіе, впредь до законнаго утвержденія росписи, производить расходы, необходимыя для поддержанія существующихъ государственныхъ установленій и для содѣйствія благосостоянію страны, въ увѣренности, что они, въ свое время, получатъ утвержденіе ландтага“.

Ландтагъ не созывался больше до 1863 года; но нижняя палата не была распущена. Мѣра эта представлялась бесполезною, такъ какъ на новыхъ выборахъ очевидно восторжествовала бы та же оппозиціонная партія. Министерство, кажется, хотѣло выиграть время и посмотреть какъ пойдетъ дѣло „безъ бюджета“. Кромѣ того, оно думало сломить оппозицію такими мѣрами, какъ преслѣдованіе депутатовъ, состоявшихъ на государственной службѣ и т. п. Наконецъ, умѣло оно вызвать въ преданной ему части общества многочисленныя заявленія противъ оппозиціи.

Но все это только усилило оппозиціонное настроеніе палаты. Новая сессія была открыта 10-го января 1863 года. Правительство возобновило свои прежнія предложенія. Но первымъ дѣломъ палаты было составленіе адреса, наполненнаго жалобами на несогласный съ существующими учрежденіями образъ дѣйствій министерства. При обсужденіи этого адреса, гр. Бисмаркъ, въ засѣданіи 27-го января, сказалъ рѣчь, имѣющую великое историческое значеніе, такъ какъ она заключала въ себѣ полное изложеніе его взгляда на смыслъ бюджетнаго права по прусской конституціи и на взаимное отношеніе нижней палаты и короны въ возникшемъ пререканіи. Мы остановимся на главнѣйшихъ идеяхъ этой рѣчи, такъ какъ мѣсто не позволитъ намъ привести ее вполне.

„Проектъ (адреса), предложенный вашей комиссіею“, говоритъ онъ, „имѣетъ то неоспоримое достоинство, что онъ уясняетъ наши взаимныя отношенія. Менѣе чѣмъ годъ тому назадъ, если не ошибаюсь, при послѣднихъ выборахъ, мнѣніе, будто бы парламентъ и корона борются въ Пруссіи за владычество надъ страной, было рѣши-

только отвергнуто. Если вы примете адресъ въ настоящемъ его видѣ, то утверждать это будетъ уже невозможно. Я считаю долгомъ обозначить практическое его значеніе въ немногихъ словахъ: онъ клонится къ тому, чтобы конституціонныя правительственныя права, принадлежащія дому Гогенцоллерновъ, передать большинству этой палаты¹⁾.

Затѣмъ ораторъ разбираетъ смыслъ извѣстныхъ уже намъ 99-й и 62-й ст. конституціи, требующихъ согласія трехъ факторовъ законодательной власти для утвержденія бюджета, и продолжаетъ: „Конституція твердо настаиваетъ на *равноуловіи* трехъ законодательныхъ властей во всѣхъ вопросахъ, также и въ государственной росписи; ни одна изъ этихъ властей не можетъ принудить другую въ уступкѣ; поэтому конституція указываетъ на компромиссъ, какъ на путь къ соглашенію. Одинъ опытный въ подобныхъ вопросахъ государственный человѣкъ сказалъ, что конституціонная жизнь слагается постоянно изъ компромиссовъ. Если возможность компромисса устраняется тѣмъ, что одна изъ властей желаетъ провести свой взглядъ съ доктринерскимъ абсолютизмомъ, то этимъ самымъ порождаются конфликты, а такъ какъ теченіе государственной жизни не можетъ прекратиться, то конфликты становятся вопросами силы. Кто обладаетъ силою, тотъ идетъ впередъ по своему усмотрѣнію, ибо государственная жизнь не можетъ остановиться ни на одну минуту“.

Ораторъ припомнилъ, что правительство, уже при прежнемъ министерствѣ, сдѣлало нѣкоторыя уступки, именно сбавило 25% съ добавочныхъ требованій и допустило спеціализацію бюджета. Теперь же уступки невозможны; очередь компромисса не за короной, а за палатой. Безъ уступокъ съ ея стороны конфликтъ не прекратится. Конституція не дастъ отвѣта на вопросъ, что будетъ, если три органа законодательной власти не согласятся относительно росписи. „Здѣсь возможны“, замѣтилъ гр. Бисмаркъ, „различныя теоріи; изъ коихъ нѣкоторыя благоприятны правительству, другія же нѣтъ; но я не намѣренъ ихъ разбирать. Для меня достаточно лишь необходимости, чтобы государство существовало¹⁾“.

Итакъ, съ точки зрѣнія оратора, правительство не только могло, но должно было расходовать государственныя суммы безъ росписи, по праву государственной необходимости (*Staatsnothrecht*); онъ приравнивалъ конфликтъ къ такимъ минутамъ общественной жизни, когда

¹⁾ Reden, I, 18—24.

всякая конституція вооружаетъ исполнительную власть чрезвычайными правами, даже правомъ приостанавливать дѣйствіе законовъ. Оппозиція возражала противъ этого толкованія. Съ ея точки зрѣнія, право государственной необходимости подчинено известнымъ условіямъ, опредѣленнымъ конституціею; данный случай не подходилъ ни подъ одно изъ нихъ. Мысль эта была развита, между прочимъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ германскихъ публицистовъ и ораторовъ, Ласкеромъ¹⁾. Но все это нисколько не увеличивало средствъ парламентской оппозиціи. Палата, умѣвшая дѣлать логическіе выводы изъ „принциповъ“, не обладала этою способностью, когда рѣчь шла объ осуществленіи *идеи*. Этимъ она отличалась отъ своего знаменитаго противника. Для всѣхъ было ясно, что за бюджетнымъ вопросомъ скрывалось стремленіе палаты расширить свои права. Но какъ же могла она достигнуть этой цѣли? Конституція давала ей для этого только одно средство: право не утверждать роспись — средство сильное лишь на первый разъ, да и то подъ условіемъ уступчивости кабинета. Во второй и въ третій разъ оно теряло свое значеніе, а подъ конецъ и всякій смыслъ. Это вѣрно было замѣчено даже такимъ радикаломъ, какъ Лассаль. Въ двухъ рѣчахъ своихъ о конфликтѣ, онъ доказывалъ, что въ Пруссіи „писанная“ конституція не соотвѣтствуетъ дѣйствительному соотношенію общественныхъ и правительственныхъ силъ; палата не можетъ измѣнить такого соотношенія, ибо всѣ матеріальныя средства не въ ея рукахъ. Задача ея должна состоять лишь въ томъ, чтобъ указать на эту призрачность конституціи, а именно объявить, что она не считаетъ согласнымъ съ своимъ достоинствомъ сохранять лишь внѣшній видъ конституціоннаго порядка, а потому приостанавливаетъ свои засѣданія на неопредѣленное время, а именно до тѣхъ поръ, пока кабинетъ не представитъ доказательствъ, что онъ прекратилъ не утвержденные расходы. Кромѣ этого средства, говорилъ Лассаль, у палаты нѣтъ никакого. Очевидно, что было бы самымъ жалкимъ и нелѣпымъ иллюзіей думать, что палата можетъ восторжествовать надъ министерствомъ, продолжая засѣдать и отвергать хоть бы всѣ остальные его требованія. Если министерство считаетъ несуществующимъ, игнорируетъ первый отказъ палаты, то возможно ли, чтобы второй, третій, четвертый ея отказы дѣйствовали сильнѣе? Напротивъ, оно только привыкнетъ считать недѣйствительными неудобныя для него

¹⁾ Эдуардъ Ласкеръ, род. въ 1829 г. См. Сборникъ его статей: «Zur Verfassungsgeschichte Preussens», стр. 209 и слѣд.

рѣшенія палаты, и такого рода отношеніе къ ней будетъ мало по малу, и съ полнымъ правомъ, усвоено и публикою.

Противъ этого можно лишь возразить, что и средство, предложенное Лассалемъ, могло оказаться недѣйствительнымъ. Но совершенно справедливо, что путь „отверженія“, хотя-бы всѣхъ министерскихъ проектовъ, былъ путемъ наименѣе дѣйствительнымъ. Подъ конецъ онъ наглядно долженъ былъ доказать силу министерства, обходящагося безъ палаты, и безсиліе палаты, влачившей безцѣльное существованіе.

Нельзя не припомнить здѣсь словъ, сказанныхъ г. Бисмаркомъ въ палатѣ по поводу требованія сверхсѣтнаго кредита на устройство флота. „Я не могу удержаться отъ болѣзненного ощущенія, когда вижу, что собраніе, считающееся въ Европѣ средоточіемъ прусской интеллигенціи и патриотизма, въ виду великаго національнаго вопроса, двадцать лѣтъ занимающаго общественное мнѣніе, не можетъ возвыситься ни до какого другаго отношенія къ этому вопросу, кромѣ *безсильнаго отрицанія* (einer impotenten Negative). Не такимъ средствомъ удастся вамъ сообщить нашимъ конституционнымъ учрежденіямъ ту вѣрность и то дальнѣйшее развитіе, въ какихъ они нуждаются“¹⁾.

Министерство вносило разныя предложенія, палата ихъ отвергала, не имѣя возможности настоять на принятіи *своихъ* плановъ; она ежегодно не утверждала бюджетъ — министерство продолжало собирать и расходовать налоги, — вотъ, въ двухъ словахъ, исторія всей парламентской борьбы, измѣнившей свой драматическій характеръ въ комическій. Предсказаніе демагога Лассала сбылось: „конфликтъ“ сдѣлался обычнымъ и совершенно незамѣтнымъ явленіемъ государственной жизни.

Подобнаго результата не предвидѣли, однако, въ другихъ государствахъ Германіи. Парламентское пререканіе вызвало здѣсь двойное движеніе. Патриоты, преимущественно члены „Народнаго Союза“, сочли долгомъ высказать неодобреніе политикѣ прусскаго правительства; по мнѣнію ихъ, оно выступало на путь, на которомъ лишалось права быть центромъ національнаго движенія и стоять во главѣ общаго отечества. Въ различныхъ политическихъ центрахъ Германіи парламентскія затрудненія прусскаго правительства казались удоб-

¹⁾ Reden, I, 148.

нимъ предложено преобразовать союзъ безъ его содѣйствія и къ собственной ихъ выгодѣ.

Такъ думалъ, между прочимъ, вѣнскій кабинетъ, во главѣ коего стоялъ теперь уже извѣстный намъ г. Шмерлингъ. Министерство его самою смлою вещей призвано было къ либеральной политикѣ, по крайней мѣрѣ къ высшему либерализму. Событія 1859 г. нанесли ударъ ультра-консервативной партіи, и Австрія усиливалась подняться въ общественномъ мнѣніи Германіи, въ поддержкѣ второй она нуждалась для своихъ венгерскихъ и венеціанскихъ дѣлъ. Съ 1861 г. эта страна вступила, хотя и робкими шагами, на путь конституціонализма, причемъ новыя учрежденія должны были служить и централизаторскимъ планамъ Шмерлинга. Прусскій конфликтъ доставилъ ей случай испытать свои силы и въ Германіи по вопросу о союзной реформѣ. Вскорѣ это сдѣлалось даже необходимо.

Въ началѣ 1863 года г. Бисмаркъ рѣшился, развѣ навсегда, выяснить отношенія Пруссіи къ Австріи. Онъ попытался сдѣлать это въ формѣ личныхъ объясненій съ австрійскимъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ, графомъ Кароли (Karolyi), и результаты этихъ объясненій были изложены имъ въ циркулярной нотѣ отъ 24-го января 1863 г. Смыслъ ея состоитъ въ слѣдующемъ. По мнѣнію г. Бисмарка, отношенія Австріи къ Пруссіи должныствовати улучшиться или ухудшиться, но не могли оставаться такими, какими были до сихъ поръ. Со времени князя Шварценберга Австрія разчитывала утилизировать союзныя учрежденія въ свою пользу и въ явный ущербъ Пруссіи; она стремилась производить постоянное давленіе на свою соперницу посредствомъ сеймоваго большинства. Пруссія не могла подчинить этому большинству своихъ интересовъ великой державы. Она призвана была раздѣлять съ Австріею первенство въ Германскомъ союзѣ и во всякомъ случаѣ не слѣдовало предлагать сейму никакой мѣры безъ предварительнаго соглашенія двухъ первенствующихъ державъ. Въ противоположномъ образѣ дѣйствій прусскій кабинетъ долженъ былъ видѣть нарушеніе союзной конституціи и предоставлялъ себѣ право дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Независимо отъ такого заявленія, прусское правительство еще въ іюль 1862 г. признало Итальянское королевство и показало этимъ, что оно вовсе не намѣрено поддерживать притязанія Австріи относительно Италіи, и не раздѣляетъ установившагося въ прочихъ германскихъ государствахъ мнѣнія объ „интересахъ“ Германіи на Аппенинскомъ полуостровѣ.

Такия отважныя дѣйствія требовали смѣлаго отпора, особенно въ виду не разрѣшившагося еще вопроса о таможенномъ союзѣ ¹⁾. Моментъ для отпора, повидимому, былъ благоприятенъ, ибо прусское правительство было въ значительной степени изолировано въ Германіи. Оно держалось въ сторонѣ отъ національнаго движенія, охватившаго всѣ классы общества, и отвергало проекты реформъ, исходящія изъ правительственныхъ сферъ; оно вступило въ столкновение съ своею нижнею палатою, прибѣгло къ стѣсненіямъ печати,—и все это въ то время, когда прочія правительства непрерывно дѣлали уступки либеральнымъ и даже демократическимъ требованіямъ. Еще не за долго предъ тѣмъ вынуждено было выдти въ отставку непопулярное министерство фонъ-деръ-Шфордтена; министерство же г. Бисмарка держалось, не смотря на такую оппозицію, о какой не было и помину въ мирной Баваріи.

Всякая попытка преобразовать союзное устройство, всякій шагъ на пути національнаго движенія должны были, повидимому, привлечь на сторону Австріи всю Германію, упрочить надолго ея поколебавшеся первенство и оттѣснить на второй планъ соперничество дома Гогенцоллерновъ.

Лѣто 1863 г. было особенно тяжело для прусскаго правительства. Въ маѣ сессія ландтага была закрыта при сильнѣйшемъ взаимномъ раздраженіи; въ послѣдующіе мѣсяцы былъ подготовленъ проектъ союзной реформы, при чемъ было рѣшено передать его на обсужденіе не сейма, а самихъ государей, долженствовавшихъ собраться во Франкфуртъ подъ предсѣдательствомъ австрійскаго императора.

Конечно, вѣнскій кабинетъ понималъ, что подобный съѣздъ и самый проектъ не могутъ имѣть успѣха безъ согласія Пруссіи. Король находился тогда въ Гаштейнѣ; 2-го августа императоръ Францъ-Іосифъ прибылъ туда-же и въ личномъ свиданіи съ Вильгельмомъ I открылъ ему свои планы. Король, по совѣщаніи съ находившимся при немъ г. Бисмаркомъ, далъ уклончивый отвѣтъ, заключавшійся въ томъ, что, по его мнѣнію, проектъ нуждался въ предварительномъ обсужденіи его на министерскихъ конференціяхъ. Не смотря на это, императоръ разослалъ ко всѣмъ германскимъ государямъ формальное приглашеніе прибыть во Франкфуртъ. Прусское правительство осталось при прежнемъ мнѣніи и отвѣчало отказомъ, но всѣ остальные государи явились и блестящій этотъ конгрессъ былъ открытъ ⁵/₁₇ августа.

¹⁾ См. ниже.

Положеніе Берлинскаго кабинета, въ виду таковаго событія, было не особенно выгодно. Германія могла, повидимому, съ основаніемъ упрекать его, что онъ не хочетъ принять участія въ великомъ національномъ дѣлѣ, въ то время какъ всѣ государи идутъ на встрѣчу новымъ требованіямъ и отъликаются на призывъ первенствующаго члена союза. Мемуаръ австрійскаго кабинета, заключавшій въ себѣ объясненіе проекта, довольно ядовито намекалъ на послѣдствія такого „воздержанія“ Берлинскаго двора. „Воля Пруссіи“, говорилось здѣсь, „можетъ, фактически и юридически воспрепятствовать реформѣ общегерманской конституціи... Но дѣла зашли въ Германіи такъ далеко, что абсолютный застой невозможенъ и правительства, признающія это, будутъ наконецъ вынуждены провести по частямъ предполагаемую реформу, и съ цѣлю дать возможно широкое примѣненіе своему праву, при сохраненіи союзныхъ отношеній, вступать между собою въ свободные союзы“.

Такимъ образомъ Австрія думала воспользоваться противъ Пруссіи ея же стариннымъ оружіемъ, то-есть, идеею „союза въ союзы“, причемъ Пруссія должна была теперь разыграть роль, нѣкогда предназначавшуюся ея соперницѣ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, она была спасена полною несостоятельностью самаго проекта, построеннаго на такихъ началахъ, которыя ни одна партія, кромѣ безсильнаго *Revolutionairen's*, не могла назвать своими.

Австрійскій проектъ предполагалъ сохранить въ полной силѣ конфедеративное начало, съ нѣкоторыми лишь улучшеніями. Союзная власть ввѣрялась директоріи изъ пяти голосовъ — трехъ самостоятельныхъ и двухъ сложныхъ. Три самостоятельныхъ голоса принадлежали Австріи, Пруссіи и Баваріи; два остальныхъ предоставлялись Виртембергу, Саксоніи или Ганноверу, долженствовавшимъ служить представителями прочихъ государствъ. Директоріи принадлежало право войны и мира, распоряженіе войсками, попеченіе о внутреннемъ порядкѣ, правосудіи, финансовое управленіе, завѣдываніе таможенными и торговыми дѣлами; предсѣдательство въ директоріи оставалось за Австріею; дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ. Рядомъ съ этою высшею исполнительною властью предполагалось сохранить „тѣсный совѣтъ“ (*Plenum* уничтожался) съ весьма сокращенною компетенціею. Наконецъ, для участія въ законодательствѣ (весьма ограниченнаго), предполагалось устроить родъ палаты представителей изъ 300 членовъ; они должныствовали быть избираемы палатами каждаго отдѣльнаго государства; двѣ трети изъ нихъ — нижними, одна треть —

верхними палатами. За симъ половина этихъ 300 членовъ распредѣлялась между Австрією и Пруссією, а другая половина между прочими государствами.

Проектъ вызвалъ неудовольствіе въ разныхъ слояхъ германскаго общества. Съѣздъ депутатовъ отъ палатъ многихъ государствъ, въ мнѣніи, редактированномъ ученымъ историкомъ Гейссеромъ, высказался въ томъ смыслѣ, что проектъ не отвѣчаетъ справедливымъ стремленіямъ германскаго народа къ единству, что стремленія эти могутъ быть удовлетворены лишь реформой, построенною на началахъ имперской конституціи 1849 г. Сами государи не вполне были согласны съ его началами. Тѣмъ не менѣе, проектъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ ¹⁾, былъ принятъ большинствомъ голосовъ ²⁾. Предъ закрытіемъ засѣданій, конгрессъ обратился къ прусскому королю съ пламеннымъ воззваніемъ, приглашая его принять участіе въ общемъ дѣлѣ.

Теперь г. Бисмаркъ могъ побѣдить Австрію собственнымъ ея оружіемъ, за которое она такъ неосторожно взялась, — оружіемъ либеральныхъ стремленій. Аргументація прусскаго министерства была направлена главнымъ образомъ противъ трехъ началъ австрійскаго проекта, изъ которыхъ два отвергались съ точки зрѣнія прусскихъ интересовъ, третье — съ точки зрѣнія интересовъ національныхъ. Г. Бисмаркъ возражалъ противъ рѣшенія всѣхъ, даже важнѣйшихъ вопросовъ, большинствомъ голосовъ, которому должны были подчиняться обѣ великія державы; затѣмъ, противъ исключительнаго первенства Австріи, при которомъ Пруссіи отводилось мѣсто лишь на ряду съ прочими государствами; наконецъ, противъ странной системы общегерманскаго представительства, предложеннаго проектами. Берлинскій кабинетъ требовалъ: 1) veto для Пруссіи и Австріи въ дѣлахъ, по крайней мѣрѣ, наступательной войны; 2) равноправности Австріи и Пруссіи; 3) общенароднаго представительства, основаннаго на прямыхъ и поголовныхъ выборахъ; 4) обсужденія проекта будущей конституціи не одними правительствами, но и избраннымъ для этой цѣли національнымъ собраніемъ или, по крайней мѣрѣ, ландтагами отдѣльныхъ государствъ.

Пруссія заявила, что на этихъ основаніяхъ она готова присту-

¹⁾ Главное измѣненіе состояло въ томъ, что число голосовъ въ директоріи увеличено съ 5 на 6.

²⁾ Кромѣ Бадена и Мекленбурга.

пить къ выработкѣ союзной реформы на министерскихъ конференціяхъ. Но конференціи эти не состоялись. Въ концѣ 1863 г. выдвинутъ былъ на первый планъ другой вопросъ, начиналась трагедія, первый актъ коей разыгрался на Эльбѣ и Эйдерѣ, а послѣдній въ Версалѣ.

III.

Смерть Фридриха VII датскаго.—Наслѣдіе лондонскаго протокола.—Исключительное положеніе Даніи и причины ея распри съ Германією.—Общая конституція и мѣстныя особенности.—Исторія герцогствъ.—Договоръ 1460 года.—Закопъ о престолонаслѣдіи въ Даніи 1665 года.—Патентъ 1721 года.—Попытки объединеній.—Мѣры Фридриха VII.—Тяжба съ союзомъ.—Конституція 1863 года.—Шлезвигъ-Гольштейнская агитація въ Германіи.—Кандидатура принца Августенбургскаго.—Мечты германскихъ патриотовъ.—Адресъ второй палаты въ Пруссіи.—Противодѣйствіе г. Бисмарка.—Его взглядъ на силу лондонскаго договора.—Союзъ съ Австрією.—Сеймъ принужденъ ограничиться эзекуцією.—Комитетъ 36.—Принцъ Августенбургскій въ Килѣ.—Начало датской войны.—Лондонская конференція; ея неудача.—Отторженіе герцогствъ отъ Даніи, въ пользу Австріи и Пруссіи.—Вѣнскій миръ 30-го октября 1864 г.—Его смыслъ и послѣдствія.—Планы г. Бисмарка и прелютствія, встрѣченныя имъ.—Настроеніе сейма—Январская декларація.—Переговоры съ Австрією.—«Февральскія условія».—Оппозиція прусской палаты депутатовъ.—«Политика молчанія».—Рѣчь г. Бисмарка 1-го іюня 1865 года.—Ганштейнскій договоръ и впечатлѣніе, имъ произведенное.—«Послѣднее предостереженіе».

Событіе, подавшее поводъ къ измѣненію всѣхъ союзныхъ отношеній въ Германіи, резюмируется въ двухъ словахъ: 13-го ноября 1863 года скончался датскій король Фридрихъ VII.

Смерть его возбудила много серьезныхъ вопросовъ. Мы уже видѣли, что, по различію законовъ о престолонаслѣдіи въ Даніи и Шлезвигъ-Гольштейнѣ, эти двѣ страны должны были раздѣляться. Въ видахъ общеевропейской политики, означенное затрудненіе было устранено лондонскимъ трактатомъ 1852 г., гарантировавшимъ цѣлость датской монархіи. Протоколъ былъ подписанъ Австрією и Пруссією. Каждая изъ этихъ двухъ державъ заключила съ Фридрихомъ VII договоръ, основанный на началахъ лондонскаго протокола ¹⁾. Ближайшій наслѣдникъ герцогствъ, Христіанъ-Августъ Августенбургскій, согласился отказаться отъ своихъ правъ за 2¹/₄ милл. талер., на которые были приобрѣтены имъ разныя помѣстья. Оба сына его,

¹⁾ Лондонскій протоколъ признали послѣ того: Ганноверъ, Еургессенъ, Саксонія и Виртембергъ.

по достиженіи ими совершеннѣтїа, долго воздерживались отъ всякихъ протестовъ и лишь въ 1860 году старшій изъ нихъ, принцъ Фридрихъ, счелъ долгомъ протестовать,—но врядъ ли протестъ его могъ имѣть особенное значеніе.

Дѣло было, повидимому, улажено; но въ области международнаго права нѣтъ ни одного вопроса, окончательно рѣшеннаго. Сила всегда можетъ воспользоваться малѣйшимъ предлогомъ, чтобы ниспровергнуть всякое зданіе, какъ бы оно ни казалось прочно. А въ данномъ случаѣ такихъ предлоговъ было не мало: вопервыхъ, Германскій союзъ, въ цѣломъ составѣ, не признавалъ лондонскаго протокола; вовторыхъ, въ трактатахъ, заключенныхъ съ датскимъ правительствомъ, была выговорена неприкосновенность „мѣстныхъ особенностей“ герцогствъ,—условіе весьма неопредѣленное и двусмысленное. Какія обязанности налагало оно на Данію? Могло ли датское правительство, сохраняя разныя мѣстныя привилегіи, распространить на всю монархію дѣйствіе общей для всего государства конституціи? На первый взглядъ здѣсь не было ничего невозможнаго.

Мы видимъ много государствъ, признающихъ мѣстныя особенности, но имѣющихъ также и общее устройство, согласованное съ этими особенностями. Для Даніи такая общая конституція была необходимостью. Какъ могла она иначе достигнуть даже внѣшняго единства, необходимаго для каждаго государства? А подобное единство было логическимъ послѣдствіемъ лондонскаго договора, основаннымъ на принципѣ *цѣлости* датской монархіи.

Но какъ провести границу между мѣстнымъ и общимъ? Какъ опредѣлить условія, при которыхъ общее не будетъ нарушать мѣстнаго? Данія была поставлена въ такія печальныя условія, при которыхъ *всякая* попытка съ ея стороны объединить свои части истолковывалась мѣстною оппозиціею въ смыслѣ нарушенія „привилегій“, а мѣстная оппозиція встрѣчала грозкій отголосокъ въ Германіи, издавна раздраженной противъ стараго врага „нѣмецкихъ правъ“ на сѣверѣ. Къ этому присоединялась необыкновенная запутанность взаимныхъ юридическихъ и этнографическихъ отношеній разныхъ частей датской монархіи.

Врядъ ли въ архивахъ какого-нибудь суда можно найдти дѣло болѣе запутанное; врядъ ли возможно было, со строго національной точки зрѣнія, рѣшить, кому долженъ принадлежать Шлезвигъ ¹⁾.

¹⁾ Шлезвигъ (166 кв. м.) имѣлъ въ 1860 слѣдующій составъ народонасе-

Со времени великаго переселенія народовъ, на небольшомъ пространствѣ земли, составляющей территорію „соединенныхъ герцогствъ“, шла упорная борьба между скандинавскимъ и нѣмецкимъ элементами. Перевѣсъ склонялся то на ту, то на другую сторону. Въ общихъ чертахъ, борьба дала слѣдующій результатъ. Гольштейнъ сложился въ чисто нѣмецкое герцогство; онъ былъ признанъ имперскою землею и впослѣдствіи сдѣлался частью германскаго союза¹⁾; Шлезвигъ былъ тѣснѣе связанъ съ Даніею и не составлялъ части германской территоріи. Но и въ пользу германскихъ патриотовъ, простиравшихъ свои виды на Шлезвигъ, можно было привести нѣсколько аргументовъ. Главнѣйшій изъ нихъ заключался въ томъ, что въ XV вѣкѣ оба герцогства были соединены подъ властью герцога Адольфа VIII изъ дома Шауенбургговъ²⁾; по смерти бездѣтнаго Адольфа, они избрали своимъ правителемъ его племянника, датскаго короля Христіана I, изъ дома Ольденбургскаго³⁾.

Земскіе чины заключили съ новымъ королемъ, 5-го марта 1460 года, договоръ, въ силу коего была признана нераздѣльность двухъ герцогствъ и ихъ мѣстныхъ привилегій. Конечно, „нераздѣльность“ герцогствъ можно было поддерживать только въ смыслѣ общности дѣйствовавшей въ нихъ права, но не въ смыслѣ единства политическаго. Послѣднее не могло осуществиться уже потому, что датскія земли не выработали еще принципа единонаслѣдія. Различныя части монархіи дѣлились между наслѣдниками; образовывались новыя династіи, причемъ путаница въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ напоминаетъ удѣльный періодъ нашей исторіи. Съ большимъ успѣхомъ поддерживали датскіе короли единство своей земли съ Шлезвигомъ; но Гольштейнъ, подъ господствомъ Готторпской линіи, успѣлъ

ленія (по языку): 135.000 датскаго, 33.000 фризскаго, 146.000 нѣмецкаго, 85.000 смѣшаннаго. М. Блокъ, Dictionnaire général de la politique, II, 888.

.. 1) Выѣвъ съ Лауэнбургомъ.

2) Домъ Шауенбургговъ получилъ графства Гольштейнъ и Сторморнъ въ 1125 году. Онъ достигъ владычества надъ Шлезвигомъ и большею частью Гольштейна въ 1386 году. Послѣ продолжительной борьбы съ Даніею, въ теченіе которой Шлезвигъ опять отпадалъ отъ Гольштейна, оба земли соединились подъ властью герцога Адольфа VIII (1421—1450)—въ 1440 г.

3) Христіанъ I (род. въ 1426 г., ум. въ 1481 г.), сынъ Дидриха Счастливаго, графа Ольденбургскаго, былъ избранъ Датчанами въ короли послѣ расторженія Кольмарской уніи (1397 г.) въ 1448 г.

обособиться. Лишь въ XVIII вѣкѣ были утверждены права датской короны на эти земли ¹⁾).

Отношенія усложнились еще вслѣдствіе того обстоятельства, что въ 1665 году король Фридрихъ III измѣнилъ датскій законъ о престолонаслѣдіи, допустивъ къ наслѣдованію женщинъ, между тѣмъ какъ въ герцогствахъ сохранился прежній порядокъ. Вслѣдствіе того монархія должна была распастись съ прекращеніемъ мужскаго поколѣнія датскаго дома.

Въ XVIII вѣкѣ была сдѣлана попытка исправить ошибку Фридриха III, а именно Фридрихъ IV, въ 1721 году, особымъ патентомъ думалъ распространить новый датскій законъ и на Шлезвигъ; но смыслъ патента и обстоятельства, при которыхъ онъ явился, даютъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ.

Несомнѣнно только то, что Шлезвигъ никогда не былъ органически связанъ съ Даніею, а Гольштейнъ былъ соединенъ только съ царствующимъ датскимъ домомъ, по пресѣченіи мужскаго поколѣнія коего онъ долженъ былъ перейти къ другой линіи. Эти затрудненія и думала устранить лондонская конференція 1852 года, гарантировавъ цѣлостъ датской монархіи. Логическимъ послѣдствіемъ этой „цѣлости“ долженствовало быть единство политическое, хотя съ соблюденіемъ мѣстныхъ особенностей герцогствъ. Фридрихъ VII совершилъ попытку такого объединенія. Въ 1855 году датскій ригс-радтъ принялъ общую для всего королевства конституцію; шлезвиг-гольштейнскіе чины обратились съ жалобой къ германскому сейму; послѣдній велъ переговоры съ датскимъ правительствомъ и наконецъ, въ 1858 году, пригрозилъ ему экзекуціею. Король отчасти уступилъ сейму; введеніе конституціи въ дѣйствіе было приостановлено для Гольштейна и Лауэнбурга, но не для Шлезвига. Земскіе чины этой области снова протестовали, и на этотъ разъ Австрія и Пруссія, подписавшія лондонскій протоколъ лишь подъ условіемъ сохраненія мѣстныхъ особенностей Шлезвига, адресовали копенгагенскому кабинету сильную ноту, объявивъ, что будутъ ждать его рѣшенія до начала 1862 года. Но общественное движеніе въ Даніи не прекращалось. Національно-демократическая партія громко требовала тѣснѣйшаго соединенія Даніи съ Шлезвигомъ и правительство вознамѣрилось

¹⁾ По договору короля Христіана VII (1766—1808 г.) съ русскимъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, какъ законнымъ наслѣдникомъ гольштейнскимъ, въ 1773 г.

разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ: Гольштейнъ долженъ былъ получить особое устройство, Шлезвигъ соединиться съ Даниєю. 28-го сентября 1863 году датское министерство снова внесло въ ригсрадтъ проектъ общей конституціи; германскій сеймъ отвѣтилъ на это (1-го октября) постановленіемъ объ экзекуціи. Ригсрадтъ принялъ конституцію, которой не доставало теперь только королевскаго утвержденія. Фридрихъ VII предоставилъ эту заботу своему преемнику.

Христіанъ IX, уступая требованіямъ датской національной партіи, подписалъ конституцію 18-го ноября 1863 года. Вслѣдствіе того война между нимъ и Германією сдѣлалась неизбежною. Европа, нѣкогда заботившаяся о „цѣлости“ датской монархіи, вручившая королю Христіану весьма тяжкое бремя, оставила его теперь одного. Въ пользу его послышался только голосъ г. Бисмарка, громко заявившаго о своемъ уваженіи къ лондонскому договору.

Смерть Фридриха VII и послѣдующія событія привели всю Германію въ истинно лихорадочное состояніе. Всѣ партіи, какъ во второстепенныхъ государствахъ, такъ въ Австріи и въ Пруссіи, единогласно провозгласили, что теперь наступила минута отторгнуть Шлезвигъ-Гольштейнъ и возвратить ихъ законному наслѣднику — принцу Фридриху Августенбургскому. Это національное движеніе представляло не мало комическихъ сторонъ. Нельзя было, говорить одинъ наблюдатель, смотрѣть безъ смѣха, какъ на демократическихъ сходкахъ, яростные демагоги съ жаромъ выводили наслѣдственные права принца изъ давно забытыхъ генеалогическихъ таблицъ. Не менѣе странною казалась самая кандидатура. Сынъ претендента, отказавшагося отъ своихъ правъ за деньги, долго проживавшій въ помѣстьяхъ, купленныхъ на эти деньги, и долго воздерживавшійся отъ протестовъ, герцогъ Августенбургскій вдругъ предъявилъ теперь свои права на области, вовсе не имѣвшія о немъ понятія. Онъ обратился къ населенію этихъ областей съ протестомъ, въ которомъ именовалъ себя герцогомъ Фридрихомъ VIII, но вмѣстѣ съ тѣмъ не спѣшилъ къ своимъ подданнымъ, не смотря на патриотическое ихъ настроеніе. Онъ ждалъ разрѣшенія вопроса въ Германіи и проживалъ пока въ Готѣ, гдѣ окружилъ себя „министерствомъ“.

Общественное движеніе въ Германіи принимало серьезный оборотъ. Рѣчь шла уже не о союзной экзекуціи, съ цѣлью охраненія мѣстной автономіи Шлезвигъ-Гольштейна, но о томъ, чтобы утвердить надъ этими областями власть претендента. Отъ державъ, подписавшихъ лондонскій договоръ, требовалось, чтобы онѣ отказались отъ него и

создали, вмѣстѣ съ Германією, особое самостоятельное государство, съ новою династією. Въ этомъ смыслѣ высказалась и прусская палата депутатовъ, по предложенію Вирхова и Штавенгагена.

Но стремленія такого рода рѣшительно не сходились съ планами г. Бисмарка. Отказаться сразу безусловно отъ лондонскаго протокола было неудобно въ виду возможнаго и основательнаго противодѣйствія великихъ европейскихъ державъ, которыя не только не молчали, но, какъ это сдѣлала Англія, рѣзко осуждали образъ дѣйствій сейма ¹⁾. Создавать новое государство было, по его мнѣнію, не выгодно для Пруссіи, такъ какъ всякое второстепенное государство подчинялось австрійской политикѣ, въ ущербъ прусскимъ интересамъ. Наконецъ, въ данномъ случаѣ, полезно было сохранить за Пруссією полную свободу дѣйствій, не связывая ее солидарностью съ союзною политикой, представляемою „большинствомъ“ сейма, къ которому г. Бисмаркъ питалъ недовѣріе.

Всѣ эти цѣли указывали на необходимость найдти для прусской политики твердую точку опоры внѣ политики союзной: такую точку опоры представлялся лондонскій договоръ. Настаивая на обязательной силѣ этого договора, г. Бисмаркъ развязывалъ себѣ руки, во-первыхъ, относительно союза; Пруссія получала возможность дѣйствовать согласно своимъ интересамъ и по своему усмотрѣнію. Съ другой стороны, отстаивая лондонскій договоръ, Пруссія пріобрѣтала сильное оружіе противъ Даніи, удобное и противъ другихъ державъ, подписавшихъ протоколъ. Г. Бисмаркъ не заявлялъ о *безусловной* силѣ договора; онъ не заявлялъ, выражаясь его собственными словами, что *Vertrag ist Vertrag, wir halten daran fest* ²⁾. По теоріи его, лондонскій договоръ находился въ тѣсной связи съ разными предварительными условіями, на основаніи которыхъ онъ былъ заключенъ. Отъ соблюденія ихъ зависѣла и его собственная сила. Первое мѣсто между ними принадлежало мѣстной самостоятельности Шлезвигу. Въ случаѣ инкорпораціи этой области, датское правительство открывало для Австріи и Пруссіи возможность отъязаться отъ договора; между двумя сторонами возникалъ конфликтъ, а конфликтъ велъ къ войнѣ, исходъ которой былъ несомнѣненъ, то-есть, результатомъ ея должно было быть отторженіе герцогствъ отъ Даніи по праву завоеванія. Право такого рода, съ точки зрѣнія г. Бисмарка, сейму

¹⁾ Ноты авглійскаго министерства отъ 27-го сентября и 27-го декабря 1863 г.

²⁾ «Договоръ есть договоръ и мы стоимъ за него крѣпко».

не принадлежало; онѣ имѣлъ лишь право *союзной экзекуции, для восстановления привилегій герцогствъ*, но никакъ не для отторженія ихъ отъ Датской монархіи. Всякая другая политика сейма составила бы нарушение международного права и вовлекла бы Германію въ европейскую войну.

Въ результатѣ соблюденіе лондонскаго договора отрывало для прусскаго правительства возможность войны и завоеванія герцогствъ въ свою пользу. Для достиженія этой цѣли ему предстояло: 1) устранить воинственные планы второстепенныхъ государствъ, между которыми Баварія и Саксонія, руководимая барономъ Бейстомъ, занимали первое мѣсто; 2) привлечь на свою сторону Австрію, какъ великую державу, подписавшую Лондонскій договоръ.

Трудно объяснить, какимъ образомъ Австрія, всегда опиравшаяся на второстепенныя государства, отважилась теперь на войну, не представлявшую ей особыхъ выгодъ въ будущемъ. Для Пруссіи австрійскій союзъ былъ чрезвычайно выгоденъ. Онѣ отдалялъ Австрію отъ сейма, изолировалъ ее въ Германіи, помогалъ Пруссіи побѣдить сопротивление сейма; но что давалъ онѣ Австріи? Здѣсь возможны только догадки, но нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ.

Во всякомъ случаѣ между Австріей и Пруссіей состоялось полное соглашеніе. Соединенными усилиями онѣ заставили сеймъ отказаться отъ намѣренія занять герцогства въ пользу Фридриха Августа-Бургенбургскаго и ограничиться уже рѣшенною экзекуціей (7-го декабря 1863 года). Черезъ двѣ недѣли саксонскія и ганноверскія войска вошли въ герцогства и заняли ихъ безъ сопротивленія со стороны датскихъ войскъ.

Но агитація въ пользу принца не прекращалась ни въ Германіи, ни въ герцогствахъ, ни въ правительственныхъ сферахъ. Въ концѣ декабря во Франкфуртѣ собрался съѣздъ членовъ и предводителей разныхъ партій. Резолюція его гласила, что лондонскій протоколъ не имѣетъ обязательной силы, а потому германскія правительства обязаны отторгнуть герцогства въ пользу законнаго ихъ наслѣдника. Для поддержанія постоянной агитаціи въ этомъ смыслѣ, съѣздъ избралъ комитетъ изъ 36-ти лицъ, въ числѣ которыхъ находились: историкъ Гейссеръ, юристъ Блунчли, Братеръ ¹⁾, Бенингсенъ ²⁾, Микель ³⁾,

¹⁾ Предводитель Баварской «партіи прогресса» (род. въ 1819 году). Издавъ вмѣстѣ съ Блунчли извѣстный «Deutsches Staatswörterbuch».

²⁾ Извѣстный уже намъ предсѣдатель Nationalverein'a.

³⁾ Извѣстный ораторъ, съ рѣчами котораго мы встрѣтимся ниже.

Твестень ¹⁾, Шульце-Деличъ ²⁾ и историкъ Зибель ³⁾. Народонаселеніе герцогствъ горячо высказывалось въ пользу своего „законаго“ государя. 27-го декабря 1863 года сходка изъ 20.000 Гольштейнцевъ, собравшихся въ Эльмгартъ, провозгласила его своимъ правителемъ и послала ему приглашеніе торопиться прїѣздомъ въ герцогства. Принцъ прибылъ въ Киль 30-го декабря и возвѣстилъ о своемъ вступленіи на престолъ.

Эти дѣйствія, явно поощряемы союзными комиссарами въ герцогствахъ и второстепенными правительствами въ Германіи, вызвали протестъ со стороны Англїи и двухъ союзныхъ германскихъ державъ. Последнія провозгласили полную силу лондонскаго договора и требовали, чтобы принцъ-претендентъ покинулъ Гольштейнъ; онъ жаловался на повсемѣстную агитацію, на дѣйствія комитета 36-ти и объявилъ, что не допуститъ стѣснить свою политику рѣшеніемъ сеймоваго большинства.

Конечно, всѣ эти протесты не имѣли въ виду умиротворенія Европы. Напротивъ, прусское правительство предвидѣло неизбѣжность военнаго столкновенія съ Данією; оно требовало отъ ландтага утвержденія займа на предстоящія военныя издержки. Но палата депутатовъ отвергла означенное требованіе, сопровождая свой отказъ адресомъ, въ которомъ выражалось полное недовѣріе къ министерству (18-го декабря 1863 года).

Г. Бисмаркъ сказалъ по этому случаю въ палатѣ: „Путь, избранный нами для этой цѣли ⁴⁾, можетъ казаться неправильнымъ, но каковъ бы онъ ни былъ, выборъ его принадлежитъ исполнительной власти; по скольку вообще въ человѣческихъ дѣлахъ возможно правильно

¹⁾ Karl Twesten (род. въ 1820 году), сынъ богослова Августа Твестена, отличный ораторъ. Въ описываемое время былъ ревностнымъ членомъ оппозиціи въ прусской палатѣ. Съ 1866 года сдѣлался членомъ національно-либеральной партіи. Умеръ въ 1870 году въ Берлинѣ.

²⁾ Schulze-Delitzsch, основатель рабочихъ союзовъ въ Германіи. Родился въ 1808 году, былъ членомъ франкфуртскаго національнаго собранія въ 1848 году. Известенъ многими политико-экономическими трудами.

³⁾ Heinrich Sybel род. въ 1817 году. Въ 1844 году занялъ кафедру въ Боннскомъ университетѣ, былъ членомъ Эрфуртскаго сейма 1850 года. Въ 1856—1861 годахъ занималъ кафедру въ Мюнхенскомъ университетѣ; въ 1861 году снова перешелъ въ Боннъ. Известенъ, главнымъ образомъ, своею «Исторією революціоннаго времени» (Geschichte der Revolutionszeit).

⁴⁾ То-есть, для сохраненія цѣлости германской территоріи и самостоятельности герцогствъ.

предвидѣть будущее—это возможно только для правительства, потому что правительство, по самому положенію вещей, должно, лучше чѣмъ палаты, понимать подобныя дѣла. Собраніе въ 350 человекъ теперь не можетъ направлять, въ послѣдней инстанціи, политику великой державы, предписывая правительству программу, которой оно обязано слѣдовать во всѣхъ стадіяхъ дальнѣйшаго развитія дѣла“¹⁾.

Война началась скоро и безъ займа. 1-го января 1864 г. общая датская конституція вступила въ силу и распространилась на Шлезвигъ. 16-го января Австрія и Пруссія послали Даніи требованіе отгнать эту конституцію въ теченіе 48-ми часовъ. Датское правительство отвѣчало рѣшительнымъ отказомъ. Послѣ этого обѣ державы объявили, что онѣ займутъ Шлезвигъ впредь до разрѣшенія спора, и угроза эта была приведена въ исполненіе чрезвычайно быстро. Въ концѣ января въ Шлезвигѣ явились союзныя войска въ числѣ 60.000 (40.000 Пруссаковъ и 20.000 Австрійцевъ). Пруссаки находились подъ начальствомъ прославившагося впоследствии принца Фридриха-Карла, а главное начальство надъ союзными арміями было ввѣрено прусскому фельдмаршалу Врангелю.

Какую же роль должны были играть экзекуціонныя войска, занимавшія Гольштейнъ, въ виду этой новой экзекуціи, совершавшейся помимо и даже вопреки желанію союза? Съ своей точки зрѣнія, они должны были бы не пропустить чрезъ Гольштейнъ неразрѣшенную сеймомъ экзекуцію, но de facto главнокомандующій получилъ предписаніе не препятствовать движенію прусскихъ и австрійскихъ войскъ. Мы не станемъ слѣдить здѣсь за ходомъ военныхъ дѣйствій. Данія разчитывала, конечно, на поддержку Европы, но не встрѣтила ее. Правда, англійскій кабинетъ предложилъ обсудить возникшее столкновеніе на конференціи, и конференція дѣйствительно собралась; но результатомъ ея было лишь то, что послѣ разныхъ переговоровъ, одинаково неудачныхъ, Австрія и Пруссія объявили, что онѣ отказываются отъ лондонскаго протокола²⁾.

Послѣ этого Шлезвигская экспедиція, предназначавшаяся сначала для временнаго занятія герцогствъ, приняла характеръ настоящей завоевательной войны, которая и кончилась отторженіемъ герцогствъ въ пользу двухъ союзныхъ державъ. Мирный трактатъ былъ подпи-

¹⁾ Reden, I, 89.

²⁾ Лондонскія конференціи продолжались съ 15/25 апрѣля по 10/22 іюня 1863 года.

санъ въ Вѣнѣ 30-го октября 1864 года. III-я ст. этого трактата гласила, что Датскій король отказывается „отъ всѣхъ своихъ правъ на герцогства Шлезвигъ, Гольштейнъ и Лауэнбургъ въ пользу короля Прусскаго и императора Австрійскаго, обязываясь признать распоряженія, имѣющія быть сдѣланными ихъ величествами относительно сихъ областей“.

Статья эта, очевидно, отстраняла отъ Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса Германскій союзъ съ его сеймомъ. Впервыхъ, она заключала въ себѣ признаніе, что Христианъ IX имѣлъ „собственные права“ на герцогства, чего сеймъ, стоявшій за наследственные права принца Августенбергскаго, не хотѣлъ признать. Вовторыхъ, упомянутыя права переносились на двѣ державы — Австрію и Пруссію, которыя могли теперь, по своему усмотрѣнію, предоставить рѣшеніе вопроса сейму, или рѣшить его и сами: всѣ союзныя права, договоры, наследственные притязанія отступали на задній планъ предъ правомъ завоеванія.

Конечно, III-я статья Вѣнскаго договора болѣе всего удовлетворяла стремленію Пруссіи подчинить себѣ герцогство или въ качествѣ своей провинціи, или въ качествѣ вассальной области. Берлинскій кабинетъ рѣшительно не былъ расположенъ къ созданію „новаго государства“. Значеніе герцогствъ, съ ихъ отличными гаванями и крѣпостями, были слишкомъ важны для Германіи и Пруссіи, для интересовъ торговли и морскаго дѣла, чтобы упустить благоприятный случай сдѣлать первый шагъ къ увеличенію прусскаго могущества. Австріи, какъ замѣчено уже выше, *condominium* надъ герцогствами не приносило ровно ничего. Австрійское правительство скоро убѣдилось въ своемъ ошибочномъ образѣ дѣйствій и еще 21-го октября австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Рехбергъ, допустившій такой оборотъ дѣлъ, долженъ былъ выйти въ отставку ¹⁾). Мѣсто его занялъ графъ Менсдорфъ-Пульи ²⁾).

Но прусская политика еще должна была бороться съ важными препятствіями. Впервыхъ, противъ нея были второстепенныя госу-

¹⁾ Графъ Рехбергъ (род. въ 1806 г.) началъ свою дипломатическую карьеру въ 1833 г.; въ 1849 г. былъ австрійскимъ уполномоченнымъ при Блюстителѣ Имперіи, а министромъ иностранныхъ дѣлъ съ 1859—1864 г. Потомъ сдѣлался пожизненнымъ членомъ палаты господъ.

²⁾ *Mensdorf-Pouilly* (1813—1871) оставался министромъ съ 1864—1866 г.; умеръ въ Прагѣ, въ званіи намѣстника Чехіи.

дарства, отношеніе коихъ къ герцогствамъ не вполне выяснилось; союзныя войска (ганноверско-саксонскія), облеченныя правомъ экзекуціи, все еще находились въ Гольштейнѣ. Вовторыхъ, народонаселеніе герцогствъ горячо высказывалось за права принца Августенбургскаго, видя въ нихъ символъ своей политической самостоятельности. Въ третьихъ, Австрія, вначалѣ поддавшись увлеченію, рѣшилась теперь всѣми мѣрами исправить свою ошибку, то-есть, воспрепятствовать присоединенію герцогствъ къ Пруссіи. Наконецъ, министерству г. Бисмарка предстояла по прежнему борьба съ прусскою нижнею палатою. Изъ всѣхъ этихъ препятствій самыя важныя были, конечно, послѣднія два, то-есть, противодѣйствіе Австріи и оппозиція нижней палаты.

Войска союзной экзекуціи, какъ мы уже видѣли, безпрепятственно пропустили австро-прусскую армію въ Шлезвигъ; они пребывали въ бездѣйствіи и въ теченіе всей войны, а также когда прусскія войска занимали, для военныхъ цѣлей, гольштейнскіе города Киль, Алтону и др. Дѣятельной оппозиціи со стороны сейма трудно было ожидать, но онъ былъ силенъ оппозиціею пассивною. По заключеніи вѣнскаго мира, когда всѣ права на герцогства перешли къ Австріи и Пруссіи, присутствіе экзекуціонныхъ войскъ въ Гольштейнѣ оказывалось лишнимъ, или, какъ выражались офиціально, *gegenstandslos*. Поэтому прусское правительство съ полнымъ основаніемъ потребовало удаленія означенныхъ войскъ, тѣмъ болѣе, что между ними и прусскою арміею начались прискорбныя столкновенія. Ганноверъ и Саксонія не показывали готовности исполнить это требованіе. Дѣло дошло до вооруженной демонстраціи со стороны Пруссіи, послѣ которой Ганноверъ уступилъ, а Саксонія передала вопросъ на разсмотрѣніе сейма. Австріи и на этотъ разъ оказала помощь Пруссіи. Сеймъ, подъ ея вліяніемъ, постановилъ прекратить экзекуцію, и 7-го декабря союзные комиссары передали управленіе Гольштейнъ-Лауэнбургомъ комиссарамъ австро-прусскимъ.

Настроеніе общественнаго мнѣнія въ герцогствахъ было неблагоприятно для Пруссіи, по мѣрѣ того какъ выяснялись дальнѣйшія ея намѣренія. Только область Лауэнбургъ, не составлявшая съ герцогствами одного цѣлаго, сразу заявила прусскія симпатіи и фактически перешла подъ власть Гогенцоллернскаго дома.

Но въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ неудовольствіе обнаруживалось очень рѣзко. Причины его коренились какъ въ общихъ, такъ и въ мѣстныхъ соображеніяхъ. Мѣстные патриоты утверждали, что право завоеванія, на которое опиралась теперь Пруссія, не было согласно съ

современными понятіями о народномъ правѣ, развившимся въ 1848 г., именно съ понятіемъ автономіи народонаселенія въ томъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о присоединеніи его къ тому или другому государству. „Развѣ“, возглашали они, „Пиемонтъ создалъ единство Италіи путемъ завоеванія? Развѣ не народное голосованіе вручило корону королю Виктору-Эммануилу? Развѣ и Наполеонъ III не избралъ тотъ же путь, присоединяя Ниццу и Савойю къ Франціи? Почему-же въ данномъ случаѣ принципъ завоеванія долженъ выступить во всей своей силѣ? Гольштейнцы не только не чуждались Германіи, но были вѣрнѣйшими ея сынами; они продолжали въ 1849 г. отстаивать интересы общаго отечества, когда въ самой Германіи уже приостановилось движеніе, возникшее въ 1848 году. Почему же хотѣть поступить съ нами, какъ съ завоеванными? Конечно, право завоеванія имѣетъ свое значеніе, но врядъ-ли оно можетъ быть примѣнено въ настоящемъ случаѣ. Австро-прусскія войска пришли не воевать съ жителями герцогствъ, а освободить ихъ отъ чуждаго ига; они встрѣтили въ насъ не враговъ, а друзей. Возможно-ли же послѣ того распоряжаться нашею судьбою безъ нашего согласія“?

Таковы были общія причины неудовольствія; въ мѣстныхъ также не оказывалось недостатка. Каждому германскому племени въ высокой степени присуще было доселѣ стремленіе къ независимости, и если оно не могло обезнечить себя независимости политической, то стойко держалось за провинціальныя свои особенности. Стремленія эти окрѣпли въ Гольштейнѣ, подъ влияніемъ многолѣтней борьбы съ Данією. Перспектива быть самостоятельнымъ государствомъ такъ улыбалась бывшей провинціи Датской монархіи, что присоединеніе къ Пруссіи казалось ей новымъ оскорбленіемъ ея мѣстнаго права. Что касается Шлезвига, то здѣсь обнаружилось двоякое настроеніе. Южная часть этой области, гдѣ преобладалъ нѣмецкій языкъ, раздѣляло образъ мыслей Гольштейнцевъ; въ сѣверной части, гдѣ преобладало издавна датское народонаселеніе, не ослабли симпатіи къ Датской монархіи. Въ результатъ ни тамъ, ни здѣсь не обнаруживалось симпатій къ Пруссіи, а если онѣ и существовали, то въ незначительномъ меньшинствѣ. Такъ въ декабрѣ 1864 г. нѣсколько членовъ аристократическихъ фамилій ¹⁾ подали союзнымъ монархамъ адресъ, въ которомъ выражалось желаніе тѣснѣйшаго соединенія съ Пруссією; гораздо болѣе многочисленная партія высказалась противъ такого

¹⁾ Именно баронъ Шесль-Плессенъ (Scheel-Plessen) и 16 другихъ лицъ.

присоединенія, какъ это видно изъ резолюціи, подписанной въ январѣ 1865 года 60,000 Шлезвигъ-Гольштейнцевъ.

Оппозиція эта была устранена на время мѣрами двоякаго рода. Во-первыхъ, гражданскій комиссаръ Пруссіи энергически сдерживалъ въ герцогствахъ всякое проявленіе непріязненныхъ чувствъ: такъ, между прочимъ, онъ заключилъ въ крѣпость журналиста Мая (изъ Альтоны); во-вторыхъ, прусскій кабинетъ рѣшился поколебать въ общественномъ мнѣніи юридическую силу правъ Фридриха Августенбургскаго. Появились доказательства въ пользу герцога Ольденбургскаго, даже въ пользу правъ прусской короны на нѣкоторыя части Шлезвигъ-Гольштейна. Въ 1863 г. юридическіе факультеты 16-ти германскихъ университетовъ признали „ясными какъ день“ права принца Августенбургскаго; теперь имъ, а вмѣстѣ и общественному мнѣнію, была задана новая работа, новые архивные труды.

Между тѣмъ, прусское правительство приступило къ утверженію своего вліянія въ герцогствахъ и занялось самими серьезными противниками своихъ плановъ — Австрією и собственнымъ ландтагомъ. Сопrotивленіе Австріи было серьезно потому, что кромѣ могущества этой державы, она одна, на основаніи вѣнскаго договора, имѣла право вмѣстѣ съ Пруссією опредѣлить судьбу герцогствъ. Безъ ея согласія нельзя было сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага; вынудить же это согласіе на все, что жалательно было для прусскаго кабинета, можно было силою, то-есть, войною, которую не удобно было предпринять, пока Австрія держалась оборонительной роли ¹⁾.

Отношенія г. Бисмарка къ двумъ его противникамъ — Австріи и прусскому ландтагу представляютъ много интереснаго. Прошелъ почти годъ въ безплодныхъ переговорахъ; австрійское правительство отвергало всѣ планы г. Бисмарка относительно устройства судьбы герцогствъ, не предъявляя, однако, своихъ собственныхъ проектовъ; палата отвергала всѣ предложенія министерства, не указывая, что ему, по ея мнѣнію, надлежитъ дѣлать.

Въ герцогствахъ прусскій кабинетъ имѣлъ энергическаго противника въ лицѣ австрійскаго комиссара Гольбгубера, парализировав-

¹⁾ Утверждаютъ, что г. Бисмаркъ уже въ это время желалъ вызова со стороны Австріи. Такъ онъ говорилъ французскому посланнику въ Вѣнѣ, герцогу Грамону, что не только не боится войны съ Австрією, но скорѣе ищетъ ее. Пруссія успѣла бы въ такомъ случаѣ овладѣть герцогствами и приобрести, такъ или иначе, преобладаніе въ Германіи.

шаго всѣ дѣйствія прусскаго комиссара барона Цедлица. Кромѣ того, принцъ Августенбургскій, покровительствуемый Австрією, не удалялся изъ герцогствъ, не смотря на требованія Пруссіи. Изъ всѣхъ переговоровъ наиболѣе замѣчательны переговоры касательно такъ называемыхъ „февральскихъ условій“. Г. Бисмаркъ 22-го февраля 1865 г. отправилъ въ Вѣну ноту, съ изложеніемъ условій, на основаніи коихъ Пруссія соглашалась уступить принцу Фридриху герцогства. Пруссія, говорилось въ нотѣ, можетъ согласиться на учрежденіе только безусловно дружественнаго и тѣсно связаннаго съ нею государства; она не можетъ собственными руками создавать государства, которыя впоследствии сдѣлались бы ея врагами. Поэтому Пруссія требуетъ: 1) чтобы войска и флотъ будущаго герцогства были соединены съ прусскими; 2) чтобы контингентъ, выставляемый Шлезвигъ-Гольштейномъ въ союзную армію, находился подъ начальствомъ прусскаго короля; 3) чтобы для военныхъ цѣлей Пруссіи были уступлены ей Фридрихсортъ, городъ Зондербургъ съ округами и округи при устьяхъ сѣвернаго канала; 4) чтобы Ренсбургъ былъ объявленъ союзною крѣпостью и Пруссія занимала его своимъ гарнизономъ; 5) чтобы почтовое и телеграфное управленіе герцогствъ было соединено съ прусскимъ.

Таковы были главнѣйшія изъ „февральскихъ условій“, но они были отвергнуты какъ Австрією, такъ и Фридрихомъ Августенбургскимъ. Точно также не удалось и особые, личные переговоры г. Бисмарка съ принцемъ. Пруссія осталась при условіяхъ „совладѣнія“ (condominium), которое приносило ей мало пользы. Министерство желало сразу приступить къ нѣкоторымъ работамъ, необходимымъ съ точки зрѣнія прусскихъ и даже общегерманскихъ интересовъ; въ числѣ этихъ предпріятій на первомъ планѣ стояло сооруженіе пристани въ Килѣ и флота. Правительство рѣшилось взяться за это дѣло, не дожидаясь окончательнаго рѣшенія судьбы герцогствъ; но сооруженіе флота требовало сверхсмѣтнаго кредита и проектъ министерства былъ встрѣченъ сильною оппозицією въ палатѣ.

Настроеніе ея, а также общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, нѣсколько измѣнилось послѣ войны, польстившей національному самолюбію. Конечно, не было и рѣчи о примиреніи съ министерствомъ, не уважавшимъ бюджетнаго права палаты; оппозиція рѣшилась отвергать всѣ его предложенія, пока не будетъ разрѣшенъ конфликтъ. Но съ другой стороны прежнее „августенбургское“ настроеніе пала-

ты и либеральной части общества видимо ослабѣло. Перспектива усиленія прусскаго вліанія на сѣверѣ улыбалась людямъ патриотическаго образа мыслей. Въ душѣ они были согласны съ началами „февральскихъ условій“; но оппозиція, принявшая чисто отрицательный характеръ, продолжала отвергать предложенія министерства, не выставляя вмѣсто нихъ своихъ собственныхъ.

Въ январѣ 1865 года открылась новая сессія ландтага. Въ тронной рѣчи выражалась надежда что, въ виду послѣднихъ событій, парламентское пререканіе кончится и палата, убѣдившись въ пользѣ совершившагося преобразованія арміи, утвердитъ правительственный проектъ. Но надежда и на этотъ разъ не осуществилась. Проектъ воинской реформы былъ отвергнутъ по докладу Гнейста; ту же судьбу испытали дополнительный кредитъ на военныя издержки, а такъ же чрезвычайный кредитъ для устройства флота и Кильской гавани.

Конечно, все это раздражало министерство, но не въ такой степени, какъ рѣшительный отказъ палаты высказать свое мнѣніе о судьбѣ герцогствъ. Отказъ палаты въ чрезвычайномъ кредитѣ на устройство Кильской гавани и флота основывался, независимо отъ „бюджетнаго пререканія“, на неувѣренности въ томъ, что Киль останется за Пруссією, и на опасеніи, что средства страны будутъ потрачены даромъ. Но, по мнѣнію министерства, отъ палаты во многихъ отношеніяхъ зависѣла теперь судьба герцогствъ и вопросъ о принадлежности Кіля Пруссіи. Г. Висмаркъ настойчиво убѣждалъ ее высказаться, наконецъ, въ томъ или другомъ смыслѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что подобное заявленіе было бы важнѣе для правительства и страны, чѣмъ даже соглашеніе съ палатою по финансовымъ проектамъ.

„Вопросъ, говорилъ онъ въ засѣданіи 1-го іюня 1865 г., по которому я ожидалъ приговора палаты, еще болѣе нежели по финансовымъ дѣламъ, есть вопросъ политической, касающійся и настоящаго и будущаго. Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ стоялъ впереди всѣхъ другихъ германскихъ вопросовъ и ждетъ теперь своего разрѣшенія. Вы поставлены инициативою правительства въ возможность высказаться по его поводу. Страна имѣетъ право убѣдиться, что значитъ мнѣніе ея представительства объ этомъ дѣлѣ. Предъ вами удобный поводъ говорить; никакія дипломатическія соображенія не стѣсняютъ васъ, да вы не много обращали на нихъ вниманія и при другихъ обстоятельствахъ. Если, однако, вы продолжаете хранить молчаніе, то не мое дѣло подвергать критикѣ руководящія вами побужденія. Если

бы судить о мнѣніи всей палаты по заявленію депутата Вальдека ¹⁾, то я долженъ былъ бы предположить, что вы или боитесь, высказавъ заветныя свои мысли, очутиться въ противорѣчьи съ общественнымъ мнѣніемъ, или не хотите оказать поддержку министерству, котораго вы не терпите, ибо оно не принадлежитъ къ вашей партіи. Я не могу себѣ представить, чтобы таково было мнѣніе большинства изъ васъ; вы не можете отрицать, что фактически не существуетъ у насъ другой внѣшней политики, кромѣ той, которую отстаиваетъ министерство, назначенное королемъ. Нападая на эту политику, вы нападаете вообще на политику вашего отечества, въ союзѣ съ враждебными ему иностранными державами.

„Я думаю, что противъ простой, холодной логики этого вывода нельзя привести основательныхъ возраженій. Повторяю еще разъ, я не прибѣгнулъ бы къ сдѣланному мною сейчасъ предположенію, если бы не былъ уполномоченъ къ тому г. Вальдекомъ. Онъ сказалъ прямо: какое намъ дѣло до затрудненій прусскаго правительства? Къ чему стали бы мы усиливать его нашу подачу голосовъ? На какомъ основаніи дозволили бы мы утилизировать себя министерству, не признающему нашего бюджетнаго права? Словомъ, слѣдуя г. Вальдеку, вы должны пользоваться своимъ правомъ отказа въ займахъ, чтобы вынудить у министерства уступки въ другихъ сферахъ. Кажется, нельзя сомнѣваться, что именно таково его мнѣніе; но что оно не принадлежитъ всѣмъ вамъ, это доказывается предложеніемъ г. депутата Михаелиса и его товарищей ²⁾.... Мы изложили нашу программу подробно и ясно въ депешѣ 22-го февраля ³⁾ и я думаю, что если вы дѣйствительно не желаете *отречься* (abdicien) въ области внѣшней политики, какъ это возвѣстилъ одинъ изъ ораторовъ, то королевское правительство въ правѣ ожидать отъ васъ приговора: желаете ли вы вмѣстѣ съ нимъ отстаивать его программу, желаете ли поддерживать его, или требуете въ этой программѣ какихъ-либо измѣненій? Правительство и страна въ правѣ вызвать ваше сужденіе“ ⁴⁾.

¹⁾ Вальдекъ (1802—1870 г.) старѣйшій членъ германской либеральной и демократической партіи.

²⁾ Членъ прогрессивной партіи, депутатъ Михаелисъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ историкомъ Моммзенемъ, внесъ въ палату предложеніе объ устройствѣ герцогствъ, въ смыслѣ ихъ соединенія съ Пруссією. Не смотря на поддержку Твистена, палата отвергла это предложеніе.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ Reden, I, 157—158.

Но такого сужденія не послѣдовало. Не встрѣтивъ опоры въ палатѣ министерство продолжало дѣйствовать на свой рискъ. Оно утилизировало свое „совладѣніе“, на сколько это позволяло открытое соперничество Австріи, парализовавшей дѣйствія его въ герцогствахъ. Лѣтомъ 1865 года взаимныя пререканія грозили разрѣшиться войною, но Пруссія была не готова къ наступательному образу дѣйствій вслѣдствіе парламентскаго пререканія; Австрія не имѣла основанія желать войны, въ виду еще важнѣйшихъ затрудненій въ Италіи и Венгріи. Наконецъ война была не желательна для двухъ сторонъ еще и по неизвѣстности, на чью сторону стануть въ этомъ случаѣ прочія германскія государства, которыя были тогда одинаково недовольны и Пруссіею и Австріею. Компромиссъ, повидимому, былъ единственнымъ исходомъ изъ затруднительнаго положенія. При такихъ обстоятельствахъ г. Бисмарку удалось заключить съ Австріею извѣстный договоръ въ *Гаиттейнѣ* (14-го августа 1865 г.).

На основаніи этого договора, обѣ державы раздѣлили между собою герцогства, а именно Пруссія получила въ управленіе Шлезвигъ, Австрія — Гольштейнъ. Лауэнбургъ былъ уступленъ Пруссіи за 2.500,000 датскихъ талеровъ; Киль былъ объявленъ союзною гаванью и отданъ въ управленіе Пруссіи; Ренсбургъ сдѣланъ союзною крѣпостью, причемъ обѣ державы согласились занимать его своими гарнизонами. Многія другія условія клонились такъ же въ пользу Пруссіи.

Договоръ вступилъ въ силу 14-го сентября 1865 г. и тотчасъ же въ Шлезвигъ явился прусскій намѣстникъ, генераль Мантейфель¹⁾; Гольштейнъ былъ ввѣренъ австрійскому фельдмаршалу — лейтенанту Габленцу²⁾.

Соглашеніе Австріи и Пруссіи вызвало всеобщее неудовольствіе. Обѣ державы, только что боровшіяся оружіемъ съ Даніею за нераздѣльность герцогствъ, теперь сами раздѣлили ихъ; онѣ дозволили себѣ посредствомъ купли приобрести цѣлую страну, что не соотвѣт-

¹⁾ Эдвинъ-Гансъ-Карль баронъ Мантейфель род. въ 1809 г. Въ 1861 году былъ генераль-адъютантомъ короля. Въ моментъ своего назначенія въ Шлезвигъ, онъ служилъ предметомъ общихъ разговоровъ вслѣдствіе своей дуэли съ депутатомъ Твестеномъ, оскорбившимъ его въ одной изъ своихъ брошюръ. Во время Франко-прусской войны 1870 г. командовалъ сначала первымъ армейскимъ корпусомъ, потомъ первую армію.

²⁾ Лудвигъ-Карль-Вильгельмъ Габленцъ род. въ 1814 г., родомъ Саксонецъ. Участвовалъ въ венгерской и итальянской кампаніяхъ. Во время австро-прусской войны 1866 г. начальствовалъ 10-мъ армейскимъ корпусомъ.

ствоvalo современнѣмъ понятіямъ. Австрія, нѣкогда взявшая принца Августенбургскаго подъ свое покровительство, теперь пожертвовала частью его наслѣдственныхъ владѣній въ пользу Пруссіи и сама заняла другую.

Но съ точки зрѣнія дѣли, предложенной г. Бисмаркомъ, Галтейнскій договоръ представлялъ большія выгоды: 1) онъ доставилъ прусской коронѣ Лауэнбургъ; 2) утвердилъ ея господство въ Шлезвигѣ и въ Киль; 3) теперь можно было разчитывать, что Австрія, за известное вознагражденіе въ иномъ мѣстѣ, уступитъ Пруссіи и Гольштейнъ, владѣніе которымъ не представляло ей особенныхъ удобствъ.

Таковъ былъ первый реальнѣй результатъ политики г. Бисмарка; дальнѣйшій успѣхъ ей заключался въ томъ, что г. Бисмарку удалось возобновить на новый срокъ таможенный союзъ, едва не распавшійся вслѣдствіе сопротивленія нѣкоторыхъ государствъ торговому договору съ Франціею ¹⁾.

Но и „раздѣльное владѣніе“ въ герцогствахъ не утвердило здѣсь преобладанія Пруссіи, не уладило ея отношеній къ Австріи, не разрѣшило парламентскаго пререканія. Напротивъ, оно только усилило рознь соперниковъ, превратило ихъ натянутыя отношенія во враждебныя, отъ борьбы дипломатической привело къ битвѣ при Садовой. Не улучшились также и отношенія министерства къ палатѣ, которая выразила сопротивленіе присоединенію Лауэнбурга къ Пруссіи, осудивъ при этомъ всю политику министерства въ герцогствахъ. Обстоятельства, при которыхъ открывался грозный для Германіи 1866 годъ, требовали рѣшительнаго образа дѣйствій. 3-го февраля г. Би-

¹⁾ Торговѣй договоръ, заключенный съ Франціею въ 1862 г., вызывалъ противодѣйствіе со стороны другихъ членовъ Цольшерейна, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ Австріи. Пруссія объявила, что она согласна возобновить договоръ на новый срокъ (1866—1877 г.) лишь подъ условіемъ полнаго признанія французскаго трактата. Поставивъ такъ рѣшительно вопросъ, она спокойно ожидала событій, но и второстепенныя государства не дѣлали никакихъ шаговъ на пути къ соглашенію съ нею. Все зависѣло отъ того, какъ они выскажутся въ 1864 г., то-есть, когда должны были начаться переговоры о возобновленіи союза. Подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и торговыхъ интересовъ, они отказались отъ своего сопротивленія и таможенный договоръ былъ возобновленъ 12-го октября 1864 г., не смотря на помѣху со стороны Австріи. Эта удача прусскаго правительства была одною изъ причинъ отставки австрійскаго министра графа Рехберга. Нечего говорить, что въ 1867 г. таможенный союзъ организованъ на другихъ началахъ.

маркъ высказался въ палатѣ слѣдующимъ образомъ по поводу личнаго соединенія Лауэнбурга съ прусскою короной ¹⁾:

„Если вамъ не нравится система личнаго соединенія, отчего-же не сказали вы этого раньше? Еще въ прошломъ году я обращался къ вамъ съ настоятельнымъ вопросомъ, даже съ просьбою, чтобы вы выразили вашу взгляды на будущность герцогствъ. Я спрашивалъ васъ: согласны ли вы съ программой „февральскихъ условій?“ Желаете ли вы, чтобы въ ней было что либо убавлено или прибавлено, одобряете ли вы, напримѣръ, личное соединеніе? Вы отвѣчали молчаніемъ, которое я не могу даже назвать краснорѣчивымъ. Вы не рѣшились отвѣтить: „мы остаемся при нашемъ мнѣніи, высказанномъ два года тому назадъ,—мы желаемъ и теперь, чтобы принцъ Августенбургскій былъ введенъ во владѣніе Шлезвигъ-Гольштейномъ“.

„Обращаюсь къ вамъ съ тѣмъ же вопросомъ и теперь. Еще есть время, хотя не относительно Лауэнбурга — здѣсь уже поздно, — но относительно Шлезвигъ-Гольштейна: вы и теперь еще въ состояніи дать вѣсъ вашему мнѣнію и мнѣнію народа, котораго служите представителями: говорите же во имя этого народа, что думаете вы о будущности Шлезвигъ-Гольштейна? Развѣ подобный предметъ вовсе не интересуется васъ? Вы дѣлаете намъ запросы по его поводу, соз-

¹⁾ Герцогство Лауэнбургъ (20 кв. миль и около 50,000 жит.) было, какъ замѣчено выше, уступлено Австрію Пруссіи за 2,500,000 т. датск. талеровъ (1,875,000 прус. тал.). По уплатѣ этой суммы изъ массы особыхъ коронныхъ имуществъ (Kron-Fideicommiss-Fond; ср. прусск. конст. ст. 59, осн. на законѣ 1820 г., Рёне, назв. соч. стр. 487 и слѣд. третьяго изд.), правительство вступило во владѣніе герцогствомъ на основаніи королевскаго патента, 13-го сентября 1865 г. 26-го сентября земскіе чины герцогства присягнули королю. Такъ состоялось пока личное соединеніе герцогствъ съ прусскою короною. Но на основаніи 55 ст. конституціи король, безъ согласія палаты, не можетъ быть государемъ въ чужихъ странахъ: «*Ohne Einwilligung beider Häuser des Landtags kann der König nicht zugleich Herrscher fremder Reiche sein*». Когда, въ 1866 г. правительство заявило ландтагу о присоединеніи Лауэнбурга къ прусской коронѣ, нижняя палата объявила этотъ актъ не конституціоннымъ, такъ какъ онъ состоялся безъ предварительнаго соглашенія съ ландтагомъ. Въ отвѣтной рѣчи г. Бисмаркъ доказывалъ законность этого образа дѣйствій на томъ основаніи, что Лауэнбургъ не есть иностранное (fremdes) владѣніе, и не составляетъ самостоятельнаго государства (Reich, буквально: имперію). Палата впоследствии требовала присоединенія Лауэнбурга къ прусской территоріи, но этого не произошло. Прусскій государь является въ имперіи и теперь членомъ за Пруссію и Лауэнбургъ.

дасте намъ препятствія при каждомъ случаѣ, но заботливо утаиваете собственное мнѣніе.

„Но если и теперь вы будете молчать, то не жалуйтесь, если позднѣе мы не будемъ въ состояніи сообразоваться съ вашимъ мнѣніемъ, которое намъ неизвѣстно. Среди переговоровъ и событій не всегда удобно созывать ландтагъ и справляться съ *responsa prudentium*; если бы великій курфирсть, на котораго вы ссылаетесь, при заключеніи трактатовъ въ Велау ¹⁾, Лабіау ²⁾ и друг., вознамѣрился созывать свои чины предъ подписаніемъ каждой статьи этихъ договоровъ, то еще неизвѣстно, подъ чьимъ владычествомъ находилась бы теперь провинція, по имени которой называется наше отечество (Пруссія)“ ³⁾:

Предостереженіе, высказанное въ этихъ словахъ палатѣ, сдѣлалось грознымъ пророчествомъ для всей Германіи. Не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ на поляхъ Садовой разрѣшились ея судьбы, также какъ судьба герцогствъ и парламентскаго конфликта.

А. Градовскій.

¹⁾ Wehlau на Прегель, уезд. городъ въ Кенигсбергскомъ округѣ. Здѣсь, въ 1657 г. былъ заключенъ договоръ, обеспечивавшій независимость восточной Пруссіи.

²⁾ Labiau, уезд. городъ въ Кенигсбергскомъ округѣ. По договору, заключенному здѣсь въ 1656 г. великимъ курфирстомъ, Швеція уступила ему восточную Пруссію.

³⁾ Reden, I, 168—169.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

ТЕХНИЧЕСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ¹⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Прежде чѣмъ приступить къ замѣткамъ о преподаваніи отдѣльных учебныхъ предметовъ, считаю не лишнимъ представить сравнительное обзорѣніе количества времени, употребляемаго на всѣ учебные предметы вообще въ разныхъ заграничныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

При подобныхъ сравненіяхъ обыкновенно сопоставляютъ средние предметы въ нѣсколько группъ. Такихъ группъ можно принять четыре, а именно:

1) Предметы нравственно-образовательные: законъ Божій, науки философскія, языки и исторія съ географіей.

2) Математика.

3) Естественныя науки.

4) Начертательныя искусства: рисованіе, черченіе, чистописаніе.

Въ Германіи вмѣстѣ съ математикой, а въ Бельгіи и Франціи отдѣльно, преподаются начала счетоводства. Естественныя науки мы подраздѣлимъ на естественную исторію и на естествовѣдѣніе, т.-е., физику (съ механикой) и химію; также отмѣтимъ раздѣльно рисованіе съ черченіемъ и чистописаніе.

Посѣщенныя мною среднія спеціальныя учебныя заведенія распадутся на четыре группы: прусскія промышленныя училища, бель-

¹⁾ Окончаніе. См. *Журналъ Мин. Народн. Просв.* февраль, мартъ и апрѣль 1874 года.

гійскіе промышленные атенеи, французскіе спеціальныя лицеи, баварскія промышленныя и индустріальныя училища. Изъ этихъ училищъ бельгійскія, устроенныя всѣ по одному образцу, соотвѣтствуютъ нашимъ нестипендіальнымъ реальнымъ училищамъ по числу классовъ и по возрасту учениковъ, которые въ тѣхъ и другихъ могутъ окончить курсъ ученія въ 16-лѣтнемъ возрастѣ. Изъ французскихъ спеціальныхъ лицеевъ также могутъ выходить ученики 16-лѣтніе, но тамъ только пять классовъ, къ коимъ, для составленія соотвѣтствующаго бельгійскимъ атенеямъ 6-лѣтняго курса, нужно прибавить снизу одинъ годъ элементарной школы. Въ Баваріи, для составленія подобнаго же 6-лѣтняго курса, надобно соединить 2 высшіе класса народной школы, курсъ промышленнаго училища, продолжающійся 3 года, и первый классъ индустріальнаго училища, который, впрочемъ, значительно отличается отъ 6-го класса прочихъ сравниваемыхъ нами училищъ, ибо онъ распадается на разныя спеціальныя отдѣленія и въ немъ преподаются уже чисто спеціальныя предметы, какъ напримѣръ, для механиковъ: машиновѣдѣніе и машиностроеніе, практическія работы и т. д. Въ Пруссіи нашему 6-му классу соотвѣтствуетъ прима (2-й классъ) промышленнаго училища, коего курсу предшествуетъ приготовительная школа, не имѣющая, какъ мы видѣли выше, общеобязательнаго учебнаго плана. Я рѣшился принять за типъ подобной школы Глейвицкую, потому что, во 1-хъ, эта школа по числу классовъ соотвѣтствуетъ другимъ училищамъ, входящимъ въ кругъ моего изложенія, и во 2-хъ, она считается прусскимъ министерствомъ одною изъ лучшихъ и управляется извѣстнымъ ученымъ, г. Вернике, о коемъ я уже упоминалъ въ 1-й части настоящаго отчета.

Нашему дополнительному классу соотвѣтствуетъ подобный же классъ прусскихъ промышленныхъ и, по возрасту учениковъ, 2-й классъ баварскихъ индустріальныхъ училищъ ¹⁾. Но такъ какъ подобнаго класса нѣтъ ни въ бельгійскихъ атенеяхъ, ни во французскихъ лицеехъ, притомъ онъ распадается на нѣсколько отдѣленій

¹⁾ Какъ въ этихъ послѣднихъ 1-й классъ далеко не вполне соотвѣтствуетъ нашему 6-му, такъ и 2-й, по учебному плану, нельзя сравнивать ни съ нашимъ дополнительнымъ, ни съ прусскимъ спеціальнымъ. Вообще баварскія индустріальныя училища занимаютъ средину между средними и высшими техническими училищами.

по различнымъ специальностямъ, то объ этихъ дополнительныхъ классахъ будетъ удобнѣе говорить при отдѣльныхъ учебныхъ предметахъ.

И такъ я ограничусь здѣсь обозначеніемъ процентнаго отношенія числа недѣльныхъ часовъ, по каждой группѣ предметовъ, къ общему числу уроковъ по всѣмъ предметамъ въ 6-ти классахъ училищъ: Глейвицкаго, баварскихъ, бельгійскихъ и французскихъ; къ нимъ же прибавлю для сравненія процентныя же отношенія числа часовъ, назначенныхъ на тѣ же предметы въ прусскихъ реальныхъ училищахъ II разряда (т. е., безъ латинскаго языка) и въ нашихъ реальныхъ училищахъ:

Предметы.	Число недѣльныхъ часовъ въ училищахъ:					
	Глей-виц-комъ.	Бавар-скихъ.	Бельгій-скихъ.	Фран-цуз-скихъ.	Прусск. реаль-ныхъ.	Рус-скихъ.
1) Нравственно-образовательные	42,8%	42,6	56,3	42,0	55,3	51,1%
2) { Математика	} 24,3	} 23,0	18,0	15,0	} 19,1	16,3
{ Очетоводство и бухгалтерія			2,7	2,6		—
3) { Естественныя науки	8,0	8,0	4,0 ²⁾	13,0	} 12,2	8,1
{ Естественная исторія	3,9	4,0	1,0	6,5		3,5
4) { Рисованіе и черченіе	18,0	11,6	12,5	16,3	8,5	17,5
{ Чистописаніе	3,0	2,0	5,5	4,6	4,9	3,5
	100,0	91,2 ¹⁾	100,0	100,0	100,0	100,0

Изъ этой таблицы видно, что количество времени, назначеннаго на однѣ и тѣ же группы предметовъ, весьма различно въ разныхъ

¹⁾ Остальные 8,8% идутъ на спеціальные предметы въ 1-мъ классѣ индустріальнаго училища.

²⁾ Въ отдѣлѣ промышленно-торговомъ 8,2%, но за то тамъ на математику только 13 1/2%.

училищахъ; но особенно рѣзко бросается въ глаза разница въ числѣ часовъ, назначенныхъ на естественныя науки въ бельгійскихъ атенеяхъ (5%) и во французскихъ специальныхъ лицеяхъ $19\frac{1}{2}\%$ —почти вчетверо болѣе, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ училищахъ на эти науки полагается лишь около 12%.

Такъ какъ предметы нравственно-образовательные не входятъ въ планъ настоящаго отчета, то я приступлю прямо къ остальнымъ предметамъ преподаванія реальныхъ училищъ, причемъ полагаю всего рациональнѣе начать съ математики.

Хотя эта наука сама принадлежитъ не къ *реальнымъ*, но къ умозрительнымъ, однако, она служитъ основаніемъ большей части техническихъ учебныхъ предметовъ, въ особенности по механической специальности. Сверхъ того, ей подобаешь первое мѣсто и потому, что ея результаты достигаютъ высшей степени достовѣрности, каковой далеко не всегда могутъ достигать индуктивныя или естественныя науки, черпающія свой матеріалъ изъ опытовъ и наблюдений, болѣе или менѣе подверженныхъ ошибкамъ или, по крайней мѣрѣ, неточностямъ.

I. МАТЕМАТИКА.

Наибольшее число часовъ на математику употребляется въ Германіи: въ Пруссіи, именно въ Глейвицѣ, это число доходитъ до 49 или $24\frac{1}{3}\%$ всего учебнаго времени, а въ Мюнхенѣ до 45 или 23%; гораздо менѣе въ Бельгіи—33 часа или 18% и во Франціи—28 часовъ, только 15%. Эти цифры нѣсколько измѣнятся относительно бельгійскихъ и французскихъ школъ, если причислить къ математикѣ бухгалтерію и счетоводство, которыя въ Германіи проходятся вмѣстѣ съ математикой, хотя въ меньшемъ объемѣ, нежели въ Бельгіи и во Франціи. Тогда въ Бельгіи будетъ 38 часовъ или 20,7%, а во Франціи 32 часа, около 17,6%. Въ отдѣльныхъ классахъ ¹⁾: въ Пруссіи низшее число—7 часовъ—въ 1-мъ классѣ, высшее—10—въ 5-мъ; въ Баваріи—въ 3-мъ классѣ 4 часа, но за то въ 6-мъ 13 часовъ. Въ Бельгіи и Франціи отъ 4 до 5 часовъ; только въ высшемъ классѣ бельгійскихъ атенеесвъ 8 часовъ.

¹⁾ Счетъ классовъ я буду обозначать, какъ и въ 1-й части, примѣнительно къ счету, употребляемому въ нашихъ училищахъ, т-е., низшій классъ буду называть первымъ, хотя-бы онъ за границею назывался 5-мъ, 6-мъ и т. д.

Само собою разумѣется, что ариметика вездѣ преподается съ 1-го класса. Но въ остальнымъ частямъ математики приступаютъ въ разныхъ классахъ, а именно:

1) *Алгебра* — въ Глейвицѣ начинается со 2-го класса; въ Мюнхенѣ съ 4-го, въ Бельгii съ 3-го, во Франціи только съ 5-го.

2) *Геометрія*—въ Глейвицѣ проходится съ 1-го класса и до 6-го, въ Мюнхенѣ начинается лишь съ 4-го класса, въ Бельгii съ 3-го, во Франціи со 2-го.

3) *Тригонометрія*—въ Глейвицѣ и Мюнхенѣ съ 5-го класса, въ Бельгii съ 4-го; во Франціи только въ 6-мъ классѣ.

4) *Аналитическая геометрія* — въ Глейвицѣ, Мюнхенѣ и Бельгii въ 6-мъ классѣ; во Франціи не преподается въ промышленныхъ лицеяхъ.

5) *Начертательная геометрія*—въ Глейвицѣ, Мюнхенѣ и Франціи въ 5-мъ и 6-мъ классахъ, въ Бельгii только въ 6-мъ.

Для болѣе удобнаго сравненія хода и объема преподаванія разныхъ отраслей математики, здѣсь предлагается таблица, въ коей параллельно прописаны программы училищъ: глейвицкаго, мюнхенскихъ, бельгійскихъ и французскихъ, съ обозначеніемъ мѣстныхъ названій классовъ, и, въ особой графѣ, употребляемаго у насъ счета классовъ и наименьшаго возраста учениковъ.

Классъ. Возрастъ учениковъ.	ГЛЕЙВИЦЪ.	МЮНХЕНЬ.
I. 10 лѣтъ.	<p>Книжка или 5-й классъ приготовительной школы.</p> <p>7 часовъ недѣльныхъ.</p> <p><i>Арифметика</i>—4 часа. 4 дѣйствія надъ цѣлыми числами и дробями простыми и десятичными. Упражнения въ устномъ рѣшеніи задачъ.</p> <p><i>Геометрія</i>—3 часа. Предварительныя понятія. Углы, параллельныя линіи, треугольникиъ.</p>	<p>6-й классъ народной школы.</p> <p>6 часовъ.</p> <p><i>Арифметика.</i> 4 дѣйствія надъ цѣлыми числами и дробями. Тройное правило въ примѣненіи къ общежитейскимъ вопросамъ. Устное рѣшеніе задачъ.</p>
II. 11 лѣтъ.	<p>Квартъ или 4-й классъ.</p> <p>8 часовъ.</p> <p><i>Арифметика и алгебра</i>—5 часовъ. 4 дѣйствія надъ общими величинами. Дроби простые и десятичныя. Тройное правило. Вычисленіе процентовъ. Устное рѣшеніе задачъ.</p> <p><i>Геометрія</i>—3 часа. Повтореніе пройденнаго. Параллелограммы и кругъ. Задачи на построеніа.</p>	<p>7-й классъ народной школы.</p> <p>6 часовъ.</p> <p><i>Арифметика.</i> Продолженіе о тройномъ правилѣ. Письменное и устное рѣшеніе задачъ. Сверхъ того, вычисленіе площадей и объемовъ.</p>
III. 12 лѣтъ.	<p>Терція В или низшее отдѣленіе 3-го класса.</p> <p>8 часовъ.</p> <p><i>Арифметика и алгебра</i>—5 часовъ. 4 первыя основныя дѣйствія надъ общими величинами. Основанія ученія о степеняхъ; уравненія 1-й степени. Дѣйствія надъ именованными числами. Тройное и цѣнное правила. Приложенія къ вычисленію процентовъ, монетъ, мѣръ и т. п. Извлеченіе квадратнаго корня. Устное рѣшеніе задачъ.</p>	<p>1-й классъ промышленнаго училища.</p> <p>4 часа.</p> <p><i>Арифметика.</i> Повтореніе четырехъ основныхъ дѣйствій надъ цѣлыми числами и дробями. Десятичныя дроби. Дѣйствія надъ именованными числами. Геометрическія пропорціи. Рѣшеніе задачъ изъ дѣловаго обихода посредствомъ пропорцій и приведенія къ единицѣ. Упражнения въ устномъ и сокращенномъ способѣ рѣшенія задачъ.</p>

БЕЛЬГІЯ.

ФРАНЦІЯ.

Приготовительный классъ атенея.

5 часовъ.

Ариметика. Нумерация десятичной системы. 4 дѣйствія надъ цѣлыми числами и дробями. Упражнения въ устномъ рѣшеніи задачъ.

Высшій классъ элементарной школы.

5 часовъ.

Ариметика. 4 дѣйствія надъ цѣлыми числами и дробями. Метрическая система.

5-й классъ.

5 часовъ.

Ариметика. Повтореніе. Метрическая система. Сравненіе ея съ старыми Бельгійскими мѣрами и съ Англійскими. Способъ приведенія въ единицы и приложеніе къ правиламъ процентовъ, товарищества, смѣшенія и т. п. Упражнения въ рѣшеніи многочисленныхъ задачъ, относящихся къ торговлѣ и промышленности.

Приготовительный классъ спеціального лица.

4 часа.

Ариметика. 4 дѣйствія надъ цѣлыми числами и дробями. Многочисленные упражнения въ устномъ и письменномъ рѣшеніи обычныхъ задачъ.

Геометрія. Прямая линія. Окружность и кругъ. Углы. Линія перпендикулярная, наклонная и параллельная. Пропорціональность линій.

4-й классъ.

5 часовъ.

Ариметика. Повтореніе пройденнаго, съ приложеніемъ къ рѣшенію обычныхъ задачъ. Дѣлимость чиселъ. Общий наибольшій дѣлитель. Пропорція. Квадратный корень.

Алгебра. Основныя дѣйствія. Составленіе и рѣшеніе уравненій 1-й степени съ однимъ и нѣсколькими неизвестными. Приложенія къ обычнымъ задачамъ.

1-й классъ.

5 часовъ.

Ариметика—2 часа. Метрическая система. Правила тройное, товарищества и т. д., по способу приведенія въ единицы. Рѣшеніе обычныхъ задачъ.

Геометрія—3 часа. Пересѣченіе окружности съ прямыми. Углы вписанные. Касательныя. Треугольныя; подобіе треугольниковъ. Четыреугольныя.

Классъ. Возрастъ учащихся.	ГЛЕЙВИЦЪ.	МЮНХЕНЪ.
	<p><i>Геометрія</i>—3 часа. Треугольникъ, параллелограммъ, кругъ, правильный многоугольникъ. Геометрическія мѣста. Равенство плоскихъ фигуръ. Задачи на построенія.</p>	
<p>IV. 13 лѣт.</p>	<p>Терція А или высшее отдѣленіе 3-го класса.</p> <p>8 часовъ.</p> <p><i>Ариметика</i> — 2 часа. Домашніе и купеческіе счеты. Исчисленіе процентовъ и дисконта, монетъ и учета векселей. Простая бухгалтерія.</p> <p><i>Алгебра</i>—2 часа. Степени и корни. Пропорціи. Уравненія 1-й и 2-й степеней. Многочисленныя упражненія.</p> <p><i>Геометрія</i>—4 часа. Равенство площадей; пропорциональность. Главныя положенія изъ стереометріи. Исчисленія треугольниковъ, круговъ, а также и стереометрическія. Многочисленныя задачи на построенія.</p>	<p>2-й классъ промышленнаго училища.</p> <p>8 часовъ.</p> <p><i>Ариметика</i> и <i>алгебра</i> — 4 часа. Повтореніе ученія о десятичныхъ дробяхъ и геометрическихъ пропорціяхъ, съ приложеніемъ къ рѣшенію задачъ изъ дѣлового обихода. Вычисленія процентовъ и векселей. Четыре основныя дѣйствія надъ алгебраическими величинами. Приведенія. Извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней. Уравненія 1-й и 2-й степеней съ однимъ и двумя неизвѣстными.</p> <p><i>Геометрія</i>—4 часа. Основныя понятія. Углы и параллельныя линіи. Треугольники, параллелограммы и многоугольники. Вычисленіе площадей. Равенство и подобіе фигуръ. Кругъ. Упражненія въ построеніяхъ, дѣленіи фигуръ, вычисленіяхъ площадей и т. д.</p>
<p>V. 14 лѣт.</p>	<p>Секунда или 2-й классъ промышленнаго училища.</p> <p>10 часовъ.</p> <p><i>Ариметика</i> — 2 часа. Упражненія въ арифметическихъ дѣйствіяхъ, надъ</p>	<p>3-й классъ промышленнаго училища.</p> <p>8 часовъ.</p> <p><i>Алгебра</i> — 3 часа. Уравненія 1-й и 2-й степеней съ однимъ и многими</p>

БЕЛЬГИЯ.	ФРАНЦІЯ.
<p><i>Геометрія.</i> Предварительныя понятія. Главныя свойства перпендикулярныхъ, наклонныхъ и параллельныхъ линий. Условія равенства треугольниковъ. Четыреугольники. Кругъ. Рѣшеніе числовыхъ задачъ въ большомъ количествѣ.</p>	<p>ки. Многоугольники; ихъ равенство и подобіе. Измѣреніе линий и площадей. Нивелировка и геодезическое измѣреніе мѣстностей.</p>
<p>3-й классъ. 5 часовъ.</p> <p><i>Алгебра.</i> Уравненія 2-й степени. Извлеченіе кубическихъ корней. Прогрессія. Элементарная теорія логарифмовъ, употребленіе таблицъ. Приложенія къ задачамъ о сложныхъ процентахъ и срочныхъ годовыхъ уплатахъ.</p> <p><i>Геометрія.</i> Измѣреніе площадей. Главныя свойства треугольниковъ. Пропорціональныя линіи. Подобіе фигуръ. Правильные многогранники. Измѣреніе круга. Отношеніе окружности къ диаметру.</p> <p><i>Прямолинейная тригонометрія.</i> Употребленіе таблицъ. Упражненія въ измѣреніи поверхностей различныхъ формъ.</p>	<p>2-й классъ. 5 часовъ.</p> <p><i>Арифметика</i> (преимущественно коммерческая) — 3 часа. Возвышеніе во 2-ю степень. Извлеченіе квадратнаго корня. Пропорціи. Правила тройное, товарищества, смѣшенія и т. п. Исчисленіе процентовъ, общественные займы, банки, акціи и т. д. Обобщеніе результатовъ исчисленій посредствомъ условныхъ знаковъ и буквъ, какъ введеніе въ алгебру. Многочисленныя упражненія въ рѣшеніи задачъ.</p> <p><i>Геометрія</i> — 2 часа. Геометрія въ пространствѣ. Плоскость. Плоскости параллельныя. Призмы. Параллелепипеды. Пирамиды. Образование поверхностей. Поверхность цилиндрическая, коническая, сферическая. Правильные многогранники. Измѣреніе поверхностей и объемовъ.</p>
<p><i>Топографія.</i> Съемка плановъ. Землемѣріе, нивелировка съ практическими упражненіями.</p> <p><i>Примѣчаніе.</i> Для отдѣла торгово-промышленнаго математика здѣсь прекращается.</p> <p>2-й классъ. 5 часовъ.</p> <p><i>Арифметика и алгебра.</i> Повтореніе и дополненіе пройденнаго. Теорія раз-</p>	<p>3-й классъ. 4 часа.</p> <p><i>Алгебра.</i> Основанія алгебры. Формулы. Приложеніе къ вычисленіямъ про-</p>

Классъ. Возрастъ учениковъ.	ВІДЛЕЙВИЦЬ.	ВМОНХЕНЬ.
	<p>отвлеченными и именованными числами. Непрерывная дробь. Пропорціи. Исчисленія процентовъ, монеть, учета векселей и т. п.</p> <p><i>Алгебра</i> — 4 часа. 7 основныхъ алгебраическихъ дѣйствій. Биномъ Ньютоновъ для цѣлыхъ показателей. Логарифмы. Уравненія 1-й и 2-й степеней.</p> <p><i>Геометрія</i> — 4 часа. Повтореніе прежде пройденнаго. Гоніометрія и главныя положенія тригонометріи. Рѣшеніе задачъ.</p> <p><i>Примѣчаніе.</i> Въ этомъ же классѣ назначено 5 часовъ на черченіе. Здѣсь проходятся изъ начертательной геометріи: основныя задачи ученія о проекціяхъ. Изображеніе линій, плоскихъ фигуръ и тѣлъ. Совмѣщенія. Развертки. Построеніе тѣней и т. д.</p>	<p>неизвѣстными. Неопредѣленныя уравненія. Степени, корни, логарифмы. Арифметическія и геометрическія прогрессіи. Вычисленіе сложныхъ процентовъ и рентъ.</p> <p><i>Геометрія и тригонометрія</i> — 3 часа. Больше трудныя задачи, относящіяся къ построенію, обращенію и дѣленію фигуръ. Алгебраическое рѣшеніе геометрическихъ задачъ. Взаимныя положенія прямыхъ линій и плоскостей. Тригранные углы и правильные многогранники. Вычисленіе поверхностей и объемовъ разныхъ тѣлъ. Тригонометрическія функціи. Рѣшеніе прямыхъ угловыхъ треугольниковъ. Вычисленіе равнобедренныхъ и неравныхъ стороннихъ треугольниковъ, а также правильныхъ многоугольниковъ чрезъ расположеніе ихъ на прямоугольные треугольники. Числовыя задачи.</p> <p><i>Начертательная геометрія</i> — 2 часа. Изображеніе точки, прямой линіи плоскости. Пересѣченія плоскостей прямыми и между собою. Сѣченія призмъ и пирамидъ плоскостями. Ураженія въ черченіи.</p>
<p>VI. 15 лѣт.</p>	<p>Прима или 1-й классъ промышленнаго училища.</p> <p>8 часовъ.</p> <p><i>Арифметика</i> — 2 часа. Упраженія въ логарифмическихъ вычисленіяхъ. Геометрическія прогрессіи. Задачи о сложныхъ процентахъ, рентахъ и страховыхъ преміяхъ. Начала теоріи вѣроятности съ примѣненіемъ къ смертности.</p>	<p>1-й классъ индустріальной школы.</p> <p>13 часовъ.</p> <p><i>Элементы алгебраическаго анализа</i> — 3 часа. Повтореніе алгебры. Соединенія. Биномъ Ньютоновъ. Мнимыя и раженія. Важнѣйшія свойства цѣлыхъ рациональныхъ функціи. Рѣшеніе уравненій 3-й, 4-й и высшихъ степеней.</p>
	<p><i>Геометрія и алгебра</i> — 6 часовъ. Повторенія и дополненія къ планиметріи</p>	<p><i>Тригонометрія и аналитическая геометрія</i> — 5 часовъ. Плоская тригонометрія, полигонометрія. Элементы сѣ</p>

БЕЛЬГИЯ.

ФРАНЦІЯ.

Англия
Возвращен
Курсе

ныхъ системъ счисленія и наибольшаго общаго дѣлителя.

Геометрія и тригонометрія. Повтореніе съ упражненіями. Главныя свойства прямыхъ линий и плоскостей перпендикулярныхъ и наклонныхъ. Теорія параллельныхъ линий и плоскостей. Углы двугранные и многогранные. Главныя свойства цилиндра, конуса и шара. Усѣченный конусъ. Сегментъ шара. Выпуклая поверхность и объемъ этихъ тѣлъ.

дентовъ, учета и т. д. 4 основныя дѣйствія и алгебраическія дроби. Уравненія 1-й степени съ многими неизвѣстными. Геометрическое объясненіе уравненій 1-й степени съ однимъ и двумя неизвѣстными. Уравненія 2-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ. Геометрическое объясненіе корней уравненій 2-й степени. Вопросы о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ, зависящихъ отъ уравненій 2-й степени. Примеры.

Начертательная геометрія. Предметъ начертательной геометріи. Методы проекцій. Изображеніе точки, прямой линіи и плоскости. Задачи, относящіяся къ прямой линіи и плоскости. Проекція куба, призмы, пирамиды. Проекція стропилъ. Слѣды линій и плоскостей. Тѣнь отъ пирамиды и призмы на плоскость и пирамиду. Пересѣченіе прямой съ плоскостію и т. п. Методъ совмѣщеній. Углы между линіями и плоскостями. Вращательное движеніе около вертикальной оси, съ приложеніями къ разнымъ задачамъ. Проекція двухъ стѣвъ, пересѣкающихся подъ косымъ угломъ, съ примѣненіемъ къ разрывкѣ камней и многія другія задачи.

1-й классъ.

4-й классъ.

8 часовъ.

5 часовъ.

Арифметика. Повтореніе пройденнаго.

Алгебра. Вопросы о наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ. Непрерывныя дроби. Неопредѣленные уравненія 1-й степени. Теорія соединеній. Виноиъ Ньютоновъ. Высшія степени и корни одночленовъ. Дѣйствія надъ арифметическими радикалами. Дроб-

Алгебра. Повтореніе пройденнаго. Арифметическія и геометрическія прогрессіи. Логарифмы, логарифмическія вычисленія, употребленіе логарифмическихъ таблицъ. Вычисленіе сложныхъ процентовъ и срочныхъ годовыхъ уплатъ. Общія понятія объ устройствѣ и операціяхъ кредитныхъ учреждений. Общія понятія о математической вѣроятности; приложенія къ нѣкото-

Классъ. Возрастъ учениковъ.	ГЛЕЙВИЦЪ.	МЮНХЕНЪ.
	<p>и плоской тригонометріи. Стереометрія и сферическая тригонометрія. Элементы начертательной геометріи ¹⁾. Аналитическая геометрія на плоскости: прямая линия и коническія сѣченія. Квадратныя уравненія съ нѣсколькими неизвѣстными. Высшіе арифметическіе ряды. Цѣлыя функціи. Главныя свойства опредѣлителей и примѣненіе ихъ къ рѣшенію уравненій. Разныя тригонометрическія и стереометрическія задачи.</p> <hr/> <p>¹⁾ Уже въ секундѣ, при черченіи, излагались основныя задачи ученія о проеціяхъ (см. выше); въ этомъ же классѣ, также при черченіи, изометрическая проеція стропиль.</p>	<p>рической тригонометріи. Приложенія алгебры къ геометріи. Элементы аналитической геометріи на плоскости въ пространствѣ, съ примѣненіемъ ученію о кривыхъ 2-го порядка.</p> <p><i>Начертательная геометрія</i> — 5 часовъ ¹⁾. Повтореніе задачъ о прямыхъ линияхъ и плоскостяхъ. Перемѣна плоскостей проеціи. Трехгранный уголъ. Пересѣченіе призмъ и пирамидъ плоскостями и между собою. Проеціи кривыхъ линий и поверхностей вобщемъ, и въ частности коническихъ и цилиндрическихъ, поверхностей вращения, развѣтывающихся и косыхъ. Проведеніе къ нимъ касательныхъ плоскостей. Пересѣченіе такихъ поверхностей съ плоскостями и между собою. Аксонометрическая проеціи и параллельная перспектива. Элементы построенія тѣней и линейной перспективы.</p> <hr/> <p>¹⁾ Обязательно для механиковъ строителей.</p>

БЕЛЬГИЯ.

ные показатели. Показательныя уравненія. Логарисмы. Способъ неопредѣленныхъ коэффициентовъ.

Сферическая тригонометрія.

Аналитическая геометрія. Составленіе уравненій. Прямолинейныя координаты и ихъ преобразованіе. Составленіе уравненій 2-й степени съ двумя переменными. Приведеніе общаго уравненія 2-й степени къ простѣйшимъ видамъ. Свойства кривыхъ 2-го порядка. Полярныя координаты. Пересѣченіе двухъ кривыхъ 2-го порядка. Задачи.

Начертательная геометрія. Предварительныя понятія. Предметъ начертательной геометріи. Задачи, относящіяся къ прямой линіи и къ плоскости. Понятія о производженіи поверхностей. Проведеніе касательныхъ плоскостей къ цилиндру и конусу въ простѣйшихъ случаяхъ. Сѣченіе цилиндра и конуса плоскостію.

ФРАНЦІЯ.

рымъ простымъ вопросамъ. Вѣроятная продолжительность жизни. Пожизненныя ренты. Многочисленныя упражненія въ рѣшеніи задачъ.

Прямолинейная тригонометрія. — Курсъ элементарный, на который посвящается не болѣе 10 уроковъ. Установленіе основныхъ формулъ. Употребленіе таблицъ. Правила вычислений. Рѣшеніе треугольниковъ въ простѣйшихъ случаяхъ. Задачи.

Геометрія. Наиболее употребительныя кривыя: эллипсъ, гиперболола, парабола, винтовая линія.

Начертательная геометрія. Общія понятія о поверхностяхъ. Производженіе поверхностей. Проведеніе касательныхъ плоскостей. Развертки. Сѣченіе цилиндра и конуса плоскостію. Пересѣченіе плоскостей между собою, пересѣченіе цилиндра съ конусомъ и т. п. Начальныя основанія съемки плановъ, измѣренія площадей и нивелировки. Планы съ отмѣтками (plans cotés). Понятія о перспективѣ. Параллельная перспектива (perspective cavalière). Опредѣленіе тѣней.

При разсмотрѣніи этой таблицы, мы во всѣхъ программахъ находимъ частія указанія на *практическое* направленіе преподаванія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „примѣненія къ обиходнымъ задачамъ; рѣшеніе многочисленныхъ задачъ; рѣшеніе числовыхъ задачъ (изъ геометріи); рѣшеніе задачъ, относящихся къ торговлѣ и промышленности“ и т. п. Изъ сравненія же самыхъ программъ оказывается, что преподаваніе математики ведется съ наибольшою постепенностію во Франціи, гдѣ и требованія менѣе обширны, какъ относительно познаній изъ алгебры и тригонометріи, такъ и по отсутствію аналитической геометріи. Уже въ 1-й части я упомянулъ, что тѣ, весьма немногіе, молодые люди, которые готовятся изъ спеціальныхъ лицеевъ поступить въ одно изъ высшихъ спеціальныхъ училищъ, для доступа къ которымъ не требуется классической подготовки, должны еще пройти особые математическіе классы, вмѣстѣ съ воспитанниками классическихкихъ отдѣленій лицеевъ.

Впрочемъ, таблица не требуетъ особыхъ объясненій; но я считаю полезнымъ упомянуть еще нѣсколько подробнѣе о тѣхъ особенностяхъ, соблюденіе коихъ считается необходимымъ при преподаваніи математики въ прусскихъ спеціальныхъ и реальныхъ училищахъ, сравнительно съ преподаваніемъ той же науки въ общеобразовательныхъ среднихъ школахъ или гимназіяхъ.

Относительно прусскихъ промышленныхъ и реальныхъ училищъ, уже прежде¹⁾ было указано, какъ правительство всегда смотрѣло на цѣль преподаванія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Министерство торговли писало, что въ промышленныхъ училищахъ „должно преобладать примѣненіе теоретическаго знанія къ промышленности, ибо чисто теоретическія познанія въ математикѣ и естественныхъ наукахъ приносятъ мало пользы практикѣ“; а въ уставѣ реальныхъ училищъ прусское же министерство просвѣщенія требуетъ, чтобъ они „при всякомъ сообщеніи свѣдѣній имѣли въ виду самостоятельное и точное примѣненіе ихъ къ дѣлу, такъ чтобы всякое знаніе становилось умѣньемъ“.

Эти общія требованія и примѣняются на самомъ дѣлѣ при преподаваніи математики не только въ промышленныхъ, но даже въ реальныхъ училищахъ 1-го разряда, не смотря на то, что сіи послѣднія имѣютъ притязаніе быть общеобразовательными учебными заведеніями, въ которыхъ характеръ преподаванія математики долженъ

¹⁾ См. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., февраль, стр. 56—58.

быть по преимуществу научный, имѣющій въ виду: въ первомъ планѣ умственное развитіе воспитанниковъ, а лишь на второмъ — сообщеніе имъ обиходныхъ, практическихъ умѣній. Такъ какъ реальныя училища также служатъ подготовительными школами для промышленныхъ, то я укажу на нѣкоторые отличія ихъ учебнаго плана отъ гимназическаго, подтверждающія сейчасъ высказанное мнѣніе о характерѣ преподаванія математики въ гимназіяхъ. Только три низшіе класса имѣютъ схожія программы; съ 4-го класса уже явно выступаетъ различіе въ цѣли преподаванія математики: съ этого класса въ гимназіяхъ прекращаются упражненія въ ариметическихъ вычисленіяхъ (Rechnen), которыя продолжаютъ въ реальномъ училищѣ до 7-го класса. Въ 5-мъ классѣ гимназій (III, a) полагается объяснить между прочимъ: *научную* основу аритметики (wissenschaftliche Begründung der gemeinen Arithmetik); въ учебномъ планѣ реальнаго училища, не смотря на двойное, въ сравненіи съ гимназіями, число уроковъ математики, объ этой *научной* основѣ не упоминается, но за то назначаются: упражненія въ купеческихъ вычисленіяхъ, съ повтореніемъ прежде пройденнаго. Соответственно съ такимъ направленіемъ, и такъ какъ многіе ученики оставляютъ реальную школу послѣ пяти лѣтъ ученія, въ концѣ этого періода требуется отъ учениковъ: твердость въ вычисленіяхъ, относящихся къ обиходной жизни; а изъ геометріи: умѣнье понимать и со смысломъ оставлять математическія построенія, *встрѣчающіяся въ промышленности*. Но и въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ классахъ, то-есть, на 6-мъ и 7-мъ году ученія, предписано: продолжать упражненія въ купеческихъ вычисленіяхъ.

Мнѣ казалось необходимымъ указать на различіе между учебными планами прусскихъ гимназій и *реальныхъ* училищъ, во 1-хъ, потому, что послѣднія имѣютъ менѣе специальный характеръ, чѣмъ прусскія же промышленныя училища, а во 2-хъ, что они подлежатъ вѣдѣнію того же министерства народнаго просвѣщенія,* какъ и гимназіи. Но и въ промышленныхъ училищахъ, во всѣхъ классахъ, за исключеніемъ высшаго или специального, продолжаютъ упражненія въ ариметическихъ вычисленіяхъ, не смотря на то, что остальные части математики проходятся въ весьма широкомъ объемѣ, какъ это видно изъ сравнительной таблицы.

Цѣль и методъ преподаванія различныхъ частей математики въ реальнаго учебнаго заведенія изложены весьма подробно въ учебномъ планѣ и программахъ французскихъ специальныхъ лицеевъ.

Изъ этихъ программъ я представилъ довольно подробныя выписки въ сравнительной таблицѣ; но такъ какъ во Франціи математическія науки стоятъ и цѣнятся высоко, то считаю не лишнимъ сообщить еще нѣкоторыя указанія относительно преподаванія геометріи и начертательной геометріи. О первой сказано: „преподаватель придаетъ своему курсу, во все его продолженіе, характеръ *практической полезности*. Поэтому его забота состоитъ не въ томъ, чтобы сообщить своему преподаванію чисто-научное направленіе и доказывать теоремы собственно ради ихъ самихъ; но онъ долженъ при преподаваніи настаивать преимущественно на примѣненіяхъ. Дойдя до геометріи въ пространствѣ, онъ употребляетъ досочки изъ пробковаго дерева для изображенія плоскостей и деревянные спицы или прутики съ острыми концами для изображенія линий. Изъ этихъ досочекъ и линий онъ строитъ фигуры, коихъ свойства намѣренъ объяснить; чертитъ ихъ на доскѣ, показавъ предварительно ученикамъ построенную имъ фигуру, и сравнивая при объясненіи чертежъ съ самою фигурой. Каждый ученикъ, имѣя подобный снарядъ въ меньшихъ размѣрахъ, самъ воспроизводитъ данную фигуру; и такимъ образомъ этотъ курсъ служитъ подготовленіемъ къ начертательной геометріи.

„Для объясненія предложеній объ объемахъ, отрѣзкахъ и коническихъ сѣченіяхъ, преподаватель долженъ имѣть собраніе геометрическихъ тѣлъ изъ дерева, картона или склеенныхъ стеклянныхъ пластинокъ“.

По поводу преподаванія начертательной геометріи, главною задачею выставляется—развить въ воспитанникахъ способность представлять себѣ геометрическія фигуры въ пространствѣ, что называется: „читать въ пространствѣ“. Съ этою цѣлію употребляются складныя досочки на шарнирахъ и, какъ при геометріи, прутики съ острыми концами, для изображенія плоскостей, прямыхъ линий и ихъ взаимнаго положенія. Такъ какъ данныя всякой практической задачи непременно выражаются *числами*, то должно заранѣе приучать воспитанниковъ къ построенію задачъ по извѣстному *масштабу*. Преподаваніе начертательной геометріи „должно быть по преимуществу практическимъ, ибо оно дается молодымъ людямъ, мало привыкшимъ къ отвлеченнымъ соображеніямъ и предназначеннымъ прилагать начертательную геометрію къ простѣйшимъ вопросамъ, а не къ разрѣшенію трудныхъ научныхъ задачъ, подобно воспитанникамъ высшихъ специальныхъ училищъ“. Между примѣрами примѣненной начертательной геометріи упоминается о съемкѣ плановъ, нивелировкѣ, о раз-

рѣзкѣ камней, построеніи тѣной, о проекціи деревянной фермы, о простыхъ плотничьихъ вязкахъ, причѣмъ сообщаются и техническія названія, какъ-то: въ поль-дерева, шипомъ и гнѣздомъ и т. д.

Подобное же практическое направленіе господствуетъ и въ программѣ—хотя, впрочемъ, весьма обширной—Барменскаго высшаго и низшаго промышленнаго училища. Эта программа, по которой на математику удѣлено 18% всего учебнаго времени, во многомъ отлична отъ программъ правительственныхъ училищъ, какъ реальныхъ, такъ и промышленныхъ, и заслуживаетъ вниманія потому, что Барменское училище устроено по инициативѣ и на средства городского общества, которому правительство, поэтому, предоставило широкую свободу относительно внутренняго устройства училища и учебнаго плана, выработаннаго, какъ уже прежде упомянуто ¹⁾, по указаніямъ и подъ руководствомъ теперешняго директора того училища, извѣстнаго педагога и математика, д-ра Цеме. Въ этомъ учебномъ планѣ:

1) При ариметикѣ упоминается о „многочисленныхъ задачахъ“ на разныя правила, какъ-то: правила товарищества, смѣшенія, вычисленія процентовъ простыхъ и сложныхъ, учета векселей, прибыли и убытковъ и т. д.

2) По алгебрѣ указывается на разрѣшеніе, при помощи уравненій 1-й степени, многоразличныхъ задачъ, относящихся къ дѣловому обиходу, и при помощи уравненій высшихъ степеней разрѣшеніе около 450 задачъ изъ практической жизни.

3) По геометріи—рѣшеніе многочисленныхъ задачъ изъ планиметрии и *промышленной практики*; синтетическое и отчасти алгебраическое рѣшеніе около 550 планиметрическихъ задачъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *промышленную и техническую практику*.

При этомъ указывается на слѣдующія руководства:

1) *Schellen*, Aufgaben für das theoretische und praktische Rechnen.

2) *Wöhler*, Aufgabensammlung aus der Buchstabenrechnung u. Algebra.

3) *Heis*, Sammlung von Beispielen und Aufgaben aus der Arithmetik und Algebra.

4) *Wöckel*, die Geometrie der Alten, in einer Sammlung von 850 Aufgaben ²⁾.

¹⁾ Ср. *Журн. Мин. Народн. Просв.*, февраль, стр. 77.

²⁾ Эта книга переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Собраніе геометрическихъ задачъ или геометрія древнихъ въ 850 задачахъ». Д-ра Вёкеля.

Въ другіяхъ, посѣщенныхъ мною, училищахъ употребляются собранія задачъ, изданныя частью отдѣльно, частью вмѣстѣ съ учебниками слѣдующихъ авторовъ:

Meier Hirsch, Sammlung von Aufgaben aus der Algebra.

Hofmann, Sammlung von Aufgaben aus der Arithmetik und Algebra.

Gallenkamp, Trigonometrische Aufgaben.

Böhme, Schul-Rechnenaufgaben.

Stabba, Aufgaben für die rechnende Geometrie. Leipzig, 1870, и др.

Во Франціи.

André, Exercices de calcul.

Béguin, Problèmes d'arithmétique.

Dudot, Cours d'arithmétique pratique.

Olivier, Arithmétique usuelle.

id. Géométrie usuelle.

Dufailly, Problèmes de mathématiques.

Amiot, Eléments de géométrie.

id. Applications de la géométrie élémentaire.

Desboves, Questions d'algèbre.

id. Questions de trigonométrie и др. ¹⁾.

- Въ программахъ начертательной геометріи упоминается о параллельной перспективѣ и объ аксонометрической проекціи. Последняя есть видъ первой и употребляется въ технику преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда желательно имѣть изображеніе предмета по всѣмъ тремъ протяженіямъ въ одномъ чертежѣ, для чего, при обыкновенномъ ортогональномъ способѣ проектированія, нужно имѣть по

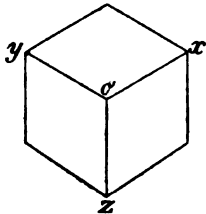
Пер. подъ редакцію А. Дмитріева. Спб. 1867 года. Цѣна 50 коп. Переводъ этотъ въ настоящее время распроданъ, но въ непродолжительномъ времени будетъ отпечатано второе его изданіе, подъ заглавіемъ: «Практическія упражненія въ геометріи или собраніе геометрическихъ задачъ, составленное по Векелю А. Дмитріевымъ». Въ сочиненіе это, кромѣ задачъ изъ планиметріи, войдутъ и задачи стереометрическія съ численными къ нимъ приложеніями.

¹⁾ Исчисляя въ настоящемъ отчетѣ употребляемые въ разныхъ училищахъ учебники, я не могъ имѣть въ виду сравнительной оцѣнки ихъ, какъ между собою, такъ и относительно другіхъ, не поименованныхъ у меня учебниковъ. Такая оцѣнка была бы возможна лишь при подробномъ разсмотрѣніи ихъ специалистами по каждой части. О достоинствахъ же нѣкоторыхъ сочиненій, съ которыми я имѣлъ случай ознакомиться ближе или самъ, или по отзывамъ лицъ свѣдущихъ, каждый разъ упомянуто особо.

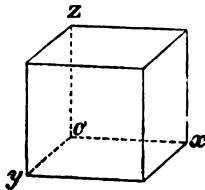
крайней мѣрѣ двѣ проекціи: горизонтальную (планъ) и вертикальную (фасадъ), а иногда еще видъ съ боку. Параллельная перспектива, какъ показываетъ самое ея названіе, отличается тѣмъ, что при ней проектирующія линіи между собою параллельны; тогда какъ при обыкновенной перспективѣ эти линіи сходятся къ одной точкѣ, соответствующей глазу наблюдателя. Последний способъ изображаетъ предметъ также по вѣмъ тремъ протяженіямъ, и крѣптомъ совершенно такъ, какъ онъ намъ представляется, и потому характеръ его—субъективная истинность; но онъ не даетъ точныхъ размѣровъ предмета. Эта субъективная истинность отчасти теряется при *параллельной* перспективѣ, при которой глазъ зрителя предполагается на безконечномъ разстояніи отъ предмета; но она имѣетъ ту выгоду, что размѣры трехъ протяженій *предмета* находятся въ опредѣленныхъ геометрическихъ отношеніяхъ къ размѣрамъ *проекции* или чертежа, и потому по такой проекціи также легко опредѣлить размѣры самого предмета, какъ и при обыкновенной ортогональной. Для объясненія значенія аксонометрической проекціи лучше всего представить себѣ проекцію куба:

Если смотрѣть на кубъ наискось, то намъ представляются три его плоскости и образующіяся отъ пересѣченія этихъ плоскостей три ребра, причемъ очевидно, что эти ребра, сходящіяся въ тѣлесный уголъ, опредѣляютъ величину прилегающихъ къ нимъ граней, и съ тѣмъ вмѣстѣ вышину, длину и ширину или глубину, то-есть, всѣ три протяженія самого куба. Такъ какъ изображенія или проекціи этихъ реберъ, или противоположныхъ имъ задняго и нижнихъ реберъ, служатъ основаніемъ для проекціи прилегающихъ къ нимъ плоскостей, а потому и самого куба, то они называются осями: вышины (oz), длины (ox) и ширины (oy). Фиг. 1, 2, 3.

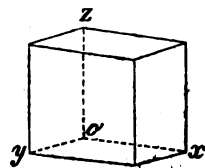
(Фиг. 1.)

(Фиг. 2.)

(Фиг. 3.)

По относительной длинѣ этихъ осей могутъ быть три вида аксонометрической проекціи:

1) Если мы будемъ держать кубъ такъ, чтобы въ проекціи или планѣ всѣ три ребра или оси имѣли одинаковую длину (причемъ они образуютъ между собою равные углы въ 120°), то отношеніе между ребрами въ проекціи будетъ совершенно такое же какъ и между ребрами самаго куба, и въ такомъ случаѣ проекція называется *изометрической*, то-есть, равномѣрною. Такъ въ фиг. 1 всѣ ребра куба въ проекціи одинаковой длины, какъ и въ натурѣ.

2) Если кубъ держать такъ, чтобы въ проекціи только два ребра или двѣ оси были одинаковой длины, а третья въ известномъ, опредѣленномъ отношеніи больше или меньше, то и проектируемыя по этимъ осямъ плоскости будутъ въ такой же пропорціи шире или уже чѣмъ соответственныя имъ грани въ натурѣ. Въ фиг. 2 оси *oa* и *ox* одинаковы, а *ou* на половину короче; поэтому плоскости соответствующія ширинѣ куба (или всякаго другаго проектируемаго тѣла) будутъ на половину уже чѣмъ тѣ же плоскости въ натурѣ. Такая проекція называется *димерической*, то-есть, двумѣрною.

Наконецъ 3) проекція *анизометрическая* (неравномѣрная), если всѣ три ребра или оси будутъ въ проекціи разной величины. Тогда и грани куба или другаго тѣла будутъ величиною въ такихъ же между собою отношеніяхъ, какъ величины самыхъ осей. Въ фиг. 3 длина осей $oa : ox : ou = 1 : \frac{9}{10} : \frac{1}{2}$, и въ такихъ же отношеніяхъ находятся высота, длина и глубина чертежа къ тѣмъ же протяженіямъ куба въ натурѣ.

Отъ опредѣленія относительной длины осей происходитъ самое названіе описаннаго здѣсь способа проекцій — *аксонометрическимъ* (то-есть, осемѣрнымъ).

Руководствами для изученія начертательной геометріи могутъ служить: а) изъ нѣмецкихъ:

Pohlke, Darstellende Geometrie, 1-te Abth. 3-te Auf. Berlin, 1872.

Delabar, Anleitung zum Linearzeichnen 2—4-tes Heft. Freiburg, 1867—1870.

Первое изъ этихъ сочиненій написано въ болѣе научномъ направленіи, второе удобопонятнѣе и богато практическими объясненіями и примѣненіями.

б) Изъ французскихъ:

Kiaes, Cours élémentaire de géométrie descriptive.

Briot et Vacquant, Eléments de géométrie descriptive.

Catalan, Manuel de trigonométrie et de géométrie descriptive.

Dufailly, *Éléments de géométrie descriptive.*

Urbain Artus, *Éléments de géométrie descriptive.*

Кромѣ учебниковъ, въ среднихъ училищахъ по математикѣ употребляются, какъ пособія при преподаваніи:

а) По ариѳметикѣ: таблицы и модели метрическихъ мѣръ и вѣса; болѣе всего встрѣчаются приготовленныя профессоромъ Бошпомъ въ Штутгартѣ. Объ обояхъ, служащихъ для той же цѣли, я упомянулъ при описаніи Ахенскаго политехническаго училища. Для сокращенія и повѣрки сложныхъ вычисленій, особенно съ помощію логарифмовъ, употребляются такъ называемыя счетныя линейки, *règles à calcul*. Это не что иное, какъ логарифмическая таблица въ самой удобной формѣ. Самыя лучшія изъ нихъ дѣлаются въ Парижѣ у *Tavernier-Gravet*, *rué de Babylone*, 39.

б) Гораздо важнѣе пособія при преподаваніи стереометріи и начертательной геометріи съ перспективой. На простѣйшія и необходимѣйшія изъ нихъ указано въ выше приведенныхъ мѣстахъ программъ французскихъ специальныхъ лицеевъ; а на Вѣнской выставкѣ подобныя пособія были въ значительномъ количествѣ и разнообразіи. Изъ фирмъ, выставившихъ ихъ, я успѣлъ замѣтить слѣдующія: *Hauck* и *Lenoir* изъ Вѣны, *Möser* и *Schröder* изъ Дармштадта; *Strösser* изъ Брюсселя, выставившій геометрическія тѣла изъ проволоки, заслужившій одобреніе многихъ специалистовъ, и не дорогія: 40 моделей вышиною отъ 6—7 центиментовъ (ок. 1½ вершк.) стоятъ 35 фр.; *Nachette*, *Rives* и *Jullien* изъ Парижа. Произведенія послѣдней фирмы, очень поучительныя для начертательной геометріи, отличаются замѣчательною дешевизною: 30 картонныхъ складныхъ моделей, конечно небольшихъ (*reliefs à pièces mobiles*), съ 117 подвижными прутиками или иглами изъ металлической проволоки стóютъ только отъ 10 до 15 франковъ. Эти модели можно выписывать чрезъ извѣстныхъ парижскихъ книгопродавцевъ: *Delagave et C-ie* и *Gauthier-Villars et C-ie*. Весьма замѣчательный рядъ пособій по математикѣ, черченію, рисованію и географіи былъ выставленъ нормальной школой въ Карлсбургѣ (въ бельгійскомъ Люксембургѣ); между ними особенною практичностью и наглядностью отличалась серія моделей по начертательной геометріи (*méthode intuitive de projections par plans mobiles*), директора школы г. Пирона; но я не могъ узнать, дѣлаются ли эти вещи на продажу. Я крайне сожалѣлъ, что прежде, въ бытность мою въ Бельгіи, я не зналъ о существованіи этой школы, которую навѣстити было бы въ высшей степени интересно. Въ числѣ этихъ по-

собій была коллекція 60 геометрическихъ тѣлъ изъ цинка, сдѣланныхъ, по указанію г. Пирона, г. Вистеромъ въ Намюрѣ, который продаетъ ихъ по $1\frac{1}{4}$ фр. за каждую модель.

Самыя дешевыя модели геометрическихъ тѣлъ — картонныя. Профессоръ математики при Вѣнскомъ реальномъ училищѣ 6-го округа, г. Фіалковский издалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ 12 таблицъ изъ тонкаго картона величиною отъ 3 до 6 вершковъ, съ изображеніемъ сѣтей около 20 геометрическихъ тѣлъ и, кромѣ того, множества чертжей для объясненія ученія объ углахъ. Каждый ученикъ легко можетъ вырѣзать эти сѣти и составить изъ нихъ модели геометрическихъ тѣлъ, тѣлесныхъ угловъ и плоскостей, чѣмъ вмѣстѣ возбуждается самодѣятельность учениковъ. Это изданіе было одобрено общимъ съѣздомъ нѣмецкихъ учителей въ Вѣнѣ въ 1870 г., цѣна же онаго всего 40 крейцеровъ, — около 27 коп. Выписывать можно чрезъ Вѣнскихъ книгопродавцевъ Sallmayer et C-ie (Fialkowski, K6rperformen-Netze).

Тотъ же г. Фіалковский выставилъ превосходныя модели, объясняющія теорію проекцій, построенія тѣней и перспективы, схожія съ моделями Карлсбургской школы, но и имъ не было назначено цѣны. Эти модели изъ толстой бумаги, которая складывается и опять разгибается. Линіи въ пространствѣ изображаются тонкими нитями и иглами, плоскости — полосами бумаги; линіи проекцій различаются цвѣтомъ и толщиной, а плоскости штриховкою.

Всѣ подобныя пособія значительно облегчаютъ изученіе стереометріи и начертательной геометріи, и потому желательно, чтобы важнѣйшими изъ нихъ были снабжены и наши реальныя училища.

Все сказанное доселѣ о преподаваніи математики относится до курса, соответствующаго первымъ шести классамъ нашихъ реальныхъ училищъ. Въ тѣхъ заграничныхъ училищахъ, которыя имѣютъ классъ, соответствующій нашему дополнительному, преподается по математикѣ еще слѣдующее: а) во 2 классѣ баварскихъ индустріальныхъ училищъ — для механиковъ и архитекторовъ, — а также въ высшемъ классѣ Барменскаго училища: начала дифференціального и интегральнаго исчисленія; б) въ специальномъ классѣ прусскихъ промышленныхъ училищъ, въ общемъ или научномъ отдѣленіи: изслѣдованіе уравненій 2-й степени; общее ученіе о кривыхъ; элементы аналитической геометріи въ пространствѣ; стереометрическія упражненія; сходимость безконечныхъ рядовъ; биномъ Ньютона; ряды повозательный, логарифмическіе и тригонометрическіе; приближительное рѣше-

ніе высшихъ уравненій; опредѣленіе наибольшихъ и наименьшихъ величинъ; вычисленія съ помощію опредѣлителей. Въ специальныхъ отдѣленіяхъ къ этому еще присоединаются упражненія въ прижненіи начертательной геометріи; элементы синтетической геометріи съ примѣненіями къ построенію коническихъ сѣченій; аэонометрическое изображеніе частей машинъ; перспектива; построеніе тѣней.

Объ этихъ программахъ можно замѣтить слѣдующее:

а) Относительно дифференціального и интегрального исчисленія:

1) Весьма немногіе 16-лѣтніе юноши могутъ быть достаточно зрѣлы, чтобы съ успѣхомъ прослушать курсъ высшаго анализа, особенно при обремененіи ихъ множествомъ другихъ предметовъ; чѣмъ и объясняется относительная густота 2-го класса баварскихъ индустриальныхъ училищъ.

2) Во всѣхъ посѣщенныхъ мною политехническихъ институтахъ какъ директоры, такъ и преподаватели главныхъ специальныхъ предметовъ, выражали мнѣ свое нежеланіе имѣть студентовъ, прослушавшихъ уже въ среднемъ учебномъ заведеніи курсъ дифференціального и интегрального исчисленія. Такіе молодые люди обыкновенно слишкомъ самонадѣянны и пренебрегаютъ математическими левціями въ политехникахъ. Гораздо важнѣе и лучше, если поступающіе въ высшее техническое училище основательно ознакомились съ элементарною математикой и, посредствомъ многочисленныхъ упражненій, приобрѣли умѣніе и навыкъ быстро и точно рѣшать всѣ практическія задачи, разрѣшимыя безъ пособія высшаго анализа.

3) Молодые люди, готовящіеся прямо къ практической дѣятельности, помимо высшаго технического училища, и потому не помышляющіе о самостоятельной разработкѣ науки, также могутъ обходиться безъ высшаго анализа и, при помощи элементарной математики, практически пользоваться готовыми уже результатами науки. Доказательствомъ тому могутъ служить бывшіе воспитанники французскихъ училищъ искусствъ и ремеслъ¹⁾, весьма цѣнныя какъ отличные практическіе механики и машиностроители, между тѣмъ какъ изъ математики въ этихъ училищахъ проходитъ лишь слѣдующее: изъ алгебры до уравненій 2-й степени включительно; элементарная геометрія со включеніемъ кривыхъ 2-й степени, объясняемыхъ лишь геометрическими способами изслѣдованія; прямолинейная тригонометрія и начала начертательной геометріи.

¹⁾ Сравни. *Журн. Мин. Народн. Просв.* мартъ, стр. 28—29.

б) Между предметами, преподаваемыми въ прусскихъ промышленныхъ училищахъ, нѣтъ ни дифференціального, ни интегрального исчисления; но по мнѣнію многихъ педагоговъ, программа этихъ училищъ все таки слишкомъ обширна, особенно для воспитанниковъ механическаго, строительнаго и химическаго отдѣленій, у коихъ отъ 39 до 41 недѣльныхъ уроковъ. Къ числу ненужныхъ или менѣе важныхъ предметовъ многіе специалисты относятъ ученіе объ опредѣлителяхъ и нѣкоторыя части высшей алгебры, иные также аналитическую геометрію, и т. д. Подобное же разногласіе встрѣчается относительно такъ называемой новой геометріи, которая у Нѣмцевъ называется еще синтетическою или геометріею положенія, а у Французовъ—высшею геометріею. Иные видятъ въ ней лишь весьма любопытныя соображенія, другіе—важное пособие при преподаваніи механики. Преподаваніе ея, сколько мнѣ извѣстно, не введено еще ни во Франціи ¹⁾, ни въ Бельгіи; въ Германіи нѣкоторые ея отдѣлы проходятся вмѣстѣ съ элементарною или съ начертательною геометріею, но и то далеко не во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вообще по вопросу объ *объемѣ* преподаванія математики въ среднихъ спеціальныхъ или реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ далеко не установилось однообразнаго взгляда: для этого потребуются еще многочисленныя и безпристрастныя наблюденія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; но за то, сколько мнѣ извѣстно, всѣ педагоги согласны въ томъ, что *направленіе* этого преподаванія въ реальныхъ училищахъ должно быть практическое, то-есть, по выраженію почтеннаго директора Барменскаго училища, г. Цема, математика, „при основательномъ научномъ изложеніи, должна быть примѣняема какъ можно обширнѣе къ рѣшенію задачъ изъ промышленной и технической практики“.

Въ связи съ математикою, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ училищахъ, въ другихъ же отдѣльно, проходятся: 1) коммерческія науки и 2) землѣмѣріе съ нивеллировкою.

1. Коммерческія науки.

а) Въ прусскихъ промышленныхъ училищахъ коммерческая ариметика и простая бухгалтерія проходитъ съ 4-го класса, вмѣстѣ съ

¹⁾ Есть, впрочемъ, и во Франціи учебники, въ коихъ изложены начала и новой геометріи, напримѣръ, Amiot, *Leçons nouvelles de géométrie élémentaire*, 2 éd., 2 vol.

арифметикой, а въ специальномъ или дополнительномъ классѣ 2 часа въ недѣлю назначены особо на слѣдующіе предметы: двойная бухгалтерія, коммерческая корреспонденція и другія конторскія занятія, ученіе о векселяхъ, курсахъ, цѣнныхъ бумагахъ и монетахъ.

б) Въ *Бельгійскихъ промышленныхъ атенеяхъ* въ 3-мъ классѣ назначены 3 часа на тѣ же предметы по слѣдующей программѣ: простая бухгалтерія, вспомогательныя книги, фактуры, торговые законы, переводы и векселя, общая теорія двойной бухгалтеріи, коммерческая корреспонденція, и въ 4-мъ классѣ 2 часа на: повтореніе, подраздѣленіе главныхъ счетовъ, смотря по специальностямъ (банкиры, промышленники, торговцы, товарищества). Текущіе счета. Упражнения. Письмоводство.

Кромѣ этихъ 5 часовъ въ низшемъ отдѣленіи атенеевъ, назначено еще 8 часовъ на коммерческія науки въ высшемъ отдѣленіи, но только въ 5-мъ и 6-мъ классахъ коммерческаго отдѣла; въ тѣхъ же классахъ общаго или научнаго отдѣла эти науки болѣе не проходятся.

в) Во *Французскихъ специальныхъ лицеяхъ*, въ коихъ нѣтъ особаго коммерческаго отдѣленія, всѣ воспитанники проходятъ въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, по 1-му часу въ недѣлю, коммерческія науки по слѣдующей программѣ:

Въ 1-й годъ, соответствующій нашему 3-му классу: предварительныя понятія о торговлѣ, мѣна, товары, деньги; значеніе употребительнѣйшихъ въ торговлѣ словъ и выраженій.

2-й годъ: курсъ пригготовительный къ бухгалтеріи. Три книги обязательныя по закону; главныя и вспомогательныя книги. Разныя способы вычисленія процентовъ.

3-й годъ: подробное изложеніе двойной бухгалтеріи съ практическими упражненіями, такъ чтобы воспитанникъ, вышедшій изъ этого (предпоследняго) класса, могъ быть хорошимъ бухгалтеромъ.

4-й годъ: коммерческія операціи, банкирскія дѣла, товарищества, биржевыя операціи, финансовая система. Кромѣ того, въ этомъ же классѣ назначено по 1-му часу на торговое законодательство и на политическую экономію.

Такъ какъ хорошихъ руководствъ по части коммерческихъ наукъ въ объемѣ, не слишкомъ обширномъ для среднихъ училищъ, существуетъ не очень много, то считаю не лишнимъ сообщить заглавія тѣхъ, кои употребляются въ посѣщенныхъ мною училищахъ:

а) въ Германіи: *Röhrich, Leitfaden für den Unterricht in der Han-*

delswissenschaft. *Ею же*, Handbuch des kaufmännischen Rechnens. *Reischle*, Die einfache und doppelte Buchhaltung. *Brentano*, Leitfaden für den Unterricht in der Wechsellehre. *Egli*, Kleine Handelsgeographie und Handelsgeschichte.

б) въ Бельгiи: *Merten*, Traité des opérations de commerce. *Barlet*, Cours de commerce et de tenue de livres. *Ею же*, Histoire du commerce et de l'industrie de la Belgique.

в) во Франціи: *Bertrand*, Cours d'arithmétique commerciale. *Ею же*, Cours de tenue des livres. *Bavin*, Géographie agricole, industrielle et commerciale de l'Europe. *Vannier*, Premières notions du commerce et de la comptabilité. *Ею же*, Traité de la tenue des livres.

Что касается Баварскихъ промышленныхъ училищъ, то въ нихъ, за исключеніемъ коммерческихъ отдѣленій, не положено особыхъ часовъ на счетоводство и бухгалтерію. Но въ программѣ нѣмецкаго языка, во всѣхъ трехъ курсахъ, указывается на составленіе дѣловыхъ писемъ, счетовъ, росписокъ, инвентарей и на обученіе бухгалтеріи. Въ *индустриальныхъ* училищахъ назначено въ обоихъ классахъ по два часа на бухгалтерію и коммерческія науки, но *обязательно* лишь для учениковъ химическаго отдѣленія.

2. Землеѣріе и нивелировка.

а) Въ *Прусскихъ промышленныхъ училищахъ* проходятся эти предметы по 2 часа въ недѣлю во всѣхъ отдѣленіяхъ дополнительнаго класса, за исключеніемъ химическаго, по слѣдующей программѣ: теорія и употребленіе измѣрительныхъ приборовъ, межеваніе, маршейдерское искусство. Въ теченіе лѣтнаго семестра практическія упражненія въ межеваніи, нивелировкѣ, таксаціи и съемкѣ плановъ. Преподаваніе заключается въ ознакомленіи учениковъ съ устройствомъ и употребленіемъ инструментовъ, въ примѣненіи относящихся къ землеѣрію математическихъ теоремъ, а затѣмъ въ практическихъ упражненіяхъ въ полѣ.

б) Въ *Бельгійскихъ атенеяхъ* въ 4-мъ классѣ вмѣстѣ съ математикомъ, преподается подъ названіемъ *топографіи*: съемка плановъ, землеѣріе, нивелировка, упражненія въ полѣ. Но на это не положено опредѣленнаго числа часовъ.

в) Во *Французскихъ лицеехъ* также на эти предметы не назначены особые часы, но преподаваніе ихъ идетъ вмѣстѣ съ геометрией. Въ классѣ, соотвѣтствующемъ нашему 3-му, назначено: измѣрить высоту башни, колокольни, дерева и т. д., измѣрить длину мѣстности

плоской, имѣющей наклонъ и кривою не проходимою. Сдѣлать нивелировку мѣстности. Геодезическое измѣреніе площади какого-либо многоугольника, внутренность котораго доступна для работы; геодезическое измѣреніе мѣстности ограниченной кривою линіею. Разъ въ недѣлю, при благопріятной погодѣ, нѣсколько часовъ опредѣляются на практическія упражненія. Въ высшемъ классѣ, вмѣстѣ съ начертательною геометріею: свѣдѣнія о съемкѣ плановъ, объ измѣреніи площадей и нивелировкѣ. Объясненіе различныхъ приѣмовъ, при этомъ употребляемыхъ; описаніе инструментовъ, упражненія въ полѣ, если это исполнимо.

При элементарномъ преподаваніи землемѣрія и нивелировки особня руководства почти излишни. Впрочемъ рекомендуются: *Pfaff, Geometrischer Berechnungsunterricht. Dupuis, Traité de géométrie appliquée, d'arpentage et de dessin linéaire. Briot et Vacquant Arpentage, levé des plans, nivellement.*

Въ Баварскихъ промышленныхъ училищахъ землемѣріе не преподается, а въ индустриальныхъ преподается только техникамъ-строителямъ, и то лишь лѣтомъ, по 2 или 3 часа въ недѣлю.

II. РИСОВАНИЕ И ЧЕРЧЕНІЕ.

Какъ математика есть самая важная основа техническихъ *знаній*, такъ рисованіе съ черченіемъ, самое важное *умѣнье* для каждаго техника. Поэтому методы обученія этимъ искусствамъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Хотя настоящій отчетъ не можетъ имѣть цѣлю изложить подробно и послѣдовательно эти методы; но и отрывочныя свѣдѣнія о нихъ могутъ дать, по крайней мѣрѣ, понятіе о ихъ разнообразіи и о различіи взглядовъ на обученіе начертательнымъ искусствамъ, а въ особенности рисованію.

Прежде всего считаю необходимымъ сопоставить число недѣльных часовъ, назначенныхъ на рисованіе и черченіе въ 6-ти классахъ разныхъ училищъ, наиболѣе подходящихъ къ нашимъ реальнымъ. Для этой цѣли составлена слѣдующая таблица:

Училища.		Классы.					
		1-я.	2-я.	3-я.	4-я.	5-я.	6-я.
а) Глейвицкое	рисованіе	2	2	4	2	5	5
	черченіе	—	—	—	2	5	7
б) Бельгійскія	рисованіе	2	4	4	3	2	2
	черченіе	—	—	—	—	3	3
в) Французскія	рисованіе	1)	4	4	5	6	6
	черченіе						
г) Барменское	рисованіе	2	2	2	4	4	5
	черченіе	—	—	2	3	4	6

Кромѣ общаго числа недѣльныхъ часовъ, изъ этой таблицы видно и взаимное отношеніе количества времени, употребляемаго на рисованіе и на черченіе, но только въ нѣкоторыхъ училищахъ и то не во всѣхъ классахъ. Это зависитъ отъ того, что во Франціи какъ геометрическое черченіе, такъ и проеціонное, въ программахъ соединены съ рисованіемъ; въ Глейвицѣ же и Бельгіи геометрическое черченіе проходитъ вмѣстѣ съ планиметриєю, а отдѣльно обозначено, подъ именемъ черченія, лишь черченіе *проеціонное*. Въ учебныхъ планахъ французскихъ лицеевъ есть, впрочемъ, замѣтка, что на рисованіе (по крайней мѣрѣ въ высшихъ классахъ) употребляется большая часть назначеннаго времени. И вообще вездѣ считается необходимымъ начинать съ рисованія и посвящать на оное гораздо больше времени, нежели на черченіе. По этому полагаю наиболѣе удобнымъ изложить прежде ходъ обученія рисованію, а потомъ уже приступить къ черченію.

А. Рисованіе.

а) Въ Глейвицкомъ училищѣ.

Въ 1-мъ классѣ упражненія въ рисованіи прямыхъ и кривыхъ линій и простыхъ формъ по *Hürdtle*, частію съ образцоваго рисунка учителя на доскѣ, частію подъ диктовку.

1) Выше было указано, что французскіе спеціальные лица не имѣютъ класса соответствующаго нашему 1-му классу.

Классы 2-й и 3-й — рисованіе простыхъ контуровъ съ оригиналовъ *Härdle*, *Möllinger*'а и *Domschke*.

Классъ 4-й — рисованіе съ оригиналовъ школы орнаментовъ *Möllinger*'а и *Domschke*.

Классы 5-й и 6-й — рисованіе съ оригиналовъ тѣхъ же авторовъ и *Mauch*'а, *Bötticher*'а, *Hahn*'а, а сверхъ того, съ гипсовыхъ моделей орнаментовъ простыхъ, готическихкихъ, греческихъ и стиля эпохи возрожденія.

Наконецъ, въ дополнительномъ классѣ, кромя рисованія орнаментовъ съ моделей, еще 2 часа назначено на моделированіе орнаментовъ изъ глины съ оригиналовъ и моделей. По уставу прусскихъ промышленныхъ училищъ, по окончаніи курса требуется лишь умѣнье рисовать и лѣпить орнаменты съ оригиналовъ и гипсовыхъ моделей, тѣмъ и объясняется однообразіе всей программы Глейвицкаго училища. Впрочемъ, въ некоторыхъ промышленныхъ училищахъ не ограничиваются подобною программою, но доходятъ, смотря по способностямъ учениковъ, до рисованія головъ, человѣческихъ фигуръ, ландшафтовъ и т. д.

б) Въ Бельгійскихъ атепеяхъ.

Въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ классахъ — рисованіе отъ руки простыхъ фигуръ и контуровъ правильныхъ геометрическихъ тѣлъ; а равно элементовъ, заимствуемыхъ орнаментальнымъ рисованіемъ изъ растительнаго царства.

Въ 4-мъ — построеніе тѣней, рисованіе геометрическихъ тѣлъ освѣщенныхъ; рисованіе орнаментовъ съ оригиналовъ, слегка оттѣненныхъ; во 2-мъ семестрѣ — рисованіе контуровъ человѣческой головы съ оригиналовъ; рисованіе орнаментовъ попеременно съ моделями и съ оттѣненныхъ оригиналовъ.

Классъ 5-й — рисованіе съ гипсовыхъ головъ; рисованіе головъ съ оттѣненныхъ оригиналовъ; рисованіе орнаментовъ, заключающихъ въ себѣ человѣческую голову или головы животныхъ, попеременно съ моделями и съ оригиналовъ.

Классъ 6-й — пропорціи человѣческаго тѣла. Рисованіе человѣческаго лица съ оттѣненныхъ оригиналовъ, рисованіе съ моделей такихъ орнаментовъ, въ составъ которыхъ входятъ человѣческія фигуры и животныя.

Этотъ планъ обученія рисованію введенъ въ Бельгійскихъ атепеяхъ съ 1863 года, по обсужденіи его въ особой комиссіи изъ 5-ти

членовъ спеціалистовъ. Результатами его учебное начальство вообще довольно; но такъ какъ въ Бельгін придаютъ весьма важное значеніе рисованію, то, какъ я уже упоминалъ выше, вопросъ о разныхъ методахъ рисованія недавно разсматривался вновь. Результаты этого изслѣдованія, нынѣ вѣроятно уже окончившаго, не были еще извѣстны въ мою битность въ Брюссель.

в) *Во французскихъ мѣсяцъ.*

Въ классѣ, соответствующемъ нашему 2-му, — рисованіе отъ руки прямыхъ параллельныхъ линий; кривыхъ линий, взаимно параллельныхъ; раздѣленіе по глазомеру прямыхъ линий, на равныя части; очерки листьевъ съ ихъ жилками, самыхъ простыхъ розетокъ, стволовъ растений, нѣкоторыхъ животныхъ, и постепенный рядъ орнаментовъ съ литографій и моделей.

Въ 3-мъ классѣ — рисованіе орнаментовъ и фигуръ; въ 4-мъ — тоже съ прибавленіемъ штриховки для обозначенія выпуклостей.

Въ 5-мъ классѣ — рисованіе фигуръ съ моделей и съ натуры; животныхъ и цвѣтовъ съ моделей. Рисованіе на память. Рисованіе растений съ натуры. Воспитанники приучаются дѣлать отъ руки кроки разныхъ предметовъ: физическихъ инструментовъ, геометрическихъ тѣлъ и простыхъ машинъ.

Въ 6-мъ классѣ — рисованіе орнаментовъ, цвѣтовъ, животныхъ и растений съ натуры; рисованіе на память и нѣсколько академическихъ фигуръ съ моделей. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ могутъ быть сдѣланы перомъ и оттушованы съ помощію кисти. Тѣ воспитанники, у которыхъ обнаружатся способности къ скульптурѣ, могутъ заниматься моделированіемъ изъ глины съ гипсовыхъ моделей.

Эта программа сопровождается слѣдующими указаніями: 1) при выборѣ оригиналовъ или моделей имѣть въ виду, чтобы они отличались простотою и изяществомъ, дабы могли служить къ развитію эстетическаго чувства воспитанниковъ. Также при этомъ выборѣ слѣдуетъ соображаться съ потребностями мѣстной промышленности. 2) Когда ученики начинаютъ срисовывать фигуры или орнаменты, то передъ ними ставить выпуклую модель такой же величины, какъ рисунокъ, который они должны воспроизвести, дабы они могли постоянно сравнивать модель съ рисункомъ и давать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаютъ.

Въ Бельгін для той же цѣли назначается рисованіе орнаментовъ *постоянно* съ моделей и съ оригиналовъ. Впрочемъ, между бель-

гійскою и французскою программами вообще много сложнаго, чего никакъ нельзя сказать про глейвицкую. Такъ, напримеръ, во Франціи рисованіе съ моделей начинается уже со 2-го класса, въ Глейвицѣ лишь съ 5-го, а между тѣмъ, въ наше время и въ Германіи во многихъ училищахъ отдается преимущественно рисованію съ природы и съ моделей передъ рисованіемъ съ оригиналовъ. Такъ, въ Эльберфельдскомъ промингентомъ училищѣ рисованіе контуровъ съ гипсовыхъ моделей начинается уже съ 1-го класса. Но и въ этомъ направленіи, по замѣчанію опытныхъ преподавателей, слѣдуетъ остерегаться крайностей, ибо невозможно требовать отъ ученика, чтобъ онъ прямо началъ рисовать съ моделей. Первые неудачныя попытки срисовать подлежащую модель могутъ у многихъ учениковъ отбить охоту къ рисованію; во всякомъ же случаѣ ученикъ потеряетъ напрасну много времени, и въ концѣ концовъ учитель, большею частію, будетъ принужденъ указать ученику, какъ сдѣлать рисунокъ съ модели, такъ что, въ сущности, ученикъ начнетъ все-таки рисованіемъ съ *оригинала*, хотя не литографированнаго, но набросаннаго каждый разъ учителемъ.

Изложивъ ходъ обученія рисованію во французскихъ лицеяхъ, считая уместнымъ сказать нѣсколько словъ о ходѣ этого обученія въ *Парижскихъ муниципальных школахъ*. Въ нихъ на рисованіе положено по два часа въ недѣлю въ продолженіе всего пятилѣтняго курса. Первые три года рисуютъ только орнаменты съ *оригиналовъ* (начиная съ первыхъ основаній и до оттѣненныхъ орнаментовъ); въ 4-мъ году орнаменты съ *моделей* и, сверхъ того, занимаются моделированіемъ; въ 5-мъ году рисуютъ съ моделей орнаменты и фигуры. При этомъ соблюдается слѣдующее:

Всѣ ученики рисуютъ въ одно время съ одинаковаго оригинала, но каждый имѣетъ передъ собою отдѣльный экземпляръ. По окончаніи каждаго мѣсяца оригиналы мѣняются, хотя бы не всѣ ученики кончили свои рисунки. Во всякой случаѣ, каждому изъ нихъ ставится баллъ за его рисунокъ (хотя бы недоконченный) и онъ приступаетъ къ новому, наравнѣ со всѣми своими товарищами. На основаніи полученныхъ балловъ ученики, черезъ каждые три мѣсяца, распределяются по успѣхамъ, а въ концѣ года итоги балловъ опредѣляютъ степень награды, присуждаемой каждому ученику.

Извѣстный въ Парижѣ учитель рисованія, г. Лекіенъ (о немъ я упоминалъ въ 1-й части) преподаетъ уже 30 лѣтъ по этому методу въ школѣ Тюрго, и какъ учебное, такъ и муниципальное на-

чальства вполне довольны результатами этого метода. Самъ же г. Левиенъ ставитъ ему въ заслугу и то обстоятельство, что такъ какъ при немъ всѣ ученики срисовываютъ одинъ и тотъ же оригиналъ въ продолженіе одинаковаго времени, то для всѣхъ ихъ условія обученія совершенно равны, а потому ни одинъ ученикъ не можетъ жаловаться на пристрастіе или несправедливость учителя.

Нѣкоторыми замѣчательными особенностями отличается:

г) Программа рисованія *Барменскаго промышленнаго училища*, которую считаю не лишнимъ сообщить, хотя, быть можетъ, не всѣ ея особенности достойны подражанія.

Въ 1-мъ классѣ—рисованіе прямыхъ и кривыхъ линий и различныхъ сочетаній между ними. Греческіе и римскіе профили и готическія украшенія.

Классъ 2-й—объясненіе и аксонометрическое изображеніе много-различныхъ моделей съ плоскими и кривыми поверхностями и сочетаній вѣтовъ, также частей строеній, домовъ, церквей и т. п.

Классъ 3-й—рисованіе контуровъ съ оригиналовъ и гипсовыхъ моделей простыхъ орнаментовъ и листьевъ, съ объясненіемъ ихъ примѣненія къ постройкамъ.

Классъ 4-й—рисованіе контуровъ съ гипсовыхъ моделей болѣе трудныхъ орнаментовъ и листьевъ, также съ головныхъ моделей Дюпюи въ разныхъ положеніяхъ. Упражненія въ употребленіи мѣлководуши, карандаша и пера. Рисованіе съ оригиналовъ, а подъ конецъ и съ акварелей.

Классъ 5-й—рисованіе въ два карандаша съ тѣнями съ гипсовыхъ орнаментовъ, съ моделей головъ, рукъ, ногъ, по методу Дюпюи. Рисованіе съ оригиналовъ и съ акварелей. Рисованіе перомъ.

Классы 6-й и 7-й—рисованіе съ образцовыхъ греческихъ, римскихъ, готическихъ и новѣйшихъ гипсовыхъ орнаментовъ; стѣпковъ съ растеній; гипсовыхъ стѣпковъ съ древнихъ и новѣйшихъ головъ и цѣльныхъ фигуръ, съ употребленіемъ мѣлководуши, туши и сенія. Архитектурные акварельные эскизы. Рисованіе перомъ по Карстенсу, Рихтеру и др. Ландшафты. Цвѣты. Животныя. Увеличиваніе фотографій.

Въ этой программѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ срисовываніе во 2-мъ уже классѣ моделей аксонометрическимъ способомъ, причемъ ученики получаютъ уже понятіе объ осяхъ проеціій, коихъ научное объясненіе дается имъ лишь въ 6-мъ классѣ при начертательной геометріи. Эти упражненія, хотя и дѣлаются отъ руки, служатъ ближайшею подготовкою къ черченію и, по отзыву директора

Барменскаго училища, особенно быстро развиваютъ въ ученикахъ ту способность, которую мы выше назвали способностью читать въ пространствѣ. Последнее, можетъ быть, совершенно справедливо, однако, позволительно усомниться въ томъ, не слишкомъ ли рано здѣсь предлагается параллельная перспектива и не будетъ ли привычка къ ней затруднять впоследствии рисованіе по правиламъ обыкновенной перспективы, которая составляетъ самый необходимый элементъ при рисованіи, тогда какъ параллельная применяется только къ черченію.

Затѣмъ и въ слѣдующихъ классахъ рисованіе съ оригиналовъ, по возможности, ограничивается, и вездѣ преобладаетъ рисованіе съ моделей. Для этой цѣли школа имѣетъ богатое собраніе гипсовыхъ слѣпковъ, которыя всѣ выставлены въ особой рисовальной залѣ и никогда не снимаются со столовъ. Устройство этой залы вполне соответствуетъ цѣли. Въ ней 6 оконъ, вышиною въ 11 $\frac{1}{2}$ фут., шириною въ 6 фут. По числу оконъ зала раздѣлена поперегъ на 6 отдѣленій зелеными шторами, — весьма важное приспособленіе для устранения двойнаго свѣта, чрезвычайно вреднаго при рисованіи. Сверхъ того, для болѣе рѣзкаго отдѣленія свѣта отъ тѣни, нижняя часть оконъ закрывается занавѣсками. Ученики сидятъ каждый на отдѣльной скамейкѣ верхомъ и прислоняютъ рисовальную доску къ легко передвигаемой стойкѣ.

Стѣны нѣкоторыхъ классовъ вмѣняютъ увѣшаны большимъ количествомъ фотографій съ замѣчательныхъ произведеній искусства разныхъ временъ. Также вывѣшиваются техническіе рисунки: орнаменты-готическія украшенія, архитектурныя чертежи и т. п. Весьма полезнымъ упражненіемъ считается рисованіе съ оригиналовъ съ измѣненіемъ масштаба. Такъ, напримѣръ, человѣческія фигуры по Торвальдсену, вышиною на фотографію только въ 3 дюйма, срисовываются во весь ростъ, что, по мнѣнію г. директора Цеце, по трудности исполненія, не уступаетъ непосредственному рисованію съ гипсовыхъ фигуръ.

Наконецъ, рисованіе на память, о новомъ упоминается во французской программѣ, признается весьма важнымъ и въ Барменѣ. Ученикамъ предлагается на разсмотрѣніе, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, рисунокъ или модель орнамента или аппарата, части свѣжихъ растений, географическія карты и др. предметы, которые они потомъ должны нарисовать на память. Такія *extemporalia* особенно охотно рисуются учениками высшихъ классовъ.

Изъ специально-художественныхъ школъ мнѣ удалось видѣть въ часть CLXXIII, отд. 3.

учебное время лишь *Мюнхенское промышленно-художественное училище*, о коемъ я упомянулъ уже въ 1-й части. Директоръ его г. Дикъ сообщилъ мнѣ свои мысли объ обученіи рисованію, которыя достойны вниманія тѣмъ болѣе, что г. Дикъ самъ хорошій живописецъ, что въ управляемомъ имъ училищѣ достигаются замѣчательные результаты, и, наконецъ, предлагаемый имъ методъ отличается нѣкоторыми немаловажными особенностями. Такъ, г. Дикъ рѣшительно не одобряетъ ни проволочныхъ моделей, ни стигмографическаго метода обученія рисованію, то-есть, рисованіе линій по точкамъ и по квадратной сѣткѣ, что онъ допускаетъ лишь для дѣтей 7-ми или 8-ми лѣтнаго возраста. По его мнѣнію, хотя слѣдуетъ начинать съ прямыхъ линій, но безъ помощи сѣтки, и притомъ вмѣстѣ и съ кривыхъ, напримѣръ, нарисовать крестъ и около него скелетъ листа. Въ этомъ отношеніи мнѣніе г. Дика согласно съ мнѣніемъ, высказаннымъ мнѣ вышеупомянутымъ парижскимъ учителемъ рисованія Лекіеномъ, который утверждаетъ, что рисованіе въ самомъ началѣ прямыхъ линій придаетъ жесткость рукъ (*roidit la main*) и что слѣдуетъ начинать прямо съ жилокъ листа. Геометрическія тѣла и орнаменты г. Дикъ совѣтуетъ также рисовать сначала, хотя не долго, съ оригиналовъ; затѣмъ, вскорѣ переходить къ весьма плоскимъ архитектурнымъ рельефамъ, потомъ постепенно къ болѣе выпуклымъ и къ моделямъ орнаментовъ¹⁾, и только послѣ нихъ къ рисованію геометрическихъ тѣлъ съ моделей, но лишь короткое время. Вслѣдъ за геометрическими тѣлами приступаютъ къ античнымъ вазамъ и другимъ произведеніямъ древняго искусства, чему г. Дикъ придаетъ огромное значеніе для развитія эстетическаго вкуса въ воспитанникахъ и для противодѣйствія измѣнчивому влиянію моды. Затѣмъ уже слѣдуетъ изученіе лучшихъ художественныхъ произведеній эпохи возрожденія, какъ переходныхъ къ произведеніямъ новѣйшаго искусства; и наконецъ — рисованіе человѣческихъ фигуръ съ оригиналовъ и моделей. При этомъ онъ считаетъ модели по методу Дюпюи полезными для скульпторовъ, но не нужными для рисовальщиковъ.

¹⁾ При рисованіи съ гипсовыхъ моделей орнаментовъ, профессоръ Никласъ въ Прагѣ считаетъ весьма полезнымъ дѣлать рисунки на темномъ фонѣ и бѣлою клевою краскою: такой способъ естественнѣе, и ученики легче могутъ исправлять недостатки своихъ рисунковъ, для чего стоитъ только потереть кожнымъ пальцемъ то мѣсто, которое подлежитъ измѣненію.

Основныя аксіомы перспективы должны быть сообщаемы ученикамъ какъ можно раньше, хотя теоретическое объясненіе перспективы и тѣней дается лишь въ концѣ архитектурнаго черченія.

Какъ въ Барменѣ устроены шторы, такъ въ Мюнхенѣ, въ отвращеніе двойнаго свѣта, между окнами ставятъ подвижныя ширмы, вышиною около 10—15 футовъ. Изъ гипсовыхъ моделей г. Дикъ отдаетъ преимущество тѣмъ, которыя изготовляются и продаются въ вѣнскомъ Музеѣ искусствъ и промышленности. Эти модели или слѣпки, какъ я убѣдился послѣ въ Вѣнѣ, дѣйствительно заслуживаютъ вниманія какъ по отчетливости, съ какою они сдѣланы, такъ и по разнообразію и обилію сюжетовъ, коихъ было въ продажѣ 370 нумеровъ, цѣною отъ $\frac{1}{4}$ до 125 гульденовъ.

Во Вѣнѣ же видѣлъ я коллекцію орнаментовъ изъ гипса, выставленныхъ учителемъ Карлинскаго промышленнаго училища въ Прагѣ, г. Грубымъ. Рельефы этихъ моделей полированы и возвышаются лишь на $\frac{1}{2}$ линіи надъ тусклымъ фономъ. Они сдѣланы превосходно и не дороги: коллекція 100 штукъ стѣитъ съ упаковкой лишь 70 гульденовъ (около 46 руб.). Что касается собственно руководствъ по рисованію и оригиналовъ, то я успѣлъ отмѣтить лишь слѣдующіе:

1) Въ Бельгіи элементарныя руководства: *Hendrickx*, Le Dessin mis à la portée de tous. Bruxelles; *Van Marche*, Le Dessin dans les écoles primaires. Liège.

2) Во Франціи большое обиліе самыхъ разнообразныхъ изданій, изъ коихъ многія отличаются необыкновеннымъ изяществомъ. Изъ употребляемыхъ въ училищахъ я могу назвать слѣдующія:

Lequien, Cours de dessin d'ornement.

Garnier. Principes élémentaires de dessin appliqué aux arts et à l'industrie.

Le Béalle, Principes de dessin d'imitation.

Carot, Cours progressif d'ornements.

Julien, Cours élémentaire de dessin.

3) Изъ нѣмецкихъ изданій нѣкоторыя исчислены въ программѣ Глейвицкаго училища. Г. Дикъ рекомендуетъ въ особенности Гердтле; кромѣ того, считаю не лишнимъ привести еще сообщенный мнѣ въ Мюнхенѣ списокъ оригиналовъ и сочиненій по части рисованія, одобренныхъ учрежденною тамъ комиссіею и признанныхъ особенно пригодными (entschieden gut) для употребленія въ промышленныхъ училищахъ:

Böttcher, Architectonische Formenlehre für Stubenmaler.

Böttcher, Ornamentenbuch.

Gärtner, Römische Bauverzierungen.

Guirliott, Zeichnungsschule für Landschaftszeichnen.

Herdtle, Elementarunterricht im Freihandzeichnen.

Herdtle, Elementarornamente.

Hesse, Naturstudien.

Von Klenze, Griechische Bauprofile und Ornamente.

Von Kramer, Griechische Ornamente.

Mauch, Vorlegeblätter, auserlesene Verzierungen.

Möllinger, Griechische Elementarformen.

Möllinger, Specificische Ornamentik.

Schadow, Polyclet.

Schirmer, Landschaftsstudien.

Schleich, Landschaftsstudien.

Seldmayer, Sammlung von griechischen Ornamenten nach Klenze.

Teirich Valentin, Originalaufnahme von Ornamenten aus der Blüthezeit der Renaissance. Wien, 1871.

Troschel, Zeichnungsschule in Wandtafeln; но только 1, 2 и 3 выпуски.

Voltz Carl, 1) Elemente des Zeichnens; 2) Anfänge im Ornamentzeichnen.

Zimmermann, Figuren.

Sammlung von griechischen Ornamenten, für Zeichnungsschulen, 12 Blätter Wandvorlagen; lithografische Kunstanstalt für Feiertagschulen. München.

Ornamente und Umrissе antiker Thongefäße von der k. k. österreichischen Regierung. Museum.

В. Черчение.

Выше уже было обращено внимание на то, что въ некоторыхъ училищахъ геометрическое черчение проходитъ съ планиметриєю, и только на проекціонное черчение отдѣлены особые часы. Во Франціи и тотъ, и другой видъ черченія соединены съ рисованіемъ. Но, кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что проекціонное черчение служить подготовкою къ начертательной геометріи, и наоборотъ, преподаваніе сей послѣдней сопровождается также черченіемъ эюръ. И такъ классы черченія, съ одной стороны, а съ другой стороны—геометріи и начертательной геометріи, какъ бы сливаются и служатъ другъ другу взаимнымъ дополненіемъ. Поэтому невозможно обозначить съ точностію количество времени, употребляемаго на эти сродные предметы,

тѣмъ болѣе, что во многихъ учебныхъ плавахъ не опредѣлено даже, сколько именно часовъ назначено на отдѣльныя отрасли математики, напримѣръ, на геометрію или на начертательную геометрію вообще, а тѣмъ менѣе, сколько въ частности употребляется времени на геометрическія построенія или на черченіе эюръ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что мы должны ограничиться изложеніемъ хода обученія черченію по классамъ, не обозначая, сколько на оное употребляется времени.

а) Въ *Глейвицкомъ училищѣ* геометрическое черченіе проходитъ вмѣстѣ съ планиметриєю; проекціонное же начинается въ 4-мъ классѣ. Изображеніе простыхъ тѣлъ въ горизонтальной и вертикальной проекціи. Построеніе архитектурныхъ линій. Упражненія въ штриховкѣ. Черченіе элементовъ машинъ, соединеній брусевъ, перевязей кирпичей, частью геометриально, частью по способу параллельной перспективы.

Классъ 5-й. Основныя задачи ученія о проекціяхъ. Изображеніе линій, плоскихъ фигуръ и тѣлъ. Совмѣщенія. Пересѣченія. Взаимныя пронизанія тѣлъ. Развертки. Косыя поверхности. Построенія тѣней съ упражненіями въ тушовкѣ. Приложение ученія о проекціяхъ къ винтовымъ линіямъ, сводамъ, лѣстницамъ, стропиламъ. Черченіе элементовъ машинъ и архитектурныхъ построекъ.

Классъ 6-й. Черченіе частей машинъ съ оригиналовъ. Упражненія въ тушовкѣ. Построенія тѣней. Построеніе важныхъ въ технику кривыхъ. Архитектурное черченіе.

б) Въ *берлинскихъ училищахъ* въ низшихъ классахъ, какъ упомянуто при рисованіи, упражняются въ рисованіи отъ руки простыхъ фигуръ и правильныхъ геометрическихъ тѣлъ. Преподаваніе планиметріи сопровождается упражненіями въ геометрическихъ построеніяхъ, а затѣмъ въ 5-мъ классѣ приступаютъ къ черченію машинъ и къ рисованію вѣстью, что продолжается и въ 6-мъ—съ прибавленіемъ теоріи перспективы, изученія архитектурныхъ ордеровъ, и сверхъ того, задачъ начертательной геометріи.

в) Во *французскихъ специальныхъ школахъ* черченіе начинается уже во 2-мъ классѣ. Воспитанники приучаются къ употребленію инструментовъ и выучиваютъ опредѣленія, относящіяся къ линіямъ и поверхностямъ. Преподаватель объясняетъ эти опредѣленія и заставляетъ учениковъ прилагать ихъ къ окружающимъ или хорошо извѣстнымъ предметамъ. Графическія упражненія на доскѣ и на бумагѣ состоятъ въ слѣдующемъ: сложеніе и вычитаніе прямыхъ линій; по-

строеніе перпендикулярныхъ и параллельныхъ линій и угловъ; дѣленіе линій; масштабъ; дѣленіе дугъ, угловъ и окружностей; построеніе треугольниковъ и многоугольниковъ и мн. др. Еще упражняютъ воспитанниковъ въ черченіи паркетовъ и мозаикъ, составленныхъ изъ квадратовъ, треугольниковъ, шестиугольниковъ и т. д., наконецъ, въ накладываніи чернаго тона, какъ притовительномъ дѣйствіи къ наложенію красокъ кистью. Оригиналы выставляются всегда въ рамкахъ подъ стекломъ, дабы воспитанники были принуждены всякій разъ воспроизводить чертежъ, не измѣряя циркулемъ его размѣровъ, но лишь соображаясь съ его описаніемъ. Такимъ образомъ они приучаются къ самостоятельному построенію, а не копированію чертежей. То же соблюдается и при рисованіи. Въ 3-мъ классѣ продолжаютъ тѣ же самыя упражненія, по болѣе сложнымъ рисункамъ, и сверхъ того, черченіе употребительныхъ кривыхъ; накладываніе ровнаго сѣраго и чернаго тона. Въ 4-мъ классѣ черченіе эллипса, параболы, спирали и т. п. Затѣмъ излагаются: основанія метода проецій для изображенія линій, плоскостей и тѣлъ; способы изображать возвышенности тѣлъ простою штриховкою и тушевою посредствомъ кисти. Ученіе о тѣняхъ. Изложеніе способовъ наложенія красокъ кистью. Основныя понятія объ архитектурѣ и главныхъ отличіяхъ важнѣйшихъ ордеровъ. Все это сопровождается соотвѣтственными графическими упражненіями.

Передъ исполненіемъ архитектурныхъ чертежей, ученикъ, въ особой тетради, дѣлаетъ карандашомъ крокі чертежа, который онъ долженъ исполнить, и тщательно отмѣчаетъ размѣры. Эти крокі затѣмъ отъ руки же обводятся чернилами и по нимъ составляются чертежи ¹⁾).

Классъ 5-й. Черченіе частей машинъ и цѣлыхъ машинъ. При этомъ учитель черченія долженъ войти въ соглашеніе съ преподавателемъ механики, дабы графическія упражненія шли параллельно съ уроками механики, такъ, чтобъ эти два курса служили взаимно дополненіемъ одинъ другому. Модели частей машинъ, одинаковой величины съ чертежами, выставляются въ залѣ, особенно при испол-

¹⁾ Подобнымъ образомъ составляются архитектурныя чертежи и въ другихъ училищахъ, напримѣръ, въ муниципальной школѣ Тюрго, гдѣ я былъ въ классѣ преподавателя г. Пилье. Учитель вычерчиваетъ отъ руки чертежъ на доскѣ съ объясненіемъ всѣхъ его частей и размѣровъ. Затѣмъ ученики срисовываютъ, также безъ инструментовъ, чертежъ учителя и поступаютъ, какъ выше показано.

нешіи чертежей, относящихся къ кинематикѣ. Развитие теоріи тѣней. Способы составленія и наложенія условныхъ колеровъ для изображенія матеріаловъ.

Классъ 6-й. Правила черченія частей машинъ и цѣлыхъ машинъ съ моделей и съ натуры, также строеній и заводовъ. При выборѣ предметовъ для упражненій должно обращать вниманіе на мѣстную промышленность. Кромѣ исчисленныхъ, здѣсь упражненій, въ 5-мъ и 6-мъ классахъ исполняются еще другія графическія задачи, относящіяся къ начертательной геометріи, о коихъ упомянуто въ программѣ математики.

г) Въ *Барменскомъ училищѣ*:

Классъ 3-й. Продолженіе аксонометрическихъ изображеній деревянныхъ и жестяныхъ моделей (ср. программу рисованія, классъ 2-й). Построеніе эллипса, циклоиды, эпициклоиды, гипоциклоиды и разныхъ спиралей; касательныя къ кривымъ линіямъ, на сколько онѣ могутъ быть объяснены элементарно. Черченіе памятниковъ, паркетовъ и т. д.

Классъ 4-й. Построеніе важнѣйшихъ тѣлъ правильной кристаллической системы по Наумановскому способу аннзометрической проекціи. Черченіе простыхъ частей машинъ.

Классъ 5-й. Превращеніе обыкновенныхъ проекцій разныхъ частей машинъ въ изометрическія и составленіе деталей картонныхъ моделей. Построеніе частей машинъ. Простыя сооруженія изъ дерева, жѣлѣза и камня. Построеніе тѣней. Перспектива. Упраженія въ тужебѣ.

Классы 6-й и 7-й.—Черченіе и построеніе частей машинъ. Черченіе архитектурное. Въ 6-мъ же классѣ излагаются по программѣ математики: основныя задачи начертательной геометріи и аксонометріи. Построеніе сѣтей разныхъ кристаллическихъ тѣлъ по ихъ проекціямъ. Аннзометрическое изображеніе сихъ тѣлъ по Науману. Это ничто иное, какъ болѣе научное объясненіе пройденнаго въ низшихъ классахъ по черченію.

Во всей этой программѣ параллельно-перспективной проекціи дано гораздо болѣе мѣста въ сравненіи съ обыкновенною ортогональною, чѣмъ въ другихъ посѣщенныхъ мною училищахъ. Но относительно цѣли, какой предполагается достигнуть, всѣ вышеизложенныя программы согласны между собою: эта цѣль опредѣляется слѣдующимъ образомъ въ уставѣ прусскихъ промышленныхъ училищъ: умѣнье правильно изображать простыя машины и строенія, какъ геометрично

въ планахъ, фасадахъ и разрѣзахъ, такъ и перспективно, а также отбѣнять и раскрашивать ихъ отчетливо, по основнымъ правиламъ построения тѣней.

Объ инструментахъ, употребляемыхъ при черченіи, распространяться нечего; прочія учебныя пособия большей частью тѣ же, что и при начертательной геометріи. На Вѣнской выставкѣ были разныя кривыя линейки или лекала, для вычерчиванія кривыхъ линий; но эти лекала скорѣе пригодны для практики, нежели для преподаванія. Въ научномъ же отношеніи общее вниманіе привлекалъ выставленный Императорскимъ Московскимъ техническимъ училищемъ снарядъ для черченія параболы непрерывнымъ движениемъ, изобрѣтенный Его Императорскимъ Высочествомъ принцемъ Петромъ Георгиевичемъ Ольденбургскимъ.

Изъ руководствъ по разнымъ отраслямъ черченія во Франціи употребляются:

Le Béalle, Principes de dessin linéaire.

id., Cours théorique et pratique de dessin linéaire.

Tronquoy, Dessin linéaire, géométrique et éléments de lavis.

Armengaud, Nouveau cours raisonné de dessin industriel.

Petit, dessin linéaire industriel.

Le dessin professionnel (éd. Monrocq).

Etudes de dessin géométrique et de lavis, par A. L.

Choix de modèles de dessin linéaire lavés à l'effet (éd. Delarue).

Tripou, Encyclopédie des arts et métiers;

и мн. др. Изъ нѣмецкихъ Мюнхенская коммисія особенно одобрила слѣдующія:

Burg, Geometrische Zeichnungskunst.

Delabar, Anleitung zum Linearzeichnen.

Edelmann, Linearzeichnen (только 2-й выпускъ).

Kronauer, Linearzeichnen.

Michel, Practische Baugewerkslehre für Bauhandwerker.

Pape, Vorlagen zum Laviren technischer Zeichnungen.

Roessler, Die Arbeiten des Bautischlers.

Roessler, Vorlegeblätter für Handwerkszeichnungsschulen.

Roessler, Holzverbindungen.

Weisshaupt, Elementarzeichnungsunterricht.

von Klense, Griechische Bauprofile und Ornamente.

Между этими изданиями особеннаго вниманія заслуживаетъ превосходное руководство Делабара, о коемъ я уже упомянулъ при начертательной геометріи. Это сочиненіе должно обнять въ 12-ти выпускахъ всѣ части черченія, именно: выпускъ 1-й, геометрическое линейное черченіе; 2-й до 5-го, ученіе о проеціяхъ, перспективѣ и тѣняхъ; 6-й до 9-го, черченіе архитектурное; и наконецъ вып. 10 — 12-во, черченіе частей машинъ и цѣлыхъ машинъ. До сихъ поръ вышли выпуски 1-й до 4-го, 6-й и 10-й.

Въ заключеніе, считаю не лишнимъ упомянуть объ особеннѣ способѣ размѣщенія чертежныхъ столовъ, введенномъ въ Бригскомъ промышленномъ училищѣ. Тамъ надъ каждыиъ ученикомъ имѣетъ свой столъ, въ заднѣй части или стѣнкѣ котораго устроены особый отдѣлъ, въ видѣ узкаго шкапика съ дверью, въ коемъ хранятся чертежныя доски; но эти столы не соприкасаются между собою всю ширину; они размѣщены шахматнымъ порядкомъ и при томъ въ направленіи, соответствующемъ діагонали чертежной залы, а не параллельно къ стѣнамъ. Такимъ образомъ, одинъ ученикъ не мѣшаетъ другому и не заслоняетъ свѣта своему сосѣду.

III. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

А. Естественная исторія.

Выше было указано на значительную разницу въ числѣ часовъ, назначенныхъ на естественную исторію въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Бельгіи лишь около 1% общаго числа уроковъ по всѣмъ предметамъ, въ Германіи около 4%, а во Франціи 6 1/2%.

а) Въ *Бельгійскихъ атенаяхъ* только въ 4-мъ классѣ опредѣлены 2 часа на естественную исторію, по слѣдующей программѣ: свѣдѣнія изъ анатоміи. Классификація животныхъ, наиболѣе полезныхъ и распространенныхъ. Свѣдѣнія изъ анатоміи и физиологіи растений. Органы растений. Классификація. Обыкновенныя растения. Ботаническія экскурсіи. Въ этой программѣ нѣтъ минералогіи, о которой сообщаются лишь краткія свѣдѣнія въ курсѣ химіи, обязательномъ только для промышленно-коммерческаго отдѣла. Краткость программы доказываетъ, какъ мало значенія для средняго образованія придается естественной исторіи въ Бельгіи, самомъ промышленномъ государствѣ на материкѣ Европы. Руководствомъ служатъ: Delafosse, *Notions élémentaires d'histoire naturelle*.

б) Въ *Глейвицкомъ училищѣ* естественная исторія преподается

въ продолженіе четырехъ лѣтъ, по 2 часа въ недѣлю, причемъ зимою проходитъ зоологія, лѣтомъ ботаника, минералогія же отнесена въ дополнительный классъ.

Классъ 1-й. а) Зоологія: основанія анатоміи человѣка, именно костная система. Классификація животнаго царства и признаки разныхъ классовъ. Описаніе отдѣльныхъ млекопитающихъ. б) Ботаника: необходимѣйшія свѣдѣнія изъ морфологіи растений. Описываются нѣкоторыя растения, соображаясь съ естественною системою. Составленіе гербаріевъ.

Классъ 2. а) Анатомія. Раздѣленіе царства животныхъ. Описаніе нѣкоторыхъ важныхъ семействъ, именно изъ позвоночныхъ. Изъ безпозвоночныхъ—суставчатныя. б) Морфологія. Описаніе растений, собранныхъ воспитанниками.

Классъ 3-й. а) Органологія, черепословіе, расы человѣческаго рода. Упражненія въ опредѣленіяхъ. Общая систематика. Птицы, нѣкоторыя земноводныя и рыбы. б) Морфологія. Системы естественная и Линнеева. Описаніе 60-ти растений по Линнеевой системѣ. Ядовитыя растения.

Классъ 4-й. Зоотомія, объясняемая сечціями и демонстраціями. Характеристическіе примѣры изъ сравнительной анатоміи. Объясненіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ физиологическихъ явленій. Общая систематика. Пресмыкающіяся.

Въ этой программѣ поражаетъ раннее преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ, анатоміи человѣка и классификаціи животнаго царства десятилѣтнимъ мальчишкамъ, а двѣнадцатилѣтнимъ преподается черепословіе и общая систематика.

Въ *Барменскомъ училищѣ* естественная исторія проходитъ 3 года, по 2 недѣльныхъ часа. Программа схожа съ Глейвицкою, но прибавлено одно весьма полезное упражненіе, именно: при описаніи растений съ 1-го класса, а животныхъ со 2-го класса, воспитанники упражняются въ рисованіи изучаемыхъ ими предметовъ. Такія упражненія тѣмъ болѣе заслуживаютъ подражанія, что они въ значительной степени облегчаютъ испытаніе учениковъ изъ естественной исторіи.

Въ другихъ промышленныхъ училищахъ программы совсѣмъ иныя. Такъ, напримѣръ, въ *Гёрлицкомъ*, гдѣ на естественную исторію назначено 8 часовъ, распределенныхъ на 3 года, во 2-мъ классѣ преподаваніе начинается съ описанія почвы и нѣкоторыхъ минераловъ и горныхъ породъ, а въ лѣтнемъ семестрѣ дѣлаются экскурсіи и опи-

сываются мѣстныя растенія. Зоологія начинается лишь съ 3-го класса, заканчивается же въ 4-мъ, описаніемъ важнѣйшихъ животныхъ, имѣющихъ отношеніе къ промышленности, и въ томъ же классѣ предлагается очеркъ человѣческой анатоміи, а въ лѣтнемъ семестрѣ очеркъ товаровѣдѣнія.

Въ *Эльберфельдскомъ училищѣ* естественная исторія начинается съ зоологіи, а къ ботаникѣ приступаютъ лишь въ 3-мъ классѣ, гдѣ, между прочимъ, объясняется и питаніе растеній.

И такъ, въ Глейвицѣ и Барменѣ зоологія и ботаника идутъ параллельно черезъ всѣ 4 класса, въ Гёрлицѣ начинаютъ съ ботаники, а къ зоологіи приступаютъ въ 3-мъ классѣ, въ Эльберфельдѣ преподаваніе ведется въ прямо противоположномъ порядкѣ. Если при этомъ принять во вниманіе разности въ объемѣ преподаваемыхъ частей естественной исторіи и еще то обстоятельство, что по всѣмъ почти программамъ фізіологическія явленія должны быть объясняемы мальчишкамъ, не изучавшимъ еще ни физики, ни химіи, — то нельзя не согласиться съ изложеннымъ въ отдѣлѣ о Баваріи мнѣніемъ профессора Эрленмейера, что методы преподаванія естественныхъ наукъ находятся еще въ дѣтствѣ¹⁾.

Программы естественной исторіи во французскихъ спеціальныхъ лицеехъ чрезвычайно обширны; онѣ содержатъ въ себѣ не только зоологію и ботанику, съ приложеніемъ ихъ къ земледѣлію и промышленности, но также геологію, метеорологію, физическую географію, фізіологію растеній и животныхъ, съ приложеніемъ къ гигиенѣ и т. д. На все это положено по 2 часа въ недѣлю въ продолженіе пяти лѣтъ. Но такъ какъ эти программы, очевидно, слишкомъ обширны, вслѣдствіе чего, какъ уже выше было упомянуто, само французское правительство признало необходимымъ сократить ихъ, то я считаю излишнимъ распространяться о нихъ подробнѣе.

Учебными пособиями при преподаваніи естественной исторіи должны служить по преимуществу, на сколько то возможно въ каждой мѣстности, живыя растенія и животныя. Но кромѣ того, важное значеніе имѣютъ чучела, гербаріи, препараты и модели, а также хорошіе рисунки. И тѣхъ, и другихъ въ продажѣ находится очень много. На Вѣнской выставкѣ были весьма хорошіе кабинеты натуральной исторіи изъ Праги отъ Фрича и изъ Дрездена отъ Шауфуса. Что

¹⁾ Ср. *Журн. Мин. Народ. Просв.*, Апрель, стр. 74.

же касается въ частности изображеній животныхъ, то въ лучшимъ изъ бывшихъ тамъ принадлежатъ безспорно фотографіи г. Frank'a Haes, въ Лондонѣ ¹⁾. Такия фотографіи во многихъ случаяхъ могутъ замѣнить чучела животныхъ, и даже превосходятъ ихъ въ томъ отношеніи, что не подлежатъ порчѣ и занимаютъ очень мало мѣста.

Изъ учебниковъ по естественной исторіи въ посѣщенныхъ мною училищахъ Германіи употребляются слѣдующіе: *Schilling*, *Kleine Schulnaturgeschichte*, Breslau, 1869; *Thomé*, *Zoologie und Botanik*, Braunschweig, 1869; *Altum u. Landois*, *Lehrbuch der Zoologie*, Freiburg, 1870; *Leunis*, *Schulnaturgeschichte*, Hannover, 1869—71; *Hornstein*, *Mineralogie*.

Минералогія въ Прусскихъ промышленныхъ училищахъ проходитъ въ дополнительномъ классѣ, гдѣ на нее назначено по 2 часа въ недѣлю. Излагается ученіе о внѣшнихъ признакахъ минераловъ, въ особенности кристаллографія, а затѣмъ специально описываются минералы и горныя породы, важныя въ технику. То же самое, но въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, проходитъ изъ минералогіи и въ тѣхъ училищахъ, гдѣ преподаваніе ея идетъ вмѣстѣ съ преподаваніемъ химіи.

Необходимое пособіе составляютъ собранія минераловъ, которыя имѣются въ торговлѣ въ весьма различныхъ видахъ и объемахъ; при описаніи же кристаллическихъ системъ, кромѣ моделей, весьма важное значеніе придается черченію кристалловъ. Оно не только способствуетъ отчетливому пониманію отношенія различныхъ граней между собою и въ осямъ кристалловъ, но необходимо для пониманія чертежныхъ изображеній тѣхъ въ особенности кристалловъ, которые отличаются отъ правильныхъ геометрическихъ тѣлъ, изучаемыхъ въ стереометріи.

В. Физика.

Преподаваніе физики въ большей части училищъ начинается съ класса, соответственнаго нашему 4-му, и только во Франціи уже въ 3-мъ классѣ назначены 2 часа въ недѣлю на изложеніе предварительныхъ понятій изъ физики и химіи вмѣстѣ. Въ Бельгіи—въ 4-мъ и 5-мъ классахъ по 2 часа, всего 4 часа; во Франціи—съ 3-го до 6-го класса, 7 часовъ; въ Барменѣ—съ 4-го до 6-го класса, также 7 часовъ, а въ Глейвицѣ—въ продолженіе того же времени, 9 часовъ.

¹⁾ Адресъ: 41, S-t George's Place, Hyde-Park Corner, London.

Я начну съ самой краткой программы, т.-е., съ программы, введенной а) въ *белгійскіе атенеахъ*:

Классъ 4-й. Общія свойства тѣлъ. Свѣдѣнія изъ статики; тяжесть. Гидростатика; ареометры; гидравлическій прессъ; воздушный насосъ; барометры; насосы. Свѣдѣнія изъ гидродинамики. Тепло; разширеніе тѣлъ; термометры; лучистая теплота; удѣльная и скрытая теплота.

Классъ 5-й. Теорія паровъ; важнѣйшія примѣненія водянаго пара. Отопленіе. Гигрометрія. Акустика. Электричество, магнетизмъ, электромагнетизмъ. Оптика. Примѣненіе физическихъ свѣдѣній къ обиходной жизни. Руководствомъ въ Люттихскомъ и Брюссельскомъ атенеахъ служить:

Ganot, Traité élémentaire de physique.

б) *Во французскихъ специальныхъ мѣсяцъ*:

Классъ 3-й. Предварительныя понятія. Тяжесть. Свойства тѣлъ, зависящія отъ ихъ физическаго состоянія. Дѣйствія теплоты. Электричество. Акустика. Свѣтъ.

Классъ 4-й. Общія свойства тѣлъ. Тяжесть. Тепло. Электричество. Электрохимія.

Классъ 5-й. Тепло. Динамическое электричество. Акустика. Свѣтъ.

Классъ 6-й. Повторенія и дополненія къ пройденнымъ предметамъ. Изложеніе новѣйшихъ и полезнѣйшихъ открытій.

При преподаваніи физики, учитель за точку отправленія принимаетъ явленія, знакомыя ученикамъ, и вмѣстѣ съ ними отыскиваетъ ихъ объясненія. Направленіе преподаванія должно быть чисто опытное и практическое. Такъ, наприимѣръ, начало Архимеда, явленія барометрическія и т. д. должны быть объясняемы не изъ свойствъ вещества, разсматриваемыхъ отвлеченно, но изъ задачъ, предложенныхъ Архимеду царемъ Гирономъ, Галилею флорентійскими колодезниками и т. п. Въ каждомъ изъ высшихъ классовъ, какъ уже видно изъ программы, повторяется пройденное въ предыдущемъ классѣ съ большими подробностями; но въ теченіе всего курса физическіе законы не столько доказываются теоретическими соображеніями, сколько объясняются опытами, постоянно сопровождающими преподаваніе. При этомъ избѣгается употребленіе алгебраическихъ формулъ, которыя почти всегда могутъ быть замѣняемы числовыми примѣрами. Наконецъ преподаватель примѣняетъ сообщенныя имъ свѣдѣнія къ потребностямъ мѣстной промышленности.

в) Въ *Барменскомъ училищѣ* на физику назначено столько же часовъ, какъ и во Франціи, и программа близко подходитъ къ французской. Но такъ какъ въ Барменѣ есть полугодовой дополнительный классъ, то въ немъ преподается „математическое объясненіе нѣкоторыхъ отдѣловъ физики“, а рядомъ съ этимъ идетъ „рѣшеніе многочисленныхъ задачъ, относящихся къ промышленной практикѣ“.

г) Въ *Глейвицкомъ училищѣ* отъ 4-го до 6-го класса 9 часовъ, и, сверхъ того, въ дополнительномъ на повторенія изъ физики и химіи 2 часа.

Классъ 4-й. Общія свойства твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Главныя положенія изъ механики. Тепло. Важнѣйшія свѣдѣнія о магнетизмѣ и электричествѣ. Математическая географія.

Классъ 5-й. Введеніе. Общія свойства тѣлъ. Основанія гидростатики и аэростатики, и въ частности объ удѣльномъ вѣсѣ, барометрѣ и воздушномъ насосѣ. Тепло. Магнетизмъ. Электричество. Гальванизмъ.

Классъ 6-й. Продолженіе о гальванизмѣ. Ученіе о колебательномъ движеніи. Оптика. Рѣшеніе задачъ.

Классъ дополнительный. Физическая механика: вѣсы, паденіе тѣлъ, движеніе брошеннаго тѣла, маятникъ, центробѣжная сила, оси свободныя и не свободныя. Физическая географія. Основанія астрономіи и въ частности физика солнца. Повторенія и дополненія изъ всей области физики. Рѣшеніе задачъ.

При преподаваніи физики (а равно и химіи) самое важное указаніе есть то, которое заключается въ прописанномъ выше мѣстѣ французскаго учебнаго плана, именно, что учитель за точку отправленія долженъ принимать явленія, знакомыя ученикамъ, и „виѣсть съ ними отыскивать ихъ объясненія“. Когда же учитель првступаетъ къ явленіямъ, не знакомымъ ученикамъ, то онъ долженъ объяснять эти явленія „не столько теоретическими соображеніями, сколько опытами, которые постоянно должны сопровождать преподаваніе.“ Только такимъ образомъ ученики могутъ усвоивать себѣ предлагаемая имъ свѣдѣнія сознательно, вѣрно и притомъ легко и быстро. Нигдѣ такъ рѣзко не обнаруживается часто встрѣчающійся недостатокъ въ опытномъ направленіи преподаванія, какъ на репетиціяхъ и экзаменахъ изъ физики и химіи. При опытномъ же преподаваніи этихъ наукъ весьма полезно излагать, гдѣ только возможно, новыя для учениковъ области фактовъ въ историческомъ порядкѣ, т.-е.,

въ такомъ, въ какомъ эти факты были открыты, и съ объясненіемъ самаго хода или постепеннаго развитія важнѣйшихъ открытій. На полезность такого соединенія опытнаго направленія съ историческимъ указывалъ еще Бэконъ, и въ новѣйшее время подобный методъ признается за лучшій многими изъ ученыхъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать объ этомъ. Съ особенною энергіею высказывался мнѣ въ томъ же смыслѣ знаменитый химикъ Эрленмейеръ въ Мюнхенѣ, и выражалъ свое сожалѣніе, что въ нѣмецкихъ учебныхъ книгахъ по части физики и химіи не обращается должнаго вниманія на историческій элементъ. Для насъ, Русскихъ, должно быть особенно пріятно, что именно у насъ появился первый опытъ такого учебника: „Начальная физика“ профессора Любимова.

Кромѣ опытнаго направленія при преподаваніи физики, весьма важны также рѣшеніе задачъ, относящихся къ промышленной практикѣ, и примѣненія къ потребностямъ мѣстной промышленности. Но для этой послѣдней цѣли необходимо упражнять самихъ учениковъ въ производствѣ физическихъ опытовъ, какъ это и дѣлается за границею въ высшихъ техническихъ училищахъ; въ среднихъ же такія упражненія производятся лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, большею частію при работахъ въ химическихъ лабораторіяхъ. Только въ баварскихъ промышленныхъ и индустриальныхъ училищахъ на физическіе опыты обращается болѣе вниманія. Въ послѣднихъ въ высшемъ классѣ назначено по 2 часа въ недѣлю собственно на упражненія въ физическихъ опытахъ (*Physikalisches Praktikum*). При этомъ имѣется въ виду знакомить воспитанниковъ съ устройствомъ, употребленіемъ и, на сколько возможно, съ приготовленіемъ физическихъ инструментовъ и аппаратовъ и упражнять ихъ въ простѣйшихъ методахъ производства физическихъ опытовъ и опредѣленій. Къ числу такихъ работъ относятся: демонстраціи надъ разными видами вѣсовъ, воздушныхъ насосовъ и оптическихъ аппаратовъ; калиброваніе термометровъ; опредѣленія удѣльнаго вѣса и расширенія въ объемъ маселъ и кислотъ при помощи dilatометровъ и термометровъ, приготовленныхъ — за исключеніемъ припаиванія шариковъ — самими воспитанниками; гальванопластическія работы; опредѣленія внутренняго сопротивленія и электровозбудительной силы гальваническихъ элементовъ и т. д.

Въ Мюнхенскомъ промышленномъ училищѣ употребляются слѣдующія руководства:

Reis, Lehrbuch der Physik, Leipzig, 1869—70.

Kohlrausch, Leitfaden der praktischen Physik.

Emsmann, Physikalische Aufgaben.

Burbach, Physikalische Aufgaben, Gotha, 1870.

Heussi, Materialien zur Übung u. Wiederholung des physikalischen Unterrichts.

Въ прусскихъ училищахъ употребляется также физика *Reis*'а, и кромѣ того:

Müller, Grundriss der Physik, Braunschweig, 1870.

Uffers, Leitfaden für d. Unterricht in der Physik.

Во французскихъ лицеяхъ руководства служатъ между прочимъ:

Regodt, Notions de physique.

Langlebert, Manuel de physique.

Fabre, Eléments de physique.

Privat-Deschanel, Traité élémentaire de physique.

Что касается собственно учебныхъ пособій, то онѣ заключаются въ физическихъ кабинетахъ, которые находятся при разныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ весьма различномъ составѣ.

В. Химія.

При обзорѣни методовъ и объема преподаванія химіи должно отличать шестиклассныя училища, каковы бельгійскія и французскія, отъ тѣхъ при которыхъ есть дополнительные классы съ химическимъ отдѣленіемъ. Въ этихъ послѣднихъ, каковы прусскія промышленныя училища, сверхъ теоретическаго изученія химіи, воспитанники химическаго отдѣленія упражняются еще въ производствѣ химическихъ анализовъ и другихъ работъ, на которыя въ 6-ти-классныхъ училищахъ можно удѣлить лишь слишкомъ незначительное время. Впрочемъ, въ прусскихъ промышленныхъ училищахъ воспитанники всѣхъ отдѣленій проходятъ одинаковій теоретическій курсъ химіи, тогда какъ въ бельгійскихъ атенеяхъ химію изучаютъ только воспитанники промышленно-коммерческаго отдѣла, а воспитанники научнаго отдѣла вовсе ея не слушаютъ. Въ Барменѣ всѣ воспитанники изучаютъ химію въ одинаковомъ объемѣ¹⁾, и всѣ, какъ уже было нами замѣчено, занимаются практическими работами, но, конечно, далеко не такъ усиленно, какъ въ казенныхъ промышленныхъ училищахъ.

¹⁾ См. Журн. Мин. Нар. Просв. Февраль, стр. 79.

Какъ въ прусскихъ, такъ и въ бельгійскихъ училищахъ преподаваніе химіи начинается съ 5-го класса, а во французскихъ лицеяхъ съ 3-го, вмѣстѣ съ физикою. Во всѣхъ этихъ училищахъ количество времени, посвящаемаго на теоретическую химію (вмѣстѣ съ химическою технологіею) одинаково, то-есть, 8 часовъ, которые только распределены различнымъ образомъ, а именно:

Въ училищахъ.	К л а с с ы.				
	3-я.	4-я.	5-я.	6-я.	дополнитель.
	ч	н	с	л	о
	ч	а	с	о	в
	ъ				
а) Бельгійскихъ	—	—	4	4	—
б) Французскихъ	1	2	2	3	—
в) Глейвицкомъ	—	—	3	3	2
г) Барменскомъ	—	—	4	2	2

Въ Баварскихъ промышленныхъ училищахъ на химію (съ минералогіей) назначено только 5 часовъ въ высшемъ классѣ, соотвѣтственномъ нашему 6-му.

Программы химіи:

а) Въ Бельгійскихъ атенеяхъ:

Классъ 5-й. Предметъ химіи. Различія между явленіями физическими и химическими. Тѣла простые и сложные. Химическіе законы и гипотезы: атомы, частицы, эквиваленты. Химическія формулы. Химическія теоріи—прежнія и новѣйшія. Основанія, кислоты, соли.

Кристаллическія формы; диморфизмъ, изоморфизмъ, аллотропія. Металлоиды и ихъ соединенія.

Металлы. Физическія ихъ свойства. Классификація металловъ. Дѣйствіе на нихъ хлора (брома и іода), кислорода, сѣры и кислотъ. Общія свойства и приготовленіе хлористыхъ соединеній, окисей, гидратовъ и металлическихъ солей.

Классъ 6-й. Металлы и ихъ соединенія, употребляемые въ промышленности или находимые въ Бельгіи.

Химія органическая. Составъ органическихъ соединеній. Свѣдѣнія объ органическомъ анализѣ. Опредѣленіе формулы эмпирической и рациональной. Классификація по рядамъ.

Синеродъ и важнѣйшія его соединенія.

Общія свѣдѣнія объ углеводородахъ разныхъ родовъ. Алкоголи. Эфиры. Сложные амміаки. Альдегиды. Кислоты.

Глицеринъ. Жиры. Мыла.

Манниты. Глюкозы. Сахаръ. Крахмалъ. Камеди. Бензинъ. Феноль. Анилиновые краски. Танины. Дубленіе.

Камфора. Смолы.

Каучукъ и гутта-перча.

Алкалоиды. Красящія вещества. Индиго. Бѣлковинныя вещества.

Половина учебнаго времени въ 6-мъ классѣ посвящается на работы учениковъ, при которыхъ, какъ и вообще при преподаваніи, слѣдуетъ имѣть въ виду преимущественно мѣстныя отрасли промышленности.

Руководствомъ служатъ: *Wurtz, Leçons élémentaires de chimie moderne.*

б) Во Французскихъ мѣсяцъ:

Классъ 3-й. Предварительныя понятія. Различныя состоянія матеріи. Соли. Металлы. Тѣла не металлическія.—Преподаватель въ этомъ классѣ не прибѣгаетъ ни къ измѣреніямъ, ни къ числамъ; но съ помощію простыхъ опытовъ онъ показываетъ, что есть тѣла однородныя и составныя; что слѣдуетъ различать кислоты, основанія, щелочи и соли; что отъ тепла вещества плавятся и испаряются; что соединить два тѣла значитъ сдѣлать синтезъ, а разложить — анализъ, и т. п.

Классъ 4-й. Общія свѣдѣнія о взаимно-дѣйствіи веществъ и о ихъ раздѣленіи на группы. Металлоиды и ихъ соединенія, имѣющія значеніе для промышленности. Металлы, ихъ общія свойства и классификація. Дѣйствіе на нихъ кислорода, сѣры, хлора.

Изложеніе и разсужденія преподавателя постоянно должны сопровождаться опытами и основываться на нихъ. Онъ объясняетъ составъ различныхъ веществъ помощію реагентовъ и сообщаетъ ученикамъ въ круглыхъ числахъ относительныя количества составныхъ началъ, не распространяясь о способахъ количественнаго анализа, за исключеніемъ самыхъ распространенныхъ веществъ, какъ-то: воздуха, воды, угольной кислоты, поваренной соли, мѣла, алебаstra и т. п.

Классъ 5-й. Соли вообще. Эквиваленты. Изоморфизмъ.

Металлы щелочные и щелочныхъ земель съ ихъ соединеніями, важными въ промышленности. Соли амміачныя.

Желѣзо, цинкъ, олово; мѣдь, свинець, ртуть; платина, серебро, золото и пр., ихъ сплавы, окиси, соли и т. д. Распознаваніе окисей и кислотъ въ соляхъ. Фотографія.

Кремнистыя соединенія. Глины. Фарфоръ. Стекло и т. д.

Химія органическая. Общія свѣдѣнія. Органической анализъ.

Кислоты, наиболѣе употребительныя. Клѣтчатка; дерево; сохраненіе его и окрашивание; обугливаніе.

Крахмалъ; сахаръ; броженіе; производство спирта, вина, пива и т. д. Мука, печеніе хлѣба. Эфиръ. Масла и жиры; мыла. Стеариновыя свѣчи. Алкалоиды.

Каменный уголь. Газовое освѣщеніе и т. д.

Красящія начала. Свѣдѣнія о красильномъ и набивномъ искусствѣ.

Среднія животныя вещества. Составъ крови, молока и т. д. Гнилое броженіе; сохраненіе животныхъ веществъ. Дубленіе кожъ.

Въ продолженіе всего этого курса преподаватель долженъ выбирать для своихъ уроковъ изъ вышеозначеннаго учебнаго матеріала преимущественно такіе предметы, которые имѣютъ отношеніе къ мѣстной промышленности, и составлять свою программу, соображаясь съ мѣстными потребностями.

Классъ 6-й. Химическая технологія въ примѣненіи къ мѣстной промышленности. Описаніе мѣстныхъ химическихъ производствъ, причемъ преподаватель обращаетъ вниманіе на ихъ историческое развитіе и усовершенствованія. По четвергамъ часть утра, а по воскресеньямъ—часть послѣобѣденнаго времени посвящается на практическія работы въ лабораторіи и на посѣщеніе заводовъ преподавателемъ вмѣстѣ съ воспитанниками, которые должны срисовывать важнѣйшіе аппараты и приспособленія.

Изъ руководствъ, употребляемыхъ во французскихъ лицахъ, ннѣ извѣстны:

Regodt, Notions de chimie.

Langlebert, Manuel de chimie.

Malaguti et Fabre, Eléments de chimie.

в) *Въ Глейвицкомъ промышленномъ училищѣ:*

Классъ 5-й. Введеніе въ современную химію. Химическія формулы.

Водородъ, кислородъ, хлоръ, бромъ, іодъ, фторъ, сѣра, селенъ, теллуръ.

Классъ 6-й. Азотъ, фосфоръ, мышьякъ, сурьма; висмутъ, боръ; углеродъ, процессъ горѣнія; синеродъ; кремній; калий; натрій; аммоній; барій; стронцій; кальцій; магній. При каждомъ изъ элементовъ излагаются соотвѣтственные отдѣлы химической технологіи.

Классъ дополнительный. Алюминій; желѣзо: чугуны, желѣзо, сталь; свинецъ. Введеніе въ органическую химію, съ изложеніемъ новѣйшихъ воззрѣній науки. Соединенія метила и этила.

По уставу прусскихъ промышленныхъ училищъ, въ дополнительномъ классѣ требуется подробное изложеніе важнѣйшихъ химико-техническихъ производствъ, каковы: пивовареніе, мыловареніе, кожевенное производство, пицбумажное, содовое; добываніе сѣрной кислоты; стеклянное и гончарное производства; добываніе освѣтительнаго газа, хлорной извести, селитры, пороха; выплавка чугуна, желѣза, стали и другія важныя горнозаводскія производства. Вообще же при преподаваніи химіи, по тому же уставу, важнѣйшіе металлоиды и металлы проходятся опытнымъ способомъ, а затѣмъ должно быть дано мѣсто и тѣмъ статьямъ изъ органической химіи, которыя необходимы для пониманія важныхъ химико-техническихъ процессовъ.

То, что преподаватель не успѣетъ пройти въ этомъ двухчасовомъ курсѣ, онъ излагаетъ въ видѣ дополнительныхъ чтеній въ классѣ практическихъ работъ воспитанникамъ химическаго отдѣла, коимъ назначено еще 15 недѣльныхъ часовъ на практическія занятія въ лабораторіи. Эти занятія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) пріученіе воспитанниковъ обращаться съ химическими приборами;

2) приготовленіе химическихъ препаратовъ какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ въ такомъ выборѣ, чтобы практиканты повторительно продѣлывали всѣ важныя операціи; наконецъ

3) анализъ. Точное ознакомленіе съ реакціями всѣхъ, чаще встречающихся, элементовъ. Многочисленныя упражненія въ качественномъ анализѣ болѣе или менѣе сложныхъ соединений. Количественный анализъ сплавовъ металловъ, желѣзныхъ рудъ, известковыхъ кампей, кремнекислыхъ солей. Упраженія въ анализѣ посредствомъ титрованія.

Методъ преподаванія химіи вообще имѣетъ много общаго съ методомъ преподаванія физики; какъ здѣсь, такъ и тамъ, разсужденія преподавателя должны не только сопровождаться опытами, но осно-

ываться на нихъ, какъ очень вѣрно сказано въ приведенномъ выше мѣстѣ французскаго учебнаго плана. Сверхъ того, при химіи еще болѣе, чѣмъ при физикѣ, постоянно слѣдуетъ имѣть въ виду примѣненія къ промышленности, особенно мѣстной. Точно также для основательнаго изученія химіи необходимы практическія упражненія въ гораздо большемъ объемѣ, нежели для изученія физики.

Въ виду этого послѣдняго условія, т.-е. необходимости практическихъ работъ по химіи, я считаю умѣстнымъ изложить здѣсь нѣкоторыя замѣтки объ этихъ упражненіяхъ, сообщенныя мнѣ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ учениковъ знаменитаго Либиха, мюнхенскимъ профессоромъ Эрленмейеромъ.

Практическій курсъ химіи съ упражненіями въ лабораторіи, по мнѣнію профессора Эрленмейера, въ сущности не что иное, какъ болѣе сосредоточенное, индивидуальное обученіе, долженствующее развить въ ученикѣ умѣнье производить опыты самостоятельно. Для этой цѣли прежде всего необходимо научить его разнымъ приемамъ, коимъ нельзя научиться изъ книгъ.

Профессоръ Эрленмейеръ находитъ цѣлесообразнымъ, по примѣру Англичанъ, прочесть въ началѣ практическаго курса нѣсколько лекцій объ этихъ приемахъ за особымъ столомъ, поставленнымъ на такомъ возвышеніи, чтобы всѣ практиканты могли видѣть производимые преподавателемъ опыты и работы, которые они должны повторять каждый на своемъ мѣстѣ подъ надзоромъ и, въ случаѣ надобности, при помощи преподавателя и его ассистента. Познакомивъ учениковъ съ приемами, которые наичаще встрѣчаются, преподаватель приступаетъ такимъ же образомъ къ производству аналитическихъ реакцій, высказавъ предварительно, каждый разъ, тотъ вопросъ, который долженъ быть разрѣшенъ предстоящимъ опытомъ; при самомъ же опытѣ обращаетъ вниманіе слушателей на всѣ сопровождающія оный условія и явленія. Слушатели, повторивъ тотъ же опытъ, должны объяснить его сами при помощи химическихъ формулъ, чтобы дать себѣ ясный отчетъ о тѣхъ химическихъ процессахъ, которые были причиной замѣченныхъ явленій.

Ознакомивъ, такимъ образомъ, всѣхъ начинающихъ съ тѣми путями, по коимъ они должны идти далѣе, преподаватель наставляетъ уже cadaго ученика отдѣльно и, соображаясь съ его индивидуальностію, задаетъ ему попеременно различныя работы: опытное изученіе химическихъ свойствъ разныхъ веществъ, качественные и количественные анализы, приготовленіе разныхъ препаратовъ и стехиоме-

трическія вычисленія. Каждый практикантъ долженъ вести подробный журналъ всѣмъ своимъ работамъ и дома составлять о нихъ отчеты, которые затѣмъ просматриваются преподавателемъ. Съ своей стороны и преподаватель ведетъ журналъ о задаваемыхъ практикантамъ работахъ, дабы онъ могъ знать ежедневно вечеромъ, насколько каждый изъ нихъ исполнилъ свою задачу, и сообразить, какую работу назначить имъ на слѣдующій день.

Только описаннымъ путемъ, говоритъ почтенный профессоръ, ученикъ можетъ приобрести способность къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ и умѣнье, не затрудняясь, приниматься за новыя для него работы.

Руководствами по части химіи и химической технологіи въ посѣщенныхъ мною германскихъ училищахъ служатъ:

Rammelsberg, Grundriss der Chemie.

Roscoe, Lehrbuch der Chemie. Braunschweig, 1871.

Lorscheid, Lehrbuch der Chemie. Freiburg, 1872.

Wagner, Grundriss der chemischen Technologie. Leipzig, 1870.

Fleischer, Die Titrimethode.

Will, Tafeln zur qualitativen chemischen Analyse.

Само собою разумѣется, что весьма важное условіе для успѣшнаго преподаванія химіи есть хорошо устроенная лабораторія. Описывать подробности такого устройства не можетъ быть задачей настоящаго отчета, да и было бы бесполезно, ибо при представившейся надобности эти подробности могли бы быть примѣнены къ дѣлу только подъ руководствомъ спеціалиста, изъ нихъ же каждому всѣ онѣ извѣстны. Но такъ какъ у насъ могутъ быть случаи, что будутъ строиться реальныя училища въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не находится химиковъ, а между тѣмъ было бы желательно, или предполагалось бы, устроить училище такъ, чтобы современемъ при немъ могло открыться химическое отдѣленіе въ дополнительномъ классѣ, — то я считаю не лишнимъ приложить планъ лабораторіи Кѣльнскаго промышленнаго училища, обязательно сообщенный мнѣ директоромъ этого училища, д-ромъ Ваккесомъ. Я уже упоминалъ ¹⁾ объ этой превосходно-устроенной лабораторіи. Конечно, наши реальныя училища едва-ли часто будутъ имѣть средства на устройство столь же обширной лабораторіи; но все-таки она можетъ служить образцомъ, въ особенности относительно удобства расположенія разныхъ

¹⁾ См. *Журн. Мин. Народ. Просв.*, февраль, стр. 71—72.

помѣщеній, необходимыхъ для химическихъ работъ. Во всѣхъ отношеніяхъ она удобнѣе той, которая изображена на схематическомъ планѣ промышленнаго училища, составленномъ въ прусскомъ министерствѣ торговли и приложенномъ въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Главное неудобство послѣдняго плана состоитъ въ томъ, что аудиторія раздѣлена отъ лабораторіи корридормъ, тогда какъ въ Кёльнскомъ училищѣ аудиторія рядомъ съ лабораторіею, откуда аппараты могутъ быть передаваемы чрезъ отверстіе въ стѣнѣ, чѣмъ значительно облегчается производство опытовъ.

Г. Механика.

Преподаваніе механики въ большей части училищъ продолжается два года, по 2 часа въ недѣлю; только въ Бельгій она ограничивается однимъ 6-мъ классомъ. Во Франціи на механику назначено по 2 часа въ 5-мъ и 6-мъ классахъ, въ прусскихъ промышленныхъ и барменскомъ училищахъ также по 2 часа, но въ 6-мъ и дополнительномъ классахъ, причемъ въ прусскихъ училищахъ еще употребляется на машиновѣдѣніе во всѣхъ отдѣлахъ дополнительнаго класса по 4 часа, и сверхъ того, въ механическомъ отдѣлѣ на механическую технологию—2 часа и на проектированіе и исчисленіе частей машинъ и цѣльныхъ машинъ—7 часовъ. Въ Баварскихъ промышленныхъ училищахъ механика не преподается.

Программы механики:

а) въ бельгійскихъ атенеяхъ.

Классъ 6-й. *Движеніе прямолинейное.* Движеніе равномерное; скорость. Движеніе равномерно-переменное; ускореніе; паденіе тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Сложеніе и разложеніе скоростей: Криволинейное движеніе.

Масса. Законъ инерціи. Дѣйствіе силъ и ихъ измѣреніе. Сложеніе и разложеніе силъ. Моменты силъ относительно точки и оси. Силы параллельныя. Центръ тяжести. Равновѣсіе силъ. Трение. Опредѣленіе работы и живой силы. Уравненіе работы. Простыя машины. Свѣдѣнія о преобразованіи движеній. Двигатели. Полезныя и вредныя сопротивленія. Свѣдѣнія о паровыхъ машинахъ и о гидравлическихъ машинахъ наиболѣе употребительныхъ.

б) Во французскихъ лицеехъ:

Классъ 5-й. Предварительныя понятія о силахъ. Сложеніе и разложеніе параллельныхъ силъ. Сложеніе и разложеніе силъ, сходящихся

въ одной точкѣ. Дѣйствія, производимыя силами: равновѣсіе и движеніе. Движеніе по отношенію къ пространству: прямолинейное и криволинейное. Движеніе по отношенію ко времени: равномерное, переменное. Механическая работа. Изученіе машинъ въ состояніи равномернаго движенія. Начало передачи работы въ машинахъ, находящихся въ состояніи равномернаго движенія. Передача работы въ машинѣ, имѣющей какое-либо движеніе. Части машинъ. Приводы. Передача движенія. Преобразование движеній. Сопротивленія дѣйствию силъ. Отдѣльное изученіе паровой машины, какъ приложеніе началъ, изложенныхъ въ курсѣ этого года.

По этой программѣ курсъ начинается съ изученія силъ; однако преподавателю предоставляется свобода предпослать ему кинематику. Но во всякомъ случаѣ онъ долженъ начинать не съ изложенія механическихъ принциповъ въ отвлеченной формѣ, но съ показанія и описанія машины, теорію которой намѣренъ сообщить, или съ изложенія результатовъ опыта, который ученики уже имѣли случай наблюдать, съ цѣлю привести въ ясность законы, кои предстояло изложить; затѣмъ онъ предлагаетъ, на основаніи дѣйствительныхъ данныхъ, нѣсколько приспособленныхъ вопросовъ, которые разрѣшаетъ численно; доказываетъ истины или законы механики, пользуясь лишь теоремами элементарной геометріи и начальными свѣдѣніями алгебраическаго исчисленія. Къ графическимъ изображеніямъ можно прибѣгать лишь изрѣдка, ибо они требуютъ слишкомъ много времени; они отсылаются къ урокамъ черченія.

Классъ 6-й. Двигатели вообще. Живые двигатели. Гидравлическіе двигатели. Вѣтеръ. Паръ. Различные двигатели: машина Леноара, электродвигатели; машины, дѣйствующія нагрѣтымъ воздухомъ. Машины, употребляемыя въ различныхъ отрасляхъ мѣстной промышленности и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Преподаватель знакомитъ учениковъ съ небольшими моделями машинъ, такъ какъ раскрашенныхъ рисунковъ недостаточно для показанія дѣйствія различныхъ частей, ими изображаемыхъ. Модели эти употребляются также въ курсѣ черченія.

Программа курса механики, какъ и курса технической химіи, измѣняется согласно промышленности, свойственной каждой мѣстности. Поэтому преподаватель при составленіи программы совѣтуется съ главными промышленниками мѣстности и представляетъ ее въ совѣтъ усовершенствованія на утвержденіе. Изъ руководствъ, употребляемыхъ во французскихъ лицезяхъ, я могу назвать слѣдующія:

DeLaunay, Cours élémentaire de mécanique théorique et appliquée. 7 éd. Paris, 1870 ¹⁾).

Sonnet, Notions de mécanique.

id., Premiers éléments de mécanique appliquée ²⁾).

Leclert, Cours de mécanique.

Catalan, Manuel de mécanique.

Beynac, Eléments de mécanique.

Dufailly, Notes de mécanique.

в) Въ Глейвицкомъ училищѣ:

Классъ 6-й. Движеніе математической точки. Механика матеріальной точки. Сложеніе и разложеніе силъ. Центръ тяжести. Сопротивленія движенію.

Классъ дополнительный. Продолженіе о сопротивленіяхъ движенію. Ученіе о сопротивленіи матеріаловъ. Движеніе твердаго тѣла. Ударъ. Элементы гидромеханики.

Кромѣ механики, во всѣхъ отдѣленіяхъ дополнительнаго класса преподается машиновѣдѣніе по 4 часа въ недѣлю: Части машинъ и ихъ соединенія. Передача движеній. Машины, служащія для подъема и передвиженія тяжестей. Насосы и воздухоудвѣныя машины. Двигатели: вѣтеръ, вода и парь. Калорическая машина, газовая машина. Сверхъ того, для однихъ учениковъ механическаго отдѣла назначено:

1) По 2 часа въ недѣлю на механическую технологію: важнѣйшія орудія и машины-орудія, съ обращеніемъ особаго вниманія на мѣстную промышленность.

2) По 7-ми часовъ на проектированіе и исчисленіе частей машинъ и цѣлыхъ машинъ, причѣмъ части машинъ вычерчиваются въ натуральную величину. Въ продолженіе года въ Глейвицѣ были проектированы: полиспасть, нѣсколько осей, ворота, щитъ плотины, соединеніе винта съ зубчатымъ колесомъ (червякъ), насосъ.

Изъ руководствъ по части механики въ Германіи особенно рекомендуются: 1) Сочиненіе Делонэ, переведенное на нѣмецкій языкъ и передѣланное двумя нѣмецкими учеными, каждымъ отдѣльно, именно, Шелленомъ и Баушингеромъ. 2) Между оригинальными нѣмецкими сочиненіями:

¹⁾ По этому курсу составлена на русскомъ языкѣ: *Писареваго*, Общепонятная механика. Спб. 1854.

²⁾ Есть переводъ на русскомъ языкѣ: *Сонне*, Начала прикладной механики, перев. Р. Греве. Спб. Типогр. Морск. кадетск. корпуса. 1860.

Wernicke, Lehrbuch der Mechanik. 2-te Aufl., Braunschweig, 1871—1873. Г. Вернике, директоръ промышленнаго училища въ Глейвицѣ и самъ преподаватель математики и механики, составилъ свой учебникъ, имѣя въ виду именно подобныя училища. Если, на первый взглядъ, оба названныя учебника могутъ показаться слишкомъ обширными, то надобно имѣть въ виду, что они служатъ и пособіемъ для изученія машиновѣдѣнія, а отчасти и строительнаго искусства. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ г. Вернике почти двѣ трети всего текста состоятъ изъ упражненій, которыя слѣдуютъ за каждою главою и придаютъ учебнику особенный интересъ, примѣняя научныя положенія къ разъясненію множества практическихъ вопросовъ изъ машиновѣдѣнія и строительнаго искусства. Наконецъ, къ послѣдному изданію г. Вернике приложилъ еще краткій очеркъ графическаго исчисленія или ариомографіи, и графической статьи или графостатики, имѣющей важное значеніе для рѣшенія графическимъ путемъ разныхъ задачъ изъ механики и строительнаго искусства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нужно „опредѣлить неизвѣстныя величины изъ извѣстныхъ величинъ, заданныхъ по ихъ положенію и величинѣ, то-есть, чертежемъ“ ¹⁾). Хотя такой способъ еще въ 1835 году былъ примѣняемъ къ рѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ знаменитымъ французскимъ инженеромъ, генераломъ Poncelet, въ его сочиненіи: „Solution graphique des principales questions sur la stabilité des voûtes“,— но въ Германіи только со времени изданія, въ 1866 году, подробнаго сочиненія Кульмана стали обращать вниманіе на графостатику. Въ наше время всѣми признано, что она даетъ технику возможность разрѣшать многія спеціальныя задачи изъ ея практики, графически и съ достаточною точностью, не прибѣгая къ вычисленіямъ, часто довольно сложнымъ. По этому, она введена и въ сочиненіе о машиностроеніи извѣстнаго профессора Reuleaux: „Der Constructeur“, и въ механику г. Вернике. Сверхъ того, преподаватель Пражскаго реального училища, г. Оттъ, издалъ очень хорошее, краткое и удобное понятное руководство, переведенное на русскій языкъ г. Недзядковскимъ, такъ много потрудившимся на пользу нашей технической литературы ²⁾.

¹⁾ См. *Отта*, Основанія графическаго исчисленія и графической статики, переводъ Недзядковского, стр. 2.

²⁾ Къ этому переводу относится предыдущая ссылка. Кроме того, г. Недзядковскій перевелъ большое сочиненіе Баушигера и нѣкоторыя спеціальныя статьи, относящіяся къ графостатикѣ.

Было бы желательнo, чтобъ и у насъ преподаватели механики нашли возможнымъ обращать вниманіе на приемы графостатики, входящей въ область элементарныхъ понятій многіе вопросы, разрѣшимые только съ помощію высшаго анализа. Въ нѣкоторыхъ прусскихъ промышленныхъ училищахъ (напримѣръ, въ Глейвицкомъ и Гёрлицкомъ), а также въ Вѣнскомъ строительномъ и механико-промышленномъ, и даже въ нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ, графостатика уже преподается.

Что касается специальныхъ руководствъ по машиновѣдѣнію и машиностроенію, то большая часть изъ нихъ вовсе не разчитана на употребленіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Таковы классическія сочиненія: Navier, Poncelet, Weisbach'a, Redtenbacher'a, Reuleaux и др. Въ среднихъ училищахъ должно имѣть, главнымъ образомъ, въ виду довести ученика до того, чтобъ онъ, во 1-хъ, отчетливо понималъ чертежи машинъ, и во 2-хъ, умѣлъ бы чертить машины вообще и составлять исполнительные чертежи, по коимъ практической механикѣ могъ бы построить данную машину. Наибольше способные ученики могутъ доходить и до проектированія нѣкоторыхъ машинъ по заданнымъ имъ размѣрамъ.

Для достиженія этой цѣли, обыкновенно соблюдается слѣдующій порядокъ обученія: 1) Прежде всего ученики упражняются въ черченіи машинъ съ готовыхъ чертежей, служащихъ оригиналами. 2) Затѣмъ дѣлаютъ отъ руки крокіи машинъ, которые потомъ вычерчиваютъ на чисто. 3) По готовымъ чертежамъ машинъ, слѣданнымъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ, составляютъ чертежи деталей въ натуральную величину. Наконецъ, 4) проектируютъ части машинъ, а затѣмъ и цѣлыя машины (двигатели и машины-орудія). Проектированіе исполняется согласно задачѣ, причѣмъ ученику дозволяется лишь рассмотреть, но не срисовать, машину подобную заданной, въ натурѣ, въ модели или чертежѣ.

Какъ наиболѣе подходящее руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, проф. Вейнеръ въ Вѣнѣ и другіе рекомендуютъ слѣдующее сочиненіе:

Delabar, Die wichtigsten Maschinenelemente. Это 10-я тетрадь вышеупомянутаго руководства къ черченію проф. Делабара. Она содержитъ только элементы машинъ. Въ 11-й и 12-й тетрадяхъ будетъ описаніе важнѣйшихъ двигателей и машинъ-орудій.

Справочными книгами служатъ: *Des Ingenieurs Taschenbuch vom Verein „die Hütte“, in Berlin.*

Bernouilli, Vademecum des Mechanikers.

Сверхъ того, какъ болѣе подробныя руководства по учению о машинахъ:

Reiche, Maschinenfabrication.

Rühlmann, Maschinenlehre.

Необходимое пособие какъ при преподаваніи механики и машиновѣдѣнія, такъ и при обученіи проектированію машинъ составляютъ хорошіе рисунки и модели. Лучшими считаются модели *Schröder'a* въ Дармштадтѣ и *Clair'a* въ Парижѣ; модели паровыхъ машинъ дѣлаются и въ Кѣнигсбергѣ у *Moewig'a* и у *Schloesser'a*.

Какъ для окончательнаго образованія химика необходимы практическія занятія въ лабораторіи, такъ и для механика необходимо приобрести практическія умѣнія по части всѣхъ тѣхъ работъ, которыя входятъ въ кругъ машиностроенія, то-есть, столярныхъ, токарныхъ, слесарныхъ и кузнечныхъ. Если онъ даже не намѣренъ впоследствии самъ *работать* по какому-либо мастерству, то упражненія въ каждомъ изъ нихъ разовьютъ въ немъ практической смыслъ и научатъ его правильно оцѣнивать трудъ тѣхъ рабочихъ, которыми ему, быть можетъ, придется руководить. Затѣмъ ему необходимо ознакомиться съ приемами литейнаго искусства и сборки машинъ, безъ чего онъ, на практикѣ, часто можетъ оказаться менѣе свѣдущимъ чѣмъ простой рабочій.

Въ *необходимости* практическихъ работъ для механика никто не сомнѣвается. Но относительно *времени*, въ какое онѣ могутъ быть полезны, мнѣнія весьма различны. Что касается высшихъ техническихъ училищъ въ Германіи, то директоры и преподаватели оныхъ большею частію предпочитаютъ такихъ молодыхъ людей, которые по крайней мѣрѣ годъ работали уже на механическомъ заводѣ.

При Люттихскомъ училищѣ искусствъ и мануфактуръ, какъ изложено выше, существуетъ механическая мастерская, въ которой работы воспитанниковъ идутъ параллельно съ ихъ теоретическимъ образованіемъ въ продолженіе всего трехлѣтняго курса. При Баварскихъ *индустриальныхъ* школахъ, занимающихъ средину между высшими и средними техническими училищами, есть также механическія мастерскія, въ коихъ воспитанники работаютъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Во французскихъ училищахъ искусствъ и ремеслъ въ преподаваніи преобладаетъ чисто практической характеръ, а общее образованіе стоитъ ниже, чѣмъ въ *среднихъ* техническихъ училищахъ. Что же касается собственно послѣдней категоріи учебныхъ заведеній, то

только при одномъ изъ нихъ, именно Барменскомъ, въ теченіе зимняго семестра воспитанники дополнительнаго класса упражняются по 6 часовъ въ недѣлю въ работахъ по изчисленнымъ выше мастерствамъ. При остальныхъ промышленныхъ училищахъ не существуетъ мастерскихъ для воспитанниковъ, которые обыкновенно, по окончаніи курса, приступаютъ къ изученію практическихъ работъ на механическихъ заводахъ. Впрочемъ, нѣкоторые преподаватели механики предпочитаютъ, чтобы воспитанники приобрѣтали практическія умѣнія до поступленія въ специальный механико-техническій классъ, для чего, на примѣръ, въ Бригѣ, директоръ охотно увольняетъ учениковъ на годъ по окончаніи примы промышленнаго училища (по нашему 6-го класса). Иные, наконецъ, считаютъ за лучшее, если воспитанники проведутъ годъ на заводѣ до поступленія въ секунду промышленнаго училища (по нашему до 5-го класса).

Какое изъ этихъ мнѣній наиболѣе справедливо, рѣшить въ настоящее время довольно трудно, какъ и невозможно еще рѣшить многіе другіе вопросы по техническому или реальному образованію, по причинѣ недавняго существованія среднихъ техническихъ училищъ. Впрочемъ, по моему крайнему разумѣнію, временное увольненіе воспитанниковъ изъ училища до окончанія ими полнаго курса ученія можетъ принести пользу лишь тѣмъ изъ нихъ, коихъ характеръ приобрѣлъ уже значительную степень зрѣлости и которые, по этому, будутъ въ состояніи самостоятельно продолжать свои научныя занятія; иначе они слишкомъ легко могутъ позабыть многое изъ того, чему уже научились въ школѣ.

Въ заключеніе настоящаго отчета мнѣ остается упомянуть еще объ *общемъ строительномъ искусствѣ*, какъ о специальномъ предметѣ, коего преподаваніе введено въ учебный планъ нашихъ реальныхъ и прусскихъ промышленныхъ училищъ. Въ послѣднихъ, какъ уже было изложено выше, есть особое отдѣленіе specialнаго класса для образованія техникувъ-строителей; но и въ другихъ отдѣленіяхъ преподается строительное искусство, а именно: а) во всѣхъ отдѣленіяхъ общее строительное искусство по 2 часа въ недѣлю; сверхъ того: б) въ механическомъ и химическомъ, по 2 часа, составленіе смѣтъ и ученіе о строительныхъ матеріалахъ, и в) также по 2 часа, специальное строительное искусство и упражненія въ проектированіи строеній.

а) *Общее строительное искусство:*

Простыя скрѣпленія каменныхъ и деревянныхъ частей построекъ; различные роды сводовъ. Сложныя сооруженія изъ дерева и желѣза.

Стропила и крыши. Дымовыя трубы, лѣстницы, двери и окна. Различные виды фундаментовъ.

б) *Составленіе смѣтъ и ученіе о строительныхъ матеріалахъ:*

Важнѣйшіе строительные матеріалы. Форма и условія опредѣленія издержекъ вообще. Правила для опредѣленія и разчета количества и стоимости матеріаловъ.

в) *Спеціальное строительное искусство:*

Работы каменные, плотничныя, столярныя, слесарныя и т. д. Разные способы отопленія. Элементы постройки мостовъ и дорогъ сухопутныхъ, водяныхъ и желѣзныхъ. Упражненія въ проектированіи строеній.

Должно однако замѣтить, что программы строительнаго искусства для отдѣленій химическаго и механическаго не во всѣхъ промышленныхъ училищахъ одинаковы. Это происходитъ отъ того, что въ уставѣ сихъ училищъ, тамъ гдѣ упоминается о тѣхъ отрасляхъ строительнаго искусства, которыя преподаются во всѣхъ отдѣленіяхъ спеціальнаго класса, но не въ одинаковомъ объемѣ, не обозначено въ подробности, какія именно части тѣхъ отраслей должны проходитьъ только въ одномъ строительномъ и какія, кромѣ строительнаго, еще въ другихъ отдѣленіяхъ.

Изъ руководствъ по строительному искусству въ Пруссіи употребляется преимущественно: *Harres, Schule der Baukunst*. Но это сочиненіе составлено собственно для спеціальныхъ архитектурныхъ училищъ и слишкомъ обширно для промышленныхъ. Для этихъ послѣднихъ болѣе пригодно указанное мнѣ въ Австріи сочиненіе профессора Габріели въ Грацѣ, вышедшее уже 9-мъ изданіемъ, подъ заглавіемъ: „*Grundzüge der Baukunst, v. Gabriely, Prof. in Graz. Brünn, 1872*“, (218 стр. и около 150 чертежей).

Главнымъ учебнымъ пособіемъ при преподаваніи строительнаго искусства, кромѣ чертежей, служатъ различные модели. Въ Германіи употребляются, болшею частію, произведенія вышеупомянутой фирмы Шредера въ Дармштадтѣ, которая славится и моделями по части механики.

При сравненіи устройства разныхъ техническихъ училищъ въ Европѣ, какъ среднихъ, такъ и высшихъ, болѣе всего бросаются въ глаза различія въ учебныхъ ихъ планахъ, не только по числу пре-

подаваемыхъ въ нихъ предметовъ, но и по объему, а нерѣдко и по методамъ преподаванія. Если, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, эти различія служатъ доказательствомъ того, что начала технического образованія далеко еще не установились, то съ другой стороны, они должны возбудить въ насъ ожиданіе измѣненій, быть можетъ не маловажныхъ, предстоящихъ устройству означенныхъ училищъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, чему начало, какъ мы видѣли выше, уже положено во Франціи пересмотромъ учебныхъ плановъ специальныхъ лицеевъ.

Такая незаконченность въ системѣ такъ называемаго реального и технического образованія, при неопредѣленности, а часто и противорѣчивости въ возрѣніяхъ на оное лицъ самыхъ компетентныхъ, составляетъ рѣзкое отличіе его отъ образованія гуманистическаго. Въ этомъ сознаются и лучшіе дѣятели на поприщѣ реального образованія, на что мнѣ неоднократно приходилось указывать въ настоящемъ отчетѣ. Я припомню здѣсь только слова двухъ извѣстныхъ ученыхъ: химика, профессора Эрленмейера, и математика, директора Цемс. Первый изъ нихъ, сѣтуя на то, что методы преподаванія математики и естественныхъ наукъ находятся еще въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ сознается, что „для древнихъ языковъ существуетъ методъ преподаванія уже издавна выработанный, который, такъ сказать, руководитъ самого учителя“; а послѣдній совершенно основательно утверждаетъ, что гимназій, вмѣстѣ съ университетами, „составляютъ *единственный* отдѣлъ всеобщей учебной системы, могущій справедливо считаться вполне законченнымъ“.

А. Гевель.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ И ПОДОБНЫХЪ ИМЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1873 ГОДУ.

Статьею 71-ю Правиль объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 8-го декабря 1872 года, гг. попечителямъ учебныхъ округовъ предложено ежегодно представлять въ министерство отчетъ о ходѣ испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ вѣренныхъ имъ округовъ по формѣ, приложенной къ упомянутой статьѣ. Отчеты эти за 1873 годъ были своевременно доставлены въ министерство изъ всѣхъ учебныхъ округовъ, за исключеніемъ Варшавскаго и Дерптскаго, на которые еще не распространялось въ маѣ и іюнѣ 1873 года дѣйствіе означенныхъ Правиль, кромѣ тѣхъ гимназій Дерптскаго округа, въ коихъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, то-есть, Рижской-Александровской и Ревельской-Александровской, при чемъ должно замѣтить, что въ послѣдней, какъ недавно учрежденной, еще не всѣ классы открыты и, слѣдовательно, не могло еще быть испытаній зрѣлости въ 1873 году. Такимъ образомъ, имѣющіяся нынѣ свѣдѣнія по этому предмету относятся къ 78-и гимназіямъ правительственнымъ, 9-и гимназіямъ частнымъ и 3 церковнымъ училищамъ, всего къ 90 среднимъ учебнымъ заведеніямъ съ курсомъ классическимъ.

Впервые еще министерство народнаго просвѣщенія располагаетъ столь обстоятельными свѣдѣніями какъ о ходѣ испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ, такъ и о самыхъ результатахъ этихъ испытаній, и свѣдѣнія эти представляютъ тѣмъ большій интересъ, что въ 1873 году испытанія зрѣлости были произведены впервые на основаніи новыхъ правилъ, при составленіи коихъ были тщательно соображены особенности нашего учебнаго быта съ практикою, господствующею при испытаніяхъ зрѣлости въ образованнѣйшихъ странахъ Европы.

Впрочемъ, какъ составленіе отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости по предложенной для нихъ новой формѣ, такъ и самое производство этихъ испытаній, какъ первый опытъ примѣненія новыхъ правилъ, не могли обойтись безъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, и прежде всего, что касается до самихъ отчетовъ, то статистическія ихъ данныя, изложенныя въ формѣ таблицъ, составлены почти совершенно удовлетворительно и не подають повода къ какимъ-либо существеннымъ недоразумѣніямъ. Единственныя погрѣшности, которыя могутъ быть въ нихъ замѣчены, заключаются въ томъ, что 1) въ таблицѣ распредѣленія лицъ, признанныхъ зрѣлыми, по занятіямъ, къ коимъ они себя предназначали, по Харьковскому учебному округу, къ числу зрѣлыхъ отнесены четверо такихъ молодыхъ людей, которые выдержали испытаніе изъ гимназическаго курса, за исключеніемъ изъ него важнѣйшей составной его части, а именно древнихъ языковъ, и которые, слѣдовательно, никакъ не могли быть удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости отъ гимназій и которыхъ надлежало показать не между зрѣлыми, а особо въ примѣчаніи къ той же таблицѣ, и 2) что въ вѣдомостяхъ о не выдержавшихъ испытанія зрѣлости по отдѣльнымъ предметамъ только по тремъ учебнымъ округамъ: С.-Петербургскому, Харьковскому и Виленскому показано, какое число дѣйствительно подвергалось испытанію въ каждомъ изъ этихъ предметовъ, а между тѣмъ, свѣдѣнія эти не лишены существеннаго значенія: за неимѣніемъ ихъ по всѣмъ округамъ, пришлось въ дальнѣйшемъ изложеніи брать отношеніе числа не выдержавшихъ испытанія по какому-либо предмету не къ числу подвергавшихся въ немъ испытанію, а къ числу не выдержавшихъ испытанія зрѣлости вообще, или же къ общему числу экзаменовавшихся, что не можетъ дать столь же точнаго и опредѣлительнаго понятія о сравнительной безуспѣшности экзаменовавшихся въ отдѣльныхъ предметахъ.

Свѣдѣнія, выраженные въ числахъ, конечно, въ высшей степени драгоценны, особенно потому, что даютъ твердую и непреложную, свободную отъ всякаго произвола, основу для дальнѣйшихъ выводовъ и сужденій и, такимъ образомъ, представляютъ собою единственно надежный фундаментъ для всякаго отчета: въ сущности, весь дальнѣйшій отчетъ могъ бы заключаться только въ поясненіи и истолкованіи самихъ чиселъ, которыми легко обнимается какъ вообще вся внутренняя жизнь учебнаго заведенія, такъ и въ особенности весь ходъ и результаты испытаній; но тѣмъ не менѣе, поясненія эти совершенно необходимы для самаго пониманія истиннаго значенія и

смысла данныхъ чиселъ. Въ этомъ отношеніи между отчетами гг. попечителей учебныхъ округовъ замѣчается большое различіе: наиболѣе подробны и обстоятельны поясненія въ отчетахъ по Московскому, Виленскому и С.-Петербургскому учебнымъ округамъ, наименѣе—по Харьковскому округу, по Сибирскимъ и Рижской-Александровской гимназіямъ; прочіе учебныя округа занимаютъ средину въ этомъ отношеніи. Такъ, между прочимъ, п. 7-мъ приложенія къ ст. 71-й правилъ объ испытаніяхъ требуется отъ попечителей учебныхъ округовъ сообщать въ ихъ отчетахъ заключенія попечительскихъ совѣтовъ о письменныхъ работахъ лицъ, признанныхъ зрѣлыми. Требованіе это было исполнено въ нѣкоторой степени въ одномъ только Московскомъ учебномъ округѣ; въ прочихъ же учебныхъ округахъ письменныя работы лицъ, признанныхъ зрѣлыми, повидимому, не были даже вовсе разсматриваемы въ попечительскихъ совѣтахъ въ полномъ ихъ составѣ, а только лицами окружнаго управленія, то-есть, окружными инспекторами, а по Харьковскому учебному округу не сообщено и вообще никакихъ замѣчаній ни о письменныхъ работахъ, ни вообще объ успѣхахъ учениковъ, обнаруженныхъ на испытаніяхъ зрѣлости, ни о распоряженіяхъ, вызванныхъ указаніями опыта какъ относительно производства испытаній зрѣлости, такъ и относительно улучшенія учебной части въ той или другой гимназіи вообще.

Что касается до участія попечительскихъ совѣтовъ, въ дѣломъ ихъ составѣ, въ разсмотрѣніи письменныхъ работъ лицъ, признанныхъ зрѣлыми, то оно признано было полезнымъ и необходимымъ по двумъ соображеніямъ: 1) въ числѣ членовъ попечительскихъ совѣтовъ во всѣхъ университетскихъ городахъ, то-есть, во всѣхъ учебныхъ округахъ, за исключеніемъ Виленскаго (а также обѣихъ половинъ Сибири), состоятъ представители мѣстнаго университета: ректоръ, два декана (историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ) и шесть профессоровъ, въ томъ числѣ по древнимъ языкамъ, по русскому языку и словесности и по математикѣ¹⁾,—и ознакомленіе ихъ съ письменными работами лицъ, признанныхъ зрѣлыми, и съ оцѣнкою этихъ работъ испытательными коммиссіями гимназій тѣмъ болѣе необходимо, что нынѣ отмѣнено для этихъ лицъ, при поступленіи ихъ въ университетъ, повѣрочное испытаніе въ самомъ университетѣ. Правда, разсмотрѣніе этихъ работъ членами

¹⁾ См. § 2 Высоч. утв. 20-го марта 1860 года Положенія о совѣтахъ при попечителяхъ учебныхъ округовъ.

попечительскихъ совѣтовъ отъ университетовъ не можетъ повлечь за собою кассацию уже выданныхъ ученикамъ аттестатовъ или свидѣтельствъ, но оно можетъ сопровождаться полезными на будущее время указаніями относительно производства испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ, относительно выбора темъ и задачъ для письменнаго испытанія, относительно оцѣнки письменныхъ работъ и, наконецъ, относительно улучшенія вообще учебной части въ гимназіяхъ. Поддержаніе живой связи между университетами и гимназіями какъ нельзя болѣе желательно, и эта связь лучше всего можетъ обнаружиться при указанной (въ 7-мъ п. приложения къ ст. 71-й) повѣркѣ испытаній зрѣлости, какъ одного изъ важнѣйшихъ актовъ внутренней жизни гимназіи. 2) Членами попечительскаго совѣта состоятъ, сверхъ того, директора всѣхъ мѣстныхъ гимназій, и очевидна та польза, какую они могутъ извлечь для своихъ учебныхъ заведеній изъ разсмотрѣнія письменныхъ работъ учениковъ, успѣшно окончившихъ курсъ въ другихъ гимназіяхъ, и какую сами они могутъ принести этимъ другимъ гимназіямъ своими замѣчаніями въ попечительскомъ совѣтѣ. Правда, въ § 71 Правилъ объ испытаніяхъ сказано, между прочимъ, что протоколы испытаній зрѣлости, именной списокъ съ отмѣтками и письменныя работы всѣхъ вообще лицъ, призванныхъ зрѣлыми, тщательно разсматриваются въ окружномъ управленіи; но къ окружному управленію принадлежатъ и попечительскіе совѣты, которые, конечно, нѣтъ надобности привлекать въ дѣломъ ихъ составѣ къ разсмотрѣнію именныхъ списковъ и всѣхъ вообще протоколовъ испытаній, но которыхъ, въ силу п. 7-го приложения къ ст. 71-й, нельзя не привлекать къ разсмотрѣнію письменныхъ работъ учениковъ, признанныхъ зрѣлыми, то-есть, къ разсмотрѣнію важнѣйшей и наиболѣе документальной части испытаній зрѣлости, и потому должно надѣяться, что съ наступившаго нинѣ года это требованіе новыхъ правилъ будетъ въ точности выполнено, и изъ всѣхъ учебныхъ округовъ заключенія попечительскихъ совѣтовъ о письменныхъ работахъ лицъ, признанныхъ зрѣлыми, будутъ доставлены въ министерство, въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано въ прошломъ учебномъ году въ Московскомъ учебномъ округѣ, то-есть, въ видѣ протоколовъ попечительскихъ совѣтовъ съ приложеніемъ отзывовъ профессоровъ, а за неимѣніемъ ихъ, другихъ лицъ, разсматривавшихъ письменныя работы по своей части.

Въ объясненіе указаннаго здѣсь упущенія бѣльшая часть попечителей приводятъ то обстоятельство, что въ пору составленія отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости, какъ въ лѣтнюю пору, нельзя было

собрать попечительскіе совѣты въ полномъ ихъ составѣ; но въ такомъ случаѣ необходимо было представлять отчеты въ два приема и въ двухъ частяхъ, при чемъ въ первую изъ нихъ должны быть включены всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть составлены безъ участія попечительскихъ совѣтовъ въ полномъ ихъ составѣ, то-есть, прежде всего всѣ числовыя данныя, излагаемыя въ формѣ таблицъ, и эти-то именно свѣдѣнія и бывають прежде всего нужны министерству; вторая же часть, заключающая въ себѣ всѣ указанныя въ приложеніи къ ст. 71-й поясненія, и въ томъ числѣ заключенія попечительскихъ совѣтовъ о письменныхъ работахъ лицъ, признанныхъ зрѣлыми, можетъ быть представляема и впоследствии, по разсмотрѣніи этихъ работъ попечительскими совѣтами, какъ то было сдѣлано въ истекшемъ году въ Московскомъ учебномъ округѣ.

Относительно самаго производства испытаній зрѣлости въ прошломъ году, прежде всего замѣчается, что только въ Московскомъ учебномъ округѣ были предложены одинаковыя темы и задачи для письменнаго испытанія во всѣхъ гимназіяхъ округа ¹⁾, тогда какъ въ 1872 году одинаковыя темы и задачи были предлагаемы во всѣхъ округахъ, за исключеніемъ Виленскаго и Харьковскаго. § 52-й правилъ объ испытаніяхъ допускаетъ въ этомъ случаѣ и одинаковость темъ и задачъ для всѣхъ гимназій одного и того же округа, и различіе оныхъ, и въ точности опредѣляетъ, какія условія должны быть соблюдаемы въ томъ и другомъ случаѣ. Различныя темы и задачи имѣють то преимущество, что при существенно различномъ уровнѣ гимназій по разнымъ предметамъ, каждая, казалось бы, можетъ точнѣе соразмѣрить трудности этихъ темъ и задачъ съ силами своихъ учениковъ, тогда какъ при одинаковости ихъ для всѣхъ гимназій округа онѣ могутъ оказаться или выше уровня учениковъ той или другой гимназій, или ниже его, и въ первомъ случаѣ, во избѣжаніе несправедливости, повлекутъ за собою пониженіе требованій при оцѣнкѣ письменныхъ работъ учениковъ, а во второмъ — могутъ повліять на пониженіе уровня самихъ гимназій. Но на дѣлѣ оказывается отчасти обратное явленіе: въ 1873 году въ одной гимназій С.-Петербургскаго учебнаго округа былъ такой случай, что предположенная ею самою задача по математикѣ оказалась рѣшительно не по силамъ даже и лучшимъ ученикамъ ея, и затѣмъ ею было испрошено по телеграфу разрѣшеніе окружнаго начальства воспользоваться

¹⁾ См. эти темы и задачи ниже въ I-мъ приложеніи.

запасною темой, которая и была затѣмъ разрѣшена почти всѣми учениками удовлетворительно. Точно также въ Виленскомъ учебномъ округѣ въ трехъ гимназіяхъ (Витебской, Виленской и Гродненской) для перевода съ русскаго на латинскій языкъ были назначены повѣствовательные отрывки изъ философскихъ сочиненій Цицерона, въ двухъ (Минской и Могилевской)—изъ Тита Ливія, еще въ двухъ (Шавельской и Мозырской) — изъ Саллюстія, и только въ остальныхъ двухъ (Ковенской и Слупской)—изъ Цезаря, а между тѣмъ, изъ отчета о числѣ болѣе или менѣе крупныхъ ошибокъ въ этихъ переводахъ, признанныхъ, тѣмъ не менѣе, все-таки удовлетворительными, ясно вытекаетъ, что всѣ эти темы, не исключая и заимствованныхъ изъ Цезаря, были не по силамъ большинству учениковъ и съ пользою могли бы быть замѣнены простѣйшими отрывками изъ такихъ сочиненій, какъ *De viris illustribus urbis Romae*, или *Historia Romana* Якобса,—но въ этихъ болѣе скромныхъ предѣлахъ надлежало бы уже требовать несравненно большей удовлетворительности въ самихъ работахъ, что было бы во всѣхъ отношеніяхъ правильнѣе.

Такимъ образомъ, выборъ различныхъ темъ и задачъ для гимназій изъ числа предлагаемыхъ ими самими нисколько не гарантируетъ учениковъ въ томъ, что эти темы и задачи будутъ строго соразмѣрены съ тѣмъ, что была въ состояніи дать имъ каждая гимназія, требованіе же отъ нихъ болѣе обширныхъ познаній было бы очевидно несправедливостью, а между тѣмъ, неудобства особыхъ темъ и задачъ для каждой гимназій весьма многочисленны. О томъ, какого рода могутъ быть эти неудобства, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, распоряженіе г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, чтобы на будущее время въ составленіи темъ и задачъ, въ видахъ сохраненія ихъ въ тайнѣ отъ учениковъ, принимали участіе только директоръ и преподаватели предмета по принадлежности, и еще болѣе образъ дѣйствій окружныхъ управленій Харьковскаго и Одесскаго, которыя сочли за должное темы и задачи, предложенныя для себя одною гимназіей, предлагать совершенно другой, при чемъ, очевидно, утрачиваются удобства и преимущества какъ одного, такъ и другаго изъ двухъ способовъ, указанныхъ въ § 52 Правиль, задаванія темъ и задачъ для письменнаго испытанія учениковъ. Сверхъ того, одинаковыя для всѣхъ гимназій округа темы и задачи имѣютъ то важное преимущество, что съ ихъ помощью окружное начальство можетъ удобнѣе поддерживать гимназій на одномъ извѣстномъ уровнѣ, ниже котораго не должно стоять ни одно изъ этихъ среднихъ учебныхъ заведеній, и выѣстѣ

съ тѣмъ, можетъ удобнѣе сравнивать результаты, коихъ достигаетъ каждое изъ нихъ, при чемъ ученики лучшихъ гимназій округа всегда будутъ имѣть возможность даже и на весьма легкихъ для нихъ темахъ и задачахъ выказать, какой относительной высоты они достигли въ данномъ предметѣ (совершенною правильностью, стройностью и изяществомъ изложенія въ своихъ русскихъ сочиненіяхъ, строгою послѣдовательностью въ изложеніи рѣшенія предложенныхъ имъ математическихъ задачъ, правильностью и изяществомъ оборотовъ въ латинскомъ упражненіи и т. д.). Наконецъ, при одинаковыхъ темахъ и задачахъ по всѣмъ гимназіямъ округа чрезвычайно облегчается правильность сужденій и заключеній о письменныхъ работахъ учениковъ для попечительскихъ совѣтовъ. Въ виду этихъ преимуществъ было бы желательно, чтобы попечители учебныхъ округовъ отдавали предпочтеніе одинаковымъ темамъ и задачамъ для всѣхъ гимназій ихъ округа предъ особыми для каждой гимназіи.

Въ отчетѣ по С.-Петербургскому учебному округу, между прочимъ, былъ возбужденъ вопросъ въ примѣненіи къ математикѣ, но имѣющей почти то же значеніе и для другихъ предметовъ письменнаго испытанія, а именно не было ли бы полезнѣе предлагать по каждому изъ 4-хъ отдѣловъ математики не по одной, а по три задачи, на выборъ самимъ ученикамъ: одну, для рѣшенія которой нужно только простое знаніе соответственной части математики, другую болѣе сложную для рѣшенія которой нужна еще и сообразительность, и третью, болѣе трудную, для рѣшенія которой нужна въ значительной степени сообразительность и навыкъ не только въ вычисленіяхъ, но и въ употребленіи различныхъ математическихъ приѣмовъ и въ рѣшеніи значительнаго количества разнообразныхъ задачъ, съ тѣмъ чтобы за удовлетворительное рѣшеніе задачъ перваго рода была выставляема отиѣтка 3, за удовлетворительное рѣшеніе задачъ втораго рода 4, а третьяго—5. Вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Всѣмъ экзаменуемымъ одновременно въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи должны быть предлагаемы одинаковыя задачи и темы. Во-первыхъ, ученику трудно быть самому судьей своихъ познаній и способностей и трудно въ точности, безъ всякихъ колебаній, а слѣдовательно, и безъ потери времени и силъ, сдѣлать съ перваго же разу вѣрный выборъ такихъ задачъ и темъ, которыя были бы ему совершенно по силамъ; потеря же времени и утомленіе вслѣдствіе напрасныхъ попытокъ рѣшить болѣе трудныя задачи можетъ неблагоприятно отразиться на рѣшеніи затѣмъ задачи болѣе легкой и даже по-

вредить счастливому исходу всего испытанія; распределение же темъ и задачъ по мѣрѣ ихъ трудности, соответственно годичнымъ отчетакамъ учениковъ, самими испытательными комиссиями могло бы вызвать различнаго рода сѣтованія со стороны учениковъ. Повторяя, правильная оцѣнка письменныхъ работъ, при такомъ разнообразіи темъ, была бы крайне затруднительна, именно въ случаѣ болѣе или менѣе неудовлетворительнаго рѣшенія или исполненія задачъ и темъ болѣе трудныхъ, и вторыхъ, рассмотрѣніе письменныхъ работъ какъ въ испытательныхъ комиссияхъ, такъ и въ особенности въ попечительскихъ совѣтахъ, представило бы слишкомъ большія затрудненія. Въ сущности въ подобной мѣрѣ и нѣтъ надобности, ибо характеръ задачъ, какія могутъ быть предлагаемы экзаменуемымъ, достаточно определенъ въ статьѣ 67-й правилъ, и въ частности по математикѣ, въ п. д. этой статьи, по которому отъ экзаменуемыхъ требуется навыкъ въ рѣшеніи арифметическихъ, алгебраическихъ, геометрическихъ и тригонометрическихъ задачъ, *не требующихъ особой изобретательности*, и при точномъ соблюденіи этого правила всѣ ученики могутъ подвергаться письменному испытанію изъ математики на совершенно равныхъ условіяхъ, какъ то и установлено дѣйствующими нынѣ правилами.

Въ § 53 правилъ, въ 12-и пунктахъ, изложенъ порядокъ, который долженъ быть соблюдаемъ при производствѣ письменнаго испытанія и который предложенъ къ строжайшему соблюденію. Смыслъ и значеніе этихъ предписаній, казалось бы, не должны были укрыться отъ вниманія лицъ педагогическаго сословія гимназій. „Указанія эти“, — какъ совершенно вѣрно замѣтилъ профессоръ Любимовъ въ попечительскомъ совѣтѣ Московскаго учебнаго округа, — „очевидно, не суть педантическія или канцелярскія формальности, отъ неисполненія которыхъ не можетъ пострадать сущность дѣла; напротивъ, они всѣ имѣютъ существенное для дѣла значеніе“. „Весьма жаль“, — прибавляетъ почтенный профессоръ, — „чтобъ убѣжденіе въ важности письменнаго испытанія и въ необходимости самаго точнаго исполненія правилъ, для этого испытанія предписанныхъ, сдѣлалось общимъ у всѣхъ директоровъ, инспекторовъ и преподавателей гимназій, и только при этомъ условіи письменное испытаніе получить въ дѣйствительности тотъ вѣсъ, какой принадлежитъ ему по новымъ правиламъ. Отступленія въ этомъ случаѣ не суть уклоненія отъ формальностей, а искаженіе самой сущности дѣла“. Отступленія эти, въ первый годъ примѣненія новыхъ правилъ, къ сожалѣнію, оказываются

всѣмъ многочисленными, при чемъ въ тѣхъ округахъ, въ отчетахъ коихъ они прямо указываются, какъ, напримѣръ, въ Московскомъ округѣ, они, безъ сомнѣнія, были менѣе многочисленны и будутъ скорѣе и рѣшительнѣе устранены, нежели въ тѣхъ округахъ, отчеты коихъ вовсе о нихъ умалчиваютъ. Кромѣ наиболѣе рѣзкаго случая отступленій въ одной гимназій, подавшаго поводъ къ увольненію директора ея отъ службы, въ отчетахъ упоминаются еще слѣдующіе случаи: безъ нужды предлагались ученикамъ запасныя темы вмѣсто предложенныхъ для всѣхъ, и притомъ въ различныхъ гимназіяхъ одни и тѣ же темы въ разное время; болѣе 20 работъ помѣчались однимъ и тѣмъ же наблюдателемъ, тогда какъ по правиламъ должно быть по одному наблюдателю на каждыхъ 10 экзаменующихся; въ случаѣ выхода ученика изъ экзаменаціонной залы не помѣчалось, гдѣ послѣдовалъ перерывъ въ его работѣ; всѣ письменныя работы одного дня помѣчались какъ поданныя въ одно и то же время, тогда какъ ученикамъ вмѣняется въ обязанность оконченную и переписанную работу тотчасъ же подать наблюдателю, который и долженъ въ точности отиѣтить время ея подачи, и затѣмъ наблюсти, чтобъ ученикъ, подавшій свою работу, немедленно удалился изъ залы. Бывали также случаи неупотребленія штемпелеванной и подписанной директоромъ бумаги, каковая должна быть употребляема равно для черновой работы, какъ и для переписанной набѣло; но особенно часты были случаи непредставленія попечителю округа черновыхъ работъ вмѣстѣ съ переписанными набѣло. Правда, въ правилахъ объ этомъ не сказано прямо, но требованіе это, совершенно необходимое, отчасти заключается въ п. д. § 55. Профессоръ Буслаевъ совершенно справедливо замѣчаетъ, между прочимъ, что приложеніе черновыхъ бумагъ необходимо, между прочимъ, и для рѣшенія часто возникающаго вопроса, какія погрѣшности считать за простыя описки, и какія за ошибки, происшедшія отъ незнанія. Точно также на каждой письменной работѣ должно быть отиѣчаемо самимъ ученикомъ, состоитъ ли онъ въ младшемъ или въ старшемъ отдѣленіи гимназій, или онъ постороннее для гимназій лицо: свидѣнія эти совершенно необходимы для членовъ попечительскихъ совѣтовъ, просматривающихъ эти работы. По поводу всѣхъ этихъ отступленій отъ правилъ нельзя не выразить желаніе, чтобы сознаніе существенной важности всѣхъ правилъ, предписанныхъ для производства письменныхъ испытаній, „сдѣлалось общимъ между экзаменаторами и чтобы съ другой стороны какъ между экзаменующимися, такъ и экзаменаторами, исчезла всякая мысль

о письменномъ испытаніи, какъ о борябѣ заведенія съ требованіями экзамена“.

Къ числу отступленій отъ правилъ относится и то, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ срокъ подачи письменныхъ работъ былъ продлаемъ сверхъ того времени, которое назначено § 54-мъ. Отступление это, при точномъ выполненіи всѣхъ другихъ предписаній министерства, само по себѣ не можетъ имѣть вреднаго вліянія на ходъ письменнаго испытанія; но оно легко можетъ повліять какъ на выборъ темъ и задачъ для письменнаго испытанія, такъ и на ослабленіе наблюденія за экзаменующимися, на допущеніе перерыва въ письменныхъ работахъ для завтрака или обѣда, что и было въ одной изъ Московскихъ гимназій, на допущеніе болѣе частаго выхода учениковъ изъ залы и вообще на ослабленіе вполнѣ разумныхъ и необходимыхъ требованій, изложенныхъ въ § 55 правилъ. Правда, трое попечителей учебныхъ округовъ (Московского, Казанскаго и Одесскаго) указываютъ на краткость будто-бы времени, назначеннаго въ § 54 на письменныя испытанія, именно попечитель Казанскаго округа — по математикѣ, Московскаго — по математикѣ и по древнимъ языкамъ и Одесскаго вообще, безъ опредѣленія предметовъ, и ходатайствуютъ о назначеніи на будущее время болѣе продолжительныхъ сроковъ для подачи письменныхъ работъ учениковъ. Но въ другихъ четырехъ учебныхъ округахъ неудобство это не было замѣчено, и въ сущности его вовсе не существуетъ. Письменное испытаніе, равно какъ и устное, производится съ цѣлью удостовѣриться, какими познаніями обладаетъ испытуемый по данному предмету. Неужели же окончившему полный гимназическій курсъ ученику недостаточно 5-и часовъ сряду, для того, чтобы въ русскомъ сочиненіи обнаружить „правильное пониманіе темы въ главнѣйшихъ ея частяхъ и умѣнье выражать свои мысли ясно, опредѣленно, послѣдовательно, правильнымъ и соотвѣтственнымъ предмету языкомъ съ совершеннымъ избѣжаніемъ такихъ ошибокъ, которыя свидѣтельствуютъ о малограмотности“ (п. б. § 67), при чемъ должно имѣть въ виду, что по § 51-му правилъ предметъ для этого сочиненія долженъ быть выбранъ такъ, чтобы онъ не могъ не быть по силамъ ученику и чтобы ученикъ могъ имѣть о немъ собственное сужденіе. Точно также неужели недостаточно трехъ часовъ на рѣшеніе въ одинъ день по одной задачѣ изъ ариметики и алгебры, а въ другой — по одной же задачѣ изъ геометріи и тригонометріи, съ надлежащимъ краткимъ разъясненіемъ каждой задачи,

при чемъ задачи эти должны быть выбраны такъ, чтобъ онѣ не требовали отъ испытываемаго особой изобрѣтательности, или, наконецъ, трехъ же часовъ сряду, не считая времени на диктовку подлежащихъ переводу отрывковъ, для перевода съ русскаго на латинскій статьи, заключающей въ себѣ приблизительно 74 разгонисто писанныхъ строки по 19 или 20 буквъ въ каждой (считая вмѣстѣ съ данными латинскими словами, всего омоло 1400 буквъ; таковъ именно былъ объемъ латинской темы въ Московскомъ учебномъ округѣ въ 1873 г.), и для обнаруженія въ этомъ переводѣ твердаго знанія грамматики и нѣкотораго навыка въ выборѣ, сочетаніи и расположеніи словъ соотвѣтственно характеру латинскаго языка? Едва-ли возможно утверждать, что пятичасовой работы по русскому сочиненію, шестичасовой надъ рѣшеніемъ четырехъ задачъ по одной изъ каждаго отдѣла начальной математики и трехчасовой надъ переводомъ съ русскаго на латинскій недостаточно для того, чтобы опредѣлить количество и качество познаній по этимъ предметамъ и степень умственной развитости ученика, оканчивающаго курсъ гимназическаго ученія. А если означеннаго времени достаточно для указанной цѣли, то зачѣмъ было бы подвергать учениковъ болѣе продолжительному письменному испытанію по каждому изъ этихъ предметовъ? Назначеніе болѣе продолжительнаго времени на письменныя испытанія неминуемо влонило бы къ тому, что и темы, и задачи для письменныхъ испытаній предлагались бы болѣе сложныя и болѣе трудныя, чѣмъ требуется для удостовѣренія въ познаніяхъ и въ степени умственной развитости учениковъ. При выборѣ темъ и задачъ рѣшительно необходимо соображаться съ тѣмъ временемъ, которое назначено на ихъ выполненіе или рѣшеніе, и при соблюденіи этого условія время, назначенное на письменныя испытанія, отнюдь не окажется краткимъ. Но, повидимому, условіе это не было вполне соблюдено именно въ тѣхъ учебныхъ округахъ, въ которыхъ время, назначенное на письменныя испытанія, признается слишкомъ краткимъ. Къ такому заключенію приводятъ, по крайней мѣрѣ, нижеслѣдующія замѣчанія профессора Любимова о математическихъ задачахъ по Московскому учебному округу. „Задачи эти“,—говоритъ почтенный ученый,—„если и не были особенно трудны, то во всякомъ случаѣ по ариметикѣ и геометріи вели къ сложнымъ вычисленіямъ съ большими числами, а по алгебрѣ и тригонометріи нуждались въ разъясненіи, будучи выражены не довольно опредѣлительно. Длинные вычисленія арифметической и геометрической задачъ, требующія и отъ опытнаго матема-

тика довольно значительнаго времени, не могли не затруднить", — прибавляетъ онъ, — „экзаменующаго въ виду срочности работы и при нѣкоторомъ, естественно, ненормальномъ состояніи духа... Алгебраическая задача, вообще удачная, имѣетъ тотъ недостатокъ, что она въ той формѣ, какъ выражена, можетъ быть рѣшена безъ всякаго составленія уравненія, простымъ расчетомъ арифметическимъ, что и догадались сдѣлать два ученика, весьма впрочемъ плохіе... Въ тригонометрической задачѣ выраженіе: „уголъ противъ *меньшей* стороны“ (по опискѣ, какъ можно полагать, вмѣсто *третьей*) подало поводъ къ естественнымъ недоумѣніямъ“. Вотъ въ этихъ-то и подобныхъ имъ случайныхъ недостаткахъ предложенныхъ задачъ и заключается главная причина обнаружившагося недостатка времени для письменнаго ихъ рѣшенія; но подобные недостатки должны быть тщательно избѣгаемы на будущее время, и тогда времени, назначеннаго на письменныя испытанія, окажется вполне довольно. Если и было бы признано, въ томъ или другомъ случаѣ, необходимымъ удостовѣриться въ умѣньи учениковъ справиться съ большими вычислениями и если бы подобное удостовѣреніе оказалось неудобнымъ произвести на устномъ испытаніи, то для этой именно цѣли достаточно было бы назначить одну письменную задачу, двухъ же задачъ для подобной цѣли слишкомъ много. Вообще нельзя не пожелать, чтобы выборъ темъ и задачъ былъ всегда строго сообразуемъ какъ съ силами учениковъ, такъ и со временемъ, назначеннымъ на каждое изъ письменныхъ испытаній.

Относительно степени тщательности просмотра письменныхъ работъ учениковъ въ самихъ испытательныхъ комиссіяхъ, въ разсматриваемыхъ отчетахъ имѣется лишь весьма не много указаній. Собственно говоря, только въ Московскомъ учебномъ округѣ было обращено вниманіе на эту важную сторону дѣла, или лучше сказать, сообщены о ней замѣчанія въ отчетѣ, да еще по Одесскому учебному округу какъ бы случайно замѣчено, что оцѣнка математическихъ задачъ въ Симферопольской гимназій сдѣлана преподавателемъ ея не только правильно, но и обстоятельно. Свѣдѣнія, сообщенныя по этой части въ отчетѣ Московскаго учебнаго округа, представляя внимательное и заботливое отношеніе къ дѣлу членовъ попечительскаго совѣта, указываютъ въ этомъ отношеніи на недостатки, устраненіе коихъ рѣшительно необходимо. Такъ, профессоръ Любимовъ замѣчаетъ: „Значительную часть отзывовъ преподавателей (о письменныхъ работахъ учениковъ по математикѣ) нельзя считать удовлетворяю-

щю требованіямъ § 56 Правилъ, предписывающаго самое внимательное разсмотрѣніе отвѣтовъ. Просмотръ вообще поспѣшенъ, иногда небреженъ; исправленіе ошибокъ встрѣчается рѣдко; не видно, чтобы просмотръ дѣлался систематически и чтобы просматривающій имѣлъ передъ глазами имъ самимъ сдѣланное полное разрѣшеніе задачи, съ которымъ бы сличалъ ученическую работу. Отзвы обыкновенно очень кратки (удовлетворительно, удовлетворяетъ требованіямъ § 67, ходъ рѣшенія вѣренъ и т. п.). Сравнительно болѣе подробный просмотръ можно замѣтить въ Калужской и Костромской, а также и въ 5-й Московской гимназіяхъ. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ отзывы дѣлались заравъ о всей совокупности отвѣтовъ и притомъ какимъ-нибудь краткимъ выраженіемъ... Сколько можно судить, участіе другихъ членовъ комиссіи въ разсмотрѣніи отвѣтовъ было въ большей части случаевъ пассивное и ограничивалось въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ простою подписью согласія съ мнѣніемъ преподавателя. Отдѣльныя замѣчанія очень рѣдки“.

Еще обстоятельнѣе говорить о просмотрѣ и оцѣнкѣ сочиненій по русскому языку профессоръ Буслаевъ, ограничившись, къ сожалѣнію, только этою стороною дѣла и не сказавъ почти ни слова о достоинствѣ самихъ сочиненій. При этомъ нельзя не выразить нѣкотораго сожалѣнія и о томъ, что почтенный профессоръ взглянулъ на дѣло съ неправильной точки зрѣнія и поставилъ себя съ самаго начала въ какое-то отрицательное, критическое отношеніе къ нѣкоторымъ статьямъ утвержденныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія Правилъ объ испытаніяхъ. Профессору прежде всего не нравится, что письменныя работы учениковъ, удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости, подлежатъ еще разсмотрѣнію попечительскаго совѣта: онъ видитъ въ этомъ не только контроль (вполнѣ законный, разумный и необходимый) по отношенію къ важнѣйшему акту внутренней жизни гимназій, соединенному съ присвоеніемъ весьма важныхъ государственныхъ правъ,—контроль, который можетъ имѣть благотворное вліяніе какъ на правильное производство самихъ испытаній, такъ и на существенное улучшеніе самого учебнаго дѣла въ гимназіяхъ,—но еще и какую-то стѣснительную, внушенную духомъ недовѣрія, опеку надъ наставниками гимназій, и поэтому говоритъ: „Можно ли было бы возлагать какую-нибудь надежду на гимназическихъ наставниковъ, если бы предположить, что надъ ними нужна опека даже въ такомъ дѣлѣ, какъ оцѣнка ученическаго сочиненія“? Но почтенному профессору, конечно, не безызвѣстно, что опека учреждается надъ несовер-

неспособными и вообще надъ лицами, которыя признаются неспособными не только распоряжаться другими и рѣшать ихъ участь, но и распоряжаться самими собою съ полною самостоятельностью, а между тѣмъ гимназическимъ наставникамъ предоставлено нинѣ окончательно и безповоротно рѣшать участь молодыхъ людей, желающихъ приобрѣсти аттестатъ или свидѣтельство зрѣлости, безъ повѣрки даже познаній сихъ послѣднихъ при поступленіи ихъ въ университетъ, какъ было доселѣ. Такое ли вполнѣ самостоятельное и независимое положеніе гимназическихъ наставниковъ, коимъ они доселѣ не пользовались, можно обозначать именемъ опеки? А что они, какъ и всякое самостоятельное лицо, должны нести полную отвѣтственность за свои самостоятельныя дѣйствія по службѣ и должны подлежать въ этомъ отношеніи контролю высшей мѣстной учебной власти, это лежитъ въ самой природѣ вещей. Отъ контроля и отъ отвѣтственности за свои дѣйствія никто изъ должностныхъ лицъ, какъ бы ни было высоко его положеніе, не освобождается, не можетъ быть освобожденъ и не можетъ желать освобожденія, если онъ дѣйствуетъ по совѣсти. Въ контролѣ вообще, и особенно въ той формѣ, въ какой онъ установленъ въ данномъ случаѣ, рѣшительно нѣтъ ничего ни стѣснительнаго, ни оскорбительнаго, ибо онъ даже не влечетъ за собою отѣны рѣшенія, принятаго однажды гимназическими наставниками, входившими въ составъ испытательной комиссіи (если въ ней самой не возникло разногласія), слѣдовательно, нисколько не умаляетъ ихъ авторитета, а только можетъ служить на будущее время къ устраненію или недоразумѣній, или упущеній, или наконецъ, злоупотребленій, возможныхъ по несчастію и въ такой высокой по умственному и, въ большинствѣ случаевъ, также по нравственному развитію средѣ, какъ педагогическое сословіе гимназій. Впрочемъ, контроль въ этомъ отношеніи, или иначе, просмотръ ученическихъ работъ, сдѣланныхъ на испытаніяхъ зрѣлости, въ высшей педагогической инстанціи округа необходимъ не только для предупрежденія или устраненія на будущее время недоразумѣній, упущеній или злоупотребленій, но столько же и еще болѣе для оцѣнки этою инстанціей результатовъ, достигаемыхъ ученіемъ въ различныхъ гимназіяхъ, и надлежащаго направленія учебнаго въ нихъ дѣла въ будущемъ, для чего необходимо, конечно, не ограничиваться лишь тою стороною дѣла, на которую исключительно обратилъ свое вниманіе г. Буслаевъ, а поинтересоваться также и успѣхами самихъ учениковъ, какъ то сдѣлали въ своихъ отзывахъ П. М. Леонтьевъ и Н. А. Любимовъ.

Въ этихъ послѣднихъ видахъ главнѣйше и установленъ разсматриваемый здѣсь контроль.

Впрочемъ, установленіе это свойственно не одной Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Пруссіи, напримѣръ, возлагаются на гимназическихъ наставниковъ не меньшія надежды, и эти ваставники заслуживаютъ довѣрія не меньше, чѣмъ и у насъ въ Россіи, и однако же тамъ не только испытанія зрѣлости происходят не иначе, какъ подъ предсѣдательствомъ назначаемаго отъ министра народнаго просвѣщенія правительственнаго комиссара, но и ученическія работы, сдѣланныя на испытаніяхъ зрѣлости, препровождаются на разсмотрѣніе въ ближайшую высшую учебную инстанцію, которой предоставлено производить испытанія на званіе учителей гимназій и которая по большей части состоитъ изъ опытныхъ и ученѣйшихъ профессоровъ мѣстнаго университета, именно въ Wissenschaftliche Prüfungs-Commission, послѣ того, какъ эти работы и всѣ протоколы письменнаго и устнаго испытанія разсмотрѣны въ Provinzial-Schul-Collegium, соответствующемъ до нѣкоторой степени нашему учебно-окружному управленію, а результаты разсмотрѣнія научно-испытательною комиссіей сообщаются ежегодно для свѣдѣнія министру народнаго просвѣщенія и для руководства отдѣльнымъ гимназіямъ ¹⁾).

Но г. Буслаевъ, сѣтуя на установленную будто бы правилами опеку надъ гимназическими наставниками, самъ представляетъ ихъ себѣ дѣйствительно людьми, неспособными къ самостоятельности, ибо, по его мнѣнію, контроль попечительскаго совѣта дѣлаетъ экзаменаторовъ, при оцѣнкѣ письменныхъ ученическихъ работъ робкими, боязливыми за себя и чрезъ то придирчивыми къ ученикамъ. Чтò это такое, какъ не предположеніе въ экзаменаторахъ отсутствія самостоятельности характера, способности дѣйствовать по своему собственному убѣжденію въ дѣлѣ столь простомъ, какъ оцѣнка ученическихъ сочиненій, на основаніи притомъ ясно и опредѣлительно установленныхъ признаковъ ихъ удовлетворительности или неудовлетворительности, и готовности нести полную отвѣтственность за свои дѣйствія? Если бы наши гимназическіе наставники дѣйствительно страдали отсутствіемъ всѣхъ этихъ качествъ, необходимыхъ для всякаго зрѣлаго и развитаго человѣка вообще, а для общественнаго дѣятеля и притомъ на-

¹⁾ См. §§ 45, 46, 47 и 48 на стр. 49 — 52 брошюры: «Das Preussische Abiturienten-Prüfungs-Reglement vom 4 Juni 1834, mit den späteren Abänderungen, Ergänzungen und Erläuterungen. Berlin. 1869. Zweite Auflage.

ставника юношества въ особенности, тогда въ самомъ дѣлѣ на нихъ мало могло бы быть надежды по отношенію къ вѣренному имъ воспитанію и обученію юношества; но г. Буслаевъ несомнѣнно ошибается, приписывая всѣмъ вообще наставникамъ такую боязливость за себя и таковой страхъ отвѣтственности за свои дѣйствія передъ начальствомъ. Если нѣкоторые изъ нихъ, какъ видно изъ отчета самого г. Буслаева, и дали довольно странныя и курьезныя отзывы о разсмотрѣнныхъ ими ученическихъ сочиненіяхъ, то объясненія этимъ отзывамъ слѣдуетъ искать въ чемъ-либо другомъ, а отнюдь не въ боязливости за себя. Да и дѣйствительно, до какой степени были бы неосновательны съ ихъ стороны подобныя опасенія, можно видѣть уже изъ того, что во всѣхъ, бывшихъ въ 1873 г., случаяхъ разногласія въ испытательныхъ комиссіяхъ попечительскіе совѣты и вообще высшія мѣстныя учебныя начальства всякій разъ, за исключеніемъ одного лишь случая, высказывались въ пользу учениковъ, о коихъ возникало разногласіе, да и въ самихъ экзаменаторахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, преобладала скорѣе наклонность къ излишней снисходительности, нежели къ строгости.

Но г. Буслаевъ въ своемъ критическомъ отношеніи къ новымъ правиламъ объ испытаніяхъ идетъ еще далѣе. Онъ находитъ, что и самыя требованія отъ сочиненій на русскомъ языкѣ, изложенныя въ п. б. § 67, страдаютъ, такъ-сказать, разнохарактерностью, вслѣдствіе чего будто бы „эти различныя точки зрѣнія на предметъ, по мѣрѣ требовательности, ставятъ экзаменаторовъ въ затрудненіе, которое невыгодно отзывается на судьбѣ экзаменуемыхъ“, при чемъ самъ г. Буслаевъ не совсѣмъ точно и вѣрно передаетъ эти требованія. Посмотримъ, нѣтъ ли и въ самомъ дѣлѣ въ этихъ требованіяхъ, выраженныхъ въ п. б. § 67, чего-либо излишняго или преувеличеннаго, не предписывается ли ими разсматривать сочиненіе съ какой-либо такой точки зрѣнія, съ которой не слѣдуетъ разсматривать сочиненіе ученика, желающаго поступить въ университетъ и обнаружить достаточную для этого умственную зрѣлость. Дабы вѣрно судить объ этихъ требованіяхъ, необходимо предварительно обратить вниманіе на § 51, въ которомъ сказано, между прочимъ: „Тема для русскаго сочиненія должна быть избираема такъ, чтобы предметъ темы не могъ не быть по силамъ ученикамъ, успѣшно пропедшимъ весь гимназическій курсъ ученія, и чтобы ученики могли имѣть о немъ собственное сужденіе“, то-есть, очевидно, предметъ этой темы долженъ быть близко и хорошо извѣстенъ ученикамъ изъ пройденнаго ими въ гим-

назін курса и такой, о которомъ они имѣли поводъ и случай сами подумать. Что же за тѣмъ требуется отъ сочиненія, написаннаго на подобную тему? 1) Чтобъ она была правильно понята въ главнѣйшихъ частяхъ своихъ. Не излишне ли это требованіе? Нельзя ли было бы признать сочиненіе ученика удовлетворительнымъ и въ томъ случаѣ, если бы онъ даже и въ главнѣйшихъ частяхъ неправильно понялъ, или вовсе не понялъ данной ему темы по предмету хорошо и близко ему извѣстному? Надобно полагать, что и самъ почтенный профессоръ, при всей своей снисходительности, призналъ бы такое сочиненіе неудовлетворительнымъ. Итакъ, первое требованіе п. б. § 67—совершенно необходимо, ибо нельзя же къ содержанію сочиненія, даже и ученическаго, отнестись, какъ къ вещи посторонней и безразличной при оцѣнкѣ удовлетворительности или неудовлетворительности сочиненія. 2) Требуется, чтобъ ученикъ, излагая свою тему, правильно имъ понятую, во крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ частяхъ ея, выражалъ свои мысли ясно и опредѣленно. Неужели г. Буслаевъ призналъ бы сочиненіе даже и ученика, поступающаго въ университетъ, удовлетворительнымъ, еслибъ этотъ ученикъ не умѣлъ выражать свои мысли ясно и опредѣленно и написалъ нѣчто такое, чего нельзя въ точности понять? 3) Требуется, чтобъ ученикъ умѣлъ выражать свои мысли послѣдовательно. Нельзя ли было бы отказаться хотя отъ этого требованія и признавать, что ученикъ, не умѣющій выражать свои мысли въ надлежащей логической связи, тѣмъ не менѣе пригоденъ для университета? Но въ чемъ же былъ бы и плодъ этого не легкаго 8-лѣтняго ученія, въ которомъ на первомъ планѣ стоятъ древніе языки и математика, еслибъ оно не доводило ученика, вообще старательнаго и не лишеннаго вовсе способностей, до умѣнья послѣдовательно мыслить о предметѣ, близко и хорошо ему извѣстномъ, понимать взаимную связь и зависимость мыслей и излагать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ естественно слѣдуютъ другъ за другомъ и истекаютъ другъ изъ друга. Въ послѣдовательномъ изложеніи мыслей онъ долженъ былъ постоянно упражняться, въ теченіе всего учебнаго курса, на всѣхъ урокахъ по всѣмъ предметамъ и во всѣхъ письменныхъ своихъ работахъ, упражняясь постоянно и преимущественно на урокахъ по древнимъ языкамъ и въ томъ, чтобы даже до тонкости понимать внутреннюю связь мыслей и слѣдить за всѣми отгѣнками выраженія этой связи,—и вдругъ въ то самое время, когда онъ достигъ предверія университета—испытанія зрѣлости, ему говорятъ, что послѣдовательность въ изложеніи мыслей—дѣло не важ-

часть СЛХХІІІ, отд. 1.

ное, что сочиненіе его будетъ удовлетворительно, если въ немъ не будетъ надлежащей связи между мыслями, и онѣ будутъ разбросаны кое-какъ, въ беспорядкѣ. Устраненіе этого третьяго требованія, выраженнаго въ п. 6. § 67, состояло бы по истинѣ въ вопіющемъ противорѣчій съ основнымъ требованіемъ всякаго ученія вообще и гимназическаго ученія въ особенности. 4) Дальнѣйшее требованіе относится къ правильности языка и внушаетъ ученику избѣгать по крайней мѣрѣ такихъ ошибокъ, которыя свидѣтельствуютъ о малограмотности. Требованіе это до такой степени скромно и естественно, что съ нимъ, вѣроятно, мирится и самъ г. Вуслаевъ. Наконецъ, 5) въ стилистическомъ отношеніи заявляется лишь одно требованіе, чтобы сочиненіе было изложено языкомъ, соответственнымъ предмету. Правда, современные наши журнальные и газетные писатели то-и-дѣло погрѣшаютъ противъ этого требованія, употребляя не только другъ о другѣ, но и о лицахъ и предметахъ, заслуживающихъ несравненно большаго уваженія, самыя площадныя выраженія; но почтенный нашъ профессоръ, въ томъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, нисколько не сочувствуетъ подобному тону извѣстной части нашей газетной и журнальной литературы, и потому рѣшительно ничего не можетъ имѣть противъ требованія, чтобы ученики выражались соответственнымъ предмету своего сочиненія языкомъ. Затѣмъ никакихъ другихъ требованій въ стилистическомъ отношеніи къ нимъ не предъявляется: ни о плавности и благозвучіи рѣчи, ни о легкости и разнообразіи оборотовъ, ни объ оживленности и образности изложенія, ни о какомъ-либо другомъ его изяществѣ нѣтъ и помину. Правильно понять тему, ясно и опредѣленно выражать свои мысли, послѣдовательно ихъ излагать и притомъ языкомъ правильнымъ и соответственнымъ предмету, — далѣе этого не идутъ требованія новыхъ правилъ, истекающія всѣ изъ одного и того же возрѣнія, что сочиненіе, которое не удовлетворяетъ и этимъ основнымъ и существеннымъ требованіямъ, не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, и ученикъ, не соответствующій даже и этимъ требованіямъ, еще не созрѣлъ для университетскаго ученія. Какъ и почему эти требованія могли затруднять экзаменаторовъ при оцѣнкѣ ученическихъ сочиненій, этого не поясняетъ намъ г. Вуслаевъ; изъ приводимыхъ же имъ отзывовъ нѣкоторыхъ экзаменаторовъ явствуетъ только то, что они предпочли не сообразоваться съ этими требованіями, а идти несравненно далѣе ихъ. Но обратимся къ этимъ самымъ отзывамъ.

Порядокъ и самый образъ разсмотрѣнія письменныхъ работъ учениковъ въ точности опредѣленъ § 56-мъ Правилъ объ испытаніяхъ. Согласно съ этимъ §, письменныя работы учениковъ прежде всего поступаютъ на разсмотрѣніе преподавателя предмета въ VII классѣ; преподаватель замѣченныхъ имъ ошибки долженъ исправить на поляхъ цвѣтными чернилами и затѣмъ на самой же работѣ обстоятельно изложить свое мнѣніе о томъ, въ какой мѣрѣ она соответствуетъ требованіямъ, изложеннымъ въ § 67 (изъ коихъ требованія относительно русскаго сочиненія приведены выше), а также, буде это работа ученика гимназій, въ какомъ отношеніи она находится къ прежнимъ работамъ и вообще къ успѣхамъ этого ученика въ предметѣ. Затѣмъ ту же работу разсматриваетъ каждый изъ членовъ испытательной комиссіи по тому же предмету и на ней же излагаетъ свое мнѣніе о ней; по окончаніи же испытаній, работы эти передаются депутату отъ высшаго учебнаго начальства, или, если таковой не былъ назначенъ, прямо представляются попечителю учебнаго округа.

Изъ замѣчаній г. Буслаева оказывается, что во многихъ случаяхъ предписанія эти не были въ точности исполняемы. Такъ, далеко не всѣ преподаватели исправляли замѣченныя ими ошибки, а ограничивались только подчеркиваніемъ ихъ. Въ русскихъ сочиненіяхъ, безъ сомнѣнія, могутъ встрѣчаться такого рода погрѣшности, исправленіе которыхъ было бы равносильно передѣлѣ всего сочиненія, чего, конечно, нельзя требовать отъ преподавателя; но необходимо, чтобы при погрѣшностяхъ такого рода преподаватель отмѣтилъ такія мѣста, вкратцѣ объяснилъ на полѣ, въ чемъ заключаются погрѣшности, что и было исполняемо нѣкоторыми, но далеко не всѣми. Далѣе, въ однихъ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа всѣ члены испытательной комиссіи излагали свои мнѣнія, и притомъ, по замѣчанію г. Буслаева, или слишкомъ подробно, или слишкомъ кратко, въ другихъ же только самъ преподаватель, прочіе же члены лишь заявляли свое согласіе съ нимъ; счастливую средину въ этомъ отношеніи представляетъ только Рязанская гимназія, гдѣ мнѣнія членовъ взаимно исполняютъ другъ друга. Очевидно, что именно этотъ примѣръ и заслуживаетъ общаго подражанія, если нѣтъ поводовъ къ разногласію съ другими, уже высказанными мнѣніями. Но наиболѣе важнымъ изъ замѣченныя профессоромъ Буслаевымъ недостатковъ слѣдуетъ признать тотъ, что нѣкоторые изъ членовъ испытательныхъ комиссій недостаточно сообразовались съ требованіями, изложенными въ п. 6.

§ 67, и шли далеко за эти предѣлы. Такъ, однимъ изъ преподавателей было замѣчено: „Недостатки сочиненія заключаются въ томъ, что оно не отличается полнотою изслѣдованія и глубиною взгляда на предметъ“; другой сѣтуетъ на тяжеловатость слога и на тугое развитіе мысли въ разсмотрѣнномъ имъ сочиненіи; третій требуетъ легкости языка и свободы оборотовъ, а одинъ инспекторъ гимназій даже замѣтилъ о разсмотрѣнномъ имъ сочиненіи, что оно „не есть продуктъ зрѣлаго мышленія, а только отпечатокъ минутнаго вдохновенія“. Впрочемъ, какъ ни странны нѣкоторыя изъ этихъ требованій, они оставались только требованіями и не оказывали вліянія на признаніе удовлетворительными тѣхъ сочиненій, которыя не соотвѣтствовали этимъ требованіямъ.

Что касается до оцѣнки какъ русскихъ сочиненій, такъ и другихъ письменныхъ работъ на испытаніяхъ 1873 года, и до дѣйствительнаго ихъ достоинства, то свѣдѣнія по этой части удобнѣе обозрѣть впоследствии; теперь же обращаемся къ разсмотрѣнію общихъ результатовъ испытаній на основаніи статистическихъ таблицъ, помѣщаемыхъ въ приложеніи 2-мъ въ концѣ этой статьи.

Всѣхъ, изъявившихъ желаніе подвергнуться испытанію зрѣлости, было въ 1878 году — 1.181, въ томъ числѣ учениковъ 78-и правительственныхъ гимназій 881 (отъ 11-и до 12-и на каждую гимназію), учениковъ трехъ училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій—26 (по 13-и на каждое училище), учениковъ 9-и частныхъ гимназій—70 (отъ 7-и до 8-и на каждую) и наконецъ, постороннихъ лицъ, коимъ испытаніе производится въ правительственныхъ гимназіяхъ—204 (отъ 2-хъ до 3-хъ на каждую). Такимъ образомъ въ общемъ числѣ желавшихъ подвергнуться испытанію зрѣлости ученики правительственныхъ гимназій составляли 74,6%, ученики трехъ церковныхъ училищъ (всѣ три въ С.-Петербургѣ) и частныхъ гимназій (изъ коихъ 6 въ С.-Петербургѣ, 1 въ Москвѣ и 2 въ Одессѣ)—8,2% и наконецъ, постороннія лица—17,2%; всего же испытанію въ правительственныхъ гимназіяхъ подлежали 1.085 лицъ (или 91,8%); а въ церковныхъ и частныхъ гимназіяхъ—96 (или 8,2%). Изъ каждаго ста лицъ, долженствовавшихъ экзаменоваться въ правительственныхъ гимназіяхъ, нѣсколько болѣе 18 было постороннихъ и нѣсколько менѣе 82 — ученики самихъ этихъ гимназій. По сравненію съ другими странами, какъ, напримѣръ, съ Пруссіей, число постороннихъ лицъ, ищущихъ свидѣтельства зрѣлости, оказывается у насъ значительно большимъ: тамъ постороннія лица, подвергающіяся испытанію

зрѣлости, считаются лишь единицами, много десятками, а у насъ ихъ болѣе 200. По учебнымъ округамъ число такихъ постороннихъ лицъ было, сравнительно съ числомъ учениковъ самихъ гимназій, наиболѣе значительно: въ Харьковскомъ (52), затѣмъ въ Одесскомъ (16), въ С.-Петербургскомъ (26) и въ Казанскомъ (50); наименѣе же значительно въ округахъ: Кіевскомъ (26), Московскомъ (31) и Виленскомъ (3), не считая обѣихъ частей Сибири и Рязи, гдѣ не было ни одного посторонняго въ числѣ экзаменующихся. Такимъ образомъ, въ общемъ числѣ лицъ, заявившихъ желаніе экзаменоваться въ гимназіяхъ соответственнаго округа, постороннія лица составляли: въ Харьковскомъ округѣ почти 33%, въ Одесскомъ — 25%, въ С.-Петербургскомъ—23% и въ Казанскомъ—20%, и напротивъ, въ Кіевскомъ учебномъ округѣ—14%, въ Московскомъ—12%, а въ Виленскомъ всего 4%. Причины столь неравномѣрнаго распредѣленія по округамъ постороннихъ лицъ, ищущихъ гимназическаго свидѣтельства зрѣлости, должны быть весьма разнообразнаго свойства, и во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ быть въ точности опредѣлены на основаніи данныхъ одного лишь года; но можно быть увѣрену, что съ теченіемъ времени, по мѣрѣ упроченія нынѣшней учебной системы, число постороннихъ лицъ, являющихся къ испытанію зрѣлости, будетъ уменьшаться, и напротивъ число лицъ, прошедшихъ отъ начала до конца весь гимназическій курсъ въ самихъ гимназіяхъ, будетъ увеличиваться.

Сами ученики правительственныхъ гимназій, заявившіе о своемъ желаніи подвергнуться испытанію зрѣлости, по § 2 Устава и на основаніи § 40 Правилъ объ испытаніяхъ, раздѣляются на двѣ категоріи: учениковъ старшаго отдѣленія VII класса и учениковъ младшаго отдѣленія VII класса, обучавшихся лишь одинъ годъ въ этомъ классѣ. Изъ послѣднихъ только тѣ имѣютъ право заявлять своему директору о желаніи своемъ подвергнуться испытанію зрѣлости, которые при переходѣ изъ VI класса въ VII имѣютъ не менѣе 4½, въ среднемъ выводѣ изъ отмѣтокъ по обоимъ древнимъ языкамъ, по математикѣ и по русскому языку, при неимѣннн изъ одного изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности менѣе 4-хъ, и не менѣе 4-хъ въ среднемъ выводѣ изъ прочихъ предметовъ, при неимѣнннн изъ одного предмета неудовлетворительной отмѣтки (менѣе 3-хъ),—словомъ, отличнѣйшіе по своимъ способностямъ и успѣхамъ ученики. Такихъ въ 78-и правительственныхъ гимназіяхъ оказалось въ 1873 году—104 (отъ 1 до 2—1,3—на каждую гимна-

зію). Въ общемъ числѣ учениковъ VII класса, желавшихъ подвергнуться испытанію зрѣлости, они составляли 11,9%. Отношеніе это по различнымъ учебнымъ округамъ представляется въ такомъ видѣ: выше средняго уровня въ этомъ отношеніи стоятъ Восточная Сибирь, гдѣ $\frac{1}{3}$ всѣхъ изъявившихъ желаніе держать испытаніе зрѣлости (2 изъ 6-и) были учениками младшаго отдѣленія, и учебные округа: Казанскій (46 изъ 199-и или слишкомъ 23%) и С.-Петербургскій (13 изъ 84-хъ или слишкомъ 15%), и ниже средняго уровня оказываются Харьковскій и Виленскій округи (гдѣ ученики младшаго отдѣленія, приравненные къ старшему, составляютъ 9,5%), Одесскій (8,5%), Московскій (менѣе 8%), Западная Сибирь (7,7%) и Киевскій округъ (менѣе 4%). Не говоря о Восточной Сибири, гдѣ дѣло идетъ лишь объ одной гимназій, весьма значительное число учениковъ младшаго отдѣленія VII класса, отнесенныхъ къ отличнѣйшимъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ, очевидно, не можетъ считаться чѣмъ-либо нормальнымъ и должно быть объяснено только чрезвычайною снисходительностью при переводѣ учениковъ изъ VI класса въ VII-й. Если, такимъ образомъ, исключить Казанскій округъ вовсе изъ разчета, то окажется, что ученики младшаго отдѣленія VII-го класса, приравненные къ ученикамъ старшаго отдѣленія, составляютъ лишь 8,8% общаго числа, къ чему и подходятъ весьма близко всѣ учебные округа, за исключеніемъ С.-Петербургскаго, который почти вдвое превышаетъ это отношеніе, и Киевскаго, который представляетъ отношеніе слишкомъ вдвое меньшее.

Первый актъ испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ правительственныхъ состоитъ въ тщательномъ разсмотрѣніи, заслуживаютъ ли ученики гимназій по своей нравственной зрѣлости (то-есть, по обнаруженной ими во время пребыванія въ гимназій, и особенно за послѣдніе два года, готовности соблюдать требованія закона и правила доброй нравственности и исполнять какъ слѣдуетъ всѣ ученическія свои обязанности) и по успѣшности своего обученія въ гимназій, а постороннія лица—на основаніи представленныхъ ими документовъ,—заслуживаютъ ли они допущенія къ испытанію въ предметахъ гимназическаго курса, входящихъ въ кругъ испытанія зрѣлости. Разсмотрѣніе это въ 1873 году привело къ нижеслѣдующимъ результатамъ. Изъ 777-и учениковъ старшаго отдѣленія VII-го класса гимназій 13 были признаны нравственно-незрѣлыми въ вышеобъясненномъ смыслѣ этого слова, что составляетъ 1,6%. Значительно болѣе половины всего этого числа (61%) приходится на долю одного Одесскаго

учебнаго округа, а именно 8 изъ 43-хъ, что составляетъ 18,6⁰/₀; нѣсколько менѣе $\frac{1}{4}$ —на долю Московскаго округа, а именно 3 изъ 198-хъ или 1,5⁰/₀, и наконецъ, по 1 придется на долю С.-Петербургскаго и Виленскаго округовъ. Въ сужденіяхъ педагогическихъ совѣтовъ гимназій о нравственной зрѣлости учениковъ старшаго отдѣленія VII-го класса, очевидно, вездѣ, за исключеніемъ развѣ одного Одесскаго округа, преобладала чрезвычайная снисходительность, въ отчетѣ же по Одесскому учебному округу замѣчено, что недопущеніе къ испытанію зрѣлости нѣсколькихъ учениковъ, пропустившихъ значительное число уроковъ безъ всякой уважительной причины, произвело сильное впечатлѣніе на прочіихъ учениковъ VII-го класса, такъ что на будущее время можно ожидать значительнаго улучшенія въ этомъ отношеніи.

Изъ учениковъ младшаго отдѣленія, имѣвшихъ право заявить о своемъ желаніи держать экзаменъ, слѣдовательно, лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ, недостаточно зрѣлыми частію физически, частію нравственно, были признаны въ 1873 г. только 7 человекъ (по два въ округахъ Казанскомъ и Харьковскомъ и по одному въ округахъ Одесскомъ, Киевскомъ и Виленскомъ), что составляетъ 6,7⁰/₀ лицъ этой категоріи.

Далѣе, не были допущены къ испытанію зрѣлости по малоуспѣшности въ теченіе года: изъ учениковъ старшаго отдѣленія 67 въ правительственныхъ гимназіяхъ, 1 въ церковныхъ училищахъ и 4 въ частныхъ гимназіяхъ,—всего 72 человека, а изъ учениковъ младшаго отдѣленія VII класса—18, при чемъ должно замѣтить, что для допущенія къ испытанію зрѣлости учениковъ младшаго отдѣленія требуется имѣть въ среднемъ выводѣ изъ годовичныхъ отмѣтокъ по обоимъ древнимъ языкамъ и математикѣ не менѣе $4\frac{2}{3}$, а по каждому изъ прочіихъ предметовъ не менѣе 4, и такимъ требованіямъ изъ 104 человекъ не удовлетворили только 18 или 17,3⁰/₀, тогда какъ въ старшемъ отдѣленіи оказались малоуспѣшными 67 изъ 777 или 8,6⁰/₀. Только въ Восточной Сибири всѣ гимназисты и старшаго и младшаго отдѣленій оказались удовлетворившими требованіямъ относительно успѣховъ для допущенія къ испытанію зрѣлости, и точно тоже оказалось въ Западной Сибири и въ Одесскомъ округѣ по отношенію къ ученикамъ младшаго отдѣленія. Затѣмъ вездѣ процентъ не удовлетворившихъ требованіямъ относительно успѣшности значительно больше между учениками младшаго отдѣленія, нежели между учениками старшаго отдѣленія, за исключеніемъ лишь С.-Петербургскаго

округа, въ которомъ эти отношенія выражаются числами 15,2% для младшаго и нѣсколько менѣе 17% для старшаго отдѣленія. Ближе всего подходятъ эти отношенія къ среднему выводу для всѣхъ округовъ въ округѣ Московскомъ (7,7% для старшаго отдѣленія, то же и въ западной Сибири, и 18,7% для младшаго); *maximum* не допущенныхъ къ испытанію зрѣлости по недостаточности успѣховъ представляетъ Харьковскій округъ (17,8% для старшаго и 40% для младшаго отдѣленій), *minimum* же — Казанскій округъ (менѣе 6% для старшаго и 10,3% для младшаго отдѣленія) и Одесскій (менѣе 5% для старшаго отдѣленія); наконецъ въ Виленскомъ и Киевскомъ округахъ по 33,3% для младшаго отдѣленія, а для старшаго въ первомъ изъ нихъ 3,5%, а во второмъ 6,2%. Такимъ образомъ частію по недостаточной зрѣлости, частію по недостаточной успѣшности, не были допущены къ испытанію изъ 777 учениковъ старшаго отдѣленія 80 (10,3%) и изъ 104 учениковъ младшаго отдѣленія 25 (24%), а вообще изъ 881 ученика обоихъ отдѣленій — 105 или 11,9%.

Что же касается до постороннихъ, то изъ нихъ были устранены отъ испытанія: двое какъ бывшіе ученики гимназій, которые, оставаясь въ гимназій, не могли бы еще окончить въ нихъ полнаго восьмилѣтняго курса (1 въ С.-Петербургскомъ и 1 въ Киевскомъ округѣ); двое же (оба въ Московскомъ округѣ) какъ лица, коимъ къ 15-му августа 1873 г. не исполнилось бы еще и 17-и лѣтъ, положенныхъ для поступленія въ университетъ, и наконецъ, четверо (2 въ Харьковскомъ и по 1 въ Одесскомъ и Киевскомъ округахъ) какъ лица, которыя на основаніи представленныхъ ими свидѣтельствъ, прошеній и собственнаго жизнеописанія, очевидно, не могли быть признаны зрѣлыми, — всего же 8 человекъ изъ 204 или 3,9%.

Затѣмъ уже по наступленіи испытаній зрѣлости, было отсрочено испытаніе на годъ по болѣзни 3-мъ гимназистамъ, 5-и постороннимъ лицамъ и 1 ученику частной гимназій, всего 9-и лицамъ. Вовсе не было заболѣвшихъ въ округахъ Московскомъ, Киевскомъ, Виленскомъ, въ обѣихъ частяхъ Сибири и въ Ригѣ, равно какъ и въ правительственныхъ гимназійхъ и церковныхъ училищахъ С.-Петербургскаго округа; наибольшее число заболѣвшихъ (1 гимназистъ и 4 постороннихъ лица) было въ Казанскомъ округѣ, затѣмъ 1 гимназистъ и 1 посторонній въ Харьковскомъ округѣ и наконецъ, по 1-му въ С.-Петербургскомъ (въ частной гимназій) и въ Одесскомъ округѣ. Такое благоприятное явленіе, какового не представляли прежнія выпуск-

ныя испытанія, объясняется прежде всего тѣмъ, что по п. и § 55 Правиль, испытаніе должно быть непременно окончено въ теченіе назначенныхъ для него послѣднихъ 4-хъ недѣль учебнаго года, или же оно откладывается на годъ, тогда какъ прежде допускались доэкзаменовки и переэкзаменовки и въ августѣ мѣсяцѣ, въ началѣ новаго учебнаго года.

Наконецъ, испытаніе было отсрочено на годъ тремъ гимназістамъ (всѣ три въ 1-й и 2-й Кіевскихъ гимназіяхъ) и двумъ постороннимъ (по 1-му въ Казанскомъ и Харьковскомъ округахъ) на основаніи п. і § 55, то-есть, вслѣдствіе упорнаго несоблюденія требованій наблюдателя при письменномъ испытаніи, или вслѣдствіе пользования при этомъ недозволенными пособіями. Въ прочихъ округахъ такихъ случаевъ не было, или они не были своевременно обнаружены.

Такимъ образомъ изъ 1.181 заявившихъ желаніе подвергнуться испытанію зрѣлости были отъ него устранены по разнымъ причинамъ 133 человѣка (или 11,2⁰/о); сверхъ того, изъ постороннихъ не явились на испытаніе 11, и дѣйствительно подвергались испытанію зрѣлости 1.039 (или вѣрнѣе 1037¹): 948 человѣкъ въ правительственныхъ гимназіяхъ (а именно 691 ученикъ или 72,3⁰/о старшаго отдѣленія, 79 учениковъ или 8,3⁰/о младшаго отдѣленія и 178 или около 19⁰/о постороннихъ), 66 въ частныхъ гимназіяхъ и 25 въ церковныхъ училищахъ.

Наиболѣе благопріятный исходъ для испытуемыхъ имѣло испытаніе въ церковныхъ училищахъ, ибо изъ 25 человѣкъ выдержали испытаніе 23 или 92⁰/о, что отчасти объясняется, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, допущеніемъ послабленій даже по нѣкоторымъ существеннымъ предметамъ; наименѣе же благопріятный исходъ имѣли испытанія въ частныхъ гимназіяхъ, именно въ Одессѣ, гдѣ никто не выдержалъ испытанія, и въ С.-Петербургѣ, тогда какъ въ Москвѣ въ тамошней единственной частной гимназіи (г. Креймана) всѣ выдержали испытаніе: вообще же изъ 66 учениковъ частныхъ гимназій только 21 или 31,8⁰/о удостоены свидѣтельства зрѣлости. Ближе всего въ этому результату подходятъ испытанія постороннихъ лицъ

¹) Эта небольшая погрѣшность произошла отъ того, что двое устраненныхъ отъ испытанія или заболѣвшихъ во время онаго включены тѣмъ же мѣнѣе въ поочетельскихъ отчетахъ въ общее число подвергавшихся испытанію.

въ гимназіяхъ правительственныхъ, ибо изъ 178 человекъ только 57 или 32% получили свидѣтельство зрѣлости. Благопріятнѣе этого средняго вывода оказался процентъ получившихъ свидѣтельства зрѣлости изъ числа постороннихъ лицъ въ округахъ: Виленскомъ (2 изъ 3 или 66,6%), Казанскомъ (20 изъ 47 или 42,7%), Московскомъ (10 изъ 24 или 41,6%); менѣе же благопріятенъ—въ С.-Петербургскомъ (7 изъ 25 или 28%), въ Харьковскомъ (11 изъ 48, или 22,9%) и Кіевскомъ (5 изъ 22 или 22,7%); менѣе же всего благопріятенъ въ Одесскомъ (2 изъ 15 или 13,3%).

Что же касается до учениковъ правительственныхъ гимназій, то въ старшемъ отдѣленіи VII класса почти $\frac{3}{4}$ (74,6% или 516 изъ 691), а въ младшемъ отдѣленіи болѣе $\frac{4}{5}$ (86% или 68 изъ 79) удостоились аттестата зрѣлости. Сравнительно болѣе удовлетворительный исходъ испытанія для учениковъ младшаго отдѣленія VII класса легко объясняется тѣмъ, что изъ сихъ послѣднихъ только лучшіе и способнѣйшіе, послѣ одного года пребыванія въ VII классѣ, могутъ быть допущены къ испытанію зрѣлости и что вслѣдствіе того именно лучшіе и способнѣйшіе, только въ видѣ исключенія изъ правила, могутъ попадать въ старшее отдѣленіе. Болѣе благопріятный для младшаго отдѣленія процентъ выдержавшихъ испытаніе зрѣлости есть явленіе, общее для всѣхъ учебныхъ округовъ, за исключеніемъ лишь Восточной Сибири, гдѣ 4 ученика старшаго отдѣленія удостоились аттестата зрѣлости, а изъ 2 учениковъ младшаго отдѣленія лишь 1 получилъ аттестатъ, и Кіевскаго округа, гдѣ соотвѣтственные данныя суть: для старшаго отдѣленія 105 изъ 135 (или 77,7%), а для младшаго 1 изъ 3 (или 33,3%), въ округахъ же Виленскомъ и Одесскомъ (по 3 ученика), въ Харьковскомъ (4 ученика) и С.-Петербургскомъ (11) всѣ экзаменовавшіеся ученики младшаго отдѣленія удостоились аттестата; въ Московскомъ же округѣ 12 изъ 13-и (или 92,3%), въ Казанскомъ 32 изъ 39 (или 82%) и въ Одесскомъ 3 изъ 6 (50%) получили аттестатъ зрѣлости. Относительно учениковъ старшаго отдѣленія число удостоившихся аттестата зрѣлости стоитъ выше средняго уровня: въ Восточной Сибири и въ Рижской гимназій, гдѣ всѣ удостоились аттестата, затѣмъ въ С.-Петербургскомъ округѣ (87,9%), въ Виленскомъ (79,6%), въ Кіевскомъ (77,7%) и Московскомъ (77,1%), и ниже средняго уровня въ Западной Сибири (72,7%) и въ округахъ: Казанскомъ (72,3%), Харьковскомъ (63,6%) и наконецъ, Одесскомъ (46,9%). Въ Одесскомъ округѣ результатъ испытаній оказался въ 1873 г. тѣмъ болѣе неблагопріятенъ, чѣмъ большее

число лицъ было удостоено аттестата въ 1872 г. послѣ одного лишь года пребыванія въ VII классѣ: одно съ другимъ связано какъ слѣдствіе и причина, и такъ какъ въ 1872 г. значительно болѣе половины всѣхъ учениковъ VII класса были въ Одесскомъ округѣ удостоены аттестата, то въ 1873 г. старшее отдѣленіе VII класса должно было оказаться въ этомъ округѣ ниже, чѣмъ въ другихъ округахъ, и по количеству, и по качеству. То же замѣчается отчасти и въ Харьковскомъ округѣ.

Общій результатъ испытаній учениковъ всѣхъ категорій оказывается такой, что изъ 1.039 экзаменовавшихся—685 или 65,9% (около $\frac{2}{3}$) выдержали испытаніе и удостоились аттестата или свидѣтельства зрѣлости. И число экзаменовавшихся, и число удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства оказывается меньшимъ сравнительно съ годами до учебной реформы 1871 г. Многие, быть можетъ, на этомъ основаніи уже готовы будутъ произнести окончательный приговоръ надъ учебною реформой 1871 г., но они будутъ рѣшительно неправы. Вопервыхъ, всѣ тѣ ученики, которые были удостоены аттестата въ 1872 г., должны быть причтены къ удостоеннымъ аттестата въ 1873 году, ибо это одинъ и тотъ же VII классъ, изъ учениковъ коего одни держали экзамень въ 1872 г. а другіе въ 1873 г., и наоборотъ число учениковъ младшаго отдѣленія, удостоенныхъ въ нынѣшнемъ году аттестата, должны быть вычтены изъ имѣющей получиться такимъ образомъ суммы: 306 (число удостоенныхъ аттестата въ 1872 г.) + 685—68, то-есть, 923—вотъ число, которое представляетъ собою дѣйствительную силу перваго выпуска послѣ введенія реформы 1871 г. Вторыхъ, для сравненія этой силы съ прежнею, обыкновенно показываемою въ годичныхъ отчетахъ по министерству народнаго просвѣщенія, необходимо принять во вниманіе, что въ это число 923 не влючены окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія ни въ реальныхъ училищахъ, ни въ гимназіяхъ Варшавскаго и Дерптскаго округовъ. Если изъ числа 1804 окончившихъ успѣшно курсъ въ 1871 г., исключить: 1) 173 ученика реальныхъ училищъ (гимназій) и 2) 102 ученика Дерптскаго и 366 учениковъ Варшавскаго округа, то на долю тѣхъ гимназій, о коихъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, и въ 1871 году придется всего 1.163 ученика, успѣшно окончившихъ курсъ ученія, то-есть, 240 учениками болѣе противъ перваго выпуска послѣ учебной реформы 1871 г. Такое уменьшеніе числа окончившихъ курсъ могло бы быть и просто случайнымъ явленіемъ; но устранимъ вовсе это предположеніе и примемъ во вниманіе чрезвычайныя обстоятель-

ства перваго времени по введеніи учебной реформы: 1) желаніе весьма многихъ учениковъ VII класса не оставаться лишній противъ ихъ ожиданій годъ въ гимназін и сколь можно скорѣ воспользоваться свободою какого либо высшаго учебнаго заведенія хотя бы и съ очень невысокимъ курсомъ; 2) временныя и нынѣ уже отиѣненные мѣры, принятыя военно-медицинскимъ вѣдомствомъ для привлеченія въ Медико-Хирургическую Академію именно недоучившихся гимназистовъ, — мѣры, вліяніе которыхъ на уменьшеніе числа оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ оказалось не только на первомъ выпускѣ послѣ учебной реформы 1871 г., но и окажется еще на выпускахъ 1874 и 1875 гг., — и 3) весьма естественное и необходимое уменьшеніе числа оканчивающихъ курсъ, какъ только самый курсъ дѣлается болѣе продолжительнымъ, ибо вслѣдствіе различныхъ причинъ на каждый годъ ученія неминуемо приходится и извѣстный процентъ убыли учениковъ. Если принять во вниманіе дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ, то уменьшеніе перваго выпуска послѣ учебной реформы 1871 г. сравнительно съ выпускомъ 1871 г. окажется: 1) скорѣ весьма незначительнымъ и 2) въ этомъ уменьшеніи лишь самая незначительная доля вліянія должна быть приписана установленію болѣе отчетливаго и точнаго производства самихъ испытаній. Но, какъ сказано, вслѣдствіе искусственнаго возбужденія учащагося юношества противъ двухгодичнаго курса VII класса и противъ мнимой лишь строгости испытаній, и особенно вслѣдствіе мѣръ военно-медицинскаго вѣдомства, въ ближайшіе два года можно ожидать лишь незначительнаго возрастанія числа оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ; но затѣмъ число это должно прійти въ свою обыкновенную норму, и единственнымъ результатомъ учебной реформы окажется лишь значительное возвышеніе умственнаго и нравственнаго уровня молодыхъ людей, поступающихъ въ университеты, что и было цѣлью самой реформы.

Изъ 584 гимназистовъ, удостоенныхъ въ 1873 г. аттестата зрѣлости, 57 человекъ были, сверхъ того, награждены золотою или серебряною медалью. Это составляетъ почти десятую часть (9,7%) всего числа признанныхъ зрѣлыми. При этомъ надобно принять во вниманіе, что по § 68 Правиль объ испытаніяхъ золотой медали удостоиваются тѣ, которые имѣютъ по 5-и въ обоихъ древнихъ языкахъ и въ математикѣ при среднемъ выводѣ изъ всѣхъ другихъ предметовъ болѣе $4\frac{1}{2}$, а серебряной — по 5 въ двухъ изъ вышепоименованныхъ главныхъ предметахъ и болѣе 4 въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ прочихъ предметовъ, при отличномъ поведеніи въ томъ и другомъ случаѣ.

Большая половина присужденныхъ медалей, именно 30—золотыя, а 25—серебряныя, о двухъ же медаляхъ нѣтъ точнаго показанія въ отчетахъ. По абсолютному числу какъ медалей вообще, такъ и золотыхъ медалей въ особенности, первое мѣсто принадлежитъ Московскому округу (14 и 9); за нимъ по числу золотыхъ медалей (8) слѣдуетъ С.-Петербургскій округъ, уступая общимъ числомъ медалей (10) округу Казанскому (13, изъ коихъ 5 золотыхъ), за коимъ слѣдуетъ округъ Кіевскій (съ 9 медалями вообще и 3 золотыми). Число медалей въ остальныхъ округахъ вообще незначительно. По отношенію же числа присужденныхъ медалей къ числу удостоенныхъ аттестата учебныя округа расположатся въ слѣдующемъ порядкѣ: Западная Сибирь (21%), Восточная Сибирь (20%), С.-Петербургскій учебный округъ (16,1%), Одесскій (11,1%), Казанскій (9,8%), Московскій (9,5%), Кіевскій (8,4%), Виленскій (6,5%) и наконецъ Харьковскій (4,8%). Въ отчетѣ по Тобольской гимназій, между прочимъ, замѣчено, что оба ученика ея, удостоенные серебряной медали, имѣли по всемъ предметамъ полныя баллы и не получили золотой медали только потому, что не обучались греческому языку, еще не введенному въ этой гимназій за недостаткомъ преподавателя. Толкованіе педагогическаго совѣта Тобольской гимназій совершенно согласно и съ букввальнымъ и съ внутреннимъ смысломъ § 68 Правилъ объ испытаніяхъ, и желательно было бы, чтобы и другія гимназій руководствовались тѣмъ же возврѣніемъ на будущее время, чего однако же не было въ 1873 году. И серебряная, и золотая медаль даютъ одни и тѣ же существенныя права; но высшая награда должна, естественно, доставаться на долю тѣхъ, которые прошли съ наибольшимъ успѣхомъ полный гимназическій курсъ, а не такой, въ составъ котораго еще не входитъ одинъ изъ важнѣйшихъ его предметовъ.

Изъ предыдущаго уже явствуетъ, что изъ всего числа лицъ, подвергавшихся въ 1873 году испытанію зрѣлости, нѣсколько болѣе одной трети (34,1%) или 354 человекъ изъ 1.039 не выдержали онаго, и въ томъ числѣ изъ учениковъ частныхъ гимназій — 68,2%, изъ постороннихъ лицъ — 68%, изъ гимназистовъ старшаго отдѣленія — 25,4%, изъ гимназистовъ младшаго отдѣленія — 14%, и наконецъ, изъ учениковъ церковныхъ училищъ только 8%; разсматривая же вмѣстѣ гимназистовъ старшаго и младшаго отдѣленія, увидимъ, что изъ 584 человекъ — 186 или 24,2% (менѣ одной четверти) не удовлетворили требованіямъ испытанія зрѣлости. Но при этомъ весьма важно войти въ нѣкоторыя подробности и на основаніи имѣющихся

въ отчетахъ данныхъ опредѣлить, въ какихъ именно предметахъ эти 354 человѣка не обнаружили надлежащихъ познаній.

Извѣстна склонность нѣкоторой части нашей печати и даже, въ социальнѣю, нѣкоторыхъ родителей — смотрѣть на древніе языки вообще и на греческій языкъ въ особенности, какъ на предметы, наиболѣе затрудняющіе наше учащееся юношество и возбраняющіе ему доступъ въ университеты. Что же оказывается на основаніи достовѣрныхъ данныхъ? Изъ всѣхъ лицъ, экзаменовавшихся въ греческомъ языкѣ, только 1 не обнаружилъ требуемыхъ въ этомъ предметѣ познаній, и слѣдовательно, только 1 въ правѣ пенять на этотъ предметъ или вѣрнѣе, на свою безуспѣшность въ этомъ предметѣ, какъ на причину, что онъ не могъ поступить въ 1873 году въ университетъ. Правда, въ 1873 году не было еще письменнаго испытанія въ греческомъ языкѣ, и притомъ устному испытанію въ этомъ предметѣ подвергались: въ С.-Петербургскомъ округѣ—47 человѣкъ, въ Виленскомъ—42, въ Харьковскомъ—6, въ Московскомъ—145, въ прочихъ округахъ, судя по числу подвергавшихся испытанію въ тѣхъ гимназіяхъ, въ коихъ греческій языкъ уже преподается второй годъ въ VII классѣ, въ Одесскомъ—16, въ Киевскомъ—45, въ Казанскомъ—44, всего же 417 человѣкъ; но тѣмъ не менѣе, процентъ невыдержавшихъ испытанія въ греческомъ языкѣ замѣчательно малъ—1 изъ 417 или 0,24%, менѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, не исключая даже закона Божія: доказательство, что греческій языкъ не представляетъ особыхъ трудностей для нашего учащагося юношества и изучается имъ охотнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ языкъ латинскій, на что неоднократно было уже указываемо прежде.

Затѣмъ, наиболѣе значительное число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, препятствующихъ полученію аттестата или свидѣтельства зрѣлости, приходится на долю русскаго сочиненія (159 или 44,8% всего числа не выдержавшихъ испытанія) и письменныхъ работъ по языку латинскому (177 или 50% того же числа) и по математикѣ (160 или 45,1% того же числа). Изъ этого очевидно; что всѣ серьезныя предметы ученья почти равномерно затрудняютъ учащееся юношество и что латинскій языкъ, вслѣдствіе только временныхъ и случайныхъ причинъ, устраненіемъ коихъ постоянно озабочено министерство, первенствуетъ въ этомъ отношеніи, и то не въ значительной мѣрѣ, такъ какъ число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ за переводъ съ русскаго языка на латинскій только 18-ю превышаетъ таковыя же отмѣтки за русское сочиненіе и 17-ю — за письменныя работы по математикѣ. Замѣча-

тельно въ этомъ отношеніи, между прочимъ, то, что процентное отношеніе невыдержавшихъ писемнаго испытанія въ латинскомъ языкѣ къ общему числу не выдержавшихъ испытанія зрѣлости гораздо значительнѣе между учениками старшаго отдѣленія VII класса гимназій правительственныхъ (61,7%), нежели даже между учениками частныхъ гимназій (51,1%) и посторонними лицами (36,3%), а отношеніе это между учениками младшаго отдѣленія VII класса, сравнительно, уже и вовсе незначительно (18,1%). Не служитъ ли это указаніемъ на то, что въ прежнее время латинскій языкъ въ гимназіяхъ былъ въ большомъ небреженіи, что ученики, застигнутые реформой въ относительно-младшемъ классѣ, могли уже оказать въ этомъ предметѣ значительно большіе успѣхи и что съ каждымъ дальнѣйшимъ годомъ слѣдуетъ ожидать все большіхъ успѣховъ и, слѣдовательно, съ каждымъ годомъ латинскій языкъ все менѣе будетъ затруднять учениковъ? Напротивъ, въ математикѣ даже и способнѣйшіе ученики младшаго отдѣленія VII класса, сравнительно, оказали меньшіе успѣхи, чѣмъ всѣ другія категоріи экзаменовавшихся, и на общее число относящихся собственно къ нимъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ дали болѣе половины (54,5%) такихъ отмѣтокъ собственно по математикѣ: это отнюдь не свидѣтельствуетъ о начинающемся упадкѣ математики въ гимназіяхъ, а только о томъ, что и способнѣйшими молодымъ людямъ крайне затруднительно пройти самимъ, безъ помощи учителя, тѣ части математики, которыя проходятся въ другой годъ курса VII класса (то-есть, или тригонометрію съ повтореніемъ всей ариметики и алгебры, или окончаніе гимназическаго курса алгебры и математическую географію съ повтореніемъ всей геометріи). Сверхъ того, изъ данныхъ, приведенныхъ въ концѣ 2-й таблицы, помѣщенной во 2-мъ приложеніи къ настоящей статьѣ, оказывается, что 555 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по всѣмъ вообще предметамъ приходится на 354 человѣка, или иначе, 156 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ на 100 человѣкъ, то-есть, что около половины всѣхъ лицъ, не выдержавшихъ испытанія, не удовлетворили его требованіямъ, по меньшей мѣрѣ, по двумъ предметамъ, какъ и всегда почти замѣчается, что неуспѣвающій въ одномъ изъ существенныхъ предметовъ не успѣваетъ, болѣе или менѣе, и въ другихъ. Въ частности, число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ вполнѣ соотвѣтствуетъ числу невыдержавшихъ вообще испытанія только между учениками младшаго отдѣленія VII класса гимназій и учениками церковныхъ училищъ; между же учениками старшаго отдѣленія VII класса гимназій 171 неудовлетво-

рительная отмѣта приходится на 100 человѣкъ; между учениками частныхъ гимназій — 146 на 100 и, наконецъ, между посторонними лицами — 143 на 100. Это какъ бы указываетъ на менѣе удовлетворительный составъ старшаго отдѣленія VII класса гимназій въ 1873 году, что вполне объясняется усиленнымъ выпускомъ изъ этого класса въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ всѣхъ болѣе способныхъ учениковъ еще въ 1872 году.

Всѣ другія, общія всѣмъ экзаменовавшимся, свѣдѣнія легко усматриваются изъ самой таблицы (№ 2); здѣсь же слѣдуетъ замѣтить, что сравненіе данныхъ, относящихся къ устному испытанію, какъ между собою, такъ и съ данными, относящимися къ письменному испытанію, невозможно, за несоблюденіемъ въ большей части округовъ того требованія Правилъ объ испытаніяхъ, чтобы подъ каждымъ числомъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по каждому предмету приводилось и число подвергавшихся въ ономъ испытанію: для сужденія о письменныхъ испытаніяхъ это обстоятельство не можетъ имѣть большого значенія; ибо едва ли по какому-либо предмету могли быть вполне рассмотрѣны и окончательно оцѣнены письменныя упражненія и на основаніи этой оцѣнки кто-либо устраненъ отъ письменнаго испытанія по какому-либо предмету до окончанія всѣхъ письменныхъ испытаній; но къ устному испытанію уже не допускаются всѣ тѣ, кто не удовлетворилъ требованіямъ письменнаго испытанія, и затѣмъ при устномъ испытаніи по каждому предмету тотчасъ же обнаруживается, кто не выдержалъ его, и слѣдовательно, число экзаменующихся въ слѣдующемъ за тѣмъ предметѣ обыкновенно бываетъ меньше. Совершенно необходимо поэтому по каждому предмету въ точности обозначать, сколько лицъ экзаменовалось въ немъ, на что учебныя начальства, безъ сомнѣнія, и обратятъ свое вниманіе при составленіи отчетовъ объ испытаніяхъ въ 1874 и слѣдующихъ годахъ.

Переходимъ теперь къ обзорѣнью результатовъ испытаній зрѣлости въ 1873 году, а равно и дѣйствительнаго достоинства письменныхъ работъ учениковъ въ особенности, по отдѣльнымъ предметамъ, при чемъ свѣдѣнія эти удобнѣе обозрѣть, сопоставляя между собою по каждому предмету всѣ учебныя округа. Итакъ,

1. Письменные упражненія по русскому языку.

Въ *С.-Петербургскомъ* учебномъ округѣ первое мѣсто по достоинству русскихъ сочиненій принадлежитъ гимназіямъ правительственнымъ, за ними слѣдуютъ церковныя училища и наконецъ, частныя

гимназіи. Изъ 69-и сочиненій учениковъ гимназій только 1, изъ 22 сочиненій постороннихъ лицъ—8 (36,3%), изъ 25 сочиненій учениковъ церковныхъ училищъ также лишь 1, и наконецъ, изъ 44 сочиненій учениковъ частныхъ гимназій—10 (22,7%) были признаны неудовлетворительными,—всего, 20 сочиненій изъ 171 или (12,5%). Впрочемъ, изъ слѣдующихъ за симъ объясненій явствуетъ, что оцѣнка сочиненій какъ въ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго общества и отчасти въ Псковской гимназіи, въ особенности же въ церковныхъ училищахъ и изъ нихъ прежде всего въ Реформатскомъ, а также и въ частныхъ гимназіяхъ, была черезчуръ снисходительна. Что касается до правительственныхъ гимназій, то хотя въ принадлежащихъ ихъ ученикамъ сочиненіяхъ, признанныхъ удовлетворительными, и попадаются иногда, по замѣчанію отчета, неправильные обороты и нѣсколько тяжеловѣсныя выраженія, но въ большей ихъ части замѣчается известная степень начитанности и непосредственное знакомство съ тѣмъ, о чемъ говорится, равно какъ и самостоятельное изложеніе собственныхъ своихъ мыслей. Сверхъ того, многіе изъ учениковъ обладаютъ отличнымъ умѣньемъ расположить пріобрѣтенный ими посредствомъ чтенія литературный матеріалъ въ известномъ порядкѣ по заранѣ обдуманному плану. Изъ гимназій правительственныхъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Ларинской, Кронштадтской, Вологодской и Петрозаводской, а послѣднее — Псковской и гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго общества. Въ Псковской гимназіи испытательная коммиссія и сама нашла въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ недостатки и по содержанію, и по изложенію, и только принявъ во вниманіе сочиненія учениковъ въ теченіе года, признала ихъ удовлетворительными. Изъ церковныхъ училищъ болѣе слабыми въ русскомъ сочиненіи оказались ученики Реформатскаго училища: повидимому, они не имѣютъ непосредственнаго знакомства съ тѣмъ, о чемъ пишутъ (тема же сообщена), и притомъ очень немногіе изъ нихъ могутъ расположить свои мысли по плану и выразить ихъ совершенно правильнымъ русскимъ языкомъ. Наконецъ, въ частныхъ гимназіяхъ многія сочиненія были признаны со стороны депутатовъ отъ учебнаго начальства неудовлетворительными, но попечительскій совѣтъ, на рѣшеніе коего было перенесено дѣло, признавъ возможнымъ и въ этомъ случаѣ оказать снисхожденіе.

Вслѣдствіе замѣченныхъ выше недостатковъ начальство учебнаго округа обратило вниманіе директоровъ какъ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго общества, такъ и училищъ Реформатскаго и Ан-
часть СЛХХІІІ, отд. 4.

ненскаго, на необходимость принять зависящія отъ нихъ мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ на будущее время.

Общая успѣшность по русскому языку учениковъ въ *Московскомъ* учебномъ округѣ выражается тѣмъ, что изъ 217 лицъ, подвергавшихся испытанію, только 29 представили сочиненія неудовлетворительныя, что составляетъ 13,3% (при томъ изъ 175 гимназистовъ старшаго отдѣленія—22 (12,5%), изъ 113 учениковъ младшаго отдѣленія—1 (7,6%) и, наконецъ, изъ 24 постороннихъ лицъ—6 (25%). Профессоръ Буславевъ, не сообщая собственнаго мнѣнія вообще о достоинствѣ сочиненій, принимая на себя трудъ замѣтить, сколько сочиненій и изъ какого общаго ихъ числа, и какихъ именно отбѣтокъ удостоены въ девяти гимназіяхъ округа. Свѣдѣнія могутъ быть представлены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Гимназія.	Общее число сочиненій, признанныхъ удовлетворительными.	Отбѣтки 5. (съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу сочиненій удовлетворительныхъ).	Отбѣтки 4.
Московскія: 1-я	20	1 (5%)	6 (30%)
2-я	21	—	4 (19%)
3-я	27	2 (7,4%)	8 (29,6%)
4-я	19	—	2 (10,5%)
5-я	15	1 (6,6%)	7 (46,6%)
Тверская	10	—	—
Смоленская	11	—	3 (27,3%)
Владимірская	4	1 (25%)	1 (25%)
Ярославская	15	—	—
Итого	142	5 (3,5%)	31 (21,8%)

Изъ этой таблицы, въ которой почтенный профессоръ приводитъ изъ 14-и гимназій округа лишь девять, въ видахъ подтвержденія своей предвзятой мысли о „боязливомъ“ будто бы „судѣ экзаменаторовъ“, тѣмъ не менѣе оказывается, что болѣе четвертой части всѣхъ

сочиненій стоятъ по своему достоинству выше требованій, изложенныхъ въ п. 6. § 67. Результатъ этотъ не можетъ не быть признанъ удовлетворительнымъ, и напрасно г. профессоръ высказываетъ опасеніе, чтобы „боязливый судъ экзаменаторовъ“ не подѣйствовалъ деморализующимъ образомъ на прилежаніе учениковъ,—тѣмъ болѣе напрасно, что въ лучшихъ гимназіяхъ прилагается всяческая забота о томъ, чтобы и въ низшихъ классахъ ученики учились не изъ-за отгѣтокъ, которыя имъ выставляются. Что судъ экзаменаторовъ по русскому языку въ Московскомъ округѣ вовсе не былъ боязливъ, фактическимъ тому доказательствомъ служить, между прочимъ, что въ одной изъ провинціальныхъ гимназій поставлено было даже 5 за сочиненіе, въ которомъ ученикъ написалъ: „такія порядки“ и „законами, которыя“. Экзаменаторы, какъ видно, были скорѣе слишкомъ снисходительны, нежели чересчуръ строги.

То же замѣчается и въ *Казанскомъ* учебномъ округѣ, такъ что попечительскій совѣтъ призналъ за нужное „поставить на видъ тѣмъ изъ педагогическихъ довѣтовъ гимназій, которые признали возможнымъ выдать аттестатъ зрѣлости ученикамъ VII класса, сочиненія которыхъ признаны членами совѣта не вполне удовлетворительными, чтобы они на будущее время строже относились къ оцѣнкѣ письменныхъ работъ“. И дѣйствительно, изъ 222 русскихъ сочиненій на испытаніяхъ зрѣлости въ этомъ округѣ только 19 сочиненій (8,6%) были признаны неудовлетворительными,—процентъ, значительно болѣе благоприятный, нежели въ округахъ С.-Петербургскомъ (12,6%) и Московскомъ (13,3%), и притомъ изъ сочиненій учениковъ старшаго отдѣленія VII класса—неудовлетворительныхъ было 9,1%, учениковъ младшаго отдѣленія—7,6%, а постороннихъ лицъ—даже 7,3%.

По *Харьковскому* учебному округу, какъ сказано, не доставлено никакихъ замѣчаній попечительскаго совѣта и приходится довольствоваться только статистическими данными. Неудовлетворительныхъ русскихъ сочиненій было вообще 35 изъ 105 или ровно $\frac{1}{3}$ (33,3%); но при этомъ сочиненія учениковъ младшаго отдѣленія всѣ оказались удовлетворительными, изъ сочиненій учениковъ старшаго отдѣленія VII класса неудовлетворительныхъ было 12,6%, но за то изъ сочиненій постороннихъ лицъ—86,6%.

Въ разсмотрѣніи русскихъ сочиненій по *Одесскому* учебному округу принималъ участіе ординарный профессоръ русской словесности въ Новороссійскомъ университетѣ Некрасовъ. Сочиненія эти почти изъ всѣхъ гимназій округа отличаются отсутствіемъ ошибокъ противъ

ореографіи и этимологіи, что, по заявленію профессора Некрасова, и въ виду смѣшаннаго населенія края, въ которомъ вообще почти не слышится чистая литературная русская рѣчь, составляетъ самый крупный и самый видный успѣхъ этихъ гимназій за послѣдніе годы. Но въ этихъ сочиненіяхъ еще встрѣчаются ошибки противъ сѣмтасиса, а въ обѣихъ Одесскихъ гимназійхъ лишь лучшія сочиненія свободны отъ этого недостатка. Умѣнье владѣть хорошимъ русскимъ слогомъ обнаруживаютъ лишь лучшія сочиненія учениковъ Таганрогской и Керченской гимназій (гдѣ, между прочимъ, греческій языкъ преподается уже во всѣхъ положенныхъ для того классахъ). Только въ Книгиневской гимназій было, повидимому, обращено надлежащее вниманіе на стройное, строго-логическое изложеніе мыслей по заранѣе обдуманному плану; въ другихъ же гимназійхъ ожидается улучшеніе въ этомъ отношеніи отъ предстоящаго введенія преподаванія логики. Говори вообще, болѣе слабыми оказались сочиненія въ тѣхъ гимназійхъ, гдѣ темы были общаго, нѣсколько отвѣченнаго содержанія, и напротивъ: наиболѣе удовлетворительны сочиненія на темы изъ русской словесности. Преподаваніе логики, безъ сомнѣнія, поможетъ болѣе стройному и послѣдовательному изложенію мыслей учениками; но въ п. 2-мъ § 31 Правиль объ испытаніяхъ совершенно основательно выдѣлено въ обязанность преподавателямъ всѣхъ предметовъ, начиная съ самаго низшаго класса, содѣйствовать умѣнью учениковъ ясно, правильно и послѣдовательно выражать свои мысли и устно, и письменно, и только при точномъ соблюденіи этого правила всѣми преподавателями возможно устраненіе того недостатка, на который указываетъ отчетъ по Одесскому учебному округу.

Но обратимся въ числовымъ даннымъ по этому округу. Изъ 59 лицъ, подвергавшихся испытанію зрѣлости, 24 (или 40,8%) неудовлетворили требованіямъ по русскому сочиненію. Это процентъ менѣе удовлетворительный, чѣмъ гдѣ-либо. При этомъ на долю 32 учениковъ старшаго отдѣленія VII класса приходится 10 неудовлетворительныхъ сочиненій (или 31,2%); на долю 9 учениковъ частныхъ гимназій—8 неудовлетворительныхъ сочиненій; на долю 15 постороннихъ лицъ—6 неудовлетворительныхъ сочиненій, и только сочиненія трехъ учениковъ младшаго отдѣленія VII класса правительственныхъ гимназій всѣ были признаны удовлетворительными.

Изъ сочиненій 160 лицъ, подвергавшихся испытанію зрѣлости въ Киевскомъ учебномъ округѣ, только 25 (или 15,6%) признаны неудовлетворительными, при чемъ наиболѣе слабыми, какъ почти вездѣ,

оказались постороннія лица (10 изъ 22 или 45,4%), а изъ 135 гимназистовъ старшаго отдѣленія VII класса лишь 15 человекъ (или 11,1%), 3 же гимназиста младшаго отдѣленія всѣ удовлетворили требованіямъ п. 6. § 67.

Впрочемъ и здѣсь сужденіе экзаменаторовъ отличалось большою снисходительностію. Сочиненія, удостоенныя отиѣтки 3, большею частью удовлетворяютъ вполнѣ только требованіямъ относительно грамматической правильности, отличаясь отсутствіемъ орфографическихъ ошибокъ и правильностію въ построеніи и сочетаніи между собою предложеній, а также въ разстановкѣ знаковь препинанія, и только сочиненія, удостоенныя 5-ти и 4-хъ балловъ, представляютъ и правильное пониманіе темы, и ясное, послѣдовательное изложеніе и умѣнье доказывать и группировать частныя мысли около одной основной, а равно и надлежащую точность и опредѣленность выраженій. „Есть сочиненія“, — сказано въ отчетѣ по Кіевскому округу, — „которыя обнаруживаютъ полную зрѣлость, какой только можно требовать отъ оканчивающаго курсъ гимназиста. Въ такихъ сочиненіяхъ, при совершенно правильномъ пониманіи темы и выработанности языка, изложеніе отличается строгою послѣдовательностію и пропорціональнымъ развитіемъ отдѣльныхъ частей“. Къ сожалѣнію, число такихъ сочиненій и вообще заслужившихъ отиѣтки 5 и 4 не показано въ отчетѣ.

Въ Виленскомъ учебномъ округѣ процентъ неудовлетворительныхъ сочиненій, по крайней мѣрѣ, гимназистовъ старшаго отдѣленія VII класса, тотъ же, что въ С.-Петербургскомъ, а именно 12,5% (или 6 изъ 48), и общее заключеніе отчета по этому округу таково, что сочиненія эти болѣе страдаютъ недостатками формы, и то не слишкомъ существенными и грубыми, отличаясь вообще удовлетворительностію своего содержанія.

По поводу замѣчанія, сдѣланнаго преподавателемъ на одномъ изъ сочиненій, о томъ, что „въ теченіе года упражненія выходили лучше, потому что всѣ они были написаны на дому“, по Виленскому округу начальствомъ его сдѣлано распоряженіе, чтобы, въ видахъ контроля самодѣятельности учащихся, по крайней мѣрѣ, по разу въ семестръ назначались классныя сочиненія. Мѣра эта едва-ли принесетъ ожидаемые плоды: она удобопримѣнима къ переводамъ съ русскаго языка на иностранныя или даже обратно; но для русскихъ сочиненій, особенно въ старшихъ классахъ, одного часоваго урока слишкомъ мало, и написанныя въ одинъ часъ сочиненія едва-ли послужатъ для рѣшенія вопроса, сами ли ученики пишутъ свои сочиненія. Лучшимъ

средствомъ не только контроля, но и дѣйствительныхъ успѣховъ учениковъ относительно пріобрѣтенія навыка излагать свои мысли ясно, правильно и послѣдовательно и вообще искусства владѣть отечественнымъ языкомъ было бы возстановленіе стариннаго обычая нашихъ гимназій — заставлять учениковъ, по крайней мѣрѣ, трехъ, если не четырехъ, высшихъ классовъ въ одну недѣлю писать сочиненія, а въ другую, поочередно, дѣлать переводъ съ одного изъ иностранныхъ языковъ на русскій, подъ условіемъ, чтобы эти сочиненія и переводы тщательно разсматривались и разбирались преподавателемъ, а затѣмъ по его указаніямъ были исправляемы самими учениками.

2. Испытанія по языкамъ латинскому и греческому.

Общій результатъ какъ письменнаго, такъ и устнаго испытаній въ латинскомъ языкѣ въ *С.-Петербургскомъ* учебномъ округѣ для всѣхъ вообще былъ довольно благопріятенъ, за исключеніемъ постороннихъ лицъ и учениковъ частныхъ гимназій. Такъ, гимназисты младшаго отдѣленія VII класса и ученики церковныхъ училищъ всѣ выдержали этотъ экзаменъ; изъ 58 гимназистовъ старшаго отдѣленія VII класса не выдержали его только 4 человека (или 6,8⁰/о); но въ частныхъ гимназіяхъ 14 изъ 52 (или 26,9⁰/о) не удовлетворили требованіямъ письменнаго испытанія, и 8 изъ 27 (или 29,6⁰/о) требованіямъ устнаго испытанія; для постороннихъ же лицъ соотвѣтственные процентныя отношенія будутъ 58,3⁰/о и 28,8⁰/о; вообще изъ 157 лицъ всѣхъ этихъ категорій письменнаго испытанія не выдержали 25 человекъ (или 15,9⁰/о), устнаго же испытанія 10 изъ 121 (или 8,26⁰/о).

По поводу письменнаго испытанія въ латинскомъ языкѣ начальство учебнаго округа замѣчаетъ, что результаты его, въ виду переходнаго еще состоянія гимназій, можно считать удовлетворительными, хотя и остается еще желать многого. По достоинству письменныхъ работъ по латинскому языку первое мѣсто принадлежитъ гимназіямъ Кронштадтской, Петрозаводской и С.-Петербургской 4-й (Ларинской), изъ частныхъ же гимназій—гимназіи Мая, которая и въ другихъ отношеніяхъ много выше другихъ частныхъ гимназій С.-Петербурга. Устныя испытанія въ обоихъ древнихъ языкахъ шли особенно успѣшно въ гимназіяхъ 3-й, 4-й, 5-й и 6-й С.-Петербургскихъ, а также и въ церковномъ училищѣ св. Петра. Въ 6-й гимназіи, въ присутствіи профессора Дестуниса и окружнаго инспектора г. Савинова, экзаменовавшіеся ученики обнаруживали по греческому языку, что они владѣютъ значительнымъ запасомъ словъ, твердо усвоили этимоло-

гій и главнѣйшія правила синтаксиса. Въ 5-й гимназіи вообще VII-й классъ оказался отличнымъ по всѣмъ предметамъ; на экзаменѣ же по обоимъ древнимъ языкамъ ученики его, въ присутствіи депутата окружнаго инспектора г. Нейлисова, обнаружили достаточный навыкъ въ переводѣ à livre ouvert и безъ затрудненія переводили разныя русскія фразы, которыя были имъ предлагаемы г. депутатомъ, изъ чего можно было заключить о твердомъ и вполне отчетливомъ усвоеніи ими грамматики. Напротивъ, ученики 1-й гимназіи обнаружили шаткое знаніе грамматики и недостаточность приобрѣтеннаго ими запаса словъ. Но изъ всѣхъ правительственныхъ гимназій наиболѣе слабою оказалась какъ на устномъ, такъ и на письменномъ испытаніи, гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго общества, въ которой, впрочемъ, ученики лишь три или четыре года, вмѣсто 7 или 8, занимались изученіемъ латинскаго языка, такъ какъ это учебное заведеніе (бывшій прежде Домъ Воспитанія) лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ преобразовано въ гимназію. Начальство округа съ своей стороны приняло тотчасъ же мѣры къ возвышенію уровня этой гимназіи и съ начала 1873/74 учебнаго года, съ разрѣшенія министерства, увеличило уроки по латинскому языку въ VI и VII классахъ этой гимназіи на счетъ уроковъ нѣмецкаго языка, который прежде преподавался въ болѣе значительномъ размѣрѣ и въ которомъ ученики оказали уже достаточные успѣхи.

Въ *Московскомъ* учебномъ округѣ исходъ испытаній въ обоихъ древнихъ языкахъ былъ еще болѣе благопріятенъ, нежели въ *С.-Петербургскомъ* округѣ, ибо изъ 217 экзаменовавшихся оказались неудовлетворительныя познанія въ латинскомъ языкѣ на письменномъ испытаніи 29 (или 13,3%, при томъ изъ 175 гимназистовъ старшаго отдѣленія VII класса 22 или 12,5%, изъ 13 гимназистовъ младшаго отдѣленія—1 или 7,7%, и наконецъ, изъ 24 постороннихъ лицъ—6 или 25%), а въ устномъ испытаніи только 7 изъ числа гимназистовъ старшаго отдѣленія, что возвышаетъ процентъ всѣхъ лицъ этой категоріи, вообще не выдержавшихъ испытанія по латинскому языку, до 16,8%. Впрочемъ, общее число подвергавшихся устному испытанію въ латинскомъ языкѣ простирается всего до 162, какъ видно изъ особой таблицы устныхъ испытаній, приложенной къ отчету по *Московскому* учебному округу, такъ что тѣ 7 лицъ составятъ лишь 4,3%; затѣмъ на устномъ испытаніи изъ латинскаго языка 80 или 49,4% получили отмѣтки 5 и 4, остальные же 46,8% по 3. Въ *греческомъ* языкѣ, какъ сказано, испытаніе было только

устное, и ему подвергалось 145 человекъ. Изъ нихъ только 1 не выдержалъ испытанія, что составляетъ нѣсколько болѣе 0,8%, между тѣмъ какъ 75 человекъ или 52,4% получили отбѣтки 5 и 4. И въ этомъ отношеніи исходъ испытанія по греческому языку вышелъ благопріятнѣе, нежели по латинскому.

По замѣчанію члена попечительскаго совѣта заслуженнаго профессора Леонтьева, разсматривавшаго письменныя работы учениковъ по латинскому языку, упражненія оказались вообще хуже прошлогоднихъ (то-есть, 1872 г.), вслѣдствіе ли случайно неблагоприятнаго состава VII класса гимназій, или потому, что лучшіе ученики уже были въ 1872 году въ университетъ. Наиболѣе удовлетворительныя и притомъ несомнѣнные успѣхи оказаны 3-ею Московскою гимназіей, особенно же если принять во вниманіе, что ученики ея начали учиться латинскому языку только съ III и IV класса; болѣе же слабою оказалась Тульская гимназія, не говоря о 4-й Московской, гдѣ испытанія вообще были произведены съ нарушеніемъ самыхъ существенныхъ правилъ.

Въ *Казанскомъ* учебномъ округѣ изъ 222 экзаменовавшихся обнаружили неудовлетворительныя познанія въ латинскомъ языкѣ: на письменномъ испытаніи 32 человекъ, а на устномъ—1, всего 33 или 14,8% (при чемъ изъ 39 гимназистовъ младшаго отдѣленія—2 или 5,1%, изъ 142 гимназистовъ старшаго отдѣленія 23 или 16,2%, и наконецъ, изъ 41 посторонняго лица—8 или около 20%).

Въ *Харьковскомъ* учебномъ округѣ подвергались испытанію въ латинскомъ языкѣ только 93 человекъ, и изъ нихъ 29 (или 31,1%) оказались слишкомъ слабыми на письменномъ испытаніи, притомъ изъ 17 постороннихъ лицъ 7 или 41,2%, и изъ 72 гимназистовъ старшаго отдѣленія—22 или 30,5%, тогда какъ всѣ 4 гимназиста младшаго отдѣленія выдержали экзамень.

Въ *Одесскомъ* учебномъ округѣ изъ 59 экзаменовавшихся 26 или 44% не выдержали письменнаго испытанія въ латинскомъ языкѣ, и притомъ изъ 9 учениковъ частныхъ гимназій никто, изъ 3 гимназистовъ младшаго отдѣленія всѣ; изъ 15 постороннихъ лицъ не выдержали испытанія 3 или 20%, а изъ 32 гимназистовъ старшаго отдѣленія 14 или 43,7%. Но и при этомъ 3 латинскія упражненія въ Симферопольской гимназіи, 2 въ Таганрогской, 3 въ Херсонской, 6 въ Кишиневской и 1 въ Екатеринославской, — всего 15, при разсмотрѣніи ихъ въ окружномъ управленіи, оказались болѣе или менѣе неудовлетворительными, хотя за нихъ и были выданы аттестаты; въ Одес-

скихъ же гимназіяхъ всѣ эти работы оказались неудовлетворительными и никто изъ экзаменовавшихся не получилъ аттестата или свидѣтельства. Такой результатъ достаточно объясняется тѣмъ, что въ предыдущемъ году всѣ сколько-нибудь успѣвавшіе ученики VII класса (именно 53,2% всего ихъ числа), послѣ одного года пребыванія ихъ въ VII классѣ, были уже удостоены выпуска въ университетъ, и затѣмъ на другой годъ въ VII классѣ остались только мало успѣвавшіе или мало способные ученики. Сравнительно лучше другихъ оказалась въ этомъ отношеніи гимназія Керченская, въ которой съ самаго учрежденія ея было введено преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ и директоромъ былъ назначенъ филологъ.

Въ *Кіевскомъ* учебномъ округѣ изъ 160 экзаменовавшихся 25 (или 15,6%) оказали неудовлетворительныя познанія на письменномъ испытаніи въ латинскомъ языкѣ, и притомъ изъ 135 гимназистовъ старшаго отдѣленія—15 или 11,1%, а изъ 22 постороннихъ—10 или 45,4%. „Латинскія упражненія,—сказано въ отчетѣ по округу,—еще не удовлетворяютъ требованіямъ, заявленнымъ въ Правилахъ 8-го декабря 1872 г.; въ нихъ встрѣчаются ошибки противъ этимологіи, синтаксиса и орфографіи вслѣдствіе того, что лишь два года extemporalia ведутся правильно. Даже и лучшіе переводы страдаютъ погрѣшностями противъ латинской фразеологіи вслѣдствіе малой начитанности учениковъ въ авторахъ. Оцѣнка письменныхъ работъ соотвѣтствовала мѣрѣ возможныхъ пока требованій, но мѣра эта ежегодно будетъ возвышаема соотвѣтственно возвышенію успѣховъ учениковъ“. Въ словахъ этихъ выраженъ совершенно вѣрный и правильный взглядъ на дѣло: гимназін въ правѣ требовать отъ своихъ учениковъ только того, что онѣ имъ дали; но съ каждымъ годомъ онѣ должны давать имъ все болѣе и болѣе и соразмѣрно съ тѣмъ возвышать свои требованія до уровня, указаннаго учебными планами и приложеннымъ къ нимъ циркулярнымъ предписаніемъ г. министра народнаго просвѣщенія; полагать же въ настоящее, переходное еще время въ основу требованій, обращенныхъ къ ученикамъ нынѣшнихъ высшихъ классовъ, учившимся прежде при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, нормальные учебные планы, было бы несомнѣнно большою ошибкой.

Для возвышенія уснѣшности преподаванія латинскаго языка въ гимназіяхъ окружное начальство предписало упражнять учениковъ сколь можно болѣе въ ретроверсіи, то-есть, въ обратномъ переводѣ на латинскій языкъ переведеннаго съ латинскаго на русскій, и при

переводахъ съ латинскаго языка на русскій обращать сколь можно болѣе вниманія на духъ и характеръ того и другаго языка, и сверхъ того, въ старшемъ классѣ, при толкованіи авторовъ, употреблять съ учениками по мѣрѣ возможности рѣчь латинскую.

• Наконецъ, въ *Виленскомъ* учебномъ округѣ 11 учениковъ изъ числа 49 гимназистовъ старшаго отдѣленія (или 22,4%) не выдержали письменнаго испытанія въ латинскомъ языкѣ. Оцѣнка этихъ письменныхъ работъ была вообще довольно снисходительна. Такъ, напримѣръ, по Виленской гимназіи въ лучшей работѣ 6 ошибокъ противъ послѣдовательности временъ и 9 противъ латинской фразеологии; въ слабѣйшей же работѣ, удостоенной однако же аттестата, болѣе 20 довольно грубыхъ грамматическихъ ошибокъ; по Минской гимназіи въ упражненіи, за которое поставлено 4,—4 ошибки этимологическія и синтаксическія, 4 орфографическія и 3 противъ латинской фразеологии, въ слабѣйшей же работѣ до 30 довольно грубыхъ ошибокъ; въ Витебской гимназіи лучшая работа безупречна въ грамматическомъ отношеніи и имѣетъ лишь 2 погрѣшности противъ фразеологии, 3 работы также безъ грамматическихъ ошибокъ, но 4—5 ошибокъ фразеологическихъ и 2—3 орфографическія; остальные же работы довольно слабы во всѣхъ отношеніяхъ. Признаніе удовлетворительными работъ, въ которыхъ по 20 и даже 30 грамматическихъ ошибокъ, можетъ объясниться развѣ только тѣмъ, что темы были предложены ученикамъ не совсѣмъ посильныя. Общее заключеніе отчета по всѣмъ гимназіямъ округа таково, что этимологическія ошибки встрѣчаются лишь въ немногихъ переводахъ, синтаксическія, и особенно противъ послѣдовательности временъ, почти во всѣхъ, и точно также ошибки противъ латинской фразеологии, что указываетъ на малую начитанность учениковъ въ авторахъ.

Противъ такого рода недостатковъ учебное начальство округа приняло нижеслѣдующія мѣры: 1) Въ виду довольно грубыхъ ошибокъ орфографическихъ и въ употребленіи сложныхъ и производныхъ формъ предписано обращать большее вниманіе на этимологическій составъ словъ. 2) Предписано болѣе упражнять учениковъ въ употребленіи латинскихъ временъ. 3) Замѣчено было, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ ученики ознакомлены съ подробностями просодіи и метрики и незнакомы съ самыми главными началами стилистики, и вслѣдствіе того предписано соблюдать большую равномерность въ выборѣ учебнаго матеріала, хотя и должно замѣтить, что не только стилистика, но и *syntaxis ornata* не входятъ въ кругъ преподаванія

латинскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. 4) Такъ какъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по русскому языку, темы коихъ были взяты изъ прочитанныхъ частей древнихъ авторовъ, обнаружилось недостаточное знаніе самого содержанія прочитаннаго, то предписано требовать отъ учениковъ пересказа каждой прочитанной главы, каждого отдѣла, а затѣмъ и цѣлаго сочиненія. 5) Предписано обратить вниманіе на большую точность и полноту свѣдѣній учениковъ по мифологіи, а также на употребленіе предлоговъ и падежей въ греческомъ языкѣ.

3. Письменные и устные испытанія въ математикѣ.

Въ *С.-Петербургскомъ* учебномъ округѣ изъ 139 лицъ, подвергавшихся испытанію въ математикѣ, обнаружили неудовлетворительныя познанія: на письменномъ испытаніи 20 и на устномъ 1, всего 21 или 15,1%, при чемъ изъ постороннихъ лицъ 45%, изъ учениковъ частныхъ гимназій 18,4%, изъ учениковъ церковныхъ училищъ 4,1% и наконецъ изъ гимназистовъ старшаго отдѣленія 7%. Результатъ письменныхъ испытаній по математикѣ,—сказано въ отчетѣ по округу.—можно считать удовлетворительнымъ и даже удовлетворительнѣе, чѣмъ въ прошломъ году: судя по представленнымъ работамъ, большая часть окончившихъ курсъ гимназистовъ твердо знаютъ существенныя части элементарной математики, обладаютъ достаточнымъ навыкомъ въ вычисленіяхъ, умѣютъ обращаться съ логарифмическими таблицами и наконецъ, отличаются достаточною сообразительностью для примѣненія своихъ познаній къ рѣшенію задачъ. Но удовлетворительнѣе другихъ по исполненію задачъ оказываются гимназисты: Петрозаводская, Кронштадтская и Ларинская. Работы же учениковъ частныхъ гимназій и стороннихъ лицъ значительно уступаютъ работамъ гимназистовъ относительно правильности, послѣдовательности и даже оконченности и аккуратности исполненія задачъ.

Въ *Московскомъ* учебномъ округѣ изъ 217 экзаменовавшихся 22 (или съ небольшимъ 10%) не удовлетворили требованіямъ письменнаго испытанія въ математикѣ, въ томъ числѣ 15 гимназистовъ старшаго отдѣленія (или 8,5%) и 7 стороннихъ лицъ (или 29,1%). Устному испытанію изъ математики подвергались всего 155 человекъ, и изъ нихъ 3 (1,9%) не выдержали испытанія, 92 (или 59,3%) получили за свои отвѣты 5 и 4, и слѣдовательно, 60 (или 38,8%) получили по 3. Профессоръ Любимовъ, разсматривавшій письменныя работы учениковъ по математикѣ, сдѣлалъ по ихъ поводу слѣдующія замѣчанія: „Наиболѣе общій недостатокъ, заслуживающій, по моему

миѣнію, — говоритъ онъ, — серьезнаго вниманія, заключается въ неумѣнны учениковъ сдѣлать оцѣнку предвидимаго и полученнаго ими результата и затѣмъ обозрѣть задачу въ совокупности съ ея рѣшеніемъ. Повидимому, все вниманіе рѣшающаго поглощено механизмомъ рѣшенія въ его подробностяхъ, но полученіи же результата ему не приходитъ на мысль удостовѣриться, удовлетворяетъ ли результатъ требованіямъ вопроса, и сдѣлать точную или приближительную провѣрку рѣшенія. Опредѣляющему, напримѣръ, три угла трехугольника не приходитъ въ голову повѣрить, составляетъ ли ихъ сумма два прямыхъ угла. Рѣшающій задачу какъ бы не интересуется дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ вопроса, равнодушенъ къ выводу и поглощенъ самымъ процессомъ дѣланія задачи. Другой недостатокъ, обнаруживающійся при вычисленіяхъ съ большими числами, заключается въ томъ, что большинство не чувствовало потребности прибѣгнуть къ логарифмамъ, какъ бы считая, что задачи на логарифмы суть задачи какого-то особаго рода. Наконецъ, не замѣчается никакой правильности въ упрощеніи и округленіи чиселъ, а напротивъ — отсутствіе всякихъ соображеній относительно степени точности результата⁴.

Въ *Казанскомъ* учебномъ округѣ изъ 222 экзаменовавшихся 38 обнаружили неудовлетворительныя познанія на письменномъ испытаніи изъ математики и 3 на устномъ, всего 41 или 18,4%, въ томъ числѣ 10 изъ 41 посторонняго лица или 24,4%, 5 изъ 37 гимназистовъ младшаго отдѣленія или 12,3% и наконецъ, 26 изъ 142 гимназистовъ старшаго отдѣленія или 18,3%.

Въ *Харьковскомъ* учебномъ округѣ 26 изъ 103 или 25,2% не удовлетворили требованіямъ письменнаго испытанія изъ математики, въ томъ числѣ 13 изъ 33 постороннихъ лицъ или 39,3% и 13 же изъ 70 гимназистовъ старшаго отдѣленія или 18,3%.

Въ *Одесскомъ* учебномъ округѣ не только устное, но и письменное испытаніе изъ математики дало болѣе благоприятные результаты, нежели русское сочиненіе или испытаніе въ латинскомъ языкѣ, и изъ 59 экзаменовавшихся оказали неудовлетворительныя познанія въ математикѣ 17 человекъ или 28,8%, притомъ 8 изъ 15 постороннихъ лицъ или 53,3%, 7 изъ 9 учениковъ частныхъ гимназій или 77,7% и 2 изъ 32 гимназистовъ старшаго отдѣленія или только 6%. Математическія задачи были исполнены почти безукоризненно въ гимназій Таганрогской, а также въ Херсонской, Екатеринославской и Керченской, очень удовлетворительно въ Симферопольской, но гораздо

слабѣ въ Кишиневской, гдѣ работы 1-го ученика оказались хороши, пятерыхъ же другихъ гораздо слабѣе.

Въ *Кіевскомъ* учебномъ округѣ на 160 экзаменовавшихся приходится 22 неудовлетворительныхъ письменныхъ работы и 3 такихъ же устныхъ отвѣта изъ математики, всего 25 или 15,6%, столько же, сколько и по русскому сочиненію и по латинскому языку, притомъ же для постороннихъ лицъ процентъ этотъ будетъ 31,8, для гимназистовъ младшаго отдѣленія 33,8, а для гимназистовъ старшаго отдѣленія — 12,8. Въ отчетѣ по *Кіевскому* округу замѣчено по поводу письменнаго испытанія изъ математики, что теоретическія познанія учениковъ въ этомъ предметѣ вообще довольно удовлетворительны; но умѣнье ихъ примѣнять эти теоретическія свѣдѣнія къ рѣшенію задачъ стоитъ уже гораздо ниже. Окружное учебное начальство по этому предложило посвятить часы, назначенные въ VI классѣ на естествовѣдѣніе, на упражненія учениковъ въ рѣшеніи математическихъ задачъ, если твердости въ вычисленіяхъ и сообразительности въ рѣшеніи задачъ нельзя будетъ достигнуть какимъ-либо другимъ способомъ. Если принять во вниманіе, что подвергавшіеся въ 1873 г. испытанію зрѣлости гимназисты старшаго отдѣленія учились лишь два года по учебному плану, установленному уставомъ 30-го іюля 1871 г., и что этимъ уставомъ назначено на математику 7-ю уроками въ недѣлю болѣе, чѣмъ было прежде, то нѣтъ сомнѣнія, что съ каждымъ годомъ результаты по этому предмету, какъ и по всемъ другимъ, будутъ оказываться болѣе удовлетворительными и съ окончаніемъ переходнаго времени въ 1879 и 80 годахъ уже не будетъ надобности въ такихъ временныхъ, но бесспорно полезныхъ мѣрахъ, какъ употребленіе на усиленное упражненіе учениковъ въ рѣшеніи математическихъ задачъ тѣхъ двухъ уроковъ, которые назначены въ VI классѣ на естествовѣдѣніе.

Въ *Виленскомъ* учебномъ округѣ изъ 60 экзаменовавшихся 13 не выдержали испытанія изъ математики или 21,6%. Болѣе вѣрно обозначится результатъ испытанія указаніемъ на то, что письменному испытанію въ математикѣ подвергалось всего 48 человекъ, и слѣдовательно, 12 не удовлетворившихъ требованій этого испытанія составляютъ 25%, а устному испытанію въ математикѣ подвергались 36 человекъ, и 1 не выдержавшій этого испытанія составитъ около 2,7%. Изъ таблицы, помѣщенной въ отчетѣ по *Виленскому* округу и показывающей число задачъ, рѣшенныхъ письменно вполнѣ удовлетворительно и рѣшенныхъ съ ошибками и пропусками въ вычисле-

ніяхъ, а также съ неточностью, неполнотой или непостѣдовательностью въ изложеніи, оказывается, что во ариметикѣ число задачъ рѣшенныхъ вполне удовлетворительно составляетъ 66,6%, по алгебрѣ—60,4%, по геометріи 54,1% и наконецъ, по тригонометріи 56,2%; вообще же число задачъ, рѣшенныхъ вполне удовлетворительно по всѣмъ этимъ отдѣламъ элементарной математики, составляетъ 61,4%.

Результаты испытанія по прочимъ предметамъ гимназическаго курса легко могутъ быть усмотрѣны изъ помѣщаемой въ приложеніи вѣдомости подъ № 2 о невыдержавшихъ испытанія зрѣлости, и потому здѣсь говорить о нихъ особо нѣтъ надобности. Но для большей наглядности не излишне будетъ свести здѣсь въ одну таблицу результаты испытанія въ русскомъ сочиненіи, въ латинскомъ языкѣ и въ математикѣ въ разсмотрѣнныхъ выше семи учебныхъ округахъ, взявъ процентное отношеніе числа не выдержавшихъ испытанія въ каждомъ изъ этихъ предметовъ къ числу учениковъ всѣхъ категорій, подвергавшихся испытанію зрѣлости вообще.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Процентъ не выдержавшихъ испытанія изъ:			
	Русскаго сочиненія.	Латинскаго языка.	Математики	ВООБЩЕ.
С. Петербургскій . .	12,5	20,4	12,2	36,5
Московскій	13,3	16,5	11,5	25,4
Казанскій	8,5	14,5	18,5	30,2
Харьковскій	27,1	22,4	20,1	50,4
Одесскій	40,6	44	28,8	66,2
Кіевскій	15,6	16,2	15,6	30,7
Виленскій	13,3	23,3	21,6	20
Средній выводъ для всѣхъ	15,6	19,5	16,5	34,3

Въ поясненіе къ этой таблицѣ, въ видахъ устраненія какихъ либо недоразумѣній, необходимо прибавить, что выведенныя здѣсь процентныя отношенія показываютъ собственно, какое число неудовлетворительныхъ сочиненій или неудовлетворительныхъ письменныхъ

работъ и устныхъ отвѣтовъ приходится на сто или, лучше, на каждую тысячу экзаменовавшихся вообще, всѣхъ же экзаменовавшихся въ этихъ семи учебныхъ округахъ было 1.018. Такимъ образомъ, на 1.000 человекъ экзаменовавшихся приходится въ среднемъ выводѣ для всѣхъ семи учебныхъ округовъ 156 неудовлетворительныхъ русскихъ сочиненій, 195 неудовлетворительныхъ упражненій и устныхъ отвѣтовъ по латинскому языку и наконецъ, 165 неудовлетворительныхъ письменныхъ работъ и устныхъ отвѣтовъ по математикѣ,— всего же 516 неудовлетворительныхъ письменныхъ или устныхъ отвѣтовъ, тогда какъ на ту же тысячу человекъ приходится 343 не выдержавшихъ вообще испытанія зрѣлости, и на каждого изъ не выдержавшихъ испытанія приходится такимъ образомъ по $1\frac{1}{2}$ неудовлетворительныхъ отвѣта въ среднемъ выводѣ, то-есть, иначе, изъ 343 человекъ половина не выдержали испытанія не въ одномъ, а по крайней мѣрѣ въ двухъ изъ вышеупомянутыхъ главныхъ предметовъ.

Сверхъ того, изъ таблицы усматривается, что на сто неудовлетворительныхъ русскихъ сочиненій приходится 125 неудовлетворительныхъ письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ (вмѣстѣ) по латинскому языку и 105 таковыхъ же отвѣтовъ по математикѣ.

Наконецъ, изъ таблицы очевидно, что наибольшія уклоненія отъ средняго вывода представляютъ учебные округа Одесскій и Харьковскій, то-есть, тѣ именно, въ коихъ въ маѣ 1872 г. былъ усиленный выпускъ въ университетъ учениковъ, пробывшихъ лишь одинъ годъ въ VII классѣ, и гдѣ, слѣдовательно, въ 1873 г. испытанія зрѣлости производились при ненормальныхъ условіяхъ. Если поэтому исключить эти два учебные округа изъ разчета, то для остальныхъ пяти будемъ имѣть нижеслѣдующіе данныя и выводы. Всѣхъ экзаменовавшихся въ этихъ пяти округахъ было 830; изъ нихъ 246 или около 30% (29,6%) вообще не выдержали испытанія. При этомъ на каждой сто человекъ, подвергавшихся испытанію, приходится неудовлетворительныхъ русскихъ сочиненій 12, неудовлетворительныхъ письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ (вмѣстѣ) по латинскому языку 17 и наконецъ, таковыхъ же отвѣтовъ по математикѣ 15, всего же 44 неудовлетворительныхъ работы или отвѣта; а такъ какъ всѣхъ не выдержавшихъ испытанія было около 30 изъ ста, то очевидно, что и здѣсь почти половина не выдержавшихъ испытанія не выдержали его по крайней мѣрѣ по двумъ изъ вышеупомянутыхъ главныхъ предметовъ. Наконецъ, на сто неудовлетворительныхъ русскихъ сочиненій приходится 142 неудовлетворительныхъ письменныхъ и устныхъ

отвѣта по латинскому языку и 123 такихъ же отвѣта по математикѣ.

По § 39-му Правилъ объ испытаніяхъ, начальство учебнаго округа и въ правительственныхъ гимназіяхъ, по возможности, присоединяетъ къ испытательнымъ комиссіямъ своего депутата на все время производства испытаній, избирая его изъ лицъ, вполнѣ свѣдущихъ въ древнихъ языкахъ, а также и въ элементарномъ курсѣ математики. Если во многихъ реальныхъ училищахъ Пруссіи директоры ихъ, извѣстные своими учеными трудами по математикѣ, астрономіи или физикѣ, съ успѣхомъ преподаютъ латинскій языкъ даже и въ высшихъ классахъ, то и наоборотъ въ директорахъ-филологахъ тамошнихъ гимназій совершенно удовлетворительное знаніе курса элементарной математики, преподаваемой въ гимназіяхъ, есть явленіе самое обыкновенное, и изъ такихъ директоровъ обыкновенно назначаются тамъ члены провинціального училищнаго совѣта, занимающіе по отношенію къ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ среднее мѣсто между нашими попечителями учебныхъ округовъ и окружными инспекторами. И у насъ отъ окружныхъ инспекторовъ слѣдовало бы требовать вполнѣ основательнаго знанія всѣхъ предметовъ гимназическаго курса и въ особенности древнихъ языковъ и математики. Таково было, между прочимъ, мнѣніе покойнаго предсѣдателя ученаго комитета К. К. Фойгта, не разъ заявленное имъ при обсужденіи инструкціи для лицъ, ревизующихъ гимназіи и другія учебныя заведенія. Требованіе это было бы наиболѣе исполнимо при назначеніи окружныхъ инспекторовъ изъ числа лучшихъ и опытнѣйшихъ директоровъ гимназій—филологовъ. При такомъ условіи окружные инспекторы были бы естественно депутатами отъ учебнаго начальства при производствѣ испытаній зрѣлости, какихъ требуетъ § 39 Правилъ объ испытаніяхъ.

Но окружныхъ инспекторовъ мало, а гимназій довольно много. То же, и еще съ большою силою, можетъ быть связано о прусскихъ шультратахъ, коихъ обыкновенно бываетъ по одному и много по два на провинцію, въ провинціи же гимназій и реальныхъ училищъ обыкновенно бываетъ больше, чѣмъ въ цѣлыхъ нашихъ учебныхъ округахъ, и тѣмъ не менѣе тамъ ни одно испытаніе зрѣлости, коихъ бываетъ по два въ годъ въ каждомъ среднемъ учебномъ заведеніи, не производится безъ правительственнаго комиссара, коимъ обыкновенно и бываетъ мѣстный шультратъ въ качествѣ предсѣдателя, хотя и тамъ директоры всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, имѣю-

ЕННЫХЪ АТТЕСТА

ВСЕГО (и процент- ное отно- шение къ заливаш. жезаніа)	Отсрочено ис- тание.		ЕЙ.
	По болъ- ни на годъ.	На ос- нѣ ч- § 4	

ихъ по крайней мѣрѣ изъ
 I, отд. 4.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

щихъ право выдавать аттестатъ зрѣлости, назначаются отъ правительства. Необходимость присутствія правительственнаго комиссара, съ качествѣмъ предсѣдателя, при производствѣ испытаній зрѣлости, независимо отъ директора, назначеннаго также правительствомъ, мотивируется въ Пруссіи тѣмъ, что аттестаты зрѣлости даютъ важныя права, что испытанія зрѣлости служатъ пробнымъ камнемъ для повѣрки состоянія всего учебнаго дѣла въ какомъ либо заведеніи и результатовъ, имъ достигаемыхъ, и что директора и прочіе члены педагогическихъ совѣтовъ, при всей своей добросовѣстности, не могутъ однако же стоять выше обычныхъ условій человѣческой природы и, не руководясь даже никакими дурными и посторонними побужденіями, не могутъ не обнаруживать къ своему учебному заведенію и къ ввѣреннымъ имъ юношамъ нерѣдко тѣмъ большей слабости и тѣмъ большаго пристрастія, тѣмъ большаго желанія выставить ихъ въ возможно-лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ больше труда и усилій употребили они на благоустройство своего учебнаго заведенія, на образованіе ввѣренныхъ имъ юношей. Отсюда вездѣ, гдѣ учебное дѣло ведется хорошо, повѣрка окончательныхъ результатовъ, достигаемыхъ учебнымъ заведеніемъ, то-есть, окончательный экзаменъ, по которому присваиваются выдержавшимъ его тѣ или другія права, производится или совершенно посторонними лицами, а не бывшими наставниками молодыхъ людей, или же — при самомъ дѣятельномъ и вліятельномъ участіи одного или нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, чѣмъ и обезпечивается вполнѣ безпристрастіе и серьезность самихъ испытаній.

Къ той же цѣли, очевидно, должны быть направлены и у насъ заботы и усилія какъ всего учебнаго вѣдомства, такъ и отдѣльныхъ учебныхъ начальствъ, если только мы дѣйствительножелаемъ водворенія въ странѣ серьезнаго и основательнаго ученія, для чего, очевидно, необходима и серьезная, основательная, вполнѣ безпристрастная повѣрка результатовъ, достигаемыхъ ученіемъ. И у насъ, какъ въ Пруссіи, даже и при одновременныхъ письменныхъ испытаніяхъ, на которыхъ, лишь чередуясь гимназіями, могли бы присутствовать депутаты, устныя испытанія, служащія, между прочимъ, повѣркою относительно правильности производства письменныхъ испытаній, могли бы быть производимы въ различныхъ гимназіяхъ округа съ такимъ расчетомъ, чтобы одинъ и тотъ же депутатъ могъ присутствовать въ возможно большемъ числѣ гимназій на испытаніяхъ изъ предметовъ, общихъ для всѣхъ учениковъ, то-есть, на испытаніяхъ по крайней мѣрѣ изъ обихъ древнихъ язы-

ковъ, изъ математики и изъ исторіи. Соображая предписанія §§ 2, 54, 58 и 60 Правиль объ испытаніяхъ и усматривая изъ статистическихкихъ данныхъ, что почти въ каждой гимназіи число экзаменованныхъ даже и съ посторонними лицами не превышаетъ 20-и, то-есть, того числа, для котораго опредѣлено употреблять по одному дню на испытаніе въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, мы приходимъ къ заключенію, что одинъ и тотъ же депутатъ можетъ присутствовать на устныхъ испытаніяхъ зрѣлости по крайней мѣрѣ въ трехъ гимназіяхъ, расположенныхъ въ одномъ и томъ же городѣ, если притомъ испытанія будутъ производиться въ одни и тѣ же утренніе часы, и въ двухъ гимназіяхъ, если гимназіи эти лежатъ по желѣзнымъ дорогамъ (какъ бѣольшая часть нашихъ гимназій). Такимъ образомъ въ два-три года во всѣхъ гимназіяхъ испытанія зрѣлости (по крайней мѣрѣ устныхъ) могли бы быть произведены въ присутствіи, во все ихъ продолженіе, депутата отъ учебнаго начальства (за исключеніемъ, можетъ быть, только Казанскаго округа, гдѣ еще мало развиты желѣзно-дорожныя сообщенія), даже и безъ допущенія, какъ то дѣлается въ Пруссіи, что письменныя испытанія могутъ происходить мѣсяца за два до устныхъ и эти два мѣсяца исключительно посвящаются устнымъ испытаніямъ, для которыхъ поочередно въ той или другой гимназіи назначается или болѣе раннее, или болѣе позднее время.

У насъ въ 1873 году постоянные депутаты на все время производства испытаній были, повидимому, только въ Лазаревскомъ институтѣ и Тверской гимназіи—въ Московскомъ округѣ; въ Нижегородской, Саратовской и Уфимской гимназіяхъ—въ Казанскомъ, въ трехъ Харьковскихъ гимназіяхъ (по математикѣ ординарный профессоръ Ковальскій, а по прочимъ предметамъ ординарный профессоръ Лавровскій), въ Орловской, Воронежской и Тамбовской (ординарный профессоръ Надлеръ), Новочеркасской и Усть-Медвѣдицкой (ординарный профессоръ Петровъ)—въ Харьковскомъ округѣ; въ Одесской Рихельевской (гдѣ директоромъ былъ математикъ) заслуженный профессоръ по римской словесности Юргевичъ, въ Одесской второй (гдѣ директоръ филологъ) ординарный профессоръ астрономіи Беркевичъ, въ Екатеринославской (гдѣ директоръ тоже филологъ) профессоръ математики Сабининъ, въ Херсонской и Кишиневской (окружные инспекторы)—въ Одесскомъ округѣ; въ 1-й и во 2-й Киевской гимназіяхъ г. помощникъ попечителя, въ Житомирской—окружной инспекторъ, въ Каменецъ-Подольской и Полтавской—профессора Селинъ и Гогоцкій, въ Нѣжинской—самъ попечитель учебнаго округа—въ Киевскомъ

округѣ; всего изъ 78-и правительственныхъ гимназій въ 24. Въ С.-Петербургскомъ же учебномъ округѣ лишь временно присутствовали на экзаменахъ изъ тѣхъ или другихъ предметовъ въ гимназіяхъ 1-й, 5-й и 6-й С.-Петербургскихъ окружные инспекторы Савиновъ и Нейлисовъ и профессора Дестунисъ (по греческому языку) и Замысловскій (по исторіи), и точно также въ гимназіяхъ Виленскаго округа—Виленской, Шавельской, Ковенской, Минской, Гродненской и Витебской присутствовали на исптаніяхъ, по тѣмъ или другимъ предметамъ, г. попечитель округа, помощникъ попечителя и окружной инспекторъ. Назначенію постоянныхъ депутатовъ на все время производства исптаній изъ числа лицъ свѣдущихъ въ математикѣ и въ обоихъ древнихъ языкахъ нельзя не отдать предпочтенія предъ этимъ временнымъ присутствіемъ тѣхъ или другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, на исптаніяхъ зрѣлости, какъ то было въ 1873 году, кромѣ Виленскаго и С.-Петербургскаго округовъ, отчасти также и въ Харьковскомъ округѣ.

Случаевъ разногласія между депутатомъ или директоромъ и испытательною комиссіею было въ 1873 г. всего 6: въ С.-Петербургѣ относительно русскихъ сочиненій пяти учениковъ, латинскихъ упражненій двоихъ учениковъ, письменныхъ работъ одного ученика по математикѣ и одного же по латинскому языку и математикѣ, — всего относительно упражненій 10-и учениковъ частныхъ гимназій; въ Харьковѣ, гдѣ латинскія упражненія четырехъ учениковъ 3-й Харьковской гимназіи были признаны депутатомъ профессоромъ Лавровскимъ неудовлетворительными; въ Воронежѣ, гдѣ два русскія сочиненія были признаны неудовлетворительными со стороны директора гимназіи; въ Гродненской и Минской гимназіяхъ, гдѣ директоръ и преподаватели были противъ выдачи, въ Гроднѣ двоимъ ученикамъ, а въ Минскѣ одному, аттестатовъ зрѣлости, такъ какъ письменныя ихъ упражненія въ латинскомъ языкѣ были слишкомъ слабы, но гдѣ депутатъ отъ учебнаго начальства былъ въ пользу выдачи аттестата, и наконецъ, въ Уфимской гимназіи, гдѣ одинъ ученикъ на письменныхъ работахъ изъ математики получилъ по 3 по всѣмъ отдѣламъ, въ среднемъ выводѣ за годъ имѣлъ $2\frac{1}{2}$, а на устномъ исптаніи получилъ по 2 изъ алгебры и геометріи, почему депутатъ, директоръ и инспекторъ были противъ выдачи ему аттестата, а всѣ прочіе члены педагогическаго совѣта въ пользу. Въ этихъ 6-и случаяхъ разногласія были заинтересованы 20 учениковъ (10 въ С.-Петербургскомъ округѣ, 6 въ Харьковскомъ, 3 въ Виленскомъ и 1 въ Казанскомъ),

и всѣ они были разрѣшены соотвѣтственными попечительскими совѣтами въ пользу учениковъ, за исключеніемъ одного лишь случая въ Уфимской гимназіи, гдѣ попечительскій совѣтъ рѣшилъ отказать ученику въ аттестатѣ.

Намъ остается еще говорить о распредѣленіи признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ и о распредѣленіи ихъ а также и признанныхъ способнѣйшими изъ нихъ по факультетамъ, къ коимъ они себя предназначали; но эту часть нашего труда отлагаемъ до слѣдующей книжки.

Приложение I.

Темы на испытаніяхъ зрѣлости въ 1873 г. въ Московскомъ учебномъ округѣ.

1. По русскому языку:

«Въ чемъ состоитъ интересъ изученія исторіи?»

Запасная тема по русскому языку:

«Историческое значеніе монастырей въ Россіи».

2. По латинскому языку (для перевода):

Когда М. Варронъ въ дальней (ulterior) Испаніи узналъ о происшедшемъ въ Италиі, то сначала, не полагаясь (diffido) на дѣла Помпеевы, говорилъ о Цезарѣ очень дружественно; но послѣ, получивъ свѣдѣніе, что Цезаря задерживаютъ (задерживаю — detineo) при Массилиі, что силы Петрея соединились съ войскомъ Афранія, и что вся ближняя Испанія единодушна (быть единодушну — consentire), началъ и самъ склоняться, куда клонилось счастье (склоняюсь куда клонится счастье — moveo me ad motum fortunae). Онъ произвелъ наборъ (произвожу наборъ — delectum habeo) въ цѣлой провинціи; которые города считалъ пріязненными Цезарю, на тѣ налагалъ (налагаю — injungo) болѣе тяжкія бремена и выводилъ туда гарнизоны (гарнизонъ — praesidium); кто высказывался (высказываюсь — verba habeo) противъ республики, тѣхъ имѣнія конфисковалъ (конфискую — in publicum addico); всю провинцію приводилъ къ присягѣ на вѣрность (привожу къ присягѣ на вѣрность комунибудь — in verba alicujus jusjurandum adigo) себѣ и Помпею. Тогда Цезарь, отправивъ въ дальнюю Испанію два легіона съ Кв. Кассіемъ, трибуномъ народнымъ, самъ съ 600 всадниковъ, большими переходами (переходъ — iter) идетъ впередъ и предварительно посылаетъ приказъ (предварительно посылаю приказъ — edictum praemitto), къ которому дню желаетъ, чтобы сановники и старшины (сановники и старшины — magistratus principesque) всѣхъ городовъ явились предъ нимъ (явится предъ кѣмънибудь — praesto esse alicui) въ Кордубѣ. По распространеніи (распространеніе черезъ глаголь — regvulgo) этого приказа, въ цѣлой провинціи не было города, который къ тому времени не послалъ бы часть сената въ Кордубу; не было римскаго гражданина, скольконибудь извѣстнаго (скольконибудь извѣстный —

paulo potior), который бы къ назначенному дню не явился (являюсь къ назначенному дню—ad diem convenio). Испуганный этимъ Варронъ возвѣстилъ Цезарю, что передастъ легіонъ, кому Цезарь прикажетъ. А такъ какъ Афраній и Петрей, военачальники Помпеевы, еще прежде (еще прежде—jam pridem) были принуждены къ сдачѣ, то Цезарь легко овладѣваетъ и тою, и другою Испаніей.

Примѣчаніе. Испанія дѣлилась на двѣ части: ближнюю и дальнюю.

Если дальняя называлась ulterior, то экзаменующійся можетъ самъ опредѣлить, какъ называлась ближняя.

Запасная тема по латинскому языку:

Когда Цезарь приблизился къ лагерю Помпея, то увидѣлъ, что его боевая линія (боевая линія—acies) была устроена такъ:

На лѣвомъ крылѣ находились два легіона, переданные ему Цезаремъ, по опредѣленію сената, въ началѣ ихъ несогласія (несогласіе—dissensio); одинъ изъ нихъ назывался первымъ, другой—третьимъ; тутъ былъ самъ Помпей. Центръ (центр—media acies) занималъ Сципіонъ съ сирійскими легіонами. Легіонъ киликійскій, вмѣстѣ съ испанскими когортами, приведенными Афраніемъ, былъ помѣщенъ на правомъ крылѣ. Ихъ Помпей считалъ самыми надежными (надежный—firmus). Прочія войска онъ размѣстилъ въ промежуткахъ между центромъ и флангами такъ, что всѣхъ когортъ было числомъ сто десять, а солдатъ 45 тысячъ человѣкъ. Охотниковъ, приблизительно двѣ тысячи, были распределены (распредѣляю—dispergo) по всему фронту. Семь остальныхъ когортъ онъ велѣлъ помѣстить въ лагерѣ и близъ лежащихъ укрѣпленій для ихъ защиты (защита—praesidium). Такъ какъ правый флангъ былъ прикрытъ однимъ ручьемъ съ трудными для перехода берегами (трудный для перехода—impeditus), то всю конницу, всѣхъ стрѣлковъ и пращниковъ онъ противопоставилъ неприятелю на лѣвомъ крылѣ. Цезарь, на правомъ флангѣ, сохраняя свое прежнее обыкновеніе, поставилъ десятый легіонъ, а на лѣвомъ девятый, хотя этотъ послѣдній и былъ очень ослабленъ сраженіями при Диррахіумѣ (Диррахіумъ—Dyrhachium); но къ нему онъ присоединилъ восьмой, такъ что изъ двухъ легіоновъ составилъ почти одинъ. Въ строю онъ самъ говоритъ, что имѣлъ выставленными (выставленный—constitutus) 75 когортъ, что составляло (составляетъ—summa est) 22 тысячи человѣкъ, вдвое менѣе, чѣмъ Помпей. Для защиты лагеря оставилъ Цезарь только двѣ когорты, положившись (полагаюсь—confido) на храбрость своихъ солдатъ. Начальство на лѣвомъ крылѣ онъ ввѣрилъ Антонію (ввѣряю начальство кому нибудь—alicuius praeropo), на правомъ—П. Суллѣ, въ центрѣ—Кн. Домицію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, боясь, чтобы правый флангъ не былъ окруженъ конницею, онъ устроилъ аріергардъ (аріергардъ—quarta acies) изъ шести когортъ.

3. *Тема по арифметикѣ.*

Для постройки стѣны длиною въ 30 саж. 2 ар. $11\frac{3}{4}$ вер. нужно 200.000 кирпичей. Какъ велика длина другой стѣны, на постройку которой пошло 150.000 кирпичей, если высота первой относится къ высотѣ второй $=\frac{3}{7}$; 0,7 а толщина первой

$$\text{относится къ толщинѣ второй} = 0,12345345\dots : \frac{1}{2+1} \frac{3+1}{4+1} \frac{5}{5}.$$

Запасная тема по арифметикѣ:

Два купца мѣняются векселями. У перваго вексель въ 4.750 руб. срочный через 4 мѣсяца, а у втораго въ 5.405 руб. срочный через $7\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ. Сколько первый долженъ доплатить второму, если съ перваго векселя дѣляется учетъ по $6\frac{1}{2}\%$, а со втораго $10\frac{1}{2}\%$?

4. Тема по геометріи:

Сторона десятиугольнаго основанія правильной пирамиды равна 0,93 арш., апогема пирамиды = $25\frac{5}{8}$ арш. Определить поверхность и объемъ описаннаго около этой пирамиды конуса, усѣченнаго параллельно основанію, если сѣченіе сдѣлано на разстояніи отъ основанія $\frac{1}{3}$ высоты.

Запасная тема по геометріи:

Найти радиусъ шара, объемъ коего равенъ объему тетраэдра, имѣющаго ребро въ 1,14 метра длиною.

5. Тема по алгебрѣ:

Изъ города отправился пѣшеходъ, проходящій въ первый день 1 версту, во второй—3 версты, въ 3-й—5 верстъ и т. д. (въ каждый день двумя верстами болѣе). Спустя три дня отправился другой пѣшеходъ, въ первый день проходящій 12 верстъ, во второй—13 и т. д. (въ каждой день болѣе на одну версту). Черезъ сколько дней второй догонитъ перваго?

Запасная тема по алгебрѣ:

На 28 работниковъ требуется раздѣлить сумму денегъ такъ, чтобы каждому досталось однимъ и тѣмъ же числомъ менѣе своего предшественника. Вслѣдствіе сего пятый и двѣнадцатый работникъ получили вмѣстѣ 10 рублей, а седьмой и шестнадцатый вмѣстѣ 9 рублей. Сколько получитъ каждый работникъ и сколько всѣмъ выдано?

6. Тема по тригонометріи:

Сумма двухъ сторонъ треугольника = 613,47 арш., третья сторона = 263,546 арш., уголъ противолежащій меньшей сторонѣ = $47^{\circ}56'13''$. Определить прочія части треугольника и площадь его.

Запасная тема по тригонометріи:

Въ кругѣ проведены два діаметра подъ угломъ $\alpha = 73^{\circ}15'26''$. Если концы одного изъ нихъ соединить съ однимъ и тѣмъ же концомъ другаго, то большая хорда на 5,4258 метра будетъ болѣе меньшей. Определить площадь круга.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

НИЗШІЯ УЧИЛИЩА.

Начальныя училища въ Ирбити Пермской губерніи.—Осмотръ нѣкоторыхъ училищъ Херсонской губерніи бывшимъ начальникомъ этой губерніи г. Абазою.

Членъ училищнаго совѣта въ Ирбити, Пермской губерніи, г. Иконниковъ доставилъ намъ записку о сельскихъ школахъ въ этомъ уѣздѣ, изъ которой мы извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія:

Въ 1873 году минуло первое трехлѣтіе со времени введенія земскихъ учрежденій въ Пермской губерніи. Какъ отнесутся земскіе дѣятели къ вопросу о народномъ образованіи—это покажетъ будущее; можно искренно пожелать, чтобы при немалыхъ своихъ затратахъ они вели его вполне успѣшно. Вотъ, между прочимъ, краткій очеркъ дѣятельности Ирбитскаго земства по народному образованію въ теченіе перваго трехлѣтія.

Ирбитскій уѣздъ составляетъ часть восточной окраины Пермской губерніи и граничитъ съ двумя уѣздами губерніи Тобольской — Туринскимъ и Тюменскимъ. Какъ по пространству, такъ и по населенности онъ меньше всѣхъ остальныхъ въ губерніи, а именно, пространство его 9.644 квад. верстъ, жителей же обоого пола 120.140. По мѣстности можно раздѣлить его на двѣ половины — западную и восточную; въ первой преобладаютъ лѣса, во второй—степи. Въ западной лѣсной половинѣ, смежной съ заводами Екатеринбургскаго и Верхотурскаго уѣздовъ, жители отличаются болѣе грубыми нравами, и преступленія между ними весьма не рѣдки; къ училищамъ они относятся равнодушно: отказываютъ въ наймѣ удобныхъ помѣщеній

для школъ и соглашаются на это лишь послѣ продолжительныхъ настояній управы или мировыхъ посредниковъ. Въ этой мѣстности только Невьянское общество устроило очень хорошее зданіе для училища, и то по неотступнымъ просьбамъ мѣстнаго благочиннаго, бывшаго члена училищнаго совѣта. Въ другихъ селеніяхъ, школы расположены въ наемныхъ домахъ или въ церковныхъ, не вездѣ удобныхъ. Что касается до населенія восточной части уѣзда, то оно относится къ училищамъ болѣе сочувственно. Здѣсь всѣ почти волости, гдѣ существуютъ школы, устроили для нихъ приличныя помѣщенія, безъ особыхъ напоминаній со стороны управы.

Ежегодные урожаи и происходящая отъ того зажиточность населенія, а также совершенное почти отсутствіе въ уѣздѣ раскольниковъ (они находятся только въ Ирбитскомъ заводѣ) ставятъ Ирбитскій уѣздъ въ особенно выгодныя условія для развитія здѣсь школьнаго дѣла. Число училищъ и учащихся съ каждымъ годомъ увеличивается; поэтому и земство ежегодно увеличиваетъ смѣтную сумму на народное образованіе.

Въ 1870 году въ Ирбитскомъ уѣздѣ считалось училищъ: 6 штатныхъ, основанныхъ по распоряженію палаты государственныхъ имуществъ съ 1837 по 1860 годъ и содержавшихся на счетъ 4-хъ-процентнаго сбора съ крестьянъ; 7 школъ грамотности, открытыхъ въ шестидесятыхъ годахъ, на счетъ добровольной раскладки съ крестьянъ; 4 безмездныя школы, учрежденныя мѣстными священниками, и 1 училище, получавшее пособіе отъ Ирбитскаго заводскаго управленія,—слѣдовательно, всего 18. Состояніе ихъ было вообще не удовлетворительно какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи.

Первое очередное земское собраніе, бывшее въ 1870 году, не могло получить удовлетворительныхъ свѣдѣній объ училищахъ, а потому предположило учредить вновь только два, а всѣмъ существовавшимъ оказать пособіе. Оно ассигновало на 1871 годъ слѣдующія суммы для народнаго образованія: а) на учрежденіе двухъ новыхъ образцовыхъ училищъ въ уѣздѣ, по 500 руб. на каждое, 1.000 руб.; б) въ пособіе 7-ми штатнымъ училищамъ 350 руб.; в) въ пособіе школамъ, содержимымъ крестьянами и священниками 650 р.; г) въ распоряженіе училищнаго совѣта 600 руб.; д) на образованіе дѣтскихъ библиотекъ при сельскихъ училищахъ 100 руб. Кроиъ того, земство не оставило безъ вниманія и городскихъ школъ, назначивъ: а) на наемъ отдѣльной квартиры для мужскаго приходскаго учили-

ща, въ центрѣ города, 150 руб. ¹⁾; б) въ пособіе библиотекъ при томъ же училищѣ 50 руб.; в) на добавочное жалованье учителямъ женскаго училища 600 руб.; г) въ пособіе библиотекъ уѣднаго училища, за право пользованія книгами изъ оной жителями города и уѣзда — 200 руб., и д) на жалованье библиотекаря при ней — 120 руб. Всего же по смѣтѣ было назначено 3.820 руб. Сверхъ того, на земство палъ еще не предвидѣнный расходъ въ 1.428 руб. 84 коп., по слѣдующей причинѣ. Шесть штатныхъ сельскихъ училищъ содержались до 1871 года на счетъ 4-хъ-процентнаго сбора съ крестьянъ, который, со введеніемъ земскихъ учреждений, долженъ былъ прекратиться; между тѣмъ въ смѣту земскихъ расходовъ на 1871 годъ суммы на содержаніе означенныхъ училищъ внесено не было, а только въ пособіе имъ назначено 300 руб., почему онѣ и остались безъ всякихъ почти средствъ къ существованію. Вслѣдствіе этого, уѣздная управа опредѣлила упомянутую выше сумму (1.428 руб. 84 коп.) на содержаніе 6-ти штатныхъ училищъ въ 1871 году употреблять изъ остатковъ отъ смѣтныхъ назначеній по другимъ предметамъ, а въ случаѣ недостатка ихъ производить расходъ изъ суммъ, назначенныхъ на непредвидѣнные расходы.

Второе очередное земское собраніе 1871 года назначило на училищную часть въ 1872 году слѣдующія суммы: а) на наемъ квартиры и отопленіе городского мужскаго училища 200 руб.; б) въ пособіе библиотекъ 25 руб.; в) на приготовленіе кандидатовъ въ сельскіе учителя 120 руб.; г) на добавочное жалованье учителямъ женской прогимназіи 600 руб.; д) на содержаніе 16-ти училищъ въ уѣздѣ, по 300 руб. на каждое ²⁾, 4.800 руб.; е) на содержаніе помощниковъ учителей въ многолюдныхъ школахъ 600 руб.; ж) на содержаніе недостаточныхъ учениковъ и наемъ помѣщеній для приходящихъ изъ другихъ селеній 560 руб.; з) на учебныя пособія 800 руб.; и) на награды ученикамъ 150 руб.; і) въ пособіе Чубаровскому образцовому училищу, открытому на средства министерства народнаго просвѣщенія, 150 руб.; к) въ пособіе Ирбитско-заводскому училищу, съ приспособленіемъ его для образованія дѣвочекъ въ большемъ количествѣ, 300 руб.; л) на содержаніе уѣднаго училищнаго совѣта

¹⁾ Прежде того приходское училище помѣщалось вмѣстѣ съ уѣзднымъ, къ явному ущербу для послѣдняго.

²⁾ Сумма эта распределяется только между преподавателями, а именно, на жалованье учителямъ по 240 и законоучителямъ по 60 руб.

400 руб., и м) въ пособіе библіотекъ Ирбитскаго уѣзднаго училища и на жалованье библіотекаря 320 руб. Всего 9.025 руб.

Третье очередное земское собраніе утвердило расходы по народному образованію въ 1873 году на слѣдующіе предметы: а) на наемъ квартиры для городскаго приходскаго училища, отопленіе его и въ пособіе его библіотекъ 225 руб.; на добавочное жалованье учителямъ Ирбитской женской прогимназіи 600 руб.; в) на жалованье учителямъ сельскихъ училищъ, полагая на 19 училищъ по 300 руб. на каждое, — 5.700 руб.; г) на жалованье двумъ учительницамъ женскихъ отдѣленій при мужскихъ школахъ—360 руб.; д) на жалованье 6-ти помощникамъ учителей, по 120 руб. каждому — 720 руб.; е) на учебныя пособія и книги для учащихся—1.000 руб.; ж) на награды ученикамъ—150 руб.; и) на содержаніе недостаточныхъ учениковъ и наемъ помѣщеній для приходящихъ изъ дальнихъ селеній мальчиковъ—760 руб.; i) въ пособіе Чубаровской школѣ—150 руб.; к) на содержаніе училищнаго совѣта—400 руб.; л) въ пособіе библіотекъ Ирбитскаго уѣзднаго училища—320 руб.; а всего -- 10.385 руб.

Уѣздный училищный совѣтъ былъ открытъ 11-го марта 1871 года. Для лучшаго наблюденія за школами, всѣ онѣ были раздѣлены на участки, изъ которыхъ каждый находится въ завѣдываніи особаго члена совѣта. Дѣятельность училищнаго совѣта въ теченіе 1871 и 1872 годовъ заключалась, между прочимъ, въ слѣдующемъ. Считая для земства обременительнымъ удовлетвореніе всѣхъ расходовъ по содержанію сельскихъ школъ, совѣтъ отнесся къ волостнымъ правленіямъ съ предложеніемъ содѣйствовать улучшенію матеріальной части училищъ, а именно: отводить какъ для нихъ, такъ и для наставниковъ, удобныя квартиры съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою; снабженіе же ихъ учебными пособіями и необходимымъшею мебелью совѣтъ призналъ нужнымъ отнести на средства земства. Въ началѣ сентября того же года, предсѣдатель училищнаго совѣта осмотрѣлъ сельскія школьныя библіотеки и, найдя ихъ въ жалкомъ состояніи, снабдилъ ихъ учебными книгами и пособіями, и просилъ учителей обращаться съ подобными требованіями въ училищный совѣтъ.

Изъ заявленія училищнаго совѣта третьему очередному земскому собранію видно, что съ переходомъ школъ въ вѣдѣніе земства, родители стали относиться къ нимъ гораздо сочувственнѣе. Крестьяне охотно отдають теперь дѣтей своихъ въ школы, въ которыхъ находятся свѣдущіе преподаватели; нѣкоторыя сельскія общества, не имѣвшія вовсе училищъ, начали устраивать для нихъ помѣщенія, въ

надеждѣ, что земство не замедлитъ принять на себя всѣ другіе расходы. Предполагавшіяся къ открытію въ 1871 и 1872 годахъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ школы не были открыты единственно за недостаткомъ учителей. Ирбитъ слишкомъ отдалена отъ Перми, и кончившіе курсъ въ тамошней семинаріи размѣщаются по ближайшимъ къ губернскому городу уѣздамъ, или поступаютъ туда, гдѣ предлагаютъ имъ хорошее вознагражденіе, какъ напримѣръ, въ уѣздахъ Верхотурскомъ и Екатеринбургскомъ. Лѣтомъ 1872 года посѣтилъ Пермь предсѣдатель Верхотурской управы и увезъ съ собою почти всѣхъ тѣхъ окончившихъ курсъ семинаристовъ, которые пожелали поступить въ сельскіе учителя. Ирбитское земство могло бы, конечно, открыть меньшее количество школъ и назначить высокую плату преподавателямъ, но оно не считаетъ себя въ правѣ отвѣчать отказомъ на ходатайства сельскихъ обществъ, если эти общества предлагаютъ отъ себя готовое помѣщеніе, отопленіе, прислугу и другіе расходы по училищамъ. Заявленія же такого рода поступаютъ почти постоянно.

Всѣ преподаватели, занимающіеся въ сельскихъ училищахъ, ознакомлены съ новыми способами обученія чтенію и ариметикѣ; въ каждой школѣ имѣются нѣкоторыя новѣйшія руководства по звуковому методу, и учителямъ вмѣнено въ обязанность непремѣнно придерживаться ихъ. Но не всѣ учителя слѣдуютъ данной имъ инструкціи; нѣкоторые изъ нихъ, начавъ преподаваніе по указанному имъ способу, оставили его отъ недостатка усердія къ дѣлу и свели новое обученіе на старое; они стараются лишь удержаться на своихъ мѣстахъ, а потому въ присутствіи постороннихъ лицъ, особенно членовъ училищнаго совѣта, пускаютъ въ ходъ весь запасъ своего знакомства съ новыми методами, но неудовлетворительные отвѣты учениковъ обнаруживаютъ, что эти преподаватели мало примѣняютъ свои знанія къ дѣлу. Конечно, они вели бы его несравненно лучше, еслибы учрежденъ былъ надъ ними постоянный и строгій надзоръ со стороны органовъ министерства народнаго просвѣщенія (въ настоящее время инспекторъ начальныхъ училищъ рѣшительно не въ состояніи обозрѣвать всѣ существующія школы такъ часто, какъ было бы это желательнымъ).

Въ видахъ ознакомленія лицъ, домогавшихся званія сельскихъ учителей, съ новыми методами преподаванія, управа приглашала для занятій съ ними учителя Ирбитскаго уѣзднаго училища, Павлова, съ вознагражденіемъ его сначала по 10 руб., а потомъ по 15 руб. въ

мѣсяць. Онъ занимался съ кандидатами съ февраля 1871 до февраля 1872 года, до перемѣщенія его на службу въ Екатеринбургское уѣздное училище. Большинство преподавателей, служившихъ первоначально въ Ирбитскомъ уѣздѣ, вышло изъ подъ его руководства. Г. Павловъ отличался особеннымъ усердіемъ къ своему дѣлу; не смотря на скудное вознагражденіе отъ земства, онъ на собственные средства пріобрѣлъ необходимѣйшія книги педагогическаго содержанія и нерѣдко оказывалъ даже помощь бѣднякамъ-кандидатамъ; кромѣ ознакомленія ихъ съ приемами и методами первоначальнаго обученія, чего только и требовала земская управа, онъ обращалъ особенное вниманіе на умственное ихъ развитіе, на пробужденіе въ нихъ любознательности и т. п. Занятія его съ кандидатами происходили слѣдующимъ образомъ: прежде всего онъ старался разъяснить имъ важность учительскаго званія; излагалъ имъ подробно, что отъ нихъ требуется и какъ обязаны они вести свое дѣло, затѣмъ — какъ должны они обращаться съ учениками, стараясь пріучить ихъ къ осмысленной и отчетливой работѣ. Для упражненія въ русскомъ языкѣ, кандидатамъ задаваемы были письменныя упражненія, а именно: они обязаны были излагать на бумагѣ уроки объяснительнаго чтенія различныхъ статей изъ „Роднаго Слова“. Къ сожалѣнію, приготовленіе кандидатовъ было довольно торопливо, ибо съ одной стороны сами они, люди недостаточные, спѣшили поступить на учительскія мѣста, а съ другой — училищный совѣтъ и управа старались не оставлять школъ долгое время безъ преподавателей. По большей части, кандидатами этими были кончившіе курсъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, или вышедшіе изъ семинаріи прежде окончанія курса; получившихъ же полное семинарское образованіе оказалось только двое.

Г. Иконниковъ сообщаетъ, что при обзорѣни ихъ, въ февралѣ 1873 года, 6 сельскихъ начальныхъ училищъ: Харловскаго, Ляпуновскаго, Байкаловскаго, Нижне-Иленскаго, Чубаровскаго и Киргинскаго, а въ послѣднихъ числахъ марта 5 училищъ: Свердловскаго, Зайковскаго, Вѣлослудскаго, Ирбитско-заводскаго и Шогринскаго оказалось слѣдующее:

Харловское училище помѣщается въ церковномъ каменномъ домѣ, въ двухъ довольно просторныхъ комнатахъ, раздѣленныхъ теплымъ корридормъ. Помѣщеніе холодное, особенно одна комната; домъ требуетъ ремонта; въ стѣнахъ трещины. Общество намѣревается сдѣлать всѣ необходимыя исправленія. Классныхъ принадлежностей и учебныхъ пособій достаточно, только счетовъ мало. Ученики раз-

дѣлены на 2 отдѣленія; на лицо было ихъ 43, а по списку значилось 61 мальчикъ и 8 дѣвочекъ. Успѣхи учениковъ въ чтеніи и письмѣ довольно удовлетворительны. Въ старшемъ отдѣленіи читаютъ по „Родному Слову“, а въ младшемъ—по азбукѣ Столяпскаго. Въ младшее отдѣленіе дѣти поступаютъ во всякое время, а потому занятія съ ними очень затруднительны. Ученики старшаго отдѣленія читали по „Родному Слову“ толково, и не могли объяснить лишь очень немногія слова изъ прочитаннаго. Изъ ариметики въ умственпомъ счисленіи ученики были упражняемы мало; учитель оправдывался тѣмъ, что долго не высылали ему надлежащихъ руководствъ по этому предмету. Вообще дѣти болѣе упражнялись въ чтеніи и мало въ ариметикѣ. Не смотря на это, учитель Олешковъ отличается особеннымъ усердіемъ; это видно изъ того, что онъ безмездно занимается и по вечерамъ со взрослыми крестьянами, которые когда то учились въ церковно-приходской школѣ, но уже успѣли все позабыть. Преподаваніе закона Божія нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ. „Начатки христіанскаго ученія“ затверждаются наизусть, безъ достаточнаго пониманія; ученики отвѣчаютъ на вопросы преподавателя всѣ хромъ; когда же онъ обращается къ одному изъ нихъ, хотя бы и къ лучшему по успѣхамъ, тотъ становится въ тупикъ. Главнѣйшія молитвы нѣкоторые ученики знаютъ и умѣютъ объяснить. Въ журналѣ учительскомъ отмѣчено, что по закону Божию уроковъ было: въ октябрѣ 3, въ ноябрѣ—1, въ декабрѣ—2, въ январѣ—2.

Иленское (Ляпуновское) училище имѣетъ помѣщеніе въ домѣ волостнаго старшины, во всѣхъ отношеніяхъ неудобное: оно грязно, холодно и состоитъ изъ одной большой комнаты, по срединѣ которой огромная печь, мѣшающая наблюдать за учениками. Въ этой комнатѣ распределены всѣ три отдѣленія. Мѣстный старшина, онъ же и попечитель училища, заявилъ г. Иконникову, что общество предполагаетъ выстроить каменный домъ для школы одновременно съ постройкой церковной ограды; но до тѣхъ поръ оказалось необходимымъ помѣстить ее въ какомъ-нибудь удобномъ домѣ, такъ какъ предполагаемая постройка можетъ еще замедлиться не на одинъ годъ. Въ настоящее время это уже исполнено.

Успѣхи дѣтей въ чтеніи и ариметикѣ удовлетворительны. Названія разныхъ предметовъ, упоминаемыхъ въ „Родномъ Словѣ“, они знаютъ хорошо; подъ диктовку пишутъ довольно правильно, но безъ надлежащаго выбора статей. Въ ученическихъ тетрадяхъ сохранились выписки изъ „Сына Отечества“ за 1870 годъ; такое спи-

сываніе—чисто механическое и не можетъ, конечно, принести пользы учащимся.

Въ преподаваніи закона Божія былъ небольшой перерывъ по случаю смерти бывшаго законоучителя, свящ. Козельскаго; новый законоучитель, о. Ребринъ, обѣщаетъ быть усерднымъ преподавателемъ. Учениками пройдено не все, указанное въ программѣ.

Байкаловское училище во многихъ отношеніяхъ стоитъ выше всѣхъ осматрѣнныхъ г. Иконниковымъ и можетъ даже считаться образцовымъ. Общество выстроило для него, по составленному архитекторомъ плану, прекрасный деревянный домъ на приличномъ мѣстѣ и въ здоровой мѣстности. Комнаты свѣтлы, чисты и просторны; онѣ раздѣлены для трехъ отдѣленій фундаментальными стѣнами. При кухнѣ находится помѣщеніе и для приходящихъ учениковъ. Учитель Мартыновъ обращаетъ особенное вниманіе на умственное развитіе дѣтей; читаютъ они выразительно, съ объясненіемъ рѣдко употребляемыхъ словъ; пишутъ нодѣ диетовку почти безъ ошибокъ, дѣлаютъ грамматическій разборъ простыхъ предложеній. Въ ариметикѣ они успѣли также очень много, а именно въ старшемъ отдѣленіи ознакомились даже съ дробями; на счетахъ считаютъ бойко; умственные задачи рѣшаютъ легко; кромѣ того, занимаются черченіемъ частей свѣта. Что касается до закона Божія, то ученики стройно поютъ молитвы; въ школѣ учреждены особые классы пѣнія, которому обучаетъ безмездно попечитель ея, свящ. Арефьевъ. Онъ весьма внимателенъ къ училищу; часто посѣщаетъ его и помогаетъ иногда законоучителю въ его занятіяхъ. Въ послѣднее время задумалъ онъ на собственныя средства и на пожертвованія частныхъ лицъ учредить при школѣ бібліотеку, которою могли бы пользоваться, кромѣ учениковъ, и всѣ взрослые грамотѣи. Въ виду этого онъ уже обращался съ просьбою въ комитетъ грамотности о высылкѣ для училища безмездно книгъ общедоступнаго содержанія; комитетъ доставилъ около 150 экземпляровъ разныхъ сочиненій.

Нижеусленское училище помѣщается въ общественномъ деревянномъ двухъ-этажномъ домѣ, весьма тѣсномъ. Внизу квартира учителя, состоящая изъ комнаты и кухни, раздѣленныхъ холодными стѣнами; въ верхнихъ комнатахъ (классныхъ) полъ разохся; зимою, при посѣщеніи школы г. Иконниковымъ, въ этихъ комнатахъ было невыносимо жарко, такъ что двери на улицу постоянно оставались открытыми, а внизу у учителя чрезвычайно холодно. Форточекъ нѣтъ; желѣзнаго листа у печки также нѣтъ, и училище разъ едва не заго-

рѣлось. Учениковъ по списку считается 28; съ начала учебнаго года поступило 30 чел., но двое выбыли. Въ старшемъ отдѣленіи прошли всю 1-ю часть „Роднаго Слова“; отвѣчали на вопросы толково; видно, что объяснительное чтеніе ведется хорошо, съ объясненіемъ всѣхъ малоупотребительныхъ словъ. Въ младшемъ отдѣленіи нѣкоторые ученики, поступивъ въ школу за три мѣсяца до ея осмотра г. Иконниковымъ, уже умѣли порядочно читать. Изъ ариметики въ старшемъ отдѣленіи умственно рѣшаютъ задачи до 20 и дѣлаютъ письменныя задачи на сложеніе и вычитаніе; употребленію счетовъ дѣти еще не обучены. По славянски они не начинали учиться за неизмѣнимъ внигъ.

Чубаровское образцовое училище находится въ крайнемъ упадкѣ, вслѣдствіе нерадѣнія прежняго учителя. При немъ многіе родители брали отъ него своихъ дѣтей и помѣщали ихъ въ домашнія школы, открываемыя въ разныхъ деревняхъ близъ Чубаровой отставными солдатами и другими самозванными педагогами. При входѣ въ Чубаровское училище невольно поражаетъ посѣтителя унылый и болѣзненный видъ учениковъ. Всѣ они кажутся запуганными, истомленными, какъ будто это не школа, а дѣтскій лазаретъ; на вопросы они едва поворачиваются и отвѣчаютъ кое-какъ, упершись глазами въ полъ. Запуганность дѣтей, по справедливости, можно объяснить существовавшими тѣлесными наказаніями и грубымъ обращеніемъ учителя. Въ умственномъ отношеніи дѣти кажутся не только не развитыми, но что всего хуже—забитыми; отвѣты ихъ на самыя простыя вопросы поражаютъ своею странностію. По закону Божию отвѣчали они не удовлетворительно, не знали общеупотребительныхъ славянскихъ словъ, говорили, напримѣръ, что „азъ“ значитъ *нашъ*, „днесъ“—*день*. Законоучитель уже подалъ въ училищный совѣтъ просьбу объ увольненіи его отъ должности и можно надѣяться, что при его преемникѣ дѣло пойдетъ гораздо успѣшнѣе. Изъ русскаго языка дѣти по „Родному Слову“ читаютъ безъ пониманія читаемаго; подъ диктовку въ 1 и 2 отдѣленіяхъ ни одного слова не могли написать безъ грубѣйшихъ ошибокъ; въ умственныхъ упражненіяхъ по ариметикѣ не привыкли. Женское отдѣленіе помѣщается внизу училищнаго дома, въ комнатахъ съ маленькими окнами, недостаточно свѣтлыхъ. Ученицъ считается 10. Въ старшемъ отдѣленіи читаютъ 1 и 2 части „Роднаго Слова“, а также по славянски толково; рѣшаютъ умственно ариметическія задачи до 90. Учительница Красногорская безмездно занималась нѣкоторое время и въ мужскомъ отдѣленіи за болѣзнію учителя.

Киргинское училище помѣщается по найму въ каменномъ домѣ, въ просторныхъ классныхъ комнатахъ, но мѣстное общество предполагаетъ выстроить для него особый домъ, для чего уже и ассигновало 1.000 руб. Ученики раздѣляются на два отдѣленія: въ 1-мъ считается по списку 21, а на лицо было 10, изъ нихъ 3 дѣтвочки; во 2-мъ по списку 16 чел., а на лицо было 11, изъ нихъ 2 дѣвочки. Многіе ученики не ходятъ по немѣннѣю одежды и обуви; другіе отлучались на ярмарку. Поступаютъ они въ школу во всякое время, безъ опредѣленныхъ сроковъ. Приемы обученія чтенію и ариметикѣ устарѣлы; не смотря на то, дѣти оказываютъ достаточные успѣхи: по ариметикѣ они рѣшаютъ задачи на первыя четыре правила; читаютъ по „Родному Слову“ выразительно и толково разказываютъ прочитанное. Что же касается до умственнаго счисленія, то видно, что они упражнялись въ немъ очень мало, не знаютъ также мѣръ длины.

По закону Божію успѣхи весьма удовлетворительны, ученики знаютъ главнѣйшія молитвы и умѣютъ объяснять ихъ; выучили также многіе тропари; имъ извѣстны и важнѣйшія событія изъ св. исторіи. Законоучитель Ареѣевъ,—онъ же и попечитель школы,—ревностно заботится объ ея преуспѣяніи. Въ Киргинскомъ училищѣ устроены особые классы пѣнія, которому обучаетъ мѣстный дьяконъ за 3 руб. въ мѣсяцъ. Поютъ очень порядочно.

Киргинское училище очень нуждается въ 40-рублевомъ пособіи, назначенномъ земствомъ для бѣдныхъ и приходящихъ учениковъ. Этихъ послѣднихъ не менѣе 7; они живутъ у хозяевъ въ томъ же училищномъ домѣ и платятъ по 25 коп. за квартиру и пищу. Есть также бѣдные мальчики, которые не ходятъ въ школу по немѣннѣю обуви. Такихъ бѣдняковъ, обнаруживающихъ хорошія способности и большую охоту къ ученію, можно было бы снабжать одеждою на счетъ остатковъ отъ упомянутыхъ выше 40 рублей.

Что касается другихъ школъ, осматрѣнныхъ г. Иконниковымъ, то ученіе идетъ въ нихъ болѣе или менѣе удовлетворительно и всѣ преподаватели исполняютъ свои обязанности, повидимому, добросовѣстно. Только Ирбитско-заводское училище требуетъ особаго вниманія, вопервыхъ потому, что оно помѣщено очень дурно, воздухъ въ немъ крайне тяжелый и душливый, мебель почти развалилась, а вовторыхъ, и ученіе идетъ въ немъ далеко не успѣшно, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, ея многолюдности: учитель Пановъ занимается только въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ, младшее же оставлено имъ

Безъ всякаго присмотра, и каждый ученикъ читаетъ, или вѣрнѣе бормочетъ про себя какую-нибудь книгу. Необходимо поэтому назначить въ Ирбитско-заводскую школу втораго учителя, который особенно занимался бы съ младшимъ отдѣленіемъ.

Сельскія школы Херсонской губерніи осматриваемы были въ истекшемъ 1873 году весьма часто, но одна изъ этихъ ревизій имѣла особенно плодотворные результаты, ибо она была произведена (въ маѣ мѣсяцѣ) совмѣстно бывшимъ губернаторомъ, г. Абазю, председателемъ губернской земской управы г. Эрдели (нынѣ исправляющимъ должность Херсонскаго губернатора) и инспекторомъ народныхъ училищъ. Живое участіе и заботливость, съ какими начальникъ губерніи осматривалъ посѣщенныя имъ школы, знакомился съ занятіями и успѣхами дѣтей, вникалъ въ удобства и неудобства училищныхъ помѣщеній, а также бесѣды его съ крестьянами о необходимости и пользѣ грамотности,—все это произвело весьма благопріятное впечатлѣніе на сельскихъ жителей. Многія изъ осматрѣнныхъ школъ найдены были въ помѣщеніяхъ тѣсныхъ или по чему либо неудобныхъ въ гигиеническомъ и учебномъ отношеніяхъ; иныя терпѣли нужду въ книгахъ и учебныхъ пособіяхъ; большинство же ихъ страдало отъ недостатка въ хорошихъ преподавателяхъ. вслѣдствіе чрезвычайно скуднаго вознагражденія учительскаго труда. Содѣйствию г. Абазы слѣдуетъ приписать то, что крестьянскія общества, которымъ были указаны эти недостатки, тотчасъ же принимали мѣры для ихъ устраненія.

Нельзя сомнѣваться, что подобный совмѣстный осмотръ школъ начальникомъ губерніи, представителемъ земства и инспекторомъ народныхъ училищъ представляетъ въ высшей степени отрадное явленіе, долженствующее благотворно повліять на отношенія къ школѣ мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ случай служить доказательствомъ, какое значеніе въ судьбѣ народныхъ училищъ могутъ имѣть дружныя усилія и заботы о нихъ со стороны всѣхъ вѣдомствъ.

Сообщимъ здѣсь нѣсколько подробностей объ упомянутой ревизіи.

Въ отчетѣ г. инспектора говорится прежде всего объ осмотрѣ школъ Полтавской, Привольянской и Новоодесской, носящихъ названіе образцовыхъ земскихъ училищъ. Всѣхъ такихъ правильно организованныхъ училищъ находится въ Херсонскомъ уѣздѣ 16 и со-

держатся они земствомъ при пособіи мѣстныхъ обществъ. Устроены они въ различныхъ мѣстностяхъ съ цѣлю вызвать подражаніе; мѣстныя общества даютъ имъ квартиры, отопленіе и, кромѣ того, по 100 р. въ годъ, а земство отпускаетъ ежегодно по 250 руб. на жалованье преподавателямъ и снабжаетъ школы учебными пособиями и классными принадлежностями. Законоучители опредѣленнаго содержанія въ земскихъ школахъ не получаютъ, но имъ выдается единовременное пособіе въ размѣрѣ отъ 30 до 50 руб., смотря по ихъ усердію. Въ 1873 году открыта была новая образцовая школа въ м. Кривомъ Рогѣ; устройствомъ своимъ она обязана какъ мѣстному мировому посреднику, г. Буксгевдену, склонившему общество построить для нея новый каменный домъ въ 3.000 рублей, такъ и попечительницѣ ея, Е. П. Худяковой, снабдившей эту школу необходимыми учебными пособиями и вообще принимающей ревностное участіе въ обученіи крестьянскихъ дѣтей. Въ прошломъ же году существовавшая въ с. Качкаровкѣ сельская школа преобразована въ земскую образцовую, и помѣщена также въ новомъ зданіи, отстроенномъ для нея при содѣйствіи попечителя этой школы, М. Ѳ. Агаркова. Земство снабдило ее въ достаточномъ количествѣ учебными пособиями и классными принадлежностями.

Во всѣхъ 16-ти образцовыхъ земскихъ училищахъ Херсонскаго уѣзда обучалось въ 1873 году: мальчиковъ—764, дѣвочекъ—118, а всего 882. Среднимъ числомъ приходится, слѣдовательно, на каждую школу по 55-ти дѣтей.

Три школы, названныя нами выше, найдены были, при осмотрѣ ихъ бывшимъ начальникомъ губерніи, предсѣдателемъ земской управы и инспекторомъ народныхъ училищъ, въ удовлетворительномъ состояніи: только одна изъ нихъ—Новоодесская—не имѣла удобнаго помѣщенія. Для нея отведены были комнаты при волостномъ правленіи, хотя и просторныя, но темныя. Замѣтивъ это неудобство, г. начальникъ губерніи предложилъ обществу помѣстить школу въ другомъ мѣстѣ, и общество постановило отвести для нея все зданіе, занимаемое волостнымъ правленіемъ, а для волостнаго правленія построить новый домъ.

Всѣхъ школъ, подвергшихся ревизіи, о которой мы говоримъ, было болѣе 30-ти. Изъ нихъ въ 19-ти оказались очень неудобныя помѣщенія и ученье шло безуспѣшно потому, что преподаватели занимались съ дѣтьми небрежно; г. начальникъ губерніи обратилъ на это особенное вниманіе, и 5 изъ упомянутыхъ школъ въ томъ же

1873 году уже получили приличные помѣщенія, а въ 10-ти назначены новыя учителя съ болѣе обезпеченнымъ содержаніемъ; равнымъ образомъ, объ увеличеніи вознагражденія преподавателямъ и о постройкѣ или наймѣ новыхъ домовъ для остальныхъ училищъ уже постановлены приговоры мѣстными обществами и въ настоящее время приводятся мало по малу въ исполненіе. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ успѣхи учениковъ оказались вполне удовлетворительными, г. начальникъ губерніи раздавалъ имъ награды, чтобы поддержать ихъ рвеніе и на будущее время. Между этими училищами едва ли не первое мѣсто принадлежитъ Ново-Бугскому двухклассному, содержимому на средства министерства народнаго просвѣщенія, при пособіи со стороны мѣстнаго общества. При осмотрѣ оказалось въ немъ обучавшихся 121,— а именно: 26 мальчиковъ въ старшемъ классѣ, 65—въ младшемъ и 30 дѣвочекъ въ особомъ женскомъ отдѣленіи. Изъ старшаго класса 7 крестьянскихъ мальчиковъ уже поступили въ учительскую семинарію въ г. Херсонѣ и г. инспекторъ выражаетъ увѣренность, что они окажутся въ послѣдствіи вполне способными и надлежащими преподавателями для народныхъ школъ; кромѣ того, двое изъ старшаго же класса также заявили готовность поступить въ учительскую семинарію и уже получаютъ установленную для подобныхъ кандидатовъ стипендію. Осмотрѣнныя мастерскія и работы учениковъ вызвали общую похвалу; садъ при школѣ содержится очень старательно.

Всѣхъ же народныхъ училищъ Херсонской губерніи было осмотрѣно въ 1873 году г. инспекторомъ 94. Вникая во всѣ подробности ихъ учебнаго устройства, руководя преподавателей своими наставленіями и совѣтами, онъ заботился также и о томъ, чтобы развить и укрѣпить въ обучающихся въ этихъ школахъ дѣтяхъ религіозное и нравственное чувство. Съ этою цѣлью г. инспекторъ просилъ учителей и учительницъ неуклонно исполнять слѣдующія правила: 1) послѣ молитвы предъ ученіемъ объяснять дѣтямъ, память какаго святаго празднуетъ церковь въ извѣстный день, а по возможности и прочитывать житіе этого святаго; 2) собирать дѣтей въ воскресные и праздничные дни, чтобы вмѣстѣ съ ними идти слушать литургію; опытъ показалъ, что родители очень дорожатъ этимъ установленіемъ и слѣдятъ, чтобы дѣти строго держались его. Особенно замѣчается это въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ изъ учениковъ устроенъ хоръ, поющій при богослуженіи въ церкви. Родителямъ и дѣтямъ нравится также и то, что этимъ послѣднимъ отводятся въ церкви, большею частью, особое мѣсто. Старшіе изъ нихъ читаютъ обыкновенно Часы и даже

Апостола. 3) Такъ какъ чтеніе книгъ религіознаго и нравственнаго содержанія необходимо для дѣтей, то г. инспекторъ слѣдилъ, чтобы подобное чтеніе какъ можно чаще происходило въ сельскихъ школахъ; ученикамъ, которые уже достаточно сильны въ грамотѣ, книги отпускались на домъ, что приноситъ пользу и имъ, и ихъ родителямъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ самъ г. инспекторъ читалъ дѣтямъ житія святыхъ на русскомъ языкѣ или жизнеописанія доблестныхъ людей (напримѣръ, Сусанна и др.) и всегда убѣждался, что ученики съ особою любовью и вниманіемъ слѣдили за такого рода чтеніемъ.

Изъ того же отчета г. инспектора народныхъ училищъ Херсонской губерніи, изъ котораго заимствованы приведенныя нами свѣдѣнія, мы извлекаемъ нѣсколько указаній объ училищахъ Одесскаго градоначальства. Такъ какъ они получали содержаніе отъ города, то до декабря 1872 года, на общемъ основаніи, были подчинены мѣстному уѣздному училищному совѣту и находились въ ближайшемъ завѣдываніи особой комиссіи, назначенной городскою думою. На съѣздахъ народныхъ учителей, происходившихъ въ Одессѣ подъ руководствомъ инспектора, выяснилось, что комиссія не приноситъ той пользы, какой ожидало отъ нея городское управленіе; къ тому же училища Одесскаго градоначальства не имѣли опредѣленной программы, вслѣдствіе чего преподаваніе лишено было необходимаго единства и каждый изъ учителей дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію. Программа была выработана на съѣздахъ учителей, но такъ какъ она оказалась обширнѣе той, которая установлена положеніемъ для начальныхъ народныхъ школъ, то училища Одесскаго градоначальства, съ согласія губернскаго училищнаго совѣта, перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

При осмотрѣ этихъ училищъ г. инспекторомъ, найдено было, что всѣ они, за исключеніемъ весьма немногихъ, не имѣютъ удобныхъ помѣщеній, хотя плата за наемныя для нихъ квартиры простирается отъ 100 даже до 1.200 руб. въ годъ; точно также немногія изъ нихъ снабжены въ достаточномъ количествѣ классною мебелью и необходимѣйшими учебными пособиями. Въ настоящее время, по распоряженію городского головы, г. Новосельскаго, уже приняты мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ.

Преподаваніемъ закона Божія въ городскихъ школахъ занимаются

два священника, освобожденные от исполненія приходских своих обязанностей, и каждый изъ нихъ получаетъ ежегодно по 1.200 р. содержанія: благодаря ихъ усердію, успѣхи дѣтей весьма удовлетворительны. Въ загородныхъ же училищахъ законъ Божій преподается мѣстными священниками, получающими за двухчасовой урокъ по 3 р. Всѣмъ учителямъ назначено одинаково по 480 р. и, кромѣ того, квартира при школѣ, а помощникамъ и помощницамъ по 300 р. Вообще же содержаніе 23 училищъ Одесскаго градоначальства обходится городу ежегодно болѣе, чѣмъ въ 50.000 руб., а среднимъ числомъ на каждую школу отпускается до 2.200 р. Такъ какъ всѣхъ учащихся 1.688 (въ томъ числѣ 678 дѣвочекъ), то на каждого изъ этихъ воспитанниковъ городъ расходуетъ до 30 р. въ годъ.

Нельзя сомнѣваться, что при столь значительныхъ средствахъ, отпускаемыхъ Одесскою думою на народное образованіе, и при ревностныхъ заботахъ, принимаемыхъ въ этомъ дѣлѣ городскимъ головою, Н. А. Новосельскимъ, всѣ означенныя школы должны вскорѣ достигнуть вполне удовлетворительнаго состоянія.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

44/20 апрѣля 1874 года.

I.

Недавно министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ случай произнести двѣ рѣчи,—одну въ Сорбоннѣ, въ годичномъ торжественномъ засѣданіи французскихъ ученыхъ обществъ (*sociétés savantes de France*), другую же при раздачѣ премій лучшимъ ученикамъ Политехнической ассоціаціи (*Association polytechnique*). Первое изъ этихъ торжествъ имѣеть цѣлью установить какую-либо связь между различными учеными обществами, весьма многочисленными въ нашихъ департаментахъ; съ тѣмъ же намѣреніемъ созданъ для нихъ и особый органъ (*Revue des sociétés savantes*), который выходитъ въ Парижѣ въ весьма неопредѣленные сроки. Изъ отчета, помѣщеннаго въ послѣдней его книжкѣ, оказывается, что только въ 12-ти департаментахъ не существовало въ 1873 году упомянутыхъ выше обществъ, — какъ, напри- мѣръ, въ департаментахъ Верхнихъ и Нижнихъ Альпъ, Ландъ, Кор- резы и др., которые принадлежатъ къ самымъ отсталымъ относи- тельно успѣховъ въ нихъ народнаго просвѣщенія. Не то видимъ мы въ департаментахъ, имѣющихъ своими центрами большіе и много- людные города. Въ Марсели, напри- мѣръ, существуетъ академія наукъ, искусствъ и изящной словесности, учрежденіе коей относится къ 1726 году, и кромѣ того, статистическое общество и два общества меди- цинскія; въ Э (Aix)—общество исторіи и древностей и земледѣльче- ская академія; въ Арлѣ—археологическая комиссія; въ Каанѣ (Нор- мандія) — не менѣе пяти обществъ, изъ которыхъ одно основано въ 1652 году; въ Тулузѣ—семь обществъ, въ томъ числѣ такъ-называе- мая Académie des jeux floraux, возникшая въ 1323 году и славив- шаяся нѣкогда учреждаемыми ею конкурсами для поэтическихъ про- изведеній; академія наукъ, надписей и изящныхъ искусствъ (учреж-

дена въ 1746 году) и академія юридическая (1850). Въ Бордо находится 9 ученыхъ обществъ съ самыми разнообразными программами, въ Монпелье—5, въ Нанси—4, въ Лиллѣ—4 и въ Руанѣ—5. Но не въ большихъ только департаментскихъ городахъ сосредоточивается мѣстная ученая дѣятельность: въ сѣверномъ департаментѣ (*département du Nord*), кромѣ Лилля, общества существуютъ также въ Дуэ, Дюнкирхенѣ и Валансьеннѣ; въ департаментѣ Уазы—въ Бове, Компьенѣ, Санлисѣ и Найонѣ. Большая ихъ часть занимается археологіею или естественною исторіею. Особенно археологическія ихъ изысканія пользуются поощреніемъ со стороны правительства, которое очень заботится о сохраненіи нашихъ памятниковъ древности, — и министръ, въ той рѣчи, о которой я упомянулъ выше, отдалъ полную справедливость заслугамъ, оказываемымъ обществами для этой цѣли. Онъ замѣтилъ, между прочимъ, что намѣренъ ввести въ наше законодательство новыя постановленія, чтобъ оградить памятники старины, и что образцомъ для нихъ должно послужить законодательство итальянское, весьма заботливое на этотъ счетъ.

Ежегодный конгрессъ ученыхъ обществъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: 1) исторіи, 2) археологіи и 3) наукъ естественныхъ и физическихъ. Въ распоряженіе каждаго изъ нихъ назначено, декретомъ 1872 года, по 3.000 фр. ежегодно для присужденія наградъ тѣмъ провинціальнымъ обществамъ, которыя отличились наиболѣе замѣчательными трудами. Въ настоящее время по отдѣленію археологіи были присуждены три преміи: 1) обществу антикваріевъ въ Пуатье за различныя сочиненія объ исторіи этого города и за открытіе имъ многихъ старинныхъ памятниковъ; 2) историческому и археологическому обществу въ Шалонѣ на Саонѣ, устроившему въ этомъ городѣ музей древностей и напечатавшему нѣсколько замѣчательныхъ мемуаровъ (въ которыхъ помѣщены, между прочимъ, труды ученаго египтолога, г. Шабá); 3) археологическому обществу въ Нарбоннѣ, оказавшему огромныя услуги въ томъ отношеніи, что оно собрало и истолковало надписи, уцѣлѣвшія на старинныхъ укрѣпленіяхъ Нарбонны, — *Narbo Martius colonia civium romanorum*, — этой почти единственной мѣстности во всей Галліи, гдѣ поселились настоящіе римскіе колонисты и гдѣ латинскій языкъ долго сохранялся во всей своей чистотѣ. Въ настоящее время въ Нарбоннскомъ музеѣ собрано не менѣе 1.500 барельефовъ и надписей. Они будутъ вскорѣ обнаружены въ „*Recueil des inscriptions de la Gaule*“, выходящемъ подъ редакціею г. Леона Ренье.

Въ отдѣленіи физико-математическихъ и естественныхъ наукъ было также роздано нѣсколько медалей отчасти за метеорологическія наблюденія, а отчасти за изслѣдованіе фауны и геологическихъ пластовъ различныхъ мѣстностей. Подробный отчетъ объ этихъ трудахъ, принадлежащій члену института, г. Бланшару, былъ напечатанъ въ „Официальномъ Журналѣ“ отъ 14-го апрѣля, а затѣмъ появится также и въ „Revue des sociétés savantes“. По отдѣленію исторіи и филологіи преміи были присуждены обществу антикваріевъ въ Пикардіи, историческому обществу въ департаментѣ Юнны и обществу соревнованія въ Монбельярѣ (близъ Безансона). Г. Гиппо (авторъ довольно извѣстныхъ сочиненій о народномъ просвѣщеніи въ Америкѣ) представилъ обстоятельный отчетъ о трудахъ всѣхъ этихъ обществъ. Нельзя не сознаться, что они весьма замѣчательны. Такъ, напримеръ, общество антикваріевъ въ Пикардіи (постояннымъ мѣстопробываніемъ коего служить гор. Аміенъ) издало, со времени своего учрежденія въ 1836 году, 23 тома мемуаровъ, 11 томовъ бюллетеней, 8—различныхъ документовъ, относящихся въ исторіи своей провинціи. Оно основало въ Аміенѣ великолѣпный музей, постройка коего стоила 1.600,000 фр. и въ которомъ хранятся богатая коллекція археологическія и художественныя. Вообще Пикардія принадлежитъ къ числу самыхъ богатыхъ и просвѣщенныхъ нашихъ провинцій; Аміенъ былъ родиною знаменитаго Дюканжа, которому воздвигнута тамъ статуя. Что касается до ученыхъ обществъ въ Юннѣ и Монбельярѣ, то они также издали не малое количество сочиненій, весьма интересныхъ для мѣстной исторіи.

Очевидно изъ всего сказаннаго, что правительство имѣетъ полное основаніе поощрять означенныя общества, содѣйствуя обнародованію ихъ трудовъ и учредивъ для нихъ даже особый литературный органъ. Оно могло бы, конечно, воспользоваться своимъ вліяніемъ, чтобы побудить ихъ заниматься нѣсколько болѣе филологіею. Эта въ высшей степени важная отрасль науки находится въ совершенномъ пренебреженіи. Изъ 202 ученыхъ провинціальныхъ обществъ только одно занимается специально лингвистикою, а именно Общество для изученія романскихъ нарѣчій, основанное въ 1869 году въ Монпелье. Существованіемъ своимъ оно обязано нѣсколькимъ ревностнымъ любителямъ старинной провансальской литературы и издаетъ свой собственный журналъ; на конгрессѣ нынѣшняго года оно не принимало, впрочемъ, ни малѣйшаго участія.

Не задолго до его открытія, министръ народнаго просвѣщенія

присутствовалъ въ годичномъ торжественномъ засѣданіи Парижской политехнической ассоціаціи. Учрежденіе это, преимущественно предъ всѣми другими вызывающее похвалы иностранцевъ, принадлежитъ къ числу оригинальнѣйшихъ явленій въ нашей столицѣ. Оно было основано въ 1830 году нѣсколькими бывшими воспитанниками политехнической школы въ видѣ бесплатныхъ курсовъ для рабочаго народонаселенія; при содѣйствіи парижскаго муниципалитета, открыты были сначала въ городской ратушѣ лишь курсы математическихъ и физическихъ наукъ и черченія; число слушателей возрастало очень сильно, — и тогда къ прежнимъ курсамъ присоединены были новые, въ различныхъ зданіяхъ, отведенныхъ для того городскимъ управленіемъ или правительствомъ. Въ первое время расходы на все это покрывались подпискою и добровольными пожертвованіями, но такъ какъ подобныя источники оказались далеко не надежными, то парижскій муниципальный совѣтъ и министръ народнаго просвѣщенія рѣшились оказывать учредителямъ постоянное денежное пособіе.

Съ тѣхъ поръ дѣятельность политехнической ассоціаціи стала развиваться очень быстро: къ вечернимъ курсамъ, устроеннымъ во всѣхъ парижскихъ кварталахъ и даже въ пригородныхъ селеніяхъ, были присоединены курсы воскресныя по различнымъ точнымъ наукамъ, исторіи и политической экономіи. Въ настоящее время Политехническое общество раздѣлило Парижъ на 22 квартала, и въ каждомъ изъ нихъ существуютъ вполне бесплатныя курсы, для которыхъ приглашено около 200 преподавателей. Положительно извѣстно, что съ 1830 года чтенія эти были посѣщаемы болѣе чѣмъ 400.000 рабочихъ и значительный успѣхъ этотъ былъ достигнутъ отчасти тѣмъ, что политика была безусловно изгнана изъ преподаванія: вслѣдствіе того, при всѣхъ быстро смѣнявшихся у насъ переворотахъ, при самыхъ враждебныхъ одно другому правительствахъ, министры народнаго просвѣщенія считали долгомъ посѣщать годичныя собранія ассоціаціи и воздавать хвалу замѣчательному ея усердію и успѣхамъ. То же самое повторилось и теперь. Курсы, о которыхъ я упомянулъ, много содѣйствовали тому, что парижскій рабочій стоитъ такъ высоко надъ другими во всемъ, что требуетъ искусства и изящества отдѣлки. Нѣкоторые изъ слушателей курсовъ, благодаря поддержкѣ со стороны ассоціаціи, успѣли составить себѣ весьма завидное положеніе, а въ нынѣшнемъ году одинъ изъ нихъ — простой рабочій, обнаружившій рѣдкія способности къ математикѣ, — поступилъ въ нормальную школу. Ассоціація помогла

ему пройти весь лицейскій курсъ, и министръ съ похвалою упомянулъ въ своей рѣчи объ этомъ случаѣ.

Правительство вознамѣрилось, наконецъ, осуществить давно ожидаемыя, весьма существенныя, перемены въ установленныхъ у насъ испытаніяхъ на степень бакалавра ¹⁾). Декретъ, обнародованный въ „Официальномъ журналѣ“ отъ 10-го апрѣля, гласитъ, что отнынѣ означенное испытаніе будетъ раздѣлено на двѣ части: въ первой изъ нихъ отнесены языки и словесность, и тѣ отдѣлы изъ исторіи и географіи, которые проходятся въ лицаехъ до класса риторики включительно; во второй—философія, математика, естествознаніе, остальные отдѣлы исторіи и географіи (излагаемые въ классахъ философіи), а также новѣйшіе языки. Никто не имѣетъ права держать экзаменъ на бакалавра словесныхъ наукъ прежде 16-ти-лѣтняго возраста и исключенія изъ этого допускаются только съ особаго разрѣшенія министра.

Правительство имѣетъ въ виду означенною мѣрою сдѣлать обязательнымъ изученіе философіи, отъ которой большинство молодыхъ людей старалось уклоняться, и въ то же время воспрепятствовать теперешнему, слишкомъ рутинному, способу приготовленія къ экзаменамъ. У насъ существуетъ въ настоящее время огромное количество пансіоновъ, которые берутся въ полгода подготовить молодаго человѣка къ испытанію: отнынѣ они должны будутъ употребить на это около двухъ лѣтъ.

II.

Литературныхъ новостей, которыя заслуживали бы особеннаго вниманія, очень мало, и я пользуюсь этимъ, чтобы поговорить еще разъ о различныхъ трудахъ нашей Школы высшихъ наукъ (*École des hau-*

¹⁾ Любопытно прослѣдить при этомъ этимологию словъ: *bachelier* и *baccalaureat*. Уже съ давнихъ временъ привыкли производить ихъ отъ *baccalauri*, нахекъ на лавры Аполлона, но подобное производство очевидно ошибочно. Французское слово *bachelier* происходитъ отъ *baccalarius*, что означаетъ владѣльца *baccalaria* (мыза, ферма), а *baccalaria* образовалась изъ *bacca* вмѣсто *vassa*: отсюда *baccalator*—человѣкъ, который стережетъ коровъ. Въ старинномъ французскомъ языкѣ такъ назывались землевладѣльцы, стоявшіе выше простаго раба, но все таки принадлежавшіе къ низшему разряду вассаловъ; по феодалному праву это были вассалы, служившіе подъ чужими знаменами, молодые дворяне, служившіе у чужаго сюзерена, а затѣмъ—въ старинныхъ университетехъ—юноши, обучавшіеся у какаго-либо профессора съ цѣлью получить ученую степень, низшую степени докторской, и наконецъ такъ называемые *gradués* бакалавровъ.

tes études). Дѣятельность ея нисколько не ослабѣла и число ея чужеземныхъ воспитанниковъ достигло въ послѣднее время весьма почтенной цифры. Извѣстно, что школа эта издаетъ и оригинальныя сочиненія, и переводы лучшихъ нѣмецкихъ авторовъ. Упомянувъ уже прежде о томъ, что появилось въ напечатанныхъ ею первыхъ 9 томахъ, я изложу здѣсь содержаніе остальныхъ: 10) Критическія упражненія конференціи греческой филологіи, изданныя директоромъ конференціи, г. Турнье. Этотъ noctенный ученый извѣстенъ, между прочимъ, своимъ изданіемъ Софокла; подъ его руководствомъ воспитанники занимаются чтеніемъ манускриптовъ въ публичныхъ библиотекахъ. 11) *Paré* древней Галліи (опытъ галло-римской географіи), г. Лоньона. 12) Эпистолярный стиль древнихъ Египтянъ, соч. г. Масперо (трудъ этотъ—диссертация, которая, въ прошломъ году была защищена авторомъ въ Парижскомъ факультетѣ). 13) *Lex valica*, соч. Сома, профессора Страсбургскаго университета, переводъ съ нѣмецкаго. 14) Путь, пройденный десятью тысячами Грековъ, топографическое изслѣдованіе г. Робіу. 15) Плиній младшій, Моммзена, переводъ съ нѣмецкаго. 16) О буквѣ С въ романскихъ нарѣчіяхъ, г. Жоре,—самое капитальное филологическое изслѣдованіе, появившееся въ коллекціи Школы высшихъ наукъ.

Всѣ эти труды изданы, при пособіи отъ правительства, книгопродавцемъ Франкомъ, который выпустилъ недавно въ свѣтъ весьма любопытное сочиненіе: „*Recueil d'anciens textes bas latins, provençaux et français*“ г. Поля Мейера. Авторъ занимаетъ кафедру въ *École des chartes* и слыветъ за отличнаго знатока старинной французской, и въ особенности провансальской, литературы. Сборникъ его вытѣснить, вѣроятно, изъ нашихъ школъ хрестоматію Барча (Bartsch), лучше которой мы не имѣли ничего до сихъ поръ: любопытно, что для изученія стариннаго своего языка Французы должны были обращаться къ хрестоматіи, составленной мекленбургскимъ ученымъ (г. Барчъ—профессоръ въ Ростокѣ). Тенерь, благодаря г. Мейеру—истому Французу не смотря на его нѣмецкую фамилію, мы уже можемъ избавиться отъ этой крайности. Другой ученый, г. Броше, готовится издать хрестоматію въ томъ же родѣ, но далеко не столь подробную. Наконецъ, я долженъ упомянуть, что и книгопродавецъ Фирменъ Дидо печатаетъ теперь цѣлый рядъ специальныхъ сочиненій, посвященныхъ исключительно средневѣковой французской литературѣ.

И не смотря на все это, пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ наша публика будетъ интересоваться подобными трудами, именно

потому, что она вовсе не подготовлена къ нимъ: въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Воспитанники Школы высшихъ наукъ и Школы для разбора хартій составляютъ группу, стоящую особнякомъ, и въ преподаваніи вовсе не пользуются тѣмъ влияніемъ, какое по всей справедливости должно было бы принадлежать имъ. Большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей сосредоточиваетъ свое вниманіе лишь на XVII и на XVIII, и весьма рѣдко на XVI столѣтіи.

Въ прошломъ письмѣ своемъ я упомянулъ о весьма интересной монографіи г. Денуа о французскомъ театрѣ при Лудовикѣ XIV. Недавно появилась другая книга, относящаяся къ той же эпохѣ, а именно обширное изслѣдованіе „О духовныхъ ораторахъ при дворѣ Лудовика XIV“ (*Orateurs sacrés à la cour de Louis XIV*). Авторъ ея, аббатъ Гюрель (Hurel), принадлежитъ къ лучшимъ представителямъ нашего духовенства. Въ книгѣ своей онъ разсматриваетъ замѣчательнѣйшія произведенія духовнаго краснорѣчія съ литературной и исторической точки зрѣнія, и въ то же время сообщаетъ много свѣдѣній о нравственныхъ и матеріальныхъ условіяхъ тогдашней проповѣди, присоединяя сюда различныя анекдотическія подробности, которыя сообщаютъ его книгѣ особый интересъ. Дворъ былъ въ то время единственнымъ средоточіемъ общественной жизни, и до тѣхъ поръ, пока проповѣдникъ не произносилъ свои поученія предъ дворомъ, репутація его—точно также какъ и писателя—не была вполне установлена. Такимъ образомъ исторія проповѣдниковъ XVII вѣка тѣсно связана съ исторією двора. „Избранная мною эпоха“, говоритъ аббатъ Гюрель, „была особенно благоприятна для духовнаго краснорѣчія: какую пользу и какое наслажденіе можно извлечь изъ знакомства съ тѣмъ, что въ теченіе почти цѣлаго столѣтія приковывало вниманіе самаго цивилизованнаго, остроумнаго и знатнаго общества во всемъ мірѣ! Какое поразительное зрѣлище представляетъ намъ эта избранная публика, если смотрѣть на нее не чрезъ призму тогдашнихъ романовъ, комедій, корреспонденцій, мемуаровъ, а какъ она отразилась въ современной духовной проповѣди“. Въ обширномъ и блестящемъ предисловіи авторъ излагаетъ общія условія проповѣди при Лудовикѣ XIV, обычныя темы проповѣдей, дѣлаетъ характеристику проповѣдниковъ, а также и аудиторіи, къ которой они обращались съ своею рѣчью. Въ XVII вѣкѣ духовные витія имѣли предъ собою аристократическую и глубоко вѣровавшую публику; религіозныя истины были для нея непреложны и проповѣдникъ вовсе не считалъ нужнымъ—какъ мы, въ сожалѣнію, видимъ это во Франціи теперь—от-

ставать главнѣйшіе догматы, а потому содержаніемъ проповѣдей служила преимущественно христіанская мораль. Къ поученіямъ своимъ проповѣдники примѣшивали нерѣдко тонкіе намеки, изысканную лесть священникамъ,—и среди всего этого забывали объ евангельской простотѣ. Лудовикъ XIV спросилъ однажды Буало: „Что скажете вы о проповѣдникѣ Летурнѣ? Къ нему каждый разъ собираются громадные толпы. Развѣ онъ дѣйствительно такъ краснорѣчивъ?“ — „Новизна всегда заманчива“, отвѣчалъ остроумный поэтъ: „Летурнѣ проповѣдуетъ Евангеліе...“

Книга аббата Гюреля занимаетъ почетное мѣсто въ ряду другихъ, посвященныхъ изображенію бытовой стороны Франціи, какъ, напримѣръ: „Французы XVII вѣка“ г. Жидоля и „Мемуары французскаго народа“ г. Шаламеля. Не смотря на разнообразіе избраннаго имъ предмета, авторъ умѣлъ сообщить своему труду извѣстное единство: такъ какъ величайшимъ проповѣдникомъ при Лудовикѣ XIV былъ Боссюэтъ, то весь разбазъ сосредоточенъ около этой личности. Г. Гюрель знакомитъ насъ сначала съ предшественниками и современниками Боссюэта, потомъ съ нимъ самимъ и съ его послѣдователями. Въ приложеніи въ книгѣ помѣщено много не изданныхъ еще отрывковъ изъ проповѣдей.

Г. Тень напечаталъ новое изданіе своихъ критическихъ и историческихъ очерковъ, уже давно составившихъ ему блестящую репутацію, которая была окончательно упрочена его философскими трудами и „Исторією англійской литературы“. Въ изданіи, о которомъ мы говоримъ, исключены многія статьи, вошедшія въ послѣдній изъ названныхъ нами его трудовъ, но за то читатель встрѣтитъ тамъ нѣсколько произведеній, не находившихся въ изданіяхъ прежнихъ, какъ, напримѣръ, очеркъ искусства во Франціи, замѣтки о Мериме и т. д. Въ настоящее время г. Тень посвящаетъ все свое время обширному труду о французской революціи: мнѣ удалось недавно присутствовать при чтеніи имъ одного отрывка изъ этого сочиненія. Почтенный писатель постановилъ себѣ цѣлью доказать, что революція прошлаго вѣка не только не принесла Франціи никакой пользы, но, напротивъ, причинила ей существенный вредъ. Такимъ образомъ, г. Тень, которому приписывали у насъ доселѣ крайнія тенденціи, становится теперь рѣшительно на сторону консервативной партіи. Новый его трудъ откроетъ ему, вѣроятно, доступъ въ Академію, не хотѣвшую и слышать о немъ до сихъ поръ,—и случится это, вѣроятно, тѣмъ скорѣе, что одно изъ академиче-

сихъ кресель должно въ непродолжительномъ времени сдѣлаться вакантнымъ. Престарѣлый Жюль Жаненъ очень боленъ: хотя онъ уже покинулъ *Journal des Débats*, съ которымъ такъ тѣсно была связана литературная его дѣятельность, но все еще не переставалъ заниматься литературою, и не такъ давно издалъ довольно обширное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Версаль сто лѣтъ назадъ“ (*Versailles il y a cent ans*). Это сборникъ различныхъ анекдотовъ и той изящной болтовни, тайною которой владѣлъ въ совершенствѣ нашъ пресловутый критикъ.

Г. Шербюлье выпустилъ въ свѣтъ довольно интересную книгу объ Испаніи: она составилась изъ статей, которыя печатались въ *Revue des deux mondes* и посвящена исключительно современной политикѣ,—событіямъ, имѣвшимъ своимъ послѣдствіемъ воцареніе короля Амедея, исторію этого царствованія, наступившія затѣмъ смуты и т. д. Разказываетъ авторъ очень искусно и ему удалось сдѣлать много тонкихъ и остроумныхъ наблюденій надъ характеромъ испанской націи, но никакого цѣльнаго и опредѣленнаго впечатлѣнія его книга не оставляетъ. Конечно, причиною этому отчасти и то хаотическое состояніе, въ которомъ находится несчастная страна; но даже друзья г. Шербюлье находятъ, что вообще политика и исторія—не его специальность. Было бы гораздо лучше, если бы онъ продолжалъ заниматься тѣмъ, что ему такъ хорошо удалось до сихъ поръ, а именно романами и новѣстями.

III.

Французская археологія понесла чувствительную потерю въ лицѣ г. Бѣле, члена Академіи надписей и изящной словесности и Академіи художествъ, профессора археологіи при Национальной бібліотекѣ. Онъ родился въ 1826 году въ Сомюрѣ, гдѣ отецъ его былъ негодіантомъ, и послѣ блестящаго окончанія курса въ одномъ изъ парижскихъ лицеевъ, поступилъ въ Нормальную школу, а оттуда перешелъ во Французскую школу въ Афинахъ, которая въ 1850 году находилась въ особомъ завѣданіи Академіи надписей и изящной словесности. Главнѣйшее назначеніе этой школы состояло въ томъ, чтобы готовить эллинистовъ и археологовъ, но до прибытія въ Афины Бѣле, результаты ея дѣятельности были мало удовлетворительны. Молодой ученый отличался безграничнымъ честолюбіемъ, рѣдкими способностями, и постановилъ себѣ непремѣнною задачею связать свое имя съ какимъ-нибудь отертыемъ, которое упрочило бы его репутацію. Вниманіе его сосредоточилось на афинскомъ Акрополѣ:

онъ рѣшился отискать его слѣды подъ тѣми укрѣпленіями, которыя были воздвигнуты Турками на его развалинахъ, и въ февралѣ 1852 года получилъ разрѣшеніе Порты предпринять на собственный счетъ раскопки; при этомъ было постановлено весьма тяжкое условіе, что всѣ, сдѣланныя имъ находки—статуи, надписи и т. д.—должны составлять собственность турецкаго правительства. Въ мартѣ того же года раскопки были уже начаты, и вотъ какъ самъ Бѣле изображаетъ, въ своихъ запискахъ, испытанныя имъ ощущенія: „Человѣкъ, который занимается раскопками, можно лучше всего сравнить съ охотникомъ. Наклонившись надъ ямою, гдѣ копаютъ землю его рабочіе, онъ усорно слѣдитъ за добычею, жадно и вѣствѣ съ тѣми терпѣливо сторожить каждый ея слѣдъ; малѣйшая вещица приводитъ его въ отчаяніе или возбуждаетъ его надежды; каждый обломокъ переносить его мысль въ давно минувшія вѣка; въ каждомъ клочкѣ земли онъ старается прозрѣть тайну, которая должна быть открыта ему одному, прежде всѣхъ другихъ. Первому увидать рѣдкую статую, извлекаемую изъ подъ развалины, первому прочесть надпись на отсырѣломъ мраморѣ, узнать изъ нея о какомъ-либо неизвѣстномъ до тѣхъ поръ событіи, коснуться рукою такой вещи, которая въ теченіе пятнадцати вѣковъ была скрыта отъ глазъ всего міра, понять и истолковать нѣмныя памятники—какой неисчерпаемый источникъ наслажденій! Ничто не лишено значенія для подобнаго изслѣдователя: онъ съ жадностью бросается на самую крошечную медаль, стараясь узнать изъ подъ ея ржавчины—принадлежитъ ли она къ эпохѣ греческой, римской или византійской. Кажется, что самая земля, которую взрываютъ заступами, становится ему дорога и священна“.

Г. Бѣле пришлось бороться съ большими трудностями: рабочіе были крайне нерадивы; многіе ученые, посѣщавшіе тогда Аѣины, утверждали, что раскопки не приведутъ ровно ни къ чему; но онъ не падалъ духомъ, и въ началѣ мая ему удалось открыть три ступени Акропольской лѣстницы. Съ той минуты дѣло пошло несравненно лучше; турецкое правительство предложило молодому изслѣдователю свое содѣйствіе, Академія надписей и изящныхъ искусствъ выразила желаніе, чтобы раскопки продолжались на казенный счетъ и въ гораздо большихъ размѣрахъ, что и было тотчасъ же исполнено. Руководителемъ раскопокъ остался по прежнему г. Бѣле. Читателямъ вашимъ извѣстны, конечно, ихъ результаты.

По возвращеніи своемъ во Францію, г. Бѣле издалъ обширное сочиненіе: „Аѣинскій Акрополь“, съ чертежами и рисунками, и въ то

же время защитилъ, для получения докторской степени, двѣ диссертации: „An vulgaris lingua apud veteres Graecos existerit“ и „Искусство и поэзія въ Спартѣ во времена Ликурга“. Въ 1854 году онъ получилъ, занимаемую до тѣхъ поръ Рауль Рашетомъ, катедру археологии при Национальной библиотекѣ. Лекціи его имѣли огромный успѣхъ, ибо кромѣ своихъ свѣдѣній, онъ сумѣлъ излагать предметъ весьма изящно и краснорѣчиво: „Этотъ молодой человѣкъ пойдетъ далеко“, выразился о немъ однажды г. Тьеръ, не предполагая встрѣтить его со временемъ въ числѣ самыхъ ожесточенныхъ своихъ противниковъ. Въ 1859 году Бэле предпринялъ, опять таки на собственные средства, новую ученую экспедицію, а именно ему захотѣлось изслѣдовать развалины древняго Каррагена: и на этотъ разъ удалось ему сдѣлать нѣсколько любопытныхъ открытій, которыя, однако, гораздо менѣе обратили на себя вниманіе публики. Въ 1860 году Академія надписей и изящной словесности избрала его своимъ членомъ, а въ 1862 году Академія художествъ назначила его своимъ безсмѣннымъ секретаремъ. При исполненіи этой послѣдней должности, ему неоднократно приходилось отстаивать интересы Академіи съ такою горячностью и энергіею, что онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ публики, и популярность эта возрасла еще болѣе вслѣдствіе политическихъ намековъ, которыми онъ умѣлъ оживлять свои чтенія. Курсъ его напечатанъ въ четырехъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Процессъ цезарей“, а затѣмъ появились также въ печати лекціи его о Помпее и Геркуланумѣ (*Le drame de Vésuve*). Въ февралѣ 1871 года, по окончаніи злополучной для Франціи войны, г. Бэле выступилъ на политическое поприще: онъ былъ избранъ членомъ національнаго собранія, много содѣйствовалъ паденію г. Тьера и добился наконецъ портфеля внутреннихъ дѣлъ, ибо друзья его обольщали себя надеждою, что на парламентской трибунѣ онъ выкажетъ столь же блестящія достоинства, какъ и на катедрѣ университетской; но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Г. Бэле потерялъ цѣлый рядъ наудачъ и не болѣе какъ чрезъ полгода вынужденъ былъ отказаться отъ министерства. Все это поразило его чрезвычайно сильно. Съ 1870 года, поглощенный исключительно политическими интересами, онъ вовсе отстранился отъ науки, не читалъ лекцій, ничего не писалъ,—словомъ, измѣнилъ своему настоящему призванію, а новая дѣятельность не принесла ему ничего, кромѣ неудачъ и разочарованій. Имъ овладѣла непреодолимая ипохондрія, усилившаяся еще болѣе вслѣдствіе того, что онъ уже давно страдалъ болѣзнью

сердца, и онъ покончилъ свою жизнь самоубійствомъ. Друзья его тщетно старались скрыть отъ публики эту печальную катастрофу.

Недавно скончался также скромный ученый, оставившій по себѣ отличную память, г. Францискъ Мённе, казначей парижскаго Лингвистическаго Общества. Онъ напечаталъ нѣсколько весьма интересныхъ изслѣдованій въ мемуарахъ какъ этого Общества, такъ и Общества для поощренія греческихъ знаній. Г. Мишель Бреаль поручилъ ему между прочимъ, составить подробное оглавленіе къ французскому изданію Боппа; трудъ этотъ появится уже послѣ его смерти. Гг. Бреаль и Эжеръ постараются, конечно, обнародовать все, что сохранилось замѣчательнаго въ его бумагахъ.

Общество для поощренія греческихъ знаній, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, имѣло на-дняхъ торжественное засѣданіе. Въ настоящее время число его провинціальныхъ и заграничныхъ членовъ простирается до 300; президентомъ его на 1874 — 1875 г. избранъ г. Леонъ Гозе (археологъ), а вице-президентами гг. Жоржъ Перро и Густавъ Эйхталь. Обычная его премія въ 1.000 фр. была присуждена г. Карлу Вешеру, консерватору національной бібліотеки; за превосходно изданный имъ периплъ Діонисія Византійскаго; такъ называемая премія Зографоса (тоже 1.000 фр.) досталась г. Эмилю Леграну за составленный имъ сборникъ народныхъ греческихъ пѣсенъ. Кромѣ того, г. Фильель, авторъ довольно обширнаго сочиненія о Периклѣ, удостоился почетнаго отзыва.

Упомяну затѣмъ, что у насъ образовалось новое общество, которое обѣщаетъ, кажется, принести много пользы, а именно „Общество для изученія исторіи Парижа“. Президентомъ его избранъ извѣстный палеографъ, Леопольдъ Делиль. Оно приступаетъ къ дѣятельности въ то самое время, когда столичный нашъ муниципалитетъ вознамѣрился учредить музей и бібліотеку, въ которыхъ должно быть собрано все, что касается исключительно Парижа. Бібліотека уже заключаетъ въ себѣ 25.000 томовъ и 7.000 рисунковъ, а въ музей начинаютъ поступать различные предметы, найденные при раскопкахъ въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ, или вообще представляющіе для него интересъ. Бібліотека расположена въ знаменитомъ зданіи, въ отелѣ Карнавале, гдѣ жила маркиза Севинье, а музей будетъ окончательно организованъ лишь въ послѣднихъ мѣсяцахъ текущаго года.

Л. Л—ръ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПО ПОВОДУ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.

(Θουκιδιδῆς).

Подъ влияніемъ знаменитыхъ изслѣдованій Нибура, который прежде всѣхъ проложилъ путь къ систематической оцѣнкѣ источниковъ римской исторіи и особенно въ разсмотрѣнію ихъ во взаимной ихъ связи, въ Германіи, преимущественно въ послѣднія два десятилѣтія, стали заниматься критическою оцѣнкой греческой исторіографіи. Занятія эти шли тѣмъ съ бѣльшимъ успѣхомъ, что вслѣдствіе критическаго установленія текста отдѣльныхъ авторовъ, для подобныхъ изслѣдованій дано было въ достаточномъ размѣрѣ необходимое основаніе.

Въ отдѣльности достигнута уже столь вѣрная метода, что изслѣдованія этого рода могутъ быть надъ нѣкоторыми писателями предприняты какъ бы по нѣкоторому *шаблону*, и однакожь безъ ущерба основательности. Такъ, наприимѣръ, въ біографіяхъ Плутарха, представляющихъ столь богатый матеріалъ, ходъ для изслѣдованія источниковъ предначертанъ такъ, что, не обращая вниманія на названныхъ въ сочиненіи по имени авторовъ, приходится отыскивать только какой либо *одинъ* главный источникъ, о которомъ писатель постоянно умалчиваетъ и отъ котораго онъ усердно старается отвлечь вниманіе частыми ссылками на другія сочиненія.

Такимъ образомъ, если мы попытаемся обратить вниманіе наше на вопросы, стоящіе теперь на очереди въ области греческой исторіографіи, и для разрѣшенія ихъ внесемъ также и нѣкоторую свою долю, то вѣроятно намъ не будетъ надобности особенно оправдываться въ томъ, что мы думаемъ связать наши наблюденія съ именемъ Θουκιδιδῆς, этого основателя прагматической исторіографіи.

Что касается до критики самихъ источниковъ этого автора, то какъ кажется, о ней не можетъ быть и рѣчи; а между тѣмъ, недавно,

именно у Фукидида открытъ былъ первый примѣръ пользованія источниками въ древней историографіи, причеѣ мы даже въ состояніи опредѣлить приблизительно самый объемъ и степень стилистической зависимости, такъ какъ Эдуардъ Вѣльфлинъ въ своемъ сочиненіи: „Antiochus von Syracus und Caelius Antipater“ (Leipzig, 1872, bei V. G. Teubner) блистательно и въ высшей степени остроумно доказалъ, что Фукидидъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говоритъ о Сициліи, бралъ свои показанія изъ большаго спеціального сочиненія Антиоха Сиракузскаго, которое написано на іоническомъ нарѣчій и обнимаетъ исторію Сициліи отъ Кокалоса до событій 424 года предъ Р. Х., состоя изъ девяти книгъ, въ которыхъ примыкаетъ, какъ и у Гиппія ¹⁾ Регионскаго, описаніе греческихъ колоній южной Италиі. Преимущественно Фукидидъ пользовался сочиненіемъ Антиоха въ книгѣ VI, 2—5, а равно и при описаніи сицилійскихъ распрій въ третьей и четвертой книгѣ. Въ общемъ критика у писателей, излагающихъ подобно Фукидиду современную исторію, совпадаетъ обыкновенно съ вопросомъ о достовѣрности этой исторіи, которая, надо замѣтить, до сей поры, не говоря о нѣкоторыхъ сомнѣніяхъ, возникшихъ тамъ и сямъ со времени Грота, въ общемъ подлежала столь малому сомнѣнію, что исторію Пелопонезской войны Фукидида признавали образцемъ объективнаго изложенія. Но нашъ критическій вѣкъ, пошатнувшій, хотя и не совсѣмъ убѣдительно, достовѣрность такого писателя, какъ Тацитъ, пытается доказать и, если не ошибаемся, съ полною основательностію, что Фукидидъ, излагая свою исторію Пелопонезской войны, нискоимъ образомъ не стоялъ на высотѣ вполне безпристрастнаго наблюдателя. И кто внимательно взвѣситъ всѣ обстоятельства дѣла, у того съ самаго же начала явится мысль, что вещь почти невозможная, чтобы человекъ, лично сдѣлавшійся въ теченіе войны жертвою недоброжелательства, писалъ исторію этой войны „sine ira et studio“.

Само собою разумѣется, изъ этого еще не слѣдуетъ, что непременно удастся доказать грубое и намѣренное искаженіе Фукидидомъ истины; напротивъ, дѣло будетъ состоять только въ томъ, чтобы констатировать, на сколько именно, можетъ быть вслѣдствіе личнаго

¹⁾ Гиппій, жившій по свидѣтельству Свиды, во время Персидскихъ войнъ, первый написалъ исторію Сициліи въ пяти книгахъ, къ которой примыкала также *ἱστία Ἰταλίας*.

участія въ войнѣ и вслѣдствіе совершенно не заслуженныхъ имъ превратностей судьбы и по человѣческой слабости, онъ омрачилъ свой безпристрастный и свободный взглядъ на ходъ дѣлъ въ его отечественномъ городѣ.

Но кажется, что изслѣдованіе, исходящее изъ этой точки зрѣнія, уже съ самаго начала обѣщаетъ тѣмъ менѣе успѣха, чѣмъ менѣе мы въ состояніи провѣрить, на основаніи какихъ-либо другихъ современныхъ историковъ, вѣрность и объективность изложенія Фукидида. И это не потому, чтобы несправедливость времени лишила насъ какихъ-либо драгоценныхъ сокровищъ древности, лишила насъ тѣхъ сочиненій, съ помощью которыхъ можно было бы контролировать Фукидида: нѣтъ, ни одинъ, сколько намъ извѣстно, изъ современныхъ писателей не осмѣливался еще разъ послѣ Фукидида приняться за изображеніе трогательной драмы, описанной имъ въ столь потрясающихъ и яркихъ чертахъ, и которая разыгрывалась въ теченіе двадцати семи лѣтъ; во всякомъ случаѣ, такое сочиненіе было бы только *Ilias post Homerum*. Такимъ образомъ уже отсюда можно заключить о совершенномъ *признаніи* современниками того обстоятельства, что въ исторіи Фукидида ни въ какомъ случаѣ не должно видѣть какого-нибудь умышленнаго искаженія дѣйствительныхъ фактовъ, хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что въ историческомъ сочиненіи Фукидида встрѣчаются мѣста, гдѣ, въ совершенной противоположности съ обыкновенно столь яснымъ и понятнымъ изложеніемъ, явно проглядываетъ стремленіе автора, при изображеніи извѣстныхъ обстоятельствъ, отдѣляться только отрывочными замѣчаніями; это замѣчаніе касается и разказа о еракійскихъ событіяхъ, въ которыхъ участвовалъ самъ Фукидидъ. Приходится иногда думать, будто онъ, при своемъ рѣшительномъ, постоянно и вездѣ обнаруживающемся, а вслѣдствіе потери Амфиополиса и еще болѣе возросшемъ нежеланіи говорить о дѣлахъ во Фракіи, хотѣлъ подобнаго рода краткими, сказанными мимоходомъ замѣтками, такъ сказать, раздѣлаться съ своею историческою совѣстью. Принимая въ соображеніе именно эти мѣста и рѣшился не такъ давно Германъ Мюллеръ - Штрюбингъ опровергнуть достовѣрность Фукидида въ своемъ обширномъ сочиненіи: „*Aristophanes und die historische Kritik. Polemische Studien zur Geschichte von Athen im fünften Jahrh. vor Chr.*, von H. M.-Str.“ Leipzig, 1863, bei B. G. Teubner. Пока, впрочемъ, мы довольствуемся здѣсь только предварительнымъ замѣчаніемъ, предполагая изложить содержаніе этой чрез-

вычайно интересной и богатой мыслями книги въ особой статьѣ. Въ настоящее же время постараемся обсудить и разобрать другіе вопросы, касающіеся Фукидида, а главнымъ образомъ тотъ вопросъ: какимъ образомъ составилось описаніе Фракійскихъ событій, рѣшеніе каковаго вопроса зависитъ отчасти отъ того, слѣдуетъ ли признавать восьмую книгу только сборникомъ матеріала, или совершенно законченнымъ трудомъ, которому не достаетъ только послѣдней отдѣлки, или, наконецъ, частью цѣлаго сочиненія, совершенно одинаковою и равною остальнымъ книгамъ? Съ этимъ вопросомъ тѣсно связывается также все еще не рѣшенный споръ о такъ называемыхъ продолжателяхъ Фукидида: Теопомпѣ, Кратиппѣ и Ксенофонтѣ; сюда же присоединяется и недоумѣніе о томъ, какъ именно „Hellenica“ Ксенофонта принимають къ восьмой книгѣ Фукидида. Съ нѣкоторыхъ поръ начался довольно жаркій споръ о томъ, въ какомъ видѣ достались намъ „Hellenica“ Ксенофонта, при чемъ нѣкоторые принимаютъ ихъ за однородное сочиненіе, другіе же за дѣль совершенно различныя и въ разное время написанныя части. Ко всему этому присоединилось еще и то, что въ недавнее время возникло сомнѣніе въ подлинности всего сочиненія, и гипотеза эта вызвала за и противъ себя такую массу монографій и статей, что съ трудомъ можно удержаться въ этомъ потокѣ.

Такимъ образомъ, переходя теперь къ спеціальному обзорѣню отдѣльныхъ вопросовъ, намъ слѣдуетъ, сообразно съ новѣйшею литературой по этому предмету, расположить ихъ слѣдующимъ образомъ:

I.

Восьмая книга Фукидидоваго сочиненія, при разсмотрѣніи коимъ мы принимаемъ главнымъ образомъ въ соображеніе:

Classen's предисловіе къ его изданію 1-й книги Фукидида (2-te Auflage, Berlin, 1873. Weidmannsche Buchhandlung) и

Wilhelm Mewes: Untersuchungen über das achte Buch der Thucydideischen Geschichte. Brandenburg, a. H. 1868.

На вопросъ, въ какомъ отношеніи находится восьмая книга Фукидидоваго сочиненія къ остальнымъ; уже въ древности давались самыя противорѣчащія отвѣты, и, начиная съ тѣхъ поръ, этотъ вопросъ до нашихъ временъ составлялъ предметъ усерднѣйшихъ изслѣдованій, и однакожь не добыто еще ни одного такого результата, который бы всѣми сторонами былъ признанъ за вполнѣ вѣрный. Тѣмъ

не менѣе, судя по теперешнему состоянію изслѣдованій, мы думаемъ, что вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ до нѣкоторой степени достовѣрнымъ образомъ, и вслѣдствіе этого мы подвергнемъ здѣсь короткой критикѣ различныя мнѣнія.

Дѣйствительно, при первомъ же взглядѣ, различіе разбираемой нами книги съ остальными поразительно и поэтому не удивительно, что былъ поднятъ вопросъ не только о томъ, окончилъ ли Фукидидъ восьмую книгу своей исторіи, но также и о томъ, принадлежитъ ли эта книга ему, или же кому-нибудь другому? Сперва мы обратимъ вниманіе на этотъ послѣдній, доставшійся намъ отъ древнихъ, вопросъ, такъ какъ его легко можно опровергнуть.

Маркеллинъ, извѣстный біографъ Фукидида, сообщаетъ въ его жизнеописаніи § 43 слѣдующее: Λέγουσι δὲ τινες τὴν ὀγδόην ἱστορίαν νοθεύσασθαι καὶ μὴ εἶναι Φουκιδίδου, ἀλλ' οἱ μὲν φασὶν εἶναι τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ, οἱ δὲ Ξενοφῶντος. . . . ὅτι δὲ οὐδὲ Ξενοφῶντος ἐστὶν, ὁ χαρακτήρ μόνον οὐχὶ βραβ. πολὺ γὰρ τὸ μέσον ἰσχυροῦ χαρακτήρος καὶ ὑψηλοῦ. οὐ μὴν οὐδὲ Θεοπόμπου, καθὰ τινες ἤξισσαν.

Что касается Ксенофонта, то ясно, что его нельзя признать авторомъ вышеупомянутой книги, потому что если бы онъ хотѣлъ или могъ продолжать сочиненіе Фукидида такимъ образомъ, какъ это сдѣлано въ восьмой книгѣ, то неволью представляется вопросъ, зачѣмъ же онъ не сдѣлалъ этого въ первыхъ книгахъ *Hellenica*, столь тѣсно примыкающихъ къ разказу Фукидида?

И объ авторствѣ Теопомпа тоже нечего думать, ибо, не говоря уже о томъ, что самими древними признана его риторическая манера и вялый слогу, онъ едва ли и родился во время смерти Фукидида. Но почему могли возникнуть подобнаго рода мнѣнія? Очевидно только потому, что Ксенофонтъ и Теопомпъ начали свои разказы тамъ, гдѣ оканчивались разказы Фукидида; извѣство было, можетъ быть, что восьмая книга была издана въ свѣтъ уже послѣ смерти автора; замѣчена была также разница между этою книгой и остальными и потому, понятно, принесли къ заключенію, что одинъ изъ такъ-называемыхъ продолжателей поддѣлалъ книгу или, по крайней мѣрѣ, издалъ ее подъ именемъ знаменитаго историка. Извѣстіе, что одна изъ дочерей Фукидида была авторомъ упомянутой книги, мы и не удостоили бы даже опроверженія, если бы К. В. Крюгеръ въ своихъ „*Untersuchungen über das Leben des Thucydides*“ (Berlin, 1832), стр. 75, не считалъ этого обстоятельства лишеннымъ даже возможности всякаго вѣроятія.

Сомнѣнія, высказанныя уже Маркеллиномъ по поводу этой гипотезы, который и въ § 43 замѣтилъ: „Πρὸς οὐδὲ λέγομεν, ὅτι τῆς θογατρὸς ὡς οὐκ ἔστι, δῆλον. οὐ γὰρ γυναικείας ἦν φύσεως τοιαύτην ἀρετὴν τε καὶ τέχνην μιμήσασθαι ἔπειτα, εἰ τοιαύτη τις ἦν, οὐκ ἂν ἐσπούδασε λαθεῖν, οὐδ' ἂν τὴν ὁγδόην ἔγραφε μόνον, ἀλλὰ καὶ ἄλλα πολλὰ κατέλιπεν ἂν, τὴν οἰκειάν ἐκφραίνουσα φύσιν, хотя и вполне основательны, однако ничего прямо не доказываютъ. Говорили также, что это извѣстие должно понимать такимъ образомъ, что сущность этой книги, хотя и принадлежитъ Фукидиду, но составляла лишь его черновыя и предварительныя работы, которыя и были приведены въ настоящій видъ его дочерью или кѣмъ-либо другимъ. Однако, тутъ опять приходится на умъ вопросъ, почему же та самая рука не продолжала сочиненія до самаго конца Пелопонезской войны,—Фукидидъ вѣдь собралъ свои матеріалы, какъ для этой, такъ и для предшествовавшей части войны, равно и для конца ея? А что Фукидидъ принялся уже по окончаніи войны за разработку своихъ замѣтокъ, которыя должны были найдтись, поэтому, въ совершенной полнотѣ, мы надѣемся доказать въ слѣдующей статьѣ до очевидности, не взирая на противоположное мнѣніе Ульриха.

Классенъ предполагаетъ, стр. LXXXIX, не безъ вѣроятія, что въ этихъ сомнительныхъ указаніяхъ мы, можетъ быть, должны видѣть воспоминаніе о томъ, что дочь послѣ внезапной смерти отца, вслѣдствіе разбойническаго нападенія, сохранила отъ совершенной гибели неоконченное сочиненіе и для изданія въ свѣтъ передала его такому человѣку, который, какъ по своему личному положенію, такъ и по своему интересу, могъ быть способенъ на это. Противъ сомнѣвавшихся въ авторствѣ Фукидида думали найдти неопровержимое доказательство подлинности восьмой книги въ свидѣтельствѣ Кратиппа; именно, Діонисій Галикарнасскій, въ сочиненіи: *Περὶ τοῦ Θουκυδίδου χαρακτήρος* (ed. C. S. Kueger), стр. 847, говоритъ слѣдующее: (Κράτιππος) αὐτὸν ἐν τοῖς τελευταίοις τῆς ἱστορίας φησὶ μηδεμίαν τάξαι ῥητορείαν; этимъ Кратиппъ указываетъ ясно на не имѣющую рѣчей восьмую книгу, которую, слѣдовательно, приписываетъ Фукидиду; а вѣдь Кратиппъ былъ современникъ Фукидида! Однако, это свидѣтельство много утратило своего значенія съ тѣхъ поръ, какъ Арнольдъ Шеферъ (*Abriss der Quellenkunde der griechischen Geschichte bis auf Polybios. Zweite Aufl. Leipzig, 1873. B. G. Teubner, p. 31*) указалъ на то, что показаніе Діонисія, будто Кратиппъ былъ современникомъ Фукидида, основано на заблужденіи, потому что по свидѣтель-

ству другихъ, болѣе достовѣрныхъ источниковъ, онъ жилъ позднѣе ритора Клазоменскаго (жившаго около 270 года до Р. X.)¹⁾. Но даже если мы оставимъ въ сторонѣ свидѣтельство Кратиппа, то все-таки по вышесказанному должны будемъ принять всѣ извѣстія о мнимо́мъ авторѣ этой книги за вымышленныя, имѣющія цѣлю объяснить разницу между нею и остальными.

Подлинность восьмой книги со времени этихъ древнихъ критиковъ, которыхъ опровергалъ уже Маркеллинъ, не подвергалась болѣе сомнѣнію и даже ясно была доказана извѣстными издателями. Оукидида — Е. О. Поппо и К. В. Крюгеромъ. Теперь спрашивается: есть ли эта книга — легко набросанный очеркъ и поэтому, можетъ быть, только часть собранныхъ авторомъ матеріаловъ, или же это законченное изложеніе, которому недостаетъ только исполнѣй совершенной обработки; наконецъ, дѣйствительно ли эта книга должна пользоваться одинаковымъ съ остальными авторитетомъ и такъ ли она исполнена, какъ и предыдущія? Восьмая книга главнымъ образомъ обратила на себя особенное вниманіе тѣмъ, что она лишена тѣхъ искусныхъ рѣчей, которыя составляютъ главное украшеніе предыдущихъ книгъ Оукидидоваго историческаго сочиненія и которыя столь тѣсно связаны со всѣмъ разказомъ, что ихъ нельзя исключить, не уничтоживъ въ то же время и красоты всего сочиненія. А какое значеніе самъ писатель придавалъ этимъ рѣчамъ, видно уже изъ самаго внѣшняго ихъ объема. Изъ восьми сотъ пяти главъ, составляющихъ первую семь книгъ, сто восемьдесятъ одна, то-есть, почти четвертая часть всего сочиненія, содержитъ въ себѣ рѣчи. Историкъ самъ говоритъ (I, 22, 1), что онъ обратилъ одинаковое вниманіе какъ на изслѣдованіе событій, такъ и на воспроизведеніе рѣчей, сопровождавшихъ дѣйствія; значеніе рѣчей для пониманія цѣлаго легко можетъ видѣть каждый, кто попытается понять исторію Оукидида, выпустивъ рѣчи. И въ самомъ дѣлѣ, въ какихъ потемкахъ очутился бы онъ тогда, какъ неясно представлялись бы ему связь событій, ихъ причины и цѣли, руководящія основныя мысли въ политикѣ государствъ, намѣренія и взгляды различныхъ партій, особенно же характеры дѣйствующихъ лицъ! Рѣчи эти, сравнимыя всегда съ пѣснями хора

¹⁾ Приведенная недавно Э. Лейтчемъ гипотеза (Philologus, томъ XXXIII, стр. 97), по которой Кратиппъ и Ксенофонтъ тождественны, при чемъ будто бы послѣдній первую часть своихъ *Hellenica* издалъ подъ псевдонимомъ Кратиппа, легко опровергается.

въ трагедіяхъ и съ парабазами комедій, мы должны признать истиннымъ средствомъ, съ помощью котораго писатель возводитъ внѣшнія дѣйствія до внутреннихъ ихъ причинъ. И однакожь, не смотря на всѣми признанную важность или даже необходимость подобныхъ рѣчей, въ восьмой книгѣ мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда ихъ, за исключеніемъ развѣ одного предложенія (VIII, 53, 4), составляющаго окончаніе косвенной рѣчи. Дѣйствительно, потребуются очень сильныя доказательства, чтобы убѣдить насъ, какъ и цытаются нѣкоторые изъ новѣйшихъ издателей Фукидида, будто историкъ здѣсь съ намѣреніемъ избѣгалъ прямыхъ рѣчей.

Итакъ, сперва мы приведемъ мнѣнія древнихъ, объясняющія эти странныя отступленія въ 8-й книгѣ.

Діонисій Галикарнасскій въ приведенной уже нами оцѣнкѣ Фукидида (стр. 846) разказываетъ, будто Кратиппъ былъ того мнѣнія, что Фукидидъ опустилъ въ восьмой книгѣ рѣчи, такъ какъ онъ понималъ, что рѣчи эти только затрудняли бы разказъ о ходѣ событій и были бы обременительны для слушателей или читателей (οὐ μόνον ταῖς πράξεις αὐτὰς (scil. ῥητορίας) ἐμποδῶν γεγενῆσθαι λέγων, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἀκούουσιν ἀχληρὰς εἶναι).

Это, само по себѣ неясное объясненіе, К. В. Крюгеръ (Untersuchungen über das Leben des Thucydides p. 77—79) опровергнулъ такъ основательно, что упомянутый вопросъ можетъ уже считаться окончательно рѣшеннымъ ¹⁾. Удивительно, что такой человекъ, какъ Отфридъ Мюллеръ, въ своей исторіи греческой литературы, держался вышеприведеннаго мнѣнія, говоря, на стр. 368 слѣд.: „Относительно рѣчей, Кратиппъ, продолжатель Фукидида, можетъ быть и вполнѣ правъ, признавая причиной отсутствія рѣчей въ восьмой книгѣ то обстоятельство, будто Фукидидъ находилъ, что онъ не приходились болѣе по вкусу тогдашняго времени“. Затѣмъ, другое объясненіе мы находимъ у Нибура, выражающагося въ „Vorträge über alte Geschichte“ II, стр. 42, слѣдующимъ образомъ: „Фукидидъ не докончилъ своей исторіи, но на сколько восьмая книга выполнена, она написана имъ такъ же несомнѣнно какъ и первыя семь книгъ и притомъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ самъ хотѣлъ ее написать. Съ разстройствомъ аѳинской экспедиціи въ Сицилію погибли древнія, колоссальныя Аѳины, красота Греціи, остальная же часть войны была плачевна и жадка; ко-

¹⁾ Ср. также Вейля «Thucydides als Geschichtsschreiber» въ «Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft» 1838, стр. 878.

нецъ ея уже предвидѣлся. Вотъ причина, почему восьмая книга написана иначе, чѣмъ прочія. До конца седьмой книги торжественность его разказа возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія самихъ событій; но вотъ величіе исчезло и уже не о чемъ было болѣе разказывать торжественно и возвышенно, уже не было воляности, граждане находились въ несчастіи и невозможно было поступать наперекоръ желѣвному ходу судьбы; нужно было отказаться и отъ рѣчей, — онѣ были бы уже не у мѣста“. Подобнымъ же образомъ онъ высказывается и въ „Rheinisches Museum I, стр. 469: „Время долгихъ мученій непріятельской борьбы слѣдовало уже разказывать спокойно“. Положимъ, это объясненіе остроумно и осмысленно ¹⁾, но за вѣрное признать его мы можемъ такъ же мало, какъ и объясненіе К. В. Крюгера (Unters. р. 79), что писатель, сообразно своимъ взглядамъ на историческія рѣчи, уже не могъ снабдить эту книгу подобными рѣчами, такъ какъ характеры воюющихъ сторонъ, ихъ политическіе принципы уже были достаточно очерчены; уже никто не пользовался такимъ громаднымъ вліаніемъ какъ Периклъ, Клеонъ, Алемвіадъ: какимъ же образомъ писатель могъ изображать эту несчастную эпоху тѣми руководящими рѣчами, которыми она совсѣмъ и не обусловливалась? Итакъ, вотъ причины, по которымъ Фукидидъ, написавъ семь книгъ, четвертая часть коихъ состояла изъ прямыхъ рѣчей, вдругъ на столько уклонился отъ своего способа изложенія, что рѣшился въ цѣлой книгѣ только одинъ разъ вставить прямое предложеніе, состоящее изъ пяти или шести строкъ! Но кто можетъ согласиться съ Нибуромъ, что рѣчи всегда имѣютъ въ себѣ что-то торжественное и возвышенное; кто согласится съ Крюгеромъ, что онѣ служили для указанныхъ имъ цѣлей? И въ восьмой книгѣ было столько же поводовъ писать рѣчи, сколько и въ другихъ. Политическій переворотъ (которымъ занята не малая часть восьмой книги), наступившій послѣ сицилійской экспедиціи, преобразование, происшедшее въ характерѣ аѳинскаго народа, прежде всего могли бы быть наглядно представлены въ рѣчахъ ²⁾. Вудто Фукидидъ

¹⁾ Странно, что и Классенъ того же мнѣнія, что авторъ, при быстро развивающихся событіяхъ, ради оживленія разказа, прибѣгаетъ къ сжатому изложенію. «Вѣроятно», продолжаетъ онъ стр. LXXV, «въ этомъ и заключается главная причина того, что въ восьмой книгѣ при быстрѣйшей перемиѣ и своеобразномъ характерѣ многихъ разказываемыхъ событій, сообщеніе о мысляхъ и намѣреніяхъ дѣйствующихъ лицъ производится не посредствомъ подробныхъ рѣчей, а косвенно» (главы 27, 46, 53, 63, 67, 76, 81).

²⁾ Уже Кратиппъ у Діонисія замѣчаетъ, что имѣлось достаточно причинъ

дѣйствительно влгаетъ рѣчи только въ уста людей, пользовавшихся высокимъ значеніемъ? Неужели Фераментъ, Фразибуль, Пизандръ, Фринихъ, Антифонъ, Антиохъ, Астіохъ, Тиссафертъ дѣйствительно менѣе значительны, чѣмъ Сенеладъ, Діодотъ, Демосеенъ, Гермократь и Гиалиппъ, которыхъ однакожь писатель охарактеризовалъ прямыми ихъ рѣчами (Ср. Мевесъ, стр. 15)? Стоитъ только взглянуть на косвенныя рѣчи, которыми такъ богата восьмая книга, чтобы убѣдиться, что Крюгеръ совершенно не правъ, думая, что ни одну изъ этихъ рѣчей нельзя считать столь значительною, чтобы слѣдовало ее излагать въ прямой формѣ. Однимъ словомъ, не имѣется ни одной ясной и вполне очевидной причины, почему бы Фукидидъ долженъ былъ избѣгать прямыхъ рѣчей; однакожь отчего ихъ нѣтъ? Причина заключается просто въ томъ недоконченномъ видѣ, въ какомъ эта книга была оставлена авторомъ. И никто кромѣ Нибура не рѣшался утверждать, что мы имѣемъ эту книгу въ томъ видѣ, „который она и должна была получить“; даже тѣ критики, которые, подобно Классену и Крюгеру, находятъ, что отсутствіе рѣчей достаточно условливается характеромъ излагаемыхъ событій, все-таки признаютъ что поражающія неправильности языка и неточности разказа этой книги слѣдуетъ принять за слѣды недоконченной и непровѣренной работы. Притомъ же, несомнѣнныя свидѣтельства о внезапной смерти Фукидида дѣлаютъ вполне понятнымъ этотъ фактъ. По нашему мнѣнію, Рошеръ, въ своей книгѣ: *Leben, Werk und Zeitalter des Thucydides* (Göttingen 1842) стр. 162, вполне вѣрно замѣчаетъ, что въ косвенныхъ рѣчахъ восьмой книги мы имѣемъ лишь предварительныя черновыя работы, которыя должны были быть передѣланы въ прямыя рѣчи только уже при окончательной разработкѣ цѣлаго сочиненія; это — *σύντασαι γυνώσκει τῶν ἀληθῶς λεχθέντων*, долженствовавшія составлять скелетъ для дальнѣйшей обработки. Тутъ Фукидидъ вѣроятно слѣдовалъ правилу, которое гораздо позднѣе предписано было Луціаномъ (*De historia conscribenda* § 48): Луціанъ совѣтовалъ каждому историку составить сперва краткій и простой очеркъ событій и лишь при позднѣйшей обработкѣ снабжать его тѣмъ, что

вставлять прямыя рѣчи: πολλῶν μὲν (хотя) κατὰ τὴν Ἰωνίαν γενομένων, πολλῶν δ' ἐν ταῖς Ἀθήναις, ὅσα διὰ λόγων καὶ δημηγορίων ἐπράχθη.

Не вдаваясь въ обсужденіе тѣхъ мѣстъ, гдѣ рѣчи были бы очень кстати, мы укажемъ лишь: 5, 6, 12, 27, 43, 45, 48, 53, 56, 63, 74, 76, 78, 81, 83, 86, 89, 93, 97.

необходимо для красоты и отдѣлки слога. Можетъ быть нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя нами, дадутъ намъ нѣкоторую возможность поглубже заглянуть въ мастерскую великаго художника. Въ первыхъ семи книгахъ рѣчи нерѣдко производятъ такое впечатлѣнiе, какъ будто во всемъ своемъ объемѣ онѣ вставлены только при окончательной переработкѣ сочиненiя; а впечатлѣнiе это онѣ производятъ тѣмъ, что непосредственно предшествующiя слова разказа находятся въ такой тѣсной связи со словами, слѣдующими за рѣчью, что пространство, которое занимаютъ рѣчи и которымъ онѣ отдѣлены другъ отъ друга, кажется слишкомъ значительнымъ для того, чтобы связь представлялась естественною. Намъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы захотѣли прослѣдить это замѣчанiе въ подробностяхъ; поэтому мы удовольствуемся только тѣмъ, что попытаемся выяснитъ истину этого положенiя посредствомъ поразительнаго примѣра. Сорокъ девятая глава третьей книги начинается слѣдующими словами: *Τοιαῦτα δὲ ὁ Διόδωτος εἶπεν. Ῥηθεῖσιν δὲ τῶν γυναικῶν τούτων μάλιστα ἀντιπάλων πρὸς ἀλλήλας οἱ Ἀθηναῖοι ἦλθον μὲν ἐς ἀγῶνα ὄμως τῆς δόξης καὶ ἐγένοντο* х. т. л. Слово *ὄμως* было камнемъ преткновенiя какъ для древнихъ, такъ и для новѣйшихъ критиковъ, которые предлагали различныя измѣненiя, такъ какъ оно стояло внѣ всякой связи съ другими; но Крюгеръ справедливо придерживается подлиннаго чтенiя, руководясь тѣмъ вѣрнымъ взглядомъ, что въ главѣ 36, 3, слѣдуетъ подразумѣвать „хотя они раскаявались въ принятомъ ими рѣшенiи“. Оба мѣста, находящiяся въ непосредственномъ отношенiи другъ къ другу, отдѣлены двѣнадцатью главами, заключающими въ себѣ полныя рѣчи, и потому нельзя считать смѣлымъ то предположенiе, что здѣсь на мѣстѣ рѣчей прежде былъ только краткiй обзоръ ихъ содержанiя. Въ защиту этой гипотезы мы можемъ представить еще одно соображенiе, а именно: рѣчи, говоря по справедливости, составляютъ собственно одно нераздѣльное цѣлое, какъ бы непрерывный комментарий къ разказу, и служатъ главнымъ образомъ для того, чтобы сдѣлать изложенiе въ полномъ смыслѣ слова прагматическимъ, а съ этой точки зрѣнiя не лишено вѣроятiя то обстоятельство, что Фукидидъ при разработкѣ цѣлаго приступалъ къ дѣлу такъ, что сперва объективно излагалъ происшедшее и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немногими косвенными предложенiями обозначалъ содержанiе рѣчи, долженствовавшей быть вставленною, и уже затѣмъ предложенiя эти разработывалъ въ цѣлыя рѣчи. На такого рода приемъ указываетъ еще и то, что въ отдѣльныхъ случаяхъ мы часто не имѣемъ передъ собой тѣхъ

аргументовъ, которые затѣмъ приведены въ дѣйствительно произнесенныхъ рѣчахъ, но что послѣднія, на сколько онѣ служатъ для мотивированія отдѣльныхъ дѣйствій, составляютъ отчасти собственную, умственную принадлежность писателя; эти рѣчи, по собственнымъ словамъ автора, должны были содержать болѣе ὡς ἂν ἐδῶκοον αὐτῷ ἕκαστος περὶ τῶν αἰεὶ παρόντων τὰ δεόντα μάλιστα εἰπεῖν. Здѣсь мы имѣемъ въ виду въ особенности тѣ мѣста, въ которыхъ историкъ, какъ бы выходя изъ своей роли, заставляеть оратора пускаться въ опроверженіе аргументовъ и воззрѣній, приведенныхъ другимъ, въ совершенно другое время и въ иномъ мѣстѣ. Очевидные примѣры этого рода находятся въ рѣчи коринѣскихъ пословъ (I, гл. 120 и сл.) относительно прежней рѣчи Архидамы, и въ первой рѣчи Перикла (I, гл. 140 и сл.) относительно только-что упомянутой коринѣской.

Не прямое доказательство въ пользу нашего объясненія, почему въ восьмой книгѣ Фукидида нѣтъ рѣчей, представляютъ и вообще недостатки этой книги не только въ стилистическомъ отношеніи, но и въ отношеніи къ самому ея содержанію. До сихъ поръ не мало было говорено въ ученой литературѣ объ этихъ недостаткахъ восьмой книги; но впервые они были выставлены на видъ почти въ полномъ ихъ объемѣ лишь Мевесомъ въ упомянутомъ выше его сочиненіи, и это составляетъ весьма важную его заслугу. По количеству же этихъ недостатковъ можно достоверно заключить, что восьмой книгѣ Фукидида предстояла весьма значительная и существенная переработка, если бы автора ея не постигла внезапно злая судьба.

Э. Ю.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АЛЬБИЯ ТИБУЛЛА

ELEGIA X

(I Libr.)

(Переводъ съ латинскаго).

Альбій Тибуллъ (52—17 до Р. Х.), котораго боги, по свидѣтельству Горациа (Epist. I, 4, 6 и дал.), надѣлили красотой, откровенностію, хорошимъ матеріальнымъ достаткомъ и умѣньемъ наслаждаться, стремился, по влеченію своего нѣжнаго сердца, не къ оружію и битвамъ, а къ миру сельской жизни и къ сладкой любовной мечтательности. Принужденный, въ качествѣ римскаго всадника, отправиться (около 43 г.) на войну вмѣстѣ съ своимъ другомъ и покровителемъ Мессалою, Тибуллъ въ этой элегіи прокликаетъ войну съ ея ужасными орудіями, скорбитъ о человѣческой жадности, какъ главнѣйшей причинѣ кровопролитныхъ войнъ между людьми; хвалитъ простоту и безопасность древнихъ временъ, пріятности сельской жизни; скорбитъ о томъ, что и онъ—молодой поэтъ—принужденъ идти на битву; умоляетъ Ларовъ пощадить и уберечь его. Переходя за тѣмъ къ прославленію мира, къ неизысканнымъ удовольствіямъ и легкимъ невгодамъ мирной сельской жизни, поэтъ заканчиваетъ свою элегію молитвеннымъ воззваніемъ къ благодатному Миру.

Благодатный миръ.

1. Кто это первый придумалъ убійственный мечъ и кинжалы?
Видно, свирѣпый былъ звѣрь, истинно жесткая сталь!

1) «*Придумалъ*», protulit, какъ и у Горациа. (Epist. II, 3, 56): quum lingua Catois et Enni nova rerum protulit nomina.

2) «*Истинно жесткая сталь*», vere ferreus ille fuit; уже у Гомера (Одисс. XXIII, 172) сказано: ἢ γὰρ τῆ γε σιδῆρεος ἐν φρεσὶ θυρός, и Тибуллъ только уси-

Съ оныхъ вѣдъ поръ начались у людей всё убійства и войны, Смерти ужасной тогда путь повороче открытъ.

5. Впрочемъ, тотъ жалкій искусникъ невиненъ: вѣдъ мы обращаемъ
Сами во вредъ себѣ то, что далъ онъ противъ звѣрей.
Деньги причиной всему: войнѣ не знали, пока за обѣдомъ
Были довольны вполнѣ буковой чаркой, простой.
Не было замковъ и прочныхъ окоповъ; безъ всякой заботы
10. Стадъ разношерстныхъ пастухъ въ полѣ своемъ засыпалъ.
Вотъ, еслибъ жилъ я тогда, я не зналъ бы оружія злаго,
Грудь не терзали бы мнѣ звуки воинственныхъ трубъ!
Нынѣ жъ насильно вдекутъ на войну и, быть можетъ, злой
врагъ мой
- Держить уже для меня — въ бою — роковую стрѣлу.
15. Но, боги — Лары, спасите! не вы ли меня охраняли
Нѣжнымъ ребенкомъ когда бѣгали у вашихъ я ногъ?
Тѣмъ не смущайтесь, что дѣлали васъ мы изъ старыхъ чур-
бановъ:

лилъ выраженіе присоединеніемъ нарѣч. *sege*; *σίδήρεος*, *ferreus*, въ переносн. знач. безчувственный, безсердечный.

4) «Смерти ужасной... путь...», *dirae mortis.. via..*; подобная же мысль у Гораци. (Од. I, 3, 32—33): *Semotique prius tarda necessitas Leti corripuit gradum.*

5) «Жалкій», *miser=infelix*, такъ какъ при изобрѣтеніи онъ не имѣлъ въ виду какой нибудь злой и пагубной собственно для людей цѣли; «невиненъ» *nitius meuit*, напротивъ, онъ даже заслуживаетъ похвалы по Цицер. (*Tuscul. I, 25, 62*): *Omnes magni, etiam superiores, qui praesidia contra feras invenerunt.*

8) «Буковой чаркой», *faginus scyphus*; стаканы, чарки изъ бука, часто украшенные искусною рѣзбой, еще во времена Вергилія были у сельскихъ жителей въ числѣ праздничныхъ сервизовъ (*Ecl. III, 36*). Въ древности же такіе сосуды употреблялись даже при жертвоприношеніяхъ. Срав. Плини. *Hist. Nat. XVI, 38.*

9) Сравн. *Ovid. Metamorph. I, 98—100.*

10) «Стадъ разношерстныхъ пастухъ», *varias dux gregis inter oves*; вмѣсто *varias* иные читаютъ *niveas, saturas, vacuas*. Неуне-Wunderlich объясняетъ *varias=oves late errantes vel procumbentes*, но большею частію здѣсь подразумеваютъ овецъ различной масти, разношерстныхъ (*albas et nigras et maculosas*), видя въ словахъ Тибулла умизаніе на старинную простоту, когда еще не заботились о томъ, чтобы стада были непременно одного цвѣта и преимущественно бѣлаго, и когда овецъ другихъ мастей отдѣляли и пасли особо.

11) «Не зналъ бы оружія злаго» (ян. *vulgi*) *possem arma*, то-есть, ножей, топоровъ, мечей и другихъ орудій, которыми люди наносятъ одинъ другому рану, увѣчья и смерть.

14) Преимущественно, скорѣе всего «въ бою», *in latere*, потому что грудь и передняя часть туловища охранялись обыкновенно щитомъ.

17) «Изъ старыхъ чурбановъ», *prisco e stiripe*, то-есть, изображенія, ядолы

- Просто любили вы жить въ древнихъ хоромахъ дѣдовъ.
 Даннаго слова держались честнѣй, когда въ скудномъ убранствѣ,
 20. Въ бѣдной божницѣ стоялъ богъ деревянный, изъ пня.
 Милостивъ былъ онъ, творили-ль ему отъ вина возліянье,
 Иль изъ колосьевъ вѣнокъ клали ему на чело;
 Давшій обѣтъ подносилъ богу самъ коровай освященный,
 А вслѣдъ за нимъ дитя — дочь чистой въ сотахъ несла медь.
 25. О, боги—Лары, желѣзныя стрѣлы отъ насъ отразите!
 Въ жертву мы вамъ принесемъ изъ хлѣбовъ нашихъ свинью.
 Въ чистыхъ одеждахъ пойду я за ней, понесу самъ корзину
 Полную миртовъ и самъ обовью голову миртомъ себѣ.
 Такъ я служилъ бы вамъ лучше; другой же воинственно-храбрый
 30. Путь бы враждебныхъ вождей съ помощью Марса разилъ,
 Чтобы потомъ мнѣ, за чашей вина, излагалъ онъ сраженья
 И разводилъ по столу мокрымъ перстомъ всѣ полки.
 Что за безуміе мрачную смерть навликать еще битвой,
 И безъ того вѣд тайкомъ насъ караулить она!
 35. Нѣтъ въ преисподней прохладныхъ садовъ, нѣтъ полей, вино-
 града;
 Церберъ злой тамъ, а чрезъ Стиксъ лодочникъ гадкій Харонъ.
 Тамъ съ обнаженными скулами, съ выжженными волосами

домашнихъ боговъ въ старинныя времена, когда было побольше вѣры и по меньше богатствъ, простодушные предки дѣлали изъ дешеваго матеріала; въ послѣдствіи ихъ уже начали дѣлать изъ золота; см. Светон. Vitell. 2. Въ числѣ Ларовъ включали иногда и особенно прославленныхъ знаменитостей; такъ, напримеръ, императоръ Александръ Северъ въ своемъ лараріумѣ (божницѣ) имѣлъ статуи Авраама, Александра Великаго, Орфея и даже Іисуса Христа.

20) «*Въ бѣдной божницѣ*», in exigua aede, гдѣ aedes можетъ обозначать также и всю ту комнату (atrium), въ которой обыкновенно помѣщались Лары.

23) «*Давшій обѣтъ*», voti compos, то-есть, приступая къ какому-нибудь особенно важному дѣлу и вполнѣ усивъ въ немъ, нужно было, въ благодарность помощникамъ-богамъ, принести и болѣе торжественную, болѣе щедрую жертву, каковыми были *liba, mel* (favus). Сравни. Ovid. (Fast. II, 651—652): Inde ubi ter fruges medios immisit in ignes inceisos filia parva favos.

32) «*И разводилъ по столу... полки*», et in mensa pingere castra; сравни. Ovid. (Heroid. 1, 31):

Atque aliquis posita monstrat fera proelia mensa
 Pingit et exiguo Pergama tota mero.

37) «*Тамъ... съ выжженными волосами*», ustoque copillo; мертвыхъ обыкновенно сожигали на кострѣ; поэты, однакожъ, представляли мертвыхъ не совершенною частью СЛХХIII, ОТД. 5.

- Блѣдныя бродятъ толпы у дико-мрачныхъ озеръ.
 О, сколь почтениѣе тотъ, кто, своей окруженный семьею,
 40. Поздно, на старости лѣтъ, домъ покидаетъ свой здѣсь.
 Самъ за своими овцами ходилъ, а ягнать его сынъ пастъ,
 Дома жъ, измученному, ванну готовить жена.
 Еслибъ и мнѣ такъ прожить! о пускай убѣдится глава сѣдинами,
 Пусть о дѣлахъ старины я старикомъ расскажу!
45. Миръ да лелѣетъ и холить поспѣвы! вѣдь онъ, благодѣтель,
 Первый подвелъ подъ ярмо пашущихъ землю быковъ.
 Миръ виноградъ возвращаетъ и гроздіямъ соби даетъ онъ,
 Да наслаждается сынъ старымъ отцовскимъ виномъ!
 Плугъ и лопата при мирѣ въ почетѣ, а злые доспѣхи
50. Воиновъ грубыхъ лежатъ, въ уголъ заброшенные.
 Вонъ селянинъ, ужъ порядкомъ хмѣльной, на телѣгѣ изъ рощи
 Ыдетъ домой и везетъ дѣтокъ своихъ и жену!
 Вотъ замылали сраженья Венеры; супруга кричитъ ужъ:
 Мужъ вырвалъ волосы всѣ, двери онъ всѣ разломалъ!
55. Плачетъ съ подбитой щекою она, но и самъ побѣдитель
 Плачетъ, что руки его столь полноцѣсны въ хмѣлю.

шенно истребленными огнемъ, а только обожженными и изуродованными. «Съ обожженными скулами», exesis genis, но иные читаютъ percussis, percissis, percisis, pertussisque genis.

41) «А ягнать его сынъ пастъ», at filius agnos (sectatur), сравн. Еврипид. (Cyclop. 27): παῖδες μὲν οὖν μοι... νέμονται μῆλα νέα νεοῖ περὶκότες.

42) «Ванну готовитъ жена», calidam comparat uxor aquam; сравн. Гораци. Epod. II, 42:

Sacrum vetustis exstruat lignis focum
 Lassi sub adventum viri,

гдѣ очагъ названъ святымъ (sacrum), такъ какъ онъ служилъ жертвеникомъ для Пенатовъ.

48) «Сынъ старымъ отцовскимъ виномъ», nato testa paterna. Вино, отливаемое въ запасъ и предназначаемое на будущее время, сохранялось въ глиняныхъ кружкахъ, на которыхъ были обозначены имена консуловъ текущаго года; затѣмъ сосуды эти обмазывались гипсомъ, окуривались въ дыму и складывались въ отдаленные, рѣдко посѣщаемые углы погреба; сравн. сюда относящ. мѣста у Горациа: I Од. 20, 2—3; II Од. 3, 8; III, 8, 10—12 и проч.

51) «Изъ рощи», e luso, гдѣ этотъ сельскій житель совершалъ жертвоприношенія и присутствовалъ на праздникѣ и гдѣ онъ за праздничнымъ столомъ, пилъ съ женою и дѣтьми, пилъ вино. Сравн. Гораци. (Ad. Pison. 223): functusque sacris et potus et exlex.

А шаловливый Амуръ заправляетъ и ссорой, и бранью
И безмятежно сидитъ межъ разсерженной четой.

Ахъ, тотъ — желѣзо и камень, кто бьетъ свою душу-подругу:
60. Дерзкій, онъ съ горнихъ небесъ силою тащитъ боговъ.

Можно, пожалуй, въ сердцахъ разорвать на ней тонкое платье,
Можно у ней растрепать пышный уборъ головы,
Можно довести и до слезъ и трикраты счастливѣе тотъ мужъ,
Кто однимъ гнѣвомъ своимъ въ плачь ужъ приводитъ жену.

65. Но кто рукамъ даетъ волю, кто гнѣвень, тотъ пусть носитъ
колья,

Щитъ и мечи, пусть идетъ прочь отъ богини любви!

67. Такъ-то, кормилецъ нашъ миръ, приходи къ намъ съ вѣнкомъ
изъ колосевъ,

Съ пышнымъ богатствомъ плодовъ въ чистыхъ объятыхъ твоихъ!

Н. Фокковъ.

59) «Ахъ, тотъ желѣзо и камень»; Ah, lapis est ferrumque. Сравни. Овид.
(III, Amor. 6, 59):

Ille habet et silices et vivum in pectore ferrum,
Qui tenero lacrimas lentus (безучастно, спокойно) in ore videt.

60) «Съ небесъ силою тащитъ боговъ», e caelo deripit ille deos—говорилось о
тѣхъ, которые, подобно дерзкимъ Гигантамъ, своими ужасными преступле-
ніями тревожатъ въ небѣ боговъ, или которые готовы даже на самихъ боговъ
поднять свою нечестивую руку.

65) «Тотъ пусть носитъ колья, щитъ», scutumque sudemque is gerat, то-
есть, такой пусть идетъ въ войны, пусть беретъ съ собою колья, такъ какъ
воины, отправляясь въ походъ, несли, кромѣ разнаго вооруженія, еще также и
колья, посредствомъ которыхъ укрѣплялись окопы, лагеря и проч.

67) «Съ вѣнкомъ изъ колосевъ, съ пышнымъ богатствомъ плодовъ», какъ
обыкновенно изображали богиню мира; статую, кромѣ масличной вѣтви, укра-
шали еще различными атрибутами довольства и изобилія плодовъ земныхъ.

DE PHAEDRI ET AVIANI FABULIS.

Graecorum ac latinorum auctorum ex libris cum iam per ipsam antiquitatem perissent quidam minime spernendi, partim abundantia bonorum scriptorum, partim incuria hominum, quæ eo frequentior et gravior fuit, quo magis a saeculo inde tertio post Christum Imperii Romani cives a priscis litterarum artiumque bonarum studiis degenerarunt, satis constat multo gravius factum damnum, postquam per continuas barbarorum incursiones everso imperio Romanorum occidentali, concusso gravissime orientali longa illa cœpit aetas humanitatis studiis parum hercule æqua, quam mediæ ævi nomine vulgo solemus significare. Per eam quot eximii perierint libri, non est huius loci accuratius demonstrare, cum praesertim de re ipsa constet inter omnes.

Et gravior quidem aliquanto latinarum quam græcarum litterarum fuit iactura. Perinde tamen utraeque uno quodam incommodo conflictantur, de quo statim dicturus sum.

Nempe in satis magno Graecorum et aliquanto minore Latinorum numero librorum, qui pariter rerum ubertate et gravitate formaeque cura ac nitore sicut conspicui, pauci tamen admodum inveniuntur gymnasiolorum usibus omnino apti. Etenim cum prudentissimus quisque artis paedagogicae arbiter ea maxime statuatur in scholis esse tractanda pueris, quae pariter et viris futuris prosint et tenerae ipsorum aetati convenient, quae quidem res minime fugit veteres, id quod apparet cum aliunde tum ex Quintilianæ institutionis oratoriae libris (I, 1, 35 sqq.; ib. 8, 5 sqq.; II, 5 18 sqq.), tamen pauci admodum videntur existisse apud

Graecos et Romanos priscos, qui scholicae lectionis proprios in usus aut ipsi conscriberent libros aut ab aliis conscriptos mutarent (cuius sunt generis nonnullae syllogae sententiarum moralium ex poëtis potissimum petitae, ut monosticha Menandri vel Syri). Nam ne illi quidem auctores frequentissimi post Alexandri Magni tempus, qui simul grammaticam et poëticam factitarent aut qui, ut Horatius noto carmine fecit, augurarentur fore ut aliquando in scholis scripta sua legerentur, ullo pacto sunt existimandi puero- rum in usum ea accommodasse.

Jam ut omittam naufragio illo classicarum litterarum, de quo supra dixi, haud dubie etiam haustos esse libros multos, qui puero- rum ad institutionem utiliores essent, quam plerique eorum qui exstant, vel ob id aliquanto graviore penuria scriptorum in gym- nasiis tractandorum premimur, quia pueri nostri, qui non ut antiqui nativo utuntur sermone latino vel graeco, sed cum prae- ceptorum institutione paullatim cum magno labore percipiunt, reti- neri solent per aliquot annos elementis primis grammaticae et syntaxis graecae latinaeque discendis; quo tempore res ipsa fert, ut parum sint apti ad legendos antiquitatis scriptores eos, qui non utantur sermone quam maxime facili et expedito. Ob id ip- sum non licet nobis, sicut in veterum scholis solebat fieri, lectio- nem puerorum incipere ab Homero et Vergilio, sed faciliores eidemque pretio aliquanto minores eligendi sunt, qui tractentur in inferioribus gymnasiorum classibus. Nam quod fuerunt, qui incommodo isti studerent mederi editis anthologiis, quibus exhi- berentur decerpta ex diversis scriptoribus ea, quae puerorum re- cens imbutorum latini et graeci sermonis elementis inservire pos- sent usibus, talia lectonis subsidia quamquam minime duco sper- nenda, tamen quam celerrime potest fieri continuum aliquod ve- teris scriptoris opus tractandum eis existimo. Multo quippe mihi videtur praestare accurata cognitio unius auctoris in certo quo- dam et uno argumento versantis et dictionis ac (si poeta sit) metri aequabilitate conspicui quam festinata illa diversissimarum rerum sermonumque saepe multum distantium perceptio, quae plerumque avocare solet statim ab initio teneros etiamnunc et molles puerorum animos a seriis et gravibus studiis. Numquam

enim oportet oblivisci magistros praeclari illius dicti Pliniani, quo multum potius quam multa iubemur legere.

Quae cum ita sint, satis apto ac prudenti usi esse mihi videntur iudicio, qui tironum primos in usus elegerunt latinos quosdam scriptores, qui, cum ingenii non ita magna essent amplitudine aut altitudine, dictione uterentur facili nec aut obscuritate sensuum aut verborum ambagibus impedita, quales sunt inter Romanos Eutropius, Nepos, Phaedrus. Ex quibus quamquam Eutropius minus nunc frequentatur in scholis quam olim, Nepos et Phaedrus nondum sunt depulsi suo honore neque facile depelluntur, nisi forte, id quod vix licet sperari, novi prorsus et pridem cognitioni nostrae subducti ex bibliothecarum latebris recuperantur auctores, quamquam non defuerunt, qui utrumque loco, quem nunc obtinent in scholis, conarentur demovere, ut tamen ipsi non haberent, quae rectius possent substitui.

Et sane Phaedro (nam de hoc iam sermonem sum instituturus) adsunt multa, quibus scholarum usibus commendetur, etsi ne hunc quidem puerorum ad lectionem sua composuisse certo constat. Aliter sane res habet in Babrio, poëta Graeco, qui choliambis fabulas conscripsit Aesopeas. Hunc enim Brancho, regio puero, instituendo destinasse sua ipsius ex testimonio intellegitur. Sed ad Phaedrum ut redeam, quod in libri tertii prologo v. 20 ¹⁾ gloriatur se ut in Pierio monte h. e. in Macedonia et in vicinia Graeciae editum in ipsa paene schola esse natum, eo sensu scholam dixit Graeciam, quo Terentianus Maurus v. 1301 eandem vocavit magistram, h. e. omnium studiorum artiumque praeceptricem et exemplum. Quamquam potest etiam videri cogitasse de scholis poëtarum, quas memorat Martialis IV, 61, 3. Nam tales (de quibus et alii dixerunt saepe et ego pag. 11 libri de re metrica poët. latin.) ut apud Romanos fuerunt frequentes, etiam apud Graecos exstitisse sane quam probabile est. Et aperte ad scholas sive collegia poëtarum, quae erant in urbe Roma, respicitur v. 23 eiusdem prologi. Puerorum autem peritia latini sermonis parum provectorum aetati cur tam aptus esse videatur

¹⁾ In afferendis Phaedri versibus utor numeris editionis mcae.

Phaedrus, hae potissimum sunt causae. Primum ipsa argumenta satis conveniunt aetati tenerae, cum praesertim additis plerumque per promythia sive epimythia sententiis moralibus secundum notum Horatii praeceptum (a. p. 343) utilitatem misceant incunditati. Neque apud pueros, qui neque solent esse neque debent Aristarchi, multum nocebit Phaedro, quod interdum relatas exemplis Graecis res deteriore invertit narratione (cuius rei complura documenta in disputatione de fabula attulit Lessingius), quodque aliquando proprietatem praeceptorum moralium, quae insunt fabulis Aesopeis, parum perspexit (de quo dixit Raschigius pg. 3 prooem. ed. 2), aut quod fabulae ab ipso inventae alienae sunt saepe a rationibus ipsarum Aesopi fabularum, quem constat nunquam historica exempla sed aut ex mythologia petita (cf. Babr. 119, 11 ed. Lachmanni), aut ex vita bestiarum et plantarum proposuisse in usum mores humanos corrigendi sine castigandi. Accedit magna dictionis elegantia magnusque nitor, qualem expectes a tempore cultissimo quo vixit Phaedrus. Etenim prorsus a veritate aberrasse existimamus eos, qui multa parum concinne et eleganter vel adeo parum latine dicta apud Phaedrum reperire sibi viderentur. Quorum etiam in numero esse Godofredum Bernhardy, hominem litterarum et Latinarum et Graecarum peritum admodum, satis mirari non possum, quamquam is omnino de fabulis Phaedri iudicavit iniquus.

Ac primum quidem considerandum est codices Phaedri, quotquot exstant, admodum esse corruptos, nonnunquam etiam interpolatos, quia per medium aevum eius carmina satis diligenter legebantur a monachis. Itaque ubicunque occurret in hisce fabulis soloecismus, qui lenissima mutatione apte possit tolli, nemo hercule dubitabit, quin vitium istud non ipsius auctoris sit sed librariorum. Nam hanc normam iudicandi nisi sequimur, et Cicero et Livius et praestantissimus quisque latine dicendi artifex reperientur multos commisisse eosque gravissimos soloecismos sive barbarismos. Veluti, ut hoc exemplo utar, cum in fabula 1 libri V, vv. 15, 16 optimis codicibus tradita essent haec:

Quisnam cinaedus ille in conspectu meo
Audet venire?

fuerunt qui ipsum Phaedrum arguerent, quod notam latinitatis legem in praepositione *in* violasset (sicut sane factum saepius a medii aevi scriptoribus), quamquam apud eundem legitur V, 8, 22: *in conspectum proditurum sine mora*. Tamen quis monitus poterit dubitare, quin recte feratur in codice Neapolitano, etsi est multo recentior Gallicis, *in conspectum meum*, cum praesertim appareat, quam facile in vocabulo *conspectum* ommissa *m* finali, quia eadem sequebatur littera, potuerit oriri illud *in conspectu meo*. Similiter I, 9, 8 verba quae sunt *mortis in solacio*, extitere qui dicerent dicta pro *in solacium*, ut *in finem* vel *consilium* significaret. Quis autem ignorat, quam saepe a librariis *um* et *o* finales sint confusae? Quamquam recte egisse videntur rem, qui scriberent cum Heinsio *mortis en solacium*. Nec vero ἀπαξ εἰρημέναι aut plura aut audaciora habet quam plerique auctores Latini. Nec si semel bisve inveniatur apud Phaedrum soloecismus ipsi tribuendus, non librariis, aliud quidquam admisisse erit existimandus, quam quod quivis fere scriptor quantumvis praestans arte dicendi. Legitur apud eum I, 8, 7: *tandem persuasa est iureiurando gruis pro persuasum est grui* et III, 5, 8, *persuasus ille fecit* imitatione Graecorum, ut etiam alii quidam auctores boni dixerunt *persuasus sum pro persuasum est mihi*, v. c. Ovidius. Sed finge eum ita scripsisse sine exemplo, num ideo erit putandus ignorasse sermonem latinum? Nonne Horatius dixit *invideor*, ut φθονοῦμαι, nec minus *imperor*? Et Marcus Varro, Romanorum sui aevi doctissimus, id sibi indulgit, quod pueri hodie non sine gravi poena committunt, *satisfacitur* ut diceret pro *satisfit*. Plura autem aliquanto quam apud reliquos omnes soloecismorum ac barbarismorum exempla apud comicos reperiri notum est, quorum quidem in hac parte audaciam minime imitatur Phaedrus, etsi ab horum pariter et satiricorum haud ita multum distat eius genus dicendi, quippe quod et ipsum (ut Horatii verbis utar) per humum repat et cotidianaе vitae morem loquendi referre soleat.

Hinc etiam evenit, ut et aliquando dictiones plebeias et saepius adhibeat vocabula graeca (quamquam ipse append. fab. 28 Graecis inopiam verborum exprobrat), e. c. *cinaedus*, *pycta*, *xy-*

stus, basis, strophæ, tribas, melos, pegma, triclinium, sophus, gymnicus, musicus alia.

Unam potissimum rem in dictione Phaedri dicas notabilem, quod saepe abstracta ponit pro concretis, ut I, 3, 16: *nec hanc repulsam tua sentiret calamitas pro tu calamitosus sentires*, aut I, 13, 12: *tum demum ingemuit corvi deceptus stupor pro ingemuit deceptus corvus stupidissimus*. Quae constructio cum admodum frequens sit apud hunc poetam, etiam ibi hac usum eum probabile est, ubi suus etiam abstracto locus est, veluti II, 1, 11, 12:

exemplum egregium prorsus et laudabile:
verum est aviditas dives et pauper pudor,

verba quae sunt *aviditas* et *pudor* nihil aliud nisi homines avidos et pudentes significare existimo. Proprietatem autem istam dicendi (qua sane etiam multi alii poetae veteres ab Homero inde sunt usi sed minore, quam Phaedrus, exemplorum et frequentia et audacia) recte explicarunt, qui dicerent, cum Phaedrus fabulas suas potissimum castigandis corrigendisque moribus hominum destinasset, personas ipsius vix aliud, quam abstractorum instar esse.

Magna etiam laude afficienda est ars metrica Phaedri, quam tamen ut recte percipias, aut Bentley editione utendum est aut mea. Ceteri enim omnes per incitiam neglegentiamque codicum scripturas metro adversantes non modo non expulerunt sed novis insuper cumularunt erroribus.

Una quidem re multum differunt Phaedri iambi ab Horatianis, quod secutus veteres poetas scaenicos Romanorum, quorum in schola puer legerat libros (cf. epil. lib. III, v. 34), usus est spondeo vel anapaesto etiam in paribus trimetri pedibus praeter ultimum. Qui nescio an maxime exemplo P. Syri mimographi, Caesari dictatori aequalis, qui et ipse carmina vitiis temporis sui castigandis destinavit, adductus sit, ut istam sibi indulgeret licentiam. Quam si ei condonaveris, fatendum est admodum diligentem et elegantem fuisse eum in componendis versibus, quorum artem accurate descripsi in praefatione editionis meae pgg. VIII—X et antea in libro de re metrica poetarum Latinarum pgg. 411 sqq.

Qua quidem re vel sola refelluntur, qui crediderunt Phaedri carmina aut ultimis antiquitatis temporibus aut medio aevo atque adeo saeculo XV a Perotto esse composita, cum nemo aut hac aetate aut illa exstiterit, qui eadem metri arte, quam in Phaedro observamus, conscribere posset carmen vel unum.

Jam cum Phaedri versus plerumque sint perfaciles ad scandendum, vel ideo puerorum primis usibus videtur esse accommodandus, ut hoc exemplo usi prima cognitione artis metricae antiquae, quae neglecta observatione grammatici verborum accentus quantitates tantum respicit syllabarum, imbuantur eorum animi.

Quantum ad indolem poëticam auctoris huius, etsi vincitur suavitate ac simplicitate a Babrio, qui etiam alienus est ab acerbitate illa, cuius causa extitit Phaedro malevolorum obtrectatio et tenuitas rei, exstant eius fabulae satis multae ab omni prope parte perfectae, quibus potissimum uti magistros scholarum in usum aequum est. Aliae aliquanto sunt inferiores, neque tamen improbandae. Restant quaedam aut obscaenae aut inficetae, quae facile poterunt omitti, cum carminum cognitu dignorum satis amplius exstet numerus. Ceterum feliciore quam alibi vena poëtica in primo libro (qui etiam brevitate illa quam toties iactat poëta magis est conspicuus quam ceteri) usum esse Phaedrum apparet.

Haec ideo pluribus exponenda censeo, quia ut olim in admiratione, ita hodie in contemptu huius poëtae multi sunt nimii, id quod in plerisque auctoribus latinis aestimandis evenit.

Phaedri fabularum fuisse quinque libros, non plures, Aviani, qui elegiaco metro etiam conscripsit fabulas latinas docemur prooemio. Neque quisquam alius veterum praeter Martialem (epigr. III, 20, 5) eius meminit. At medii aevi communi usu non ipsae fabulae Phaedri, sed paraphrases pedestri sermone ex pleniore earum codice ductae solebant teri, de quibus postea cum cura dicitur.

Nam ne nomen quidem eius ab Aviani inde aetate usque ad Perotti umquam memoratur.

Similiter Graecis aetatis eiusdem non tam ipsius Babrii, poë-

tae lepidissimi, fabulas sed varias variorum auctorum paraphrases earum esse lectitatas satis notum.

At saeculo XV medio fere Nicolaus Perottus ex codice quodam Italico triginta duas excerpit fabulas Phaëdri, quae etiam in libris Gallicis auctoris huius leguntur. Praeterea idem triginta unam vel potius triginta fabulas et epilogum, omnia senariis perscripta iambicis prompsit, quae non habentur in Remensi libro ac Pithoeano. Et sane constat descriptos hos ex archetypo truncato, cum ex primo libro Phaëdri quaedam perisse ipsius poëtae probetur verbis (prooem. v. 6), cumque secundi et quinti defectus ipsa paucitate fabularum indicentur. Perotti syllogen, quae etiam Aviani 36 fabulas continet, editam illam post a. 1458, hoc fuisse titulo inscriptam: *Nicolai Perotti epitome fabularum Aesopi, Avieni et Phaëdri* codicis Neapolitani docemur testimonio. Eumque esse verum, ipsius Perotti ad Pyrrhum nepotem (cui instituendo has fabulas destinaverat) dato prologo apparet. Verba quippe eius sunt haec:

non sunt hi mei, quos putas, versiculi
sed Aesopi sunt, Avieni et Phaëdri,
quos collegi, Pyrrhe, ut essent utiles tibi.

Addita sunt ipsius Perotti epigrammata 45, de quibus etiam in praefatione agit. Ob id ipsum in codice Romano sylloge perperam inscripta ita: *Nicolai Perotti epigrammata et fabulae*. Omnia autem haec carmina nullo plane ordine permixta legentur et confusa.

Perotti anthologiam, cum iam Orvilius usus esset ea, qui quae notarat ex ea Burmanno maiori concessit, a. 1809 Neapoli primus edidit Cassittus ex codice Neapolitano, cuius tamen verba saepe legi non possent, 1811 Janellus ex eodem, acerrima simul contentione orta, cum uterque laudem inventarum Phaëdri fabularum, quae hoc codice continentur, traheret ad sese. A. 1831 Angelus Maius expletis ex Vaticano libro lacunis Neapolitani eas, quae non extant in codicibus Gallicis, denuo edidit in classicorum e Vaticanis codicibus promptorum tomo III; unde repetitae sunt proximo anno in supplemento Phaëdri Orelliani. Alia autem apographa sylloges a Perotto factae praeter Vaticanum ac Neapolitanum non videntur extare. Quo magis dolendum est, quod Maius non sustinuit denuo edere ex Vaticano libro fabulas codicis Pe

rottini eas, quae etiam in libris Gallicis sunt, quoniam in scriptore, cuius tam pauci exstant codices, omnia undecumque colligenda erant subsidia critica.

E quibus potissima longe constat esse duos libros inter se simillimos in Gallia saec. X scriptos, Pithoeanum et Remensem, e quibus tamen Remensis anno 1774 incendio orto periit. Hi quin ex communi archetypo fluxerint, non est dubium. Cuius quidem auctor ex codice pleniore videtur eas Phaedri elegisse fabulas quae ipsi maxime dignae cognitu viderentur. Aliquanto minoris est pretii charta Danielis saeculi XII, quae partem satis parvam fabularum libri primi continet, neque caruit interpolatoris audacia, ut tamen et ipsa aliquot egregias suppeditet lectiones. Ceterum de his codicibus accuratius disserere non est in animo, ne nimis exspatiantur dissertationis meae fines, cum praesertim omnia ad accuratiorem eorum peritiam pertinentia inveniantur in Orelliana Phaedri editione anni 1831, et in addita proximo anno appendice.

Sed longe pluribus de Perottini codicis fabulis et de paraphrasi Phaedri pedestri, quae medio aevo provenit, mihi video agendum, quippe de quibus vel hodie hominum doctorum in diversissimas partes abeant iudicia.

Quam partem disputationis antequam aggrediar, ut magnis laudibus mihi est efferenda Ludovici Rothii diligentia et sollertia, qui in Philologi I, 523 sqq. de eadem re egit, ita male imprecandum negligentiae et ignorantiae Hermanni Oesterleii, qui in libro Berolini a. 1870 edito, cui inscriptum est «Romulus. Die Paraphrasen des Phaedrus und die Aesopische Fabel im Mittelalter», nihil protulit, quod quaestionem propositam expeditet. Quid quod idem ne novit quidem dissertationem Rothii? Quamquam etiam in hac haud pauca insunt quae aliter scripta vellem.

Itaque primum est memorandum videri Perottum usum codice Phaedri quinque etiam libris constante nec dissimili eius, ex quo pedestres poëtae paraphrases fluxisse infra docebo.

Ei utrum fuerit auctoris vel Aesopi vel Phaedri nomen additum necne non satis constat. Nam quod dicit Perottus Aesopi, Avieni et Phaedri esse fabulas, potuit ideo addi ab eo Aesopi nomen,

quia hic a Phaedro pariter et Aviano dicitur auctor et inventor huius generis studiorum. Sed enim ne Phaedri quidem mentione ab eodem Perotto facta certo probatur fuisse eius nomen in codice fabularum quo usus est ille. Nam idem ex praefatione Aviani potuit depromi a Perotto. Ac tamen magis adducor ut credam fuisse Phaedri nomen in Perottini codicis archetypo positum. Nulla enim causa fuit cur hic omitteretur; at fuisse videbimus, cur omitteretur a paraphraste.

Ceterum codicem, quo Perottus usus est, admodum fuisse mutilum pridem intellexere docti. Nam defuere ei praeter alia carmina nonnulla totus liber I, libri II, fab. 1 — 5; IV, 1 — 19; V, 6—11 (ed. Orell.)¹⁾. Notandum praeterea in charta illa omnia ea videri defuisse, quae ad vitam et aetatem ipsius Phaedri illustrandam pertinerent, neque quidquam servatum ex prologis et epilogis, nisi quae ad quemvis fabularum scriptorem possent trahi. Cuius rei aliud indicium quam maxime notabile hoc est, quod in narratione rei, quam sua aetate actam asserit Phaedrus III, 10, v. 39 *a divo Augusto tunc petiere iudices* ita legitur immutatus: *pontificem maximum rogarunt iudices*. Hanc enim interpolationem indignam Perotto et ex archetypo eius codicis ductam plane adsentior Rothio (pg. 534, n. 11). Similia mox in paraphrasi Phaedri fabularum observabimus. Prologo autem Perotti in ipsius usus conversa continentur quaedam ex prooemiis l. III, IV, V Phaedri, ut in prologo paraphraetae ex libro III eiusdem petita et ex magna parte eadem occurrunt. Neque hoc indignum memoria, videri et Perottum et paraphrasten usum codice Phaedri tali, in quo epilogi libri II primi tantum quattuor versus essent. Itaque paraphraestes ut supra dixi videtur esse usus libro non ita diverso ab archetypo anthologiae Perottinae. Nec vero omittendum, quaedam in libris Pithoeano ac Remensi corrupta rectius scribi pariter in paraphrasi ac membranis Perotti (cf. Roth, pg. 535; ib. not. 13).

Praeterea notandum in codice Perottino promythia sive epimythia metrica Phaedri deesse exceptione vix ulla facta, qualem

¹⁾ Cf. Roth. l. m., pg. 533.

sane habes app. 12, 7. Ea pedestri sermone praeposita sunt ipsis poematis.

Fuit autem codex, quo usus est Perottus, plane ut Danielis non spernendus, inferior tamen aliquanto et Remensi et Pithoeano. Nam neque interpolationibus neque corruptelis caruit, quorum numerus est auctus Perotti culpa, qui partim levitate inductus, partim cupiditate vitiosa sanandi, partim imperitia rei metricae prioribus vitiis nova addidit. Itaque non potest esse mirum, quod in fabulis solo Perotti codice servatis saepius quam in ceteris gravioribus est opus remediis.

Fabulae illae XXX solo hoc prostantes utrum essent Phaedri necne, per multos annos plurimis acerrimisque doctorum hominum contentionibus est anquisitum. Mihi quid de hac re videatur, breviter exponam.

Ac primum quidem quod ad argumentum, magnam esse similitudinem inter has fabulas et eas, quae sunt haud dubie Phaedri, apparet. Non enim tales tantum, quales Aesopi exemplo scripsisse supra memoravi Phaedrum, sed quales alienae ab Aesopo et Phaedri sunt propriae, ex historia petitae aut certe fabuloso carentes argumento, inveniuntur in Perottinis. Huc pertinet carmen 25 de Socrate (de quo etiam historia refertur III, 9), c. 8 de Pompeio Magno eiusque milite, c. 13 de muliere vidua et milite (quae ex Petronii satira notissima est narratio), c. 14 de sponsis divite et paupere. Cum his comparandae Phaedri fabulae II, 5; III, 10; IV, 22; ib. 25. Cf. et. app. 27 et Phaedr. II, 2; III, 8. Etiam narratiunculae e vita Aesopi petitae in appendice iuxta atque in ceteris opusculis occurrunt. Denique cum fab. app. 5 apte conferri poterit Ph. V, 8. Contra adsunt quaedam fabulae in codice Perottino, quarum exempla prorsus similia in ceteris fabulis non occurrant, ut 2; 6. Argumenta tamen harum, quarum altera asseritur homines multis rebus cedere bestiis quibusdam, altera ne divino quidem monitu nos ad rectam et prudentem vitam posse cogi, nec alias infrequentia veteribus. Praeterea in appendice leguntur duae fabulae (20 et 28) simpliciter ex historia naturali petitae, ex quibus altera, quae est de fibro, etiam apud Aesopum s. n. 189 ed. Halm. extat.

Has tamen quas memoravi diversitates equidem non arbitror esse tanti, ut abiudicemus appendicem a Phaedro; id quod ne ea quidem re effici reor, quod critici inferiores reliquis eiusdem auctoris poematis esse fabulas has saepe dixerunt. Primum enim etiam in appendice insunt quaedam fabulae egregiae et ab omni prope parte perfectae ut 1, 7, 11, 12, 16, 18, 24, 25. Praeterea in haud dubiis Phaedri fabulis multa minus propitio Apolline esse scripta consentitur. Accedit quod fabulae novae illae haud dubie ex libris a tertio inde Phaedri sunt petitae, qui virtutibus poeticis cedunt primo, partim quia fractus calamitatibus Phaedrus minore iam erat quam ante ingenii alacritate, partim quia in isdem aliquanto minus quam ante Aesopi observabat exemplum. Porro eum, cuius est appendix, etiam ipsum fuisse tenui fortuna fautorumque indigum apparet carm. 12, quod in memoriam revocat Ph. III, 12; nec eundem minores Phaedro gessisse spiritus probatur epilogo. Denique similis in utroque acerbitas.

Quantum ad dictionem primum brevitatis studium in utraque fere sylloge apparet. Deinde si manifestos quosdam Perotti errores correxeris, nihil puto reperiri, quod aut alienum sit a latinitate aut indignum Phaedro. Quin etiam notabiles nonnullae Phaedri dictiones recurrunt in ipsa appendice, ut 1, 1 *simius* pro *simia* (I, 10, 6; 8), 6, 4 *religio* instar numinis adhibita (IV, 11, 4; I, 27, 6), 3, 13 *validius* (IV, epil. 9), *mehercules* (III, 17, 8), tota adeo hemistichia 23, 6 *praedam dimisit* (V, 10, 6), 30, 3 *forte occurrat* (III, 7, 3). Graecorum vocabulorum usus in appendice ut in reliquis fabulis frequens. Ut abstracta pro concretis posita aliquanto rarius inveniantur in ea, hac sola, ut puto, evenit causa, quod apud Perottum fabularum Phaedri promythia sine epimythia paene omnia pedestri sermone sunt mutata.

Denique metrica ars appendicis fabularum tam similis est Phaedri quam lac lactis, quamquam haud raro fuit turbata et eius culpa, qui scripserat codicem, unde Perottus sua excerpserat, et magis ipsius Perotti, hominis metricae Phaedri ignarissimi. Cuius rei in exemplum (quamvis exemplis vix opus sit) sufficet adscribere initium prologi a Perotto ad Pyrrhum nepotem dati:

non sunt hi mei, quos putas, versiculi;

sed Aesopi sunt, Avieni et Phaedri;
 quos collegi, ut essent, Pyrrhe, utiles tibi,
 tuaque causa legeret posteritas
 quas edidissent viri docti fabulas.

Sed ut recte de metrica harum fabularum iudicetur, meam omnino editionem adhiberi oportet, cum in prioribus plurimi idemque gravissimi occurrant errores; nec enim Bentleius his fabulis, quas nondum noverat, auxilii quidquam attulit.

His rebus omnibus perpensis primum quidem procul removebimus suspicionem illam, qua ducti nonnulli crediderunt, hanc appendicem aut ab ipso Perotto aut medio certe aevo esse conscriptam. Nemo enim illis temporibus dictionis metrorumque elegantiam ac sinceritatem, quam fabulis illis adesse vidimus, potuit aequare. Neque magis licet eas tribui ultimis antiquitatis saeculis, ut apparet exemplis Ausonii aliorumque poetarum, qui aetate illa conscripserunt iambos eadem podica libertate, qua Phaedri, insignes. Quodsi Frontonis tempore aut saec. III essent conscriptae, haberent utique archaismos quosdam, quibus plane carent.

Restat, ut statuamus eas saec. I aut ab ipso Phaedro, aut a sectatore eius compositas. Quodsi ab admiratore quodam eius et aemulo profectae sint, dicendum erit eodem casu Phaedri fabulis eas additas, quo syllogae heroïdum Ovidii haud paucae sunt admixtae, quas Augusti vel Tiberii tempore ab Ovidii imitatoribus compositas esse constat. Vix tamen credo rem ita se habere, quoniam Phaedrus, ut ipse queritur, plures obtrectatores, quam admiratores invenit inter aequales. Neque aut Seneca aut Quintilianus (dial. XI, 8, 3; inst. or. V, 11, 19 sqq.), ubi de fabulis agunt Aesopeis, eius iniecerunt mentionem. Itaque satis certo poterit affirmari appendicem fabularum Phaedri ipsius esse Phaedri; et adeo in hac sententia acquiescendum.

Quod dixi in praefatione editionis meae pg. VI videri Perottum usum apographo mutilato codicis archetypi librorum Remensis ac Pithoeani, tum confecto, cum esset integer ille, etiam nunc probabile esse existimo, excepto quod iam mihi est persuasum libros Gallicos non ex eo ipso, unde Perottini archetypus, descriptos codice, sed ex anthologia inde decerpta. Perinde enim et in Pe-

rottino codice et in Gallicis saepe metrum fabularum est eversum mutato temere ordine verborum. Etiam hoc notandum, quod in hemistichio *forte occucurrit*, quod commune est fabulae 7 libri III et 31 appendicis, pariter Gallici libri et Neapolitanus habent *occurrit pro occucurrit*, ut etiam in Vaticano Perotti codice eandem lectionem exstare persuasum habeam, cum praesertim constet Maium saepe in referendis lectionibus codicum ab ipso adhibitorum satis magna usum levitate.

Jam dicendum de pedestribus Phaedri fabularum enarrationibus, quibus multo magis quam ipsis eius scriptis usi sunt medii aevi homines docti. De his cum nondum quemquam satis recte iudicasse existimem, mihi quidem ita videtur statuendum. Itaque antiquissima et quae proxime accedat ad exemplum Phaedri ea fabularum est sylloge, quae quinque libris constans ad exemplum Phaedri non tota quidem, sed ex magna parte tradita est codice Wissemburgensi, nunc Guelferbitano, qui saeculi X initio est conscriptus. Eius auctor, quia praeter Phaedrum etiam aliis fontibus erat usus, Aesopi nomine totum fabularum corpus inscripsit omisso nomine proprio. Ob id ipsum (nec enim fraude id puto factum) historias a Phaedro relatas, quae aperte alienae essent ab Aesopo, omisit omnes; aut si admisit, subtractis nominibus. Id maxime apparet ex narratione de leone gratias referente homini (III, 1), qua respicitur historia notissima de Androclo (cf. Senec. de benef. II, 19; Gell. noct. Att. V, 14), quam Caligula imperante evenisse scimus. Et notum est Phaedrum aliquotiens suo tempore acta referre.—Praeterea carmina, quibus de se potissimum loquitur, homo sanequam amans sui, aut omissa sunt a paraphraste, qui tamen nonnullis eorum, quae sunt in prooemiis libri I et III, utitur in prologo et V, 6, aut immutata, semel cum magna socordia. Nam ex Phaedri III, 12, 8: *hoc illis narro qui me non intellegunt*, fecit paraphrastes: *haec illis Aesopus narrat, qui me non intellegunt* (apud Romulum est omissum *me*, in Wissemburg. legitur *tibi—intellegis*).

Apparet autem in Wissemburgensi V, 6 alieno nunc loco esse positum, statimque cum sequente fabula post prologum collocandum, ut sit alter prologus ad lectorem. Praeterea ut testatur Oesterleius

pg. 88, magna pars prologi in eodem bis scripta legitur V, 8; quae quidem hoc loco expungenda sunt. Finem totius sylloges facit narratio de statua Aesopi.

Dixi modo non solo Phaedro esse usum auctorem anonymum Aesopi Latini; idque ipse testatur, cum dicit in prologo: *nam veteres et paucae olim fuere fabulae, sed, ut maius fieret corpus, adieci ex me novas, aperte et breviter scriptas*. Similiter V, 6 idem: *fabulas ut potui adieci insuper novas, ut maius corpus fieret*. Quae etsi in mentem revocant ea, quae de se testatur Phaedrus l. IV, prol. 10—13:

quoniam caperis fabulis,
Quas Aesopias, non Aesopi nomino,
Quia paucas ille ostendit, ego plures fero,
Usus vetusto genere sed rebus novis:

decet tamen res ipsa non ex servili Phaedri imitatione, sed pro vero rerum statu paraphrasten illa de se praedicasse. Nec vero id significatur hisce verbis, proferre hominem istum fabulas proprio ingenio inventas. Nimis quippe stultus est compiler Sed de fontibus Aesopi Latini antequam agamus, quae rationes intercedant inter auctorem sylloges Wissemburgensis Romulumque et anonymum Nilantianum breviter exponendum est. Itaque sic habeto: fuit corpus quoddam fabularum Aesopi ex compluribus auctoribus latinis conflatum antiquo admodum medii aevi saeculo, inscriptum illud ut memoravi Aesopi nomine datumque ad Rufum quendam. Ex hoc opere, quod periit, nusquam iam inspecto Phaedri exemplo sua traxere pariter anonymus Wissemburgensis et Nilantianus ac Romulus. Horum enim syllogas ex uno fonte fluxisse non modo fabularum ipsarum maiore parte ac dictione earum, sed ipso comprobatur ordine haud paucis locis plane congruente, ut ex tabula quam proposuit Rothius pg. 545 facile apparet. Prima autem series corporis illius atque adeo tota forma fidelius quam alibi servata est sylloge Wissemburgensi, excepto quod quaedam ex initio libri in finem perperam translata supra memoravi.

At anonymus Nilantianus omissis praefatione ac librorum distinctione et epilogo (cf. Roth. pg. 524, 5) fabulas solas reddere

satis habuit, sed verba ipsa fontis ex parte certe maiore cum fide quam anonymus Wissemburgensis repraesentavit. Idem ut omisit corporis antiquissimi fabulas haud paucas, ita addidit, quae apud Romulam non inveniuntur. Contra pudendo furto Romulus quidam syllogen quae hucusque sub Aesopi nomine ferretur sibi arrogavit hactenus, ut fingeret Aesopi librum hunc a se ex Graeco sermone in Latinum translatum. Simul arreptum prologum utrumque et hic illic mutatum prooemii loco posuit, quod inscripsit Tiberino filio. Huius nomen a monachis mediæ aevi nonnumquam est detortum in Tiberii, sicut Romulus interdum ab isdem creditus imperator ille ultimus urbis Romae (similis erroris exemplum notat Oesterleius pg. 21). Contra priorem praefationem anonymi, ad Rufum quae esset data antiquitus, integram ut videtur in calcem operis coniecit. Usus autem est anonymi Aesopo tam imprudenter, ut crederet, Aesopum esse civitatis Atticae; quamquam fuit hic error fortasse ipsius anonymi; cf. V, 11 cd. Wissemb. Quo facilius fraus lateret, quinque antiquissimi corporis libros redegit in quattuor et ordinem fabularum haud raro ac saepius multo dictionem immutavit. Eundem omisisse fabulas quasdam corporis antiquissimi satis constat. Nam etsi ex duabus, quas adicit codex Wissemburgensis, fabulis, V, 9 et 10, priorem etiam in codice Divionensi Romuli inventam a Gudio testatur Burmannus, et adeo utramque in codice quodam Vindobonensi Romuli reperiri narrat Aemilius Grossius ann. philol. a. 1872 pg. 790, tamen anonymi Nilantiani sylloge satis probatur in antiquissimo corpore fabularum Aesopi plures fuisse quam in Romuli. Contra vix credo ab ipso Romulo undecumque fabulas adiectas novas. Quapropter maxima Romuli vel potius unica haec est laus, quod dictionem Aesopi antea erudam et salebrosam paulo reddidit commodiorem et faciliorem legentibus.

Apparet ex hisce antiquissimum illud corpus fabularum auctoris anonymi non posse restitui nisi coniunctis et compositis anonymi Wissemburgensis ac Nilantiani pariter ac Romuli syllogis, quamquam ne sic quidem integrum licere reponi mihi persuasum est.

Continentur autem libro Wissemburgensi fabulae 59, Nilan-

tiano 67, Romuli 84, in quantum, constat (nam ut dixi Wissemburgensis M., 9 et 10 in illius codice Vindebonensi prostant). Omnes omnino fabulae numero 99. In libro Wissemburgensi nulla est, quae etiam apud Romulum reperiatur; contra apud hunc et anonymum Nilantianum quindenae inveniuntur propriae alterutrius, porro undecim propriae utriusque.

De fontibus autem harum fabularum cum cura exposuit Rothius, cuius inventorum parte utimur.—Igitur primum apparet novem fabulas (Rom. IV, 11—19) ex Dosithei (qui vixit saec. p. Chr. III iuitio) interpretamentorum libro III assumptas. Neque indignum memoria in codice Wissemburgensi epimythium fabulae de corvo et vulpe ex eiusdem fabula (9) petatum. Praeterea fabulas circa 50 ex Phaedri carminibus, quae libris Pithoeano ac Remensi vel Perottino servatae sunt, ducta esse sat constat. Et notandum librum Phaedri aliquanto saepius adhibitum quovis reliquorum. Contra non recte credit Rothius Rom. IV, 9 ductum ex Phaedri IV, 4; nam paraphrasi expressa est fabula, quae propius longe quam Phaedrus accederet ad exemplum Graecum, quod habes in Aesopo Halmii s. n. 175, 76. Neque Rom. I, 4; IV, 10 ex Phaedri I, 17; I, 11 ducta existimem. Sciens autem omitto leviora quaedam discrimina quae inter Phaedrum et paraphrasten intercedunt. Haec enim potuerunt oriri, quia aut augeri explicarique vellet quae leguntur apud Phaedrum, aut sensus huius parum intellexeret, aut ut paganorum superstitionis vestigia tolleret sive sententiae morali, quam ipse optimam iudicasset, adaptaret fabulam propositam. Ex fabulis, quarum fontes non extant, haud dubie pars sumpta ex Phaedri exemplari pleniore; id quod ipsa non raro indicat dictio. Jam quamquam difficile potest diiudicari, quae ex hoc fonte ductae sint, quae aliunde, tamen breviter indicabo, in quibus potissimum Phaedri indolis vestigia agnoscere mihi videar. Sunt igitur hae, diversi sane et ipsae pretii: Rom. I, 3; 12; 16; 17; 18; 19; II, 9; 10; 11; III, 1; 4; 5; 13; 14; 16; IV, 8; 20; anon. Wissemb. V, 9; anon. Nilant. 34; 36; 58.

Ceteras fabulas quia aut ineptae vel elumbes aut verbosae nimis aut fictae parum prospere ex aliis videntur, a Phaedro alienas existimo.

Huius autem saepe verba, aliquando hemistichia sive versus auctor paraphrasis fideliter admodum repetiit suis fabulis. Et sane ex metris Latinis senarii Phaedri et comicorum quam proxime accedunt ad sermonem pedestrem. Hinc etiam interdum corruptos Phaedri locos ex paraphrasi licet emendari, cuius auctor sane alias deceptus est ipse falsis proprii Phaedri lectionibus. Tamen multo utique potiores sunt ad restituenda Phaedri verba libri Pitheaeus et Remensis atque adeo Perottinus. — Proxime autem ad Phaedri exemplum in libri primi certe fabulis plerisque accedit ea paraphrasis, quam Nilantianus anonymus exhibet, qui alias Romuli quam anonymi Wissemburgensis est similior; cf. Gross. l. m. pg. 782. Eadem et interdum maiore fide est sylloge Wissemburgensis, cuius sane aliquanto maius esset pretium, nisi et a scriba imperito admodum ac neglegenti esset exarata et interpolata a librario saec. XI, qui Romuli potissimum usus libris antiquam scripturam saepe delevit ita, ut recuperari nullo pacto iam possit. Cf. Oesterl. pg. 14.

Ceterum cum Romuli libri neque ex Wissemburgensis neque ex Nilantiani auctoris sylloge sint ducti, sed ex communi fonte; hoc est ex corpore fabularum antiquissimo, cui inscriptum fuit *Aesopus ad Rufum*, non potest esse mirum, quod vel hi interdum propius accedunt ad Phaedri exemplum quam uterque anonymus.

Quantum ad aetatem eius qui composuit Aesopum Latinum, summa eius infantia videtur indicari fuisse eum Merovingiorum tempore. Romulum, qui ut supra memoravi anonymo quendam cultum orationis addidit, existimo esse aetatis Carolingicae. Anonymi Wissemburgensis aetas definiri nequit. Nilantianum certe post Romulum fuisse apparet.

Illius syllogen inscriptione ac subscriptione omni carentem (cf. Roth. l. m. 524, 25) ex codice Vossiano saec. XIII primus edidit Nilantius Lugduni Batavorum a. 1709.

Fabulae Romuli prioribus saeculis saepe, nuperrime sunt editae ab Hermanno Oesterleio, Berolini 1870, qui tamen excepto quod codice egregio quodam Musei Britannici usus est nec minus codice Wissemburgensi (de quo primum accuratius egit a. 1844 Lu-

dovicus Trossius epistola ad Julium Fleutelot) nihil bonae frugis contulit Romulo. Nam ne Nilantiano quidem anonymo satis est usus.—Optandum est igitur, ut quam primum prodeat paraphraseon Phaedri pedestrium recensio cum peritia Latini sermonis et usu rei criticae facta. Praeterea novo editori anquirendae erunt membranae aut apographi Wissemburgensis similes, qualis est Oxoniensis saec. XIV, quam memorat Oesterleius pg. 23, aut Romuli quam plenissimae et integerrimae, inter quas haud erit neglegenda Vindobonensis illa, de qua dixit Grossius pg. 790.

Ceterum quae in calce libri additae sunt ab Oesterleio fabulae, a Romulo et anonymis duobus alienae, nihil plane conferunt ad emendanda vel supplenda Phaedri scripta.

Fuerunt a Gudii inde tempore multi, qui fabulas anonymi Wissemburgensis aliorumque curis servatas, quia ex parte haud dubie essent Phaedri; in versus coactas proponerent. Quibus omnibus propter nimiam metrorum imperitiam cessit res infelicissime, cum tamen plerumque facili opera possent versus elici digni Phaedro. Nam adeo haud ita raro ut in fabulis, quae sub Aescopi nomine feruntur, Graecis Babrii, ita apud Romulum et ceteros Phaedri integri vel certe dimidiati trimetri servati sunt. Cuius rei exempla afferre liceat tria, in quibus superiorum aetate criticorum probabilia commenta non mutavi, vitiosa correxi.

I.

Gladius et viator.

Gladium viator media proiectum via
Invenit et rogavit: quis te perdidit?
Cui telum: me quidem unus, at multos ego.
Pereat priusquam, multis exitio est nocens.

II.

Asellus et bos.

Asellus et bos uno sociati iugo
Plaustrum trahebant. Bos dum tendit validius,
Cornu confregit. Asinus nil casu gravi
Consortis motus afflicto auxilium negat.
Confectus onere nimio bos ut corruit,
Asino bubulcae carnem imponit mortui.

Auritus plagis mille fractus deficit,
 Et exspiravit media collapsus via.
 Tum volucres advenientes ad praedam novam:
 Si te precanti mitem exhibuisses bovi,
 Non immaturo nos interita pasceres.

III.

Culex et taurus.

Culex cum taurum provocasset viribus,
 Venerunt populi cuncti, ut pugnam cernerent.
 Tunc ille: satis est, quod venisti comminus;
 Par tibi sum factus nempe iudicio tuo.
 Hinc se per auras sustalit pinna levi,
 Lusitque turbam et tauri destituit minas.
 Qui si fuisset validae cervicis memor,
 Pudendum contempsisset adversarium,
 Nec inepta se iactasset gloriatio.
 Sibi ipse obtrectat, qui se indignis comparat.

Harum fabularum apud Romulum, qui primam exhibet, et anonymum Nilantii, qui secundam et tertiam, descriptiones, hic illic a me correctae, inveniuntur hae:

I.

Gladium viator, dum ambulabat, iacentem invenit in via. Quem interrogavit: quis te perdidit? cui contra telum: me quidem unus, ego vero multos. — Haec fabula narrat malum posse perire, sed ante multos nocere posse.

II.

Asellus et bos uno sociati iugo trahebant. bos, dum conatur paullo validius intendere, fregit cornu. asellus ipse negabat ullum levamen afferre. solus attamen bos cornu *integro nitens* corruit et confestim mortuus est. asinum bobulcus carne bovis exaggerat. qui multas inter plagas ruptus pondere cecidit et exspiravit media collapsus via. tum volucres advenientes ad praedam convolant dicentes: si te precanti mitem exhibuisses bovi, non iam immaturo nos interitu pasceres tuo.

III.

Culex cum taurum provocasset viribus, venerunt populi cuncti, ut spectacula cernerent. tunc parvus culex: satis, inquit, habeo,

quod venisti comminus. par tibi factus sum iudicio tuo. hic se per auras sustulit penna levi, lusitque turbam et tauri destituit minas. quod si fuisset validae cervicis memor, pudendum contempserat inimicum et ineptae materia non fuisset gloriationi. — Quia ille famam sibi diminuit, qui se indignis comparat.

Editionum Phaedri numerus cum prope sit infinitus, tamen, ut fit, quae momenti sint gravioris ad emendandas vel explicandas eius fabulas, satis exstant paucae. Nam etsi Pithoeus, Rigaltius, Gudius multa vitia in eis latentia sustulerunt, nec minus Nicolaus Heinsius, criticorum gentis Batavae facile princeps, tamen omnes accuratiore metrorum Phaedri peritia destituebantur, ut vitiosa haud pauca non modo relinquerent eius versibus, sed adeo inferrent.

Horum conatibus caliginem induxit Richardus Bentleius, qui primum anno 1726 in appendice Terentii edidit Phaedrum notis criticis instructum, quae recensio aliquoties typis est repetita. Hic igitur vir, siquis alius metricae antiquae et Graecae et Latinae peritus ille, primus de arte versuum Phaedri recte iudicavit, nec minus alia multa in eodem scriptore primus apte constituit. Notandum tamen est eum non eadem assiduitate curae quam Terentium et Horatium pertractasse Phaedrum, sed cum quadam festinatione, ut etiam pedestribus fabularum enarrationibus parum uteretur. Qua causa evenit, ut minus sane, quam potuit, praestaret Phaedro. Praeterea, quod aliquanto peius est, insecuti aetate critici ut in Terentio et Horatio ita in Phaedro aut noluerunt aut nescierunt uti Bentleii inventis, cuius rei luculentissimum testimonium praebent editiones Burmanni et Schwabii, in quibus tamen inest larga silva observationum undecunquae collectarum, quae ad emendanda sive illustranda Phaedri scripta pertineant. Bothius, ut plerisque scriptoribus, quos edidit, ita Phaedro aliquid praestitit utilitatis. Quamquam multo plura potuit praestare eidem, nisi necessitas festinandi nimia hic ut ubique obstifisset eius ingenio.

Ceterum cum sensim peritia Phaedri codicum et lectionum antiquitus traditarum excidisset hominibus doctis, evenit paullatim, ut fabulae eius acciperent habitum a pristino, qui libris scriptis esset traditus, admodum alienum, utque plurimis in locis ignorare-

tur, quid fide membranarum niteretur, quid criticorum interpolationibus esset novatum.

Itaque cum anno 1830 homo Francogallicus Julius Berger de Xivrey protracto rursus ex tenebris codice Pithoeano bene meritus esset de Phaedro, aliquanto plus eidem praestitit Caspar Orellius, qui proximo anno fabularum et libros quinque et appendicem Perottinam edidit, instructa apparatu critico tali, ut quaecunque de diversis diversorum Phaedri codicum lectionibus essent tradita repraesentarentur paene integra. Idem in prolegomenis historiam criticam fatorum, quae perpassi sunt codices Phaedri (nam, ut rectissime dicit Terentianus Maurus, habent sua fata et libelli) accurate perscriptam proposuit. Itaque magna laude dignam censemus hanc eius recensionem, quamquam ipse ad emendanda vel explicanda Phaedri scripta non plus contulit quam ad Horatii. Utilitatis aut parum aut nihil attulerunt eidem Dressleri editiones (Bautzenae 1831, Lipsiae 1850), quibus simul ut memoravi exhibentur fabulae pleraeque, quas Romulus aut alii servaverant, ex pedestri sermone in versus coactae deterrimos, neque Phaedro dignos sed Ribbeckio. Quibus ego recisis in editione mea, quae prodiit Lipsiae 1868 in bibliotheca Teubneriana, quaeque plurimum teritur hominum Phaedri curiosorum usu, primum id studui, ut legerentur versus Phaedri castigati ad eas rei metricae leges, quas certo constat secutum esse Phaedrum, deinde, ut priorum criticorum, maxime Bentley emendationes adhiberentur ad restituendum Phaedrum maiore cum diligentia quam ante factum esset. Quanquam cum editio illa esset scholarum potissimum usibus dedicata, cavendum mihi fuit, ne nimis saepe traditam lectionem mutarem. Praeterea cum omnino nunquam quisquam opinor doctorum librum graecum vel latinum ediderit ea felicitate ingenii usus, ut nihil omnino relinqueret emendandum posterioribus aetate criticis, quid mirum mihi idem accidisse in Phaedro, cuius carmina, ut supra memoravi, et interpolata satis et admodum corrupta feruntur antiquitus. Itaque et alii post me quaedam attulerunt Phaedro haud inutilia, et nos ipsi hic illic notavimus nonnulla studiosis eiusdem fortasse non spernenda. Cuius rei in fine huius disputationis exempla aliquot liceat proponere.

I, 9, 6, 7:

dum loquitur, ipsum accipiter necopinum rapit
questuque vano clamitantem interficit.

Valde mihi videtur probabile pro *accipiter* scribendum esse *acceptor*, cum in fabula Romuli III, 5, quae quin ex Phaedro expressa sit mihi videtur vix dubium, codex optimus Wissemburgensis semper eandem formam huius nominis exhibeat, ubi in deterioribus libris est *accipiter*. Unde enim vocem rarissimam, quae apud solum occurrit Lucilium (frgm. inc. 92), sumeret auctor anonymus nisi ab ipso Phaedro? Nec vero credibile est eundem scriptorem modo *accipitrem* dixisse, modo *acceptorem* sine causa.

I, 12, 7—9:

venantum subito vocibus conterritus
per campum fugere coepit et cursu levi
canes elusit.

In paraphrasi Wissemburgensi haec sunt:

Venatorum subito voces *audivit et* canes repente latrare coeperunt. Cervus currens evasit molossos.

Consideranti mihi paraphrasten, quisquis fuit, cum saepe poeticas dictiones mutet pedestribus, haud facile solere pedestres invertere poeticis, alienum videtur a probabilitate ipsius ex ingenio provenisse illud «*evasit molossos*», sed potius olim apud Phaedrum pro «*canes elusit*» fuisse «*lusit molossos*». «*Lusit*» ut in fabula de tauro et culice «*lusit turbam*». *Molossos canes* propter insignem sollertiam saepe memorari a veteribus pro canibus quibuslibet venaticis notum vulgo. Similiter infra (V, 10, 7) ex praecleara Bentleyi emendatione «*cui senex contra Lacon*».

I, 25, 7, 8:

noli vereri. at ille: facerem mehercule,
nisi esse scirem carnis te cupidum meae.

Statuitur vulgo Phaedrum modo *mehercule* dixisse, modo *mehercules*. Notandum tamen veteres poetas haud facile diversis eiusdem vocabuli usos esse formis nisi ubi metri necessitas cogeret. Iam apud Phaedrum cum codex Perottinus ubique praeter hanc fabulam, quae non legitur in eo, praebeat illud *mehercules*,

quod III, 17, 8 ipse versus exigit (nam *mehercule* e finale corripit), cumque alias semper inveniatur interiectio ista in fine versus iambici collocata, qui amat longa syllaba terminari, credo omnino in his fabulis reponendum *mehercules* quod quidem pronuntiandum est *mercules*.

I, 29, 1—3.

plerumque stulti, risum dum captant levem,
gravi distringunt alios contumelia
et sibi nocivum contitant periculum.

Occurrens in his adiectivum *nocivus* quod exiguae est admodum auctoritatis, non ita magni facerem, cum exemplorum similium analogia sit munitum, si modo sensum praeberet idoneum. Id tamen secus se habere apparet, cum praesertim ipse Phaedrus narret, non nocuisse asino impudentiam suam. Sensit id Bentleius, qui pro *nocivus* coniecit scribendum *vicissim*, quod tamen vocabulum a scriptura tradita longe est remotum, neque quidquam vigoris addit sententiae. Equidem suspicor *nocivum* ortum esse haustis quibusdam vel obscuratis in archetypo Phaedri litteris et scribendum *non parvum*, quod certe ad sententiam est aptissimum.

Ceterum videtur sane antiquum hic fuisse in codicibus Phaedri mendum. Nam quod inscriptum est fabulae l. IV, 19: *serpens. misericordia nociva*, ex ipso illo loco videntur petisse librarii vocabulum *nocivus*. Nempe et Phaedri et plerorumque auctorum veterum carminum titulos constat non ab ipsis profectos scriptoribus, sed a librariis antiqui temporis sive medii aevi additos, qui saepe satis inepte rem egerunt, cum ad initia potissimum poematum inscriptiones accommodarent; cf. praef. Horat. pag. X; Catull. VII; VIII.

II.

A u c t o r .

Exemplis continetur Aesopi genus;
nec aliud quicquam per fabellas quaeritur,
quam corrigatur error ut mortalium
acuatur sese diligens industria.

Versus primus multis doctorum suspicionibus exagitatus, sed, ut mihi quidem videtur, immerito. Nempe cum negarent plerique

genus simpliciter posse dici pro *genere litterarum* vel *studiorum*, Bentleius coniecit scribendum: *exemplis continetur humanum genus*, ut *continetur* esset idem quod *cærcetur* sive *regitur*. Ita dici posse salva latinitate cum sit manifestum, nec minus, ad sensum egregie esse aptum id, quod proposuit ille, tamen facile concedetur omnia prius esse temptanda, quam tam audaci utendum commento. Quæ enim tanta potuit esse librariorum vel maxime negligentium socordia, hoc ut loco pro *humanum* ponerent *Aesopi*? Aliquanto deterior est Mauricii Hauptii, professoris Berolinensis recens defuncti, coniectura, qui cum sibi persuasisset *Aesopi* nomen ex glossemate super versum posito irrepsisse in verba Phædri, statuit scribendum: *exemplis continetur apologi genus* (id est *fabulae genus*). Nempe ut mittam talium interpolationum exempla in codicibus Phædri quantumvis depravatis vix inveniri, primum peccavit vir clarissimus contra dicendi usum Phædri, qui etsi alias satis est frequens græcis vocabulis, nunquam tamen poëmata sua appellavit nisi latino nomine *fabularum* sive *fabellarum*, deinde contra metricam artem eiusdem, quia nunquam admisit quinto pede vocabulum in iambum exiens, qua in re ei convenit cum aliis quibusdam poëtis latinis (cf. præf. Phæd. pag. VIII, IX). Equidem aliquando conieceram una, litera mutata esse scribendum *penus*, sicuti dixit Phædrus initio operis: *Aesopus auctor quam materiam reperit*. Obstat tamen huic coniecturæ, quod *penus* vocabulum, quantumvis diversis significationibus sæpe adhibitum, tamen nunquam invenitur dictum de materia litteraria. Tandem, denuo considerato hoc loco Phædrique ipsius et aliorum scriptorum libris pervestigatis, intellexi nihil omnino in tradita lectione esse culpandum. Pro qua primum stat exemplum ex ipsis Phædri fabulis petitum, quod miror admodum fugisse Bentleium, ceteros fugisse minus miror. Nam IV prol. 10—14 leguntur hæc:

quare, Particulo, quoniam caperis fabulis
(quas Aesopias, non Aesopi, nomino,
quia paucas ille ostendit, ego plures fero,
usus vetusto genere, sed rebus novis),
quartum libellum, cum vacarit, perleges.

Apparet simillime hoc loco dici *genus* pro *genere litterarum*,

quod *Aesopus invenit*; nec enim facile quisquam ex praecedentibus supplebit *fabularum*. Atque adeo idem auctor paulo ante (v. 8) *colorem dixit pro colore scribendi*. Praeterea poeta aequalis Phaedro Ovidius *Ibidis* vv. 57, 58 dixit ita:

utque ille, historiis involvam carmina caecis,
non soleam quamvis hoc genus ipse sequi.

Etiam hic certum est *genus* poni pro *genere studii litterarii*.

Denique saeculo IV in epistula Constantini imperatoris ad Porphyrium poetam § 8 haec legantur: *liber adsidue cursus orationibus fuit; eos vero, qui versibus dicerent, certis finibus lex metris statuta continuit: quare non inmerito illud usus invenit, ut hoc genere dicturis Heliconis aut Parnasi sacra peterentur, cum mortalis ingenii deficiente substantia necessaria viderentur auxilia divina; in quibus etiam genus eodem, quo apud Phaedrum et Ovidium, sensu est positum.*

III, 1, 2, 3; append. 19, 1:

- adhuc Falerna faece et testa nobili
- odorem quae iocundum late spargeret.
- equum et quadrigam multis palmis nobilem.

Scripsere homines docti *e testa, e quadriga*; sed debebat poni *ec*; quae praepositionis forma, plerumque a librariis in *et* corrupta, multis iam restituta est scriptoribus.

Ex libro quinto multas fabulas perisse iam supra memoravi. Et videor mihi posse demonstrare statim post prologum aliquid intercuisse. Cuius ultima verba cum sint haec:

adeo fucatae plus vetustati favet
invidia mordax quam bonis praesentibus.
sed iam ad fabellam talis exempli feror;

sequentem fabulam de Demetrio rege et Menandro poeta, ut recte videantur docti verba in Perottino codice huic fabulae inscripta *quomodo saepe fallatur hominum iudicium epimythii loco reposuisse in hunc trimetrum mutata:*

humanum saepe sic iudicium fallitur,

tamen minime possum mihi persuadere pertinere ad id, quod proposuerat sibi Phaedrus demonstrandum. Nec enim de iudicii hu-

mani, quod invitum saepe peccaret, imbecillitate questus erat Phaedrus, sed de malignitate criticorum, qui quamvis edocti meliora, quovis modo aequalium scripta elevarent, antiquorum extollerent. Eandem sui temporis hominum perversitatem Horatium in epistula ad Augustum facetissime perstringere notum est. Itaque ad versus ultimos prologi probandos neque epimythium sequens facit, et multo minus ipsa fabula, qua potius candoris, et adeo nimii, quam invidiae ullius proponitur exemplum. Quod cum ita sit, post prologum unam certe fabulam excidisse suspicor.

Append. 4, 23, 24:

simulata interdum vitia prosunt hominibus,
sed tempore ipso tamen apparet veritas.

Recte instituerunt rem docti, quod hos versus qui apud Perottum proprii sunt instar carminis praecedenti fabulae, a qua poematis compluribus sunt separati, epimythii instar iunxerunt. Scribendum tamen cum Bothio *vitio*, i. e. *noxa* sive *cum noxa*, quod pertineat ad *simulata*; quamquam nescio an rectius reponatur *initio*; cui respondet quod proximo versu legitur *tempore ipso*.

Ibid. 13, 1, 2:

per aliquot annos quaedam dilectum virum
amisit et sarcophago corpus condidit.

Illud *per aliquot annos*, quod iungendum est cum *dilectum virum*, mihi quidem mirifice displicet, cum et omnino satis inepte dicatur, cumque faciat ad scelus mulieris, de quo deinde agitur, potius excusandum quam aggravandum. Itaque Bothius coniecit scribendum esse *ante aliquot annos*, satis quidem audacter. Sed aliquanto similis veri erit scripsisse poetam *post aliquot annos*. Notum est in codicibus latinis et *per* et *post* scribi plerumque per compendium, ut *per* reddatur *p* litera, cuius pars inferior lineola sit transfixa, *post* eadem cum addita supra apostropho. Qua re est effectum, ut saepe hae praepositiones confunderentur a librariis. Verba *post aliquot annos* iungenda sunt cum *amisit*; *dilectum virum* dicitur ut III, 10, 9: *maritus quidam cum diligeret coniugem*.

Ibid. 16, 6:

postquam esurire cœpit fera societas.

Labanti metro ut succurrerent, scripserunt homines docti *sæva societas*, neque id male (contra alii perperam *societas fera*). Tamen cum *fera* ad sensum sit aptissimum, nescio an potius scribendum sit traiectione facta verbi unius:

postquam esurire societas coepit fera.

Saepe enim vocabulis traiciendis restituendum esse metrum in fabulis Perottinis supra monni. Ceterum *societas fera* plane ex more Phaedri dictum pro *socii feri*.—Restant alia, quae in fabulis Phaedri aut emendatione videantur egere aut explicatione; de quibus tamen, ne in nimiam excrescat molem huius opusculi spatium, dicere nunc non est animus.

Addam loco mantissae quaedam de Aviano fabularum auctore altero Latino, sed breviter, ut qui acturus sim de scriptore mediocri admodum, ne dicam futili.

Huic praenomen a plerisque indi video *Flavii*, quia Gerardus Iohannes Vossius et Caspar Barthius id in codicibus suis invenerint. Et credo Vossium, hominem integerrimum (nam de Barthio suspectae saepe fidei auctore minus certa res est) invenisse hoc nomen, quod ultimis imperii Romani temporibus admodum usitatum fuisse norunt omnes. Tamen neque mihi neque Lachmanno aut Froehnero aut alii cuiquam mortalium umquam idem repertum in membranis, in quibus dicitur *Avianus* vel interdum, sed raro admodum, *Avienus*. Itaque in libris istis Vossii ac Barthii qualibuscumque credo dictum poetam aut *Fl. Avianum*, adhibita nota, qua solet fere scribi *Flavius*, ortoque errore ex compendio vocabuli *fabularum* male intellecto, quod perperam eius nomini sit praepositum (eius rei simile exemplum habetur in codice Wissemburgensi, cuius in inscriptione libri secundi legitur *Aesopi fabri pro Aesopi fabularum*) aut potius *Flavianum* ex mala recordatione grammatici Flaviani, cuius saepe meminerunt medii aevi scriptores.

Eum poetam quod Cannegieterus et Lachmannus secundo p. Chr. saeculo adscribunt, longissime utrumque a vero aberrare

existimo. Et Cannegieteri quidem dissertatio notissima *de aetate et stilo Flavii Aviani* (ita enim inscripsit) ut multa doctrinae non spernendae ita vix pauciora iudicii deficientis ortorumque ex hoc vitio errorum vix credibilium continet documenta. Ceterum et huius et Lachmanni opinio eo potissimum nititur argumento, ut dicant in scholis medii aevi, quibus sane multum lectitatus est Avianus, eius poemata omnia ea traxisse, quae aliena sint ab aetate Antoninorum. Verum enimvero tam multa quarti quintive p. Chr. saeculi dictionis metricaeve propria inveniuntur in istis, ut nisi novum prorsus tno periculo fingere sustinebis Avianum, tolli ea coniectando non possint. Et ipse dicit se nullo ante libro edito fabulas has rudi latinitate compositas elegis explicare esse conatum; ubi *explicare* idem est quod *proponere* sive *perscribere*. Plura de hac re monuimus libri nostri de re metrica poetarum Latinorum pg. 55. Quae cum ita sint, haud improbabili coniectura uti eos existimo, qui *Theodosium* illum ad quem dedit fabulas Avianus credunt fuisse *Ambrosium Theodosium Macrobius* notissimum Saturnaliorum scriptorem, qui Arcadio et Honorio imperatoribus fuit aequalis.

Scriptis latino sermone fabulas ut ipse testatur numero 42, Babrium, cuius magnum fuit nomen ultimis antiquitatis saeculis, semper, nisi fallor, secutus; ut quae non extant Aviani exempla apud hunc sicut haud paucae eiusdem fabulae deperisse sint existimanda.

Dolendum autem, quod scriptor quantumvis mediocris nondum ita tractatus est a criticis, ut novae eius carminum editionis desiderio nullo teneamur. Certe Lachmannum in recensione harum fabularum, quam publicavit Berolini a. 1845, solita destituit felicitas, atque adeo nullum auctorem Latinum minore cum successu temptatum ab eo existimo quam Avianum. Saepe quippe metricae huius auctoris, interdum adeo sermonis Latini leges violavit, atque adeo bis terve, non saepius, nativae ac totiens alibi probatae sollertiae documentum edidit. Froehneri editione quae prodiit Lipsiae ante duodecim annos praeter codicum bonorum lectiones cum diligentia collectas nihil bonae frugis continetur. Fuerat pridem mihi animus etiam edendi carmina Aviani, nisi graviorum negotiorum

obstitisset multitudo. In hos usus, cum versarer Lugduni Batavorum, excussi codicem Vossianum ex libris qui vocantur in quarto nr. 86, saeculo nono scriptum, sed exiguo cum fructu. Etenim libri ex Coenobio S. Germani, quem P littera signat Froehnerus, tam similis est, ut aut Parisinum ex Lugdunensi aut potius utrumque ex eodem archetypo descriptum esse existimem. Etiam in cod. Voss. form. oct. 15 saec. XIII scripto, eodem, qui praeter alia multa Nilantianas paraphrases exhibet, prostant fabulae Aviani. Ex hoc notavi bis lectionem meliorem ceterorum librorum testimoniis. Nam 6, 1 firmatur eo Neveleti coniectura, *limoque* pro *olimque* qui reposuit, ut tamen a prima manu fuisse videatur *olimoque* (sive adeo *olimque*); 38, 5 quod Cannegieterus primus scripsit *phycis*, exhibetur ibidem; nam in reliquis legitur *phocis*, *phæcis*, *phætis*.

L. Mueller.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

- поводу греческой историографіи Э. Ю.
эбія Тибулла элегія X. Н. О. Фоккова.
Phaedri et Aviani fabulis Л. Миллера.

РЕДАКТОРЪ **Е. Фертнстовъ.**

(Вышла 1-го мая).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ приобретать въ редакціи журналъ Министерства за прежніе годы, платя за полный экземпляръ (12 книжекъ), начиная съ 1869 года, шесть рублей, за отдѣльными книжки журнала съ 1862 года — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЮНЬ

1874.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1874.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлечение из всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1872 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи Ф. И. Деситовича.

Источники лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси Н. И. Ламбина.

Политическое устройство Германской имперіи (Продолженіе). А. Д. Градовскаго.

Новости иностранной литературы.

Италянскіе университеты А. Ф. Кистяковскаго.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: высшія учебныя заведенія.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1873 году. (Окончаніе).

Латинскій языкъ въ Саксонскихъ учительскихъ семинаріяхъ.

Письмо изъ Парижа Л. Л — ра.

Отдѣлъ классической филологіи.

(Ом. на 3-й стр. обѣрки.)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХХІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1874.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1872 ГОДЪ.

Имѣю счастье представить Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшій отчетъ мой по управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія за 1872 годъ съ слѣдующими къ оному приложеніями, заключающими въ себѣ объяснительныя къ отчету свѣдѣнія и статистическія данныя.

Изложенныя въ настоящемъ отчетѣ статьи обнимаютъ собою дѣятельность всѣхъ учебныхъ заведеній министерства, отъ университетовъ до начальныхъ училищъ, а также всѣхъ ученыхъ учреждений и ученыхъ обществъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства.

I. УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I. Высшія учебныя заведенія.

A. Университеты.

Въ 8-ми университетахъ Имперіи, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Киевскомъ св. Владимира, Новороссійскомъ, Дерптскомъ и Варшавскомъ, къ 1-му января 1873 года состояло всего преподавателей—545: *штатныхъ*—488 (въ томъ числѣ ординарныхъ профессоровъ—253, экстраординарныхъ—67, доцентовъ съ прозекторами — 124, преподавателей — 2, помощниковъ прозекторовъ—11 и лекторовъ—31) и *сверхштатныхъ*—57 (въ томъ числѣ ординарныхъ профессоровъ—6, экстраординарныхъ—1, доцентъ—1, преподавателей—11, помощниковъ прозектора—1 и приватъ-доцентовъ—37).

Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, въ теченіе 1872 года общее число преподавателей въ университетахъ увеличилось на 33 человѣка. Такое увеличеніе представляетъ несомнѣнный успѣхъ, если принять во вниманіе, что около половины общей прибыли (16) въ ученое составѣ университетскихъ корпорацій падаетъ на долю ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, которые должны имѣть высшую ученую степень доктора, и около четвертой части (8) на доцентовъ, отъ которыхъ также требуется ученая степень магистра. Съ другой стороны, увеличеніе числа преподавателей и приватъ-доцентовъ вмѣстѣ съ усилившимся стремленіемъ къ пріобрѣтенію высшихъ ученыхъ степеней, которое было вызвано особыми мѣрами, принятыми мною для приготовленія профессоровъ, даютъ вѣрное ручательство въ томъ, что усилія министерства народнаго просвѣщенія въ образованіи достаточныхъ ученыхъ силъ для университетовъ увѣнчаются успѣхомъ въ близкомъ будущемъ. Въ теченіе 1872 года удостоено было высшихъ ученыхъ степеней: доктора — 64 и магистра — 26, всего—90 лицъ, болѣе чѣмъ въ 1871 году на 18 человѣкъ. Приготовлявшихся на счетъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія или специальныхъ средствъ университетовъ къ занятію профессорскихъ должностей было къ 1-му января 1873 года 70 человѣкъ, и нѣкоторые изъ нихъ уже выдержали испытаніе на высшія ученые степени. Изъ числа 70-ти человѣкъ находилось для усовершенствованія за границей 13 и оставлено было при университетахъ 57 человѣкъ; по специальностямъ между ними было изучающихъ юридическія науки—28, историко-филологическихкія—23, физико-математическія—12 и медицинскія—7.

Въ числѣ историко-филологовъ было только 6, посвятившихъ себя специально изученію древней филологіи. Такое малое число, въ виду недостатка профессоровъ по кафедрамъ греческой и римской словесности, составляетъ естественное послѣдствіе пренебреженія къ древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ, которое отражалось и на университетахъ сравнительно малымъ числомъ студентовъ по историко-филологическому факультету и еще меньшимъ числомъ лицъ, посвящавшихъ себя высшему научному изученію классической древности. Въ отвращеніе такого недостатка, могущаго имѣть неблагоприятное вліяніе на снабженіе гимназій учителями древнихъ языковъ, и для скорѣйшаго замѣщенія вакантныхъ кафедръ во древнимъ языкамъ въ нашихъ университетахъ, я призналъ необходимымъ привлечь къ занятію профессорскихъ кафедръ по древнимъ языкамъ молодыхъ ученыхъ изъ-

за границы и преимущественно славянскаго происхожденія. Съ этою цѣлію я предполагалъ тѣмъ изъ иностранцевъ, которые выдержатъ установленное испытаніе на званіе гимназическаго учителя древнихъ языковъ за границей или въ Россіи, и на основаніи свидѣтельствъ о семь, поступать учителями древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ, предоставить, въ видѣ временной мѣры, не подвергаясь кандидатскому испытанію, какъ требуетъ того уставъ, держать экзаменъ прямо на высшія ученыя степени магистра, а затѣмъ и доктора древней филологіи, дающія право на занятіе профессорскихъ должностей въ университетахъ. Предположенія эти, долженствующія пополнить въ непродолжительномъ времени недостатокъ въ профессорахъ по древнимъ языкамъ, удостоились 10-го іюля 1872 года Высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества.

Для обезпеченія въ будущемъ правильнаго приготовленія вполне надежныхъ профессоровъ специально Варшавскаго университета были утверждены мною особыя правила, на основаніи коихъ отличнѣйшіе изъ окончившихъ курсъ въ этомъ университетѣ будутъ оставляемы, на спеціальныя его средства, стипендіатами при немъ на два года, для усовершенствованія въ тѣхъ предметахъ, изученію которыхъ они намѣрены себя посвятить. Стипендіаты избираются факультетомъ и состоятъ подъ руководствомъ факультетскихъ преподавателей. Тѣхъ изъ нихъ, которые оправдаютъ своими занятіями довѣріе университета и приобрѣтутъ высшія ученыя степени магистра или доктора медицины, предположено командировать въ другіе русскіе университеты или за границу, съ цѣлію приготовленія къ профессорскому званію по тѣмъ предметамъ, по которымъ университетъ особенно нуждается въ преподавателяхъ. Въ теченіе 1872 года на этомъ основаніи оставлены были при университетѣ два стипендіата, окончившіе полный курсъ: одинъ по историко-филологическому и одинъ по медицинскому факультетамъ.

Независимо отъ пополненія профессорскихъ кафедръ, положенныхъ по нынѣ дѣйствующимъ университетскимъ уставамъ, въ теченіе настоящаго отчетнаго года сдѣланы были еще нѣкоторыя другія увеличенія личнаго учебнаго состава университетовъ, вызванныя текущими потребностями. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ при кафедрѣ анатоміи человѣка и физиологіи животныхъ въ помощь профессору назначенъ прозекторъ, котораго не полагалось по штату, что дастъ возможность преподавать этотъ предметъ въ большей полнотѣ и представить важное облегченіе при руководствѣ практическими

занятіями студентовъ. Въ факультетѣ восточныхъ языковъ того же университета введено преподаваніе мусульманскаго законовѣдѣнія, слушаніе котораго сдѣлано обязательнымъ для студентовъ арабско-персидско-турецкаго разряда. Политическое и социальное устройство мусульманскихъ народовъ весьма тѣсно связано съ религіей, изъ постановленій которой вытекаетъ все мусульманское законодательство. Поэтому, для студентовъ восточнаго факультета, имѣющихъ въ виду службу на востоѣ за границей или въ Туркестанскомъ краѣ, знаніе мусульманскаго законовѣдѣнія, безъ котораго не возможно основательное знакомство съ востокомъ, составляетъ насущную потребность и можетъ принести еще ту пользу, что послужить къ большому ознакомленію съ арабскимъ языкомъ, занимающимъ первое мѣсто въ ряду восточныхъ нарѣчій, и въ особенности, съ техническими терминами юриспруденціи, представляющими необыкновенную трудность. Въ Варшавскомъ университетѣ съ тою же цѣлю, какъ и въ С.-Петербургскомъ, учреждены двѣ сверхштатныя должности: помощника прозектора при кафедрѣ описательной анатоміи и лаборанта при кафедрѣ физиологіи и гистологіи, а для усиленія преподаванія русской исторіи, по которой полагается только одинъ штатный профессоръ, назначенъ еще другой преподаватель того же предмета съ порученіемъ ему особаго спеціального курса — исторіи великаго княжества Литовскаго. Расходы по всѣмъ вышеозначеннымъ предметамъ отнесены на счетъ спеціальныхъ средствъ С.-Петербургскаго и Варшавскаго университетовъ, за исключеніемъ вознагражденія прозектора при кафедрѣ анатоміи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ исполненіе обязанностей прозектора возложено было на приватъ-доцента, получавшаго вознагражденіе изъ остатковъ отъ личнаго состава. Въ Новороссійскомъ университетѣ успѣшное изученіе астрономіи, имѣвшей по штату только одного профессора, обезпечено учрежденіемъ при астрономической обсерваторіи этого университета на счетъ государственнаго казначейства новой должности астронома-наблюдателя, при чемъ и ежегодное содержаніе самой обсерваторіи увеличено вмѣсто прежнихъ 500 до 1.000 рублей. Для обезпеченія клиникъ при медицинскихъ факультетахъ университетовъ достаточнымъ числомъ ординаторовъ и для научнаго усовершенствованія молодыхъ врачей утверждены новыя правила, по которымъ въ ординаторы могутъ быть опредѣляемы какъ стипендіаты, такъ и своекоштные студенты, по окончаніи ими курса ученія съ званіемъ лекаря, на трехлѣтній срокъ, и по которымъ ординаторамъ предоставлены права дѣйствительной

медицинской службы, и кромѣ штатныхъ ординаторовъ, допускаются и сверхштатные на одинаковомъ основаніи съ первыми.

Ученая дѣятельность профессоровъ нашихъ университетовъ въ теченіе 1872 года выразилась въ значительномъ числѣ ученыхъ трудовъ, поименованныхъ въ приложеніи къ настоящему отчету и внесенныхъ цѣнные вклады въ сокровищницу науки по всѣмъ ея отраслямъ. Вообще ученые труды нашихъ профессоровъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ, кромѣ общаго научнаго интереса, еще особое для насъ значеніе, касаясь всѣхъ сторонъ нашей внутренней и внѣшней жизни и примѣняя научныя изслѣдованія какъ къ юридическому и государственному строю нашей жизни, такъ и къ физическимъ условіямъ различныхъ мѣстностей нашего обширнаго отечества. Такому плодотворному направленію ученой дѣятельности, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствуютъ существующія при университетахъ разныя ученые общества: филологическія, историческія, юридическія, математическія и естествоиспытательныя. Къ прежнимъ ученымъ обществамъ при университетахъ присоединились въ 1872 году: *Общество опытныхъ наукъ* при Харьковскомъ университетѣ, имѣющее въ виду преимущественно разработку вопросовъ, относящихся къ физико-химическимъ и медицинскимъ наукамъ, и *Физическое общество* при С.-Петербургскомъ университетѣ, для содѣйствія успѣхамъ всѣхъ частей физики и распространенію вообще физическихъ знаній въ Россіи. Къ концу 1872 года въ Физическомъ обществѣ состояло уже 60 членовъ. Труды общества предположено издавать въ журналѣ, который издается Химическимъ обществомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, и программа котораго въ 1872 году значительно расширена, кромѣ введенія отдѣла трудовъ Физическаго общества, еще новымъ отдѣломъ рефератовъ объ успѣхахъ всѣхъ частей химіи въ Россіи и за границей.

Изъ обществъ естествоиспытателей, существующихъ при шести университетахъ, общество естествоиспытателей при Киевскомъ университетѣ св. Владиміра получило въ 1872 году новый уставъ, значительно расширяющій кругъ его дѣятельности; на изданіе трудовъ этого общества, бывшихъ плодомъ происходившаго при немъ въ 1871 году третьяго съѣзда естествоиспытателей, было отпущено изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, въ дополненіе къ прежде назначенному пособію, еще 2.000 рублей. Значительная часть трудовъ Императорскаго Московскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Московскомъ универси-

тетѣ, посвящена была Политехнической выставкѣ, бывшей въ настоящемъ отчетномъ году въ Москвѣ. Инициатива учрежденія этой выставки, въ память двухсотлѣтней годовщины рожденія Императора Петра Великаго, принадлежитъ Московскому обществу любителей естествознанія, которое начало еще въ 1870 году приготовительныя работы къ этому весьма сложному дѣлу и могло достигнуть желаемого результата только благодаря щедрому матеріальному содѣйствію всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ и значительнымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ. Со стороны министерства народнаго просвѣщенія учрежденію выставки содѣйствовали всѣ высшія ученныя учрежденія; учебными заведеніями министерства представлены были на выставку большія коллекціи предметовъ, относящихся до средняго и начальнаго образованія, и сверхъ того, командированы были на выставку многія лица, завѣдующія средними и низшими училищами, а также и учителя; на расходы по всѣмъ этимъ предметамъ ассигновано было, по моему ходатайству, изъ суммъ государственнаго казначейства до 37,000 руб. Главная задача Политехнической выставки заключалась въ собраніи и наглядномъ представленіи публикѣ предметовъ трехъ царствъ природы, имѣющихъ какое-либо примѣненіе къ обыденной жизни, медицинѣ, искусству, сельскому хозяйству, промышленности, и въ ознакомленіи посѣтителей со всѣми приложениями науки къ технической практикѣ. Но выставка имѣла и педагогическій интересъ; независимо отъ коллекцій школьныхъ предметовъ, на выставкѣ происходили народныя чтенія, служащія къ нравственному образованію людей простаго званія, устроены были народная читальня и книжная лавка, заключавшія въ себѣ книги по выбору особой комиссіи при выставкѣ, и читались педагогическіе курсы учителямъ начальныхъ училищъ, приглашеннымъ съ этою цѣлію на выставку изъ разныхъ губерній Имперіи.

Для успѣшнаго развитія ученой дѣятельности необходимы учебно-вспомогательныя учрежденія, хорошо устроенныя и обладающія достаточнымъ количествомъ учебныхъ пособій. По нынѣ дѣйствующимъ штатамъ хотя и полагаются ежегодныя суммы на содержаніе и пополненіе кабинетовъ, музеевъ, лабораторій, клиникъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учреждений, но при быстромъ развитіи наукъ, какъ самое число означенныхъ учреждений, такъ и суммы, идущія на ихъ содержаніе, оказываются не всегда достаточными, и потому являются ежегодно новыя потребности въ пополненіяхъ и улучшеніяхъ. Въ на-

стоящемъ отчетномъ году въ этомъ отношеніи сдѣланы были слѣдующія приращенія:

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ штатныя средства на содержаніе химической и технической лабораторіи и на практическія занятія студентовъ по химіи, сдѣлавшіяся, при увеличившемся числѣ учащихся, крайне недостаточными, согласно ходатайству моему, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го ноября 1872 года мнѣнія государственнаго совѣта, усилены прибавленіемъ къ нынѣ отпускаемымъ изъ государственнаго казначейства на этотъ предметъ 3.500 рублямъ еще по 3.500 рублей въ годъ, и сверхъ того, къ нынѣшнимъ 4-мъ лаборантамъ присоединено еще 3 лаборанта съ жалованьемъ каждому по 800 руб. въ годъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ, не имѣвшемъ до сихъ поръ отдѣльной офтальмологической клиники, положено начало ея учрежденію отпускомъ изъ государственнаго казначейства одновременно на устройство этой клиники 1.000 руб. и на постоянное ея содержаніе ежегодно по 1.794 руб., начиная съ 1-го января 1872 года. Тому же университету и изъ того же источника назначено одновременно 3.000 руб. на приобрѣтеніе инструментовъ, необходимыхъ для наблюденія въ 1874 году за прохожденіемъ планеты Венеры черезъ дискъ солнца.

Въ Новороссійскомъ университетѣ, кромѣ увеличенія суммы на ежегодное содержаніе астрономической обсерваторіи, какъ сказано выше, до 1.000 рублей, назначено, Высочайше утвержденнымъ 15-го іюля 1872 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, одновременно 2.000 руб. на первоначальное устройство минералогическаго и геологическаго кабинетовъ.

Въ Варшавскомъ университетѣ, съ разрѣшенія моего, употреблено было изъ остаточныхъ суммъ до 8.600 руб. на разширеніе крайне тѣснаго помѣщенія гистологическаго кабинета и кабинета физиологической анатоміи.

Московскому университету, на счетъ пожертвованія купца Матвѣева, доставлена возможность ежегоднаго приращенія гистологическаго кабинета, независимо отъ университетскихъ суммъ. Для этой цѣли, согласно съ волею жертвователя, назначены ежегодно проценты съ капитала 5.000 руб., и сверхъ того, особая сумма, которую онъ обязался вносить также ежегодно въ размѣрѣ 250 рублей. На счетъ этого новаго источника уже приобрѣтены нѣкоторые дорогіе аппараты

и инструменты, необходимые для успѣшнаго преподаванія эмбриологій, гистологій и сравнительной анатоміи.

Въ 1872 году со стороны министерства народнаго просвѣщенія возбуждены были также ходатайства о присоединеніи къ Варшавскому университету Варшавской астрономической и метеорологической обсерваторіи, имѣвшей въ Варшавѣ свое отдѣльное управленіе отъ университета, и объ усиленіи средствъ и вообще расширеніи въ Дерптскомъ университетѣ хирургической клиники, которая, при значительномъ наплывѣ пациентовъ изъ внутреннихъ губерній, происходящемъ всякій разъ съ открытіемъ пароходства, оказывалась крайне недостаточною. Первое изъ этихъ ходатайствъ касательно Варшавскаго университета удостоилось Высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества 17-го декабря 1872 года, а послѣднее по Дерптскому университету—12-го января 1873 года. На содержаніе хирургической клиники Дерптскаго университета ассигновано ежегодно, въ дополненіе къ прежнимъ суммамъ, по 4.000 руб., начиная съ 1873 года, и одновременно 15-ть тысячъ рублей на расширеніе помѣщенія устройствомъ барака. Съ присоединеніемъ къ университету, Варшавская обсерваторія переименована въ университетскую, и на содержаніе ея и двухъ астрономовъ-наблюдателей назначено, въ дополненіе къ университетскому штату, 3.400 руб. въ годъ.

Библіотекъ Варшавскаго университета, образовавшейся изъ присоединенія въ 1871 году къ университету Варшавской главной публичной бібліотеки, даны были въ руководство, для большаго удобства и порядка въ пользованіи ею какъ профессорами и студентами, такъ и посторонними посѣтителеми, особыя подробныя правила, составленныя примѣнительно къ существующимъ на этотъ предметъ правиламъ въ прочихъ университетахъ Имперіи и въ С.-Петербургской Императорской публичной бібліотекѣ, такъ какъ бібліотека Варшавскаго университета, служа для университета, сохраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе открытаго для публики книгохранилища.

Независимо отъ вышеуказаннаго увеличенія средствъ на учебныя пособія, въ теченіе 1872 года значительно увеличены средства содержанія университетовъ и по другимъ статьямъ. На основаніи свѣдѣній, представленныхъ мнѣ попечителями учебныхъ округовъ о расходахъ за послѣдніе 9-ть лѣтъ со времени утвержденія университетскихъ штатовъ 1863 года, особенно недостаточными представлялись штатныя суммы на содержаніе домовъ; столь же большое затрудненіе, по отсутствію экономическихъ суммъ, переданныхъ въ государственное

казначейство съ учрежденіемъ единства кассы, являлось въ изысканіи средствъ на ремонтъ и исправленіе университетскихъ зданій съ ихъ кабинетами и другими учебно-вспомогательными учрежденіями. Указанные недостатки отчасти устранены Высочайше утвержденными 15-го и 26-го декабря 1872 года мнѣніями государственнаго совѣта. По первому изъ означенныхъ мнѣній послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на внесеніе съ 1873 года въ общую смѣту содержанія университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго, Кіевскаго св. Владиміра и Новороссійскаго еще добавочныхъ 88.315 руб., преимущественно на содержаніе университетскихъ зданій съ предоставленіемъ распредѣленія этой суммы по означеннымъ университетамъ министерству народнаго просвѣщенія. Высочайше утвержденнымъ 26-го декабря мнѣніемъ государственнаго совѣта разрѣшено Московскому университету, наиболѣе стѣсненному въ средствахъ содержанія обширныхъ зданій университета, отпустить изъ государственнаго казначейства экстраординарнымъ кредитомъ къ смѣтѣ 1872 года 10.420 руб. на отопленіе, освѣщеніе и содержаніе въ чистотѣ зданій и 50,000 рублей на работы по капитальному исправленію сихъ зданій, а затѣмъ на будущее время вносить въ ежегодную смѣту, начиная съ 1873 года, по 10.420 рублей въ дополненіе къ штатной суммѣ 45.000 руб. на хозяйственныя надобности Московскаго университета и включить одновременно въ смѣту 1873 года 31.850 рублей на окончаніе работъ по исправленію университетскихъ зданій. Независимо отъ того, министерству народнаго просвѣщенія предоставлено, по составленіи и утвержденіи установленнымъ порядкомъ смѣты на постройку новыхъ зданій для анатомическихъ театровъ Московскаго университета, войти съ особымъ представленіемъ въ государственный совѣтъ о потребномъ на означенную постройку расходѣ.

Нѣкоторое увеличеніе въ штатѣ содержанія послѣдовало и въ Варшавскомъ университетѣ; Высочайше утвержденнымъ 20-го января 1872 года положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, 7.150 рублей, оставшіяся свободными отъ сокращенія штатовъ управленія Варшавскаго учебнаго округа, обращены на увеличеніе университетскаго штата и преимущественно на хозяйственныя надобности университета.

Общее число учащихся во всѣхъ 8-ми университетахъ составляло къ 1-му января 1873 года 6.697 человекъ, въ томъ числѣ студентовъ 6.115 и частныхъ слушателей 664. По факультетамъ студенты распредѣлялись въ слѣдующей пропорціи: на юридическомъ факуль-

тетъ было 2.720 (около 45%), на медицинскомъ—1.875 (около 30%), на физико-математическомъ—884 (около 14½%), на историко-филологическомъ—507 (около 8½%), на богословскомъ—87 и на факультетѣ восточныхъ языковъ—42 (на обоихъ послѣднихъ вмѣстѣ около 2%). Сравнительно съ предыдущимъ годомъ, число учащихся въ университетахъ въ 1872 году уменьшилось на 554 человекъ, что произошло отъ уменьшенія числа окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ за этотъ годъ, по случаю учрежденія въ VII высшемъ классѣ гимназій второгодичнаго курса, на основаніи новаго гимназическаго устава, а также и вслѣдствіе усиленія требованій какъ окончательнаго испытанія въ гимназіяхъ, такъ и пріемнаго въ университетахъ. Явленіе это, кажущееся при поверхностномъ взглядѣ невыгоднымъ для университетовъ, я не могу не признать благопріятнымъ для основательнаго изученія университетской науки. Новыя мѣры если и поведутъ къ нѣкоторому и притомъ временному уменьшенію числа студентовъ, то съ другой стороны, университеты пріобрѣтутъ болѣе зрѣлыхъ и лучше приготовленныхъ слушателей, способныхъ усвоить себѣ плоды высшей науки и служить для дѣйствительнаго распространенія ея истинъ на пользу общества и государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшится, какъ слѣдуетъ надѣяться, число студентовъ, не воспользовавшихся благами высшаго университетскаго ученія и оставляющихъ университеты до окончанія курса. Плодотворныя послѣдствія усиленныхъ требованій испытанія и установленія за послѣдніе годы болѣе строгаго контроля за занятіями студентовъ успѣли уже выразиться и теперь: въ настоящемъ отчетномъ году окончило курсъ студентовъ и частныхъ слушателей 1.198 (около 18%) и выбыло до окончанія курса 1.088 (около 16%), тогда какъ въ предыдущемъ году окончившіе курсъ составляли только 14% общаго числа учащихся и уступали числу выбывшихъ до окончанія курса. Не менѣе благопріятныя доказательства усилившагося между студентами стремленія къ серьезнымъ занятіямъ представляютъ данныя за 1872 годъ о числѣ студентовъ, получающихъ стипендіи, единовременныя пособія и освобожденныхъ отъ платы за ученіе. Означенными льготами пользуются, какъ извѣстно, по университетскимъ правиламъ только студенты, хорошо успѣвающіе въ наукахъ, а для полученія стипендій требуются даже отличные успѣхи. Въ 1871 году всѣ эти льготы распространялись на 5 370 студентовъ изъ 6.779, то есть, на 78%; въ 1872 году число пользующихся означенными льготами возрасло до 5.586, то есть, до 91% общаго числа 6.115 студентовъ. Увеличилось въ 1872 году, сравни-

тельно съ предыдущимъ годомъ, и число отличныхъ сочиненій, представленныхъ студентами на заданныя факультетами темы и удостоенныхъ награжденія золотыми и серебряными медалями; въ 1871 году присуждена была такая награда за 30 сочиненій, а въ 1872 году за 39 сочиненій, въ томъ числѣ за 22 — золотая медаль и за 17 — серебряная; и кромѣ того, 12 сочиненій удостоены были почетнаго отзыва. Сверхъ того, выданы были: въ Московскомъ университетѣ три половинныя преміи за особые успѣхи въ древнихъ языкахъ и по одной преміи въ Казанскомъ и Варшавскомъ университетахъ за отличныя сочиненія, написанныя по конкурсу. Такіе благоприятные результаты научныхъ занятій студентовъ были плодомъ совокупнаго и постояннаго дѣйствія какъ поощрительныхъ мѣръ, заключавшихся въ освобожденіи отъ платы за ученье, въ единовременныхъ пособіяхъ, въ стипендіяхъ, въ наградахъ медалями и преміями, такъ и мѣръ контрольныхъ, состоявшихъ въ репетиціяхъ, испытаніяхъ переводныхъ и окончательныхъ и въ обязательныхъ сочиненіяхъ и особыхъ работахъ въ лекціи по каждому факультету; послѣдній видъ контроля, побуждавшій студентовъ къ самостоятельнымъ занятіямъ, былъ предметомъ особаго вниманія во всѣхъ университетахъ и примѣнялся одинаково во всѣхъ факультетахъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были уже подробно изложены мною въ отчетахъ моихъ за прежніе годы. Занятія этого рода, имѣвшія въ Казанскомъ университетѣ, кромѣ общей цѣли научнаго усовершенствованія студентовъ, и спеціальную цѣль приготовленія опытныхъ учителей для гимназій, развились въ 1872 году въ означенномъ университетѣ въ стройную систему дѣйствій по опредѣленнымъ правиламъ подъ названіемъ учительскихъ семинарій при историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ. На основаніи правилъ, особыя занятія студентовъ Казанскаго университета должны клониться къ всестороннему научному разъясненію и упроченію въ ихъ сознаніи изучаемыхъ ими предметовъ, къ ознакомленію ихъ съ общею и частною дидактикой и съ учебною литературой и къ письменной оцѣнѣ различныхъ ея произведеній. Такихъ письменныхъ работъ представлено было въ историко-филологическомъ факультетѣ 33, и нѣкоторыя изъ нихъ, по отзывамъ профессоровъ, заслуживаютъ особаго вниманія. Занятія по языкамъ заключались, сверхъ того, въ переводахъ, а по математикѣ — въ рѣшеніи задачъ преимущественно по геометріи и по анализу безконечно-малыхъ. При рѣшеніи геометрическихъ задачъ имѣлось въ виду развитіе геометрической способности къ умствен-

нымъ представленіямъ геометрическихъ мѣстъ и ихъ взаимныхъ соотношеній, а въ задачахъ анализа—развитіе искусства и новыхъ при выборѣ методовъ, примѣнимыхъ къ задачѣ; примѣненіе этихъ методовъ и выполненіе аналитическаго счета предоставлялись самостоятельной работѣ студентовъ и повѣрялись по представленнымъ студентами письменнымъ рѣшеніямъ. По физикѣ практическія занятія состояли во взвѣшиваніи и объясненіяхъ теоріи вѣсовъ и въ опредѣленіи плотности газовъ и паровъ. Означенныя правила для Казанскаго университета были утверждены мною, и вмѣстѣ съ тѣмъ, я призналъ полезнымъ учредить подобныя же, правильно-организованныя, семинаріи и при другихъ университетахъ, о чемъ предложено было университетамъ чрезъ попечителей учебныхъ округовъ. Такая мѣра казалась тѣмъ болѣе необходимою, что въ кругъ обязанностей и всѣхъ прочихъ университетовъ входитъ приготовленіе учителей не только для гимназій, но и для другихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

При университетахъ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Киевскомъ св. Владиміра и Новороссійскомъ учреждено въ 1872 году на счетъ суммъ святѣйшаго синода по одной стипендіи въ каждомъ для приготовленія учителей физико-математическихъ наукъ въ духовныя семинаріи, а при Московскомъ университетѣ, независимо отъ учрежденія 6-ти стипендій при Императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ, предположено имѣть шесть стипендіатовъ изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ Дерптскаго округа для приготовленія ихъ къ занятію впослѣдствіи мѣстъ учителей русскаго языка въ гимназіяхъ Дерптскаго округа, на чтѣ испрашивается отпускъ изъ суммъ государственнаго казначейства 3.000 рублей собственно на стипендіатовъ и 900 рублей на вознагражденіе профессора, руководящаго занятіями стипендіатовъ. Разрѣшенія на мое представленіе по этому послѣднему предположенію еще не послѣдовало.

Въ теченіе 1872 года университеты наши принимали участіе и въ медицинскомъ образованіи женщинъ въ той отрасли медицинской практики, которая по самой природѣ своей, наиболѣе свойственна женщинѣ, именно въ акушерскомъ искусствѣ. Въ акушерскихъ классахъ, существующихъ при акушерскихъ клиникахъ университетовъ Казанскаго, Харьковскаго, Киевскаго св. Владиміра и Варшавскаго находилось 520 ученицъ; удостоено въ 1872 году медицинскими фа-

культетами означенныхъ университетовъ, а также университетовъ Московскаго и Дерптскаго званія повивальной бабки 280 лицъ.

Сочувствіе нашего общества къ университетамъ въ настоящемъ отчетномъ году выразилось, какъ и прежде, въ значительныхъ пожертвованіяхъ, обращенныхъ преимущественно на учрежденіе стипендій для поддержанія недостаточныхъ студентовъ, отличающихся успѣхами въ наукахъ; наиболѣе крупныя вклады въ стипендіальную сумму составляютъ капиталы, пожертвованные: Ягницкимъ — въ количествѣ 24.314 рублей на стипендіи при Новороссійскомъ университетѣ и Тышкевичемъ — въ количествѣ 20,000 рублей на содержаніе въ Варшавскомъ университетѣ бѣдныхъ студентовъ безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія.

Изъ пожертвованій другаго рода самое крупное сдѣлано Одесскимъ негодіантомъ Вучиной, который предоставилъ на вѣчныя времена въ распоряженіе Новороссійскаго университета 10.600 рублей, съ тѣмъ чтобъ изъ процентовъ съ этого капитала, составляющихъ 583 рубля въ годъ, выдавалась этимъ университетомъ ежегодно премія въ 500 рублей за лучшее драматическое сочиненіе для народа, а остальные 83 рубля употреблялись на золотую медаль, присуждаемую въ награду за оцѣнку трудовъ, присланныхъ для соисканія преміи.

Знаменательное событіе въ жизни нашихъ университетовъ за 1872 годъ составляетъ благосклонное принятіе титула почетныхъ членовъ Московскаго университета его королевскимъ высочествомъ принцемъ Фридрихомъ-Карломъ Прусскимъ, его свѣтлостію Сербскимъ княземъ Михаиломъ Обреновичемъ IV и его свѣтлостію владѣтельнымъ княземъ Черногорскимъ Николаемъ I.

Б. Императорскій Историко-Филологическій Институтъ.

Императорскій историко-филологическій институтъ учрежденъ для приготовленія учителей гимназій министерства народнаго просвѣщенія по древнимъ языкамъ, русскому языку, исторіи и географіи. Съ этою цѣлью въ институтѣ полагается по штату 100 казенныхъ стипендій; къ нимъ присоединены впоследствии еще 20 стипендій, именно: 5 стипендій Кавказскаго и 8 стипендій Виленскаго округовъ, не имѣющихъ университетовъ и потому особенно нуждающихся въ учителяхъ для гимназій, 2 стипендіи, учрежденныя Астраханскою городскою думою въ память посѣщенія въ 1871 году Астрахани Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и Ихъ Императорскими Высочествами: Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и Ве-

ликимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, и 5 стипендій православнаго духовнаго вѣдомства для снабженія учителями духовныхъ семинарій, ощущающихъ также недостатокъ въ хорошо приготовленныхъ учителяхъ древнихъ языковъ, русскаго языка, исторіи и географіи.

Въ 1872 году число стипендій историко-филологическаго института увеличилось прибавленіемъ еще 6-ти стипендій Дерптскаго учебнаго округа и 4-хъ стипендій Западной и Восточной Сибири, съ назначеніемъ на Дерптскія стипендіи изъ суммъ государственнаго казначейства ежегодно 2.400 руб. и съ переводомъ изъ Казанскаго университета въ историко-филологическій институтъ 1.600 руб. на Сибирскія стипендіи.

Сибирь, не имѣя подобно Виленскому и Кавказскому округамъ своего университета, представляетъ по своей отдаленности и суровости климата еще болѣе неблагоприятныя условія для привлеченія на службу въ Сибирскія гимназіи способныхъ учителей, а потому учрежденіе стипендій съ этою цѣлью, обязывающихъ стипендіатовъ службою въ Сибири, является необходимою мѣрою. Стипендіи Дерптскаго округа учреждены со специальною цѣлью приготовленія для гимназій этого округа учителей русскаго языка, преподаваніе котораго, сравнительно съ прочими предметами, стоитъ тамъ на низкомъ уровнѣ.

Въ 1872 году происходилъ въ историко-филологическомъ институтѣ второй, со времени его основанія, выпускъ студентовъ; изъ 22 человекъ, окончившихъ полный курсъ, опредѣлены учителями гимназій: 17—по древнимъ языкамъ и 5—по русскому языку и словесности. Къ концу настоящаго отчетнаго года наличное число студентовъ въ немъ составляло 99 человекъ, въ томъ числѣ было казенныхъ студентовъ 84, стипендіатовъ Виленскаго округа—8, Кавказскаго—3, Дерптскаго—1 и православнаго духовнаго вѣдомства—3.

Въ гимназіи при институтѣ, составляющей одно съ институтомъ учебно-воспитательное заведеніе, въ 1872 году открытъ 4-й классъ, и число учащихся въ ней, считая съ приготовительнымъ классомъ, увеличилось до 123 человекъ. Удовлетворяя потребностямъ въ общемъ образованіи, гимназія при институтѣ служила вмѣстѣ съ тѣмъ и практическою педагогическою школою для студентовъ IV-го курса института. Каждый изъ студентовъ этого курса долженъ былъ посѣщать 10 уроковъ въ недѣлю въ гимназіи; при этомъ студенты сначала слѣдили за преподаваніемъ наставниковъ-руководителей, а потомъ, по усмотрѣнію наставниковъ, допускались сами къ преподаванію.

Остальныя практическія занятія студентовъ IV-го курса, а равно и теоретическія и практическія занятія во всѣхъ курсахъ, происходили по прежнему плану, изложенному въ моихъ отчетахъ за предыдущіе годы. Въ настоящемъ же отчетномъ году, чтобы привлечь студентовъ института къ болѣе ревностнымъ занятіямъ древними языками и открыть для лучшихъ изъ оканчивающихъ курсъ возможность высшаго усовершенствованія въ наукахъ, признано было полезнымъ студентовъ, окончившихъ курсъ съ отличными успѣхами, преимущественно по древнимъ языкамъ, посылать за границу для дальнѣйшаго спеціальнаго изученія своихъ предметовъ въ заграничныхъ университетахъ и для занятія въслѣдствіи профессорскихъ должностей въ университетахъ, по выдержаніи установленнаго испытанія на высшія ученныя степени. Предположеніе это приведено уже въ исполненіе назначеніемъ въ 1873 году трехъ изъ бывшихъ студентовъ историко-филологическаго института къ отправленію за границу для занятій въ Лейпцигскомъ и Геттингенскомъ университетахъ подъ руководствомъ профессоровъ Ритшля и Курціуса. Такимъ образомъ институтъ, исполняя главную свою задачу образованія учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, принялъ съ настоящаго времени участіе и въ приготовленіи недостающихъ для университетовъ профессоровъ древнихъ языковъ. Мѣра эта, весьма полезная для университетовъ, можетъ привлечь на будущее время въ историко-филологическій институтъ болѣе приготовленныхъ слушателей изъ даровитыхъ гимназистовъ, которые до сихъ поръ неохотно поступали въ институтъ, ограничивавшій ихъ будущую дѣятельность карьерою гимназическаго учителя, почему онъ по необходимости долженъ былъ преимущественно довольствоваться менѣе приготовленными воспитанниками духовныхъ семинарій. Другою мѣрою для привлеченія въ институтъ въ большемъ числѣ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ преподается греческій языкъ, была выдача такимъ лицамъ, изъявившимъ желаніе поступить въ историко-филологическій институтъ, пособія на пріѣздъ въ С.-Петербургъ, въ размѣрѣ, соотвѣтственномъ разстоянію, отъ 25 до 50 рублей; пособіемъ этимъ въ настоящемъ отчетномъ году воспользовалось 6 гимназистовъ, которые всѣ приняты въ студенты института.

Библіотека историко-филологическаго института, состоявшая, не смотря на недавнее его существованіе, къ началу 1873 года уже изъ 4.487 сочиненій въ 8.147 томахъ, обогатилась въ 1872 году значительнымъ приношеніемъ извѣстнаго германскаго книгопродавца Гана,

заключающимъ въ себѣ 364 названія въ 589 томахъ, между которыми находятся многія книги весьма важныя для изученія древней филологіи.

В. Лицей.

Въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія находятся два лицея: Демидовскій юридическій въ Ярославлѣ и князя Безбородка въ Нѣжинѣ.

Демидовскій юридическій лицей, открытый на новыхъ началахъ 30-го августа 1870 года и поднятый, благодаря щедрой помощи правительства, со степени плохой юридической школы, нуждавшейся и въ профессорахъ, и въ студентахъ, на одинаковую степень съ юридическими факультетами университетовъ, состоялъ въ настоящемъ отчетномъ году уже изъ трехъ курсовъ, въ которыхъ къ 1-му января 1873 года находилось студентовъ 171, болѣе противъ предыдущаго года на 32; четвертый и послѣдній курсъ открытъ въ немъ уже въ 1873 году, и первый выпускъ студентовъ долженъ произойти въ будущемъ 1874 году.

Въ теченіе 1872 года въ Демидовскомъ лицейѣ учреждена новая каеэдра всеобщей исторіи права, и введено преподаваніе исторіи философіи права. Оба эти предмета хотя и не положены по временному уставу лицея, но имѣютъ важное значеніе для укрѣпленія за лицейскимъ преподаваніемъ строго-научнаго характера. Изъ каеэдръ, назначенныхъ по уставу, замѣщены въ 1872 году каеэдры энциклопедіи права и уголовного права молодыми учеными, приготовлявшимися къ этимъ должностямъ за границей. Полнота преподаванія юридическихъ наукъ въ лицейѣ обезпечена и на будущее время. Въ 1872 году находились за границей съ тою же цѣлью пять молодыхъ ученыхъ, и состояли стипендіатами при лицейѣ двое. Независимо отъ чтенія лекцій, въ лицейѣ въ теченіе 1872 года употреблялись различныя мѣры для побужденія студентовъ къ самостоятельнымъ научнымъ трудамъ. Съ этою цѣлью студенты дѣлали въ аудиторіяхъ словесные рефераты прочитаннаго ими по указанію профессоровъ, излагали письменно назначенные имъ отдѣлы сочиненій, писали годовыя сочиненія, составляли конспекты прочитанныхъ лекцій, переводили статьи и отрывки изъ капитальныхъ сочиненій по юридической литературѣ, и сверхъ того, участвовали въ вечернихъ юридическихъ бесѣдахъ подъ руководствомъ профессоровъ. Опытъ доказалъ всю пользу подобнаго рода занятій, содѣйствующихъ отчетливому усвоенію преподаваемыхъ наукъ:

изъ 139 студентовъ I-го и II-го курса выдержали удовлетворительно испытаніе и переведены были въ слѣдующіе курсы 128 человекъ, то есть, около 92^о. О степени стремленія студентовъ къ самостоятельнымъ занятіямъ можно сдѣлать заключеніе и по числу книгъ, взятыхъ ими для чтенія изъ студентской бібліотеки лицей; въ первой половинѣ 1872 года 139 студентамъ, бывшимъ тогда въ лицей, сдѣлано было 676 выдачъ, при чемъ было потребовано 182 различныхъ сочиненія.

Библіотека юридическаго лицей обогатилась новыми, весьма цѣнными пріобрѣтеніями, въ количествѣ 701 названія, и самое помѣщеніе ея значительно улучшено прибавленіемъ одной залы и устройствомъ новой просторной читальни.

Мѣстное Ярославское общество выразило свое сочувствіе къ Демидовскому юридическому лицей и въ настоящемъ отчетномъ году значительными приношеніями, сдѣланными имъ состоящему при лицей попечительству о недостаточныхъ студентахъ въ количествѣ 7.000 руб.

Въ другомъ совершенно положеніи находится Нѣжинскій лицей князя Безбородка, при нынѣшнихъ его скудныхъ средствахъ обреченный на бѣдственное существованіе. Правда, на помощь ему явилось въ настоящемъ отчетномъ году пожертвованіе графини Л. А. Музиной-Пушкиной, рожденной графини Куселсвой-Безбородко, которая обязалась на будущее время, начиная съ 1-го іюля 1871 года, вносить ежегодно, въ дополненіе къ суммѣ, получаемой на содержаніе лицей изъ доходовъ съ имѣнія покойнаго графа Куселева-Безбородка, по 1.714 руб. 29 коп., обезпечивъ исправность новаго взноса тѣми же имѣніями, которыми обезпечено и первоначальное пожертвованіе; но прибавка такой суммы не можетъ имѣть рѣшительнаго вліянія на улучшеніе лицей, для дѣйствительнаго преобразованія котораго въ высшее учебное заведеніе требуется до 30.000 ежегодно новаго дополнительнаго расхода. Неоднократныя мои ходатайства о необходимости вывести Нѣжинскій лицей изъ такого затруднительнаго положенія усиленіемъ его денежныхъ средствъ на счетъ государственнаго казначейства оставались до сихъ поръ безъ успѣха, о чемъ я имѣлъ честь докладывать Вашему Императорскому Величеству въ прежнихъ моихъ отчетахъ. На послѣднее мое ходатайство, возобновленное въ началѣ 1873 года, полученъ мною изъ министерства финансовъ отзывъ, что настоящее положеніе государственнаго казначейства, не смотря на улучшенные балансы государственныхъ бюджетовъ, часть СLXXIII, отд. 1.

жетовъ, требуетъ, по особымъ соображеніямъ, временной пріостановки ассигнованія какихъ либо значительныхъ расходовъ, а потому вопросъ объ усиленіи средствъ Нѣжинскаго лицея необходимо отложить впредь до болѣе точнаго опредѣленія положенія средствъ государственнаго казначейства. Тѣмъ не менѣе я считаю своею обязанностію доложить Вашему Императорскому Величеству, что признаки, указывающіе на постепенное разрушеніе Нѣжинскаго лицея, все болѣе и болѣе усиливаются: въ настоящемъ отчетномъ году въ немъ оставались вакантными изъ семи кафедръ двѣ: статистики и русской исторіи и русской словесности, и замѣщеніе ихъ оказывается невозможнымъ при профессорскомъ окладѣ, почти вдвое меньшемъ оклада учителя гимназій; число студентовъ, простиравшееся въ 1871 году до 180, въ 1872 году уменьшилось на 51 человекъ и дошло до 129. Слѣдуетъ ожидать, что подобныя явленія будутъ возрастать съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, и что Нѣжинскій лицей, оставленный безъ сильной поддержки со стороны правительства, останется безъ профессоровъ и студентовъ, и такимъ образомъ уничтожится самъ собою, что было бы крайне прискорбно.

Г. Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ (спеціальныя классы).

Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ получилъ въ настоящемъ отчетномъ году окончательное устройство во всѣхъ своихъ частяхъ и вступилъ въ общую семью учебно-воспитательныхъ заведеній Имперіи, подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія. Институтъ этотъ, состоящій изъ двухъ отдѣленій: гимназическаго общеобразовательнаго и высшаго спеціальнаго, назначеннаго для изученія восточныхъ языковъ, принадлежитъ къ разряду высшихъ учебныхъ заведеній по спеціальному своему отдѣленію. По Высочайше утвержденному 16-го іюня 1871 года положенію Кавказскаго комитета, спеціальное отдѣленіе Лазаревскаго института, носящее названіе спеціальныхъ классовъ, уже поставлено было на одинаковую степень съ восточнымъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета относительно высоты учебнаго курса и правъ преподавателей и учащихся, и начало свою дѣятельность на этихъ новыхъ началахъ уже 1-го сентября 1871 года, какъ то изложено мною въ отчетѣ за этотъ годъ. Гимназическіе классы при институтѣ руководствовались до сихъ поръ уставомъ 10-го мая 1848 года; классовъ этихъ было только шесть, и потому общеобразовательный курсъ въ нихъ хотя и получилъ классическій характеръ съ 1868 года, но былъ слишкомъ

слабъ. Въ настоящемъ отчетномъ году, по случаю передачи Лазаревскаго института въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, согласно съ волею покойнаго попечителя института, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Х. А. Лазарева, и по причинѣ упраздненія вслѣдствіе того особой занимавшейся мною должности главноначальствующаго институтомъ, Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ получилъ новый уставъ и штатъ, Высочайше утвержденные 16-го декабря 1872 года по положенію Кавказскаго комитета. На основаніи новаго устава институтъ, находясь въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и подъ управленіемъ попечителя Московскаго учебнаго округа, сохраняетъ относительно спеціальныхъ классовъ устройство, дарованное имъ уставомъ 16-го іюня 1871 года; гимназическіе же классы преобразованы примѣнительно къ общему гимназическому уставу, и сообразно съ тѣмъ, положено, вмѣсто 6-ти классовъ, имѣть приготовительный классъ и семь гимназическихъ классовъ съ двухлѣтнимъ курсомъ ученія въ послѣднемъ седьмомъ классѣ. Преобразованіемъ этимъ довершено устройство Лазаревскаго института на началахъ, согласныхъ съ требованіями педагогическими и съ волей учредителей: общеобразовательная часть, представляемая гимназическими классами, получила теперь такое правильное устройство, какого она не имѣла прежде; спеціальная же часть въ спеціальныхъ классахъ приобрѣла прочность, опредѣленность и законченность, въ которыхъ она дотолѣ постоянно нуждалась. Поэтому можно съ увѣренностію разсчитывать, что Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, въ которомъ теперь одинаково обезпечено и упрочено какъ общее, такъ и спеціальное образованіе, будетъ служить на будущее время полезнымъ расадникомъ ориенталистовъ. Если же принять во вниманіе, что потребность въ образованныхъ лицахъ, основательно знающихъ восточные языки, въ настоящее время у насъ весьма значительна и можетъ еще болѣе усилиться съ расширеніемъ вліянія нашего на Востокъ, то преобразованіе Лазаревскаго института на вышеуказанныхъ началахъ является необходимымъ и вполне отвѣчающимъ современнымъ потребностямъ.

Д. ВЕТЕРИНАРНЫЯ УЧИЛИЩА.

Въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія находятся три ветеринарныя училища: въ Харьковѣ, Дерптѣ и Варшавѣ; учащихся въ нихъ къ концу 1872 года было 314, окончили курсъ въ теченіе года 19 человекъ: 6—со степенью ветеринара и 13—со званіемъ по-

мощника ветеринара; сверхъ того, по особому испытанію удостоенъ степени магистра ветеринарныхъ наукъ одинъ. Ветеринарныя училища имѣютъ цѣлю приготовленіе ученыхъ ветеринаровъ, столь необходимыхъ у насъ при повторяющемся почти ежегодно надежѣ домашняго скота, причиняющемъ громадныя убытки населенію и разстраивающемъ въ значительной степени правильное развитіе нашего скотоводства и вообще сельскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, наши ветеринарныя училища до сихъ поръ не достигали этой цѣли; научное образованіе ветеринаровъ оказывалось неудовлетворительнымъ при недостаткѣ въ профессорахъ, многіе существенныя предметы излагались, по необходимости, поверхностно; учащіеся, при слабыхъ требованіяхъ пріемнаго испытанія, были мало приготовлены къ серьезному ученію; матеріальныя средства училищъ были также крайне недостаточны какъ для привлеченія въ училища достойныхъ профессоровъ, такъ и для поддержанія и дальнѣйшаго развитія учебно-вспомогательныхъ учреждений до степени, соотвѣтствующей современному состоянію ветеринарныхъ наукъ.

Въ теченіе настоящаго отчетнаго года въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составлены были предположенія объ устраненіи означенныхъ недостатковъ преобразованиемъ всѣхъ трехъ ветеринарныхъ училищъ въ ветеринарныя институты, и проекты новаго ихъ устава и штата внесены на разсмотрѣніе и утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Въ основу преобразованія положено: дать ветеринарнымъ институтамъ характеръ исключительно высшихъ учебныхъ заведеній, усилить требованія пріемнаго испытанія отъ поступающихъ въ студенты институтовъ, сообщить учебному курсу бѣльшую полноту сообразно съ современнымъ состояніемъ преподаванія ветеринарныхъ наукъ, сравнить преподавателей относительно правъ и содержанія съ университетскими преподавателями, и вообще, увеличить средства содержанія институтовъ.

Означенныя предположенія удостоились Высочайшаго утвержденія Вашего Императорскаго Величества уже въ 1873 году, при чемъ постановлено преобразовать въ ветеринарныя институты только Харьковское и Дерптское ветеринарныя училища; Варшавская же ветеринарная школа, приготовляющая только ветеринарныхъ помощниковъ, оставлена въ нынѣшнемъ ея положеніи съ прибавленіемъ по 3.000 рублей къ настоящему ея содержанію, но вмѣстѣ того, положено учредить новый ветеринарный институтъ въ Казани, на одинаковыхъ основаніяхъ съ Харьковскимъ и Дерптскимъ ветеринарными инсти-

тутами, что будетъ имѣть несомнѣнно весьма благодѣтельныя послѣдствія для сельскаго хозяйства всей восточной Россіи.

Е. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи.

Въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства состояло къ 1-му января 1873 года 43 студента: 24—по хозяйственному отдѣленію и 19—по лѣсному. Въ настоящемъ отчетномъ году происходилъ въ институтѣ первый выпускъ окончившихъ курсъ студентовъ, при чемъ удостоены были одобрительныхъ аттестатовъ 22 студента, которымъ, на основаніи утвержденного мною 12-го февраля 1872 года особаго положенія объ испытаніяхъ на званія агронома и лѣсничаго, предоставлено право, по прошествіи года со дня полученія аттестата, подвергнуться новому испытанію на полученіе званія агронома или лѣсничаго. Желающіе подвергнуться этому послѣднему испытанію обязаны представлять совѣту института каждую треть года донесенія о своихъ практическихъ занятіяхъ и затѣмъ уже будутъ допускаться къ испытанію, смотря по избранной специальности, въ главнѣйшихъ предметахъ, относящихся до агрономіи или лѣсоводства. По окончаніи испытанія, испытуемые должны представить еще разсужденіе, которое, по одобреніи совѣтомъ, должно быть защищено ими въ присутствіи совѣта. Изъ окончившихъ курсъ въ 1872 году одинъ оставленъ былъ при институтѣ стипендіатомъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и двое удостоены серебряныхъ медалей за рѣшеніе задачи, предложенной совѣтомъ.

Въ личномъ профессорскомъ составѣ института не доставало только одного профессора, за выбытіемъ въ теченіе года въ отставку профессора сельскаго хозяйства; но и этотъ предметъ былъ распределенъ между наличными профессорами и преподавался студентамъ вполне.

Улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій института было предметомъ особаго вниманія и въ теченіе настоящаго отчетнаго года. Изъ спеціальныхъ средствъ и остатковъ отъ личнаго состава употреблено было въ дополненіе къ штатнымъ суммамъ на бібліотеку и пополненіе кабинетовъ 1.000 руб., на приобрѣтеніе земледѣльческихъ снарядовъ 1.842 руб. и на устройство механическихъ мастерскихъ 2.883 рубля. Къ началу 1873 года въ бібліотекѣ института состояло 6.074 названія въ 9.707 томахъ на 22.084 рубля. Къ тому же времени цѣнность предметовъ, заключающихся въ кабинетахъ,

лабораторіяхъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ института, простиралась до 40.559 рублей, не считая здѣсь цѣнности рогатаго скота, стоящаго болѣе 7.000 рублей. Принадлежащими институту опытною фермою съ полемъ для сельско-хозяйственныхъ опытовъ и двумя значительными фольварками, оцѣниваемыми слишкомъ въ 37,000 рублей, профессора и другіе преподаватели пользовались въ теченіе учебнаго года какъ пособіемъ, чтобы сдѣлать преподаваніе, по возможности, демонстративнымъ; въ лѣтнее время опытная ферма съ образцовымъ полемъ служила для практическихъ упражненій студентовъ подъ руководствомъ лицъ, завѣдующихъ ими.

Есть полное основаніе надѣяться, что Новоалександровскій институтъ сельскаго хозяйства, поставленный въ такія благопріятныя условія, можетъ разчитывать и въ будущемъ на дальнѣйшее развитіе и прочное существованіе для пользы и преуспѣянія земледѣлія въ Привислянскомъ краѣ, по преимуществу земледѣльческому.

2. Среднія учебныя заведенія.

А. ГИМНАЗИИ.

1872 годъ ознаменовался новою законодательною мѣрою, существенно важною для всей системы нашего образованія: 12-го мая 1872 года Вашему Императорскому Величеству благоугодно было утвердить новый уставъ реальныхъ училищъ и тѣмъ довершить учебную реформу, начало которой было положено въ 1871 году. Отнынѣ наше учащееся юношество, согласно съ указаніями новыхъ учебныхъ законовъ, должно получать образованіе вполне основательное, въ истинно добромъ, полезномъ и разумномъ направленіи, приготовляясь: въ гимназіяхъ—къ высшему научному образованію и вообще къ высшимъ сферамъ дѣятельности, а въ реальныхъ училищахъ—преимущественно къ болѣе скромнымъ, хотя и не менѣе полезнымъ занятіямъ на многоразличныхъ поприщахъ промышленности и торговли. Законодательствомъ, такимъ образомъ, даны главнѣйшія условія для процвѣтанія нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній; но затѣмъ министерству народнаго просвѣщенія предстоитъ, съ одной стороны, выполнить сколь можно лучше требованія новаго учебнаго закона, а съ другой—оградить его со всѣхъ сторонъ отъ всего того, что могло бы поколебать его силу и значеніе или извратить его существенный смыслъ.

Смѣю засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что вѣренное мнѣ вѣдомство на всѣхъ степеняхъ своихъ не щадитъ никакихъ усилій, чтобы впервые водворить въ нашей странѣ серьезное и основательное ученіе, какого требуютъ новыя уставы гимназій и реальныхъ училищъ.

Въ виду чрезвычайной важности и трудности этого дѣла, эти учебныя заведенія и особенно гимназіи были и въ 1872 году, также какъ и въ предыдущемъ, предметомъ особливо заботливости какъ для меня лично, такъ и для всѣхъ моихъ сотрудниковъ по этой части.

Къ началу втораго учебнаго года по утвержденіи Вашимъ Императорскимъ Величествомъ новаго устава гимназій, были уже изготовлены и утверждены мною (31-го іюля 1872 года) новыя учебныя планы по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, опредѣляющіе, согласно съ § 15-мъ устава, объемъ преподаванія каждаго изъ нихъ и распредѣленіе онаго по классамъ для всѣхъ гимназій и прогимназій Имперіи (за исключеніемъ Дерптскаго и Варшавскаго учебныхъ округовъ). Эти учебныя планы, плодъ продолжительныхъ и усиленныхъ занятій девяти различныхъ комиссій, составленныхъ изъ спеціалистовъ, и ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, составлены въ слѣдующихъ главныхъ видахъ: 1) согласовать преподаваніе каждаго предмета съ числомъ вновь назначенныхъ на него уроковъ, съ силами учениковъ каждаго возраста и класса и съ цѣлями, которыя по каждому предмету должны быть достигнуты для того, чтобы ученика, успѣшно окончившаго полный гимназическій курсъ, можно было дѣйствительно признать зрѣлымъ для дальнѣйшаго высшаго научнаго образованія; 2) распредѣлить надлежащимъ образомъ учебный матеріалъ каждаго предмета по классамъ; 3) точнѣе опредѣлить этотъ матеріалъ, и въ облегченіе учениковъ, исключить изъ него то, что не существенно важно, а между тѣмъ можетъ понапрасну ихъ затруднять, и 4) установить надлежащій объемъ, порядокъ и послѣдовательность преподаванія по каждому предмету, дать преподавателямъ нѣкоторыя указанія относительно наилучшаго употребленія времени, а сверхъ того, по нѣкоторымъ предметамъ, мнѣ установленнымъ, и нѣкоторыя указанія дидактическія и методическія. Со временемъ и мало по малу эти учебныя планы будутъ содѣйствовать установленію большаго единства въ преподаваніи каждаго предмета гимназическаго курса въ цѣлой Имперіи, и тогда, въ случаѣ необходимости, ученіи одной гимназіи безъ всякой потери для

себя будутъ въ состояніи продолжать свое ученіе въ другой гимназіи; но на первыхъ порахъ необходимо было принять во вниманіе, что ученики старшихъ классовъ (начиная уже съ III) обучались въ предыдущихъ классахъ многимъ и притомъ главнѣйшимъ предметамъ при значительно меньшемъ числѣ уроковъ и вообще по другимъ учебнымъ планамъ, почему, препровождая къ окружнымъ начальствамъ вышеупомянутые учебные планы, я счелъ за должное разъяснить, что выполненіе ихъ должно быть прежде всего строго соображено съ дѣйствительнымъ состояніемъ каждаго класса, и что на этомъ основаніи могутъ понадобится болѣе или менѣе значительныя отступленія. Изъ доставленныхъ нынѣ годовыхъ отчетовъ попечителей учебныхъ округовъ дѣйствительно оказывается, что почти во всѣхъ гимназіяхъ пришлось сдѣлать болѣе или менѣе значительныя и притомъ различныя отступленія отъ предложенныхъ учебныхъ плановъ, но что, тѣмъ не менѣе, сіи послѣдніе стали дѣйствительно нормою, съ которою преподаватели по возможности, соображаютъ свое преподаваніе. Почти единственное въ этомъ отношеніи исключеніе составляетъ 3-я С.-Петербургская гимназія, директоръ которой былъ самъ членомъ Высочайше учрежденной, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова, комиссіи по преобразованію гимназій, и состоя членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, могъ заблаговременно подготовить вѣренное ему учебное заведеніе къ полному осуществленію новыхъ учебныхъ плановъ съ перваго же года по ихъ обнародованію.

Но кромѣ вышеозначеннаго регулированія преподаванія въ нашихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, новые учебные планы, общіе для всѣхъ учебныхъ заведеній этой категоріи, оказываются уже весьма полезными и для нашей учебной литературы, вызвавъ нѣсколько новыхъ и весьма хорошихъ трудовъ, составленныхъ на ихъ основаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ число такихъ учебныхъ руководствъ и пособій значительно увеличится. Наконецъ, эти же учебные планы облегчаютъ содержателямъ частныхъ училищъ установленіе въ нихъ правильнаго учебнаго курса, даютъ домашнимъ учителямъ и наставникамъ необходимое руководство для ихъ частныхъ занятій и помогаютъ постороннимъ лицамъ приготовляться къ экзамену на поступленіе въ университетъ. Въ какой мѣрѣ появленіе учебныхъ плановъ, общихъ для гимназій и прогимназій Имперіи, вызывалось дѣйствительною потребностью, можно отчасти судить по тому, что въ теченіе одного года понадобилось нѣсколько ихъ изданій и вслѣдствіе

въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Замѣчательно, что и учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ начинаютъ сообразовать свои требованія для поступления въ тотъ или другой изъ ихъ классовъ съ упомянутыми учебными планами, которые, такимъ образомъ, становятся общимъ регуляторомъ учебнаго дѣла въ Имперіи.

Впрочемъ, допустивъ отступленія отъ этихъ плановъ, какъ во вниманіе къ дѣйствительному состоянію каждаго класса, такъ и по другимъ уважительнымъ соображеніямъ, я въ упомянутомъ выше циркулярномъ предложеніи моемъ отъ 31-го іюля 1872 года заявилъ, что всѣ подобныя соображенія будутъ приняты министерствомъ во вниманіе въ видахъ постепеннаго улучшенія учебныхъ плановъ, такъ чтобы путемъ указаній опыта и при участіи всего педагогическаго состава нашихъ гимназій и прогимназій былъ мало по малу выработанъ по каждому предмету наиболѣе нормальный учебный планъ.

Сверхъ того, по наступленіи новаго 18^{72/73} учебнаго года, я счелъ за должное обратить вниманіе учебныхъ начальствъ на возможно лучшее устройство учебной части во вѣренныяхъ имъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, принявъ при этомъ за правило: 1) чтобы если на какой-либо предметъ назначено не болѣе шести уроковъ въ недѣлю, то на этотъ предметъ были назначаемы въ одномъ и томъ же классѣ не болѣе одного урока въ день, и 2) чтобы по днямъ недѣли предметы были распредѣляемы въ каждомъ классѣ по возможности такъ, чтобы въ каждый день болѣе легкіе предметы слѣдовали за болѣе трудными или же перемежались съ ними, и чтобы болѣе трудные предметы были назначаемы по возможности на первые уроки. Изъ доставленныхъ мнѣ еще въ октябрѣ 1872 года свѣдѣній оказывается, что правила эти почти вездѣ были выполнены надлежащимъ образомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были мною преподаны правила относительно распредѣленія числа уроковъ и самихъ классовъ между преподавателями предметовъ, по коимъ назначено по нѣскольку лицъ на каждый предметъ. Я руководствовался въ этомъ случаѣ тѣми видами, чтобы каждый преподаватель, по возможности, могъ сосредоточить свою дѣятельность въ одномъ учебномъ заведеніи, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ начинающимъ преподавателямъ было назначаемо на первыхъ порахъ сравнительно меньшее число уроковъ, и чтобы распредѣленіе классовъ между преподавателями было строго соображено съ ихъ способностями, индивидуальными особенностями и съ пользами какъ ихъ самихъ, такъ и въ особенности ихъ учениковъ.

Я обратилъ также вниманіе учебныхъ начальствъ на необходи-

мость сколь можно осторожнѣе пользоваться на дѣлѣ § 56-мъ новаго устава гимназій (о соединеніи преподаванія нѣсколькихъ предметовъ въ рукахъ одного и того же преподавателя, а равно и о раздѣленіи преподаванія одного и того же предмета въ одномъ и томъ же классѣ между двумя преподавателями) и предварительно тщательно удостовѣриться, можетъ ли преподаватель съ пользою преподавать другой предметъ, котораго онъ не преподавалъ прежде. Какъ ни благодѣтельно сосредоточеніе преподаванія нѣсколькихъ предметовъ въ классѣ въ рукахъ одного и того же учителя, но прежде всего необходимо, чтобъ этотъ учитель владѣлъ вполне каждымъ изъ ввѣренныхъ ему предметовъ по меньшей мѣрѣ въ томъ объемѣ, который соответствуетъ классу. Можно надѣяться, что требованіе это, неоднократно мною заявлявшееся и лично попечителямъ учебныхъ округовъ и повторенное въ циркулярномъ моемъ предложеніи отъ 21-го августа 1872 года, было съ начала новаго учебнаго года въ точности приведено въ исполненіе. Изъ свѣдѣній, относящихся ко всѣмъ 87-ми гимназіямъ и 23-мъ прогимназіямъ учебныхъ округовъ, состоящихъ на общемъ положеніи, оказывается, что, не считая обычнаго и прежде соединенія преподаванія математики и физики, географіи и исторіи, 138 преподавателей имѣли уроки, по большей части въ однихъ и тѣхъ же классахъ, по греческому и латинскому языкамъ, 150—по русскому и латинскому (преимущественно въ низшихъ двухъ классахъ) и 4—по греческому и русскому языкамъ вмѣстѣ; нѣкоторые отдѣльные преподаватели, сверхъ того, соединяли преподаваніе географіи и математики въ нѣкоторыхъ классахъ, исторіи и русскаго языка, исторіи и одного изъ древнихъ языковъ; но это почти единичные случаи.

Высочайше утвержденный 30-го іюля 1871 года уставъ гимназій, также какъ и прежній, сдѣлалъ лишь одинъ изъ двухъ новыхъ иностранныхъ языковъ обязательнымъ для учениковъ и, сверхъ того, ввѣнилъ учебному начальству въ обязанность разрѣшать обученіе обоимъ новымъ иностраннымъ языкамъ только тѣмъ ученикамъ, которые успѣваютъ въ обязательныхъ предметахъ. Правило это требовало болѣе точнаго примѣненія на дѣлѣ, о чемъ мною и было подтверждено учебнымъ начальствомъ. По свѣдѣніямъ за вторую половину 1872 года, изъ 23.900 учениковъ, находившихся въ тѣхъ классахъ, въ коихъ положено обученіе новымъ иностраннымъ языкамъ, 7.171 (или 30%) обучались имъ обоимъ, 8.704 (или 36,4%)—только нѣмецкому и 8.026—только французскому языку. Такъ какъ въ гимназіяхъ, а равно и въ классахъ, въ коихъ еще не преподается греческій языкъ, оба новые

иностранные языка обязательны, то для болѣе вѣрныхъ заключеній по настоящему предмету необходимо принять во вниманіе лишь тѣ гимназіи и классы, въ коихъ введено преподаваніе греческаго языка. Со второй половины 1872 года, число гимназій, въ коихъ греческій языкъ преподается во всѣхъ положенныхъ для того классахъ, возрасло до 36 (въ 1871 году ихъ было 30); затѣмъ въ 2-хъ гимназіяхъ (Житомирской и Астраханской) греческій языкъ не былъ еще доведенъ только до VII класса; въ 37-ми гимназіяхъ онъ преподавался въ трехъ классахъ (III, IV и V), и наконецъ, преподаваніе его было вновь введено въ отчетномъ году въ 5-ти гимназіяхъ (Вяземской, Нижегородскомъ Александровскомъ институтѣ, Новочеркасской, Усть-Медвѣдицкой и Иркутской) только въ III и IV классахъ, такъ что изъ 87-ми гимназій (не считая здѣсь Дерптскаго и Варшавскаго округовъ) греческій языкъ вовсе не преподавался еще лишь въ 7-ми гимназіяхъ (изъ коихъ 3 въ Сибири, 2 вновь преобразованныя изъ реальныхъ въ Архангельскѣ и Николаевѣ и 2, въ коихъ еще не открытъ III классъ, съ котораго начинается преподаваніе греческаго языка), а изъ прогимназій только въ Якутской. Если принять во вниманіе тѣ гимназіи и прогимназіи и тѣ ихъ классы, въ коихъ греческій языкъ уже преподается, а равно и предшествующій имъ II классъ каждой такой гимназіи и прогимназіи, то окажется, что изъ 21.526 учениковъ этихъ учебныхъ заведеній и этихъ ихъ классовъ, для которыхъ не обязательно изученіе обоихъ новыхъ иностранныхъ языковъ, обучались имъ обоемъ 4.500 человекъ или 21%. Какъ ни желательно изученіе обоихъ новыхъ иностранныхъ языковъ нашими гимназистами, но необходимо прежде всего, чтобы какъ въ этихъ предметахъ, такъ и особенно во всѣхъ предметахъ общеобязательныхъ, былъ достигаемъ дѣйствительный успѣхъ, а это возможно лишь подъ условіемъ, чтобы менѣе способные и менѣе подготовленные ограничивались изученіемъ лишь одного изъ новыхъ иностранныхъ языковъ.

Что касается до другаго, еще менѣе обязательнаго предмета, именно до черченія и рисованія, которымъ ученики обучаются за весьма умѣренную плату, то обученіе это производилось во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, и число учащихся въ началѣ новаго учебнаго года простиралось въ общей сложности до 6.034 человекъ, что составляетъ также около 21% всего числа учащихся (безъ приготовительнаго класса). Къ сожалѣнію, число это всегда значительно уменьшается къ концу учебнаго года, когда ученики болѣе или ме-

нѣе бываютъ озабочены приготовленіемъ своимъ къ экзаменамъ. Принимать мѣры строгости въ этомъ случаѣ едва-ли было бы удобно, ибо это могло бы отвратить и вообще отъ желанія обучаться этимъ искусствамъ: предпочтительнѣе дѣйствовать убѣжденіями какъ на учениковъ, такъ и на ихъ родителей, и въ особенности обратить вниманіе на то, чтобы преподаватели черченія и рисованія вели свое преподаваніе сколь можно рациональнѣе, дабы плоды этого ученія были для всѣхъ оцутительны.

Обеспечить успѣшность преподаванія всѣхъ вообще предметовъ гимназическаго курса можно только соответственнымъ выборомъ какъ самихъ преподавателей, такъ и лицъ, коимъ ввѣряется управленіе учебными заведеніями и наблюденіе за ходомъ учебно-воспитательной въ нихъ части. Въ настоящее время, послѣ того, какъ въ продолженіе почти цѣлаго двадцатилѣтія важнѣйшій предметъ гимназическаго курса—древніе языки,—былъ въ совершенномъ небреженіи, необходима особливая заботливость о томъ, чтобы этотъ предметъ былъ поставленъ какъ слѣдуетъ во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Имперіи. Поэтому я не могъ не обратить вниманія на то, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ округахъ въ числѣ окружныхъ инспекторовъ, коимъ главнѣйше ввѣряется наблюденіе за ходомъ учебно-воспитательной части, не состоитъ ни одного лица, которому, судя по роду его образованія и дальнѣйшихъ занятій, могло бы быть ввѣряемо наблюденіе за состояніемъ преподаванія древнихъ языковъ и попеченіе о надлежащемъ преусиленіи этой важнѣйшей части гимназическаго обученія, и счелъ своимъ долгомъ предложить попечителямъ учебныхъ округовъ, при будущихъ назначеніяхъ окружныхъ инспекторовъ, озаботиться устраненіемъ столь существеннаго недостатка и наблюдать, чтобы хотя одинъ изъ окружныхъ инспекторовъ былъ вполне свѣдущъ въ древнихъ языкахъ и спеціально знакомъ съ ихъ преподаваніемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ преимущественно таковому и надлежитъ поручать ревизію ихъ въ учебномъ отношеніи. Изъ нѣкоторыхъ фактовъ, относящихся, впрочемъ, уже къ 1873 году, усматривается, что попечители учебныхъ округовъ приняли это указаніе къ надлежащему руководству.

Въ томъ же циркулярномъ моемъ предложеніи (отъ 6-го марта 1872 года) я разъяснилъ, что окружные инспекторы должны быть избираемы непременно изъ лицъ съ высшимъ научнымъ образованіемъ, что тамъ, гдѣ имѣется нѣсколько окружныхъ инспекторовъ, учебныя заведенія, какъ правительственныя, такъ и частныя, должны

быть ввѣряемы ихъ инспекціи съ распредѣленіемъ оныхъ между ними по самому роду ихъ курса, такъ чтобы ближайшему наблюденію и попеченію одного инспектора ввѣрялись гимназіи и близкія къ нимъ по курсу учебныя заведенія, реальныя же и другія мужскія и женскія училища другому и т. д., и наконецъ, чтобы посѣщеніе правительственныхъ учебныхъ заведеній окружными инспекторами не было мѣрою исключительною, какъ бывало во многихъ округахъ доселѣ, а мѣрою, входящею въ кругъ обыкновенныхъ явленій, но чтобы при этихъ посѣщеніяхъ окружные инспекторы ограничивались преимущественно собираемъ наблюдений надъ состояніемъ учебно-воспитательнаго дѣла или какой-либо отрасли обученія, а мѣры къ улучшенію принимались бы попечителями учебныхъ округовъ по обсужденію въ попечительскихъ совѣтахъ всѣхъ данныхъ, собранныхъ окружнымъ инспекторомъ.

Въ какой мѣрѣ необходимо, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, содѣйствіе окружныхъ инспекторовъ, между прочимъ, и для обезпеченія успѣшности преподаванія древнихъ языковъ, доказательствомъ тому можетъ служить С.-Петербургскій округъ, и особенно С.-Петербургскія гимназіи, въ которыхъ съ тѣхъ поръ, какъ всѣ три окружные инспектора назначены изъ лицъ вполне свѣдущихъ въ древнихъ языкахъ, и какъ они стали, со второй половины 1871 года, постоянно посѣщать гимназіи, самый составъ преподавателей древнихъ языковъ значительно улучшился устраненіемъ тѣхъ, которые оказались мало способными или мало свѣдущими, и замѣной ихъ преподавателями болѣе соответствующими своему назначенію, вслѣдствіе чего преподаваніе древнихъ языковъ пошло несравненно успѣшнѣе.

Назначеніе хотя бы одного изъ окружныхъ инспекторовъ изъ лицъ, вполне свѣдущихъ въ древнихъ языкахъ, тѣмъ болѣе важно, что въ настоящее время изъ 87 гимназій, которыя имѣются здѣсь въ виду, въ 30-ти (что составляетъ болѣе одной трети всего числа) ни директоръ, ни инспекторъ не принадлежатъ къ числу лицъ, специально свѣдущихъ въ древнихъ языкахъ, какъ то можно заключить изъ того обстоятельства, что они не взяли на себя преподаванія котораго-либо изъ этихъ языковъ, и что только въ 13-ти гимназіяхъ и директоръ, и инспекторъ занимаются преподаваніемъ древнихъ языковъ. Вышеупомянутыя 30 гимназій очевидно, должны подлежать особенно тщательному наблюденію окружныхъ инспекторовъ, вполне свѣдущихъ въ древнихъ языкахъ, дабы обезпечить успѣшность преподаванія этого важнѣйшаго предмета гимназическаго курса.

Къ сожалѣнію, нынѣ положеніе окружныхъ инспекторовъ такъ мало обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, что присканіе вполнѣ пригодныхъ для этой должности лицъ представляетъ большія затрудненія. По существу своей должности стоя если не выше, то во всякомъ случаѣ не ниже директора, и имѣя весьма многосложныя и трудныя занятія, окружные инспекторы въ сущности значительно менѣе обезпечены сравнительно не только съ директорами, но даже и съ инспекторами. Съ своей стороны, я считаю дѣломъ совершенной необходимости войти съ представленіемъ въ государственный совѣтъ объ улучшеніи положенія окружныхъ инспекторовъ, такъ чтобы въ эту должность могли быть назначаемы лучшіе и опытнѣйшіе изъ директоровъ гимназій, что вполнѣ соотвѣтствовало бы характеру и значенію этой должности.

Но какъ бы ни былъ бдителенъ надзоръ окружныхъ инспекторовъ, и какъ бы ни былъ удаченъ выборъ этихъ должностныхъ лицъ, очевидно, что душой учебнаго заведенія будетъ всегда ближайшій и непосредственный его распорядитель—директоръ въ гимназіяхъ и инспекторъ въ прогимназіяхъ. На вполнѣ соотвѣтственный выборъ этихъ должностныхъ лицъ, отъ которыхъ болѣе всего зависитъ успѣшная дѣятельность ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній, и на которыхъ и самый уставъ въ § 41 возлагаетъ полную отвѣтственность по всѣмъ частямъ благоустройства заведенія, постоянно было мною обращено самое заботливое вниманіе попечителей учебныхъ округовъ, и я могу засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что какъ попечители учебныхъ округовъ, такъ и центральное управленіе министерства народнаго просвѣщенія, руководствуются при всякомъ новомъ назначеніи или утвержденіи въ должности этихъ лицъ величайшею осмотрительностію. Въ отчетномъ году было назначено 14 новыхъ директоровъ гимназій (изъ нихъ двое въ двухъ открытыхъ вновь гимназіяхъ), двое исправлявшихъ должность директора утверждены въ своихъ должностяхъ, и двое перемѣщены одинъ на мѣсто другаго. Изъ 14 директоровъ, вновь назначенныхъ, 11 могли взять на себя уроки по древнимъ языкамъ, и притомъ 7 въ высшихъ классахъ, и только 3 должны были ограничиться преподаваніемъ какихъ-либо другихъ не столь существенныхъ предметовъ гимназическаго курса.

Вообще участіе директоровъ и инспекторовъ въ преподаваніи предметовъ гимназическаго курса, согласно съ постановленіями новаго устава гимназій (§§ 44 и 48), значительно усилилось въ отчетномъ

году сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, такъ что въ 1872 году было лишь 6 директоровъ и 3 инспектора гимназій, которые вовсе не имѣли уроковъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ (въ 1871 г. число такихъ директоровъ было 13); затѣмъ изъ 78 директоровъ 40 (47, 6⁰/₁₀₀ всего числа) и изъ 99 инспекторовъ 38 (37⁰/₁₀₀) принимали участіе въ преподаваніи древнихъ языковъ однихъ или въ соединеніи съ русскимъ языкомъ, 12 директоровъ и 9 инспекторовъ преподавали русскій языкъ и словесность, 15 директоровъ и 22 инспектора—исторію или географію, или оба эти предмета вмѣстѣ, 10 директоровъ и 26 инспекторовъ—математику и физику или какой-либо одинъ изъ этихъ предметовъ и наконецъ 1 директоръ—французскій языкъ и 4 инспектора—нѣмецкій языкъ. Общее число уроковъ директоровъ простиралось до 544, а инспекторовъ—до 812, что въ среднемъ выводѣ на одного директора даетъ почти по 7 уроковъ и на 1 инспектора отъ 7 до 8 (7,6), при чемъ число уроковъ директоровъ по древнимъ языкамъ простирается до 335 (61¹/₂⁰/₁₀₀ всего числа даваемыхъ ими уроковъ и по 8³/₈ урока на cadaго), а число уроковъ инспекторовъ по древнимъ языкамъ — до 412 (50,7⁰/₁₀₀ всего числа ихъ уроковъ и по 9¹/₂ урока на cadaго). Такимъ образомъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ возрасло и число преподавателей вообще, и преподавателей древнихъ языковъ въ особенности, изъ среды директоровъ и инспекторовъ гимназій и прогимназій, и число даваемыхъ ими уроковъ. Привлеченіе директоровъ и инспекторовъ къ преподаванію, впервые введенное у насъ новымъ уставомъ, благотворно еще и въ томъ отношеніи, что даетъ возможность назначать въ эти должности наилучшихъ и достойнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ преподавателей безъ опасенія ослабить чрезъ то преподавательскія силы учебныхъ заведеній.

На основаніи §§ 44 и 48 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій, директора и инспекторы сихъ заведеній обязаны давать уроки по предметамъ ихъ специальности, но число этихъ уроковъ не должно быть болѣе 12 въ недѣлю на cadaго. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ оказывалось иногда затрудненіе прискивать тотчасъ же на открывающіяся вакансіи исполнѣ достойныхъ преподавателей древнихъ языковъ. Въ виду сего и въ видѣ временной мѣры испрошено было 20-го сентября 1872 года Высочайшее Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе преподавать директорамъ и инспекторамъ древніе языки и въ большемъ числѣ уроковъ, съ тѣмъ однако же, чтобы въ случаѣ

присканія учителя, число уроковъ, даваемыхъ директоромъ или инспекторомъ, было приводимо немедленно въ законную норму. Мѣра эта, при назначеніи въ директоры и инспекторы лицъ, свѣдущихъ въ древнихъ языкахъ, предотвратитъ на будущее время даже и временный перерывъ или ослабленіе въ преподаваніи этого важнѣйшаго предмета гимназическаго курса.

До какой степени необходима строгая экономія къ употребленію у насъ преподавательскихъ силъ, можно видѣть изъ того, что положенный штатами гимназій комплектъ преподавателей далеко не выполненъ, и въ 1872 году число вакантныхъ преподавательскихъ должностей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ противъ 1871 г. возрасло на 20 (съ 131 до 151), при чемъ число вакантныхъ должностей по математикѣ увеличилось съ 7 до 15, по исторіи и географіи съ 6 до 19 и по русскому языку и словесности съ 22 до 26, но за то по древнимъ языкамъ уменьшилось съ 70 до 56, такъ что число вакантныхъ должностей по этой части въ 1871 г. составляло 53,4%, а въ 1872 году уже всего 39,4% общаго числа вакантныхъ учительскихъ должностей. Это процентное отношеніе почти сравнялось съ процентнымъ отношеніемъ самаго числа наличныхъ преподавателей древнихъ языковъ (433) къ общему числу преподавателей гимназій и прогимназій (1213, не считая директоровъ, инспекторовъ, законоучителей и учителей искусствъ), которое равно 35,6%. Впрочемъ изъ числа вакантныхъ должностей противъ штатнаго комплекта нельзя выводить заключенія о томъ, чтобы та или другая часть гимназическаго преподаванія была или ослаблена, или даже вовсе прекращена. Въ весьма многихъ случаяхъ директоры тѣхъ гимназій, въ коихъ нѣтъ или мало параллельныхъ отдѣленій, находятъ возможнымъ и даже предпочитаютъ обходиться съ меньшимъ числомъ преподавателей противъ штатнаго положенія, ибо въ такихъ случаяхъ каждый изъ преподавателей получаетъ большее число уроковъ и исключительное принадлежитъ одному учебному заведенію, что дѣйствительно представляетъ многія и весьма важныя удобства. Такъ, между прочимъ, при участіи директоровъ и инспекторовъ въ преподаваніи древнихъ языковъ, во многихъ гимназіяхъ оказывается возможность имѣть не четырехъ, какъ положено штатами, а лишь трехъ преподавателей этихъ предметовъ. Съ другой стороны, преподавательская должность показывается вакантною и въ томъ случаѣ, когда занимающій оную еще не утвержденъ въ ней по какому-либо причинамъ и исполняетъ ее временно по найму. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывался

дѣйствительный недостатокъ въ учителяхъ, преподаваніе соответственныхъ предметовъ распредѣлялось между наличными преподавателями, нерѣдко съ присоединеніемъ къ нимъ и постороннихъ лицъ, приглашавшихся лишь временно къ преподаванію по найму.

Если число вакантныхъ должностей по древнимъ языкамъ въ отчетномъ году значительно уменьшилось, то этимъ министерство народнаго просвѣщенія преимущественно обязано Императорскому Историко-филологическому институту, который въ 1872 г. далъ нашимъ гимназіямъ 17 учителей древнихъ языковъ (изъ коихъ 9 окончили курсъ по разряду древнихъ языковъ, 7 по разряду исторіи и 1 по разряду русскаго языка и словесности) и учительскому институту славянскихъ стипендіатовъ, который далъ 22 учителей исключительно по древнимъ языкамъ.

Выборъ въ стипендіаты славянскаго учительскаго института обставленъ всевозможными ручательствами какъ за хорошее научное образованіе этихъ лицъ, такъ и за полную ихъ благонадежность въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, ибо удостоиваются выбора только тѣ, которые окончили съ полнымъ успѣхомъ (въ особенности же по древнимъ языкамъ) не только гимназическій, но и университетскій курсъ, въ бытность свою въ университетѣ подвергались съ полнымъ успѣхомъ испытаніямъ изъ предметовъ классической филологіи, участвовали въ филологическихъ семинаріяхъ, существующихъ при заграничныхъ университетахъ, и сверхъ того, представили вполне одобрительныя свидѣтельства отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, относительно безукоризненной своей нравственности. Большинство опредѣленныхъ нынѣ преподавателей изъ числа западныхъ Славянъ были уже у себя на родинѣ преподавателями и представили самыя лучшія аттестаціи отъ своихъ бывшихъ директоровъ. Многие прибыли къ намъ, имѣя дипломы на степень доктора философіи—Вѣнскаго, Пражскаго, Лейпцигскаго или другихъ университетовъ; другіе—имѣя отличныя свидѣтельства о выдержаніи ими испытанія на званіе учителя древнихъ языковъ, испытанія несравненно болѣе труднаго и серьезнаго въ Австріи, нежели какое установлено у насъ въ Россіи, и въ 1872 г. былъ случай поступленія въ означенный институтъ одного бывшаго въ Пештѣ директора гимназіи и члена испытательной комиссіи на званіе учителя древнихъ языковъ. Во время пребыванія ихъ въ С.-Петербургѣ, продолжающагося среднимъ числомъ около года для каждаго, употребляются всѣ мѣры для усвоенія ими русскаго языка, при чемъ надлежитъ принять во часть СЛХХІІІ, отд. 1.

вниманіе, что весьма многие изъ нихъ сами природные Русскіе изъ Галиціи или Венгріи (Карпаторуссы), другіе же, предварительно прибытія своего въ Россію, занимались у себя на родинѣ изученіемъ русскаго языка, и что вообще никто изъ нихъ не опредѣляется въ учителя нашихъ гимназій безъ удостовѣренія министерства, что они въ состояніи преподавать древніе языки на языкѣ русскомъ, и по большей части, безъ предварительнаго формальнаго испытанія при С.-Петербургскомъ или Московскомъ университетахъ, какъ въ русскомъ языкѣ, русской исторіи и географіи, такъ и во всѣхъ предметахъ классической филологіи. Притомъ же, по свидѣтельству всѣхъ попечителей учебныхъ округовъ, если нѣкоторые изъ нихъ при началѣ своего учительскаго поприща и встрѣчаютъ нѣкоторое затрудненіе въ русскомъ языкѣ, то при чрезвычайно добросовѣстномъ приготовленіи своемъ къ каждому уроку они дѣлаютъ недостатокъ этотъ по возможности мало чувствительнымъ для своихъ учениковъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе освобождаются отъ этого недостатка. Что же касается до усердія ихъ къ преподавательскимъ своимъ обязанностямъ, то всѣ попечители учебныхъ округовъ единогласно свидѣтельствуютъ, что они принадлежатъ къ числу преподавателей, наименѣе манкирующихъ и наименѣе опаздывающихъ на свои уроки, и даже напротивъ всегда съ большою готовностію занимаются съ классами, въ которыхъ отсутствуетъ тотъ или другой преподаватель. Весьма многие изъ нихъ охотно и съ большою пользою для дѣла принимаютъ на себя обязанности воспитателей въ гимназическихъ пансіонахъ; другіе, получивъ сами хорошее музыкальное образованіе, съ успѣхомъ обучаютъ учениковъ, сверхъ ввѣренныхъ имъ предметовъ, пѣнію церковному и свѣтскому, а нѣкоторые—и гимнастикѣ. Наконецъ, нѣкоторые, не смотря на недавность своего пребыванія въ Россіи, обогатили русскую учебную литературу по древнимъ языкамъ весьма полезными трудами, которыхъ въ будущемъ можно ожидать отъ нихъ въ значительно большихъ размѣрахъ, коль скоро трудности русскаго языка будутъ вполнѣ ими побѣждены. Говоря вообще, въ этихъ Славянскихъ-филологахъ наше учительское сословіе приобрѣло себѣ весьма полезный элементъ, котораго ему въ настоящее время отчасти не достаетъ,—именно людей, прошедшихъ правильную европейскую школу и притомъ школу вполнѣ основательную и строгую, преданныхъ своему дѣлу и долгу, неослабно-твердыхъ въ исполненіи своихъ обязанностей, хорошо знакомыхъ съ европейскими школьными порядками и много содѣйствующихъ водворенію ихъ и у насъ.

Въ послѣднемъ годичномъ отчетѣ своею попечители нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ обращаютъ мое вниманіе на отлично-усердное и вполне успѣшное преподаваніе нѣкоторыми преподавателями различныхъ предметовъ, а въ томъ числѣ и древнихъ языковъ, и между послѣдними преподавателями весьма видное мѣсто принадлежитъ преподавателямъ изъ западныхъ Славянъ. Такъ, изъ 17-ти отличнѣйшихъ преподавателей древнихъ языковъ попечитель Московскаго учебнаго округа поименовываетъ 10 западныхъ Славянъ (въ томъ числѣ троихъ Чеховъ); изъ 19-ти такихъ же преподавателей Харьковскаго учебнаго округа—11-ть западныхъ Славянъ (въ томъ числѣ 9-ть Чеховъ); изъ 13-ти Одесскаго учебнаго округа—4 западныхъ Славянъ. Въ прочихъ округахъ, въ коихъ Славянъ менѣе, къ числу отличнѣйшихъ преподавателей древнихъ языковъ отнесены: въ Казанскомъ 12 (1 Чехъ), въ Виленскомъ 11. По С.-Петербургскому и Кіевскому округамъ подобныхъ свѣдѣній не представлено. Къ этимъ даннымъ считаю долгомъ присовокупить, что весьма многіе изъ западныхъ Славянъ принимаютъ, какъ только нѣсколько освоятся съ новымъ своимъ положеніемъ, русское подданство и даже православное исповѣданіе.

Тѣмъ не менѣе министерство народнаго просвѣщенія смотритъ на славянскій учительскій институтъ только какъ на временное, хотя и въ высшей степени полезное учрежденіе, и отъ души желало бы, чтобы въ немъ какъ можно скорѣе прекратилась необходимость, дабы Россія въ дѣлѣ своего просвѣщенія могла стать вполне независимою и не нуждалась болѣе по предмету такой существенной важности, какъ древніе языки, ни въ чьей сторонней помощи, хотя бы и своихъ ближайшихъ соплеменниковъ. Эта цѣль и будетъ достигнута, какъ только предпринятая нынѣ учебная реформа поставитъ наши гимназіи на подобающую имъ высоту.

Какъ велика вообще потребность въ учителяхъ, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ. Высочайше утвержденнымъ 30-го іюля 1871 года уставомъ гимназій и прогимназій установлены различные оклады жалованья для учителей этихъ учебныхъ заведеній за 12 уроковъ въ недѣлю, и между прочимъ обладъ въ 750 руб. для тѣхъ изъ нихъ, кои только что начинаютъ свою учебную службу. Изъ свѣдѣній, относящихся къ началу 1872/73 учебнаго года, оказывается, что такихъ преподавателей наукъ и языковъ состояло къ началу втораго учебнаго года по утвержденіи новаго устава 517 изъ общаго числа 1.213 (или 42,6⁹/₁₀), при чемъ наибольшее число такихъ начинающихъ преподавателей приходится на долю древнихъ языковъ и

совмѣстно съ ними преподаваемаго языка русскаго, именно 306 изъ 433 (70,8%), затѣмъ на долю математики съ физикой—99 изъ 221 (44,8%), исторіи и географіи—58 изъ 144 (40,3%), русскаго языка, отдѣльно преподаваемаго отъ древнихъ, 20 изъ 96 (20,8%), и наконецъ, французскаго языка 19 изъ 126 (15%) и нѣмецкаго—15 изъ 121 (12,4%).

Въ виду столь значительнаго числа преподавателей, получающихъ наименьшій окладъ жалованья, казалось бы возможнымъ въ болѣе значительной мѣрѣ увеличить число преподавателей заслуженныхъ, то-есть, получающихъ одинъ изъ двухъ высшихъ окладовъ жалованья (1.250 и 1.500 руб.); но окружныя начальства и въ отчетномъ году были въ этомъ отношеніи столь же осторожны, какъ и въ предшествовавшемъ, такъ что къ прежнему числу 29-ти заслуженныхъ преподавателей прибавилось вновь только 37, и общее число заслуженныхъ преподавателей дошло только до 66-ти. Отдавая должную справедливость такой осмотрительности въ назначеніи высшихъ окладовъ содержанія, я тѣмъ не менѣе считаю долгомъ обратить вниманіе окружныхъ начальствъ на то, чтобъ они въ болѣе значительныхъ размѣрахъ пользовались возможностью улучшать матеріальное положеніе тѣхъ изъ преподавателей, которые при относительномъ старшинствѣ своей службы въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи приносятъ ему наибольшую пользу своею дѣятельностью въ качествѣ преподавателей и классныхъ наставниковъ, хотя бы число лѣтъ ихъ учебной службы само по себѣ и не было очень велико.

Въ отчетномъ году я счелъ за должное, по поводу нѣкоторыхъ назначеній высшихъ окладовъ жалованья, обратить вниманіе окружныхъ начальствъ 1) на то, что на эту новую льготу, при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ, имѣютъ преимущественное право тѣ изъ преподавателей, которые съ истинною пользою исполняютъ обязанности какъ преподавателей, такъ и классныхъ наставниковъ; 2) что надлежитъ предоставлять высшій окладъ лишь тѣмъ преподавателямъ отъ коихъ, въ ближайшемъ по крайней мѣрѣ времени, можно еще ожидать существенной пользы для учебнаго заведенія; 3) что нельзя не обращать при этомъ вниманія на сравнительную важность предметовъ преподаванія и на назначенное соответственно сему число уроковъ на каждый изъ нихъ, уже и потому, что изъ двухъ преподавателей, равно достойныхъ, конечно, тотъ приноситъ учебному заведенію наибольшую пользу, кто имѣетъ въ немъ наибольшее число уроковъ и притомъ по важнѣйшимъ предметамъ, и 4) что при на-

значеніи преподавателей новыхъ иностранныхъ языковъ на высшіе оклады, необходимо всякій разъ обращать вниманіе, получили ли эти преподаватели свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, ибо иначе и то уже составляетъ немаловажную для нихъ льготу, что они, не имѣя высшаго университетскаго образованія, уравнины во всѣхъ другихъ правахъ своихъ съ преподавателями, отъ которыхъ требуется университетское образованіе или соотвѣтственное оному испытаніе на званіе учителя.

Собственно въ отчетномъ году наибольшее число назначеній высшихъ окладовъ состоялось въ Харьковскомъ учебномъ округѣ (15), затѣмъ въ Киевскомъ (11) и въ С.-Петербургскомъ (5); въ Московскомъ ихъ было 3, въ Казанскомъ и Виленскомъ по 2 и въ Одескомъ ни одного.

Относительно общаго числа преподавателей (1.213) преподаватели заслуженные составляютъ всего 5,4%. По предметамъ они распредѣляются такъ: 25 по древнимъ языкамъ и совмѣстно съ ними преподаваемому русскому языку, 22—по математикѣ съ физикой, 6—по исторіи и географіи, столько же по французскому языку, 5—по русскому языку и 2—по нѣмецкому. По отношенію къ наличному числу преподавателей по каждому изъ этихъ предметовъ, всѣ эти числа близко подходят къ среднему процентному отношенію (5,4%): замѣтное исключеніе составляютъ заслуженные преподаватели математики и физики, которые представляютъ собою почти 10% всего наличнаго числа преподавателей этихъ предметовъ, и нѣмецкаго языка, изъ коихъ всего 1,8%, а отчасти исторіи и географіи, изъ коихъ 4% пользуются однимъ изъ высшихъ окладовъ жалованья.

Въ прошлогоднемъ отчетѣ моемъ были изложены нѣкоторыя замѣченныя мною въ 13-ти гимназіяхъ и 1-й прогимназіи уклоненія отъ предписаній устава относительно вновь введеннаго имъ института классныхъ наставниковъ. Эти уклоненія вызвали съ моей стороны вновь разъясненіе сущности этого новаго еще у насъ дѣла, при чемъ я особенно указалъ на необходимость сообразоваться съ § 61 устава относительно назначенія въ классные наставники того преподавателя, который въ данномъ классѣ имѣетъ наибольшее число уроковъ, хотя бы онъ и не принадлежалъ къ старшимъ преподавателямъ своего класса; сверхъ того, я допустилъ, при соблюденіи этого условія, назначеніе одного и того же преподавателя, въ случаѣ необходимости, класснымъ наставникомъ въ двухъ классахъ или двухъ отдѣленіяхъ одного и того же класса; въ особенности же обратилъ

вниманіе на то, что отъ классныхъ наставниковъ слѣдуетъ требовать сколько можно менѣе всякаго рода формальностей и напротивъ сколько можно болѣе дѣйствительнаго наблюденія за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ классѣ и содѣйствія умственному и нравственному преуспѣянію учениковъ, каковая задача существенной важности значительно облегчается для преподавателя, имѣющаго въ классѣ наибольшее число уроковъ.

Въ отчетномъ году собственно только въ одной гимназій Архангельской институтъ классныхъ наставниковъ вовсе не былъ введенъ по той причинѣ, что въ августѣ этого года упомянутая гимназія, согласно съ желаніемъ мѣстнаго общества, была преобразована изъ реальной по уставу 30-го іюля 1871 года, и на первыхъ порахъ не всѣ учителя были опредѣлены въ своей должности; затѣмъ въ нѣкоторыхъ классахъ Красноярской, Астраханской, вновь открытой Лубенской и Усть-Медвѣдицкой гимназій, а также Нижегородскаго Александровскаго института, оставались еще надзиратели въ замѣнъ классныхъ наставниковъ изъ преподавателей; во всѣхъ же прочихъ учебныхъ заведеніяхъ предписанія устава были выполнены, при чемъ лишь немногимъ преподавателямъ пришлось поручить по два класса въ качествѣ классныхъ наставниковъ. Такихъ преподавателей было всего 21, такъ что 648 классовъ были ввѣрены 627 преподавателямъ. Изъ нихъ 326 преподавали во ввѣренныхъ имъ 344 классахъ древніе языки отдѣльно или въ соединеніи съ другими предметами, преимущественно съ русскимъ языкомъ, 132 состояли преподавателями математики съ физикой, 62—преподавателями исторіи и географіи или каждаго изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности, 52—русскаго языка и наконецъ 21 и 20—французскаго и нѣмецкаго языковъ. Такъ какъ преподаватели древнихъ языковъ имѣютъ въ своихъ классахъ наибольшее число уроковъ, и болѣе половины всего числа классныхъ наставниковъ (53,8%) были назначены въ отчетномъ году именно изъ этихъ преподавателей, то такимъ образомъ предписаніе § 61 устава въ этомъ году было исполнено съ гораздо большею точностью, нежели въ предыдущемъ.

Попечители учебныхъ округовъ свидѣтельствуютъ въ своихъ отчетахъ, что нынѣ институтъ классныхъ наставниковъ получилъ болѣе правильную постановку и начинаетъ приносить все большую пользу. Такъ, попечитель Казанскаго учебнаго округа сообщаетъ, что „дѣти, видя, съ какимъ горячимъ участіемъ многіе классные наставники заботятся о нихъ, вниются предъ ними во всѣхъ своихъ погрѣшно-

стяхъ, совѣтуются съ ними, какъ исправить дѣло, прибѣгаютъ къ нимъ въ случаѣ возникающихъ между ними несогласій или непосильнаго стеченія къ одному времени домашнихъ работъ и чрезъ нихъ же обращаются въ начальству заведенія въ своихъ даже житейскихъ потребностяхъ, сообщая со всею откровенностью факты изъ своей домашней жизни. Во многихъ гимназіяхъ, преимущественно воспитанники, живущіе въ городѣ безъ родителей, смотрятъ на своихъ классныхъ наставниковъ, какъ на лицъ, заступающихъ мѣсто родителей. Въ теченіе года квартиры учениковъ, въ особенности живущихъ не у своихъ родителей, неоднократно были осматрѣны классными наставниками. Въ низшихъ классахъ многіе изъ нихъ просто учили дѣтей, какъ надо готовить уроки, а въ высшихъ разъясняли ученикамъ, на что болѣе слѣдуетъ обращать свои домашнія занятія. Относительно выбора книгъ для чтенія ученикамъ неоднократно подвергается былъ обсужденію классныхъ комиссій вопросъ о средствахъ наибольшаго вліянія въ этомъ отношеніи классныхъ наставниковъ на ихъ учениковъ“.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа съ своей стороны замѣчаетъ, что „институтъ классныхъ наставниковъ, не смотря на кратковременное свое существованіе, принялся окончателно на почвѣ гимназій и прогимназій округа и сдѣлался для нихъ уже необходимою: результаты его оказываются уже полезными, а скоро, даже не въ далекомъ будущемъ, слѣдуетъ ожидать отъ него самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ въ дѣлѣ гимназическаго воспитанія и обученія. Въ настоящее время обязанности классныхъ наставниковъ почти во всѣхъ гимназіяхъ опредѣлились такъ: 1) они слѣдятъ за правильнымъ посѣщеніемъ уроковъ учениками своего класса; 2) за ихъ успѣхами и поведеніемъ, почему почти вездѣ на ихъ обязанности лежитъ раздача ученикамъ, для предъявленія родителямъ, недѣльныхъ и мѣсячныхъ свидѣтельствъ; 3) они собираютъ комиссію изъ преподавателей своего класса для установленія: а) времени подачи письменныхъ работъ; б) времени обязательнаго приготовленія устныхъ уроковъ и в) для обсужденія успѣховъ и поведенія учениковъ своего класса; 4) изыскиваютъ мѣры для оказанія помощи ученикамъ малоуспѣвающимъ, но старательнымъ; 5) вступаютъ, по мѣрѣ надобности, въ сношенія съ родителями или опекунами учениковъ своего класса; 6) замѣняютъ, по возможности, отсутствующихъ преподавателей и посѣщаютъ уроки своихъ товарищей по классу для лучшаго ознакомленія съ своими учениками, и наконецъ, 7) не только вну-

шаютъ ученикамъ необходимость исполнять всѣ школьныя правила, но и обращаютъ вниманіе на приученіе ихъ, въ особенности въ низшихъ классахъ, къ порядку, чистотѣ и опрятности“.

Таковы же по большей части отзывы попечителей и другихъ учебныхъ округовъ. Тѣмъ не менѣе, судя по заявленіямъ нѣкоторыхъ родителей, нельзя не пожелать, чтобы классные наставники стали еще въ большей мѣрѣ, такъ-сказать, хозяевами своихъ классовъ, подъ непосредственнымъ, конечно, руководствомъ начальствъ учебныхъ заведеній, въ особенности же по учебной части, и были сколь можно дѣятельнѣе въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы ни въ одномъ классѣ и въ особенности ни въ одномъ изъ двухъ или трехъ низшихъ классовъ ни однимъ изъ преподавателей не были задаваемы ученикамъ непосильные по своему объему уроки и письменныя работы, и чтобы послѣднія были сколь можно тщательнѣе разсматриваемы преподавателями. Въ этомъ отношеніи мѣстами все еще остается желать очень много, а мѣстами обнаруживается еще и то ненормальное явленіе, что по главнѣйшимъ предметамъ, преподаватели которыхъ большею частью и состоятъ классными наставниками, ученикамъ предъявляются даже болѣе чѣмъ умѣренныя требованія, по предметамъ же меньшей важности требованія эти остаются по прежнему очень велики и несообразны съ силами и временемъ учениковъ. Съ своей стороны я употребляю всѣ усилія къ тому, чтобы какъ можно скорѣе устранить этотъ существенный недостатокъ, который объясняется единственно тѣмъ, что нѣкоторые преподаватели недостаточно еще освоились съ новыми учебными планами и недостаточно приноровили свое преподаваніе къ тому, что нынѣ новымъ уставомъ назначено восемь лѣтъ на выполненіе того, что прежде должно было проходить въ семь лѣтъ. Особенно часто погрѣшаютъ въ этомъ отношеніи преподаватели новыхъ иностранныхъ языковъ, преимущественно же французскаго.

О недостаточномъ еще развитіи дѣятельности классныхъ наставниковъ въ вышеозначенномъ направленіи можно отчасти судить и потому, что число засѣданій классныхъ комиссій, въ которыхъ естественнѣе и лучше всего могла бы быть, путемъ совокупнаго обсужденія всѣхъ преподавателей класса, устанавливаема мѣра того, что должно быть задаваемо ученикамъ на одинъ урокъ по каждому предмету и что должно быть приблизительно пройдено по каждому предмету въ каждомъ классѣ въ извѣстный промежутокъ времени, было въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ крайне ограничено.

Но какъ бы ни были благотворны заботы преподавателей, клас-

сныхъ наставниковъ и вообще всего учебно-воспитательнаго состава гимназій и прогимназій о преусиѣніи вѣренныхъ этимъ учебнымъ заведеніямъ учениковъ, родители и родственники сихъ послѣднихъ сами должны всячески содѣйствовать ихъ добрымъ цѣлямъ. Въ этихъ видахъ я призналъ полезнымъ доставить родителямъ возможность ежедневно слѣдить за уроками, задаваемыми ихъ дѣтямъ въ теченіе недѣли, и съ этою цѣлью 9-го декабря 1872 года предложилъ во всѣхъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ ввести по одинаковому образцу тетради для записыванія самими учениками задаваемыхъ имъ уроковъ: съ одной стороны, вслѣдствіе этой мѣры ученики не могутъ ни забыть, ни отговариваться забвеніемъ или незнаніемъ того, что имъ задано, ни преувеличивать (умышленно или вслѣдствіе собственной ошибки, что также весьма часто бываетъ) объема заданныхъ имъ работъ, а съ другой—классный наставникъ всегда легко можетъ справиться, что предстоитъ ученикамъ сдѣлать на каждый день, а главное—родители (по крайней мѣрѣ, въ болѣе образованныхъ семействахъ) могутъ видѣть, какъ велики уроки, сколько времени нужно на то, чтобы ихъ приготовить какъ слѣдуетъ, и наблюдать, сами или чрезъ репетиторовъ, за надлежащимъ ихъ приготовленіемъ, а въ случаѣ дѣйствительно слишкомъ большого объема уроковъ или письменныхъ работъ могутъ своевременно войти по этому предмету въ сношеніе съ начальниками заведеній или же классными наставниками и сообщить имъ свои наблюденія, при чемъ я вполне увѣренъ, что со стороны учебнаго вѣдомства будутъ даны всѣ разъясненія родителямъ и вообще будетъ указано всякое вниманіе ихъ разумнымъ заявленіямъ. Но при этомъ совершенно необходимо, чтобы какъ классные наставники, такъ и въ особенности каждый изъ преподавателей, слѣдили за правильностью записыванія учениками задаваемыхъ имъ уроковъ, и чтобы въ младшихъ двухъ или трехъ классахъ задаваемые уроки были даже записываемы самимъ учителемъ на классной доскѣ, ибо иначе нерѣдко случаются весьма скорбныя недоразумѣнія.

Относительно успѣшности обученія въ гимназіяхъ всѣ попечители учебныхъ округовъ замѣчаютъ, что вездѣ почти ученіе ведется и болѣе серьезно, и съ большимъ противъ прежняго успѣхомъ; но въ особенности они довольны результатами, достигаемыми въ приготовительномъ и низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, тогда какъ ученики старшихъ классовъ, учившіеся въ продолженіе большей части своего курса подъ влияніемъ условій прежняго устава, въ сожа-

лѣнію, оставляютъ желать еще весьма многого, такъ что благотворные результаты учебной реформы, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, обнаружатся съ большою очевидностью, когда нынѣшніе ученики I, II и III классовъ достигнутъ высшаго класса. Замѣчательно между прочимъ, что и число пропущенныхъ учениками уроковъ, особенно же по неуважительной причинѣ, въ высшихъ классахъ нѣсколько больше, нежели въ низшихъ; но вообще въ отчетномъ году оно было меньше, нежели въ предыдущемъ. Такъ, напримѣръ, въ Московскомъ учебномъ округѣ всѣхъ пропущенныхъ уроковъ по уважительнымъ и неуважительнымъ причинамъ въ 1871 году приходилось около 42-хъ на каждаго ученика, а въ 1872 году всего 30 (27 въ низшихъ четырехъ и 35 въ трехъ высшихъ классахъ). Всѣхъ удостоенныхъ перевода въ высшіе классы было въ С.-Петербургскомъ округѣ 64,3%, въ Московскомъ—67,3%, въ Виленскомъ—66%, въ 5-ти гимназіяхъ Одесскаго округа отъ 60 до 75%, въ Иркутской гимназіи—58%, въ Красноярской—73%. Различіе въ этихъ цифрахъ зависитъ какъ отъ дѣйствительной успѣшности учениковъ, такъ равно и отъ мѣры требовательности преподавателей, при чемъ послѣдніе, очевидно, съ большею строгостью относятся къ ученикамъ низшихъ, нежели высшихъ классовъ, что, впрочемъ, вполне объясняется и оправдывается нынѣшнимъ переходнымъ состояніемъ этихъ классовъ.

Относительно нравственнаго состоянія учащихся заслуживаютъ особеннаго вниманія данныя, сообщаемыя по С.-Петербургскому учебному округу. Изъ нихъ оказывается, что безнравственныхъ проступковъ (къ нимъ относятся ложь, воровство, обманъ, поддѣлка балловъ, неприличныя слова, грубость и дерзость, умышленная порча вещей, уворная лѣнность) было всего 119 (1 такой проступокъ приходится въ среднемъ выводѣ почти на 40 учениковъ), и изъ нихъ 112 совершены учениками низшихъ четырехъ и только 7 учениками высшихъ трехъ классовъ, и точно также изъ 36-ти учениковъ, уволенныхъ за неодобрительное поведеніе (что составляетъ 0,3% всего числа учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа), 31 приходится на долю низшихъ четырехъ и только 5 на долю высшихъ трехъ классовъ. По поводу этихъ данныхъ попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа вполне справедливо замѣчаетъ: „Быстрое уменьшеніе числа дурныхъ проступковъ съ переходомъ учащихся въ высшіе классы указываетъ несомнѣнно на то, что наши гимназіи и прогимназіи представляютъ собою для нашего общества воспитательный элементъ въ гораздо большемъ размѣрѣ, нежели то обыкновенно по-

лагаютъ, и что онѣ являются даже заведеніями исправительно-воспитательными для значительнаго числа учениковъ“.

Въ 1872 году была впервые осуществлена статья 2-я Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій о двухгодичномъ курсѣ въ VII классѣ гимназій. Въ силу этой статьи въ 1872 году, собственно говоря, не должно бы быть вовсе выпускныхъ испытаній изъ гимназій; но дабы не было перерыва въ поступленіи въ университетъ учениковъ гимназій, я разрѣшилъ, согласно представленію моему въ государственный совѣтъ, допустить лишь на этотъ разъ къ выпускнымъ испытаніямъ и тѣхъ изъ желающихъ, которые пробывши въ VII классѣ только одинъ годъ, но подъ условіемъ, чтобы гимназическаго аттестата были удостоены только отличнѣйшіе изъ нихъ. При этомъ еще 26-го іюня 1871 года, то-есть, почти за годъ до этихъ испытаній, были установлены мною временныя правила для ихъ производства и для удостоенія учениковъ гимназическаго аттестата или свидѣтельства.

Правила эти были примѣнены къ дѣлу въ различныхъ округахъ не съ одинаковою точностью, такъ что, напримѣръ, въ одномъ учебномъ округѣ были признаны отличнѣйшими и вслѣдствіе того удостоены гимназическаго аттестата 53 человѣка изъ каждахъ ста учениковъ, пробывшихъ только одинъ годъ въ VII классѣ, то-есть, болѣе половины всѣхъ учениковъ, а въ другомъ учебномъ округѣ только 6 учениковъ изъ каждахъ ста, или около $\frac{1}{17}$ части; вообще же во всѣхъ округахъ, на которые распространяется дѣйствіе устава 30-го іюля 1871 года были удостоены гимназическаго аттестата изъ 1.379 учениковъ VII класса 306, то-есть, отъ 22 до 23 учениковъ на каждую сотню. Если принять во вниманіе, что по уставу только отличнѣйшіе ученики, послѣ перваго года ученія въ VII классѣ, могли быть удостоены гимназическаго аттестата, то вышеупомянутое число (306) нельзя не признать весьма значительнымъ. На будущее время такихъ послабленій въ этомъ отношеніи уже не можетъ быть оказываемо, ибо требованіе закона, чтобъ учебный курсъ VII класса продолжался не одинъ, а два года, принадлежитъ къ числу самыхъ существенныхъ улучшеній, внесенныхъ новымъ уставомъ въ бытъ нашихъ гимназій, такъ какъ только при двухгодичномъ курсѣ VII класса университеты и другія высшія учебныя заведенія могутъ быть предохранены отъ наплыва юношей, не обладающихъ надлежащею зрѣлостью для научныхъ занятій.

Изъ обнаруженныхъ въ свое время въ *Журналъ Министерства*

Народнаго Просвѣщенія свѣдѣній не трудно убѣдиться, что вообще даже и въ 1872 году, не смотря на исключительныя условія, выпускныя испытанія въ гимназіяхъ отнюдь не отличались чрезмѣрною строгостью, и что ученики VII класса гимназій, въ огромномъ большинствѣ, на столько понимаютъ свою пользу, что изъ 952 человекъ, не удостоенныхъ въ истекшемъ году гимназическаго аттестата, выбыло изъ гимназій всего 68 (отъ 7 до 8%), а осталось 884 (то-есть, 92—93%), такъ что VII классъ, не только не опустѣлъ, но со вновь перешедшими въ него учениками заключалъ въ себѣ къ началу 18^{72/73} учебнаго года (не считая Восточной Сибири) въ 76 гимназіяхъ до 2.261 учениковъ, изъ коихъ 1.369 вновь поступили въ него, прочіе же остались на другой годъ, и слѣдовательно, въ 1873 году могли на обыкновенныхъ условіяхъ поступить въ университетъ. Между тѣмъ въ предыдущемъ учебномъ году на VII классъ каждой изъ 76 гимназій приходилось отъ 18 до 19 учениковъ, въ началѣ 18^{72/73} года приходилось ихъ отъ 28 до 29.

На основаніи § 18 устава, правила относительно испытанія учениковъ, при поступленіи ихъ въ гимназіи, при переводѣ изъ класса въ классъ и при окончаніи ими курса ученія, должны быть изложены въ особой инструкціи, утверждаемой министерствомъ народнаго просвѣщенія для всѣхъ учебныхъ округовъ и публикуемой во всеобщее свѣдѣніе. Правила эти, составленныя въ особой комиссіи изъ всѣхъ директоровъ С.-Петербургскихъ гимназій и окружныхъ инспекторовъ и затѣмъ рассмотрѣнныя и одобренныя въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, были утверждены мною 8-го декабря истекшаго года. Эта обширная инструкція, въ которой соображены наши особенныя условія съ дѣйствующими на этотъ счетъ въ образованнѣйшихъ странахъ правилами, имѣетъ цѣлю: 1) придать возможно большее значеніе постоянному прилежанію и вниманію учениковъ въ классное время, поставивъ оцѣнку ихъ познаній въ меньшую зависимость отъ случайныхъ причинъ и обстоятельствъ и чрезъ то сдѣлать ихъ ученіе болѣе основательнымъ и успѣшнымъ; 2) сократить срокъ производства испытаній, дабы выиграть такимъ образомъ время для правильнаго обученія; 3) устранить необходимость слѣшнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиленнаго и нерѣдко изнурительнаго, приготовленія учениковъ собственно къ экзаменамъ, сосредоточивъ испытанія, какъ при переводѣ изъ класса въ классъ, такъ и при удостоеніи гимназическаго аттестата, на главнѣйшихъ предметахъ курса, успѣхъ въ коихъ можетъ быть результатомъ только постояннаго при-

лежанія, а не слѣшной подготовки; по предметамъ же, которые преимущественно усвояются только памятью, требовать отъ учениковъ знанія лишь главнаго и существеннаго; 4) придать большее значеніе оцѣнкѣ учениковъ въ нравственномъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточить вниманіе испытателей на опредѣленіи того, въ какой мѣрѣ испытуемые вообще созрѣли для успѣшныхъ занятій какъ въ слѣдующемъ высшемъ классѣ, такъ въ особенности въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указаны необходимыя мѣры, какія употребляются во всѣхъ другихъ странахъ, чтобъ испытанія, въ особенности же окончательныя, были производимы съ возможно большею серьезностью и отчетливостью. При этомъ, желая доставить существенное облегченіе старшимъ ученикамъ гимназій безъ малѣйшаго однако же послабленія или пониженія уровня требованій, я имѣлъ въ виду исходатайствовать у Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе не подвергать впредь повѣрочному испытанію при поступленіи въ университетъ тѣхъ юношей, которые удостоились гимназическаго аттестата или свидѣтельства, на что и послѣдовало Всемилостивѣйшее соизволеніе Ваше уже въ 1873 году. Что касается до учениковъ, пробывшихъ только одинъ годъ въ VII классѣ, то для допущенія ихъ къ окончательному испытанію, требуется новыми правилами, чтобъ они обнаружили дѣйствительно отличныя познанія, какъ при переходѣ въ VII классъ, такъ и въ первый годъ своего пребыванія въ этомъ классѣ, и были признаны педагогическимъ совѣтомъ, съ утвержденія попечителя округа, достаточно зрѣлыми въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Сверхъ того, они должны, согласно требованію устава, выдержать испытаніе изъ всего гимназическаго курса въ полномъ его объемѣ; но затѣмъ на самомъ испытаніи, относительно оцѣнки ихъ познаній для полученія аттестата, постановлены для нихъ тѣ же условія, что и для учениковъ старшаго отдѣленія VII класса.

Кромѣ изданія правилъ объ испытаніяхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и учебнаго плана по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса для всѣхъ учебныхъ округовъ имперіи, въ отчетномъ же году были составлены инструкція для хозяйственныхъ комитетовъ гимназій и прогимназій и инструкція, опредѣляющая внутренній порядокъ пансіоновъ, состоящихъ при этихъ учебныхъ заведеніяхъ, и наконецъ, особая коммиссія, состоявшая изъ всѣхъ инспекторовъ гимназій и прогимназій въ С.-Петербургѣ, выработала проектъ правилъ по воспи-

тательной части, подлежащій еще дальнѣйшему разсмотрѣнію въ министерствѣ.

О томъ, какъ относится общество ко вновь преобразованнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, можно кажется, вѣрнѣе всего судить по слѣдующимъ фактамъ.

Вопервыхъ, общее число учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ съ 1-го января 1872 года по 1-е января 1873 года возрасло съ 30.472 до 33.399, или на 2.927 человекъ, что составляетъ увеличеніе на 9,6% въ одинъ годъ, при чемъ наибольшее увеличеніе числа учащихся замѣчается въ округахъ Киевскомъ (на 15,6%), Казанскомъ (на 13,3%), Виленскомъ (на 11,2%) и Одесскомъ (10,6%), а наименьшее въ округахъ Харьковскомъ (на 3,5%), С.-Петербургскомъ (на 5,7%) и Московскомъ (на 6,5%), тогда какъ въ Восточной и Западной Сибири, разсматриваемыхъ вмѣстѣ, оно вполне соответствуетъ среднему выводу для цѣлой имперіи (9,6%).

Восторыхъ, число лицъ, подвергавшихся испытанію въ августѣ 1872 года для поступленія въ гимназіи и прогимназіи, достигло небывалаго прежде размѣра 11.068 въ семи учебныхъ округахъ (кромѣ Дерптскаго и Варшавскаго) и въ Западной Сибири. Изъ нихъ 2.239 или 20% не удовлетворили требованіямъ приѣмнаго испытанія, но и изъ тѣхъ, которые успѣшно выдержали экзаменъ, 1.048 человекъ (или 9,5%) не могли быть приняты по недостатку помѣщенія въ 44 (изъ 107) гимназіяхъ и прогимназіяхъ, переполненныхъ учениками. Но все-таки было принято весьма значительное число дѣтей, а именно 7.781. Наибольшему числу учениковъ пришлось отказать за недостаткомъ помѣщенія въ мѣстныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ: въ Киевѣ—261, въ Москвѣ—181, въ С.-Петербургѣ—103, а изъ менѣе значительныхъ городовъ: въ Немировѣ (Подольской губерніи)—93, въ Житомирѣ—44, въ Каменецъ-Подольскѣ—35, въ Шавляхъ—40, въ Курскѣ—35, въ Воронежѣ—36, въ Симбирскѣ—48 и въ Перми—22.

Втретьихъ, число гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія не перестаетъ увеличиваться и притомъ при возрастающемъ содѣйствіи мѣстныхъ земствъ и обществъ. 3-го сентября 1872 года послѣдовало открытіе гимназіи въ гор. Дубнахъ (Полтавской губ.), на средства земства, пока еще состоящей только

изъ приготовительнаго класса и трехъ классовъ гимназическихъ, причемъ замѣчательно, что уже при самомъ открытіи этого новаго учебнаго заведенія первый его классъ пришлось раздѣлить на два отдѣленія, такъ какъ въ него поступило 86 человѣкъ. 8-го сентября 1872 года была открыта гимназія въ Бердянскѣ въ томъ же составѣ и также съ раздѣленіемъ I класса, по многочисленности его учениковъ, на два отдѣленія. 30-го августа 1872 года, въ день тезоименитства Вашего Императорскаго Величества, открыта прогимназія въ городѣ Анапьевѣ (Херсонской губерніи), преобразованная изъ мѣстнаго уѣзднаго училища на средства земства и городского общества. На основаніи Высочайше утвержденнаго 31-го мая 1871 года мнѣнія государственнаго совѣта 20-го января 1872 года открыта имени Вашего Императорскаго Величества гимназія въ Ревелѣ, съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, для удовлетворенія потребностей тѣхъ многочисленныхъ жителей города, для коихъ русскій языкъ есть природный. Наконецъ, къ числу новыхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія въ учебно-воспитательномъ отношеніи, присоединилась гимназія Императорскаго человѣколюбиваго общества, — прежній домъ воспитанія, — которая, по Высочайше утвержденному 7-го іюня 1872 года мнѣнію государственнаго совѣта, подчинена вполнѣ дѣйствию новаго устава гимназій и прогимназій, съ предоставленіемъ ей и всѣхъ принадлежащихъ гимназіямъ правъ и съ отпускомъ на ея содержаніе по 8.580 руб. въ годъ изъ суммъ государственнаго казначейства. Сверхъ того, по ходатайству мѣстныхъ обществъ двѣ реальныя гимназіи — въ Николаевѣ (Херсонской губерніи) и въ Архангельскѣ — были преобразованы въ классическія: первая въ двухъ, а вторая — въ трехъ низшихъ своихъ классахъ, причемъ въ Николаевѣ въ классахъ III—V введенъ былъ учебный планъ по новому уставу реальныхъ училищъ, такъ что съ начала 18⁷³/₇₄ учебнаго года это заведеніе раздѣлится на два особыя училища: гимназію пока еще о трехъ классахъ, и реальное училище, которое лишь въ VII своемъ классѣ будетъ слѣдовать прежнему учебному плану; въ Архангельскѣ же, жители коего за неимѣніемъ университетской гимназіи, были въ продолженіи почти 9 лѣтъ лишены возможности готовить своихъ сыновей къ поступленію въ университетъ, преобразование мѣстнаго средняго учебнаго заведенія въ гимназію предпринято по особому плану съ такимъ разчетомъ, чтобы въ три учебные года преобразование это было совершенно докончено. Такимъ

образомъ, число гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія увеличилось въ 1872 году семью (шестью гимназіями и одною прогимназіей). Сверхъ того, въ силу Высочайше утвержденнаго 6-го іюня 1872 года постановленія комитета по дѣламъ царства Польскаго, общій уставъ гимназій и прогимназій имѣеть быть распространенъ, съ небольшими извѣтїями, какъ требуютъ мѣстныя обстоятельства, на таковыя же училища Варшавскаго учебнаго округа, начиная съ 18⁷³/₇₄ учебнаго года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

23. (18-го марта 1874 года). *Объ учрежденіи стипендіи при Костромской мужской гимназій.*

Общее собраніе членовъ ссудо-сберегательной кассы чиновниковъ Костромскаго губернскаго правленія постановило: ходатайствовать объ учрежденіи при Костромской мужской гимназій, на счетъ процентовъ съ жертвуемаго имъ капитала въ 500 руб., заключающагося въ билетѣ государственнаго банка, одной стипендіи, съ присвоеніемъ оной наименованія: «стипендія ссудо-сберегательной кассы чиновниковъ Костромскаго губернскаго правленія». Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить жертвователей.

24. (18-го марта 1874 года). *О переводѣ стипендіи, учрежденной при бывшемъ Виленскомъ Раввинскомъ училищѣ, въ Еврейскій учительскій институтъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на переводъ стипендіи, учрежденной при бывшемъ Виленскомъ Раввинскомъ училищѣ, въ память чудеснаго спасенія жизни
часть СЛХХІІІ, отд. 1.

Его Императорскаго Величества 4-го апрѣля 1866 года, для одного изъ бѣдныхъ воспитанниковъ собственно раввинскихъ классовъ, на собранныя почетнымъ блюстителемъ названнаго училища Аарономъ Лебенсономъ деньги,—въ Еврейскій учительскій институтъ, и на предоставленіе министру народнаго просвѣщенія права утвердить новое положеніе для оной, сообразно измѣняющемуся ея назначенію. Въмѣстѣ съ симъ Государю Императору благоугодно было повелѣть благодарить Лебенсона.

25. (7-го апрѣля 1874 года). *О разрѣшеніи опредѣлять при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ сверхштатныхъ должностныхъ лицъ.*

Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи опредѣлять при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, для исполненія преподавательскихъ и надзирательскихъ обязанностей, сверхштатныхъ должностныхъ лицъ съ правами службы, положилъ:

1) Предоставить министерству народнаго просвѣщенія опредѣлять для исполненія преподавательскихъ и надзирательскихъ обязанностей при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, по мѣрѣ надобности и на счетъ спеціальныхъ средствъ этого заведенія, сверхштатныхъ должностныхъ лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ, поименованнымъ, по принадлежности, въ ст. 24, 26, 28 и 29 Высочайше утвержденного 10 (22-го) іюня 1866 года устава сего института.

2) Означеннымъ лицамъ предоставить права службы, присвоенныя одноименнымъ штатнымъ должностнымъ лицамъ института и, если окажутся достойными,—преимущество предъ другими на занятіе, при открытіи вакансіи, штатной должности; въ случаѣ опредѣленія ихъ на такую, время исправленія ими сверхштатной должности зачитается въ срокъ выслуги на пенсію.

3) Соотвѣтствующія права службы предоставить и лицамъ, опредѣленнымъ уже до сего времени, по найму, на преподава-

тельскія и надзирательскія должности въ означенномъ институтѣ.

Государь Императоръ на журналѣ комитета соизволилъ написать собственноручно: *«Исполнить»*.

26. (17-го апрѣля 1874 года). *Высочайше утвержденный уставъ Лифляндской общественной гимназіи.*

§ 1. Лифляндская общественная гимназія учреждается въ городѣ Дерптѣ или въ его окрестностяхъ на счетъ Лифляндскаго дворянства и землевладѣльцевъ Лифляндской губерніи и состоитъ подъ попечительствомъ и управленіемъ дворянства, какъ представителя землевладѣнія въ краѣ. Къ гимназіи, въ случаѣ надобности, можетъ быть присоединенъ пансіонъ.

Дальнѣйшее существованіе гимназіи зависитъ отъ усмотрѣнія Лифляндскаго дворянства.

§ 2. Лифляндская общественная гимназія, состоя не менѣе, чѣмъ изъ семи классовъ, есть заведеніе классическое, съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, и имѣетъ цѣлю давать находящимся въ немъ воспитанникамъ и ученикамъ основательное образованіе, подготовляющее ихъ къ высшимъ научнымъ занятіямъ и надлежащее, соотвѣтственно духу христіанской церкви, воспитаніе.

Примѣчаніе 1-е. Въ гимназію принимаются мальчики всѣхъ исповѣданій и сословій.

Примѣчаніе 2-е. Ученикамъ, не принадлежащимъ къ Евангелическо-Лютеранской церкви, законъ Божій преподается согласно ихъ вѣроисповѣданію. Законоучитель православнаго исповѣданія назначается по соглашенію попечителя Дерптскаго учебнаго округа съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ.

Примѣчаніе 3-е. Уроки русскаго языка обязательны для всѣхъ воспитанниковъ гимназіи.

§ 3. Предметы преподаванія въ Лифляндской общественной гимназіи тѣ же самыя, что въ правительственныхъ гимназіяхъ.

Дерптскаго учебнаго округа, въ объемѣ не ниже сихъ послѣднихъ.

§ 4. Лифляндская общественная гимназія состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и въ вѣдѣніи попечителя Дерптскаго учебнаго округа, которому вмѣняется въ обязанность наблюдать за гимназіею въ отношеніи къ учебной и воспитательной ея частямъ, и за точнымъ исполненіемъ постановленій настоящаго устава, относящихся къ симъ частямъ.

§ 5. Лифляндское дворянство есть представитель Лифляндской гимназіи въ отношеніи къ правительству и служебнымъ его дѣятелямъ, представляетъ годовые отчеты попечителю Дерптскаго учебнаго округа и ведетъ съ нимъ переписку по предметамъ, указаннымъ въ §§ 9, 12 и 13.

§ 6. Отвѣтственность предъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа во всемъ, что касается учебнаго и воспитательнаго строя въ гимназій, лежитъ, въ предѣлахъ настоящаго устава и учебнаго плана (§ 13), на президентѣ училищной коллегіи (§ 7), который ведетъ съ попечителемъ переписку по предметамъ, указаннымъ въ §§ 11, 13 и 14 настоящаго устава.

§ 7. Для управленія дѣлами и для надзора надъ гимназіею, Лифляндское дворянство избираетъ училищную коллегію, изъ числа членовъ которой назначаетъ президента и вице-президента.

§ 8. Училищная коллегія состоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ Лифляндскаго дворянства и руководствуется, въ исправленіи своихъ обязанностей, опредѣленною симъ послѣднимъ программою, на измѣненіе или дополненіе которой испрашиваетъ, въ случаѣ надобности, разрѣшеніе дворянства.

§ 9. Училищная коллегія избираетъ директора гимназіи, о чемъ увѣдомляетъ Лифляндское дворянство, которое, въ случаѣ согласія съ выборомъ, доводитъ объ избранномъ лицѣ до свѣдѣнія попечителя Дерптскаго учебнаго округа, съ приложеніемъ надлежащихъ документовъ. Избранный директоръ утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа. Училищная коллегія не имѣетъ права

увольнять директора училища безъ согласія на то Лифляндскаго дворянства.

§ 10. Директоръ отвѣчаетъ за исправленіе своихъ обязанностей предъ училищною коллегіей. Въ случаѣ приглашенія его въ засѣданіе училищной коллегіи, онъ пользуется въ немъ совѣщательнымъ голосомъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ посѣщенія гимназій попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, директоръ гимназій обязанъ давать объясненія на дѣлаемые ему замѣчанія по учебной и воспитательной частямъ и исправлять указываемые ему недостатки, на сколько это отъ него зависитъ.

§ 11. Училищная коллегія назначаетъ учителей Лифляндской общественной гимназій по представленію директора и доводитъ о таковыхъ назначеніяхъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, съ приложеніемъ документовъ, на основаніи которыхъ сіи лица назначены. Директоръ въ правѣ увольнять учителей только съ согласія училищной коллегіи.

§ 12. Если директоръ или учителя суть русскіе подданные, то должны имѣть: директоръ и учителя старшихъ классовъ по крайней мѣрѣ степень кандидата или старшаго учителя (Oberlehrer), а учителя младшихъ классовъ — степень элементарнаго учителя (Elementarlehrer).

Если директоръ или учителя суть иностранцы, то они обязаны представить свидѣтельство о выдержанныхъ ими за границею экзаменахъ, а именно: директоръ и учителя старшихъ классовъ предъявляютъ свидѣтельство въ томъ, что приобрѣли право преподавать въ старшихъ классахъ заграничныхъ гимназій (Staats-Examen); учителя же младшихъ классовъ — свидѣтельство о правахъ учителей семинарій (Seminarlehrer Examen). Въ случаѣ неимѣнія таковыхъ свидѣтельствъ, они всѣ подвергаются опредѣленнымъ въ Россіи испытаніямъ.

§ 13. Училищная коллегія составляетъ, на основаніи программы (§ 5), и представляетъ дворянству учебный планъ гимназій, заключающій въ себѣ: подробное обозначеніе предметовъ

преподаванія съ таблицею числа недѣльныхъ уроковъ по классамъ и предметамъ, сроковъ пріема, перевода изъ класса въ классъ и выпуска учениковъ, а равно изложеніе главныхъ началъ по воспитательной части. По разсмотрѣніи сего учебнаго плана, дворянство представляетъ оный, чрезъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа, на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія. Учебныя книги вводятся училищною коллегіею по предложенію учительской конференціи, по предварительномъ ихъ утвержденіи попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа.

§ 14. Воспитанники Лифляндской общественной гимназіи, получившіе свидѣтельство о зрѣлости, пользуются одинаковыми правами съ окончившими съ таковыми свидѣтельствами воспитанниками правительственныхъ гимназій. При окончательныхъ испытаніяхъ, а равно при переводныхъ изъ втораго старшаго класса въ первый, дающихъ особыя льготы по отбыванію воинской повинности, присутствуетъ членъ учебнаго вѣдомства, который, въ качествѣ депутата министерства народнаго просвѣщенія, назначается попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа; онъ же, наравнѣ съ учителями конференціи, обсуждаетъ испытанія и подписываетъ надлежащіе протоколы, а также выдаваемые гимназіею свидѣтельства о зрѣлости и объ окончаніи курса первыхъ шести классовъ гимназій.

§ 15. Лифляндское дворянство принимаетъ на себя ручательство въ управленіи общественною гимназіею на основаніи сего устава.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

25-го февраля 1874 года (№ 3). *Производится за отличіе:* бывший директоръ С.-Петербургскій второй гимназій, статскій совѣтникъ Константинъ *Скворцовъ*—въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Утверждаются: экстраординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бут-*

леровъ — ординарнымъ академикомъ сей академіи по химіи, съ 18-го января 1874 года; Курскій городской голова *Устимовичъ* — почетнымъ попечителемъ Курскаго реального училища, на три года; Орловскій 2-й гильдіи купецъ *Кулабуховъ* — почетнымъ попечителемъ Орловскаго реального училища, на три года.

Командируются за границу съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Шедьбергъ* — съ 4-го мая по 15-е августа 1874 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Цинеръ* — съ 1-го мая до конца лѣтняго вакаціоннаго времени 1874 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Столытовъ*, доцентъ сего университета *Чериновъ* и помощникъ прозектора того же университета *Бѣлинъ* — съ 1-го мая по 1-е сентября 1874 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Борзенковъ* — на лѣтнее вакаціонное время 1874 года и двадцать восемь дней; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Минаевъ* и доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Клименко* — на годъ; изъ нихъ послѣдній съ 15-го августа 1874 года.

18-го марта 1874 года (№ 4). *Утверждаются на три года*: предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей Сызранскаго судебного округа, почетный мировой судья *Дмитріевъ* — почетнымъ попечителемъ Симбирской гимназіи; состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коллежскій секретарь *Катнистъ* — почетнымъ попечителемъ Кременчугскаго реального училища, съ оставленіемъ при этомъ министерствѣ; предсѣдатель Мелитопольской земской управы, надворный совѣтникъ *Гобманъ* — почетнымъ попечителемъ открываемаго въ Мелитополѣ реального училища, со дня открытія сего училища.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: ассистенту хирургической клиники Императорскаго Дерптскаго университета, доктору *Рейнеру* — до конца лѣтняго вакаціоннаго времени 1874 года; ординарному профессору Император-

скаго С.-Петербургскаго университета *Ваннеру*—съ 1-го марта по 15-е августа 1874 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлю: почетный директоръ Варшавскаго музея изящныхъ искусствъ *Карницкій*—на мѣсяць; директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, тайный совѣтникъ *Струве*—на шесть недѣль; директоръ Казанскаго ветеринарнаго института *Зейфманъ*—на два мѣсяца, съ 1-го мая 1874 года; деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Бабчинскій* и лаборантъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета магистръ *Густавсонъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1874 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, коллежскій ассессоръ *Шкляревскій*—съ 4-го мая по 15-е августа 1874 года; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета *Ковальскій*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Тольскій* и доцентъ сего университета *Макеевъ*—на три съ половиною мѣсяца, первый съ 1-го іюня, а послѣдніе двое съ 15-го мая 1874 года; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Менделѣевъ* и доцентъ Императорскаго Московскаго университета *Гаазъ*—на 4 мѣсяца, съ 1-го мая 1874 года; хранитель зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, коллежскій ассессоръ *Брандтъ*—на четыре съ половиною мѣсяца, съ 1-го апрѣля 1874 года; доценты Императорскихъ университетовъ: Московскаго *Іерусалимскій* и Харьковскаго *Залтскій*—на пять мѣсяцевъ, съ 1-го мая 1874 года; второй прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ медицины *Розенбергъ*—на годъ; помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины *Навалихинъ* и кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Шмальмаузенъ*—на два года; изъ нихъ Навалихинъ съ 1-го іюля 1874 года.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

7. (16-го февраля 1874 года). *Уставъ Рижской городской гимназіи.*

(Утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Рижская городская гимназія есть учебное заведеніе, имѣющее цѣлью дать поступающимъ въ нее молодымъ людямъ основу для дальнѣйшаго научнаго образованія и приготовить ихъ ко вступленію въ высшія учебныя заведенія, а равно также развить и подготовить ихъ къ практическимъ занятіямъ на поприщахъ высшей гражданской дѣятельности въ государственной службѣ по гражданскому и военному вѣдомству, къ званію учителя, фабриканта, негоціанта и т. д.

§ 2. Заведеніе это содержится на счетъ города и потому носить имя «городской гимназіи».

§ 3. Оно состоитъ изъ прогимназіи (подготовительнаго училища) съ 4 классами и изъ двухъ высшихъ, сопоставленныхъ другъ другу отдѣленій, съ 3 классами, изъ которыхъ одно отдѣленіе носитъ названіе гимназическаго, а другое—реальнаго. Для каждаго класса этихъ отдѣленій курсъ полагается годичный, за исключеніемъ высшаго класса гимназическаго отдѣленія, въ которомъ учебный курсъ полагается двухгодичный.

Примѣчаніе. Въ случаѣ надобности, могутъ быть назначаемы и параллельныя классы.

§ 4. Для поступленія въ низшій классъ прогимназіи требуются познанія ученика, удовлетворительно окончившаго курсъ въ городскихъ элементарныхъ училищахъ, и сверхъ того, умѣнье свободно читать по-латыни и знаніе правильнаго склоненія латинскихъ существительныхъ и прилагательныхъ именъ.

§ 5. Городская гимназія, согласно своему плану и распредѣленію уроковъ, ведетъ учениковъ, начиная съ низшаго класса, къ предположенной въ § 1 цѣли такъ, чтобы преподаваемое на низшихъ ступеняхъ обнимало ближайшимъ образомъ все, что должно

служить необходимымъ основаніемъ познаній, приобретаемыхъ на ступеняхъ высшихъ. Но имѣя въ виду, что не малое число учениковъ будетъ, конечно, выходить изъ четвертаго класса и вступать въ кругъ практической дѣятельности, предметы преподаванія распредѣлить надлежало такъ, чтобы познанія, приобретаемыя съ окончаніемъ курса въ четвертомъ классѣ, соответствовали потребностямъ средняго класса людей для общей гражданской дѣятельности (службы канцелярской по вѣдомствамъ почтовому и телеграфному, по званію экспедиторовъ, въ торговыхъ домахъ, аптекарей и подобныхъ занятій).

§ 6. Кромѣ закона Божія, предметы гимназическаго обученія состоятъ въ слѣдующихъ языкахъ, наукахъ и искусствахъ, преподаваемыхъ отчасти во всѣхъ, отчасти же только въ нѣкоторыхъ классахъ, а именно: 2) въ латинскомъ языкѣ, 3) въ греческомъ языкѣ, 4) въ еврейскомъ языкѣ, 5) въ нѣмецкомъ языкѣ, 6) въ русскомъ языкѣ, 7) во французскомъ языкѣ, 8) въ англійскомъ языкѣ, 9) въ математикѣ (арифметикѣ, алгебрѣ и геометріи), 10) въ естественныхъ наукахъ, именно, въ естественной исторіи (зоологіи, ботаникѣ и минералогіи) и въ естествовѣдѣніи (физикѣ, химіи и кристаллографіи, 11) въ географіи, 12) въ исторіи, 13) въ черченіи и рисованіи, 14) въ чистописаніи, 15) въ пѣніи и 16) въ гимнастикѣ.

Изъ этихъ предметовъ еврейскій языкъ и пѣніе не обязательны, прочіе же предметы обязательны для учениковъ, смотря по тому, находятся ли они въ прогимназіи, въ гимназическомъ или въ реальномъ отдѣленіи (см. планъ преподаванія), съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что ученики четвертаго класса, намѣревающіеся поступить въ гимназическое отдѣленіе, могутъ быть уволены отъ французскаго языка въ видахъ наибольшей успѣшности въ языкѣ греческомъ, и что ученики вообще могутъ, по заслуживающимъ уваженія причинамъ, быть увольняемы отъ обученія въ черченіи, рисованіи и гимнастикѣ.

Распредѣленіе предметовъ по классамъ и подраздѣленіе ихъ

по отдѣльнымъ степенямъ (по объему проходимаго) показаны въ подробномъ планѣ преподаванія.

§ 7. Во всемъ, что касается преподаванія, воспитанія и дисциплины, городская гимназія состоитъ въ главномъ подчиненіи попечителю Дерптскаго учебнаго округа. Училищная городская коллегія завѣдуетъ хозяйственною частью гимназіи.

Примѣчаніе. Число уроковъ, назначенныхъ по классамъ для каждаго предмета преподаванія, въ отдѣльности, можетъ быть измѣняемо временно съ разрѣшенія попечителя Дерптскаго учебнаго округа и при оказавшейся въ томъ надобности, впрочемъ такъ, чтобы общее число ихъ оставалось то же самое.

§ 8. При гимназіи состоятъ на службѣ, кромѣ директора, одиннадцать старшихъ учителей, три младшихъ, три учителя искусствъ, врачъ, нисъмоводитель и канцелярскій служитель. Одиннадцать старшихъ учителей назначаются: а) для закона Божія по исповѣданію евангелическо-лютеранской церкви и для еврейскаго языка; б) для латинскаго языка, в) греческаго языка; г) нѣмецкаго языка и словесности; д) русскаго языка и словесности; е) другою для русскаго языка и словесности; ж) французскаго языка и словесности; з) англійскаго языка и словесности; и) для математическихъ наукъ; і) естественныхъ наукъ и к) историческихъ наукъ. Изъ числа трехъ младшихъ учителей двое должны показывать на установленномъ экзаменѣ особенную способность преподавать первоначальную математику и естественную исторію, а третій—способность преподавать древніе языки и исторію. Учители искусствъ назначаются: а) для черченія и рисованія, б) для пѣнія и в) для гимнастики. Ученикамъ православнаго исповѣданія законъ Божій преподается православнымъ священникомъ, а ученикамъ римско-католическаго исповѣданія этотъ предметъ преподается священникомъ католическимъ. Чистописаніе преподается однимъ изъ старшихъ или младшихъ учителей.

Примѣчаніе. Преподаваніе чистописанія и черченія мо-

жетъ быть поручаемо, смотря по обстоятельствамъ, опредѣляемымъ по найму преподавателямъ.

§ 9. Директоръ, старшіе учителя, врачъ гимназій и письмоводитель избираются городской училищною коллегіею и утверждаются въ своихъ должностяхъ: директоръ—министромъ народнаго просвѣщенія, а всѣ прочіе въ установленномъ порядкѣ—попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа.

§ 10. Директоръ есть непосредственный начальникъ гимназій. Онъ завѣдываетъ гимназіею, имѣетъ надзоръ за ея дѣятельностію во всѣхъ отношеніяхъ, заботится о соблюденіи въ ней приличія и порядка, наблюдаетъ за поведеніемъ и нравственностью воспитанниковъ, обращаетъ особое вниманіе на то, чтобы направленіе въ заведеніи было благонадежное, принимаетъ прошенія о приѣмѣ вновь поступающихъ учениковъ, выдаетъ нужныя свидѣтельства, созываетъ конференціи учителей, производитъ контроль по части учебной и воспитательной. Къ особымъ обязанностямъ его принадлежитъ наблюденіе за надлежащимъ ходомъ преподаванія, заботливость о своевременномъ составленіи росписанія уроковъ и цѣлесообразномъ замѣщеніи отсутствующихъ преподавателей, повѣрка относительно правильнаго посѣщенія уроковъ со стороны учащихся, во всѣхъ важныхъ случаяхъ дисциплины дѣлать надлежащія распоряженія, завѣдывать хозяйственными дѣлами гимназій и бухгалтерскою частію, вести дѣловую переписку. Во всемъ этомъ должны ему содѣйствовать его помощникъ (сравни § 11), всѣ учителя гимназій и въ особенности главные по каждому классу учителя (ординаріи), письмоводитель и канцелярскій служитель.

§ 11. Изъ числа опредѣленныхъ при гимназій старшихъ и младшихъ учителей городская училищная коллегія избираетъ помощника директору, который, по утвержденіи его въ этомъ званіи попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, принимаетъ на себя, сверхъ своей учительской дѣятельности, всѣ обязанности гимназическаго инспектора, на основаніи данной ему съ утвержденія высшаго начальства инструкціи, и получаетъ по этому зва-

нію изъ городскихъ средствъ 500 руб. въ годъ въ видѣ прибавки къ штатному учительскому содержанію. Прибавка эта, равно и прибавочное содержаніе директора за труды по наблюденію за городскими училищами и добавочный окладъ учителю, завѣдывающему бібліотекою, при назначеніи пенсіи въ разчетъ не входятъ. Въ помощь исполняющему инспекторскія обязанности директоръ назначаетъ для каждаго класса ординарія, или главнаго по классу учителя. Чтобы быть всегда на лицо, помощникъ директора пользуется по должности квартирою въ зданіи гимназій.

§ 12. Ежемѣсячно собирается гимназическая конференція подъ предсѣдательствомъ директора или его помощника; въ нее приглашаются всѣ старшіе и младшіе учителя. Въ случаѣ надобности, конференція можетъ собираться и чаще. Постановленія конференціи вносятся въ протоколъ избраннымъ для веденія протокола учителемъ.

§ 13. Сверхъ общихъ, связанныхъ съ его должностію, обязанностей, директоръ гимназій преподаетъ въ ней еженедѣльно 7 уроковъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ директоромъ всѣхъ прочихъ городскихъ училищъ, и по этому званію имѣетъ главный надзоръ за всѣми подчиненными городской училищной коллегіи заведеніями и другими порученными ему въ Ригѣ училищами, составляющими вѣдомство Рижской дирекціи городскихъ училищъ, и наблюдаетъ за ними какъ въ отношеніи преподаванія, такъ и со стороны управленія по хозяйственной ихъ части. Директоръ есть по званію своему членъ городской училищной коллегіи и состоитъ непосредственно подъ начальствомъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа.

§ 14. Старшіе учителя гимназій, кромѣ другихъ, связанныхъ съ ихъ званіемъ, обязанностей, преподаютъ уроки въ количествѣ 21 часа въ недѣлю; учитель закона Божія по исповѣданію православной церкви—20 уроковъ; учитель религіи по исповѣданію римско-католическому—2 урока; на каждаго младшаго учителя приходится 22 часа въ недѣлю; учитель пѣнія—3 урока и руково-

водитъ, кромѣ того, пѣніемъ при общихъ утреннихъ молитвахъ; учитель гимнастики обяванъ давать 8 часовыхъ уроковъ.

§ 15. Директоръ, старшіе и всѣ прочіе учителя гимназіи, за исключеніемъ учителей пѣнія и гимнастики, пользуются правами государственной службы, на равнѣ съ директорами, старшими и младшими учителями прочихъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа, но только не отъ казны, а изъ городскихъ средствъ; а потому дѣлаемые установленнымъ порядкомъ вычеты изъ жалованья обращаются въ городской пенсіонный капиталъ. Права государственной службы распространяются и на опредѣленнаго при директорѣ письмоводителя, который, однако, пользуется пенсіею на правахъ лица, служащаго по городскому управленію.

§ 16. Прослуживъ десять лѣтъ при городской гимназіи, директоръ, старшіе и младшіе учителя и учитель рисованія получаютъ изъ городскихъ суммъ прибавочныя къ штатному содержанию деньги: директоръ въ количествѣ 100 руб., старшіе учителя по 50 руб., а всѣ прочіе названные учителя по 40 руб. въ годъ. Это прибавочное содержание производится имъ въ такомъ же размѣрѣ и за каждое слѣдующее пятилѣтіе службы при гимназіи.

Примѣчаніе. Назначаемыя по сему § учителямъ прибавочныя деньги получаютъ и учителя, опредѣленные для параллельныхъ классовъ, если таковые будутъ устроены.

§ 17. При гимназіи полагается бібліотека, собраніе книгъ для выдачи на пользованіе неимущимъ ученикамъ, физическій кабинетъ, химическій кабинетъ съ лабораторіею, собраніе предметовъ по естественной исторіи, собраніе ландкартъ и глобусовъ, чертежей, рисунковъ и моделей для черченія и рисованія, прописей, нотъ и гимнастическихъ аппаратовъ. Библіотекою, а равно и собраніемъ книгъ, въ пользу неимущихъ учениковъ назначаемыхъ, завѣдуетъ одинъ изъ старшихъ учителей по назначенію городской училищной коллегіи, получая за это въ годъ 100 руб. Прочія учебныя пособія состоятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ надлежащихъ учителей, завѣдывающихъ ими безвозмездно.

Примѣчаніе. Ученическія бібліотеки для чтенія, какъ нѣмецкая, такъ и русская, основанныя частными пожертвованіями и поддерживаемыя взносами, составляютъ также собственность заведенія. Нѣмецкая бібліотека находится въ завѣдываніи старшаго учителя нѣмецкаго языка, а русская — въ завѣдываніи одного изъ старшихъ учителей русскаго языка.

§ 18. Въ городскую гимназію принимаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія происхожденія и исповѣданія. При одинаковой подготовкѣ отдается предпочтеніе дѣтямъ жителей города Риги, а между послѣдними — дѣтямъ сословія рижскихъ гражданъ.

§ 19. Учащіеся принимаются въ гимназію и переводятся изъ класса въ классъ одинъ разъ въ годъ, по прошествіи учебнаго года; впрочемъ, въ случаѣ достаточнаго подготовленія, пріемъ въ гимназію и переводъ въ слѣдующій классъ могутъ быть допущены и въ началѣ втораго учебнаго полугодія.

§ 20. Ученики гимназій, пробывшіе два года сразу въ томъ же классѣ и не оказавшіе требующихся для перевода въ высшій классъ успѣховъ, увольняются изъ заведенія.

§ 21. Плата за ученіе (Schulgeld) назначается для учениковъ всѣхъ классовъ одинаковая, а именно: въ количествѣ 34 руб. въ годъ. Сверхъ того, каждый ученикъ вноситъ еще 8 руб. ежегодно въ доходъ особой суммы, назначенной для хозяйственныхъ потребностей заведенія. Плата и взносъ поступаютъ по четвертямъ года впередъ въ городскую училищную коллегію, которой предоставлено распредѣлять плату за ученіе, опредѣлять случаи увольненія отъ платежа, а равно увеличивать или уменьшать по соображенію обстоятельствъ плату за ученіе.

Примѣчаніе. За обученіе гимнастикѣ и въ пользу учителя оной каждый ученикъ вноситъ за каждое полугодіе по одному рублю.

§ 22. Плата за ученіе должна быть внесена никакъ не позже конца второй недѣли съ начала преподаванія въ каждой четверти

года; кто въ этотъ срокъ денегъ не внесъ, тотъ считается не принадлежащимъ болѣе въ заведенію.

§ 23. Воспитанники гимназій, окончившіе въ ней курсъ и получившіе одобрительный аттестатъ зрѣлости, пользуются всѣми правами и преимуществами, предоставленными воспитанникамъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа; выдержавшіе удовлетворительнымъ образомъ установленный выпускной экзаменъ по гимназическому отдѣленію могутъ поступать безъ экзамена во всѣ университеты Имперіи и по всѣмъ вообще факультетамъ, а выдержавшіе удовлетворительнымъ образомъ выпускной экзаменъ по реальному отдѣленію могутъ поступать въ высшія спеціальныя училища, подвергаясь только повѣрочному испытанію.

Примчаніе. Хотя учебный курсъ въ высшемъ классѣ гимназій полагается двухгодичный, ученики, оказавшіе особенныя дарованія и прилежаніе, по заключенію конференціи учителей, могутъ быть, въ видѣ исключенія, допускаемы къ выпускному экзамену и послѣ полуторагодичнаго правильнаго посѣщенія ими сего класса.

§ 24. Для должностной переписки гимназія имѣетъ печать съ гербомъ города Риги и съ надписью: «Рижская городская гимназія».

§ 25. Во всѣхъ здѣсь не упомянутыхъ отношеніяхъ Рижская городская гимназія руководствуется подлежащими правилами устава учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа.

ШТАТЪ РИЖСКОЙ ГОРОДСКОЙ ГИМНАЗИИ.

	ШТАТЪ.		Классъ по долж- ности.	Разрядн.	
	РУБ.	КОП.		По мундиру.	По пенсїи.
1. Директору жалованья	1200	—	V.	V.	} По учебному ведомству.
Ему же за завѣдываніе прочими городскими училищами.	600	—	—	—	
2. Помощнику Директора изъ числа старшихъ учителей, прибавочныхъ	500	—	VI.	VI.	
3. Одиннадцати старшимъ учителямъ по 700 р. каждому	7700	—	VIII.	VIII.	
Директоръ и два старшіе учителя пользуются квартирою по долж- ности, прочіе старшіе учителя получаютъ квартирныхъ денегъ по 300 р. каждый.	2700	—	—	—	
<i>Примѣчаніе 1.</i> По прослуженіи де- сяти лѣтъ при заведеніи назна- чаются прибавочныя деньги со- гласно § 16. Устава.		—			
<i>Примѣчаніе 2.</i> Въ случаѣ надоб- ности оба старшіе учителя, вмѣ- сто квартиры по должности, по- лучаютъ показанныя выше квар- тирныя деньги.					
4. Учителю Закона Божія правосла- внаго исповѣданія жалованья . . .	700	—	—	—	
5. Учителю Закона Божія римско-ка- толическаго исповѣданія жало- ванья	100	—	—	—	

	ШТАТЪ.		Классъ по доле-ности.	Разрядн.	
	руб.	коп.		По мундиру.	По пенсіи.
6. Трѣмъ младшимъ учителямъ жалованья, по 600 р. каждому	1800	—	IX.	IX.	По учебному ведомству.
Имъ же квартирныхъ денегъ по 250 р.	750	—	—	—	
7. Учителю рисованія жалованья	500	—	X.	X.	
8. Учителю цѣнія жалованья	100	—	—	—	
9. Учителю гимнастики жалованья	150	—	—	—	
10. Завѣдывающему бібліотекою учителю прибавочныхъ	100	—	—	—	
11. Вознагражденіе учителямъ за преподаваемые ими излишніе уроки, числомъ 12, по 50 р. за часъ въ недѣлю	600	—	—	—	
12. Врачу заведенія	—	—	VIII.	VIII.	
13. Письмоводителю жалованья	400	—	X.	X.	
14. На наемъ канцелярскаго служителя	100	—	XIV.	—	
15. На канцелярскія надобности	100	—	—	—	
16. На бібліотеку и другія учебныя пособия	600	—	—	—	
17. На учебныя пособия для немущихъ учениковъ	150	—	—	—	
18. На хозяйственныя потребности (на отопленіе, освѣщеніе, прислугу, очищеніе дома и другіе расходы по содержанію его), сверхъ уплачиваемаго учениками взноса въ хозяйственную сумму	600	—	—	—	
Итого	19450	—	—	—	

ОБЗОРЪ

назначаемаго для каждаго предмета числа часовъ въ недѣлю въ Рижской городской гимназіи.

	Низшіе классы.				Вышіе классы.						ВСЕГО.	
	ОТДѢЛЕНІЯ.											
	ПРОГИМНАЗІА.				Гимназическое.			Реальное.				
<i>Обязательные предметы преподаванія.</i>												
1. Законъ Божій евангелическо-лютеранскаго исповѣданія .	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	20
Законъ Божій православнаго исповѣданія	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	(20)
Законъ Божій римско-католическаго исповѣданія	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(2)
2. Латинскій языкъ	6	6	6	5	7	8	9	—	—	—	—	47
3. Греческій языкъ	—	—	—	(4)	8	7	7	—	—	—	—	(26)
4. Нѣмецкій	3	3	3	3	3	3	2	3	2	2	2	27
5. Русскій	6	5	5	5	5	5	4	5	5	4	4	49
6. Французскій	—	4	4	4	—	—	—	4	4	4	4	24
7. Англійскій	—	—	—	—	—	—	—	3	4	4	4	11
8. Математика	5	4	6	5	4	4	3	6	6	6	6	49
9. Естественныя науки:												
а) исторія	2	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	} 21
б) физика	—	—	—	—	—	—	2	2	2	2	3	
в) химія неорганическая	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	2	

5*

	Низшіе классы.				Вышіе классы.						В СЕГ О.
	Прогимназія.				Отдѣленія.						
					Гимназическое.			Реальное.			
10. Всеобщая географія.	2	2	2	2	—	—	—	2	—	—	10
11. Всеобщая исторія.	2	2	2	2	3	3	3	3	3	3	26
12. Чистописаніе.	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3
13. Черченіе и рисо- ваніе	—	—	—	2	—	—	—	2	4	4	12
	30	31	32	32	32	32	32	32	34	34	325
Гимнастика	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
<i>Необязательные пред- меты.</i>											
Еврейскій языкъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Пѣніе	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3 (20) (2)
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	361

Примѣчаніе. Назначенные въ 4-мъ классѣ для греческаго языка 4 часа, какъ совмѣстно преподаваемые съ такимъ же числомъ уроковъ французскаго языка, полагаются только для тѣхъ учениковъ этого класса, которые намѣрены перейти изъ него въ третій классъ по гимназическому отдѣленію.

8. (23-го февраля 1874 года). *Положеніе о стипендіи при Симбирской губернской гимназіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Еремѣева.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Должностныя лица Симбирской губерніи собрали по подпискѣ капиталъ въ 340 руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была одна стипендія имени бывшаго Симбирскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Еремѣева.

2) Собранная сумма 340 руб. внесена въ Симбирскій городской общественный банкъ, гдѣ и остается неприкосновенною, а проценты съ оной употребляются на взносъ опредѣленной платы за ученіе стипендіата.

3) Въ стипендіаты избирается одинъ изъ сиротъ и вообще дѣтей бѣднѣйшихъ чиновниковъ Симбирской губерніи.

4) Выборъ стипендіата предоставляется дѣйствительному статскому совѣтнику Еремѣеву; если же онъ не пожелаетъ воспользоваться этимъ правомъ, а равно послѣ смерти его, таковое предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

5) Въ случаѣ неуспѣшности или дурнаго поведенія стипендіата, или оставленія его на другой годъ въ томъ же классѣ, онъ лишается права на стипендію, а стипендія можетъ быть представлена другому лицу.

9. (2-го марта 1874 г.). *Положеніе о стипендіи при Николаевской Маріинской женской гимназіи имени Акилины Алексѣевны Евдокимовой.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На основаніи Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, послѣдовавшаго въ 25-й день февраля сего года, при Николаевской Маріинской женской гимназіи учреждается на вѣчныя времена стипендія, на счетъ процентовъ съ пожертво ваннаго отставнымъ полковникомъ Федоромъ Михайло

вичемъ Евдокимовымъ капитала въ *одну тысячу семьсотъ пятьдесятъ руб.*

2) Стипендіи присвоивается наименование «*стипендіи Акилины Алексѣевны Евдокимовой*».

3) Право избранія стипендіатки изъ ученицъ Николаевской Маріинской женской гимназіи принадлежитъ жертвователю; по смерти же его право переходитъ въ педагогическому совѣту означенной гимназіи.

4) Стипендіаткою можетъ быть воспитанница гимназій, бѣднаго состоянія, православнаго исповѣданія, русскаго происхожденія, отличающаяся хорошими успѣхами въ наукахъ и отличнымъ поведеніемъ.

5) Стипендіатка продолжаетъ пользоваться стипендіей и по окончаніи семилѣтняго курса женской гимназіи, въ случаѣ поступленія ея въ восьмой педагогическій классъ.

6) Стипендія опредѣляется въ *семьдесятъ руб.* и назначается для взноса платы за ученіе въ женской гимназіи и на приобрѣтеніе для стипендіатки учебныхъ пособій изъ девяноста шести руб. двадцати пяти коп. процентовъ, ежегодно получаемыхъ нынѣ, или тѣхъ, которые имѣютъ получаться впослѣдствіи съ пожертвованныхъ 1.750 руб. и хранимыхъ въ мѣстномъ казначействѣ.

7) Выдача стипендіи производится два раза въ годъ: одна половина выдается въ мартѣ, а другая—въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

8) Остатокъ *двадцать шесть руб. двадцать пять коп.* и тотъ, который имѣетъ образоваться впослѣдствіи, за производствомъ стипендіи, вносится въ кредитное учрежденіе для приращенія изъ процентовъ и на составляющійся такимъ образомъ капиталъ педагогическій совѣтъ гимназіи покупаетъ билеты, какіе признаетъ болѣе выгодными.

9) Если изъ таковыхъ ежегодныхъ остатковъ и процентовъ на нихъ образуется капиталъ, достаточный для учрежденія другой стипендіи, то педагогическій совѣтъ гимназіи имѣетъ ходатайствовать объ учрежденіи ея подъ наименованіемъ: «*второй стипендіи Акилины Алексѣевны Евдокимовой*».

и 10) Въ случаѣ смѣщенія стипендіатки по усмотрѣнію жертвователя, или въслѣдствіи педагогическаго совѣта, выданная ей часть стипендіи не возвращается, а недоданная выдается.

10. (9-го марта 1874 года). *Положеніе о тринадцати стипендіяхъ для дѣвицъ изъ дворянъ Владимірской губерніи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, послѣдовавшаго по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, дворянствомъ Владимірской губерніи учреждаются 13 стипендій для дѣвицъ изъ дворянъ этой губерніи, по одной на каждый уѣздъ, въ память бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны съ герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ, которыя и именуется «Маріинскими».

§ 2. Стипендіатки избираются уѣздными предводителями дворянства и утверждаются губернскимъ предводителемъ; въ случаѣ неимѣнія въ какомъ-либо уѣздѣ кандидаты на стипендію, она предоставляется кандидаткѣ другаго уѣзда, по совѣщанію предводителей дворянства этихъ уѣздовъ.

§ 3. Выборъ женскихъ учебныхъ заведеній для помѣщенія стипендіатокъ предоставляется ихъ родителямъ или родственникамъ; въ случаѣ же неимѣнія ихъ, уѣздному предводителю дворянства того уѣзда, отъ котораго назначается стипендіатка.

§ 4. Уѣздные предводители дворянства на пользованіе стипендіей выдаютъ свидѣтельство или стипендіатебъ, или родственникамъ ея, въ которомъ означается, что ежегодно имѣеть быть уплачиваемо за воспитаніе стипендіатки губернскимъ предводителемъ дворянства 120 руб.

§ 5. Означенная сумма, какъ плата за воспитаніе, ежегодно вносится губернскимъ предводителемъ изъ суммъ, назначенныхъ дворянствомъ, въ то женское учебное заведеніе, въ которое помѣщена стипендіатка.

§ 6. Въ случаѣ поступленія стипендіатки въ открытое жен-

ское учебное заведеніе, стипендія, за уплатою въ заведеніе слѣдующей суммы за ученіе, выдается губернскимъ предводителемъ дворянства на руки родителямъ или родственникамъ стипендіатки для приличнаго ея содержанія, по предварительному сношенію съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства того уѣзда, отъ котораго назначена стипендіатка.

§ 7. Избранныя стипендіатки сохраняютъ право на стипендію во все время ученія въ женскомъ учебномъ заведеніи, которое, впрочемъ, можетъ продолжаться не болѣе 10 лѣтъ.

и § 8. Причины, по которымъ стипендіатки могутъ лишиться права на пользованіе стипендіями, суть лѣность и неодобрительное поведеніе, по засвидѣтельствованію начальствъ учебныхъ заведеній.

11. (9-го марта 1874 года). *Положеніе о стипендіи, учрежденной при Николаевскомъ реальномъ училищѣ, имени отставнаго полковника Ѳедора Михайловича Евдокимова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Николаевскомъ реальномъ училищѣ учреждается на вѣчныя времена стипендія, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго отставнымъ полковникомъ Ѳедоромъ Михайловичемъ Евдокимовымъ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, заключающагося въ закладныхъ листахъ Херсонскаго земскаго банка.

2) Стипендіи присвоивается наименованіе «стипендія отставнаго полковника Ѳедора Михайловича Евдокимова».

3) Стипендіатомъ можетъ быть воспитанникъ Николаевскаго реальнаго училища бѣднаго состоянія, православнаго исповѣданія, русскаго происхожденія, отличающійся хорошими успѣхами въ наукахъ, при отличномъ поведеніи.

4) Стипендіатъ, по окончаніи курса въ Николаевскомъ реальномъ училищѣ, переходя для дальнѣйшаго образованія въ высшее специальное заведеніе, можетъ, если пожелаетъ, удержать за собою стипендію до окончанія курса въ этомъ послѣднемъ

заведеніи, куда и высылается стипендія Николаевскимъ реальнымъ училищемъ.

5) Изъ восьмидесяти двухъ рублей пятидесяти копѣекъ, процентовъ съ капитала въ 1.500 руб., производится плата за ученіе стипендіата и, кромѣ того, выдается ему, по усмотрѣнію жертвователя, а по смерти его—педагогическаго совѣта училища, пособіе на приобрѣтеніе учебниковъ, такимъ образомъ, чтобы плата и пособіе вмѣстѣ не превышали пятидесяти пяти руб. въ годъ.

6) Стипендія производится два раза въ годъ: одна половина въ январѣ, а другая—въ августѣ.

7) Право избранія стипендіата изъ учениковъ Николаевскаго реальнаго училища Федоръ Михайловичъ Евдокимовъ при жизни своей оставляетъ за собою, а по смерти его право это переходитъ къ педагогическому совѣту Николаевскаго реальнаго училища.

8) Остатокъ, образующійся ежегодно за производствомъ стипендіи, вносится въ кредитное учрежденіе, для приращенія изъ процентовъ.

9) На капиталъ, образующійся изъ ежегодныхъ остатковъ и процентовъ на нихъ, педагогическій совѣтъ училища покупаетъ билеты, какіе признаетъ болѣе выгодными.

10) Если изъ таковыхъ ежегодныхъ остатковъ и процентовъ на нихъ образуетъ капиталъ, достаточный для учрежденія другой стипендіи, то педагогическій совѣтъ училища приводитъ это въ исполненіе, съ наименованіемъ этой новой стипендіи «второю стипендіею отставнаго полковника Федора Михайловича Евдокимова».

12. (16-го марта 1874 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Зарайскаго городского головы Афремова, учрежденныхъ при Зарайскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ 600 рублей, внесеннаго на вѣчныя времена въ Зарайскій общественный банкъ городскимъ

головую Афремовымъ, учреждаются, согласно Высочайшему соизволенію, при Зарайскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи, по 18 руб. въ годъ каждая, съ наименованіемъ ихъ: «стипендіи Зарайскаго городского головы Афремова».

2) Изъ означенныхъ 18-ти рублей, 15 рублей должны быть уплачиваемы за право ученія, а 3 рубля употребляемы на учебныя пособія.

3) Выборъ стипендіатовъ при жизни городского головы Афремова принадлежитъ ему, а по смерти его — Зарайской городской думѣ.

4) Стипендіатъ, не перешедшій въ слѣдующій классъ, съ согласія учредителя не лишается стипендіи.

5) Стипендіатъ, за неуспѣшность въ наукахъ и неодобрительность въ поведеніи, теряетъ право на полученіе стипендіи.

13. (16-го марта 1874 года). *Правила для испытанія студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института вообще и для полученія степени ветеринара и маистра ветеринарныхъ наукъ, равно какъ и званія ветеринарнаго фельдшера для воспитанниковъ фельдшерской школы.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Экзамены для студентовъ ветеринарнаго института должны быть двоякаго рода: а) для перехода изъ курса въ курсъ — полукурсовые и курсовые и б) окончательные для полученія степени ветеринара.

Экзамены курсовые и полукурсовые.

2) Курсовыя и полукурсовыя испытанія почитаются безусловно необходимыми для удостовѣренія въ состоятельности познанія студента изъ пройденныхъ предметовъ для перевода въ высшій курсъ.

3) Для экзаменовъ курсовыхъ и полукурсовыхъ совѣтомъ института назначаются дни, согласно заявленію о томъ экзаменатора, о чемъ экзаменующіеся особымъ объявленіемъ поставляются въ извѣстность чрезъ инспектора студентовъ.

4) Студенты переводятся въ слѣдующіе курсы не иначе, какъ по полученіи удовлетворительныхъ отмѣтокъ при испытаніяхъ годовыхъ и семестровыхъ изъ всѣхъ предметовъ, выслушанныхъ за цѣлый академическій годъ.

5) Если студентъ при годовичныхъ испытаніяхъ не добаетъ хорошихъ успѣховъ изъ одного или двухъ предметовъ, пройденныхъ въ курсѣ, то ему дозволяется въ назначенное совѣтомъ время вторично держать экзаменъ изъ этихъ же предметовъ; если же неудовлетворительныя отмѣтки будутъ получены студентомъ болѣе, чѣмъ изъ двухъ предметовъ, то онъ оставляется на курсѣ безъ права переэкзаменовки.

6) Не явившійся безъ уважительной причины на испытаніе по одному или нѣсколькимъ предметамъ теряетъ право на испытаніе и оставляется въ курсѣ. Въ случаѣ же невыдержанія экзамена по уважительной причинѣ можетъ быть допущенъ, съ разрѣшенія совѣта, къ дополнительнымъ экзаменамъ въ началѣ слѣдующаго года.

Примѣчаніе. Срокъ для дополнительныхъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ полагается до 15-го сентября.

7) При испытаніяхъ семестровыхъ и годовыхъ необходимо присутствіе ассистента изъ профессоровъ или доцентовъ.

8) Курсовыя и семестровыя испытанія производятся по той программѣ, которую профессоръ представилъ въ совѣтъ при началѣ учебнаго года и по билетамъ, вынимаемымъ испытующимъ, при чемъ экзаменующійся отвѣчаетъ на одинъ вопросъ. При неудовлетворительномъ отвѣтѣ на взятый вопросъ, профессоръ можетъ предложить экзаменующемуся взять еще два вопроса.

9) Студентъ, пробывшій на курсѣ два года и не выдержавшій экзамена, исключается изъ института.

Экзамены на ученую степень ветеринара.

1) Къ экзамену на степень ветеринара имѣетъ право приступить студентъ IV-го курса, выслушавшій всѣ науки институт-

скаго курса, какъ существенныя, такъ и вспомогательныя, изчисленныя въ §§ 23, 24 и 25.

2) Ветеринарные помощники, желающіе подвергнуться испытанію для полученія степени ветеринара, допускаются къ такому по представленіи: 1) свидѣтельства на званіе ветеринарнаго помощника; 2) доказательства, что удовлетворительно выдержали испытанія изъ вспомогательныхъ предметовъ, изчисленныхъ въ § 24 положенія, Высочайше утвержденного 3-го мая 1873 года, о Харьковскомъ и Дерптскомъ ветеринарныхъ институтахъ, и 3) документъ объ окончаніи 6-ти классовъ гимназій, общеобразовательнаго отдѣленія семинаріи или наконецъ, полного курса реальныхъ училищъ; въ послѣднемъ случаѣ обязываются еще держать экзаменъ изъ латинскаго языка.

3) Подвергающійся испытанію изъ существенныхъ предметовъ ветеринарной медицины прежде всего долженъ удовлетворительно выдержать экзаменъ изъ вспомогательныхъ предметовъ, поименованныхъ въ §§ 24 и 25.

4) Испытаніе на степень ветеринара производится въ присутствіи по крайней мѣрѣ двухъ членовъ совѣта.

5) Испытаніе производится по программѣ профессора, утвержденной совѣтомъ, и по билетамъ, которыхъ экзаменующійся беретъ два изъ всего числа ихъ.

6) Совѣтъ института можетъ дать экзаменуемому отсрочку для продолженія испытаній, ежели таковымъ попрепятствуетъ тяжелая болѣзнь кандидата, смерть родителей и другія важныя происшествія въ семьѣ его родителей и родственниковъ. Въ этомъ отношеніи совѣтъ обращаетъ особенное вниманіе на важность выставляемыхъ экзаменующимъ причинъ.

7) Экзаменующійся, оказавшій неудовлетворительные отвѣты изъ одного существеннаго предмета (теоретическаго или практическаго), можетъ, не ранѣе какъ по истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ, приступить къ экзамену изъ этого предмета; при полученіи же неудовлетворительныхъ отвѣтокъ изъ двухъ существенныхъ предметовъ теряетъ право держать экзамены въ теченіе 6-ти мѣся-

цевъ со дня подписанія членами совѣта института объ этомъ протокола. По истеченіи 6-ти мѣсяцевъ, приступая къ экзамену, испытуемый начинаетъ его изъ всѣхъ предметовъ, и слѣдовательно, удовлетворительныя отмѣтки, полученныя при первомъ испытаніи, въ новый протоколъ не вносятся.

8) Ищущій степени ветеринара въ одномъ и томъ же институтѣ можетъ подвергаться испытанію не болѣе 3-хъ разъ.

9) При испытаніяхъ изъ предметовъ практическихъ, какъ-то: практическаго кованія, судебно-ветеринарныхъ вскрытій, описательной и патологической анатоміи, экзаменующійся отвѣчаетъ на вопросы по данному практическому случаю, не выходящіе изъ программы преподавателя. Изъ описательной анатоміи онъ вскрываетъ и описываетъ одну изъ трехъ главныхъ полостей тѣла и, сверхъ того, обязанъ приготовить и демонстрировать препаратъ какой-нибудь части тѣла или отдѣльнаго органа. При судебно-ветеринарномъ вскрытіи обязанъ составить судебно-ветеринарный протоколъ этого вскрытія и осмотра, при испытаніяхъ въ практической ковкѣ долженъ выказать умѣнье примѣнить теоретическія познанія къ данному практическому случаю и руководить фельдшерскаго ученика или рабочаго ветеринара въ правилахъ ковки и приготовленія подковъ. Испытанія въ клиникѣ наружныхъ и внутреннихъ болѣзней должны состоять въ распознаваніи болѣзни, опредѣленіи и выполненіи самаго леченія одного или двухъ животныхъ по каждому отдѣленію клиники, съ представленіемъ обстоятельныхъ исторій этихъ больныхъ. (Поэтому такія испытанія должны продолжаться не менѣе 5-ти дней).

10) При практическихъ испытаніяхъ присутствуетъ одинъ членъ совѣта.

11) При испытаніяхъ на степень ветеринара, переэкзаменовки не должны быть допускаемы; въ случаяхъ же, когда экзаменаторъ, на основаніи личныхъ соображеній, таковыя допустить признаетъ возможнымъ, онѣ могутъ быть произведены, но съ разрѣшенія совѣта и не иначе, какъ въ первомъ экзаменаціонномъ или совѣтскомъ засѣданіи членовъ совѣта.

12) Экзаменъ изъ существенныхъ теоретическихъ предметовъ не долженъ длиться болѣе 6-ти недѣль. Въ случаѣ совпаденія праздниковъ и табельныхъ дней въ дни, назначенные для экзаменовъ, или наконецъ, болѣзни экзаменатора, испытуемый имѣетъ право просить экзаменовать его въ первый послѣ праздника день, или тотчасъ по выздоровленіи экзаменатора.

13) Совѣтъ института не можетъ допустить начинать испытаній на степень ветеринара наканунѣ продолжительныхъ праздниковъ, напримѣръ, Рождественскихъ и Свѣтлаго Воскресенія и лѣтнихъ вакацій; но ежели бы, по особенной просьбѣ экзаменующагося, таковыя совѣтомъ были разрѣшены, то не иначе, какъ съ зачетомъ въ 6-ти недѣльный срокъ и дней праздничныхъ, въ которые члены совѣта отъ занятій свободны.

14) Приступающій къ испытанію на степень ветеринара можетъ начать таковое, или прямо изъ существенныхъ теоретическихъ предметовъ, или изъ практическихъ занятій въ клиникѣ, кузницѣ, анатомическомъ театрѣ и лабораторіи патологической анатоміи, ежели тому будутъ благопріятствовать обстоятельства, какъ для экзаменатора, такъ и для экзаменующагося.

15) Определеннаго срока для окончанія практическихъ испытаній совѣтъ не назначаетъ, а предоставляетъ это желанію испытуемаго.

16) Подвергающійся испытанію на степень ветеринара имѣетъ право изъ предметовъ практическихъ держать экзаменъ и въ другомъ институтѣ.

Объ испытаніяхъ фельдшерскихъ учениковъ для перехода изъ одного курса въ другой и для полученія званія ветеринарнаго фельдшера.

1) Испытанія фельдшерскихъ учениковъ должны быть двоякаго рода: а) годовыя и б) для полученія званія ветеринарнаго фельдшера.

2) Годовые экзамены какъ изъ предметовъ общеобразовательныхъ, такъ и существенныхъ ветеринарной медицины, производятся преподавателями предметовъ въ дни, назначенные совѣтомъ

института, согласно заявленію преподавателя и съ объявленіемъ о томъ ученикамъ, чрезъ инспектора студентовъ.

3) При годовыхъ испытаніяхъ присутствуетъ директоръ или другой членъ совѣта.

4) Если ученикъ при годичныхъ испытаніяхъ не докажетъ хорошихъ успѣховъ изъ одного или двухъ предметовъ, пройденныхъ въ курсѣ, то ему дозволяется въ назначенное совѣтомъ время вторично держать экзаменъ изъ этихъ же предметовъ; если же неудовлетворительныя отмѣтки будутъ получены ученикомъ болѣе, чѣмъ изъ двухъ предметовъ, то онъ оставляется на курсѣ безъ права переекзаменовки.

5) Испытаніе фельдшерскихъ учениковъ для пріобрѣтенія званія ветеринарнаго фельдшера, какъ изъ предметовъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, должно быть производимо въ присутствіи профессора, члена совѣта; но при испытаніи изъ предметовъ, преподаваемыхъ ассистентами клиники, лаборантомъ фармаціи, ученымъ кузнецомъ и помощникомъ прозектора, долженъ быть преподаватель, къ каедрѣ котораго относится предметъ, изъ котораго производится испытаніе.

6) Испытаніе изъ теоретическихъ предметовъ производится по билетамъ, и экзаменующійся отвѣчаетъ на одинъ вопросъ, взятый изъ числа билетовъ, въ программѣ преподавателя изчисленныхъ.

7) Теоретическія испытанія для получения званія ветеринарнаго фельдшера продолжаются не болѣе 3-хъ недѣль.

8) При неудовлетворительныхъ отмѣткахъ изъ двухъ теоретическихъ предметовъ или двухъ практическихъ, испытуемый въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ теряетъ право продолжать экзаменъ; если же неудовлетворительно выдержитъ испытаніе изъ 3-хъ и болѣе предметовъ, обязанъ чрезъ 6 мѣсяцевъ начать экзаменъ вновь изъ всѣхъ предметовъ.

Правила объ испытаніи для полученія званія магистра ветеринарныхъ наукъ.

1) Экзаменующійся подвергается испытанію изъ всѣхъ теоретическихъ и практическихъ существенныхъ предметовъ ветеринарной медицины, изчисленныхъ въ § 23 Положенія, Высочайше утвержденного 8-го мая 1873 года, о Харьковскомъ и Дерптскомъ ветеринарныхъ институтахъ, и обязанъ написать диссертацию и публично защититъ таковую.

2) Теоретическія испытанія на званіе магистра ветеринарныхъ наукъ производятся въ присутствіи всѣхъ членовъ совѣта.

3) Срокъ для теоретическихъ испытаній назначается 6-ти недѣльный; при чемъ испытуемый отвѣчаетъ на два вопроса, то есть, по двумъ билетамъ по каждому предмету, и отъ него требуется знакомство съ литературой по всѣмъ отдѣламъ ветеринарныхъ наукъ.

4) Если экзаменующійся получить неудовлетворительную отмѣтку хотя по одному предмету, то онъ теряетъ право продолжать испытаніе, хотя по всѣмъ остальнымъ предметамъ имѣлъ удовлетворительныя отмѣтки.

5) Кромѣ испытаній устныхъ, экзаменующійся обязанъ въ присутствіи совѣта написать два письменные отвѣта изъ существенныхъ предметовъ на заданныя профессорами темы.

6) Для испытанія изъ предметовъ практическихъ срока не назначается; экзаменуемому дается право окончить испытаніе изъ этихъ предметовъ въ какомъ угодно институтѣ; при практическихъ испытаніяхъ присутствуютъ два члена совѣта.

7) Диссертациі, представленныя магистрантами, разсматриваются членами совѣта, на что полагается для каждаго профессора времени до одного мѣсяца, смотря по объему рукописи.

8) Диссертациі, признанныя удобными къ защитѣ, по постановленію совѣта, разрѣшаются къ печати, и это напечатаніе для магистранта обязательно.

9) Магистрантъ имѣетъ право, ежели того пожелаетъ, защищать свой трудъ и въ другомъ ветеринарномъ институтѣ.

10) Диссертація, признанная совѣтомъ неудовлетворительною, не возвращается магистранту, а остается въ дѣлѣ института прошнурованною и припечатанною, о чемъ магистрантъ и поставляется въ извѣстность секретаремъ совѣта, безъ объясненія, въ чемъ состоитъ несостоятельность оной.

11) Послѣ удачной защиты, магистръ, не выходя изъ торжественнаго зала, подписываетъ вѣдвенное обѣщаніе, и вслѣдъ затѣмъ выдается ему отъ совѣта института на званіе магистра дипломъ.

14. (14-го апрѣля 1874 года). *Правила для студентовъ и вольныхъ слушателей специальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Принятые въ число студентовъ получаютъ изъ канцеляріи института билетъ на жительство за подписью директора.

2) Плата за право слушанія лекцій за первый семестръ вносится при подачѣ прошенія.

3) Студенты обязаны доставить адресъ своего мѣста жительства въ канцелярію и сообщать затѣмъ о всякой переменѣ квартиры.

4) Для выѣзда въ другіе города студенты подаютъ директору прошеніе и получаютъ отпускной билетъ. При прошеніи объ отпускѣ представляется удостовѣреніе отъ бібліотекаря, что взятая изъ бібліотеки книга возвращена.

5) Внѣ института студенты подчиняются полиціи, внутри же института, какъ они, такъ и вольные слушатели, подчиняются распоряженіямъ начальства института.

6) Деньги за право слушанія лекцій вносятся не позже первыхъ двухъ мѣсяцевъ каждаго семестра, то-есть, 1-го марта и 15-го октября.

7) Кромѣ несостоятельныхъ студентовъ института, отъ платы за слушаніе лекцій могутъ быть освобождены только тѣ изъ постороннихъ слушателей, которые состоятъ студентами другихъ

высшихъ учебныхъ заведеній и пользуются въ нихъ этимъ правомъ. Посторонніе же слушатели, не подходящіе подъ эту категорію, допускаются къ слушанію лекцій только со дня внесенія платы.

8) Съ просьбою объ освобожденіи отъ платы должно обращаться къ директору института съ прошеніемъ, къ которому прилагается свидѣтельство о бѣдности.

9) Постороннимъ слушателямъ выдается изъ канцеляріи билетъ для слушанія лекцій, и этотъ билетъ предъявляется ими при входѣ въ институтъ.

10) Студентамъ вмѣняется въ обязанность аккуратно посѣщать лекціи. Въ случаѣ болѣзни или другаго препятствія, они должны сообщать объ этомъ письменно инспектору.

11) Студентъ, не аккуратно посѣщающій лекціи и не исполняющій назначенныхъ профессорами письменныхъ работъ, можетъ, по распоряженію совѣта, не быть допущенъ къ экзамену.

12) Студенты пользуются учебниками и другими пособиями институтской библіотеки, при чемъ недорогогія изъ нихъ могутъ быть выдаваемы имъ на домъ, но въ числѣ не болѣе 5-ти томовъ за одинъ разъ; дорогими же и рѣдкими сочиненіями они могутъ пользоваться только въ самомъ институтѣ.

13) Студенты, а равно и вольные слушатели, подвергаются взысканіямъ со стороны института за проступки, не имѣющіе уголовнаго характера.

14) Въ случаѣ полученія институтскимъ начальствомъ свѣдѣнія о студентахъ, подвергавшихся приговору общихъ судебныхъ мѣстъ за проступки, совершенные внѣ института, директору вмѣняется въ обязанность предлагать на обсужденіе совѣта вопросъ о томъ, можетъ ли виновный быть оставленъ въ числѣ студентовъ, или онъ долженъ подлежать удаленію и исключенію.

15) Право налагать взысканія за нарушеніе институтскихъ правилъ принадлежитъ директору совѣта.

16) Директоръ лично своею властію можетъ назначать студентамъ выговоры за слѣдующіе проступки:

а) за несоблюденіе тишины въ стѣнахъ института, сопровождаея безпорядкомъ;

б) за куреніе табаку въ аудиторіяхъ, бібліотекѣ и корридорахъ института;

в) за оскорбленіе институтскихъ служителей;

г) за необъявленіе о мѣстѣ жительства въ теченіе трехъ дней;

д) за нехождение на лекціи;

е) вообще за всѣ проступки, въ которыхъ высказывается небрежность къ исполненію обязанностей.

17) Въ случаѣ, если эти проступки повторятся болѣе 3-хъ разъ, директоръ передаетъ обсужденіе ихъ въ совѣтъ.

18) Совѣтъ обсуждаетъ проступки студентовъ въ присутствіи обвиняемаго и свидѣтелей. Дѣло производится устно, со внесеніемъ приговора въ протоколъ.

19) Совѣтъ вызываетъ въ опредѣленный день обвиняемаго и свидѣтелей письменными повѣстками; въ случаѣ ихъ неявки, совѣтъ можетъ отсрочить разбирательство, или рѣшить дѣло въ отсутствіи вызванныхъ.

20) Совѣтъ назначаетъ слѣдующія взысканія: выговоръ въ присутствіи совѣта, лишеніе пособій, стипендій временно или навсегда, удаленіе на годъ или на два, увольненіе и исключеніе съ правомъ поступать въ другія высшія учебныя заведенія, или съ лишеніемъ этого права въ продолженіе отъ одного до трехъ лѣтъ.

21) Означеннымъ взысканіямъ и выговору студенты подвергаются:

а) за неповиновеніе институтскимъ правиламъ, его начальству и совѣту;

б) за неявку безъ уважительныхъ причинъ по вызову начальства;

в) за подачу чужаго сочиненія, вмѣсто своего;

г) за повтореніе проступка, за который студентъ подвергся выговору въ присутствіи совѣта;

д) за дерзость противъ начальства и преподавателей института;

е) за нарушеніе порядка въ стѣнахъ института;

- ж) за возбужденіе къ безпорядкамъ и неповиновенію;
- з) за проступки, которыми студентъ признанъ виновнымъ общими судебными установленіями и въ которыхъ высказывается безправственность, не оправдываемая увлеченіями молодости.

15. (14-го апрѣля 1874 года). *Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ.*

Нѣкоторые изъ попечителей учебныхъ округовъ входятъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ вопросами о томъ: какой окладъ жалованья слѣдуетъ производить преподавателямъ, опредѣляемымъ въ реальныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, прослужившимъ до того по учебной части болѣе 5-ти лѣтъ, то-есть, 750 руб. или 900 руб. за 12 уроковъ.

Имѣя въ виду, что въ § 53 Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 года устава реальныхъ училищъ говорится о низшемъ окладѣ жалованья *только вновь поступающимъ на учебную службу*, считаю нужнымъ изъяснить, что тѣ изъ преподавателей, которые прослужили уже до поступленія на службу въ реальныя училища по учебной части пять и болѣе лѣтъ, должны получать окладъ за 12 уроковъ въ 900 руб.

16. (14-го апрѣля 1874 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ.*

Въ августѣ мѣсяцѣ 1873 года разрѣшено гимназіямъ Одесскаго учебнаго округа, VII классъ которыхъ раздѣленъ на два самостоятельныхъ отдѣленія, руководствоваться слѣдующими правилами при переводныхъ испытаніяхъ изъ младшаго отдѣленія въ старшее: 1) ученики младшаго отдѣленія VII класса подвергаются въ концѣ учебнаго года только письменному испытанію, которое производится въ то же время, изъ тѣхъ же предметовъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и письменныя испытанія, установленныя для учениковъ I, II, III и V классовъ, и 2) значеніе отбѣтокъ, полученныхъ учениками младшаго отдѣленія на пись-

менномъ испытаніи, при удостоеніи ихъ перевода въ старшее отдѣленіе, такое же, какъ и отиѣтокъ, выставляемыхъ ученикамъ I, II, III и V классовъ на письменныхъ испытаніяхъ этихъ учениковъ при переводѣ ихъ изъ класса въ классъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* октябрьская книжка 1873 года въ отд. Правит. распор., стр. 58, 59 и 60).

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство принять эти правила къ руководству и исполненію въ тѣхъ гимназіяхъ вѣреннаго вамъ учебнаго округа, въ которыхъ VII классъ раздѣленъ на два самостоятельныя отдѣленія.

17. (20-го апрѣля 1874 года). *Правила о стипендіи, учрежденной Ярославскимъ 1-й гильдіи купцомъ Топлениновымъ при Демидовскомъ юридическомъ лицей, въ память сохраненія Божиимъ Промысломъ жизни Государя Императора 25-го мая 1867 года въ г. Парижѣ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На пожертвованный Ярославскимъ 1-й гильдіи купцомъ А. Д. Топлениновымъ капиталъ въ 2.000 рублей учреждается при Демидовскомъ юридическомъ лицей, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 18-го марта 1874 года, стипендія «въ память сохраненія Божиимъ Промысломъ жизни Государя Императора, 25-го мая 1867 года, въ Парижѣ».

2) Означенный капиталъ въ *дѣтъ тысяч* рублей остается на храненіи въ Ярославскомъ общественномъ банкѣ на вѣчное время и проценты съ него, въ количествѣ *ста тридцати* рублей, ежегодно передаются въ лицей, для выдачи стипендіату.

3) Стипендіатами могутъ быть студенты лицей безъ различія сословій и съ полученіемъ стипендіи не соединяется никакая обязательная служба.

4) Назначеніе стипендіатовъ при жизни жертвователя принадлежитъ ему, а послѣ его смерти предоставляется лицей.

5) Студентъ, получившій стипендію, пользуется оною до окон-

чанія курса въ лицѣѣ и лишается стипендіи за неодобрительное поведеніе.

18. (20-го апрѣля 1874 года). *Положеніе о стипендіи при Симбирской мужской гимназій имени директора училищъ Симбирской губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича Вишневаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

Нѣкоторые почетные представители Симбирскаго общества всѣхъ сословій, въ память сорокалѣтней службы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича Вишневаго, и глубоко искренне сочувствуя 15-лѣтней полезной его дѣятельности на пользу управляемыхъ имъ заведеній, собрали по подпискѣ сумму въ 461 руб. 50 коп. на учрежденіе въ Симбирской мужской гимназій стипендіи имени директора г. Вишневаго на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Собранную сумму обратить въ процентныя бумаги и хранить вмѣстѣ съ гимназическими суммами.

2) Капиталъ этотъ остается неприкосновеннымъ, а проценты съ него выдаются стипендіату.

3) Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣдныхъ учениковъ, отличныхъ по успѣхамъ и поведенію.

4) Выборъ стипендіата предоставляется г. директору Вишневаго, пока онъ будетъ состоять въ этой должности, а съ выбытіемъ его право это предоставляется педагогическому совѣту гимназій.

5) Въ случаѣ малоуспѣшности въ наукахъ или дурнаго поведенія, избранный стипендіатъ лишается права на стипендію.

6) Стипендіату, оставшемуся на другой годъ въ томъ же классѣ, только по особо уважительнымъ причинамъ можетъ быть сохранена стипендія.

19. (4-го мая 1874 года). *Циркулярное предложеніе начальника учебных округов* ¹⁾.

Г. управляющій дѣлами комитета гг. министровъ, отъ 23-го апрѣля сего года за № 612, увѣдомилъ меня, что во внесенномъ, по Высочайшему повелѣнію, государственнымъ контролеромъ въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ по государственному контролю за 1873 годъ, противъ объясненія генералъ-адъютанта Грейга о томъ, что успѣшному ходу ревизіи вредить не прекращающаяся, не смотря на всѣ принимаемыя государственнымъ контролемъ мѣры, несвоевременность въ доставленіи какъ отчетности, такъ въ особенности объясненій отчетныхъ мѣстъ на сдѣланныя при ревизіи замѣчанія, — Государю Императору благоугодно было написать: «Необходимо подтвердить всѣмъ вѣдомствамъ о скорѣйшемъ доставленіи требуемыхъ свѣдѣній».

О таковой Высочайшей Его Императорскаго Величества резолюціи считаю необходимымъ сообщить начальникамъ учебных округовъ для свѣдѣнія и должнаго, въ потребныхъ случаяхъ, исполненія.

20. (4-го мая 1874 года). *Циркулярное предложеніе попечителямъ учебных округовъ.*

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ моемъ по министерству народнаго просвѣщенія за 1872 годъ заявлено было мною, между прочимъ, что хотя въ отчетномъ году число преподавателей въ нашихъ университетахъ увеличилось противъ прежнихъ лѣтъ, но что въ оныхъ и теперь имѣется весьма значительное число незанятыхъ преподавательскихъ вакансій, а именно число это простиралось въ 1-му января 1873 году до 171, въ томъ числѣ 32 ординарныхъ профессоровъ, 58 экстраординарныхъ и 81 вакансія доцентовъ.

¹⁾ Подлежитъ исполненію на основаніи циркулярнаго предложенія отъ 3-го сентября 1866 года, напечатаннаго въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за сентябрь мѣсяць того года.

Коммиссія, Высочайше учрежденная для разсмотрѣнія означеннаго отчета, нашла необходимымъ обратить на этотъ фактъ особое мое вниманіе и, признавая число не замѣщенныхъ каедръ въ нашихъ университетахъ весьма значительнымъ, вмѣнила мнѣ, между прочимъ, въ обязанность, въ предотвращеніе могущаго произойти отъ сего вреда для высшаго образованія, принять зависящія мѣры, чтобы совѣты университетовъ съ болѣею заботливостью пользовались предоставленнымъ имъ по Высочайше утвержденному уставу оныхъ правомъ замѣщенія открывающихся въ университетахъ каедръ.

Таковое положеніе коммиссіи удостоилось Высочайшаго Государя Императора одобренія.

Сообщая вашему превосходительству о вышеизложенномъ, почтительнѣе прошу васъ, милостивый государь, предложить совѣту университета вѣреннаго вамъ учебнаго округа озаботиться скорѣйшимъ по возможности замѣщеніемъ въ университетѣ остающихся вакантными преподавательскихъ должностей.

IV. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

23-го февраля 1874 года (№ 4). *Утверждается:* заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Мильмаузенъ*—деканомъ юридическаго факультета сего университета на три года, съ 1-го января 1874 года.

Назначается: инспекторъ Иркутской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Яковлевъ*—директоромъ училищъ Иркутской губерніи, съ 2-го февраля 1874 года.

Опредѣляется: библиотекарь Императорской публичной библиотеки, коллежскій ассессоръ *Страховъ*—членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ на службѣ при сей библиотекѣ.

Оставляются на службѣ: директоръ училищъ Тобольской губерніи, статскій совѣтникъ *Рудаковъ*, съ 19-го января 1874 года,

на три года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Миллаузенъ*, съ 1-го января 1874 года, и директоръ училищъ Симбирской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вишневскій*, съ 23-го января 1874 года, на пять лѣтъ.

Увольняются въ отпускъ: по Россіи: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Кузнецовъ*—въ Тамбовскую губернію, на мѣсяць; *за границу:* ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*—на двадцать дней, съ 23-го апрѣля 1874 года; комнатный надзиратель пансіона при Курской гимназіи, состоящій въ XIV классѣ, *Блукетъ*—съ 1-го іюля по 13-е августа 1874 года; преподаватель гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго общества, состоящій въ VIII классѣ, *Габріэль*, и учитель Московской шестой гимназіи *Мазинъ*—на лѣтнее ваканціонное время 1874 года; учитель Керченской Александровской гимназіи *Христинъ*—на два мѣсяца; начальница Волчанской женской прогимназіи *Отрошкевичъ*—на четыре мѣсяца, съ 1-го апрѣля 1874 года; послѣдніе трое по болѣзни.

Увольняется отъ службы: директоръ народныхъ училищъ Витебской губерніи, надворный совѣтникъ *Еленевскій*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: за отлично-усердную службу: по Московскому учебному округу: класснымъ наставникамъ Московской четвертой гимназіи, состоящимъ въ VIII классѣ: *Ниберту*, *Абрамову* и *Страхову*; учителю приготовительнаго класса Рязанской гимназіи, коллежскому ассесору *Ункову*; коллежскимъ ассесорамъ: штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Сычевскаго, *Михайлову*, Кашинскаго, *Левитскому* и Галичскаго, *Левашову*, и учителямъ уѣздныхъ училищъ: Владимірскаго, коллежскому ассесору *Солярскому*, Пронскаго, губернскому секретарю *Елорову* и Мещовскаго, губернскому секретарю *Соловьеву*; по Казанскому учебному округу: штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Царицынскаго, *Ундрищеву*, Вольскаго, *Богоявленскому*, Самарскаго, *Ушакову*, Бу-

зулукскаго, *Иванову*, Астраханскаго, *Семенову*, Котельническаго, *Глушкову*, Полинскаго, *Орловскому* и Челябинскаго, *Протасову*; врачамъ: Сарапульскаго уѣзднаго училища, *Круликовскому* и Арзамасской женской прогимназіи, *Слонимскому*; учительницѣ Казанской Маріинской женской гимназіи *Девизъ*; преподавательницѣ приготовительнаго класса сей гимназіи *Малыхъ* и надзирательницамъ этой же гимназіи: *Ефремовой* и *Звяжиной*; за *полезныя труды по преподаванію*: преподавателю Сѣнницкой учительской семинаріи *Кошкарову* и законоучителю оной *Янчаку*; за *постоянно отличную-усердную и полезную дѣятельность по народному образованію*: въ Полтавской губерніи: уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ: Полтавскому, Прилукскому, Кобелякскому, Кременчугскому и Гадячскому; штатнымъ смотрителямъ, членамъ-дѣлопроизводителямъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ: Полтавскаго, *Тирютину*, Гадячскаго, *Бойкевичу*, Роменскаго, *Охрицкому*, Кременчугскаго, *Громакову*, Кобелякскаго, *Колесникову*, Хорольскаго, *Дымскому* и Миргородскаго, *Данкену*; почетнымъ блюстителямъ училищъ: Петровскаго двухкласснаго, статскому совѣтнику *Джунновскому* и Кременчугскаго городского приходскаго, городскому головѣ *Ряхину*; попечителямъ училищъ: Сѣбирскаго и Дехтяревскаго, дѣйствительному статскому совѣтнику *Галагану*, Прилукскаго городского женскаго, надворному совѣтнику *Скоронадскому*, Голтвянскаго, члену Кобелякскаго училищнаго совѣта *Остроградскому*, Денисовскаго, дворянину *Лесевичу*, Пузиковскаго, титулярному совѣтнику *Катнисту*, Чутовскаго мужскаго, губернскаго секретарю *Риттеру*, Михновскаго, ординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета *Шимкову*, Рыбцовскаго, члену отъ земства Полтавскаго губернскаго училищнаго совѣта *Волкову*, Рашевскаго, купцу *Пошивайло* и Сарскаго, казаку *Приступъ*; попечительницамъ училищъ: Диканскаго, княгинѣ *Кочубей*, Яготинскаго, княгинѣ *Рѣпкиной*, Майнуловскаго, княгинѣ *Ширинской-Шихматовой*, Круподеринцовскаго, помѣщицѣ *Заблониной*, Сухоробовскаго, помѣщицѣ *Корейши*, Черняковскаго, помѣщицѣ *Бабаниной*, Милорадовскаго, помѣщицѣ вдовѣ

полковника *Мосоловой*, Чутовскаго женскаго Алексѣевскаго, *Риттеръ* и Карловскаго женскаго, *Конради*; учредителю Петровскаго, нынѣ двухкласснаго, училища, протоіерею *Бабыреву*; бывшему наставнику Камышанскаго училища, священнику *Леонтовскому*, мировому посреднику Камышанской волости *Акерману* и волостнымъ урядникамъ той же волости: *Кутасу* и *Сулиму*; за особую заботливость о двухклассныхъ народныхъ училищахъ, которыхъ состоятъ почетными блюстителями: Каевского, Крестецкому землевладѣльцу, тамошнему мировому судѣ *Савичу*, и Едровскаго, коммерціи совѣтнику *Епишкину*; за пожертвованія въ пользу начальныхъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи: почетному гражданину, С.-Петербургскому 1-й гильдіи купцу *Воденикову* и почетному блюстителю Никольскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища, Угличскаго уѣзда, крестьянину *Семейкину*; за пожертвованіе въ пользу *Груцыновскаго приходскаго училища*: почетному блюстителю сего училища, уряднику *Слюсареву*.

— 9-го марта 1874 года (№ 5). *Утверждаются*: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Полунинъ* — деканомъ медицинскаго факультета сего университета на три года, съ 25-го января 1874 года; докторъ *Гобманъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ специальной патологіи и клиники, съ 5-го февраля 1874 года; прикомандированный къ ветеринарному отдѣленію Императорской Медико-Хирургической Академіи, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Ланге* — экстраординарнымъ профессоромъ Казанскаго ветеринарнаго института, съ 1-го марта 1874 года; исправляющіе должность директоровъ реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго, статскій совѣтникъ *Бордюговъ*, Костромскаго, надворный совѣтникъ *Бумахъ* и Зарайскаго, состоящій въ V классѣ *Урусовъ* — въ сихъ должностяхъ.

Назначаются: Сызранскіе купцы: 1-й гильдіи *Шамбаровъ* и 2-й гильдіи: *Чуриновъ*, *Сопляковъ* и *Ионовъ* — членами попечительнаго совѣта Сызранскаго реального училища.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Полунинъ* — съ 25-го января 1874 года; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Незабитовскій* — съ 26-го февраля 1874 года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, изъ отставныхъ: коллежскій совѣтникъ *Ауновскій*.

Опредѣляется: астрономъ-наблюдатель Боннской обсерваторіи, докторъ Гельзингфорскаго университета *Фабриціусъ* — вычислителемъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, съ 28-го декабря 1873 года.

Командируется: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра *Хандриковъ*, въ апрѣлѣ — въ Пулково, и въ ноябрѣ 1874 года — на югъ Россіи.

Увольняются изъ отпускъ, по Россіи: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генераль-маіоръ *Новиковъ* — въ Москву, на десять дней; ректоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бунне* — въ С.-Петербургъ и Варшаву, на мѣсяць; *за границу, на двадцать восемь дней:* ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, надворный совѣтникъ *Мечниковъ*, со дня окончанія экзаменовъ въ семь университетѣ; *съ 25-го іюня по 6-е августа 1874 года:* преподаватель Ананьевской прогимназіи *Шодо*; *съ 25-го іюня по 16-е августа 1874 года:* учитель Житомирской гимназіи, надворный совѣтникъ *Гюнгенъ*; *съ 21-го іюня по 1-е сентября 1874 года:* штатный смотритель Заславскаго двухкласснаго городского училища *Андріевскій*, по болѣзни; *на лѣтнее вакаціонное время 1874 года:* доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Пршара* и учителя Тверской гимназіи: *Чиожъ*, *Велеръ* и *Ковчала*; *на лѣтнее вакаціонное время 1874 года и двадцать восемь дней:* ординарные профессора Императорскаго Новороссійскаго университета: *Патлаевскій* и *Ярошенко*; *на два мѣсяца:* учитель Одесскаго коммерческаго училища *Рупневскій*, по

болѣзни; съ 1-ю іюня по 13-е сентября 1874 года: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Томса*, по болѣзни; на четыре мѣсяца: почетный смотритель Лихвинскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассесоръ *Федосеевъ*, по болѣзни.

Увольняются отъ службы, за выслугою срока: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, тайный совѣтникъ *Куницынъ*, съ 1-го декабря 1873 года; согласно прошенію: заслуженный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Куртора*, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Дозволяется носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный: бывшему инспектору народныхъ училищъ Воронежской губерніи, статскому совѣтнику *Петропавловскому*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: заслуженному ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Юревичу* — за попеченія его о приготовленіи одного изъ славянскихъ стипендіатовъ къ учительскому званію; предсѣдателю Олонецкой палаты гражданскаго и уголовнаго суда, дѣйствительному статскому совѣтнику *Шестакову*, состоящему предсѣдателемъ попечительнаго совѣта Петрозаводской женской гимназіи — за постоянную его заботливость объ улучшеніи сего учебнаго заведенія въ матеріальномъ и учебномъ отношеніяхъ; мировому посреднику 2-го участка Вилкомирскаго уѣзда, коллежскому ассесору *Ильшеникъ* — за приносимую имъ пользу народному образованію; мировому посреднику Олонецкаго уѣзда *Колясникову* — за участіе въ приглашеніи частныхъ лицъ къ пожертвованію на народное училище въ Важинской волости, и крестьянамъ той же волости *Барашову* и *Мирохину* — за пожертвованія въ пользу Важинскаго сельскаго училища; Ливенскому землевладѣльцу *Башкатову* — за вызовъ его ежегодно вносить деньги за право ученія

пяти бѣднѣйшихъ воспитанниковъ Ливенскаго реального училища.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ *Якоби*.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. исполнявшимъ должность товарища министра, постановлено:

1) Въ виду недостатка учебныхъ руководствъ и пособій для еврейскихъ училищъ книгу подъ заглавіемъ: *«Пространный еврейскій катехизисъ. Составилъ Б. А. Сегалъ. Варшава, 1873 г.»* — принять въ число учебныхъ пособій по закону Божию въ еврейскихъ училищахъ, съ тѣмъ чтобы при слѣдующихъ изданіяхъ этой книги были сдѣланы необходимыя исправленія.

2) Книгу Чуди: *«Альпійскій міръ. Съ картою Швейцаріи и рисунками. Переводъ Л. и Н. Верховскихъ. Изданіе редакціи журнала Всемирный Путешественникъ. С.-Пб., 1873 г.»* — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ и для подарковъ ученикамъ двухъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

3) Изданныя Славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ книги: а) *«Чехія и Моравія. Составилъ Будиловичъ»* — рекомендовать къ приобрѣтенію въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія; б) *«Первыя Славянскія монархіи. Составилъ Успенскій»*, и в) *«Гусъ. Составилъ Гильфердингъ»* — рекомендовать фундаментальнымъ и ученическимъ библиотекамъ тѣхъ же заведеній.

4) Книгу: *«Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Лекціи, читанныя на педагогическихъ курсахъ Московской политехнической выставки въ 1872 году. Н. Бунакова. Изданіе редакціи журнала Семья и Школа.»*

Спб., 1873 г.» — одобрить и рекомендовать для библиотекъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій.

5) Книгу: «*Этнографическіе и біографическіе очерки изъ Всеобщей и Русской исторіи. Курсъ исторіи для III и IV классовъ гимназій.* Составилъ преподаватель Симбирской гимназіи *И. Христоворова*. С.-Пб., 1873 г.» — допустить къ приобрѣтенію въ ученическія библиотеки гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

6) Книгу: «*Нѣмецкая грамматика. А. фонъ-Роде*, преподавателя Варшавской первой гимназіи. 4-е изданіе, исправленное и дополненное. Варшава, 1873 г.» — рекомендовать, какъ учебное руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

7) Книгу: «*Въ память Петра Великаго. Сборникъ литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому.* Изданный по поводу двухсотлѣтняго юбилея рожденія царя-преобразователя. Составилъ *Н. Тихомировъ*. С.-Пб., 1872 г.» — одобрить какъ полезную книгу для чтенія учениковъ старшихъ классовъ гимназій.

8) Книгу: «*Евгеній, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.* Составилъ *Г. Ивановскій*. С.-Пб., 1872 г.» — рекомендовать фундаментальнымъ библиотекамъ гимназій.

9) Книгу: «*Образцы и наука черченія*, въ 3-хъ частяхъ по 15 таблицъ въ каждой. Составилъ *И. Ф. Пиварскій*. Цѣна каждой части 50 коп.» — одобрить для употребленія въ начальныхъ и городскихъ училищахъ, въ реальныя же училища допустить для собранія учебныхъ пособій по рисованію и черченію.

10) Книгу: «*Различныя жизнеописанія Корнелія Непота*, видоизмѣненныя, исправленныя и дополненныя по лучшимъ источникамъ по Фелькеру (*Christ. Cong. Völker*). Составилъ съ прибавленіемъ латинско-русскаго словаря *Л. Любимъ*. Руководство для употребленія въ гимназіяхъ. С.-Пб., 1874 г.» — одобрить для домашнихъ занятій учениковъ гимназій.

11) Книгу: «*Матеріалы для этнографіи Россіи. Прибалтійскій край. XV, XVI, XVII. Приложенія: карта по племенамъ*

и исповѣданіямъ и три статистическія таблицы по племенамъ и исповѣданіямъ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерній. Составилъ А. Ф. Риттихъ. С.-Пб., 1873 г.» — допустить въ фундаментальныя бібліотеги гимназій.

12) Книгу: «*Великія явленія и очерки природы. Географическая хрестоматія, составленная по сочиненіямъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ и путешественниковъ съ 15-ю рисунками. Второе, дополненное и исправленное изданіе Е. Длхачевой и А. Сувориной. С.-Пб. 1874 г.*» — рекомендовать для отдѣла ученическихъ бібліотекъ, назначеннаго для старшихъ классовъ гимназій и прогимназій.

13) Составленные А. В. Добряковымъ: а) *Учебный атласъ по древней исторіи съ рисунками памятниковъ искусства древнихъ народовъ и съ подробными историческими таблицами. С.-Пб. 1874 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.*; б) «*Историческія таблицы, подробный историческій конспектъ. Учебное пособіе при повтореніи курса всеобщей и русской исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ I. С.-Петербургъ, 1873 г.*» — допустить приобрѣтеніе означенныхъ изданій для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія, и в) «*Рисунки памятниковъ искусства древнихъ народовъ съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ*» — допустить въ видѣ учебнаго пособія въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

14) Карту: «*Звѣздное небо и его явленія. Общедоступное изложеніе нѣкоторыхъ вступительныхъ понятій объ астрономіи (съ картою, вмѣсто небснаго глобуса). С.-Петербургъ. Изданіе картографическаго заведенія А Ильина. 1874 г. (цѣна 1 руб.)*» — одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи математической географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія и рекомендовать ее для бібліотекъ означенныхъ заведеній.

15) Книгу: «*Атмосфера. Описаніе великихъ атмосферическихъ явленій природы на земномъ шарѣ. Камилла Фламориона. Съ 37 ри-*

сунками. Изданіе редакціи журнала «Всемирный Путешественникъ». С.-Петербургъ. 1873 г.—рекомендовать для ученическихъ библиотекъ двухъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій и институтовъ.

16) Книгу: «*Краткій учебникъ латинскаго языка, составленный для употребленія въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и семинаріяхъ В. Буславымъ, преподавателемъ латинскаго языка въ Московской 1-й гимназіи. Курсъ первый. Москва. 1874 г.*»—одобрить какъ учебникъ латинскаго языка для перваго класса гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

17) Книгу: «*Ученіе о Гомеровскихъ формахъ, по грамматикѣ профессора доктора Дейшле, составленной на основаніи краткаго обзоренія формъ гомеровскаго діалекта Э. А. Виганда. Изложилъ К. Я. Блѣцкій. Познань, 1874 г.*»—одобрить какъ полезный учебникъ для тѣхъ классовъ гимназій, въ которыхъ предполагается читать творенія Гомера.

18) Книгу: «*Первый курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій, А. Гано, профессора физико-математическихъ наукъ. Перевели съ 15-го французскаго изданія Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ, и «Краткій очеркъ популярной химіи съ приложеніями. Изданіе В. Д. Черкасова. С.-Пб. 1874 г.»—рекомендовать въ видѣ пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библиотеки тѣхъ же учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.*

19) книгу: «*Химическая бесѣда—общедоступное изложеніе химическихъ свѣдѣній. Составилъ М. Константиновичъ. Кіевъ, 1874 г.*»—допустить въ ученическія библиотеки гимназій и учительскихъ институтовъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета, утвержденными г. исполнявшимъ должность товарища министра, постановлено:

1) Книгу: *«Курсъ гимнастики для деревенскихъ и сельскихъ школъ съ необходимыми софтами и указаніями для преподавателей, съ 105 политипажсами въ текстъ; приложения: дѣтъ стѣпныя таблицы политипажсей. Составилъ инспекторъ гимнастики при С.-Петербургскомъ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ К. А. Шмидтъ. С.-Пб., 1873 г.»* — одобрить для библіотекъ народныхъ школъ и учительскихъ семинарій.

2) Брошюры подъ заглавіямъ: *«Русская азбука. Н. Ушакова. IX изданіе. Цѣна 4 коп. С.-Пб.»* и *«Какъ надо жить, чтобъ бѣду избыть. С.-Пб. 1865 г.»* — допустить въ употребленіе въ народныхъ училищахъ.

3) Книгу подъ заглавіемъ: *«Разговорныя и письменныя упражненія. Руководство для учителей начальныхъ школъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составлено по Кельнеру. Москва. 1873 г.»* — допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, какъ пособіе для учителей при занятіи съ учениками письменными упражненіями.

4) Брошюру подъ заглавіемъ: *«Книжки для народа № 57. Области Сибирскихъ и Оренбургскихъ Кургизовъ. Москва, 1872 г.»* — включить въ число книгъ, назначаемыхъ для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

5) Брошюру: *«Книжка для школъ № 59. Туркестанскій край. Москва. 1872 г.»* — допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

6) Читенія въ Солянномъ городкѣ: 1) *«О теплѣ и воздухѣ. Соч. Н. П. Животовскаго. С.-Пб., 1874 г. Цѣна 10 коп.»*. 2) *«О сохраненіи здоровья—одежда и чистоплотность. Соч. д-ра Ильинскаго.*

С.-Пб., 1873 г. Цѣна 10 коп.» и 9) «*О сохраненіи силы и здоровья—наши жилища*». С.-Пб. 1873 г. Цѣна 10 коп.»—рекомендовать для чтенія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

7) Книгу подъ заглавіемъ: «*Руководство къ обученію въ начальныхъ военныхъ школахъ*. Сост. К. Абаза и М. Сулаковъ. Изд. Фену и К°. С.-Пб. 1873 г. Съ приложеніемъ таблицы подвижныхъ печатныхъ буквъ»—допустить для употребленія въ бібліотеки народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

8) Книгу подъ заглавіемъ: «*Общество распространенія св. Писанія въ Россіи и ея книгоноши*. М. 1874 г.» Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ»,—одобрить для бібліотекъ народныхъ школъ.

9) Изданную г. Блисеромъ брошюру подъ заглавіемъ: «*Русская азбука*. С.-Петербургъ, 1872 г., 10-е изданіе»—допустить къ употребленію въ народныхъ школахъ.

10) Книгу подъ заглавіемъ: «*Раззореніе Иерусалима*. Изданіе восьмое. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Блисера, 1868 года»—допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ.

11) Книгу подъ заглавіемъ: «*Совмѣстное обученіе письму и чтенію по звуковой методъ*. Составилъ В. Гербачъ. С.-Пб. 1873 г. Руководство для учащихся—цѣна 25 коп. и руководство для учащихся—цѣна 12 коп.»—одобрить—первое для бібліотекъ, а второе—какъ руководство въ народныхъ школахъ.

12) Книгу подъ заглавіемъ: «*Какъ спасать и спастись отъ скорѣйшихъ смертныхъ случаевъ безъ помощи врачей и знахарей*. Соч. Н. Глинскаго. Изд. 3-е. С.-Петербургъ, 1871 г.»—рекомендовать для народнаго чтенія, какъ весьма рациональную и полезную.

13) Книгу подъ заглавіемъ: «*Бесѣды о народномъ обученіи и отчизноподнѣи, читанныя на учебно-педагогическомъ курсѣ при Московскомъ обществѣ вспомошествованія гувернанткамъ, домашнимъ учительницамъ и воспитательницамъ*. Н. Малинина. Москва, 1873 г.»—одобрить для бібліотекъ учительскихъ семинарій и народныхъ школъ.

14) Книгу подъ заглавіемъ: *«Первая учебная книга церковно-славянскаго языка. Второе дополненное и исправленное издание. Составилъ С. О. Грушевскій, Кіевъ, 1874 г.»* — допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ при условіи, если цѣна этой книги не будетъ служить препятствіемъ къ ея приобретению.

15) Книгу подъ заглавіемъ: *«Дружескіе совѣты родителямъ о воспитаніи ихъ дѣтей. Изданіе восьмое. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Блиссера, 1872 г.»* — рекомендовать для бібліотекъ народныхъ училищъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день февраля 1874 года, Высочайше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ гимназій: Пензенской, Казанской 2-й, Александровской, Смоленскаго земства, въ гор. Вязьмѣ и Бердянской, а также въ реальныхъ училищахъ: Сызранскомъ и Зарайскомъ портретовъ министра народнаго просвѣщенія, а въ залахъ Бердянской и Казанской гимназій портретовъ: въ первой — попечителя Одесскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника Голубцова, и во второй — попечителя Казанскаго округа, тайнаго совѣтника Шестакова, а также въ Казанской 2-й гимназій портрета директора означенной гимназій, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Имшенника.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія въ 18-й день марта 1874 года, Высочайше соизволилъ разрѣшить принять отъ коммерціи совѣтника Громова металлическій бюстъ Ломоносова и поставить его на площади передъ домомъ Оштинскаго однокласснаго сельскаго училища, Лодейнопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

— Московское уѣздное земское собраніе вошло съ ходатайствомъ объ учрежденіи на его счетъ въ селѣ Павшинѣ начальнаго народнаго училища, съ присвоеніемъ этому училищу Имени Государыни Великой Княгини Маріи Александровны, въ ознаменованіе радостнаго событія помолвки Ея Императорскаго Высочества съ герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ, съ дозволеніемъ при этомъ имѣть въ означенномъ училищѣ портретъ Ея Высочества.

На устройство и содержаніе въ 1874 году помянутаго училища назначено земскимъ собраніемъ 3 тыс. руб., а въ случаѣ недостаточности этой суммы, Московская управа уполномочила израсходовать на этотъ предметъ еще до 400 руб. изъ суммъ земства; на содержаніе же училища въ послѣдующіе годы будетъ назначаться земствомъ до 800 руб. ежегодно.

О такомъ ходатайствѣ, сообщенномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, было доведено до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, и Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день минувшаго февраля, Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить Московское уѣздное земство отъ Имени Его Величества.

— Попечитель Одесскаго учебнаго округа сообщилъ, что землевладѣлецъ Херсонской губерніи и уѣзда, потомственный почетный гражданинъ Михайлъ Агарковъ пожертвовалъ Херсонскому уѣздному земству 400 десятинъ земли, съ тѣмъ, чтобы на счетъ доходовъ съ этого имущества учреждены были при Херсонской учительской семинаріи министерства народнаго просвѣщенія, на все время ея существованія, двѣ стипендіи имени жертвователя, для обученія и содержанія въ семинаріи двухъ воспитанниковъ изъ крестьянскаго сословія, и чтобы въ случаѣ упраздненія названной семинаріи, доходы съ земли обращались на приготовленіе учителей для народныхъ училищъ въ соотвѣтствующихъ заведеніяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра

народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, въ 18-й день марта 1874 года, Высочайше на сіе соизволилъ и Всемилости-вѣйше повелѣлъ благодарить жертвователя.

— Бывшій генераль-губернаторъ Восточной Сибири сообщилъ министерству народнаго просвѣщенія, что Балаганскій 1-й гильдіи купецъ Лейбовичъ, жертвуя деревянный домъ для мужскаго съ женскимъ отдѣленіемъ училища въ г. Балаганскѣ, Иркутской губерніи, и принимая на свои средства содержаніе этого училища въ теченіе трехъ лѣтъ, для него имъ внесено 3 т. руб., ходатайствуетъ о наименованіи сказаннаго училища Именемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича, въ память проѣзда Его Высочества черезъ Сибирь, и что содержаніе означеннаго училища на дальнѣйшее время Балаганское городское общество принимаетъ на свой счетъ съ отпускомъ на оное ежегодно также по 1.000 руб.

Генераль-адъютантъ Посыеть, съ которымъ было сдѣлано сношеніе по этому предмету увѣдомилъ, что Его Императорское Высочество, всегда сочувствуя распространенію образованія, съ особеннымъ удовольствіемъ изъясляетъ съ своей стороны согласіе на наименованіе упомянутаго училища именемъ Его Высочества, если на это будетъ испрошено Высочайшее разрѣшеніе.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія объ этомъ, въ 25-й день истекшаго февраля, Высочайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить купца Лейбовича.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ, что Вольская, Саратовской губерніи, городская дума, опредѣливъ, въ ознаменованіе дня введенія Высочайше утвержденнаго 16-го іюня 1870 года городского положенія, открыть въ г. Вольскѣ второе мужское приходское училище, обратилась съ ходатайствомъ о разрѣшеніи наименовать сіе училище «Александровскимъ» въ честь Высочайшаго Имени.

Помянутое училище открыто 6-го декабря 1873 г.; на содержание его отпускается Вольскою городскою думою 861 руб. 75 коп. въ годъ, учебно-воспитательная часть училища находится въ удовлетворительномъ состояніи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему г. министра народнаго просвѣщенія объ этомъ докладу, въ 18-й день марта 1874 года, Высочайше на сіе соизволилъ и Всемилостивѣйше повелѣлъ благодарить Вольскую городскую думу.

— Дарственнымъ актомъ отъ 24-го іюля (5-го августа) 1873 года владѣлица имѣнія Ритомочидло, Горно-Кальварійскаго уѣзда Варшавской губерніи, Паулина Радзанская, урожденная Заборовская, сдѣлала пожертвованіе: 1) 4 т. руб., обеспеченныхъ въ ея пользу на имѣніи Радзановъ, Радомской губерніи и уѣзда, на учрежденіе и содержаніе начальнаго училища въ д. Рышки, Горно-Кальварійскаго уѣзда, и 2) 4.500 руб., обеспеченныхъ также въ ея пользу на имѣніи Ратошинъ, Радомской губерніи и уѣзда, на учрежденіе и содержаніе начальнаго училища въ д. Тарнова, Андреевскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи.

По представленію объ этомъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ утвердить, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, сдѣланное г-жею Радзанской пожертвованіе.

— Вслѣдствіе представленія начальства Кіевскаго учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ 16-го марта включать въ число обязательныхъ предметовъ историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра (по историческому отдѣленію) политическую экономію и статистику въ томъ объемѣ, въ какомъ эти науки нынѣ излагаются студентамъ юридическаго факультета съ тѣмъ, чтобы при окончательномъ испытаніи изъ упомянутыхъ предметовъ требовать отъ кандидатовъ «весьма удовлетворительно» отъ лицъ, испытываемыхъ на степень кандидата, и отъѣтку «удовлетворительно» отъ лицъ, испытываемыхъ на званіе дѣйствительнаго студента.

— 26-го февраля 1874 года, въ высочайшій день рожденія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, въ Воронежѣ совершилось открытіе Александровскаго женскаго двухкласснаго училища, послѣ молебствія, совершеннаго преосвященнымъ Веніаминомъ, въ присутствіи г. начальника губерніи, представителей всѣхъ вѣдомствъ и почетнѣйшихъ лицъ города. Учащихся ко дню открытія училища состояло 45.

— Государь Императоръ, въ 12-й день апрѣля, Высочайше повелѣть соизволилъ: собранныя генеральнаго штаба подполковникомъ Пржевальскимъ, во время экспедиціи его въ мѣстности центральной Азіи, естественно-историческія коллекціи пріобрѣсти для музея Императорской Академіи Наукъ, съ уплатою за нихъ подполковнику Пржевальскому десяти тысячъ рублей изъ государственнаго казначейства.

П Р А В И Л А

**для учениковъ гимназій и прогимназій вѣдомства
министерства народнаго просвѣщенія.**

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія 4-го мая 1874 г.).

Ученики гимназій и прогимназій должны постоянно имѣть въ виду цѣль ученія вообще и гимназическаго въ особенности, выраженную въ словахъ молитвы предъ ученіемъ — „возрасти“ (умственно и нравственно) „Создателю нашему во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, Церкви и Отечеству на пользу“. Проникаясь все болѣе и болѣе духомъ Христова ученія, они должны всѣми силами своей души стремиться къ совершенствованію своему во всѣхъ отношеніяхъ, по слову Спасителя: „Будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ (Матѣ. V, 48). Для достиженія столь высокой цѣли имъ предписываются къ непремѣнному руководству нижеслѣдующія, между прочимъ, правила.

1. Относительно религіозныхъ обязанностей (для учениковъ православной вѣры).

§ 1. Ученики обязаны въ воскресные и праздничные дни, а также и вечеромъ наканунѣ этихъ дней, посѣщать общественное Богослуженіе.

§ 2. Въ храмѣ ученики обязаны вести себя съ подобающимъ святнѣ благоговѣніемъ, отнюдь не дозволяя себѣ ни переходить съ мѣста на мѣсто, ни разговаривать между собою, и вообще не дѣлать ничего такого, что могло бы мѣшать сосредоточенному молитвенному настроенію какъ товарищей, такъ и другихъ прихожанъ церкви.

§ 3. Ученики гимназій и прогимназій обязаны ежегодно въ страстную седмицу бывать у исповѣди и св. причастія, при чемъ тѣ, коиимъ дозволено исполнять эти христіанскія обязанности внѣ прямого надзора и наблюденія учебнаго начальства, обязаны представить сему послѣднему свидѣтельство отъ своего духовника о томъ, что были у него на исповѣди и причастились св. таинъ.

§ 4. Ученики, участвующіе въ церковномъ хорѣ гимназій, обязаны являться въ назначенное время для спѣвки подъ руководствомъ учителя пѣнія или другаго регента хора и всѣ вообще ученики должны, на сколько могутъ, содѣйствовать благолѣпію Богослуженія въ гимназической или назначенной для посѣщенія учениками гимназій церкви.

2. Относительно ученія.

§ 5. Всѣ ученики, послѣ лѣтнихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ ваканцій, обязаны являться въ гимназію или прогимназію непремѣнно въ назначенный начальствомъ срокъ, возвращая при семъ классному своему наставнику выданные имъ билеты съ подписью родителей или попечителей о времени отправленія ихъ изъ дому. Не явившійся въ срокъ и не представившій къ этому сроку достаточнаго, по мнѣнію педагогическаго совѣта, свидѣтельства о законной причинѣ своей неявки, считается вышедшимъ, и отъ усмотрѣнія педагогическаго совѣта зависитъ вновь принять его, по испытаніи во всѣхъ предметахъ, или приходящимъ, буде еще имѣется вакансія въ классѣ, или полупансіонеромъ, или, наконецъ, пансіонеромъ.

§ 6. Ученики обязаны въ учебное время неопустительно посѣщать всѣ свои уроки, отнюдь не опаздывая на молитву передъ началомъ ученія.

§ 7. Въ случаѣ совершенной невозможности явиться на уроки, по болѣзни или другой вполнѣ уважительной причинѣ, увѣдомленіе о томъ должно быть прислано въ тотъ же день, для надлежащаго со стороны учебнаго начальства распоряженія. Неисполненіе этого правила подвергаетъ ученика отвѣтственности, какъ опустившаго уроки самовольно и безъ уважительной причины.

§ 8. Выходить самовольно изъ класса во время урока воспрещается, и лишь въ случаѣ крайней необходимости предоставляется испрашивать на то дозволеніе преподавателя.

§ 9. До окончанія всѣхъ своихъ ежедневныхъ уроковъ никто изъ учениковъ не долженъ самовольно уходить изъ гимназіи, безъ разрѣшенія директора или инспектора, которые сообщаютъ о томъ классному наставнику; на другой же день должна быть доставлена отъ родителей или родственниковъ записка о времени, когда уволенный до окончанія уроковъ ученикъ прибылъ къ себѣ домой.

§ 10. Ученики, не бывшіе на какомъ-либо урокѣ по болѣзни или другой законной причинѣ, обязаны позаботиться о томъ, чтобы пройти все пройденное въ ихъ отсутствіе; письменныя же работы, заданныя на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, должны быть доставляемы ими къ сроку, если только характеръ болѣзни не требовалъ безусловнаго прекращенія на все то время всякаго рода умственныхъ занятій по засвидѣтельствованію врача, состоящаго при учебномъ заведеніи.

§ 11. Ученики обязаны являться на уроки со всѣми необходимыми для нихъ книгами, тетрадями и прочими учебными и письменными принадлежностями и передъ началомъ cadaго урока, до прихода преподавателя, должны привести въ порядокъ и приготовить тѣ изъ нихъ, кои имъ понадобятся.

§ 12. Въ классѣ каждый ученикъ занимаетъ заранѣе назначенное ему мѣсто и самовольно, не испросивъ на то дозволенія класснаго наставника, не долженъ перемѣнять его.

§ 13. Во время уроковъ ученики обязаны сидѣть прямо, хотя бы и прислоняясь къ спинкѣ скамьи, но не облокачиваясь и не разваливаясь, и отнюдь не должны ни разговаривать или шептаться между собою, ни заниматься чѣмъ-либо постороннимъ, ни производить какаго-либо шума, ни подсказывать другъ другу, ни отвѣчать самовольно безъ спроса преподавателя, ни перебивать его объясненій какими-либо замѣчаніями и вопросами, но обязаны со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ слѣдить за его преподаваніемъ и за отвѣтами дру-

гихъ учениковъ; по окончаніи же объясненій преподавателя, въ случаѣ, если что-либо изъ этихъ объясненій ими не понято, они могутъ просить разъясненія непонятаго ими.

§ 14. Ученики должны давать преподавателю отвѣтъ, даже и самый короткій, не иначе, какъ вставая и держась прямо.

§ 15. Въ особую, приобретаемую отъ гимназій или прогимназій тетрадь каждый ученикъ обязанъ со всею точностью записывать то, что задано преподавателемъ въ слѣдующему уроку, и долженъ ежедневно предъавлять эту тетрадь родителямъ или родственникамъ, на попеченіи коихъ находится.

§ 16. Ученики встаютъ съ своихъ мѣстъ по окончаніи каждого урока не иначе, какъ по приглашенію въ тому со стороны преподавателя, и выходятъ изъ класса въ надлежащемъ порядкѣ.

§ 17. По окончаніи послѣдняго общаго для всѣхъ урока въ классѣ, одинъ изъ учениковъ по очереди читаетъ назначенную молитву послѣ ученія.

§ 18. Каждый ученикъ обязанъ вполне добросовѣстно приготовляться къ каждому уроку, употребляя на каждый урокъ и на каждую письменную работу столько времени и столько труда, сколько необходимо для вполне отчетливаго и возможно лучшаго усвоенія преподаннаго или заданнаго, или для возможно-лучшаго исполненія каждой письменной работы.

3. Отношенія къ начальникамъ и наставникамъ.

§ 19. Ученики обязаны безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ и наставникамъ, какъ лицамъ, которымъ вѣрена ближайшая забота объ ихъ образованіи и воспитаніи.

§ 20. Ученики обязаны оказывать всякое почтеніе своимъ начальникамъ и наставникамъ, и при входѣ ихъ въ классъ, а также при выходѣ изъ класса, вставать съ своихъ мѣстъ. То же соблюдается и при посѣщеніи классовъ посторонними лицами. При встрѣчѣ съ начальниками и наставниками на улицѣ или въ иномъ публичномъ мѣстѣ, ученики обязаны привѣтствовать ихъ вѣжливымъ поклономъ, хотя бы они и не были преподавателями ихъ класса. Обращаясь лично къ кому-либо изъ своихъ начальниковъ или наставниковъ, ученики обязаны называть ихъ по имени и отчеству.

§ 21. Ученики для собственной своей пользы должны относиться къ своимъ начальникамъ и наставникамъ съ полнымъ довѣріемъ и откровенностію, ибо лишь при этомъ условіи могутъ получать отъ нихъ и помощь, и добрый совѣтъ, и полезное наставленіе.

§ 22. Ученики обязаны быть вполне правдивыми вообще и особенно въ отношеніи къ своимъ начальникамъ и наставникамъ, избѣгая всякаго лицемерія, притворства, лжи и обмана.

4. Обязанности учениковъ другъ къ другу.

§ 23. Въ отношеніи ко всѣмъ своимъ товарищамъ ученики обязаны быть вѣжливы, доброжелательны и дружелюбны.

§ 24. Ссоры, брань и драки между учениками строго воспрещаются; но еще строже преслѣдуется злоупотребленіе силою противъ слабѣйшихъ и въ особенности противъ новичковъ.

§ 25. Дорожа своею честью, ученики не могутъ не дорожить честью своего заведенія и даже въ отдѣльности честью своего класса, а потому обязаны воздерживаться сами и воздерживать своихъ товарищей, какъ въ стѣнахъ заведенія, такъ и внѣ онаго, отъ всякаго рода поступковъ, несомвѣстныхъ съ честью благовоспитанныхъ дѣтей и юношей, стремящихся къ высшему научному образованію, и должны всячески предупреждать такіе поступки, которые могутъ бросить тѣнь на учебное заведеніе.

§ 26. Заботясь о собственныхъ своихъ успѣхахъ въ ученіи, лучшіе и наиболѣе успѣвающіе ученики должны, по возможности, помогать своимъ болѣе слабымъ товарищамъ, вразумляя ихъ на счетъ ихъ обязанностей, объясняя имъ то, что ими не понято, указывая имъ, какъ лучше могутъ они готовить свои уроки, и исполнять письменныя работы, но отнюдь не дѣлая сами за нихъ эти работы и не давая имъ списывать свои работы, ибо это было бы только вредно для ихъ товарищей и было бы попыткой обмануть наставниковъ. Особенно же слѣдуетъ имъ не отказывать въ своей помощи заболѣвшимъ товарищамъ.

§ 27. Строжайше преслѣдуется: употребленіе учениками въ разговорѣ между собою какихъ-либо неприличныхъ словъ и выраженій, всякаго рода неблагопристойные разговоры и разказы и всякое сообщеніе или дѣйствіе, противное нравственной чистотѣ и клонящееся къ соблазну для товарищей, равно какъ и всякое подстрекательство товарищей къ какому-либо дурному поступку, а тѣмъ болѣе къ какому-либо безпорядкамъ сообща. Виновные могутъ подвергнуться въ сихъ случаяхъ даже немедленному исключенію изъ учебнаго заведенія. Ученики сами не должны терять въ своей средѣ столь вредныхъ товарищей и должны сообщать о нихъ своему классному наставнику.

§ 28. Ученики не должны приносить съ собою въ учебное заве-

деніе никакихъ постороннихъ ученію книгъ или изданій и вообще ничего такого, что можетъ служить къ разсѣванію вниманія или къ смущенію какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ товарищей.

§ 29. Ученики отнюдь не должны составлять между собою или и съ посторонними лицами какихъ-либо обществъ, или вступать въ таковыя общества, подъ опасеніемъ немедленнаго исключенія изъ учебнаго заведенія.

§ 30. Всякаго рода игры на деньги или вообще съ борыстною цѣлью, также какъ и продажа всякаго рода вещей или книгъ другъ другу или постороннимъ лицамъ, или мѣна ихъ, воспрещаются ученикамъ.

§ 31. За порчу, хотя бы и неумышленную, принадлежащихъ товарищамъ книгъ, тетрадей, прочихъ учебныхъ принадлежностей, или платья, равно какъ и за порчу классной мебели и другихъ классныхъ принадлежностей и вообще казеннаго имущества, ученикъ обязанъ возмѣстить причиненный имъ ущербъ въ размѣрѣ, опредѣляемомъ начальствомъ учебнаго заведенія, и можетъ, сверхъ того, подвергнуться особому взысканію, смотря по мѣрѣ и роду своей вины.

5. Образъ жизни приходящихъ учениковъ.

§ 32. Ученики обязаны принимать всѣ указываемыя имъ наставниками мѣры предосторожности для сохраненія своего здоровья, какъ необходимаго условія для самой успѣшности ихъ ученія.

§ 33. Относительно распредѣленія времени въ учебные дни рекомендуется ученикамъ, начиная съ III класса, по возможности соблюдать нижеслѣдующія правила:

а) Вставать въ 6 часовъ утра, ложась спать въ 10 часовъ вечера, такъ чтобы для сна было не болѣе и не менѣе 8 часовъ.

б) Заниматься приготовленіемъ уроковъ съ половины седьмаго часа утра до времени, когда понадобится идти въ гимназію или прогимназію, чтобы прибыть въ нее въ назначенное въ § 6 сихъ правилъ время.

в) По окончаніи уроковъ въ учебномъ заведеніи, употреблять около часу времени на возвращеніе домой и игры по возможности на чистомъ воздухѣ.

г) Послѣ того употреблять, смотря по времени обѣда, или около полутора часа до обѣда на приготовленіе уроковъ и особенно на такія письменныя работы, которыя не требуютъ большаго умственнаго напряженія, и два часа на обѣдъ, отдыхъ, прогулку и игры, а потомъ два часа на приготовленіе уроковъ, или же сначала два часа

на обѣдъ, отдыхъ, прогулку или игры, а потомъ около трехъ съ половиною часовъ времени на приготовленіе уроковъ, съ промежуткомъ получаса для отдыха.

§ 34. Для сохраненія здоровья и для успѣшности ученія необходимо избѣгать въ учебные дни развлеченій и увеселеній, особенно же въ вечерніе часы и въ ущербъ времени, назначенному для сна или для приготовленія уроковъ.

§ 35. Посѣщеніе театровъ, въ коихъ обыкновенно даются пьесы сомнительнаго нравственнаго содержанія, и вообще театра въ тѣ дни, когда даются подобныя пьесы, безусловно воспрещается; вообще же посѣщеніе театра въ учебное время должно быть сколь можно рѣже, дабы ученики могли сколь можно болѣе сосредоточивать вниманіе на ученіи, какъ важнѣйшемъ дѣлѣ дѣтскаго и юношескаго возрастовъ.

§ 36. Ученикамъ гимназій и прогимназій безусловно и строжайше воспрещается посѣщать маскарады, клубы, трактиры, кофейни, кондитерскія, билліардныя и другія подобныя заведенія, а равно и всякаго рода публичныя и увеселительныя мѣста, посѣщеніе коихъ будетъ признано опаснымъ или неприличнымъ для учениковъ со стороны ближайшаго ихъ начальства.

§ 37. Воспрещается ученикамъ употреблять крѣпкіе напитки и курить табакъ, гдѣ бы то ни было.

§ 38. Отъ учениковъ требуется, чтобы они соблюдали чистоплотность, а также, чтобы одѣвались, какъ слѣдуетъ, для предохраненія себя отъ простуды, за чѣмъ въ приготовительномъ и младшихъ классахъ наблюдаютъ классные наставники или ихъ помощники.

6. О соблюденіи порядка и приличія въ стѣнѣ учебнаго заведенія.

§ 39. Въ домѣ ученики обязаны быть всегда въ одеждѣ установленной формы, и положенные для нихъ полукафтаны должны быть застегнуты на всѣ пуговицы. Ношеніе длинныхъ волосъ, усовъ и бороды, а равно излишнихъ украшеній, какъ напримѣръ, колець, перстней и проч., а также тросточекъ, хлыстовъ, палокъ—воспрещается.

Примѣчаніе. Выбывшіе по какому-либо случаю изъ учебнаго заведенія, хотя и могутъ донашивать свое гимназическое платье, но безъ металлическихъ на немъ пуговиць и безъ позумента.

§ 40. На улицахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ ученики обязаны держать себя скромно, соблюдая порядокъ, благоприличіе и вѣжливость и не причиняя никому никакого безпокойства.

§ 41. При встрѣчѣ съ Государемъ Императоромъ и членами Императорской фамиліи, ученики обязаны останавливаться и снимать кепи, а при встрѣчѣ съ гг. министромъ народнаго просвѣщенія и товарищемъ его, попечителемъ учебнаго округа и его помощникомъ, а также съ губернаторами и архіереями, ученики обязаны отдавать имъ должное почтеніе.

§ 42. Во время сбора учениковъ передъ началомъ ученія воспрещается имъ толпиться на улицѣ или на тротуарѣ передъ зданіемъ гимназіи или прогимназіи, и точно также, расходясь изъ учебнаго заведенія по окончаніи уроковъ, ученики обязаны идти каждый въ свою сторону отнюдь не гурьбою и не большими группами и не затѣвая между собою ни игръ, ни ссоръ и драгъ.

7. О дежурныхъ по классу.

§ 43. Въ каждомъ классѣ, изъ учениковъ, записанныхъ на золотую доску или принадлежащихъ къ первому разряду, а по усмотрѣнію класснаго наставника и изъ принадлежащихъ ко второму разряду, и вообще изъ числа лучшихъ учениковъ класснаго наставника назначаетъ поочередно на одинъ день, и притомъ наканунѣ этого дня, по одному или по два дежурныхъ.

§ 44. Дежурные обязаны наблюдать за внѣшнимъ порядкомъ въ классѣ, какъ-то: за содержаніемъ въ чистотѣ половъ, стѣнъ, подоконниковъ, за цѣлостію и сохранностію мебели и классныхъ принадлежностей (географическихъ картъ, глобусовъ, всякаго рода рисунковъ, изображеній, приборовъ и т. д.), за чистотою классныхъ досокъ, за тѣмъ, чтобы были на-готовѣ мѣлъ, губка и все, что нужно для преподаванія какого-либо предмета.

§ 45. Дежурные сообщаютъ классному наставнику и другимъ преподавателямъ объ отсутствующихъ своихъ товарищахъ.

§ 46. Дежурные обязаны исполнять порученія по классу и въ классное время класснаго наставника и другихъ преподавателей.

8. Объ ученическихъ квартирахъ и квартирныхъ дежурныхъ изъ числа учениковъ.

§ 47. Ученики, не имѣющіе въ городѣ ни родителей, ни близкихъ родственниковъ, и не порученные родителями кому-либо изъ близкихъ къ нимъ лицъ, замѣняющихъ временно ихъ самихъ, помѣщаются на одной изъ указанныхъ гимназическимъ начальствомъ ученическихъ квартиръ. Выборъ той или другой изъ одобренныхъ начальствомъ квартиръ зависитъ отъ усмотрѣнія самихъ родителей или родственниковъ. Инспекторъ рекомендуетъ ту или другую квартиру

тѣмъ изъ родителей, которые обратятся къ нему за совѣтомъ по этому дѣлу.

Примѣчаніе. Переходъ съ одной квартиры на другую въ теченіе учебнаго года, безъ уважительной причины, не допускается.

§ 48. Въ квартиросодержатели избираются начальствомъ учебнаго заведенія преимущественно: преподаватели гимназій или прогимназій, помощники классныхъ наставниковъ и вообще должностныя лица заведенія, лица учебнаго вѣдомства, бывшіе преподаватели и вообще лица, пользующіяся довѣріемъ учебнаго начальства, буде вообще всѣ эти лица заявятъ на то свое желаніе.

Примѣчаніе. Преподаватели гимназій или прогимназій, принимающіе къ себѣ въ домъ одного или двоихъ учениковъ въ качествѣ какъ бы членовъ своей семьи по особому уговору съ родителями, доводятъ лишь о томъ до свѣдѣнія начальника учебнаго заведенія и не подлежатъ ниже сего изложеннымъ правиламъ о квартиросодержателяхъ.

§ 49. Квартиросодержатели устанавливають на каждый учебный годъ впередъ одинаковую для всѣхъ учениковъ плату, о размѣрѣ которой доводятъ, предъ началомъ учебнаго года, до свѣдѣнія гимназическаго или прогимназическаго начальства, для объявленія родителямъ, желающимъ выбрать для своихъ сыновей одну изъ рекомендуемыхъ имъ квартиръ. Возвышеніе размѣра платы противъ объявленной учебному начальству въ теченіе того же учебнаго года и хотя бы съ кого-либо изъ учениковъ ни въ какомъ случаѣ не допускается.

§ 50. Ученическія квартиры должны быть приспособлены къ потребностямъ, занятіямъ и числу учениковъ; при этомъ онѣ должны быть содержимы въ чистотѣ и опрятности, своевременно и достаточно отапливаемы. Вообще же требованія свои къ квартиросодержателямъ учебное начальство соразмѣряетъ съ платою и съ числомъ учениковъ.

§ 51. Въ комнатахъ, назначенныхъ для ученической квартиры, никто изъ постороннихъ лицъ жить не долженъ.

§ 52. Число учениковъ на ученической квартирѣ должно быть не болѣе 15-и; при большемъ же числѣ учениковъ, при нихъ долженъ состоять особый воспитатель, назначаемый квартиросодержателемъ съ согласія начальства гимназій или прогимназій. Вообще же полагается 1 воспитатель на 15 учениковъ.

§ 53. Ученики, живущіе на ученическихъ квартирахъ, подчи-

наются въ точности распредѣленію времени, обозначенному въ § 33 сихъ правилъ. Общія прогулки должны совершаться подъ надзоромъ квартиросодержателя, воспитателя или, въ малыхъ квартирахъ, дежурнаго квартиры. По одиночкѣ ученикамъ дозволяется выходить съ квартиры только въ случаѣ крайней необходимости и притомъ не иначе, какъ съ дозволенія воспитателя или дежурнаго. Время, когда всѣ ученики должны быть непремѣнно въ квартирѣ, опредѣляется педагогическимъ совѣтомъ.

§ 54. Во все время приготовленія уроковъ ученики должны заботиться о сохраненіи возможной тишины и не мѣшать другъ другу какимъ бы то ни было образомъ.

§ 55. Утренняя и вечерняя молитвы должны быть читаемы учениками поочередно, подъ наблюденіемъ воспитателя или дежурнаго. Всѣ ученики квартиры отправляются въ гимназію въ опредѣленное время, также подъ наблюденіемъ воспитателя или дежурнаго.

§ 56. Каждый ученикъ, живущій на ученической квартирѣ, долженъ имѣть опись своимъ вещамъ и книгамъ и содержать ихъ въ надлежащей чистотѣ и должномъ порядкѣ. Кромѣ руководствъ и книгъ, дозволенныхъ гимназическимъ начальствомъ, никакихъ книгъ и рукописей ученикамъ имѣть не дозволяется.

§ 57. Въ каждой квартирѣ долженъ быть перенумерованный журналъ со скрѣпою инспектора. Въ этомъ журналѣ рукою воспитателя или дежурнаго должны быть вносимы отлучки учениковъ съ квартиры, небытіе ихъ въ классѣ съ показаніемъ причины того и другаго, а также проступки учениковъ въ теченіе дня. Въ этомъ же журналѣ записываются всѣ замѣчанія гг. посѣтителей квартиры, а равно распоряженія директора, инспектора, преподавателей и помощниковъ классныхъ наставниковъ и наказанія, назначенныя ученикамъ учебнымъ начальствомъ за ихъ проступки въ квартирѣ.

§ 58. Каждая ученическая квартира, по опредѣленію педагогическаго совѣта, поручается спеціальному надзору одного изъ классныхъ наставниковъ или преподавателей гимназій, изъ числа не содержащихъ квартиры, а также и врача, которые обязаны посѣщать ее какъ можно чаще и доносить инспектору о всѣхъ неисправностяхъ, какія будутъ замѣчены ими, а равно и о тѣхъ распоряженіяхъ, а также замѣчаніяхъ, какія они найдутъ нужнымъ сдѣлать на квартирѣ. За исполненіе ими этихъ ихъ обязанностей имъ можетъ быть назначено особое вознагражденіе изъ спеціальныхъ суммъ гимназій или прогимназій.

§ 59. Главный надзоръ за ученическими квартирами лежитъ на обязанности инспектора гимназій.

§ 60. Содержатель (или содержательница) нравственнымъ своимъ вліяніемъ долженъ содѣйствовать гимназическому начальству въ поддержаніи порядка на квартирѣ и о каждомъ случаѣ, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ (о каждомъ безпорядкѣ), обязанъ немедленно доносить инспектору или директору, въ противномъ случаѣ, гимназическое начальство во всякое время имѣетъ право запереть квартиру.

§ 61. Ближайшее наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ квартирныхъ правилъ возлагается на воспитатели или на дежурнаго.

§ 62. Всѣ ученики, живущіе на ученической квартирѣ, безъ различія классовъ, подчиняются воспитателю, а за неимѣніемъ его дежурному квартиры, какъ лицу, живущему съ содержателемъ квартиры, отвѣстному за квартиру предъ гимназическимъ начальствомъ.

Примѣчаніе. Квартиросодержатели изъ числа лицъ, способныхъ по своему образованію быть воспитателями, утверждаются въ этомъ званіи относительно своей квартиры начальствомъ гимназій или прогимназій, въ какомъ случаѣ они должны исполнять всѣ обязанности этого званія, изложенныя въ сихъ правилахъ; иначе же въ квартирахъ, на коихъ живетъ 15 или болѣе учениковъ, они обязаны имѣть особаго воспитателя; въ квартирахъ же, имѣющихъ не болѣе 15-и учениковъ, вмѣстѣ воспитателя, должны быть назначены дежурные изъ числа самихъ учениковъ.

§ 63. Дежурные квартиры избираются изъ учениковъ старшихъ двухъ классовъ, известныхъ своею доброю нравственностію и хорошими успѣхами, съ ихъ собственнаго на то согласія. Они утверждаются педагогическимъ совѣтомъ и за свои труды или вовсе освобождаются отъ платы за свое помѣщеніе и содержаніе, или же отъ части оной, если число учениковъ, живущихъ на квартирѣ, очень мало. На каждой квартирѣ должно быть по меньшей мѣрѣ два дежурныхъ, чередующихся между собою въ исполненіи возлагаемыхъ на нихъ обязанностей.

§ 64. Если вообще желательно, чтобы каждый добронравный воспитанникъ гимназій воздѣйствовалъ на товарищей своимъ примѣрнымъ поведеніемъ, то понятно, что это самое составляетъ уже прямую и непрѣмную обязанность тѣхъ лучшихъ воспитанниковъ, которымъ съ этою именно цѣлію поручаются для наблюденія известныя ученическія квартиры и которые поэтому обязаны, по мѣрѣ своихъ

силъ, содѣйствовать нравственному и умственному преуспѣванію своихъ младшихъ товарищей и быть въ этомъ отношеніи прямыми помощниками и сотрудниками квартиросодержателя, стараясь такимъ образомъ оправдать оказанное имъ довѣріе. Къ этой цѣли дежурный по квартирѣ направляетъ порученныхъ его наблюденію воспитанниковъ прежде всего своимъ собственнымъ примѣромъ, своимъ строгимъ, безукоризненнымъ поведеніемъ; поэтому онъ, преимущественно предъ другими, долженъ быть самъ точенъ и аккуратенъ въ исполненіи своихъ ученическихъ обязанностей и ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не позволять себѣ какихъ бы то ни было упущеній, напротивъ, стараться быть во всѣхъ отношеніяхъ примѣрнымъ.

§ 65. Главная обязанность дежурнаго—наблюдать во время своего дежурства за нравственностію учениковъ своей квартиры и за точнымъ исполненіемъ ими всѣхъ правилъ, касающихся квартирной и вообще въгимназической жизни ученика и изложенныхъ въ предыдущихъ §§.

§ 66. Сверхъ этого, дежурный, также какъ и содержатель квартиры, имѣетъ право воспрещать постороннимъ ученикамъ посѣщеніе безъ особой надобности квартиры, а также удалять учениковъ отъ знакомства съ лицами, которыя могутъ вредить имъ въ учебномъ или нравственномъ отношеніяхъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ доноситъ о своихъ мѣрахъ тому лицу, которому особенно поручена квартира, съ объясненіемъ причинъ своего распоряженія.

§ 67. Дежурный отлучается съ квартиры только по крайней надобности и на возможно короткое время, сообщая при этомъ содержателю о времени и мѣстѣ своей предстоящей отлучки. На время его отсутствія, надзоръ за квартирою поручается другому дежурному.

§ 68. Въ обращеніи съ учениками-товарищами по квартирѣ дежурные должны быть кротки, обходительны и вѣжливы, но въ то же время строги и требовательны касательно исполненія ими своихъ обязанностей. Въ случаѣ непослушанія и упорнаго сопротивленія со стороны котораго либо изъ учениковъ, дежурный заявляетъ объ этомъ содержателю квартиры и наставнику-наблюдателю квартиры или инспектору.

§ 69. Стараясь приобрести расположеніе своихъ младшихъ товарищей по квартирѣ, дежурный долженъ также заботиться о поддержаніи между ними согласія, предупреждать ссоры и обиды и улаживать возникающіе между учениками споры и недоразумѣнія.

§ 70. Относительно содержателя или содержательницы квартиры

со стороны дежурнаго требуется постоянная вѣжливость и строгая исполнительность, какъ примаго помощника ихъ въ наблюдени за учениками, а также забота о томъ, чтобы прочіе ученики квартиры всегда оказывали имъ должное уваженіе.

§ 71. Въ случаѣ серьезныхъ безпорядковъ въ квартирѣ, дежурный, также какъ и содержатель квартиры, немедленно доносить о нихъ инспектору или директору гимназій.

§ 72. Нарушеніе ученикомъ котораго-либо изъ правилъ, до него относящихся, подвергаетъ его, смотря по степени вины, различнаго рода взысканіямъ, указаннымъ въ правилахъ о взысканіяхъ.

ПРАВИЛА О ВЗЫСКАНІЯХЪ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія 4-го мая 1874 г.)

1. Общія положенія.

§ 1. Взысканія имѣютъ цѣлю главнѣйше нравственное исправленіе учениковъ. Назначеніе взысканій совершенно зависитъ отъ педагогическихъ соображеній начальника учебнаго заведенія и прочіихъ наставниковъ юношества, обучающагося въ томъ заведеніи.

§ 2. Ученикъ подвергается взысканію только въ томъ случаѣ, если въ его виновности не можетъ быть никакого сомнѣнія; но для признанія кого-либо виновнымъ отнюдь не слѣдуетъ вынуждать наказаніями или угрозами собственное признаніе обвиняемаго.

§ 3. Взысканіе, по самымъ свойствамъ своимъ, должно, по возможности, соответствовать свойствамъ самаго проступка и быть какъ бы естественнымъ его послѣдствіемъ. Такъ, лѣность наказывается принудительною работою, излишняя болтливость или неуживчивость удаленіемъ отъ товарищей, высокоуміе—униженіемъ, ложь—недовѣріемъ, необузданность, грубое непокорство или проявленіе злости—заключеніемъ въ карцеръ на хлѣбъ и на воду и даже удаленіемъ изъ учебнаго заведенія въ болѣе или менѣе тяжкомъ его видѣ, и т. д.

§ 4. Родъ взысканія и размѣры онаго должны въ точности соответствовать мѣрѣ вины, почему должны быть предварительно раскрыты всѣ обстоятельства совершенія проступка, причины и побужденія къ совершенію онаго и весь вредъ, причиненный имъ самому виновному, его родителямъ, товарищамъ, учебному заведенію, при чемъ обстоятельствами, уменьшающими вину, служатъ отсутствіе

умисла, дѣтское легкомысліе и непониманіе важности проступка, впечатлительность и живость характера, совершеніе проступка впервые, добровольное въ немъ признаніе, чистосердечное въ немъ раскаяніе и маловажность причиненнаго имъ вреда, и наоборотъ, обстоятельствами, увеличивающими вину, служатъ дурной умисель, испорченность воли, обдуманное и сознательное нарушеніе правилъ, установленныхъ для учениковъ, повтореніе проступка, заирательство въ совершеніи онаго, отсутствіе раскаянія и значительность вредныхъ послѣдствій отъ проступка.

§ 5. При назначеніи взыскапія строго принимаются во вниманіе также: возрастъ ученика, степень его развитія и прочія индивидуальныя его свойства, а также прежнее его поведеніе и успѣхи въ наукахъ. Такъ, между прочимъ, для ученика, заслужившаго какое-либо отличіе, самое лишеніе этого отличія на болѣе или менѣе продолжительное время, пока онъ не загладитъ вполне свою вину, можетъ быть уже весьма чувствительнымъ наказаніемъ, безъ какого-либо инаго взыскапія.

§ 6. Никакое нарушеніе правилъ, установленныхъ для учениковъ, не должно быть оставляемо безъ соотвѣтственнаго замѣчанія, внушенія, увѣщанія или даже и взыскапія; но при назначеніи взыскапія всякій разъ строго взвѣшивается, какое дѣйствіе произведетъ то или другое изъ нихъ на заслужившаго взыскапіе, и именно послужитъ ли оно къ его исправленію, и лишь то взыскапіе назначается, которое можетъ дѣйствительно послужить къ исправленію.

§ 7. Взысканія назначаются, по возможности, въ строгой постепенности, такъ чтобы, если то можетъ быть допущено суда по мѣрѣ самой вины, простое замѣчаніе или увѣщаніе наединѣ или передъ цѣлымъ классомъ предшествовало взыскапію словомъ, а сіе послѣднее предшествовало взыскапію дѣйствіемъ.

§ 8. Такъ какъ взыскапія въ школахъ назначаются главнѣйше для исправленія учащихся и, слѣдовательно, изъ любви къ нимъ, то исполненіе всякаго взыскапія, даже и самаго строгаго, должно быть чуждо всякой насмѣшки надъ виновнымъ, и являя отвращеніе наказывающаго къ нравственному злу, которое имъ преслѣдуется, и огорченіе вслѣдствіе необходимости, въ данномъ случаѣ, наказанія, вмѣстѣ съ тѣмъ не должно сопровождаться обнаруженіемъ гнѣва или презрѣнія къ виновному и не должно лишать его надежды, что своимъ совершеннымъ исправленіемъ онъ можетъ еще загладить свою вину и возвратитъ себѣ доброе мнѣніе и довѣріе своихъ наставни-

ковъ. Точно также несомнѣнно съ характеромъ, высканій въ предѣлѣ слѣдное исполненіе буквы закона, соединенное съ безучастіемъ къ лицу провинившагося.

§ 9. Въ случаѣ совершенія какого-либо проступка, несомнѣннаго съ честию учебнаго заведенія или особенно вреднаго, и очевиднаго сокрытія дѣлымъ классомъ виновнаго въ такомъ проступкѣ, не смотря на предварительныя увѣщанія даже самого начальника заведенія, дѣлый классъ подвергается взысканію, по рѣшенію начальника гимназіи или прогимназіи, или по опредѣленію педагогическаго совѣта.

2. Роды взысканій.

§ 10. Взысканія, употребляемыя въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, раздѣляются на взысканія: а) словомъ и б) дѣйствіемъ. Къ первому роду взысканій принадлежатъ: 1) порицаніе, относящееся къ отдѣльному поступку; 2) выговоръ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, относящійся къ образу мыслей или дѣйствій, вообще ко всему нравственному направленію и наклонностямъ ученика, и 3) выговоръ, соединенный съ угрозою дальнѣйшихъ взысканій въ случаѣ неисправленія; ко второму же роду принадлежатъ всѣ остальные взысканія.

Примчаніе. Простое замѣчаніе, внушеніе и увѣщаніе, хотя бы и предъ дѣлымъ классомъ, не причисляются къ взысканіямъ.

§ 11. Взысканія, какъ словомъ, такъ и дѣйствіемъ, могутъ быть нижеслѣдующія:

1. Выговоръ преподавателя наединѣ.
2. Выговоръ преподавателя передъ дѣлымъ классомъ.
3. Выговоръ преподавателя съ угрозою дальнѣйшихъ взысканій, при чемъ полаганіе не означать въ точности этихъ взысканій.
4. Стояніе ученика на мѣстѣ, болѣе или менѣе продолжительное, во время урока, за скамьею или у скамьи, и стояніе его у двери.
5. Одиночное сидѣніе въ классѣ на какой-либо скамьѣ въ продолженіе нѣсколькихъ уроковъ.

Примчаніе. Наказаніе это назначается преимущественно за упорную болтовню, за неуживчивость съ товарищами, за неопрятность и нечистоплотность и за подкапыванье.

6. Сообщеніе о проступкѣ или несправности ученика классному наставнику, что влечетъ за собою, смотря по мѣрѣ вины, или выговоръ класснаго наставника наединѣ, или же выговоръ передъ дѣлымъ классомъ, — въ послѣднемъ случаѣ со внесеніемъ въ штрафной журналъ.

7. Оставление въ гимназій или прогимназій не болѣе какъ на одну часть по окончаніи уроковъ, съ сообщеніемъ о томъ инспектору, и безъ внесенія или и со внесеніемъ въ штрафной журналъ, но въ всякомъ случаѣ съ занесеніемъ этого случая въ тетрадь для записыванія уроковъ или съ омовищеніемъ о томъ родителямъ въ тотъ же день какимъ-либо инымъ способомъ.

Примчаніе. Наказаніе это назначается за повторительное безпричинное опаздыванье, обнаруживающее лѣнность или нерадивость; за неприготовленіе урока или письменной работы, за списыванье работы у товарищей, — словомъ, за лѣнность дома или въ классѣ. Оставленіемъ въ заведеніи по окончаніи уроковъ состоять подъ надзоромъ надзиромъ и должны исполнять въ этотъ часъ посильную работу, которая назначается преподавателемъ по соглашенію съ класснымъ наставникомъ или инспекторомъ и состоять или въ ученіи наизусть, или въ приготовленіи неприготовленнаго урока, или въ письменной работѣ, при чемъ болѣе требуется отъ способныхъ, но нерадивыхъ и лѣнливыхъ, и меньше отъ малоспособныхъ. Не исполнившіе, какъ слѣдуетъ, заданной имъ работы въ назначенный часъ остаются въ заведеніи для исполненія ея въ слѣдующій за тѣмъ день; не исполнившіе и въ этотъ день заданной имъ работы наказываются уже какъ за ослушаніе или усорство.

8. За неоднократно обнаруженныя нерадивіе, лѣнность и вообще легкомысленное отношеніе къ ученью, особенно же при незнаніи двухъ уроковъ въ одинъ день, или же при неисполненіи письменной работы по одному изъ нихъ и незнаніи другаго, назначаются особымъ занятія на домъ, для пополненія упущеній, на праздничные и воскресные дни, съ сообщеніемъ о томъ родителямъ, собственноручно въ видахъ наблюденія съ ихъ стороны за исполненіемъ этихъ работъ.

9. При совершенномъ неисполненіи или худомъ исполненіи дома означенныхъ въ § 8-мъ работъ, или при продолжавшейся, не смотря на означенныя выше чѣры, лѣнности и нерадивости, виновные задерживаются въ гимназій или прогимназій въ продолженіе одного и даже нѣсколькихъ воскресныхъ или праздничныхъ дней на время не болѣе трехъ часовъ каждый разъ, съ обязанностью повторить и усвоить себѣ тѣ части какого-либо предмета, въ которыхъ они особенно слабы, или исполнить каки-либо письменныя и другія работы по предмету, въ которомъ они оказались наиболее нерадивыми.

Примчаніе. Обязанная въ §§ 7, 8 и 9 учебныя работы

назначаются только за лѣность, нерадѣніе и вообще легкомысленное отношеніе къ ученью, при чемъ главнѣйше имѣется въ виду усовершенствованіе ученика въ предметахъ, въ коихъ онъ не успѣваетъ именно по своей лѣности, а также и приученіе къ неослабному и добросовѣстному труду; ни за какіе же другіе проступки, не имѣющіе прямого отношенія къ ученью, они не назначаются, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ ниже въ §§ 12, 14 и 15.

10. Въ случаѣ безуспѣшности шѣры, принимавшихся преподавателемъ и затѣмъ класснымъ наставникомъ, и въ иныхъ отдѣльныхъ болѣе важныхъ случаяхъ,—выговоръ инспектора наединѣ, со внесеніемъ въ штрафной журналъ, или выговоръ инспектора предъ цѣлымъ классомъ со внесеніемъ въ штрафной журналъ и съ оповѣщеніемъ родителей.

11. Отдѣленіе на время отъ сообщества товарищей, какъ въ классное, такъ и въ рекреационное время, съ назначеніемъ особаго мѣста въ классѣ и въ корридвѣ, преимущественно за неуживчивость и поступки, не дѣлающіе чести классу, со внесеніемъ въ штрафной журналъ, но безъ лишенія свободы.

12. Заключение въ карцеръ на время отъ 1-го до 4-хъ часовъ въ учебные дни, съ назначеніемъ работы, преимущественно письменной, а также по части рисованія и черченія географическихъ картъ, или въ видахъ усиленія наказанія, безъ всякой работы, но во всякомъ случаѣ подъ неослабнымъ наблюденіемъ благонадежнаго служителя.

13. Выговоръ наединѣ директора, сопровождающійся внесеніемъ въ штрафной журналъ и оповѣщеніемъ родителей, и выговоръ директора передъ цѣлымъ классомъ, влекущій за собою, сверхъ того, пониженіе отмѣтки за поведеніе въ срочныхъ вѣдомостяхъ.

14. Заключение въ карцеръ на время свыше 4-хъ часовъ и не болѣе 8-ми часовъ, съ содержаніемъ за это время на черномъ хлѣбѣ и водѣ и съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ § 12.

15. Заключение въ карцеръ на время свыше 8-ми часовъ и не болѣе какъ на сутки съ содержаніемъ на черномъ хлѣбѣ и на водѣ какъ въ учебные дни, такъ и въ воскресные и праздничные, съ соблюденіемъ правилъ, обозначенныхъ выше въ § 12, и съ тѣмъ, чтобы въ ночное время благонадежный служитель безотлучно находился при заключенномъ, при чемъ служителю вмѣняется въ обязанность вообще не вступать ни въ какіе съ нимъ разговоры.

Примѣчаніе. Въ случаѣ заключенія ученика въ карцеръ на

время свыше 2-хъ часовъ по окончаніи уроковъ, родители его немедленно о томъ увѣдомляются.

16. Выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта: а) передъ цѣлымъ классомъ съ пониженіемъ отмѣтки за поведеніе въ четвертной вѣдомости и съ лишеніемъ на слѣдующее полугодіе права на освобожденіе отъ платы, или на полученіе стипендіи или пособія, и б) передъ цѣлою гимназіей съ предвареніемъ родителей о томъ, что если они не примутъ съ своей стороны самыхъ энергическихъ мѣръ къ исправленію ученика, то, въ случаѣ дальнѣйшаго его неисправленія, педагогическій совѣтъ прибѣгнетъ къ увольненію его изъ учебнаго заведенія.

Примѣчанія: 1-е. Внесеніе въ штрафной журналъ кого-либо изъ учениковъ влечетъ за собою возможность пониженія отмѣтки за поведеніе въ ближайшей срочной вѣдомости. Сверхъ того, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ доставляются родителямъ еженедѣльные вѣдомости, каждый случай внесенія ихъ сына въ штрафной журналъ обозначается въ этой вѣдомости съ краткимъ указаніемъ на вину. Заключение въ карцеръ непременно вносится и въ штрафной журналъ.

2-е. Въ штрафномъ журналѣ противъ имени општрафованнаго ученика излагается проступокъ, за который онъ записанъ, и другое взыскаіііе, которому онъ за него подвергся.

17. Удаленіе изъ гимназіи или прогимназіи, но съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія въ томъ же городѣ.

18. Удаленіе изъ гимназіи безъ права поступленія въ учебныя заведенія того же города.

19. Исключеніе изъ гимназіи или прогимназіи съ оповѣщеніемъ о томъ всѣхъ учебныхъ начальствъ и съ лишеніемъ права поступить въ какое-либо учебное заведеніе.

§ 12. Особыя взыскаііія съ полупансіонеровъ и съ пансіонеровъ суть нижеслѣдующія:

1. Лишеніе за обѣдомъ послѣдняго блюда.
2. Стояніе за столомъ во время завтрака, обѣда или ужина.
3. Сидѣніе за особымъ столомъ отдѣльно отъ товарищей во время завтрака, обѣда или ужина, съ лишеніемъ одной порціи или безъ онаго.
4. Оставленіе безъ завтрака, или ужина, или обѣда, съ замѣною ихъ чернымъ хлѣбомъ и водою.
5. Лишеніе отпуска въ воскресные или праздничные дни на нѣ-

сколько часовъ или на цѣлый день и даже на нѣсколько воскресныхъ или праздничныхъ дней.

6. Удаленіе изъ пансіона на время.

7. Удаленіе изъ пансіона навсегда.

§ 13. Взысканія, коимъ можетъ быть подвергнутъ цѣлый классъ, согласно съ § 9, суть:

1. Выговоръ начальника заведенія со внесеніемъ всѣхъ учениковъ поименно въ штрафной журналъ.

2. Выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта съ уменьшеніемъ всѣмъ ученикамъ класса отмѣтки за поведеніе въ ближайшей четвертной вѣдомости.

3. Выговоръ отъ имени педагогическаго совѣта съ немедленнымъ лишеніемъ всякаго рода отличій и преимуществъ, которыми пользовались ученики класса, въ томъ числѣ и права на освобожденіе кого-либо изъ класса въ ближайшее полугодіе или и въ цѣлый слѣдующій годъ отъ платы за ученіе, а также и на полученіе стипендій и пособій.

§ 14. Всѣ взысканія, кромѣ выговора, не влекущаго за собою никакихъ другихъ послѣдствій, вносятся въ классный кондуктнѣй журналъ, съ прописаніемъ вратцѣ, противъ имени ученика, проступка и взысканія. Классный кондуктнѣй журналъ служитъ для соображеній при оцѣнѣ поведенія ученика и нравственнаго состоянія цѣлаго класса; отъ него отличается штрафной журналъ, внесеніе въ который имени какого-либо изъ учениковъ есть уже само по себѣ наказаніе и существенно вліяетъ на четвертные отмѣтки за поведеніе.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

въ дополненіе къ правиламъ для учениковъ гимназій и прогимназій и къ правиламъ о взысканіяхъ.

На основаніи § 35 Высочайше утвержденнаго 30-го іюля 1871 года устава гимназій и прогимназій, правила о взысканіяхъ съ учениковъ сихъ учебныхъ заведеній, составляемыя мѣстными педагогическими совѣтами, утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія. Утвержденіе сихъ правилъ предоставлено министру народнаго просвѣщенія на томъ основаніи, что „по большей части“, какъ объяснено въ са-

момъ представленіи въ государственный совѣтъ, „одни и тѣ же проступки и уклоненія отъ правилъ доброй нравственности встрѣчаются во всѣхъ гимназіяхъ, и должны быть принимаемы одинаковыя мѣры для исправленія учащихся, а потому и правила о взысканіяхъ съ учащихся въ общихъ своихъ чертахъ могутъ быть для всѣхъ одинаковы; возможно же большее единство и устойчивость этихъ правилъ придастъ имъ большую силу въ сознаніи какъ учащихся, такъ и ихъ родителей, и сдѣлаетъ ихъ болѣе дѣйствительными“.

Руководясь этими видами, г. министръ потребовалъ отъ попечителей всѣхъ учебныхъ округовъ доставленія дѣйствующихъ нынѣ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ правилъ о взысканіяхъ съ учащихся, и по разсмотрѣніи сихъ правилъ въ министерствѣ, утвердилъ общія для всѣхъ учебныхъ округовъ: а) *Правила для учениковъ гимназій и прогимназій*, и б) *Правила о взысканіяхъ съ сихъ учениковъ*, составленныя первоначально въ особой комиссіи изъ всѣхъ инспекторовъ гимназій и прогимназій С.-Петербурга, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра дѣйствительнаго статскаго совѣтника Георгіевскаго, и затѣмъ пересмотрѣнныя и исправленныя въ учебномъ комитетѣ министерства при участіи всѣхъ директоровъ С.-Петербургскихъ гимназій.

На основаніи § 75, н. 3 устава гимн. и прогимн., правила эти могутъ быть дополнены и видоизмѣнены мѣстными педагогическими совѣтами, согласно съ выработавшимися на практикѣ въ каждомъ изъ этихъ учебныхъ заведеній педагогическими обычаями, и за тѣмъ правила для учениковъ, будучи изложены сколь можно проницательно и даже съ нѣкоторыми пропусками для низшихъ классовъ и будучи напечатаны въ потребномъ числѣ экземпляровъ, должны быть розданы каждому изъ учениковъ, а тѣ правила какъ для учениковъ, такъ и о взысканіяхъ, въ коихъ сдѣланы болѣе существенныя дополненія, должны быть доставлены, съ указаніемъ на сія послѣднія, въ министерство для сдѣланія въ числѣ 4-хъ экземпляровъ.

Для достиженія воспитательныхъ своихъ цѣлей гимназіи и прогимназіи располагаютъ многочисленными и разнообразными способами дѣйствія на учащихся, во первыхъ, положительными, и во вторыхъ, отрицательными или взысканіями. Наибольшая сила принадлежит, разумѣется, положительнымъ способамъ дѣйствія, и одновременно съ установленіемъ правилъ о взысканіяхъ признается излишнимъ обратить особенное вниманіе педагогическаго сословія на эти положительныя способы дѣйствія на учащихся.

1. Наибольшее воспитательное дѣйствіе на учениковъ всегда оказываетъ самая личность ихъ наставниковъ. Наставникъ не можетъ не внушить къ себѣ довѣрія и уваженія, а также уваженія и любви къ своему предмету, если самъ онъ вполне добросовѣстно исполняетъ всѣ свои обязанности, если онъ относится къ своему дѣлу и своему предмету съ любовію и воодушевленіемъ, а къ ученикамъ съ истиннымъ доброжелательствомъ, кротостію и терпѣніемъ, но вмѣстѣ и съ надлежащею справедливостію и твердостію. Онъ долженъ служить своимъ ученикамъ примѣромъ уваженія къ закону, величайшей точности, отчетливости, основательности и рвенія въ исполненіи своего долга, почтительности къ старшимъ, дружелюбія и уваженія къ товарищамъ. Если отъ учениковъ требуется добросовѣстное приготовленіе къ урокамъ, то тѣмъ серьезнѣе и основательнѣе должно быть приготовленіе преподавателя къ каждому уроку и внимательное обдумываніе, какъ вести каждый урокъ и какъ извлечь изъ него наибольшую пользу для учениковъ. Если ученикамъ строжайше воспрещается безпричинное пропусканіе уроковъ или опаздываніе на нихъ, то тѣмъ строже должны быть къ себѣ въ этомъ отношеніи преподаватели. Если ученикамъ воспрещается всякое постороннее занятіе въ классѣ, хотя бы и приготовленіе къ слѣдующимъ урокамъ, и точно также всякая напрасная трата времени, то тѣмъ менѣе можетъ быть все это терпимо въ преподавателѣ, который всякую минуту вѣреннаго ему класснаго учебнаго времени долженъ употреблять съ возможно-большою пользою для своихъ учениковъ. Примѣръ самихъ наставниковъ — вотъ первая и наибольшая сила, которою располагаютъ гимназін для всесторонняго разрѣшенія своей высокой воспитательной задачи.

2. Самое преподаваніе должно вполне соответствовать этой задачѣ. Оно должно не только сообщать познанія и умѣнья, но и воспитывать умъ, развивать эстетическій вкусъ, облагораживать чувства, направлять волю къ добру и правдѣ, наполнять душу высокими стремленіями. Иначе это было бы не ученіе, не образованіе, а простая, болѣе или менѣе механическая, вучча. Особенно нѣкоторые предметы гимназическаго курса, въ рукахъ свѣдущихъ и умѣлыхъ наставниковъ, могутъ имѣть такое всестороннее воспитательное значеніе, и прежде всѣхъ другихъ законъ Божій, чтеніе авторовъ какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, новыхъ, и въ особенности древнихъ, исторія, — и этими воспитательными ихъ элементами надлежитъ пользоваться для всесторонняго правильнаго развитія учени-

ковъ, положивъ въ основу его точное знаніе положительныхъ, фактическихъ, данныхъ; но и всѣмъ прочимъ предметамъ свойственно болѣе или менѣе обширное воспитательное значеніе.

3. Самый способъ преподаванія оказываетъ благотворное воспитательное дѣйствіе, если онъ, соотвѣтствуя силамъ и предварительной подготовкѣ учениковъ, всѣхъ ихъ держитъ въ надлежащемъ напряженіи, возбуждая умственную дѣятельность всѣхъ ихъ и вовлекая весь классъ въ общую умственную работу. Такое преподаваніе естественно развиваетъ одну изъ существенныхъ добродѣтелей ученика—внимательность и охоту къ ученю, къ умственному труду, устраняя и умственную праздность и лѣнь, и склонность къ шалостямъ и къ разсѣянности. Поэтому каждый учитель обязанъ особенно заботиться о томъ, чтобы развить въ себѣ умѣнье заниматься постоянно съ цѣльми классомъ, а не съ отдѣльными его учениками.

Такое обученіе всего класса разомъ отнюдь не исключаетъ полнѣйшаго вниманія преподавателя къ каждому ученику въ отдѣльности, и всякая попытка кого-либо изъ учениковъ, или уклониться отъ участія въ общей умственной работѣ, или развлечься какимъ-либо постороннимъ дѣломъ или шалостью, или нарушить какимъ-либо образомъ классную дисциплину (разговоромъ, подсказываніемъ, отвѣтомъ безъ спроса учителя, неумѣстными замѣчаніями или дурнымъ сидѣньемъ), должна быть тотчасъ же остановлена, такъ чтобы ученики знали, что каждый изъ нихъ находится подъ постояннымъ и неослабнымъ наблюденіемъ преподавателя, что особенно важно въ младшихъ классахъ, но не всегда излишне и въ среднихъ и даже старшихъ.

Такое постоянное, строгое и неослабное вниманіе каждаго изъ преподавателей къ соблюденію учениками всѣхъ, даже и малѣйшихъ, требованій классной дисциплины не можетъ не подѣйствовать благотворно на учениковъ во многихъ отношеніяхъ. Ученики должны быть приучены еще въ младшихъ классахъ къ надлежащей внѣшней выправкѣ, къ тому, чтобы сидѣть прямо, хотя и свободно, прислонясь къ спинѣ скамьи, или къ другой скамьи, но отнюдь не разваливаясь и не облокачиваясь, и наставники обязаны преодолѣть въ нихъ эту склонность къ физической, такъ сказать, лѣни и нѣгѣ и развить въ нихъ съ самаго начала эту низшую степень самообладанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чувство приличія. Впрочемъ, въ приготовительномъ и первомъ классѣ, буде преподаватель замѣтитъ, что дѣти утомились продолжительнымъ сидѣньемъ, онъ можетъ прервать на

самое короткое время (не болѣе трехъ минутъ) занятія и заставить ихъ по нѣскольку разъ встать и сѣсть или дѣлать гимнастическія движенія руками и ногами, но безъ всякаго шума и безпорядка.

Дальнѣйшая задача въ томъ же направленіи относится къ обузданію столь свойственной дѣтскому возрасту болтливости, которая не должна быть терпима ни въ какомъ изъ ея видовъ въ учебное класное время. Немаловажною задачею является и приученіе дѣтей сидѣть смирно и спокойно, не производя ни малѣйшаго шума, внимательно слушать и терпѣливо ждать обращенія къ себѣ учителя; отнюдь не отвѣчая самовольно безъ спроса и еще менѣе подсказывая спрошенному. Это—своего рода дисциплина, важная и для поддержанія вышшаго порядка, и для развитія въ дѣтяхъ самообладанія.

4. Развитие въ ученикахъ прилежанія, то-есть, постоянного стремленія сколь можно лучше и тщательнѣе, со всевозможнымъ стараніемъ, готовить всѣ свои уроки и точно также дѣлать всѣ письменныя свои работы, должно быть предметомъ постоянной и дружной заботливости всѣхъ преподавателей: это залогъ не только успѣховъ ученика въ школѣ, но и добросовѣстнаго отношенія его ко всякому дѣлу, которое будетъ ему ввѣрено впоследствии, по окончаніи полнаго его образованія. Поэтому никто изъ преподавателей не долженъ довольствоваться письменными работами, сдѣланными на-скоро, кое-какъ, переписанными небрежно, или слѣпнымъ и плохимъ приготовленіемъ заданныхъ уроковъ, а для этого необходимо прежде всего ограничивать задаваемые ученикамъ устные уроки и письменныя работы такими размѣрами, чтобы вполне отчетливое приготовленіе ихъ было подъ силу ученикамъ и среднихъ способностей, и еще необходимѣе, чтобы письменныя работы были непременно проверяемы преподавателями и затѣмъ тщательно исправляемы самими учениками на основаніи данныхъ имъ указаній.

5. Строго поддерживая общее вниманіе учениковъ класса и класную дисциплину и строго требуя исполненія учениками всѣхъ ихъ обязанностей, преподаватели отнюдь не должны ни отнимать времени у своего преподаванія продолжительными увѣщаніями, замѣчаніями или выговорами и вообще дисциплинарными мѣрами, ни впадать въ ворчливый тонъ и поддаваться дурному расположенію духа, что можетъ привести весь классъ въ уныніе, помѣнать успѣшности преподаванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заронить сѣмя отвращенія къ предмету и даже вообще къ умственному труду; но совмѣстная работа

преподавателя съ цѣлымъ классомъ должна быть ведена непрерывно, въ бодромъ и оживленномъ настроеніи духа съ обѣихъ сторонъ.

6. Какъ ни желательно возможно большее сосредоточеніе преподаванія въ каждомъ классѣ въ рукахъ одного или очень немногихъ преподавателей, какъ въ видахъ большей успѣшности преподаванія, такъ и въ видахъ возможно большаго вліянія одной вполне достойной личности на нравственное развитіе учащихся, но въ нашихъ гимназіяхъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, это еще менѣе возможно, нежели въ иностранныхъ. Тѣмъ большее значеніе приобретаютъ у насъ личныя качества начальника учебнаго заведенія, директора гимназіи и его ближайшаго помощника—инспектора, и инспектора прогимназіи, и тѣмъ осмотрительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ долженъ быть выборъ этихъ лицъ, ибо отъ нихъ главнѣйше зависитъ внести возможно большее единство въ учебную и воспитательную дѣятельность многочисленныхъ преподавателей нашихъ гимназій и достигнуть возможно большаго согласенія между ними относительно какъ общихъ началъ и пріемовъ воспитанія и обученія, такъ и относительно обращенія преподавателей съ учениками. Безъ такого же согласія и единства дѣйствія всей учебно-воспитательной коллегіи рѣшительно не возможно достиженіе высокихъ воспитательныхъ цѣлей учебнаго заведенія, и потому начальникамъ учебныхъ заведеній необходимо всячески заботиться о водвореніи и поддержаніи такого согласія и единства духа между всѣми преподавателями. Одинаковая требовательность во всѣхъ отношеніяхъ со стороны всѣхъ преподавателей всегда дѣйствуетъ благотворно на учениковъ, убѣждая ихъ, что они подлежатъ не чьему-либо личному произволу, а высшему нравственному закону и порядку, которому должны безусловно подчиняться.

7. Хотя въ дѣлѣ воспитанія и обученія чисто-нравственныя вліянія и побужденія должны рѣшительно преобладать надъ всѣми другими, однако же опытъ убѣждаетъ въ невозможности обходиться и безъ внѣшнихъ поощреній, равно какъ и безъ выговоровъ. Какъ только наставники пользуются полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ своихъ учениковъ, то сіи послѣдніе не могутъ не дорожить ихъ ободреніемъ и похвалой, если только всѣ эти заявленія удовольствія или надежды со стороны преподавателя, класснаго наставника, инспектора или директора, и наконецъ, всего педагогическаго совѣта или его комиссій, дѣлаются со строгою разборчивостью и съ предосторожностью, какъ бы не захвалить кого-либо изъ учениковъ и не развитъ въ нихъ

суетнаго желанія похвалъ и вообще тщеславія; поэтому всякое одобреніе и похвала (въ вышеозначенной градаци) и вообще всякая внѣшняя награда должны быть направлены такъ, чтобы ими возбуждалось сознаніе, что лучшею наградою всегда служить собственное внутреннее чувство хорошо исполненнаго долга, и чтобы въ нихъ заключалось побужденіе къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ ученіи и въ самоусовершенствованіи.

Дальнѣйшею мѣрою поощренія можетъ служить распредѣленіе учениковъ на разряды по ихъ успѣхамъ въ ученіи, по ихъ вниманію и прилежанію и по ихъ поведенію.

Основаніемъ для такого распредѣленія учениковъ на разряды могутъ служить какъ срочныя вѣдомости, установленныя § 6-мъ правилъ объ испытаніяхъ, такъ и особая подобная же вѣдомость, составляемая тѣмъ же порядкомъ къ 1-му октября каждаго года, при чемъ всѣ эти вѣдомости должны быть дополнены наблюденіями классныхъ наставниковъ, преподавателей и воспитателей за каждую изъ указанныхъ частей года. Къ концу каждой изъ этихъ частей года отдѣльныя вѣдомости и свѣдѣнія объ ученикахъ каждаго класса обсуждаются въ комиссіи преподавателей каждаго класса подъ предѣтельствомъ директора, или инспектора, или подъ руководствомъ класснаго наставника, при чемъ обращается особенное вниманіе на нравственное состояніе какъ цѣлаго класса, такъ и отдѣльныхъ его учениковъ; отмѣтки преподавателей за успѣхи учениковъ въ каждомъ предметѣ переносятся прямо въ общій списокъ учениковъ класса, изъ отдѣльныхъ же отмѣтокъ преподавателей за поведеніе, за прилежаніе и за вниманіе дѣлается общій средній выводъ по каждому изъ этихъ обозначеній въ отдѣльности и этотъ средній выводъ вносится въ списокъ, и если при этомъ выводъ получится дробь, то она принимается за цѣлую единицу: относительно поведенія — не иначе, какъ по предложенію класснаго наставника, а относительно вниманія и прилежанія — въ томъ случаѣ, если дробь болѣе половины и притомъ средній выводъ изъ отмѣтокъ, выставленныхъ преподавателями древнихъ языковъ и математики, не менѣе благопріятенъ, чѣмъ по всѣмъ другимъ предметамъ. Имена воспитанниковъ въ означенномъ спискѣ располагаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ по успѣхамъ въ ученіи, по поведенію, вниманію и прилежанію, при чемъ къ 1-му разряду учениковъ относятся имѣющіе не менѣе 5 за поведеніе и 5 за прилежаніе или же за вниманіе, не менѣе 4 въ каждомъ предметѣ и не менѣе $4\frac{1}{2}$ или $4\frac{1}{3}$ въ среднемъ

выводѣ изъ отмітокъ по древнимъ языкамъ и математикѣ, а во второму разряду относятся ученики, имѣющіе не менѣе 4 за поведеніе, 4 за прилежаніе или вниманіе и не менѣе 3 за успѣхи въ каждомъ предметѣ, при среднемъ выводѣ не менѣе $3\frac{1}{2}$, или $3\frac{1}{3}$ по вышеуказаннымъ главнымъ предметамъ; имена же остальныхъ всѣхъ учениковъ, не заслуживающихъ одного изъ вышеуказанныхъ отличій, располагаются въ порядкѣ по ихъ успѣхамъ, безъ отнесенія къ какому-либо разряду, при чемъ всѣмъ ученикамъ вообще, независимо отъ отнесенія ихъ къ различнымъ разрядамъ, ведется одна общая нумерация. Списокъ этотъ предъявляется ученикамъ самимъ директоромъ гимназій или инспекторомъ прогимназій, которые при этомъ дѣлаютъ надлежащіе замѣчанія, и затѣмъ онъ вывѣшивается на классной стѣнѣ до конца новой отчетной части года; но дѣйствительной пересадки учениковъ на основаніи этихъ списковъ не бываетъ, мѣста же ученикамъ назначаются вообще постоянныя, при чемъ близорукіе сажаются ближе къ классной доскѣ, склонные къ разговорамъ, къ шалостямъ или вообще къ разсѣянности — ближе къ учителю, и только на основаніи этихъ и другихъ подобныхъ же педагогическихъ соображеній могутъ быть пересаживаемы ученики въ теченіе учебнаго года.

Выписка о каждомъ ученикѣ изъ этихъ списковъ со всѣми въ нихъ отмітками и, въ случаѣ надобности, съ особыми замѣчаніями классной комиссіи или класснаго наставника, сообщается каждый разъ вслѣдъ за тѣмъ родителямъ или родственникамъ каждого ученика, независимо отъ сообщенія родителямъ отмітокъ учениковъ за каждую недѣлю. Сверхъ того, сообщенія родителямъ дѣлаются во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда немедленное участіе ихъ признается необходимымъ для исправленія нерадивыхъ учениковъ, какъ то отчасти указано въ правилахъ о взысканіяхъ.

Ученики, которые въ продолженіе двухъ отчетныхъ частей года, согласно съ предыдущимъ, принадлежали къ первому разряду, записываются на классную золотую доску, о чемъ сообщается какъ родителямъ, такъ и ученикамъ всей гимназій или прогимназій. Ученики, оставшіеся въ первомъ разрядѣ въ продолженіе цѣлаго учебнаго года и оправдавшіе аттестаціи своихъ преподавателей на установленныхъ испытаніяхъ въ концѣ учебнаго года, а также оказавшіеся вполне исправными въ исполненіи работъ, заданныхъ на вакаціонное время, и удержавшіеся въ первомъ разрядѣ къ 1-му октября новаго учебнаго года, записываются на временную золотую доску всего за-

веденія, выставляемую на видномъ мѣстѣ, или въ приемной комнатѣ, или въ актовомъ залѣ, о чемъ также сообщается и родителямъ и всѣмъ ученикамъ, и печатается въ годичныхъ отчетахъ по гимназіи или прогимназіи. Кто изъ записанныхъ на золотую доску своего класса въ теченіе слѣдующихъ двухъ отчетныхъ частей года, а изъ записанныхъ на золотую доску цѣлаго заведенія въ теченіе слѣдующихъ трехъ частей года, окажется ниже опредѣленныхъ выше сего условій или вообще совершить поступокъ, несомнѣнный съ честью учебнаго заведенія, тотъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта, стирается съ золотой доски.

Наконецъ, выспимъ отличіемъ въ этомъ родѣ служить занесеніе имени ученика на постоянную золотую доску учебнаго заведенія навсегда. Этой чести могутъ быть удостоиваемы только, ученики, окончившіе полный курсъ гимназіи съ золотою медалью и при томъ во время пребыванія своего въ VI и VII классахъ не совершившіе никакого поступка, несомнѣннаго съ честью учебнаго заведенія, отличающіеся вообще твердостью своихъ нравственныхъ правилъ и подающіе большія надежды относительно дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ въ наукахъ.

Преимущества учениковъ, записанныхъ на золотую доску или отнесенныхъ къ первому разряду, заключаются въ томъ, что изъ нихъ преимущественно избираются дежурные въ каждомъ классѣ (см. въ правилахъ для учениковъ §§ 43—46); изъ числа тѣхъ изъ нихъ, которые, состоя въ высшихъ классахъ гимназій (VI и преимущественно VII), живутъ на общихъ ученическихъ квартирахъ, назначаются дежурные этихъ квартиръ, съ освобожденіемъ отъ платы за свое содержаніе или съ уменьшеніемъ оной, и наконецъ, при освобожденіи отъ платы за ученіе, при назначеніи стипендій и пособій, прежде всего принимаются въ разчетъ недостаточные изъ числа записанныхъ на золотую доску цѣлаго заведенія, потомъ на золотую доску своего класса, и наконецъ, изъ учениковъ перваго разряда по классному списку.

Впрочемъ, среднимъ учебнымъ заведеніямъ вѣняется въ обязанность лишь составленіе вышеуказаннымъ порядкомъ классныхъ списковъ ученикамъ и сообщеніе изъ нихъ возможно болѣе подробныхъ свѣдѣній родителямъ, а также введеніе въ каждой гимназіи одной постоянной золотой доски для занесенія на нее именъ окончившихъ полный курсъ съ золотою медалью; введеніе же классныхъ и другихъ золотыхъ досокъ, а равно и вывѣшиваніе въ классѣ списка

учениковъ съ раздѣленіемъ ихъ на разряды, предоставляется усмотрѣнію самихъ педагогическихъ совѣтовъ.

Такъ какъ назначеніе пособій и стипендій принадлежитъ къ числу важныхъ поощрительныхъ мѣръ для недостаточныхъ учениковъ, то желательно, чтобы на этотъ предметъ была отдѣляема ежегодно достаточная сумма изъ суммы сбора за ученіе по каждой гимназій и прогимназій.

Точно также, при выдачѣ ученикамъ старшихъ классовъ свидѣтельствъ на право давать частные уроки, надлежитъ ограничиваться учениками лишь двухъ первыхъ разрядовъ по списку, особенно же рекомендовать для этихъ частныхъ занятій записанныхъ на золотую доску заведенія, потому своего класса и, наконецъ, вообще учениковъ перваго разряда.

8. Въ учебномъ заведеніи не только закрытомъ, какъ пансіонъ при гимназійхъ и прогимназійхъ, но и для приходящихъ учениковъ, весьма важное значеніе въ воспитательномъ отношеніи принадлежитъ не одному только непосредственному вліянію наставниковъ юношества, но и вліянію товарищей учениковъ. Всякая школа даже и для приходящихъ и каждый классъ ея въ отдѣльности представляютъ своего рода малое общество, члены котораго связаны при томъ одинаковостію своихъ занятій, поставлены въ непрерывныя отношенія между собою, подлежатъ однимъ и тѣмъ же правиламъ и власти однихъ и тѣхъ же начальниковъ и наставниковъ. Принадлежа къ различнымъ семействамъ и даже различнымъ слоямъ общества, съ которыми они находятся при томъ въ непрерывномъ общеніи, приходящіе ученики гимназій и прогимназій приносятъ съ собою въ учебныя заведенія хорошія и дурныя стремленія и наклонности, хорошія и дурныя нравы, обычаи, привычки, возрѣнія и т. д., и задача гимназій заключается въ томъ, чтобы всѣхъ равно просвѣтить, облагодетельствовать, сдѣлать благовоспитанными, нравственными, образованными юношами, препятствуя на всѣхъ путяхъ дурнымъ вліяніямъ и по возможности искореняя ихъ, и напротивъ усиливая добрыя вліянія учениковъ другъ на друга. Заботливый и внимательный воспитатель или классный наставникъ долженъ составить себѣ точное и вѣрное понятіе о каждомъ изъ своихъ учениковъ и о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ между собою, и одна изъ главныхъ заботъ его должна быть о томъ, чтобы сколь можно болѣе ограничивать и уничтожать вліяніе учениковъ съ дурными привычками и наклонностями и, напротивъ, сколь можно болѣе усиливать вліяніе хорошихъ во всѣхъ отноше-

нїяхъ учениковъ. Только такимъ образомъ удастся ему водворить хорошій духъ въ своемъ классѣ, такъ чтобы и сами ученики противо-дѣйствовали всякимъ худымъ поползновенїямъ и худымъ поступкамъ своихъ товарищей. Въ этомъ отношенїи весьма важно развить въ ученикахъ то, чтобы они дорожили честью своего класса и еще болѣе честью своего заведенїя, и не дозволяли ни себѣ, ни своимъ товарищамъ, никакихъ поступковъ, несовмѣстныхъ съ честью своего класса, или своего заведенїя. Развитію чувства чести своего класса можетъ отчасти содѣйствовать и записываніе именъ учениковъ на золотыя доски класса и потомъ дѣлаго заведенїя, и въ этихъ же видахъ было бы полезно разъяснять ученикамъ, въ случаѣ совершенїя кѣмъ-либо изъ нихъ дурнаго поступка, весь нравственный вредъ, проистекающій отъ сего для доброй славы какъ ихъ самихъ, такъ и всего учебнаго заведенїя.

Для поддержанїя вліянія лучшихъ учениковъ весьма важно строжайше преслѣдовать всякое злоупотребленіе физическою силою (что необходимо и въ видахъ устраненїя беспорядковъ; и для охраненїя физическаго здоровья учениковъ), тѣмъ болѣе, что лучшіе далеко не всегда бываютъ и сильнѣйшими и почти всегда бываютъ наименѣе склонны прибѣгать къ силѣ.

9. Заботливые о вѣрренныхъ ихъ попеченію ученикахъ наставники не ограничатъ своего на нихъ вліянія предѣлами лишь класснаго учебнаго времени, но будутъ руководить ихъ на пути истины, добра и правды и въ свободное отъ классныхъ занятій время тѣми способами и средствами, которые каждому изъ нихъ наиболѣе сподручны по его официальному положенію, по его специальности, по особымъ его талантамъ и дарованїямъ. Такъ, класснымъ наставникамъ особенно свойственно быть руководителями учениковъ своего класса на всѣхъ путяхъ ихъ жизни, входить въ ихъ положеніе, ихъ нужды, помогать имъ и дѣломъ, и словомъ, и при этомъ не забывать главнаго — воспитывать въ нихъ чувства добра и правды, вкоренять въ нихъ твердыя нравственныя начала, укрѣплять ихъ волю, улучшать ихъ характеръ. Затѣмъ другіе преподаватели, искренно желающіе добра своимъ ученикамъ, безъ сомнѣнїя, охотно возьмутъ на себя обязанности воспитателей при пансіонахъ гимназій, — не ради тѣхъ небольшихъ внѣшнихъ выгодъ, которыя приноситъ эта должность, но потому, что она даетъ возможность вполне вникнуть въ бытъ учениковъ, слѣдить на каждомъ шагѣ за нравственнымъ ихъ развитіемъ и могущественно содѣйствовать оному въ истинно добромъ направ-

леніи. Тѣхъ изъ преподавателей, которые приняли на себя должность воспитателей пансіоновъ, должно особенно имѣть въ виду и доводить о нихъ до свѣдѣнія г. министра въ представленіяхъ о распредѣленіи занятій между преподавателями.

Преподаватели русскаго языка и словесности особенно могутъ руководствовать своихъ учениковъ въ выборѣ чтенія въ свободное отъ занятій время; для повѣрки же того, что ими прочитано и какъ прочитанное понято, и надлежащихъ, со стороны преподавателей, объясненій, могутъ быть устрояемы для старшихъ классовъ литературныя бесѣды въ праздничные и воскресные дни, или въ зимнее и весеннее вакаціонное время. Этими литературными бесѣдами было бы полезно воспользоваться и для пріученія учениковъ къ свободному, плавному и послѣдовательному устному изложенію на заранѣ приготовленную тему. Подобныя же бесѣды могутъ быть устанавливаемы для чтенія переводовъ съ древнихъ языковъ, для публичныхъ отчетовъ въ прочитанномъ изъ древнихъ классиковъ, для декламаціи выученныхъ стиховъ изъ древнихъ поэтовъ и т. д. Приготовленныя къмѣ-либо для этихъ бесѣдъ письменныя работы должны быть, предварительно, сообщаемы кому-либо изъ желающихъ учениковъ того же класса для повѣрки и замѣчаній съ его стороны.

Законоучителямъ могло бы принадлежать особенно сильное и вліятельное религіозно-нравственное руководство учащихся вообще во всякое время и въ особенности во время говѣнія ихъ.

Преподаватели исторіи, географіи, естественной исторіи или физики и древнихъ языковъ, одни ли или въ сообществѣ съ своими товарищами, могутъ устроить съ своими учениками, въ свободное отъ ученія время (въ воскресные, праздничные или вакаціонные дни), по плану, предварительно одобренному педагогическимъ совѣтомъ, и съ согласія директора и родителей учениковъ, экскурсіи для обозрѣнія по принадлежности мѣстныхъ историческихъ достопримѣчательностей, замѣчательнѣйшихъ въ географическомъ отношеніи мѣстностей, для естественно-историческихъ цѣлей, для обозрѣнія произведеній древняго или новаго искусства, буде таковыя имѣются въ данной мѣстности. Экскурсіи эти, служа и къ обогащенію познаній учениковъ, и къ возбужденію въ нихъ любознательности, послужили бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сближенію ихъ съ ихъ наставниками и къ укрѣпленію благотворнаго на нихъ нравственнаго вліянія сихъ послѣднихъ, что и должно особенно имѣть въ виду при этомъ. За границею подобнымъ экскурсіямъ придается весьма важное воспитательное значе-

іе, и о нихъ всегда особо упоминается въ отчетахъ по гимназіямъ, что должно быть исполняемо и у насъ.

10. Развитіе художественнаго, эстетическаго вкуса составляетъ весьма важный элементъ какъ общаго умственнаго, такъ и нравственнаго образованія, и на него должно быть обращено тѣмъ большее вниманіе въ гимназіяхъ, что ему здѣсь, въ значительной мѣрѣ, способствуетъ то, что ученики постоянно имѣютъ дѣло съ высокохудожественными литературными произведеніями древности. Но эстетическій вкусъ въ ученикахъ гимназій долженъ быть воспитываемъ и всѣми другими способами, начиная съ устраненія всякой неряшливости въ одеждѣ и во всей внѣшности учениковъ, и оканчивая положительнымъ влияніемъ на развитіе художественнаго вкуса въ ученикахъ, съ каковою цѣлю, между прочимъ, гимназіямъ необходимо было бы заимать изданіями художественныхъ произведеній, фотографическими съ нихъ снимками, а по возможности также гравюрами, копіями и слѣпками съ лучшихъ античныхъ статуй, при чемъ гравюры, копіи съ лучшихъ картинъ и слѣпки могли бы служить постояннымъ украшеніемъ комнатъ старшихъ двухъ классовъ, изданія же художественныхъ произведеній и фотографическіе снимки разсматривались бы учениками въ свободное отъ ученія время подъ руководствомъ наиболѣе свѣдущихъ по этой части преподавателей, такъ чтобы юношамъ, оканчивающимъ курсъ въ гимназіи, отнюдь не были чужды, какъ бывало нерѣдко доселѣ, ни интересъ къ этой области творчества, ни свѣдѣнія по этой части. На образованіе хорошаго литературнаго вкуса въ ученикахъ призваны особенно дѣйствовать преподаватели какъ отечественнаго языка, такъ и древнихъ языковъ; но при этомъ, въ видахъ вообще эстетическаго образованія, было бы весьма важно изъясненіе ученикамъ нѣкоторыхъ теоретическихъ произведеній нѣмецкихъ, существующихъ отчасти и въ русскомъ переводѣ, какъ, напримеръ, знаменитой рѣчи Шеллинга — объ отношеніи искусства къ природѣ, Шиллеровыхъ писемъ — объ эстетическомъ воспитаніи чловека, Лессингова — Лаокоона и т. д.

Съ другой стороны, уже и нынѣ по нѣкоторымъ, хотя и весьма немногимъ еще гимназіямъ нашимъ, есть весьма отрадные факты, что нѣкоторые наставники, будучи сами хорошими знатоками музыки и пѣнія, устраиваютъ хорошіе хоры изъ учениковъ, сами обучаютъ ихъ церковному и свѣтскому пѣнію (русскимъ и славянскимъ національнымъ пѣснямъ) и развивая въ нихъ чувство религіозное, чувство изящнаго и чувство патріотическое, доставляя имъ и самую лучшую за-

баву, всегда благотворно дѣйствующую на юношеское сердце, вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно привлекаютъ къ себѣ ихъ сердца и упрочиваютъ на нихъ свое нравственное вліяніе. Въ высшей степени желательно, чтобы примѣръ такихъ преподавателей, которые будутъ всегда особенно дороги для своихъ учениковъ, не остался безъ подражанія.

Точно также слѣдуетъ указать на примѣръ одной гимназіи, гдѣ, подъ руководствомъ ея директора и преподавателей, были устраиваемы въ праздничные дни истинно-благородныя и образовательныя забавы, на которыя были приглашаемы родители и родственники учениковъ и лица учебного вѣдомства, и которыя состояли въ томъ, что одни ученики (старшаго класса) исполняли на греческомъ языкѣ сцены изъ Софокловыхъ трагедій „Антигоны“ или „Эдипа-царя“, пройденныхъ ими въ классное время подъ руководствомъ директора, — сцены, разученныя въ свободное отъ ученья время; другіе пѣли хоры Софокловой „Антигоны“, третьи декламировали выученныя ими стихотворенія на различныхъ языкахъ и т. д. Подобныя забавы должны и содѣйствовать развитію художественнаго вкуса, и оживлять интересъ къ ученью, и служить къ сближенію учениковъ съ ихъ наставниками и, наконецъ, приучать учениковъ не робѣть передъ публикой, что будетъ не маловажнымъ приобрѣтеніемъ для послѣдующей ихъ дѣятельности, и потому заслуживаютъ полнѣйшаго одобренія подѣ тѣмъ, вонечно, непремѣннымъ условіемъ, чтобы забавы эти отнюдь не отнимали времени, необходимаго для ученья, чтобы онѣ, напротивъ, имѣли прямое отношеніе къ ученью, чтобы въ ихъ устройствѣ дѣятельное участіе принимали наставники и чтобы на нихъ участвовала публика, преимущественно состоящая изъ родителей и родственниковъ самихъ же учениковъ.

11. Всякая разумно-направляемая школа стремится къ воспитанію дѣтей въ истинно-патріотическомъ духѣ, въ духѣ полнѣйшей преданности Государю, отечеству, своему народу, въ духѣ полного уваженія къ его прошедшему и вѣры въ его будущее, въ духѣ храненія завѣтовъ его исторіи. Гимназіи, какъ ученыя школы, должны преслѣдовать эту цѣль тѣмъ съ большею энергіей, что, съ одной стороны, онѣ имѣютъ и болѣе развитыхъ учениковъ и больше средствъ дѣйствовать на нихъ (напримѣръ, изученіемъ произведеній, столь проникнутыхъ патріотическимъ воодушевленіемъ, какъ творенія Геродота, Демосоева, Тита-Ливія и др.), а съ другой — ученикамъ ихъ, по окончаніи полнаго университетскаго курса, предстоитъ болѣе обширный кругъ дѣятельности и на болѣе высокой чредѣ служенія своему отечеству.

И въ этомъ отношеніи собственное патріотическое настроеніе наставниковъ окажетъ наибольшее и наилучшее вліяніе на учениковъ и побудитъ ихъ пользоваться какъ учебнымъ матеріаломъ, который представляетъ исторія, географія, исторія христіанской церкви въ Россіи и вообще законъ Божій, русскій языкъ и словесность, изученіе произведеній классической древности, такъ и всякимъ другимъ поводомъ и случаемъ для развитія патріотическаго чувства въ ученикахъ. Но, сверхъ того, весьма дѣйствительною въ этомъ отношеніи могла бы быть слѣдующая мѣра.

Въ дни достопамятнѣйшихъ событій отечественной исторіи, приходящіяся въ учебную пору, въ извѣстный, предварительно назначенный для сего часъ (лучше всего послѣ уроковъ), всѣ ученики гимназій и прогимназій, начиная съ III класса, директоръ, инспекторъ, классные наставники, а по возможности и другіе преподаватели могли бы собираться въ актовую залу и здѣсь или директоръ, или преподаватель исторіи, или кто-либо изъ другихъ наставниковъ, по собственному желанію и съ одобренія педагогическаго совѣта, могъ бы въ краткихъ, но живыхъ чертахъ, разказать событіе дня и вкратцѣ объяснить историческое его значеніе, съ цѣлію запечатлѣть въ юныхъ умахъ важность событія и вызвать въ нихъ патріотическое воодушевленіе. Такое чествованіе достопамятнѣйшихъ дней отечественной исторіи, заключааясь соотвѣтственно случаю молитвой, возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и Августѣйшей Фамиліи и исполненіемъ хоромъ учениковъ національнаго гимна, не могло бы остаться безъ благотворнаго вліянія на развитіе патріотическаго чувства, запечатлѣло бы эти дни въ памяти учениковъ на всю ихъ жизнь и содѣйствовало бы возбужденію патріотическихъ чувствъ и въ нѣдрахъ семействъ, въ которыя возвратятся въ тѣ дни ученики.

12. Но довершеніемъ истинно-правственнаго воспитанія можетъ быть только воспитаніе въ религиозномъ духѣ. И въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, собственный примѣръ и собственное настроеніе наставниковъ могутъ лучше всего дѣйствовать и на ихъ учениковъ, и только при собственномъ религиозномъ, истинно-христіанскомъ настроеніи наставниковъ, оно можетъ сообщиться и ихъ ученикамъ; иначе же все будетъ ложью и лицемѣріемъ. Наставники юношества, живо сознавая сами, что только истинно-христіанское расположеніе духа есть самый вѣрный залогъ прочнаго счастья и истинной, внутренней свободы человѣка отъ всѣхъ случайностей и невзгодъ жизни, не престанутъ заботливо легчать въ дѣтяхъ религиозное

чувство, разумно пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ для возбужденія и развитія его.

Въ этомъ отношеніи было бы желательно, чтобы каждый учебный день начинался общею для всѣхъ учениковъ молитвою, для чего всѣ ученики и во главѣ ихъ директоръ или инспекторъ, а также, по возможности, тѣ изъ учителей, уроки коихъ приходятся на первый часъ, собираются въ залѣ, и хоръ учениковъ поетъ молитву: „Царю небесный“, или, отъ Пасхи до Вознесенья, — „Христосъ воскресъ“, затѣмъ законоучитель, или, въ случаѣ его отсутствія, директоръ, инспекторъ, или кто-либо изъ преподавателей, по собственному желанію, читаетъ нѣкоторое число стиховъ изъ Евангелія и, наконецъ, одинъ изъ старшихъ учениковъ читаетъ молитву предъ ученіемъ.

Выше уже было указано, какъ благотворно можетъ дѣйствовать на развитіе религіознаго чувства въ ученикахъ участіе въ церковномъ пѣніи, даже и при самомъ обученіи оному, но еще несравненно въ сильнѣйшей степени при совершеніи самого общественнаго Богослуженія. И въ этомъ отношеніи учебное начальство должно приложить всѣ заботы къ тому, чтобы, независимо отъ обученія пѣнію всѣхъ учениковъ, кому то не запрещено врачемъ, изъ учениковъ, имѣющихъ лучшіе голоса и лучшія способности къ пѣнію, были составляемы особые хоры для исполненія церковныхъ пѣснопѣній въ самой церкви при гимназій или въ той приходской церкви, къ которой причислена гимназія или прогимназія, и чтобы эти пѣвческіе хоры были сколь можно лучше обучены нотному церковному пѣнію, ибо хорошее церковное пѣніе составляетъ одно изъ важныхъ условій для поддержанія молитвеннаго настроенія духа при совершеніи Богослуженія и несомнѣнно привлечетъ въ гимназической церкви не только учениковъ, но и ихъ родителей и наставниковъ, что въ высшей степени желательно во всѣхъ отношеніяхъ.

Такъ какъ настоятелями гимназическихъ церквей бываютъ обыкновенно сами законоучители, то отъ нихъ естественно ожидать всевозможной заботливости о благолѣпіи Богослуженія во всѣхъ отношеніяхъ, о правильномъ, совершенно внятномъ и выразительномъ чтеніи Евангелія, Апостольскихъ посланій и молитвъ; но къ чтенію молитвъ и Апостольскихъ посланій было бы желательно привлекать и самихъ учениковъ, если они имѣютъ къ тому расположеніе и въ состояніи, какъ слѣдуетъ, участвовать въ церковномъ служеніи.

13. Чѣмъ болѣе возымѣютъ силы эти положительныя способы дѣйствія, тѣмъ меньшая окажется надобность прибѣгать къ способамъ

дѣйствія отрицательнымъ, или иначе во взысканіямъ, и тѣмъ вѣрнѣе будутъ достигнуты высокія воспитательныя цѣли гимназій. Но и при самомъ лучшемъ личномъ составѣ педагогическихъ совѣтовъ гимназій и прогимназій, и при рѣшительномъ преобладаніи въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ положительныхъ нравственныхъ вліяній, дѣло не можетъ обойтись вовсе безъ взысканій, ибо наклонность къ уклоненіямъ отъ нравственной нормы не всегда и не во всѣхъ съ перваго же раза уступаетъ дѣйствию положительныхъ нравственныхъ вліяній, и взысканія въ такихъ случаяхъ являются необходимымъ дополненіемъ прочихъ мѣръ воспитательныхъ. Необходимо только всячески заботиться, чтобы взысканія были назначаемы съ соблюденіемъ полнѣйшей справедливости и безпристрастія и съ совершеннымъ доброжелательствомъ къ тѣмъ, кто имъ подвергается, въ видахъ не столько справедливаго воздаянія за дурной поступокъ, сколько нравственнаго улучшенія виновныхъ.

14. Отъ лицъ, посвящающихъ себя многотрудному служенію своей странѣ въ качествѣ наставниковъ ея юношества, во имя любви ихъ къ Богу, къ Государю, къ отечеству, ради обезпеченія ему прочнаго благоденствія, величія и славы въ будущемъ, требуется самоотверженная любовь къ чужимъ дѣтямъ; но не въ правѣ ли учебное вѣдомство предполагать въ родителяхъ искреннюю любовь къ собственнымъ ихъ дѣтямъ, и на этомъ основаніи ожидать отъ нихъ въ дѣлѣ воспитанія ихъ дѣтей полнѣйшаго содѣйствія учебнымъ заведеніямъ, которымъ они ихъ ввѣряютъ? Содѣйствіе это рѣшительно необходимо не только въ учебныхъ заведеніяхъ для приходящихъ, каковы по преимуществу всѣ гимназій и прогимназій, но даже и въ пансіонахъ, состоящихъ при нѣкоторыхъ только гимназіяхъ: ибо вездѣ и всегда вліяніе родителей, даже и отсутствующихъ, имѣетъ большую силу, нежели вліяніе наставниковъ, особенно же въ болѣе нѣжной возрастѣ дѣтей, и родители, которые, отдавъ своихъ дѣтей въ какое-либо учебное заведеніе, тѣмъ не менѣе не только не содѣйствуютъ поддержанію въ глазахъ дѣтей авторитета ихъ наставниковъ, а напротивъ позволяютъ себѣ сами порицать или ихъ, или учебно-воспитательные порядки, установленные въ учебномъ заведеніи, или учебную систему, въ немъ принятую, или какіе-либо предметы, входящіе въ составъ учебнаго ея плана, и все это въ присутствіи своихъ дѣтей, сами ставятъ ихъ въ безвыходное положеніе, ибо они вслѣдствіе такихъ вліяній легко могутъ потерять всякую охоту къ ученію и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣріе и уваженіе — или къ своимъ наставни-

камъ, и въ такомъ случаѣ правильное умственное и нравственное развитіе ихъ становится невозможнымъ,—или къ своимъ родителямъ, и въ такомъ случаѣ дѣти являются уже существами, нравственно изуродованными. Отъ такого образа дѣйствія надлежитъ всячески предостерегать родителей: ибо, противодѣйствуя учебному заведенію, они сами обрекаютъ своихъ дѣтей сначала на безуспѣшность во всѣхъ отношеніяхъ, потомъ на всевозможныя взысканія и удаленіе изъ учебнаго заведенія, а наконецъ, и на совершенную погибель. Дѣло воспитанія юношества само по себѣ, и особенно у насъ въ настоящее время, представляетъ такія трудности, что для ихъ преодоленія отнюдь не много самыхъ дружныхъ и согласныхъ усилій какъ наставниковъ, такъ и родителей; въ случаѣ же противодѣйствія родителей учебному заведенію, успѣхъ становится крайне сомнителенъ, а гибель несчастныхъ дѣтей почти неизбежна. Необходимо, чтобъ и наставники, и родители прониклись вполне сознаниемъ этой истины и наставники гимназій и прогимназій, въ особенности же ихъ начальники, должны употребить съ своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы по возможности обезпечить содѣйствіе родителей тѣмъ высокимъ нравственно-воспитательнымъ цѣлямъ, къ которымъ должны стремиться всѣ вообще учебныя заведенія, въ особенности же эти ученыя школы.

Родителямъ, между прочимъ, должна быть предоставлена возможность лично справляться у классныхъ наставниковъ или у начальниковъ заведеній объ успѣхахъ и поведеніи ихъ дѣтей за каждую текущую недѣлю, для чего каждымъ класснымъ наставникомъ должно быть назначено опредѣленное, удобное время, съ объявленіемъ о томъ ученикамъ. Сверхъ того, при входѣ въ каждую гимназію или прогимназію, на видномъ мѣстѣ, должна быть выставлена доска съ росписаніемъ времени, назначеннаго для пріема родителей въ самомъ учебномъ заведеніи какъ начальникомъ онаго, такъ и каждымъ изъ классныхъ наставниковъ. Путемъ такихъ личныхъ совѣщаній съ классными наставниками родители будутъ въ состояніи несравненно лучше слѣдить за воспитаніемъ и образованіемъ своихъ дѣтей, нежели даже съ помощью еженедѣльныхъ письменныхъ сообщеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разъяснять для себя возникающія недоразумѣнія.

15. Наконецъ, въ случаѣ, если бы вліяніе и надзоръ какъ родителей, такъ и наставниковъ, не предотвратили нарушенія со стороны учениковъ правилъ, коими безусловно воспрещается имъ посѣщеніе трактировъ, билліардныхъ, кофейныхъ и другихъ публичныхъ заведеній, или коими предписывается строгое соблюденіе всѣхъ требо-

ваній приличія въ дозволенныхъ для посѣщенія публичныхъ мѣстахъ и на улицахъ, учебное начальство должно обратиться къ содѣйствию мѣстныхъ гражданскихъ властей

Воспитаніе юношества въ добрыхъ правилахъ и привычкахъ есть дѣло величайшей важности, въ которомъ заинтересовано все общество такъ же, какъ и все государство, и поэтому казалось бы, что и постороннія частныя лица не только не должны были бы сами сбивать съ толку учащихся или подавать поводъ имъ къ какимъ-либо безпорядкамъ и отступленіямъ отъ нормы, а напротивъ должны были бы всячески содѣйствовать учебному начальству къ достиженію благотворныхъ его воспитательныхъ цѣлей. Такого содѣйствія должно ожидать прежде всего отъ лицъ учебнаго вѣдомства, хотя бы они принадлежали и къ другому учебному заведенію или только къ учебной администраціи; но начальники учебныхъ заведеній и классные наставники могутъ просить такого содѣйствія отъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя имъ самимъ близко извѣстны съ лучшей стороны въ нравственномъ отношеніи.

Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вышеуказанные способы положительнаго дѣйствія наставниковъ на учащееся юношество, при надлежащемъ содѣйствіи имъ со стороны родителей, оградятъ его даже отъ всякаго поползновенія къ уклоненію отъ нуты долга и чести несравненно лучше всякаго виѣшняго надзора, который окажется не бесполезнымъ только относительно весьма немногихъ учениковъ, не поддающихся благотворнымъ нравственнымъ вліяніямъ.

О ПЕРВОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО
УЧРЕЖДЕННЫХЪ
ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, въ память совершившагося 30-го мая 1872 года двухсотлѣтія со дня рожденія Императора Петра Великаго, учреждены при министерствѣ народнаго просвѣщенія преміи Императора Петра Великаго за лучшія учебныя руководства и пособія для гимназій, реальныхъ и народныхъ училищъ, а также за книги для народнаго чтенія.

Къ сроку закрытія перваго конкурса, 1-го ноября прошлаго 1873 года, поступило въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія *пять* соискательныхъ сочиненій по второй группѣ разряда гимназій: два печатныхъ и три рукописныхъ; изъ послѣднихъ одно до присужденія преній исключено, какъ не подходящее подъ правила положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго. Для разсмотрѣнія же прочихъ четырехъ сочиненій, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, была учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета В. Х. Лемониуса, изъ слѣдующихъ лицъ: члена ученаго комитета Н. И. Савинова, завѣдывающаго гимназіею при Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ Ѳ. А. Струве, директора 6-й С.-Петербургской гимназіи Л. О. Лавровскаго и

экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. В. Помяловскаго.

Коммиссія, по разсмотрѣніи всѣхъ соискательныхъ сочиненій, представила о нихъ въ ученый комитетъ свои соображенія, на основаніи которыхъ, устранивъ отъ права преміи три сочиненія, какъ не удовлетворяющія требованіямъ положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, она признала справедливымъ присудить *большую премію* (въ 2.000 руб.) преподавателю латинскаго языка въ Императорскомъ Историко-филологическомъ институтѣ *Рихарду Фохту* за книгу подъ заглавіемъ: «*Матеріалы для упражненія въ переводѣ съ русскаго языка на латинскій, съ объясненіями*. С.-Пб. 1873 г.».

Ученый комитетъ, по внимательномъ прочтеніи и обсужденіи донесенія коммиссіи и подробнаго, представленнаго ею, отзыва о трудѣ г. Рихарда Фохта, большинствомъ 6-ти голосовъ противъ 4-хъ, присудилъ, согласно съ донесеніемъ коммиссіи, большую премію Императора Петра Великаго г. *Рихарду Фохту* за означенный его трудъ.

Въ вознагражденіе же трудовъ г. предсѣдателя коммиссіи В. Х. Лемоніуса и гг. членовъ: Н. И. Савинова, Ѡ. А. Струве, Л. О. Лавровскаго и И. В. Помяловскаго, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, ученый комитетъ призналъ справедливымъ выдать имъ учрежденныя на сей предметъ золотыя медали.

Это опредѣленіе ученаго комитета, на основаніи § 12 положенія о преміяхъ Императора Петра Великаго, было представлено на утвержденіе г. министра народнаго просвѣщенія и его сіятельствомъ утверждено.

Въ слѣдующей книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* будетъ напечатанъ отзывъ коммиссіи о книгѣ г. Фохта.

ЗАДРУЖНО-ОБЩИННЫЙ ХАРАКТЕРЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО БЫТА ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Въ огромной масѣ изслѣдованій по русской исторіи занимають не послѣднее мѣсто труды, посвященные разъясненію одного изъ наиболѣе капитальныхъ вопросовъ науки — вопроса о политическомъ бытѣ древней Россіи. Въ настоящее время существуетъ въ нашей литературѣ нѣсколько политическихъ теорій, изъ которыхъ каждая отличается, въ большей или меньшей степени, научными достоинствами. Тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что ни одна изъ господствующихъ теорій не даетъ достаточно полнаго и удовлетворительнаго объясненія всей пестроты историческихъ явленій. Не будетъ большою ошибкой, если скажемъ, что большинство изслѣдованій, касающихся вопроса о политическомъ строѣ древне-русской жизни, имѣетъ подъ собою теоретическую поделку, нерѣдко отличающуюся крайнею сбивчивостію и неточностію основныхъ научныхъ понятій (напримѣръ, хотя понятій о родѣ, общинѣ, государствѣ и пр.), вмѣстѣ съ фактической односторонностію, неполнотой и недостаточностію самаго метода изслѣдованій. Нельзя указать ни на одну теорію, которая окончателно установилась бы и господствовала въ наукѣ; напротивъ, по всѣмъ основнымъ ея вопросамъ встрѣчаемъ массу крайне разнообразныхъ воззрѣній и ученій съ самыми противоположными и разнохарактерными направленіями, — воззрѣній, представляющихъ въ своей совокупности такой лабиринтъ личныхъ мнѣній и взглядовъ, изъ котораго, повидимому, нѣтъ никакого выхода. Старые споры между сторонниками родового и общиннаго быта древней Россіи далеко не прекратились въ нашей исторической литературѣ, — объ теоріи доселѣ, какъ и на первыхъ порахъ, имѣютъ каждая на своей сторонѣ равносильныхъ и авторитетныхъ поборниковъ. Рядомъ съ ними стоятъ сторонники теоріи, впервые появившейся въ извѣстномъ ученіи гг. Каве-

часть СЛХХІІ, отд. 2.

лина и Чичерина о частно-правномъ типѣ политическаго строя древней Россіи и въ новѣйшее время получившей дальнѣйшее развитіе въ личной или договорной теоріи г. Сергѣевича. Этого мало: нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ послѣдняго времени (въ особенности г. Самоквасовъ) нашли полную возможность реставрировать старую государственную теорію, которой держались еще историки Карамзинской эпохи. Всѣ эти теоріи стоятъ рядомъ, вооруженныя, по видимому, равносильными фактическими и теоретическими данными, основными выводами и положеніями. Притомъ, разладъ въ воззрѣніяхъ историковъ не только существуетъ по главнымъ научнымъ вопросамъ, но и еще усиливается чуть ли не до безконечности по другимъ, болѣе частнымъ вопросамъ. Словомъ, наука русской исторіи, въ современномъ ея состояніи, не можетъ представить ни одного сколько-нибудь важнаго вопроса, по которому историки пришли бы къ совершенно безспорному, единогласно принятому рѣшенію.

Такое положеніе дѣла, очевидно, нисколько не мирится съ основнымъ характеромъ и направленіемъ науки, всегда предполагающей органическое единство и цѣлостность, а не коренной разладъ во всѣхъ ея построеніяхъ и выводахъ. Если это такъ, то конечно, теперь въ особенности весьма желательны и своевременны попытки, ставшія недавно появляться у насъ (напримѣръ, въ трудахъ гг. Градовскаго и Бестужева-Рюмина), съ цѣлью возможно полнаго и всесторонняго разъясненія научныхъ вопросовъ, безъ односторонняго увлеченія тою или другою изъ господствующихъ въ наукѣ теорій. Дѣйствительно, нельзя не признать насущной потребности науки—заново пересмотрѣть существующіе въ ней выводы и положенія, тщательно повѣрить ихъ съ источниками, находящимися теперь въ распоряженіи науки. Только этимъ путемъ она можетъ выйти на прямую дорогу изъ того заколдованнаго круга, въ какомъ она доселѣ удерживается, благодаря долгому господству односторонне понятыхъ воззрѣній и теорій, взаимно борющихся, противорѣчащихъ одна другой.

Настоящій очеркъ имѣетъ задачей—попытку пересмотра теоретическихъ и фактическихъ основаній вопроса о политическомъ бытѣ древней Россіи, главнымъ образомъ въ до-монгольской періодъ. Мы далеко не претендуемъ на вполне удовлетворительное рѣшеніе предложенной задачи. Мы желаемъ только указать на неполноту и односторонность существующихъ теорій и на необходимость значительныхъ поправокъ въ главныхъ ихъ положеніяхъ. Анализъ *научныхъ теорій* составитъ предметъ изложенія первой половины нашего очерка;

въ слѣдующей части будутъ изложены фактическія основанія — на первый разъ по вопросу объ *организации и существѣ княжеской власти въ Россіи до-монгольской эпохи*. Пересмотръ этого вопроса прежде другихъ мы считаемъ необходимымъ, не только потому, что онъ, по своему существу, стоитъ на первомъ планѣ въ ученіи о политическомъ бытѣ древней Россіи, но и потому, что онъ наименѣе разработанъ въ наукѣ, хотя и былъ предметомъ тщательнаго изученія большинства нашихъ историковъ.

I.

До 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія изслѣдователи наши держались почти одинаковыхъ воззрѣній и идеаловъ по вопросу о началахъ, опредѣлявшихъ сущность политическаго быта древней Россіи. Развитая первыми нашими историками *государственная теорія* господствовала въ наукѣ до появленія знаменитаго ученія г. Соловьева о родовомъ бытѣ, начавшаго собою новую эпоху въ развитіи науки русской исторіи; но какъ увидимъ, старая теорія доселѣ еще не потеряла кредита въ нашей литературѣ.

Татищевъ, Шлецеръ и другіе историки прежняго времени видѣли въ древней Руси *государство*, основанное иноплеменниками — Варяжскими князьями съ дружиной. Впрочемъ, въ трудахъ этихъ историковъ мы еще не находимъ цѣльныхъ представленій объ общихъ законахъ, лежавшихъ въ основѣ всей общественной жизни Русскаго народа. Мнѣнія, высказывавшіяся этими учеными по отдѣльнымъ вопросамъ, не имѣютъ характера строго научныхъ теорій.

Первая попытка въ этомъ родѣ встрѣчается въ знаменитомъ трудѣ *Н. М. Карамзина* (Исторія государства Россійскаго, Спб. 1816). Онъ первый старался формулировать законченную теорію, уяснить если не общія начала, то по крайней мѣрѣ главныя явленія древне-русскаго политическаго быта. По мнѣнію нашего историографа, Русская земля при первыхъ же князьяхъ является государствомъ, даже больше — монархіей. Славяне, побуждаемые внутренними распрями, добровольно уничтожаютъ свое народное правленіе и требуютъ государей отъ Варяговъ; основываютъ государство, вводятъ у себя монархическую власть. Въ этой монархіи съ Рюрика же утверждается система феодальная, помѣстная или удѣльная, образовавшаяся въ силу обычая, общаго Германскимъ народамъ и занесеннаго къ намъ Варягами ¹⁾.

¹⁾ Мысль о феодализмѣ на Руси впервые высказана *А. Л. Шлецеромъ* (въ его *Несторѣ*, II, 7). Изъ позднѣйшихъ ученыхъ допускали феодализмъ — *Н. С.*

Народъ покорялся монархической власти князей, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ важныхъ сходился на общій совѣтъ (вѣче), бывший древнимъ обычаемъ и доказывавшій участие гражданъ въ управленіи. Правленіе основывалось на двухъ уставахъ — самовластія и вольности. Князья единодержавные (первой эпохи — феодальной монархіи, существовавшей до Ярослава) повелѣвали народомъ, — народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Съ раздѣленіемъ государства (при Ярославі, преобразовавшемъ его въ удѣльную монархію) народъ, видя слабость князей, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы княжеской власти, или противился ея дѣйствию. Но старый порядокъ (самовластія) не отмѣнялся окончательно: князья налагали дань, судили, наказывали и пр., хотя и народъ, пользуясь свободою вѣча, вмѣшивался въ дѣла и распоряженія князей, а иногда, какъ высшій законодатель, рѣшалъ судьбу государей.

Дальнѣйшее развитіе мыслей Карамзина находимъ у *Н. А. Полевой* (Исторія Русскаго народа. Москва, 1829—1833). Онъ утверждаетъ, что Рюрикъ ввелъ феодальную монархію, варяжскій феодализмъ или военно-феодальную систему правленія, основанную на скандинавскихъ обычаяхъ. Эта система господствовала до времени Ольги, когда военный феодализмъ начинаетъ переходить въ феодализмъ семейный или систему удѣловъ (составляющую переходъ отъ феодализма военнаго къ чистой монархіи), введенную Ольгой подъ влияніемъ учрежденій греческихъ. Съ Боголюбскаго развивается политическая независимость отдѣльныхъ княжествъ, существовавшихъ до основанія единовластной Московской монархіи. Система феодальныхъ союзовъ княжескихъ семействъ господствовала въ южныхъ княжествахъ (Кіевскихъ), основанныхъ на неограниченномъ полномъ властіи князей, съ рабскимъ подчиненіемъ подданныхъ. Полевой, въ отличіе отъ Карамзина, допускаетъ вольность только на сѣверѣ, гдѣ развилась другая политическая система: Новгородъ, „республика сѣверныхъ Руссовъ“, уже съ

Аричбашевъ (Повѣств. о Росс.), *Н. А. Полевой* (Истор. русск. нар.), *Л. Г. Эверсъ* (Др. русс. право), *К. Д. Кавелинъ* (Взглядъ на юр. бытъ), *А. С. Клевановъ* (О феод. на Руси), *И. Е. Андреевскій* (О намѣстн.) и *И. И. Срезневскій* (Изв. Ак. Наукъ III, 264). *Н. И. Костомаровъ*, въ послѣднемъ своемъ изслѣдованіи (О началѣ единодержавія въ древней Руси, см. *Вѣстн. Евр.* 1870 г., 11 и 12), допускаетъ у насъ феодализмъ въ общихъ его признакахъ, какъ одинъ изъ результатовъ татарскаго завоеванія.

Олега и особенно съ Ярослава жилъ по республиканской формѣ правленія.

Воззрѣнія Карамзина и Полеваго находимъ затѣмъ у всѣхъ современныхъ историковъ. Всѣ имѣли предъ глазами монархію Рюрика, верховную неограниченную власть князей, разграниченіе двухъ политическихъ системъ—южнорусскихъ монархическихъ княжествъ и Новгородской республики и пр. Съ другой стороны, являются историки, которые, не оставляя окончательно мысли о феодализмѣ варяжскомъ, думаютъ въ то же время, что формы политическаго быта могли зародиться и на почвѣ чисто народной. Такой смыслъ нужно давать основной идеѣ, впервые высказанной *Эверсомъ* (*Das älteste Recht d. Russen*. Döpp. u. Hamb. 1826; въ русск. перев. *Платонова*—Спб. 1835. Сравн. также Эверса—*Geschichte d. Russen*. Rig. 1816) и затѣмъ развитой *Рейцомъ* (*Versuch üb. d. geschicht. Ausbildung d. Russ. Staats—u. Rechtsverfassung* Mit. 1829; въ русск. пер. *Морошкина*—М. 1836), о томъ, что Русское государство основалось на древнихъ народныхъ обычаяхъ, на прежнемъ общественномъ правленіи славянскихъ племенъ. Эверсъ развилъ воззрѣніе о господствѣ родового быта у русскихъ Славянъ и сдѣлалъ первую попытку объясненія юридической ихъ жизни съ точки зрѣнія родовой теоріи; попытку эту затѣмъ развилъ и дополнилъ Рейцъ. Тѣмъ не менѣе политическая теорія обоихъ ученыхъ осталась почти внѣ всякаго вліянія со стороны ученія о родовомъ бытѣ. Эверсъ и особенно Рейцъ видятъ вліяніе родового начала только въ обычаяхъ наслѣдованія княжескихъ столовъ по родовому старшинству князей и въ первоначальномъ устройствѣ вѣщъ. Эверсъ вообще не вполне выяснилъ свою мысль. Онъ говоритъ, что „новое государство (основанное Рюрикомъ) есть соединеніе многихъ великихъ родовъ, и новый властитель—верховный патріархъ, правящій какъ домонархъ своимъ семействомъ“. Но вслѣдъ затѣмъ Эверсъ повторяетъ воззрѣнія Карамзина и Полеваго, называетъ Рюрика и его преемниковъ верховными, неограниченными монархами, говоритъ о ихъ единодержавіи, о подданствѣ народа и пр. Онъ признаетъ верховными государями, не только Рюриковичей, но и князей народныхъ (напримѣръ Древлянскаго Мала), считаетъ и ихъ самовластными государями. Рейцъ точно также настаиваетъ на томъ, что Рюрикъ основалъ государство, даже больше—неограниченную монархію; онъ отыскиваетъ правительственныя дѣйствія Рюрика, называетъ его и послѣдующихъ князей государями, единовластителями, съ верховными правами и властію, — различаетъ, подобно Полевому,

двѣ древнерусскія системы или формы правленія — Киевскую неограниченную монархію, союзное государство (Bundesstaat), и вольные города и провинціи — Новгородъ и Псковъ съ колоніей Вяткой, — республики, демократіи, основанныя на народоправленіи, республиканскомъ правленіи и пр.

Такимъ образомъ, теоріи, господствовавшія въ наукѣ до 40-хъ годовъ, исповѣдывали одинъ политическій культъ — монархіи Киевской и республики Новгородской. Исходная точка теорій одинакова: государство основывается сразу, безъ переходныхъ ступеней между старой и новой общественностію. Русское государство — дѣло князей; они вводятъ монархію по иноземнымъ формамъ, со всѣми политическими ея атрибутами. Болѣе самобытнымъ характеромъ отличаются политическія формы Новгорода; но и они устроены по тѣмъ же иноземнымъ, республиканскимъ, демократическимъ образцамъ вольныхъ городовъ Запада. Нельзя сказать, чтобы государственная теорія Карамзинской эпохи потеряла полный кредитъ позже, когда возникли и установились въ наукѣ новыя воззрѣнія, основанныя на иныхъ началахъ; напротивъ, и доселѣ еще высказываются въ нашей исторической литературѣ ученія и даже цѣлыя теоріи рѣшительно въ духѣ воззрѣній Карамзинской эпохи. Такимъ образомъ, *И. Д. Блѣевъ* и другіе послѣдователи общинной теоріи приурочивали основаніе государства къ эпохѣ призванія князей, видѣли, напримѣръ, уже въ Олегѣ и Игорѣ верховныхъ государей (см. *Временникъ* XV, 38, 41; *Изв. Ак. Наукъ*, I, 320). Еще въ недавнее время воззрѣнія Карамзинской эпохи почти цѣликомъ реставрированы г. *Самоквасовымъ* (Замѣтки по исторіи русск. госуд. устройства и управленія, помѣщ. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1869, ч. 146), въ его теоріи *чистой монархіи* Киевской и *чистой демократіи* Новгородской. Теорія г. Самоквасова есть не болѣе, какъ только нѣсколько подновленная, или, лучше, переведенная на современный литературный языкъ, теорія Полеваго и особенно Рейца; отъ перваго онъ отличается почти лишь тѣмъ, что трактуеть о Киевской чистой монархіи, тогда какъ, по ученію Полеваго, Киевское государство было феодальнымъ. Теорія нашего автора укладывается въ слѣдующую формулу. Развитіе государственнаго быта въ сѣверныхъ и южныхъ волостяхъ Россіи пошло съ IX вѣка противоположными путями. Киевское княжество уже въ X вѣкѣ представляло чистую (или неограниченную) монархію, гдѣ народъ является въ политической сферѣ только въ чрезвычайныхъ, исключительныхъ случаяхъ, тогда какъ Новгородское народоправство было чистою де-

мократіей, гдѣ участіе народа въ государственной сферѣ есть общее правило. Въ Кіевской системѣ князь есть представитель государственной власти. Уже въ первые вѣка русской исторіи, въ эпоху наибольшаго господства вѣчъ, мы видимъ страшную политическую силу князей-властелиновъ (Олега, Владиміра, Ярослава и др.), самовластіе и неограниченную власть князей, дѣйствовавшихъ совершенно независимо отъ народа, какъ полные политическіе самовластцы относительно своего земства. На совершенно противоположныхъ началахъ строится система новгородская, принявшая форму чистой демократіи, народоправства. Новгородъ развилъ народную свободу и государственную самостоятельность до степени свободнаго въ политическомъ отношеніи, независимаго народоправства. Въ то время, какъ вѣче южной Россіи было безформенною сходкой безъ всякихъ юридическихъ основъ, въ Новгородскомъ вѣчѣ сосредоточивались всѣ функціи верховной государственной власти; оно составляло единую, верховную государственную власть; князь являлся только подчиненнымъ вѣчу, высшимъ его органомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзорѣннѣишхъ теорій, считаемъ не лишнимъ сказать объ историческихъ розысканіяхъ *М. П. Погодина* (Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи по русск. ист. М. 1846—1859. т. 7). Этотъ ученый стоитъ особнякомъ, не примыкаетъ ни къ одной изъ господствующихъ въ наукѣ теорій. Г. Погодинъ собственно не имѣлъ дѣла съ теоріей; для него главное значеніе имѣлъ методъ, фактическая разработка предмета. Формулы и афоризмы г. Погодина имѣютъ характеръ системы математическаго констатированія фактовъ, подбора ихъ и сведенія къ одному знаменателю, безъ всякаго строгаго научнаго обобщенія и вывода общихъ законовъ. Если г. Погодину и можно приписывать „начала“, то скорѣе количественныя, чѣмъ качественные: для него фактъ все значитъ, дальше факта онъ не идетъ.

Новыя возрѣнія и идеи, сложившіяся въ цѣлую научную теорію, вносятся въ науку *С. М. Соловьевымъ* (Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ,—въ *Учен. Общ. Ист. и Древ.* 1845, II. и отд.—М. 1845; О родовыхъ отношеніяхъ Моск. княз. древн. Руси,—въ *Москов. Литер. Сбор.* 1846; Исторія отношеній М. русскими князьями Рюрик. дома. М. 1847; Исторія Россіи, I—II). Въ его историческихъ трудахъ впервые опредѣлилось органическое направленіе науки русской исторіи,—по его словамъ, „надо возсоздать наукой живой организмъ русской исторіи“. Начало, дающее историческимъ явленіямъ

органическую цѣлость и единство, авторъ находитъ въ *родѣ* и *родовыхъ отношеніяхъ*, бывшихъ опредѣляющимъ порядкомъ первоначальной, племенной жизни Русскихъ Славянъ и позже легшихъ въ основу зарождавшагося политическаго ихъ быта. Теорія г. Соловьева создала вскорѣ цѣлую школу послѣдователей, доселѣ господствуетъ въ наукѣ, сдѣлалась, можно сказать, ходячимъ мнѣніемъ, вошла въ учебники и служить доселѣ исходною точкой для большинства специальныхъ изслѣдованій о внутреннемъ бытѣ древней Россіи. По словамъ одного изъ современныхъ ученыхъ, „г. Соловьеву принадлежитъ честь безспорно величайшаго открытія въ русской исторіи. Въ нашей исторической литературѣ онъ поднялъ новое знамя, является основателемъ новаго воззрѣнія, богатаго выводами и послѣдствіями“ (см. Соч. Кавелина, II, 474). Общая формула родовой теоріи г. Соловьева, развитой и выясненной его послѣдователями, въ особенности *К. Д. Кавелинымъ* (Сочиненія, I—III)¹⁾, можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ. Славяне издавна жили подѣ исключительными формами родоваго быта. Родъ означалъ совокупность родичей—лицъ, соединенныхъ близкими и дальними степенями кровнаго родства. Основаніе родоваго быта—единство кровнаго происхожденія; единство рода, связь племень и семействъ, поддерживались единымъ родоначальникомъ, отцомъ семейства. Глава рода и семьи полновластно господствовалъ надъ семьей и родомъ: въ его рукахъ жизнь и смерть домочадцевъ; онъ—ихъ верховный жрецъ, примиритель споровъ, каратель преступныхъ, словомъ—онъ ихъ воплощенная судьба, все для нихъ. Со стороны младшихъ—только обязанности и никакихъ правъ;

¹⁾ Изъ сочиненій Кавелина для насъ особенно важны: Взглядъ на юридич. бытъ древн. Россіи (*Соврем.* 1847, № 7, и Сочин. I) и рецензіи на сочиненія Соловьева (*Отеч. Зап.* т. 43 и 47; *Соврем.* 1847, №№ 4, 6 и 9, и Соч. II—III). Сюда принадлежатъ также слѣд. сочиненія: *А. Ѳ. Тюриня* Общественная жизнь и земскія отношенія въ древн. Россіи (*Библия для чтен.* 1849, № 11; 1850, №№ 1 и 2, и отд.—Спб. 1850). *Никольскаго* О началахъ наследованія по др. русск. праву. М. 1859. *С. М. Шпилевскаго* Союзъ родственной защиты у др. Герм. и Славянъ (*Уч. Зап. Казан. Univ.* 1864; отд.—Каз. 1866) и Семейныя власти у др. Слав. и Герм. К. 1869. *Ор. Миллера* Опытъ историч. обзор. русск. словесн. 1866. *Никитскаго* Теорія родоваго быта въ древн. Руси (*Вѣст. Евр.* 1870, авг.). *Г. Первольфа* Славянская взаимность съ древнихъ временъ до XVIII ст. (*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1873, №№ 11 12). Ср. также *Мацневскаго* *Historia prawod. Stow.* 1856—1865 (2-е изд.). *Губе* *Erbfolgrechte d. Slaven* (русск. переводъ въ *Сборн. историч. и статистич. соед.*, изд. *Валуева*, 1845). *Пречка* *Slav. právo v. Čechach a na Moravě* Pr. 1863—1864 (нѣм. перев.—Pr. 1865—1866) и др.

со стороны старших—неограниченное главенство, простиравшееся до возможности продажи, даже убійства лицъ подвластныхъ. Таковы главныя основанія древняго родового быта русскихъ Славянъ. Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ послѣдователей родовой теоріи значительно отклоняются отъ изложенныхъ выше основаній этой теоріи, полагая, что родовой бытъ, въ полномъ его развитіи, проходитъ двѣ ступени: естественную—по началу кровнаго родства, и искусственную—по началу родства фиктивнаго (фиктивнаго признанія происхожденія отъ одного лица, какъ родоначальника). Теорію искусственнаго родового быта Славянъ въ историческое время формулировалъ въ особенности г. *Никитскій*, допуская фикцію общаго родоначальника, выборное происхожденіе родовой власти, равноправіе членовъ рода и пр. (см. теорія родов. быта,—въ *Вѣстникъ Европы* 1870, авг.). По мнѣнію г. Соловьева и его послѣдователей, родовой бытъ, начавшись въ доисторическія времена, долго господствовалъ у Славянъ; у Русскихъ онъ исчезаетъ въ народной жизни позже призванія князей (по мнѣнію г. Соловья при Ярославі І, по мнѣнію г. Кавелина,—только подъ конецъ древней исторіи). Призваніе рода Варяжскихъ князей было органическимъ явленіемъ родового быта: князья были призваны изъ чужаго рода, въ значеніи посреднической власти, ради возстановленія нарушеннаго родовыми усобицами прежняго единства и внутренняго наряда родовъ. Въ силу родовыхъ обычаевъ сложилось понятіе о родовомъ старѣйшинствѣ князей, смотря по степени близости ихъ къ одному общему родоначальнику, — начало, которымъ опредѣлялись отношенія между князьями и права каждаго изъ нихъ на участіе въ общемъ владѣніи Русской землей, составлявшей родовую собственность князей Рюриковичей. Изъ родового же быта развилось народовластіе, проявлявшееся въ сходкахъ (вѣчахъ) представителей отдѣльныхъ родовъ: съ Ярослава, когда родовой бытъ ослабѣлъ, сходки старцевъ смѣняются общенароднымъ вѣчемъ, являвшимся вообще съ неопредѣленнымъ характеромъ и формами. Политическій бытъ Русскаго народа окончательно перестаетъ опредѣляться родовыми началами со временъ Боголюбскаго, когда на смѣну родовыхъ началъ являются начала территоріальныя (по г. Кавелину—вотчинныя), а затѣмъ государственныя.

Первыми по времени противниками родовой теоріи явились *славянофилы*, въ особенности *К. С. Аксаковъ* (О древн. бытъ у Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности,—въ *Моск. Сборн.* 1852, № 1, и Сочин. I), *И. Д. Бяляевъ* (Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика

въ Новгородѣ,—въ *Временникъ* 1850, кн. 8) и *В. Н. Лешковъ* (Общинный бытъ древн. Россіи,—въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1856, № 9, отд.—Спб. 1856; статья эта вошла въ составъ сочиненія—Русск. народъ и государство. М. 1858) ¹⁾. Они первые стали высказывать мысль о господствѣ *общиннаго быта* у Русскихъ Славянъ. Не отвергая вовсе родоваго быта, они только утверждали, что его не было у Славянъ Русскихъ. По смыслу общинной теоріи, Славяне искони имѣли общинное устройство, съ его системой автономическаго народнаго управленія и общественныхъ отношеній. Община была главною и единственною формою быта Русскихъ Славянъ и основывалась на началѣ территориальномъ (не физиологическомъ, родовомъ), на началѣ общаго сожителства на однихъ мѣстахъ поселенія. Общинный бытъ основанъ на внутренней крѣпости общинъ, на господствѣ круговой поруки внутри союзовъ и розни, отрицанія идеи права въ отношеніяхъ междосоюзныхъ. Власть и самобытность общины проявлялась въ присутствіи ей самоуправленія: на первомъ планѣ стоялъ народъ; старшина былъ только главой, представителемъ общиннаго наряда, безъ полномочія родоначальника. Равноправіе членовъ общины составляло существенное отличіе ея отъ рода. Первичною формою территориальной общины была вервь, позднѣйшій погостъ,—союзъ мелкихъ территориальныхъ поселковъ—дымовъ, дворовъ, починковъ, сель, посадовъ, городовъ. Нѣсколько вервей, связанныхъ пространственно, составляли землю или область,—вторую форму общиннаго быта Славянъ, образовавшуюся у насъ предъ призваніемъ князей. Политическій, „самоуправный“ характеръ община удерживала у насъ до первыхъ князей—Рюриковичей: община оказалась несостоятельною въ поддержаніи наряда съ тѣхъ поръ, какъ возникла неурядица между землями, и усилились враждебныя столкновенія ихъ съ другими племенами. При князьяхъ община уступила мѣсто государству, ограничилась одною административною и хозяйственною дѣятельностію. Съ полнымъ развитіемъ государственнаго порядка (въ XVI и XVII вв.), хозяйственно-

¹⁾ Аксаковъ не формулировалъ законченной теоріи; цѣлью его была, главнымъ образомъ, критика родовой теоріи. Бѣляевъ сдѣлалъ очень тщательный обзоръ внутренняго быта Русскаго народа до прихода Рюрика, вездѣ приводя доказательства въ подтвержденіе мысли о господствѣ общиннаго быта у Русскихъ Славянъ. Г. Лешкову, наконецъ, принадлежитъ первый опытъ систематическаго изложенія исторіи и устройства древне-русской общины до и послѣ призванія князей. Мысли этихъ ученыхъ раздѣлялъ также *А. С. Хомяковъ* (Сочиненія М. 1861, I) и другіе ученые славянофильской школы.

административная община превратилась въ географическую. Такимъ образомъ, по ученію первыхъ основателей общинной теоріи, община удерживала у Русскихъ Славянъ политическую роль только въ первоначальную эпоху, предшествовавшую призванію князей,—въ лицѣ послѣднихъ организуется верховная власть, вмѣстѣ съ сплоченіемъ общинъ въ одно политическое цѣлое — государство. Въ послѣднемъ пунктѣ, очевидно, общинная теорія сближается съ государственною теоріей Карамзинской эпохи, съ тѣмъ различіемъ, что старыя историкѣ смотрѣли на государство Рюрика, какъ на иноземный продуктъ, сразу устроенный по иностраннымъ формамъ феодально-монархическимъ или республиканскимъ, тогда какъ основатели общинной теоріи выводили государство изъ внутреннихъ условій народнаго (общиннаго) быта Русскихъ Славянъ.

Вопросъ о политическомъ значеніи общины получилъ дальнѣйшее свое развитіе въ извѣстной теоріи *Н. И. Костомарова* (Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси,—въ Основѣ 1861 г., № 1, и Монографіи, I; сравн. его же Владиміръ Мономахъ и Богданъ Хмѣльницкій—въ *Русск. Инв.* 1865 г., № 86), о *федеративномъ началѣ и племенно-областныхъ отношеніяхъ*, какъ главныхъ двигателей всего политическаго быта удѣльно-вѣчевой Руси. По словамъ нашего историка, Русскій народъ еще до князей выработалъ, въ силу условій этнографическихъ, мѣстныхъ и историческихъ, самобытную племенную организацію отдѣльныхъ народностей, начавшую, послѣ прихода князей, подчинять себѣ и регулировать политическую организацію народа. Самобытная жизнь племенъ и образовавшихся изъ нихъ земель въ княжескую эпоху подчиняла народнымъ, земскимъ началамъ организацію княжеской власти, приспособляла родовыя отношенія князей къ цѣлямъ и стремленіямъ самобытныхъ земель. И природа, и историческія обстоятельства—все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности отдѣльныхъ народныхъ частей—племенъ и земель. При Рюриковичахъ она только всплыла на верхъ, высказалась въ образованіи системы княжескихъ волостей,—княжества удѣльной эпохи соотвѣтствовали первоначальнымъ племенамъ Русскихъ Славянъ¹⁾. Удѣльный періодъ только придавалъ этимъ народнымъ частямъ опредѣленную фізіономію, опре-

¹⁾ На соотвѣтствіе удѣловъ съ старыми племенами указывалъ еще *Полемей* (Ист. Русск. нар. II, 43, 51; III, 278), также *Лешковъ* (Общин. бытъ см. выше), *Полюдинъ* (Изсл. IV, 326), *Клевановъ* (Ист. юго-зап. Россія, 1849), *Соловьевъ* (Отч. Зап. 1850, т. 72 и Ист. Росс. I, гл. 1).

дѣленную политическую организацію, связалъ ихъ въ одну политическую систему—федерацию земель и волостей, въ силу ихъ общаго происхожденія, общаго быта и языка, единаго княжескаго рода, единой христіанской вѣры и единой церкви ¹⁾). Удѣльные распорядки были, такимъ образомъ, результатомъ не столько родовыхъ отношеній князей, сколько племенно-областной организаціи самыхъ земель, вошедшихъ въ составъ отдѣльныхъ княжествъ.—Мысль о племенно-областномъ началѣ не нова. Намеки на него находимъ у Надеждина, Бѣляева и др. ²⁾). „Коренное различіе племенъ“ давно считали одною изъ причинъ удѣльной розни древней Россіи; но только г. Костомарову удалось неясную мысль прежнихъ ученыхъ облечь въ живой и цѣльный образъ. Онъ первый выяснилъ съ достаточною полнотою политическое значеніе древне-русскихъ земель и общинъ,—первый подмѣтилъ, что значеніе общины не ограничивалось только тѣмъ, что она дала матеріалъ, подготовила почву для зарождавшагося государства. Нашъ авторъ указалъ на тотъ весьма важный фактъ, что и послѣ призванія князей, въ удѣльно-вѣчевую эпоху, община не ограничивалась въ политической сферѣ лишь пассивною ролью, предоставивъ, по выраженію Лешкова, господство государству, но продолжала принимать дѣятельное участіе въ политической жизни народа. Г. Костомарову принадлежитъ, такимъ образомъ, научная постановка и рѣшеніе вопроса о землѣ, какъ политической общинѣ, вліявшей на государственннй строй княжеской Руси.

Первоначальная теорія г. Костомарова въ нѣсколько измѣненномъ

¹⁾ Мысль о федераціи впервые высказана кн. *М. М. Щербатовымъ* (Ист. Росс. II, 258). См. также *Полеваго* (Ист. II, 81), *Эверса* (Gesch. d. Russ. 52) и *Рейна* (Опытъ, 26 и 78).

²⁾ *Надеждинъ* первый высказалъ мысль, что распорядки удѣльной Руси опирались на «коренное различіи племенъ», были «возстановленіемъ прежняго разрушеннаго своевоіемъ порядка вещей, по которому различные народцы, населявшіе сѣверъ восточной Европы, сохраняя самобытность свою, признавали себя членами одного, такъ-сказать, политическаго семейства» (Предначертаніе историч. критич. изслѣдованія др. русск. системы удѣловъ, въ *Труд. Общ. Ист. и Древн.* 1830, V). По словамъ *Бѣляева*, старая рознь племенъ если не была одною изъ причинъ раздѣленія Руси на удѣлы, то ею по крайней мѣрѣ преимущественно такъ долго поддерживалась удѣльная система (Русская земля и пр.). Точно также г. *Лешковъ* утверждалъ, что раздѣленіе на удѣлы не установлено князьями, но дано самою жизнію народа, который еще до князей, при сознаніи своего единства, распадался на отдѣльныя земли (Общинн. бытъ и пр.). Сравн. также Сочин. *Хомякова* I, 221.

видѣ появилась въ недавнее время въ одномъ изъ его новѣйшихъ изслѣдованій (Начало единой державы въ древней Руси, — въ *Вѣстникъ Европы* 1870 г., № 11 и 12). Оставивъ прежнюю свою идею федеративности, какъ о господствующемъ, руководящемъ началѣ удѣльно-вѣчевой Руси, авторъ съ полною опредѣлительностію развилъ свой взглядъ на *областную самобытность земель* — главное начало, опредѣлявшее весь тогдашній политическій бытъ Русскаго народа. Мы резюмируемъ положенія автора, имѣющія значеніе, такъ сказать, послѣдняго слова въ наукѣ со стороны дѣятеля, такъ давно пользующагося въ ней заслуженнымъ авторитетомъ. Славяно-русскій народъ, по словамъ автора, еще въ доисторическія времена разбивался на отдѣльные народцы, составлявшіе каждый уже до нѣкоторой степени политическую единицу — землю съ своимъ вѣчемъ и княземъ. Такія единицы образовались медленнымъ путемъ колонизаціи дворовъ (съ ихъ первоначальною родою связью), сель, городовъ и пригородовъ. Поселенія, соединенныя пространственно и общимъ интересомъ самозащиты, составляли въ своей совокупности землю — общину, или республику, которая жила безъ всякой связи съ другими землями, долго сохранявшими характеръ разбивчивости и первобытнаго натурального свободолубія. Но рознь не изгладила между землями общаго для всѣхъ племеннаго единства, — зародышъ федераціи лежалъ въ первобытномъ строѣ общественнаго быта. Съ призваніемъ князей устанавливается между землями внѣшняя связь, основанная на наѣздническомъ вымогательствѣ дани князьями, безъ всякихъ признаковъ и зачатковъ государственности. Владиміръ открылъ новую эпоху сплоченія славяно-русскихъ народовъ. Съ христіанствомъ возникло единство вѣры, а также потребность единства приѣмовъ управленія. Единая православная вѣра, единый книжный и правительственный языкъ и единый для всѣхъ земель княжескій родъ — вотъ были краеугольные камни постройки новой русской, христіанской жизни, внутренняго національнаго единства, — вмѣстѣ съ церковью явилось непременно и государство, хотя бы въ младенчествующей формѣ. Но отсюда еще далеко было до единой державнаго строя Русской земли. Она продолжала дробиться на свободныя земли, каждая съ своею автономіей и самоуправленіемъ. Въ вѣчевой періодъ вся русская жизнь отличалась, по словамъ автора, неопредѣленностію, неточностію и невыработанностію формъ; здѣсь, какъ въ хаосѣ, можно отыскивать и задатки федераціи, и республики, и монархіи, — тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не

къ единому монархическому государству. Русь до-монгольской эпохи представляла рядъ свободныхъ и самобытныхъ земель, каждая съ своимъ самоуправленіемъ, понятіе о которомъ является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка и уцѣлвваетъ при иномъ государственномъ строѣ жизни. Въ до-татарское время вездѣ на Руси господствовалъ принципъ верховной власти земли, — каждая земля была власть надъ собою, сама себѣ государь. Выраженіемъ верховной власти государя-земли являлось вѣче, совѣщательное собраніе членовъ свободной земли. Вѣче, само по себѣ, какъ сходбище, не означало какую-нибудь верховную власть; оно было только ея *выраженіемъ*, — власть оставалась не за вѣчемъ, а за землею. Что касается значенія и власти князей, то по словамъ автора, отношенія князей къ населенію первоначально (до Владимира) имѣли „разбойническій“ характеръ, ограничивались сборомъ дани путемъ наѣздническаго вымогательства и грабежа, — только съ христіанствомъ выясняется взглядъ на власть князей съ правительственнымъ характеромъ. Но тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего ошибочнѣе, говоритъ авторъ, какъ воображать себѣ князя монархомъ, государемъ: онъ былъ только правитель, господинъ, призванный владѣть по праву, иначе — по волѣ земли. Князь нуженъ былъ, чтобы судить и ридить; безъ князя было не мыслимо самое существованіе земли; гдѣ земля, тамъ вѣче, а гдѣ вѣче, тамъ непременно будетъ и князь: вѣче непременно избретъ его. Но князь правилъ землей не какъ государь, а какъ господинъ, правитель, которому она, какъ органу своей власти, сама себя довѣряла и отдавала на рядъ и управу. Авторъ также не соглашается съ возрѣніемъ на князя до-монгольской эпохи, какъ на вотчинника, въ смыслѣ собственника-владѣльца своихъ удѣловъ: земля ему не принадлежала въ значеніи вещественной принадлежности, но была сама себѣ государь. По вопросу о преемствѣ князей авторъ не признаетъ за родовымъ старѣйшинствомъ никакого юридическаго значенія; по его мнѣнію, княженія зависѣли отъ согласія земли или отъ собственной силы и ловкости князей. Наконецъ, съ званіемъ старѣйшаго князя не соединялось никакихъ правъ; первенство старшаго опредѣлялось по преимуществу занятіемъ стола въ старѣйшемъ городѣ, служившемъ средоточіемъ всей земли, — отъ значенія города зависѣла на дѣлѣ сила и власть князя. Такъ было на Руси до-татарскаго завоеванія, когда произошелъ быстрый и крутой поворотъ къ единой державію. Съ половины XIII вѣка до конца XV вѣка Русь пережила вѣкъ феодализма (понимаемаго въ общихъ его признакахъ). Въ первую

половину этой эпохи образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія, является рядъ князей и государей съ старѣйшимъ княземъ во главѣ—всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, хана; въ теченіе второй половины эпохи, вмѣстѣ съ ослабленіемъ ханской власти, усиливается власть старѣйшаго князя (Московскаго), замѣняющаго, наконецъ, собою хана со всѣми его атрибутами верховнаго государя и собственника Русской земли. Съ упроченіемъ заимствованнаго отъ Татаръ понятія о царской власти окончательно и безповоротно установился единодержавный строй Московскаго государства.

Мысль, высказанная г. Костомаровымъ о самобытности земель выражается и *В. В. Пассекомъ* (Княжеская и докняжеская Русь,—въ *Чтен. Общ. Ист. и Др.* 1870, II). Онъ развиваетъ собственно ту же общую мысль, о которой трактуетъ г. Костомаровъ еще въ первоначальной своей теоріи; но у г. Пассека уже нѣтъ рѣчи о федеративности земель. Главнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ общественныхъ отношеній древней Россіи г. Пассекъ считаетъ не столько княжескія отношенія, сколько племенно-областное начало. Области обособлялись отъ другихъ частей Руси не чрезъ князей, а чрезъ областной духъ, который отчуждалъ и князей отъ ихъ родоваго союза. Каждая земля стремилась имѣть только своихъ князей, обособиться чрезъ нихъ отъ другихъ областей, заключиться въ себѣ самой. Словомъ, въ стремленіяхъ городскихъ общинъ и земель къ политической самостоятельности кроется главный источникъ всѣхъ удѣльныхъ распоряждовъ княжеской Руси.

Изъ новѣйшихъ ученыхъ слѣдуетъ указать на гг. *Градовскаго* и *Бестужева-Рюмина*, въ трудахъ которыхъ замѣчаемъ дальнѣйшее развитіе ученія о политическомъ бытѣ древней Россіи въ духѣ основныхъ воззрѣній общинной теоріи. Имъ принадлежитъ, между прочимъ, попытка создать смѣшанную теорію. Такимъ образомъ, г. Градовскій, принимая общинный бытъ народа главною историческою почвою развитія всѣхъ существенныхъ явленій политической жизни древней Россіи, допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе началъ родовыхъ (княжескихъ), отражавшихся въ особенности въ дѣлѣ организаціи княжеской власти. Г. Бестужевъ-Рюминъ точно также старается объяснить всю пестроту событій переплетающимся взаимодѣйствіемъ многихъ причинъ.

А. Д. Градовскій (Государственный строй древней Россіи,—въ

Журн. Мин. Нар. Пр. 1868, т. 140)¹⁾ развилъ теорію *общинно-волостнаго устройства* древней Россіи (до Боголюбскаго). Политическій бытъ Руси временъ Рюриковичей, по словамъ автора, былъ только зародышемъ государства, а не государствомъ, жолудемъ, а не дубомъ. Зародышъ такой авторъ видитъ въ территоріальной общинѣ, бывшей основною формою народнаго быта, исконнымъ достояніемъ народа. Государство было приурочено къ общинѣ, какъ политической единицѣ. Въ каждой общинѣ было свое государство; государственная идея не выдѣлялась изъ элементовъ общинныхъ, какъ особый, самостоятельный элементъ. Идея государственнаго единства въ древнѣйшій періодъ имѣла поэтому мало практическаго значенія: волости воспѣвали „святую Русь“, но могли тянуть къ не русскимъ центрамъ, могли призывать князей и изъ иноземцевъ. Были условія, поддерживавшія въ князьяхъ и народѣ сознаніе о народномъ единствѣ; но только сознаніе такое не было на столько сильнымъ, чтобъ изъ него могла возникнуть идея о государственномъ единствѣ народа. Развивая далѣе свои мысли, авторъ обстоятельно раскрываетъ внутреннюю организацію общины, въ особенності уясняетъ самый генезисъ развитія общины, какъ политическаго организма. Согласно съ г. Костомаровымъ, г. Градовскій ставитъ дѣленіе по землямъ въ соотвѣтствіе съ дѣленіемъ по племенамъ, народностямъ. Иное значеніе имѣла волость. Въ ней собственно нужно видѣть политическую общину. Въ такомъ значеніи волость составляла федерацію общинъ, пространственно связанныхъ между собою, — округъ, подчиненный одной политической власти, но только не князя, а главной общины, города. Князь не могъ образовать своей волости ни путемъ наслѣдства, ни завоеванія; онъ получалъ власть не самъ собою, а чрезъ городъ. Волость — цѣль общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями: единство волости опредѣлялось не принадлежностію ея одному князю, но соблюденіемъ іерархическихъ отношеній между ея частями, — волостное единство зависѣло отъ „одиначества“, согласія и единодушія всѣхъ общинъ волости, на практикѣ отъ силы главнаго города. Вся іерархія общинъ коренилась въ колонизаціонномъ началѣ. Починокъ, деревня, село, слобода, пригородъ, городъ — ступени, по

¹⁾ Эта замѣчательная монографія явилась въ видѣ рецензіи по поводу известнаго изслѣдованія г. Сергѣевича, о которомъ мы скажемъ ниже. Но, кромѣ полемическаго значенія, монографія г. Градовскаго представляетъ очень обстоятельное догматическое изложеніе самостоятельной теоріи автора.

которымъ проходила почти каждая община. Мѣсто каждой общины въ этой „дѣйствицѣ“ не было опредѣлено разъ навсегда. Община была пригородомъ, пока сама не могла стать городомъ, пока не была достаточно сильной, чтобы самой составить волость, призвать для себя особаго князя. Этимъ обстоятельствомъ, по мнѣнію автора, лучше всего объясняется порядокъ замѣщенія волостей и причина политическаго раздробленія Россіи. Вполнѣ самостоятельнымъ политическимъ организмомъ община является только въ эпоху предъ призваніемъ князей, задачей которыхъ было—замѣнить политическую общину, вытѣснить ее изъ политической сферы. Самое призваніе князей, какъ представителей воплощавшейся въ нихъ государственной власти, въ теченіе всей княжеской эпохи было реакціей противъ общиннаго быта. Тѣмъ не менѣе князь не уничтожалъ общины: призваніе его не было „самоубійствомъ вѣча“. Община выдѣляла князю только общій, внутренній „нарядъ“ (собственно управленіе и судъ), котораго она не могла достигнуть собственными силами. Князь—посредникъ собственно между общинами, а не лицами. Въ глубь общины власть его еще не простиралась; она сдерживалась и заслонялась властію общины. Политическую несостоятельность общины авторъ доказываетъ общими несовершенствами общиннаго быта, борьбою партій и общинъ, не организованнымъ характеромъ вѣча,— вообще бытовыми условіями, при которыхъ община не могла выработать изъ себя политическаго единства, не могла организовать прочной политической власти. При князьяхъ политическая роль общины ограничивалась только немногими дѣлами—призваніемъ и рядомъ съ князьями; но за нею оставалась неприкосновенною широкая сфера административной и хозяйственной дѣятельности. Основы вѣчевой формы глубоко коренятся въ общинѣ, какъ единицѣ хозяйственной и административной. Общинныя (вѣчевыя) начала, опредѣлявшія формы народнаго быта, вмѣстѣ съ тѣмъ высказывались по отношенію къ организаціи княжеской власти въ присущемъ каждой автономической общинѣ правѣ призванія князей; но это начало находилось въ постоянной борьбѣ съ началомъ княжескимъ, родовымъ (наслѣдованія по родовому старѣйшинству). Слабостію княжескаго начала и силою народнаго обуславливался фактъ добыванія волостей,— одна изъ причинъ, не давшихъ установиться правильному порядку преемства князей. Та же борьба началъ княжескихъ и народныхъ опредѣляла отношенія между князьями. Князья принадлежали къ одному роду, и какъ братья, были равны между собою. Народнымъ

сознаніемъ и мнѣніемъ князей устанавливались преимущества старѣйшинства князей. Князья были волостные, владѣли равными волостями; старшую изъ нихъ занималъ старѣйшій князь, какъ представитель Русской земли и всего княжескаго рода. Такой порядокъ держался до времени Боголюбскаго, когда старня родовня начала окончательно уступили территоріальнымъ, явилось нѣсколько совершенно независимыхъ княжествъ-вотчинъ, находившихся въ постоянномъ, наслѣдственномъ обладаніи отдѣльныхъ княжескихъ линій. Изъ постепеннаго усиленія территоріальнаго могущества и преобладанія одной волости и одного княжескаго рода (Московскаго) надъ другими возникаетъ въ XVI вѣку новый порядокъ вещей, легшій въ основу Московскаго государства.

Къ числу новѣйшихъ историковъ, принимающихъ главныя основанія общинной теоріи, въ особенности по отношенію къ первоначальному быту русскихъ Славянъ, принадлежитъ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* (Русская исторія, I. Спб. 1872). Въ его трудѣ находимъ весьма обстоятельный обзоръ семейно-общиннаго быта древнихъ Славянъ и общія замѣчанія о политическомъ бытѣ княжеской Руси. По словамъ автора, въ отдаленную эпоху было у Славянъ нѣчто подобное родовому быту другихъ народовъ; но въ историческое время остались отъ этого быта одни намеки, встрѣчающіеся въ теперешнемъ бытѣ и въ памятникахъ. Основой общественнаго развитія Славянъ послужила семейная община (вервь, задруга). Изъ имѣвшихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ сложились затѣмъ общины территоріальныя — жупы и волости, съ которыми Славянскіе народы переходятъ рано или поздно въ государственнй бытъ. Эпоха основанія Русскаго государства Варяжскими князьями застаётъ Русскій народъ точно также раздробленнымъ на территоріальныя общины, постепенно объединяющіяся въ одно политическое цѣлое подъ вліяніемъ разнообразныхъ началъ. Авторъ не доволенъ ни одною изъ теорій, взявшихся объяснять государственнй бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало; онъ держится того мнѣнія, что одного движущаго начала не было, и что пестрота событій объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодѣйствіемъ многихъ началъ, какъ и было всегда въ создающихся обществахъ. Въ этомъ смыслѣ авторъ и излагаетъ свои замѣчанія о политическомъ бытѣ княжеской Руси, во многомъ сходныя съ положеніями г. Градовскаго. По словамъ нашего автора, призваніе Варяжскихъ князей положило основаніе лишь внѣшнему единству Русской земли. Она продолжала дробиться

на волости и княжества, считаясь въ то же время какъ-бы общимъ достояніемъ всего Рюрикова дома. Дробленіе государственной территории не могло быть вызвано одною какою-либо причиною; оно было результатомъ какъ княжескихъ стремленій, такъ и стремленія городовъ обособиться, имѣть у себя особыхъ князей, — изъ совпаденія и взаимодѣйствія такихъ стремленій и образуется тотъ порядокъ вещей, который мы называемъ удѣльною системою. Точно также различныя начала вліяли на организацію княжеской власти. Родовые распорядки въ преемствѣ князей не были не нарушимыми: правильное вступленіе на столъ (по родовому старшинству) являлось только идеаломъ, а въ дѣйствительности было много другихъ путей, которыми добывались столы (призваніе народа, соглашеніе князей и пр.). Съ княжескимъ старѣйшинствомъ соединялись нѣкоторыя почетныя преимущества и даже права (особенно право суда надъ младшими); но внутри своей волости каждый князь дѣйствовалъ независимо отъ другихъ. Въ князьяхъ явилась общая власть для разрозненныхъ племенъ; власть эта имѣла характеръ посреднической. Центральность положенія князя, какъ третейскаго судьи, создавалась не сознаниемъ государственнаго значенія его власти, но практическою необходимостію имѣть посредникомъ постороннее лицо. Подлѣ князя стояло вѣче. Оно представляло собою самую первоначальную форму участія гражданъ въ дѣлахъ политическихъ, имѣло политическое значеніе, но не было постояннымъ органомъ власти. Не были опредѣлены границы между властію князя и властію вѣча; онѣ развивались параллельно одна другой; въ ихъ отношеніяхъ все основывалось на довѣрїи или на преобладаніи матеріальной силы. Власть вѣча никогда не была чѣмъ-либо инымъ, кромѣ власти контролирующей: она проявлялась въ важныхъ случаяхъ, а въ обыкновенныхъ князь пользовался полною властію. Вообще князь съ своею дружиной представлялся чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ остальнаго населенія; отношенія ихъ опредѣлялись тѣмъ, кто сильнѣе: князь силенъ, онъ беретъ перевѣсъ,—населеніе становится сильнымъ, оно держитъ князя, пока онъ ему угоденъ. Отношенія между ними шатки и неопредѣленны; власть значитъ сила. Таково было положеніе дѣла, пока не окрѣпло раздѣленіе Русской земли на княжества, и пока не усѣлись княжескія лініи по мѣстамъ. Въ татарскую эпоху, съ осѣданіемъ князей, явились стремленія—не оставляя наслѣдственной волости, усилить ее приобрѣтеніями; съ этихъ поръ во многомъ измѣняются отношенія и князей другъ къ другу, и народа къ князьямъ,—появляются государственныя понятія, хотя въ эту

эпоху они еще и недостаточно опредѣлились, не получили вполне раздѣльнаго существованія. Въ развитіи государственныхъ понятій, по мнѣнію автора, въ значительной степени отражались византійскія вліянія, проводникомъ которыхъ являлось духовенство. Не соглашаясь съ мнѣніемъ Костомарова о происхожденіи понятія о царской власти отъ Татаръ, нашъ авторъ полагаетъ, что это понятіе процвѣдывало по преимуществу духовенство, которое вообще сильно содѣйствовало созданію политическаго единства Руси, способствовало торжеству Московскихъ князей, достигшихъ объединенія земли подъ одною верховною властію.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ теоріями, выходившими изъ понятій о государствѣ, родѣ или общинѣ, какъ основныхъ формахъ политическаго быта древней Россіи. Съ 50-хъ годовъ стало формулироваться въ нашей исторической литературѣ новое ученіе о частно-правномъ типѣ всѣхъ общественныхъ отношеній древне-русской жизни, — ученіе, которое въ трудахъ г. Чичерина и особенно г. Сергѣевича сложилось въ цѣлую научную теорію *частно-правнаго, договорнаго или личнаго начала*. Не находя въ общественномъ быту княжеской Руси никакого намека на государственную идею, эти ученые вмѣстѣ съ тѣмъ не даютъ никакого значенія ни роду, ни общинѣ, ставятъ на ихъ мѣсто *личность*, какъ дѣятеля, не сдерживаемаго никакою крѣпкою связью, выступавшаго лишь съ своею частною волею, съ своими частными правами и притязаніями.

Первыя начала этой теоріи, особенно мысль о частно-правномъ типѣ древне-русскаго общества, высказывались еще послѣдователями родовой теоріи, преимущественно *К. Д. Кавелинымъ* (Сочин. I, 344—346; II, 461—474), который допускалъ господство у насъ въ татарскую эпоху (собственно съ Боголюбскаго) *вотчиннаго начала*, развившагося изъ родоваго и подготовившаго появленіе государства ¹⁾. Г. Кавелинъ первый высказалъ мысль о томъ, что древне-русскій кровный бытъ съ Боголюбскаго перерождается въ бытъ юридическій и гражданскій, съ появленіемъ зародышей *гражданскаго общества*, съ его нестройными и безсвязными отношеніями, опредѣляемыми не верховною

¹⁾ Ученіе г. Кавелина раздѣляетъ г. Костомаровъ и отчасти г. Соловьевъ. Впрочемъ, г. Костомаровъ, въ отличіе отъ г. Кавелина, держится мнѣнія о татарскомъ происхожденіи возрѣвнія на князя, какъ собственника вотчины, и допускаетъ вотчинныя отношенія, въ общихъ ихъ признакахъ сходныя съ отношеніями феодальными (см. выше).

властію, но произволомъ и силой оружія. Изъ князя, какъ члена рода, развился въ это время типъ вотчинника, помѣщика или землевладѣльца — неограниченнаго и наслѣдственнаго собственника вотчинъ, въ какія обращаются цѣлыя области и княжества, находящіяся въ безусловномъ распоряженіи и управленіи своихъ владѣльцевъ по домашнему, частному праву.

Мысль Кавелина о частно-правномъ характерѣ политическаго быта Руси XIII—XV вѣковъ распространена *Б. Н. Чичеринимъ* (Областные учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ Москва, 1856; Опыты по исторіи русскаго права. Москва, 1858) на всю княжескую эпоху, то-есть, съ призванія князей до конца XV вѣка; при этомъ въ основаніе всей теоріи этого ученаго легло понятіе *личности*, какъ главнаго начала, опредѣлявшаго всѣ общественныя отношенія княжеской Руси. Авторъ различаетъ три формы общежитія, проживаемыя каждымъ историческимъ народомъ, — союзы кровный, гражданскій и государственный. Союзъ кровный составляетъ первоначальное, естественное проявленіе человѣческаго общества. Люди связаны здѣсь сознаниемъ объ единствѣ происхожденія; личности еще не выдѣлились и составляютъ массу, имѣющую одни нравы, одно нарѣчіе, одни вѣрованія, и различающуюся внутри себя по естественнымъ, физиологическимъ опредѣленіямъ: семья, родъ, колѣно, племя. Этотъ первоначальный союзъ имѣетъ цѣлую исторію, проходитъ черезъ множество видоизмѣненій, отъ блуждающихъ, разсѣянныхъ родовъ и семействъ до высоко-развитыхъ государствъ. Кровный союзъ существовалъ и у насъ въ первоначальную эпоху; преобладающею его формою была особность родового быта. Кровный союзъ долженъ однако, распасться при болѣе или менѣе частыхъ столкновеніяхъ съ другими народами, при вторженіи въ него чужестранныхъ элементовъ, наконецъ при развитіи человѣческой личности. Съ разрушеніемъ крѣпкой родовой связи, слагается порядокъ вещей, основанный на господствѣ личности и частныхъ ея правъ; личности распадаются врознь, и водворяется господство частнаго права, которое своими темными сторонами ведетъ позже къ установленію государственнаго порядка. Разложеніе кровнаго союза совершилось у насъ съ появленіемъ варяжской дружины, основанной на договорѣ лицъ свободныхъ. Принесенные ею элементы, смѣшавшись съ прежними, образовали порядокъ вещей, совершенно отличный отъ предыдущаго. Личности, не сдержанныя болѣе въ своихъ стремленіяхъ тяготѣніемъ общаго, господствующаго обычая, предали частнымъ своимъ интересамъ; отношенія родственныя, дого-

ворныя, имущественныя, словомъ *частное право*, сдѣлались основаніемъ всего быта, точкою зрѣнія, съ которой люди смотрѣли на всѣ общественныя явленія. Такъ произошелъ союзъ гражданскій (*гражданское общество*), образовавшійся изъ столбовеній и отношеній личностей, вращающихся въ своей частной сферѣ. Общественною связью служить или имущественное начало — вотчинное право землевладѣльца, или свободный договоръ, или личное порабощеніе одного лица другимъ. Общественныя единицы то слагались, то разлагались снова, по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ. Вслѣдствіе господства силы образовалось между людьми безконечное неравенство. Словомъ, личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности лежали въ основаніи всего общественнаго быта и должны были вести къ господству силы, къ неравенству, къ междоусобіямъ, къ анархіи. Въ такихъ общихъ чертахъ характеризуетъ авторъ политическій бытъ княжеской Руси ¹⁾. По его словамъ, въ основаніи всѣхъ учреждений этой эпохи лежали два начала частнаго права — собственность и свободный договоръ; отсюда двѣ главныя формы гражданскаго общества: *княжеская вотчина* и *вольная (договорная) община*. Обѣ формы рѣзко различаются между собою. Въ вотчинѣ верховная власть принадлежала князьямъ, первоначально находившимся къ славянскимъ племенамъ въ отношеніяхъ начальника дружины къ жителямъ завоеванныхъ земель; позже князья осѣдаютъ по областямъ, превращаются въ вотчинниковъ, землевладѣльцевъ, между которыми верховная власть дробилась по наслѣдству, какъ частное имущество. Земля, вслѣдствіе завоеванія, принадлежала князьямъ какъ собственность, вотчина; они дѣлили земли между своими дѣтьми, мѣнялись ими, вообще поступали, какъ частные владѣльцы. Отношенія между князьями были не государственныя и не международныя, но чисто гражданскія, договорныя или семейныя, вращавшіяся въ сферѣ частнаго права. Вотчинный же характеръ нашло управленіе и судъ, разсматривавшіяся

¹⁾ Можно привести и другія замѣчанія автора въ томъ же родѣ. «Въ гражданскомъ обществѣ господствовало анархическое броженіе буйныхъ средневѣковыхъ силъ, произволь личности, стремившейся къ преобладанію». «Въ древней Россіи мы видимъ хаотическій безпорядокъ, шаткость всѣхъ гражданскихъ отношеній. Всѣ народныя элементы мы должны признать за выраженіе слабости, броженія или дикой силы. Человѣкъ былъ вольною птицей, которая несется туда и сюда, случайно останавливаясь тамъ, гдѣ находитъ болѣе пищи, — смотрѣлъ на свою личность, какъ на единственную цѣль своихъ стремленій, противоположную и часто враждебную другимъ». См. Опыты, 166, 334, 365, 370.

частною собственностію князей, которую они передавали въ аренду или пользованіе (кормленіе) своимъ мужамъ—кормленщикамъ. Словомъ, вотчинные, владѣльческіе элементы являлись центральнымъ пунктомъ историческаго развитія народа. Вліянія владѣльческихъ элементовъ избѣгли только вольные города Новгородъ и Псковъ, въ которыхъ развились иныя формы общественной жизни. Въ нихъ сохранилась община свободная, основанная на дружинно-договорномъ началѣ добровольнаго согласія ея членовъ. Новгородъ призывалъ главу своего управленія извнѣ и всѣ свои общественныя отношенія устанавливалъ договоромъ, непрерывно возобновлявшимся. На вѣчахъ все опредѣлялось взаимнымъ согласіемъ гражданъ, а если нѣтъ согласія, то открытою силой, ибо меньшинство, какъ и въ частномъ товариществѣ, не считаетъ себя обязаннымъ повиноваться большинству. Новгородъ не государство—онъ самъ великій вотчинникъ, собственникъ обширныхъ земель; все различіе между имъ и другими областями заключалось въ томъ, что тамъ верховный вотчинникъ—князь, здѣсь—союзъ свободныхъ лицъ.

Въ настоящее время представителемъ личной теоріи является *В. И. Сертневичъ* (Вѣче и князь. Государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. Москва, 1867), развившій самостоятельное ученіе о господствѣ *договорныхъ отношеній* въ политическомъ устройствѣ княжеской Руси. По мнѣнію автора, вѣче и князь—два главные элемента въ государственномъ быту древней Россіи. Дѣятельность княжеской власти и формы народнаго быта одинаково вліяли на образованіе государства. Русская земля удѣльной эпохи мало сознавала идею государственнаго единства, не составляла государства, какъ цѣльнаго организма. Отдѣльныя части земли живутъ врознь, тянутъ въ разныя стороны; теорія эгоизма была развита въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Удѣльная Русь представляла рядъ независимыхъ княжескихъ волостей, не имѣвшихъ между собою никакихъ органическихъ связей. Отношенія между волостями и сидѣвшими въ нихъ князьями были чисто фактическія, опредѣлялись только началами войны и мира; древней Руси неизвѣстна была идея права въ отношеніяхъ политическихъ; все здѣсь зависѣло отъ „ряда“ или „суда Божьяго“, войны. Такой же органической недостатокъ юридическихъ основъ замѣчается во внутреннемъ устройствѣ волостей. Двѣ главныя волостныя силы—вѣче и князь—находятся между собою въ такихъ же отношеніяхъ ряда и суда Божьяго, какъ и цѣлыя волости между собой, безъ прочныхъ, органическихъ связей и основъ.

Вѣчевые порядки не установились; самоуправленіе не было въ средствахъ вѣча, являвшагося на дѣлѣ почти случайнымъ, безформеннымъ сходбищемъ. Вѣче было необходимымъ, и слѣдовательно, всеобщимъ вслѣдствіе слабости собственныхъ силъ призванныхъ князей, не обладавшихъ еще достаточно развитыми орудіями управленія и потому вынужденныхъ искать для себя опоры въ согласіи съ народомъ. Къ этой основной причинѣ необходимости и всеобщности вѣча авторъ прибавляетъ еще другой мотивъ,—видитъ корень вѣча въ личномъ началѣ, въ присущемъ каждому „мужу“ правѣ устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своею самостоятельною жизнію. По теоріи Сергѣевича, князь не былъ только высшимъ представителемъ исполнительной власти, но призывался вообще для водворенія наряда въ обществѣ, не могшемъ изъ собственныхъ своихъ средствъ установить сколько нибудь удовлетворительные органы суда и управленія; всѣ общественные вопросы были по преимуществу вопросами князя. Словомъ, княжеская власть является главнымъ общественнымъ двигателемъ, наиболѣе жизненнымъ и дѣятельнымъ нервомъ древнерусскаго общества; но и въ организаціи княжеской власти авторъ не признаетъ никакихъ строго опредѣленныхъ, юридическихъ началъ, всего же менѣе началъ родовыхъ. Княжеская Русь не знала законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: они не наследовались, а добывались личною энергіей и отвагой князей, посредствомъ занятія свободнаго стола, захватомъ или уступкой чужаго стола, рядомъ съ князьями и народомъ, позже ханскимъ ярлыкомъ. Отношенія между князьями опредѣлялись не ихъ родствомъ, но положеніемъ князей, какъ правителей независимыхъ одна отъ другой волостей. При фактическомъ характерѣ междукняжескихъ отношеній, не основывавшихся ни на какихъ понятіяхъ о правѣ, отношенія эти опредѣлялись договорами князей; исторія договоровъ есть ни что иное, какъ исторія княжескихъ отношеній. Древняя Русь не знала верховнаго князя, которому всѣ другіе князья были бы подчинены въ силу государственнаго устройства. Не было порядка, опредѣлявшаго, хотя бы въ идеѣ, отношенія между князьями: отсюда добываніе волостей съ одной стороны, и княжескіе сѣзды и договоры—съ другой. Не было также никакихъ прочныхъ отношеній между волостями: отсюда отсутствіе центра государственной жизни и дробленіе Россіи на самобытныя части.

Ө. Леонтовичъ.

ИСТОЧНИКЪ ЛѢТОПИСНАГО СКАЗАНІЯ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУСИ ¹⁾.

Болѣе ста лѣтъ прошло съ того времени, какъ Шлецеръ впервые заговорилъ о необходимости критической разработки нашихъ лѣтописей. Вызывая на этотъ трудъ русскихъ ученыхъ, какъ дѣятелей наиболѣе компетентныхъ, онъ предлагалъ имъ приступить, вопервыхъ, къ восстановленію подлиннаго текста Несторовой лѣтописи посредствомъ дословнаго свода и критическаго сличенія всѣхъ раз-

¹⁾ Эта статья первоначально, въ краткомъ очеркѣ, входила въ составъ моего сочиненія: «Опытъ восстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи»; но послѣ, убѣдившись, что такого предмета, какъ начальное сказаніе нашей лѣтописи, нельзя касаться поверхностно при разсмотрѣніи другихъ вопросовъ, и что предложенные въ очеркѣ соображенія и выводы необходимо подтвердить рядомъ доказательствъ очевидныхъ и осязательныхъ, я выключилъ этотъ очеркъ изъ рукописи, уже представленной на соисканіе награды графа Уварова, и назвавъ свое сочиненіе *первою частью* «Опыта», изслѣдованіемъ «О Свингелдъ и Угличахъ», объявилъ, что подробное и обстоятельное разсмотрѣніе сказанія о началѣ Руси и его древняго письменнаго источника составитъ задачу второй части моего «Опыта» (см. «Отчетъ о 14-мъ присужденіи награды графа Уварова» стр. 102). Но эта обѣщанная вторая часть не вполне еще окончена, почему и первая остается не изданною; а такъ какъ теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ затишья, въковой споръ о Варягахъ и Руси снова поднять въ нашей литературѣ, и даже объявлена опять новая *безпощадная* война норманизму, то не излишнимъ будетъ напечатать пока эту, давно готовую статью, вновь пересмотрѣнную и значительно дополненную, которая, представляя первоначальный текстъ спорнаго лѣтописнаго сказанія, восстановленный изъ разночтеній, поведеть, можетъ-быть, къ окончательному рѣшенію безконечнаго спора, или сообщить ему, по крайней мѣрѣ, другое, болѣе плодотворное направленіе, доказавъ невозможность рѣшить его помимо свидѣтельства лѣтописи, а слѣдовательно, и необходимость выяснитъ смыслъ и значеніе этого свидѣтельства.

Встрѣчающіяся въ этой статьѣ сокращенія названій списковъ указаны въ примѣчаніи къ моей статьѣ «О Тмутараканской Руси», *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1874. Январь.

норѣчій возможно большаго числа списковъ, то-есть, посредствомъ, такъ-называемой *малой критики* или *критики словъ*, которую онъ объявилъ нашею первою задачею, такъ-сказать, первымъ шагомъ при разработкѣ нашей исторіи, необходимою предварительною работою, безъ которой не возможно ясное и вѣрное толкованіе фактовъ, слѣдовательно, не возможна и правдивая исторія. Мы не послушались нашего учителя, и намъ пришлось убѣдиться въ истинѣ имъ сказаннаго нашимъ собственнымъ столѣтнимъ опытомъ. Не рѣшивъ первой заданной намъ задачи, не ступивъ твердо и правильно перваго шага, а прыгнувъ какъ-то обѣими ногами прямо на второй, мы до сихъ поръ толчемся все на одномъ мѣстѣ — на первомъ фактѣ нашей исторіи, вертимъ во всѣ стороны вопросъ о началѣ нашего государства, ищемъ его основателей повсюду, выводимъ нашу Русь отъ всѣхъ племенъ и народовъ, измышляя системы и теоріи одна другой затѣйливѣе. Но отъ одной только Руси — отъ той, о которой говорить наша лѣтопись, мы доселѣ упорно отворачиваемся, и самое сказаніе о ней, вмѣсто того, чтобы подвернуть его всестороннему разсмотрѣнію, готовы стереть съ лица земли, потому что оно выводитъ нашу Русь изъ-за моря, отъ Варяговъ и служить основою норманской теоріи.

Слишкомъ сто лѣтъ уже боремся мы съ этою ненавистною намъ теоріей и все не можемъ ни уничтожить ея, ни примириться съ нею. Время отъ времени противъ нея все еще слышатся протесты, въ сущности старыя, только съ новыми варіаціями. Сколько ихъ было отъ Ломоносова до нашихъ дней — сосчитать трудно; но всѣ они имѣли одинаковую участь: въ свое время каждая новая попытка замѣнить варяжскую Русь славянскою или хоть родственною съ нею литовскою, была обыкновенно встрѣчаема русскою читающею публикою съ большимъ сочувствіемъ и производила нѣкоторый шумъ, но передъ судомъ критики оказывалась несостоятельною и тѣмъ самымъ только яснѣе выставляла преимущества норманской теоріи. Отъ чего же мы не хотимъ мириться съ этою господствующею теоріей, а все еще, не смотря на неоднократно испытанныя неудачи, грозимъ ей безпощадною войною? Чтò мѣшаетъ намъ признать Варяговъ - Русь основателями нашего государства? Мѣшаетъ то, что наше государство, Русское по имени, оказывается по своему составу, по основнымъ элементамъ, — и притомъ, можно сказать, уже съ первыхъ дней своего существованія, государствомъ не варяжскимъ, а славянскимъ, которое отъ прочихъ славянскихъ царствъ и княжествъ отличается толь-

ко своею колоссальностію, могуществомъ, большею крѣпостію своего организма, и отъ того такою живучестію, такою полнотою и неистощимостію своихъ силъ, какихъ не проявляли другія славянскія государства. А кто же были Варяги-Русь, основатели этого громаднаго славянскаго государства? Народъ скандинавскаго племени и языка, родственнѣй Шведамъ, обитавшій гдѣ-то за моремъ и оттуда, вмѣстѣ съ призванными князьями, пришедшій, будто-бы, къ намъ въ полномъ составѣ, съ своимъ бытомъ семейнымъ, религіознымъ и общественнымъ. Этотъ пришлый народъ, какъ говорятъ норманнисты, заселилъ у насъ сперва Новгородъ и другіе сѣверные города, а потомъ утвердился въ Киевѣ, и подчинивъ себѣ всѣ племена славянскія и финскія, оставался въ теченіе двухъ вѣковъ, съ половины IX до половины XI, народомъ господствующимъ и единственнымъ дѣйствующимъ въ исторіи. Его отношенія къ Славянамъ г. Погодинъ въ заключительномъ выводѣ, въ концѣ III-го тома своихъ „Исслѣдованій“, изображаетъ такъ: „Варяги, въ продолженіе періода, разсмотрѣннаго нами (862—1054), были почти совершенно отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ,—они жили вмѣстѣ, но не сплавлялись, не составляли одного народа; это были двѣ рѣки, которыя пали одна въ другую, но еще не слили водъ своихъ. Варяги имѣютъ свою особую исторію, или лучше сказать, одни составляютъ ее. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было болѣе наружное: они образовали государство.... Славяне платили дань, работали и только, а впрочемъ жили по прежнему. Вліяніе Славянъ на Варяговъ было болѣе внутреннее, которое обнаружилось вполнѣ уже въ слѣдующемъ періодѣ. Тогда оба эти племена соединились въ одинъ народъ, то-есть, Варяги сдѣлались Славянами, принявъ ихъ языкъ, хотя и оставались ихъ правительствомъ“.

Но какъ же эти иноплеменники, Варяги, живя въ продолженіе двухъ вѣковъ вмѣстѣ съ Славянами и господствуя надъ ними, но оставаясь отдѣльнымъ отъ нихъ племенемъ и не усвоивая ни ихъ языка, ни обычаевъ,—какъ они ухитрились основать государство чисто славянское, и притомъ одни, безъ всякаго участія и содѣйствія самихъ Славянъ, которые „платили дань, работали и только“? Неужели такое явленіе возможно?... И развѣ оно подтверждается исторіей, фактами? Наша лѣтопись, говоря о походахъ первыхъ князей русскихъ, обыкновенно перечисляетъ племена славянскія и финскія, какъ главныхъ въ нихъ участниковъ. Правда, во главѣ перечня она ставитъ Варяговъ, но кто эти Варяги? Иноземные наемники, прихо-

дившіе изъ за-моря, или сами по своей волѣ, или по зову князей, какъ при Игорѣ и Ярославѣ. Особого же племени Варяговъ, осѣдло живущаго въ нашей странѣ, господствующаго надъ Славянами и исключительно, будто-бы, дѣйствующаго въ нашей исторіи, она вовсе не знаетъ; не знаетъ она у насъ и Руси, какъ народа отдѣльнаго отъ Славянъ, а самихъ Славянъ, какъ обитателей земли Русской, какъ гражданъ Русскаго государства со временъ Владимира и Ярослава, именуетъ Русью—Русскимъ народомъ: „Словенскій языкъ (*мародъ*) и Русскій одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене“,—говоритъ лѣтописецъ (Др. 12).

Очевидно, стало быть, что ученая система норманистовъ, отправившись отъ факта прибытія къ намъ варяжскаго народа Русь, доходить въ своемъ послѣдовательномъ развитіи до выводовъ и заключеній, явно невозможныхъ,—до крайностей, рѣзко расходящихся съ историческою дѣйствительностію. И вотъ почему ея нельзя довольствоваться! Вотъ почему она вызывала и вызываетъ протесты!... Но доселѣ никто еще изъ протестовавшихъ не выступалъ противъ нея такъ рѣшительно, съ такою силою, съ такимъ запасомъ учености, какъ г. Геденовъ въ своихъ „Отрывкахъ изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ“ (*Зап. Имп. Ак. Н.* т. I, II и III, 1862—1863 г.). Онъ, можно сказать, разгромилъ эту побѣдоносную доселѣ теорію, созданную трудами цѣлаго ряда ученыхъ; по крайней мѣрѣ, распаталъ ее такъ, что въ прежнемъ видѣ она уже не можетъ быть восстановлена.

Однако, чтò же предлагаетъ намъ г. Геденовъ въ замѣнъ прежней забракованной имъ теоріи? Какъ, по его мнѣнію, составилось Русское государство?

Отвергнувъ варяжское происхождение Руси, якобы *изобрѣтенное* самимъ Несторомъ, ученымъ систематикомъ, онъ ведетъ къ намъ изъ за моря Варяжскаго только князей, съ ихъ родами и съ дружиною, но и то не отъ Норманновъ, а отъ западныхъ, поморскихъ Славянъ—отъ Вендовъ, допуская впрочемъ, что въ дружинѣ князей, вмѣстѣ съ Вендами, было также много Норманновъ, Саксонцевъ и т. д. (стр. 160), и утверждая, что всѣ эти дружинники назывались Варягами, то-есть, *мечниками*, отъ древанскаго слова *waганг*—*мечъ* (производство, уже забракованное, см. замѣчанія г. А. Кунива къ „Отрывкамъ о варяж. вопр.“, стр. 233). А гдѣ же Русь?—Она уже искони-вѣковъ мирно пребывала у насъ на югѣ, въ Приднѣпровьи, и поклонялась святымъ рѣкамъ *Рось*. Это наши южные Славяне, водопоклонники

или *Росопоклонники*, и г. Гедеоновъ знаетъ (стр. 24) что „первобытное названіе Росопоклонниковъ восточнаго шестиплеменнаго союза было *Росъ*, а не *Русь*“. Но когда и какія именно *шесть племенъ* составляли этотъ союзъ Росопоклонниковъ, и что это былъ за союзъ, политическій или религіозный,—авторъ новой теоріи не сказываетъ. О томъ же, у какихъ писателей, въ какихъ источникахъ эти шесть племенъ являются до половины IX вѣка подъ именемъ Роси или Руси,—онъ не дозволяетъ даже и спрашивать. „Никто“, говоритъ онъ (стр. 83), „не имѣетъ права требовать отъ греческихъ и арабскихъ писателей извѣстій о Руси до второй половины IX вѣка“. И это потому, что наши славянскія племена жили въ своей странѣ, въ мирной безвѣстности, и ничѣмъ—ни враждебными дѣйствіями, ни торговыми сношеніями, не заявляли другимъ народамъ о своемъ существованіи. Но если такъ, если приднѣпровскіе Славяне до второй половины IX вѣка нигдѣ и никогда не являлись подъ именемъ Руси; если и главные изъ нихъ—Поляне, сами въ своихъ легендахъ (о построеніи Кіева, о хазарской дани) называли себя и своихъ предковъ не Русью, а Полянами; если только со времени прибытія варяжскихъ князей проявилась въ нашей Славянской землѣ кипучая дѣятельность, прежде невѣдомая, и начался рядъ неслыханныхъ дотогѣ подвиговъ, сдѣлавшихъ имя Руси громкимъ и грознымъ повсюду,—то не въ правѣ ли былъ Несторъ заключить (положимъ, что ему нужно было прибѣгать къ умозаключеніямъ), что у насъ до второй половины IX вѣка, до прибытія князей, никакой Руси не было, что если съ этого времени земля нашихъ южныхъ Славянъ (а не сѣверная страна славяно-финскихъ племенъ, добровольно призвавшихъ князей) стала прозываться Русью, Русскою землею, такъ это отъ того, что она была покорена пришедшими изъ-за моря князьями и ихъ спутниками, которые, подобно всѣмъ завоевателямъ, считая покоренную страну своею собственностію по праву завоеванія, назвали ее своимъ именемъ, и что имя Руси, стало быть, принадлежало первоначально тѣмъ заморскимъ Варягамъ, которые пришли къ намъ, вмѣстѣ съ своими князьями? Что же?... Развѣ изъ совершеннаго молчанія о Руси въ нашей странѣ до прибытія князей и изъ начавшейся отселѣ громкой извѣстности этого имени повсюду можно было прійти къ другому заключенію, болѣе законному? „Историкъ нашей эпохи не разсудилъ бы иначе“, замѣчаетъ и г. Гедеоновъ (стр. 51). Но почему же онъ самъ *разсудилъ иначе*? Откуда взалъ онъ исконную славянскую Русь, когда о ней до второй половины IX вѣка нигдѣ нѣтъ ни слуху ни духу, когда

и впоследствии наша летопись вовсе не называетъ Славянъ, ни южныхъ, ни сѣверныхъ, *Русью въ племенномъ смыслѣ*, и когда Константинъ Багрянородный называетъ ихъ именно *данниками Руси*? Хотя у Константина перечислены поименно только семь славянскихъ племенъ, но изъ самыхъ его выраженій очевидно, что онъ, подъ именемъ данниковъ Руси, разумѣетъ и всѣ прочія племена восточныхъ Славянъ. Такъ, онъ говоритъ (De adm. imp. ed. Bonn. p. 74): „Славяне же, данники ихъ, Кривичи по имени, и Лучане ¹⁾ и прочія славянскія поколѣнія“ (καὶ οἱ λοιποὶ Σκλαβίνιοι)...; а въ другомъ мѣстѣ, сказавъ, что князья Руси въ ноябрѣ мѣсяцѣ выходятъ изъ Кіева *со всею Русью* (μετὰ πάντων τῶν Ῥώσ) и отправляются каждый въ свою волость въ полюдье, поясняетъ (ibid. p. 79): „то-есть, въ славянскія земли Тивѣрцевъ (τὰ Βερβιάων?) и Дреговичей, и Кривичей, и Сѣверянъ (никакъ не *Сербовъ*, Σερβίων, а именно *Сѣверянъ*, потому что въ числѣ городовъ, изъ которыхъ Русь возвращается весною съ полюдья, съ собранною данью, поименованы и города: Сѣверянъ — Любечъ и Черниговъ, между тѣмъ какъ о Сербѣхъ какихъ-либо въ нашей странѣ нигдѣ ничего не слышно), и прочіихъ Славянъ, кои суть данники Руси (καὶ λοιπῶν Σκλαβίων, οἵτινες εἰσι πακτιώται τῶν Ῥώσ)“.... Наконецъ, въ гл. 37-й о Печенѣгахъ (ibid. p. 166), онъ указываетъ, что одинъ изъ 8-ми печенѣжскихъ улусовъ или вочевевъ (τὸ θέμα Ἰαβδιερτίμ) „граничитъ съ состоящими въ данничьемъ отношеніи къ Русской землѣ поселеніями Ульцевъ, и Древлянъ, и Лучанъ, и прочіихъ Славянъ“. Безъ сомнѣнія, Константинъ не зналъ какъ назывались, кромѣ поименованныхъ, прочія славянскія племена, платившія дань Руси; но ни одного славянскаго племени онъ не исключаетъ изъ числа данниковъ и не называетъ Русью. Подъ именемъ *Росія* (ἢ Ῥωσία) онъ разумѣетъ, кажется, только область Кіевскую или землю Полянскую, какъ собственное владѣніе (*домѣнъ*) великаго князя Руси, но и въ этой Русской землѣ какъ ἐφοχὴν у него „Витичевъ. городъ платящій дань Руси (τὸ Βιτεζεβη, ὅπερ ἐστὶ πακτιωτικὸν κάστρον τῶν Ῥώσ)“.

Итакъ, Константинъ Багрянородный вовсе не знаетъ въ нашей

¹⁾ Въ виду того, что наша летопись не знаетъ въ числѣ славянскихъ племенъ, покоренныхъ Русью, или живущихъ въ Русской землѣ, ни Лучанъ, ни Ленчанъ, и что въ ней только въ исходѣ XI вѣка впервые упоминаются *Лучане* (подъ 1085 г.), какъ жители города Луцка, следовательно, горожане, а не племя, я предложилъ бы, вмѣсто Λευζανήνοι, читать у Константина Πολευζανήνοι — Полотчане.

странѣ славянскихъ племень, которыя назывались бы Русью, или которыя, по крайней мѣрѣ, не были бы данниками Руси. А въдѣ его „извѣстія о Руси“, какъ совершенно справедливо замѣчаемъ и г. Геденовъ (стр. 112), — „обличаютъ славянскій источникъ“. По моему мнѣнію, они даже переведены на греческій, и не вездѣ удачно, съ славянской записки, можетъ-быть, нарочно для императора составленной въ Кіевѣ, такимъ лицомъ, которому коротко знакомы были и обычная дѣятельность Руси, и всѣ упоминаемыя мѣстности, и вообще весь ходъ излагаемаго дѣла; ибо эти извѣстія, изложенныя систематически, по обдуманному плану, представляютъ подробный и обстоятельный отчетъ о дѣятельности Руси по византійской торговлѣ съ весны до весны, за цѣлый годъ¹⁾. Тотъ, кто самъ не проѣзжалъ

¹⁾ Что 9-я глава книги Константина «О управленіи государствомъ» переведена съ славянской записки, и что переводъ не вездѣ исторически вѣренъ и логически правиленъ—вотъ тому нѣкоторыя доказательства: 1) Судя по заглавію, въ этой главѣ должна бы быть рѣчь «О Руссахъ, приходящихъ на ладіяхъ изъ Руси (ἀπό τῆς Ρωσίας) въ Константинополь»; между тѣмъ, въ ней о приходящихъ изъ Руси нѣтъ даже и помину, а говорится слѣдующее: «Ладіи, приходящія изъ Руси (ἀπό τῆς ἕξω Ῥωσίας) въ Константинополь, частью суть изъ Новгорода, гдѣ сидѣлъ Святославъ, сынъ Игоря, Русскаго князя, частью же изъ города Смоленска (Μιλινίσκων) и изъ Любеча (Τελιοῦτζων) описка ви. τῆν λιούβτζων), и Чернигова, и изъ Вышеграда». Какъ же всѣ эти города—даже и Вышгородъ, близъ Кіева, въ землѣ Полянскій—очутились не въ Руси, а въ странѣ именуемой За-русія (ἡ ἕξω Ῥωσία)? И отчего такая несообразность между текстомъ и заглавіемъ?—Оттого, какъ видно, что переводчикъ не понялъ значенія славянскихъ указательныхъ мѣстоименій *си* и *ти*; славянскую конструкцію чрезъ *си суть*.... *ти же суть* онъ явно неправильно передалъ греческою: «αἱσὶ μὲν.... αἱσὶ δὲ καὶ, в такомъ образѣ, вмѣсто одного Новгорода (какъ слѣдовало бы), отнесъ къ «за Русіи» всѣ поименованные города. 2) Искаженіе «Μιλινίσκων» произошло изъ славянскаго начертанія «исмълиниска» также по винѣ переводчика, который зная, что здѣсь передъ именемъ повторенъ предлогъ *изъ*, но не зная, что этотъ предлогъ уже утратилъ звукъ *з*, вслѣдствіе вліянія слѣдующаго *с*, выбросилъ *ис*, какъ повтореніе предлога, а полугласныя *ѣ* и *ѓ* передалъ греческою *ι*. 3) А откуда онъ взялъ, будто Святославъ при жизни Игоря, будучи еще младенцемъ, сидѣлъ, то-есть, княжилъ въ Новгородѣ? Такого показанія, исторически не вѣрнаго, въ славянской запискѣ не могло быть; но въ ней, вѣроятно, было сказано о Новгородѣ: «ниже есть столъ Святъславъ...», а переводчикъ, не найдя въ греческомъ подходящаго выраженія для передачи этого понятія, посадилъ Святослава въ Новгородѣ, то-есть, сказалъ: «ἐν ᾧ Σφενδοσθλάβος.... καθέζε: (сидитъ)». Императоръ же Константинъ, внося этотъ переводъ въ свою книгу, написанную уже по смерти Игоря, въ 949—952 годахъ (Круг. Вуз. Chronol. 265, 266), когда Святославъ княжилъ въ Кіевѣ, замѣнилъ настоя-

порогами и не видѣлъ упомянутыхъ вѣстностей, кто лично не участвовалъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ Руси по византийской торговлѣ, или по крайней мѣрѣ, не видѣлъ ихъ своими глазами, тотъ никакъ не могъ бы составить о нихъ, по чужимъ разказахъ,

шее время глагола прошедшимъ *ἐκθέζετο*. 4) Онъ же, вѣроятно, оторвалъ начальную фразу перевода и поставилъ отдѣльно въ видѣ заглавія, ибо въ славянской запискѣ особаго заглавія, вѣроятно, не было, а изложеніе начиналось прямо словомъ «О Руси», которое служило вмѣстѣ и заглавіемъ.—Теперь, позволю себѣ, на основаніи этихъ соображеній, попытку возстановить по греческому тексту начало предполагаемой славянской записки, примѣняясь по возможности къ языку договора Игорева, такъ какъ переводившій этотъ договоръ съ греческаго могъ быть и авторомъ записки.

О Руси, о тѣхъ оже то приходять въ лодыяхъ Царюгороду изъ Руси, и о тѣхъ оже то приходять въ лодыяхъ изъ за Руси Царюгороду. си суть изъ Новъграда, иже есть стоць Святъславль, смьхъ Игоревъ Русскаго князя. ти же суть изъ града немъляннска, п изъ Любца и Чернигова, и изъ Вышсграда.

Κεφ. θ'. περί τῶν ἀπὸ τῆς Ῥωσίας ἐρχομένων Ῥῶς μετὰ τῶν μονοβύλων ἐν Κωνσταντινουπόλει.

Ἅτι τὰ ἀπὸ τῆς ἔξω Ῥωσίας μονόβουλα κατερχόμενα ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰσι μὲν ἀπὸ τοῦ Νεμογαρδας, ἐν ᾧ Σφενδοσθλάβος ὁ υἱὸς Ἰγγαρ τοῦ ἀρχόντος Ῥωσίας ἐκθέζετο, εἰσι δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ κάστρου τῆν Μιλανίσκων καὶ ἀπὸ Τελιούτζαν καὶ Τζερνιγῶγαν καὶ ἀπὸ τοῦ Βουσεγρადέ.

Наконецъ 5) О переводѣ, и притомъ неудачномъ, этихъ извѣстій Константина съ славянской записки всего очевиднѣе, свидѣтельствуетъ пресловутое прозвище Кіева *Самгатаь*, то-есть, выраженіе: «τὸ ἐπωνομαζόμενον Σαμβατάς», вызвавшее у насъ разныя толкованія. Добровскій догадывался, что это прозвище, составленное изъ шведскихъ словъ *gam* (вмѣстѣ) и *bat* (лодка, боть), означаетъ, будто бы, *сборное мѣсто лодокъ* (см. Изслѣд. *Погодинъ* I, стр. 5); а г. Геденовъ (стр. 107 и 115) утверждаетъ, что это венгерское прозвище *Szombat* (крѣпость), которое сохранилось у славянской Руси еще и въ X вѣкѣ, какъ дорогое воспоминаніе о венгерскомъ или угро-хазарскомъ господствѣ надъ Кіевомъ. Но если бы подобное прозвище и существовало, то развѣ здѣсь нужно было упомянуть о немъ? Съ какой стати? Напротивъ, по логическимъ соображеніямъ выходить, что здѣсь точно также требовалось указать значеніе Кіева, какъ выше указано значеніе Новгорода. Авторъ славянской записки, поименовавъ города, изъ коихъ выходитъ Русь, продолжалъ: «Си же вси идуць по Днѣпру внивь и събираются въкупѣ ко граду Кіеву». Затѣмъ, признавъ необходимымъ объяснить, почему именно къ Кіеву, а не къ другому мѣсту, онъ прибавилъ еще фразу: «иже (или: «тъ бо») ся имъ мати нарицаеть». Слова: *ся имъ мати*, написанныя, разумѣется, слитно, и можетъ быть, еще съ сокращеніемъ—*и* или *имъ*, вмѣсто *имъ*, переводчикъ принялъ за одно слово, и сочинилъ небывалое прозвище Кіева *Σαμβατάς*.—Уже Карамзинъ, безъ помощи шведскихъ и венгерскихъ лексиконовъ, своимъ—можно сказать—историческимъ чутьемъ почти от-

такого яснаго и систематическаго отчета, какой, очевидно, заключался въ славянскомъ источникѣ извѣстій Константина. Слѣдовательно, въ этихъ извѣстіяхъ сама Русь, можно сказать, рѣшительно протестуетъ противъ системы г. Гедесова, объявляя себя не славянскимъ племенемъ, а властительницею племенъ славянскихъ. Однако, кто же эта Русь Константина Варяжнороднаго, господствующая надъ всѣми славянскими племенами? Такъ какъ славянскій источникъ его извѣстій о Руси написанъ въ послѣдніе годы Игорева княженія, то и Русь, дѣятельность которой онъ описываетъ, должна быть та самая, и даже изъ тѣхъ самыхъ личностей состоящая, которая въ 944 году торжественною присягою утвердила договоръ Игоря съ Греками; а объ этой присягѣ наша лѣтопись говоритъ (Др. 23): „... и ходи Игорь ротѣ [на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ] и мужи его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водипа ротѣ въ церкви святаго Ильи, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни“. То-есть, присягали только „Игорь и мужи его“, которые по религіознымъ понятіямъ раздѣлялись на Русь поганую и Русь хрестеяную. Первая присягала вся, сколько ея было („елико поганыхъ Руси“), а потому надо полагать, что и изъ второй не было исключеній, — она также вся присягала. Стало быть, Русь поганая и хрестіаная вмѣстѣ составляли *всю Русь*, и эта вся Русь — мужи Игоревы, всѣ—какъ язычники, такъ и хрестіане. О послѣднихъ замѣчено, что они, по племенному происхожденію, Варяги; а къ какому племени принадлежали первые—не сказано; но изъ того, что Варяги—хрестіане въ общемъ числѣ мужей, или всей Руси, были только „мнози Варяги“, а не всѣ, нельзя не заключить, что въ числѣ всей Руси, кромѣ хрестіанскихъ Вараговъ были еще и другіе, также *мнози Варяги*, даже, можетъ-быть, *множайшіе*, которые были не хрестіане, а язычники, поклонники Перуна, и которыхъ потому, какъ Славянъ не вѣрѣ ихъ, вѣроятно, не отличали уже отъ Славянъ и по народности, и не называли Варягами. Итакъ, вся Русь Игорева было общество разнорѣзное и разноплемен-

гадавъ происхождение этого прозвища; по крайней мѣрѣ, близко подошелъ къ истинѣ, замѣтивъ вопросительно (т. I, прим. 72): «Не хотѣлъ ли Константинъ написать: *сама мати*, ибо Кіевъ назывался въ древности *матерью* городовъ русскихъ?» Константинъ, безъ сомнѣнія, повторилъ только слова переводчика, но авторъ его славянскаго источника дѣйствительно подтвердилъ своею фразою показаніе нашей лѣтописи, что Олегъ, утвердившись въ Кіевѣ, сказалъ: «се буди мати градомъ русьскимъ», то-есть, провозгласилъ Кіевъ столицей Руси.

ное, состоявшее большею частію изъ Варяговъ, частію же, безъ сомнѣнія, изъ Славянъ-туземцевъ, и вѣроятно, также изъ лицъ разныхъ другихъ народностей. Но къ этой, собственно такъ-называемой, Руси или всей Руси причислялись еще всѣ служебныя дружины русскія, также, безъ сомнѣнія, разноплеменные по своему составу; а такихъ дружинъ было много: во первыхъ, собственная дружина великаго князя, непосредственно ему подчиненная, затѣмъ дружины разныхъ членовъ его рода—князей и княгинь русскихъ, и наконецъ, дружины мужей, особенно тѣхъ, которые, назывались *боярами* или *великими боярами*—какъ въ договорѣ Олега, 911 г.—владѣли, подъ рукою великаго князя, своими волостями и городами, на правахъ феодальныхъ, и которые, потому, необходимо должны были содержать свои, болѣе или менѣе значительныя, постоянныя дружины. Эти-то служебныя дружины Константинъ Багрянородный и разумѣетъ подъ именемъ *всей Руси*, начальники же дружинъ или предводители, то-есть, великій князь и мужи его, называются у него „князи ихъ“ (οἱ αὐτῶν ἄρχοντες), которые, говоритъ онъ, — „лишь только наступитъ ноябрь мѣсяцъ, тотчасъ выступаютъ со всюю Русью (ματὰ παντῶν τῶν Ῥώσ, то-есть, съ своими дружинами) изъ Кіева и отправляются въ полюдье“. Только объ этой Руси, состоящей изъ влaстителей земли Славянскои и всѣхъ подвластныхъ имъ дружинъ, и можетъ быть рѣчь у Константина, такъ какъ въ его время никакой другой Руси не было; ибо ни одно изъ племенъ славянскихъ въ X вѣкѣ—а раньше и подавно—не называлось Русью ни въ какомъ смыслѣ, хотя земля Славянская, какъ подвластная Руси государственная территория, и называлась Русью, Русскою землею.

Откуда же имя Руси для этого разноплеменнаго общества влaстителей, которое, съ княземъ во главѣ, какъ верховное правительство, заключаетъ и утверждаетъ мирные договоры съ Греками, господствуетъ съ помощію своихъ дружинъ надъ всѣми племенами восточныхъ Славянъ, вѣщаетъ съ нихъ вооруженною рукою дань мѣхами и другими естественными произведеніями и отправляетъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и самихъ данниковъ, неповорныхъ или неисправныхъ, въ Царьградъ на продажу? Уже изъ того, что Варяги составляютъ большинство членовъ этой влaдѣтельной, военно-торговой корпораціи, которая подъ именемъ Руси эксплуатируетъ Славянскую землю, слѣдуетъ заключить, что корпорація эта есть учрежденіе не славянское, а варяжское, враждебное Славянамъ, и что Варягамъ же принадлежало первоначально и имя Руси. А кто же были, въ

составѣ Игоревоѣ Руси, „мужи его“ изъ Варяговъ? Какъ Игорь, сынъ Рюриковъ, преемникъ Олега, такъ и мужи его—преемники мужей Олеговыхъ, то-есть, потомки тѣхъ Варяговъ, съ которыми Олегъ пришелъ въ Кіевъ завоевателемъ изъ Новгорода, а слѣдовательно, и тѣхъ заморскихъ Варяговъ-Руси, отъ которыхъ союзомъ славяно-финскихъ племенъ призваны были три брата на княженіе, и которыхъ призванные князья всѣхъ привели съ собою,—„попаша по собѣ всю Русь“, какъ говоритъ лѣтописецъ. Стало быть, Несторъ ошибся только въ своемъ толкованіи значенія этой заморской Руси, сравнивъ ее съ Свѣями и другими скандинавскими народами своего времени, и выдавъ такимъ образомъ скандинавскую морскую дружину за особый народъ Варяжскаго племени. Изобрѣтать же варяжскую Русь посредствомъ той хитросплетенной системы, какую г. Геденовъ (въ IV гл. своихъ „Отрывковъ“) ему приписываетъ, онъ не имѣлъ надобности, потому что извѣстія о ея прибытіи изъ-за моря и водвореніи въ нашей странѣ нашель въ источникахъ вполне достовѣрныхъ. Утверждать, будто Несторъ не могъ имѣть объ основаніи Русскаго государства никакихъ современныхъ событію письменныхъ памятниковъ, значить упускать изъ виду фактъ, не подлежащій сомнѣнію, то-есть, что у насъ въ Кіевѣ, тотчасъ послѣ перваго набѣга Руси на Царьградъ, водворилась византійская православная миссія, съ епископомъ во главѣ, крестившая Русь Аскольда и Дира. Явились, стало быть, люди грамотные и притомъ Славяне, которые могли и даже должны были писать о Руси,—не для самой Руси, конечно, а для византійскаго правительства; епископъ, обязанный доносить патріарху о трудахъ миссіи въ распространеніи христіанства и о состояніи своей юной паствы, не могъ не сообщать и о тѣхъ политическихъ событіяхъ, которыя совершались въ землѣ восточныхъ Славянъ, особенно же въ Кіевѣ, и отъ которыхъ неизбѣжно зависѣла судьба и пастыря, и самой паствы. А такіа донесенія епископа и другія записки членовъ миссіи, писанныя въ послѣднемъ тридцатилѣтіи IX вѣка, развѣ не могли дойти до Нестора тѣмъ же путемъ, какъ дошли договоры Олега и Игоря, писанныя въ первой половинѣ и даже въ началѣ X вѣка, и внесенныя въ нашу лѣтопись, какъ видно по ихъ надписямъ (въ коихъ „равно“—*τὸ ἴσον, κοτῖα*), съ официальныхъ копій, выданныхъ отъ византійскаго правительства?... Что Несторъ, кромѣ хроники Георгія Амартола и другихъ извѣстныхъ сочиненій¹⁾, имѣлъ и свои,

¹⁾ См. М. И. Сухомлинова: «О древней Русской лѣтописи», стр. 52. А г.

домашніе письменные источники, даже для перваго похода Руси на Царьградъ, видно уже изъ того, что повѣствованіе объ этомъ походѣ, списанное съ болгарскаго перевода продолженнаго Георгія Амартола, гдѣ годъ событія вовсе не указанъ, совершенно вѣрно помѣщено въ нашей лѣтописи подъ 6374 мартовскимъ годомъ отъ С. М. Доселъ походъ Аскольда и Дира, вслѣдствіе неправильнаго переложенія Несторова лѣтосчисленія на современное, январское отъ Р. X., обыкновенно относили къ 866 году, и только теперь, благодаря объясненіямъ А. А. Куника, мы узнаемъ, что ни въ 866, ни въ 864 году этому походу нѣтъ мѣста, и что онъ долженъ быть отнесенъ непременно къ лѣту 865 январскаго, или 6373 сентябрскаго года ¹⁾. А именно къ тому же самому *лѣту* относилъ его уже Несторъ; у него въ этомъ показаніи нѣтъ ни малѣйшей ошибки, ибо его мартовскій 6374 годъ идетъ съ 1-го марта сентябрскаго 6373 года до 28-го февраля слѣдующаго 6374 сентябрскаго же года, и заключаетъ въ себѣ 10 мѣсяцевъ—съ 1-го марта по 31-е декабря—январскаго 865 года и только 2 мѣсяца, январь и февраль, слѣдующаго 866 январскаго года ²⁾. Не на угадъ же отнесъ онъ этотъ походъ именно

Гедеоновъ полагаетъ (стр. 50), будто для Нестора «вся классическая литература сосредоточивалась въ Георгіѣ Амартолѣ»!

¹⁾ *Записки Имп. Акад. Н.*, т. VI, прилож. *М. Погодина*. «Г. Гедеоновъ и его система о происхожд. Варяговъ и Руси». Замѣчанія *А. Куника*, стр. 72.

²⁾ Таково повсюду отношеніе мартовскихъ годовъ Нестора къ сентябрскимъ и январскимъ; а потому, перелагая ихъ на нынѣшнее январское лѣтосчисленіе, слѣдуетъ вычитать изъ мартовскаго года 5509, и въ тѣхъ только случаяхъ 5508, когда событіе относится къ январю или февралю мартовскаго года. Такъ, кончина Ярослава, въ мартовскомъ (въ сентябрскомъ тоже) 6662 году «въ субботу 1 поста святаго Феодора», т. е., 19-го февраля, приходится по январскому счисленію въ 1054 году, и къ тому же январскому году должны принадлежать событія (занятіе сыновьями Ярослава назначенныхъ имъ удѣловъ, побѣда Всеволода надъ Торками и миръ его съ Половцами), помѣщенные въ лѣтописи подъ 6663 мартовскимъ годомъ (только въ нѣкоторыхъ спискахъ *Лер.*, *Рдз.*, *Три.*—годъ, очевидно, пропущенъ), который, начавшись черезъ 9 дней по смерти Ярослава, обнимаетъ (по 31-е декабря) наибольшую часть январскаго 1054 года.—Отношеніе мартовскихъ годовъ къ сентябрскимъ, или къ годамъ индиктовъ, совершенно ясно указано въ самой лѣтописи подъ 6604 годомъ, гдѣ повѣствованіе оканчивается слѣдующею замѣткою: «се же бысть исходящу лѣту 6604, индикта 4 на помы.» Этотъ мартовскій годъ, кончившійся въ половинѣ 4-го индикта, или въ половинѣ 6604 сентябрскаго года, начался, конечно, въ половинѣ 3-го индикта, т. е., съ 1-го марта 6603 сент. года, и слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ послѣднюю половину 3-го и первую половину 4-го индиктовъ,

въ 6374 году, пояснивъ притомъ (чего также нѣтъ въ его византійско-болгарскомъ источникѣ), что это походъ Аскольда и Дира, которые пришли „въ 14-е лѣто Михаила царя“, что также совершенно вѣрно, если принять, согласно съ Несторомъ, за начало царствованія Михаила исходъ 6360 мартовскаго года. Ясно, что Несторъ долженъ былъ имѣть источники современные, письменные, такъ какъ хронологическія данныя о событіяхъ второй половины IX вѣка никакъ не могли дойти до него въ устной передачѣ. Безъ такихъ хронологическихъ данныхъ не могъ онъ также сказать, что „отъ перваго лѣта Михайлова до перваго лѣта Ольгова, русскаго князя лѣтъ 29“. А вѣдь этихъ данныхъ, даже 6360 года, въ значеніи перваго лѣта Михайлова, нѣтъ у византійскихъ писателей. Да и самое мартовское лѣтосчисленіе у нихъ не было въ употребленіи, и нашу церковь оно также не употреблялось: нашъ церковный годъ, уже со времени крещенія Владиміра, начинался съ 1-го сентября, какъ и у Грековъ. Откуда же мартовское лѣтосчисленіе, господствующее въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, и вообще вѣрное, кромѣ нѣкоторыхъ годовъ? Оно принадлежало первоначально тѣмъ древнимъ, собственно-русскимъ источникамъ, тѣмъ современнымъ историческимъ замѣткамъ о событіяхъ, какъ русскихъ, такъ и византійскихъ и болгарскихъ, которыя со времени крещенія Аскольдовой Руси велись у насъ въ Кіевѣ и которыя, очевидно, служили основаніемъ Несторовой хронологіи. Если же Несторъ по такимъ замѣткамъ современниковъ и очевидцевъ, слѣдовательно, совершенно вѣрнымъ, опредѣляетъ время событій, случившихся во второй половинѣ IX вѣка, если онъ говоритъ положительно, что въ 6360 году, индикта 15-го—„нача ся прозывать Русская земля“, что въ 6374 году Русь ходила на Грековъ, что въ 6390 Олегъ овладѣлъ Кіевомъ и т. д., то можно ли, въ виду такихъ вѣрныхъ хронологическихъ указаній, отвергать безъ суда, безъ критики его свидѣтельство о варяжскомъ происхожденіи Руси? И позволительно ли, помимо этого единственнаго письменнаго сви-

вторая же половина 4-го индикта — съ 1-го марта по 31-е авг.—принадлежитъ уже 6605 мартовск. году; а какъ этотъ годъ съ 1-го марта по 31-е декабря совпадаетъ съ январскимъ 1096 годомъ, то очевидно, что съездъ въ Любечѣ и ослѣпленіе Василька, описанные въ лѣтописи подъ 6605 мартовскимъ годомъ, приходятся по январскому численію въ 1096 году, а не въ 1097, къ которому ихъ явно ошибочно относятъ, вслѣдствіе неправильнаго переложенія мартовскаго лѣтосчисленія на январское.

дѣтельства, рѣшать вопросъ о началѣ Руси по своимъ собственнымъ домысламъ и соображеніямъ?... Послѣ вѣковыхъ усилій рѣшить этотъ вопросъ на основаніи догадокъ и предположеній, превратно толкуя или игнорируя лѣтописное сказаніе, послѣ цѣлаго ряда произвольныхъ теорій, порожденныхъ такими усиліями и почти тотчасъ преданныхъ забвенію, кажется пора бы уже убѣдиться въ томъ, что безъ помощи Нестора, никакой исторической геній, будь онъ хоть семи пядей во лбу, не смекнетъ своимъ умомъ, какъ за тысячу лѣтъ до нашего времени зародилось Русское государство.—Съ другой стороны, и самыя сказанія Нестора, въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ нашихъ не тронутыхъ критикою спискахъ, также не представляютъ надежнаго основанія для рѣшенія этой задачи, чему яснымъ доказательствомъ служитъ несостоятельность норманской теоріи, построенной на свидѣтельствѣ такъ-называемыхъ списковъ Нестора. Стало бытъ, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о началѣ Руси, необходимо, и настоятельно необходимо, чтобы критика возстановила подлинный текстъ сказаній Нестора (дѣло, по моему убѣжденію, не невозможное); чтобы она указала, по возможности, въ самыхъ его сказаніяхъ, очищенныхъ отъ позднѣйшихъ вставокъ и искаженій, слѣды тѣхъ первоначальныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался, и объяснила, какъ онъ пользовался ими, то-есть, не перетолковалъ ли онъ, яко человекъ, по невѣдѣнію, то или другое ихъ показаніе ¹⁾. Тогда только можно приступить къ рѣшенію собственно-исторической задачи, тогда можно будетъ уже съ увѣренностію сказать: кто были Варяги и Русь, и какое значеніе имѣли они въ дѣлѣ основанія нашего государства. И тогда несомнѣнно окажется, что первый строитель громаднаго зданія, названнаго по имени его *Русью*, Русскимъ государствомъ, дѣйствительно былъ Варягъ, иноплеменникъ, пришедшій изъ-за моря, или вѣрнѣе—съ моря Варяжскаго; но зданіе онъ заложилъ на славянской почвѣ, изъ славянскихъ матеріаловъ и преимущественно руками славянскихъ рабочихъ, и прежде чѣмъ успѣлъ вывести его фундаментъ, самъ ославянился и Славяниномъ сошелъ въ могилу, передавъ дѣло другимъ зодчимъ; а эти новые зодчіе—нашъ ласковый князь Володимерь, Красное-Солнышко, и сынъ его Ярославъ, были уже прирожденные Славяне. Вотъ почему они,

¹⁾ Образчикъ того, какъ Несторъ иногда распоряжался съ своими источниками, представленъ въ моей замѣткѣ: «Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ—сказка?» См. *Журн. Мин. Нар. Пр.* июль, 1873.

на готовомъ широкомъ фундаментѣ, возвели зданіе не въ готическомъ, а въ славянскомъ стилѣ! И вотъ почему наше государство Славянское.

Въ настоящее время, особенно послѣ ударовъ, нанесенныхъ норманской теоріи г. Геденовымъ, едва ли могутъ оказаться еще такіе ярые норманнисты, которые рѣшились бы отстаивать существованіе гдѣ-то за моремъ, въ IX вѣкѣ, и переселеніе къ намъ, вмѣстѣ съ призванными князьями, какого-то варяжскаго народа Русь; а потому, если вѣковой споръ о Варягахъ и Руси будетъ у насъ продолжаться еще, — спорный вопросъ можетъ быть постановленъ со стороны норманнистовъ не иначе, какъ только въ слѣдующей формѣ: Призваніе князей союзомъ нашихъ сѣверныхъ племенъ изъ-за моря, отъ Варяговъ, и прибытіе съ ними варяжской дружины Русь, состоявшей преимущественно изъ Шведовъ, *историческій ли фактъ, или легенда?*—Я утверждаю, что это фактъ несомнѣнно историческій, засвидѣтельствованный современнымъ, официальнымъ памятникомъ, написаннымъ въ Кіевѣ въ исходѣ IX вѣка и дошедшимъ до лѣтописца въ томъ самомъ видѣ (разумѣю его логическое содержаніе и форму изложенія, а не формы языка), въ какомъ онъ представленъ въ настоящей статьѣ.

Высказывая такую, совершенно новую, неслыханную доселѣ гипотезу, которая, упраздняя и мнѣнія крайнихъ норманнистовъ, и мнѣнія ихъ противниковъ, имѣетъ въ виду проложить новый путь къ окончательному рѣшенію варяжскаго вопроса, я ожидаю возраженій. Въ интересъ науки и истины, для меня было бы даже весьма желательно вызвать предлагаемою статьею серьезные возраженія и замѣчанія компетентныхъ ученыхъ; ибо, какъ говорили древніе: *de controversiis opinionum nascitur veritas*. А все мы, труженики науки, различными путями стремимся къ истинѣ, и каждый, разумѣется, считаетъ свой путь кратчайшимъ и вѣрнѣйшимъ. Оттуда споры и препирательства, весьма полезные для науки и потому всегда желательные, но, къ сожалѣнію, часто задѣвающие наше мелочное самолюбіе, и вотъ—*inde irae*.

Разбирая хронологическія показанія начальной лѣтописи, профессоръ Соловьевъ (т. III, 124—125) между прочимъ замѣчаетъ: „Здѣсь очень любопытенъ также сплошной разказъ подъ однимъ 862 годомъ о призваніи Рюрика, о смерти его младшихъ братьевъ, о раздатѣ

городовъ, объ отпускѣ Аскольда и Дира на югъ". Къ этимъ строкамъ авторъ прибавляетъ въ дополненіяхъ къ VIII тому, стр. 482: „Вездѣ здѣсь явственны слѣды того, что извѣстія о пришествіи князей и утверженіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной разказъ безъ годовъ, которые внесены послѣ; насильственный разрывъ разказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ въ извѣстіи о походѣ Аскольда и Дира на Грековъ: „Рюрику же князю въ Новѣгородѣ— въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374—иде Аскольдъ и Диръ на Греки... и проч.“ Эта мысль, впервые печатно высказанная авторомъ „Исторіи Россіи“, безъ сомнѣнія, представлялась каждому, кто не механически, а съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочитывалъ начальныя хронологическія извѣстія лѣтописца. Что разказъ о началѣ Руси и хронологія его не ладятъ между собою, что они написаны не за-разъ, не въ одно время и не однимъ лицомъ, а разными, что годы поставлены послѣ въ разказѣ уже написанномъ, готовомъ и вовсе не согласованномъ съ годами, которые стоятъ сами по себѣ, особнякомъ, и только затрудняютъ пониманіе смысла и связи,—все это очевидно для всякаго. Спрашивается: когда же и какъ появились въ этомъ разказѣ годы? Разумѣется, не прежде, какъ при внесеніи его въ ту лѣтопись, въ которой событія излагались по годамъ: прежде въ нихъ не было надобности. Слѣдовательно, они поставлены тѣмъ лѣтописцемъ, который назвалъ свой трудъ „Повѣстью временныхъ лѣтъ“, то-есть, разказомъ о событіяхъ въ непрерывномъ послѣдовательномъ порядкѣ годовъ, или погодною повѣстію, и который, отнеся къ 6360 году начало царствованія Михаила и начало имени Русской земли, говоритъ: „тѣмъ же отседѣ почнемъ и числа положимъ“, и затѣмъ, кончивъ свою хронологическую таблицу, снова повторяетъ: „яко же преже почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ, а по ряду положимъ числа“.—А этотъ лѣтописецъ-числопологатель, назвавшій самъ себя въ заглавіи своей „Повѣсти“ черноризцемъ Феодосеева монастыря Печерскаго, былъ Несторъ. Стало быть, извѣстія о Варягахъ, о призваніи князей, о дѣлахъ Рюрика, Аскольда и Дира, о началѣ княженія Олега принадлежатъ не Нестору, то-есть, написаны впервые не имъ, а раньше его, и дошли до него уже въ готовомъ письменномъ памятникѣ, въ сплошной статьѣ, которую онъ разбилъ на части и отдѣльными частями вставилъ въ хронологическую рамку своей „Повѣсти“ въ перемежку съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ. А какъ онъ сначала разказываетъ безъ хронологіи и только съ перваго помина о Русской землѣ начинается

ставить числа, то надо полагать, что въ этой дошедшей до него статьѣ о Руси заключались какія-то данныя, на основаніи которыхъ онъ принялъ 6360 годъ за исходную точку своей хронологіи, и что и самая статья о Руси должна была заключаться въ его „Повѣсти“ отдѣльными кусками между 6360-мъ годомъ и 6393, подѣ которымъ разказъ о дѣлахъ Олега внезапно прерывается словами: „а съ Ульци и Тивьрыци имяше рать“.

Изъ этихъ соображеній рождается вопросъ: не сохранились ли еще и въ нашихъ спискахъ между означенными годами, если не цѣльные куски того сочиненія, которое служило Нестору источникомъ сказанія о началѣ Руси, то хоть какіе нибудь искаженные обрывки его, по которымъ можно было бы, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, когда, гдѣ, съ какою цѣлію или по какому поводу оно первоначально было написано? Сознывая важность рѣшенія этого вопроса, я съ ревностію принялся за дословное сличеніе и разборъ указаннаго мѣста нашей лѣтописи по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ. Для этого, принявъ за основу чтеніе *Радзивиловскаго* и *Трошккаго* (въ новомъ изданіи Лаврентьевской лѣтописи переименованъ въ *Академическій*) списковъ, въ данномъ мѣстѣ вполне сходныхъ между собою, и подведя къ каждой фразѣ, къ каждому слову этой основы варианты изъ всѣхъ прочихъ списковъ, то-есть, указавъ что въ каждомъ изъ нихъ или переименовано, или прибавлено, или пропущено сравнительно съ основнымъ чтеніемъ, я составилъ, во первыхъ *сводный текстъ*, въ которомъ, какъ въ протоколѣ слѣдователя, записалъ и сопоставилъ, по каждому выраженію отдѣльно, всѣ разнорѣчивыя показанія списковъ, какъ единственныхъ свидѣтелей, и затѣмъ приступилъ къ логическому разбору ихъ разнорѣчій или вариантовъ, то-есть, къ разсмотрѣнію: какъ и отчего они могли произойти, почему такое-то мѣсто въ однихъ спискахъ читается такъ, а въ другихъ иначе, и какое изъ разныхъ его чтеній было первоначальное; такъ какъ всѣ они, при всемъ ихъ разногласіи, очевидно, происходятъ изъ одного общаго источника—изъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, или по крайней мѣрѣ, вызваны этимъ источникомъ. Не дозволяя себѣ при этомъ ни малѣйшаго произвола въ умозаключеніяхъ и признавая за первоначальное всегда то чтеніе, которое логически необходимо въ данномъ мѣстѣ, по отношенію къ предыдущему или къ послѣдующему изложенію, и отъ котораго притомъ всего проще и естественнѣе могли произойти всѣ прочія соответствующія ему чтенія, я добылъ такимъ образомъ *очищенный текстъ*, который по ло-

гическимъ законамъ долженъ быть признанъ за подлинный текстъ Нестора, восстановленный изъ разночтеній всѣхъ извѣстныхъ списковъ. Наконецъ, чтобы въ этомъ текстѣ найти слѣды того сплошнаго разгаза безъ годовъ, который служилъ источникомъ лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси, я выключилъ изъ него: вопервыхъ, всѣ годы съ 6360 до 6393 включительно, вовторыхъ, то, что подъ 6360 годомъ несомнѣнно принадлежитъ самому Нестору, то-есть, его объясненіе: „о семь бо увѣдахомъ, яко“... и т. д. вмѣстѣ съ хронологическою таблицею и ея заключеніемъ, и втретьихъ, тексты подъ годами 6366, 6374, 6376 и 6377, выписанные, очевидно, изъ другихъ источниковъ и не имѣющіе нивакого отношенія къ искомой статьѣ. Такимъ образомъ въ остаткѣ оказались отрывки текста, совершенно однородные по содержанію и даже соединенные между собою внутреннею логическою связію, такъ что ихъ не возможно не признать довольно хорошо сохранившимися частями одного логическаго цѣлага, одной связанной статьи, которая только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утратила соединительныя выраженія или словесныя указанія времени, замѣненные въ лѣтописи годами отъ С. М., а въ другихъ—въ весьма не многихъ мѣстахъ—получила незначительные чуждые наросты, легко отпадающіе подъ ножомъ критики.

Подробное, всестороннее разсмотрѣніе этой замѣчательной статьи, скрывавшейся доселѣ въ нашихъ спискахъ подъ толстымъ слоемъ всевозможныхъ искаженій, накопленныхъ вѣками, приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ или положеніямъ.

1) Статья эта вовсе не лѣтописное сказаніе о происхожденіи Руси, составленное по устнымъ преданіямъ, какъ обыкновенно полагаютъ, а древняя офиціальная реляція или донесеніе о Киевской катастрофѣ 6390 (881) года, то-есть, о убіеніи Аскольда и Дира и утверженіи Олега въ Киевѣ,—донесеніе, посланное византійскому правительству отъ его духовной—а вмѣстѣ и политической—миссіи, которая, съ епископомъ во главѣ, какъ извѣстно, находилась въ Киевѣ со времени крещенія Аскольдовой Руси, и которая необходимо должна была сообщить своему правительству о случившемся переворотѣ, опасномъ по своимъ послѣдствіямъ и для миссіи, и для самой Греціи.

2) Авторъ донесенія или тотъ, со словъ котораго оно написано, по всей вѣроятности, былъ крещенный Варягъ, сподвижникъ Аскольда и Дира, современникъ и очевидецъ не только совершившагося въ Киевѣ переворота, но и событій предшествовавшихъ, которыхъ онъ, однако же, касается только въ той мѣрѣ, на сколько это необходимо

для его цѣли, то-есть, для объясненія отношеній Аскольда и Диры къ Рюрику и Олегу. Отъ того краткость и сжатость его извѣстій о Рюрикѣ и сѣверныхъ событіяхъ, и болѣе подробное изложеніе дѣлъ и судьбы первыхъ варяжскихъ влaстителей Кіева, однако съ умолчаніемъ о томъ—объ ихъ походѣ на Царьградъ и крещеніи,—что Грекамъ и безъ того было хорошо извѣстно.

3) Начавъ свое донесеніе не разказомъ о покореніи племенъ сѣверныхъ Варягами и южныхъ Хазарами, а указаніемъ на положеніе тѣхъ и другихъ въ началѣ царствованія Михаила, какъ на слѣдствіе ихъ покоренія (начало явно не лѣтописное), онъ окончилъ его словами: „и обладаетъ Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверяны и Радимичи, а съ Ульци и Тивръци имать рать“. А какъ слова эти, нѣсколько измѣненныя, помѣщены въ лѣтописи подъ 6393 (884) годомъ, то необходимо заключить, что и самое донесеніе было написано въ томъ же году, то-есть, при началѣ войны Олега съ черноморскими Славянами, и было, можетъ-быть, даже вызвано запросомъ византійскаго правительства, встревоженнаго появленіемъ новыхъ враговъ на Черномъ морѣ.

4) При внесеніи въ лѣтопись, этотъ древній памятникъ, насильственно втиснутый въ несвойственную ему хронологическую рамку, необходимо долженъ былъ пострадать больше или меньше. Однако изъ того, что части лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси вовсе не согласованы съ поставленными передъ ними годами, что, напри- мѣръ, разказъ подъ 6367 годомъ—„имаху дань Варязи“... и т. д.—не идетъ ни къ этому, ни къ другому какому-либо году и видимо лишень своего логическаго начала, которое („наченшю Михаилу царствовать, и начася прозывать Руская земля“), стоя одиноко и не встати подъ 6360 г., въ свою очередь нуждается въ этомъ разказѣ, какъ въ своемъ естественномъ продолженіи, удовлетворительно объясняющемъ: какая страна и вслѣдствіе какого явленія стала называться Русскою землею въ началѣ Михайлова царствованія; что подъ 6370 годомъ идетъ сплошное повѣствованіе о цѣлой массѣ послѣдовательныхъ событій, совершеніе которыхъ на самомъ дѣлѣ въ теченіе одного года не мыслимо; что въ этомъ повѣствованіи удержано даже выраженіе „по двю же лѣту“, соотвѣтствующій которому 6372 годъ стоитъ ниже въ ряду пустыхъ годовъ, и что, наконецъ, два извѣстія—о рожденіи Игоря и о смерти Рюрика, хотя и раздѣленныя цѣлымъ рядомъ годовъ, съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ, представляютъ, однако, по своей внутренней связи

одно логическое цѣлое, — изъ всего этого, говоримъ, нельзя не заключить, что лѣтописецъ, зная цѣну своему источнику, дорожилъ не только его содержаніемъ, но и самою формою, которую передавалъ съ религиозною точностію, подлинными словами, что онъ хотя и разбилъ его, согласно съ своею хронологическою системою, на отдѣльныя части, однако нигдѣ не нарушилъ логической связи между его частями; такъ что части эти, освобожденные отъ годовъ и отъ извѣстій, внесенныхъ изъ другихъ источниковъ, равно какъ и отъ нѣкоторыхъ вставокъ позднѣйшихъ компиляторовъ, представляютъ по восстановленному тексту лѣтописнаго сказанія одно стройное цѣлое, одну связную статью, въ которой только въ трехъ мѣстахъ замѣтны собственныя пояснительныя вставки лѣтописца, а въ другихъ трехъ не достаесть для связи словесныхъ указаній времени, замѣненныхъ въ лѣтописи годами.

Все это, разумѣется, необходимо подкрѣпить доводами, подробнымъ и обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ не только лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси, но и всего состава начальной лѣтописи до исхода X вѣка, особенно по отношенію къ ея хронологіи. Это и составляетъ задачу второй части моего сочиненія, изъ которой въ настоящей статьѣ сгруппированы только главные результаты, то-есть, приведенъ восстановленный, подлинный текстъ лѣтописнаго сказанія, но безъ вариантовъ и безъ подробнаго изложенія той процедуры, съ помощію которой онъ восстановленъ. Въ текстѣ влючены въ скобкахъ какъ поставленные Несторомъ годы и пояснительныя вставки, такъ и общія всѣмъ спискамъ вставки компиляторовъ, которыя отличены курсивомъ. Кромѣ того, три фразы, поставленныя въ текстѣ гадательно для связи, также отличены курсивомъ. Такимъ образомъ, изъ этого текста, по выключеніи всего стоящаго въ скобкахъ, ясно выдѣляется та сплошная статья, которую Несторъ отдѣльными сегментами влючилъ въ свою „Повѣсть“ между 6360 и 6393 годами, и которую по самому ея содержанію нельзя не признать за древнюю официальную реляцію о Киевской катастрофѣ, уцѣлѣвшую, вѣроятно, въ черновой или въ копии до временъ Нестора въ архивѣ византійской миссіи въ Киевѣ. Подъ цифрами, поставленными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста, приведены вслѣдъ за текстомъ въ примѣчаніяхъ: а) соображенія и доводы, на основаніи которыхъ указанныя мѣста признаны или позднѣйшими вставками, подлежащими исключенію изъ текста, или вставками самого Нестора, или наконецъ такими, которыя въ Др. спискахъ сокращены или вовсе пропущены, и которыя,

потому, надлежало дополнить по чтенію другихъ списковъ, позднѣйшихъ, и в) доказательства древности и официальности памятника, который служилъ Нестору источникомъ сказанія о Руси и который былъ для него уже не вполне понятенъ, почему мѣстами и пострадалъ въ его передачѣ, что въ особенности замѣтно по именамъ *Варяги*, *Русь* и *Русская земля*, которыя имѣли уже совершенно другое значеніе для Нестора, чѣмъ для древняго автора его источника. Вотъ этотъ древній источникъ:

(Въ лѣто 6360, индикта 15), наченшю Михаилу царствовати, и нача ся прозвати Руская земля; (въ лѣто 6367) *въ се бо время имаху дань Варязи* ¹⁾, приходяще изъ заморья, на Чюди и на Словѣнѣхъ, на Мери и на Веси и Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ, и на Сѣверянѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣй вѣверицѣ отъ дыма. (Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370). *По трехъ же мѣтѣхъ* ²⁾, бывшемъ паки Варягомъ изъ заморья ³⁾, и вѣсташа Кривичи, и Словѣне, и Чудь, и Веси и Мери на Варяги, и изгнаша я за море, и не даша имъ дани; и почаша сами въ себѣ володѣти и города ставити ⁴⁾; и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами собѣ: „пойдемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и радилъ по праву“. И идоша за море къ Варягомъ къ Руси (сице бо тѣи звахуся Варязи Русь, яко се друзи зовутся Свѣе, друзи же Урмани, Англане, друзи Гѣте, тако и си) ⁵⁾, и рѣша Руси Чюдь, и Словѣни, и Кривичи и Веси: „земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжити и володѣти нами“. И избрашася 3 братья съ роды своими, и поаша по собѣ всю Русь, и придоша къ Словѣномъ первое, и срубиша городъ Ладогу, и сѣде въ Ладозѣ старѣйшій Рюрикъ, а другій, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборскѣ Труворѣ. И отъ тѣхъ Варягъ находникъ прозвася Руская земля. (*Новгородци: ти суть мюдѣ Новгородци отъ рода Варяжска, прже бо бѣша Словѣне*) ⁶⁾.

По двю же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворѣ, и пріи всю власть Рюривъ одинъ, и пришедъ ко Илмерю, и сруби городомъ надъ Волховомъ, и прозва ѥ Новѣгородъ, и сѣде ту княжа, и раздан волости мужемъ своимъ и города рубити: овому Польшескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а перьви насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Мери, въ Бѣлѣозерѣ Веси, въ Муромѣ Муроми. И тѣми всѣми обладаше Рюрикъ ⁷⁾.

И баста у него два мужа Аскольдъ и Диръ, не племени его, ни боярина; и та испросиста ся во Царю-городу съ родъмъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градокъ, и въспрошаста рѣкуще: „чій се градокъ?“ Они же рѣша: „была суть тріе братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сѣдѣлаша градокъ съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родъмъ ихъ Козаромъ“. Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многы Варягы съвокушаста и начаста владѣти Полянскою землею, и бѣша ратни съ Древляны и съ Углицы ⁸⁾....

Рюрику же князюшу въ Новѣгородѣ, и роди сынъ и нарече имя ему Игорь ⁹⁾; умершю же Рюрикови, и предасть княжене свое Ольгови, отъ рода ему сущю, въдавъ ему сынъ свой на рудъ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми. (Въ лѣто 6388. Въ лѣто 6389. Въ лѣто 6390). *На третіе же лѣто* ¹⁰⁾ поиде Олегъ поимъ вои многи: Варяги, Чудь, Словѣни, Мерю, Вель, Кривичи, и приде къ Смоленску въ Кривичи, и прии градъ и посади мужъ свой; отътуда поиде внизъ, и въ Любець, и посади мужъ свой. И придоста къ горамъ Кіевскимъ, и увѣда Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ вняжита, похорони вои въ лодьяхъ, а другыя назади остави, а самъ приде нося Игоря дѣтска. И пришу (*подъ Угорское*) ¹¹⁾, похоронивъ вои своя, и присла ¹²⁾ во Аскольду и Дирови глаголя: „яко гости есмы, идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ, къ родомъ своимъ“. Аскольдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочи изъ лодья, и рече Олегъ Аскольду и Дирови: „вы нѣста князя, ни рода княжа“ — вынесоша Игоря, — „а се есть сынъ Рюриковъ“. И убиша Аскольда и Дира, и несоша на гору, и погребоша ѿ на горѣ, (еже ся нынѣ зоветъ Угорское ездѣ нынѣ Ольминъ дворъ ¹³⁾); *на той мѣстѣ поставилъ (?) церковь святого Николу, а Дирова могила за святою Ориною*). И сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: „се буди мати градомъ Русьскимъ“. И бѣша у него Варязи, и Словѣне и прочи, и прозвашася Русью. Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани Словѣномъ, и Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля (*еже и до смерти Ярославъ даяше Варягомъ*) ¹⁴⁾.

(Въ лѣто 6391) ¹⁵⁾ поча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ ѿ, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ. (Въ лѣто 6392) иде Олегъ на Сѣверяны, и побѣди Сѣверяны, и възложи на нь дань легьку, и не дастъ имъ Козаромъ дани платити, рекъ: „азъ имъ противень, а вамъ нечему“. (Въ лѣто 6393). И посла къ Радимичемъ, рѣка:

„кому дань даете?“. Они же рѣша: „Козаромъ“. И рече имъ Олегъ: „не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“. И въдаша Ольгови по щялгу, якоже и Козаромъ даяху. *И обладасть* (=и бѣ обладая) Олегъ Поляны, и Деревляны, и Сѣверяны, и Радимичи, а съ Ульци и Тивьрци *имать* (=имаше) рать ¹⁶).

Обьясненія текста и примѣчанія.

1.

Выше было уже замѣчено, что первая фраза подъ 6360 годомъ и разказъ подъ 6367 годомъ, сами, такъ сказать, притягиваются другъ къ другу, какъ части однородныя, взаимно необходимы одна для другой, которыя только при внесеніи разказа въ лѣтопись утратили внѣшнюю связь, почему мы и связали ихъ выраженіемъ *въ бо время*. Обстоятельнѣе объ этой связи и о причинахъ, побудившихъ лѣтописца разорвать ее, будетъ сказано ниже, по обьясненіи происхожденія и значенія имени *Варязи*.

2.

Здѣсь, по выключеніи годовъ, связь между частями разказа еще очевиднѣе; даже и соединительнаго выраженія: *по трехъ же лѣтъхъ*, почти не нужно.

3 и 4.

Рѣшительно можно сказать, что ни одно мѣсто „Повѣсти“ Нестора не пострадало столько отъ всевозможныхъ искаженій, какъ этотъ разказъ подъ 6370 годомъ, обнимающій рядъ событій отъ возстанія данниковъ и изгнанія Варяговъ до рожденія Игоря включительно. Въ нашихъ Др. спп. онъ въ особенности изобилуетъ явно умысленными пропусками и сокращеніями, что и побудило меня уже въ 1-й части „Опыта“, при разсмотрѣніи извѣстій объ Угличахъ, приступить къ восстановленію первоначальнаго текста Нестора посредствомъ дополненія пропусковъ выраженіями, уцѣлѣвшими въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ. Посему, предложенные тамъ доводы и соображенія, приведены здѣсь безъ перемѣны, въ томъ же порядкѣ, то-есть, начиная не съ изгнанія Варяговъ, а съ выраженія: „и бѣша ратни съ Древляны и съ Угличи“.

Карамзинъ, довѣрившій только древнѣйшимъ спискамъ и потому назвавшій Угличей народомъ *мимимъ*, усомнился, разумѣется, и въ достовѣрности извѣстія о войнѣ Аскольда и Дира съ Древлянами и Угличами, которое потомъ и доселѣ продолжаютъ у насъ игнориро-

вать, единственно только изъ уваженія къ авторитету Карамзина; хотя онъ, впрочемъ, выразилъ свое сомнѣніе весьма осторожно и нерѣшительно, замѣтивъ только (I, прим. 289), что „въ харатейныхъ, вѣрныхъ спискахъ Нестора нѣтъ сего обстоятельства“. Но мы уже видѣли, что наши *Др.* списки, къ которымъ принадлежатъ и бывшіе въ особомъ почетѣ у Карамзина *харатейные* — Лаврентьевскій и сгорѣвшій Троицкій, не вездѣ, по крайней мѣрѣ, оказываются *вѣрными*, а ниже несомнѣнно будетъ доказано, что названіе *вѣрныхъ списковъ Нестора* столь же мало приличествуетъ имъ, какъ и прочимъ нашимъ спискамъ, что въ нихъ встрѣчаются и явно-умышленные передѣлки сказаній Нестора, и пропуски даже цѣлыхъ сказаній, и вставки отдѣльныхъ фразъ и выраженій, очевидно, Нестору не принадлежащихъ, не говоря о неумышленныхъ опискахъ и искаженіяхъ. Посему, одно только отсутствіе въ нихъ упомянутого извѣстія не даетъ еще никакого права ни сомнѣваться въ его достовѣрности, ни отвергать его принадлежность Нестору, особенно когда оно ни въ чемъ не противорѣчитъ прочимъ его извѣстіямъ и не представляетъ ни въ историческомъ, ни въ логическомъ отношеніяхъ ничего сомнительнаго, никакихъ признаковъ позднѣйшей вставки. Конечно, слова: „и бѣша ратни съ Древляны и съ Угличы“ — въ данномъ мѣстѣ не связаны съ предыдущими или съ послѣдующими внутреннею связью и не оказываются здѣсь настоятельно необходимыми, такъ какъ отъ отсутствія ихъ общій логическій смыслъ нисколько не страдаетъ; однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что они здѣсь лишнія. Напротивъ, можно утверждать, что они поставлены совершенно встать и на своемъ мѣстѣ: лѣтописецъ, сказавъ выше, что Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали къ себѣ много Варяговъ и начали владѣть Полянскою землею, тотчасъ затѣмъ, по естественному процессу мысленія, переходитъ въ сужденію о томъ, какъ они владѣли или что дѣлали, владѣя этою землею, и говоритъ, что они вели войну съ Древлянами и Угличами, то-есть, обороняли Полянскую землю отъ враждебныхъ и хищныхъ сосѣдей, которые прежде, какъ въ другомъ мѣстѣ говорить тотъ же лѣтописецъ (*Др.* 7), обижали миролюбивыхъ Полянъ. Слѣдовательно, слова эти, выражая сужденіе, прямо вытекающее изъ предыдущаго, представляютъ совершенно естественное окончаніе разказа о водвореніи Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Выдумать и такъ встать приставить эту фразу къ сказанію Нестора позднѣйшій компиляторъ не могъ имѣть никакой надобности, никакихъ побужденій и даже не имѣлъ къ тому и возможности, такъ какъ ему не откуда было

взять имя *Умичи*, которое въ начальныхъ сказаніяхъ Нестора не упоминается, и которое, вслѣдствіе переселенія этого народа въ другую мѣстность, исчезло уже въ началѣ X вѣка, и слѣдовательно, не могло дойти въ устномъ преданіи даже и до исхода XI вѣка, то есть, до времени Нестора, повѣствующаго о дѣлахъ Аскольда и Дира и вообще о началѣ Руси, безъ сомнѣнія, на основаніи письменнаго памятника.

Но скажутъ, можетъ быть, что и позднѣйшій компиляторъ также могъ пользоваться письменными источниками, только другими, неизвѣстными Нестору. Это можно бы допустить въ такомъ только случаѣ, еслибы между *Др. стт.* съ одной, и *Сф. Ср.* и прочими позднѣйшими, съ другой стороны, существовала въ повѣствованіи о началѣ Руси, и особенно, объ Аскольдѣ и Дирѣ болѣе значительная разность по количеству фактовъ и по способу ихъ изложенія; напримеръ, хоть такая, какая оказывается между *Др. стт.* и списками Никоновскаго сборника или Патріаршими, въ которыхъ ничего не говорится о происхожденіи Аскольда и Дира и объ ихъ прибытіи въ Кіевъ, а встрѣчаются, напротивъ, такого рода извѣстія: „въ лѣто 6372. Убіенъ бысть отъ Болгаръ Осколдовъ сынъ“.— „Того же лѣта (6373) воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сътвориша“.— „Того же лѣта (6375) избиша множество Печенѣгъ Осколдь и Диръ“ (Полн. собр. лѣт. IX, 9). Еслибъ извѣстіе о рати Аскольда и Дира съ Древлянами и Угличами помѣщено было въ числѣ подобныхъ извѣстій, явно не принадлежащихъ Нестору, то его, конечно, надлежало бы признать или выдуманнѣмъ, или заимствованнѣмъ не изъ Нестора, а изъ какого-то другаго источника; но коль скоро оно находится въ такихъ спискахъ, въ которыхъ всѣ прочія извѣстія объ Аскольдѣ и Дирѣ очевидно заимствованы изъ Нестора, и притомъ, помѣщено въ нихъ не отдѣльно, а въ связи съ прочими, въ одномъ цѣломъ сказаніи, то и слѣдуетъ заключить, что оно непремѣнно принадлежитъ къ тому же сказанію Нестора, и что самое сказаніе это, стало быть, вѣрнѣе и исправнѣе передано въ позднѣйшихъ спискахъ, чѣмъ въ древнихъ, въ которыхъ слова: „и бѣша ратни съ Древляны и съ Угличи“—очевидно, пропущены.

Не трудно, кажется, угадать и причину ихъ пропуска. Составитель южнаго лѣтописнаго сборника, отъ котораго происходятъ наши *Др. стт.*, встрѣтивъ у Нестора подъ 6370 годомъ порядочно длинный рядъ послѣдовательныхъ событій и сомнѣваясь—и не безъ основанія—въ возможности совершенія ихъ въ продолженіе одного года,

вѣроятно, заключилъ, что послѣднее изъ этихъ событій—пришествіе князей изъ-за моря, могло случиться въ этомъ году никакъ не раньше осени. Посему и смерть Сянеуса и Трувора, и перенесеніе резиденціи Рюрика въ Новгородъ, какъ событія, случившіяся два года спустя („по двюу же лѣту“) послѣ прибытія князей, онъ долженъ былъ, разумѣется, отнести также къ осени 6372 года, и къ той же осени отнесъ онъ, безъ сомнѣнія, и начало отдѣльной дѣятельности Аскольда и Дира, принявъ (какъ и у насъ доселѣ дѣлаютъ) порядокъ изложенія, очевидно искусственный, за хронологическій порядокъ самыхъ событій. Такимъ образомъ, по его разчетамъ и соображеніямъ оказалось (особенно, если онъ считалъ, какъ вѣроятно, по мартовскимъ годамъ), что Аскольдъ и Диръ, достигнувъ Кіева уже поздней осенью, передъ самымъ рѣкоставомъ, должны были отложить до весны дальнѣйшія приписываемыя имъ дѣйствія; тѣмъ болѣе, что первое изъ нихъ—усиленіе своей дружины толпами Варяговъ, заморскихъ выходцевъ, которыхъ въ Кіевѣ не было, требовало отправленія пословъ, если не за море для созыва Варяговъ, то по крайней мѣрѣ, въ Новгородъ, и слѣдовательно, могло быть начато только по вскрытіи водъ, то-есть, весною слѣдующаго 6373 мартовскаго года. Далѣе, соображая, что посланнымъ пришлось подождать нѣсколько времени въ Новгородѣ, пока Варяги успѣли собраться въ достаточномъ числѣ, и что Варягамъ также нужно было время, чтобы добраться до Кіева, онъ долженъ былъ заключить, что Аскольдъ и Диръ, при помощи собравшихся къ нимъ Варяговъ, могли въ теченіе 6373 года развѣ только утвердить свою власть надъ Полянскою землею, и что имъ, стало быть, до похода на Грековъ, предпринятаго въ слѣдующемъ 6374 году, рѣшительно некогда было *быть ратными*, то-есть, вести войну, имѣть нѣсколько—не менѣе двухъ по крайней мѣрѣ—враждебныхъ столкновеній съ Древлянами, да еще съ *какими-то* Угличами, самое имя которыхъ, какъ народа уже неизвѣстнаго, могло показаться ему также сомнительнымъ, какъ показалось оно и Карамзину. Вотъ почему составитель древняго сборника, по всей вѣроятности и почелъ себя въ правѣ выключить изъ сказанія Нестора слова: „и бѣша ратни съ Древляны и съ Угличи“.

Въ параллель къ этому пропуску и для доказательства, что *Др.* списки не имѣютъ никакого права на названіе *спѣрныхъ стисковъ Нестора*, укажемъ здѣсь изъ того же сказанія о началѣ Руси еще два мѣста, гдѣ въ этихъ спискахъ пропускъ выраженій Нестора осязательно обличается и логикою, и грамматикою.

1) Въ „Поли. собр. лѣт.“ (т. I, стр. 9) напечатано: „и начаста владѣти Польскою землею. Рюрику же княжашу въ Новгородѣ.“

Въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374, иде Аскольдъ и Диръ на Греки“... и проч. Такъ читали это мѣсто и издатель Нестора по Кенигсбергскому списку (въ „Библиот. Росс. историч.“, ч. 1-я), и Тимковскій въ своемъ „Несторѣ по списку мниха Лаврентія“, и Карамзинъ, и другіе, то-есть, всѣ они соединяли придаточное „Рюрику же княжашу въ Новгородѣ съ слѣдующимъ за нимъ главнымъ предложеніемъ *иде Аскольдъ и Диръ на Греки*. Но вѣдь въ такомъ случаѣ и годы, стоящіе между этими предложеніями, должны быть также неразрывно связаны съ ними. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть признанъ пустымъ или голымъ годовымъ числомъ,—годомъ, въ которомъ ничего не случилось, но который поставленъ только для счёту, по обычаю; всѣ они должны имѣть уже опредѣленное значеніе, должны представлять и начальные годы Рюрикава княженія въ Новгородѣ, и годы похода на Грековъ. Но допустить первое не возможно потому, что Рюрикъ, по свидѣтельству тѣхъ же самыхъ *Др.* списковъ, кромѣ *Лвр.*, сперва сѣлъ на княженіе въ Ладогѣ, и только спустя два года, по смерти младшихъ братьевъ, перешелъ въ Новгородъ, слѣдовательно, никакъ не раньше 6372 года; стало быть, 6371 годъ никакимъ образомъ не можетъ принадлежать къ годамъ Рюрикава княженія въ Новгородѣ. Но если даже и положимъ, что лѣтописецъ считалъ Рюрика уже съ самаго его прибытія къ намъ княземъ Славянъ Новгородскихъ, хотя и сидѣвшимъ сначала въ Ладогѣ, и потому выставилъ четыре первые годы его княженія, то какое же отношеніе имѣютъ эти годы къ походу Аскольда и Дира? Или лѣтописецъ не зналъ, въ которомъ именно изъ этихъ годовъ былъ предпринятъ походъ? Если онъ, принявъ, конечно ошибочно, исходъ 6360 мартовскаго года за начало царствованія Михаила, говорить: „иде Аскольдъ и Диръ на Греки, и придоша въ 14-е лѣто Михаила царя“, то очевидно, онъ относилъ походъ именно къ лѣту 6374 мартовскаго года, какъ къ 14-му году Михайлову. Слѣдовательно, три предыдущіе года не имѣютъ ничего общаго съ походомъ, а потому и согласовать стоящее передъ ними придаточное предложеніе съ слѣдующимъ главнымъ *иде Аскольдъ и Диръ на Греки* рѣшительно невозможно, немислимо.

Шлецеръ („Nestor“ II, 215) полагалъ, что въ спискахъ *Ип.* и *Рдз.* это придаточное соединено съ предыдущимъ главнымъ предложеніемъ, и потому перевелъ его такъ: „während dessen als Rurik in Novgorod

regirte“, то-есть, Аскольдъ и Дирь начали владѣть Полянскою землею, *между тѣмъ какъ Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ*. Но славянской дательный независимый, указывающій время событія и разлагаемый посредствомъ нарѣчія *егда* (когда), обыкновенно ставится впереди своего главнаго предложенія. Посему „Рюрику же княжащу въ Новгородѣ“, значить буквально: когда же Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ (*случилось то-то*). Правда, этотъ дательный иногда стоитъ и позади своего главнаго предложенія, напримѣръ: „не очютиша ихъ Половци, Богу съхраняшю ихъ“.—„И придоша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутрени“... (*Др.* стр. 98, 99). Но при подобной конструкціи лѣтописецъ не имѣлъ бы никакой надобности въ союзѣ *же*, а написалъ бы, вѣроятно, такъ: „и начаста владѣти Польскою землею, Рюрику Новгородѣ княжащу“. Слѣдовательно, союзъ *же*, который находится здѣсь рѣшительно во всѣхъ спискахъ, ясно указываетъ, что этотъ дательный независимый относится не къ предыдущему, а къ послѣдующему главному предложенію, что имъ начинается новая рѣчь, новый періодъ. Но съ предложеніемъ „иде Аскольдъ и Дирь на Греки“, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ не можетъ имѣть ни малѣйшей связи. Стало быть, это придаточное ни къ чему не придается, оно стоитъ совершенно одинокимъ и не имѣетъ никакого смысла, никакого значенія. И это, очевидно, отъ того, что главное предложеніе, съ которымъ оно было соединено въ текстѣ Нестора, пропущено въ нашихъ мнимо вѣрныхъ *Др.* спискахъ. Въ спискахъ *Сф.*, *Ср.* и другихъ оно уцѣлѣло, и даже съ наростомъ новѣйшей формаціи, а именно въ *Сф.* спискахъ читаемъ (Полн. собр. лѣт. V, 88): „Рюрику же княжащу въ Новгородѣ, и роди сынъ и нарече имя ему Игорь. *Възрастю же Игореву, и бысть храборъ и мудръ, и бысть у него восвода, именованъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ*“. Что этотъ похвальный отзывъ объ Игорѣ, здѣсь подчеркнутый, какъ явно несогласный со всѣми послѣдующими извѣстіями лѣтописца объ Олегѣ и Игорѣ, представляетъ позднѣйшую вставку—это само собою очевидно и не требуетъ доказательства. Извѣстіе же о рожденіи Игоря, начало котораго находится и въ *Др. стт.*, несомнѣнно принадлежитъ къ подлинному Несторову тексту, изъ котораго слова: „и роди сынъ и нарече имя ему Игорь“—явно пропущены составителемъ древняго сборника, вслѣдствіе хронологическихъ соображеній. Видно, что онъ, написавъ первую фразу, остановился какъ бы въ недоумѣніи, и не рѣшился напи-

сать вторую, разсудивъ, что здѣсь, подъ 6370 или 6372 годомъ, не мѣсто упоминать о рожденіи Игоря, который въ годъ смерти своего отца, въ 6387, былъ еще „дѣтескъ велми“. Къ счастью еще, что этотъ компиляторъ не зачеркнулъ написанной уже фразы, которая, оставшись въ нашихъ *Др. стп.* одинокою, безъ всякой связи, ясно обличаетъ пропускъ и даетъ право возстановить слова Нестора, уцѣлѣвшія въ спискахъ позднѣйшихъ.

2) Вотъ другое мѣсто, въ которомъ текстъ Нестора въ *Др. стп.* сравнительно съ позднѣйшими, очевидно, пострадалъ отъ сокращеній. Подъ 6370 годомъ въ *Др. стп.* (стр. 8) читаемъ: „Изъгнаша Варяги за море“, а въ *Сф.* и во всѣхъ прочихъ, вромѣ *Др.* и *ПС.*, даже и въ *Гст.*, вообще сходномъ съ древними списками, сказано: „Въсташа Кривичи, и Словѣне, и Чудь и Меря на Варягы, и изгнаша я за море“... Спрашивается, въ которомъ изъ этихъ двухъ чтеній уцѣлѣлъ подлинный текстъ Нестора? Неужели въ первомъ?!... Но вѣдь „изъгнаша Варяги за море“ и цѣлый рядъ слѣдующихъ затѣмъ выражений представляютъ одни только сказуемыя безъ подлежащихъ, дѣйствія безъ указанія дѣйствователей; не видно, кто „изъгнаша“, кто „не даша дани“, кто „почаша сами въ собѣ володѣти“ и проч. По правиламъ синтаксиса, при этихъ сказуемыхъ надлежало бы подразумѣвать подлежащее предыдущаго предложенія, а предыдущее предложеніе „Козаре имаху“... и проч. Такъ неужели же Хазары изгнали Варяговъ?!... Можетъ-быть, намъ замѣтить, что мы напрасно придираемся къ словамъ, что здѣсь по общему смыслу сказанія очевидно, кого разумѣлъ Несторъ, что онъ для краткости могъ не поименовать здѣсь уже прежде поименованныхъ данниковъ, и допустилъ, такимъ образомъ, нѣкоторую неточность и небрежность выраженія, довольствуясь тѣмъ, что мысль его понятна читателю. Пожалуй, скажутъ, какъ обыкновенно говорятъ, что „отъ Нестора — монаха XI вѣка, нельзя требовать ученой обдуманности, отчетливости“ и проч. Но соглашаясь съ этимъ, придется допустить, что составитель Софійскаго сборника или другой неизвѣстный компиляторъ, замѣтивъ здѣсь неточность и неясность выраженія, исправилъ и дополнилъ Нестора. Только съ чего же вздумалось этому поправщику присочинить здѣсь цѣлое предложеніе и говорить въ немъ объ общемъ возстаніи всѣхъ данниковъ, и притомъ съ такою правдивостію, выставляя финскія племена на ряду съ Славянами и ставя на первомъ планѣ, во главѣ возставшихъ, не Славянъ-Новгородцевъ, а Кривичей? Мы видимъ, что составитель лѣтописца Переяславле-Суздальскаго дѣйствительно испра-

видѣ недостатковъ своего оригинала, принадлежавшаго къ разряду древнихъ списковъ, только онъ написалъ просто: „изгнаша Словѣне Варягъ за море“. Такъ, безъ сомнѣнія, исправилъ бы и другой компиляторъ, замѣтившій недостатокъ подлежащаго при *изгнаша*. Написать же: „Въсташа Кривичи, и Словѣне, и Чудь, и *Весь* и Мера на Варяги, и изгнаша я за море“ — могъ только Несторъ, и притомо не иначе, какъ на основаніи древняго письменнаго памятника; ибъ въ устномъ преданіи никакъ не могла бы въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ сохраниться съ такою очевидною правдою память о совокупномъ участіи всѣхъ племенъ въ изганіи Варяговъ; честь изганія непременно была бы приписана или исключительно, или по преимуществу Славянамъ Новгородскимъ, какъ это и сдѣлано въ Никоновскомъ сборникѣ, составитель котораго хотя и списывалъ съ „Повѣсти“ Нестора, однако переставилъ имена племенъ, то-есть, написалъ: „Въсташа Словене, рекше Новгородци, и Мера и Кривичи на Варяги, и изгнаша ихъ за море“ (Полн. собр. лѣт. IX, 8). Очевидно, стало быть, что и здѣсь составитель южнаго сборника также сократилъ Нестора, текстъ котораго исправнѣе сохранился въ Софійскихъ и другихъ позднѣйшихъ спискахъ.

Но и чтеніе Софійскихъ списковъ нельзя признать за полный, первоначальный текстъ Нестора. Передъ „въсташа Кривичи“ у него должна была стоять еще какая-то фраза, которою начинался разказъ подъ 6370 годомъ, и искаженные слѣды которой уцѣлѣли, сколько доселѣ извѣстно, въ одномъ только *Рдс.* спискѣ. Шлецеръ въ своемъ „Несторѣ“ (Th. II, 166) читаетъ ее такъ: „Бывша Варяги за моря, и не да имъ дани („*Byvsza Variagy za mogja, i ne da im dani*); а въ такъ-называемомъ „Несторѣ“ по Кенигсбергскому списку она является гадательно исправленною: „Быша Варяги изъ заморья, и не даша имъ дани“. Но странно, что объ этомъ искаженіи ни слова не сказано въ „Полн. Собр. Лѣт.“,—какъ будто оно въ рукописи вовсе не существуетъ (во второмъ изданіи 1872 г. оно указано въ выноскахъ)! Посему, чтобы разгадать его происхожденіе и значеніе, необходимо было обратиться къ подлинной рукописи, и только по внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ особенностей почерка, мнѣ удалось, наконецъ, напасть на слѣдующія примѣты, послужившія основаніемъ для дальнѣйшихъ соображеній: а) въ словѣ „бывша“ буква *в* блѣднѣе и тоньше, такъ-сказать, нѣжнѣе прочихъ, вѣроятно отъ того, что писецъ, какъ бы колеблясь въ нерѣшимости, начерталъ ее менѣе твердымъ почеркомъ; б) послѣ „бывша“ оставленъ

небольшой пробѣлъ, на которомъ можно помѣстить двѣ не широкія буквы того же почерка, или одну, состоящую изъ трехъ вертикальныхъ черточекъ, съ равномъ другъ отъ друга разстояніи, примѣрно букву *ш*, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ оригиналѣ, съ котораго, вѣроятно, скопирована эта фраза, здѣсь было что-то написано, чего переписчикъ не могъ разобрать, и потому оставилъ пробѣлъ; с) надъ *ы* въ имени „варягы“ и надъ *а* въ „не да“ видны, хотя и съ трудомъ, сѣроватыя пятна, которыя можно бы признать произшедшими отъ запачканія рукописи въ этихъ мѣстахъ, если бы чтеніе прочихъ списковъ „не даша“, соответствующее чтенію „не да“ *Рдз.* рукописи, не указывало, что пятно надъ *а* есть остатокъ надстрочной буквы *ш*, почти совершенно стершейся отъ времени, посему и пятно надъ *ы* также должно быть остаткомъ какой-либо надстрочной буквы или знака. Все это ведетъ къ заключенію, что въ томъ древнемъ изводѣ, который служилъ оригиналомъ писцу или составителю *Рдз.* рукописи, вмѣсто искаженія: „бывша Варягы заморья“, должна была находиться фраза, написанная сокращенно, съ надстрочными буквами, и выражавшая первоначально какое-то логически-необходимое сужденіе о заморскихъ Варягахъ, но сдѣлавшаяся непонятною впоследствии, когда мелкія надстрочія стерлись отъ времени, почему она только механически скопирована, и вѣроятно, еще болѣе испорчена въ *Рдз.* рукописи. Чтò же должно было, или чтò можно было сказать о Варягахъ въ этомъ мѣстѣ, въ связи съ тѣмъ, чтò говорится о нихъ выше и ниже? Ниже, какъ мы уже видѣли, въ подлинной рукописи Нестора говорилось о возстаніи на Варяговъ и объ изгнаніи ихъ, а выше одни списки (*Ин.*, *Хл.*, *ПС.*, *ПН.*, *ПШл.* и *Гст*) говорятъ; „Имаху дань Варязи, приходяще изъ заморья на Чуди“.... и пр., другіе же (*Лвр.*, *Рдз.*, *Три.*, *Сф.*, *Ср.*, *Тв.* и *Льв.*): „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чуди“.... и пр. Это послѣднее чтеніе отличается отъ предыдущаго только отсутствіемъ причастія *приходяще*, которое, конечно, легче было пропустить, какъ лишнее, чѣмъ вставить послѣ, какъ необходимое. Лишнимъ оно могло показаться уже по тому соображенію, что если Варяги изъ заморья, то-есть, Варяги заморскіе, жившіе за моремъ, брали дань съ племенъ, жившихъ по сю сторону моря, то само собою уже разумѣется, что это они могли дѣлать не иначе, какъ приходя или пріѣзжая къ нимъ изъ заморья. Но такъ какъ и Варяговъ, пришедшихъ изъ за-морья и поселившихся въ странѣ своихъ данниковъ, также можно, по ихъ происхожденію, назвать Варягами изъ заморья, то выходитъ, что *приходяще* въ дан-

ной фразѣ вовсе не лишнее: оно точнѣе и опредѣлительнѣе выражаетъ мысль, указывая, что Варяги брали дань съ сѣверныхъ племенъ, *приходя къ нимъ для этого изъ заморья*, а у нихъ постояннаго пребыванія не имѣли. А если такъ, то и открывшееся впоследствии возстаніе на Варяговъ и ихъ изгнаніе могли имѣть мѣсто въ такомъ только случаѣ, *когда Варги снова (паки) притимъ за данью изъ заморья*. Итакъ, вотъ та мысль, которая, по связи съ предыдущимъ и слѣдующимъ, логически необходима въ началѣ разказа подъ 6370 годомъ, и которую, еслибъ она не была здѣсь выражена, надлежало бы непременно подразумѣвать. Но искаженіе, уцѣлѣвшее въ *Рдз.* списокѣ, ясно указываетъ, что мысль эта дѣйствительно была выражена у Нестора, и притомъ въ весьма обыкновенной грамматической формѣ, общеупотребительной при указаніи времени событія, а именно дательнымъ независимымъ, написаннымъ съ обычными сокращеніями, т. е., *бывшеѣ паѣ варѣгоѣ изъморѣѣ*. Естественно, что эта фраза, написанная сплошнымъ письмомъ, утративъ стершіяся отъ времени, надстрочныя буквы и другія мелкія черты, сдѣлалась непонятною и потому подверглась искаженію въ *Рдз.* списокѣ, то-есть, изъ *бывшеѣ*, съ присоединеніемъ первой вертикальной полоски отъ слѣдующаго *и*, легко могло составиться *бывша*, вслѣдствіе чего вторая часть *и* и буква *а*, какъ не имѣющія смысла, были пропущены съ оставленіемъ пробѣла; а изъ *варѣгоѣ* и слѣдующаго затѣмъ *і* еще легче могло выйти *варѣгы*, почему послѣднее сокращеніе этой фразы *изъморѣѣ* (т. е., изъ заморья), утративъ начальное *і*, обратилось въ *заморѣѣ*.

Итакъ, начало сказанія Нестора подъ 6370 годомъ не сохранилось въ цѣлости ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ списковъ; первое предложеніе, и то искаженное, уцѣлѣло въ одномъ только *Рдз.* списокѣ, въ которомъ за то два слѣдующія предложенія пропущены, и первое соединено съ четвертымъ, то-есть, „бывшемъ паки Варягомъ изъ заморья, и не даша имъ дани“. Въ другихъ же *Др. стт.* изъ этихъ четырехъ начальныхъ предложеній, пропущены два первыхъ и удержаны третье и четвертое, то-есть, „изгнана Варяги за море, и не даша имъ дани“. Кромѣ того, во всѣхъ этихъ спискахъ пропущены еще извѣстія: о строеніи городовъ, о рати Аскольда и Дира съ Древлянами и Угличами и о рожденіи Игоря. И все это, очевидно, не случайные пропуски, а преднамѣренныя сокращенія первоначальнаго

текста, вызваннаго хронологіей Нестора. Внося въ свою „Повѣсть“ разказъ о Руси, вѣроятно дословный, изъ древняго письменнаго памятника и вставляя среди этого разказа, въ томъ или въ другомъ мѣстѣ по усмотрѣнію, годы „по ряду“, Несторъ здѣсь никакъ не могъ связывать ихъ самими произвольно разрозненными частями разказа, съ поставленными впереди ихъ годами. Въ его рукописи годы, по всей вѣроятности, стояли сами по себѣ, отдѣльно отъ повѣствованія о Руси, по крайней мѣрѣ, годы 6368, 6369 и 6370 должны были стоять въ особой строкѣ, ясно отдѣленные какими-либо знаками отъ слѣдующаго за ними повѣствованія, которое начиналось съ новой строки; заглавною буквою; точно также и годы 6371, 6372 и 6373, безъ сомнѣнія, составляли особую группу, отдѣленную отъ 6374 года, который стоялъ въ началѣ строки передъ разказомъ о походѣ Аскольда и Дира на Гревовъ. Эти двѣ группы годовъ, очевидно, поставлены только для счета времени, и съ помѣщеннымъ между ними сплошнымъ повѣствованіемъ о цѣлой массѣ фактовъ не имѣютъ ни малѣйшей связи. Но составитель южнаго лѣтописнаго сборника, отъ котораго происходятъ наши *Др.* списки, сохранивъ хронологическую рамку Нестора, рѣшился втиснуть въ нее и самое повѣствованіе; а такъ какъ рамка оказалась слишкомъ тѣсною, то онъ обрѣзалъ картину, то-есть, выключилъ изъ текста извѣстія о тѣхъ событіяхъ, которыя, по его соображенію, не могли помѣститься на данномъ пространствѣ времени. Иначе распорядился составитель другаго, сѣвернаго сборника, служившаго родоначальникомъ *Сф.* и другихъ позднѣйшихъ списковъ: выбравъ всѣ пустые годы, въ которые ничего изъ описаннаго подъ другими годами, будто бы, не случилось, и расширивъ такимъ образомъ хронологическую рамку Нестора, онъ призналъ возможнымъ сохранить его повѣствованіе вполне, безъ пропусковъ, потому что не имѣлъ надобности ограничивать дѣйствительное совершеніе всѣхъ событій предѣлами одного только года, подъ которымъ они описаны. Такъ, помѣстивъ подъ 6370 годомъ длинный рядъ послѣдовательныхъ событій, онъ могъ полагать начало ихъ уже въ предыдущихъ годахъ, къ этому же году, вѣроятно, относилъ только посольство къ Варягамъ и прибытіе князей; а слѣдующія затѣмъ событія, начиная отъ словъ „по двою же лѣту“, онъ, безъ сомнѣнія, считалъ событіями, хотя и послѣдовательными, но неопредѣленными хронологически,—и для того, можетъ-быть, и прибавилъ къ извѣстію о рожденіи Игоря свой отзывъ объ этомъ князѣ, чтобъ яснѣе показать, что это извѣстіе, хотя и поставленное передъ 6374

годомъ, не относится ни къ какому опредѣленному году, что это фактъ не хронологическій.

Но пропускъ фразы: „бывшемъ паки Варягомъ изъ заморья“ во всѣхъ спискахъ, кромѣ *Pdz.*, равно какъ и пропускъ въ большинствѣ списковъ причастія „приходяще“ въ первомъ извѣстїи о Варягахъ, вызваны не хронологическими затрудненіями, а другими ошибочными соображеніями. Изъ показанія, что племена, по изгнаніи Варяговъ, „почаша сами въ собѣ володѣти“, составители сборниковъ могли вывести точно такое же заключеніе, къ какому пришелъ и проф. Соловьевъ (Ист. Росс. I, 87), то-есть, что до изгнанія „Варяги не только брали дань съ сѣверныхъ племенъ, но и владѣли у нихъ“; а отсюда неизбѣжно вытекало новое заключеніе, что Варяги, владѣвшіе племенами, должны были и жить среди ихъ. Вслѣдствіе этого, выраженія древняго лѣтописца, указывавшія на Варяговъ, какъ приходившихъ изъ-за моря только для сбора дани, должны были показаться логическою несообразностію, и потому подвергнуться исключенію изъ текста. Но изъ словъ: „почаша сами въ собѣ володѣти“—вовсе нельзя вывести того заключенія, будто Варяги, до ихъ изгнанія, владѣли, то-есть, управляли пятью сѣверными племенами: господство Варяговъ, какъ и русскихъ князей въ первое время, ограничивалось только сборомъ дани; во внутреннія дѣла своихъ данниковъ, въ ихъ взаимныя отношенія, въ ихъ судъ и расправу они не вмѣшивались и никакого верховнаго правительства надъ ними не учреждали. Каждое племя и каждое отдѣльное поколѣніе обширнаго племени, разумѣется, и при Варягахъ, и прежде, и послѣ нихъ пользовалось самоуправленіемъ, распоряжалось свободно своими внутренними, домашними дѣлами; но никакихъ общихъ дѣлъ и взаимныхъ обязанностей, а слѣдовательно—и общей верховной власти, у этихъ племенъ, до изгнанія Варяговъ, еще не было, и не могло быть, такъ какъ они жили отдѣльно другъ отъ друга. Только подъ владычествомъ Варяговъ, принужденные, какъ говорится, тянуть одну лямку, они, вѣроятно, впервые ознакомились и сблизились между собою; а потому съ этого времени, не смотря на ихъ разнородность, между ними начались уже болѣе тѣсныя связи и сношенія, слѣдствіемъ которыхъ было, наконецъ, общее ихъ возстаніе, кончившееся изгнаніемъ Варяговъ за море. Но свергнувъ варяжское иго и сдѣлавшись по прежнему свободными, они не могли уже возвратиться къ прежней разрозненной жизни, если не хотѣли снова утратить своей независимости, только что возстановленной совокупными усиліями. Посему,

съ изгнаниемъ Варяговъ, въ положеніи пяти сѣверныхъ племенъ должна была произойти важная перемѣна: временный союзъ, вызванный общою ненавистію ихъ къ приходившимъ изъ-за моря грабителямъ, обратился въ постоянный—въ федерацію, и изъ выборныхъ отъ каждаго племени составилось верховное правительство для завѣдыванія всѣми общими дѣлами союза; значить, теперь только, въ лицѣ своихъ выборныхъ, всѣ пять племенъ вмѣстѣ (чего прежде не было) „почаша сами въ собѣ володѣти“, и вопервыхъ, „города ставити“, то-есть, строить укрѣпленія, преимущественно въ землѣ Чудской, вдоль морскаго берега и при устьяхъ рѣкъ, для охраненія союзной территоріи отъ новаго вторженія изгнанныхъ Варяговъ. Но уже при выполненіи этой первой общей повинности между членами союза, вслѣдствіе столкновенія частныхъ интересовъ съ общими, обнаружались распри и несогласія; не стало у нихъ правды, охранять которую союзная власть оказалась безсильною, и союзъ рушился среди междоусобій; Меря отдѣлилась, а другія четыре племени вѣрили свою судьбу князьямъ иноплеменнымъ. Таковъ общій смыслъ сказанія, записаннаго подъ 6370 годомъ,—сказанія, несомнѣнно древняго и вполне достовѣрнаго, но до крайности искаженнаго въ нашихъ спискахъ.

5.

Это толкованіе значенія Варяжской Руси, обитавшей за моремъ, никакъ не могло быть написано ни въ исходѣ IX, ни даже въ первой половинѣ X вѣка, то-есть, въ то время, когда эта самая Русь, пришедшая къ намъ изъ-за моря, еще существовала и дѣйствовала въ нашей странѣ и была всѣмъ извѣстна, и когда, слѣдовательно, никому, особенно же автору, который самъ, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ Руси, не могло и въ голову придти толковать ея значеніе, да къ тому же еще говорить о ней въ прошедшемъ времени „сице бо тѣи звахуся“, когда она еще такъ называлась. Стало быть, толкованіе это вставлено послѣ, и никакъ не ранѣе XI вѣка, когда Варяговъ, называвшихся Русью, нигдѣ уже не было, когда пришедшіе къ намъ Варяги-Русь уже ославянились, и утративъ свое отдѣльное существованіе, слились съ массою туземнаго славянскаго населенія, которому сообщили свое имя, и когда вслѣдствіе этого сліянія самое имя *Русь* получило уже совершенно другое значеніе,—стало означать уже нашу славянскую, православную Русь, народъ Русскій, Русское государство. Тогда, разумѣется, и слова: „идоша за море къ Варягомъ къ Руси“ должны были сдѣлаться уже непонят-

ными, требующими объясненія, а потому летописецъ, жившій въ исходѣ XI вѣка, и почелъ своею обязанностію присовокупить къ нему свое толкованіе. Но онъ, какъ видно, и самъ не ясно понималъ уже первоначальное значеніе имени Русь. По его понятію, Русь—особый народъ или поколѣніе Варяжскаго племени, что выражено уже въ его этнографическихъ извѣстіяхъ (Др. стр. 2): „Афетово бо колѣно то Варязи: Свеи, Урмяне, Готе Русь, Англяне“. То же самое толкуетъ онъ и здѣсь: „такъ назывались тогда, въ IX вѣкѣ, тѣ Варяги Русью, какъ вотъ и теперь, въ наше время, другіе Варяги называются Свеями, другіе Урмянами (Норвежцами), Англянами и еще другіе Готами“. Но то ли самое разумѣлъ подъ именемъ Руси древній авторъ, въ сочиненіе котораго, очевидно, вставлено это толкованіе? Еслибъ онъ подъ именемъ Руси разумѣлъ народъ, то могъ ли онъ сказать, что князья „пояша по собѣ всю Русь?“ Развѣ такой фактъ возможенъ? Развѣ можно себя представить, чтобы весь народъ Русь—народъ не кочевой (какихъ за Варяжскимъ моремъ никогда не было), а осѣдлый—рѣшился, безъ крайней необходимости, никѣмъ и ничѣмъ не гонимый, покинуть свою исконную родину, и вслѣдъ за своими князьями, какъ пчелы за маткою, переселиться, съ старцами, съ женами, съ дѣтьми, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, за море, въ страну чуждую и неизвѣстную, единственно только потому, что князьямъ его захотѣлось княжить въ этой чуждой странѣ, надъ чужими племенами?!...

И опять, съ другой стороны, развѣ возможно допустить, чтобы племена, нуждавшіяся въ князьяхъ, и можетъ-быть, въ ихъ дружинахъ для восстановленія наряда и внѣшней безопасности, согласились добровольно, для того только, чтобы имѣть князей, принять вмѣстѣ съ князьями къ себѣ на жительство еще цѣлый иноплеменный народъ, хотя бы и самый не многочисленный? Какъ ни была бы „велика и обильна“ земля ихъ, все же подѣлиться ею съ чуждими пришельцами, и притомъ, предоставить у себя послѣднимъ первенствующее положеніе и даже принять отъ нихъ имя для себя и для страны своей,—это явленіе рѣшительно невозможное, немислимое. Наконецъ, еслибъ случилось такое необычайное событіе, то почему же современный авторъ, повѣствующій о немъ, не только не указываетъ, гдѣ поселился у насъ этотъ заморскій народъ, гдѣ возникли въ нашей странѣ русскія колоніи, но даже во все княженіе Рюрика ни разу не упоминаетъ имени Русь, которое появляется у него только при Олегѣ въ Киевѣ, гдѣ Русью прозываются уже и

Варяги, и Славяне, и прочіе, которые по племени *из Руси*? Не предположить ли, что онъ, можетъ-быть, разумѣеть Русь, со времени ея прибытія къ намъ, подъ общимъ племеннымъ именемъ Варяговъ и поселяеть ее подъ этимъ именемъ въ тѣхъ городахъ, которые Рюрикъ роздалъ мужамъ своимъ? Но, во первыхъ, по самому смыслу сказанія, раздача городовъ и волостей начата была Рюрикомъ только по водвореніи его въ Новгородъ, то-есть, спустя два года послѣ его прибытія изъ-за моря, и произведена была, безъ сомнѣнія, не вдругъ, а продолжалась во все время его княженія, возобновляясь и повторяясь неоднократно, по мѣрѣ приобрѣтенія новыхъ владѣній для раздачи. Чтobyъ отдать кому либо во владѣніе Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ и поселить тамъ Русь подъ именемъ Варяговъ, надо было, разумѣется, сперва покорить эти города, обитатели которыхъ въ призваніи князей не участвовали. Неужели же пришедшій изъ за-моря народъ Русь оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на бивуакахъ, въ ожиданіи, пока приобрѣтены были удобныя мѣста для его поселенія? И воторыхъ, о Варягахъ въ означенныхъ городахъ говорится, что они тамъ „суть находницы“, то-есть, пришельцы, временные постояльцы, не имѣющие прочной осѣдлости. Слѣдовательно, никакихъ колоній, ни варяжскихъ, ни русскихъ, они тамъ не основали. Но если бы, принявъ слово *находницы* въ значеніи новыхъ всельниковъ, мы и допустили, что Русь, дѣйствительно была, подъ общимъ именемъ Варяговъ, поселена въ нашихъ сѣверныхъ городахъ, то откуда же и какъ появилась она на югъ, въ Кіевъ? Туда отъ Рюрика пошли два мужа, Аскольдъ и Диръ, съ родомъ своимъ только, тамъ собрали къ себѣ Варяговъ, а не Русь; потомъ двинулся туда Олегъ, „цощмъ воя многи: Варягы, Чудь, Словѣни“ и проч.; никакого народа, ни Руси, ни Варяговъ, онъ не повелъ съ собою, ибо бывшіе съ нимъ Варяги не народъ, не племя: они составляли часть его воевъ; а между тѣмъ имя Руси слышится въ Кіевѣ уже со временъ Аскольда Дири, и вслѣдствіе ихъ похода на Царьградъ, становится извѣстнымъ и грознымъ для Грековъ. Откуда же взялась эта Русь, которой нѣтъ тамъ, куда она пришла, и которая является тамъ, куда не приходила? Чтo это за таинственный народъ?.. Никакого народа Русь нигдѣ и никогда не бывало, и ни откуда къ намъ не приходило, а пришли въ намъ изъ-за моря князья, три брата „съ роды своими“, и привели съ собою „всю Русь“, то-есть, всю дружину, называвшуюся Русью (Róds), какъ назывался и самый родъ княжескій. Такъ понимали и комментаторы нашихъ позднѣйшихъ

лѣтописныхъ сборниковъ выраженіе „поша по собѣ всю Русь“, которое они совершенно вѣрно передали словами: „поша съ собою дружину многу“. Уже прежде, по поводу толковъ о Литовской Руси, поднятыхъ г. Костомаровымъ, я высказывалъ мнѣніе, заявленное впервые, кажется, Арцыбашевымъ, что Варяги-Русь не народъ, а дружина (см. мою брошюру 1860 г. „Объясненіе сказаній Нестора о началѣ Руси“), и полагалъ притомъ, что и Несторъ подъ именемъ Руси, въ выраженіи „поша по собѣ всю Русь“, долженъ былъ также разумѣть дружину; но теперь, глубже внивувъ въ смыслъ его сказанія, нахожу, что онъ, согласно съ своею этнографическою системою, дѣйствительно считалъ Русь такимъ же особымъ народомъ варяжскимъ IX вѣка, какими въ его время были Шведы, Норвежцы, Англы и Готы. Эта невольная ошибка лѣтописца, ничего, разумѣется, не знавшаго о бытѣ Скандинавовъ IX вѣка, объ ихъ морскихъ дружинахъ и морскихъ короляхъ, отуманила и спутала всѣхъ изслѣдователей нашей начальной исторіи, заставивъ ихъ повсюду искать мнимаго народа Русь, который будто бы проживалъ гдѣ-то за моремъ и оттуда пришелъ къ намъ, вмѣстѣ съ князьями, но котораго, однакоже, до сихъ поръ ни за моремъ не отыскали, ни у насъ на жительствѣ нигдѣ не оказалось. Оказались же у насъ, со времени прибытія князей (и даже раньше, какъ ниже увидимъ) названія *Русь*, *Русская земля* и *русскіе города* и даже съ *матерью*; но первое означало дружину, съ династією, стоявшей во главѣ ея, а второе и третье—всѣ страны и города, покоренные оружіемъ князей и дружины, а вовсе не ту страну, обитатели которой (Чудь, Славяне, Изборскіе Кривичи и Весь) призывали къ себѣ князей добровольно, и разумѣется, на извѣстныхъ условіяхъ, по договору. Что имя *Русь* означало у насъ въ первое время только дружину, а не народъ, не племя,—яснымъ доказательствомъ тому служатъ слѣдующія слова древнѣйшаго памятника, вѣрно списанныя Нестеромъ, хотя и противорѣчащія его собственному толкованію и потому, какъ видно, имъ не понятыя: „и бѣша у него (Олега) Варязи, и Словѣне и прочи, и прозвашася Русью“. Эти слова и у насъ доселѣ толкуютъ неправильно, полагая, вслѣдъ за Шлецеровъ (Nestor III, 72), будто здѣсь говорится о распространеніи русскаго имени на племена, подвластныя Олегу. Нѣтъ, здѣсь рѣчь не о племенахъ, а объ отдѣльныхъ личностяхъ изъ разныхъ племенъ, изъ Варяговъ, изъ Славянъ, изъ Чуди, изъ Кривичей и проч., которыя были у него (Олега), то-есть, въ его дружинѣ, и которыя потому прозвались Русью. „Бѣша у него“ имѣетъ здѣсь совер-

шенно тотъ же смыслъ, какъ выше „бѣста у него (Рюрика) два мужа“. Эти *два мужа*, Аскольдъ и Дирь, принадлежали къ дружинѣ Рюрика, къ Руси, слѣдовательно, они и сами, и родъ ихъ назывались Русью. И вотъ почему и въ Кіевѣ, когда они тамъ утвердились, послышалось уже имя Руси, которое вскорѣ узнали и Греки. Потомъ за этою передовою Русью, явился въ Кіевѣ Олегъ, уже *со всею Русью*, имя которой, какъ дружины, неразлучной съ княземъ, разумѣется, при этомъ случаѣ не было надобности и упоминать. Провозгласивъ Кіевъ столицей Руси, матерью городовъ русскихъ, Олегъ пополнилъ свою дружину новыми членами, которые всѣ также „прозвашася Русью“. Замѣчательно, что кто-то изъ послѣдующихъ компиляторовъ, какъ видно, довольно вѣрно понялъ непонятныя для Нестора вышеприведенныя слова, которыя въ позднѣйшихъ спискахъ читаются такъ: „и бѣша у него *мужи* Варяги и Словѣни и оттолѣ прозвашася и прочіи (= прочіи прозвашася) Русью“. Но еще вѣрнѣе передано ихъ значеніе въ спискѣ *Льв*: „Быша у него *въ службу* Варяги, Словяны и прочіе, иже прозвашася Русь“. Дѣйствительно, имя Русь исключительно *служебное*; племеннымъ оно никогда не было, по крайней мѣрѣ, въ нашей странѣ. У насъ оно, впрочемъ, довольно рано стало означать: 1) территорію, подвластную князю и дружинѣ Русь, то-есть, Русскую землю, и 2) народы, населяющіе эту территорію, и преимущественно славянскія народности, но не въ племенномъ, а въ государственномъ смыслѣ; впоследствии же оно сдѣлалось уже общимъ наименованіемъ всѣхъ разноплеменныхъ обитателей Руси, Русскаго государства.

Н. Ламбинъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ¹⁾.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЕДИНАЯ ГЕРМАНИЯ.

I.

Прусская диктатура въ Шлезвигѣ.—Противоположная политика австрійскаго намѣстника въ Гольштейнѣ.—Австрія заслуживаетъ упрекъ въ потворствѣ революціи.—Соперничающіи стороны приступаютъ къ вооруженію.—Общественное мнѣніе въ Пруссіи противъ войны.—Воинственное настроеніе вѣнской публики.—Конфиденціальная нота австрійскаго кабинета.—Мнѣніе г. Бисмарка о «недвусмысленныхъ угрозахъ».—Отвѣтъ второстепенныхъ государствъ.—Переговоры и союзъ Пруссіи съ Италіею.—Нейтралитетъ Франціи.—Положеніе Россіи.—Г. Бисмаркъ предлагаетъ созвать общегерманскій парламентъ.—Австрія возбуждаетъ Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ.—Мобилизація прусской арміи.—Дѣло о германскомъ парламентѣ на сеймѣ.—Разъясненія г. Бисмарка.—Воинственное настроеніе второстепенныхъ правительствъ.—Рѣшительный шагъ Австріи въ Гольштейнѣ.—Репрессаліи со стороны Пруссіи.—Австрія обращается къ сейму.—Голосованіе 14-го іюня.—Его значеніе и послѣдствія.—Заявленіе прусскаго уполномоченнаго.—Проектъ 10-го іюня.

„Политическая жизнь“, говорилъ нѣкогда г. Бисмаркъ въ назиданіе палатѣ депутатовъ, „есть рядъ компромиссовъ: тамъ, гдѣ онъ прерывается, начинаются конфликты, а конфликты становятся вопросами силы“. Но примѣръ Гаштейнскаго договора, не смотря на нѣкоторыя выгодныя его стороны, врядъ ли свидѣтельствуетъ въ пользу компромиссовъ въ такихъ случаяхъ, когда требуется окончательное рѣшеніе

¹⁾ Продолженіе. См. Журн. Мин. Народ. Просв., январь, февраль, мартъ и апрѣль 1874 года.

вопроса. Означенный компромиссъ не только не устранилъ войны, но сдѣлалъ ее необходимою. Послѣ раздѣла Шлезвигъ-Гольштейна, антагонизмъ между интересами Австріи и Пруссіи выступилъ еще рѣзче, чѣмъ при „совладѣніи“¹⁾.

Прусское правительство твердо рѣшилось не выпускать изъ рукъ Шлезвигъ и постепенно идти къ соединенію его съ Пруссіею, въ той или другой формѣ. Оно расположилось въ этой области на правахъ дѣйствительнаго хозяина, не желавшаго уступать новаго своего владѣнія безъ боя. Генераль Мантейфель принялъ строгія мѣры противъ августенбургской и демократической агитации. Всѣ чиновники, обнаруживавшіе свои симпатіи къ герцогу, были смѣщаемы. Королевскимъ патентомъ были введены строгіе карательные законы, грозившіе тюремнымъ заключеніемъ отъ 5 до 10 лѣтъ за всякую попытку установить въ герцогствѣ другое владычество кромѣ прусскаго. Манифестаціи, сходки, частныя собранія не были допускаемы. Словомъ, въ Шлезвигѣ установился тотъ порядокъ вещей, какой всегда почти при-мѣняется въ завоеванной странѣ, въ первыя минуты послѣ „ввода во владѣніе“, а именно диктатура.

Въ Гольштейнѣ австрійское правительство играло другую роль. Для него обладаніе этимъ герцогствомъ не представляло особыхъ выгодъ, не округляло границъ Австріи и не увеличивало ея могущества. Австрія охотно отдала бы его за всякую другую землю, напримѣръ за Силезію²⁾, или, по крайней мѣрѣ, за дѣйствительную гарантію ея венеціанскихъ владѣній. Въ данную минуту обладаніе Гольштейномъ представлялось ей удобнѣмъ средствомъ вынудить у Пруссіи разныя уступки въ другихъ сферахъ. Уступить Пруссіи Гольштейнъ, но на возможно выгодныхъ условіяхъ—такова, повидимому, была цѣль вѣнскаго кабинета; лучшимъ же средствомъ осуществить эту цѣль было сдѣлать свое сосѣдство невыносимымъ. Пруссія не могла, конечно, смотрѣть равнодушно на либеральную, можно сказать, распущенную администрацію, установленную въ Гольштейнѣ Габленцомъ. Для военной диктатуры у Габленца не было даже надлежащихъ силъ, ибо вся его армія ограничивалась трехъ-тысячнымъ отрядомъ, между тѣмъ

¹⁾ Никто, говоритъ Ламармора, не считалъ Гаштейнскій трактатъ дѣломъ серьезнымъ—договаривающіяся державы могутъ быть менѣе, чѣмъ кто нибудь. См. *«Не много болѣе съты»* и т. д., стр. 60 (франц. перев.).

²⁾ О чемъ и была рѣчь въ теченіе дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ 1866 г.

какъ Мантейфель располагать въ Шлезвигѣ значительнымъ войскомъ. Габленцъ не только не стѣснялъ общественныхъ манифестацій, но повидимому покровительствовалъ имъ; принцъ Августенбургскій спокойно проживалъ въ Гольштейнѣ и дѣйствовалъ въ пользу своей кандидатуры.

Въ январѣ 1866 года въ Альтонѣ собралась сходка въ нѣсколько тысячъ человекъ, постановившая ходатайствовать о скорѣйшемъ созваніи Шлезвигъ-Гольштейнскаго ландтага и заявившая о своей непоколебимой вѣрности Фридриху VIII.

Прусское правительство препроводило въ Вѣну грозную ноту, въ которой упрекало Австрію въ явномъ поощреніи кандидатуры принца Августенбургскаго и „опасныхъ революціонныхъ стремленій“. Г. Менсдорфъ-Пульи не безъ ироніи опровергалъ этотъ послѣдній упрекъ въ нотѣ своей отъ 7-го февраля, но теперь всѣ дипломатическія средства были уже исчерпаны. Оба кабинета понимали, что война, въ ближайшемъ будущемъ, неизбежна и дѣятельно приступили къ вооруженіямъ.

Приготовленія къ войнѣ продолжались нѣсколько мѣсяцевъ, а именно съ февраля по іюнь 1866 г., послѣ чего военныя дѣйствія открылись одновременно, въ различныхъ пунктахъ. Рѣдкая война была такъ непопулярна и рѣдко когда правительство находилось въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ настроеніемъ общества, какъ прусское правительство весной 1866 г. Съ марта мѣсяца постоянно препровождались къ нему адреса, умолявшіе его о сохраненіи мира и даже о перемѣнѣ министерства. По примѣру Кѣльна, многіе города Рейнской Пруссіи и 17 торговыхъ палатъ сдѣлали заявленія въ этомъ родѣ; за симъ послѣдовали адреса отъ Кенигсберга, Штеттина, Кѣслина, Кольберга и Магдебурга. Дѣло не ограничилось этимъ. 7-го мая 1866 г. г. Бисмаркъ едва не сдѣлался жертвою убійцы, дважды выстрѣлившаго въ него изъ револьвера. Преступникомъ оказался молодой человекъ, по имени Юлій Когенъ ¹⁾.

¹⁾ О мирномъ настроеніи прускаго народонаселенія свидѣтельствуютъ писатели, наиболѣе расположенные къ политикѣ г. Бисмарка (что, конечно, ставится ими въ упрекъ націи). То же говорятъ и иностранные очевидцы: генералъ Гагоме писалъ, отъ 2-го апрѣля 1866 г., Ламарморъ, что г. Бисмаркъ встрѣчаетъ оппозицію въ кругу старыхъ дипломатовъ. «Другое затрудненіе исходитъ отъ страны. Не только высшіе, но и средніе классы враждебны или мало расположены къ войнѣ. Что касается арміи, то судя по тому, что мы слышали отъ офицеровъ,—и она не пылаетъ энтузіазмомъ къ войнѣ съ Австріею. Въ ея ря-

Нечего говорить, что прусская палата депутатов была настойчивѣе въ своей оппозиціи чѣмъ когда-нибудь. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ причинъ, она была еще раздражена судебнымъ преслѣдованіемъ депутатовъ Твестена и Френцеля ¹⁾. Сессія открылась 15-го января 1866 г. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій палаты былъ протестъ противъ преслѣдованія депутатовъ; затѣмъ слѣдовали отказъ по дѣлу Лауэнбурга и нѣкоторые протесты по вопросамъ внутренней политики. Правительство успѣло закрыть сессію (23-го февраля), а затѣмъ и вовсе распустить нижнюю палату (9-го мая).

Если прусское правительство встрѣчало оппозицію въ миролюбивомъ настроеніи общества, то въ Вѣнѣ господствовалъ, напротивъ, совершенно иной духъ. Войны тамъ желали, ибо война должна была разрѣшить итальянскій и венгерскій вопросы, принести Австріи Силезію, взамѣнъ Гольштейна, упрочить ея положеніе въ Германіи. Нѣмецкія правительства были расположены въ пользу Австріи больше чѣмъ въ пользу Пруссіи. Всѣ заявленія г. Бисмарка ясно показывали, что „мѣстный суверенитетъ“ долженствовалъ потерпѣть отъ Пруссіи значительный ущербъ и что война, удачная для этой державы, поколеблетъ старое союзное начало въ пользу другаго, прямо ему противоположнаго. Австрія, напротивъ, по самому положенію своему, являлась охранительницею системы второстепенныхъ государствъ. Уже въ мартѣ 1866 г. былъ сдѣланъ опытъ классификаціи нѣмецкихъ государствъ на два лагеря. Графъ Менсдорфъ-Пульи отправилъ во всѣмъ нѣмецкимъ дворамъ, расположеннымъ къ Австріи, секретную депешу, въ которой заявлялось, что австрійское правитель-

дахъ существуетъ скорѣе симпатія къ австрійской арміи... Графъ Бисмаркъ, слѣдовательно, почти изолированъ или, по крайней мѣрѣ, имѣетъ мало поддержки противъ вышеозначенныхъ затрудненій». Назв. соч. стр. 143 и слѣд.

¹⁾ Въ 1865 году депутаты Твестенъ и Френцель напали, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, на нѣкоторые дѣйствія министерства юстиціи. Правительство возбудило противъ нихъ судебное преслѣдованіе, но суды признали себя некомпетентными, такъ какъ оскорбительныя слова были сказаны въ палатѣ и помѣщены въ отчетѣ о засѣданіи, а на основаніи 81 ст. конст. члены палаты не были отвѣтственны за подачу голоса, за *высказанныя же ими мнѣнія* отвѣтствуютъ только предъ палатой. Прокуроръ апеллировалъ къ верховному суду (Obertribunal), который высказался въ пользу правительства, истолковавъ 81 ст. такимъ образомъ, что ею обезпечивалась только свобода *мнѣній* (Meinungen) но не *словъ*, подчиненныхъ контролю общей судебной власти. Это изъясненіе конституціи и основанное на немъ рѣшеніе верховнаго суда было признано нарушеніемъ парламентскихъ привилегій (по предложенію Говербеа) 10-го февраля 1866 г.

ство намѣрено сложить съ себя принятое имъ обязательство „устроить судьбу Шлезвигъ-Гольштейна не иначе какъ по соглашенію съ Пруссією“. Вопросъ о герцогствахъ будетъ переданъ на рѣшеніе сейма, который долженъ подчинить Пруссію своему большинству; для большей же силы „большинства“, австрійскій кабинетъ предлагалъ держать на готовѣ 7—10 корпусовъ союзной арміи, дабы они, вмѣстѣ съ австрійскими войсками, поддержали будущее рѣшеніе сейма. Берлинскій кабинетъ, съ своей стороны, отправилъ къ нѣмецкимъ правительствамъ ноту (24-го марта), въ которой доказывалась необходимость для Пруссіи серьезныхъ гарантій противъ Австріи, настоятельность союзной реформы въ національномъ смыслѣ и польза тѣснаго союза всѣхъ нѣмецкихъ государствъ съ Пруссією. Въ заключеніе нота приглашала дать отвѣтъ на вопросъ: „въ какой мѣрѣ Пруссія можетъ разчитывать на поддержку означенныхъ правительствъ, въ случаѣ нападенія со стороны Австріи, или въ томъ случаѣ, если прусское правительство будетъ вынуждено къ войнѣ не двусмысленными угрозами?“.

Подъ именемъ „не двусмысленныхъ угрозъ“ Берлинскій кабинетъ разумѣлъ обширныя военныя приготовленія, начавшіяся уже какъ въ Австріи, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Саксоніи, руководимой воинственнымъ барономъ Бейстомъ. Въ отвѣтъ на депешу 24-го марта, большинство нѣмецкихъ правительствъ сослалось на 11-ю ст. Союзнаго акта и 19-ю ст. Вѣн. зак. акта, строго воспрещавшія войну между союзными государствами. Конечно, этотъ отвѣтъ не устранялъ „не двусмысленныхъ угрозъ“, въ которыхъ Пруссія, съ своей стороны, принимала дѣятельное участіе.

Когда война становится неизбежною, вооруженія производятся съ двухъ сторонъ и каждая сторона оправдываетъ свои военныя приготовленія такими же приготовленіями своего противника. Пруссія дѣятельно готовилась къ войнѣ. Если въ германскомъ обществѣ и среди нѣмецкихъ правительствъ ея планы встрѣчали мало поддержки, то дипломатическое искусство г. Бисмарка создало ему поддержку въ иностранныхъ государствахъ.

Въ извѣстномъ намъ письмѣ 1859 года онъ жаловался, что прусское правительство не хочетъ воспользоваться благопріятною минутой для улучшенія своего положенія въ союзѣ. Дѣйствительно, вѣшнія условія 1859 года были чрезвычайно благопріятны. Италия и Франція были въ войнѣ съ Австрією; Россія, занятая величайшею изъ когда-либо произведенныхъ реформъ, не расположенная къ Ав-

стрии послѣ событій Крымской кампаніи, склонна была къ дружественному нейтралитету. Но и въ началѣ 1866 года положеніе дѣлъ было благопріятно для намѣреній берлинскаго кабинета. Правда, Италія неохотно помышляла теперь о войнѣ „на свой счетъ“ и разчитывала пріобрѣсти Венеціанскую область или за деньги, или другимъ путемъ, чрезъ посредничество Наполеона III. Но съ другой стороны, Италія охотно присоединилась бы ко всякому врагу Австріи. Это доказывалось тѣмъ, что еще въ 1865 году (до заключенія Гаштейнскаго договора) на вопросъ прусскаго посланника во Флоренціи, г. Узедома, согласна ли будетъ Италія присоединиться къ Пруссіи въ случаѣ войны съ Австріею, — итальянское правительство отвѣчало утвердительно. Во Франціи менѣе всего думали о воинскихъ предпріятіяхъ, особенно послѣ неудачной мексиканской экспедиціи. Тюльерійскій дворъ врядъ ли былъ способенъ даже къ вооруженной демонстраціи. Оставалось, такъ сказать, „оформить“ эти условія, что и было выполнено г. Бисмаркомъ.

Онъ не обманывался значеніемъ Гаштейнскаго договора. Съ осени 1865 года онъ началъ искать себѣ союзниковъ въ однѣхъ державахъ и обезпечивать нейтралитетъ другихъ. Италія была привлечена на сторону Пруссіи скорѣе другихъ. Пруссія оказала ей, во первыхъ, важную услугу заключеніемъ торговаго трактата отъ имени таможеннаго союза, благодаря чему самыя враждебныя Италіи государства — Саксонія и Баварія — должны были признать ее (декабрь 1865 года — февраль 1866 года). Вовторыхъ, какъ мы замѣтили выше, еще въ августѣ 1865 года съ Италіею начаты были переговоры на случай войны. Гаштейнскій договоръ прервалъ ихъ. Но съ конца февраля 1866 года они возобновились съ новою силою при посредствѣ итальянскаго генерала Гавоне, отправленнаго въ Берлинъ съ этою цѣлью. Послѣ многихъ колебаній, обѣ державы заключили, наконецъ, союзный договоръ (8-го апрѣля 1866 года). Главныя постановленія его состояли въ слѣдующемъ: 1) Если предполагаемое соглашеніе съ Австріею и *союзная реформа* не состоится, и прусское правительство принуждено будетъ объявить войну Австріи и ея союзникамъ, то Италія объявитъ войну австрійскому правительству. 2) Ни Италія, ни Пруссія не могутъ оканчивать войны и заключать мира съ врагами безъ взаимнаго соглашенія. 3) Сила этого трактата прекращается, если Пруссія не объявитъ войны Австріи въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ¹⁾.

¹⁾ Исторія этого договора весьма подробно изложена въ книгѣ Дамар-

Отношенія Пруссіи къ Франціи выяснились еще въ концѣ 1865 года. Конечно, употребляя выраженіе „выяснились“, мы не думаемъ сказать, чтобы дворы Берлинскій и Тюльерійскій вступили между собою въ какое-нибудь *соглашеніе* относительно передѣлки карты Европы. Такое соглашеніе врядъ ли существовало, не смотря на то, что о немъ говорили послѣ знаменитой поѣздки г. Бисмарка въ Біаррицъ, гдѣ онъ видѣлся съ Наполеономъ (октябрь 1865 года). Послѣ этой поѣздки стали ходить слухи, что императоръ Французовъ согласился на „исправленіе“ прусскихъ границъ, подъ условіемъ такого же исправленія французскихъ — на лѣвомъ берегу Рейна. Вѣроятно, подобныя переговоры велись въ Біаррицѣ, какъ они положительно велись послѣ знаменитаго свиданія ¹⁾. Но они были на столько неопредѣленны, что сами по себѣ не имѣли никакого вліянія на образъ дѣйствій двухъ державъ. Увѣренность относительно пышныхъ обѣщаній, данныхъ будто бы г. Бисмаркомъ Наполеону III, возникла изъ убѣжденія въ непреодолимой силѣ Франціи: она не могла, казалось всѣмъ, допустить усиленія Пруссіи на востокѣ, не обезпечивъ себѣ достаточнаго вознагражденія на западѣ. Но это мнѣніе о силѣ Франціи врядъ ли раздѣлялось гр. Бисмаркомъ, давно убѣдившимся, по мѣткому выраженію одного изъ нашихъ публицистовъ, въ „прочномъ положеніи французскаго берега“.

Врядъ ли раздѣлялъ это убѣжденіе самъ Наполеонъ III. По крайней мѣрѣ въ событіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ 1866 года, онъ не держалъ себя властнымъ распорядителемъ судебъ Европы, какимъ его всѣ считали. Съ конца 1865 года до іюня 1866 года

моры, стр. 88 и слѣд. Еще до ратификаціи торговаго трактата (конецъ февраля) г. Бисмаркъ пригласилъ итальянское правительство прислать въ Берлинъ довѣренное лицо для соглашенія на случай войны съ Австріею. Генераль Гавоне отправился туда 9-го марта. Первое впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ разговора съ г. Бисмаркомъ, состояло въ томъ, что Пруссія начала переговоры съ Италіею не столько съ цѣлю серьезнаго союза, сколько ради intimidации Австріи, съ которою дѣятельно продолжались переговоры. Сколько видно изъ депешъ, напечатанныхъ Ламармою, Гавону и Барраю стоило большаго труда привести дѣло къ опредѣленному результату.

¹⁾ Сравни ноту гр. Бисмарка къ представителямъ сѣверо-германскаго союза при иностранныхъ дворахъ отъ 17/29 іюля 1870 года, напечатанную въ сборникѣ *Гена*, «Der Krieg Deutschland's gegen Frankreich», стр. 394 и слѣд., и отвѣтъ Бенедетти, тамъ же, стр. 398 и слѣд. Какъ относились оба кабинета къ взаимнымъ предложеніямъ — это другой вопросъ, но въ существованіи дѣятельныхъ переговоровъ не можетъ быть сомнѣнія.

онъ, такъ сказать, спекулировалъ своимъ прежнимъ обаяніемъ въ качествѣ посредника между державами, готовившимися къ войнѣ. Онъ вступалъ въ переговоры то съ Пруссіею, то съ Италіею, которой предлагалъ отъ имени Австріи уладить уступку Венеціи безъ войны, то съ Австріею, то, наконецъ, со всѣми главными державами, ради устройства конгресса. Но онъ не могъ воспрепятствовать Италиі заключить союзъ съ Пруссіею; не удалось ему и разстроить ево. Не даромъ онъ жаловался итальянскому посланнику въ Парижѣ, кавалеру Нигрѣ: „с'était bien la peine de me demander conseil pour faire tout le contraire de ce que je conseillais“¹⁾.

Для г. Бисмарка достаточнымъ ручательствомъ бездѣйствія Франціи служило „положеніе ея берега“ и загѣмъ рѣшительная политика итальянскаго кабинета, связавшаго часть своей страны съ планами союзной реформы въ Германіи. Послѣ того, какъ союзный договоръ былъ подписанъ въ Берлинѣ, императорское правительство не могло уже препятствовать видамъ берлинскаго кабинета, не препятствуя въ то же время объединенію Италиі, то-есть, не вооружая противъ себя разомъ два народа. За симъ веденіе переговоровъ, въ смыслѣ „вознагражденія“ Франціи то лѣвнымъ берегомъ Рейна, то Бельгіею, представлялось дѣломъ безопаснымъ и даже выгоднымъ. Въ свое время эти переговоры открывали Франціи разныя виды на вознагражденіе и склоняли ее къ нейтралитету; впоследствии, въ 1870 году, г. Бисмаркъ напечаталъ черновые проекты французскихъ предложеній, ради доказательства своекористія и макіавелизма этой державы.

Отношенія Пруссіи къ Россіи были особенно дружественны послѣ событій 1863 года, и Пруссія могла вполнѣ разчитывать на нейтралитетъ своей старинной союзницы. Англія все время ограничивалась предложеніемъ посредничества и „добрыхъ услугъ“, не приведшихъ ее ни къ какому результату.

Въ апрѣлѣ 1866 года силы Пруссіи были сосчитаны, отношенія ея къ заинтересованнымъ державамъ улажены и она могла ускорить развязку дѣла въ Германіи. На другой день по заключеніи союзнаго договора съ Италіею, 9-го апрѣля, г. Бисмаркъ, чрезъ прусскаго уполномоченнаго на франкфуртскомъ сеймѣ, г. Савиньи²⁾, внесъ предло-

¹⁾ Ла-Мармора, 201.

²⁾ Карлъ-Фридрихъ Савиньи (Savigny), сынъ знаменитаго юриста Фридриха-Карла Савиньи (1779 — 1861), род. въ 1813 году. Былъ уполномоченнымъ на Франкфуртскомъ сеймѣ съ 1864 года.

женіе о реформѣ союзнаго устройства, при чемъ предлагалъ, чтобы будущая союзная конституція была обсуждена какъ правительствомъ, такъ и общегерманскимъ парламентомъ, избраннымъ всеобщимъ подачею голосовъ.

„Общегерманскій парламентъ“ былъ, конечно, могущественнымъ средствомъ агитаціи противъ правительствъ, враждебныхъ Пруссіи. Онъ и вообще союзная реформа были также однимъ изъ главныхъ средствъ вызвать войну¹⁾. Противъ него у австрійскаго кабинета не было другаго оружія, кромѣ того же Гольштейнскаго вопроса. Дѣйствительно, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ о „всеобщемъ разоруженіи“, австрійское правительство нотою, посланною въ Берлинъ 26-го апрѣля, напомнило о необходимости „окончательнаго“ разрѣшенія Шлезвигъ-Гольштейнскаго вопроса и при томъ на основаніи „несомнѣнныхъ“ правъ принца Августенбургскаго. Если Пруссія, говорилось въ нотѣ, будетъ настаивать на своемъ отказѣ, то императорское правительство будетъ вынуждено передать вопросъ на обсужденіе сейма и созвать также Гольштейнскіе чины. Прусскій кабинетъ напечаталъ въ „Государственномъ Указателѣ“ (Staatsanzeiger) заявленіе, что онъ намѣренъ твердо держаться вѣнскаго мирнаго трактата и Гаштейнскаго договора. Въстѣ съ тѣмъ онъ приступилъ къ мобилизаціи своихъ войскъ. Къ 8-му мая было мобилизовано уже 8 армейскихъ корпусовъ.

Открытіе военныхъ дѣйствій зависѣло теперь, вопервыкъ, отъ отношенія сейма къ прусскому проекту союзной реформы и, во вторыя, отъ образа дѣйствій Австріи по Гольштейнскому вопросу.

Сеймъ приступилъ къ обсужденію прусскаго предложенія 21-го апрѣля. На первый разъ было постановлено передать вопросъ на разсмо-

¹⁾ Ламарморъ, 95. Делепа Гавоне отъ 2/11 марта 1866 года: «Le comte de Bismark formula ses plans de la façon suivante: d'ici à peu de temps, dans trois ou quatre mois, par exemple, remettre sur le tapis la question de la réforme de l'Allemagne, assaisonnée d'un parlement allemand. A l'aide de cette question et de parlement, soulever des complications qui ne tarderaient pas à placer la Prusse en face de l'Autriche. La Prusse se déciderait alors à en arriver à la guerre, et l'Europe ne pourrait faire d'opposition puisqu'il s'agirait d'une question importante et nationale». Затѣмъ: «Quant à faire sortir la guerre uniquement de la question des Duchés d'Elbe, cela lui serait facile; mais faire une aussi grande guerre pour une aussi petite question, ce serait heurter l'opinion de l'Europe, qui trouverait légitime, au contraire, une guerre dans le but de donner à la question allemande une solution large et nationale».

трѣнне особой комиссiи ¹⁾). Министры второстепенныхъ государствъ съѣхались въ Аугсбургъ для обсужденiя своихъ отношенiй къ Пруссiи и ея предложенiю. Они нашли, что послѣднее не заключаетъ въ себѣ *проекта* союзной реформы, что для всѣхъ остается неизвѣстнымъ, чего хочетъ Пруссiя. Въ этомъ отношенiи они были правы. Прусская нота предлагала только созванiе общегерманскаго парламента, не высказывая, что именно будетъ предложено на его разсмотрѣнiе. Отвѣтная нота прусскаго кабинета (27-го апрѣля) не отрицала этого упрека, но указывала на полную невозможность открыть свои намеренiя прежде, чѣмъ сеймъ согласится на созванiе парламента. „Мы представимъ“, гласила нота, „наши предложенiя членамъ союза только тогда, когда созванiе парламента будетъ назначено въ опредѣленный срокъ..... Опредѣленiе срока для открытiя парламента *прежде* обсужденiя проекта реформы правительствами есть ядро, основа нашего предложенiя отъ 9-го апрѣля. Съ устраненiемъ этого вопроса было бы вообще фактически устраниено серьезное обсужденiе союзной реформы“.

Тѣмъ не менѣе, чрезъ нѣсколько дней (11-го мая) г. Савиньи представилъ союзной комиссiи главныя основанiя прусскаго плана. Они состояли въ слѣдующемъ. 1) Въ составъ союзныхъ установленiй входитъ періодически созываемый парламентъ. 2) Парламентъ избирается прямою и всеобщею подачею голосовъ на основанiи закона 1849 г. 3) Компетенцiя парламента распространяется на: а) всѣ вопросы, по которымъ прежняя союзная конституцiя требовала единогласнаго рѣшенiя сейма; б) вопросы, касающiеся указанныхъ въ 64 ст. Вѣнскаго зак. авта „общепользныхъ учрежденiй“. 4) Компетенцiя союзной власти распространяется на многiе предметы, до сихъ поръ не подвѣдомственные сейму, напримѣръ, на устройство таможенной части, торговое законодательство и мѣры къ защитѣ торговыхъ интересовъ, на устройство флота и т. д. 5) При обсужденiи союзной реформы должно обратить вниманiе на лучшее устройство военной части ²⁾.

Нота 27-го апрѣля не успокоила второстепенныя государства; они дѣятельно продолжали свои вооруженiя; палаты усердно вотировали сверхсѣтныя кредиты для военныхъ издержекъ. Не больше успѣха

¹⁾ Изъ уполномоченныхъ Австрiи, Пруссiи, Баварiи, Саксонiи, Ганновера, Виртемберга, Бадена, Гессенъ-Дармштадта и Саксонскихъ герцогствъ.

²⁾ *Клюпфелъ*, назв. соч. II, стр. 29—33.

имѣла прусская политика и въ германскомъ обществѣ. Правда, не большая фракція старыхъ либераловъ, на съѣздѣ въ Галлѣ, заявила свое сочувствіе идеямъ Берлинскаго кабинета, но за то прогрессивная партія и „Народный Союзъ“ громко заявили о своемъ недовѣрїи къ правительству, предлагавшему созваніе общегерманскаго парламента и не признававшему правъ своего собственнаго ландтага.

При этихъ обстоятельствахъ ничто уже не могло устранить войны. Безплодны были попытки сейма найти путь къ мирному разрѣшенію пререканій; столь же бесплодно было предложеніе Россіи, Англии и Франціи разрѣшить вопросъ на конференціяхъ (24-го мая)¹⁾. Вопросъ заключался только въ томъ, когда начнется война и кто сдѣлаетъ первый шагъ.

Австрія рѣшилась сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ. 1-го іюня австрійскій уполномоченный объявилъ сейму, что императорское правительство признаетъ тщетными всѣ свои усилія подготовить согласное съ союзомъ рѣшеніе по Шлезвигъ-Гольштейнскому вопросу, и что оно передаетъ это общегерманское дѣло на усмотрѣніе сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ Габленцу было предписано созвать Гольштейнскій ландтагъ на 5-е іюня. Прусское правительство, въ нотѣ отъ 3-го іюня, заявило, что въ австрійской деклараціи оно видитъ нарушеніе Гольштейнскаго договора. Въ силу такого акта Австрія даетъ Пруссіи право возвратиться къ порядку вещей, установленному вѣнскимъ мирнымъ договоромъ 30-го октября 1864 г., т. е., къ *совладнію* герцогствами. Эти возрѣнія были изложены и въ циркулярной нотѣ къ свернейскимъ державамъ отъ 4-го іюня²⁾. Фактъ „совладнія“ открывалъ для Пруссіи возможность ввести свои войска въ Гольштейнъ,

¹⁾ Конференція европейскихъ державъ, предложенная Россією, Англиєю и Францією, не состоялась вслѣдствіе требованія Австріи, чтобы на ней не было рѣчи о какихъ бы то ни было территоріальныхъ измѣненіяхъ, следовательно, и о Венеціанскомъ вопросѣ. (Нота г. Менсдорфа-Пуля отъ 1-го іюня 1866). Князь Горчаковъ заявилъ, что при такихъ условіяхъ конференція не имѣетъ практической цѣли. Но за мѣсяць предъ тѣмъ (5-го мая) Австрія думала разстроить прусско-итальянскій союзъ уступкою Италіи Венеціанской области, подъ условіемъ приобрѣтенія Силезіи отъ Пруссіи (à la condition, que l'on laisserait l'Autriche libre de se dédommager sur la Prusse), а послѣ (6-го мая) подъ условіемъ простаго нейтралитета (contre la simple promesse de neutralité). Дѣло не состоялось вслѣдствіе того, что Австрія рѣшилась твердо держаться договора съ Пруссією. Ламорфора телеграфировалъ посланнику Миллѣ (въ Парижѣ) c'est une question d'honneur et de loyauté de ne pas nous dégager avec la Prusse.

²⁾ H. Schultze «Einleitung in das deutsche Staatsrecht», стр. 374 и слѣд.

воспрепятствовать замыслам австрийского кабинета и даже вовсе устранить безсильное правительство Габленца. Действительно, 7-го июня генерал Мантейфель вошел в Гольштейн и скоро послѣ того Габленцъ, вмѣстѣ съ принцемъ Августенбургскимъ, покинулъ навсегда эту область (12-го июня).

Австрія обвинила свою соперницу въ „самоуправствѣ“, не дозволенномъ союзною конституціею, и апеллировала къ сейму. Ея предложеніе, отъ 11-го июня, заключало въ себѣ слѣдующіе пункты. Принимая въ соображеніе насильственные дѣйствія Пруссіи, равно какъ и совершившуюся уже въ ней мобилизацію войскъ, императорское правительство полагаетъ, что внутренній миръ въ Германіи можетъ быть сохраненъ только всею военною силою союза. Поэтому сеймъ долженъ бы предписать мобилизацію всѣхъ союзныхъ корпусовъ (кромя прусскихъ) и принять всѣ мѣры для подчиненія Пруссіи союзному рѣшенію. Прусскій уполномоченный протестовалъ противъ австрийскаго предложенія на томъ основаніи, что 1) Шлезвигъ-Гольштейнское столкновение не подлежитъ сужденію сейма, такъ какъ Австрія и Пруссія заняли это герцогство не въ качествѣ членовъ союза, а въ качествѣ великихъ европейскихъ державъ; 2) что еслибы и признать компетентность сейма по данному вопросу, то австрийское предложеніе не согласно съ порядкомъ, указаннымъ въ союзной конституціи для разрѣшенія пререканій между членами союза. Порядокъ этотъ состоитъ въ *судебномъ* изслѣдованіи и рѣшеніи вопроса, причемъ противъ государства, не подчиняющагося приговору суда, можетъ быть назначена экзекуція, порядокъ которой также опредѣленъ союзными законами ¹⁾.

Дѣйствительно, предложеніе Австріи не подходило ни подъ одно изъ средствъ, указанныхъ союзными актами для поддержанія „мира“. Тѣмъ не менѣе 2 (14-го) июня послѣдовало голосованіе сейма въ тѣсномъ совѣтѣ, и большинство высказалось въ пользу Австріи. Именно за предложеніе были: Австрія, Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ, Саксонія, Гессенъ-Дармштадтъ, Кургессенъ, XIII и XIV коллективные голоса; противъ: Пруссія, Люсембургъ, XII, XIV, XV и XVII коллективные голоса. Баденъ воздержался отъ подачи голоса, вслѣдствіе чего, по союзнымъ законамъ, его голосъ былъ присчитанъ къ большинству.

Голосованіе 14-го июня рѣзко раздѣлило нѣмецкія государства со-

¹⁾ См. выше, глава вторая, II, стр. 54 и слѣд.

гласно ихъ австрійскимъ или прусскимъ симпатіямъ. Для ясности необходимо здѣсь анализировать коллективные голоса, такъ какъ отношеніе самостоятельныхъ голосовъ понятно изъ сказаннаго: только Голландія (за Люксембургъ) была на сторонѣ Пруссіи.

Начнемъ съ коллективныхъ голосовъ, высказавшихся въ пользу Австріи. XIII голосъ состоялъ изъ Брауншвейга и герц. Нассаускаго. Первый высказался за Пруссію, второй за Австрію. Но, по установленной очереди (Turnus), рѣшающій голосъ принадлежалъ, въ случаѣ раздѣленія голосовъ, Нассау и потому XIII голосъ былъ причитанъ къ большинству, XVI голосъ принадлежалъ Лихтенштейну, двумъ Рейссамъ, двумъ Липпе, Вальдеку и Гессенъ-Гомбургу. Изъ нихъ Липпе-Детмольдъ, Вальдекъ и Рейссъ м. лин. были противъ австрійскаго проекта. Гомбургъ 24-го марта 1866 г. присоединился къ Гессенъ-Дармштадту ¹⁾. Изъ остальныхъ трехъ голосовъ, голосъ Липпе-Шаумбурга былъ сомнителенъ. Тѣмъ не менѣе представитель XVI голоса вотировалъ за Австрію ²⁾.

XII голосъ — Саксенъ-Веймаръ, Кобургъ-Гота, С. Альтенбургъ, С. Мейнингенъ—былъ поданъ за Пруссію, такъ какъ изъ всѣхъ этихъ герцогствъ только С. Мейнингенъ былъ за австрійское предложеніе. Въ числѣ государствъ, составившихъ XVII голосъ (вольные города) три были за Пруссію (Гамбургъ, Бременъ, Любекъ), одинъ (Франкфуртъ) высказался противъ. Государства, располагавшія XIV и XV голосами—два Мекленбурга, Ольденбургъ, Ангальтъ, два Шварцбурга—издавна были на сторонѣ Пруссіи.

Такимъ образомъ, предъ началомъ войны германскія государства сгруппировались около двухъ соперницъ, согласно своимъ старымъ симпатіямъ.

На одной сторонѣ были: Австрія, Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ, Саксонія, Кургессенъ, Гессенъ-Дармштадтъ, Нассау, Лихтенштейнъ, Рейссъ-Грейцъ, С. Мейнингенъ, Франкфуртъ на Майнѣ.

На другой: Пруссія, Брауншвейгъ, два Мекленбурга, Ольденбургъ, Ангальтъ, два Шварцбурга, Вальдекъ, Рейссъ м. л., Липпе-Детмольдъ и три вольныхъ города.

¹⁾ Последній ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій, Фердинандъ-Генрихъ-Фридрихъ (1846—1866) умеръ безъ потомства, вслѣдствіе чего, по фамильнымъ законамъ, наслѣдованіе перешло въ домъ В. Г. Гессенъ-Дармштадтскихъ.

²⁾ Пруссія оспаривала законность дѣйствій уполномоченнаго отъ XVI куріи.

Вопросъ о мобилизаціи былъ рѣшенъ большинствомъ 9-ти голосовъ противъ 7-ми ¹⁾). Прусскій уполномоченный, съ полнымъ основаніемъ назвалъ мѣру, принятую сеймомъ, не актомъ союзнаго правосудія, а *объявленіемъ войны*, и притомъ не законнымъ, такъ какъ по закону объявленіе войны рѣшалось *in pleno* и большинствомъ ^{2/3} голосовъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ объявилъ, что прусское правительство считаетъ Германскій союзъ распавшимся, слагаетъ съ себя всѣ союзныя обязанности и предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствій. Его примѣру послѣдовали Ольденбургъ, Липпе-Детмольдъ, Ангальтъ, С. Альтенбургъ и друг. *24-ю августа 1866 г.*, послѣ событій великой войны, происходило послѣднее засѣданіе сейма въ Аугсбургѣ, куда бѣжали его остатки, спасая союзныя дѣла и архивы отъ прусскихъ войскъ ²⁾).

Но удаляясь изъ сейма, прусскій уполномоченный заявилъ отъ имени своего правительства, что оно вовсе не намѣрено оставлять вопроса о политическомъ единствѣ Германіи. „Е. В. король“, гласило заявленіе, „не желаетъ видѣть поколебленными, съ прекращеніемъ нынѣшняго союза, тѣ національныя основы, на которыхъ былъ учрежденъ союзъ. Напротивъ, Пруссія твердо стоитъ за нихъ и за единство Нѣмецкаго народа, возвышающееся *надъ преходящими формами*, и считаетъ непремѣнною обязанностью германскихъ государствъ найти пригодное выраженіе для этого единства. Съ своей стороны, она предлагаетъ при семъ начало *новаго*, соответствующаго условіямъ времени, соединенія (*Einigung*) и объявляетъ о готовности своей заключить, на началахъ, измѣненныхъ такою реформою, *новый союзъ*“

¹⁾ Въ голосованіи 14-го іюня участвовало 16-ть голосовъ, такъ какъ 17-й (за Гольштейнъ-Лауэнбургъ) былъ приостановленъ.

²⁾ Подъ влияніемъ дѣйствій 1866 г. (см. ниже) сеймъ, такъ сказать, распался къ 24-го августа. Значительное число германскихъ государствъ вышли изъ него, за долго до формальнаго его закрытія. Этотъ выходъ совершился въ слѣдующемъ порядкѣ: 21-го іюня Ольденбургъ и Липпе-Детмольдъ; 23-го Саксенъ-Альтенбургъ; 23-го Ангальтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ и Вальдекъ; 29-го Шварцбургъ-Рудольштадтъ, Шаумбургъ-Липпе, Временъ, Гамбургъ и Любекъ; 1-го іюля Кобургъ-Гота, Рейссъ м. д. и Мекленбургъ-Шверинъ; 5-го Саксенъ-Веймаръ; 26-го Саксенъ-Мейнингенъ; 2-го августа Баденъ; 4-го Брауншвейгъ. За выходомъ этихъ государствъ, у сейма не было потребнаго числа голосовъ для законности его рѣшеній. На послѣднемъ засѣданіи, 24-го августа, присутствовали уполномоченные Австріи, Баваріи, Саксоніи, Ганновера, Виртемберга, Гессенъ-Дармштадта и Нассау. Ср. *Шулице*, наз. соч., стр. 398 и слѣд. *Thudischim*, Das Verfassungsrecht des Norddeutschen Bundes, стр. 3.

съ тѣми изъ нѣмецкихъ правительствъ, которыя пожелають содѣйствовать ей въ этомъ“.

Пруссія отривалась, слѣдовательно, отъ одной изъ „преходящихъ формъ“ нѣмецкаго единства, то-есть, отъ стараго союза. Теперь рѣчь шла уже не о *реформѣ* союза, какъ въ 1861, 1863 и началѣ 1866 г., но объ учрежденіи союза *новаго* и на другихъ началахъ. Эти начала были изложены въ проектѣ федеральнаго устройства, доставленномъ во Франкфуртъ за день до того, какъ Австрія внесла свое предложеніе о всеобщемъ вооруженіи противъ Пруссіи, именно 10-го іюня 1866 г. Во главѣ ихъ было поставлено „исключеніе Австріи“ изъ будущаго союза. Остальныя части проекта, въ общихъ чертахъ, соотвѣтствуютъ началамъ конституціи Сѣверо-Германскаго Союза. Война должна была рѣшить участь проекта 10-го іюня ¹⁾).

II.

Классификація воюющихъ сторонъ.—Война начинается раньше ея объявленія.—Ультиматумъ Ганноверу, Кургессену и Саксоніи.—Ихъ отказъ.—Прусскія войска вступаютъ въ области этихъ государствъ.—Военныя силы Пруссіи и Австріи.—Театръ войны перенесенъ въ Богемію.—Успѣхи Пруссіи.—Никольбургское перемиріе и его условія.—Исходъ войны въ южной Германіи.—Планы Пруссіи.—Созваніе ландтага.—Разрѣшеніе пререканія.—Территориальныя приобрѣтенія Пруссіи.—Объемъ прочихъ государствъ сѣверной Германіи.—Предварительный договоръ 18-го августа и его значеніе.—Проектъ союзной конституціи; его содержаніе и характеръ.—Созваніе союзной Думы.—Тронная рѣчь.—Партія въ парламентѣ и ихъ отношеніе къ проекту.—Идеи національно-либеральной партіи.—Рѣчь г. Микеля.—Клерикали.—Рѣчь г. Маллинкродта.—«Прусскій сепаратизмъ»; рѣчь г. Михеліса.—Протестъ г. Бонтаа.—Окончательное голосованіе.—Провозглашеніе сѣверо-германской конституціи.

Голосованіемъ 14-го іюня война фактически была объявлена. Кто же были воюющія стороны? Повидимому, Пруссія — съ одной, и Германскій союзъ — съ другой стороны; но прусское правительство, объявивъ союзъ не существующимъ, смотрѣло на этотъ вопросъ иначе. Война, съ его точки зрѣнія, возникала, вопервыхъ, между Пруссією и Австрією; вовторыхъ, между Пруссією и каждымъ изъ государствъ, ставшихъ на сторону Австріи при голосованіи 14-го іюня, если они не займутъ противоположныхъ намѣреній, по крайней мѣрѣ

¹⁾ Проектъ 10-го іюня помѣщенъ въ сборникѣ Bezold'a: Materialien der Deutschen-Reichsverfassung, I, стр. 64 и слѣд.

въ смыслѣ нейтралитета; въ-третьихъ, каждое изъ государствъ, высказавшихся за Пруссію, могло при предстоящей войнѣ заключить съ нею союзъ. Такъ и поступили Ольденбургъ, Савсенъ-Альтенбургъ и друг.

Но формальное объявленіе войны между Австрією и Пруссією послѣдовало только 17-го и 18-го іюня ¹⁾. До тѣхъ поръ Германскій союзъ находился въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи. Ни одно изъ государствъ, кромѣ Пруссіи, не смотря на давно начавшееся вооруженіе, не успѣло, какъ слѣдуетъ, приготовиться къ войнѣ. Только Пруссія выступила во всеоружіи и успѣшила воспользоваться каждымъ днемъ для упроченія своего стратегическаго положенія.

Территорія четырехъ государствъ, а именно, Ганновера, Кургессена, Нассау и Саксоніи, представляла для нея высокую важность съ стратегической точки зрѣнія. 15-го іюня правительства этихъ государствъ получили отъ Пруссіи ультиматумъ, содержаніе коего сводится къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ: 1) они приглашаются соблюдать нейтралитетъ и немедленно поставить свои арміи на мирную ногу; 2) приглашаются выразить свое согласіе на реформу союза, предложенную Пруссією 10-го іюня; 3) съ своей стороны Пруссія гарантируетъ имъ цѣлость ихъ территоріи и державныя права, согласныя съ началами будущаго союзаго устройства; 4) отказъ ихъ будетъ признанъ за объявленіе войны.

Правительства, о которыхъ идетъ рѣчь, отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Пруссія не замедлила привести въ исполненіе свою угрозу. 16-го іюня, въ тотъ день, когда сеймъ еще обсуждалъ во Франкфуртѣ вопросъ о формальномъ объявленіи войны, прусскія войска двинулись на Ганноверъ, Кургессенъ и Саксонію. Значеніе этихъ движеній было различно. Ганноверъ и Кургессенъ необходимо было занять для обезпеченія военныхъ дѣйствій противъ южно-германскихъ государствъ; занятіе Саксоніи отрывало доступъ къ Богеміи, гдѣ были сосредоточены австрійскія силы подъ начальствомъ Бенедекка ²⁾.

17-го іюня прусскія войска вступили въ столицу Ганновера; король бѣжалъ изъ государства, а войска его собрались въ Гёттингенѣ. Они

¹⁾ 17-го іюня австрійскій императоръ издалъ манифестъ къ своимъ народамъ, а 18-го прусскій король объявилъ войну Австріи. Дипломатическія сношенія между этими двумя державами прервались еще 12-го іюня.

²⁾ Лудвигъ е. Бенедекъ, род. въ 1804 г., участвовалъ въ войнахъ 1848—1849 и 1859 гг.

вышли отсюда для соединенія съ баварскою арміею (20-го іюня), но послѣ битвы 27-го іюня при Лангензальцѣ ¹⁾ принуждены были канигулировать на всей волѣ Пруссіи. Король Георгъ V удалился въ Вѣну, оставивъ все свое государство въ полной власти Пруссіи. Кургессенъ былъ занятъ генераломъ Бейеромъ, вступившимъ 19-го іюня въ Кассель, а кургессенская армія удалилась безъ боя для соединенія съ 8-мъ союзнымъ корпусомъ. Курфиреть былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Штеттинъ ²⁾. Между тѣмъ какъ Ганноверъ и Кургессенъ были заняты отдѣльными отрядами, Саксонія угрожала вся прусская армія, двигавшаяся по направленію къ Богеміи.

Главные силы Пруссіи, предназначенныя для борьбы съ Австріею, были раздѣлены на три части: 1) Эльбскую армію (40.000), находившуюся подъ начальствомъ генерала Герварта фонъ-Биттенфельда ³⁾; она составляла правое крыло. 2) Центромъ служила первая армія (100.000 чел.), подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла. 3) На лѣвомъ крылѣ находилась армія наследнаго принца изъ 116.000 ч. ⁴⁾. Къ этому должно присоединить резервъ и часть мобилизованнаго ландвера. Въ общемъ итогъ прусская армія состояла изъ 280.000 человекъ хорошо концентрированной массы, тогда какъ въ распоряженіи Австріи, вмѣстѣ съ саксонскими войсками (25.000), было 270.000 чел., разбросанныхъ, благодаря нераспорядительности Бенедека, на довольно большомъ пространствѣ.

16-го іюня Эльбская армія вступила въ Саксонію, 18-го іюня заняла Дрезденъ, а 20-го, вмѣстѣ съ арміею Фридриха-Карла, овладѣла всѣмъ королевствомъ. Конечно, выраженіе „овладѣла“ въ данномъ случаѣ не точно. Саксонская армія, подобно Ганноверской и Кургессенской, уступила страну безъ боя. Она спѣшила соединиться съ Австріяцами; вмѣстѣ съ войскомъ выгальи и король ⁵⁾.

Пока Пруссія упрочивала свое положеніе и переносила центръ военныхъ дѣйствій изъ своихъ земель въ области своихъ враговъ,

¹⁾ Langensalza теперь уезд. городъ Эрфуртскаго округа.

²⁾ Stettin, окружн. городъ прусск. провинція Помераніи, первоначальная крепость.

³⁾ Эбергардъ Гервартъ фонъ-Биттенфельдъ, род. въ 1796 г.; ветеранъ 1813 и слѣд. годовъ. Съ 1870 г. фельдмаршалъ.

⁴⁾ Сынъ Карла, младшаго брата Вильгельма I, род. въ 1828 г.

⁵⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ, наследный принцъ прусскій, род. въ 1831 г.

⁶⁾ Престарѣлый (нынѣ покойный) король Іоаннъ, братъ короля Фридриха-Августа II. Вступилъ на престолъ въ 1854 г.

послѣдніе рѣшились, наконецъ, объявить ей войну. Но и послѣ того Бенедекъ сохранилъ выжидательное положеніе. Враги сами напали его, вступивъ 23-го іюня въ Богемію. Съ этого времени началась война въ настоящемъ смыслѣ слова, и началась въ двухъ пунктахъ: въ Богеміи и на итальянской границѣ. Италия объявила войну Австріи 20-го іюня, и 22-го ея войска перешли чрезъ Минчіо. Въ южно-германскихъ государствахъ война разыгралась послѣ того, какъ въ Богеміи она была близка къ окончанію.

Извѣстно, что военное счастье Италиі въ этой борьбѣ было не велико. Австрійскія войска наносили ей пораженіе за пораженіемъ и на сушѣ и на морѣ. Если бы единство Италиі зависѣло отъ ея собственныхъ силъ, вѣроятно Венеціа оставалась бы еще и теперь подъ австрійскимъ владычествомъ. Но исходъ борьбы разрѣшился не на По и Минчіо, а въ областяхъ Богеміи. Здѣсь успѣхъ прусской арміи превзошелъ всякія ожиданія.

Австрійская армія была быстро ослаблена въ частныхъ сраженіяхъ при Траутенау, Скалицѣ и друг. Наконецъ 3-го іюля произошла рѣшительная битва при Садовой¹⁾. Австрійцы потерпѣли страшный разгромъ. Они потеряли 22.000 убитыми и ранеными, 18.000 плѣнными, 174 пушки и 11 знаменъ. Прусская армія двинулась на Вѣну. Австрійскія войска претерпѣвали пораженіе за пораженіемъ, и вѣроятно миръ былъ бы подписанъ въ столицѣ имперіи, если бы не дипломатическое вмѣшательство Наполеона III.

Задача императора Французовъ, не предусмотрѣвшаго быстрое возвышеніе Пруссіи, состояла теперь въ томъ, чтобы по возможности ослабить послѣдствія военныхъ ея успѣховъ. Возможность новыхъ усложненій въ борьбѣ заставила Пруссію нѣсколько ограничить свои планы. Во всякомъ случаѣ Берлинскій кабинетъ твердо отстаивалъ *ближайшіе* и, въ данную минуту, существеннѣйшіе результаты своихъ подвиговъ, а именно: 1) исключеніе Австріи изъ Германіи; 2) инкорпорацию Шлезвигъ-Гольштейна; 3) округленіе своихъ границъ на сѣверѣ Германіи и 4) образованіе новаго союза. Уступкою въ пользу Франціи и Австріи служили: 1) цѣлость австрійской монархіи, кромѣ Венеціи, уступленной Италиі²⁾; 2) цѣлость королевства Саксонскаго³⁾;

¹⁾ Деревня подлѣ г. Кенигсгреца въ Богеміи. Нѣмцы называютъ эту битву по имени города.

²⁾ Императоръ Австрійскій уступилъ Венецію Наполеону III, а послѣдній передалъ ее Италиі.

³⁾ Государства наиболѣе враждебнаго прусской политикѣ, благодаря Бейсту-часть CLXXIII, отд. 2.

3) обязательство возвратить Даніи сѣверный Шлезвигъ, если народонаселеніе, путемъ всеобщаго голосованіи, выскажется въ пользу этого предложенія ¹⁾, и 4) признаніе Майна раздѣльною чертою между будущимъ Сѣверо-Германскимъ союзомъ и южными государствами, коимъ должна быть предоставлена свобода соединиться въ отдѣльный союзъ ²⁾. На этихъ началахъ были заключены предварительныя мирныя условія въ Никольсбургѣ 26-го іюля ³⁾ и, наконецъ, мирный договоръ въ Прагѣ 23-го августа.

Въ теченіе іюля рѣшилась судьба и остальныхъ государствъ. Силы ихъ состояли, во первыхъ, изъ баварской арміи (50.000 ч.) подъ начальствомъ престарѣлаго принца Карла ⁴⁾ и, вторыхъ, изъ 8-го союзнаго корпуса, подъ начальствомъ принца Александра Гессенскаго ⁵⁾. 8-й корпусъ былъ сформированъ изъ 14.000 Виртембергцевъ, 12.000 Баденцевъ, 10.000 Гессенцевъ, 9.000 Кургессенцевъ, 5.000 Нассаусцевъ и 12.000 Австрійцевъ—всего 62.000 чел. Пруссія, сосредоточившая свои главныя силы въ Богеміи, могла выставить противъ нихъ всего 50.000 человекъ, подъ начальствомъ энергическаго

¹⁾ См. Ист. Пражскаго трактата: «S. M. l'Empereur d'Autriche transfère à S. M. le Roi de Prusse tous les droits que la paix de Vienne du 30 octobre 1864 lui avait reconnus sur les duchés de Schleswig et de Holstein, avec cette réserve que les populations des districts du Nord du Schleswig seront de nouveau réunies au Danemark, si elles en expriment le désir par un vote librement émis» (ст. 3 ст. Никольсбургскаго договора). Эта статья еще не исполнена до настоящаго времени.

²⁾ См. 4 ст. Пражскаго трактата: «S. M. l'Empereur d'Autriche reconnaît la dissolution de la confédération germanique, telle qu'elle a existé jusqu'ici, et donne son assentiment à une nouvelle organisation de l'Allemagne sans la participation de l'Empire d'Autriche. S. M. promet également de reconnaître l'union fédérale plus étroite qui sera fondée par S. M. le Roi de Prusse au nord de la ligne du Main, et déclare consentir à ce que les états Allemands situés au sud de cette ligne contractent une union, dont les liens nationaux avec la Confédération du nord de l'Allemagne feront l'objet d'une entente ultérieure entre les deux parties, et qui aura une existence internationale indépendante» (ст. 2 ст. Никольсбург. догов.).

³⁾ Городокъ въ Моравіи, съ замкомъ князей Дитрихштейновъ, отъ которыхъ онъ перешелъ къ Менсдорфу-Шульи.

⁴⁾ Сынъ герцога Максимилиана-Иосефа Баварскаго, род. въ 1795 г. Ветеранъ 1814 г.

⁵⁾ Сынъ Лудвига II, в. г. Гессенъ-Дармштадтскаго, род. въ 1823 г. Началъ свою службу въ русской арміи, на Кавказѣ. Затѣмъ поступилъ въ австрійскую армію.

генерала Фогеля-фонъ-Фолькенштейна ¹⁾, съ присоединеніемъ контингента отъ Саксенъ-Кобурга и Липпе-Детмольда въ 3.000 ч. Не смотря на это, плохая организація союзной арміи, отсутствіе единства и общаго плана дѣйствій, предвѣщали успѣхъ Пруссіи. Фогель-фонъ-Фолькенштейнъ разбилъ сначала, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, баварскій корпусъ и отбросилъ его за Майнъ; затѣмъ подобная же участь постигла 8-й корпусъ, которому не удалось отстоять Франкфуртъ. 16-го іюля прусскія войска заняли этотъ городъ, обложенный ими немедленно тяжкою контрибуціею, Нассау и часть Гессенъ-Дармштадта, по сію сторону Майна. Задачу Фогеля-фонъ-Фолькенштейна, послѣ того какъ онъ былъ отозванъ отъ начальствованія надъ Майнскою арміею, продолжалъ генералъ Мантейфель. Съ новыми, полученными имъ подкрѣпленіями, онъ успѣшно вытѣснилъ союзныя войска изъ всѣхъ пунктовъ. Послѣ Нивольбургскаго перемирія, Пруссія могла угрожать своимъ соперникамъ на Майнѣ еще бѣльшими силами. Паническій страхъ овладѣлъ правительствами и обществомъ. Последнее громко требовало мира. 2-го августа воюющія стороны заключили перемиріе, и затѣмъ, до начала сентября, мирныя договоры слѣдовали одинъ за другимъ ²⁾.

Теперь Пруссія могла приступить къ организаціи союза „на всей своей волѣ“ и — о чемъ она заботилась прежде всего, — приобрести границы, „необходимыя для здороваго государственнаго тѣла“. Мы рассмотримъ результаты войны 1866 года прежде всего относительно Пруссіи, сдѣлавшейся теперь не только главою Германіи, но материальною основою германскаго единства.

Пражскій миръ отдавалъ сѣверную часть Германіи въ полное распоряженіе Пруссіи. Послѣ катастрофы при Кѣнигсгрецѣ, далеко не всѣ сѣверныя государства могли разчитывать на продолженіе своего самостоятельнаго существованія; далеко не для всѣхъ готовился и будущій союзъ. Только *мелкія* владѣнія, подавшія 14-го іюня голосъ за Пруссію, сохранили свою независимость; *второстепенныя*, всегда составлявшія оппозицію прусской политикѣ, должны были (за исключеніемъ Саксоніи), исчезнуть изъ списка германскихъ державъ. Таковы были: Ганноверъ, Кургессенъ, Нассау и Франкфуртъ. Къ нимъ

¹⁾ Vogel von Folckenstein, род. въ 1797 году, участвовалъ въ войнѣ 1813 и слѣд. годовъ.

²⁾ А именно 13-го августа 1866 г. съ Виртембергомъ; 17-го августа съ Баденомъ; 22-го августа съ Баваріею; 3-го сентября съ Гессенъ-Дармштадтомъ.

было вполнѣ примѣнено начало *завоеванія* ¹⁾. По плану правительства, они должны были войти въ составъ прусской монархіи. Та же участь предстояла и Эльбскимъ герцогствамъ, на основаніи Пражскаго трактата.

Конечно, примѣненіе завоевательнаго начала къ независимымъ до сихъ поръ государствамъ должно было встрѣтить противодѣйствіе, во первыхъ, въ ихъ народонаселеніи, во вторыхъ въ прусской палатѣ депутатовъ, если послѣдняя желала оставаться вѣрною высказанному ей принципу, что соединеніе государствъ требуетъ согласія ихъ народовъ.

Депутация отъ Ганновера представила королю Вильгельму адресъ съ просьбою сохранить независимость этого королевства; Франкфуртъ также не хотѣлъ и слышать о присоединеніи къ Пруссіи, но правительство твердо рѣшилось осуществить свои планы. Все зависѣло теперь отъ рѣшенія палаты, которымъ, на основаніи 2 ст. конституціи, слѣдовало представить проектъ закона о расширеніи границъ Прусскаго государства ²⁾.

Ландтагъ былъ созванъ на 5-е августа 1866 г., но правительство не встрѣтило уже въ нижней палатѣ прежнихъ своихъ противниковъ. Графъ Бисмаркъ хорошо зналъ прусскую публику; онъ могъ надѣяться, что подъ влияніемъ военныхъ событій въ общественномъ мнѣніи произойдетъ рѣшительный поворотъ. Мы видѣли, что 9-го мая, когда война въ принципѣ была уже рѣшена, кабинетъ распустилъ нижнюю палату, чего онъ не дѣлалъ во все время „конфликта“. Новые выборы были назначены на 3-е іюля, послѣ славныхъ для прусскаго оружія битвъ при Траутенау, Находѣ и Скалицѣ. Выборы начались въ тотъ день, когда прусскія войска вступили въ битву при Садовой и происходили подъ влияніемъ полного опьяненія военною славой. Большинство палаты было теперь благопріятно правительству, какъ потому, что составъ ея измѣнился, такъ и потому, что многіе оппозиціонные депутаты явились въ Берлинъ съ сильно измѣненнымъ

¹⁾ Нѣкоторые монархи, лишенные престоловъ, получили, впрочемъ, вознагражденіе. Такъ 18-го сентября 1867 г. былъ заключенъ договоръ съ герц. Нассаускимъ, въ силу коего онъ отказывался отъ престола, подъ условіемъ вознагражденія въ 16 мил. гульденовъ и сохраненія за нимъ нѣкоторыхъ коронныхъ имуществъ; 23-го сентября 1867 г. былъ заключенъ подобный же договоръ съ королемъ Ганноверскимъ.

²⁾ Ст. 2. пр. конституціи: «Die Grenzen dieses Staatsgebiets können nur durch ein Gesetz verändert werden».

образомъ мыслей. Только немногіе члены лѣвой стороны остались вѣрны прежнему направленію. Король, открывая засѣданіе ландтага, высказалъ, на этотъ разъ не тщетную, надежду что парламентское пререканіе кончится. 13-го августа правительство внесло въ палату требованіе о вознагражденіи бывшихъ издержекъ и чрезвычайнаго кредита въ 60 милліоновъ на военное и морское управленіе, объ инкорпораціи Ганновера, Кургессена, Франкфурта, Нассау и нѣкоторые другіе проекты. Одинъ за другимъ они были приняты палатой огромнымъ большинствомъ. Именно проектъ о вознагражденіи былъ утвержденъ 230 противъ 75 голосовъ (3-го сентября), чрезвычайный кредитъ 230 противъ 83 (25 сентября), инкорпорація Ганновера и пр. 273 противъ 14. На основаніи послѣдняго закона, дѣйствіе прусской конституціи должно было начаться въ новыхъ областяхъ съ 1-го октября 1867 г. Скоро послѣ того (24-го декабря) палата приняла и проектъ инкорпораціи Шлезвигъ-Гольштейна.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь рѣчь г. Бисмарка, которою онъ заключилъ „конфликтъ“. Въ рѣчи этой выразилось полное сознаніе торжества, тонкая иронія относительно недавнихъ противниковъ, нынѣ горячихъ его почитателей, и смѣлые виды на великое будущее.

„Чѣмъ искреннѣе правительство желаетъ мира, тѣмъ болѣе члены его чувствуютъ обязанность воздерживаться отъ всякой попытки ретроспективной критики, въ смыслѣ обороны, или нападенія. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, мы, съ обѣихъ сторонъ, часто защищали нашъ образъ мыслей съ большею или меньшею раздражительностью или благожелательностью, но никто изъ насъ не могъ убѣдить другъ друга. Каждый считалъ себя правымъ, дѣйствуя такъ, а не иначе. Едва ли водворилось бы согласіе между нами и по внѣшней политикѣ, если бы для этого требовалось, чтобы одна изъ сторонъ напередъ созналась, что она дѣйствовала неправильно. Мы желаемъ мира не потому, чтобы были неспособны къ продолженію борьбы; напротивъ, обстоятельства сложились въ нашу пользу лучше, чѣмъ прежде. Мы желаемъ его также не для того, чтобы уйдти отъ какаго-нибудь *будущаго* обвиненія, основаннаго на какомъ-либо *будущемъ* законѣ объ отвѣтственности (министровъ). Если насъ и будутъ обвинять въ чемъ нибудь, то ужъ конечно не въ трусости (*Смѣхъ*).

„Мы желаемъ соглашенія, потому что отечество, по мнѣнію нашему, нуждается въ немъ болѣе чѣмъ когда нибудь. Мы добивались бы его и прежде, если бы могли тогда разчитывать на успѣхъ, и надѣмся

достигнуть его теперь, потому что вы могли убѣдиться, что правительство не стоитъ такъ далеко отъ задачъ, къ которымъ стремится большинство изъ васъ. Прежде васъ вводило, быть можетъ, въ заблужденіе *молчаніе* правительства о многомъ, требовавшемъ молчанія (*Браво!*).

„Вслѣдствіе того, мы протянули вамъ руку, и докладъ комиссін даетъ намъ ручательство, что вы ее примете. Мы разрѣшимъ тогда сообща предстоящія намъ задачи. Я нисколько не исключаю изъ нихъ и лучшаго выполненія обѣщаній, данныхъ конституціею.

„Но въ эту минуту задачи вѣннской политики еще не разрѣшены; блестящіе военные успѣхи только возвысили нашу ставку въ игрѣ: мы можемъ проиграть гораздо больше чѣмъ прежде, но—игра еще не выиграна. Если вы оглянетесь на иностранныя государства, если вы пробѣжите вѣнскія газеты, то встрѣтите въ нихъ тѣ же выраженія ненависти къ Пруссіи, какія не мало способствовали тому, что война сдѣлалась неизбѣжною; и если вы посмотрите на настроеніе южно-германскихъ народовъ, то конечно не найдете въ нихъ примирительнаго духа и сознанія общегерманской задачи. Обратите вниманіе на отношеніе отдѣльныхъ государствъ ко вновь возникающимъ установленіямъ ¹⁾: у однихъ оно удовлетворительно, у другихъ враждебно, но вѣрно то, что въ Европѣ едва-ли найдется держава, которая благожелательно содѣйствовала бы установленію этого новаго германскаго общенія, и не чувствовала бы потребности *по своему* участвовать въ этомъ дѣлѣ. Поэтому, господа, наша задача еще не разрѣшена; она требуетъ тѣснаго единенія всей земли. Часто говорятъ: что пріобрѣтено мечомъ, то испорчено перомъ; а вполне увѣренъ, что мы не услышимъ: „что пріобрѣтено мечомъ и перомъ, то было уничтожено съ этой трибуны!“ ²⁾.

Событія 1866 года принесли Пруссіи: 1) разрѣшеніе парламентскаго пререканія; 2) значительное территоріальное приращеніе. Между прочимъ Пруссія пріобрѣла нѣкоторыя части Баваріи ³⁾ и Гессенъ-

¹⁾ То-есть, въ Северо-германскому союзу.

²⁾ Ср. *Materialien der deutschen Reichs-Verfassung*, herausgegeben von E. Bezzold. т. I, стр. 60—62.

³⁾ На основаніи 14 ст. Баварско-Прусскаго договора Пруссіи, были уступлены: города Герсфельдъ (1.600 жит.), Орбъ (3.728 жит.) съ округами, территорія Каульдорфъ, расположенная между нѣкоторыми прусскими владѣніями.

Дармштадта ¹⁾, уступленные ей на основаніи мирныхъ договоровъ. Въ результатъ владѣнія Пруссіи увеличились на 1.308 кв. миль съ 4 слишкомъ мил. жителей, а именно:

Название государствъ.	Кв. м.	Жит.
Ганноверъ ²⁾	699	1.923.172.
Кургессенъ ³⁾	174	737.307.
Нассау ⁴⁾	86	466.014.
Франкфуртъ ⁵⁾	1,8	89.913.
Шлезвигъ-Гольштейнъ.	324	960.996.
Гессенъ-Гомбургъ	5	27.374.
Части Гессенъ-Дармштадта.	—	47.728.
Части Баваріи	—	32.976.

Съ прежними своими владѣніями (5.130 кв. м. и 18.500.000 жит.) Пруссія составляла теперь государство въ 24 милліона народонаселенія, съ хорошо округленными границами, выгоднымъ положеніемъ на морѣ, отличными финансами, съ арміею, составлявшею уже предметъ зависти въ Европѣ. Она сама по себѣ составляла большую часть будущаго союза. Остальные государства, имѣвшія войти въ составъ „союзнаго государства“, всѣ вмѣстѣ заключали народонаселеніе почти въ 6 милліоновъ ⁶⁾.

¹⁾ По 13 ст. мирн. догов. Пруссіи были уступлены: 1) Ландграфство Гессенъ-Гомбургъ, за нѣкоторыми исключеніями; 2) изъ Верхняго Гессена округа Биденкопфъ, Вёль съ принадлежностями, часть округа Гессенскаго Нидеруриль и округъ Бёдельгеймъ.

²⁾ Теперь составляетъ прусскую провинцію этого имени.

³⁾ Теперь часть прусской провинціи Гессенъ-Нассау.

⁴⁾ См. предыд. примѣч.

⁵⁾ Теперь два округа (Bezirke) провинціи этого имени. Глав. гор. Киль.

⁶⁾ Слѣдующая таблица полезна будетъ для уясненія «реальныхъ отношеній» членовъ Сѣверо-Германскаго союза, а эти отношенія имѣли неотразимое вліяніе на его устройство.

Название государствъ.	Квд. м.	Жит.
Пруссія (съ Лауэнбургомъ)	6.438	24.018.000.
Королевство Саксонія	272	2.426.193.
Сѣверная часть Гессенъ-Дармштадта.	73	257.899.
Мекленбургъ-Шверинъ	241	560.732.
Мекленбургъ-Стрелицъ	49	99.433.
Ольденбургъ	116	315.936.
Саксенъ-Веймаръ	66	283.044.
Брауншвейгъ	68	301.966.
Ангальтъ	43	97.050.

Это численное отношеніе Пруссіи къ прочимъ государствамъ и было тѣмъ реальнымъ основаніемъ, на которомъ должно было возникнуть зданіе *Съверо-Германскаго союза*. Главныя начала его были высказаны прусскимъ правительствомъ еще въ проектѣ 10-го іюня 1866 г. Теперь настало время предложить членамъ будущаго союза подробный его проектъ и привести ихъ къ скорѣйшему соглашенію. Министерство г. Бисмарка понимало что значить пользоваться временемъ; оно желало поставить и правительства, и будущій парламентъ въ такія условія, чтобы и они „не теряли времени“ и приняли прусскій проектъ безъ продолжительныхъ преній. 4-го августа прусскій кабинетъ препроводилъ къ дружественнымъ ему 17 государствамъ проектъ временнаго союза, долженствовавшего соединить эти государства, впредь до установленія союза въ окончательной его формѣ. Въ силу этого договора, означеннаго правительства заключали между собою и съ Пруссіею оборонительный и наступательный союзъ для поддержанія своей цѣлости и независимости, внѣшней и внутренней безопасности и приступали тотчасъ же ко взаимной защитѣ своихъ владѣній, которыя были гарантированы этимъ союзомъ. Цѣль его долженствовала быть окончательно установлена союзною конституціею, изданною при содѣйствіи общаго парламента. Послѣдній положено было избрать на

Названіе государствъ.	Кв. м.	Жит.
Саксенъ-Альтенбургъ	24	141.799.
Саксенъ-Мейнингенъ	46	181.483.
Саксенъ-Кобургъ-Гота	36	166.313.
Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ	15,4	68.076.
Шварцбургъ-Рудольштадтъ	17,4	75.149.
Шаумбургъ-Липпе	8	31.814.
Липпе-Детмольдъ	20,5	112.062.
Вальдекъ	21,5	57.509.
Рейссъ ст. л.	6,3	43.889.
Рейссъ мл. л.	15,1	88.007.
Гамбургъ	6,4	306.510.
Временъ	4,5	111.411.
Любекъ	6,5	49.183.

Такимъ образомъ: 1) По отношенію къ *пространству*, ни одно государство, кромѣ Пруссіи, имѣвшей 6½ тысячъ кв. м., не превышало даже 300 кв. миль. Два имѣли болѣе 200, одно болѣе 100, два болѣе 50, три болѣе 40, одно болѣе 30, три болѣе 20, три болѣе 10 и пять менѣе 10 кв. м. 2) Относительно народонаселенія одна Пруссія была великою державой, съ 24 мил. жителей; одно изъ государствъ имѣло болѣе 2 миліоновъ; остальные не достигали милліона. Одно имѣло болѣе 500.000; прочія 300.000 и менѣе.

основаніи закона 1849 года, а до созванія его, проектъ конституціи слѣдовало изготовить и обсудить уполномоченными союзныхъ правительствъ, долженствовавшими прибыть въ Берлинъ. Союзныя войска поступали подъ начальство прусскаго короля. Союзный договоръ получалъ силу на одинъ годъ, если до тѣхъ поръ не установится окончательная форма союза. Трактатъ былъ подписанъ 18-го августа 1866 года ¹⁾.

Одногодичный срокъ для союзнаго договора былъ, замѣчаетъ г. Тудихумъ ²⁾, весьма хорошо разчитанъ Пруссіею. Перспектива, представлявшаяся малымъ государствамъ, утратить, по истеченіи означеннаго срока, гарантію своей цѣлости, должна была склонить ихъ къ уступчивости требованіямъ Пруссіи и Германскаго народа. 7-го февраля 1867 года проектъ новой конституціи былъ вполне готовъ для внесенія его въ парламентъ ³⁾.

Проектъ союзнаго устройства, скоро сдѣлавшійся конституціею Сѣверо-Германскаго союза, а потомъ конституціею имперіи, будетъ разсмотрѣнъ во второй части нашего труда. Теперь достаточно привести главныя его начала. Предполагаемое союзное устройство не могло удовлетворить лицъ, жившихъ преданіями 1848 года и обсуждавшихъ проектъ съ точки зрѣнія идей, выраженныхъ въ имперской конституціи 1849 года. Въ проектѣ не было рѣчи „о центральной власти, постановленной, въ качествѣ особаго установленія, внѣ и выше прочихъ правительствъ“. Центральная власть составлялась изъ союзныхъ правительствъ. Функціи ея распредѣлялись между союзнымъ президентомъ (Bundespräsidium), права коего были наслѣдственно соединены съ прусскою короною, и союзнымъ совѣтомъ (Bundesrath), составленнымъ изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ правительствъ. Оба эти установленія суть правительство союза, управляющее имъ при содѣйствіи, въ законодательныхъ дѣлахъ, имперской думы (Reichstag). Второе важное отступленіе отъ началъ 1848 года заключалось въ отсутствіи *ответственности* союзной администраціи предъ народнымъ представительствомъ и вообще въ отсутствіи какого бы то ни было министерства. Между имперскою думой, съ одной, и правитель-

¹⁾ Текстъ договора см. у Bezold'a, *Materialien*, I, 23—29. Batbie, *Les Constitutions d'Europe et d'Amérique*, 263—264.

²⁾ Thudichum, *Verfassungsrecht des Norddeutschen Bundes*, стр. 14 и слѣд.

³⁾ Онъ напечатанъ, между прочимъ, въ видѣ приложенія къ назв. труду *Кляуффеля*, т. II, стр. 411—422.

ствомъ, съ другой стороны, не установлено никакой посредствующей исполнительной власти, отвѣтственной предъ думой. Сношенія союзнаго совѣта съ думой производятся чрезъ президентство, конечно, не отвѣтственное, въ силу монархическихъ прерогативъ короля. Правда, распоряженія, исходящія отъ президентства, нуждались въ скрѣпѣ (контрасигнированіи) союзнаго канцлера (Bundeskanzler), который, тѣмъ самымъ, бралъ на себя и отвѣтственность за нихъ (welcher dadurch die Verantwortlichkeit übernimmt). Но предметы и порядокъ этой отвѣтственности не были опредѣлены, а потому она и не могла имѣть практическаго значенія.

Но если будущій союзъ не подходилъ подъ понятіе о союзномъ государствѣ по организаціи сего центральнаго правительства, то въ отношеніи *обязательной силы и компетенціи* союзнаго законодательства и управленія, единство Германіи было обезпечено. Союзные законы получили первенство надъ законами отдѣльныхъ государствъ. Они обнародовались для всего союза непосредственно центральною властью и получали обязательную силу чрезъ напечатаніе ихъ въ союзномъ „Указателѣ законовъ“. Компетенція союзной власти была значительно расширена сравнительно съ компетенціею стараго сейма. Это расширеніе было логическимъ послѣдствіемъ *цели*, указанной новому союзу. Старый союзъ, какъ мы видѣли, существовалъ единственно для охраненія внѣшней и внутренней безопасности Германіи; новый же — учреждался для защиты союзной территоріи, дѣйствующаго въ ней права и для *попеченія о благосостояніи* Германскаго народа. Предметы этого благосостоянія подробно изчислены въ союзной конституціи. Сюда относятся опредѣленіе правилъ передвиженія, законовъ объ осѣдлости, занятій ремеслами и промыслами, законодательства таможенное и торговое, общее опредѣленіе мѣръ, вѣсовъ и монетной системы, банковое законодательство, патенты на изобрѣтенія, желѣзнодорожное управленіе, почты, телеграфы, военно-сухопутное и морское управленія и т. д. Далѣе, конституція обезпечиваетъ единство народное, въ юридическомъ смыслѣ. Для всего союза устанавливается общій индигенатъ; житель каждаго изъ отдѣльныхъ государствъ считается *природнымъ* обывателемъ во всѣхъ другихъ государствахъ, въ которыхъ онъ желалъ бы переселиться; каждый считается, въ то же время, непосредственнымъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, подданнымъ союзнаго правительства. Онъ обращается къ нему для защиты и охраны своихъ интересовъ.

Обезпечивая единство Германіи, конституція осуществляетъ и дав-

нишнюю цѣль берлинскаго кабинета—усиленіе прусскаго вліянія въ союзѣ. Это достигается различными способами. Вопервыхъ, президентство, предоставленное Прусскому королю, ни въ чемъ не напоминало „предсѣдательства“ австрійской короны въ старомъ сеймѣ. Король, какъ президентъ союза, получалъ различныя прерогативы во внутреннихъ и международныхъ отношеніяхъ, которыя онъ осуществлялъ независимо отъ союзнаго совѣта. Важнѣйшею изъ этихъ прерогативъ было, конечно, *начальствованіе надъ союзнымъ войскомъ*. Вся совокупность войскъ союза должна была составить одну армію, которая, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, находилась подъ начальствомъ Прусскаго короля. Въ распоряженіи ею королю отрывался полный просторъ какъ въ военно-административномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи. Вопросъ о военномъ бюджетѣ, причинившій въ свое время столько хлопотъ министерству г. Бисмарка, устранился до 31-го декабря 1870 года. Сама конституція постановляла (ст. 62-я), что до срока каждое государство должно было взносить по 225-ти талеровъ на солдата въ мирномъ составѣ арміи. Графъ Бисмаркъ, очевидно, надѣялся на новые вопросы въ международной политикѣ, на необходимость, въ близкомъ будущемъ, отстаивать и развивать начатое имъ дѣло, на все, что разрѣшается, по его словамъ, желѣзомъ и кровью. Поэтому, онъ надолго хотѣлъ обезпечить для прусской короны возможность распоряжаться арміею и средствами на ея содержаніе, независимо отъ прочихъ правительствъ и прусскаго ландтага. Французская война 1870 года еще разъ обнаружила его проницательность.

Наконецъ, существенное преимущество Пруссіи выразилось въ организациі союзнаго совѣта. По формѣ совѣтъ этотъ былъ организованъ на федеративномъ началѣ, то-есть, каждому государству предоставленъ былъ въ немъ голосъ, какъ и въ ренум'ѣ стараго сейма. Но въ распредѣленіи *числа голосовъ* выразилось явное предпочтеніе Пруссіи. Въ ренум'ѣ стараго сейма ни одно государство не имѣло болѣе 4-хъ голосовъ, причемъ Австрія и Пруссія, не смотря на свой территоріальный объемъ, пользовались равнымъ числомъ голосовъ съ прочими королевствами союза. Теперь, изъ общаго числа 43-хъ голосовъ, Пруссія получала 17, Саксонія—4, Мекленбургъ-Шверинъ и Ольденбургъ — по два, прочія государства — по одному. Одно государство располагало, слѣдовательно, болѣе чѣмъ $\frac{1}{3}$ всѣхъ голосовъ и составленіе благоприятнаго ему абсолютнаго большинства не представляло никакихъ затрудненій. Для устраненія сопротивленія отдѣльныхъ го-

сударствъ союзнымъ постановленіямъ по военскимъ дѣламъ, президенту (королю) предоставлялось право экзекуціи, которая предписывалась и приводилась въ исполненіе его собственною властью.

Въ итогѣ новое союзное устройство менѣе всего имѣло въ виду осуществленіе политическихъ идей и духовныхъ стремленій, издавна волновавшихъ Германское общество. Оно стремилось осуществить вѣдшее единство нѣмецкихъ земель посредствомъ сосредоточенія всѣхъ ихъ матеріальныхъ, преимущественно военныхъ, силъ подъ верховнымъ руководствомъ Пруссіи ¹⁾.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, проектъ союзной конституціи, ожидавшій своего окончательнаго обсужденія въ учредительной думѣ, созванной на 24-е февраля 1867 года. Въ этотъ день засѣданія были открыты тронною рѣчью Прусскаго короля, призывавшаго парламентъ къ скорѣйшему разрѣшенію великаго національнаго вопроса. Вся рѣчь пропитана была мыслью, что настало время вывести Германію изъ ея немощнаго раздробленія; король напоминалъ членамъ думы, съ какою готовностью союзныя правительства пожертвовали своими частными интересами общему дѣлу и выразилъ надежду, что и народные представители поступать также. „Господа“, сказалъ онъ въ заключеніе, „вся Германія, даже за предѣлами этого союза, ждетъ рѣшеній, которыя должны быть постановлены вами. Пусть нашимъ совокупнымъ трудомъ осуществляются мечты столѣтій, все, по чѣмъ тосковали, изъ за чего боролись новѣйшія поколѣнія. Во имя всѣхъ союзныхъ правительствъ, во имя Германіи, съ полнымъ довѣріемъ прошу васъ, помогите намъ разрѣшить великую національную задачу быстро и вѣрно. Благословеніе Божіе, на которомъ все зиждется, да сопутствуетъ и споспѣшествуетъ этому отечественному дѣлу“ ²⁾.

Тронная рѣчь отличается нѣсколько идеальнымъ, даже романтическимъ характеромъ. Напротивъ, рѣчь графа Бисмарка, при внесе-

¹⁾ На этотъ практически-утилитарный характеръ Северо-Германскаго союза указываетъ известный нѣмецкій публицистъ *К. Францъ*, въ своей брошюрѣ *Die Schattenseite des Norddeutschen Bundes* (Berlin, 1870 г.). «Союзъ», говоритъ онъ, «по своимъ основамъ, есть, коротко говоря, военный, таможенный и торговый округъ. Только въ этомъ послѣднемъ качествѣ можетъ онъ приобрести народное уваженіе...» (стр. 70). Авторъ вообще доказываетъ, что Северо-Германскій союзъ, желавшій стать государствомъ, съзвиль, однако, государственную идею, упустивъ изъ виду идеальныя стороны и дѣла человѣческой жизни и превратился исключительно въ экономическое и военное установленіе.

²⁾ *Beold, Materia lien, I, 74.*

ни имъ проекта конституціи въ палату (4-го марта). имѣла чисто практическое значеніе. Мы видѣли, что краткосрочность договора 18-го августа была сильнымъ средствомъ, побудившимъ сѣверо-германскіи правительства согласиться на требованія Пруссіи; къ нему же прибѣгнулъ теперь г. Бисмаркъ, чтобы убѣдить парламентъ не затягивать преній.

„Я позволю себѣ“, сказалъ онъ, „обратить вниманіе ваше только на одно обстоятельство. 6-я статья предварительнаго договора 18 августа гласитъ (слѣдуетъ извѣстная уже намъ статья). Я не намѣренъ говорить о томъ, въ какомъ положеніи очутится Германія, если до 18 августа текущаго года, слѣдовательно, по разчету, чрезъ пять съ половиною мѣсяцевъ, нашъ трудъ не будетъ приведенъ къ концу. Надѣюсь, что этого не случится. Но позволю себѣ упомянуть объ одномъ, весьма извѣстномъ обстоятельстве, а именно, что ландтаги, или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, предоставили себѣ подвергнуть своему обсужденію результатъ нашихъ нововведеній ¹⁾. Мы должны будемъ, по этому, по закрытіи рейхстага, успѣшно созвать ландтаги 22-хъ союзныхъ государствъ. Чрезвычайно желательно, чтобы и этотъ фазисъ въ развитіи федеральнаго устройства закончился прежде, чѣмъ наступитъ 18-е августа. Все это побуждаетъ ускорить наши работы. Договорное опредѣленіе нашихъ отношеній къ южной Германіи..... будетъ, по моему мнѣнію, облегчено быстрымъ и энергическимъ образомъ дѣйствій Германіи сѣверной. Надежда южно-Германскихъ государствъ на присоединеніе ихъ къ сѣвернымъ, будетъ значительно подкрѣплена, какъ скоро они увидятъ, что мы идемъ къ нашей цѣли рѣшительными шагами и что мы можемъ ожидать скорого ея осуществленія“ ²⁾.

Конечно, трудно было ожидать, чтобы собраніе лицъ, привыкшихъ къ всестороннему и основательному обсужденію каждаго вопроса, вело пренія съ быстротою рѣшительнаго государственнаго челоуѣка. Но со стороны г. Бисмарка было сдѣлано все, чтобы ускорить дѣло. Такъ онъ, къ великому сожалѣнію нѣкоторыхъ членовъ рейхстага, не представилъ объяснительной записки къ проекту конституціи съ изложеніемъ мотивовъ ея отдѣльныхъ постановленій. Разчетъ, въ данномъ случаѣ, былъ вѣренъ. Пренія сразу должныствовали быть направлены

¹⁾ На томъ законномъ основаніи, что союзная конституція во многихъ отношеніяхъ видоизмѣняла значеніе конституцій отдѣльныхъ государствъ.

²⁾ *Beold, Materialien*, I, 74—75.

на самую конституцію, въ цѣломъ и въ частностяхъ, не останавливаясь на предварительныхъ соображеніяхъ ¹⁾. „Будемъ работать скорѣе“, воскликнулъ однажды графъ Бисмаркъ среди преній, „посадимъ Германію, такъ сказать, на сѣдло... Поѣдетъ она сама!“ ²⁾.

Обсужденіе проекта началось 9-го марта 1867 года и окончилось 17-го апрѣля, слѣдовательно, съ небольшимъ въ мѣсяць ³⁾. Правительственный проектъ не могъ встрѣтить въ палатѣ радикальной оппозиціи по самому ея составу, который былъ весьма благопріятенъ для министерства ⁴⁾. Правительство могло съ полнымъ основаніемъ надѣяться выйти побѣдоносно изъ общихъ преній, посвященныхъ разсмотрѣнію проекта въ цѣломъ его составѣ. Но въ частностяхъ проектъ ожидали многія поправки ⁵⁾.

Возраженія противъ проекта находились въ связи съ политическимъ міросозерцаніемъ различныхъ партій. Изъ нихъ самую могущественною была партія *національныхъ либераловъ* ⁶⁾. Они привѣтствовали Сѣверо-Германскій союзъ какъ серьезный и рѣшительный шагъ къ объединенію Германіи, вознамѣрились поддерживать правительство и слержали свое слово. Но они не сочувствовали многимъ началамъ проекта. По ихъ убѣжденію, объединеніе Германіи должно было идти рука объ руку съ развитіемъ конституціонной свободы; проектъ долженъ былъ представлять новый шагъ на пути конституціонализма. Между тѣмъ, въ немъ не находилось даже тѣхъ условій парламентской жизни, какія представляло политическое устройство

¹⁾ Ср. объясненія, данныя г. Бисмаркомъ, *Bezold*, тамъ же, I, 170 и слѣд.

²⁾ *Bezold*, I, 181.

³⁾ Общія пренія продолжались съ 9-го по 13-е марта; въ нихъ участвовало 33 оратора, при чемъ графъ Бисмаркъ говорилъ нѣсколько разъ. 18-го марта начались спеціальныя пренія по отдѣльнымъ статьямъ проекта и продолжались до 15-го апрѣля. 15—17 апрѣля были посвящены заключительнымъ преніямъ. Всѣхъ засѣданій было 35.

⁴⁾ Не бесполезно будетъ привести здѣсь числовыя данныя, рисующія взаимное отношеніе главныхъ партій въ учредительной думѣ; въ ней было: консерваторовъ—58; свободныхъ консерваторовъ—40; старыхъ либераловъ—28; національныхъ либераловъ—80; членовъ лѣвой стороны—26. Остающееся число членовъ дѣлилось между партіями меньшей важности. *Ф. Шульце*, *Einleitung*, 437 и слѣд.

⁵⁾ При обзорѣ этихъ поправокъ какъ здѣсь, такъ и во второй части нашего труда, мы будемъ пользоваться названнымъ выше собраніемъ матеріаловъ *Бецольда*.

⁶⁾ Вліятельнѣйшимъ членомъ которой былъ Ласкеръ.

отдѣльныхъ государствъ Германіи. Не было въ немъ ни отвѣтственнаго министерства, ни права утвержденія бюджета, признаннаго за парламентомъ; самая свобода слова въ парламентѣ не была гарантирована въ полной мѣрѣ ¹⁾. Избирательный законъ, признавая всеобщую и прямую подачу голосовъ, ограничивалъ, однако, косвенно это право, отвергая вознагражденіе депутатамъ ²⁾. Самое единство Германіи обезпечивалось союзною конституціею не въ полной мѣрѣ. Каждая изъ федерацій представляетъ больше условій единства, чѣмъ новый союзъ; въ нихъ всѣ установленія, какъ центральныя, такъ и мѣстныя, приведены въ извѣстную гармонію. Каждому изъ нихъ отмѣрена извѣстная доля власти по одному общему плану и всѣ они дѣйствуютъ въ полномъ согласіи. Союзная же конституція вноситъ сильное раздвоеніе въ политическую жизнь Германіи. Чувство долга, симпатіи, антипатіи, повиновенія должно двоиться между отдѣльными правительствами и мѣстными ландтагами, съ одной, и союзнымъ совѣтомъ, рейхстагомъ, съ другой стороны. Обѣ категоріи политическихъ учрежденій разнородны, построены по различнымъ планамъ, преслѣдуютъ различныя цѣли. Притомъ новый проектъ скудно опредѣлялъ компетенцію союзнаго законодательства, оставилъ слишкомъ много на попеченіе отдѣльныхъ правительствъ. Польза Германіи требовала, чтобы общее законодательство Германіи въ скорѣйшемъ времени коснулось многихъ вопросовъ и разрѣшило ихъ единообразно ³⁾. Последнее изъ главныхъ возраженій національно-либеральной партіи имѣло лишь временное значеніе и утратило всякій смыслъ съ 1870 года. Проектъ конституціи, говорила она, не упоминаетъ объ отношеніяхъ Сѣверо-Германскаго союза къ южнымъ государствамъ. Основываясь на смыслѣ Пражскаго договора, онъ относится къ южно-Германскимъ государствамъ, какъ къ *иностраннымъ* державамъ, съ которыми могутъ суще-

¹⁾ Такъ, 22-я ст. проекта постановляла только, что «засѣданія имперской думы гласны». По предложенію Ласкера, она дополнена слѣдующимъ постановленіемъ: «вѣрныя (Wahrheitsgetreue) отчеты о преніяхъ въ публичныхъ засѣданіяхъ имперской думы свободны отъ всякой отвѣтственности». Иначе и въ послѣдствіи могли бы возникать такіе процессы, какъ процессъ Твестена.

²⁾ Это ограниченіе остается въ силѣ и до настоящаго времени.

³⁾ Такъ, 4-я ст. проекта, опредѣлявшая компетенцію союзной власти, была значительно дополнена во время преній въ думѣ. Къ предметамъ вѣдомства союза отнесены, кромѣ названныхъ въ проектѣ, уголовное законодательство, изданіе правилъ о военной и морской администраціи союза, по медицинской и ветеринарной полиціи и т. д.

ствовать только *международнымъ*, но не государственныя связи. Поэтому, подобныя отношенія должны быть опредѣлены особыми договорами, безъ упоминанія о нихъ въ конституціи. Правительство сдѣлало уже нѣкоторые шаги на этомъ пути. Но справедливость требуетъ относиться къ „Майнской линіи“, какъ къ временному ограниченію, навязанному Германіи недоброжелательствомъ и опасеніями иностранныхъ державъ. Въ самой конституціи долженъ быть открытъ широкій путь къ возсединенію южныхъ государствъ съ союзомъ или всѣхъ вмѣстѣ, или въ отдѣльности ¹⁾).

Жалобы на отчужденіе южной Германіи съ особенною силою были изложены въ рѣчи депутата Микеля (изъ Ганновера). „Мы должны задать себѣ вопросъ“, говорилъ онъ, „можно ли оправдывать учрежденіе союза для одной только сѣверной Германіи, съ исключеніемъ изъ него, нѣкоторымъ образомъ, если осмѣлюсь употребить выраженіе прежняго времени, Германіи южной. Для многихъ изъ насъ Майнская линія всегда была тревожнымъ призракомъ. Мы боялись *дуализма* Германіи гораздо больше чѣмъ ея *множественности*; съ этой точки зрѣнія, дуализму предпочитали мы федерализмъ. Теперь мы имѣемъ Майнскую линію; призракъ сдѣлался дѣйствительностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ пересталъ быть призракомъ; въ немъ слѣдуетъ видѣть — отваживаюсь употребить еретическое слово—благотворную необходимость. Майнская линія, въ томъ видѣ, какъ она установлена теперь, не есть раздѣлъ между областями двухъ великихъ государствъ, это не та Майнская линія, которой мы боялись прежде—раздѣльная черта между Австрією и Пруссією. Майнская линія служитъ *приваломъ*, гдѣ мы запасемъ водой и углемъ, переведемъ духъ и пойдемъ затѣмъ дальше... Никольбургскій договоръ, вызванный военными и политическими соображеніями, обеспечиваетъ только международныя отношенія сѣверной и южной Германіи. Виллафранкскій миръ сдѣлалъ то же самое, хотя и въ другой формѣ: итальянская нація перешла отъ него къ „очереднымъ дѣламъ“. Основывая единство безъ чужой помощи, но собственною силою, силою Прусскаго государства и противъ

¹⁾ 71-я ст. проекта гласила: «Отношенія союза къ южно-Германскимъ государствамъ будутъ опредѣлены, тотчасъ по установленіи конституціи Сѣверо-Германскаго союза, *особыми договорами*, которые имѣютъ быть представлены на утвержденіе имперской думы». По предложенію г. Микеля, эта статья дополнена слѣдующимъ образомъ: «вступленіе южно-Германскихъ государствъ или одного изъ нихъ въ союзъ, совершается, по предложенію союзнаго президентствъ, законодательнымъ путемъ».

воли иностранных державъ, мы также перейдемъ къ „очередному порядку“ мимо постановлений Никольбургскаго договора. Никакая иностранная держава не должна намъ препятствовать въ этомъ“.

Безусловная оппозиція проекту исходила главнымъ образомъ отъ ультрамонтановъ, партикуляристовъ и членовъ крайней лѣвой стороны, но эти элементы въ учредительной думѣ были еще очень слабы. Пруссія должна была ожидать клерикальной партикуляристической оппозиціи изъ южно-германскихъ государствъ, тежерь еще стоявшихъ въ сторонѣ. Одинъ изъ горячихъ защитниковъ правительственнаго проекта, Финке ¹⁾ имѣлъ основаніе сказать, что онъ считаетъ великою выгодною, что сѣверная Германія, на первый разъ, можетъ основать союзъ безъ Германіи южной. Опытъ франкфуртскаго парламента показалъ, по его словамъ, какъ трудно привести къ соглашенію разнородныя германскія племена.

Тѣмъ не менѣе возраженія нѣкоторыхъ „непримиримыхъ“ были рѣшительны и рѣзки, особенно же слѣдуетъ это сказать объ извѣстномъ клерикалѣ Маллинекротѣ ²⁾. Онъ заявилъ, что руководится не интересами католической церкви, которые, по его мнѣнію, могутъ быть и будутъ достаточно обезпечены въ Сѣверо-Германскомъ союзѣ а общими соображеніями справедливости. „Я держусь“, воскликнулъ онъ, „старога начала—*justitia fundamentum regnorum* ³⁾); но у коллѣбели Сѣверо-Германскаго союза не удалось мнѣ найти „юстиціи“..... Доказательство тому на лицо. Въ Шлейзвигъ-Гольштейнѣ война началась для освобожденія земли изъ подъ несправедливаго владычества; въ Лондонѣ были признаны права герцога Августенбургскаго ⁴⁾; когда герцогъ медлилъ удовлетворить вполнѣ здѣшнимъ требова- ніямъ, стали оспаривать его право, но остерегались дать слово единственно компетентнымъ инстанціямъ: народу и союзу. Безъ войны, безъ всякой вины со стороны упомянутой области, Пруссія присоединила ее къ себѣ и лишила ее самостоятельности. Я вижу въ этомъ нѣчто худшее, чѣмъ даже завоеваніе, ибо освободитель поступилъ насильственно. Послѣдняя война (1866 г.) доставила, съ одной стороны, блестящую побѣду и усиленіе прусскаго могущества, но съ другой, она повлекла за собою расторженіе хотя и слабой связи,

¹⁾ Извѣстный уже намъ дѣятель 1848 г.

²⁾ Род. въ 1821 г. Вестфалець.

³⁾ Слова бл. Августина.

⁴⁾ Намекъ на то, что сама Пруссія на лондонскихъ конференціяхъ признавала права принца.

обнимавшей *весь* Германскій народъ и при которой Германія наслаждалась долгимъ, въ прежнія времена неизвѣстнымъ, періодомъ мира. Въ войнѣ этой я вижу отпаденіе австрійскихъ и голландскихъ союзныхъ земель¹⁾; лишеніе престола трехъ государей, конфискацію вольнаго города Франкфурта и, болѣе или менѣе, фактическую медиатизацію прочихъ государей,— и все это безъ справедливаго повода“..... Затѣмъ ораторъ доказывалъ, что конституція стремится основать не *союзное государство*, за которое онъ охотно подалъ бы голосъ, а государство централизованное, подчиненное прусскому владычеству. „Въ 1867 г.“, говорилъ онъ, „домогаются, въ сущности, ничего иного какъ „старой Пруссіи“, въ собственномъ смыслѣ; только съ нѣскольکو болѣе широкими плечами, болѣе плотнымъ станомъ и въ легкомъ нѣмецкомъ сюртукѣ“.

Партикуляристическія стремленія слышались не со стороны только клерикаловъ и нѣкоторыхъ депутатовъ отъ вновь присоединенныхъ провинцій²⁾. Защитникамъ проекта пришлось имѣть дѣло, такъ сказать, съ представителями прусскаго партикуляризма. Въ различныхъ постановленіяхъ союзной конституціи нѣкоторые депутаты видѣли противорѣчіе съ началами конституціи прусской. Принять ихъ значило, по ихъ мнѣнію, измѣнить этой послѣдней. Такимъ убѣжденіемъ проникнута, на примѣръ, рѣчь депутата Михелиса. „Какъ прусскій депутатъ“, сказалъ онъ, „я вижу во всемъ этомъ, также какъ и многіе другіе, дѣйствительно лишь практическій „привалъ“³⁾. Для насъ является вопросъ *совѣсти*: дерзнешь-ли ты уступить что-либо изъ конституціи, которой присягнулъ? Я не гонюсь за идеалами, но для меня всегда остаются несомнѣнными слова поэта: когда предъ тобой лежатъ различныя дороги и ты не знаешь, идти-ли на право или на лѣво, то вѣрнымъ путеводителемъ твоимъ должна служить совѣсть; я присягнулъ прусской конституціи и, по доброй совѣсти, не могу согласиться ни на что, составляющее уступку изъ основныхъ ея правъ“.

Рядомъ съ прусскимъ партикуляризмомъ возвысиль свой голосъ

¹⁾ Т. е., Лимбурга и Люксембурга; см. ниже.

²⁾ Такъ, между прочимъ, депутаты *Альмонъ* и *Кригеръ* предложили измѣнить 1-ю статью проекта (о территоріи союза) слѣдующимъ образомъ: не принадлежать къ территоріи союза тѣ округа герцогства Шлезвига, народонаселенію коихъ договорами обезпечено право свободнаго голосованія относительно ихъ принадлежности». (5 ст. Пражскаго трактата). *Bezold*, I, 316. Рѣчь Кригера см. тамъ же, стр. 351—352. Отвѣтная рѣчь г. Бисмарка тамъ же, 352—355.

³⁾ Намекъ на «привалъ», указанный Микелемъ въ его рѣчи.

партикуляризм польскій. Познанскій депутатъ, г. Кантокъ, представилъ протестъ относительно присоединенія польскихъ областей Пруссіи къ территоріи Сѣверо-Германскаго союза ¹⁾.

Эти отдѣльные голоса не воспрепятствовали, однако, успѣху проекта. Правительство провело его путемъ уступокъ въ пользу самой вліятельной изъ всѣхъ партій—національно-либеральной и опираясь на плотную массу членовъ правой стороны. 16-го апрѣля президентъ собранія, Симсонъ ²⁾ провозгласилъ результатъ окончательнаго голосованія. Проектъ былъ принятъ большинствомъ 230-и противъ 53-хъ голосовъ. 17-го апрѣля графъ Бисмаркъ объявилъ палатѣ, что союзный совѣтъ также принялъ проектъ съ нѣкоторыми исправленіями, сдѣланными во время преній.

Теперь оставалось провести проектъ въ „последней стадіи“—въ мѣстныхъ ландтагахъ, предоставившихъ себѣ обсудить его послѣ союзной думы и совѣта. Но и эта часть работы кончилась быстро; 24-го іюня 1867 конституція Сѣверо-Германскаго союза была утверждена, а 1-го іюля вступила въ силу. Должность союзнаго канцлера была предоставлена творцу всего союза—графу Бисмарку.

А. Градовскій.

¹⁾ Познань и Пруссія не входили въ составъ прежняго Германскаго союза. Рѣчь Кантока см. у *Bezolda*, 316—326. Знаменитая отвѣтная рѣчь г. Бисмарка тамъ же, 327—337.

²⁾ Бывшій президентъ ерлангенскаго парламента 1849 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

H. von Holst. *Verfassung und Demokratie in den Vereinigten Staaten von Amerika. I Theil.* (Г. фон-Гольстъ. Политическое устройство и демократія въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Часть 1-я).

Имя Страсбургскаго профессора г. Гольста не чуждо намъ, ибо нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ читалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ. Книга его, заглавіе коей выписано выше, имѣла большой успѣхъ и причисляется къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ германской литературы послѣднихъ годовъ. Одно изъ немаловажныхъ ея достоинствъ условливается тѣмъ, что авторъ самъ посѣтилъ Америку и дѣлалъ свои наблюденія на мѣстѣ, но кромѣ того, эрудиція его до такой степени обширна, что даже въ Германіи вызвала вполнѣ заслуженныя похвалы.

Впрочемъ, какъ ни богата вообще германская литература, Нѣмцы не перестаютъ жаловаться на скудость того изъ ея отдѣловъ, который относится къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Въ извѣстномъ періодическомъ изданіи Зибеля (*Historische Zeitschrift*, II, 1874) появился критическій отзывъ о трудѣ Гольста, съ которымъ считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей, во-первыхъ потому, что онъ принадлежитъ знатоку дѣлу (Фр. Каппу), а вовторыхъ потому, что главная его цѣль — указать на слабыя стороны германской литературы объ Америкѣ и обозначить мѣсто, которое должно занимать въ ней сочиненіе Страсбургскаго профессора.

„Лишь весьма немногіе изъ существующихъ у насъ трудовъ о за-Атлантической республикѣ“, говоритъ критикъ, „проникнуты вѣрнымъ историческимъ взглядомъ и основательною разработкою обильнаго матеріала; по большей же части преобладаютъ въ нихъ пустыя фразы, безотчетное преклоненіе предъ прошедшимъ и настоящимъ и пышныя апофеозы будущности „юнаго гиганта“. Конечно, смѣшно

было бы и ставить, наряду съ германскою литературою, напу жалкую литературу объ Америкѣ, но замѣчаніе, высказанное Фр. Каппомъ, особенно примѣняется и къ намъ. Нигдѣ такъ не любятъ ссылаться на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, какъ у насъ, и нигдѣ нельзя встрѣтить объ этой странѣ болѣе скудныхъ и поверхностныхъ свѣдѣній; наши рьяные прогрессисты твердо убѣждены, что за Атлантическимъ океаномъ давно уже осуществились ихъ идеалы, не имѣя никакого понятія о томъ, что происходитъ тамъ въ дѣйствительности; самую ничтожную книжонку какого-либо туриста готовы они прославлять до небесъ, лишь бы только была она написана въ духѣ, сочувственномъ американскимъ учрежденіямъ. Фр. Каппъ соболѣзнуеть, что то же самое явленіе замѣчалось до недавняго времени и въ Германіи (у насъ же господствуетъ оно болѣе чѣмъ когда-нибудь и теперь), но тамъ оно оправдывалось, по крайней мѣрѣ, совершенно исключительными обстоятельствами. По низверженіи Наполеоновскаго владчества, вражда политическихъ партій въ западной Европѣ была въ полномъ разгарѣ: съ одной стороны, люди либеральнаго образа мыслей, не находя удовлетворенія самымъ законнымъ своимъ требованіямъ, съ исключительнымъ пристрастіемъ обращали свои взоры къ Соединеннымъ Штатамъ; „въ этомъ государствѣ“, говоритъ нѣмецкій критикъ, „происходила уворная борьба между такими же враждебными началами, какъ и во всемъ остальномъ цивилизованномъ мірѣ; антагонизмъ между аристократіею и демократіею отличался тамъ даже болѣе ожесточеннымъ характеромъ, чѣмъ въ Германіи, хотя и выражался въ другой формѣ, но либералы наши никакъ не хотѣли уразумѣть столь простой истины; для этого не доставало имъ сколько-нибудь безпристрастнаго отношенія къ предмету, и—главное—историческаго изученія“. Съ другой стороны, консерваторы перенесли ненависть свою къ французской республикѣ на республиканскія учрежденія вообще. Имъ казалось, что республика, утвержденная Вашингтономъ, не должна ничѣмъ отличаться отъ той, которая господствовала во Франціи въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Любопытнымъ образчикомъ этого направленія служить появившаяся въ 1828 году „Исторія демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки“, Гюльземана,—книга, теперь уже забытая, но въ свое время пользовавшаяся нѣкоторымъ успѣхомъ, благодаря покровительству автору ея со стороны князя Меттерниха. Въ ней подробно развивается мысль, что политическое устройство Сѣверной Америки находится „въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣми основами, на кото-

рыхъ зиждется европейская цивилизація“. Вашингтона, Адамса, Гамильтона, Мадисона и др. авторъ приравниваетъ къ Робеспьеру, Дантону и С. Жюсту; болѣзненная его фантазія внушаетъ ему мысль, что единственная цѣль государственннхъ людей Америки состоитъ въ низверженіи европейскихъ престоловъ. Какъ ни поразительна нелѣпость подобнаго взгляда, нельзя не замѣтить, что и тогдашніе либералы выражали мнѣнія, столь же мало основательныя. Имъ хотѣлось увѣрить, что Вашингтонъ и его сподвижники долге совѣщались о лучшей формѣ правленія и сознательно отдали предпочтеніе формѣ республиканской передъ всякою другою, тогда какъ на дѣлѣ не было ничего подобнаго. „Они почти не тронули прежняго политическаго быта“, говоритъ Канпъ, „и весь переворотъ ограничился тѣмъ, что власть англійскаго короля была замѣнена властью конгресса, а колониальное управленіе въ отдѣльныхъ штатахъ было замѣнено властью государственною. Все остальное сохранилось по прежнему.... Тогдашніе политическіе люди уже нашли республиканскія учрежденія существующими и утвердили на основаніи ихъ столько республиканизма (Respublicanism), сколько было совмѣстно съ правами, воззрѣніями и идеями ихъ вѣка, — то-есть, учредили республику съ весьма ограниченннмъ избирательннмъ правомъ, съ иѣстною администраціею исключительно изъ избранныхъ гражданъ, и съ допущеніемъ рабства. Ихъ республика отнюдь не соответствовала ни тогдашннмъ, ни теперешннмъ понятіямъ о такой формѣ правленія, которая требуетъ безусловнаго равенства гражданъ, поголовной подачи голосовъ, а также, чтобы власть принадлежала непременно различнымъ искателямъ приключеній“.

Послѣ 1830 года переселеніе Нѣмцевъ въ Америку принимаетъ громадныя размѣры, и можно было надѣяться, что переселенцы, между которыми встрѣчались замѣчательныя личности, какъ напри- мѣръ, Фолленіусъ, Густавъ Кёрнеръ и др., постараются ближе познакомиться германскую публику съ своимъ новымъ отечествомъ; но на дѣлѣ этого не случилось. Всѣ они, испытавъ много невзгодъ у себя дома, были ослѣпленными поклонниками Соединенныхъ Штатовъ. Съ другой стороны, американская литература значительно способствовала тому, чтобы сбивать съ толку общественное мнѣніе. Если романы Купера читались съ жадностію, то еще гораздо болѣшимъ вліяніемъ пользовались романы Сильсфильда: по словамъ рецензента *Historische Zeitschrift*, сотни молодыхъ людей, преимущественно изъ образованнаго общества, обворожены увлекательными картинами,

которые рисовал этот писатель, стремились за Атлантическій океанъ. Картины эти отличались, однако, совершенно фальшивымъ освѣщеніемъ; онѣ причинили не мало вреда, потому что препятствовали вѣрному пониманію дѣйствительности, всестороннему и безпристрастному изученію политическихъ и социальныхъ отношеній въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. „Кто изъ Нѣмцевъ, читавшихъ Сильсфильда“, замѣчаетъ Фр. Каппъ, „могъ подозрѣвать тогда, что общество южныхъ штатовъ, проникнутое высокомеріемъ, эгоизмомъ и энергіею, доходявшею до дерзости, веселилось на вулканѣ, что основою его благосостоянія служила одна изъ ненавистнѣйшихъ формъ человеческого рабства, — рабство Негровъ, — и что этому вулкану суждено было, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, разразиться пламенемъ и громами.... Ничего этого не видали наши нѣмецкіе Американцы, потому только, что зло проявлялось не въ тѣхъ формахъ, къ которымъ они привыкли въ Европѣ. Такъ какъ въ Америкѣ не было никакихъ титуловъ и внѣшнихъ отличій для дворянства, то они были убѣждены, что тамъ вовсе не существуетъ этого сословія, а между тѣмъ, за исключеніемъ развѣ римскихъ патриціевъ, нельзя найти во всей исторіи столь нетерпимой, надменной, властолюбивой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искусной въ политическомъ отношеніи аристократіи, какъ аристократія американскихъ плантаторовъ. Конечно, радикалы могъ разглагольствовать сколько ему угодно, въ любомъ изъ штатовъ Союза, противъ королей и принцевъ; но горе ему, если въ какомъ-либо изъ городовъ Юга осмѣливался онъ произнести слово противъ рабства: ему тотчасъ же грозило быть вымазаннымъ дегтемъ съ перьями или даже познакомиться съ висѣлицею“....

Здѣсь необходимо упомянуть о произведеніи французскаго писателя, имѣвшемъ сильное вліяніе на Германію, точно также какъ и на всю Европу. Мы говоримъ о „*Démocratie en Amérique*“ Токвиля, — книгѣ, по справедливости, обезпечившей автору репутацію одного изъ глубокомысленнѣйшихъ писателей нынѣшняго вѣка. Не смотря на свои великія достоинства, и этотъ трудъ не лишенъ также тенденціознаго направленія. Самъ Токвиль говоритъ, что „въ Америкѣ онъ искалъ не одну только Америку, а вообще демократію съ ея склонностями и характеромъ, предрасудками и страстями“, — что онъ хотѣлъ написать такую книгу, которая служила бы политическимъ кодексомъ для его соотечественниковъ. Въ южныхъ штатахъ, замѣчаетъ Каппъ, окружили его люди, старавшіеся выставлять ему только выгодныя стороны тамошняго быта, и это удалось имъ вполне. Хотя

Токвилль и говорить о рабствѣ, но очевидно, что вопросъ этотъ представлялся ему далеко не въ надлежащихъ размѣрахъ, со всѣми своими грозными послѣдствіями; во многихъ мѣстахъ своего знаменитаго сочиненія онъ развиваетъ и даже отстаиваетъ любимыя теоріи Юзанъ,—между прочимъ и ту, что еслибы какой-либо изъ штатовъ задумалъ отдѣлиться отъ Союза, то Союзъ не имѣетъ права удерживать его силою. Въ наблюденіяхъ своихъ надъ Сѣверомъ, Токвилль дѣйствовалъ гораздо самостоятельнѣе, онъ уже не имѣлъ тамъ опасныхъ своихъ руководителей, а потому наблюденія его отличаются вообще поразительною глубиною и мѣткостью.

Переходя къ разбору нѣмецкихъ сочиненій о Соединенныхъ Штатахъ, рецензентъ *Historische Zeitschrift* останавливается съ особенною похвалою на трудъ Р. Моля: „Das Bundesstaatsrecht der Vereinigten Staaten von Nordamerika“ (здѣсь слѣдуетъ также упомянуть о небольшомъ очеркѣ того же автора: „Das Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Nordamerika“, появившемся въ первомъ томѣ его „Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften“),—и затѣмъ на двухъ капитальныхъ сочиненіяхъ Цюрихскаго профессора Рюттимана: „Kirche und Staat in Nordamerika“ и „Das nordamerikanische Bundesstaatsrecht, verglichen mit den politischen Einrichtungen der Schweiz“. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій авторъ представилъ весьма подробное изслѣдованіе вопроса объ отношеніи церкви къ государству въ Соединенныхъ Штатахъ и высказываетъ, что вопросъ этотъ отнюдь не слѣдуетъ считать вполне разрѣшеннымъ, какъ привыкли думать до сихъ поръ. Напротивъ, собственно теперь онъ только и возникаетъ. Рюттиманъ сообщилъ много любопытныхъ свѣдѣній о католицизмѣ въ Сѣверной Америкѣ: въ 1785 году считалось тамъ всѣхъ католиковъ не болѣе 30.000, теперь же число это возрасло болѣе чѣмъ до 5.000.000, и политическіе люди республики съ опасеніемъ взираютъ на эту массу, которая уже не разъ обнаруживала тенденціи, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительными интересами отечества. Высоко цѣня труды цюрихскаго ученаго, Фр. Каппъ видитъ главный ихъ недостатокъ въ томъ, что авторъ не имѣлъ возможности посѣтить Америку, а черпалъ свои свѣдѣнія изъ книгъ. „А между тѣмъ“, замѣчаетъ онъ, „американскій отдѣлъ университетскихъ библиотекъ не только въ Швейцаріи, но и повсюду въ Германіи находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ началѣ текущаго столѣтія было еще извинительно пробавляться какою-нибудь дюжиною книгъ о Соединенныхъ Штатахъ, но теперь это положительно

стыдно. Мы хорошо известны американские отдѣлы въ библиотекахъ университетовъ Берлинскаго, Мюнхенскаго и Геттингенскаго: снудость ихъ превосходить всякія границы. Нельзя войти въ нихъ даже самыхъ обыкновенныхъ сборниковъ, какъ, напримѣръ, Commentaries Кента, или находятся они въ устарѣвшихъ изданіяхъ; что касается до полныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ конгресса, автобіографій и сочиненій знаменитыхъ государственныхъ людей или же рѣшеній верховнаго суда, то ничего этого нѣтъ и въ поминѣ. Такъ и кажется, что многія книги, хранящіяся въ этихъ Америкахъ, куплены по случаю у букиниста или у какого-нибудь антикварія“.

Нейманъ, авторъ весьма подробной „Исторіи Соединенныхъ Штатовъ“ (три тома, 1863 — 1868) имѣлъ въ последнее время большой успѣхъ въ Германіи, что не помѣшало, однако, критику *Historische Zeitschrift* произнести о немъ весьма строгій приговоръ. По мнѣнію Фр. Каппа, трудъ его лишентъ всякаго серьезнаго значенія. „Вообще“, говоритъ онъ, „въ высшей степени затруднительно довести до позднѣйшаго времени исторію страны, политическое развитіе коей, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, до такой степени еще сбивчиво и не ясно, что даже Гильдретъ рѣшился продолжить свой разказъ лишь до Миссурійскаго компромисса, а Банкрофтъ остановился на 1789 годѣ: тѣмъ болѣе не по силамъ подобная задача иностранцу, особенно такому идеалисту, какъ Нейманъ, который вознамѣрился, при изложеніи исторіи Соединенныхъ Штатовъ, выставить эту страну, во что бы то ни стало, примѣромъ подражанія для всѣхъ націй“. Главный недостатокъ Неймана, по словамъ того же рецензента, заключается въ томъ, что онъ пользовался источниками безъ всякаго разбора. Едва ли изучалъ онъ надлежащимъ образомъ Кента, Стори и Куртиса; ему неизвѣстны самыя важныя рѣшенія верховнаго союзнаго суда; за то цитируетъ онъ часто такія книги, которыя не пользуются ни малѣйшимъ авторитетомъ въ Америкѣ. Вслѣдствіе всего этого, сужденія его, по болѣе части, крайне легкомысленны и сбивчивы: нельзя, напримѣръ,—особенно теперь, послѣ всѣхъ совершившихся событій,—читать безъ улыбки выпрепнія его похвалы Пирсу и Буханану, этимъ постояннымъ защитникамъ рабства, которыхъ онъ величаетъ, какъ поборниковъ свободы и человѣческихъ правъ. „Словомъ“, говоритъ въ заключеніе рецензентъ *Historische Zeitschrift*, „Нейманъ не отличается вѣрнымъ пониманіемъ ни событій, ни лицъ; онъ смотритъ на все съ точки зрѣнія своихъ пред-

убѣжденій, и еслибы вздумалось кому-нибудь опровергать его, то для этого надо было бы написать цѣлую книгу“.

Трудъ профессора Гольста, заглавіе коего выписано нами выше, встрѣченъ былъ въ Германіи общими вѣхвалами, и Фр. Кашпъ вполнѣ присоединяется къ нимъ. Авторъ намѣревался вначалѣ изобразить только теперешнее политическое и социальное положеніе Соединенныхъ Штатовъ, но затѣмъ убѣдился, что для успѣшнаго выполненія задуманной имъ задачи необходимо заняться подробнымъ изученіемъ исторіи этой страны. Трудъ его долженъ состоять изъ трехъ частей: первая посвящена имъ внутренней исторіи Сѣверо-американской республики, на сколько это необходимо для уразумѣнія ея государственнаго права; вторая — изложенію этого государственнаго права, а третья — теперешнему политическому и социальному быту Соединенныхъ Штатовъ. Появившаяся нынѣ первая часть заключаетъ въ себѣ лишь первый отдѣлъ внутренней исторіи, а именно отъ учрежденія Союза до 1833 года, а во второмъ отдѣлѣ будетъ изображено историческое развитіе страны до настоящаго времени.

Ни въ нѣмецкой и ни въ какой другой европейской литературѣ, говорить *Historische Zeitschrift*, нельзя указать ни на одинъ трудъ, который, по достоинствамъ своимъ, могъ бы быть поставленъ на ряду съ сочиненіемъ проф. Гольста. Нельзя сомнѣваться, что онъ будетъ съ блестящимъ успѣхомъ доведенъ до конца, ибо въ изданной теперь первой части уже побѣждены авторомъ главнѣйшія трудности: исторія конституціонныхъ учреждений требовала съ его стороны особенно продолжительныхъ и тщательныхъ изысканій, а что касается до государственнаго права и теперешнихъ политическихъ и социальныхъ отношеній въ Сѣверной Америкѣ, то ему будетъ уже гораздо легче справиться съ этою задачей. Мы не имѣемъ, конечно, возможности излагать здѣсь сколько-нибудь подробно содержаніе книги Гольста, тѣмъ болѣе, что на основаніи вполнѣ самостоятельнаго изученія, авторъ непрерывно приходитъ къ такимъ выводамъ, которые находятся въ рѣзкомъ противорѣчьи съ господствовавшими доселѣ возрѣніями. Характеристики его различныхъ лицъ чрезвычайно рельефны: особенно удался ему Мадисонъ, Клей, Кальгоунъ и Александръ Гамильтонъ. Послѣдній изъ этихъ политическихъ дѣятелей ревностно заботился о томъ, чтобы автономію отдѣльныхъ штатовъ ограничить болѣе тѣсными предѣлами, не дать ей развиться въ ущербъ власти центральной, — за это обрушилась на него общая ненависть, его выставляли противникомъ свободы, и

только теперь, въ книгѣ Гольста, выступаетъ предъ нами въ настоящемъ свѣтѣ эта замѣчательная личность, съ своими высокими политическими стремленіями и планами.

E. Freeman. Historical Essays. Т. II. (Э. Фриманъ. Историческіе очерки. Т. II).

Эдвардъ Фриманъ пользуется значительною извѣстностью въ своемъ отечествѣ. Кромѣ капитальнаго своего труда, „Исторіи завоеванія Англій Норманнами“, онъ написалъ книгу объ англійской конституціи и помѣщаетъ статьи въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, — преимущественно въ *British Review* и *Fortnightly Review*. Статьи эти были собраны имъ въ два тома, о первомъ изъ которыхъ мы имѣли уже случай говорить ¹⁾, а теперь считаемъ необходимымъ упомянуть и о недавно появившемся въ свѣтъ второмъ, посвященномъ исключительно классической древности. Фриманъ обладаетъ весьма солидными достоинствами: это отнюдь не компиляторъ, но самостоятельный ученый; онъ основательно знакомъ съ нѣмецкою историческою литературою и результаты новѣйшихъ изслѣдованій умѣетъ излагать для публики съ рѣдкимъ талантомъ. Конечно, нельзя сравнить его съ Маколеемъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ послѣ этого писателя, впервые прославившагося своими „Essays“.

Во второмъ томѣ очерковъ особенное вниманіе останавливаютъ на себѣ слѣдующія статьи: „Древняя Греція и средневѣковая Италия“, „Аѳинская демократія“, „Греція во время македонскаго періода“, „Римская исторія Момзена“, „Луцій Корнелій Сулла“. Первой изъ нихъ, въ которой авторъ проводитъ параллель между древнею Греціею и средневѣковыми итальянскими республиками, принадлежитъ, конечно, по оригинальности, самое видное мѣсто; но для тѣхъ, кто захотѣлъ бы составить себѣ вѣрное понятіе о талантѣ автора, мы особенно рекомендуемъ его статью объ аѳинской демократіи. Основныя воззрѣнія Грота и Э. Курціуса изложены здѣсь весьма основательно и мѣтко. Фриманъ относится не всегда безпристрастно къ нѣмецкимъ историкамъ: онъ постоянно полемизируетъ, напримѣръ, противъ Момзена и выражаетъ даже сожалѣніе, что его „Римская исторія“ сдѣлалась настольною книгою въ англійскихъ университетахъ. *Historische Zeitschrift* замѣчаетъ по этому поводу, что тотъ не въ состояніи оцѣнить надлежащимъ образомъ знамени-

¹⁾ См. сентябрьскую книжку 1873 г.

тый трудъ Берлинскаго профессора, кто не вникалъ въ судьбы современной исторической науки въ Германіи. „Литература наша со- зрѣла“, говоритъ этотъ журналъ, „подъ исключительнымъ господ- ствомъ французскаго языка и правовъ, а ненавистное наполеонов- ское владычество вызвало на свѣтъ нашу историографію. Въ прош- ломъ она не имѣла для себя исходной точки. Это прошлое пред- ставляло зрѣлище народа, лишеннаго единства и раздираемаго кро- вавыми распрями, — а такое зрѣлище нельзя было, конечно, считать особенно утѣшительнымъ среди тѣхъ бѣдствій, которыя испытывала Германія въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Тогда-то взоры лучшихъ ея людей обратились къ древнему Риму. Тамъ предъ ними пред- стала народъ, духовныя силы котораго развились и окрѣпли пре- имущественно на поприщѣ политической дѣятельности, для граж- данъ коего не было лучшаго идеала, какъ величіе отечества, и хотя въ литературѣ и искусствѣ они не произвели ничего вполне ориги- нальнаго, но за то создали могущественное государство и имѣли са- мую блестящую исторію, о какой когда-либо сохранилось преданіе. Безгосударственная Германія, сосредоточившая, подобно древней Эл- ладѣ, свои интересы на философіи и литературѣ, училась изъ рим- ской исторіи основнымъ гражданскимъ обязанностямъ, заимствовала изъ нея азбучныя политическія понятія. Великое твореніе Нибура знаменуетъ какъ нельзя лучше вновь пробудившееся національное чувство, которому суждено было освободить родную почву отъ ино- странцевъ.... И затѣмъ позднѣе, когда въ 1848 году наступила новая фаза въ развитіи нашего отечества, не было у насъ, въ эту при- скорбную эпоху, лучшаго представителя въ литературѣ, какъ Мом- зень. Блестящій успѣхъ этихъ двухъ историковъ объясняется, глав- нымъ образомъ, ихъ отношеніемъ къ своему времени. Когда Мом- зень бичуетъ римскихъ юнкеровъ или выставляетъ изгнаніе Тар- квиніевъ торжествомъ партіи прогресса, то все это призраки, ко- торые изъ настоящаго были перенесены за тысячу лѣтъ назадъ. Изложеніе Момзена проникнуто тѣмъ глубокимъ паэосомъ, который способенъ пробудить въ груди каждаго сочувствіе къ бѣдствіямъ сво- его народа: не безъ основанія сравнивали его въ этомъ отношеніи съ Тацитомъ. Грядущія поколѣнія едва ли уразумѣютъ то непре- одолимое впечатлѣніе, которое производила на насъ эта удивительная книга, но во всякомъ случаѣ они не задумаются отвести Момзену и въ исторіи національной литературы такое же мѣсто, какое, по общему признанію, принадлежитъ ему въ наукѣ“.

Замѣтилъ здѣсь кстати, что въ прошломъ же году Фришавъ издалъ курсъ всеобщей исторіи для учебныхъ заведеній (Historical Course for Schools. General Sketsch of European History). Въ хронологическомъ порядкѣ старается онъ обозначить взаимное отношеніе важнѣйшихъ событій съ отдаленной древности до позднѣйшаго времени, останавливаясь лишь на самомъ существенномъ и избѣгая всякихъ подробностей. „Этнографическія и географическія основы въ этомъ очеркѣ, исходною точкою котораго служатъ арійскія, семитическія и туранскія племена, изложены хотя и въ популярной формѣ, но до такой степени превосходно“, замѣчаетъ одинъ критикъ, „что могутъ доставить удовольствіе даже и записному ученому“. Замѣчательно также искусство, съ которымъ авторъ умѣлъ совмѣстить въ сжатомъ очеркѣ (въ книгѣ всего около 370 стран.) всѣ главные факты. Съ особенною любовью остановился онъ на среднихъ вѣкахъ. Новая исторія подведена имъ подъ слѣдующія рубрики: величіе Италіи; величіе Франціи; возвышеніе Россіи; французская революція; политическое объединеніе Германіи и Италіи.

L. v. Ranke. Genesis des Preussischen Staates. Vier Bücher Preussischer Geschichte. (Л. Ранке. Зарожденіе Прусскаго государства. Четыре главы изъ исторіи Пруссіи).

Не смотря на свои преклонныя лѣта, Л. Ранке обнаруживаетъ изумительную дѣятельность, свидѣтельствующую о томъ, что къ счастью для науки силы этого знаменитаго ученаго нисколько не ослабѣваютъ. Въ прошломъ году издалъ онъ „Переписку Фридриха-Вильгельма IV съ Бунзеномъ“, а недавно появился другой его трудъ, не менѣе любопытный для каждаго любителя историческихъ изслѣдованій. Трудъ этотъ, заглавіе коего выписано нами выше (онъ составляетъ XXV и XXVI томы полнаго собранія его сочиненій), нельзя, пожалуй, назвать вполне новымъ. Уже въ 1847 году издалъ Ранке „Девять главъ изъ исторіи Пруссіи“, — книгу, которая въ то время, среди крайняго разгара страстей, вызвала много недоброжелательныхъ отзывовъ, направленныхъ исключительно противъ политическихъ мнѣній автора. Одинъ изъ отдѣловъ этой книги, а именно введеніе къ ней, авторъ подвергнулъ теперь коренной переработкѣ до такой степени, что вмѣсто краткаго очерка мы имѣемъ предъ собою цѣлый томъ, болѣе чѣмъ въ 500 страницъ убористой печати. Многое, чего въ прежнемъ сочиненіи Ранке коснулся лишь нѣсколькими намеками, обглыми указаніями, изложено имъ въ появившемся

нынѣ трудѣ какъ нельзя болѣе обстоятельно, на основаніи, по большей части, еще неизданныхъ источниковъ. Переработка такого рода можетъ, слѣдовательно, считаться произведеніемъ вполне новымъ и оригинальнымъ.

Въ книгѣ, о которой мы говоримъ, Ранке налагаетъ исторію Пруссіи съ возникновенія этого государства до вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма I. Она раздѣляется на слѣдующія четыре главы: Колонизація Бранденбурга и Пруссіи.—Бранденбургское курфиршество отъ XV до XVII столѣтій. — Великій курфирстъ. — Первый король.

Основной свой взглядъ выражаетъ Ранке слѣдующимъ образомъ. Прусское государство не принадлежитъ, по словамъ его, къ „національнымъ силамъ первобытной формаціи“; оно возникло въ то время, когда эти силы находились уже въ полномъ развитіи, когда происходила между ними ожесточенная борьба, вызванная политическими и религіозными стремленіями, и именно эта борьба послужила въ пользу Пруссіи. При возникновеніи этого государства участвовали преимущественно два фактора: съ одной стороны, постоянное расширеніе его территоріи, вслѣдствіе благоприятныхъ для него обстоятельствъ, а съ другой — династическіе интересы его правителей. „Взаимодѣйствіемъ этихъ двухъ элементовъ и объясняются поразительныя успѣхи Пруссіи“. Ранке озабочился выставить ихъ какъ можно рельефнѣе, и въ этомъ заключается главное достоинство его книги.

Слѣдуетъ желать, чтобы знаменитый историкъ довелъ до конца свой трудъ. Онъ намѣренъ точно также обстоятельно переработать и всѣ остальные части своего прежняго сочиненія, въ которомъ развязъ былъ доведенъ до второй половины царствованія Фридриха Великаго.

Stälin. Württembergische Geschichte. IV Theil. Schwaben und Franken vornehmlich im XVI Jahrh. (*Штелинь*. Исторія Виртемберга. Ч. IV.

Flathe. Geschichte des Kurstaates und Königreichs Sachsen. III B. Neuere Geschichte Sachsens von 1806—1866. (*Флате*. Исторія курфиршества и королевства Саксонскаго. Т. III. Новѣйшая исторія Саксоніи отъ 1806 до 1866 г.).

Мы сопоставили эти два сочиненія, хотя по содержанію своему они имѣютъ мало общаго. Вышедшій нынѣ III-й томъ исторіи Саксоніи Флате посвященъ событіямъ нынѣшняго столѣтія, а въ исторіи Виртемберга Штелины рѣчь идетъ о XVI вѣкѣ. Къ сожалѣнію, этой по-

слѣдней книгѣ суждено остаться безъ конца, ибо авторъ ея недавно умеръ. Скажемъ сначала о ней.

Штелинь пользовался въ своемъ отечествѣ весьма почтенною репутаціею. Это былъ ученый добросовѣстный, работавшій по источникамъ и не лишенный значительнаго таланта. Капитальный его трудъ, „Исторія Виртемберга“, долженъ былъ имѣть гораздо большіе размѣры, чѣмъ, напримѣръ, трудъ Флате, и чѣмъ далѣе подвигался авторъ въ своемъ изложеніи, тѣмъ болѣе возбуждалъ интереса. IV-й томъ его сочиненія обвиняетъ періодъ отъ 1550 до 1593 года, то-есть, царствованія двухъ герцоговъ: Христофора и Лудвига. Что касается до перваго изъ нихъ, то ему уже посвящены въ германской литературѣ монографіи Пфистера и Куглера: послѣдній изъ этихъ писателей пользовался документами Штутгартскаго государственнаго и придворнаго архивовъ, но и послѣ его Штелинь умѣлъ сообщить много новаго. Герцогъ Христофоръ игралъ въ свое время большую роль: не только удалось ему оградить свои владѣнія отъ посягательствъ Габсбургскаго дома, но совѣты его были охотно выслушиваемы во время войны германскихъ князей съ Карломъ V и при переговорахъ, предшествовавшихъ Аугсбургскому религіозному миру. Герцогъ Христофоръ ревностно заботился также о водвореніи согласія между государями, ставшими на сторону реформаціи: онъ сознавалъ, что подобное согласіе настоятельно необходимо въ виду новаго усиленія папской власти, но старанія его на этомъ поприщѣ не увѣнчались успѣхомъ. Мало того, онъ самъ увлекся религіозными распрями въ средѣ протестантизма: такъ, напримѣръ, ученіе Кальвина, пустившее глубокіе корни въ Пфальцѣ, встрѣтило въ немъ непримиримаго противника, и на сеймѣ 1566 года онъ выступилъ даже обвинителемъ курфюрста Фридриха III и требовалъ, чтобы постановленія религіознаго мира не были распространены на этого государя. И внутреннее управленіе герцога Христофора ознаменовано было не менѣе замѣчательными дѣйствіями: особенно много сдѣлалъ онъ для распространенія образованія въ своей странѣ, основавъ цѣлый рядъ учебныхъ заведеній на богатія средства, которыя достались ему отъ конфискаціи имуществъ католическихъ монастырей.

Что касается до Флате, то онъ рѣшился переработать „Исторію Саксоніи“ Вёттигера и это удалось ему какъ нельзя лучше. Особенно это замѣтно на появившемся нынѣ третьемъ томѣ, въ которомъ излагаются событія новѣйшей исторіи. У Вёттигера разказъ доведенъ до 1831 года, а Флате продолжилъ его до учрежденія Сѣверогерманскаго

союза въ 1866 году; въ книгѣ его поражаетъ замѣчательное обиліе новыхъ документовъ, которыми авторъ воспользовался весьма искусно. Отношенія Саксоніи къ императорской Франціи, безцеремонность Наполеона I въ сношеніяхъ даже съ такимъ преданнымъ ему союзникомъ, какъ Саксонскій король, учрежденіе герцогства Варшавскаго, — на все это Флате проливаетъ много свѣту, благодаря источникамъ, заимствованнымъ имъ изъ Дрезденскаго государственнаго архива. Поразительными красками изображаетъ онъ бѣдственное положеніе Саксоніи и герцогства Варшавскаго наканунѣ войны съ Россіей въ 1812 году. Наполеонъ приказалъ поставить на военную ногу и саксонскую, и польскую арміи, но денегъ для этого не было; „всѣ наши средства истощены, писалъ въ іюлѣ 1811 года Фридрихъ-Августъ одному изъ своихъ министровъ; какъ скоро израсходуемъ мы недавно заключенный заемъ, то машина должна лопнуть; мы стоимъ на краю пропасти“. Наполеонъ обнадеживалъ его обѣщаніемъ доставить суммы, необходимыя для мобилизаціи войска, и лѣтомъ 1812 года дѣйствительно распространилась радостная вѣсть, что суммы эти прибыли. Каково же было удивленіе саксонскихъ чиновниковъ, когда, раскрывъ ящики, они нашли въ нихъ только русскія ассигнаціи; попробовали эти ассигнаціи развѣнять — и всѣ они оказались фальшивыми! Фридрихъ-Августъ, возмущенный поступкомъ своего покровителя и союзника, велѣлъ тотчасъ же спрятать ихъ, но когда впоследствии русскія войска заняли Дрезденъ, то правительство наше узнало, что ассигнаціи эти хранятся въ Кёнигсштейнѣ и потребовало, чтобъ онѣ были выданы ему.

Книга Флате встрѣтила тѣмъ болѣе сочувственный приѣмъ со стороны лучшихъ нѣмецкихъ критиковъ, что авторъ ея является ревностнымъ приверженцемъ переворота, совершившагося на нашихъ глазахъ въ Германіи.

W. Maurenbrecher. Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit.
(В. Мауренбрехеръ. Этюды и очерки для исторіи эпохи реформаціи).

Основная мысль этого весьма почтеннаго труда заключается въ слѣдующемъ. До сихъ поръ всѣ историки, въ томъ числѣ даже и Леопольдъ Ранке, держались той мысли, что движеніе, извѣстное подъ именемъ реформаціи, возникло, развилось и пустило глубокіе корни собственно въ Германіи, или вообще среди народовъ германскаго происхожденія. Отчасти это справедливо, ибо если, напримѣръ, Швейцарія была охвачена единовременно не менѣе силь нымъ движеніемъ

то не слѣдуетъ забывать, что она находилась въ тѣсной зависимости отъ того, которое распространилось на германской почвѣ; съ другой стороны, хотя во Франціи происходили ожесточенныя религіозныя распри, но тамошніе гугеноты, не смотря на ихъ многочисленность и политическое значеніе, представляются явленіемъ, какъ бы чуждымъ своему народу. Что касается до Испаніи и Италіи, то реформація не пользовалась тамъ даже и минутнымъ торжествомъ. Все это утвердило взглядъ, что въ ней отразился геній преимущественно германской расы, въ противоположность генію расы латинской. Мауренбренхеръ оспариваетъ это воззрѣніе. Наканунѣ переворота, о которомъ идетъ рѣчь, говоритъ онъ, въ эпоху соборовъ, въ то время, когда господствовали попытки преобразовать церковь по собственной ея инициативѣ, заслуга этого реформаторскаго движенія принадлежала латинскимъ государствамъ, и преимущественно Франціи. Затѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ европейское общество было озабочено не только церковными, но политическими и социальными вопросами. Всюду оказывалась потребность новаго порядка вещей. Въ Германіи, напримѣръ, дворянство теряетъ свое прежнее значеніе, среднее сословіе начинаетъ играть такую роль, о какой оно и не мечтало прежде, въ крестьянской средѣ происходитъ глухое броженіе, а во всему этому присоединяется вопросъ о томъ, чтобы упрочить по возможности политическое единство этой страны, усилить центральную ея власть. Къ несчастію для Германіи, не нашлось у нея въ этотъ критическій періодъ правителя, достаточно гениальнаго и энергическаго, чтобы вывести ее на новый путь. Совершенно однородное движеніе господствуетъ и въ другихъ странахъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оно увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Первое мѣсто между ними принадлежитъ Испаніи, гдѣ правительству Фердинанда и Изабеллы удалось восторжествовать надъ феодальною аристократіею, прочно утвердить права короны и въ то же время произвести существенныя преобразованія въ средѣ католическаго духовенства. Оно ограничило вмѣшательство папъ въ церковныя дѣла своей страны, само назначало епископовъ, а папамъ предоставило только право утверждать ихъ, уравнило духовенство съ прочими сословіями относительно платежа налоговъ, установило въ монастыряхъ строгую дисциплину и т. д. Словемъ, во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ конца XV и начала XVI вѣковъ господствовало совершенно однородное движеніе какъ въ области политической, такъ и въ области церковной, и оно созрѣло до такой степени, что

требовало неминуемо своего разрѣшенія путемъ реформы или путемъ революціи. По какому изъ этихъ путей пошла та или другая страна, это зависѣло отъ различнымъ обстоятельствъ, но излагая ихъ исторію, нужно всегда имѣть въ виду ту общую нить, которая соединяла ихъ: вотъ взглядъ, который лежитъ въ основѣ вполнѣ самостоятельнаго труда Мауренбрехера (авторъ занимаетъ кафедру всеобщей исторіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ).

Moriz Ritter. Geschichte der deutschen Union. Von der Vorbereitungen des Bundes bis zum Tode Kaiser Rudolfs II (1598—1612).—(*Морицъ Риттеръ*. Исторія германской уни. Отъ предуготовленія союза до кончины императора Рудольфа II).

Періодъ, предшествовавшій тридцатилѣтней войнѣ, еще недостаточно разработанъ въ нѣмецкой литературѣ. И эта война, и реформація первой половины XVI вѣка вызвали цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ, но событія, послѣдовавшія за Аугсбургскимъ религиознымъ миромъ 1555 года, еще ожидаютъ своихъ изслѣдователей. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ того—трудность собрать документы, разсѣянные въ различныхъ архивахъ. Мюнхенская историческая коммиссія приступила къ этой задачѣ и уже успѣла обнародовать значительное количество, по крайней мѣрѣ, самыхъ важныхъ актовъ. Одинъ изъ ея членовъ, профессоръ Боннскаго университета, Морицъ Риттеръ занялся теперь, на основаніи ихъ, исторією протестантской уни, которую онъ намѣренъ довести до 1612 года.

Чтобы объяснить причины, вызвавшія уни, слѣдовало указать на усилившуюся въ началѣ XVII вѣка агитацію католической партіи. Центромъ ея служила Австрія, а потому изображенію событій въ этомъ государствѣ въ царствованіе императора Рудольфа и посвящена первая половина вышедшей нынѣ книги Морица Риттера. „Молодость Рудольфа“, говоритъ авторъ, „относится къ тому періоду, когда католическая церковь какъ нельзя болѣе опредѣленно установила свою доктрину и не хотѣла слышать ни о какомъ соглашеніи, требовала безусловной покорности отъ своихъ противниковъ. Рудольфъ усвоилъ себѣ этотъ взглядъ сначала подъ вліяніемъ своей матери, а потомъ при дворѣ Филиппа II испанскаго. Возвратившись въ Германію, онъ вступилъ, 24 лѣтъ отъ роду, на престолъ своего отца: человекъ, по видимому, благодушный и серьезный, но застѣнчивый и робкій, онъ туго усвоивалъ какую-нибудь мысль, былъ крайне нерѣшителенъ и избѣгалъ личныхъ сношеній какъ въ обществѣ, такъ и съ дѣловыми

людьми. Любимымъ его развлеченіемъ были его художественныя и ученныя коллекціи; не было для него болѣе отраднаго занятія, какъ изученіе природы и ея законовъ. Наклонность ко всему таинственному привела его къ астрологін и алхиміи; онъ былъ всецѣло поглощенъ этими мнимыми науками, стараясь уразумѣть изъ нихъ тѣ вліянія, которымъ подвержены какъ явленія природы, такъ и судьба человѣческаго рода. Но при всемъ своемъ благодушіи, онъ отличался раздражительностью и упорствомъ, и могъ жить въ мирѣ съ окружающимъ его обществомъ въ томъ только случаѣ, если оно не уклонялось отъ пути, казавшагося ему единственно вѣрнымъ“. Уже въ самомъ началѣ своего царствованія, а именно когда возникъ вопросъ о чрезвычайномъ налогѣ для войны съ Турками, Рудольфъ былъ возмущенъ до послѣдней степени оппозиціею венгерскихъ и австрійскихъ государственныхъ чиновъ. Императоръ способенъ впасть въ тяжкую меланхолію, говорили его приближенныя, если эта оппозиція не прекратится. Онъ удалился въ Прагу, „но и тамъ“, продолжаетъ Риттеръ, „не могъ преодолѣть своего отвращенія къ людямъ и занятію государственными дѣлами. Мысль о томъ, чтобы вступить въ бракъ, приводила его въ ужасъ: всякое сколько нибудь оживленное общество утомляло его; онъ никогда не присутствовалъ при совѣщаніяхъ министровъ, велъ монотонную и безрадостную жизнь, почти не покидалъ своихъ садовъ и кабинетовъ, и лишь весьма немногіе ученые и самыя ближайшія совѣтницы имѣли къ нему доступъ....“

При полномъ бездѣйствіи Рудольфа, но опираясь вмѣстѣ съ тѣмъ на его сочувствіе, организовалась та могущественная клерикальная партія, которая объявила войну на жизнь и смерть протестантизму. Предъ нами проходитъ цѣлый рядъ главнѣйшихъ ея дѣятелей—Адальбертъ Лобковицъ въ Богеміи, кардиналъ Дитрихштейнъ въ Моравіи, вѣнскій епископъ Мельхиоръ Клезль въ герцогствѣ Австрійскомъ и др.: автору „Исторіи уни“ особенно удаются характеристики, а потому всѣ эти личности выступаютъ въ его разказѣ чрезвычайно рельефно.

То же самое нужно сказать и объ изображеніи имъ главнѣйшихъ вождей протестантизма. Первое мѣсто между ними принадлежитъ принцу Христіану Ангальтскому, который въ 1595 поступилъ на службу къ курфирсту Пфальцскому и приобрѣлъ огромное на него вліяніе. Онъ давно уже видѣлъ приближавшуюся грозу, считалъ ее неизбѣжною и принималъ всѣ средства, чтобы она не застала върасплохъ его единовѣрцевъ. Превосходно выступаетъ предъ нами, въ

разказъ Риттера, трагическая судьба этого дѣятеля, который, съ одной стороны, питалъ самые широкіе замыслы, а съ другой—встрѣчалъ непрерывно противодѣйствіе въ эгоизмѣ, недалковидности и разобщенности протестантскихъ князей. Переговоры его съ Франціею,—переговоры, къ которымъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть не смотря на то, что ими возмущалось патріотическое его чувство,—изложены Риттеромъ на основаніи, по большей части, новыхъ документовъ.

Событія въ Германіи принимаютъ особенно критическій оборотъ съ тѣхъ поръ, какъ появляется на сцену Максимилианъ Баварскій. Характеристика этого государя принадлежитъ къ самымъ удачнымъ во всей книгѣ. Нужно вообще замѣтить, что авторъ, хотя и протестантъ, относится, по возможности, совершенно объективно къ изображаемымъ имъ событіямъ и лицамъ: убѣдиться въ этомъ можно изъ того, что даже теперешній католическій органъ въ Германіи *Historisch-politische Blätter für das katholische Deutschland* отозвался съ большими похвалами объ его трудѣ, который съ разу доставилъ ему весьма почетную извѣстность въ нѣмецкой литературѣ.

Adolf Beer. Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel. (Адольфъ Беръ. Иосифъ II, Леопольдъ II и Кауницъ. Ихъ переписка).

Обнародованная въ этой книгѣ переписка Кауница съ двумя австрійскими государями, при которыхъ онъ игралъ столь видную роль, имѣетъ совершенно частный характеръ. Произошло это отъ того, что письма политическаго содержанія были уже напечатаны въ другихъ сборникахъ или недостаточно еще обработаны, чтобы теперь же выпустить ихъ въ свѣтъ. Но появившаяся нынѣ корреспонденція весьма любопытна, ибо въ ней разсѣяно много свѣдѣній о вѣнскомъ обществѣ и преимущественно о самомъ Кауницѣ,—свѣдѣній, весьма благоприятныхъ для этого знаменитаго министра, ибо они убѣждаютъ насъ, что, не смотря на всѣ громадныя свои недостатки, онъ былъ, по крайней мѣрѣ, искренно преданъ императорамъ Иосифу и Леопольду, которые, съ своей стороны, питали къ нему полное довѣріе. Въ приложеніи къ книгѣ помѣщено нѣсколько писемъ герцога Альберта и его супруги, въ которыхъ находятся весьма интересныя подробности о тогдашнемъ состояніи Бельгіи.

Edmond Hugues. Antoine Court. Histoire de la restauration du protestantisme en France au XVIII siècle, d'après des documents inédits. (Эдмонд Гюгъ. Антуанъ Куртъ. Исторія возстановленія протестантизма во Франціи въ XVIII столѣтіи, на основаніи неизданныхъ источниковъ).

Извѣстно, что въ октябрѣ 1685 года Лудовикъ XIV отмѣнилъ Нантскій эдиктъ, вслѣдствіе чего огромныя толпы протестантовъ— а именно до 300.000—удалились въ Англию, Швейцарію, Голландію, Пруссію и даже въ Америку и не мало содѣйствовали въ этихъ странахъ развитію промышленности и торговли. Эта печальная драма уже достаточно подробно изложена была различными французскимн историками, но они почти вовсе не касались вопроса о судьбѣ тѣхъ протестантовъ (число коихъ простиралось до 1.000.000), которые не захотѣли повинуть своего отечества. Какимъ образомъ эти люди, подвергавшіеся невыносимымъ преслѣдованіямъ, достигли наконецъ того, что въ концѣ XVIII вѣка были признаны ихъ гражданскія права? Молодой ученый, г. Э. Гюгъ, занялся этимъ предметомъ, на основаніи многихъ, доселѣ совершенно неизвѣстныхъ, документовъ, между которыми особенно важное значеніе имѣютъ бумаги Антуана Курта, хранящіяся въ Женевскихъ архивахъ не менѣе чѣмъ въ 116 томахъ.

Если Лудовикъ XIV стремился къ совершенному истребленію протестантизма во Франціи, то ему далеко не удалось достигнуть этой цѣли. Число приверженцевъ этого исповѣданія отнюдь не уменьшалось. Наканунѣ, можно сказать, своей кончины король вознамѣрился нанести имъ послѣдній ударъ, а именно 8-го марта 1715 года появился его указъ, въ которомъ говорилось, что протестантовъ не существуетъ болѣе во Франціи, что всѣ они возвратились уже въ лоно римской церкви, и что если затѣмъ кто нибудь обнаружитъ расположеніе къ протестантизму, то слѣдуетъ смотрѣть на этихъ людей, какъ на отступниковъ отъ католической религіи, и поступать съ ними по всей строгости уголовныхъ законовъ (qu'ils soient réputés relaps et sujets aux peines les plus sévères). Со времени изданія упомянутаго декрета, то есть, съ 1715 года, Гюгъ и начинаетъ свою исторію. Подробно излагаетъ онъ бѣдствія, испытанныя протестантами отъ усилившихся гоненій, подвиги ихъ пастырей, старавшихся укрѣпить ихъ вѣру, и нерѣшительную, исполненную противорѣчій, политику правительства. По смерти Лудовика XIV протестанты разчитывали на облегченіе своей жалкой участи; регентъ, герцогъ Орлеанскій, не только не былъ фанатикомъ, но не имѣлъ никакихъ религіозныхъ вѣрованій; многіе изъ его совѣтниковъ, и въ томъ числѣ герцогъ

С. Симонъ (авторъ знаменитыхъ мемуаровъ), убѣждали его отмѣнить драконовскія постановленія покойнаго короля, а между тѣмъ при немъ появился декретъ, который не только подтверждалъ, но усиливалъ жестокія мѣры, содержавшіяся въ декретѣ 1715 года. Подобная непоследовательность отнюдь не удивитъ того, кто изучалъ характеръ регента. Приверженцы протестантизма вынуждены были собираться, для богослуженія, по ночамъ и въ потаенныхъ мѣстахъ; тамъ, „посреди скалъ и лѣсовъ“, разказываетъ нашъ авторъ, „пасторы благословляли сочетавшихся бракомъ и крестили новорожденныхъ младенцевъ“. Нельзя не замѣтить, однако, что усилившіяся гоненія находились въ совершенномъ противорѣчій съ правами тогдашняго французскаго общества, да и лица, облеченныя властью, отнюдь не были согласны между собою по вопросу о томъ, какъ слѣдовало примѣнять постановленія закона. Съ одной стороны, встрѣчались между ними яростные фанатики, на примѣръ, министр С. Флорентенъ, который давалъ такого рода наставленія интендантамъ: „ничто не можетъ произвести болѣе сильное впечатлѣніе; какъ казнь какого либо проповѣдника, и я искренно желаю, чтобы попался вамъ кто-нибудь изъ нихъ“,—съ другой, многіе изъ интендантовъ относились весьма благодушно къ приверженцамъ протестантизма; парламенты же всякій разъ, когда приходилось имъ рѣшать дѣла, въ которыхъ были замѣшаны эти послѣдніе, высказывались въ ихъ пользу.

Въ концѣ царствованія Лудовика XV, но еще болѣе при Лудовикѣ XVI, созрѣло, наконецъ, убѣжденіе въ необходимости произвести коренную реформу въ положеніи французскихъ протестантовъ. Вотъ что говорилъ Мальзербъ въ запискѣ, поданной имъ королю: „Наложничество и развратъ, безчисленныя прелюбодѣянія, подкупъ за деньги служителей церкви, подкупъ гражданскихъ чиновниковъ и свидѣтелей, профанация таинства покаянія, клятвопреступленія у подножія алтарей, фальшивыя свидѣтельства о причащеніи и исповѣди,—на все это невольно осуждены теперь люди, совѣсть которыхъ глубоко возмущается подобными дѣйствіями“. Тюрго и Мальзербъ предлагали узаконить браки протестантовъ и признать ихъ право передавать свое имущество по наслѣдству. Въ такомъ именно смыслѣ и составленъ былъ эдиктъ, внесенный, въ 1787 году, на утверженіе парламента министромъ Ламуаньономъ. Мы видимъ изъ него, что правительство не только не думало возратить протестантамъ тѣхъ льготъ, которыми они пользовались по Нантскому эдикту, но не допускало ихъ ни къ какимъ должностямъ, не позволяло имъ даже совершать пуб-

лично свое богослуженіе. Повидимому, ничто не могло быть скромнѣе принятой имъ мѣры, но даже и она казалась въ то время многимъ слишкомъ радикальною и членъ парламента Д'Епремениль возсталъ противъ нея въ самыхъ неистовыхъ выраженіяхъ.

Полное уравненіе протестантовъ съ католиками произошло лишь въ 1792 году.

Gregorovius. Lucrezia Borgia. Nach Urkunden und Correspondenzen ihrer eigenen Zeit. (*Грегоровіусъ. Лукреція Борджія. На основаніи современныхъ ей документовъ и писемъ*).

Извѣстный авторъ „Исторіи города Рима въ средніе вѣка“, Грегоровіусъ, вознамѣрился представить въ этой книгѣ вполне вѣрное изображеніе Лукреціи, дочери папы Александра VI и сестры Цезаря Борджіи. Имя этой женщины давно уже сдѣлалось достояніемъ даже весьма мало образованной публики; безчисленныя ея приключенія не разъ служили темою для романовъ, драмъ, оперныхъ либретто, а между тѣмъ историки почти не принимали доселѣ труда заняться вполне точнымъ изслѣдованіемъ ея странной судьбы. По справедливому замѣчанію Грегоровіуса, Лукреція остается доселѣ легендарною личностью. „Легенда представляетъ ее намъ Менадою, съ кубкомъ яду въ одной и съ виномъ въ другой рукѣ, и между тѣмъ это существо, такъ живо напоминающее Фурию, отличается изящными и кроткими чертами Граціи“. Макіавели, Гвиччардини, Санназаръ, Понтанусъ и другіе итальянскіе поэты и историки XVI вѣка не пощадили для Лукреціи самыхъ мрачныхъ красокъ, и образъ ея, въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ подъ ихъ пера, сохранился неизмѣннымъ до сихъ поръ. Правда, нѣкоторые историки пытались оправдать Лукрецію отъ таготившихъ на ней нареканій: такъ поступилъ еще Роско, а по слѣдамъ его пошли Доменико Гверри (*Alessandro VI Papa e suoi contemporanei*, 1858), Кампори (*Una vittima della Storia*, 1866), Антонелли (*Lucrezia Borgia*, 1867), Цукетти (*Lucrezia Borgia in Ferrara*) и наконецъ англійскій писатель, Уильямъ Джильбертъ. Довольно обширный трудъ его (*Lucrezia Borgia, Duchess of Ferrara*, въ двухъ томахъ) написанъ на основаніи документовъ, но онъ не умѣлъ пользоваться ими, и въ тому же авторъ занялся подробно лишь тѣмъ временемъ, когда Лукреція оставалась въ Феррарѣ; другой же, и несравненно болѣе важный періодъ—періодъ пребыванія ея въ Римѣ—означенъ имъ только въ общихъ чертахъ.

Грегоровіусъ говоритъ, что при занятіяхъ своихъ исторіею Рима

онъ напалъ на весьма любопытные документы, относящіеся къ біографіи Лукреціи Борджіи и уже тогда задумалъ воспользоваться ими для отдѣльной монографіи. Намѣреніе это окончательно утвердилось у него, когда въ 1872 году онъ познакомился съ дневникомъ Камилло Бенабене, довѣреннаго нотаріуса папы Александра VI. Здѣсь нашелъ онъ подробныя свѣдѣнія о брачныхъ контрактахъ Лукреціи и множество указаній о частной ея жизни. Изысканія, сдѣланныя имъ въ архивахъ Модены, Мантуи, Пезаро, Феррары и Флоренціи, привели его также къ весьма счастливымъ результатамъ. Плодомъ всего этого было теперешнее его сочиненіе, которое и по полнотѣ, и по тщательной разработкѣ источниковъ, стоитъ неизмѣримо выше всего, что было до сихъ поръ писано о пресловутой дочери папы Александра VI.

Грегоровіусъ вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые, ради оригинальности и эффекта, любятъ выставлять въ привлекательномъ свѣтѣ различныя историческія личности, заслужившія позорную репутацію. Книга его вовсе не содержитъ апологію Лукреціи Борджіи. Если приговоръ его объ этой женщинѣ гораздо снисходительнѣе того, который установился въ исторіи, если онъ не считаетъ ее виновною во многомъ, въ чемъ упрекали ее до сихъ поръ, то единственно потому, что таково его безпристрастное убѣжденіе.

Монографію свою раздѣлилъ Грегоровіусъ на двѣ части: „Лукреція Борджія въ Римѣ“ и „Лукреція Борджія въ Феррарѣ“. Мы не можемъ, конечно, познакомить здѣсь нашихъ читателей, хотя бы и вкратцѣ, съ этою интересною книгою, тѣмъ болѣе, что для этого пришлось бы вдаваться во множество, часто даже мелочныхъ, подробностей. Скажемъ только, что новый трудъ Грегоровіуса важенъ для уясненія не только личности Лукреціи Борджіи, но и вообще состоянія италіанскаго общества въ концѣ XV вѣка. Въ высшей степени любопытна, между прочимъ, глава объ образованности тогдашнихъ италіанскихъ женщинъ. Образованность эта была неизмѣримо выше той, которую мы видимъ теперь: женщины серьезно занимались богословіемъ, философіею, древними языками, изучали греческихъ и латинскихъ писателей. Лукреція, вовсе не составлявшая какого-нибудь рѣдкаго исключенія, свободно объяснялась по гречески и по латыни.

Но что же сказать о взглядѣ Грегоровіуса на характеръ и дѣятельность этой замѣчательной женщины? Онъ не вѣритъ, чтобы она отличалась жестокосердіемъ и крайнею распущенностью нравовъ, — и не вѣритъ этому съ достаточнымъ основаніемъ: Лукреція съ молодости окружена была такими людьми, которые не понимали различія

между добромъ и зломъ; она имѣла много враговъ, и несомнѣнные факты утверждаютъ, что невыгодные о ней слухи были распространяемы исключительно этими врагами. Изъ многочисленныхъ свидѣтелей ея образа жизни въ Римѣ нѣтъ ни одного, сколько нибудь безпристрастнаго къ ней человѣка, который подтвердилъ бы возведенныя противъ нея ужасныя обвиненія. Гвиччардини занесъ ихъ въ свою хроникку, но Гвиччардини не былъ въ Римѣ, когда жила тамъ Лукреція, онъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ чужихъ рукъ, главнымъ же источникомъ для него служили сатиры Понтануса и Санназара,—двухъ поэтовъ, почти никогда не покидавшихъ Неаполя и ненавидѣвшихъ Борджіевъ потому, что они считали ихъ главными виновниками бѣдствій, постигшихъ Аррагонскую династію. Замѣчательно также, что другой писатель, Гвидо Постумъ, яростный врагъ Александра VI, не щадившій его въ своихъ эпиграмахъ, не только не клеймитъ Лукрецію, но даже вовсе не упоминаетъ о ней. Нельзя не обратить также вниманія и на то обстоятельство, что какъ скоро изъ Рима переѣхала она во Флоренцію, то всѣ сколько нибудь замѣчательные люди, знавшіе ее въ этомъ послѣднемъ городѣ, отзываются о ней почти съ безусловными похвалами. Къ числу этихъ панегиристовъ Лукреціи принадлежали оба Строрци, Бембо, Альдъ Мануцій, Аріосто и французскій біографъ Вайярда. „Конечно“, говоритъ Грегоровіусъ, „всѣ они не были свидѣтелями ея походовъ въ Римѣ, и вслѣдствіе того можно, пожалуй, заподозрить ихъ показанія, но съ другой стороны нельзя предположить, чтобы столь благородныя личности, какъ Альдъ, Бембо и Аріосто, дошли до такого безстыдства, чтобы выставять образцомъ женскихъ добродѣтелей Лукрецію, если бы имѣли они основаніе довѣрять страшной о ней молвъ“. Изъ этого явнаго противорѣчія въ отзывахъ объ ея пребываніи въ Римѣ и въ Феррарѣ Грегоровіусъ заключаетъ, что въ столицѣ папы Александра VI преслѣдовала Лукрецію непримиримая злоба ея враговъ.

„Конечно“, говоритъ авторъ въ концѣ своей книги, „трудно предположить, чтобы Лукреція сохранила чистоту нравовъ въ растлѣнной атмосферѣ тогдашняго Рима, въ близкомъ общеніи съ людьми, которые ее окружали тамъ. Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы она дѣйствительно была заражена возмутительными пороками. Лукреціи приписывали, между прочимъ, такую необычайную сухость сердца, на которую способенъ только человѣкъ, погрязшій въ страшнѣйшихъ преступленіяхъ,—о ней говорили, что слѣды того разрушительнаго дѣйствія, которымъ отражается на человѣческой

натурѣ всякое необычайное злодѣяніе, она умѣла скрывать подѣ улыбкою, пріятною наружностью: если такъ, то слѣдовало бы заключить, что въ искусствѣ лицемерія и притворства Лукреція обладала почти недоступнымъ совершенствомъ, а между тѣмъ ничто такъ не прельщало феррарскихъ ея друзей, какъ внутренняя, ясная прелесть всего ея существа. Достаточно взглянуть на портретъ ея, сдѣланный въ 1502 году, чтобы рѣшить, можетъ ли скрываться подѣ столь обворожительными чертами та безчеловѣчная фурія, которую Санназаръ изобразилъ въ своихъ эпиграммахъ“.

Снимокъ съ портрета, о которомъ упоминаетъ Грегоровіусъ, приложенъ къ его книгѣ. Кромѣ того въ приложеніи находится нѣсколько facsimile съ автографовъ Александра VI, Цезаря и Лукреціи Борджіа.

W. N. Molesworth. The History of England from the year 1830. (*В. Молесвортъ. Исторія Англіи съ 1830 года.*)

Geschichte des Grossbritannischen Reiches von 1832 bis 1871 (in Ersch und Gruber Allgemeine Encyclopädie). Исторія Великобританской имперіи съ 1832 до 1871 года. (Напечатано во «Всеобщей энциклопедіи» Эрша и Грубера, т. 92. стр. 295—480).

Обѣ эти книги отличаются замѣчательными достоинствами и взаимно пополняютъ одна другую. Англійскій авторъ уже приобрѣлъ себѣ извѣстность своею исторіею парламентской реформы 1832 года, написанною съ весьма либеральной точки зрѣнія; теперь выступаетъ онъ съ гораздо болѣе обширнымъ трудомъ, а именно онъ задумалъ изобразить судьбы своего отечества съ 1830 года до начала послѣдней восточной войны (1853—1856 гг.). Неизвѣстно, кому принадлежитъ нѣмецкое сочиненіе, заглавіе коего выписано выше, — сочиненіе, въ которомъ разказъ доведенъ до выхода въ отставку перваго министерства лорда Пальмерстона: если авторъ скрылъ свое имя изъ скромности, то это совершенно напрасно, ибо нѣмецкіе критики — и въ томъ числѣ Паули, основательный знатокъ современной Англіи, — придаютъ большое значеніе его труду.

Молесвортъ занятъ преимущественно борьбою партій; онъ старается объяснить, какимъ образомъ каждая изъ нихъ пользовалась важнѣйшими вопросами для того, чтобы утвердить свое вліяніе въ странѣ; взаимныя отношенія торіевъ и виговъ, либераловъ, консерваторовъ и приверженцевъ манчестерской школы изложены у него какъ нельзя болѣе подробно. Что касается до нѣмецкаго автора, то у него на первомъ планѣ являются не столько партіи, сколько эконо-

номическія и соціальныя задачи, занимавшія общественное мнѣніе Англии начиная съ 1832 года: переворотъ, которымъ отразилось разрѣшеніе этихъ задачъ на взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ слоевъ общества, на морскомъ и колониальномъ могуществѣ страны, главнымъ образомъ привлекаетъ его вниманіе. Видно, что онъ мало обращался къ источникамъ, но за то основательно знакомъ съ литературою своего предмета; къ тому же экономическія его свѣдѣнія весьма обширны, вслѣдствіе чего изъ книги его можно почерпнуть болѣе основательное понятіе о внутреннемъ развитіи Англии, чѣмъ изъ книги Молесворта.

Жаль только, что трудъ его появился въ „Энциклопедіи“ Эрша и Грубера, ибо большинство публики рѣдко обращается къ этому многоготовому изданію. Перепечатать же его отдѣльно авторъ не имѣетъ, кажется, права. „Англичане поступаютъ въ этомъ случаѣ гораздо практичнѣе“, замѣчаетъ Паули (*Hist. Zeitschrift*, IV, 1873): „каждый томъ „Popular History of England“ Чарльса Кнейта (Knight), — сочиненія, къ сожалѣнію, мало извѣстнаго даже въ Германіи, — можно приобрѣтать порознь. Авторъ (умершій въ 1872 году) извѣстенъ былъ какъ издатель „Penny Encyclopaedia“ и какъ одинъ изъ остроумныхъ критиковъ Шекспира. Не задолго до смерти онъ успѣлъ издать 8-й томъ своей исторіи, въ которомъ изложены событія до 1848 года, и разказъ его отличается такимъ мастерствомъ, что даетъ чрезвычайно живое и вѣрное понятіе о политическомъ и соціальномъ развитіи Англии въ новѣйшее время“.

Sicherer. Staat und Kirche in Baiern 1799 — 1821. (*Зихереръ*, Государство и церкви въ Баваріи отъ 1799 до 1821 года).

Извѣстно, какое огромное значеніе имѣетъ въ настоящее время въ Германіи распря между государствомъ и католическою церковью. Распря эта уже породила цѣлую литературу, и — явленіе, возможное только въ странѣ, обладающей столь солидною культурою, какъ Германія, — въ ряду литературныхъ произведеній, вызванныхъ ожесточенною полемикою, находится не мало такихъ, которыя по своей многосторонности и основательности вносятъ богатый вкладъ въ науку. Труды О. Мейера, Шульте, Фридберга, Ниппольда, имѣющіе цѣлью разъяснить отношенія римской курии къ различнымъ Германскимъ государствамъ преимущественно въ нынѣшнемъ столѣтіи, появились въ теченіе послѣднихъ трехъ или четырехъ лѣтъ. Монографія Зихерера

преслѣдуетъ ту же задачу и нисколько не уступаетъ имъ по своимъ достоинствамъ.

Періодъ, изслѣдованіемъ коего занялся авторъ, весьма не обширенъ, но представляетъ значительный интересъ. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ (отъ 1799 до 1821 года) католическая церковь въ Баваріи пережила много переворотовъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ Зихереръ изображаетъ довольно подробно положеніе ея до рабства, порожденнаго французскою революціею и отразившагося очень сильно на южно-германскихъ государствахъ. Баварія была до тѣхъ поръ дѣйствительно и въ полномъ смыслѣ слова „католическою страной“; всѣ другія исповѣданія не пользовались въ ея предѣлахъ почти никакими правами; школы находились въ исключительномъ завѣдываніи католическаго духовенства; цензура принадлежала иезуитамъ; всѣ учебныя книги, авторы конхъ не были католики, подвергались строгому запрету, даже если предметомъ ихъ служили математика, физика и химія. Все это продолжалось до вступленія на престолъ Максимилиана IV, при которомъ, по инициативѣ всемогущаго его министра Монжелля, начались реформы, имѣвшія цѣлью ниспровергнуть господство каноническаго права въ Баваріи. Протестанты, которымъ воспрещалось до тѣхъ поръ отправлять публично свое богослуженіе въ этой странѣ, которые даже въ правахъ осѣдлости и торговли терпѣли всяческія притѣсненія, вдругъ были совершенно уравнены съ католиками. „Отчего бы“, говорилось въ одномъ изъ декретовъ Максимилиана, „людямъ, исповѣдующимъ различную вѣру, не жить въ тѣсномъ единодушіи и согласіи, какъ братьямъ одной семьи, сыновьямъ одного отца?“ До 1800 года считалось въ Баваріи 170 монастырей и 7.540 духовныхъ лицъ (въ одномъ лишь Мюнхенѣ 70 монастырей на 40.000 жителей): болѣе чѣмъ двѣ трети этихъ монастырей были закрыты и имущество всѣхъ ихъ безъ различія конфисковано и употреблено для благотворительныхъ цѣлей.

Баварское правительство умѣло такимъ образомъ устроить свои отношенія къ католической церкви, что не допускало ни малѣйшаго со стороны ея вмѣшательства въ свѣтскія дѣла. Образцомъ для него и въ этомъ, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, служилъ порядокъ вещей, установленный Наполеономъ во Франціи. Но съ 1815 года событія принимаютъ иной оборотъ. Продолжительныя войны, поглотившія столько народу и потрясшія матеріальное благосостояніе Европы, тяжело отозвались на обществѣ; подъ вліяніемъ испытанныхъ бѣдствій, въ немъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, пробудилось

религіозное чувство; папская власть спѣшила воспользоваться этимъ благоприятнымъ для нея настроеніемъ, и не только католическія страны, но даже Россія, Англія, Пруссія, готовы были поддержать ея авторитетъ, ибо видѣли въ немъ одинъ изъ оплотовъ противъ революціонныхъ стремленій. Съ этой точки зрѣнія, переговоры римской куріи съ различными, преимущественно Германскими, государствами о конкордатахъ, долженствовавшихъ опредѣлить права католической церкви и духовенства, имѣютъ весьма важный интересъ.

Тогдашній папа Пій VII и министръ его, кардиналъ Консальви, славившись своею уступчивостью, своею готовностью отречься отъ многихъ средневѣковыхъ притязаній римскаго престола въ пользу идей своего вѣка и измѣнившихся потребностей общества. Зихереръ, точно такъ же какъ и другіе историки, о которыхъ мы упомянули выше, оспариваетъ этотъ взглядъ. Въ появившейся недавно брошюрѣ своей „Klerikale Politik im XIX Jahrhundert“, Зибель объясняетъ слѣдующимъ образомъ политику папской власти: „На Вѣнскомъ конгрессѣ Консальви представилъ, во имя вѣковыхъ притязаній куріи, протестъ противъ всего, что совершилось съ 1789 года, и требовалъ восстановления въ Германіи церковныхъ владѣній. Нельзя не замѣтить для характеристики тогдашнихъ государственныхъ людей, что подобный поступокъ нисколько не поколебалъ надежды, возложенныя ими на папство. Они утѣшали себя мыслью, что курія не можетъ пожертвовать своими принципами, но въ практическомъ ихъ примѣненіи будетъ податлива и уступчива, что изъ за нѣсколькихъ официальныхъ выраженій, которыми едва ли и придавалось серьезное значеніе, не благоразумно колебать спасительный союзъ, заключенный свѣтскими и духовными властителями противъ революціи. Консальви остерегся, конечно, возражать противъ столь удобнаго для него воззрѣнія, — напротивъ, въ частныхъ совѣщаніяхъ онъ даже подтверждалъ его. „Уступите намъ только относительно принципа“, говоритъ онъ, „а затѣмъ, если нельзя иначе, дѣлайте что хотите; мы будемъ смотрѣть сквозь пальцы“. И такъ принципъ былъ выгороженъ до перваго благоприятнаго случая. „Въ подобныхъ случаяхъ“, говорилъ Пій VII, „надо поневолѣ сообразоваться съ обстоятельствами, — еретики слишкомъ сильны въ Европѣ“. Очевидно изъ этого, до какой степени было справедливо мнѣніе, что Консальви, и даже самъ папа, принадлежали къ умѣренной партіи и что эта партія вынуждена была бороться въ коллегіи кардиналовъ съ такъ-называемыми zelanti или

яростными: въ сущности обѣ онѣ были согласны относительно цѣли и не сходились между собою лишь въ выборѣ средствъ“.

Самую любопытную часть книги Зихерера составляютъ переговоры между Римомъ и Баваріею о конкордатѣ 1817 года. Правительство короля Макса I соглашалось признать господство каноническаго права въ своей странѣ лишь на столько, на сколько это не противорѣчило государственнымъ законамъ и, не смотря на упорное противодѣйствіе римской куріи, успѣло настоять на своемъ требованіи, благодаря искусству своего министра, г. Рехберга.

Th. Menke. Spruner's Hand-Atlas für die Geschichte des Mittelalters und der neuen Zeit. (Т. Менке. Атласъ Шпрунера для средневѣковой и новой исторіи).

Атласъ Шпрунера давно уже служитъ драгоценнымъ пособіемъ для всякаго, кто занимается средневѣковою и новою исторіею. До сихъ поръ было два его изданія, а теперь выходитъ третье (появилось 10 выпусковъ) подъ редакціею Менке, отличающееся такими достоинствами, что оно затмило оба предшествовавшія. Достаточно сказать, что число картъ увеличилось отъ 73 до 90; многія изъ нихъ начерчены совершенно за-ново. Издатель обратилъ особенное вниманіе на восточную Европу, которой прежде отведено было очень мало мѣста: такъ, на примѣръ, раздѣлы Польши изображены имъ со всевозможною отчетливостію. Желательно было бы, впрочемъ, услышать мнѣніе нашихъ ученыхъ объ этихъ картахъ. Затѣмъ для Византійской имперіи и для крестовыхъ походовъ имѣется также нѣсколько новыхъ картъ. Разумѣется, Германія играетъ въ новомъ атласѣ главную роль: по нашему мнѣнію, тотъ не будетъ имѣть надлежащаго понятія о крайней раздробленности этой страны, кто не изучитъ карту южной ея части въ послѣднее время существованія Священной Римской имперіи,— карту, испещренную всевозможными цвѣтами, такъ что при взглядѣ на нее рябитъ въ глазахъ. Къ каждой картѣ приложено объясненіе, на основаніи какихъ источниковъ она составлена, и тутъ только можно оцѣнить громадный трудъ Шпрунера и продолжателя его, Т. Менке.

ИТАЛІАНСКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ.

I.

Происхожденіе италіанскихъ университетовъ и законы, которыми они управляются.

Происхожденіе италіанскихъ университетовъ относится къ XII вѣку, когда возникъ первый и самый знаменитый изъ нихъ—въ Болоньѣ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе пяти столѣтій, научная ихъ дѣятельность достигла цвѣтущаго состоянія. Юриспруденція, богословіе, медицина и естествознаніе обязаны имъ очень, очень много,—особенно юриспруденція, которая по справедливости можетъ считать Италію мѣстомъ своего происхожденія.

Процвѣтаніе теперешнихъ италіанскихъ университетовъ условливалось могучимъ самобытнымъ развитіемъ средневѣковыхъ италіанскихъ городовъ-государствъ. Слѣды этого видны еще нынѣ въ такъ называемыхъ *università libere*, содержащихся муниципалитетами. Самая многочисленность университетовъ объясняется желаніемъ каждаго города, соперничавшаго съ другими, имѣть у себя высшее учебное заведеніе, чтобы получить возможность вести борьбу не на политическомъ только поприщѣ, но и на поприщѣ науки.

Нынѣшніе университеты Италіи, не смотря на свое древнее происхожденіе, принадлежать, и по своему характеру, и по устройству, къ подобнымъ же учрежденіямъ новѣйшей конструкціи. Вмѣстѣ съ городами, ихъ создавшими, они давно утратили свое самоуправленіе: отъ него не осталось теперъ камня на камнѣ. На всѣхъ этихъ высшихъ училищахъ, не исключая и такъ называемыхъ свободныхъ, могучимъ образомъ отразилось не только вліяніе общегосударственной власти—явленіе въ высшей степени нормальное и законное, — но и крайней централизаціи. По типу они болѣе подходятъ къ универси-

тетамъ французскимъ, чѣмъ къ нѣмецкимъ, для которыхъ служили когда-то образцомъ.

Правительство въ Италіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, давно уже занялось перестройкою университетовъ въ духъ большей зависимости ихъ отъ центральной власти. Но до созданія единства страны, университеты еще сохраняли въ различныхъ городахъ много чертъ стариннаго своего самоуправления, съ его историческимъ разнообразіемъ и мѣстными особенностями. По словамъ бывшаго министра общественнаго образованія Маттеучи, въ Италіи, за исключеніемъ Пиемонта, не существовало до объединенія настоящей учебной организаціи. Все было предоставлено или религіознымъ корпораціямъ, или муниципальнымъ властямъ. Не было ни одного университета, который бы служилъ мѣстомъ приготовленія преподавателей для гимназій и лицеевъ.

Нынѣшніе италіанскіе университеты управляются, собственно говоря, одними и тѣми же законами и притомъ недавняго происхожденія. Въ 1859 г. изданъ былъ законъ Кассати для университетовъ стараго Пиемонта и присоединенной тогда Ломбардіи. Въ 1862 году былъ обнародованъ новый университетскій уставъ Маттеучи, но крайности его были умѣрены регламентомъ Броліо 1868 г. Нынѣшній министръ Шіалоіа изготвилъ проектъ новаго устава, который въ сущности есть возстановленіе закона 1859 г., почему и носитъ названіе *Aggiunte e modificazioni alla legge del 1859*. (Дополненія и измѣненія въ законѣ 1859).

Всѣ эти постановленія проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ: цѣль ихъ—вести однообразіе въ администрацію и учебную часть университетовъ, расширить ихъ курсъ, оживить конкуренцію частнаго преподаванія съ публичнымъ, улучшить матеріальное положеніе преподавателей. Такъ какъ нѣкоторые вопросы университетской организаціи, будучи разрѣшены въ какомъ либо одномъ изъ этихъ законовъ, пройдены молчаніемъ въ другихъ, то въ сущности они новолняютъ другъ друга. Способъ назначенія профессоровъ, свойство и предѣлы власти, по отношенію къ университетамъ, высшаго совѣта просвѣщенія и главнаго инспектора высшаго обученія, а также права ректоровъ, изложены только въ уставѣ 1859 г., и остаются еще въ силѣ, не смотря на то, что этотъ уставъ измѣненъ двумя позднѣйшими. Съ другой стороны, всѣ упомянутые три устава существеннымъ образомъ отличаются одинъ отъ другаго, особенно уставъ 1859 г. отъ двухъ послѣдовавшихъ за нимъ. Составитель его имѣлъ предъ своими

глазами устройство учебной части въ германскихъ университетахъ, которые сохранили, хотя въ видоизмѣненномъ видѣ, многія хорошія черты, существовавшія въ средніе вѣка и въ Италіи. Этимъ слѣдуетъ объяснить постановленія его о частномъ преподаваніи въ университетахъ, о допущеніи конкуренціи между публичными преподавателями, о вознагражденіи профессоровъ не только со стороны государства, но и со стороны тѣхъ, которые слушаютъ ихъ курсы, о предоставленіи нѣкоторой свободы студентамъ въ порядкѣ слушанія предметовъ и своихъ занятій, а также экзаменовъ. Такимъ образомъ, хотя въ законѣ 1859 года ректорской власти предоставлено почти единовластіе въ университетѣ, но часть учебная организована была на болѣе рациональныхъ началахъ, чѣмъ въ послѣдующихъ узаконеніяхъ. Относительными достоинствами упомянутаго закона можно объяснить обнаружившееся въ послѣднее время стремленіе возстановить его въ прежней его силѣ.

Авторъ закона 1862 г., Маттеучи, въ короткій срокъ своего министерства, уснѣлъ довольно кореннымъ образомъ измѣнить начала прежняго устава. Изъ статьи, напечатанной имъ въ 1863 г. въ *Revue des deux mondes*, съ цѣлію, сколько можно судить по ея тону, оправдать свою дѣятельность, видно, что онъ намѣревался подчинить италіанскіе университеты самой крайней централизаціи и мелочной регламентаціи. Онъ самъ говоритъ, что его упрекали, будто бы онъ хочетъ обращаться съ учебными заведеніями какъ съ казармами, отливать головы въ одну и ту же форму, устанавливать такія правила, которыя могутъ подавить всякую самостоятельность ума. И въ самомъ дѣлѣ, по уставу Маттеучи, сдѣланы были слѣдующія перемѣны: а) плата, вносимая студентами за слушаніе лекцій въ пользу профессоровъ, была обращена въ государственное казначейство и этимъ уничтоженъ одинъ изъ видовъ конкуренціи между профессорами; б) отмѣнено было также право студентовъ распредѣлять порядоки слушанія ими лекцій и для каждаго изъ курсовъ установлены обязательные предметы; в) введены годичные, получившіе значеніе и переводныхъ, экзамены; д) составленіе программъ и темъ для докторскихъ сочиненій возложено на особыя комиссіи при министрѣ; е) организація экзаменаціонныхъ комиссій долженствовала принадлежать центральной власти; для экзаменовъ на степень лауреата или доктора учреждено было 6-тъ комиссій для всего королевства. Маттеучи хотѣлъ установить такіе порядки, которые были бы несравненно выше завѣщанныхъ прежнимъ временемъ, но на дѣлѣ вышло иначе. Не безъ осно-

ванія оправдывалъ онъ ихъ всеобщемо распущенностію дисциплины, слабыми успѣхами студентовъ, но для отстраненія этого зла прибѣгнулъ, въ сожалѣнію, въ черезъ-чуръ мелочной регламентаціи. Что опытъ его былъ неудаченъ, доказательствомъ этого служить, спустя шесть лѣтъ (въ 1868 году), появленіе новаго закона, хотя и очень съ нимъ сходнаго, но которымъ были изглажены нѣкоторыя его крайности. Имъ возстановленъ былъ уставъ 1859 года

Изъ сказаннаго легко вывести заключеніе, что итальянскіе университеты, подобно нашимъ, находятся въ состояніи переходномъ. Тотъ фактъ, что въ теченіе 14-ти лѣтъ (съ 1859 по 1863 г.) готовится уже четвертый законъ, что въ этихъ законахъ обнаруживаются быстрые переходы отъ одной системы въ другой, свидѣлствуетъ, что и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ сосредоточивается управленіе высшими учебными заведеніями, господствуютъ, вмѣсто твердо выработанныхъ взглядовъ, колебанія.

II.

Число университетовъ. Факультеты. Унадокъ факультетовъ богословскихъ.

Въ настоящее время въ Италіи существуетъ 21 университетъ въ слѣдующихъ городахъ: Кальяри, Катаньѣ, Генуѣ, Мачератѣ, Мессинѣ, Моденѣ, Неаполѣ, Падуѣ, Палермо, Пармѣ, Павіи, Пизѣ, Римѣ, Сассари, Сіенѣ, Туринѣ, Камеринѣ, Феррарѣ, Перуджии и Урбино. Изъ нихъ послѣдніе четыре носятъ названіе свободныхъ (*libere*). Такъ называются они не потому, чтобы ихъ устройство основывалось на какихъ либо особыхъ началахъ, — вообще научная ихъ дѣятельность крайне бѣдна, — а единственно потому, что правительство предоставило ихъ содержаніе мѣстнымъ муниципалитетамъ. Кромѣ собственно университетовъ, существуютъ въ Италіи еще слѣдующія высшія учебныя заведенія, имѣющія характеръ университетскихъ факультетовъ: а) королевскій институтъ высшаго практическаго обученія и усовершенствованія во Флоренціи, состоящій изъ трехъ секцій: философіи и филологіи, медицины и хирургіи, и естественныхъ наукъ; б) филологическая академія въ Миланѣ; в) высшія техническія школы и институты въ Туринѣ, Миланѣ и Неаполѣ; г) высшія нормальныя школы въ Пизѣ и Неаполѣ.

Университетовъ въ Италіи слишкомъ много. Даже Германія, которую издавна привыкли считать классическою страню университетовъ не только по превосходному ихъ устройству, но и по числен-

ности, не превосходить въ этомъ послѣднемъ отношеніи Италію. Въ нѣмецкихъ государствахъ, вошедшихъ въ составъ имперіи, въ настоящее время считается также 21 университетъ. За то италіанскіе университеты далеко уступаютъ нѣмцамъ количествомъ обучающихся въ нихъ студентовъ. Исключеніе составляетъ лишь университетъ неаполитанскій, гдѣ слушателей находится отъ четырехъ до пяти тысячъ, а по увѣренію нѣкоторыхъ даже болѣе, хотя съ достовѣрностью опредѣлить это число невозможно, за отсутствіемъ въ упомянутомъ университетѣ матрикуляціи. Въ остальныхъ 20-ти университетахъ, по статистическимъ даннымъ, помѣщеннымъ въ министерскомъ „Ежегодникѣ“ за 1871—72 г., считалось 7.507 студентовъ и вольныхъ слушателей. Такимъ образомъ, для италіанскихъ университетовъ давно миновало время, когда въ одной лишь Болоньѣ находилось студентовъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, до 12,000. Между тѣмъ, въ вышеупомянутыхъ 21-мъ нѣмецкихъ университетахъ было записано въ зимнемъ семестрѣ 1872—73 г. 17.975 студентовъ и вольнослушателей; въ 8-ми русскихъ университетахъ къ 1-му января 1872 г. считалось 7.250 слушателей. Въ нѣкоторыхъ изъ италіанскихъ университетовъ слушателей крайне мало: такъ, напримѣръ, въ Кальярскомъ—93 и Сассарскомъ—87 (на о. Сардиніи) и въ трехъ такъ называемыхъ свободныхъ—Камеринскомъ—38, Перуджинскомъ—81 и Урбинскомъ—84; въ четырехъ другихъ—свободномъ Феррарскомъ—100, Мессинскомъ—107, Сиенскомъ—108 и Мачератскомъ—111. Изъ нѣмецкихъ университетовъ только два, Ростовскій и Кильскій, по числу студентовъ, нѣсколько подходятъ къ этому разряду: въ первомъ изъ нихъ, за то же время, считалось 129, а во второмъ 170 студентовъ. Малолюдность италіанскихъ университетовъ зависитъ частію отъ того, что они находятся въ скудно-населенныхъ центрахъ, частію же отъ того, что нѣкоторые изъ нихъ состоятъ всего изъ двухъ факультетовъ. Бывшій министръ общественнаго образованія Маттеучи говорить, что большинство университетовъ, находясь во второстепенныхъ центрахъ, посѣщаются весьма ограниченнымъ количествомъ студентовъ, аудиторіи пусты, профессора не находятъ побужденія къ соревнованію. Такъ называемые свободные университеты въ Перуджии, Феррарѣ, Камерино и Урбино могутъ только съ большими издержками доставить небольшому числу молодыхъ людей весьма недостаточное образованіе. На территоріи Эміліи, которую можно проѣхать въ теченіе 4-хъ часовъ, существуетъ 4 университета: въ Феррарѣ, Болоньѣ, Моденѣ и Пармѣ.

Все сказанное нами свидѣтельствуетъ о несоотвѣтствіи между количествомъ университетовъ и численностію ихъ студентовъ; но если мы взглянемъ на численность студентовъ по отношенію къ народонаселенію, то сравненіе это окажется далеко не неблагопріятно для Италіи, ибо 11.000 студентовъ (полагая примѣрно 3.500 въ неаполитанскомъ университетѣ) на 26.700.000 жителей,—это почти то же, что 17.974 нѣмецкихъ студентовъ на 41 миллионъ жителей Германской имперіи. Въ этомъ отношеніи самый меньшій процентъ выпадаетъ на долю Россіи, если даже причислить, какъ и требуетъ справедливость, къ числу университетскихъ ея слушателей въ обширномъ смыслѣ слова студентовъ Медико-Хирургической Академіи.

III.

Центральное управленіе. Министръ. Высшій совѣтъ публичнаго образованія. Генеральный инспекторъ. Юрисконсулъ.

Италянскіе университеты, подобно нѣмецкимъ и нашимъ, раздѣляются на факультеты, между которыми существуетъ связь, поддерживаемая единствомъ управленія въ лицѣ отчасти ректора, отчасти академическаго совѣта. Въ этомъ отношеніи итальянскіе факультеты сохранили средневѣковое свое единство, — единство, исчезнувшее во Франціи, гдѣ подъ наименованіемъ факультетовъ существуютъ разрозненныя школы. Итальянскіе университеты раздѣляются на слѣдующіе факультеты: а) медицинскій, б) юридическій, в) физико-математическій, г) литературно-философскій и д) богословскій. Въ Падуанскомъ университетѣ къ факультету философскому принадлежатъ филологическій и естественно-физическій, а математическій остается самостоятельнымъ. Вообще число факультетовъ не вездѣ одинаково. Только восемь университетовъ (въ Кальяри, Катанѣ, Генуѣ, Падуѣ, Палермо, Пизѣ, Римѣ, Туринѣ) имѣютъ по 5-ти факультетовъ; затѣмъ въ четырехъ (Болонѣ, Мессинѣ, Неаполѣ и Павіи) по четыре; въ Моденѣ, Пармѣ, Сассари, Феррарѣ и Перуджии по три, въ остальныхъ (Мачератѣ, Сиенѣ, Камерино и Урбино) по два факультета. Юридическій факультетъ существуетъ вездѣ, медицинскій также, кромѣ Урбинскаго, физико-математическій въ 17-ти, литературно-философскій въ 12-ти и богословскій въ 9-ти. Кромѣ того, при всѣхъ медицинскихъ факультетахъ читаются отдѣльные курсы для фармацевтовъ, а при нѣкоторыхъ состоятъ школы для ветеринаровъ; при различныхъ же юридическихъ факультетахъ читаются отдѣльные

курсы для готовящихся въ нотариусы. Но гораздо болѣе существуетъ такъ называемыхъ университетскихъ второстепенныхъ школъ въ отдѣльныхъ городахъ; для кандидатовъ въ нотариусы (*Scuole universitarie secondarie; scuole di elementi di diretto civile e procedura per gli aspiranti al notariato*); такихъ школъ, въ которыхъ излагаются элементы гражданскаго права и судопроизводство, показано въ министерскомъ „Ежегодникѣ“ за 1872—73 г. болѣе 20-ти.

Первое мѣсто по численности студентовъ принадлежитъ медицинскимъ факультетамъ. Мало уступаютъ имъ въ этомъ отношеніи и юридическіе; затѣмъ слѣдуютъ: физико-математическіе, литературно-философскіе и богословскіе.

Филологическіе факультеты въ Италіи находятся въ упадѣ, судя по крайне ограниченному числу слушателей; въ нѣкоторыхъ университетахъ нѣтъ ихъ даже вовсе. На это давно уже обращено было вниманіе италіанскаго министерства общественнаго образованія, но никакихъ улучшеній до сихъ поръ не замѣтно. Въ общемъ докладѣ, представленномъ въ 1865 году высшимъ совѣтомъ министру, говоритъ ся что болѣшая часть литературно-философскихъ факультетовъ почти не посѣщается студентами, что въ Павіанскомъ университетѣ, въ которомъ среднимъ числомъ считается до 1.200 слушателей, на упомянутомъ факультетѣ состоитъ всего 8 человѣкъ, въ Туринскомъ, по численности равняющемся Павіанскому, 48, но и то лишь потому, что при этомъ университетѣ находится провинціальный коллегіумъ, гдѣ получаютъ содержаніе бѣдные студенты. Изъ министерскаго ежегодника за 1871—72 г. видно, что и теперь положеніе факультетовъ литературы и филологіи не улучшилось. Въ 12-ти изъ нихъ было всего 137 студентовъ; въ 6-ти не показано ни одного; въ трехъ другихъ, а именно въ Болонскомъ (5), Римскомъ (4) и Палермскомъ (1); только 10 и лишь въ Туринѣ, Падуѣ и Пизѣ число это нѣсколько значительнѣе. Даже Неаполитанскій университетъ, гдѣ на всѣхъ остальныхъ факультетахъ слушатели считаются тысячами, не можетъ похвалиться многочисленностью студентовъ упомянутаго факультета, судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ на Вѣвскую всемірную выставку. Тамъ молодыхъ людей, подвергавшихся экзаменамъ по факультету философіи и литературы, было въ 1871 году 5, а въ 1872 году—10, тогда какъ въ теченіе тѣхъ же двухъ лѣтъ экзаменовалось: по медицинскому факультету 3.780, а по юридическому 3.125. Сожалѣемъ, что не можемъ представить для сравненія цифры студентовъ историко-филологическихъ факультетовъ въ Германіи, ибо тамъ означенные фа-

культеты соединены подъ именемъ философскихъ съ физико-математическими. Но при личномъ посѣщеніи тамошнихъ аудиторій, я могъ убѣдиться, что число это весьма значительно: такъ, напримеръ, въ аудиторіи берлинскаго профессора Гаунта я нашелъ болѣе 100 слушателей. Въ докладѣ 1865 года о состояніи просвѣщенія въ Италіи по поводу упомянутаго печальнаго явленія говорится слѣдующее: „мы не имѣемъ нужды доказывать, что почти абсолютный недостатокъ студентовъ-филологовъ въ нашихъ университетахъ обнаруживаетъ низкій вообще уровень культуры и отсутствіе любви къ наукѣ для науки; въ практическомъ же отношеніи онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что личный составъ преподавателей крайне неудовлетворителенъ, быть можетъ потому, что учителя среднихъ учебныхъ заведеній не достаточно обеспечены“.

Еще бѣдственнѣе положеніе факультетовъ богословскихъ. Существованіе ихъ при 9-ти университетахъ можно назвать скорѣе номинальнымъ, чѣмъ реальнымъ. Въ „Ежегодникѣ“ министерства показано, что во всѣхъ этихъ факультетахъ было не болѣе 4-хъ слушателей; что касается до профессоровъ, то въ Кальяри и Сассари было ихъ по одному, а въ Палермо и Генуѣ по два. Причиной этого — ожесточенная и упорная борьба между политическими партіями, клерикальною и другими. Дѣло доходитъ до того, что при изданіи новыхъ уставовъ для университетовъ, богословскіе факультеты всегда были, или отодвигаемы на задній планъ, или вовсе забываемы. По закону 1859 года, оклады профессоровъ этихъ факультетовъ были назначены въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно со всѣми остальными; въ 1862 году всѣ оклады увеличены были почти вдвое, но богословскіе факультеты остались на прежнемъ положеніи; въ томъ же году министерство народнаго просвѣщенія возбудило даже вопросъ, слѣдуетъ ли сохранить существующіе богословскіе факультеты, не достаточно ли оставить одинъ или два изъ нихъ, или основать вмѣсто нихъ большой богословскій, библейскій институтъ? Любопытны отвѣты факультетовъ въ томъ отношеніи, что они характеризуютъ настроеніе одной изъ интеллигентныхъ частей италянскаго общества. Факультеты высказались слѣдующимъ образомъ: 24, и въ томъ числѣ 9 богословскихъ, выразили желаніе, чтобы означенные факультеты были учреждены на новыхъ основаніяхъ при всѣхъ полныхъ университетахъ, а 21 факультетъ высказался въ пользу библейскаго института въ Римѣ, 4 стояли за сохраненіе существующаго порядка вещей, 8 предлагали оставить богословскіе факультеты только въ главныхъ университетахъ, 4 тре-

бовади, чтобы государство учредило три теологических института, для верхней, средней и южной Италии, 10 желали учреждения библейскаго института съ уничтоженіемъ всѣхъ существующихъ факультетовъ и 8 выразили мнѣніе, что государство отнюдь не обязано заботиться о преподаваніи богословія. Все это свидѣлствуетъ, что въ Италиі существуетъ расположеніе скорѣе къ сокращенію, чѣмъ къ разширенію преподаванія богословскихъ наукъ. Подобное явленіе никакъ не слѣдуетъ объяснять тѣмъ, будто бы въ Италиі сильно развитъ рационализмъ: оно говоритъ только о нерасположеніи къ духовенству, вызванномъ политическою борьбою партій. Не Италия произвела на свѣтъ Штрауса и Баура съ Тюбингенскою школою, а Германия, гдѣ богословскіе факультеты составляютъ необходимую принадлежность каждаго университета и гдѣ они, по численности профессоровъ и студентовъ, не уступаютъ остальнымъ.

IV.

Центральное и мѣстное управленіе университетовъ.

Центральное управленіе итальянскими университетами ввѣрено министру общественнаго образованія. Министръ завѣдываетъ имъ при содѣйствіи другихъ, состоящихъ при немъ, властей, имѣющихъ опредѣленный кругъ дѣйствія. Къ этимъ властямъ принадлежатъ: высшій совѣтъ просвѣщенія (*Consiglio superiore di pubblica istruzione*), генеральный инспекторъ высшаго образованія и юрисконсультъ (*consultore legale*).

Что власть министра просвѣщенія надъ университетами не должна быть номинальною, противъ этого могутъ возражать развѣ тѣ, которые мало внимаютъ въ смыслъ и значеніе центральной власти вообще. Вопросъ лишь въ томъ, какииъ характеромъ облечена эта власть.— совершенно ли исключаетъ она, или допускаетъ самостоятельную дѣятельность высшихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ подъ ея надзоромъ и руководствомъ. Въ этомъ отношеніи, центральное управленіе итальянскими университетами устроено такъ, что въ немъ господствуетъ полная централизація, особенно усиленная послѣдними узаконеніями.

Назначеніе ректоровъ принадлежитъ исключительно министру. Опредѣленіе профессоровъ и разнаго наименованія преподавателей, хотя и обставлено извѣстными формальностями, также зависитъ отъ него: факультеты же имѣютъ въ этомъ дѣлѣ ни малѣйшаго участія.

Составленіе программъ для экзаменовъ, даже темъ на докторскія сочиненія, назначеніе членовъ экзаменаціонныхъ комиссій, увольненіе студентовъ отъ платы за слушаніе лекцій, присужденіе медалей за успѣхи,—все это, по регламенту 1862 года, принадлежитъ министру. Правда, повдвѣйшими уставами допущены въ этомъ нѣкоторыя измѣненія, а проектъ новаго устава признаетъ и за факультетами нѣкоторое участіе въ выборѣ профессоровъ, но и при всемъ этомъ власть министра весьма обширна.

Власть эта умѣряется, впрочемъ, дѣятельностію состоящаго при министрѣ высшаго совѣта публичнаго образованія, права и обязанности коего точно опредѣлены закономъ. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ 21 членовъ, 14 ординарныхъ и 7 экстраординарныхъ, назначаемыхъ отъ короны. Избираются они на семь лѣтъ изъ университетскихъ преподавателей, но законъ предписываетъ, чтобы по крайней мѣрѣ пять изъ нихъ не принадлежали къ этому разряду. Ежегодно выходитъ изъ совѣта одинъ изъ старѣйшихъ членовъ.

Предсѣдателемъ высшаго совѣта считается министръ, мѣсто котораго, въ его отсутствіе, заступаетъ вице-предсѣдатель, назначаемый отъ короны на каждое двухлѣтіе изъ членовъ совѣта. Должность эту въ настоящее время исполняетъ извѣстный писатель графъ Теренціо Маміани.

Обязанность высшаго совѣта состоитъ въ слѣдующемъ: а) по порученію министра онъ изготавляетъ и обсуждаетъ проекты законодательныхъ мѣръ и регламентовъ, касающихся университетовъ; б) даетъ свои заключенія о предметахъ, относящихся до университетской администраціи и учебнаго курса; в) разсматриваетъ и представляетъ на утвержденіе министра программы преподаванія и экзаменовъ; г) выражаетъ свое мнѣніе объ ученыхъ и преподавательскихъ достоинствахъ кандидатовъ на университетскія кафедры; д) обсуждаетъ, на основаніи точно установленныхъ правилъ, упущенія и проступки профессоровъ, когда возникаетъ вопросъ о совершенномъ или временномъ устраниніи ихъ отъ должностей; е) разсматриваетъ въ апелляціонномъ порядкѣ дѣла объ исключеніи или временномъ удаленіи изъ университета студентовъ; е) въ концѣ каждаго пятилѣтія представляетъ министру докладъ о состояніи всѣхъ частей народнаго образованія, въ томъ числѣ и университетскаго, съ собственными замѣчаніями и предположеніями. Для этой послѣдней цѣли совѣту сообщаются ежегодные отчеты мѣстныхъ университетскихъ начальствъ и главнаго инспектора высшаго обученія. Мы исчислили здѣсь только

главнѣйшія функціи этого учрежденія; не разъ еще придется намъ говорить объ его дѣятельности въ общемъ управленіи университетскими.

Въ большинствѣ изложенныхъ выше случаевъ высшій совѣтъ имѣетъ лишь совѣщательный голосъ, хотя законъ обязываетъ министра, напримѣръ, при оцѣнкѣ ученыхъ достоинствъ ищущихъ кафедръ, непременно „спрашивать“ мнѣніе совѣта. Оно считается, впрочемъ, обязательнымъ лишь на столько, на сколько вообще обязательно мнѣніе людей, болѣе или менѣе специально знакомыхъ съ дѣломъ. Въ другихъ же вопросахъ, какъ, напримѣръ, объ удаленіи или временномъ устраненіи профессоровъ, равно и объ исключеніи студентовъ, совѣтъ постановляетъ рѣшительный приговоръ. Законъ положительно требуетъ, чтобы въ декретѣ, въ которомъ содержится означенная сейчасъ мѣра относительно профессоровъ, было буквально воспроизведено постановленіе совѣта. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, случаяхъ предоставлено министру, въ крайней необходимости и для прекращенія соблазна, устранять собственною властію университетскихъ преподавателей, но затѣмъ все-таки подобныя дѣла доводятся до свѣдѣнія совѣта.

Главный инспекторъ высшаго обученія (*ispettore generale degli studi superiori*) назначается отъ короны. По должности и правамъ онъ приравненъ къ членамъ высшаго совѣта. Обязанность этого лица — слѣдить за ходомъ университетскаго преподаванія, за неизмѣнностію даннаго ему направленія, представлять министру списки членовъ экзаменаціонныхъ комиссій, ходатайствовать о повышеніи преподавателей и о наградахъ имъ, и т. д. По порученію министра, инспекторъ посѣщаетъ и осматриваетъ университеты. Ежегодно представляетъ онъ отчетъ, который долженъ служить матеріаломъ для обнародованія трехгодичной статистики, касающейся высшаго образованія.

При министрѣ состоитъ затѣмъ юрисконсультъ (*consulatore legale*), также по назначенію отъ короны. Онъ подаетъ мнѣніе во всякихъ сомнительныхъ случаяхъ, относительно точнаго истолкованія и примѣненія законовъ и регламентовъ, а также по юридическимъ вопросамъ, касающимся фондушей учебныхъ заведеній. Онъ же, по порученію министра, вноситъ въ высшій совѣтъ всѣ дѣла объ улучшеніяхъ и проступкахъ, за которые университетскіе профессора и доктора, прикомандированные къ университетамъ, могутъ подлежать временному устраненію или удаленію отъ должности. Равнымъ образомъ онъ приглашается въ высшій совѣтъ всякій разъ, когда рассматри-

ваются жалобы студентовъ, приговоренныхъ университетскими властями къ исключенію или же временному запрещенію посѣщать курсы.

Вотъ главнѣйшіе органы центрального управленія: очевидно, что въ ряду ихъ главная роль принадлежитъ министру, который является полновластнымъ администраторомъ университетовъ. Около него стоитъ высшій совѣтъ просвѣщенія, обязанный, путемъ коллегіальнаго обсужденія, готовить рѣшеніе различныхъ вопросовъ и высказывать по нимъ свое мнѣніе. Остальные органы, то-есть, главный инспекторъ и юрисконсультъ, суть вполне подчиненныя министру власти, дѣйствующія не иначе, какъ по его полномочію.

V.

Мѣстное управленіе: Ректоръ. Академическій совѣтъ. Факультеты.

Мѣстное управленіе теперешнихъ италіанскихъ университетовъ организовано закономъ 1859 года и регламентами 1862 и 1868 годовъ. По первому изъ нихъ главное управленіе университетами возложено на ректоровъ, независимыхъ отъ другихъ мѣстныхъ властей, но сообразующихся въ своей дѣятельности съ президентами факультетовъ, которые являются въ качествѣ подчиненныхъ ему лицъ. По регламентамъ 1862 и 1868 годовъ ректоръ, стоя во главѣ университета, занимаетъ мѣсто предсѣдателя академическаго совѣта, о которомъ вовсе не упомянуто въ первомъ законѣ.

Власть ректора по закону 1859 года опредѣлена слѣдующимъ образомъ: какъ для администраціи среднихъ классическихъ и техническихъ школъ учрежденъ въ каждомъ главномъ городѣ провинціи королевскій попечитель, такъ по отношенію къ университетамъ административная власть принадлежитъ ректору. Ректоръ назначается королемъ изъ ординарныхъ профессоровъ того университета, которымъ онъ управляетъ, срокомъ на одинъ годъ, по истеченіи коего можетъ быть снова утвержденъ. Въ настоящее время это случается особенно часто. Въ Неаполитанскомъ и Падуанскомъ университетахъ ректоры выбираются всѣми ординарными профессорами на два года, причемъ, по обычаю, соблюдается очередь по факультетамъ. Послѣдній способъ назначенія сходенъ съ господствующимъ въ нѣмецкихъ университетахъ, хотя тамъ выборы совершаются ежегодно.

Ректору, подъ начальствомъ министра, ввѣрено непосредственно управленіе университетомъ: въ рукахъ его сосредоточивается какъ администрація, такъ и надзоръ за преподаваніемъ. Будучи главнымъ

администраторомъ университета, онъ есть въ то же время и представитель министра, съ которымъ находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ и съ распоряженіями коего долженъ соображаться въ своей дѣятельности. Ректоръ наблюдаетъ за исполненіемъ законовъ и регламентовъ во всѣхъ частяхъ университетскаго управленія; постановляетъ рѣшенія по жалобамъ на дѣйствія лицъ, стоящихъ во главѣ учреждений, ему подчиненныхъ; въ этомъ отношеніи онъ пользуется правомъ измѣнять и, смотря по обстоятельствамъ, вовсе уничтожать ихъ распоряженія. Онъ дѣлаетъ представленія министру о томъ, въ какой мѣрѣ каждый изъ преподавателей исполняетъ лежащія на немъ обязанности и представляетъ къ наградамъ какъ профессоровъ, такъ и университетскихъ чиновниковъ. Въ случаѣ небрежности тѣхъ или другихъ, онъ дѣлаетъ имъ замѣчанія, о важныхъ же упущеніяхъ и винахъ доноситъ министру. На немъ лежитъ главный надзоръ за студентами. Вслѣдствіе того: а) онъ имѣетъ право требовать отъ предсѣдателей факультетовъ и отъ преподавателей свѣдѣнія объ усіяхахъ студентовъ, ихъ прилежаніи и порядкѣ ихъ занятій; б) опредѣляетъ, а въ случаѣ апелляціи утверждаетъ, или смягчаетъ и, смотря по обстоятельствамъ, отмѣняетъ дисциплинарныя наказанія; в) постановляетъ резолюціи объ увольненіи отъ платы и по вопросамъ, касающимся имматрикуляціи, допущенія на курсы и къ экзаменамъ; г) доноситъ министру о студентахъ, отличающихся способностями и поведеніемъ; д) выдаетъ дипломы на ученые степени и свидѣтельства о выдержаніи экзаменовъ. Въ концѣ cadaго года онъ представляетъ подробный отчетъ министру.

Президенты факультетовъ (*i presidi della facoltà*), будучи подчинены ректору, пользуются относительно администраціи и академическаго надзора такою же властію въ факультетахъ, какою ректоръ въ университетѣ. Они назначаются королемъ на три года изъ ординарныхъ, заслуженныхъ и почетныхъ профессоровъ; по прошествіи же означеннаго срока могутъ быть назначены снова.

Хотя и въ законѣ 1859 года говорится, что ректоръ исполняетъ свои обязанности при содѣйствіи президентовъ факультетовъ, но только въ регламентахъ 1862 и 1868 годовъ точно выражено, въ чемъ должно выражаться это содѣйствіе. Тѣми же законами и власть ректора нѣсколько видовзмѣнена и ограничена.

По регламенту 1868 года управленіе университетовъ ввѣрено ректору вмѣстѣ съ академическимъ совѣтомъ, который подъ его предсѣдательствомъ состоитъ изъ президентовъ факультетовъ. Изъ этого

общаго правила исключаются лишь тѣ университеты, относительно коихъ существуютъ спеціальныя законы. Изъ министерскаго „Ежегодника“ видно, что означенныя исключенія состоятъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ университетахъ вовсе нѣтъ академическаго совѣта, или въ томъ, что въ составъ его входятъ и другія лица, кромѣ президентовъ факультетовъ. Къ университетамъ перваго разряда принадлежатъ всѣ, находящіяся въ Сардинскомъ королевствѣ; въ нихъ и доселѣ сохранились въ полной силѣ постановленія 1859 года о ректорской власти, какъ единой и не ограниченной академическимъ совѣтомъ. Въ университетахъ втораго разряда академическій совѣтъ состоитъ изъ двухъ членовъ: отъ каждаго изъ факультетовъ, посылаемыхъ различныя наименованія. Такъ, въ Падуанскомъ и Римскомъ университетахъ засѣдаютъ президенты и деканы факультетовъ, въ Пизанскомъ—пріоры, соотвѣтствующіе деканамъ, и депутаты.

Академическій совѣтъ тамъ, гдѣ онъ существуетъ, собирается по одному разу въ теченіе мѣсяца.

VI.

Профессора: степени профессорскаго званія. Способъ назначенія профессоровъ. Система конкурса.

Личный академическій составъ слагается изъ ординарныхъ, заслуженныхъ и почетныхъ профессоровъ, къ которымъ присоединяются иногда прикомандированные доктора (*dottori aggregati*).

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, существуютъ профессора экстраординарные и частныя, читающіе параллельные курсы, преподаватели (*insegnanti privati, pareggiati*); но тѣ и другіе не имѣютъ участія въ управленіи, хотя относительно преподаванія пользуются равными правами съ профессорами ординарными.

Для назначенія профессоровъ и преподавателей установлены особыя для каждой категоріи способы, въ сущности весьма сходныя, но имѣющіе и нѣкоторыя особенности.

Профессоры ординарные назначаются королевскимъ декретомъ изъ лицъ, доказавшихъ свою ученость и способность къ преподаванію посредствомъ конкурснаго испытанія, которое обставлено различными формальностями, точно опредѣленными закономъ. А именно, законъ установилъ два вида конкурсовъ: конкурсъ посредствомъ экзамена (*per i esami*) и конкурсъ на основаніи ученыхъ заслугъ (*per titoli*). Первый изъ нихъ состоитъ въ рядѣ испытаній словесныхъ и письмен-

ныхъ, направленныхъ къ тому, чтобы убѣдиться не только въ познаніяхъ кандидата, но и въ его способности преподавать. При второмъ требуются печатныя сочиненія и другіе документы, доказывающіе, что ищущій кафедры владѣетъ вышеизложенными качествами. Кандидатъ имѣетъ право обратиться къ тому или другому изъ этихъ конкурсовъ отдѣльно, или къ обоимъ вмѣстѣ, о чемъ и долженъ заявить въ своемъ прошеніи. Конкурсъ происходитъ предъ комиссіею, особенно на сей случай назначаемую министромъ изъ лицъ, извѣстныхъ своими свѣдѣніями и опытностію въ преподаваніи той науки, по которой установленъ конкурсъ, или по крайней мѣрѣ въ наукѣ къ ней близкой. Комиссія состоитъ не менѣе какъ изъ 5 и не болѣе 9 членовъ, включая сюда и предсѣдателя, которымъ всегда бываетъ членъ высшаго совѣта по дѣламъ образованія (Consiglio superiore). Министръ, вромѣ того, избираетъ двухъ дополнительныхъ членовъ изъ среды подлежащаго факультета, для замѣщенія тѣхъ членовъ комиссіи, которые въ теченіе конкурса по какимъ нибудь причинамъ не могутъ въ ней присутствовать. Объ открытіи конкурса, по распоряженію министра, объявляется въ официальномъ журналѣ, а также во всѣхъ университетахъ королевства.

При такъ называемомъ конкурсѣ *per titoli* президентъ комиссіи назначаетъ докладчика, на котораго возлагается обязанность изложить предъ комиссіею всѣ свѣдѣнія объ ученыхъ заслугахъ конкурента. По обсужденіи ихъ каждымъ членомъ и послѣ совмѣстнаго обсужденія, произносится приговоръ о достоинствахъ каждаго изъ конкурентовъ и затѣмъ ихъ классификація: въ обоихъ случаяхъ требуется абсолютное большинство голосовъ. При оцѣнѣ ученыхъ заслугъ кандидатовъ, комиссія должна обращать особенное вниманіе на ихъ преподавательскія способности, а если таковыя неизвѣстны, то она упоминаетъ объ этомъ въ своемъ докладѣ высшему совѣту о результатахъ конкурса. Означенный докладъ составляется однимъ изъ членовъ комиссіи, при чемъ и всѣ остальные члены имѣютъ право объяснить болѣе или менѣе подробно свои мнѣнія.

Конкурсъ *per esami* состоитъ: а) изъ печатной диссертациі на тему по выбору конкурента, относящуюся къ предмету искомой кафедры; диссертациія должна быть написана на италянскомъ или латинскомъ языкѣ; б) изъ публичнаго диспута между конкурентомъ и другими собесѣдателями, и в) наконецъ изъ лекціи.

О днѣ диспута ректоръ извѣщаетъ въ газетахъ и посредствомъ прибитыхъ объявленій въ стѣнахъ университета. Очередь, въ которой

диспутируютъ конкуренты (исключительно по-итальянски), устанавливается жребіемъ. Распорядительная власть принадлежитъ президенту. Число конкурентовъ не можетъ быть ограничиваемо, но если явится только одинъ, то оппоненты ему, въ количествѣ двухъ, назначаются председателемъ комиссіи, но крайней мѣрѣ, за десять дней до диспута, но имена ихъ остаются неизвѣстными до самаго открытія состязанія. Если же на конкурсъ явятся два соискателя, то назначается лишь одинъ оппонентъ изъ членовъ комиссіи, ибо роль другого исполняется другимъ соискателемъ. Если диспутъ, по числу конкурентовъ, не можетъ кончиться въ одинъ день, то онъ продолжается и въ слѣдующіе дни, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отложенъ на нѣсколько дней. Возраженія и отвѣты не могутъ длиться болѣе полчаса. Лекція читается на тему, вынутую по жребію. Составленіе темъ комиссіа поручаетъ одному изъ своихъ членовъ: всѣ онѣ, въ количествѣ сорока, должны относиться къ предмету искомой каѳедры. Въ назначенный для лекціи день составитель вручаетъ темы председателю комиссіи въ присутствіи ректора, секретаря комиссіи и секретаря университета. Номера темъ надписываются на билетахъ, темы кладутся въ ящикъ, а билеты въ урну; конкуренты устанавливаютъ затѣмъ по жребію между собою очередь чтенія лекцій, и одинъ за другимъ вынимаютъ темы такъ, чтобы каждый имѣлъ не болѣе трехъ часовъ для приготовленія. Лекція не можетъ продолжаться менѣе сорока минутъ; читается она на томъ языкѣ, который принятъ для преподаванія данной науки. На диспутъ и пробныя лекціи приглашаются члены факультета, къ которому принадлежитъ каѳедра, и допускается также публика.

По окончаніи лекцій, комиссіа приступаетъ къ оцѣнѣ познаній и способностей конкурентовъ тѣмъ же способомъ, какой установленъ для конкурса на основаніи ученыхъ заслугъ.

Независимо отъ конкурса министръ можетъ самъ представить королю о назначеніи ординарнымъ профессоромъ такого лица, которое своими трудами, открытіями или преподаваніемъ приобрѣло заслуженную извѣстность въ ученое мѣрѣ.

Легко видѣть изъ всего этого, что не только университеты вообще, но и факультеты не имѣютъ вліянія на назначеніе ординарныхъ профессоровъ. Съ другой стороны, и министръ назначаетъ этихъ лицъ не по личному только своему усмотрѣнію и не на основаніи собственной оцѣнки ихъ ученыхъ заслугъ, а на основаніи доклада особой, хотя и имъ самимъ избранной комиссіи специалистовъ, а также со-

образуясь съ мнѣніемъ высшаго совѣта общественнаго образованія. Такимъ образомъ, хотя самое назначеніе централизовано въ рукахъ министра, но оно основано на мнѣніи специалистовъ. При существованіи этой системы, нельзя ручаться, чтобы, не смотря на всѣ формальности, съ которыми она сопряжена, была отстранена возможность проникнуть въ среду преподавателей людямъ съ посредственными достоинствами. Въ особенности нужно это замѣтить о конкурсѣ посредствомъ экзаменовъ. Даже официальные отчеты свидѣтельствуютъ, что процедура замѣщенія кафедръ посредствомъ конкурса крайне затруднительна. Она необходимо предполагаетъ обиліе ученыхъ силъ и отвлекаетъ профессоровъ отъ прямыхъ ихъ обязанностей для участія въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, ибо только при подобномъ участіи профессоровъ изъ другихъ университетовъ конкурсъ можетъ достигать своей цѣли. Что подобнаго рода конкурсы хороши на бумагѣ и не исполнимы на практикѣ, можно видѣть изъ того, что множество кафедръ въ италіанскихъ университетахъ замѣщаются не конкурснымъ порядкомъ, а прямо по назначенію министра, или такъ называемыми профессорами *incaricati*, на которыхъ временно возложено исправленіе должности, или же экстраординарными профессорами, которые вообще не назначаются по конкурсу. Все, что было сказано нами о конкурсной системѣ замѣщенія кафедръ, главнымъ образомъ относится и къ конкурсамъ посредствомъ экзаменовъ (*per i esami*). Иначе слѣдуетъ отнести къ конкурсамъ на основаніи ученыхъ заслугъ (*per titoli*). Въ этомъ случаѣ матеріалъ, подлежащій сужденію комиссіи, болѣе положительнаго свойства; самое разсмотрѣніе его можетъ быть произведено членами экзаменаціонной комиссіи на мѣстѣ постоянного ихъ пребыванія. Но этотъ конкурсъ предполагаетъ уже высокую степень состоянія науки.

Судя по изготовленному проекту новаго университетскаго закона италіанское правительство склоняется въ настоящее время къ тому, чтобы дать больше простора мнѣнію факультетовъ при назначеніи ординарныхъ профессоровъ. По этому проекту министръ, въ случаѣ вакантной кафедры, приглашаетъ подлежащій факультетъ представить ему трехъ кандидатовъ для замѣщенія оной съ мотивированнымъ мнѣніемъ о каждомъ изъ нихъ, и изъ этого списка избираетъ достойнѣйшаго. Этимъ нововведеніемъ не отмѣняется, впрочемъ, замѣщеніе кафедръ какъ по конкурсу, такъ, въ исключительныхъ случаяхъ, по собственному усмотрѣнію министра изъ лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность своими трудами. Въ означенномъ проектѣ упоминается также о правѣ

министра поручать временное преподаваніе какого-нибудь предмета одному изъ ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ, о чемъ не было и помину въ дѣйствовавшихъ доселѣ законахъ: на практикѣ, однако, это происходило. Стоитъ только просмотрѣть „Ежегодникъ“, издаваемый италіанскимъ министерствомъ общественнаго образованія, чтобы убѣдиться, какъ много было такъ называемыхъ профессоровъ *incaricati*. Одни изъ нихъ читаютъ лекціи въ своемъ университетѣ, напримѣръ, въ Римѣ Серафини, кромѣ римскаго права, читаетъ временно и право уголовное, а нѣкоторые прикомандировываются изъ другихъ университетовъ. Мѣра эта свидѣтельствуешь, во первыхъ, о недостаточности ученыхъ силъ, во вторыхъ, о слабой инициативѣ факультетовъ.

Ежегодно деканъ каждаго факультета созываетъ членовъ для совѣщанія объ открытіи конкурса на должности *dottori aggregati*. При этомъ устанавливается программа преподаванія, и конкурсомъ завѣдуетъ особая коммиссія, состоящая подъ предсѣдательствомъ декана, изъ ординарнаго или экстраординарнаго профессора той науки, по которой происходитъ состязаніе, изъ трехъ членовъ, выбранныхъ факультетомъ, и изъ четырехъ членовъ, которыхъ избираетъ министръ изъ среды профессоровъ или изъ лицъ постороннихъ, но способныхъ къ исполненію возложенной на нихъ обязанности. Конкуренты обязаны за мѣсяцъ представить декану печатную диссертацию по предмету искомой каѳедры, къ чему должны быть еще присоединены 15 положеній, относящихся къ другимъ наукамъ, излагаемымъ въ факультетѣ. И къ диспуту, и къ слѣдующей затѣмъ лекціи примѣняются вышеизложенныя правила, установленныя для конкурсовъ. По окончаніи испытаній, слѣдуетъ подача голосовъ, причемъ каждый изъ членовъ располагаетъ десятью шарами; для успѣха кандидатуры требуются двѣ трети голосовъ. Изъ нѣсколькихъ признанныхъ годными конкурентовъ предпочитается тотъ, который получилъ большее число голосовъ, а при равенствѣ ихъ тотъ, кто ранѣе другихъ удостоился степени лавреата. Плату за испытанія вносить, по установленному тарифу, признанный наиболѣе способнымъ къ занятію искомой должности. Изъ этой суммы выдается вознагражденіе членамъ коммиссіи.

Кромѣ вышеизложеннаго способа, *dottore aggregato* можетъ быть назначенъ по непосредственному избранію факультета, для чего требуется двѣ трети голосовъ. Въ этомъ случаѣ инициатива должна идти, по крайней мѣрѣ, отъ двухъ членовъ факультета. Если факультетъ заявитъ своему декану о необходимости привлечь кого-либо къ

преподаванію въ качествѣ прикомандированнаго доктора, то деканъ, по совѣщаніи съ ректоромъ, назначаетъ для обсужденія этого вопроса факультетское засѣданіе, съ извѣщеніемъ членовъ, по крайней мѣрѣ, за восемь дней. Собраніе считается состоявшимся, если явились въ него три четверти изъ наличнаго числа профессоровъ, или если нѣкоторые изъ нихъ прислали свои письменныя заявленія. Сначала излагаются ученныя заслуги кандидата, а затѣмъ происходитъ баллотировка, которая признается благопріятною въ случаѣ двухъ третей голосовъ, считая въ томъ числѣ и голоса, поданныя письменно отсутствующими. О результатѣ деканъ сообщаетъ ректору, а также избранному, и назначаетъ день публичнаго его приѣма. Въ этотъ день избранный произноситъ рѣчь, послѣ чего на него возлагаются знаки его достоинства и онъ приноситъ присягу.

Цѣль учрежденія экстраординарныхъ профессоровъ состоитъ, по словамъ закона, въ томъ, чтобы поручать имъ различныя спеціальныя части науки, съ цѣлію расширенія и усовершенствованія преподаванія. По новому проекту экстраординарный профессоръ можетъ быть назначенъ и въ пособіе профессору ординарному, когда студенты по многочисленности не въ состояніи съ успѣхомъ слѣдить за лекціями; изъ этого видно, что еще до сихъ поръ италіанское законодательство колеблется въ выборѣ основаній, на которыхъ зиждется институтъ экстраординарныхъ профессоровъ. По дѣйствующимъ уставамъ, профессеры этой категоріи какъ будто пользуются извѣстною самостоятельностью, между тѣмъ, по проекту, они должны, повидимому, служить помощниками профессоровъ ординарныхъ. Положеніе ихъ было доселѣ весьма непрочное, а именно, дѣятельность каждаго изъ нихъ прекращалась съ окончаніемъ того курса, который былъ ему порученъ, и для возобновленія этого курса требовалось новое назначеніе. Кромѣ того, законъ 1859 г. говоритъ, что экстраординарные профессеры не принадлежатъ къ академической корпораціи; съ этой стороны ихъ можно уподобить нѣмецкимъ экстраординарнымъ профессорамъ, которые также не принадлежатъ собственно къ факультетамъ. Впрочемъ, на практикѣ эти лица пользуются въ италіанскихъ университетахъ болѣе значительнымъ положеніемъ, чѣмъ можно думать, основываясь на уставѣ.

Назначаются экстраординарные профессера и министромъ, помимо конкурса, какъ изъ прикомандированныхъ докторовъ, такъ и изъ частныхъ преподавателей. Министру предоставлено право назначать на эти должности и другихъ лицъ, заслужившихъ извѣстность своими

трудами и открытіями, и при этомъ онъ выслушиваетъ мнѣніе подлежащихъ факультетовъ. Положеніе экстраординарнаго профессора по новому проекту становится болѣе прочнымъ, а именно: если въ теченіе пяти лѣтъ сряду онъ преподавалъ одинъ и тотъ же предметъ, то можетъ быть, по выслушаніи министромъ мнѣнія факультета, утвержденъ королевскимъ декретомъ въ званіи постояннаго экстраординарнаго профессора (*professore straordinario stabile*) съ высшимъ окладомъ, существующимъ для лицъ этой категоріи.

VI.

Частные преподаватели въ университетахъ.

Профессоры ординарные и экстраординарные, сверхъ преподаванія предметовъ, возложенныхъ на нихъ уставомъ, имѣютъ право читать также и частные курсы по всѣмъ факультетскимъ предметамъ, кромѣ тѣхъ, которые они излагаютъ по обязанности. Кромѣ *dottori aggregati*, пользующихся этимъ правомъ, министръ можетъ предоставить его и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые своими трудами пріобрѣли заслуженную извѣстность. Другіе же, желающіе читать частные курсы, должны подвергнуться особому экзамену, представивъ для этого писанную диссертацию и прочитавъ лекцію на тему, назначенную комиссіею. Комиссія состоитъ, подъ предсѣдательствомъ декана, изъ четырехъ членовъ, назначенныхъ министромъ на половину изъ профессоровъ факультета и на половину изъ лицъ постороннихъ. Если получившій званіе частнаго преподавателя не будетъ пользоваться имъ въ теченіе пяти лѣтъ, то можетъ быть лишенъ его по представленію декана ректору университета.

Курсы частныхъ преподавателей совершенно уравнены съ курсами профессоровъ. Законъ требуетъ, чтобы они читались по возможности въ университетскихъ залахъ, хотя не запрещается читать ихъ и въ другихъ помѣщеніяхъ. Они вносятся въ общее росписаніе лекцій, причѣмъ требуется, чтобы часы, назначенные для нихъ, не совпадали съ часами публичныхъ курсовъ по тому же предмету. Ректоръ и деканы обязаны надзирать за означенными чтеніями; ректоръ поручаетъ иногда посѣщеніе ихъ и публичнымъ профессорамъ подлежащаго факультета. Курсы эти не могутъ быть закрыты высшею властью, безъ выслушанія мнѣнія высшаго совѣта просвѣщенія и безъ отобранія объяснительныхъ свѣдѣній отъ преподавателя.

Кромѣ частныхъ курсовъ въ университетскихъ городахъ, министръ

можетъ разрѣшать ихъ и въ городахъ окружныхъ, гдѣ нѣтъ университетовъ. Чаще всего разрѣшаются курсы гражданскаго права и судопроизводства для лицъ, приготовляющихся къ профессіи нотаріусовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что уставъ 1859 г., открывая широкое поле частному преподаванію въ университетахъ, слѣдовалъ примѣру университетовъ германскихъ. Но расчеты законодателя не оправдались. Частное преподаваніе идетъ туго, и это служитъ новымъ доказательствомъ, что для процвѣтанія извѣстнаго учрежденія не достаточно ввести его закономъ. Ни разу не случилось намъ встрѣтить, чтобы ординарные и экстраординарные профессеры, подобно нѣмецкимъ, читали, кромѣ обязательныхъ, и частные курсы; напротивъ, если они и рѣшаются излагать необязательные для нихъ предметы, то не иначе, какъ по порученію правительства и съ вознагражденіемъ отъ него же. Въ большинствѣ италіанскихъ университетовъ вовсе нѣтъ частныхъ преподавателей; они существуютъ только въ семи университетахъ, и число ихъ въ Туринѣ, Падуѣ и Павіи даже довольно значительно, но первое мѣсто въ этомъ отношеніи безспорно принадлежитъ Неаполитанскому университету. Тамъ, начиная съ среднихъ вѣковъ, частное преподаваніе не только не ослабѣвало, но принимало, напротивъ, все большіе размѣры. Когда Неаполитанскій университетъ, вслѣдствіе безразсудныхъ противъ него преслѣдованій, пришелъ въ упадокъ, то даровитые профессеры — Кампанелла, Джіордано Бруно, Ницо, Ванини — читали лекціи на дому; знаменитый медикъ Николо Чирилло преподавалъ такимъ же образомъ въ концѣ прошлаго столѣтія медицину; другой знаменитый ученый, Вико, около девяти лѣтъ сряду излагалъ юриспруденцію въ самомъ незначительномъ городѣ Неаполитанской провинціи, въ домѣ семейства Рокка, и уже позднѣе явился въ Неаполитанскомъ университетѣ на кафедрѣ реторики. Вообще частное преподаваніе очень привилось въ Неаполитанской области: Неаполь усѣянъ множествомъ частныхъ институтовъ, въ которыхъ не оскудѣваетъ число воспитанниковъ. Что касается тамошняго университета, то въ 1872—73 учебномъ году читали въ немъ частные преподаватели: по юридическому факультету 18, по медицинскому — 11, по физико-математическому — 11, по факультету литературы и философіи — 10, всего 50; во всѣхъ же остальныхъ университетахъ въ томъ же году было только 59 частныхъ преподавателей. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ Неаполѣ, кромѣ тѣхъ ученыхъ, курсы коихъ внесены въ общее росписаніе университетскихъ лекцій, есть еще много другихъ, преподаваніе коихъ отличается уже совершенно частнымъ

характеромъ. Такъ, между прочимъ, я посѣщалъ лекціи профессора Бовіо (Bovio), автора небольшого сочиненія: „Критика основныхъ положеній уголовного права“, который излагалъ исторію философіи права въ аудиторіи, помѣщавшейся въ одномъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній. Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль нѣкоторыхъ частныхъ курсовъ состоитъ не только въ изложеніи науки, но и въ томъ, чтобы приготовить студентовъ къ экзаменамъ. Въ Неаполитанскомъ университетѣ большинство частныхъ преподавателей юридическихъ наукъ—адвокаты, иногда судьи или прокуроры. Такъ какъ вездѣ въ Европѣ, а преимущественно въ Италіи, назначеніе юридическихъ факультетовъ состоитъ если не исключительно, то главнымъ образомъ въ приготовленіи практическихъ дѣятелей, и такъ какъ въ Италіи профессоръ юридическихъ наукъ *ipso jure* есть и адвокатъ, то очень понятно, что у юристовъ-практиковъ, читающихъ лекціи, всегда много слушателей.

О томъ, въ какомъ вообще положеніи находится частное университетское преподаваніе въ Италіи, мы находимъ свѣдѣнія въ отчетѣ, представленномъ въ 1865 г. министру высшимъ совѣтомъ народнаго просвѣщенія. „Разсматривая программы предметовъ, излагаемыхъ въ частныхъ курсахъ“, говорится въ этомъ отчетѣ, „легко убѣдиться, что это, по большей части—предметы кафедръ ординарныхъ, публичныхъ: явное доказательство, что частное преподаваніе не имѣетъ у насъ того значенія, какъ въ университетахъ германскихъ. Тамъ лишь весьма немногіе изъ частныхъ преподавателей читаютъ тѣ же самые курсы, изложеніемъ коихъ занимаются ординарные и экстраординарные профессора. Слѣдовательно, частное преподаваніе въ Германіи носитъ тотъ самый характеръ, какимъ въ средніе вѣка отличалось оно въ италіанскихъ университетахъ, и какимъ должно быть въ дѣйствительности, то есть, оно служитъ развитіемъ и дополненіемъ преподаванія официальнаго. Всякій разъ, когда достигаетъ оцѣ блестящаго развитія, то этимъ самымъ указываетъ на значительную степень любознательности студентовъ и на любовь ихъ къ серьезнымъ занятіямъ; въ то же время оно дѣйствуетъ благотворно и на официальныхъ преподавателей, побуждая ихъ заботиться о полнотѣ и усовершенствованіи своихъ курсовъ. Когда подумаешь, съ какими трудностями сопряжены у насъ конкурсы для замѣщенія университетскихъ кафедръ, которые приносятъ 5.000 лиръ въ годъ, то необходимо заключить, что не находится теперь въ италіанскихъ университетахъ тѣхъ условій, которыя могли бы создать настоящее частное преподаваніе и способство-

вать его преуспѣванію". (Sulle condizioni della pubblica istruzione del Regno d'Italia 1865 г., стр. 158, 159).

Эти слова официального документа свидѣтельствуютъ о слабомъ развитіи частнаго преподаванія въ Италіи; въ то же время изъ нихъ можно заключить, что въ этой странѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Европы, не имѣютъ вѣрнаго понятія о частномъ университетскомъ преподаваніи въ Германіи.

Обыкновенно полагаютъ, что главное значеніе его тамъ заключается въ конкуренціи привать-доцентовъ, но это отнюдь не справедливо. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ юридическимъ наукамъ можно положительно сказать, что частнымъ преподаваніемъ въ нѣмецкихъ университетахъ занимаются преимущественно ординарные и экстраординарные профессора, а привать-доценты, и по своей малочисленности, и по своему положенію начинающихъ, далеко не могутъ соперничать съ ними въ этомъ дѣлѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣдуетъ лишь просмотрѣть распредѣленіе предметовъ въ двухъ или трехъ университетахъ. Такъ, напримѣръ, въ Берлинскомъ юридическомъ факультетѣ уголовное право излагается четырьмя профессорами—Бернеромъ, Гефтеромъ, Гнейстомъ и Гольцендорфомъ; что же касается до двухъ привать-доцентовъ, состоящихъ при томъ же факультетѣ, то одинъ изъ нихъ, Рубо, читаетъ также уголовное право, судопроизводство и военное уголовное право. Въ Гейдельбергѣ, въ зимній и лѣтній семестръ 1871—72 г., объявили свои курсы по уголовному праву три профессора и одинъ привать-доцентъ; въ Лейпцигскомъ университетѣ, въ семестрѣ отъ 15-го октября 1872 г. до 15-го марта 1873 г., уголовное право и судопроизводство читали три профессора—два ординарныхъ и одинъ экстраординарный. Преподаваніе привать-доцентовъ не имѣетъ въ Германіи большаго значенія уже потому, что въ нѣкоторыхъ юридическихъ факультетахъ находится только по одному привать-доценту, во многихъ же ихъ и вовсе нѣтъ. Конкуренція частнаго преподаванія происходитъ главнымъ образомъ между профессорами ординарными и экстраординарными, которые, кромѣ своихъ предметовъ, имѣютъ право читать, и дѣйствительно читаютъ, и всякіе другіе факультетскіе предметы. Тѣ лекціи, которыя читаются профессорами юридического факультата *öffentlich* или *publice* и вмѣстѣ съ тѣмъ безденежно, составляютъ лишь самую незначительную часть ихъ преподаванія. Германскій профессоръ собственно обязанъ читать одинъ часъ въ недѣлю *publice*; а затѣмъ *private*, то есть, за известное вознагражденіе, имѣетъ право читать не только всякій другой

факультетскій предметъ, что дозвоительно и въ Италіи, но и предметъ своей каедры, что запрещено италіанскому профессору. Такимъ образомъ, въ Италіи частное преподаваніе почти исключительно возложено на такъ называемыхъ *privati insegnanti*—частныхъ преподавателей; въ Германіи же имъ занимаются главнымъ образомъ профессора, находящіеся на службѣ.

Самое свойство частнаго преподаванія въ Германіи изображаютъ перѣдко не въ надлежащемъ видѣ. Думаютъ обыкновенно, что оно служитъ дополненіемъ или спеціализаціею публичнаго преподаванія; на самомъ же дѣлѣ, оно составляетъ главную часть всего университетскаго преподаванія, и затѣмъ если по одному и тому же предмету читается нѣсколько курсовъ, то это почти всегда бывають курсы параллельные, одинаковаго, а не различнаго содержанія. Правда, преподаваніе въ нѣмецкихъ университетахъ нѣсколько разностороннѣе, чѣмъ въ италіанскихъ, но во всякомъ случаѣ спеціальныя курсы и тамъ составляютъ исключеніе; главное же мѣсто принадлежитъ курсамъ общимъ, основнымъ, доставляющимъ элементарныя свѣдѣнія студентамъ.

А. Кистяковскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

О состояніи и дѣйствіяхъ университета св. Владимира въ 1873 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; мѣры къ замѣщенію ихъ и къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; темы для соисканія наградъ медалями; ученые труды преподавателей и читанныя ими публичныя лекціи; испытанія на ученые степени и званія; командировки съ ученою цѣлью; свѣдѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. — Объ учрежденіи отдѣленія госпитальной клиники Казанскаго университета для болѣзней кожи и сифлиса. — О повѣрочныхъ въ Варшавскомъ университетѣ испытаніяхъ въ 1873 году.

Въ университетѣ св. Владимира къ 1-му января 1874 года состояло на лицо: ординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ профессоръ богословія) — 33, экстраординарныхъ — 8, доцентовъ — 18, лекторовъ — 1, прозекторовъ — 2, помощниковъ прозектора — 3, ординаторовъ факультетскихъ клиникъ — 6, ординаторовъ госпитальныхъ клиникъ — 2, лаборантовъ — 6. Между факультетами лица эти распределены слѣдующимъ образомъ: по историко-филологическому — 3 ординарныхъ профессора, 1 экстраординарный, 6 доцентовъ и 1 лекторъ; по физико-математическому — 11 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ, 2 доцента и 4 лаборанта; по юридическому — 7 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный и 2 доцента; по медицинскому — 11 ординарныхъ профессоровъ, 4 экстраординарныхъ, 8 доцентовъ, 2 прозектора, 3 помощника прозектора (изъ коихъ одинъ при каѳедрѣ судебной медицины), 6 ординаторовъ при фа-

часть CLXXIII, отд. 4.

культетскихъ клиникахъ, 2 ординатора при госпитальныхъ клиникахъ и 2 лаборанта. Сверхъ того, въ 1873 году состояло при университетѣ два сверхштатныхъ преподавателя: одинъ по кафедрѣ русской словесности, другой — по кафедрѣ анатоміи, оба съ званіемъ ординарныхъ профессоровъ. Привать-доцентовъ къ 1-му января 1874 года состояло на лицо 5, а именно: по греческой словесности, международному праву, офтальмологіи, частной патологіи и терапіи и по хирургіи. Изъ положенныхъ по уставу 1863 года кафедръ оставались въ 1873 году не замѣщенными: по историко-филологическому факультету: всеобщей исторіи—съ 2-го октября 1871 года, греческой словесности—съ 19-го ноября того же года, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, церковной исторіи и теоріи и исторіи искусствъ; по физико-математическому: физической географіи и геогнозіи и палеонтологіи,—обѣ со времени учрежденія ихъ новымъ университетскимъ уставомъ; по юридическому: политической экономіи и статистики—съ 1-го іюля 1873 года, энциклопедіи права—съ 10-го мая 1868 года, исторіи славянскихъ законодательствъ и церковнаго законовѣдѣнія,—последнія двѣ съ 18-го іюня 1863 года; по медицинскому — теоретической хирургіи съ хирургическою госпитальною клинкою.

Въ теченіе 1873 года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—21, физико-математическій—20, юридическій—27 и медицинскій—35. Для замѣщенія вакантныхъ кафедръ приняты были слѣдующія мѣры: опредѣлены доцентами по не замѣщеннымъ профессорами кафедрамъ: привать-доцентъ, магистръ *Драгомановъ*—всеобщей исторіи, магистръ *Зибель*—политической экономіи и статистики, докторъ медицины *Ринекъ*—хирургіи; кафедра исторіи всеобщей литературы поручена штатному доценту *Линиченко*; по кафедрѣ греческой словесности излагаетъ обязательныя лекціи привать-доцентъ *Мищенко*; преподаваніе церковной исторіи возложено на доцента *Герновскаго*; геогнозія и палеонтологія преподавались профессоромъ минералогіи, а физическая географія—преподавателемъ физики; преподаваніе энциклопедіи права возложено на профессора иностранныхъ законодательствъ *Ренненкамтфа*, а преподаваніе по кафедрѣ церковнаго законовѣдѣнія на профессора *Саворова*.

Для привлеченія студентовъ къ научнымъ занятіямъ внѣ лекцій, факультеты историко-филологическій и юридическій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, требовали отъ студентовъ представленія сочиненій, на заранее объявленныя темы, предъ полукурсовымъ и окончательнымъ

испытаніями. На медицинскомъ факультетѣ эти обязательныя сочиненія замѣнялись изложеніемъ исторій болѣзней при занятіяхъ въ клиникахъ. Независимо отъ сего, на историко-филологическомъ и юридическомъ факультетахъ были установлены по нѣкоторымъ предметамъ практическія занятія со студентами, а именно: профессоръ по кафедрѣ римской словесности Модестовъ объяснялъ Буколики Вергилія на латинскомъ языкѣ и занимался переводами какъ письменными, такъ и устными съ русскаго языка на латинскій; знакомилъ студентовъ съ латинскими надписями, при чемъ особенное вниманіе было обращено на Monumentum ancyranum; разбиралъ еженедѣльно представляемые студентами рефераты на латинскомъ или русскомъ языкахъ и рѣшала различныя вопросы, представлявшіеся темными для студентовъ и накопившіеся въ теченіе недѣли. Профессоръ по кафедрѣ русской исторіи Иконниковъ велъ практическія упражненія со студентами по русской исторіи, а именно, объяснялъ источники, относящіеся къ исторіи смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ; при этомъ задавались письменные разборы студентамъ о томъ или другомъ источникѣ, на примѣръ, разборъ сказанія объ осадѣ Троицкой лавры, и рукописи Филарета. Кроме того, студенты излагали иногда въ видѣ лекцій какой-нибудь вопросъ изъ читаннаго профессоромъ Иконниковымъ курса исторіи Россіи XVIII вѣка. Доцентъ Антоновичъ занимался практическими упражненіями со студентами по русской исторіи и археологій; доцентъ Хрущевъ — упражненіями по исторіи русскаго языка; доцентъ Терновскій руководилъ своихъ слушателей въ составленіи краткихъ записокъ по общей церковной исторіи; ординарный профессоръ Гогоцкій и экстраординарный профессоръ Яроцкій упражняли студентовъ въ письменныхъ изложеніяхъ лекцій, на основаніи изустныхъ чтеній: Гогоцкій — по философіи, Яроцкій — по славянскимъ нарѣчіямъ; ординарные профессора: полицейскаго права — Бунге, уголовнаго права — Кистяковскій и доцентъ исторіи русскаго права Сокольскій практически руководили студентовъ въ толкованіи законодательныхъ памятниковъ и въ изученіи замѣчательнѣйшихъ писателей. По всѣмъ прочимъ предметамъ производились, въ концѣ каждаго полугодія, на юридическомъ факультетѣ испытанія студентовъ изъ пройденнаго, для чего преподаватели и въ послѣднія недѣли полугодія, не прекращая чтенія лекцій, назначали особые часы; при этомъ студенты избирали, по указанію преподавателя, тотъ или другой отдѣлъ науки и приготавливались къ испытанію въ немъ не по отдѣлу только лекціямъ профессора, но и по

другимъ пособіямъ. На факультетахъ физико-математическомъ и медицинскомъ студенты занимались внѣ лекцій изслѣдованіями и опытами, производимыми подъ руководствомъ профессоровъ въ лабораторіяхъ, кабинетахъ, клиникахъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. Упомянутыя выше практическія занятія студентовъ, кромѣ сближенія съ ними преподавателей, несомнѣнно способствовали болѣе сознательному усвоенію ими науки, что и обнаружилось какъ на испытаніяхъ полукурсовыхъ и окончательныхъ, такъ и въ весьма дѣльныхъ сочиненіяхъ, практическихъ работахъ и т. п.

Для соисканія наградъ медалями въ 1873 году предложены были студентамъ слѣдующія темы: по историко-филологическому факультету—„Слово о полку Игоревѣ“, съ изложеніемъ: а) подробнаго сравненія поэтическаго разказа съ описаніями похода по лѣтописямъ; б) пояснительныхъ замѣчаній объ историческихъ и мифическихъ лицахъ, о событіяхъ и мѣстностяхъ, упоминаемыхъ въ поэмѣ; отъ физико-математическаго: по химіи—„сдѣлать качественный и количественный анализъ водъ обѣихъ сторонъ Днѣпра на различныхъ глубинахъ и въ разныя времена года, равно какъ подобный же анализъ источниковъ въ различныхъ частяхъ города, и показать связь состава этихъ источниковъ съ геологическимъ строеніемъ мѣстности“; по астрономіи—„опредѣленіе орбиты кометы Энке на основаніи наблюдений, произведенныхъ въ 1871 году, и вычисленіе эфимерида этой кометы для ея ближайшаго будущаго опредѣленія“; отъ юридическаго: а) „о мѣрахъ гражданскихъ взыскацій по русскому праву въ историческомъ развитіи“, и б) „объ общей подоходной подати“; отъ медицинскаго: а) „изслѣдованіе микроскопическихъ измѣненій въ печени при экспериментальномъ травматическомъ воспаленіи ея“; б) „экспериментальное изслѣдованіе происхожденія геморроидическихъ инфарктовъ и абсцесовъ, вызываемыхъ эмболиею“, в) „изслѣдованіе развитія слюнныхъ желѣзъ у млекопитающихъ животныхъ“, и г) „физиологическое дѣйствіе апоморфина и сравненіе его съ дѣйствіемъ другихъ рвотныхъ средствъ“. За представленныя на эти темы сочиненія награждены медалями: золотыми—кандидатъ историко-филологическаго факультета Вадеяюкъ и студенты: юридическаго факультета—Штигилицъ и Пихнъ, медицинскаго—Уверскій и Максимовичъ; серебряною—студентъ юридическаго факультета Тальбергъ, а студентъ историко-филологическаго факультета Симоновъ удостоенъ почетнаго отзыва.

Въ теченіе 1873 года преподаватели университета издали или при-

готовили къ выпуску различные учено-литературные труды. Такъ, напримѣръ, ординарные профессоры: Модестовъ—окончили печатаніе въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ и издалъ отдѣльно 1-й курсъ „Лекцій по исторіи римской литературы“, читанныхъ имъ въ университетѣ св. Владиміра; Иконниковъ напечаталъ отдѣльною книгою историческую монографію „Графъ Н. С. Мордвиновъ“ и редактировалъ „Университетскія Извѣстія“ съ сентября 1873 года; Рахманиновъ издалъ первый выпускъ „Основаній теоретической динамики“ и помѣстилъ въ „Математическомъ Сборникѣ“ статью подъ заглавіемъ „Основная формула динамической теоріи преемниковъ машины“; Ходецкій редактировалъ „Университетскія Извѣстія“ по сентябрь 1873 года и напечаталъ въ этомъ изданіи двѣ записки объ университетской типографіи; Авенариусъ напечаталъ въ Poggendorff's Annalen der Physik und Chemie статью „Ein Beitrag zur Theorie der Thermostrome“ и въ биллетенѣ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы статью „Ueber innere latente Wärme“; Алексѣевъ напечаталъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ и затѣмъ выпустилъ отдѣльно переводъ съ итальянскаго сочиненій Канницаро: „Историческій обзоръ примѣненія атомической теоріи къ химіи и системѣ формулъ, выражающихъ строеніе соединеній“ и „О предѣлахъ и формѣ теоретическаго преподаванія химіи“, и помѣщалъ статьи въ Журналѣ русскаго химическаго общества, въ Berichte der deutschen Chemischen Gesellschaft, въ Трудахъ вольнаго экономическаго общества и въ Запискахъ Кіевскаго отдѣла русскаго техническаго общества; Борщовъ—приготовилъ для помѣщенія въ „Botanische Zeitung“ статью подъ заглавіемъ „Beiträge zur Microchemie der Pflanzen“; Ковалевскій напечаталъ: въ Извѣстіяхъ Императорскаго общества любителей естествознанія—„Наблюденіе надъ развитіемъ Coelenterata“ съ 8-ю таблицами и „Къ исторіи развитія Brachiopoda“ съ 5-ю таблицами, и въ Протоколахъ 4-го сѣзда русскихъ естествоиспытателей—„Предварительное сообщеніе о развитіи Brachiopoda“; Хандриковъ приготовилъ къ печати сочиненіе подъ заглавіемъ „Система астрономіи“ и занимался изслѣдованіемъ меридіаннаго круга; Гарничъ-Гарницкій приготовлялъ къ печати руководство по химіи для студентовъ медицинскаго факультета; Н. Х. Бунге напечаталъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ статью „Кредитныя учрежденія первостепенныхъ державъ“; Митюковъ издалъ литографированныя лекціи по общей части системы римскаго гражданскаго права и по исторіи римскаго права; Романовичъ-Славатинскій напечаталъ въ „Уни-

верситетскихъ Извѣстіяхъ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“ статью „Государственная дѣятельность Сперанскаго“ и занимался собраніемъ матеріаловъ для издаваемого имъ пособия по русскому государственному праву; Кистяковскій напечаталъ въ Судебномъ Журналѣ статью „О волостныхъ судахъ и уголовное право въ Италіи“ и приготовилъ монографію „Организація и современное состояніе итальянскихъ университетовъ“ для *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*; Бецъ приготовилъ статью „Анатомія на всемірной выставкѣ 1873 года“; заслуженный сверхштатный профессоръ Вальтеръ издавалъ газету „Современная медицина“ (годъ 14-й), приготовилъ въ печати 3-й выпускъ „Курса практической и прикладной анатоміи“ и помѣщалъ статьи въ Вѣстникѣ общества попеченія о раненыхъ воинахъ, по вопросамъ объ образованіи санитарной прислуги; экстраординарные профессора: Н. А. Бунге — напечаталъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ — „О дѣйствіяхъ солода на крахмалъ“ и въ Запискахъ Кіевскаго отдѣленія русскаго техническаго общества — „Сахарная промышленность на Вѣнской всемірной выставкѣ“; кромѣ того, разсматривалъ „Указатель литературы за 1872 годъ“, изданный Кіевскимъ обществомъ естествоиспытателей, и „Обзоръ литературы по технической части свеклосахарнаго производства за 1873 годъ“, помѣщаемый въ Запискахъ Кіевскаго отдѣла русскаго техническаго общества; Баранецкій напечаталъ статью „Untersuchungen über die Periodicität des Blütens der krautartigen Gewächse und deren Ursachen“ въ *Berichte der Naturforschenden Gesellschaft in Halle*; Шкляревскій — приготовилъ для университетскаго акта рѣчь „О главныхъ задачахъ высшаго образованія женщинъ“ и для „Университетскихъ Извѣстій“ статью „Діоптрика глаза въ элементарномъ приложеніи“; Субботинъ окончилъ печатаніе въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ перевода сочиненія М. Ф. Петенкофера „Холерная эпидемія въ Индіи“ и редактировалъ сдѣланный студентами переводъ сочиненія І. Ранке „Основы физиологіи человѣка“; доценты: Хрущовъ — напечаталъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* „Записку о цѣляхъ учрежденія историческаго общества Нестора лѣтописца въ Кіевѣ“; Терновскій — окончилъ изданіе „Актвъ русскаго на Афонѣ Пантелеймонова монастыря“; Драгомановъ — напечаталъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* статью „Палатинскій холмъ въ Римѣ по новѣйшимъ раскопкамъ“ и въ *Rivista Europea* — „Le recenti pubblicazioni della Società Geografica Russa“; Паульсонъ — напечаталъ въ мемуарахъ Академіи Наукъ „Ueber fossile Reste eines in Russland gefundenen

Zeuglodon"; Базаровъ помѣстилъ статью въ Журналъ русскаго химическаго общества— „Объ атомности и строеніи“, въ *Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft zu Berlin* — „Zur Frage über die Constitution der Ueberjodsäure“ и въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ — „О значеніи химическихъ формулъ“; Сокольскій— историко-юридическое изслѣдованіе подъ заглавіемъ „О нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ“; Коломнинъ — въ Журналъ для гистологии и клинической медицины статью „Послѣдовательное удлинненіе большого берца“ и приготовилъ къ печати статью „Кіевская хирургическая госпитальная клиника въ 18⁷³/73 учебномъ году“, а въ Медицинскомъ Вѣстникѣ помѣстилъ статью „Объ отношеніи центральной нервной системы къ процессу всасыванія“; Е. И. Афанасьевъ редактировалъ 3-й выпускъ перевода Частной патологии и терапіи Нимейера; Н. С. Афанасьевъ напечаталъ въ *Arbeiten aus den physiologischen Anstalt zu Leipzig*— „Welcher Bestandtheil der Erstickungs-Blutes vermag den diffundirbaren Sauerstoff zu binden“; лекторъ Даниель издалъ „Практическое руководство къ изученію англійскаго языка“; приватъ-доценты: Яценко — помѣстилъ въ Военно-Медицинскомъ журналѣ статью „Обзоръ хирургической литературы франко-прусской войны“; Мендельсонъ — въ послѣднемъ томѣ Архива Греффе „Ueber Schnervenkreuzung und Nemeorie“; лаборанты: Лоначевскій - Петруняка редактировалъ журналъ и записки Кіевскаго отдѣленія русскаго технического общества по свеклосахарной промышленности; Бобрецькій помѣстилъ въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей статьи: „Къ исторіи развитія аннелидъ“, „Къ исторіи развитія суставчатоногихъ“ и напечаталъ въ Протоколахъ Казанскаго съѣзда естествоиспытателей предварительное сообщеніе о развитіи *opiscus*; хранитель зоологическаго кабинета Кричагинъ напечаталъ статьи: въ Запискахъ Кіевскаго общества естествоиспытателей — „Къ исторіи развитія почки *Botrullus'a*“ и „Отчетъ о путешествіи на восточный берегъ Чернаго моря въ 1872 году“; сверхъ того, „Объяснительный каталогъ зоологическаго музея университета св. Владиміра“. Публичныя лекціи читали: сверхштатный заслуженный профессоръ Селинъ — по исторіи русской литературы и языка; ординарные профессеры: Гарничъ-Гарницкій и Алексѣевъ — по химіи, Гогоцкій — по педагогіи; доцѣнты: Антоновичъ — по русской исторіи, Фортинскій — по всеобщей исторіи, Линиченко — по теоріи поэзіи. Лекціи по химіи читались бесплатно для всѣхъ сословій, сопровождались необходимыми опытами и были излагаемы въ аудиторіи при химической лабораторіи; за слушаніе же лек-

цій въ обоихъ полугодіяхъ по прочимъ предметамъ взималось за каждый предметъ порознь 2 руб., прѣ чемъ выдавались и бесплатные билеты, не иначе, впрочемъ, какъ по письменному удостовѣренію трехъ преподавателей, участвовавшихъ въ чтеніи лекцій. Независимо отъ сего, преподавателями университета, съ 24-го ноября, прочитаны были 5 лекцій въ пользу нуждавшихся жителей Самарской губерніи и недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра, а именно, профессорами: Романовичемъ-Словатинскимъ — „Сравнительный очеркъ развитія крѣпостнаго права и его отиѣны въ Россіи и въ западной Европѣ“, Незабитовскимъ — „О новѣйшихъ проектахъ международнаго устава“, Ренненкампфомъ — „О новомъ городовомъ положеніи въ Россіи“; доцентами: Хрущевымъ — „О просвѣтительной дѣятельности императрицы Екатерины II“ и Фортинскимъ — „О развитіи панской власти въ средніе вѣка“.

Совѣтъ университета св. Владиміра имѣлъ въ теченіе 1873 года 19 засѣданій. Утверждены были въ степени доктора: минералогіи и геологіи — магистръ Александръ *Иностранцевъ*, зоологіи — магистръ Николай *Бобреекій* и уголовного права — доцентъ университета св. Владиміра Владиміръ *Сокольскій*; въ степени магистра государственнаго права — кандидатъ *Самоковасовъ*; въ степени доктора медицины — лекаря Василій *Кистяковскій* и Владиміръ *Глазунъ*. Затѣмъ удостоены: степени кандидата 47 лицъ, въ томъ числѣ по факультетамъ: историко-филологическому — 21, физико-математическому — 7 и юридическому — 19; званія дѣйствительнаго студента — 37, въ томъ числѣ по факультетамъ: историко-филологическому — 1, физико-математическому — 7, юридическому — 29; званія лекаря — 17, провизора — 8, аптекарскаго помощника — 25, зубнаго врача — 1, повивальной бабки — 56. Оставлены при университетѣ для приготовления къ профессорскому званію кандидаты: *Дашкевичъ* — по исторіи всеобщей литературы, *Шихуцкій* — по химіи, *Плутенко* — по ботаникѣ. Сверхъ сего, продолжено еще на одинъ годъ производство стипендіи слѣдующимъ кандидатамъ, готовящимся къ профессорскому званію: по астрономіи — *Радченку*, по физической географіи — *Кравченку*, по гражданскому праву и судопроизводству — *Загоровскому*, по офтолмологіи — лекарю *Ерофьеву*; оставленъ въ званіи стипендіата безъ содержанія кандидатъ *Тарасовъ* и вновь зачисленъ въ стипендіаты тоже безъ содержанія кандидатъ *Нова*, готовящіяся къ профессорскому званію: первый — по полицейскому праву, второй — по государственному праву.

Съ Высочайшаго соизволенія командированы были за границу съ

ученою цѣлю: ординарные профессеры: Бецъ—для участія въ Вѣнсской всемірной выставкѣ въ качествѣ эксдонента съ препаратами своими по анатоміи человѣческаго мозга; Теофилактовъ—для осмотра въ главныхъ городахъ Европы геолого-минералогическихъ собраній и Вѣнской всемірной выставки; Рахманиновъ, Хандриковъ и Алексѣевъ, послѣдній для осмотра въ Вѣнѣ выставки и тамошнихъ лабораторій; экстраординарные профессеры: Бунге—для осмотра фабрикъ и заводовъ; Субботинъ—для изученія санитарнаго устройства городовъ въ Германіи и Швейцаріи и для участія въ засѣданіяхъ медицинскаго международнаго конгресса, устроеннаго въ Вѣнѣ, съ цѣлю обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ по общей гигиенѣ и медицинской полиціи; доценты: Горецкій—для осмотра госпиталей, въ особенности отдѣленій для навозныхъ болѣзней и коллекцій, къ этому отдѣленію относящихся, а также оспопрививательныхъ заведеній, и кромѣ того, для участія въ Вѣнскомъ медицинскомъ международномъ конгрессѣ, и Базаровъ—для осмотра заводовъ, лабораторій и рудниковъ и Вѣнской всемірной выставки; прозекторъ Кистяковскій—для посѣщенія физиологическихъ и химическихъ лабораторій; лаборантъ зоотомической лабораторіи Бобрецкій, на два года, для осмотра зоологическихъ музеевъ, зоологическихъ садовъ и акваріевъ и зоологическихъ лабораторій; консерваторъ физическаго кабинета Заіончевскій—для ознакомленія съ новѣйшими физическими приборами на Вѣнской всемірной выставкѣ и для слушанія практическаго курса физики въ лабораторіи профессора Кирхгофа.

Студентовъ въ университетѣ св. Владиміра къ 1-му января 1873 года было—843; въ теченіе 1873 года поступило—203, въ томъ числѣ: изъ гимназій по аттестатамъ зрѣлости—90, по аттестатамъ прежнихъ лѣтъ—8, изъ духовныхъ семинарій—11, изъ Вѣнскаго университета—1, бывшихъ студентовъ университета св. Владиміра—68, студентовъ другихъ университетовъ—21, студентовъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи—2, изъ института инженеровъ путей сообщенія—1, изъ С.-Петербургскаго технологическаго института—1; вышло въ теченіе 1873 года—250, въ томъ числѣ до окончанія курса—94, по окончаніи курса—156; затѣмъ къ 1-му января 1874 года оставалось 796, которые распределены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ—70, физико-математическомъ—61 (по разряду естественныхъ наукъ—22, по разряду наукъ физико-математическихъ—39), въ юридическомъ—213,

въ медицинскомъ—452. Постороннихъ слушателей состояло: къ 1-му января 1873 года—62, къ 1-му января 1874 года—63.

Учебно-вспомогательныя учрежденія университета св. Владимира находились въ слѣдующемъ положеніи. Въ *библіотекѣ* къ 1-му января 1874 года было книгъ русскихъ — 7.645 названій въ 12.110 томахъ, иностранныхъ—67.520 названій въ 114.632 томахъ; періодическихъ изданій: русскихъ — 220 названій, иностранныхъ — 386; рукописей: русскихъ—6, иностранныхъ—637; плановъ, гравюръ, эстамповъ и рисунковъ—153 названія. Въ *студентскомъ отдѣлѣ библіотеки* къ 1-му января 1874 года имѣлось книгъ: русскихъ—3.333 названія въ 5.422 томахъ, иностранныхъ — 3.342 названія въ 7.496 томахъ; періодическихъ изданій: русскихъ—50 названій и иностранныхъ—27 названій. Въ *астрономической обсерваторіи* къ 1-му января 1874 года имѣлось на лицо: книгъ и журналовъ—580 названій, атласовъ—7, инструментовъ и снарядовъ—57 номеровъ. Занятія на обсерваторіи въ теченіе 1873 года состояли въ слѣдующемъ: читались демонстративныя лекціи практической астрономіи студентамъ 3-го и 4-го курсовъ физико-математическаго факультета. При этомъ студенты упражнялись въ наблюденіяхъ съ малыми переносными снарядами. Двое изъ студентовъ 3-го курса въ теченіе всего лѣтняго вакаціоннаго времени занимались наблюденіями съ переноснымъ пассатнымъ инструментомъ работы Брауера въ Пулковѣ. Оставленный при университетѣ для приготовления къ профессорскому званію кандидатъ *Радченко* занимался измѣреніемъ плеедъ и наблюденіями кометы Теллеля при помощи витянаго и кольцеобразнаго микрометра, соединенныхъ съ большимъ рефракторомъ; кромѣ того была изслѣдована профессоромъ астрономіи *Хандриковомъ* установка меридіаннаго круга. Въ *кабинетѣ практической механики* къ 1-му января 1874 года имѣлись на лицо: а) собраніе геодезическихъ инструментовъ, моделей, машинъ и пособій для начертательной геометріи—160 номеровъ, б) собраніе элементовъ машинъ, в) три связки чертежей для преподаванія начертательной геометріи, г) 34 рисунка для преподаванія практической механики. Въ *химической лабораторіи и кабинетѣ* къ 1-му января 1874 года находилось на лицо: книгъ—163 названія въ 350 томахъ, инструментовъ, аппаратовъ, мебели и проч.—4.241, препаратовъ—2.164. Въ первомъ полугодіи 1873 года въ химической лабораторіи занимались качественнымъ анализомъ 30 студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ. Во второмъ полугодіи, по случаю передѣлки и перенесенія рабочихъ столовъ въ новую лабораторію, прак-

тическихъ занятій для студентовъ не было, и въ лабораторіи занимались только стипендіаты по предмету химіи и одинъ студентъ физико-математическаго факультета — спеціальными работами. Въ *минералогическомъ кабинетѣ* къ 1-му января 1874 года находилось книгъ русскихъ—12 названій въ 13 томахъ, иностранныхъ—125 названій въ 174 томахъ, періодическихъ изданій иностранныхъ—12 названій въ 159 томахъ, машинъ, горныхъ породъ и окаменѣлостей—23.780, инструментовъ и приборовъ—72 нумера, картъ, плановъ и проч.—26 нумеровъ. Въ теченіе 1873 года въ минералогическомъ кабинетѣ занимались практически 20 студентовъ; успѣшность занятій ихъ выразилась особенно на полукурсовомъ испытаніи по минералогіи. Въ *метеорологической обсерваторіи* въ теченіе 1873 года занимались производствомъ наблюденій 3 студента физико-математическаго факультета, разряда математическихъ наукъ. Наблюденія производились надъ давленіемъ атмосферы, температурою, влажностью воздуха, направленіемъ и силою вѣтра, облачностью и количествомъ выпадающей изъ атмосферы воды. Результаты этихъ наблюденій печатались ежемѣсячно въ „Университетскихъ извѣстіяхъ“. Въ *ботаническомъ саду* къ 1-му января 1874 года было оранжерейныхъ растений — 2.402 видовъ и разновидностей 9.160 экземпляровъ, грунтовыхъ деревьевъ и кустарниковъ—866, грунтовыхъ травъ—3.910 видовъ и разновидностей. Въ теченіе 1873 года ботаническій садъ находился въ сношеніяхъ съ 20 заграничными и всѣми отечественными ботаническими садами, причѣмъ разослано имъ 1.525 пакетовъ различныхъ сѣмянъ. Въ томъ же году было имъ роздано, для разведенія, разнымъ лицамъ въ городѣ до 2.200 экземпляровъ грунтовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Въ *ботаническомъ кабинетѣ* нѣсколько студентовъ 3 и 4 курсовъ занимались анатоміей растений подъ руководствомъ профессора Борцова. Студентъ 4 курса *Рындовскій*, между прочимъ, производилъ даже самостоятельныя изслѣдованія надъ анатомическимъ строеніемъ коровой рости стебля *Sakugopeae*, представляющемъ нѣкоторыя замѣчательныя уклоненія. Въ *университетскомъ гербаріи* къ 1-му января 1873 года имѣлось сухихъ растений: приведенныхъ въ систему — приблизительно 67.850 экземпляровъ, не приведенныхъ въ систему и въ видѣ отдѣльныхъ коллекцій — 291 связка, и собраніе тайнобрачныхъ растений Робенгорста; пособія при преподаваніи морфологіи и систематики растений: коллекція гипсовыхъ моделей грибовъ Вихнера (6 ящичковъ), коллекція моделей типическихъ формъ цвѣтовъ Бренделя и коллек-

ція восковыхъ моделей Циглера, для морфологіи растений (31 модель); пособія для микроскопическихъ занятій и анатоміи: 10 микроскоповъ съ принадлежностями въ ящикахъ, 2 окуляра съ микрометрами, поляризаціонный приборъ Гартнака, 100 микроскопическихъ препаратовъ діатомовыхъ водорослей Эйленштейна, 5 ящиковъ микроскопическихъ препаратовъ, большею частію по анатоміи растений; ящикъ съ двумя бритвами для дѣланія микроскопическихъ разрѣзовъ, коллекція инструментовъ для приготовленія микроскопическихъ препаратовъ, 1 ящикъ съ реактивами. Пособіями для физиологическихъ изслѣдованій и опытовъ служили слѣдующіе приборы и аппараты: 8 термометровъ Цельсія съ дѣленіемъ на $\frac{1}{5}$ градуса, индукціонный аппаратъ Дюбуа-Реймона, 4 гальваническихъ элемента Грове съ 10 запальными фарфоровыми цилиндрами, 2 нагрѣвательные столика Штриккера, 2 газовыя камеры Штриккера, 4 колпака Сакса съ двойными станками, 3 стеклянные колпака, коллекція фарфоровой и стеклянной посуды (19 нумеровъ), коллекція химическихъ аппаратовъ (8 нумеровъ), коллекція химическихъ реактивовъ (33 названія). Въ теченіе 1873 года приобрѣтено: гербарій мховъ и печеночниковъ, изданіе Робенгорста, микроскопъ работы Гундлера (въ Берлинѣ), съ приборомъ въ ящикѣ; аппаратъ для изслѣдованій надъ теплопроводностью растительныхъ тканей,—всего 30 нумеровъ. Затѣмъ къ 1-му января 1874 года состояло на лицо: сухихъ растений въ гербаріѣ—на сумму 165 р., пособій для морфологіи и систематики растений—на 110 руб., пособій для микроскопическихъ занятій и анатоміи растений—на 1.235 р., 93 $\frac{1}{2}$ коп., пособій для физиологическихъ изслѣдованій и опытовъ—на 243 руб. 50 коп. Въ зоологическомъ кабинетѣ къ 1-му января 1873 года находилось—4.446 нумеровъ; въ теченіе года поступила коллекція безпозвоночныхъ животныхъ, собранная профессоромъ А. В. Ковалевскимъ въ Средиземномъ морѣ у береговъ Алжира. Коллекція эта нынѣ еще опредѣляется и изъ нея поступило въ зоологическій кабинетъ моллюсковъ—10 нумеровъ и безкишечныхъ—11 нумеровъ. Затѣмъ къ 1-му января 1874 года состояло на лицо—4.467 нумеровъ, содержащихъ въ себѣ 41.028 предметовъ. Въ лабораторіи при зоологическомъ кабинетѣ къ 1-му января 1874 года находилось книгъ—306 названій въ 650 томахъ, инструментовъ и аппаратовъ—95 нумеровъ въ 256 предметахъ. Въ технической лабораторіи къ 1-му января 1874 года было книгъ—190 названій въ 597 томахъ, рисунковъ—157, моделей—37, приборовъ, инструментовъ, машинъ и посуды—680, препаратовъ—986 нумеровъ. Въ лабораторіи работали 12 студентовъ;

изъ нихъ 1 занимался дѣланіемъ препаратовъ, 2 — количественнымъ анализомъ, 3—самостоятельными изслѣдованіями, остальные 6—качественнымъ анализомъ. Въ *лабораторіи при зоотомическомъ кабинетѣ* происходили два раза въ недѣлю практическія занятія студентовъ по зоологіи. Хранитель музея *Кричатинъ* занимался разработкою коллекціи низшихъ животныхъ, привезенной имъ съ восточнаго берега Чернаго моря. Результатомъ разработки этой было описаніе раковъ отдѣловъ *Soropoda*, помѣщенное въ 3-мъ выпускѣ III тома „Записокъ Кіевскаго общества естествоиспытателей“. Лаборантъ *Бобрецкій* работалъ надъ развитіемъ яицъ *Opiscus*; доцентъ *Паульсонъ* продолжаетъ разработку коллекціи ракообразныхъ Краснаго моря; профессоръ *Ковалевскій* занимался изученіемъ анатомическаго строенія брахіоподъ, привезенныхъ имъ съ южнаго берега Средиземнаго моря. Въ *физиологической лабораторіи* окончившій курсъ медицинскаго факультета *Полупаенко* изучалъ взаимное отношеніе рефлекторныхъ центровъ въ спинномъ мозгу; студентъ *Сливчанскій* занимался вліяніемъ нервной системы на всасываніе; студентъ *Богдановъ*—вліяніемъ большихъ полушарій мозга на распредѣленіе крови, а лекарь *Шварцъ* изслѣдовалъ лимфатическую систему яичника. Для *анатомическаго театра* приобрѣтено въ 1873 году инструментовъ и аппаратовъ на сумму 220 руб. и книгъ—на 108 австрійскихъ гульденовъ. Въ секціонной залѣ занималось 240 человѣкъ, которымъ роздано 489 препаратовъ, изъ коихъ 108 полостей. Въ *астрономическій кабинетъ* въ теченіе 1873 года поступили: 1) коллекція моделей плуговъ, изготовляемыхъ въ механическомъ заведеніи Эверта въ Берлинѣ, состоящая изъ девяти весьма отчетливо сдѣланныхъ моделей въ одну треть натуральной величины; 2) рамочный улей съ принадлежностями, употребляемый въ улучшенныхъ пчельникахъ подъ Кіевомъ, подаренный кабинету любителемъ пчеловодства г. Корженіовскимъ. Въ *музей патологической анатоміи* къ 1-му января 1873 года находилось 1.545 патологико-анатомическихъ препаратовъ; въ 1873 году приобрѣтено 14 такихъ препаратовъ; затѣмъ къ 1-му января 1874 года состояло на лицо 1.559 препаратовъ. Въ *лабораторіи патологической анатоміи* профессоромъ Мациномъ былъ читанъ демонстративный курсъ патологической анатоміи съ тѣловскрытіями для студентовъ 9 и 10 семестровъ при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ, по 6 часовъ въ недѣлю; при чемъ студенты по очереди производили вскрытія и были упражняемы въ опредѣленіи болѣзненныхъ измѣненій органовъ. Вскрытія всѣхъ умершихъ въ факультетскихъ

клинивахъ производились студентами 7 и 8 семестровъ, подъ руководствомъ профессора патологической анатоміи. Для студентовъ 5 и 6 семестровъ былъ читанъ демонстративный курсъ патологической анатоміи по 2 часа въ недѣлю. Въ *фармакологической лабораторіи и кабинетъ при оной* еженедѣльно по два часа, параллельно съ теоретическимъ изложеніемъ предмета, производились для студентовъ 3 и 4 семестровъ медицинскаго факультета фармакологическія демонстраціи. Кромѣ того занимались спеціальными работами 1 докторантъ и 1 студентъ. Въ *фармацевтической лабораторіи* занимались приготовленіемъ химико-фармацевтическихъ препаратовъ и производствомъ химическаго анализа 26 аптекарскихъ учениковъ и 84 аптекарскихъ помощника. Въ *кабинетъ судебной медицины* сдѣлано было 46 судебно-медицинскихъ вскрытій; въ клиническомъ судебно-медицинскомъ отдѣленіи освидѣтельствовано 227 человекъ, изъ коихъ одержимы были соматическими болѣзнями — 155, и психическими — 72 человека. Въ *терапевтическую факультетскую клинику* поступило въ 1873 году 228 больныхъ; изъ нихъ совершенно выздоровѣли—131, получили значительное облегченіе—71, умерли—25 и вышли безъ облегченія—26; обращавшихся за совѣтомъ въ амбулаторную клинику было 456. Въ терапевтической факультетской клиникѣ занятія студентовъ состояли въ практическихъ упражненіяхъ, въ распознаваніи болѣзней, веденіи скорбныхъ листовъ и составленіи исторіи болѣзней съ эпискрипами; кромѣ того, студенты занимались въ лабораторіи при клиникѣ химическими и микроскопическими изслѣдованіями болѣзненныхъ продуктовъ, на сколько они необходимы для діагностики внутреннихъ болѣзней. Въ *хирургической факультетской клиникѣ* въ 1-му января 1873 года оставалось 17 больныхъ; въ теченіе 1873 года поступило 177; изъ нихъ выздоровѣло 148, получило облегченіе и вышло изъ клиники 13, умерло 10, получило облегченіе, но продолжало леченіе 23. Въ 1873 году произведено операций 116, изъ нихъ съ полнымъ успѣхомъ — 113 и окончились смертію—3. Въ теченіе года приходило за совѣтами клиническихъ врачей и ассистентовъ 793 человека; имъ сдѣлано операций—180. *Акушерская факультетская клиника* въ 1873 году посѣщалась студентами 7 и 8 семестровъ, которые присутствовали по очереди при родахъ и упражнялись въ изслѣдованіи беременныхъ роженицъ, вели скорбные листы и писали исторіи болѣзней. Кромѣ студентовъ, обучалось тамъ же 236 ученицъ повивальному искусству и оспопрививанію. Больныхъ, приходившихъ въ клинику за совѣтомъ, было—189.

Въ *терапевтической госпитальной клиникѣ* къ 1-му января 1873 года оставалось больныхъ 62, въ теченіе года поступило 918; изъ общаго ихъ числа выздоровѣло—755, передано въ другія отдѣленія 65, выписано въ неспособные 24 и умерло 72; затѣмъ къ 1-му января 1874 года больныхъ осталось 64 человѣка. Терапевтическую госпитальную клинику посѣщали студенты 9 и 10 семестровъ. Занятія ихъ состояли въ веденіи правильныхъ наблюденій при постели больныхъ, при чемъ они были упражняемы въ производствѣ изслѣдованія больныхъ и различныхъ патологическихъ выдѣленій всѣми современными физическими и химическими методами; на основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, студенты устанавливали діагнозы болѣзней и показанія къ ихъ леченію. Къ числу занятій студентовъ относилось также ежедневное наблюденіе за ходомъ болѣзней. Въ *хирургической госпитальной клиникѣ*, состоящей изъ 3-хъ отдѣленій—собственно хирургическаго, глазнаго и сифилитическаго,—находится 60 кроватей. Къ 1-му январю 1873 года состояло больныхъ—35; въ теченіе года поступило 546; изъ общаго ихъ числа выздоровѣло 337, получило облегченіе и выбыло 137, умерло 47; затѣмъ къ 1874 году осталось больныхъ, 60 человѣкъ. Операцийъ въ теченіе года сдѣлано было 46. Сверхъ сего, въ клиникѣ пользовалось 20 приходящихъ больныхъ. Въ *дерматологической клиникѣ*, учрежденной при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ, пользовалось 242 больныхъ; изъ нихъ выздоровѣло—213, умерло—6, получили облегченіе—21. Клинику посѣщали студенты 9 и 10 семестровъ медицинскаго факультета. Курсъ дерматологіи былъ излагаемъ имъ теоретически, демонстративно, при чемъ для демонстраціи служили клиническіе больные. Независимо отъ этого, разбирались клиническіе случаи особо, и здѣсь студенты упражнялись въ распознаваніи различныхъ страданій кожи, припоминали извѣстное имъ изъ изложеннаго на предшествующихъ лекціяхъ и знакомились на практикѣ со способами примѣненія и дѣйствіемъ терапевтическихъ средствъ. Въ *глазной факультетской клиникѣ* къ 1-му января 1873 года оставалось больныхъ 14 человѣкъ; въ теченіе года поступило—199. Изъ этого числа выздоровѣли—169, получили облегченіе—18, оказались неизлечимыми—8, вышли безъ операціи—7; затѣмъ къ 1-му января 1874 года больныхъ осталось 11. Глазная факультетская клиника посѣщалась медицинскими студентами 7 и 8 семестровъ, которые присутствовали при операціяхъ, слѣдили за больными, составляли исторіи болѣзней, упражнялись въ производствѣ операцій на трупахъ. Больныхъ приходящихъ за совѣтами было 2.760.

Въ лабораторіи медицинской химіи занимались въ первомъ семестрѣ—30 студентовъ, а во второмъ—4. Въ лабораторіи при кафедрѣ истологіи и эмбриологіи студенты 2-го и 3-го курсовъ практически занимались ежедневно по 2 часа, подъ руководствомъ преподавателя, изученіемъ элементарнаго строенія человѣческаго тѣла, для чего были они раздѣлены на 4 группы, по 20 человекъ въ каждой.

— Доцентъ Казанскаго университета г. Ге заявилъ медицинскому факультету сего университета, что при преподаваніи имъ въ истекшемъ году болѣзней кожи, онъ не разъ испытывалъ всѣ неудобства, происходящія отъ неимѣнія клиники для означенныхъ болѣзней и сифилиса. Болѣзни кожи выражаются въ большинствѣ случаевъ такими припадками (напримѣръ, различные отѣнки плотности и цвѣта кожи, различныя подробности наружнаго вида сыпей и т. д.), которые при отсутствіи больнаго весьма трудно, а пожалуй и невозможно, описать словомъ и охарактеризовать на столько, чтобъ каждый слушатель могъ составить себѣ совершенно ясное понятіе объ описываемомъ припадкѣ. Хотя амбулантная клиника, которую велъ доцентъ Ге въ отдѣленіи профессора Виноградова, и давала ему отчасти возможность дѣлать демонстраціи, но этого было далеко недостаточно, во первыхъ, потому, что при тѣхъ скудныхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ, число приходившихъ больныхъ было далеко недостаточно для демонстративнаго преподаванія; а во вторыхъ, отсутствіе постоянныхъ кроватей лишало его возможности знакомить слушателей на практикѣ съ различными методами и приемами леченія болѣзней кожи,—методами, столь употребительными въ европейскихъ клиникахъ и сопровождающимися всегда блестящими результатами. Что касается сифилиса, то все, сказанное выше, относится и къ этой болѣзни; но, кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что средства, употребляемая для ея леченія, требуютъ продолжительнаго теплаго содержанія больныхъ, ваннъ и т. п., что едва ли возможно при отсутствіи постоянныхъ кроватей. Наконецъ, неимѣніе клиники лишало преподавателя возможности дѣлать какія-либо научныя наблюденія, PROVĖRYATЬ дѣйствіе рекомендуемыхъ средствъ и т. д. Вслѣдствіе всего этого, г. доцентъ Ге просилъ факультетъ: 1) принять необходимыя мѣры къ устройству клиники для болѣзней кожи и сифилиса; 2) ходатайствовать объ ассигнованіи суммы для учрежденія амбулантной клиники. Ординарный профессоръ Виноградовъ замѣтилъ, что онъ вполне раздѣляетъ мнѣніе г. Ге о необходимости практическаго преподаванія дерматологіи и сифилидологіи, и съ

цѣлью изыскать для этого средства, полагаетъ наиболѣе удобнымъ войти въ сношенія съ земствомъ. Быть можетъ, оно согласится обратить отдѣленіе земской больницы для венерическихъ больныхъ въ клиническое, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ существуютъ госпитальныя клиники; одновременно съ тѣмъ слѣдуетъ ходатайствовать предъ совѣтомъ объ ассигнованіи суммъ для вышеупомянутой цѣли, а равно и для отдѣльной амбулантной клиники болѣзней кожи и сифилиса. Последнее тѣмъ болѣе необходимо, по мнѣнію г. Виноградова, что амбулантная сумма факультетской клиники, ассигнуемая ежегодно изъ клинической, становится недостаточною, при условіи пользованія ею же доцентомъ Ге, какъ это было въ истекшемъ учебномъ году. Вслѣдствіе всего этого, совѣтъ университета просилъ Казанскую губернскую управу объ обращеніи сифилитическаго отдѣленія земской больницы въ клиническое и получилъ отвѣтъ, что въ настоящее время, за недостаткомъ помѣщенія для больныхъ сифилисомъ въ зданіи земской больницы, сифилитическое отдѣленіе для мужчинъ помѣщается въ довольно тѣсномъ наемномъ домѣ, въ которомъ нѣтъ возможности устроить тѣ больничныя приспособленія, какия необходимы для вполне успѣшнаго леченія. По этой же причинѣ управа не сочла удобнымъ предоставить въ распоряженіе университета и тѣ помѣщенія, о которыхъ упоминается въ правилахъ для госпитальной клиники. При этомъ она присовокупила, что земское собраніе уже поручило ей, въ декабрѣ 1873 года, составить соображеніе о переводѣ больныхъ сифилисомъ какъ изъ наемнаго, такъ и изъ больничнаго дома, въ одно изъ зданій, принадлежащихъ земству, и соображенія эти будутъ представлены будущему очередному губернскому земскому собранію въ исходѣ текущаго года. Въ случаѣ же, если совѣтъ университета сочтетъ возможнымъ поручить теперь же г. Ге сифилитическое отдѣленіе земской больницы, на основаніи правилъ для госпитальной клиники, но безъ отвода упоминаемыхъ въ §§ 2 и 22 помѣщеній, то управа, съ своей стороны, не находитъ къ тому никакихъ препятствій. Вслѣдствіе ходатайства университетскаго совѣта, попечитель Казанскаго учебнаго округа вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ представленіемъ объ учрежденіи третьяго отдѣленія госпитальной клиники Казанскаго университета для болѣзней кожи и сифилиса на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ существуютъ госпитальныя клиники,—терапевтическая и хирургическая,—въ больницѣ приказа обществен-

часть СЛХХІІІ, отд. 4.

наго призрѣнія, нынѣ земства, согласно Высочайше утвержденному 28-го декабря 1860 года положенію комитета гг. министровъ, и объ ассигнованіи на это отдѣленіе 1.000 руб. въ годъ.

— Въ циркулярѣ по Варшавскому учебному округу напечатаны слѣдующія свѣдѣнія о результатахъ повѣрочныхъ испытаній, происходившихъ въ Варшавскомъ университетѣ въ 1873 году. Экзаменационную комиссію составляли: одинъ ординарный и два экстраординарные профессора, три доцента и одинъ лекторъ русскаго языка. Всѣхъ лицъ, подавшихъ прошенія о допущеніи къ экзамену, было 148, большая часть которыхъ, именно 133, принадлежала воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа. Изъ этихъ 133 лицъ изъявили желаніе поступить въ факультеты: медицинскій—44, юридическій — 52, историко-филологическій — 12, физико-математическій—25. Изъ нихъ не явились къ экзамену—3, не выдержали экзамена—9, не докончили экзамена—2, всего 14 человекъ или почти 10%. Изъявившіе желаніе поступить на историко-филологическій факультетъ подвергались испытанію по латинскому и греческому языкамъ, всеобщей и русской исторіи и русскому языку; на физико-математическій факультетъ—по русской исторіи, русскому языку, математикѣ и физикѣ; на юридическій—по латинскому и русскому языкамъ, всеобщей и русской исторіи; на медицинскій—по латинскому и русскому языкамъ и физикѣ. Экзаменовавшіеся изъ латинскаго языка оказались подготовленными такъ, что остается еще желать лучшихъ успѣховъ, а также чтобы въ гимназіяхъ обращено было больше вниманія на основательное изученіе этимологии латинскаго языка и на объясненіе законовъ синтаксиса при переводахъ латинскихъ авторовъ. По свидѣтельству экзаменатора, этотъ взглядъ раздѣляли также преподаватели древнихъ языковъ въ нѣкоторыхъ Варшавскихъ гимназіяхъ при посѣщеніи имъ этихъ гимназій во время уроковъ и на экзаменахъ VI и VII классовъ. Греческій языкъ идетъ успѣшнѣе, судя по отвѣтамъ немногихъ лицъ, подвергавшихся повѣрочному испытанію по этому предмету. Результаты повѣрочнаго испытанія по русскому языку показали, по отзыву экзаменатора, что „у экзаменовавшихся въ значительной степени замѣчается страсть къ общимъ разсужденіямъ и положительное отвращеніе къ фактамъ. На приглашеніе экзаменатора изложить содержаніе и разобратъ какое-нибудь изъ сочиненій Пушкина, одинъ изъ

испытуемых просить дозволить разказать вообще о Пушкинѣ;— и сдѣлать весьма залутанную и пространную характеристику этого поэта, съ ссылкой на произведенія его, которыхъ, по собственному признанію отвѣчавшаго, онъ не читалъ. Но, — продолжаетъ экзаменаторъ, — за весьма малыми исключеніемъ, всѣ экзаменовавшіеся свободно владѣли русскимъ языкомъ, такъ что рѣдкіе полонизмы и ошибки противъ ударенія не могли повредить общему впечатлѣнію изустнаго изложенія. Неудовлетворительно отвѣчавшихъ было 8, весьма удовлетворительно 7 человекъ“. По отзыву втораго экзаменатора по русскому языку, „не выдержавшихъ испытаніе оказалась самая незначительная часть. Были отвѣчавшіе превосходно между воспитанниками какъ варшавскихъ, такъ и другихъ гимназій. Практическое изученіе русскаго языка видимо улучшается. Многіе изъ воспитанниковъ польскаго происхождения говорили и читали вслухъ по русски какъ коренные русскіе, не дѣлая никакихъ ошибокъ въ произношеніи. Русский контингентъ вступающихъ, сравнительно съ прошедшими годами, увеличился. Масса отвѣчавшихъ хорошо—на сторонѣ изъявившихъ желаніе поступить на медицинскій факультетъ. Филологи всѣ до одного отвѣчали хорошо“. Результаты испытаній по физикѣ и математикѣ, по заявленію экзаменатора, оказались вообще удовлетворительными. То же слѣдуетъ сказать и объ экзаменѣ изъ русской исторіи. Не выдержалъ испытанія изъ сего предмета только одинъ. Весьма хорошо отвѣчавшихъ было 23 человекъ. Въ отношеніи же общей характеристики познаній экзаменовавшихся, экзаменаторъ замѣтилъ, что „въ отвѣтахъ была видна главнымъ образомъ формальная исправность, заботливая подготовка къ экзамену, но мало замѣтно живаго, сочувственнаго отношенія къ предмету, которое вызывало бы въ учащихся собственную мысль и побуждало ихъ къ чтенію; познанія экзаменовавшихся, даже и отличныхъ изъ нихъ, не выходятъ за предѣлы положеннаго въ гимназій учебника“. Почти къ тѣмъ же результатамъ пришелъ и другой экзаменаторъ по русской исторіи. Характеризуя вообще отвѣты воспитанниковъ Варшавскаго учебнаго округа, онъ нашель, „что было бы полезно, еслибы въ программѣ гимназическаго курса русской исторіи было принято нѣсколько шире ознакомленіе учащихся съ внутреннею стороною исторической жизни“. Экзаменаторъ по всеобщей исторіи сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія: „результатъ испытаній по всеобщей исторіи оказался вообще удовлетворительнымъ. Въ объемѣ излагаемой въ гимназіяхъ науки всѣ

экзаменующіеся были соотвѣтственно подготовлены. Нашлись и такіе, которые своими болѣе обстоятельными отвѣтами доказывали, что имъ не были чужды даже подробности изъ внутренней жизни, особенно классическихъ народовъ. Большинство, однакоже, экзаменуемыхъ давало отвѣты въ объемъ употребляемаго въ гимназіяхъ руководства Иловайскаго“.

**ОБЪ ИСПЫТАНИЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ ГИМНАЗИАХЪ И ПОДОБНЫХЪ ИМЪ
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1873 ГОДУ ¹⁾.**

Правилами объ испытаніяхъ зрѣлости установлено, между прочимъ, чтобы въ отчетахъ объ этихъ испытаніяхъ были сообщаемы свѣдѣнія о возрастѣ лицъ, удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости. Свѣдѣнія эти не лишены также своего значенія и могутъ подать поводъ къ заключеніямъ какъ о прежнемъ ученіи означенныхъ лицъ, такъ отчасти и о распредѣленіи по возрастамъ молодыхъ людей, обучающихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сверхъ того, въ настоящее время они имѣютъ большую важность по отношенію въ отбываніи воинской повинности, ибо ст. 58-ю устава о воинской повинности дѣйствительное поступленіе въ ряды арміи отсрочивается ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній до достиженія 22-хъ лѣтъ, а обучающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ до наступленія 27-и лѣтъ. Въ виду условий, установленныхъ уставомъ о воинской повинности, было бы желательно, чтобы въ послѣдующихъ отчетахъ въ послѣдней графѣ таблицы, показывающей распредѣленіе призванныхъ зрѣлыми по возрастамъ, не смѣнивались лица, достигшія 21-го года, съ лицами, коимъ исполнилось болѣе 21 года, какъ то предписано правилами, утвержденными слѣшкомъ за годъ до обнародованія устава о воинской повинности, а чтобы достигшимъ какъ 21 года, такъ и послѣдующихъ годовъ, были посвящаемы особня графы, соотвѣтственно каждому году возраста въ отдѣльности.

Изъ свѣдѣній за 1873-й годъ оказывается, что изъ 685 лицъ, удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости, относительно большее

¹⁾ *Окончаніе. См. Журн. Мин. Нар. Просв., за май 1874 года.*

число было на двадцатомъ году жизни, то-есть, уже имѣло 19 лѣтъ, а именно 182 человека, или 26,7%; за тѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшіе годы: 21-й и 22-й и выше, изъ коихъ на каждый приходится по 161 лицу или по 23,4%. Сколько въ числѣ 161 лица послѣдней категоріи было превысившихъ и 22 года, какъ выше сказано, неизвѣстно; но болѣе подробныя свѣдѣнія, быть можетъ, укажутъ, что отсрочка поступления въ ряды арміи до достиженія 22-хъ лѣтъ, по настоящимъ нашимъ обстоятельствамъ, не вполне достаточна. Впрочемъ, въ нынѣшнемъ и даже послѣдующемъ году вопросъ этотъ будетъ представлять интересъ только теоретическій, ибо всѣ тѣ, коимъ въ 1-ю января 1874 года исполнился 21 годъ, уже не подлежатъ болѣе воинской повинности.

Затѣмъ на 19-мъ году жизни было 131 лицо изъ 685, удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости (или 19,3%), а на 18-мъ году—всего 50 или 7,3%.

Такъ какъ нормальнымъ возрастомъ для поступления въ I классъ гимназій издавна признается у насъ 10 лѣтъ, курсъ же ученія въ гимназіяхъ продолжается 8 лѣтъ, то изъ приведенныхъ выше данныхъ оказывается, что ходъ ученія былъ нѣсколько ускоренъ для 50 лицъ (или 7,3%), что 131 лицо (19,3%) шло совершенно нормальнымъ путемъ, а остальные 504 (71,5%) заноздали противъ нормы—большинство (182 человека) на одинъ годъ, 161 человекъ на два года и столько же на три и болѣе года,—заноздали или вслѣдствіе болѣе позднаго поступления въ гимназію, или вслѣдствіе неудовлетворительнаго ученія въ томъ или другомъ классѣ и оставленія въ немъ на другой годъ по безустѣпности, или же, наконецъ, вслѣдствіе обихъ этихъ причинъ вмѣстѣ. Нѣсколько большая половина (50,1%) всѣхъ признанныхъ зрѣлыми, наежилась на 20-мъ и 21-мъ году возраста, и это отношеніе можетъ почитаться довольно благопріятнымъ, ибо какъ слишкомъ позднее, такъ и слишкомъ раннее поступленіе молодыхъ людей въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія можетъ жерѣдко имѣть неблагопріятныя послѣдствія: какъ для нихъ самихъ, такъ отчасти и для высшихъ учебныхъ заведеній.

Такъ какъ въ общемъ числѣ признанныхъ зрѣлыми ученики правительственныхъ гимназій рѣшительно преобладаютъ надъ всеми прочими, то и распределеніе ихъ по возрастамъ наиболѣе подходитъ къ вышеприведеннымъ общимъ выводамъ для всѣхъ, и между ними находящіеся на 20-мъ и 21-мъ годахъ жизни составляютъ тѣ же 50,1%, какъ и въ цѣломъ числѣ 685; но затѣмъ, наиболѣе ускореннымъ хо-

домъ ученія идутъ ученики частныхъ гимназій, такъ что относительно-большее число (6 изъ 21 или 28,8%) приходится здѣсь не на 19 лѣтъ, какъ въ гимназіяхъ правительственныхъ, а на 18 лѣтъ, и число окончившихъ курсъ 17-и лѣтъ по процентному отношенію (14,3%) болѣе значительно, нежели для учениковъ всѣхъ другихъ категорій: ученики частныхъ гимназій 17-и, 18-и и 19-и лѣтъ составляютъ уже 61,7% тѣхъ изъ нихъ, кои въ 1873 г. были признаны зрѣлыми, тогда какъ въ правительственныхъ гимназіяхъ подобные ученики тѣхъ же возрастовъ составляютъ только 52,3%. Такъ какъ частныя гимназіи не представляютъ особыхъ какихъ либо преимущественныхъ предъ правительственными гимназіями условій для успѣшнаго хода въ нихъ ученія, то вышеприведенныя данныя служатъ только указаніемъ, что частныя гимназіи принимаютъ дѣтей болѣе ранняго возраста или же искусственно сокращаютъ время ихъ обученія, чѣмъ объясняется и такой значительный процентъ не выдерживающихъ между ними испытанія зрѣлости.

Ближе всего по возрасту учениковъ, признанныхъ зрѣлыми, подходятъ къ частнымъ гимназіямъ церковныя училища: въ нихъ, однако же, относительно-большее число (10 изъ 23 или 43,4%) приходится на 19-илѣтній возрастъ, какъ и въ правительственныхъ гимназіяхъ, и точно также нѣсколько большую половину (52,1%) составляютъ 19-и и 20-илѣтніе; но затѣмъ сравнительно значительный перевѣсъ, по процентному отношенію, имѣютъ 17-илѣтніе (13%) и особенно 18-и лѣтніе (30,4%), и напротивъ, процентное отношеніе состоящихъ въ возрастѣ 22-лѣтнемъ и болѣе, почти въ 6 разъ менѣе таковаго же отношенія въ гимназіяхъ.

Напротивъ, наиболѣе запоздавшими своимъ образованіемъ оказываются признанные зрѣлыми изъ числа лицъ постороннихъ: здѣсь относительно наибольшее число (21 изъ 57, или 36,8%) приходится на возрастъ 21 года и болѣе, въ возрастѣ 17-и лѣтъ не оказалось никого, 18-и и 19-илѣтніе вмѣстѣ составляютъ только 42,3%, и напротивъ 57,8% составляютъ имѣющіе 20 лѣтъ, 21 годъ и болѣе того. Причины этого явленія едва-ли случайны, если принять во вниманіе, что огромное большинство стороннихъ лицъ, являющихся на экзамень въ гимназіи, составляется изъ тѣхъ, кто болѣе или менѣе безуспѣшно обучался прежде въ какой-либо гимназіи или другомъ учебномъ заведеніи, и этимъ составомъ категорій стороннихъ лицъ объясняется и значительное число не выдерживающихъ между ними испытанія.

Что касается до распредѣленія по возрастамъ выдержавшихъ испытаніе зрѣлости въ различныхъ учебныхъ округахъ, то въ этомъ отношеніи, на сколько можно дѣлать заключенія изъ данныхъ за одинъ только годъ и притомъ на основаніи случайно весьма небольшихъ чиселъ по нѣкоторымъ округамъ, не замѣчается особеннаго вліянія ни климатическихъ, ни какихъ либо другихъ мѣстныхъ условій, какъ-то: состава населенія, образа занятій и т. д., и различія, повидимому, обусловливаются главнѣйше состояніемъ учебной части въ самихъ гимназіяхъ, или тамъ, гдѣ числа весьма незначительны, дѣйствіемъ какихъ-либо случайныхъ причинъ. Безъ сомнѣнія, вліяніемъ послѣднихъ должно объяснить то, что изъ троицъ, успѣшно окончившихъ курсъ въ Рижской Александровской гимназіи, 2 (66,8%) были въ возрастѣ 21 года и болѣе, а 1 на 21-мъ году жизни, при чемъ, конечно, не безъ вліянія было недавнее открытіе этой гимназіи и обычная слабость требованій при первомъ приѣмѣ учениковъ во вновь открытое учебное заведеніе, и точно также изъ 5-и получившихъ аттестатъ зрѣлости въ Восточной Сибири трое (60%) были на 22-мъ году жизни и болѣе, а по 1-му на 21-мъ и 20-мъ, тогда какъ въ Западной Сибири изъ 9 было 4 (44,4%) на 19-мъ году жизни и 3 (33,3%) на 20-мъ. Изъ другихъ учебныхъ округовъ наибольшія числа на возрастъ болѣе зрѣлый (21 года и болѣе) приходятся въ Одесскомъ (40%), въ Виленскомъ (32,8%) и въ Харьковскомъ (29,8%), а отчасти также въ Казанскомъ, гдѣ какъ въ этомъ возрастѣ, такъ и на 20 году жизни, окончили гимназическій курсъ ученія по 39 человекъ, или по 25,1%; напротивъ, относительно наименьшее число окончившихъ курсъ въ этомъ болѣе зрѣломъ возрастѣ представляетъ Московскій округъ (14,3%). На 20-лѣтній возрастъ относительно наибольшее число окончившихъ гимназическій курсъ приходится только въ Кіевскомъ округѣ (36,9%); на 19-лѣтній—въ округахъ С.-Петербургскомъ (32,4%), Московскомъ (29,8%) и отчасти, какъ сказано, въ Казанскомъ (25,1%, какъ и на возрастъ наиболѣе зрѣлый). Число лицъ, окончившихъ курсъ 18-и лѣтъ отъ роду, оказывается меньшимъ сравнительно съ числомъ окончившихъ курсъ въ каждомъ изъ послѣдующихъ возрастовъ въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ и Виленскомъ, и болѣе, чѣмъ въ одномъ или въ нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ возрастовъ, въ округахъ Московскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ. Наконецъ, число лицъ окончившихъ курсъ 17-и лѣтъ отъ роду, вездѣ меньше сравнительно съ окончившими курсъ въ каждомъ изъ послѣдующихъ возрастовъ, но сравнительно наибольшее

шимъ оказывается оно въ Московскомъ учебномъ округѣ (12,3%), а наименьшимъ въ Кіевскомъ (0,9%). Наиболье правильно распределеіе окончившихъ гимназическій курсъ по возрастамъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ, гдѣ замѣчается лишь та, безъ сомнѣнія, случайная аномалія, что на 22-мъ году и болѣе окончило курсъ однимъ болѣе, чѣмъ на 21-мъ году жизни, и въ обоихъ этихъ округахъ большинство окончившихъ курсъ были 18-и или 19-и лѣтъ, а именно 50,3% въ С.-Петербургскомъ округѣ и 53,6% въ Московскомъ. Эту большую правильность распределеіа окончивающихъ курсъ по возрастамъ можно объяснить только болѣе правильнымъ и твердымъ ходомъ ученія какъ въ семьяхъ, такъ и въ гимназіяхъ этихъ обоихъ учебныхъ округовъ. Для всѣхъ же округовъ вмѣстѣ большинство окончившихъ гимназическій курсъ ученія въ 1873 году было, какъ выше сказано, 19-и и 20-и лѣтъ.

Переходимъ теперь къ распределеію признанныхъ зрѣлыми по тѣмъ занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали по окончаніи курса. По примѣчанію къ § 42 Правилъ объ испытаніяхъ, только по окончаніи испытанія зрѣлости отъ выдержавшихъ оное какъ гимназистовъ, такъ и стороннихъ лицъ, до составленія для нихъ аттестатовъ или свидѣтельствъ, тщательно отбираются свѣдѣнія, въ какой университетъ и по какому его факультету или въ какое высшее спеціальное училище, или на какое поприще практической дѣятельности они имѣютъ въ виду непосредственно поступить, и эти свѣдѣнія сообщаются министерству въ отчетахъ гг. попечителей учебныхъ округовъ по формѣ, приложенной къ § 71 Правилъ. Свѣдѣнія эти постановлено отбирать по окончаніи испытанія зрѣлости для того, чтобы заявленія эти были дѣлаемы съ наибольшою искренностью и свободой, внѣ всякаго разчета, что тѣми или другими заявленіями можно повліять на оцѣнву испытательныхъ комиссій и на исходъ самихъ испытаній, и въ этомъ постановленіи заключается нѣкоторое ручательство за правильность этихъ заявленій. Сверхъ того нельзя предполагать, чтобы молодые люди, окончивающіе полный курсъ гимназическаго ученія, не обсуждали, въ неоднократныхъ бесѣдахъ съ родителями, родственниками и наставниками, и въ большинствѣ случаевъ не рѣшили окончательно, что имъ дѣлать съ собою по полученіи гимназическаго аттестата или свидѣтельства. Число колеблющихся, не знающихъ на что рѣшиться, и въ этомъ смыслѣ недостаточное еще зрѣлыхъ и заявляющихъ какое бы то ни было рѣшеніе, лишь бы получить аттестатъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно быть

вообще довольно ограничено и ограниченнѣе даже того числа, которое впоследствии, подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ и внушеній, измѣняетъ свои рѣшенія. Какъ бы то ни было, въ сообщаемыхъ далѣе свѣдѣніяхъ имѣются въ виду только заявленія самихъ лицъ, признанныхъ зрѣлыми, куда они желали поступить, — заявленія, сдѣланныя при условіяхъ, наиболѣе благоприятныхъ для ихъ вѣрности.

Что же касается до самихъ рѣшеній, принимаемыхъ молодыми людьми относительно выбора поприща будущей ихъ дѣятельности или будущихъ научныхъ ихъ занятій, то важность этихъ рѣшеній очевидна, и было бы въ высшей степени желательно, чтобы рѣшенія эти принимались молодыми людьми, равно какъ ихъ родителями и родственниками, не безъ совѣта съ ихъ наставниками, въ особенности же съ класснымъ наставникомъ, инспекторомъ и директоромъ гимназій, и еще болѣе, чтобы рѣшенія эти принимались въ виду не столько предполагаемыхъ и большею частью обманчивыхъ внѣшнихъ выгодъ, которыя сулитъ та или другая карьера, сколько на основаніи дѣйствительныхъ способностей и призванія самихъ молодыхъ людей, въ томъ совершенно вѣрномъ убѣжденіи, что и внѣшнія выгоды будутъ наилучше обеспечены, если молодой человекъ изберетъ тотъ родъ занятій, къ которому онъ имѣетъ наиболѣе призванія и въ которомъ, слѣдовательно, онъ достигнетъ наилучшихъ результатовъ. Такъ какъ дѣйствительныя способности и соответственное имъ призваніе учениковъ къ тѣмъ или другимъ предметамъ наилучше могутъ быть извѣстны ихъ наставникамъ, то какъ сами юноши, такъ и ихъ родители и родственники, поступали бы съ наибольшимъ благоразуміемъ, если бы придавали сколь можно большее значеніе совѣтамъ директора, инспектора и класснаго наставника, а послѣдніе въ свою очередь, какъ лица, которыя не могутъ не интересоваться будущими успѣхами своихъ учениковъ, не могутъ и не должны быть безучастны къ рѣшеніямъ, которыя принимаютъ ихъ питомцы въ дѣлѣ такой важности, имѣющемъ оказать рѣшительное влияніе на всю дальнѣйшую ихъ судьбу, и внимательно присматриваясь ко всякому проявленію способностей и особыхъ дарованій своихъ учениковъ и обсудивъ сообща съ другими преподавателями, на какомъ поприщѣ занятій можно было бы ожидать наибольшихъ для нихъ успѣховъ, они должны были бы съ своей стороны стараться оказать частнымъ образомъ, въ бесѣдахъ съ самими учениками и съ ихъ родителями, влияніе на возможно благоприятный для нихъ самихъ исходъ ихъ рѣ-

шеній. Такъ и ведется дѣло за границей, гдѣ голосу директора и класснаго наставника приходится въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе; на сколько у насъ, въ Россіи, обращено въ эту сторону вниманіе самыхъ должностныхъ лицъ гимназій, и на сколько собѣты ихъ въ этомъ случаѣ имѣютъ авторитетъ въ глазахъ родителей, да и самихъ учениковъ, это—вопросъ, еще недостаточно разъясненный.

Но такъ или иначе принимались рѣшенія лица, окончившими курсъ гимназическаго своего ученія въ 1873 году, вотъ общіе итоги данныхъ ими заявленій о томъ, къ какимъ занятіямъ они себя предназначали, при чемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что о двухъ ученикахъ Томской гимназіи свидѣній на этотъ счетъ не доставлено, но за то по Харьвовскому учебному округу въ соотвѣтственную вѣдомость включены четверо не окончившихъ курса гимназическаго, а лишь выдержавшихъ испытаніе изъ предметовъ этого курса безъ древнихъ языковъ, и такимъ образомъ здѣсь будетъ идти рѣчь не о 685, а о 687 лицахъ. Изъ этихъ 687 лицъ огромное большинство, именно 577 или почти 84% заявили желаніе поступить въ университеты, затѣмъ 99 человекъ или 14,4%—въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, и наконецъ, только 11 или 1,6%—на различныя поприща практической дѣятельности. Изъ этихъ 11 человекъ 5 (или 45,4%) имѣли въ виду поступить въ военную службу, 3—въ гражданскую службу и 3—на поприще коммерческой дѣятельности. Эти лица, не заявившія желанія продолжать свое образованіе, распредѣлялись по учебнымъ округамъ слѣдующимъ образомъ: военной службѣ дали учебныя округа: Московскій и Одесскій по 1 изъ числа своихъ абитуриентовъ, Казанскій—троемъ; гражданской службѣ, С.-Петербургскій округъ—2 и Иркутская гимназія—1, и наконецъ, коммерческой дѣятельности С.-Петербургскій, Московскій и Казанскій округа каждый по 1.

Изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній наибольшую притягательную силу для абитуриентовъ гимназій имѣлъ Институтъ путей сообщенія: изъ 99 человекъ, вообще изъявившихъ желаніе поступить въ высшія спеціальныя заведенія, на долю одного этого института приходится 45 человекъ (или 45,4%), и именно 12 изъ гимназій Московскаго учебнаго округа, 10 изъ Киевскаго, 7 изъ С.-Петербургскаго, по 5 изъ Казанскаго, Харьвовскаго и Виленскаго и 1 изъ Одесскаго. Второе мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ технологическія учебныя заведенія, какъ С.-Петербургскій технологическій институтъ, такъ и высшее техническое училище въ Москвѣ: въ нихъ готовилась

поступить почти $\frac{1}{3}$ абитуриентовъ, или 32 изъ 99, избирающихъ вообще техническія специальности, и притомъ по 8 изъ Казанскаго и Харьковскаго округовъ, по 5 изъ Московскаго и Кіевскаго, 4 изъ Виленскаго и 2 изъ С.-Петербургскаго. Затѣмъ въ Горный институтъ предполагали поступить 18 изъ 99 (или 18,1%): 6 изъ Казанскаго округа, 8 изъ Кіевскаго, 2 изъ С.-Петербургскаго и по 1 изъ Московскаго и Харьковскаго; въ Земледѣльческіе институтъ или академію предполагали поступить всего 7 (8 изъ Казанскаго, 2 изъ С.-Петербургскаго и по 1 изъ Кіевскаго и Виленскаго округовъ), что составляетъ 7,2% отъ 99, и наконецъ, въ Строительное училище въ С.-Петербургѣ всего 2 изъ С.-Петербургскаго округа. При нынѣшнемъ удобствѣ сообщеній отдаленность того или другаго спеціальнаго заведенія не оказываетъ, повидимому, никакого почти вліянія на степень привлекательности его для абитуриентовъ нашихъ гимназій, и въ расчетъ прежде всего входитъ предполагаемая выгодность карьеры, открываемой тѣмъ или другимъ заведеніемъ; а затѣмъ несомнѣнное оказываютъ вліяніе и некоторые мѣстные особенности того или другаго края, чѣмъ и можно объяснить, напримѣръ, что Казанскій округъ далъ шестерыхъ изъ 13 заявившихъ желаніе поступить въ Горный институтъ.

Вообще наибольшее стремленіе въ техническимъ спеціальностямъ обнаружилось между абитуриентами гимназій, воеводскихъ, Виленскаго, а восторныхъ, Харьковскаго учебныхъ округовъ, ибо въ первомъ изъ нихъ 20,3%, а во второмъ 20,8% выбрали именно эти спеціальности. Если въ первомъ изъ этихъ округовъ на этотъ выборъ должно было сильно дѣйствовать затрудненіе относительно поступления въ университеты лицъ польскаго происхожденія, то чѣмъ обусловился такой значительный процентъ будущихъ спеціалистовъ-техниковъ въ Харьковскомъ округѣ, это трудно рѣшить, — быть можетъ, только модой. Выше средняго вывода для всѣхъ учебныхъ округовъ стоитъ также процентъ изъявившихъ желаніе поступить въ спеціальныя учебныя заведенія въ Кіевскомъ учебномъ округѣ: они составляютъ 17,1% общаго числа абитуриентовъ (а средній выводъ для всѣхъ округовъ 14,4%), быть можетъ также вслѣдствіе значительнаго числа лицъ польскаго, а также и еврейскаго происхожденія. Во всѣхъ остальныхъ округахъ процентъ лицъ рассматриваемой здѣсь категоріи меньше средняго вывода, и по значительности этого процента округи эти располагаются въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: Казанскій (14,1%), С.-Петербургскій (13,8%), Московскій (11,4%) и Одесскій (5% или

1 изъ 20). Такимъ образомъ не смотря на большую близость высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеній, С.-Петербургскій учебный округъ занимаетъ лишь пятое, а Московскій—лишь шестое мѣсто по относительному числу тѣхъ своихъ абитуриентовъ, которые заявили желаніе поступить въ высшія техническія училища.

Обращаемся теперь къ главной массѣ абитуриентовъ гимназій, въ тѣхъ 577 лицамъ, которыя предпочли высшее университетское образованіе какъ непосредственному поступленію на практическое поприще, такъ и образованію специально-техническому. Изъ 685 человекъ, окончившихъ успѣшно полный гимназическій курсъ, и въ томъ числѣ изъ 577 человекъ, вознамѣрившихся посвятить себя университетскому образованію, только 1 (въ Виленскомъ округѣ) избралъ для себя специальность богословскую, предположивъ поступить для сего въ С.-Петербургскую духовную академію. Не велико также число пожелавшихъ посвятить себя изученію восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ или въ специальныхъ классахъ Лазаревского института въ Москвѣ: ихъ всего было 6 или съ небольшимъ 1%. Изъ 577 человекъ (въ томъ числѣ по 2 изъ С.-Петербургскаго и Московскаго, и по 1 изъ Харьковскаго округа и изъ Восточной Сибири). Историко-филологическій факультетъ пожелали избрать 55 человекъ или 8% всего числа абитуриентовъ и 9,2% тѣхъ абитуриентовъ, которые думали посвятить себя университетскому образованію: въ виду той потребности, какая ощущается у насъ въ учителяхъ съ историко-филологическимъ образованіемъ, число это, конечно, слишкомъ незначительно; но при этомъ надобно принять во вниманіе, что и число абитуриентовъ, изучавшихъ греческій языкъ, необходимый для поступленія въ историко-филологическій факультетъ, было еще въ 1873 году и будетъ до весны 1876 г. также очень невелико. На стр. 30-й первой статьи объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1873 году (въ майской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1874 г.) приведенъ приблизительно вѣрный расчетъ числа лицъ, подвергавшихся испытанію въ греческомъ языкѣ: ихъ было всего 417 человекъ изъ 1.039 или съ небольшимъ $\frac{2}{5}$ (40%). Если тотъ же процентъ представляетъ и число абитуриентовъ, обучавшихся греческому языку, то окажется, что въ 1873 году абитуриентовъ обучавшихся греческому языку было никакъ не болѣе 274 человекъ, и по отношенію въ этому числу 55 человекъ, поступившихъ на историко-филологическій факультетъ, составятъ уже не 8%, а съ небольшимъ 20%, что представляетъ уже болѣе успокоительныя виды въ будущемъ относи-

тельно удовлетворенія самой существенной потребности нашего учебного дѣла.

Всѣ другіе факультеты до весны 1876 года могутъ еще пополняться всѣми абитуриентами гимназій, безъ различія, обучались ли они греческому языку, или нѣтъ. Такимъ образомъ на физико-математическій факультетъ пожелало поступить почти вдвое большее число, чѣмъ на историко-филологическій, именно 15,1% изъ общаго числа абитуриентовъ и 18% изъ того ихъ числа, которое избирало университеты. Затѣмъ слѣдуетъ факультетъ юридическій, недавно еще первенствовавшій по числу поступающихъ въ него передъ всѣми факультетами, но теперь рѣшительно уступившій первенство факультету медицинскому, а именно на юридическій факультетъ предполагали записаться 177 человекъ, что составляетъ 25,7% общаго числа абитуриентовъ и 30,6% поступившихъ изъ нихъ въ факультеты, а 234 человека—на факультетъ медицинскій, то-есть, 34% первого и 40,5% второго изъ вышеупомянутыхъ чиселъ.

Для болѣе нагляднаго сравненія между собою различныхъ учебных округовъ относительно распредѣленія абитуриентовъ ихъ гимназій по главнымъ четыремъ факультетамъ можетъ послужить слѣдующая таблица, въ которой вычислено, сколько на 100 человекъ абитуриентовъ вообще поступило бы во всѣ четыре факультета въсѣхъ и сколько въ каждый изъ нихъ порознь:

Учебные округа.	Дѣйствительное общее число абитуриентовъ.	На 100 человекъ абитуриентовъ вообще поступило бы въ факультеты.				
		Историко- филогич.	Физико-ма- тематическ.	Юридичес- кій.	Медицин- скій.	Во всѣ во- обще.
С. Петербургскій	108	8	24	32	18	82
Московскій	162	10	16	23	88	87
Казанскій	155	10	19	24	30	83
Харьковскій	64	5	11	23	42	81
Одесскій	20	10	15	35	30	80
Кіевскій	111	3	6	25	41	83
Виленскій	48	10	8	27	31	76

Сравнительно наименьшее число предполагавшихъ поступить на вышеупомянутые факультеты, взятыя вмѣстѣ, приходится на долю Виленскаго учебнаго округа, по изложеннымъ выше причинамъ (76 изъ 100), потомъ на долю Харьковскаго округа (81 изъ 100) и наконецъ, С.-Петербургскаго (82 изъ 100). Также ниже средняго уровня въ этомъ отношеніи стоятъ: Казанскій и Кіевскій округа (по 83 изъ 100), выше же средняго уровня Московскій (87 изъ 100) и Одесскій (90 изъ 100); вообще число абитуриентовъ этой категоріи колеблется по различнымъ округамъ между 76 и 90 на 100, то-есть, на 14%. Наибольшее сравнительно число абитуриентовъ заявило желаніе поступить на медицинскій факультетъ во всѣхъ учебныхъ округахъ, за исключеніемъ С.-Петербургскаго и Одесскаго, университеты которыхъ не имѣютъ своего медицинскаго факультета и въ которыхъ первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ факультету юридическому. Такъ, въ С.-Петербургскомъ округѣ изъ 100 абитуриентовъ только 18 предполагали поступить на медицинскій факультетъ, а 32 на юридическій и 24 на физико-математическій, тогда какъ въ Одесскомъ округѣ 30 на медицинскій, 35 на юридическій и только 15 на физико-математическій. Исключая эти округа, число предполагавшихъ поступить на медицинскій факультетъ оказывается вездѣ сравнительно наибольшимъ и колеблется между 30 и 49 на 100, представляя разность въ 19%. За медицинскимъ факультетомъ слѣдуетъ юридическій, по числу желавшихъ поступить въ него, и число это, не считая округовъ С.-Петербургскаго и Одесскаго, колеблется между 23 и 27 на 100. Третье мѣсто по привлекательности для абитуриентовъ 1873 года занялъ физико-математическій факультетъ, съ двумя исключеніями: въ С.-Петербургскомъ округѣ, гдѣ онъ пересилилъ факультетъ медицинскій, и въ Виленскомъ округѣ, гдѣ онъ уступилъ даже историко-филологическому факультету: колебанія въ числахъ здѣсь весьма значительныя, и разность между ними по округамъ простирается отъ 6 до 24 на 100, или до 18%. Наконецъ, въ историко-филологическій факультетъ изъ 100 человѣкъ абитуриентовъ вообще пожелали поступить по 10 человѣкъ въ учебныхъ округахъ Московскомъ, Казанскомъ, Одесскомъ и Виленскомъ, 8 въ С.-Петербургскомъ, 5 и 3 въ Харьковскомъ и Кіевскомъ: по численности заявившихъ желаніе поступить на этотъ факультетъ, онъ уступаетъ всѣмъ другимъ по вышеизложеннымъ причинамъ, и притомъ во всѣхъ округахъ, за исключеніемъ Виленскаго, и разность между этими числами простирается на 7 процентовъ.

Въ приложеніи къ § 71 Правилъ объ испытаніяхъ, въ вѣдомости 1-й, отведена особая графа для особыхъ замѣчаній о тѣхъ ученикахъ гимназій, которые на основаніи оказанныхъ ими успѣховъ въ учебныхъ предметахъ, способностей, прилежанія и твердости характера подаютъ наибольшія надежды относительно дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ въ тѣхъ или другихъ наукахъ, съ поименованіемъ таковыхъ учениковъ и съ показаніемъ, въ какой университетъ и факультетъ или въ какое высшее специальное училище они поступили. Министерство народнаго просвѣщенія требуетъ подобныхъ свѣдѣній не въ тѣхъ, конечно, видахъ, чтобы дать возможность гимназіямъ или самимъ похвалиться значительнымъ числомъ отличныхъ учениковъ, получившихъ въ нихъ свое образованіе, или отличить самихъ учениковъ, но чему-либо заслуживающихъ отличія, занесеніемъ ихъ именъ въ эту графу, а съ единственною цѣлью имѣть въ виду этихъ молодыхъ людей и внимательно слѣдить за дальнѣйшими научными ихъ занятіями и успѣхами. Бывало не мало примѣровъ, что отличные во всѣхъ отношеніяхъ ученики гимназій, поступивъ въ университетъ, мало-по-малу совершенно сбивались съ толку и пропадали не только для науки, но и для какой бы то ни было полезной общественной дѣятельности, и напротивъ время управленія Московскимъ учебнымъ округомъ графомъ С. Г. Строгановымъ показываетъ, какъ много значитъ для успѣховъ науки и учебнаго дѣла заботливость попечителя учебнаго округа, въ пору университетскаго ихъ ученія, о молодыхъ людяхъ, обратившихъ на себя вниманіе своими способностями и своими успѣхами еще въ гимназій, и сколько дѣателей можетъ быть приобрѣтено изъ нихъ для науки и учебнаго дѣла дальнѣйшею о нихъ попечительностью, порученіемъ ихъ особымъ заботамъ профессора того предмета, въ которомъ наиболѣе успѣвали, распросами у этого профессора и у нихъ самихъ объ ихъ занятіяхъ, во-время сказаннымъ словомъ поощренія и одобренія, а иногда и предостереженія или вразумленія. Вотъ такая-то заботливость и попечительность о дальнѣйшемъ образованіи молодыхъ людей, оказавшихся наилучшими въ гимназіяхъ, со стороны попечителей учебныхъ округовъ и профессоровъ университетовъ и имѣлась въ виду при требованіи сообщать министерству вышеизложенныя свѣдѣнія о нихъ. Лучшіе молодые люди изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и затѣмъ поступившихъ въ университеты, для пользы науки и различныхъ сторонъ народнои и государственной жизни, нуждающихся въ помощи науки (а какая изъ нихъ не нуждается въ этой помощи?), и по поступленіи своемъ

въ университетъ не должны быть оставляемы на произволь судьбы и увлеченій, свойственныхъ юношеству.

Въ концѣ настоящей статьи прилагается именной списокъ этихъ молодыхъ людей съ показаніемъ, въ какіе факультеты и университеты они предполагали поступить съ тою цѣлью, чтобъ обратить на нихъ вниманіе какъ попечителей учебныхъ округовъ, такъ и въ особенности университетскихъ профессоровъ. Изъ этого списка оказывается почти несомнѣнно, что въ этихъ рекомендаціяхъ со стороны гимназій на первый разъ не малую роль играла снисходительность наставниковъ. И въ самомъ дѣлѣ изъ 584 окончившихъ курсъ гимназистовъ, въ одни только университетскіе факультеты и соответственныя имъ учебныя заведенія поступило 100 человекъ, на которыхъ гимназіи возлагали наибольшія надежды относительно дальнѣйшихъ ихъ успѣховъ въ наукахъ, при чемъ здѣсь не считается не малое число также рекомендованныхъ гимназистовъ, поступившихъ въ высшія техническія училища. 100 изъ 584, это чуть не пятая часть (слишкомъ 17⁰/₁₀₀) всего числа! Дай Богъ, чтобъ всѣ они оправдали рекомендацію, данную имъ ихъ гимназіями!

Принимая во вниманіе только этихъ сто человекъ, поступившихъ въ факультеты, изъ всего числа рекомендованныхъ особому вниманію министерства, мы усматриваемъ, что на сто окончившихъ курсъ въ соответственномъ округѣ гимназистовъ приходится такихъ рекомендованныхъ лицъ: въ Виленскомъ округѣ 28, въ Казанскомъ 21, въ Московскомъ 19, въ Одесскомъ 17, въ С.-Петербургскомъ 16, а въ Харьковскомъ и Кіевскомъ по 9. Такимъ образомъ, наиболѣе щедры на хорошія рекомендаціи были Виленскій и Казанскій округа, наименѣе щедры Харьковскій и Кіевскій, прочіе же три округа занимаютъ въ этомъ отношеніи средину. Сравнивая же число рекомендованныхъ съ числомъ награжденныхъ медалями золотыми и серебряными (см. стр. 28 и 29 первой статьи объ испытаніяхъ врѣлости), увидимъ, что только въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ процентъ награжденныхъ медалями вполнѣ соответствуетъ проценту рекомендованныхъ, въ прочіихъ же округахъ онъ вездѣ ниже, и притомъ такъ, что Виленскій учебный округъ по проценту награжденныхъ медалями (6,5⁰/₁₀₀) занимаетъ предпоследнее мѣсто между всѣми учебными округами, а по числу рекомендованныхъ первое, и это послѣднее число (13) слишкомъ въ четыре раза больше числа награжденныхъ медалями (3).

Относительно распредѣленія этихъ лучшихъ и способнѣйшихъ часть СЛХХІІІ, отд. 4.

лодыхъ людей по факультетамъ замѣчательно, что наименьшее число ихъ (13 изъ 100) поступили на юридическій факультетъ, тогда какъ изъ общаго числа абитуриентовъ, посвятившихъ себя университетскому образованію, на долю этого факультета приходится $30\frac{1}{2}\%$, недочетъ въ $17\frac{1}{2}\%$ процентовъ, и напротивъ на физико-математическій факультетъ поступило изъ общаго числа абитуриентовъ 18% , а изъ способнѣйшихъ 29% ,—излишекъ въ 9% ; и еще значительный перевѣсъ процента способнѣйшихъ противъ процента общаго числа абитуриентовъ замѣчается по историко-филологическому факультету, а именно 22% противъ $9,5\%$, или излишекъ въ $12\frac{1}{2}\%$. Нельзя не желать того, чтобы именно способнѣйшіе и наилучшіе изъ абитуриентовъ гимназій посвящали себя историко-филологическому образованію: это обезпечило бы въ будущемъ самый удовлетворительный личный составъ педагогическихъ коллегій въ нашихъ гимназійхъ и вообще среднихъ и даже высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, что въ высшей степени важно для истиннаго блага Россіи. Сравнивая различные учебные округа по числу признанныхъ за болѣе способныхъ абитуриентовъ, пожелавшихъ поступить въ тотъ или другой факультетъ, мы замѣчаемъ, что наибольшее число способнѣйшихъ приходится на долю историко-филологическаго факультета только въ Московскомъ учебномъ округѣ (10), на долю физико-математическаго факультета въ С.-Петербургскомъ (5) и Одесскомъ (2), во всѣхъ же прочихъ округахъ оно приходится на долю медицинскаго факультета, на который вообще во всѣхъ округахъ поступило 36 изъ 100 способнѣйшихъ.

Мы представили въ обѣихъ частяхъ настоящей статьи возможно обстоятельный отчетъ объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1873 году. Изъ этого отчета, и еще болѣе изъ циркулярнаго предложенія г. министра народнаго просвѣщенія отъ 2-го апрѣля 1874 года по поводу производства испытаній зрѣлости въ 1873 г., начальства учебныхъ округовъ и всѣ педагогическія коллегіи гимназій несомнѣнно убѣдятся, съ какимъ вниманіемъ относится министерство народнаго просвѣщенія ко всѣмъ подробностямъ этого важнаго дѣла и ко всѣмъ даннымъ, которыя сообщаются о немъ въ отчетахъ гг. попечителей учебныхъ округовъ. Да послужитъ это новымъ побужденіемъ къ возможно лучшему исполненію всѣхъ правилъ, установленныхъ для этихъ испытаній въ настоящемъ учебномъ году въ смыслѣ разъясненій, данныхъ въ только-что упомянутомъ циркулярномъ предложеніи. Точное и вполнѣ разумное исполненіе этихъ правилъ не замедлитъ обнару-

жить благотворное вліяніе и на самый ходъ ученія въ гимназіяхъ, и на самое настроеніе учащихся, какъ на то и указываютъ уже нѣкоторые отчеты гг. попечителей учебныхъ округовъ за прошлый учебный годъ, и между прочимъ, оно убѣдитъ учащихся въ томъ, что спѣшное, усиленное, нерѣдко вредное для здоровья и всегда неблагоприятное для нравственнаго ихъ настроенія, приготовленіе къ экзаменамъ не можетъ имѣть никакого значенія и что дѣйствительное значеніе имѣютъ только тѣ познанія и то образованіе, которыя являются какъ зрѣлый плодъ правильнаго и постояннаго, въ теченіе всего гимназическаго курса, прилежанія и которыя такимъ образомъ стали дѣйствительнымъ и прочнымъ достояніемъ учениковъ. А коль скоро убѣжденіе это водворилось бы между учениками высшихъ классовъ, оно не замедлило бы сообщиться и всѣмъ прочимъ, успѣхъ гимназическаго ученія вообще былъ бы упроченъ, и самые отчеты объ испытаніяхъ зрѣлости представили бы болѣе утѣшительные результаты, нежели отчеты за 1873-й годъ, чего нельзя не пожелать отъ всей души и относительно наступающихъ нынѣ испытаній зрѣлости.

№ 3. РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРИЗНАК

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	В
		17-ти лѣтъ. и процентъ
С.-Петербургскій:		
Ученики правит. гимназій	62	4 (6,4%)
> церковн. училищъ	23	3 (13%)
> частныхъ гимназій	16	3 (18,7%)
Постороннія лица	7	—
Всего	108	10 (9,2%)
Московскій:		
Ученики 14 правительств. гимназій	147	20 (13,6%)
> 1 частной гимназій	5	—
Постороннія лица	10	—
Всего	162	20 (12,3%)
Казанскій: Гимназисты	196	13 (9,6%)
> Посторонніе	20	—
Всего	155	13 (8,3%)
Харьковскій: Гимназисты	53	2 (3,7%)
> Посторонніе	11	—
Всего	64	2 (3,1%)
Одесскій: Гимназисты	18	1 (5,5%)
> Посторонніе	2	—
Всего	20	1 (5%)
Кіевскій: Гимназисты	106	1 (0,9%)
> Посторонніе	5	—
Всего	111	1 (0,9%)
Виленскій: Гимназисты	46	2 (4,3%)
> Посторонніе	2	—
Всего	48	2 (4,1%)
Рижская Александр. гимн.	3	—
Зап. Сибирь: гимназисты	9	1 (11,1%)
Вост. Сибирь: гимназисты	5	—
Итого ученики правит. гимн.	584	44 (7,5%)
> частн. гимн.	21	3 (14,2%)
> церковн. учил.	23	3 (13%)
> постороннія лица	57	—
А ВСЕГО	685	50 (7,3%)
МАХИМУМ	162 (Моск.)	12,3% (Моск.)
МИНИМУМ	20 (Одесск.)	0,9% (Кіевск.)

НЫХЪ ЗРѢЛЫМИ ПО ВОЗРАСТАМЪ.

В Р А С Т Ъ.			
18-ти лѣтъ. о е отношеніе къ	19-ти лѣтъ. общему числу	20-ти лѣтъ. зрѣлыхъ.	21-го года и болѣе.
8 (12,8%) 7 (30,4%) 5 (31,3%) —	19 (80,6%) 10 (43,4%) 3 (18,7%) 3 (42,8%)	14 (22,6%) 2 (8,7%) 3 (18,7%) 2 (28,5%)	17 (27,4%) 1 (4,3%) 2 (12,5%) 2 (28,5%)
20 (18,4%)	35 (32,4%)	21 (19,4%)	22 (20,3%)
35 (23,8%) 1 (20) 3 (30)	43 (29,4%) 1 (20) 4 (40)	29 (19,9%) 2 (40) 1 (10)	20 (13,6%) 1 (20) 2 (20)
39 (24%)	48 (29,6%)	32 (19,7%)	23 (14,2%)
31 (22,9%) 3 (15%)	32 (23,7%) 7 (35%)	26 (19,2%) 4 (20%)	33 (24,4%) 6 (30%)
34 (21,8%) 9 (п. 17%) —	39 (25,1%) 15 (28,3%) 2 (18,1%)	30 (19,3%) 14 (26,4%) 2 (27,2%)	39 (25,1%) 13 (24,4%) 6 (54,4%)
9 (14%) 4 (22,2%) 1 (50%)	17 (26,5%) 3 (16,6%) —	17 (26,5%) 3 (16,6%) —	19 (29,6%) 7 (38,8%) 1 (50%)
5 (25%) 17 (16%) —	3 (15%) 23 (21,7%) 1 (20%)	3 (15%) 41 (38,6%) —	8 (40%) 24 (22,6%) 4 (80%)
17 (15,3%) 3 (6,5%) —	24 (21,6%) 12 (26%) —	41 (36,9%) 13 (28,2%) 2 (100%)	28 (25,2%) 16 (34,7%) —
3 (6,2%) — 4 (44,4%) —	12 (24,8%) — 3 (33,3%) 1 (20%)	15 (31%) — 1 (33,3%) 1 (20%)	16 (32,8%) — 2 (66,7%) 1 (11,1%) 3 (60%)
111 (19%) 6 (28,5%) 7 (30,4%) 7 (12,2%)	151 (25,8%) 4 (19%) 10 (43,4%) 17 (п. 80%)	142 (24,3%) 5 (23,8%) 2 (8,7%) 12 (21%)	136 (23,2%) 3 (14,2%) 1 (4,3%) 21 (36,8%)
131 (19,2%)	182 (26,7%)	161 (23,4%)	161 (23,4%)
44,4% (Зап. Сиб.) 25 и 24% (Од. и Моск.) 6,2% (Вил. окр.)	32,4% (Спб.) 15% (Одесск.)	36,9% (Кіевск.) 7,1% (С.-Петербур.)	40% (Одесск.) 14% (Моск.)

§ 4. РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПРИЗНАННЫХЪ ЗРѢЛЫМИ (ГИМНАЗИ СЕБЯ ПРЕД

Учебные округа.	Поступающіе въ факультеты.					Всего.
	Историко-филологич.	Физико-математ.	Юридическій.	Медицинскій.	Вост. языковъ.	
С.-Петербургскій:						
12 гимназій правительственныхъ . . .	5	20	20	13	1	59
3 церковныхъ училища	2	2	6	5	1	16
6 частныхъ гимназій	2	4	9	1	—	16
Изъ всѣхъ 21 учебн. заведенія . .	9	26	35	19	2	91
Московскій: 14 прав. гимназій . . .	15	26	35	59	2	137
1 частная гимназія	1	—	2	2	—	5
Всего . . .	16	26	37	61	2	142
Казанскій: 14 прав. гимн. и инст. .	15	30	38	46	—	129
Харьковскій: 9 прав. гимназій . . .	3	7	15	27	1	53
Одесскій: 8 прав. гимназій	2	3	7	6	—	18
Кіевскій: 8 прав. гимназій	3	7	28	54	—	92
Виленскій: 9 прав. гимназій	5 (1 Д. Ак.)	4	13	15	—	38
Рижская Александр. гимназія	1	—	2	—	—	3
Зап. Сибирь: Тобольская гимн. **)	1	1	1	4	—	7
Вост. Сибирь: Иркутская гимназія .	—	—	1	2	1	4
Итого: правительств. гимн. . .	50 (1 Д. Ак.)	98	160	226	5	540
Частныя гимназіи	3	4	11	3	—	21
Церковныя училища	2	2	6	5	1	16
А всего . . .	55 (56)	104	177	234	6	577
Процентныя отношенія: а) къ общему числу зрѣлыхъ	8% (8,1%)	15,1%	25,7%	34%	0,8%	83,9%
б) поступившихъ въ различныя факультеты, спеціальныя училища и на различныя поприща практик. дѣят. къ общимъ числамъ по каждой изъ этихъ категорій въ отдѣльности .	9,5% (9,7%)	18%	30,6%	40,5%	1%	99,8%

*) Въ этомъ числѣ 4 выдержали испытаніе изъ гимназическаго курса за лекцію

**) О 2-хъ ученикахъ Томской гимназіи свидѣній не доставлено.

***) Въ этомъ распредѣленіи зрѣлыхъ по дальнѣйшимъ ихъ занятіямъ общій 4 выдержавшихъ испытаніе безъ древнихъ языковъ и недоставленія свидѣній о 2-хъ

№ 5. СПИСОКЪ УДОСТОВЕРЕННЫХЪ АТТЕСТАТА ЗРѢЛОСТИ НАИБОЛѢЕ ОЖИДАЛО ДАЛЬНЕЙ

УЧЕБНЫЕ ОКРУ- ГИ.	Гимназія, въ коихъ они обучались.	ИМЕНА ГИМНАЗИСТОВЪ ВЪ ВИДУ		
		Историко-филологическій.	Ис.	Ис.
С.-Петербургскій.	1-я С.-Петербургская.	—	—	—
	3-я „	—	—	—
	4-я „	Храбро - Васильевскій, Петръ	—	—
	Кронштадтская	Спб. унив.	—	—
	Олонецкая	—	—	—
	Вологодская	—	—	—
Итого . . .	(6)	1		
Московскій.	1-я Московская	—	—	—
	2-я „	Борьманъ, Александръ } Моск	—	—
	3-я „	Боголюбовскій, Дмитрій } унив.	—	—
	4-я „	—	—	—
	5-я „	—	—	—
	Тверская	Болотовъ, Вячеславъ } Моск.	—	—
	„	Чернышевъ, Констант. } унив.	—	—
	Ярославская	—	—	—
	Костромская	Холмоускій	—	—
	„	Моравскі	—	—
	Владимірская	—	—	—
	Рязанская	—	—	—
	Тульская	Катасоновъ	—	—
„	Миросовъ	—	—	
„	Аргатьевскій	—	—	
Калужская	—	—	—	
Лазаревскій Инстит. .	Калуговъ — Моск. унив.	—	—	
Части. гимн. Крейтмана	—	—	—	
Итого . . .	(13)	(10)		
Казанскій.	Император. Казанская	Владиміровъ	—	—
	„ „	Шемановскій	—	—
	Вторая Казанская . .	Ахмеровъ	—	—
	Нижегородская	—	—	—
	Симбирская	—	—	—
	„	—	—	—
	Саратовская	—	—	—
	Пензенская	Станевскій — Казан. унив.	—	—
Астраханская	—	—	—	
Уфимская	Тихановскій — Казан. унив.	—	—	
Оренбургская	—	—	—	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназій, въ коихъ они обучались.	ИМЕНА ГИМНАЗИСТОВЪ
		ВЪ ВИДѢ
		Историко-филологическій.
Казанскій.	Вятская	—
	Пермская	—
	Самарская	—
	Екатеринбургская . .	<i>Шабердинъ</i> — Спб. унив.
	Нижегор. Алекс. Инст.	—
Итого . . .	(14)	6
Харьковскій.	3-я Харьковская . . .	—
	Орловская	<i>Гриценковъ</i> — Истор.-фил. инст.
	Воронежская	—
	Новочеркасская . . .	—
Итого . . .	(4)	1
Одесскій.	Керченская Александр.	—
	Симферопольская . . .	—
	Екатеринославская . .	—
Итого . . .	(3)	—
Кіевскій.	Кіевская 1-я	<i>Любсвичъ</i> — Кіевск. унив.
	Кіевская 2-я	—
	Черниговская	—
	Новгородъ-Сѣверская .	—
	Полтавская	—
Итого . . .	(5)	1
Виленскій.	Виленская	<i>Валентиновичъ</i> — Москов. унив.
	Гродненская	—
	Минская	—
	Слудская	—

СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОИ ИМѢЛИ ПОСТУПИТЬ.

У Л Ъ Т Е Т Ы.			Всего.
Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	
— — Дьяконовъ — Спб. унв. Добросердовъ — Спб. унв. Ситовъ — Московск. унв. — —	— — — Шмотинъ } Спб. Яринъ } унв. — —	Поповъ, Никол. } М.-х. Поповъ, Григор. } акад. Антитевъ — Каз. унв. — Благовещенскій Баз. у. Короваевъ — М.-хир. ак. Листовъ — М.-хир. ак. Фаворскій — Моск. ун.	— — — — — — —
8 — — Харламовъ — Харьк. унв. —	2 — — — —	13 Себирцевъ } Харьк. Черныховъ } унв. — — Рудаковъ — Мед.-хир. ак.	29 — — — —
1 — Люстиль (?) Коноваловъ — Спб. унв.	— — Муровичъ — Спб. у. — —	3 — — —	5 — — —
2 — Коневскій — Кіевск. унв. — — Исаковъ — Кіевск. унв.	1 — Бистерфельдъ } Кв. Виноградскій } ун. — Кожаровскій — Кіев. — унв.	— Яблонскій — Кіев. унв. — — Троицкій — Кіев. унв. Сендеръ — Кіев. унв. Черкунъ — Кіев. унв.	3 — — — — —
2 — Бакухъ — Спб. унв. Гейслеръ — Дерптск. унв. Заторскій — Моск. унв.	3 — Керво — Спб. унв. Демьяновичъ — Спб. — унв.	4 — Жирновъ — Моск. унв. Химородъ — М.-хир. ак. Шагновичъ — Кіев. унв.	10 — — — —

УЧЕВНЫЕ ОКРУ- ГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	ИМЕНА ГИМНАЗИСТОВЪ ВЪ ВИДУ		
		●	▲	■
		Историко-филологическій.		
Вилнонскій.	Мозырская Ковенская Шавельская Витебская	<i>Додомирскій</i> — Киевск. унив. — —		
Итого . . .	(8)	2		
Дерптскій округъ.	Рижская Александров- ская Иркутская	<i>Кривошескій</i> — Моск. унив. —		
А ВСЕГО . . .	(55)	22		

СЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ИХЪ ПО ФАКУЛЬТЕТАМЪ, ВЪ КОИ ИМѢЛИ ПОСТУПИТЬ.

У Л Ъ Т Е Т Ы.			Всего.
Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	
— <i>Купріяновъ</i> — Моск. унив. — —	— — — —	— — <i>Визирдъ</i> — М.-хпр. ав. <i>Протопоповъ</i> — М.-х. ав.	— — — —
4	2	5	13
— —	— —	— <i>Бикъ</i> — Моск. унив.	— —
29	13	36	100

ЛАТИНСКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ САКСОНСКИХЪ УЧИТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЯХЪ.

Недавно былъ обнародованъ въ королевствѣ Саксонскомъ новый уставъ учительскихъ семинарій. Считаемо не лишнимъ, на основаніи статьи, помѣщенной въ извѣстномъ періодическомъ изданіи Кера (Pädagogische Blätter für Lehrerbildung und Lehrerbildungsanstalten, 1873, 5), познакомить нашихъ читателей съ главнѣйшими его постановленіями, представляющими не только для Саксоніи, но и для всей Германіи, не мало новаго и оригинальнаго.

Извѣстно, что учительскія семинаріи германскихъ государствъ имѣли доселѣ по большей части трехклассный или четырехклассный составъ. Только въ Саксоніи было отчасти допущено отступленіе отъ этого общепринятаго порядка: до 1856 года при нѣкоторыхъ изъ ея семинарій, а именно при Бауценской, Вальденбургской, Фрейбергской и Флетчерской (въ Дрезденѣ) существовали такъ называемыя просеминаріи съ двухкласснымъ курсомъ; въ упомянутомъ году было постановлено учредить просеминаріи при всѣхъ вообще саксонскихъ учительскихъ семинаріяхъ, но такъ какъ онѣ служили собственно приготовительною школою, то семинарскій курсъ состоялъ по прежнему изъ четырехъ классовъ. Только теперь онѣ органически сливаются съ семинаріею, которая становится такимъ образомъ шестиклассною.

„Воспитанники учительскихъ семинарій“, гласитъ уставъ, „должны пройти шестилѣтній курсъ, въ шести отдѣльныхъ классахъ, съ особою учебною программою для каждаго изъ нихъ. Приѣмъ назначенъ одинъ разъ въ году, а именно во время Пасхи; допускаются въ семинарію дѣти отъ 13-ти до 14-ти лѣтъ“.

Шесть лѣтъ для приготовленія къ должности учителя народной школы! Столь продолжительнаго срока не существовало до сихъ поръ нигдѣ, и если установленъ онъ нынѣ въ Саксонскомъ королевствѣ,

то, конечно, не безъ основательныхъ причинъ. Вотъ какимъ образомъ изложены эти причины въ періодическомъ изданіи Кера.

Учительская семинарія преслѣдуетъ двоякую задачу: стараясь сообщить молодымъ людямъ такія свѣдѣнія, которыя необходимы для ихъ будущаго призванія, она обязана позаботиться также и о томъ, чтобы дать имъ общее образованіе. Но какъ достигнуть этой послѣдней цѣли? Много было объ этомъ толковъ въ то время, когда вырабатывался новый уставъ, и нѣкоторые предлагали принимать въ семинаріи лишь молодыхъ людей, достигшихъ одного изъ старшихъ классовъ (напримѣръ, секунды) гимназій или реальныхъ училищъ. Подобная мысль не выдерживала критики уже потому, что гимназіи и реальныя училища преслѣдуютъ свою особую задачу, не имѣющую ничего общаго съ народною школою и учительскою семинаріею. „Главными предметами реального училища“, говоритъ журналъ Кера, „признаны математика, естествознаніе и новѣйшіе языки; средоточіемъ же гимназическаго курса являются языки древніе, потому что, съ одной стороны, они служатъ лучшимъ средствомъ для того, чтобы развивать и питать научный духъ, а съ другой — знакомить насъ съ культурною жизнью древности, съ сокровищами науки и искусства, завѣщанными намъ Греціею и Римомъ. Безъ знанія древнихъ языковъ не возможна научная дѣятельность въ истинномъ смыслѣ слова, не мыслимо основательное пониманіе духовнаго развитія человѣчества. Если въ призваніи школьнаго учителя стоять на первомъ планѣ отнюдь не практическія цѣли, то по этому самому бесполезно ему проходить чрезъ реальное училище; было бы уже гораздо естественнѣе требовать отъ него, чтобы онъ познакомился хоть отчасти съ гимназическимъ курсомъ, но нѣсколько лѣтъ этого курса не дадутъ ему ничего цѣльнаго. Къ тому же, если ученикъ оказываетъ успѣхи въ гимназіи, то онъ пожелаетъ, конечно, идти далѣе, пріобрѣсти университетское образованіе. Въ Готѣ сдѣлана была попытка требовать отъ поступающихъ въ тамошнюю учительскую семинарію, чтобы они были знакомы съ гимназическимъ курсомъ секунды, и въ теченіе немногихъ лѣтъ число семинаристовъ въ упомянутомъ заведеніи уменьшилось отъ 76-ти до 30-ти: всѣ сколько-нибудь одаренныя молодые люди пошли по другому пути и не захотѣли посвятить себя начальной школѣ“.

И такъ, если общее образованіе, пригодное для учителей начальныхъ школъ, не можетъ быть пріобрѣтаемо ими ни въ гимназіяхъ, ни въ реальныхъ училищахъ, то позаботиться о немъ должна сама

учительская семинарія. Какимъ же учебнымъ предметамъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе въ ея учебномъ курсѣ для того, чтобы развить умственные способности учащейся молодежи?

Новый саксонскій уставъ содержитъ въ себѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Признавъ однимъ изъ основныхъ предметовъ семинарскаго курса отечественный языкъ, онъ полагаетъ однако, что даже въ такихъ заведеніяхъ, которыя имѣютъ цѣлью приготовленіе учителей для народныхъ школъ, изученіе этого языка не принесло бы желаемой пользы, если бы не шло параллельно съ изученіемъ языка латинскаго. Вслѣдствіе того, саксонскій уставъ вводитъ латинскій языкъ въ программу учительскихъ семинарій „столько же въ интересахъ общаго образованія, сколько и для того, чтобы споспѣшествовать уразумѣнію законовъ отечественнаго языка“.

Вотъ какимъ образомъ распредѣлены уроки латинскаго языка въ шести классахъ, изъ которыхъ должны отнынѣ состоять саксонскія учительскія семинаріи:

Классъ VI. 5 часовъ. Главныя части рѣчи, преимущественно существительныя имена, съ правилами о склоненіяхъ и родахъ; имена прилагательныя, числительныя и мѣстоименія. Первое и второе спряженія глаголовъ. Устные и отчасти письменныя упражненія. Заучиваніе словъ.

Классъ V. 5 часовъ. Третье и четвертое спряженія. Отложительныя глаголы. Главныя части предложенія. Нѣкоторые, если возможно, изъ неправильныхъ глаголовъ. Письменныя и устные упражненія съ заучиваніемъ словъ.

Классъ IV. 4 часа. Неправильные глаголы. Главнѣйшія синтаксическія правила. Чтеніе отрывковъ изъ хрестоматіи или, по усмотрѣнію, изъ Корнелія Непота.

Классъ III. 3 часа. Дополнительные правила изъ синтаксиса. Корнелій Непотъ.

Классъ II. 2 часа. Чтеніе Ю. Цезаря; во второмъ полугодіи чтеніе легкихъ стихотворныхъ отрывковъ изъ хрестоматіи. Необходимыя понятія о метрикѣ

Классъ I. 2 часа. Легкіе отрывки изъ Саллюстія, Ливія, Цицерона и изъ стихотворной хрестоматіи.

§ 9. „По окончаніи семинарскаго курса воспитанники должны умѣть переводить вполнѣ правильно на нѣмецкій языкъ не слишкомъ трудныя мѣста изъ тѣхъ латинскихъ авторовъ, которые читаются въ двухъ высшихъ классахъ, а также дѣлать переводы легкихъ отрыв-

ковъ съ нѣмецкаго на латинскій, не прибѣгая къ грамматикѣ, но при пособіи нѣмецко-латинскаго словаря или съ объясненіемъ имъ рѣдко встрѣчающихся словъ, и безъ грубыхъ ошибокъ противъ этимологіи и синтаксиса“.

Изъ приведенной нами программы видно, что въ шестиклассныхъ учительскихъ семинаріяхъ Саксоніи назначено часовыхъ уроковъ для латинскаго языка 21. Не забудемъ при этомъ, что въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, носившихъ названіе гимназій и состоявшихъ изъ семи классовъ, отведено было съ 1849 до 1864 года, для того же предмета лишь 16 недѣльныхъ уроковъ, или 20 часовъ!

Конечно, преподаваніе одного изъ древнихъ языковъ въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ, которые установлены для саксонскихъ учительскихъ семинарій, не ведетъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ ихъ воспитанниковъ сколько-нибудь сносныхъ латинистовъ. „Врата классической древности“, говоритъ журналъ Кера, „будутъ по прежнему закрыты предъ ними и они останутся лишь при входѣ. Правда, они схватятъ что-нибудь изъ Ю. Цезаря, Саллюстія и др., но античный духъ римской жизни уразумѣютъ они также мало, какъ и духъ латинскаго языка“. Но,—продолжаетъ далѣе этотъ же журналъ—при составленіи саксонскаго устава вовсе и не имѣлось въ виду классическое образованіе въ настоящемъ смыслѣ слова: уставъ говоритъ прямо, что латинскій языкъ въ семинаріяхъ долженъ служить лишь подспорьемъ для того, чтобы болѣе глубоко овладѣть (zum tieferen Erfassen) языкомъ отечественнымъ, преимущественно въ грамматическомъ отношеніи. Въ попыткѣ, о которой идетъ рѣчь, выразилось сознаніе той связи, которая существуетъ между языками древними и новѣйшими: по мнѣнію нѣмецкихъ педагоговъ, связь эта такъ тѣсна и неразрывна, что нельзя пренебрегать ею даже въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ своею цѣлью приготовленіе учителей для народныхъ школъ. Какъ не вспомнить при этомъ о нашихъ отечественныхъ педагогахъ, которые доказывали необходимость исключить древніе языки даже изъ гимназій, и по мнѣнію которыхъ можно достигнуть необыкновенныхъ результатовъ въ изученіи любаго изъ современныхъ европейскихъ языковъ, не имѣя никакого понятія о двухъ главнѣйшихъ языкахъ древняго міра....

Еще одно любопытное обстоятельство. Новый саксонскій уставъ предписываетъ упражнять воспитанниковъ въ чтеніи отечественныхъ классическихъ писателей Германіи,—мысль весьма дѣльная и полезная, но вотъ что замѣчаетъ по ея поводу журналъ Кера: „Нельзя

не пожагѣть, что при этомъ не постановлено было знакомить учениковъ семинарій, по крайней мѣрѣ посредствомъ переводовъ, и съ классическою литературою древности. Если справедливо, что нѣтъ общаго образованія, которое на пути своемъ не проходитъ чрезъ древность, чрезъ греческій и римскій міръ, и что всѣ наши классическіе писатели воспитывались въ школѣ писателей древнихъ, то надлежало бы особенно позаботиться объ этомъ и для будущихъ учителей народныхъ школъ". Журналъ Кера предлагаетъ посвятить нѣсколько уроковъ, назначенныхъ для нѣмецкаго языка, на чтеніе—въ низшихъ классахъ отрывковъ изъ Одиссеи по книгѣ Вильмана (*Lesebuch aus Homer*), Геродота и Ливія по книгѣ Гольдшмидта (*Geschichten aus Livius*), а въ старшихъ — Иліады и Одиссеи въ переводѣ Фосса, одной изъ трагедій Софокла и т. д.

Излагая здѣсь, въ главныхъ чертахъ, устройство новыхъ саксонскихъ учительскихъ семинарій, мы не увлекаемся, конечно, мыслью, чтобы нѣчто подобное могло возникнуть и у насъ. Условія наши таковы, что они рѣшительно не допускаютъ учрежденія школъ для приготовленія народныхъ учителей съ такимъ продолжительнымъ курсомъ, какъ въ Саксоніи. Да если бы даже подобныя школы и возникли, позволительно ли предположить, чтобы молодой человѣкъ, посвятивъ на ученіе цѣлыхъ шесть лѣтъ и усвоивъ знанія въ родѣ тѣхъ, которыя требуются учебною программою саксонскихъ семинарій, удовольствовался у насъ скромною дѣятельностью учителя народной школы, при незавидной ея обстановкѣ въ настоящее время? Повторяемъ еще разъ,—о заимствованіяхъ и подражаніи не можетъ быть и рѣчи: мы указали только на фактъ, и нельзя отрицать, что фактъ этотъ, самъ по себѣ, весьма знаменателенъ..

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

14/26 мая 1874 года.

I.

Я упомянулъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, что вслѣдствіе недавняго распоряженія правительства, испытаніе на степень бакалавра раздѣлено отнынѣ на двѣ части, съ промежуткомъ между ними въ теченіе одного года. Такъ какъ упомянутое испытаніе имѣетъ у насъ значительную важность, то считаю необходимымъ снова возвратиться къ нему, чтобы познакомить вашихъ читателей съ существующими для него правилами.

Филологическіе факультеты, число коихъ простирается во Франціи до 15, приступаютъ дважды, въ теченіе года, къ испытаніямъ на степень бакалавра, а также командируютъ отъ себя въ различные города, для этой цѣли, особыя комиссіи. Испытанія происходятъ публично въ присутствіи комиссій, состоящихъ изъ трехъ членовъ отъ факультетовъ филологическихъ и по одному отъ факультетовъ точныхъ наукъ. Каждый кандидатъ обязанъ представить разрѣшеніе отъ своихъ родителей, свидѣтельство о томъ, что ему минуло 16 лѣтъ, и внести установленную плату (102 фр.). Экзаменъ происходитъ изъ учебныхъ предметовъ, входящихъ въ программу двухъ старшихъ классовъ нашихъ лицеевъ (реторики и философіи), и состоитъ изъ письменныхъ упражненій и устныхъ отвѣтовъ. Что касается до первыхъ изъ нихъ, то здѣсь требуется: 1) латинское сочиненіе на тему историческую или философскую; 2) переводъ какаго-либо изъ тѣхъ авторовъ, которые читаются въ классѣ реторики (Вергилій, Цицеронъ, Титъ-Ливій); 3) сочиненіе французское на философскую тему. Темы назначаются деканомъ факультета. Кандидатамъ дается 4 часа для латинскаго сочиненія, 3 часа для сочиненія французскаго и 2 для перевода съ латинскаго языка на французскій.

Устные отвѣты состоятъ изъ переводовъ съ греческаго и латинскаго опять таки тѣхъ авторовъ, которые читаются въ лицахъ, и кромѣ того изъ объясненія какого-нибудь отечественнаго писателя; при этомъ испытуемый долженъ отвѣчать на вопросы изъ литературы и исторіи, находящіеся въ связи съ избранными для него отрывками. Кромѣ того, экзаменуется онъ изъ философіи, исторіи и географіи, физики и естественной исторіи по программамъ, установленнымъ для учебныхъ заведеній.

Если изъ какого-нибудь изъ этихъ десяти предметовъ испытуемый получилъ нуль, или отиѣтку „дурно“ (mal) изъ трехъ предметовъ, то комиссія не выдаетъ ему аттестата.

По установленнымъ нынѣ правиламъ, въ первую часть испытанія входитъ слѣдующее: латинское сочиненіе, письменный переводъ съ латинскаго, устный переводъ съ латинскаго и греческаго, объясненіе отечественныхъ классическихкихъ писателей, исторія и географія. Во второй части отнесены: философія, сочиненіе философскаго содержания, математика, физика. Экзамень изъ новѣйшихъ языковъ не обязательенъ.

Считаю не лишнимъ указать здѣсь и на тѣхъ авторовъ, которые читаются въ классахъ реторики и философіи:

Греческіе писатели. Фукидидъ.—Демосеенъ (филиппики, pro соgопа).—Софокль.—Аристофанъ.

Латинскіе писатели. Соспсiones excerptae (избранныя мѣста изъ Тита-Ливія, Саллюстія, Тацита и др.).—Цицеронъ (de oratore, главнѣйшія рѣчи, Brutus sive de claris oratoribus).—Тацитъ.—Вергилій.—Горацій.—Лукрецій (отрывки).

Французскіе писатели. Паскаль (Pensées).—Боссюэтъ (надгробныя рѣчи).—Лабрюйеръ (Caractères).—Фенелонъ (Lettre à l'Académie française).—Буффонъ (Discours sur le style).—Вольтеръ (Siècle de Louis XIV).—Буало (Ars poétique).—Басни Лафонтена.

Программа курса философіи заключаетъ въ себѣ психологію, логику, мораль, исторію философіи, а также разборъ и объясненіе слѣдующихъ авторовъ: Ксенофонтъ (Memorabilia).—Платонъ (Горгіасъ).—Цицеронъ (De republica. De officiis).—Сенека (избранныя письма).—Декартъ (Discours de la méthode).—Паскаль (отрывки).—Боссюэтъ (Traité de la connaissance de Dieu et de soi-même).—Фенелонъ (Traité de l'existence de Dieu).—Кромѣ того, требуется такъ называемая логика Поръ-Ройяля.

Въ программу исторіи входятъ исторія Франціи, исторія всеобщая новая отъ 1715 до 1848 г. и всеобщая географія.

Что касается до математическихъ и физическихъ наукъ, то испытуемые должны отвѣчать изъ начальной алгебры (до уравненій второй степени), изъ элементарной геометріи, космографіи (описательной), физики и химіи.

Вотъ, въ главнѣйшихъ чертахъ, изъ чего состоитъ экзаменъ на степень бакалавра, внушающій какой-то суевѣрный страхъ нашей молодежи и игравшій столь важную роль въ учебной системѣ Франціи. Почти каждый изъ министровъ народнаго просвѣщенія пытался измѣнить или улучшить эту программу, но только теперешнему министру, г. Фурту, удалось произвести въ ней радикальную реформу. Раздѣливъ испытаніе на двѣ части, онъ имѣлъ въ виду побудить молодыхъ людей къ болѣе серьезной подготовкѣ, преимущественно изъ философіи, которою они слишкомъ пренебрегали до сихъ поръ. Будущее скажетъ, до какой степени было полезно это преобразование. *Quod felix faustumque sit!*

Г. Бѣле, біографію котораго я изложилъ въ прошломъ своемъ письмѣ, занималъ должность секретаря Академіи изящныхъ искусствъ и былъ профессоромъ археологіи при Национальной бібліотекѣ. Тотчасъ послѣ его трагической кончины, уже назначенъ былъ ему преемникъ по этой каедрѣ, которая принадлежитъ у насъ къ учрежденіямъ *sui generis*. Въ другихъ странахъ всѣ науки входятъ въ программу университетскаго преподаванія, но во Франціи, гдѣ не существуетъ связи между различными факультетами, есть не мало учебныхъ заведеній, которыя стоятъ особнякомъ, имѣютъ свои особые уставы. Такова, между прочимъ, и школа археологіи при Национальной бібліотекѣ, учрежденная въ 1799 г. Сначала занималъ ее Милленъ (1799—1818), потомъ Рауль Рашетъ (1818—1854), и наконецъ Бѣле, поручившій вмѣсто себя чтеніе лекцій—съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался министромъ,—молодому воспитаннику Аеннской школы, г. Рейе. Этотъ послѣдній обратилъ на себя вниманіе нѣсколькими удачными раскопками въ Малой Азіи, но ему не удалось замѣстить окончательно покойнаго археолога. Выборъ министра остановился на другомъ ученомъ, г. Ф. Ленорманѣ, сынѣ довольно извѣстнаго историка, который былъ секретаремъ Шатобріана и профессоромъ въ Сорбоннѣ. Съ ранней молодости предался г. Ленорманъ занятіямъ, которыя обратили на него вниманіе французскихъ археологовъ; первымъ самостоятельнымъ его трудомъ былъ мемуаръ о классификаціи

монеть эпохи Лагидовъ,—кромѣ того, онъ много писалъ для журналовъ *Correspondant* и *Revue archéologique*. Востокъ сдѣлался предметомъ спеціального его изученія: въ своемъ „*Manuel d'histoire ancienne*“ онъ познакомилъ публику съ результатами ученыхъ открытій и изслѣдованій въ Азіи и Африкѣ, но одновременно съ этимъ популярнымъ сочиненіемъ издалъ довольно обширныя монографіи о Берозѣ, о клинообразныхъ надписяхъ и нѣсколько этюдовъ о происхожденіи древнѣйшихъ восточныхъ государствъ, подъ заглавіемъ „Первобытная цивилизація“. Повидимому, г. Ленорманъ, заявивъ каеэдру при Національной библіотекѣ, намѣренъ значительно расширить свою программу: до сихъ поръ она ограничивалась исключительно Греціею и Римомъ, а новый профессоръ хочетъ включить въ нее Азію и Египеть. Слѣдуетъ, наконецъ, замѣтить, что г. Ленорманъ пользуется извѣстностью не только какъ археологъ, но и какъ публицистъ; онъ не разъ посѣщалъ Грецію, внимательно присматривался къ теперешнему положенію этой страны, и написалъ о ней нѣсколько брошюръ; ему же принадлежитъ изслѣдованіе о Монтенѣ и мемуаръ: „*Deux dynasties françaises chez les Slaves méridionaux aux XIV et XV siècles*“ (Двѣ французскихъ династіи у южныхъ Славянъ въ XIV и XV столѣтіяхъ). Въ теченіе довольно долгаго времени онъ занималъ должность одного изъ библіотекарей Института.

II.

Мнѣ уже приходилось указывать на тотъ любопытный фактъ, что одновременно съ новыми произведеніями у насъ непрерывно появляются въ свѣтѣ коллекціи знаменитѣйшихъ нашихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ. Никогда еще классическая наша литература не была въ такомъ почетѣ. Коллекціи, о которыхъ идетъ рѣчь, можно имѣть въ различномъ форматѣ и за различную цѣну; нѣкоторыя изъ нихъ отличаются рѣдкимъ совершенствомъ съ библіографической точки зрѣнія.

„*Bibliothèque nationale*“—коллекція, возникшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—состоитъ теперь болѣе чѣмъ изъ сотни томовъ, которые продаются по одному франку: и печать, и текстъ весьма удовлетворительны. Для любителей роскошныхъ изданій книгопродавецъ Лемеръ предпринялъ превосходную коллекцію эльзевировскимъ шрифтомъ и въ пергаментномъ переплетѣ; онъ старается, по возможности, воспроизвести старинныя изданія со всеми вариантами и даже съ ореографіею того времени. Но какъ ни замѣчательна эта коллекція, она

представляетъ интересъ преимущественно для библиографовъ; что же касается до лицъ, которыя желали бы имѣть произведенія классическихъ авторовъ съ подробными біографическими, литературными и критическими примѣчаніями, то они предпочтутъ, конечно, коллекцію Гашетта „Les grands écrivains de la France“. Она принимаетъ все большіе размѣры. Такъ, напримѣръ, Корнель появился въ 12-ти томахъ, г-жа Севинье также въ 12-ти и для Мольера назначено не менѣе 7-ми. Всякій, кому извѣстны трудности, съ которыми сопряжено изданіе старинныхъ писателей, не удивится, что коллекція подвигается впередъ довольно туго: въ 1870 году изданъ былъ первый томъ Ларошфуко (содержавшій его знаменитыя *Maximes*), а только теперь появился второй томъ, куда вошли его мемуары, чрезвычайно важныя для XVII вѣка, преимущественно для времени Фронды, въ которой Ларошфуко принималъ весьма дѣятельное участіе. Третій томъ будетъ посвященъ мемуарамъ герцога: ко всему этому приложено множество объясненій и примѣчаній, такъ что они занимаютъ даже болѣе мѣста, чѣмъ самый текстъ.

Достоинство упомянутаго изданія состоитъ также въ его полнотѣ: въ немъ не опускается рѣшительно ничего, даже такія произведенія авторовъ, которымъ они сами не придавали ни малѣйшаго значенія и которыя были забыты еще при ихъ жизни.

Книгопродавецъ Шарпантье преслѣдуетъ совершенно иную задачу. Онъ заботится главнымъ образомъ о дешевизнѣ издаваемыхъ имъ классическихъ писателей и включаетъ въ свою коллекцію только тѣ изъ произведеній, которыя должны быть извѣстны каждому образованному человѣку. Коллекція эта обогатилась недавно нѣсколькими новыми изданіями, а именно, появились въ свѣтъ избранныя стихотворенія Малерба, полное собраніе стихотвореній Андре Шенье (приготовленное къ печати г. Бекъ де-Фукиеромъ), собраніе французскихъ средневѣковыхъ сказочниковъ и французскихъ сказочниковъ XVII вѣка. Особенно интересны двѣ послѣднія книги, но издателя ихъ справедливо упрекаютъ за слишкомъ произвольное отношеніе къ тексту. Нѣкоторые изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей все еще не понимаютъ, что языкъ имѣетъ свои историческіе законы, свою логику, и что нельзя давать волю своей фантазіи, когда дѣло идетъ о произведеніяхъ старинной письменности.

На ряду съ изчисленными мною коллекціями, слѣдуетъ упомянуть о весьма курьезной книгѣ: „Les grands poètes français, portraits authentiques et autographes facsimile des éditions originales, notices

et extraits, par A. Pagés" (одинъ томъ in 8°). Авторъ не ограничился только избранными отрывками изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ, — подобный трудъ былъ предпринимаемъ слишкомъ часто, — но вознамѣрился издать обширный сборникъ подлинныхъ портретовъ, автографовъ и facsimile съ первыхъ изданій, начиная съ XV вѣка. Книга открывается Виллономъ и заканчивается Викторомъ Гюго. Она представляетъ значительный интересъ для исторіи печатнаго дѣла во Франціи, но покупать ее будутъ, конечно, только специалисты, преимущественно библиографы, потому что пояснительныя статьи о каждомъ изъ поэтовъ, вошедшихъ въ сборникъ, отнюдь не отличаются полнотою.

Г. Эрнестъ Навилль издалъ недавно довольно обширную монографію: „Maine de Biran, sa vie et ses pensées“ (Менъ де-Биранъ, его жизнь и его мысли). Менъ де-Биранъ считается однимъ изъ главнѣйшихъ философовъ французской школы; не смотря на то, что судьба выдвинула его на политическое поприще во время имперіи и реставраціи, это былъ человекъ, исключительно преданный мысленію, не любившій тревогъ, съ которыми связана общественная дѣятельность; при жизни, онъ не любилъ печатать своихъ произведеній, хотя уже въ то время нѣкоторые изъ его мемуаровъ были увѣнчаны французскимъ Институтомъ, Берлинскою и Копенгагенскою академіями. Онъ умеръ въ 1824 году; послѣ его кончины, Кузенъ, Навилль и Сейу (Sayous) занялись изданіемъ различныхъ его сочиненій, тотчасъ же обратившихъ на себя вниманіе всѣхъ любителей философіи. Г. Навилль напечаталъ, между прочимъ, въ 1857 году отрывки изъ дневника, который велъ Менъ де-Биранъ, хотя и не всегда аккуратно. Отрывки эти имѣютъ тѣмъ болѣе значенія, что по нимъ можно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его философской системы. Книга, о которой идетъ рѣчь, была вся разкуплена, и г. Навилль выпустилъ теперь новое ея изданіе, присоединивъ къ прежнимъ отрывкамъ и письмамъ нѣсколько новыхъ; онъ снабдилъ ее также подробною біографіею Мена де-Бирана, который по справедливости считается основателемъ новѣйшей спиритуалистической школы во Франціи (Кузенъ, Каро, Жане и др.).

Укажу затѣмъ на небольшую книгу г. Жирара: „Etudes sur l'éloquence attique“ (Ислѣдованія объ аттическомъ краснорѣчій). Авторъ — членъ Института, — занимаетъ теперь кафедру греческой поэзіи въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ, — прежде же онъ былъ довольно долго преподавателемъ въ Нормальной школѣ. Печаталъ онъ до сихъ

поръ не много, и лучшими изъ его произведеній считаются мемуаръ объ о. Евбеѣ и монографія „О религіозномъ чувствѣ у Грековъ во времена Гомера“, получившая премію Французской академіи. Въ изданной имъ книгѣ содержится нѣсколько статей о величайшихъ греческихъ ораторахъ (Демосенъ, Иперидъ и др.); всѣ онѣ написаны съ талантомъ и свидѣтельствуютъ о внимательномъ изученіи предмета. Упомяну здѣсь кстати, что на дняхъ г. Краузель, преподаватель въ одномъ изъ провинціальныхъ нашихъ лицеевъ, защищалъ въ Сорбоннѣ тему: „О морали въ рѣчахъ Демосена“,—тему, на которую едва ли можно сказать что-нибудь новое; латинскою темою онъ избралъ: „de publicae eloquentiae principiiis apud Graecos in homericis carminibus“. Другой преподаватель, г. Талаберъ, выступилъ въ Сорбоннѣ съ двумя слѣдующими темами: „de lingua graeca vulgari quatenus quoad declinationes cum rustica graeca conveniat“ и „о мѣстномъ діалектѣ въ Блуа“. Затѣмъ одинъ изъ членовъ нашего духовенства, аббатъ Тугаръ, защищалъ темы: „quid ad profanos mores dignoscendos, augendaque lexica conferant acta sanctorum graeca Bollandiana“ и „о свѣтской исторіи въ актахъ Балландистовъ“.

По поводу изчисленныхъ мною темъ позволю себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: авторы ихъ занимаютъ должности преподавателей провинціальныхъ учебныхъ заведеній въ Реннѣ, Каанѣ и Монпелье. Во всѣхъ этихъ трехъ городахъ находятся факультеты, а между тѣмъ ни одинъ изъ кандидатовъ не пожелалъ защитить тамъ свою тему. Они предпочли Парижъ: это служить однимъ изъ доказательствъ той крайней централизаціи, которая господствуетъ во Франціи. Къ сожалѣнію, и министерство отдаетъ явное предпочтеніе кандидатамъ, державшимъ диспутъ въ столицѣ, предъ тѣми, которые диспутировали въ провинціальныхъ факультетахъ.

Есть у насъ, впрочемъ, одинъ провинціальный факультетъ, стоящій весьма высоко, именно потому, что онъ представляетъ единственное явленіе въ своемъ родѣ и не имѣетъ причины опасаться конкуренціи съ Парижемъ. Это—протестантскій богословскій факультетъ въ Монтобанѣ. Не рѣдко въ стѣнахъ его происходятъ диспуты по поводу такихъ диссертаций, которыя, помимо догматическаго, представляютъ значительный интересъ историческій и политическій. Къ числу ихъ нужно отнести „Исторію мессіанизма со временъ Александра Великаго до императора Адриана“ г. Мориса Верна. Это весьма интересный и добросовѣстный трудъ.

Появилось новое (третье) изданіе извѣстной книги г. Ревлю „La
• часть CLXXXIII, отд. 4.

terre, description des phénomènes de la vie du globe". Авторъ пользуется довольно громкою репутаціею: онъ слушалъ въ Берлинѣ лекціи Карла Риттера, много путешествовалъ и въ Европѣ, и въ Америкѣ. Первое изданіе его сочиненія появилось въ 1867 году и было тотчасъ же переведено на различные иностранные языки; теперь онъ значительно улучшилъ его, снабдилъ его новыми картами и рисунками, но такъ какъ подобныя роскошныя книги не доступны большинству публики, то автору пришла счастливая мысль выпустить въ свѣтъ дешевое изданіе, подъ заглавіемъ: „Les phénomènes terrestres“ въ двухъ томахъ: первый изъ нихъ посвященъ материкамъ, второй—морямъ и метеорамъ. Г. Реклю написалъ также введеніе къ „Словарю сельскихъ общинъ во Франціи“ г. Адольфа Жоанна. Введеніе это едва ли не выше всего, что было писано до сихъ поръ о физической географіи нашей страны. Въ настоящее время тотъ же авторъ трудится надъ обширнымъ курсомъ всеобщей географіи, который будетъ изданъ книгопродавцемъ Гашетомъ съ изысканною роскошью.

Одинъ изъ преподавателей нашей школы высшихъ наукъ перевелъ по французски сочиненіе профессора Минаева о граматикѣ языка пали. Кстати о переводахъ: недавно появился на французскомъ языкѣ „Ревизоръ“ Гоголя, но переводъ этотъ, сдѣланный въ Петербургѣ г. Шаландомъ, далеко нельзя назвать удачнымъ.

Наше министерство народнаго просвѣщенія командировало въ Россію, съ ученою цѣлью, двухъ лицъ: г. Рамбо для его изслѣдованій объ искусствѣ греко-скинскаго періода, и г. Лежера, которому поручено изготovitъ для министра докладъ о занятіяхъ предстоящаго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Оба эти ученые уже писали прежде о Россіи и славянскихъ странахъ.

Л. Л—ръ.

ОТДѢЛЪ
КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О САТИРАХЪ Д. Ю. ЮВЕНАЛА ¹⁾.

РАЗБОРЪ МНѢНІЙ ОТТО РИББЕКА.

III.

Показавъ въ предыдущихъ статьяхъ, на сколько основательны упреки, дѣлаемые Риббекомъ послѣднимъ сатирамъ Ювенала, я перехожу теперь къ оцѣнѣ гипотезы нашего критика о подложности означенныхъ сатиръ.

Здѣсь прежде всего я долженъ замѣтить, что хотя и не могу убѣдиться доводами Риббека, но все-таки высоко цѣню его трудъ, который, не смотря на то, что страдаетъ произволомъ и не въ состояніи достигнуть своей главной цѣли, показываетъ, однакожь, въ авторѣ замѣчательную наблюдательность; и дѣйствительно, Риббекъ освѣтилъ ученую литературу о Ювеналѣ новымъ свѣтомъ, далъ толчекъ къ новому, болѣе глубокому критическому изученію этого поэта, какъ о томъ свидѣтельствуютъ явившіеся въ послѣдніе годы труды Ляпуса ²⁾, Мейнертна ³⁾, Синнерберга ⁴⁾ и др.

Съ Риббекомъ можно согласиться въ томъ отношеніи, что, дѣйствительно, сатиры Ювенала въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, носятъ отчасти двойственный характеръ, что уже прежде было замѣчено К. Ф. Германномъ въ его изданіи Ювенала ⁵⁾, гдѣ онъ говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: „postquam in prioribus

¹⁾ *Окончаніе. См. Журналъ Мин. Народн. Просв. мартъ и апрѣль 1874 года.*

²⁾ *Vindiciae Juvenalianae. Bonnae. 1864.*

³⁾ *Vindiciae Juvenalianae. Regimonti Pr. 1866.*

⁴⁾ *De temporibus vitae carminumque Juvenalis rite constituendis disquisitio. Helsingforsiae. 1866.*

⁵⁾ *D. Junii Juvenalis satirarum libri V. Lipsiae. 1865. Praefatio, стр. X.*

novem satiris philosophiae vix ullam aut notitiam aut respectum prodidit, soli denique, ut ita dicam, externae veritati intentus verecundiam et pudorem, internae bonitatis signa, passim non laedit minus quam defendit, a decima inde plane mutatus non indignationem tantum reprehendendique acerbiteratem, sed sapientiam simul atque honestatis studium prae se fert utque minus sibi in verborum lusibus irrisionisque aculeis placet, ita castigationis rigorem persuasionis et doctrinae temperamento moderatur; quo in studio (etsi) hinc inde pro pristino poetici spiritus ardore vel scholasticam Stoici gravitatem offert ipsosque acerrimi ingenii sensus tamquam Aristoteli alicujus dictata perfert“ и проч. Но приведенная нами цитата изъ Германна, на которую ссылается и Риббекъ ¹⁾, показываетъ, что авторъ ея допускаетъ лишь нѣкоторое различіе между первыми и послѣдними сатирами, и что замѣченная имъ двойственность совсѣмъ не такова, какою она казалась Риббеку, который строго отдѣлялъ черныя сатиры отъ послѣднихъ, и считаетъ возможнымъ примисать и тѣ, и другія одному лицу. Эта двойственность въ Ювеналѣ усматривалась и другими учеными: Мейнертцомъ, Синнербергомъ, Отто Яномъ, Руперти, Дозелемъ и Фельверомъ; но и они не понимали ее въ столь обширномъ разбѣрѣ, какъ Риббекъ, и не придавали ей столь важнаго значенія. Мейнертъ ²⁾ ограничился тѣмъ, что назвалъ послѣднія сатиры „inferioris potae“ въ сравненіи съ первыми, и въ этомъ отношеніи по слѣдамъ своего профессора, Отто Яна Дозеля ³⁾; въ нѣкоторыхъ сатирахъ (VIII, X, XIII, XIV и XV) видѣлъ скорѣе „les belles harangues“, чѣмъ сатиры. Фельверъ ⁴⁾ замѣтилъ, что „von der neunten an ändert sich der Ton der Juvenalischen Satiren bedeutend; die nächst folgenden sind ganz allgemeinen Inhalts und behandeln allgemeine moralische Sätze“. Я ссылаюсь на этихъ ученыхъ съ цѣлью доказать, что мнѣніе Риббека, въ основаніи своемъ совершенно справедливое, увлекло его въ крайности, въ которыхъ онъ вообще блуждалъ. Но какого же рода упомянутая двойственность, чѣмъ объяснить ея причину? Вопросъ этотъ задаетъ меня, чольбо резюмировать уже добытые мною результаты, — но прежде того я долженъ обратиться

¹⁾ Der echte u. d. unechte Juven., стр. 69.

²⁾ Vind. Juven., стр. 2.

³⁾ Discours sur les satiriques latins etc., стр. 113.

⁴⁾ Juvenal. Ein Lebens und Charakterbild etc. Elberfeld. 1851; стр. 98.

вообще въ основныхъ элементахъ таланта Ювенала, анализируя при этомъ мнѣніе Риббена о произведеніяхъ нашего поэта.

Полагаю, что никто, знакомый съ Ювеналомъ, не станетъ спорить о томъ, что онъ не былъ не только гениальный, но даже талантливый поэтъ ¹⁾. Сравните его съ Горациемъ, и вы тотчасъ убѣдитесь въ этомъ. Гдѣ у него богатая фантазія Горация, та непринужденность и изящная простота, которая придаетъ такую грацію произведеніямъ этого послѣдняго автора? Гораций мало трудится надъ своими произведеніями, но ихъ поэтическое достоинство является само собою, почти безъ всякой заботы съ его стороны: оно обуславливается только врожденнымъ его дарованіемъ. Произведенія Горация не носятъ слѣдовъ искусственной обработки, чего никакъ нельзя сказать о Ювеналѣ. Но, замѣтить намъ, вѣдь самыя сюжеты Ювеналовскихъ произведеній вовсе не таковы, чтобы плѣнять насъ граціею: конечно, поэтому о граціи въ сатирахъ Ювенала не можетъ быть и рѣчи. Поэзія его картинъ не зарождается, такъ сказать, въ душѣ поэта, а черпается имъ извнѣ, изъ окружающей его жизни, которая на столько имѣетъ въ себѣ что-то импонирующее, на сколько это послѣднее оцѣнчиваетъ всегда человѣческія страсти, — въеую степень порока, также какъ и добродѣтели. Ювеналъ рѣдко бываетъ въ состояніи придать эстетическій оттѣнокъ своимъ сюжетамъ: всякая попытка его въ этомъ родѣ отзывается холодною и безжизненною реторикою. „У Ювенала мало поэтическаго творчества“, замѣчаетъ Низаръ ²⁾: „онъ всегда придерживается своей темы, не уклоняясь отъ нея ни вправо, ни влѣво; между тѣмъ, какъ Гораций отправляется въ путь, не опредѣливъ своей цѣли и часто перемѣняя сюжетъ по дорогѣ“. Дѣйствительно, струны Ювеналовой лиры очень не гибки, и вотъ почему, принявшись за извѣстный сюжетъ, за извѣстную тему, онъ переворачиваетъ ее на всѣ стороны и съ трудомъ переходитъ отъ нея къ другимъ. Отсюда его плеоназмы. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній недостатокъ является столько же слѣдствіемъ бѣдности его лиры, сколько слѣдствіемъ риторическо-декламаторскаго образованія. Оно-то дало ему возможность маскировать недостатки своей музы реторикою, искусственною отдѣлкою

¹⁾ Если кому нибудь подобное мнѣніе о Ювеналѣ покажется слишкомъ смѣлымъ, то прошу его обратиться къ труду г. Благовѣщенскаго («Ювеналъ, двѣ публичныя лекціи». Спб., 1860).

²⁾ Études etc., стр. 46.

сюжета. Сравнивая Ювенала съ Персіемъ, Руперти ¹⁾ замѣчаетъ: „Ilius (Persia) satirae sunt poeticae pertractationes propositionis philosophicae, hujus vero (Ювенала)—thematicis rhetorici; doctae quidem et interdum ingeniosae, quae tamen magis se commendant arte, qua singula pertractantur, quam poetica inventione, qua prorsus carent illae, in quibus varia tantum unius hominum generis vitia recensentur, v. c. mulierum in Juvenalis Sat. VI“. Тѣмъ же самымъ объясняются безчисленныя вставки и передѣлки въ сатирахъ Ювенала: все это слѣды тяжелого, часто бесплоднаго труда, которыми отличалось его служеніе музамъ. Кому не извѣстно, что есть обстоятельства, которыя, такъ сказать, противъ воли дѣлають чело-вѣка поэтомъ; таковы вліяніе окружающей его среды, любовь, энтузіазмъ, негодованіе и проч. Въ особенности эти послѣднія чувства являются воодушевляющимъ элементомъ, сообщая нашей душѣ какую-то особенную живность и возбужденіе. Чувства эти даютъ нашу грудь, ища себѣ выхода, выраженія, и тогда мы принимаемъ за перо. Что одинъ изъ подобныхъ мотивовъ, а именно негодованіе, сдѣлало Ювенала поэтомъ, въ этомъ сознается онъ самъ въ I-й сат., 79 ст.:

Si natura negat, facit indignatio versum,
Qualemcunque potest, quales ego vel Cluivienus.

Эту мысль онъ развиваетъ во всей первой сатирѣ, какъ бы сознавая, что не придавалъ своей музѣ слишкомъ большаго значенія. На обстоятельство это было обращено вниманіе и въ его биографіи: „postquam diu tacuit, uberiori vitiorum jam gliscente contagione ab indignatione incipit: „semper ego auditor tantum?“ Понятно, что негодованіе могло быть могучимъ рычагомъ въ чело-вѣкѣ, одаренномъ глубокою впечатлительностью,—въ чело-вѣкѣ, понятія и чувства котораго возмущались на каждомъ шагу современной римскою жизнью,—который искалъ въ окружающемъ его обществѣ нравовъ древнихъ Римлянъ и нигдѣ не находилъ ихъ. Обращаю вниманіе читателя именно на эту черту въ характерѣ Ювенала, весьма неправильно понятую Низаромъ. Французскій ученый не вѣритъ въ негодованіе Ювенала и въ горячность его натуры; онъ изображаетъ его чело-вѣкомъ холоднымъ, равнодушнымъ ко всему и только притворяющимся, будто бы онъ надѣленъ пылкими чувствами. Свое мнѣніе Низаръ подтверждаетъ указаніями на такія мѣста у Ювенала, въ которыхъ

¹⁾ De Sat. Hor., Pers. et Juven., стр. 63.

какъ бы отразилось безусловное равнодушіе его къ жизни. Конечно, они существуютъ, но это явленіе объясняется не холодностью характера самого поэта, а укоренившееся его привычкою экзальтироваться на словахъ въ томъ, чего не чувствовало сердце. Я показалъ, что съ этой стороны надо отличать Ювенала - поэта отъ Ювенала - декламатора: первый всегда говоритъ съ убѣжденіемъ и чувствомъ, второй прибѣгаетъ къ скучнымъ риторическимъ фразамъ, или выражаетъ сужденія, которымъ самъ не вѣритъ, выражаетъ ихъ только потому, что онѣ долго и бесплодно пережевывались въ школьныхъ декламацияхъ. Самъ Низаръ сознается, что Ювеналъ часто говоритъ съ такимъ жаромъ, что вводитъ въ обманъ читателя, который только по холодно-риторическимъ заключительнымъ словамъ узнаетъ, что все сказанное поэтомъ не болѣе, какъ притворство, фразы. Но вѣдь самъ же французскій ученый показалъ на примѣрѣ Квинтиліана, въ какія цѣпи омовано было выраженіе даже самыхъ искреннихъ чувствъ въ эпоху Ювенала. Люди не умѣли говорить тогда просто, не довольствовались выраженіемъ того, что было въ ихъ головахъ и сердцахъ, но постоянно гонялись за риторическими прикрасами. То же самое было и съ Ювеналомъ.

Низаръ усматриваетъ въ Ювеналѣ какое-то врожденное равнодушіе ко всѣмъ явленіямъ жизни, говорить, что онъ не былъ способенъ къ сильному чувству, а развѣ только къ тихимъ впечатлѣніямъ, и наконецъ, не былъ на дѣлѣ и такимъ строгимъ блюстителемъ нравственности, какимъ является въ своихъ сатирахъ. Мнѣніе это Низаръ основываетъ, главнымъ образомъ, на нѣсколькихъ эпиграммахъ Марціала ¹⁾, въ которыхъ этотъ послѣдній упоминаетъ о близкихъ своихъ сношеніяхъ съ Ювеналомъ и отпускаетъ иногда довольно тривиальныя шутки на его счетъ. Но едва ли это что нибудь доказываетъ. Впервыхъ, Ювеналъ во всѣхъ своихъ сатирахъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о Марціалѣ. Это потому, говоритъ французскій ученый, что Ювеналъ вообще не касается въ своихъ произведеніяхъ современниковъ: но я уже показалъ, что нѣкоторыя сатиры посвящены его знакомымъ и друзьямъ; быть можетъ, и тѣ неизвѣстныя лица, о которыхъ упоминается въ нихъ, были ему близки, но не знакомы большинству римской публики. Вовторныхъ, самъ же Низаръ замѣчаетъ, что если Ювеналъ не посвящалъ своихъ сатиръ со-

¹⁾ VII, ep. 24; XII, ep. 91; XII, ep. 18.

временникамъ, то это показываетъ только, что онъ не находилъ во всемъ окружавшемъ его обществѣ ни одного человѣка, котораго считалъ достойнымъ посвятить въ тайны своего нравственнаго міра, а отсюда мы выводимъ, что онъ и Марціала не считалъ такимъ человѣкомъ. Мнѣ кажется, что молчаніе его о Марціалѣ отнюдь не случайно. Оно заставляетъ сомнѣваться въ существованіи тѣсной дружбы между этими двумя писателями, которые по характеру не имѣли между собою ничего общаго. Оставляемъ въ сторонѣ беззаботность Марціала и его распущенность, — Ювеналь могъ еще, пожалуй, быть снисходителемъ къ этимъ недостаткамъ, — но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы авторъ I, III и V сатиръ простилъ Марціалу пошлую лезть, которая составляла одно изъ главнѣйшихъ свойствъ этого поэта. Быть можетъ, между ними существовали лишь отношенія болѣе или менѣе близкаго знакомства, которыхъ не прерывалъ Ювеналь, опасаясь вражды Марціала, лезтью проложившаго себѣ доступъ къ знатымъ лицамъ. Этимъ достаточно объяснилось бы молчаніе его о мнимомъ другѣ, которое, иначе, не понятно. Необходимо при этомъ обратить вниманіе на одну эпиграмму Марціала ¹⁾, въ которой говорится:

«Cum Juvenale meo quae me committere tentas,
Quid non audebis perfida lingua loqui?»

Она показываетъ, что отношенія Марціала къ нашему поэту были очень натянуты, если чужіе языки могли заботиться о разрывѣ между ними, и слѣдуетъ полагать, что „lingua“ на этотъ разъ не была „perfidā“, такъ какъ она старалась оклеветать не Ювенала предъ Марціаломъ, а наоборотъ. Что же касается извѣстія, сохранившагося въ одной біографіи Ювенала ²⁾ („tandem Romam quum veniret et Martialem suum non videret, ita tristitia et angore periit“), то, очевидно, это позднѣйшая вставка какого-то граматика, и Синнербергъ, пошедшій въ своемъ критическомъ разборѣ біографій Ювенала по слѣдамъ Франке ³⁾, не придаетъ ей ровно никакого значенія. Въ опроверженіе приведеннаго извѣстія достаточно замѣтить, что его нѣтъ ни въ одной изъ другихъ (шести) біографій Ювенала. При томъ же Ген-

¹⁾ VII, 24.

²⁾ Біогр. обознач. въ изд. О. Яна цыфрой III и приписываемая въ кодексахъ Ис. Воссія—Эл. Донату.

³⁾ Examen crit. D. J. Juvenalis vitae. Altonae et Lipsiae. 1820.

ниній и упомянутую нами биографію считаетъ лишь выдержкой изъ другой, находящейся въ томъ же кодексѣ Исаака Воссія ¹⁾). Странно также и мнѣніе Фелькера ²⁾, будто между Ювеналомъ и Марціаломъ существовала такая дружба, какъ между Орестомъ и Пиладомъ,— мнѣніе, основанное на извѣстной реторической фразѣ Марціала (VII, 24).

Отстаивая свое мнѣніе о Ювеналѣ, Низаръ замѣчаетъ ³⁾, что этотъ писатель „s'étonnant qu'Héraclite eût tant pleuré sur nos travers, comprenait mieux le rire de Démocrite“. Опять таки тутъ упущено изъ виду, что X сатира относится къ старческому возрасту поэта, когда, умудренный опытомъ и философіей, онъ сталъ спокойнѣе смотрѣть на человѣческія слабости. Зрѣлице порока вызываетъ въ немъ уже не негодование, а презрительную и желчную улыбку, какъ, напримѣръ, въ XIV сат. 262:

«Ergo omnia Florae
Et Cereris licet et Cybeles aulaea relinquas,
Tanto majores humana negotia ludi.

„Juvénal“, говоритъ далѣе Низаръ (стр. 12): „ne pensait pas que la gloire d'avoir sauvé son pays valût le danger que Cicéron courut pour elle, ni qu' il fallût, pour faire un chef d'oeuvre, compromettre le repos, que donne l'obscurité et même la sottise“. И это не справедливо. Ювеналъ не вѣритъ, чтобы можно было жить безъ страстей и стремленій, довольствуясь лишь „mente sana in corpore sano“ ⁴⁾. X-я сатира обличаетъ въ авторѣ человѣка, который всю жизнь проповѣдывалъ умѣренность, а подъ старость, проникнувшись философскими понятіями, сталъ еще проповѣдывать и самодовольство. Вотъ основная мысль X-й сатиры, а все остальное, высказанное въ ней авторомъ—декламация. Таково же значеніе и приводимаго авторомъ примѣра Цицерона, который „Antiqui gladios potuit contemnere, si sic omnia dixisset: o fortunatam natam me consule Romam!“

Неосновательнымъ считаемъ мы также и мнѣніе другаго фран-

¹⁾ У О. Яна означ. цифрой II.

²⁾ Juvenal, Ein Lebens und Charakterbild etc., стр. 17.

³⁾ Etudes ect, стр. 12.

⁴⁾ Если бы Ювеналъ дѣйствительно такъ думалъ, то онъ не опредѣлялъ бы назначеніе человѣка слѣдующимъ образомъ (XIV, 70): «Gratum est, quod patriae civem populoque dedisti, si facis ut patriae sit idoneus, utilis agris, utilis et bel-lorum et pacis rebus agendis».

цузскаго ученаго, Рапена ¹⁾, который замѣтилъ о Ювеналѣ: „Ce n'est pas le véritable zèle, qui le fait parler contre les déréglemens de son siècle; c'est un esprit de vanité et d'ostentation“. Съ подобнымъ взглядомъ боролся уже Дюзоль, трудъ котораго ²⁾ хотя и не пользуется такою извѣстностью, какъ трудъ Низара, но проникнуть гораздо болѣе вѣрными воззрѣніями. По крайней мѣрѣ, изученіе сатиръ Ювенала доставило мнѣ результаты, къ которымъ во многихъ случаяхъ пришелъ и Дюзоль. И онъ видитъ въ Ювеналѣ горячую и впечатлительную натуру и, сравнивая его съ Персіемъ и Горациемъ, замѣчаетъ: „Quand à celui-ci (Ювенала), dont les premiers et les derniers regards ne virent guère que du sang et des larmes, pouvait-il faire autrement avec un caractère tel que le sien que d'invoquer Némésis et d'écrire sous sa dictée?“ Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о сатирахъ поэта: „elle sont écrites avec chaleur et véhémence“, а его краснорѣчіе называетъ: „l'éloquence du nerf et de sincérité“. Далѣе онъ еще опредѣленнѣе выражается о Ювеналѣ, замѣтивъ, что „le caractère de ce dernier fut la force, la verve et l'indignation“. Буало ³⁾ замѣчаетъ о Ювеналѣ:

«Ses écrits, pleins de feu, partout brillent aux yeux».

Можно указать и на другихъ изслѣдователей Ювенала, которые, вопреки Низару, вовсе не видѣли въ немъ только ритора. Фельберъ упоминаетъ, между прочимъ, объ Уцѣ, который, по его словамъ, „spricht von einem Juvenalischem Feuer, das in seinen Adern tobe“.

Кромѣ негодованія, былъ еще и другой мотивъ, заставлявшій Ювенала приняться за стиль, а именно, настроеніе современнаго ему римскаго общества, которое было сильно падко къ стихотворству. Уже Гораций, со свойственною ему ироніей, подшучиваетъ надъ этою слабостью своихъ современниковъ, сопоставляя ихъ съ Римлянами времени республики ⁴⁾:

mutavit mentem populus levis et calet uno
scribendi studio; puerique patresque severi
fronde comas vincti coenant et carmina dictant.

¹⁾ Reflexions sur l'Eloquence. La poétique etc. T. II, § XXVIII.

²⁾ «Discours sur les satiriques latins de quelques reflexions sur l'art de traduire» — помѣщено въ «Satires de Juvenal, traduites par M. Dusaulx». 2 Edit. Paris. MDCCLXXII.

³⁾ Art poétique. Пѣснь II, ст. 168.

⁴⁾ Epist. II, I, 108.

navim agere ignavus navis timet, abrotonum aegro
non audet nisi qui didicit dare; quod medicorum est
promittunt medici; tractant fabrilia fabri:
scribimus indocti doctique p̄emata passim ¹⁾.

Вѣкъ Ювенала въ этомъ отношеніи не былъ лучше вѣка Горація. Музы имѣли многочисленныхъ поклонниковъ, большею частью занимавшихся поэзіей отъ нечего дѣлать или изъ куска хлѣба и влачившихъ жалкую жизнь въ переднихъ надменныхъ вельможъ. Эту черту Аполлона лучше всего характеризуетъ Ювеналь, считая въ числѣ тысячи опасностей, съ которыми было сопряжено пребываніе въ Римѣ, — паденія крышъ, частые пожары, а также обиліе „поэтовъ, читающихъ свои произведенія въ августѣ мѣсяцѣ“. Такая среда не могла не повліять и на Ювенала; трудно было ему не приняться за стиль, когда онъ сознавалъ себя не хуже другихъ въ этомъ отношеніи. Всѣ его біографы единогласно замѣчаютъ, что онъ занимался декламаторствомъ не потому, чтобы готовилъ себя для форума или учительства, а просто — по собственному влеченію ²⁾. Какъ догадываются нѣкоторые (между прочимъ Синнербергъ), Ювеналь еще до начала своей сатирической дѣятельности писалъ эпиграммы и другіе небольшіе стихишки, которые потомъ вошли отчасти въ его сатиры, — догадка, основанная на тристишии въ VII сатирѣ (90—92), имѣющей характеръ эпиграммы, и на другихъ мѣстахъ, очень похожихъ на вставки. Что примѣръ окружавшей поэта стихотворной маніи прошелъ для него не безслѣдно, въ этомъ сознается онъ самъ въ началѣ первой сатиры:

Semper ego auditor tantum numquamne reponam,
Vexatus toties rauci Theseide Codri?
Impune ergo mihi recitaverit ille togatas,
Hic elegos? impune diem consumpserit ingens
Telephus aut summi pleno jam margine libri
Scriptus et in tergo nec dum finitus Orestes?

Слѣдуетъ сознание своихъ правъ на служеніе музамъ:

Nota magis nulli domus est sua, quam mihi lucus
Martis et Aeoliis vicinum rupibus antrum
Vulcani etc.

¹⁾ *Ibid*, 114.

²⁾ Ad mediam fere aetatem declamavit animae magis causa quam quod scholae se aut foro praepararet. (Слова біографіи).

Наконецъ, говоря о поэзіи Ювенала, нельзя не упомянуть и объ его воспитаніи, въ которомъ важную роль играли декламаторскія упражненія. Декламаторство, какъ извѣстно, разчитано именно на то, чтобы ввести въ обманъ слушателей; оно учитъ различнымъ приемамъ, которые должны замѣнить недостатокъ чувства, вдохновенія, но при этомъ отличительная черта его состоитъ въ томъ, что оно приводитъ въ заблужденіе не только неопытную публику, но и самого декламатора: публикѣ кажется, что она имѣетъ дѣло съ поэтомъ; декламатору, что онъ—поэтъ. Понятно, что это самообольщеніе тѣмъ сильнѣе, если декламаторъ обладаетъ хоть самою низшею степенью поэтическаго таланта. Я полагаю, что обиліе жрецовъ Аполлона въ эпоху Ювенала объясняется въ значительной степени системою тогдашняго воспитанія, тѣмъ болѣе, что люди, получившіе такое воспитаніе, едва ли были способны къ какой-нибудь серіозной и положительной дѣятельности. Конечно, Ювеналъ не принадлежитъ къ ихъ разряду, но все-таки декламаторское образованіе не могло остаться на него безъ вліянія. Его сатиры доказываютъ, что не даромъ посѣщали онъ тогдашнія школы, что онъ вынесъ изъ нихъ всю мудрость современнаго ему декламаторства; у него развилась привычка къ такому рода занятіямъ: вотъ какъ надо понимать то, что наивный біографъ передаетъ словами „*declamavit animi causa*“.

Таковы мотивы, побудившіе Ювенала сдѣлаться поэтомъ: глубокое негодованіе, воспитавшееся въ теченіе долгихъ лѣтъ на пылкой и впечатлительной почвѣ его натуры, поэтическая манія современнаго ему общества и, наконецъ, декламаторское воспитаніе, хотя, конечно, не всѣ они имѣли одинаковое участіе въ поэтической его дѣятельности. Негодованіе сообщило его произведеніямъ истинное чувство, задушевность и пламенное краснорѣчіе; оно воспламеняло его воображеніе и дѣлало его болѣе гибкимъ и живымъ. Декламаторство и привычка къ стихотворству породили совсѣмъ другіе плоды: онъ заставляли Ювенала приниматься за стиль даже и тогда, когда онъ не чувствовалъ никакого вдохновенія, когда фантазія его дремала: въ этихъ случаяхъ онъ вынужденъ былъ обращаться къ ученому аппарату, вообще ко всѣмъ приемамъ декламаторства, чтобы придать хоть внѣшнюю силу и блескъ своимъ произведеніямъ. Вслѣдствіе этого Ювеналъ является предъ нами то декламаторомъ, то поэтомъ. Понятно, что оба эти направленія могли существовать рядомъ только до извѣстной степени, въ извѣстный періодъ его жизни, такъ какъ одно изъ нихъ исключалось другимъ: чѣмъ болѣе Ювеналъ былъ

проникнуть негодованіемъ, тѣмъ легче возвышался онъ до поэзіи, и наоборотъ. Но негодованіе было присуще ему скорѣе въ молодые и зрѣлыя, чѣмъ въ старческіе годы, когда онъ отчасти примирился съ живнью, а отчасти сталъ равнодушенъ къ ней. Вотъ почему раннія произведенія поэта отличались болѣе высокими поэтическими достоинствами, чѣмъ написанныя имъ подл старость. Я уже показалъ выше, что въ нихъ-то главнымъ образомъ находимъ мы лучшіе цвѣты его поэзіи, ту особенную свѣжесть, которая условливается силою негодованія.

Чтобы составить себѣ болѣе наглядное представленіе о различіи между первыми и позднѣйшими произведеніями Ювенала, вникнемъ еще разъ въ нѣкоторыя особенности тѣхъ и другихъ. Не малая разница между ними усматривается относительно историческаго матеріала, котораго, какъ справедливо замѣтилъ Риббекъ, въ первыхъ сатирахъ гораздо болѣе, чѣмъ въ послѣднихъ. Разгадку этого мы должны искать въ самой жизни поэта. Я уже говорилъ, что въ молодомъ и зрѣломъ возрастѣ онъ былъ сторонникомъ сенатской партіи и отчаяннымъ романтикомъ. Его сердце было приковано къ отжившимъ идеаламъ республиканскаго Рима, а въ Римѣ, ему современномъ, онъ не видѣлъ ровно ничего утѣшительнаго. Первые три книги сатиръ были написаны имъ, по всей вѣроятности, еще до его изгнанія. Какъ постоянный житель Рима, онъ зналъ все, что тогда происходило въ немъ, и этимъ объясняется, что первая половина его сатиръ изобилуетъ картинami современной ему римской жизни, которыхъ въ послѣднихъ встрѣчается значительно меньше. Это послѣднее обстоятельство также имѣетъ свои причины. Если не все, то многія произведенія, о которыхъ говоримъ мы, были сочинены Ювеналомъ, вѣроятно, въ изгнаніи, гдѣ, конечно, онъ не могъ наблюдать за Римомъ такъ бдительно, какъ прежде. Да притомъ и въ самомъ Римѣ царствованія Траяна и Адриана не представляли уже столь печальнаго зрѣлища, какъ царствованія ихъ предшественниковъ.

Присоединимъ ко всему этому старческую опытность и то вліяніе, которое произвела на Ювенала философія, и мы безъ труда уяснимъ себѣ различіе между первыми и послѣдними его сатирами. Что касается философіи, то я уже показавъ, на сколько поэтъ былъ ей преданъ. Она вовсе не сдѣлала изъ него теоретика-доктринера, какииъ изображаетъ его Риббекъ на основаніи позднѣйшихъ сатиръ; онъ заимствовалъ изъ нея только то, что было необходимо для мыслящаго человѣка. Долго оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ,

онъ долженъ былъ рѣшиться на что-нибудь одно: или прибѣгнуть къ средству, рекомендуемому Сенекой, или подчиниться общему току окружавшей его жизни, или же искать себѣ точку опоры въ религіозныхъ и нравственныхъ правилахъ. Онъ избралъ послѣдній путь; но официальный римскій культъ не могъ удовлетворить мыслящаго Римлянина II столѣтія. Ювеналь обратился къ философіи, — и она прижила его съ жизнью. До какой степени старческій возрастъ поэта умѣрилъ его взглядъ на человѣческіе недостатки, лучше всего можно видѣть изъ XIII сатиры, въ которой онъ убѣждаетъ Кальвина, что постигшая его потеря должна быть перенесена съ болѣе спокойнымъ духомъ (ст. 126):

Si nullum in terris tam detestabile factum
Ostendis, taceo, nec pugnans caedere pectus
Te veto nec plana faciem contundere palma;

.....
.....
Sed si cuncta vides simili fora plena querella,
Si decies lectis diversa parte tabellis
Vana supervacui dicunt chirographa ligni,
Arguit ipsorum quos littera gemmaque princeps
Sardonychum, loculis, quae custoditur eburnis:
Ten', o delicias! extra communia cenes.
Ponendum, quia tu gallinae filius albae,
Nos viles pulli, nati infelicibus ovis?

Въ связи съ этимъ примереніемъ поэта съ жизнью, мѣняется отчасти и настроеніе его сатиры. Исчезаютъ ѣдкіе сарказмы, уступая мѣсто ироніи, хотя иронія все-таки отзывается жолкъю; вмѣсто прежней брани является благородная мораль, иногда напояющая, впрочемъ, „*crampen repetitam*“ декламаторскихъ школъ — недостатокъ, котораго не чужды и первыя сатиры; тонъ болѣе спокоенъ и мягокъ; но за то пропадаетъ и энергія, которою пронизаны первыя сатиры; словомъ, мы видимъ несомнѣнные признаки старческаго возраста. Тѣмъ не менѣе и позднѣйшія сатиры не лишены нѣкотораго изящества, если не въ цѣломъ, то въ частностяхъ. Подобныхъ мѣстъ мы находимъ не мало въ XIV сатиры, а именно: описаніе умѣреннаго образа жизни древнѣйшихъ Римлянъ въ періодъ царей (ст. 160 — 172); картина патриархально-сельской простоты древнѣйшихъ обитателей Италіи (180—188); совѣты современнаго поэту Римлянина — сыну (190—207); описаніе кораблекрушенія, постигшаго корыстолюбиваго купца (292—302). Прекрасна также по своему спокойному на-

строению и описательному характеру XI сатиры; недостатокъ ея заключается лишь въ весьма пространномъ вступленіи (ст. 1—55), которое, какъ справедливо замѣтилъ Риббекъ, имѣетъ мало общаго съ ея содержаніемъ. Однимъ изъ лучшихъ мѣстъ въ XII сатирѣ надо считать, конечно, описаніе празднества, устроеннаго поэтомъ по поводу возвращенія его друга Катупла изъ опаснаго путешествія. „Ce passage, говоритъ Низаръ ¹⁾, „est charmant, la poésie en est molle et facile, comme celle de Tibulle, comme celle des éclogues“. Такимъ образомъ я все болѣе убѣждаюсь, что если отвергаемыя Риббекомъ сатиры и отступаютъ по своимъ достоинствамъ отъ первыхъ, то лишь потому, что онѣ принадлежатъ къ старческому возрасту поэта. Въ подтвержденіе этого могу сослаться на авторитетъ многихъ ученыхъ. Между прочимъ и К. Ф. Германнъ видитъ въ авторѣ IV и V книгъ сатиръ „*senem strenuum et amabilem, qui licet aetatem quasi baculo levet, caput tamen numquam demittit neque magni oris sonitus comprimi patitur, sed vel octogenarius in nefarias superstitiones peregrinarumque religionum foeditatem eadem iracundia (это несправедливо) invehitur, qua olim popularium luxuriam, vanitatem, avaritiam notavit*“ ²⁾. Относительно двойственнаго характера Ювеналовскихъ сатиръ мы читаемъ у Руперти: „*virus quoque acerbitalis in primis potissimum satiris evomit; in iis, quae viri aetate provectoris maturiorisque ingenii fetus videri possunt, irae aestus fere deferbuit et frigori cessit declamationis: in his etiam rarius singuli et dente minus malefico acutoque carpuntur*“ ³⁾. То же говоритъ и Мейвертцъ: „*mihî, ut statim dicam quod sentio, priores ejus satirae ab iis, quae postea scriptae possunt existimari, similiter distare videntur ac satirae Horatianae ab epistolis; namque in illis et saepius et majore cum acerbitate in singulis hominibus castigandis versatur, in his contra, ubi irae vehementia et indignationis vis, quae antea poetam stimularat, paene elanguisset, declamationemque interdum luxuriantem sine vi reliquisse videtur, raro tantum stulti cujusquam aut scelesti mentionem facit*“ ⁴⁾.

Къ подобной гипотезѣ я присоединяюсь тѣмъ охотнѣе, что она основана, между прочимъ, на органической связи между первыми и послѣдними сатирами, въ существованіи которой Риббекъ сомнѣвается

¹⁾ Etudes стр. 79.

²⁾ Praefatio ad editionem D. J. Juvenalis sat. lib. quinq. Lipsiae. 1865 стр. X.

³⁾ De Sat. Hor. Pers. et. Juven., стр. 58.

⁴⁾ Vind. Juvenal., стр. 4.

безъ достаточнаго основанія. Онъ замѣчаетъ ¹⁾, что между всѣми сатирами Ювенала нѣтъ ни одной, которая бы представляла переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ и показывала бы, что талантъ поэта сталъ принимать иное направленіе. Это несправедливо. VIII, IX и XI сатиры представляютъ именно такое звено между первой и второю половиною сатиръ: IX почти не содержитъ въ себѣ сарказмовъ, а вся проникнута ироніею, которая, какъ я замѣтилъ выше, свойственна старческому возрасту Ювенала; XI по своему спокойному тону и описательному характеру напоминаетъ XII-ю; VIII содержитъ нравственное, написанное на известную тему, и тонъ ея сходенъ съ сатирами X и XIV. Кромѣ того, изъ предыдущихъ моихъ изслѣдованій видно, что въ этихъ трехъ сатирахъ гораздо менѣе намековъ на римскую жизнь, чѣмъ въ первыхъ; въ нихъ, особенно въ VIII, ярко выступаютъ риторическо-декламаторскія наклонности автора; кромѣ того, въ VIII и XI отразилось новое умственное его направленіе, созрѣвшее подъ влияніемъ философіи.

Наконецъ, между всѣми сатирами Ювенала едва ли можно указать хоть на одну, которая заслуживала бы эпитеты „Meisterhaftes“ или „Stümperhaftes“, какъ выражается Риббекъ. Самъ онъ сознавалъ, что проведенная имъ съ крайними натяжками черта между первой и второю половиною сатиръ весьма искусственна ²⁾: „Es stände aber freilich schlimm um unsere Hypothese, wenn wir die zehn Satiren des echten Juvenal vollständig so als ein Werk hinnehmen müssten, wie sie uns überliefert sind. Denn alle jene Fehler und Schwächen, um deren willen wir die fünf Declamationen verworfen haben, finden sich auch in ihnen zerstreut, und diese Flicker sind jenen zusammenhängenden Arbeiten so ähnlich, dass, wenn sie dort ihren Platz behaupten könnten, wenn man sich gefallen lassen müsste, dass der Dichter in einem und demselben Stück zugleich Meister und Stümper, witzig und albern, gediegen und flach, präcis und breit wäre, man sich denn auch nicht wundern dürfte, dass die Untugenden dieses seltsamen Individuums in fünf dickleibigen Producten zur Alleinherrschaft gelangt wären“. Чтобы доказать свою гипотезу, Риббекъ прибѣгаетъ къ слѣдующему средству: во всѣхъ слабыхъ мѣстахъ первой половины сатиръ онъ видитъ вставки, и авторомъ этихъ мнимыхъ интерполяцій считаетъ того самаго декламатора, которому, по его мнѣнію, обязаны своимъ происхожденіемъ

¹⁾ Der echte und der unechte Juvenal., стр. 68.

²⁾ Der echte etc., стр. 75.

и 5 послѣднихъ сатиръ. Такимъ образомъ выбрасываетъ онъ изъ первыхъ сатиръ около двухъ сотенъ стиховъ; кромѣ того, во многихъ мѣстахъ дѣлаетъ перестановку текста: и все это съ цѣлью возстановить „идеально-непогрѣшимый текстъ“, какъ будто Ювеналь—олицетвореніе поэтического совершенства. Примѣръ Риббека встрѣтилъ уже послѣдователя въ Вирцѣ ¹⁾, который примѣнилъ тотъ же приемъ къ V сатирѣ: если это войдетъ въ обычай, то можно смѣло сказать, что лѣтъ черезъ десять или двадцать мы вовсе не будемъ имѣть такого текста Ювенала, который признавался бы одинаково всѣми учеными. Притомъ, я охотно соглашаюсь съ Синнербергомъ, который замѣчаетъ ²⁾, что по отношенію къ Ювеналу означенные приемы приемными еще менѣе, чѣмъ къ другимъ древнимъ писателямъ.

¹⁾ «Zur Kritik der V-ten Satire Juvenal's»—помѣщ. въ *Programm der Aarauischen Kantonschule. Aarau. 1868.* Вотъ что онъ говоритъ: «Ich glaube, es wird sich ergeben haben, dass der Vulgattext wenigstens der V-ten Satire Juvenal's so beschaffen ist, das Ribbecks radicalem Verfahren die Berechtigung nicht abgesprochen werden darf, wenn auch derselbe hie und da, besonders in die Umstellung, zu weit gegangen zu sein, andere Anstösse hinwiederum nicht gehoben oder übergegangen zu haben scheint».

²⁾ De temp. vit. Juv. стр. 69: « transponendi rejiciendique medelam, qua hic (Риббекъ) quoque ex more suo usus est, adhibere non audeo vel potius ne recte quidem adhibendam esse censeo, quoniam externa indicia desunt. Sed quod multo etiam audacius a me statui plerisque forsitan videatur, *facere non possum, quin hanc deformitatem ipsi scriptori culpae vertam, quippe quem carmina sua pertactantem haud raro nova intexere solitum arbitrer.* At dixerit quispiam me poetam carminum suorum elegantiam et perspicuitatem paene consulto obscurantem et imminuentem facere, qua opinione vix quidquam absurdius aut cogitari aut dici posse, praesertim quum de Juvenale quaestio sit, qui inde ab ineunte aetate, ut videtur, rhetoricis imbutus minime is fugit, qui, ut verbis Horatii utar, jam nunc dicere jam nunc debentia dici nescierit. Verum tamen et meam sententiam defendi puto ipsa poësis Juvenalianae indole, quae multo magis in singulis rebus depingendis et dilatan-dis, quam in certa quadam consilii et rationis norma constantè persequenda conatur». Непослѣдовательность мыслей и картинъ въ Ювеналѣ и отсутствіе у него художественности въ цѣломъ—хорошо понимаетъ и Фелькеръ. Вотъ что онъ говоритъ: «Dem Juvenal ist die poetische Kunst der Anlage und Gliederung Nebensache, der poetische Gedanke ist ihm viel, seine subjektive Ansicht und Wahrheit des Gedankens Alles. Daher ist die Zusammenhang der Theile oft locker, die Bilder und Gedankenergüsse stehen oft lose und unverbunden neben einander; ein Bild wird durch das andere ergänzt, weil er sich nie genug darin thun kann, und keine guten Gedanken verwerfen zu müssen glaubt.—Stoff und Form bedingen sich nicht nothwendig; es könnten einige Theile recht wohl fehlen, andere noch hinzugefügt werden, ohne dass der Zusammenhang und das Verständniss darunter litten». (стр 26).

И такъ, если удалось намъ доказать, посредствомъ разбора сатиръ Ювенала, что тѣ изъ нихъ, которыя отвергаются Риббекомъ, принадлежать къ болѣе позднему возрасту поэта, то посмотримъ, нѣтъ ли еще и внѣшнихъ указаній, которыя подтвердили бы подобное мнѣніе. Это тѣмъ болѣе важно, что, по словамъ Риббека, и первыя сатиры были написаны Ювеналомъ въ старости.

Прежде всего считаю необходимымъ замѣтить, что раздѣленіе сатиръ Ювенала на пять книгъ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ всегда помѣщались и въ рукописныхъ кодексахъ, и въ печатныхъ изданіяхъ, мнѣ кажется, вопреки Риббеку, не лишеннымъ основанія. Мнѣніе это я основываю, впрочемъ, на другихъ соображеніяхъ, чѣмъ Ригальтисъ¹⁾, который догадывается, что Ювеналь раздѣлилъ такимъ образомъ свои сатиры потому, что чтеніе ихъ предъ публикой требовало пяти собраній. Мнѣ кажется болѣе существеннымъ то обстоятельство, что всѣ кодексы, начиная съ древнѣйшихъ, принимаютъ 5 книгъ и удерживаютъ всегда одинъ и тотъ же порядокъ ихъ размѣщенія. Любопытно при этомъ, что сатиры, которыя можно назвать переходными отъ раннихъ къ позднѣйшимъ, занимаютъ въ упомянутыхъ изданіяхъ средину между тѣми и другими. Такимъ образомъ, нельзя не придавать историческаго значенія древнѣйшимъ изданіямъ сатиръ Ювенала. Я полагаю, что самъ поэтъ размѣстил ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, или же сдѣлалъ это кто-нибудь изъ пережившихъ его современниковъ, помнившихъ хронологическій порядокъ, въ которомъ, хотя и безъ раздѣленія на книги, выпускалъ ихъ въ свѣтъ Ювеналь.

При такомъ предположеніи, уже самый порядокъ въ размѣщеніи сатиръ показалъ бы, что первая ихъ половина появилась гораздо раньше тѣхъ, которыя отвергаются Риббекомъ; а такъ какъ, по словамъ біографій, Ювеналь сталъ писать сатиры только въ среднемъ возрастѣ, то весьма вѣроятно, что quasi-ложныя сатиры относятся къ его старости. Конечно, я не намѣренъ утверждать, что подобное предположеніе мною вполне доказано, — это невозможно за неимѣніемъ прямыхъ свѣдѣній, — однако, вѣроятность его значительно усилится, если обратимся къ результатамъ, добытымъ учеными по части біографическихъ свѣдѣній о Ювеналѣ.

Въ ближайшей связи съ вопросомъ о времени изданія сатиръ самымъ поэтомъ находится, безъ сомнѣнія, вопросъ о томъ, когда под-

¹⁾ Nicolai Rigaltii de Satira Juvenalis dissertatio. Amstelædami. 1864.

вергся онъ изгнанію. Извѣстно, что вопросы эти были подробно изслѣданы многими учеными, какъ-то: К. Ф. Германномъ, О. Миллеромъ, I. В. Франке, Пинцгеромъ, Боргезіемъ и другими,—и что всѣ они пришли болѣе или менѣе въ разногласнымъ результатамъ. Особенно извѣстностью пользуются труды Боргезія ¹⁾, Франке ²⁾ и К. Ф. Германа ³⁾. Тѣмъ не менѣе они были образцовыми только для своего времени; авторы ихъ или произвольно отдавали предпочтеніе одной изъ древнихъ біографій Ювенала предъ другими, или, какъ напримѣръ К. Ф. Германнъ, держались не менѣе произвольнаго мнѣнія, что всѣ біографіи одинаково достовѣрны, а потому черпали изъ нихъ такіа свѣдѣнія, которыя были имъ болѣе пригодны. Нашлись ученые, и въ томъ числѣ Риббекъ ⁴⁾, рѣшившіеся по возможности совмѣстить въ одно цѣлое всѣ свѣдѣнія изъ различныхъ біографій, но и этотъ путь далеко не безопасенъ. Тѣмъ болѣе замѣчательнъ трудъ Синнерберга ⁵⁾, который внесъ въ изслѣдованіе занимающаго насъ вопроса новую систему, основанную на томъ, что шесть біографій Ювенала представляютъ болѣе или менѣе близкіе варианты какой-то біографіи первоначальной, за которую онъ принимаетъ біографію, находящуюся въ шести кодексахъ (въ числѣ коихъ находится и самый знаменитый изъ всѣхъ — Питеанскій) и изданную впервые Георгіемъ Валлою въ Венеціи въ 1486 году. Эта біографія, по его мнѣнію, постепенно пополнялась древнѣйшими граматиками, вносившими въ нее свѣдѣнія, заимствованныя ими изъ самыхъ сатиръ Ювенала, а иногда порожденныя ихъ собственными догадками. Синнербергъ энергически возстаетъ противъ укоренившагося мнѣнія, будто всѣ біографіи Ювенала составляютъ компіляціи изъ какой-то полной, существовавшей въ древности, но не дошедшей до насъ. Еслибы дѣйствительно это были компіляціи, то въ нихъ должны были бы заключаться болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о жизни поэта но ничего этого нѣтъ; біографы касаются ихъ лишь въ общихъ чертахъ, очевидно потому, что объ Ювеналѣ было имъ извѣстно очень

¹⁾ *Intorno all' età di Giovenale*. Roma, 1847.

²⁾ *Examen criticum D. J. Juvenalis vitae*. Altonae et Lipsiae, 1820.

³⁾ *De Juvenalis satirae septimae temporibus*. Gottingae, 1843 и «Praefatio» къ изданію имъ сатиръ Ювенала въ Лейпцигѣ, 1865. Это послѣднее сочиненіе составляетъ лишь извлеченіе изъ перваго.

⁴⁾ «Prolegomena» къ стереотипному изданію сатиръ Ювенала въ Лейпцигѣ, 1866.

⁵⁾ *De temporibus vitae carminumque Juvenalis*. Helsingforsiae, 1866.

мало. Такимъ образомъ, я считаю весьма вѣроятными результаты, добытые Синнербергомъ, хотя, безъ сомнѣнн, не оспариваю справедливости и нѣкоторыхъ данныхъ, выставленныхъ К. Ф. Германномъ.

Къ счастью, не смотря на шаткость біографическихъ свѣдѣній о Ювеналѣ, можно почти съ точностью опредѣлить время, когда были имъ написаны и изданы сатиры. Весьма вѣроятно предположеніе Синнерберга и К. Ф. Германа, что сатиры первыхъ трехъ книгъ были сочинены весьма задолго до появленія ихъ въ свѣтъ; на это указываютъ многія вставки и перестановки, которыя Синнербергъ причисляетъ къ прежнимъ эпиграммамъ и легкимъ стихотвореніямъ поэта; особенно отразилось это на V сатирѣ, страдающей крайнею непоследовательностью изложенія. Очевидно затѣмъ, что и такія большія сатиры, какъ, напримѣръ, III, и особенно VI, вылились у автора далеко не вдругъ. VI сатира носитъ на себѣ явные слѣды продолжительнаго сочинительства, она слагалась по частямъ, лишеннымъ почти всякаго единства. Всѣ 9 сатиръ, заключающихся въ первыхъ трехъ книгахъ, видимо носятъ на себѣ слѣды продолжительныхъ наблюденій и трудовъ поэта. Содержаніе ихъ почерпнуто главнымъ образомъ изъ царствованій Нерона и Домиціана, а потому онѣ и не могли быть изданы ранѣе кончины этого послѣдняго императора. Въ пользу этой догадки можно было бы привести нѣсколько указаній, какъ, напримѣръ, осужденіе Маріа Приска, которое произошло въ послѣднемъ году I столѣтія и о которомъ упоминается въ сатирахъ I и VIII. Хотя цезаря начала VII сатиры слѣдуетъ считать, какъ доказалъ К. Ф. Германнъ, Траяномъ, но Синнербергъ весьма основательно замѣчаетъ, что и упомянутая сатира изображаетъ положеніе ученыхъ и поэтовъ въ Римѣ во времена Домиціана. Но и смерть этого императора не вполнѣ развязала руки Ювеналу, хотя Тацитъ издалъ при Нервѣ „Агриколу“, и, какъ думаютъ нѣкоторые, „Германію“. Ювеналъ долженъ былъ дожидаться благопріятнаго времени вслѣдствіе того, что ласковый и снисходительный Нерва терпѣлъ при себѣ любимцевъ Домиціана, хотя на нихъ и тяготѣло презрѣніе общественнаго мнѣнія. Только по вступленіи на престолъ Траяна появились въ свѣтъ Ювеналовы сатиры, болѣею частью уже давно готовыя и требовавшія только переработки и отдѣлки. Такъ какъ ни въ одной изъ сатиръ первыхъ трехъ книгъ не упоминается о событіяхъ, выходящихъ за предѣлы 103 года по Р. Х., то и нѣтъ никакого повода отвергать предположеніе Синнерберга, что три первыя книги были изданы между 100 и 104 годами по Р. Х. Въ подтвержденіе

своей догадки Синнербергъ указываетъ, между прочимъ, на слѣдующія слова поэта въ сат. I, ст. 85:

Quidquid agunt homines, votum, timor, ira, voluptas,
Gaudia, discursus, nostri farrago libelli est.

Здѣсь слово *libelli* какъ бы указываетъ, что Ювеналъ выпускалъ тогда въ свѣтъ только одну книгу, заключающую въ себѣ первыя пять сатиръ, при чемъ начальная изъ нихъ служила вмѣсто вступленія. Это нисколько не противорѣчитъ тому предположенію, что многія изъ сатиръ были написаны задолго до появленія ея въ свѣтъ.

Хотя не всѣ первыя девять сатиръ заключаютъ въ себѣ хронологическія указанія, но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы изданіе ихъ поэтомъ совершилось позже 104 года по Р. X. Напротивъ, въ пользу вышеупомянутой догадки говоритъ замѣчательное ихъ сходство относительно характера и содержанія, почерпнутого изъ временъ Нерона и Домиціана.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что первыя три книги были изданы въ началѣ царствованія Траяна, а такъ какъ, по словамъ біографій, Ювеналъ былъ изгнанъ за намекъ на Париса въ VII сатирѣ (ст. 90 — 93), то отсюда можно заключить, что изгнаніе поэта послѣдовало уже при Траянѣ. Такъ, дѣйствительно, и думаетъ Синнербергъ вопреки К. Ф. Германну, приписывающему изгнаніе поэта Домиціану и предполагающему, что всѣ сатиры были изданы авторомъ лишь по возвращеніи его изъ ссылки. Отъ этой мысли, высказанной имъ еще въ 1843 году (*De Juven. Sat. Sept. temp.*), Германнъ не захотѣлъ отказаться и въ 1865, въ своемъ новомъ изданіи Ювенала (въ Лейпцигѣ). Не касаясь полемики между двумя учеными, я замѣчу только, что именно незначительное количество намековъ на современную поэту римскую жизнь въ позднѣйшихъ сатирахъ можно приписать тому обстоятельству, что если не всѣ онѣ, то нѣкоторыя изъ нихъ были имъ сочинены въ изгнаніи. Въ этой догадкѣ, а между прочимъ и въ томъ, что мѣстомъ ссылки служилъ Египетъ, утверждаетъ меня XV сатира, хотя весьма важное указаніе, содержащееся въ 45-мъ ея стихѣ, оспаривается К. Ф. Германномъ точно такъ же произвольно, какъ произвольно увѣряетъ онъ, что поэтъ былъ сосланъ въ Шотландію. Это ему замѣтила и ученая критика въ лицѣ Герцберга (*Philologus*, 2 Jahrg. 1847, стр. 578).

Что касается до двухъ послѣднихъ книгъ Ювенала, содержащихъ въ себѣ, вромѣ XI, всѣ отвергаемыя Риббекомъ сатиры, то время

ихъ изданія можно опредѣлить съ большою достовѣрностію. Правда въ IV-й книгѣ нѣтъ никакихъ ясныхъ хронологическихъ указаній, но по духу и содержанию своему она находится въ тѣсной связи съ V-ю; между прочимъ, Германнъ замѣтилъ, что 365-й стихъ X сатиры, въ которомъ выражается взглядъ Ювенала на Фортуну, совершенно тождественъ съ 315 стихомъ XV. Вотъ первый изъ нихъ:

Nullum numen habes, si sit prudentia; nos te
Nos facimus, Fortuna, deam coeloque locamus;

а вотъ второй:

Nullum numen abest, si sit prudentia; nos te
Nos facimus Fortuna deam.

V-я книга несомнѣнно относится ко времени Адриана. Драгоцѣнное указаніе на это заключается въ сатирѣ XIII, ст. 16:

Stupet haec, qui jam post terga reliquit
Sexaginta annos, Fontejo consule natus.

Эти слова можно бы отнести къ двумъ Фонтенямъ, изъ которыхъ одинъ, К. Фонтей Капитонъ, былъ консуломъ въ 59 г. по Р. Хр., а другой—Л. Фонтей Капитонъ—въ 67 году: въ первомъ случаѣ сатира XIII была бы написана въ 119 году, во второмъ—въ 127 году по Р. Хр. Въ предисловіи къ своему изданію (Лейпцигъ, 1865, стр. XVII) К. Фр. Германнъ принимаетъ за Фонтея XIII-й сатиры—К. Фонтея Капитона, вслѣдствіе чего относитъ сатиру къ 119 году; но онъ вовсе не приводитъ достаточнаго для этого основанія, и очевидно, что подобнаго основанія не существуетъ, если обратимъ вниманіе на хронологическое указаніе въ сатирѣ XV, находящейся въ той же V книгѣ. Такимъ, по справедливости, считаютъ 27-й ея стихъ:

Nos miranda quidem, sed nuper consule Junco
Gesta super calidae referemus moenia Copti, etc.

Въ нѣкоторыхъ кодексахъ стоитъ вмѣсто „Junco“—„Junio“, подъ которымъ подразумѣвали Кв. Юнія Рустика, бывшаго консуломъ въ 119 году по Р. Хр. Но лучшіе и древнѣйшіе кодексы, каковы Питеанскій и Ватиканскій палимпсестъ, открытый Анджело-Майемъ¹⁾, имѣютъ чтеніе „Junco“. Поэтому, одинъ изъ компетентнѣйшихъ судей въ этомъ дѣлѣ, Отто Янгъ²⁾, возобновилъ чтеніе „Junco“. К. Фр-

¹⁾ Издан. въ «Class. auct. e. Vatic. cod.» T. III, стр. XVIII.

²⁾ De J. Juvenalis satirarum libri V cum schol. vet. Berolini, 1851, стр. 160.

Германнъ въ знаменитомъ своемъ сочиненіи „De Juvenalis Sat. Sept. scriptibus“ (стр. 5) считалъ его неправильнымъ потому, что оно предполагаетъ Ювенала живымъ въ 127 году, когда консулами суф-фектами были С. Юлій Ювель и М. Вибій Северъ, какъ было указано кардиналомъ Клеменсомъ ¹⁾. Незавѣстно, почему онъ обошелъ этотъ спорный вопросъ въ своемъ трудѣ, озаглавленномъ „Vindiciae Juvenalis“ ²⁾, гдѣ онъ разсуждаетъ о кодексахъ Ювенала. Повидимому, онъ склонился къ противному мнѣнію авторитетомъ двухъ самыхъ знаменитыхъ кодексовъ и въ своемъ изданіи Ювенала (Лейпц. 1865, Graf. стр. III) не задумывается принять чтеніе „Junco“, которому біографическія свѣдѣнія о Ювеналѣ, очевидно, нисколько не противорѣчатъ, а сатира XIII вполне соответствуетъ. Итакъ, если принять упомянутое чтеніе, то обращая вниманіе на 27-й стихъ V сатиры, мы должны убѣдиться, что она была издава *post* 127 года. Дѣйствительно, Синнербергъ полагаетъ, что обѣ послѣднія книги сатиры появились при Адрианѣ между 119 и 129 годами, и что послѣдній изъ этихъ годовъ былъ годомъ кончины Ювенала; такимъ образомъ, онъ сходится въ своихъ изслѣдованіяхъ съ Боргезіемъ, который въ своемъ „Intorno all' età di Giovenale“ (Римъ, 1847) обозначаетъ періодъ жизни нашего поэта отъ 47 до 129 годовъ. Такого же мнѣнія держится и К. Фр. Германнъ въ предисловіи къ своему лейпцигскому изданію Ювенала (стр. III).

Считаю необходимымъ указать здѣсь, хотя въ краткихъ чертахъ, и на результаты относительно времени изданія сатиръ Ювенала, добытые К. Ф. Германномъ.

Какъ извѣстно, въ диссертации своей о VII сатирѣ, онъ полагаетъ, что она была издана при Траянѣ, немедленно послѣ панегирика Плинія, а именно въ 101 или въ 102 годахъ по Р. Хр. Хотя и обѣ книги, заключающія шесть первыхъ сатиръ, онъ относитъ также къ царствованію Траяна, но вмѣстѣ съ Синнербергомъ допускаетъ предположеніе, что онѣ были отдѣланы и читаны авторомъ предъ публикой значительно раньше III-й книги, въ которую входитъ, между прочимъ, и VII сатира. Кромѣ того, по отношенію къ послѣднимъ двумъ книгамъ, онъ замѣчаетъ ³⁾: „tota satiræ postæ“

¹⁾ См. Act. Rom. Archeolog. 1835. T. VI, стр. 240.

²⁾ Помѣщ. въ «Index schol. publ. et priv. in Acad. Georgia Augusta per se mestre æstivum anni 1854. Gottingæ».

³⁾ De Juvel. S. VII temp., стр. 19.

(VII) *indoles ab earum colore, quas re vera sub Hadriano scriptas esse certis vestigiis intelligimus, adeo discrepat, ut vel hanc solam ob causam multis annis ante scriptam esse necesse sit*⁶.

О. Миллеръ, не смотря на то, что для изданія первыхъ сатиръ назначаетъ онъ нѣсколько другіе сроки, чѣмъ К. Фр. Германнъ и Синнербергъ, вполне согласенъ, что первыя три книги должны быть отдѣлены значительнымъ промежуткомъ времени отъ послѣднихъ.

Такого же мнѣнія держится и Фалькеръ.

Итакъ, не только самое содержаніе отвергаемыхъ Риббекомъ сатиръ, но и многіе внѣшніе признаки удостовѣряютъ, что онѣ относятся къ глубокой старости поэта. Что же, въ такомъ случаѣ, удивительнаго, если по духу своему онѣ значительно разнятся отъ болѣе раннихъ произведеній Ювенала?

С. Опацинъ.

ЗАМѢТКА О ПРЕПОДАВАНІИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА ВЪ НАШИХЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

Не смотря на то, что давно уже латинскій языкъ въ гимназіяхъ проходится съ I-го класса, успѣхи учащихся еще далеко не достигаютъ тѣхъ результатовъ, какихъ слѣдовало бы ожидать, судя по количеству уроковъ. Ученикъ доходитъ до V-го и VI-го класса, но съ большимъ трудомъ можетъ перевести несложный періодъ латинской рѣчи. Переводы же съ русскаго языка онъ дѣлаетъ до такой степени буквально, что въ нихъ часто не бываетъ никакого смысла. Вѣдь нельзя сказать, чтобы ученикъ ничего не зналъ: онъ знаетъ этимологию, знаетъ уже многія синтаксическія правила. Спросите его, какъ будетъ perfectum глагола *laudo*, онъ скажетъ и проспрягаетъ безъ запинки. Онъ знаетъ, что на вопросъ: *quando?* ставится творительный падежъ, а на вопросъ: *quam domo?* — винительный. Но заставьте, напримѣръ, его сказать по-латыни: „въ продолженіе всего дня ты читалъ эту книгу“, и вамъ придется долго постоять, чтобы услышать даже неправильный переводъ этой фразы. Онъ непременно спроситъ: какъ по-латыни „продолженіе?“ Мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать даже отъ учениковъ VII-го класса такого рода неправильности въ переводѣ: напримѣръ, „всѣ были убѣждены, что Кассандра безумствуетъ, тѣмъ болѣе, что она предсказывала одни несчастія“, — послѣднее предложеніе, какъ начинающееся съ союза *quo*, ученикъ переводитъ винительнымъ съ неопредѣленнымъ, и на оборотъ въ періодѣ: „чтобы висѣлица служила вмѣсто башни, объ этомъ читалъ только одинъ разъ“ — первое предложеніе переводитъ съ союзомъ *ut*.

Понятно, что все это происходитъ въслѣдствіе механическаго заучиванія правилъ этимологій и синтаксиса латинскаго языка. Устранить эти недостатки можно только путемъ сознательнаго изученія формъ его, а для этого нужно вести это изученіе съ I-го класса аналогично съ формами языка роднаго, останавливаясь первоначально на формахъ, общихъ тому и другому языку, и затѣмъ переходя къ особенностямъ языка латинскаго. Къ послѣднимъ ученикъ долженъ переходить уже тогда, когда будетъ въ состояніи понять ихъ значеніе въ латинской рѣчи. Не бѣда, если въ такомъ случаѣ онъ не будетъ знать до извѣстнаго времени полныхъ спряженій; за то онъ хорошо ознакомится съ тѣми формами, которыя существуютъ и въ русскомъ языкѣ. Если эти формы изучены имъ на столько хорошо, что онъ въ состояніи переводить бѣгло легкія предложенія съ латинскаго языка и обратно, то цѣль основательнаго запаса элементарныхъ свѣдѣній достигнута и приобрѣтеніе дальнѣйшихъ свѣдѣній не представитъ затрудненій. При изученіи синтаксиса, по моему мнѣнію, нужно объяснять формы на основаніи ихъ значенія, а не на основаніи однихъ внѣшнихъ признаковъ. Объясненіе формъ по внѣшнимъ признакамъ, во первыхъ, недостаточно ясно и вѣрно, а во вторыхъ, скоро улетучивается изъ памяти. Если винительный съ неопредѣленнымъ объяснять такъ: этою формою выраженія переводятся на латинскій языкъ предложенія, начинающіяся съ союза *что*, при чемъ подлежащее ставится въ винительномъ падежѣ, а глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, то понятно, отчего ученикъ вышеприведенное предложеніе „тѣмъ болѣе, что она безумствуетъ“ переводитъ винительнымъ съ неопредѣленнымъ. Но если ученику объяснить, что винительнымъ съ неопредѣленнымъ выражаются придаточныя предложенія дополнительныя и замѣняющія подлежащее, то онъ, вѣроятно, тотчасъ понялъ бы, что въ данномъ предложеніи вовсе нельзя употребить этой формы, что напротивъ въ другомъ приведенномъ мною предложеніи: „чтобы всѣлица служила вмѣсто башни, объ этомъ я читалъ только одинъ разъ“, онъ употребилъ бы винительный съ неопредѣленнымъ, а не союзъ *ut*. Ученики постоянно дѣлаютъ ошибки противъ послѣдовательности временъ, потому что заученное правило: „за прошедшимъ слѣдуетъ прошедшее, за настоящимъ настоящее“ постоянно ускользаетъ изъ памяти. Но покажите ему основной смыслъ этого правила, тогда онъ не будетъ, конечно, настоящія событія переводить прошедшими временами. Такимъ образомъ, при опредѣленіи формъ син-

тавсена, какъ и при опредѣленіи всякаго предмета, нужно прежде показать существенное значеніе ихъ, а потомъ — внѣшніе признаки.

Мнѣ скажутъ, что это такъ и дѣлается. Совершенно согласенъ, но дѣлается тогда, когда ученикъ уже заучилъ внѣшніе признаки синтаксическихъ формъ еще въ низшихъ классахъ. Вотъ это-то и мѣшаетъ ему впослѣдствіи, въ V-мъ и VI-мъ классахъ, смотрѣть больше на смыслъ переводимой рѣчи, а не на внѣшніе ея признаки. Какъ только встрѣчается не союзъ даже, а мѣстоименіе *что*, особенно послѣ глагола *sentiendi* или *deklarandi*, у него тотчасъ возникаетъ въ головѣ мысль о винительномъ съ неопредѣленнымъ и онъ, не задумываясь, пускаетъ его въ ходъ. Поэтому, я полагаю, вовсе не нужно въ первомъ или второмъ классѣ говорить ученику о синтаксическихъ правилахъ; онъ долженъ изучать ихъ тогда, когда будетъ въ состояніи понимать ихъ значеніе.

Для постепеннаго и сознательнаго изученія латинскаго языка я бы полагалъ распредѣлить курсъ слѣдующимъ образомъ:

Курсъ I-го класса составляютъ спраженія въ настоящемъ времени дѣйствительнаго и страдательнаго залога, склоненія существительныхъ съ ознакомленіемъ съ ихъ родами, прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій. Каждый урокъ сопровождается образцами для перевода съ латинскаго языка и обратно. Эти образцы состоятъ не изъ отдѣльныхъ несвязныхъ предложеній, а составляютъ болѣе или менѣе связную рѣчь. Такъ, на примѣръ, для 4-го склоненія можно взять слѣдующій переводъ: *Sedeo in fenestra et librum lego. Cantus avium, lusus apium et muscarum avertunt animum a lectione. Omitto librum et pono in genibus. Defigo aspectum in horto: delector lacu et imaginibus arborum. Repente video in aqua lacus imaginem nubium. Nitet fulmen. Audio tonitrum. Nubes appropinquant. Surgit procella. Cadunt guttae pluviae. Claudio fenestram. Subito cum fulmine resonat fremitus tonitrus. Pallesco. Per vicum currunt homines; audio clamores: incendium! domus deflagrat.* — Закачивается этотъ курсъ хрестоматіей, которую составляютъ басни, передѣланныя такъ, чтобы въ нихъ не было ни одной формы, незнакомой ученикамъ. Привожу здѣсь примѣръ такой передѣлки: *Rusticus cum uxore et filiolo in agrum ad opus suum venit. Filiolum relinquit in cunis et cum eo fidelem canem. Arrepit anguis immanis et puerum exstinguere cupit. Sed canis corripit eum dentibus acutis et, dum necare studet, cunas simul evertit. Remeat ex arvo agricola, videt cunas eversas cruentumque canis*

rictum et ira accenditur. Temere igitur custodem filii interficit. ligone. Sed ubi cunas restituit, reperit anguem occisum et puerum vivum atque incolumem.

Курсъ II-го класса составляетъ изученіе тѣхъ формъ спряженій, которыя есть и въ русскомъ языкѣ, при чемъ времена глаголовъ раздѣляются на два вида—совершенный и несовершенный. Этотъ отдѣлъ, какъ и первый, сопровождается въ каждомъ параграфѣ примѣрами для переводовъ, въ заключеніе также снабжается хрестоматіей, содержаніе которой составляютъ отрывки изъ римской исторіи.

Курсъ III-го класса составляютъ тѣ глагольныя формы, которыя нѣтъ въ русскомъ языкѣ. Заключается онъ неправильными глаголами. Къ концу прилагается хрестоматія, содержаніемъ для которой служатъ отрывки изъ исторіи, передѣланные такъ, чтобы въ нихъ преимущественно встрѣчались изученныя въ этомъ классѣ формы.

Такъ какъ первые три курса не представляютъ большихъ затрудненій для учащихся, то въ это время обращается преимущественное вниманіе на заучиваніе латинскихъ словъ.

Курсъ IV-го класса составляетъ синтаксисъ простаго и сложнаго предложеній. Этотъ курсъ, какъ и курсъ этимологіи, изучается аналогично съ отечественнымъ языкомъ. Сначала идетъ рѣчь о главныхъ и второстепенныхъ частяхъ предложенія, затѣмъ—о предложеніяхъ личныхъ и безличныхъ, утвердительныхъ и отрицательныхъ, вопросительныхъ и восклицательныхъ, наконецъ — о придаточныхъ предложеніяхъ: замѣняющихъ подлежащее, дополнительныхъ, опредѣлительныхъ и обстоятельственныхъ. По окончаніи синтаксиса, на прохожденіе котораго употребится много полгода, можно приступить къ чтенію латинскихъ авторовъ.

Само собою разумѣется, что въ синтаксисъ простаго предложенія должно войти все то, что входитъ въ „ученіе о надежахъ“. Представляю здѣсь для примѣра изложеніе о словахъ обстоятельственныхъ.

„Обстоятельными словами въ предложеніи называются тѣ слова, которыя показываютъ мѣсто, время, причину, цѣль и образъ какого-либо дѣйствія. Обстоятельные слова въ латинскомъ языкѣ выражаются во многихъ случаяхъ не такъ, какъ въ русскомъ языкѣ.

„Обстоятельства мѣста. Въ русскомъ языкѣ обыкновенно употребляются на вопросъ *куда?* предлогъ *въ* или *на* съ винительнымъ надежемъ, на вопросъ *гдѣ?* — тѣ же предлоги съ предложнымъ надежемъ, на вопросъ *откуда?*—предлогъ *изъ* или *отъ* съ родительнымъ

падежемъ. Въ латинскомъ языкѣ, также какъ и въ русскомъ, на вопросъ *куда* ставится предлогъ *in* съ винительнымъ, на вопросъ *идь*—*in* съ творительнымъ, и на вопросъ *откуда*—*ex* или *ab* съ творит. Но есть исключеніе изъ этого правила, которое состоитъ въ слѣдующемъ: собственные названія городовъ и небольшихъ острововъ на вопросы *идь*, *куда* и *откуда* ставятся, какъ и имена нарицательныя, въ тѣхъ же падежахъ, только безъ предлоговъ. Имена же городовъ и небольшихъ острововъ 1-го и 2-го склоненія, употребляющіяся въ единств. числѣ, на вопросъ *идь* ставятся въ падежѣ родительномъ. (Далѣе слѣдуетъ примѣчаніе объ именахъ нарицательныхъ *domus*, *rūs* и т. д.).—Есть еще особенность въ латинскомъ языкѣ: по-русски говорится—*я положилъ книгу на столъ* или: *я положилъ книгу на столъ*. По латыни же можно сказать только такъ: *posui librum in mensa*. Такимъ образомъ, послѣ глаголовъ *pono*, *loco*, *colloco*, *constituo*, *defigo* и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ обстоятельствоное слово мѣста выражается всегда творительнымъ падежемъ съ предлогомъ *in*.

„*Обстоятельства времени*. Обстоятельственные слова времени въ латинскомъ языкѣ не много отличаются отъ русскаго. Больше всего въ языкѣ встрѣчаются обстоятельственные слова времени, отвѣчающія на вопросы: *какъ долго?* *когда?* и *во сколько времени?* На вопросъ *какъ долго*, какъ въ русскомъ, такъ и въ латинскомъ языкѣ, ставится падежъ винительный, напримѣръ: *я былъ въ дорогѣ цѣлую недѣлю*—*fui in itinere totam hebdomadem*. Обстоятельственные слова на вопросы *когда* и *во сколько времени* выражаются по-русски или творительнымъ падежемъ, или съ предлогомъ *ex*, напримѣръ: *онъ былъ у меня вчера вечеромъ*; *эту работу я могу сдѣлать въ одинъ день*; *Петербургъ построенъ въ 1703 году*; *я прочиталъ эту книгу въ два дня*. Въ латинскомъ языкѣ на вопросы *когда* и *во сколько времени* употребляется обыкновенно одинъ творительный падежъ, напримѣръ: *heri vesperi apud me fuit*; *hoc negotium uno die conficere possum*; *Petropolis millesimo septingentesimo tertio anno est condita*.

„*Обстоятельства цѣли*. Цѣль дѣйствія какъ въ русскомъ, такъ и въ латинскомъ языкѣ выражается различно. 1) Въ русскомъ языкѣ цѣль дѣйствія выражается неопредѣленнымъ наклоненіемъ, напримѣръ: *онъ перешагнулъ жить въ деревню*. Это неопредѣленное наклоненіе есть оставшаяся форма отъ стариннаго славянскаго *суми-на*, кончавшагося на *тъ* и выражавшаго цѣль дѣйствія, напримѣръ,

изидоша купитъ сла. Окончаніе *тз* въ послѣдствіи смягчилось, и старинная форма супина сдѣлалась совершенно одинаковою съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Въ латинскомъ языкѣ эта цѣль дѣйствія, выражаемая по-русски неопредѣленнымъ наклоненіемъ, переводится супиною на *ит*, напримѣръ, *Rus habitatum migravit*. Какъ въ русскомъ языкѣ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, такъ и въ латинскомъ супинномъ выражается цѣль дѣйствія только послѣ глаголовъ, означающихъ движеніе, какъ то: *иду* — *eo*, *переселяюсь* — *migro*, *пошлю* — *mitto*, *отзываю* — *revoco*, *отправляюсь* — *proisciscor* и т. д.—2) Въ русскомъ языкѣ говорится: добро никому не можетъ служить *во зло*; наши солдаты пришли къ нимъ *на помощь*,—гдѣ цѣль дѣйствія выражается посредствомъ разныхъ предлоговъ. Въ латинскомъ языкѣ въ данныхъ случаяхъ употребляется падежъ дательный, напримѣръ: *bonum non potest esse cuiquam malo*, *nostri milites venerunt iis auxilio*. Такимъ образомъ, при выраженіяхъ: служить кому во что, вмѣнять кому во что, приходить къ кому на что и т. п., въ латинскомъ языкѣ цѣль дѣйствія выражается падежемъ дательнымъ. 3) Цѣль дѣйствія въ русскомъ языкѣ выражается предлогомъ *для* съ отглагольнымъ существительнымъ, напримѣръ, *мы учимся для познанія истины*. Въ латинскомъ языкѣ, въ этомъ случаѣ ставится герундіумъ или герундивъ съ предлогомъ *ad*, напримѣръ, *discimus ad cognoscendum veritatem*; *discimus ad veritatem cognoscendam*.

Въ представленный мною планъ, конечно, не входятъ многія подробности, но съ этими подробностями ученики могутъ ознакомиться при чтеніи авторовъ. За то выгода въ томъ, что при чтеніи авторовъ уже не нужно будетъ обращаться къ повторенію этимологии и главныхъ синтаксическихъ правилъ, безъ чего въ настоящее время обойтись нельзя.

Съ такимъ именно планомъ я еще въ прошломъ году началъ составлять учебникъ латинской грамматики. Цѣлью этого учебника было какъ постепенное веденіе учащихся къ сознательному изученію формъ латинскаго языка сравнительно съ языкомъ русскимъ, такъ и удешевленіе его сравнительно съ существующими учебниками. Но изданный министерствомъ планъ, съ которымъ не согласенъ предложенный мною планъ, заставилъ меня отказаться отъ начатой и уже вполнину сдѣланной работы. Тѣмъ не менѣе, мнѣ было бы очень желательно услышать отзывъ компетентныхъ судей относительно моей работы. Можетъ-быть, если не въ цѣломъ, то въ частностяхъ, въ

нѣтъ найдѣтся что-нибудь приложимое къ дѣлу. Въ виду этого, я намѣренъ продолжать свою работу и, если окажется возможнымъ, напечатать отдѣльныя части ея въ отдѣлѣ классической филологіи *Журн. Мин. Народ. Просв.* ¹⁾.

Петръ Кильдюшевскій.

¹⁾ Редакція позволила бы себѣ обратить вниманіе автора на то, что трудъ его могъ бы оказаться весьма полезнымъ и при существующихъ учебныхъ планахъ, если бы онъ ограничился пока составленіемъ только синтаксиса латинскаго языка на изложенныхъ имъ основаніяхъ. Въ такомъ случаѣ, синтаксисъ этотъ могъ бы, какъ нельзя лучше, пригодиться частію для II, но въ особенности для III и IV классовъ, согласно съ существующими учебными планами, въ конхъ, конечно, по весьма многимъ и существеннымъ причинамъ, не возможна та ломка, которую предполагаетъ авторъ относительно курсовъ I и II классовъ. Во всякомъ случаѣ редакція съ своей стороны съ удовольствіемъ помѣщала бы отдѣлы синтаксиса латинскаго языка, обработаннаго на основаніи постоянного сравненія съ русскимъ синтаксисомъ, предполагая, что обработка эта соответствовала бы какъ дидактическимъ, такъ въ особенности и научнымъ требованіямъ. *Ред.*

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ГЛАГОЛА ¹⁾).

III. ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ВЪ УСЛОВНЫХЪ ПЕРИОДАХЪ.

§ 5. Условные периоды, имѣющіе желательное наклоненіе и въ протазисѣ и въ аподозисѣ.

Предварительное замѣчаніе. Условный періодъ состоитъ изъ двухъ предложеній, изъ протазиса (antecedens) и аподозиса (consequens). Общая формула условнаго періода: если (εἰ) есть А, то есть и В. Протазисъ выражаетъ условіе, которымъ обусловливается высказанное въ аподозисѣ. Съ условными періодами родственны періоды уступительные. Общая формула уступительнаго періода: если и (= хотя и = εἰ καὶ) есть А, все-таки есть В. Такъ какъ употребленіе наклоненій въ тѣхъ и другихъ періодахъ одинаково, то можно подвести періоды, выражающіе уступленіе подъ категорію условныхъ періодовъ. Въ протазисахъ условныхъ періодовъ употребляется всегда отрицаніе μή.

а) Первоначально протазисъ условнаго періода былъ самостоятельнымъ предложеніемъ; въ послѣдствіи онъ получилъ черезъ вошедшій въ его составъ союзъ εἰ видъ и значеніе предложенія зависящаго. Самостоятельный протазисъ мы, наприимѣръ, имѣемъ въ Од. XIV, 193—196 (см. § 1, в).

εἴη μὲν νῦν νῶιν ἐπὶ χρόνον ἡμῶν ἐδωδῆ
ἢ δὲ μέθυ γλυκερὸν κλισίης ἔντοσθεν ἐοῦσιν,
δαίνυσθαι ἀκέοντ', ἄλλοι δ' ἐπὶ ἔργον ἔποιεν.
ῥηιδίως κεν ἔπειτα καὶ εἰς ἐνιαυτὸν ἅπαντα
οὔτι διαπρήξαμι λέγων ἐμὰ κήδεα θυμοῦ,
ὄσα γε δὴ ζῦμπαντα θεῶν ἰότητι μόγησα.

¹⁾ Продолженіе. См. Журн. Мин. Нар. Просв. январь 1874 года.

Такие независимые протазисы встрѣчаются особенно у ораторовъ; на примѣръ:

Dem. Olynth. 3; p. 33, § 18: καὶ νῦν οὐ λέγει τις τὰ βέλτιστα. ἀναστὰς ἄλλος εἰπάτω, μὴ τοῦτον αἰτιάσθω. ἕτερος λέγει τις βελτίω. ταῦτα ποιεῖτε ἀγαθῇ τύχῃ.

Dem. Olynth. 3, p. 33, § 34. XVIII, § 117, 198, 274.

Срав. въ лат. Horat. Sat. I, 1, 45:

Millia frumenti tua triverit area centum;

Non tuus hoc capiet venter plus ac meus.

Horat. Sat. I, 3, 15; I, 9, 54. Ep. I, 1, 87; I, 6, 29.

Ср. въ русск.: Есть пирожокъ, есть и дружокъ (посл.).

Сынъ отца умнѣе—радость, а братъ брата—
зависть (посл.).

b) Итакъ, не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что желательное наклонение имѣетъ въ протазисѣ условнаго періода то же самое значеніе, какъ и въ предложенiяхъ главныхъ: говорящій выражаетъ посредствомъ optativus условіе какъ случай только представляемый, независимо отъ дѣйствительности, оставляя въ сторонѣ вопросъ о его возможности.

Это показываетъ, на примѣръ:

II. IX, 515, sq. εἰ μὲν γὰρ μὴ δῶρα φέροι, τὰ δ' ὀπισθ' ὀνομάζοι
'Ατρείδης, ἀλλ' αἰὲν ἐπιζαφελῶς χαλεπαῖνοι,
οὐκ ἂν ἔγωγέ σε μῆνιν ἀπορρίψαντα χελοῖμην
'Αρχεῖοισιν ἀμυνέμεναι, χατέουσί περ ἔμπης,

гдѣ Фениксъ выражаетъ условіе, какъ случай имъ представляемый, не обращая вниманiя на то, что въ дѣйствительности происходитъ противоположное. Ср. въ лат. Liv. XXXIX, 37: Et si exsistat hodie ab inferis Lycurgus, gaudeat ruinis eorum et nunc se patriam et Spartam antiquam agnoscere dicat.

c) Что касается до аподозиса, то въ немъ большею частью также встрѣчается желательное наклоненіе, такъ какъ говорящій обыкновенно и слѣдствіе протазиса выражаетъ какъ нѣчто неизвѣстное, нерѣшенное, какъ случай, существующій только въ его представленіи. Съ желательнымъ наклоненіемъ аподозиса большею частію соединяется частица ἄν (хέν), о которой см. § 3, с.

d) Прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ условные періоды, которые имѣютъ желательное наклоненіе и въ протазисѣ и въ аподозисѣ. Эту форму условнаго періода говорящій употребляетъ, какъ уже часть SLXXXIII, отд. 5.

сказано, тогда, когда онъ выражаетъ условіе какъ случай имъ только представляемый (безъ всякой мысли о его возможности или невозможности), и высказываетъ, что, если условіе осуществится, то и послѣдствіе можетъ (но не должно непременно) осуществиться. Иногда эта форма служить выраженіемъ скромности или вѣжливости говорящаго.

Примѣры:

II. I, 255 sq. ἤ κεν γηθήσαι Πριάμος Πριάμοιο τε παῖδες,
ἄλλοι τε Τρῶες μέγα κεν κεχαροίατο θυμῷ,
εἰ σφῶϊν τάδε πάντα πυθοίατο μαρναμένουν.

II. VIII, 21—22. ἀλλ' οὐκ ἂν ἐρύσαιτ' ἐξ οὐρανόθεν πεδίονδε
Ζῆν' ὕπατον μῆστορ', οὐδ' εἰ μάλα πολλὰ κάμοιτε
(уступительный періодъ).

II. XXII, 20. ἤ σ' ἂν τισαίμην, εἰ μοι δύναμις γε παρείη.

Я отомстилъ бы тебѣ, когда бъ то возможно мнѣ было!
(Гнѣдичъ).

Od. XV, 435—436. εἴη κεν καὶ τοῦτ', εἰ μοι ἐθέλοιτέ γε ναῦται
ῥοκφ πιστωθῆναι ἀπήμονα μ' οἴκαδ' ἀπάξειν.

II. XXIV, 366—367. τῶν εἴ τις σε ἴδοιτο θοὴν διὰ νόκτα μέλαιναν
τοσσάδ' ὀνειάτ' ἄγοντα, τίς ἂν δῆ τοι νόος εἴη;
(аподозисъ выраженъ въ видѣ вопроса).

Th. IV, 61. τάχιστα δ' ἂν ἀπαλλαγὴ αὐτοῦ γένοιτο, εἰ πρὸς ἀλλήλους
ἐμβαίημεν.

Pl. Сonv. 175, d. εὖ ἂν ἔχοι, εἰ τοιοῦτον εἴη ἡ σοφία, ὥστ' ἐκ τοῦ
πληροτέρου εἰς τὸν κενώτερον ρεῖν ἡμῶν, ἐὰν ἀπτώμεθα ἀλλήλων.

X. An. V, 6, 9. ὡς δ' αὐτως καὶ ὁ Παρθένιος ἄβατος ἐφ' ὃν ἐλθοῖτε ἂν,
εἰ τὸν Ἄλον διαβαίητε.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ

II. XXIV, 653 sq.: τῶν εἴ τις σε ἴδοιτο θοὴν διὰ νόκτα μέλαιναν
αὐτίκα ἂν ἐξείποι Ἄγαμέμνονι ποιμένι λαῶν,
καὶ κεν ἀνάβλησις λύσιος νεκροῖο γένηται,

гдѣ conjunctivus cum κέν (καὶ κεν.... γένηται), находящійся во второй части аподозиса, выражаетъ ожидаемое слѣдствіе мыслимаго случая, выраженнаго черезъ optativus cum ἂν (..ἂν ἐξείποι).

Примѣчаніе 1. Изъ четвертой формы условнаго періода (εἰ cum optativo—optativus cum ἂν) образовалась обыкновенная форма для выраженія желанія. См. § 2, а.

Примѣчаніе 2. Условный періодъ съ желательнымъ наклоненіемъ въ обѣихъ частяхъ очень рѣдко выражаетъ предположеніе, относящееся къ прошедшему времени (объясн. см. § 4, i), на-
примѣръ:

Herod. VII, 214. εἰδείη μὲν γὰρ ἄν, καὶ ἐὼν μὴ Μηλιεύς, ταύτην τὴν ἄτραπον Ὀνήτης, εἰ τῇ χώρῃ πολλὰ ὠμιληκῶς εἶη.

Онѣтъ вѣроятно зналъ бы эту тропинку, еслибъ онъ часто пре-
бывалъ въ этой странѣ.

е) Въ аподозисѣ стоитъ желательное наклоненіе безъ частицы ἄν (xέν): 1) если оно выражаетъ желаніе, напримѣръ:

Π. IV, 17 sq. εἰ δ' αὖ πως τότε πᾶσι φίλον καὶ ἡδὺ γένοιτο,
ἦ τοι μὲν οἰκέοιτο πόλις Πριάμοιο ἄνακτος,
αὐτίς δ' Ἀργείην Ἑλένην Μενέλαος ἄγοιτο.

Π. V, 214 sq. αὐτίκ' ἔπειτ' ἀπ' ἐμεῖο κάρη τάμοι ἀλλότριος φῶς,
εἰ μὴ ἐγὼ τάδε τόξα φαεινῶ ἐν πυρὶ θείην.

X. An. V, 6, 4. εἰ μὲν συμβουλεύοιμι, ἃ βέλτιστά μοι δοκεῖ εἶναι, πολλὰ μοι κάγαθὰ γένοιτο· εἰ δὲ μὴ, τάναντία.

2) Въмѣсто optativus potentialis съ ἄν (рѣдко, большею частію въ аподозисахъ, выраженныхъ въ видѣ вопросовъ; см. § 1, d), напримѣръ:

X. Cyp. IV, 1, 21. ἀλλ' εἴ γε μέντοι ἐθέλων τις ἔποιτο, καὶ χάριν ἔγωγέ σοι εἰδείην.

Pl. Lach. 190, v. εἰ... εἰδεῖμεν..., τίνα τρόπον... σύμβουλοι γενοίμεθα;
Civ. 516, e.

f) Иногда желательное наклоненіе протазиса имѣетъ при себѣ частицу ἄν (xέν). Въ такомъ случаѣ говорящій выражаетъ свое предположеніе, составляющее условіе аподозиса, какъ такое, которое съ своей стороны также зависитъ отъ какихъ-то, хотя неопредѣленныхъ, но дѣйствительныхъ условій, и ставитъ его такимъ образомъ въ нѣкоторое, хотя весьма отдаленное, отношеніе къ дѣйствительности (см. § 3, d); εἰ ἄν (xέν) cum optativo занимаетъ, такъ сказать, средину между εἰ cum optativo и ἐάν cum conjunctivo.

Примѣры:

Π. IX, 444 sq. ὡς ἄν ἔπειτ' ἀπὸ σεῖο, φίλον τέκος, οὐκ ἐθέλοισι
λείπεσθ, οὐδ' εἴ xέν μοι ὑποσταίη θεὸς αὐτός,
γῆρας ἀποξύσας θήσειν νέον ἡβώνοντα,

еслибъ даже самъ богъ случайно (ἄν) мнѣ общалъ.

Π. XIX, 321 sq. . . . οὐ μὲν γὰρ τι κακώτερον ἄλλο πάθοιμι
οὐδ' εἴ κεν τοῦ πατρὸς ἀποφθιμένοιο τυθοίμην
(въ аподозисѣ optativus безъ ἄν).

Od. VII, 314 sq. . . . οἶκον δὲ τὲγὼ καὶ κτήματα δοίην,
εἰ κ' ἐθέλων γε μένοις (въ аподозисѣ optati-
vus безъ ἄν).

Pl. Alc. I, 124, b. ὦν ἄλλφ μὲν οὐδ' ἂν ἐνὶ περιγενοίμεθα, εἰ μὴ
ἐπιμελεία τε ἂν καὶ τέχνη (sc. περιγενοίμεθα).

Pl. Alc. II, 141, a. εἰ οὖν παρελθὼν εἴσω καὶ ἰδὼν αὐτὸν ἐκείνον
ἀγνοήσαις τε καὶ οἰηθείης ἂν ἄλλον εἶναί τινα, ἄρ' ἔτι ἂν αὐτὸν τολμήσαις
ἀποκτεῖναι;

еслибъ ты случайно (etwa, möglicher Weise) не узналъ.

Pl. Men. 98, b.

г) Греческому желательному наклоненію условныхъ періодовъ соот-
вѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ сослагательное, которое точно также
выражаетъ условіе и его слѣдствіе какъ случай, представляемый гово-
рящимъ безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности; напр.: я сдѣ-
лалъ бы это, еслибъ ты мнѣ помогъ.

Но надобно замѣтить, что русское сослагательное наклоненіе упо-
treбляется и въ тѣхъ условныхъ періодахъ, въ которыхъ Греки упо-
treбляли *indicativus praeteriti* (*modus irrealis*), такъ какъ русскій
языкъ не имѣетъ особой формы для выраженія случаевъ недѣйстви-
тельныхъ; недѣйствительность (невозможность) свазуемаго узнается
въ русскомъ языкѣ не изъ формы условнаго періода, а изъ содержанія
и связи читаемаго мѣста; напримѣръ:

Какъ я радъ, что ты здѣсь! Если бы ты не приѣхалъ сегодня ко
мнѣ, то это было бы мнѣ очень неприятно. (Содержаніе показываетъ,
что условіе, а поэтому и его слѣдствіе не осуществились).

Чтобы придать больше силы условному предложенію, ему даютъ
форму повелительнаго, напр.:

Имѣй я время, пришелъ бы.
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы (Лерм.).

§ 6. За тѣмъ слѣдуютъ тѣ условные періоды, которые имѣютъ
желательное наклоненіе только въ аподозисѣ.

а) Очень часто встрѣчается *optativus potentialis cum ἄν* (кѣν) въ
аподозисѣ условнаго періода при изъявительномъ наклоненіи въ про-

тазисѣ; въ такомъ случаѣ говорящій заключаетъ, по своей нерѣшительности или скромности, слѣдствіе изъ условія не аподиктически, а выражаетъ его какъ мыслимый случай, зависящій еще отъ какихъ-то другихъ условій. Такимъ образомъ optativus potentialis замѣняетъ собою часто изъявительное настоящаго или будущаго.

Примѣры:

Pl. VI, 128—129. εἰ δέ τις ἀθανάτων γε κατ'οὐρανοῦ εἰλήλουθας,
οὐκ ἂν ἔγωγε θεοῖσιν ἐπουρανίοισι μαχοίμην.

Pl. I, 293. ἦ γάρ κεν δειλός τε καὶ οὐτιδανός καλεοίμην,
εἰ δὴ σοὶ πᾶν ἔργον ὑπεῖξομαι, ὅτι κεν εἶπης.

Od. XI, 380—381. εἰ δ'ἐτ'ἀκουέμεναι γε λιλαίαι, οὐκ ἂν ἔγωγε
τούτων σοὶ φθονέοιμι καὶ οἰκτρότερ' ἄλλ' ἀγορεύειν.

S. El. 498. πολλῶν ἂν ἦκοις, ὦ ξέν', ἄξιός τυχεῖν,
εἰ τήνδ' ἔπαυσας τῆς πολογλώσσου βοῆς.

Eur. Hipp. 472.

Th. VI, 92. εἰ πολέμιός γε ὦν σφόδρα ἔβλαπτον (posebam), κἄν φίλος
ὦν ἰκανῶς ὠφελοίην.

X. Mem. I, 2, 28. εἰ Σωκράτης σωφρονῶν διατέλει, πῶς ἂν δικαίως
τῆς οὐκ ἐνούσης αὐτῷ κακίας αἰτίαν ἔχοι;

X. Mem. II, 2, 7.

Pl. Ap. 25, b. πολλή ἂν τις εὐδαιμονία εἴη περὶ τοὺς νέους, εἰ εἷς
μὲν μόνος αὐτοὺς διαφέρει, οἱ δ'ἄλλοι ὠφελοῦσιν.

Dem. IV, 42 νῦν δ'ἴσως ἂν ἐκκαλέσαιθ' ὑμᾶς (ὁ Φίλιππος), εἴπερ μὴ
παντάσιν ἀπεγνώκατε.

b) Optativus potentialis cum ἂν (хέν) встрѣчается иногда вмѣсто обыкновеннаго изъявительнаго историческихъ временъ съ ἂν (хέν) въ аподозисѣ условнаго періода при изъявительномъ историческихъ временъ въ протазисѣ, а именно: 1) если говорящій выражаетъ слѣдствіе недѣйствительнаго условія какъ свое предположеніе по отношенію къ настоящему или будущему времени, напр.:

Pl. II, 80 sq. εἴ μὲν τις τὸν ὄνειρον Ἀχαιῶν ἄλλος ἐνίσπεν,
ψεῦδός κεν φαίμεν καὶ νοσοφίζόμεθα μᾶλλον,

еслибъ кто-нибудь другой рассказалъ этотъ сонъ (а не Агамемнонъ), то мы бы, пожалуй (я думаю), назвали его ложью. Еслибъ Несторъ сказалъ ψεῦδός κεν ἔφαμεν καὶ νοσοφίζόμεθα, то онъ выразилъ бы слѣдствіе недѣйствительнаго условія прямо какъ фактъ недѣйствительный: то мы бы назвали его ложью (чего мы, однако, не дѣлаемъ).

Od. I, 236 sq. . . . οὐ κε θανόντι περ ὧδ' ἀχαροίμην,
εἰ μετὰ οἷς ἐτάροισι δάμη Τρώων ἐνὶ δῆμῳ.

Eur. Ba. 1343 εἰ δὲ σωφρονεῖν
ἔγνωθ', ὅτ' οὐκ ἠθέλετε, τὸν Διὸς γόνον
εὐδαιμονοῖτ' ἂν σύμμαχον κεκτημένοι.

Th. II, 60. εἰ μοι καὶ μέσας ἡγούμενοι μᾶλλον ἐτέρων προσεῖναι αὐτὰ
πολεμεῖν ἐπεισθήτε, οὐκ ἂν εἰκότως νῦν τοῦ γε ἀδικεῖν αἰτίαν φεροίμην,
то меня теперь, вѣроятно, не обвиняли бы.

X. Mem. 3, 5, 8. εἰ μὲν ἐβουλόμεθα χρημάτων αὐτοὺς
ᾧν οἱ ἄλλοι εἶχον ἀντιποιεῖσθαι, ἀποδεικνύντες αὐτοῖς ταῦτα πατρῷά τε ὄντα
καὶ προσήκοντα, μάλιστα' ἂν οὕτως αὐτοὺς ἐξορμῶμεν ἀντέχεσθαι τούτων. ἐπεὶ
δὲ τοῦ μετ' ἀρετῆς πρωτεύειν αὐτοὺς ἐπιμελεῖσθαι βουλόμεθα, τοῦτ' αὖ
δεικτέον ἐκ παλαιοῦ μάλιστα προσῆκον αὐτοῖς.

2) Въ аподозисахъ, выражающихъ случаи, относящійся къ прошедшему времени, если говорящій по живости своего разказа переноситъ себя въ то время, къ которому предметъ разказа принадлежитъ, и такимъ образомъ, высказывая о немъ свое предположеніе, оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о его времени (см. § 4, i), форма (modus irrealis) протазиса, который въ такомъ случаѣ всегда слѣдуетъ за аподозисомъ, показываетъ, что предположеніе, выраженное въ предшествующемъ аподозисѣ, не имѣеть дѣйствительнаго основанія, такъ какъ его условіе не осуществилось (иногда у Гомера и у другихъ поэтовъ, но въ прозѣ рѣдко.)

Примѣры:

Il. V, 311 sq. καὶ νό κεν ἔνθ' ἀπόλοιτο ἄναξ ἀνδρῶν Αἰνείας,
εἰ μὴ ἄρ' ὄξυ νόησε Διὸς θυγάτηρ Ἀφροδίτη.

и тутъ, пожалуй, погибъ бы Эней, еслибъ того не увидѣла Афродита (но Афродита увидѣла, и поэтому предположеніе поэта не имѣеть дѣйствительнаго основанія.) Еслибъ этотъ поэтъ связалъ: καὶ νό κεν ἔνθ' ἀπόλετο, то онъ выразилъ бы слѣдствіе (смерть Энея) недѣйствительнаго условія (μὴ ὄξυ νόησαι) прямо какъ недѣйствительный фактъ.

Il. V, 388 sq.

Il. XVII, 70 sq. ἔνθα κε ῥεῖα φέροι κλυτὰ τεύχεα Πανθοίδαο
'Ατρείδης, εἰ μὴ οἱ ἀγάσσατο Φοῖβος Ἀπόλλων.

Eur. Suppl. 764. φαίης ἂν, εἰ παρῆσθ' ὄτ' ἡγάπα νεκρούς.

с) Иногда желательное наклоненіе съ ἂν (κέν) встрѣчается въ

аподозисѣ при εάν (εἴ κεν) cum conjunctivo въ протазисѣ. Такъ какъ optativus potentialis cum ἄν по своему значенію очень близко подходитъ къ изъявительному главнаго времени (особенно будущаго), то эта форма условнаго періода почти совпадаетъ съ третьею формою (εάν cum conjunctivo въ протазисѣ—въ аподозисѣ indicativus главнаго времени или imperativus).

Примѣры:

Il. XI, 362 sq. εἰ δὲ κεν εὐπλοίην δῶν κλυτὸς ἐνοσίγαιος,
ἤματι κε τριτάτῳ Φθίην ἐρίβωλον ἰκοίμην.

Od. I, 287 sq. εἰ μὲν κεν πατρὸς βίωτον καὶ νόστον ἀκούσῃς,
ἦ τ' αὖ τρυχόμενός περ ἔτι τλαίης ἐνιαυτόν

(optativus potentialis аподозиса выражаетъ скромное приказаніе, какъ показываютъ стихи 291 и 292, см. § 4, d).

Od. XII, 287 sq. πῆ κέν τις ὑπεκφύγοι αἰπὸν ὄλεθρον,
ἦν πως ἐξαπίνης ἔλθῃ ἀνέμοιο θύελλα

(гдѣ аподозисомъ служитъ риторическій вопросъ, см. § 4, g).

Il. IV, 97 sq. Il. XXI, 556 sq.

X. Cуг. I, 6, 16. τοῦτου δὲ οὐκ ἂν ἀμάρτοις, ἄνπερ μελήσῃ σοι.

X. An. V, 1, 9. εἰ δ' οὖν κατὰ μέρος φυλάττωμεν καὶ σκοπῶμεν, ἦττον ἂν δύναιτο ἡμᾶς θηρᾶν οἱ πολέμοιοι.

Pl. Menex. 239, c.

§ 7. Условные периоды, которые имѣютъ желательное наклоненіе въ протазисѣ.

а) При желательномъ наклоненіи въ протазисѣ употребляется часто въ аподозисѣ изъявительное наклоненіе главныхъ временъ (чаще всего будущаго) для того, чтобы выразить слѣдствіе мыслимаго условія (предположенія) положительно, аподитетически.

Примѣры:

Il. X. 222 sq. ἀλλ' εἴ τις μοι ἀνὴρ ἄμ' ἔποιτο καὶ ἄλλος,
μᾶλλον θαλπωρὴ καὶ θαρσαλέωτερον ἔσται.

Il. IX. 388 sq. κοῦρην δ' οὐ γαμέω Ἀγαμέμνονος Ἀτρείδαο,
οὐδ' εἰ χρυσεῖη Ἀφροδίτη κάλλος ἐρίσει,
ἔργα δ' Ἀθηναίῃ γλαυκῶπιδι ἰσοφάριζοι
(уступительный періодъ).

Od. 51 sq. . . . θαρσαλέος γὰρ ἀνὴρ ἐν πᾶσιν ἀμείνων
ἔργοισιν τελέθει, εἰ καὶ ποθεν ἄλλοθεν ἔλθοι.

Od. XVII, 539 sq. II. XX, 100 sq.

Hdt. I, 32. οὐ γάρ τοι ὁ μέγα πλοῦσιος μᾶλλον τοῦ ἐπ' ἡμέρην ἔχοντος ὀλβιώτερός ἐστι, εἰ μὴ οἱ τύχη ἐπίσποιτο πάντα καλὰ ἔχοντα τελευτῆσαι εὖ τὸν βίον.

Th. II, 39. εἰ ῥαθυμῖα μᾶλλον ἢ πόνων μελέτη καὶ μὴ μετὰ νόμων τὸ πλεῖον ἢ τρόπων ἀνδρίας ἐθέλομεν κινδουεύειν, περιγίγνεται (contingit) ἡμῖν τοῖς τε μέλλουσιν ἀλγεινοῖς μὴ προκάμνειν, καὶ ἐς αὐτὰ ἐλθοῦσι μὴ ἀτολμοτέρους τῶν αἰεὶ μοχθοῦντων φαίνεσθαι.

X. Mem. I, 5, 2. εἰ δ' ἐπὶ τελευτῇ τοῦ βίου γεγόμενοι βουλοίμεθ' αὖτε ἐπιτρέψαι ἢ παῖδας ἀρρενας παιδεῦσαι ἢ θυγατέρας παρθένους διαφυλάξαι ἢ χρήματα διασῶσαι, ἀρ' ἀξιόπιστον εἰς ταῦτα ἡγησόμεθα τὸν ἀκρατῆ;

X. An. II, 5, 19. εἰ δ' ἐν πᾶσι τοῦτοις ἡττώμεθα, ἀλλὰ τὸ γέ τοι πῦρ κρεῖττον τοῦ καρποῦ ἐστίν.

X. Cyn. I, 6, 43.

Примѣчаніе 1. Вмѣсто изъявительнаго будущаго встрѣчается въ аподозисѣ у Гомера иногда сослагательное съ ἂν.

II. XI, 386 sq. εἰ μὲν δὴ ἀντίβιον σὺν τεύχεσι περὶ θείης, οὐκ ἂν τοι χραίσμησι βίος καὶ ταρφέες ἰοί.

II. II, 488 sq. πληθὺν δ' οὐκ ἂν ἐγὼ μυθήσομαι οὐδ' ὄνομήνω, οὐδ' εἴ μοι δέκα μὲν γλῶσσαι δέκα δὲ στόματ' εἴεν, φωνὴ δ' ἄρρηκτος, χάλκεον δὲ μοι ἦτορ ἐνεΐη (уступительный періодъ).

Примѣчаніе 2. Εἰ cum optativo и conjunctivus adhortativus въ аподозисѣ встрѣчается въ Илиадѣ XXIII, 892 sq.

ἀλλὰ σὺ μὲν τόδ' ἄεθλον ἔχων κοίλας ἐπὶ νῆας ἔρχεο, ἀτὰρ δόρυ Μηριόνη ἦρωι πόρωμεν, εἰ σὺ γε θυμῷ ἐθέλοις. κέλομαι γάρ ἔγωγε.

b) При желательномъ наклоненіи въ протазисѣ, встрѣчается въ аподозисѣ иногда изъявительное историческихъ временъ съ ἂν (κέν). Это бываетъ въ двухъ случаяхъ. Во первыхъ, употребляется (хотя очень рѣдко) въ аподозисѣ indicativus praeteriti съ ἂν (κέν) при optativus въ протазисѣ, если говорящій выражаетъ слѣдствіе представляемаго имъ случая какъ недѣйствительное, напримѣръ:

Eur. Or. 1133. sq. εἰ μὲν γάρ εἰς γυναῖκα σωφρονεστέραν ξίφος μεθεῖμεν, δυσκλεῆς ἂν ἦν φόνος. νῦν δ' ὅπερ ἀπάσης Ἑλλάδος δώσει δίκην,

еслибъ мы убили безукоризненную женщину (случай, представляемый

Пиладомъ, нерѣшенный), то мы совершили бы гадкое преступление (чего однако теперь нѣтъ).

X. Суг. II, 1, 9. ἐγὼ μὲν ἄν, εἰ ἔχοιμι, ὡς τάχιστα ὄπλα ἐποιούμην πᾶσι Πέρσαις τοῖς προσιοῦσιν.

X. Суг. VII, 5, 61. οὐδεὶς γὰρ ἂν ἦν, ὅστις οὐκ ἂν ἀξιώσειεν εὐνοοῦχοу πλέον ἔχειν ἐν παντί, εἰ μὴ τι ἄλλο κρεῖττον ἀπείργοι.

Pl. Alc. I, 111, e. εἰ βουλευθείμεν εἰδέναι μὴ μόνον, ποῖοι ἀνθρωποὶ εἶσιν, ἀλλ' ὅποιοι ὑγιεῖνοι ἢ νοσῶδες, ἄρα ἱκανοὶ ἂν ἡμῖν ἦσαν διδάσκαλοι οἱ πολλοί;

Примѣчаніе. Если II. III, 453. οὐ μὲν γὰρ φιλότῃ γ' ἐκεῖθ' ἄν, εἰ τις ἴδοιτο (см. § 5, d. прим. 2 и § 4, i.) въ аподозисѣ при изъявительномъ историческаго времени (ἐκεῖθ' ἄν) нѣтъ частицы ἄν, то это не безъ причины: поэтъ хочетъ выразить главное дѣйствіе (οὐκ... ἐκεῖθ' ἄν) какъ фактъ, не зависящій ни отъ какихъ другихъ условій, какъ неперемѣнное слѣдствіе представляемаго имъ случая (εἰ τις ἴδοιτο). Положимъ, что они увидѣли Александра: въ такомъ случаѣ они не скрывали его. Что условіе не имѣеть дѣйствительнаго основанія, это мы узнаемъ не изъ желательнаго наклоненія ἴδοιτο, а изъ связи и содержанія этого мѣста, которыя показываютъ, что въ дѣйствительности произошло противоположное высказанному въ условномъ предложеніи, то-есть, что никто изъ Троянцевъ не видалъ Александра. Ср. X. Суг. V, 22. οὐκοῦν τοῦτου τοῦχ' ἂν παρὰ σοῦ οὐδὲν ἦνυτον, εἰ μὴ τοῦτους πείσαιμι.

Вовторыхъ, ставится весьма часто въ аподозисѣ *indicativus praeteriti* (обыкновенно *imperfecti*) съ ἄν (κέν) при *optativus* въ протазисѣ, если говорящій выражаетъ случай, повторявшійся въ прошедшемъ времени. Союзъ εἰ получаетъ тогда значеніе временнаго союза (= ὅτε=ὅποτε) и можетъ быть переводимъ чрезъ „какъ часто, всякій разъ какъ“. Но надобно замѣтить, что это понятіе неопредѣленнаго повторенія не заключается ни въ соединеніи глагола аподозиса съ частицею ἄν, ни въ желательномъ наклоненіи протазиса, которое и здѣсь не выражаетъ ничего другаго, какъ случай мыслимый, представляемый говорящимъ, а происходитъ изъ связи и содержанія всего періода. Въ условномъ предложеніи періода An. II, 3, 11. καὶ εἰ τις αὐτῷ δοχοίη τῶν πρὸς τοῦτο τεταγμένων βλαχεύειν, ἐκλεγόμενος τὸν ἐπιτήδειον ἐπαίσειν ἄν, καὶ ἅμα αὐτὸς προσελάμβανεν εἰς τὸν πηλὸν ἐμβαίνων,—мы собственно не должны искать ничего другаго какъ случай, существующій въ представленіи разсказывающаго: положимъ, что Кле-

архъ увидѣлъ, что кто-нибудь изъ воиновъ, назначенныхъ для этой работы, относится небрежно къ ней: онъ наказывалъ (при известныхъ условіяхъ, если не было никакихъ препятствій, если было возможно—*ἄν*, см. § 3, с) палкою достойнаго наказанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ принимался за работу, вступая въ болото. Связь и содержаніе этого мѣста показываютъ, что это повторялось тогда нѣсколько разъ.

Примѣры:

X. An. I, 1, 19. εἰ δὲ τίνα ὀρφῆ ὄντα οἰκονόμον ἐκ τοῦ δικαίου καὶ κατασκευάζοντά τε ἧς ἄρχοι χώρας καὶ προσόδους ποιοῦντα, οὐδένα ἂν πώποτε ἀφείλετο (sc. τὴν χώραν), ἀλλὰ καὶ πλείω προσεδίδου.

X. Mem. IV, 6, 13. εἰ δὲ τις ἀπὸ τῶ περὶ τοῦ ἀντιλέγοι... ἐπὶ τὴν ὑπόθεσιν ἐπανῆγεν ἂν πάντα τὸν λόγον.

X. Mem. I, 3, 4.

Примѣчаніе 1. Въ гомеровскихъ поѣмахъ такіе періоды не встрѣчаются.

Примѣчаніе 2. Частица *ἂν* опускается часто въ аподозисѣ, если говорящій выражаетъ главное дѣйствіе, какъ непремѣнное слѣдствіе выраженаго въ придаточномъ предложеніи условія, какъ слѣдствіе, не зависящее ни отъ какихъ другихъ условій.

Примѣры:

S. Trach. 908 sq. εἰ τοῦ φίλων βλέψειεν οἰκετῶν δέμας
ἔκλαιεν ἢ δύστηνος εἰσρωμένη.

Th. VII, 79. εἰ μὲν ἐπίοιεν οἱ Ἀθηναῖοι ὑπεχώρου (οἱ Σαρακοῦσιοι), εἰ δ' ἀναχωροῦεν, ἐπέκειντο.

X. Cyp. I, 3, 3. εἰ ποῦ ἐξελαύνοι Ἀστυάγης, ἐφ' ἵππου χρυσοχαλίνοῦ περιῆγε τὸν Κῦρον, ὥσπερ καὶ αὐτὸς εἰώθει πορευέσθαι.

X. An. IV, 5, 13. ἦν τοῖς μὲν ὀφθαλμοῖς ἐπικούρημα τῆς χιόνος, εἰ τις μέλαν τι ἔχων πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν ἐπορευέτο, τῶν δὲ ποδῶν, εἰ τις κινεῖτο καὶ μηδέποτε ἤσυχίαν ἔχοι καὶ εἰς τὴν νόκτα ὑπολύοιτο.

X. Mem. I, 3, 5. ποτὸν δὲ πᾶν ἡδὺ ἦν τῶ Σωκράτει διὰ τὸ μὴ πίνειν, εἰ μὴ διψῆη.

с) Наконецъ, слѣдуютъ тѣ условные періоды, которые имѣютъ въ протазисѣ *optativus cum ἂν* (*χέν*), а въ аподозисѣ изъяснительное главное времени (объясн. см. § 5, f и § 7, a).

Примѣры:

Pl. I, 59 sq. Ἀτρείδῃ, νῦν ἄμμε παλιμπλαγχθέντας οἶω
ἂψ ἀπονοστήσειν, εἰ κεν θάνατόν γε φύγοιμεν,

если намъ обстоятельства позволятъ (*εἰ κέν*—*wenn etwa*) спастись.

II. XXII, 219 sq. οὐ οἱ νῦν ἔτι γ'ἔστι πεφυγμένον ἄμμε γενέσθαι
οὐδ' εἴ κεν μάλα πολλὰ πάθοι ἐκάεργος Ἀπόλλων
(уступительный периодъ).

Od. XII, 345 sq. εἰ δέ κεν εἰς Ἰθάκην ἀφικοίμεθα πατρίδα γαῖαν,
αἰψά κεν ἠελίῳ Ὑπερίονι πίονα νηὸν
τεύξομεν, ἐν δέ κε θεῖμεν ἀγάλματα πολλὰ καὶ ἐσθλά.

II. XXII, 351 sq. II. XXIII, 345 sq.

Pl. Crat. 398, e. οὐδ'εἴ τι οἴος τ'ἂν εἶην εὐρεῖν, οὐ συντείνω διὰ τὸ
ἡγεῖσθαι σε μᾶλλον εὐρήσειν ἢ ἑμαυτὸν (уступительный периодъ).

Pl. Prot. 329, b. καὶ ἐγώ, εἴπερ ἄλλω τῷ ἀνθρώπων πειθοίμην ἄν, καὶ
σοὶ κείθομαι.

Dem. IV, 18. οὗτοι παντελῶς οὐδ' εἰ μὴ ποιήσαιτ' ἂν τοῦτο, ὡς ἔγωγέ
φημι δεῖν, εὐκαταφρόνητόν ἐστιν.... (уступительный периодъ).

I. Гобза.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки К. Юлія Цезаря о войнѣ въ Галліи. Книги V — VIII. Объяснитъ Ю. Фелькель. Часть II. Москва. 1873.

Рецензія наша первой части объяснительныхъ примѣчаній, составленныхъ г. Фелькелемъ къ запискамъ Ю. Цезаря о войнѣ въ Галліи, была помѣщена въ сентябрьской и ноябрьской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1873-й годъ. Появившійся въ прошломъ году второй выпускъ той же книги содержитъ въ себѣ комментарий къ пятой, шестой и седьмой книгамъ Цезаря, восьмая же книга оставлена безъ примѣчаній, потому что, какъ замѣчаетъ комментаторъ, написана она не Цезаремъ, а какимъ-то неизвѣстнымъ авторомъ, и въ учебныхъ заведеніяхъ рѣдко или даже совсѣмъ не читается.

Большую часть общихъ замѣчаній, которыя мы себѣ позволили сдѣлать на первый выпускъ г. Фелькеля, можно отнести и ко второму выпуску, который, въ главныхъ своихъ чертахъ, носитъ тотъ же самый характеръ. Но къ этому мы прибавимъ еще нѣсколько новыхъ замѣчаній, вызванныхъ сколько разсматриваемымъ нами трудомъ, столько же и нашею собственною учебною практикою, при пользованіи книгою г. Фелькеля. При первомъ взглядѣ на нее, выступаетъ болѣе научная ея сторона, чѣмъ сторона педагогическая, хотя многочисленныя правила, намѣченныя вопросами, и составлены, какъ намъ кажется, исключительно въ интересахъ учащихся. Иногда очень обширныя примѣчанія — преимущественно грамматическія и географическія, частыя ссылки на писателей, вовсе не читаемыхъ въ среднихъ классахъ гимназій, изслѣдованіе многихъ вопросовъ, вполне понятныхъ или интересныхъ исключительно для филологовъ, весьма обильныя указанія на фразеологію какъ Цезаря, такъ и другихъ авторовъ, огромное количество цитатъ и извлеченій, отчасти заимство-

ванныхъ изъ изданія Герцога и изъ ученыхъ грамматикъ, критическій разборъ мнѣній другихъ издателей, — все это придаетъ книгѣ г. Фелькеля характеръ какихъ-то ученыхъ филологическихъ изысканій. Въ особенности для фразеологии встрѣчаются многочисленныя и вмѣстѣ съ тѣмъ интересныя свѣдѣнія; если бы онѣ приведены были въ алфавитномъ порядкѣ, то могли бы составить нѣчто въ родѣ справочной книги по вопросамъ стилистики и фразеологии разсматриваемаго автора. Однакожь, какъ бы высоко мы ни ставили заслуги комментатора за доставленіе столь драгоценнаго для филологовъ матеріала, какой предложенъ г. Фелькелемъ, тѣмъ не менѣе, беремъ на себя смѣлость предложить вопросъ: слѣдуетъ ли вообще многочисленнымъ примѣчаніямъ означеннаго рода приписывать то особенное достоинство и значеніе, каковое они, очевидно, имѣютъ въ глазахъ комментатора? На вопросъ этотъ наводятъ слѣдующія слова г. Фелькеля въ концѣ его комментарія: „Уже по этимъ замѣчаніямъ моимъ болѣе зрѣлый ученикъ въ состояніи будетъ составить себѣ понятіе объ особенностяхъ языка и стиля Цезаря“. Если можно вывести изъ этихъ словъ, что, по мнѣнію ученаго издателя, главная задача составителя комментарія заключается въ сообщеніи ученикамъ какъ можно большаго запаса свѣдѣній по фразеологии авторовъ, то отсюда же, кажется, вытекаетъ, что главная забота, при чтеніи древнихъ классиковъ, должна быть обращена на ознакомленіе учениковъ съ стилистическими особенностями читаемыхъ ими писателей. Что касается до насъ, то мы не можемъ раздѣлять подобный взглядъ; напротивъ, мы полагаемъ, что такая исключительная, чтобы не сказать узкая цѣль, не соотвѣтствуетъ главной задачѣ чтенія классиковъ въ гимназіяхъ. При подобномъ чтеніи на первомъ планѣ должно стоять не столько извлеченіе какъ можно большаго количества свѣдѣній изъ читаемаго автора, сколько основательное пониманіе самаго текста, посредствомъ строгаго его разбора, при чемъ, конечно, предполагается и приобрѣтеніе такихъ познаній, которыя вполне доступны ученикамъ и усвоены ими сознательно. Тогда только чтеніе авторовъ и будетъ всесторонне развивать умственные силы молодежи; эта истина признана знаменитыми педагогами за аксіому. Вслѣдствіе того, мы желали бы встрѣчать въ учебныхъ изданіяхъ лишь примѣчанія, направленные къ точнѣйшему усвоенію текста, — такія, которыя при приготовленіи урока на столько важны и необходимы, что безъ нихъ учащіеся на могутъ дойти собственными силами до полнаго усвоенія читаемаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы считали

бы умѣстнымъ опускать и тѣ примѣчанія, которыя собственно не разъясняютъ извѣстнаго мѣста и не находятся въ непосредственномъ къ нему отношеніи.

Во многихъ мѣстахъ комментарія г. Фельвеля встрѣчаются примѣчанія въ видѣ вопросовъ; этотъ дидактическій приѣмъ мы находимъ и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ изданіяхъ древнихъ классиковъ. Однакожь, какъ бы мы ни уважали преданія, установившіяся въ германскомъ мірѣ, какъ бы охотно ни подчинялись вліянію германскихъ педагоговъ въ вопросахъ дидактики, мы не можемъ въ данномъ случаѣ преклониться предъ ихъ авторитетомъ, не можемъ одобрить означенный методъ, хотя онъ и принятъ многими, но можетъ быть, просто по привыкѣ. Собственно говоря, мы даже и не знаемъ, кому подобныя намеки на правила въ видѣ однихъ вопросовъ могутъ доставить настоящую пользу, и при томъ такую, которая находилась бы въ надлежащемъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, иногда непоимѣрнымъ трудомъ, который нерѣдко потребуется отъ учащагося для основательнаго рѣшенія предложенныхъ вопросовъ. Ученикъ съ средними способностями, добросовѣстно занимающійся, долженъ потратить много времени на разрѣшеніе вопросовъ, мѣстами довольно многочисленныхъ (напр. въ примѣчаніяхъ къ V, 14, встрѣчается шесть, а къ VII, 59, семь вопросовъ); при этомъ онъ, призванный учителемъ заняться рѣшеніемъ вопросовъ комментарія, невольно, вслѣдствіе такого чрезвычайно кропотливаго и по отношенію къ времени даже не производительнаго труда, отодвинетъ на задній планъ совершенно необходимую для него работу, именно, добратся до полнаго пониманія самаго текста, и поэтому будетъ иногда не въ состояніи слѣдить даже за ходомъ мыслей читаемаго имъ автора. Лѣнивый же ученикъ будетъ вообще мало заботиться о примѣчаніяхъ, въ особенности онъ не будетъ обращать вниманія на тѣ вопросы, которые не облегчаютъ ему труда и рѣшенія коихъ учитель не можетъ требовать такъ строго, какъ онъ потребуетъ отчетливаго пониманія самаго текста. Эта форма вопросовъ можетъ быть пригодна развѣ только для мало опытныхъ преподавателей: въ нихъ они найдутъ дидактическіе намеки, готовый приѣмъ, какъ и что разбирать въ классѣ; но педагогъ и учитель опытный, вполне владѣющій своимъ предметомъ, будетъ чувствовать себя только стѣсненнымъ этими многочисленными вопросами, ограничивающими часто самый ходъ его преподаванія.

Мѣстами комментаторъ, указывая на небрежность въ выраженіяхъ Цезаря, самъ, вмѣсто словъ подлинника, предлагаетъ другіе обороты.

Намъ кажется, что такое отношеніе къ автору не совсѣмъ вѣрно и справедливо, а съ педагогической точки зрѣнія даже вредно. Вѣдь надо же имѣть въ виду и то, что латинскій языкъ, бывши когда-то живымъ идиомомъ, допускалъ болѣе свободное движеніе и болѣе обширное употребленіе оборотовъ и конструкцій, чѣмъ это позволяетъ ему теперь наша односторонняя грамматическая теорія, заключенная въ тѣсныя рамки. Если живую рѣчь нельзя уложить въ тѣсныя рамки отвлеченныхъ правилъ, то нельзя также и обличать образцоваго писателя въ небрежности, коль скоро онъ отступаетъ отъ обыкновеннаго способа рѣчи. Для латинскаго языка не существуетъ свода законовъ или такого словаря, который, на подобіе французскаго академическаго, опредѣлялъ бы, какіе именно обороты золотого вѣка римской литературы должны считаться классическими. Наконецъ, прибавимъ еще одно замѣчаніе. Между тѣмъ, какъ комментаторъ, съ одной стороны, относится очень критически къ мнѣніямъ другихъ издателей, съ другой, онъ нерѣдко самъ подчиняется слишкомъ пассивно ихъ авторитету: мы желали бы, чтобы г. Фелькаль менѣе довѣрчиво относился къ чужимъ трудамъ, по крайней мѣрѣ не бралъ бы ихъ за исходную точку своего комментарія. Изъ такого довѣрчиваго отношенія къ изданіямъ другихъ комментаторовъ, назначеннымъ не для русскихъ дѣтей, преимущественно къ комментарію Герцога, мы объясняемъ себѣ и тѣ неточности и недосмотры, которыхъ комментаторъ, вѣроятно, избѣжалъ бы, если бы былъ болѣе свободенъ отъ постороннихъ вліяній. Разумѣется, нельзя ожидать, чтобы комментаторъ вообще игнорировалъ другія изданія и вовсе не обращалъ вниманія на успѣхи и результаты движенія науки и учебной литературы, но этими пособиями составитель комментарія, не желающій оказаться только собирателемъ готоваго матеріала, долженъ, по нашему мнѣнію, пользоваться съ крайнею осторожностью, болѣе скептически, чѣмъ догматически, со строгимъ разборомъ предлагаемыхъ пособій, не теряя своего свободнаго сужденія по отношенію къ чужому труду; въ особенности онъ долженъ постоянно обращать вниманіе на аналогіи между латинскимъ и русскимъ языками и не упускать изъ виду потребностей русскаго юношества. Теперь, ограничившись вышепредложенными общими замѣчаніями, мы переходимъ къ частностямъ комментарія.

V, 1, 2. „Ad celeritatem — maribus. Слогъ въ этомъ предложеніи нѣсколько небрежный. Въмѣсто короткаго оборота: *ad celeritatem operandi subductionesque etc.* было бы яснѣе сказать: *ad naves celeriter*

operandas subducendasque или *naves, quo celerius operarentur subducerenturque, paulo fieri jubet humiliores*“. Этого примѣчанія мы не можемъ одобрить по двумъ причинамъ: во первыхъ, намъ кажется не совсѣмъ умѣстнымъ въ учебномъ изданіи обличать читаемаго автора въ небрежности и, такимъ образомъ, унижать его въ глазахъ учениковъ. Комментарь легко могъ бы употребить другія выраженія, которыя не затрогивали бы авторитета писателя; во вторыхъ, нѣтъ достаточнаго основанія перемѣнять будто бы небрежныя и не ясно высказанныя слова Цезаря. Правда, въ приведенномъ оборотѣ есть особенность,—на нее можно было бы указать примѣчаніемъ, — состоящая въ томъ, что имя существительное *celeritas* занимаетъ мѣсто имени прилагательнаго (*ad celeritatem operandi* = для скорой нагрузки) за неизмѣнимъ имени существительнаго, соотвѣтствующаго русскому слову „нагрузка“. Такая конструція часто употребляется римскими авторами для обозначенія важности понятія, заключающагося въ прилагательномъ, вмѣсто котораго находится имя существительное. Смот. Негельсбаха: *Lat. Stil.* § 74 (5-е изд. 1870 г.).— Менге: *Repetit. der lat. Gramm. und Stil.*, стр. 277 (1873 г.).— Попова: *Лат. грамм.*, стр. 668.

V, 1, 3. „*Imperat fieri*. За *imperare* (= *jubere*) иногда слѣдуетъ асс. *cum inf. passivi* или *deponentis* (обыкновенно *ut*)“. Вѣриѣ или, по крайней мѣрѣ, точнѣе составлено правило въ грамматикѣ Ходобая (1872 г.), стр. 294. Впрочемъ, и г. Фелькель объ употребленіи глагола *imperare* хорошо выражается въ VII, 60, въ примѣчаніи къ словамъ *proficisci imperat* и въ своемъ изданіи *Cic. orat. I, in Catil.* § 27.

V, 1, 9. „*Inter civitates dat*, собственно *civitatibus inter civitates dat*, I, 3: *inter se dant*“. Это примѣчаніе, встрѣчающееся также въ нѣмецкомъ изданіи Зейферта, излишне для нашихъ учениковъ. Въ нѣмецкихъ грамматикахъ латинскаго языка и въ латинскихъ стилистикахъ рѣчь идетъ о томъ, что по латыни въ такихъ оборотахъ, какъ *inter nos diligimus, inter vos diligitis, inter se diligunt*, винительные падежи *nos, vos* и *se* не присовокупляются къ глаголу, какъ дополнение, потому что *inter nos, inter vos, inter se* сами собою выражаютъ взаимное отношеніе, между тѣмъ какъ въ нѣмецкомъ языкѣ винительный падежъ личнаго мѣстоименія прибавляется къ глаголу, кромѣ словъ *unter einander*. Подобное правило для Русскихъ не нужно, ибо мы желая выразить взаимное отношеніе, не прибавляемъ личнаго мѣстоименія, въ видѣ дополненія, какъ въ латинскомъ языкѣ; мы, вѣдь,

не говоримъ „они любятъ себя другъ друга“ или „они раздѣлили себя между собою имѣніе“, но просто „они любятъ другъ друга“ и „они раздѣлили между собою имѣніе“. Впрочемъ, въ приведенномъ мѣстѣ у Цезаря вовсе нѣтъ подобнаго взаимнаго отношенія, и потому, какъ въ русскомъ и въ нѣмецкомъ, такъ и въ латинскомъ, не слѣдовало бы прибавлять дательнаго падежа; развѣ говорятъ: „Цезарь назначилъ посредниковъ общинамъ между общинами“ вмѣсто: „Цезарь назначилъ посредниковъ между общинами“? Слѣдовательно, латинскій оборотъ *inter civitates dat* не отступаетъ отъ правильнаго или обыкновеннаго способа выраженія, а потому и не нуждается въ примѣчаніи.

V, 1, 9. „Въ *praesens aestiment* заключается понятіе: тотчасъ, потому что Цезарю нельзя терять времени; поэтому не *aestimarent*“. Едва ли можно согласиться съ комментаторомъ, будто настоящее время въ придаточномъ предложеніи съ *ut finale*, будучи поставлено послѣ *praesens historicum*, означаетъ немедленное совершеніе дѣйствія. Употребленіе *praesentis historici* основывается на живомъ движеніи воображенія, когда писатель представляетъ совершившіеся факты такъ, какъ будто они совершаются въ тотъ самый моментъ, когда мы говоримъ о нихъ. Какъ разказчикъ, находясь подъ вліяніемъ сильнаго чувства и живой фантазіи, повѣствуетъ о минувшихъ событіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, представляя ихъ какъ бы совершающимися теперь; точно такъ же и историкъ, побуждаемый фантазіею и живо представляя себѣ событія исторіи и дѣйствующихъ въ ней героевъ, изображаетъ прошедшее какъ бы настоящимъ и ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ давно минувшимъ. Совершенно естественно, что *praesens historicum* встрѣчается преимущественно при описаніи живаго хода событій, между тѣмъ, какъ при описаніи разныхъ обстоятельствъ и положеній употребляется прошедшее время. Но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить того заключенія, что въ живомъ историческомъ разказѣ непременно вездѣ ставится *praesens historicum*; какъ разказчикъ, такъ и историкъ, при живомъ изложеніи фактовъ употребляютъ совершенно произвольно то настоящее, то прошедшее время. Равнымъ образомъ и въ придаточныхъ предложеніяхъ, зависящихъ отъ *praesens historicum* въ главномъ предложеніи, или вообще съ нимъ связанныхъ, употребляется и настоящее, и прошедшее время, при чемъ замѣчательно, что вообще *praesens historicum* главнаго предложенія не дѣйствуетъ обратно, и силу своего вліянія обнаруживаетъ не столько на предшествующія

часть CLXXIII, отд. 5.

ему времена, сколько на послѣдующія; въ особенности оно вліяетъ на предложенія, зависящія отъ него непосредственно, каковы предложенія съ *ut finale*, составляющія прямое дополненіе и, такимъ образомъ, подверженныя ближайшему вліянію предыдущаго глагола. Впрочемъ, и въ придаточныхъ предложеніяхъ такого рода встрѣчается то настоящее, то прошедшее время, и нельзя, кажется, предложить опредѣленнаго правила, въ какомъ именно случаѣ и по какому именно соображенію римскій писатель выбралъ то или другое изъ названныхъ временъ. Всякій историкъ, согласно своему характеру, или находясь въ извѣстное время подъ извѣстнымъ вліяніемъ чувства, употребляетъ различныя временныя формы для выраженія совершившихся фактовъ. Такимъ образомъ понятно, что у одного писателя послѣ *praesens historicum* въ главномъ предложеніи встрѣчается то же самое время и въ придаточныхъ предложеніяхъ, даже второстепенныхъ, не смотря на то, что ходъ и характеръ событій не располагаетъ его къ живому изображенію, между тѣмъ какъ у другаго автора въ придаточныхъ предложеніяхъ часто находится *imperfectum*, хотя тутъ факты, по своему характеру, и требовали бы особенно живаго изображенія. Значить, предпочтеніе, оказанное авторомъ одному или другому времени, не зависитъ отъ скорого или медленнаго развитія дѣйствія, но отъ личности писателя. Такимъ образомъ, мы не думаемъ, чтобы взглядъ на медленное или немедленное исполненіе какого-нибудь дѣла могъ вліять на выборъ римскимъ писателемъ того или другаго времени въ придаточномъ предложеніи послѣ *praesens historicum*, чтобы употребленіе историческаго времени въ придаточномъ предложеніи обуславливалось скорымъ совершеніемъ самаго дѣйствія. Изъ собранныхъ нами примѣровъ мы приведемъ, для подтвержденія изложеннаго мнѣнія, нѣкоторые, заключающіе въ себѣ цѣль или намѣреніе; изъ нихъ будетъ видно, съ какимъ произволомъ авторы выбирали въ придаточныхъ предложеніяхъ *praesens historicum* или прошедшее время. *Caes. b. civ. I, 3: Dicuntur — sententiae, ut legati—mittantur, qui—proponant. I, 18: Attius petit, ut—mitteretur. I, 19: Domitius hortatur eos, ne animo deficient quaeque usui ad defendendum oppidum sint, parent. I, 21: Tribunos militum hortatur, ab eruptionibus caveant. II, 26: Praemittit equites, qui primum impetum sustineant. III, 19: Mittit legatum, qui ageret. B. Gall. VI, 1: petit, — ad se proficisci juberet. VII, 45, imperat, ut—vagentur. Cic. Verr. II, 1, 26: simul servis—, ut januam clauderent, imperat. Sall. Jug. 16: Decretum fit, uti decem legati regnum dividerent.*

23: confirmat, uti pergerent. 32: persuadet, uti—mitteretur. 49: obtestatur, uti—sese defendant. 62: mittuntur, qui dicerent. 75: imperat—portaret. 97: mittit—adduceret. Catil. 36: decernit, uti delectam habeant. 40: Umbreno negoti m dat, uti legatos—requirat. Curt. Ruf. III, 1: Superveniunt legati petentes, ut — redderentur. IV, 1: conclamant, duceret, quo videretur. IV, 5: decernunt, ut—legarentur. IV, 13: Diu Parmenio cunctatus, cibum ut caperent, ipse pronuntiat. IV, 13: monet, ut—edoceant. V, 3: mittunt, qui peterent. V, 11: praecipit, ut arma—induerent. IX, 8: imperat, copias duceret. Liv. 44, 26: mittit, qui juberet. 45, 5: mittunt, qui nuntiaret. Tac. Ann. 16, 2: mittit, qui praedam adveherent. Tac. Hist. III, 31: erant, ut deprecator adsistat. III, 54: ut cuncta viseret, postulat. III, 80: Deliguntur legati, ut—suaderent. IV, 24, tradit, ut quam maximis itineribus celeraret. IV, 60: dat custodes, qui pecuniam—retentarent.

V, 3, 3. „In officio futuros. Значение слова officium (собственно: обязанность) такъ обширно, что ученикъ долженъ обратиться въ хорошему словарю“. Собственное значение слова officium не „обязанность“, но „совершенство дѣла“, согласно съ понятіемъ составныхъ частей этого слова, такъ какъ officium произошло изъ officiū.

V, 3, 6. „Plebs. Что же такое populus по римскимъ понятіямъ? A. Gell. N. A. X, 20. Justinian. Instit. I, 2, 4“. Изъ самой формы этого примѣчанія, составленнаго въ видѣ вопроса, можно заключить, что предназначается оно собственно для учениковъ. Но можно ли ожидать, чтобы такія сочиненія, какъ A. Gellii noctes atticae и Justiniani institutiones, едва находящіяся между книгами каждаго учителя, украшали бы бібліотеку гимназиста? Допустимъ, что упомянутыя сочиненія случайно находятся въ числѣ книгъ учениковъ, и все-таки можно ли считать совершенно умѣстнымъ, чтобы мальчикъ сталъ искать отвѣта на предложенный комментаторомъ вопросъ у такихъ второстепенныхъ римскихъ авторовъ? Было бы гораздо лучше, еслибы самъ составитель комментарія сообщилъ требуемое имъ объясненіе.

V, 3, 7. „Fortunae—fidei, „что онъ *будетъ поручить* (sic!) судьбу народа защитѣ Цезаря, *открыть* ее его покровительству, собственно: передать на честь и вѣру. Fortunae, собственно, состояніе, собственность, имущество, но и: судьба, участь“. Намъ не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ fides можно переводить чрезъ „честь и вѣра“, какъ будто это составляетъ собственное или первоначальное его значеніе. Fides производится отъ корня fid- (fido, πείθω, scilicet. bandh—связывать) и, согласно съ этимъ, означаетъ въ субъективномъ смыслѣ „довѣріе“.

составляющее связь между людьми, а въ объективномъ — „достоверность“, но понятие *чести* въ немъ вовсе не заключается. Затѣмъ и другія значенія слова *fides* (данное слово, кредитъ и др.) происходятъ отъ первоначальнаго значенія „связь“. *Fortuna* (отъ корня *fer-*) первоначально обозначаетъ то, что приносится, достается, то-есть, участь. См. Корсена: *Ueber Aussprache, Vokal. und Bet. der lat. Spr.* Leipz. 1868, I, стр. 145. Курциуса: *Grundz. der griech. Etym.* I, стр. 264. Физка: *Vergleich. Wörterb.*, стр. 472. Гинтера: *Wörterb. der lat. Etymol.*, стр. 67 (1873 года).

V, 4, 3. „*Nihilo tamen setius* составляетъ плеоназмъ“. Смотри на буквальное значеніе этого оборота, его нельзя назвать плеоназмомъ. *Nihilo setius* значитъ „ничѣмъ иначе, ничѣмъ менѣе“, при чемъ обстоятельство сравненія подразумѣвается изъ самой связи словъ. Въ данномъ мѣстѣ, Цезарь своимъ ласковымъ обращеніемъ съ Индуціономъ задобрилъ Треверовъ никакъ не менѣе, чѣмъ онъ задобрилъ бы ихъ и не прибѣгая къ такому обращенію. И когда къ этимъ словамъ писатель еще прибавляетъ частицу противоположенія *tamen*, то, кажется, ничего лишняго не говоритъ.

V, 5, 4. „*Cum ipse abesset*, еслибъ онъ самъ былъ въ отсутствіи. Слѣдовательно, сослагательное наклоненіе зависитъ не отъ *cum temporale*“. Не точнѣ ли было бы перевести: когда его самого не будетъ? Сослагательное наклоненіе не зависитъ здѣсь отъ *cum iterativum*, какъ полагаетъ комментаторъ, но поставлено послѣ *cum temporale*, потому что придаточное предложеніе выражаетъ субъективную причину, собственное мнѣніе военачальника, а не причину, приводимую самимъ повѣствователемъ.

V, 6, 1. „*Eum—cupidum imperii, magni animi, magnae—auctoritatis cognoverat*. Родительные падежи составляютъ приложение къ *eum*“. Это примѣчаніе мы считаемъ невѣрнымъ. Родительные падежи здѣсь составляютъ атрибутъ, входящій въ составъ сказуемаго, и поставлены на ряду съ предыдущимъ прилагательнымъ *cupidum*. Ср. I, 28: *Quod egregia virtute erant cogniti*. Въ примѣрѣ, приведенномъ комментаторомъ, творительный падежъ также не приложение, но признакъ сказуемаго. Въ видѣ приложения *abl. qualitatis* ставится, на примѣръ, I, 18: *Ipsum esse Dumnorigem, summa audacia, magna apud plebem gratia*. О разницѣ между приложеніемъ и атрибутомъ сказуемаго см. Филологическія Записки (изд. А. Хованскимъ), выпускъ VI, 1873 года, стр. 146—151.

V, 7, 7. „*Pro sapo*, какъ разумный. Подобно тому loco (с. 5: *obsi-*

dum)". Есть, однако, разница между этими синонимическими выражениями. Pro здѣсь значить „на подобіе, подобно какъ“, а loco можно перевести чрезъ „вмѣсто“ или „какъ“, такъ что loco obsidum было бы = заступающіе мѣсто заложниковъ, въ видѣ заложниковъ.

V, 8, 6. „Quae, ne quarum, octingentae“. Это примѣчаніе, по крайней мѣрѣ для учениковъ, выражено уже слишкомъ лаконически, и не мѣшало бы прибавить объясненіе, въ особенности потому, что русскій языкъ въ этомъ случаѣ отстываетъ отъ латинскаго. Имѣется въ виду то правило, по которому, при названіяхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ числительныхъ, ставится не родительный падежъ (gen. part.) существительнаго или мѣстоименія, а тотъ падежъ, въ которомъ поставлено самое имя числительное, именно въ томъ случаѣ, когда число представляется какъ что-нибудь цѣлое, а не какъ часть чего-нибудь цѣлаго.

V, 9, 3. „Committere coeregunt, собственно плеоназмъ; переведи coeregunt нарѣчіемъ тотчасъ“. Когда coeregunt переводится нарѣчіемъ „тотчасъ“, то нельзя говорить, что committere coeregunt составляетъ плеоназмъ; развѣ уже само собою разумѣется, что начатіе всякаго дѣла производится непремѣнно тотчасъ?

V, 9, 5. Crebris—succisis, тѣмъ, что они срубили деревья, стояшія одно близъ другаго; creber о вещахъ, confertus о людяхъ“. Правда, creber большею частью употребляется въ примѣненіи къ вещамъ, но кажется, только въ значеніи „густой, сжатый“, въ смыслѣ же времени („частый, часто повторяющійся, часто дѣлающій“) creber нерѣдко прибавляется и къ именамъ лицъ. Confertus въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблено здѣсь, соединяется не только съ названіями лицъ, но и вещей. Ср. Liv. 37, 11: Quinque tantum Rhodiae naves — effugerunt, terrore flammae micantis via sibi inter confertas naves facta.

V, 10, 2. „Ancorae funesque subsisterent, собственно, Zeugma, вм. ancorae subsisterent funesque sustinerent, потому что ни якори не устояли, ни канаты не удержали“. Здѣсь не нужно принимать Zeugma. Subsistere значить „останавливаться, держаться“, и такое значеніе вполне умѣстно въ отношеніи къ обоимъ существительнымъ: ancorae и funes не могли держаться противъ сильнаго дѣйствія бури.

V, 11, 4. „Scribit, ut, quam — posset, — instituat. Послѣ praesens historicum могъ бы стоять и ut institueret. Но вм. posset нельзя поставить possit, потому что вставныя предложенія (относительныя причинныя, условныя и т. д.) удерживаютъ свое грамматическое время“.

Подобно этому Крюгеръ въ своей латинской грамматикѣ (§ 622, стр. 847) говорить, что придаточныя предложенія, не непосредственно зависящія отъ *praesens historicum*, ставятся въ прошедшемъ времени. Но противъ этого правила есть много мѣстъ въ сочиненіяхъ римскихъ авторовъ. *Caes. b. Gall. I, 7, 1: Maturat ab urbe proficisci et quam maximis potest itineribus in Galliam ulteriorem contendit. III, 11, 2: Huic mandat—Germanos—, si—transire conentur, prohibeant. VII, 2: pollicentur et, quoniam—non possint—petunt. B. Civ. I, 76: Edicunt, penes quem quisque sit Caesaris miles, ut producat. III, 86: Res huc deducitur, ut ei, qui habeant domicilium—statim dimittantur. Sall. Cat. 40, 1: negotium dat, ut—requirat eosque, si possit, impellat. Iug. 54, 1: hortatur, ad cetera, quae levia sint, parem animum gerant. Curt. Ruf. VII, 2: Coeunt et, ni—dedantur,—denuntiant. Tac. Hist. II, 20: ac ne vox cujusquam audiatur, quatiant arma. Другіе примѣры см. у Дререга: *Hist. Syntax. d. lat. Spr.*, стр. 210—211.*

V, 13, 1. „*Ad Cantium, ad* въ мѣствомъ значенія“. Не то нуждается въ замѣчаніи, что предлогъ *ad* поставленъ здѣсь въ мѣстномъ значеніи, а то, что онъ обозначаетъ близость, сосѣдство, между тѣмъ какъ обыкновенно этимъ предлогомъ указывается движеніе куда-нибудь.

V, 13, 4. „*Certis ex aqua mensuris breviores—noctes videbamus*. Кратчайшій день, по *Plin. H. N.*, продолжается въ Италіи 15 часовъ, въ Британіи—17“. Въ этомъ примѣчаніи по особенному случаю вкралась ошибка: „кратчайшій“ поставлено вм. „самый длинный“. По указанію *Иделера*—кратчайшій день въ Римѣ продолжается 8 часовъ 54 минуты, а самый длинный—15 часовъ 6 минутъ, что и соответствуетъ словамъ *Плинія* (*Natur. Hist. I, 75, 1*): *Sic fit, ut vario lucis incremento in Meroe longissimus dies XII horas aequinoctiales et octo partes unius horae colligat, Alexandria vero XIII horas, in Italia XV, in Britannia XVII*. См. *Иделера: Handbuch d. math. und techn. Chronologie*, II, стр. 13. *А. Беккера: Gallus oder röm. Scenen aus d. Zeit August's, I*, стр. 184.

V, 14, 3. „*Capillo. Genet. qualitatis* выражаетъ, что предметъ есть таковъ, *ablativus*—что онъ представляется такимъ.“ Эти слова о родительномъ и творительномъ падежахъ качества комментаторъ, можетъ быть, заимствовалъ изъ латинской грамматикѣ *Крюгера* (§ 398, прим. 1.), гдѣ они, впрочемъ, составляютъ только маленькую часть обширнаго примѣчанія, и лишь въ своей связи съ цѣлымъ разсужденіемъ о разницѣ между *gen.* и *abl. qualitatis* получаютъ надлежа-

щій смыслъ. Въ томъ же отрывочномъ видѣ, въ какомъ это правило приведено у комментатора, ученикъ едва-ли отгадаетъ его настоящее значеніе. Кромѣ того, намъ кажется, нельзя полагать такой разницы между обоими падежами качества, потому что во многихъ мѣстахъ ея не оказывается, такъ что мы скорѣе раздѣляемъ мнѣніе Попова (см. его Лат. грам., стр. 522, прим. 16), что различіе между родительнымъ и творительнымъ падежами качества нельзя опредѣлять съ точностью, вообще же можно сказать только что родительный падежь служить болѣе для выраженія врожденныхъ свойствъ, а творительный какъ врожденныхъ, такъ и приобретенныхъ качествъ.

V, 14, 4. „Deni duodenique. Забѣтъ que. Обыкновеннѣе ve при числахъ.“ Тутъ было бы умѣстно объяснить разницу между частицами que и ve при числительныхъ, состоящую въ томъ, что ve представляетъ выборъ между числами безъ существенной разницы, между тѣмъ какъ чрезъ que прибавляется увеличеніе (—и даже).

V, 16, 3. „Equestris autem etc. Эти слова очень не ясны. Переведи: Ex essedis autem proeliandi ratio non solum insequentibus, sed etiam cedentibus (Romanis) idem periculum inferebat.“ Переводъ комментатора не вполне вѣрно разъясняетъ слова автора. Смыслъ ихъ, по нашему мнѣнію, слѣдующій. Equestris proelii ratio касается способа коннаго сраженія Британцевъ съ римскими всадниками; борьба эта была выгодна для Британцевъ, потому что они, кромѣ всадниковъ, пользовались еще содѣйствіемъ сражающихся на колесницахъ (см. cap. 15, 1: Equites hostium essedariiique;—IV, 32: simul equitatu atque essedis circumdederant; IV, 33: cum se inter equitum—т. е. Britannorum—turmas insinuaverunt, ex essedis desiliunt) и вмѣстѣ съ ними сражались противъ римскихъ всадниковъ, которыхъ отмапили отъ легионовъ (cum paulum ab legionibus nostros removissent, т. е. equites, о которыхъ идетъ рѣчь, начиная со словъ equites autem magno cum periculo), такъ что римскіе всадники были лишены помощи пѣшихъ и, слѣдовательно, должны были вступить въ неравный бой съ неприятелемъ. А такой способъ сраженія представлялъ, разумѣется, для Римлянъ одинаковую опасность и при атакѣ, и при отступленіи (et cedentibus et insequ. — inferebat). Въ слѣдующей, то-есть въ 17-й главѣ мы читаемъ, что и на другой день Британцы затѣяли схватку съ Римлянами, но послѣдніе отразили ихъ, и римская конница, видя у себя въ тылу свою пѣхоту, смѣло погнала Британцевъ. И такъ, всадники Римлянъ, поддерживаемые пѣшими, безъ опасности могли начинать бой, теперь уже не неравный, какъ прежде.

V, 17, 3. „Quoad—пока не. Почему съ изъявительнымъ наклоніемъ IV, 11. V, 24? Въ этомъ значеніи за quoad послѣдуютъ только perfectum и fut. II.“ Примѣчаніе это не даетъ яснаго понятія о конструкціи союза quoad въ данномъ мѣстѣ. Слѣдовало бы указать на разницу въ употребленіи изъявительнаго и сослагательнаго наклоній при этомъ союзѣ и на основаніи этой разницы установить переводъ. Въ данномъ мѣстѣ (neque finem sequendi fecerunt, quoad—praecipites hostes egerunt) изъявительное наклоніе выражаетъ дѣйствительное достиженіе цѣли, такъ что, употребляя, вмѣсто отрицательнаго оборота neque finem sequendi fecerunt, однозначашій съ нимъ утвердительный et sequi perrexerunt, можно перевести: „они продолжали слѣдовать за ними до тѣхъ поръ, пока обратили ихъ въ бѣгство“, или съ отрицаніемъ въ первомъ предложеніи: „они не переставали слѣдовать за ними, пока не обратили ихъ въ бѣгство“. Изъ этого можно вывести слѣдующее правило: если отрицается, что предъ началомъ какого-нибудь дѣйствія совершилось дѣйствіе главнаго предложенія, то изъ этого слѣдуетъ, что только послѣ начатія дѣйствія придаточнаго предложенія совершилось дѣйствіе главнаго и такимъ образомъ посредствомъ этого отрицанія союзъ quoad принимаетъ смыслъ союза postquam (=postquam praecipites hostes egerunt, finem sequendi fecerunt), изъ чего и можно объяснить себѣ употребленіе изъявительнаго наклонія.

V, 19, 2. „Cum se ejecerat“, какъ только, каждый разъ, когда.— Но и cum въ этомъ значеніи съ сослагательнымъ“. Правда, что cum iterativum ставится также съ сослагательнымъ наклоніемъ, подобно греческому optativus iterativus (см. Курціуса: Греч. грам. перев. Миловидова, §§ 547 и 558, прим. 1), но надо замѣтить, что такое употребленіе встрѣчается относительно рѣдко и преимущественно въ историческомъ слогѣ рѣчи, особенно у Ливія и у позднѣйшихъ историковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ случаѣ понятіе сослагательнаго наклонія при cum не совсѣмъ одинаково съ понятіемъ изъявительнаго: первое есть conj. potentialis, выражающій субъективное представленіе и вообще что-нибудь общее и возможное, а послѣднее обозначаетъ просто время. См. Эмануеля Гофмана: Die Construction der lat. Zeitpartikeln. Wien, 1873., стр. 54.—А. Прокша: Gebrauch d. Nebensätze bei Caesar. I, стр. 25—26. (Bautzen, 1870).

V, 26, 1. „Diebus XV, quibus—ventum est, собственно: въ тѣ 15 дней, въ которые выступили на зимніе (sic!) квартиры. Мы: 15 дней

послѣ того какъ". Точнѣе слѣдовало бы перевести или: „14 дней послѣ того, какъ“, или „въ 15-й день послѣ того, какъ“.

V, 27, 1. „*Arud quos*—передъ которыми (*согам*). Также всегда *arud* и *ad* вм. *ante*, при рѣчахъ передъ многими, предъ судомъ, *arud iudices*, въ присутственномъ мѣстѣ, *ad senatum*.“ Намъ кажется, что комментаторъ долженъ былъ или вовсе не приводить синонимическихъ выраженій, или же прибавить примѣчаніе о разницѣ въ ихъ значеніи, которая, кажется, состоитъ въ томъ, что *arud* (*ἐπί*), „при“, указываетъ на окружность, сферу или предѣлы предмета, при чемъ близость можетъ быть то большая и непосредственная (= *juxta*), то меньшая; *согам* (*со—ос*), „лицомъ къ лицу, въ присутствіи“, выражаетъ не столько близость къ какому-нибудь предмету, сколько личное присутствіе; *ad* первоначально означаетъ движеніе къ самому предмету, а также близость къ нему, при чемъ сохраняется всегда понятіе о направленіи, *terminus ad quem*. Въ обратномъ *orationem habere ad populum*, *dicere ad senatum*, *contionari ad populum* имѣется въ виду обращеніе къ людямъ, составляющимъ собраніе. Предлогъ *ante* (прот. *post*, *a tergo*) собственно означаетъ „напротивъ“, поэтому и „впереди, предъ глазами“, при чемъ понятіе о самой близости не выставляется. См. Потта: *Etymol. Forsch. auf d. Gebiete der indogerm. Spr.* I, стр. 508 (1859 г.).

V, 27, 7. „*Quoniam* въ *tr ductio*—*postquam*.“ Это примѣчаніе страдаетъ крайнею сжатостью и не удобопонятно для ученика, хотя его легко можетъ понять филологъ. Здѣсь имѣется въ виду особенное употребленіе союза *quoniam* при переходѣ отъ одного главнаго отдѣла рѣчи или разказа къ другому, или при переходѣ къ другому пункту въ одномъ и томъ же отдѣлѣ; а такой переходъ называется не *tr ductio*, но *transitio*. Напротивъ, *tr ductio* называется выразительное повтореніе одного и того же слова въ различной формѣ и съ различнымъ или же съ одинаковымъ значеніемъ. См. Зейферта: *Scholae latinae*, I, стр. 61.—Фолькмана: *Hermagoras*, стр. 62 и 284.—*Rhetor. ad C. Herennium* IV, 14, 20.—Бергера; *Lat. Stilistik*, стр. 160.

V, 28, 1. „*Vix erat credendum*—*vix poterat credi*. Герундіумъ съ отрицаніемъ выражаетъ не только необходимость, но и возможность. Ср. *vix ferendus dolor*.“ Не говоря уже о томъ, что *vix* въ строгомъ смыслѣ не есть отрицательное слово, нужно замѣтить еще и то, что герундій, какъ *part. praes. pass.*, есть отглагольное прилагательное качественное, которое по смыслу рѣчи представляется намъ въ раз-

личныхъ отгѣнкахъ возможности, долженствованія и позволенія. Отрицаніе не переиъняетъ его смысла. Въ приведенномъ примѣрѣ *vix ferendus dolor gerundivum ferendus* само по себѣ объясняется точно такъ же, какъ въ соединеніи съ *vix*. *Ferendus dolor* есть *dolor, qui fertur*, боль, которую вообще переносятъ, и какъ вмѣсто *dolor fertur* говоримъ: „боль можно переносить“, хотя понятіе возможности, собственно говоря, не заключается въ простомъ глаголѣ, но выводится изъ связи словъ, такъ и *ferendus dolor* означаетъ: „боль, которую можно переносить“ (могущая быть переносима) или лучше „переносимая боль“, при чемъ все равно, прибавляется ли слово *vix* и отрицаніе, или не прибавляется. См. А. Куна: *Zeitschr. für vergl. Sprachf.* 1865, стр. 350—371. Рейзига: *Vorles. über lat. Sprachw.*, прим. 580. Дональдсона: *Latin Grammar*, стр. 364 (1867 г.).

V, 30, 3. „*Perendino die*, послѣ завтра (изъ *περαν*)“. *Perendinus*, прилагательное отъ *perendie*, едва-ли можно прямо производить отъ греческаго *περαν*, какъ будто латинскій языкъ относится къ греческому какъ сынъ къ отцу, а не какъ братъ къ брату. Слѣдовало бы указать на означенное латинское слово, какъ на происходящее отъ одного и того же корня съ греческимъ. Впрочемъ, слово *perendie*, по мнѣнію Потта, находится также въ тѣсной связи съ греческимъ *παρά* и санскритскимъ *param* (=мимо, на другой сторонѣ, послѣ), между тѣмъ какъ Курціусъ приводитъ его въ связь лишь съ *περαν*, что первоначально было винительнымъ падежемъ имени существительнаго. См. Потта: *Etym. Forsch.* I, стр. 440 и 463.—Корсена: *Ueber Aussprache, Vokalismus u. Betonung d. lat. Spr.* I, 776; II, 885. Курціуса: *Grundzüge der griech. Etym.* I, стр. 238. Очевидно, и русское „пере“ принадлежитъ къ тому же корню, какъ напримѣръ, въ глаголѣ передѣлать (*παρὰτεταίω*), то-есть, дѣлать такъ, чтобы дѣло приняло другой видъ. Туда же мы относимъ и приставку „пре“ въ прилагательныхъ, какъ напримѣръ, въ словѣ *прекрасный*, гдѣ эта частица выражаетъ другую сторону, конецъ, крайность, какъ латинское *per* въ сложныхъ прилагательныхъ.

V, 31, 5. „*Omnia, quare, qua re* (вм. *quibus rebus*) рѣдко относится ко множественному числу“. Нельзя сказать, что *quare* поставлено вмѣсто *quibus rebus*. Слово *quare* здѣсь чистое нарѣчіе, при которомъ уже не имѣется въ виду понятіе о составныхъ частяхъ его, а употреблено оно тутъ совершенно такъ, какъ и нарѣчія *inde*, *ubi*, *ibi* въ отношеніи къ именамъ существительнымъ. Ср. *Liv.* I, 24, 2: *Ibi* (=apud eos) *imperium fore, unde* (=a quibus) *victoria fuerit*.

V, 34, 2. „Erant et virtute—et numero pugnando pares nostri; tametsi. Это мѣсто искажено. Слова эти не ясны, содержатъ противорѣчія и связь ихъ не логична“. Подобное разсужденіе объ искаженіи этого мѣста встрѣчается въ изданіи Удендорпія (1822 г.) и повторяется въ изданіи Герцога. Но намъ кажется, что приведенныя слова Цезаря ясны и не заключаютъ въ себѣ противорѣчія; поэтому и нельзя имъ отказать въ логичности. Что касается того, будто слово *numero* испорчено, такъ какъ у Римлянъ былъ только одинъ легионъ, то слѣдуетъ замѣтить, что писатель вовсе не имѣетъ въ виду равное число солдатъ римскихъ и непріятельскихъ, но утверждаетъ только, что Римляне съ своими военными силами были въ состояніи вступить въ бой съ врагами. На счетъ же втораго пункта, а именно, что въ рукописяхъ находится *pugnandi*, а не *pugnando*, мы должны замѣтить, что и послѣднее чтеніе тоже встрѣчается, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ рукописяхъ. Едва ли и бессоюзіе (*asyndeton*) можетъ быть сочтено здѣсь не умѣстнымъ, если мы примемъ *asyndeton explicativum*. Связь мыслей, по нашему мнѣнію, слѣдующая: „наши воины, благодаря своей храбрости, могли выдержать бой съ непріятелями даже и не обладая многочисленными силами, а именно, не смотря на то, что были покинуты своимъ вождемъ и счастіемъ, они всю надежду на спасеніе возлагали на свою храбрость“. Какъ здѣсь, такъ и въ гл. 35 (*neque virtuti—committebant*), Цезарь выставляетъ на видъ храбрость римскихъ солдатъ и указываетъ на то, что они, при своемъ мужествѣ, даже и съ небольшими военными силами, могли по мѣряться съ врагами.

V, 35, 5. „Ipsis, собственно *se*“. Это примѣчаніе не объясняетъ сущности дѣла; слѣдовало бы прибавить, въ чемъ именно состоитъ настоящее значеніе мѣстоименія *ipse* и почему здѣсь поставлено *ipsis*, а не *se*. Цезарь хотеть указать на честолюбіе солдатъ и, для большаго обозначенія ихъ личности и личной чести, поставилъ мѣстоименіе *ipse*.

V, 37, 1. „*Se ipsi*, почему не *se ipsos*? *Se interficere* никогда не встрѣчается въ классическомъ языкѣ; но *se ipse interficit* иногда употребляется“. Намъ кажется, что вопросъ касательно мѣстоименія *ipse* совершенно лишній и, слѣдовательно, не пригоденъ для русскихъ учениковъ, какъ и вообще не годятся правила объ этомъ предметѣ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ латинскихъ грамматикахъ, (папримѣръ, см. Мадвига Лат. грам., изд. В. Басовъ. Москва, 1865, § 487), въ которыхъ говорится, что при употребленіи мѣстоименія *ipse* нужно раз-

личать, когда *ipse* относится къ подлежащему и когда къ дополненію, и что въ первомъ случаѣ мѣстоименіе *ipse* согласуется съ подлежащимъ, а во второмъ—съ дополненіемъ. Такое правило важно для нѣмецкихъ школъ, потому что въ нѣмецкомъ языкѣ мѣстоименіе *selbst* не склоняется и, по своей формѣ, можетъ быть и именительнымъ, и винительнымъ падежами; другое дѣло русскій языкъ: здѣсь мѣстоименіе „самъ“ имѣетъ флексіи. Касательно другаго примѣчанія, которое встрѣчается также въ изданіи Доберенца, что *se interficere* нигдѣ въ классическомъ языкѣ не встрѣчается, мы позволимъ себѣ указать на одно мѣсто у *Curt. Ruf. VI, 11, 20: alii se interficiunt.*

V, 39, 2. „*Qui* содержитъ причину (*cum*), по этому *discessissent*“. Такъ какъ въ этомъ относительномъ предложеніи вовсе не заключается причина, а просто выражается обстоятельство времени, то согласительное наклоненіе нужно было бы объяснить иначе; лучше бы было объяснить его чрезъ *attractio modi*, состоящее въ томъ, что наклоненіе управляющаго предложенія дѣйствуетъ на наклоненіе зависимаго предложенія такъ, что послѣднее уподобляетъ свое наклоненіе наклоненію перваго. Еслибы Цезарь поставилъ главное предложеніе въ слѣдующемъ видѣ: *nonnulli milites intercepti sunt*, то онъ вѣроятно употребилъ бы изъявительное наклоненіе и въ относительномъ предложеніи (*qui discesserant*). Сравни *Caes. b. Gall. II, 27:—qui supererant—mitterent*, но II, 28: *omnium, qui supererant—miserunt.*

V, 40, 3. „*Fossam* *complant=complere conantur*. Слѣдовательно, есть не одинъ только *imperfectum de conatu*“. Впрочемъ, объ этомъ употребленіи не только *imperfecti*, но и *praesentis de conatu* рѣчь идетъ также у Кюнаста: *Livian. Synt. стр. 211*, и въ Фогелевомъ изданіи Курціуса Рүфа I, стр. 29.

V, 43, 5, „*Ut se—constipaverant*, чтобы выразить фактическую причину и дѣйствіе, = *ut qui (или cum) se constipavissent*“. Слова эти не точны, ибо въ общемъ только смыслъ касается особеннаго употребленія союза *ut*, такъ что ученикъ, вовсе не зная правила, на которое намекается въ этомъ примѣчаніи, вѣроятно не выведетъ изъ него вѣрнаго и яснаго представленія о свойствѣ союза *ut* въ данномъ случаѣ. Для того, чтобы отличить здѣсь союзъ *ut* отъ *quia*, также выражающаго фактическую причину, надо обратить вниманіе на его настоящее значеніе. *Ut* первоначально значить „какъ“ и сравниваетъ свойство двухъ дѣйствій. Отношеніе сравненія можетъ переходить въ смыслъ винсловнаго отношенія, когда дѣйствіе приточнаго предложенія является причиною дѣйствія для главнаго пред-

ложенія. Однако, часто нельзя опредѣлить точной границы между обоими отношеніями причины и времени. Въ приведенномъ мѣстѣ преобладаетъ понятіе причины. См. Эдуарда Любберта: *Die Syntax von quom und die Entwicklung der relativen Tempora im älteren Latein*, стр. 181—185. Bresl. 1870.

V, 44, 10. „Illum = Pulionem. Эти слова искажены: arbitrantur (scil. Romani) нисколько не подходят къ этому краткому, живому описанію“. Нельзя отрицать, что данное мѣсто въ рукописяхъ искажено, но чтеніе въ приведенномъ видѣ, принятое почти всѣми издателями, представляетъ удобную и ясную мысль, заключаая причину къ предъидущему. Собственно говоря, мы не совсѣмъ понимаемъ, въ какомъ именно отношеніи комментаторъ считаетъ слова Цезаря „не подходящими къ краткому живому описанію“.

V, 48, 4. „Deligata. Въ этомъ глаголѣ предлогъ de совершенно утратилъ свое значеніе = colligare, слово, не употребляемое Цезаремъ“. Это примѣчаніе основывается, какъ намъ кажется, на томъ предположеніи комментатора, будто предлогъ de, для обозначенія мѣста, заключаетъ въ себѣ одно только значеніе „внизъ“; иначе мы не можемъ объяснить себѣ выраженнаго мнѣнія, будто глаголъ deligare утратилъ совершенно свой настоящій смыслъ и поставленъ вмѣсто alligare. Однако, предлогъ de (греч. *θεν*) не представляетъ такого тѣснаго, хотя болѣе употребительнаго значенія, какъ сейчасъ упомянутое; собственно онъ выражаетъ удаленіе, отправленіе отъ или изъ какого-нибудь предмета, что, очевидно, обнаруживается въ подобныхъ глаголахъ, какъ *decedere* (de provincia), *defendere* (bellum, injuriam), *demigrare*, *debellare*. Предлогъ de преимущественно принялъ болѣе тѣсное обозначеніе направленія внизъ, не теряя настоящаго своего обозначенія исходной точки; общее же понятіе отправленія отъ какого-нибудь предмета уступилъ предлогу ab. Въ приведенномъ глаголѣ предлогъ de еще сохранилъ свою первоначальную силу; намъ слѣдуетъ только поставить себя на точку зрѣнія Римлянина, который при подобныхъ глаголахъ имѣлъ въ виду не цѣль движенія, а начало его. *Epistolam deligare ad amentum* значитъ: „пустивъ изъ рукъ письмо завязать его въ ремень“. Подобнымъ же образомъ и въ другихъ глаголахъ, составленныхъ съ de, можно представить себѣ первоначальное обозначеніе удаленія, которое въ русскомъ переводѣ часто теряется изъ виду, напримѣръ, *debellare*, буквально „удалить войну“, то-есть, окончить войну; *delectare* (delicio) „веселить“, буквально — увлекать отъ другаго предмета и примакивать къ себѣ.

V, 49, 6. „Tantulis abl. absol. causae. II, 11: nullo certo ordine“. Кажется, что послѣдній примѣръ *nullo certo ordine*, приведенный для сравненія, лучше включить въ категорію *abl. modi*, какого рода обороты собраны у Кюнаста: *Livian. Synt. стр. 175 (via et ratione, magno tuo periculo и др.)*.

V, 52, 6. „Laetatio, чрезмѣрная радость, торжество; разница между *laetatio* и *laetitia*: временное и продолжительное состояніе. Gell. N. A. II, 27, говорить: *laetitia dicitur exsultatio quaedam animi gaudio efferventior eventu rerum expetitarum*“. Нашъ взглядъ на разницу приведенныхъ комментаторомъ синонимовъ другой. Отглагольныя существительныя на *tio* обозначаютъ понятіе глагола, отъ котораго они производятся, существительныя на *tia* произведены отъ прилагательныхъ. По этому можно сказать, что отглагольныя существительныя на *tio* (*nomina actionis*) выражаютъ преимущественно дѣйствіе, а существительныя, произведенныя отъ именъ прилагательныхъ (*substantiva denominativa*) обозначаютъ понятіе, заключающееся въ прилагательномъ. Слѣдовательно, *laetatio* значитъ „веселіе, ликование“, а *laetitia* — „веселость“. *Laetatio* приличествуетъ тому, кто веселится, *laetitia* тому, кто веселъ. Сравн. *accusatio*, *emendatio*, *sanatio*, *munitio*, *sortitio*,—*amicitia*, *avaritia*, *malitia*, *tristitia*. Приведенное мѣсто у Геллія представляетъ различіе между *laetitia* и *gaudium* (= радость) и вовсе не упоминаетъ о *laetatio*.

А. Гофманъ.

(Окончатѣ слѣдуетъ.)

СОДЕРЖАНІЕ
СТО СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1872 годъ 65 ✓

Высочайшія повелѣнія.

1. 11-го февраля 1874 года. О порядкѣ расходованія остаточныхъ суммъ въ начальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа 3
2. 11-го февраля 1874 года. О примѣненіи къ реальнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа устава и штатовъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія 4
3. 25-го февраля 1874 года. Объ учрежденіи училищъ въ г. Балаганскѣ, Иркутской губерніи 16
4. 25-го февраля 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи при Новгородскихъ мужской и женской гимназіяхъ 17
5. 25-го февраля 1874 года. Объ учрежденіи начальнаго народнаго училища въ с. Павшинѣ, Московскаго уѣзда 18
6. 25-го февраля 1874 года. Объ учрежденіи стипендіи и ежегодныхъ пособій въ Московскомъ университетѣ —

7. 25-го февраля 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при училищѣ Евангелическо-Лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ	19
8. 25-го февраля 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи штабсъ-капитана Баранцева	20
9. 25-го февраля 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Николаевскомъ реальномъ училищѣ	—
10. 25-го февраля 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Ливенскомъ реальномъ училищѣ	21
11. 25-го февраля 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Сызранскомъ реальномъ училищѣ	—
12. 25-го февраля 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Елатомской прогимназіи	22
13. 25-го февраля 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Николаевской Маріинской женской гимназіи	—
14. 25-го февраля 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Кременчугскомъ реальномъ училищѣ	23
15. 25-го февраля 1874 года. По вопросу о преимуществахъ по службѣ преподавателей и преподавательницъ приготовительныхъ классовъ женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	—
16. 18-го марта 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицѣѣ	24
17. 18-го марта 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Сызранскомъ реальномъ училищѣ	25
18. 18-го марта 1874 года. О наименованіи открытаго въ г. Вольскѣ втораго мужскаго приходскаго училища „Александровскимъ“	—
19. 18-го марта 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Херсонской учительской семинаріи	26
20. 18-го марта 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при С.-Петербургскомъ университетѣ	—
21. 18-го марта 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Оренбургской мужской гимназіи	27
22. 19-го марта 1874 года. Обь учрежденіи учительской семинаріи въ г. Несвижѣ, Минской губерніи, Слуцкаго уѣзда	28
23. 18-го марта 1874 года. Обь учрежденіи стипендіи при Костромской мужской гимназіи	113
24. 18-го марта 1874 года. О переводѣ стипендіи, учреж-	

денной при бывшемъ Виленскомъ Раввинскомъ училищѣ, въ Еврейскій учительскій институтъ	—
25. 7-го апрѣля 1874 года. О разрѣшеніи опредѣлять при Варшавскомъ институтѣ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ сверхштатныхъ должностныхъ лицъ.	114
26. 17-го апрѣля 1874 года. Высочайше утвержденный уставъ Лифляндской общественной гимназiи.	115

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

25-го февраля 1874 года (№ 3)	118
18-го марта 1874 года (№ 4)	119

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. 16-го февраля 1874 года. Уставъ ссудо-сберегательной кассы при Мозырской прогимназiи.	29
2. 23-го февраля 1874 года. Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ въ разъясненіе § 25 устава реальныхъ училищъ	32
3. 2-го марта 1874 года. Положеніе о стипендіи и единовременныхъ пособіяхъ подъ названіемъ: „Константино-Варваринскихъ	33
4. 16-го марта 1874 года. Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ	34
5. 23-го марта 1874 года. Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ	36
6. 2-го апрѣля 1874 года. Копія съ циркулярнаго предложенія г. министра народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ	38
7. 16-го февраля 1874 года. Уставъ Рижской городской гимназiи	121
8. 23-го февраля 1874 года. Положеніе о стипендіи при Симбирской губернской гимназiи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Ерѣмѣева	133
9. 2-го марта 1874 года. Положеніе о стипендіи при Николаевской Маріинской женской гимназiи имени Акилины Алексѣевны Евдокимовой	—
10. 9-го марта 1874 года. Положеніе о тринадцати стипендіяхъ для дѣвицъ изъ дворянъ Владимірской губерніи	135

11. 9-го марта 1874 года. Положеніе о стипендіи, учрежденной при Николаевскомъ реальномъ училищѣ, имени отставнаго полковника Федора Михайловича Евдокимова	136
12. 16-го марта 1874 года. Положеніе о стипендіяхъ имени Зарайскаго городского головы Афремова, учрежденныхъ при Зарайскомъ реальномъ училищѣ	137
13. 16-го марта 1874 года. Правила для испытанія студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института вообще и для полученія степени ветеринара и магистра ветеринарныхъ наукъ, равно какъ и званія ветеринарнаго фельдшера для воспитанниковъ фельдшерской школы	138
14. 14-го апрѣля 1874 года. Правила для студентовъ и вольныхъ слушателей специальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ	145
15. 14-го апрѣля 1874 года. Циркулярное предложеніе начальствамъ учебныхъ округовъ	148
16. 14-го апрѣля 1874 года. Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ	—
17. 20-го апрѣля 1874 года. Правила о стипендіи, учрежденной Ярославскимъ 1-й гильдіи купцомъ Толпениновымъ при Демидовскомъ юридическомъ лицѣ въ память сохраненія Божиимъ Промысломъ жизни Государя Императора 25-го мая 1867. года въ г. Парижѣ	149
18. 20-го апрѣля 1874 года. Положеніе о стипендіи при Симбирской мужской гимназій имени директора училищъ Симбирской губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича Вишнева	150
19. 4-го мая 1874 года. Циркулярное предложеніе начальникамъ учебныхъ округовъ	151
20. 4-го мая 1874 года. Циркулярное предложеніе попечителямъ учебныхъ округовъ	—
Правила для учениковъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	168
Правила о взисканіяхъ	180

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

23-го февраля 1874 года (№ 4)	152
9-го марта 1874 года (№ 5)	155

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

ОТРАН.

- О книгѣ: „Пространный еврейскій катехизисъ“. Составилъ *Б. А. Сегаль* 158
- О книгѣ Чуди: „Альпійскій міръ. Съ картою Швейцаріи и рисунками“. Переводъ *Л. и Н. Верховскихъ*. Изданіе редакціи журнала „Всемирный Путешественникъ“ —
- О книгахъ: а) „Чехія и Моравія“. Составилъ *Будиловичъ*. б) „Первыя Славянскія монархіи“. Составилъ *Успенскій*. в) „Гусъ“. Составилъ *Гильфердингъ* —
- О книгѣ: „Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ“. Лекціи, читанныя на педагогическихъ курсахъ Московской политехнической выставки въ 1872 году. *Н. Бунакова*. Изданіе редакціи журнала „Семья и Школа“ —
- О книгѣ: „Этнографическіе и біографическіе очерки изъ Всеобщей и Русской исторіи“. Курсъ исторіи для III и IV классовъ гимназій. Составилъ преподаватель Симбирской гимназій *И. Христофоровъ* 159
- О книгѣ: „Нѣмецкая граматика“. *А. фонъ-Роде*, преподавателя Варшавской первой гимназій. 4-е изданіе, исправленное и дополненное —
- О книгѣ: „Въ память Петра Великаго“. Сборникъ литературныхъ произведеній, относящихся къ Петру Первому. Изданный по поводу двухсотлѣтняго юбилея рожденія царя-преобразователя. Составилъ *Н. Тихоміровъ* —
- О книгѣ: „Евгеній, митрополитъ Кіевскій и Галицкій“. Составилъ *Г. Ивановскій*. —
- О книгѣ: „Образцы и наука черченія“, въ 3-хъ частяхъ по 15 таблицъ въ каждой. Составилъ *И. Ф. Пиварскій* —
- О книгѣ: „Различныя жизнеописанія Корнелія Непота“, видоизмѣненныя, исправленныя и дополненныя по лучшимъ источникамъ по Фельверу (*Christ. Cong. Völker*). Составилъ съ приобращеніемъ латинско-русскаго словаря *Л. Любимъ* —
- О книгѣ: „Матеріалы для этнографіи Россіи. Прибалтійскій край. XV, XVI, XVII. Приложенія: карта по племенамъ и исповѣданіямъ и три статистическія таблицы по племенамъ и исповѣданіямъ“ —

вѣданіямъ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерній“. Составилъ *А. Ф. Рюттигъ* 160

О книгѣ: „Великія явленія и очерки природы“. Географическая хрестоматія, составленная по сочиненіямъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ и путешественниковъ съ 15-ю рисунками. Второе, дополненное и исправленное изданіе *Е. Мухачевой* и *А. Суворимой* —

О составленныхъ *А. В. Добряковымъ*: а) „Учебный атласъ по древней исторіи съ рисунками памятниковъ искусства древнихъ народовъ и съ подробными историческими таблицами“; б) „Историческія таблицы, подробный историческій конспектъ“. Учебное пособие при повтореніи курса всеобщей и русской исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ I; и в) „Рисунки памятниковъ искусства древнихъ народовъ съ объяснительнымъ къ нимъ текстомъ“ —

О картѣ: „Звѣздное небо и его явленія“. Общедоступное изложеніе нѣкоторыхъ вступительныхъ понятій объ астрономіи (съ картою вмѣсто глобуса). Изданіе картографическаго заведенія *А. Ильина* —

О книгѣ: „Атмосфера“. Описаніе великихъ атмосферическихъ явленій природы на земномъ шарѣ. *Камилла Фламоріона*. Съ 37 рисунками. Изданіе редакціи журнала „Всемирный Путешественникъ“ —

О книгѣ: „Краткій учебникъ латинскаго языка“, составленный для употребленія въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и семинаріяхъ *В. Буславымъ*, преподавателемъ латинскаго языка въ Московской 1-й гимназіи. Курсъ первый 161

О книгѣ: „Ученіе о Гомеровскихъ формахъ“, по грамматикѣ профессора доктора *Дейшле*, составленной на основаніи краткаго обзорѣнія формъ гомеровскаго діалекта *Э. А. Виталда*. Изложилъ *К. Я. Бѣлицкій* —

О книгѣ: „Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій“, *А. Гана*, профессора физико-математическихъ наукъ. Перевели съ 15-го французскаго изданія *Ф. Павленковъ* и *В. Черкасовъ*, и „Краткій обзоръ популярной химіи съ приложеніями. Изданіе *В. Д. Черкасова* —

О книгѣ: „Химическая бесѣда“. Общедоступное изложеніе химическихъ свѣдѣній. Составилъ *М. Кононантиновичъ* —

**ОПРЕДЕЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

СТРАН.

- О книгѣ: „Курсъ гимнастики для деревенскихъ и сельскихъ школъ съ необходимыми совѣтами и указаніями для преподавателей, съ 105 полнотипажными въ текстѣ; приложенія: двѣ стѣнные таблицы полнотипажей. Составилъ инспекторъ гимнастики при С.-Петербургскомъ совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ *К. А. Шмидтъ* 162
- О брошюрахъ: „Русская азбука“. П. Ушакова. IX изданіе и „Какъ надо жить, чтобъ бѣду избѣгнуть“ —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Разговорныя и письменныя упражненія“. Руководство для учителей начальныхъ школъ и высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составлено по *Келлеру*. —
- О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Книжки для народа. № 57. Области Сибирскихъ и Оренбургскихъ Киргизовъ“ —
- О брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Книжка для школъ. № 59. Туркестанскій край“ —
- О чтеніяхъ въ Солянскомъ городкѣ: 1) „О теплѣ и воздухѣ“. Соч. *Н. П. Животовскаго*. 2) „О сохраненіи здоровья—одежда и чистоплотность“. Соч. д-ра *Ильинскаго*. 3) „О сохраненіи силы и здоровья—наши жилища“ —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Руководство къ обученію въ начальныхъ военныхъ школахъ“ Сост. *К. Абаза* и *М. Силаковъ*. Изд. Фену и К^о 163
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Общество распространенія Св. Писанія въ Россіи и его книгоноши“ —
- О изданной г. Блисеромъ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Русская азбука“. 10-е изданіе —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Раззореніе Іерусалима“. Изданіе восьмое. С.-Петербургъ, изданіе книгопродавца Блисера. —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Совмѣстное обученіе письму и чтенію по звуковой методѣ“. Составилъ *В. Гербачъ*. —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Какъ спасти и спастись отъ скоропостижныхъ смертныхъ случаевъ безъ помощи врачей и знахарей“. Соч. *Н. Гмискаго*. Изд. 3-е. —
- О книгѣ подъ заглавіемъ: „Бесѣды о наглядномъ обученіи и отчизновѣдѣніи, читанныя на учебно-педагогическомъ курсѣ при Московскомъ обществѣ вспомошествованія гувернанткамъ, домашнимъ учительницамъ и воспитательницамъ“. *Н. Маммина*. —

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Первая учебная книга церковно-славянскаго языка“. Второе дополненное и исправленное изда- ніе. Составилъ <i>С. О. Грушевскій</i>	164
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Дружескіе совѣты родителямъ о воспитаніи ихъ дѣтей“. Изданіе восьмое. С.-Петербургъ, изда- ніе книгопродавца Блимера.	—
Официальныя извѣщенія	—

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Судьба астрономіи въ Китаѣ. <i>К. Скачкова</i>	1
Казанскіи гимназій въ XVIII столѣтіи. <i>А. И. Артемьева</i>	32
Древне-русскіи отреченныя вѣрованія и календарь Брюса. <i>Ө. Керенскаго</i>	99
Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ. <i>М. Владимірскаго-Буданова</i>	136
Политическое устройство германской имперіи. <i>А. Градов- скаго</i>	158 и 264
Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи. <i>Ө. Леонтовича</i>	201
Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси. <i>Н. Ламбина</i>	225
Новости иностранной ученой литературы	300

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Техническія учебныя заведенія въ Европѣ. <i>А. М. Гезена</i>	1
Итальянскіе университеты. <i>А. Кистляковскаго</i>	65

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ и подобныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго про- свѣщенія въ 1873 году	1 и 103
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ за- веденій: а) низшія училища и б) высшія учебныя заведенія. 55 и 83	55 и 83
Письмо изъ Парижа. <i>Л. Д—ра</i>	70 и 133
Латинскій языкъ въ Саксонскихъ учительскихъ семинаріяхъ. 128	128

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

	СТРАН.
По поводу греческой историографіи. Э. Ю.	3
Элегія Альбія Тибулла. Н. Фоккова	15
De Phaëdri et Aviani Fabulis. Л. Миллера	20
О сатирахъ Д. Ю. Ювенала. С. Опацкого	53
Замѣтка о преподаваніи латинскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. П. Кильдюшевскаго	75
Значеніе и употребленіе желательнаго наклоненія греческаго глагола. I. Гобза.	81
Библиографія:	
Записки К. Юлія Цезаря о войнѣ въ Галліи. Книги V—VIII. Объяснилъ Ю. Фелькель. А. Гобмана	94

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу 1-й томъ изданія:

СОБРАНІЕ ТРАКТАТОВЪ И КОНВЕНЦІЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ РОССІЕЮ СЪ ИНОСТРАННЫМИ ДЕРЖАВАМИ.

Составилъ

по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

Ф. МАРТЕНСЪ,

Профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Томъ I.

ТРАКТАТЫ СЪ АВСТРІЕЮ

1648—1762 г.

Договоры и конвенціи, заключаемыя Россіею съ иностранными державами обнародываются, по мѣрѣ ихъ ратификаціи, въ собраніи узаконеній и правительственныхъ распоряженій, составляющемъ приложеніе къ С.-Петербургскимъ Сенатскимъ Вѣдомостямъ, и затѣмъ помѣщаются въ Полномъ собраніи законовъ.

При такомъ порядкѣ республикованія оказывается на практикѣ весьма затруднительнымъ отыскиваніе того или другаго международнаго акта.

Между тѣмъ, акты эти касаются самыхъ разнообразныхъ интересовъ не только собственно политическихъ, но и торговыхъ, промышленныхъ и финансовыхъ; безъ справокъ съ ихъ содержаніемъ, невозможно правильное разрѣшеніе весьма многихъ дѣлъ, производящихся въ судебныхъ и правительственныхъ установленіяхъ и къ такимъ же справкамъ приходится безпрестанно прибѣгать частнымъ лицамъ.

Поэтому можно думать, что изданіе поднаго собранія всѣхъ трактатовъ и конвенцій, въ которыхъ участвовала Россія, удовлетворитъ дѣйствительной потребности правительственныхъ и судебныхъ установленій и частныхъ лицъ.

Доказательствомъ этой потребности можетъ служить примѣръ Австріи, Англии, Пруссіи, Франціи, Бельгій, Испаніи и Италіи, гдѣ подобныя изданія давно уже существуютъ.

У насъ еще въ 1779 г., по повелѣнію императрицы Екатерины II, коллегія иностранныхъ дѣлъ поручала историографу Миллеру, завѣдывавшему тогда Московскимъ ея архивомъ, „чтобы онъ для Россійской исторіи старался учинить собраніе всѣхъ Россійскихъ древнихъ и новыхъ публичныхъ трактатовъ, конвенцій и прочихъ подобныхъ тому актовъ, по примѣру Дюмонова Дипломатическаго Корпуса“. Въ 1783 г. послѣдовалъ даже указъ объ учрежденіи при архивѣ особой типографіи для печатанія этого изданія. Но Миллеръ вскорѣ умеръ и какъ указъ, такъ и самая мысль о напечатаніи собранія международныхъ актовъ остались неисполненными.

Въ послѣднее время министерство иностранныхъ дѣлъ, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, поручило профессору Мартенсу собрать и издать въ свѣтъ всѣ хранящіяся въ архивахъ министерства международные акты, заключенные Россією съ иностранными державами послѣ Вестфальскаго мира (1648 г.), почти совпавшаго по времени съ изданіемъ Уложенія царя Алексія Михайловича (1649 г.), которымъ начинается полное собраніе законовъ Россійской имперіи.

Первые томы изданія будутъ посвящены трактатамъ и конвенціямъ, заключеннымъ Россією съ Австрією; въ слѣдующихъ будутъ напечатаны договоры съ Англією, Пруссією, Францією и Турцією, а въ послѣднихъ—договоры съ остальными государствами въ алфавитномъ порядкѣ государствъ.

Каждому международному акту будетъ предшествовать краткое историческое введеніе на русскомъ языкѣ, съ переводомъ на французскій, объясняющее совершенно объективно фактическія обстоятель-

ства, при которыхъ актъ былъ заключенъ и дипломатическіе переговоры, вызвавшіе его заключеніе.

Собраніе печатается въ восьмую долю листа большаго формата въ двухъ столбцахъ: въ лѣвомъ помѣщается подлинный текстъ международнаго акта, а въ правомъ — современный русскій его переводъ.

Полное изданіе составитъ отъ 12 до 15 томовъ, а объемъ каждаго тома—отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ.

Нынѣ вышелъ изъ печати первый томъ собранія, содержащій всѣ международные акты, заключенные Россіею съ Священною Римскою Имперіею, начиная со второй половины XVII вѣка и кончая царствованіемъ императора Петра III, то-есть, 1762 годомъ.

Въ теченіе нынѣшняго 1874 и будущаго 1875 гг. выйдутъ еще три тома собранія.

Каждый томъ отдѣльно будетъ продаваться по три рубля.

Для доставленія казеннымъ управленіямъ возможности приобрѣтать изданіе по уменьшенной цѣнѣ, министерство иностранныхъ дѣлъ открыло подписку, по которой означенныя управленія могутъ получать первые четыре тома собранія за девять рублей.

Требованія слѣдуетъ адресовать въ Департаментъ личнаго состава и хозяйственныхъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ; деньги по 9 руб. за экземпляръ вносятся при подпискѣ.

Вышедшій 1-й томъ собранія будетъ высланъ подписчикамъ вслѣдъ за полученіемъ требованій, вмѣстѣ съ квитанціею въ приѣмъ подписныхъ денегъ; слѣдующіе же три тома будутъ рассылаемы немедленно, по отпечатаніи каждаго изъ нихъ.

САТИ
ИЪТЕ
В
ачен
Е
блио
иски
V.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

сатирѣхъ Д. Ю. Ювенала. III. (Окончаніе.) С. Опацкаго.

нѣтка о преподаваніи латинскаго языка
въ нашихъ гимназіяхъ. П. Бильдюшевскаго.

аченіе и употребленіе желательнаго на-
клоненія греческаго глагола І. Говзы.

Бліографія:

иски К. Юлія Цезаря о войнѣ въ Галліи. Кн.
V—VIII. Объяснилъ Ю. Фелькель. А. Гофмана.

Редакторъ **Н. Осоргинъ**.

(Вышла 1-го июня).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич. и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того желающіе могутъ приобрести въ редакціи журналъ Министерства за прежніе годы, платя за полный экземпляръ (12 книжекъ), начиная съ 1869 года, шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала съ 1862 года — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.
